

*Российская академия наук
Научный совет РАН по комплексной проблеме «История Российской академии наук»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Архив Российской академии наук*

Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия

**Материалы
Международной научной конференции
Москва, Архив РАН, 4-7 июня 2013 г.**

УДК 930.25(470)(082)
ББК 79.33я43
Ф94

Утверждено к печати Ученым Советом Архива РАН 24 октября 2013 г.

Ответственный редактор – к.и.н. В.Ю. Афиани
Ответственный составитель – к.и.н. И.Н. Ильина

Рецензенты:
член-корр. РАН Е.И. Пивовар
д.и.н. С.С. Илизаров

Ф94 Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия: Материалы Международной научной конференции/ Отв. ред. В.Ю. Афиани; М.: Архив РАН, 2013 г. 559 с.

В сборник включены тексты докладов участников Международной научной конференции «Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия», прошедшей в Москве 4-7 июня 2013 г. Они посвящены широкому кругу фундаментальных и прикладных проблем истории Российской академии наук и академических архивных учреждений, современной российской и международной архивной практики, сохранения документального наследия и его научного освоения.

Тексты докладов и выступлений публикуются в авторской редакции.

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Президиума Российской академии наук и Научного совета РАН
по комплексной проблеме «История Российской академии наук».

Содержание

Организационный и программный комитет	9
Предисловие.....	10
Пленарные доклады	
<i>В.П. Козлов</i> Архивный фонд РАН с позиций современного архивоведения	15
<i>В.Ю. Афиани</i> В.И. Вернадский как историк науки(К 150-летию со дня рождения).....	19
<i>Н.Е. Каленов, А.Н. Сотников, И.Н. Ильина</i> Архивная информация в электронной библиотеке «Научное наследие России».....	25
<i>И.В. Тункина</i> Экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (1909–1910, 1914–1915) в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.....	36
Часть 1. Сохранение документального научного наследия	
<i>Д. Атанасова, Г. Вапцарова-Йончева, Д. Илиева</i> Инновационные технологии сохранения культурно-исторического наследия в Научном архиве и Центральной библиотеке Болгарской академии наук	45
<i>Л.Д. Бондарь, М.В. Поникаровская</i> Российско-белорусские научные связи в 1920–1930-е гг.: электронные коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива РАН	51
<i>Ц.П. Ванчикова</i> Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН: из опыта дигитализации историко-культурного наследия Бурятии	57
<i>Ц.П. Ванчикова, Ю.Ж. Жабон, О.С. Ринчинов</i> Опыт научного описания медицинской коллекции тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.....	64
<i>Г. Вапцарова-Йончева, Д. Илиева</i> Историко-культурное наследие Научного архива Болгарской академии наук и его европейское измерение	71
<i>М.А. Волчкова</i> Реставрация и исследования столбца-свитка «Соборного уложения 1649 г.»	75
<i>В.Н. Денисов</i> Оформление метаанных фольклорных коллекций в звуковых архивах: из опыта совместных проектов с Британской библиотекой.....	81
<i>А.В. Дерябина</i> Особенности комплектования научной документацией фондов архива Уральского отделения РАН.....	87
<i>М.Б. Дмитриева</i> Применение сублимационной камеры для спасения архивных документов после аварийного увлажнения	91

<i>В.Н. Загребаева</i>	
Центральный фондовый каталог к Архивному фонду РАН: практикум прикладного архивоведения	96
<i>Г.З. Залаев</i>	
Некоторые аспекты применения информационных технологий в практике работы федеральных архивов.....	104
<i>О.С. Иванова</i>	
Фонды личного происхождения белорусских историков: проблемы сохранения и использования	109
<i>И.Н. Ильина</i>	
Немецкий трофейный архив в Московском отделении Архива АН СССР	113
<i>П.Е. Кандыба</i>	
Изучение возможности использования ионно-обменных сорбентов для очистки бумаги от ионов железа	118
<i>О. Кантес-Чепалюк</i>	
Смена парадигм архивного поиска в процессе проработки истории науки во время нацистской диктатуры	121
<i>М.Ю. Киселев</i>	
Создание базы данных «Электронные описи Архива РАН»	128
<i>М.В. Ковалев</i>	
Личный фонд А. В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования.....	131
<i>Н.Н. Колотилова</i>	
Научные судьбы российских ученых во Франции: совместный поиск материалов в Архиве Института Пастера и в Архиве РАН	139
<i>Н.П. Копанева</i>	
Г.А. Князев и Комиссия по истории Академии наук	144
<i>О.Н. Косенко</i>	
Деятельность Представительства Академии наук СССР в Германии по пополнению архивов учреждений АН СССР германскими архивными материалами, 1945–1949 гг.....	150
<i>Е.В. Косырева</i>	
Личные фонды ученых в Архиве РАН	156
<i>Т.А. Кузьменко</i>	
Формирование Архивного фонда РАН: состояние, тенденции, проблемы	160
<i>С.А. Лиманова</i>	
Празднование 250-летия Архива АН СССР.....	164
<i>Н.В. Литвина</i>	
Формирование, описание и использование поливидовой коллекции полевых материалов Архива РАН.....	167
<i>Е.И. Макарова</i>	
Архивные документы Кольского научного центра РАН и их место в социальной истории: 55 лет Научному архиву КНЦ РАН	171
<i>Ю.А. Новикова</i>	
Применение ИС АРАН для создания электронного каталога по фондам Научного архива Карельского научного центра РАН как составной части общеакадемического информационного ресурса	181

<i>К.Е. Новохатский</i>	
Реконструкция эпистолярного наследия В.И. Вернадского: украинский сегмент	186
<i>Н.М. Осипова</i>	
Формирование академического архива как научного учреждения Академии наук (1917–1941 гг.)	190
<i>Н.Л. Петрова</i>	
Исследование портретов «Царского Титулярника»	196
<i>Г.Э. Прополянис</i>	
Состав Архива А.М. Горького как источник развития горьковедения	200
<i>О.А. Роянова, И.М. Умарова</i>	
Организация архивного дела в Институте археологии РАН за период 1945–2012 гг.	206
<i>Г.А. Савина</i>	
Интеграционные возможности Информационной системы «Архивы РАН» (ИС АРАН) в создании корпоративного электронного ресурса ретроспективной и текущей информации	212
<i>О.В. Сичева</i>	
Система архивных подразделений в Национальной академии наук Украины	219
<i>Н.В. Слепкова</i>	
Архивные документы в выставочной деятельности Зоологического музея Зоологического института РАН	224
<i>И.Г. Тараканова</i>	
Читальный зал в системе научно-информационной деятельности архива РАН (г. Москва)	229
<i>С.В. Тиханович</i>	
Опыт работы Российского государственного архива научно-технической документации по комплектованию документами Архивного фонда Российской Федерации	236
<i>Е.П. Тихонова</i>	
Организация архивного дела в Зоологическом институте РАН	241
<i>Н.В. Токарев</i>	
Фонды Архива РАН как источник для изучения биографий учёных Национальной академии наук Беларуси	246
<i>М.Ф. Шумейко</i>	
Неудавшаяся попытка интеграции бывшего Виленского исторического архива в Исторический архив Белорусской академии наук (октябрь 1939–1941 г.)	250
<i>Ю.В. Щепанская</i>	
Учреждения — источники комплектования Архива РАН: итоги и перспективы	261
 Часть 2. Изучение документального научного наследия	
<i>Т.Д. Александрова</i>	
История географии XX в. в архивах РАН	269
<i>И. Арванити</i>	274
Кароль Богданович — открыватель и исследователь природных богатств в России и Польше, геолог, горный инженер, путешественник. По материалам его наследия в Архиве Польской академии Наук	274

<i>М.В. Аюшеева</i>	
Материалы комплексных экспедиций БИОН как источник по истории культуры народов Южной Сибири	281
<i>Е.Ю. Басаргина</i>	
Изобразительный материал в труде Д.Г. Мессершмидта «Sibiria perlustrata».....	286
<i>А.А. Безгодов</i>	
Опыт государственной регистрации общества староверов-поморцев в Верхокамье в начале XX в.	292
<i>С.В. Березницкий</i>	
Документы Российского государственного архива древних актов и Санкт-Петербургского филиала архива РАН о Нерчинской экспедиции 1753–1765 гг.	295
<i>О.В. Богомазова</i>	
Наследие историка: практики сохранения личного архива В.О. Ключевского.....	300
<i>Л.Д. Бондарь, К.Г. Шишкина</i>	
Научные связи Академии наук СССР и Белорусской академии наук в довоенный период в протоколах АН СССР из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (изучение документального наследия при реконструкции хроники событий).....	306
<i>Е.А. Борисова, Т.М. Павлова</i>	
Архив академика В.И. Вернадского и история развития Минералогического музея Российской академии наук	312
<i>А.А. Бровина</i>	
Фонды личного происхождения исследователей Европейского Севера России.....	319
<i>Ю.В. Булгаков</i>	
Ученые-члены АН СССР в кругу общения советского математика М.Г. Крейна (по материалам личной переписки ученого)	323
<i>В.Г. Бухерт</i>	
«Весь ход развития культурной революции перехлестнул нашу Коммунистическую академию». К истории подготовки ликвидации Коммунистической академии при ЦИК СССР. 1934 г.....	329
<i>С.А. Еремеева</i>	
Память о памяти: публикация дневников В.И. Вернадского В.П. Волковым	336
<i>М.А. Ермолаева</i>	
Материалы по истории книги и книжной культуры XVIII столетия (по фондам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН)	342
<i>Т.А. Картвелишвили</i>	
Сохранение и научная разработка культурного наследия народов Европейского Севера России (праздничная культура саамов Кольского Севера).....	348
<i>В.П. Корзун</i>	
Жены ученых и творение «мест памяти» (об особенностях складывания личных фондов А.С. и И.А. Лаппо-Данилевских)	352
<i>Х. Краевска</i>	
Деятельность Сибирской комиссии и сибирские материалы в фондах Архива РАН	357
<i>О.А. Красникова</i>	
Картографическое наследие Полярной комиссии Академии наук	360

<i>Т.Г. Краснова</i>	
Национальная политика и межнациональные отношения в России. XX в. Обзор материалов Архива РАН	374
<i>Т.Н. Лаптева</i>	
Переписка протоиерея Георгия Флоровского в Архиве РАН	381
<i>Е.М. Лупанова</i>	
Коллекции Музеума Вольного экономического общества в документах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург).....	387
<i>М.А. Мамонтова</i>	
Личный фонд С.И. Вавилова как ценный источник по истории популяризации научных знаний	393
<i>С.Е. Матлина</i>	
Архив искусствоведа М.И. Фабриканта в фондах Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова	396
<i>Д.К. Михаленок</i>	
К истории Карадагской научной станции им.Т.И. Вяземского (по материалам Архива Российской академии наук)	403
<i>Д.Д. Новгородова</i>	
Концепция научной коллекции в каталогах Минерального кабинета Кунсткамеры XVIII в.....	410
<i>В.П. Петров, Е.И. Макарова, А.Д. Токарев</i>	
Из опыта подготовки изданий по истории освоения Баренцева Евро-Арктического региона в XX в.....	417
<i>Л.Н. Приль</i>	
Региональные архивы и музеи: место в системе современных институтов памяти	423
<i>Л.П. Рощевская</i>	
Документы эпохи: деловые дневники советских ученых	426
<i>Н.П. Рыбкина, В.Г. Ильинская</i>	
К вопросу о создании музея Академии наук	430
<i>В.В. Рыжковский</i>	
В поисках англо-саксонского феодализма: А.Я. Гуревич и московские медиевисты от позднего сталинизма до ранней «оттепели»	435
<i>А.В. Самарин</i>	
Предыстория создания академических учреждений на Европейском Севере России (XVIII—XX вв.)	441
<i>О.В. Селиванова</i>	
Из переписки академика В.П. Бузескула с профессором И.Н. Бороздиным.....	450
<i>Г.И. Смагина</i>	
Документы Комиссии по истории знаний в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН	456
<i>Г. Смалюкене</i>	
Литовский переплет первой половины XIX в. и методы его идентификации.....	460
<i>Е.С. Соболева</i>	
Архивное документальное наследие как источник по истории международного сотрудничества этнографических музеев в начале XX в.....	468

<i>И.П. Тикунова</i>	Регистрация книжных памятников — важный шаг в сохранении документального наследия.....	476
<i>В.В. Тихонов</i>	Документы Архива РАН как источник по истории Института истории АН СССР в 1936—1968 гг.....	481
<i>Н.К. Ткачева</i>	Отечественная историография XX столетия о Петре Великом как вдохновителе и «primus Motor» преобразований в России в XVIII в.	486
<i>К.В. Федосеева</i>	Переписка С.И. Архангельского с Д.М. Петрушевским.....	495
<i>О.Н. Филиппова</i>	Художник-любитель, как явление, характерное для среды научной интеллигенции конца XIX — начала XX в. (на примере творчества Д.Н. Ушакова, А.Н. Северцова, Е.А. Косминского, С.Д. Сказкина), по материалам документального наследия ученых, хранящегося в Архиве РАН и Главархиве Москвы.....	501
<i>Т.П. Филиппова, Э.Г. Чупрова</i>	Документальные источники по истории развития исторических исследований в Коми филиале АН СССР.....	507
<i>М.Ф. Хартанович</i>	Материалы к проекту «Летопись Кунсткамеры» (1714—1836 гг.).....	513
<i>О.В. Шабалина</i>	Материалы фондов Музея-Архива ЦГП КНИЦ РАН как источники по истории становления и развития фундаментальной науки в Баренцевом Евро-Арктическом регионе.....	517
<i>В.С. Шишкин</i>	Архивы РАН — ценнейший источник данных о деятельности отечественных ученых-натуралистов XVIII—XIX вв.....	523
<i>И.М. Щедрова</i>	Введение в научный оборот изобразительных материалов Русской полярной экспедиции Э.В. Толля (1900—1903 гг.).....	526
<i>Т.И. Юсупова</i>	История российско-монгольского научного сотрудничества по материалам Архива РАН.....	532

Организационный и программный комитет

Председатель комитета – Рыжов Юрий Алексеевич, академик, председатель Научного совета РАН «История мировой культуры»,

Заместитель председателя – Афиани Виталий Юрьевич, к.и.н. директор Архива РАН,

Ответственный секретарь – Ильина Ирина Николаевна, к.и.н., заместитель директора Архива РАН

Члены комитета:

Артизов Андрей Николаевич, д. и. н., Руководитель Федерального архивного агентства
Батурин Юрий Михайлович, член-корр. РАН, директор Института истории науки и техники им. С.И. Вавилова РАН

Васильев Владимир Иванович, член-корр. РАН, директор НИЦ «Наука», председатель Научного совета РАН «История Российской академии наук»

Козлов Владимир Петрович, член-корр. РАН, председатель Архивного совета РАН

Мясников Владимир Степанович, академик РАН

Тишков Валерий Александрович, академик РАН, академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН

Тункина Ирина Владимировна, д.и.н., директор СПФ Архива РАН

Шмидт Сигурд Оттович, академик РАО, почетный председатель Археографической комиссии РАН

Предисловие

17 января 2013 года исполнилось 285 лет Архиву Российской академии наук.

Знаменательная дата была отмечена организацией двух научных мероприятий — Миллеровских чтений в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (апрель 2013 г.) и Международной научной конференцией «Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия» в Москве (июнь 2013 г.).

Международная научная конференция явилась логическим продолжением начатого в 2008 г. обсуждения актуальных проблем архивной академической практики и вызвала интерес архивистов, ученых-историков, преподавателей. Заявки на участие в конференции поступили от исследователей из России (из учреждений Москвы, Бурятского, Кольского, Карельского, Коми, Санкт-Петербургского научных центров РАН, Сибирского и Уральского отделений РАН, из вузов Екатеринбурга, Н. Новгорода, Омска, Рязани, Саратова, Томска, Твери, Челябинска) и от коллег из зарубежных стран (Белоруссии, Болгарии, Германии, Литвы, Нидерландов, Польши, США, Украины).

Всего в течение четырех дней работы конференции было заслушано свыше 100 докладов, распределенных по 8 секциям:

1. *История академического Архива и архивных учреждений РАН.*
2. *Формирование Архивного фонда РАН.*
3. *Научное наследие ученых в контексте развития фундаментальной науки.*
4. *Документальные фонды научных учреждений в контексте истории фундаментальной науки.*
5. *Музейные фонды и их значение для истории науки.*
6. *Актуальные вопросы реставрации документов.*
7. *Научный архив в современном мире.*
8. *Международная архивная практика освоения документального научного наследия.*

Кроме того, в рамках конференции был дан мастер-класс «Опыт Архива РАН в применении информационно-коммуникационных технологий в архивной практике», привлечший внимание академических архивистов. В дни конференции к 285-летию Архива РАН была подготовлена выставка «Медали и значки в собрании Архива РАН».

Конференция открылась приветственным выступлением академика-секретаря Отделения историко-филологических наук академика Тишкова Валерия Александровича:

«Дорогие коллеги и друзья! От имени Отделения историко-филологических наук Российской академии наук и от своего собственного имени рад приветствовать вас на открытии Международной научной конференции «Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия», проходящей в рамках празднования 285-летия Архива РАН.

Академический Архив — это достояние национальной и мировой науки и культуры, старейшее архивное учреждение страны, которое хранит и собирает документальные

научные фонды учреждений Российской академии наук, выдающихся ученых страны. Эти уникальные материалы охватывают практически все научные дисциплины и отрасли знания, что позволяет отечественным и зарубежным специалистам проводить фундаментальные исследования в широкой сфере истории науки и культуры.

Коллектив сотрудников Архива РАН составляют специалисты высокой квалификации в области архивного дела — комплектования, научного описания, хранения, использования и реставрации документов. Они оказывают большую методическую и практическую помощь научно-исследовательским институтам РАН в подготовке к передаче документации на постоянное государственное хранение. Осуществляя одну из приоритетных задач Академии наук — популяризацию отечественной науки и культуры, сотрудники Архива РАН ведут многоплановую издательскую работу, организуют ставшие знаменитыми документальные и художественные выставки.

Сохраняя традиционные базовые принципы работы, Архив РАН сегодня активно внедряет в свою работу новые информационные архивные технологии, объединяет архивные учреждения Академии наук в корпоративном архивном информационном ресурсе. Два веб-сайта Архива РАН, созданные на основе его собственных программных разработок, предоставляют пользователям возможность удаленного доступа к документной информации. Архив РАН — постоянный участник проектов научных программ фундаментальных исследований Президиума РАН и Отделения историко-филологических наук, целевых программ Президиума РАН.

Архив Академии наук — современное, динамично развивающееся научное учреждение. Вторая за последние пять лет Международная научная конференция, организованная Архивом РАН, привлекла внимание огромного числа ученых — историков науки и искусства, знатоков книжного и музейного дела, академических архивистов и сотрудников федеральных архивов, всех, для кого архивный документ является объектом профессиональных занятий и источником нового знания. С докладами и сообщениями в пленарном заседании и восьми секциях конференции выступают более 130 российских исследователей и их зарубежные коллеги, что служит наглядным подтверждением значимости и актуальности академического архивного дела, сохранения и изучения документального научного наследия.

Желаю участникам конференции плодотворной работы и новых творческих достижений!»

С приветствием к участникам конференции также обратился заместитель руководителя Федерального архивного агентства Владимир Петрович Тарасов:

«Уважаемые участники конференции! Позвольте мне приветствовать Вас от имени Федерального архивного агентства, как федерального органа исполнительной власти в области архивного дела. Мы рассматриваем архивы РАН как составную часть архивной системы страны, а документальное наследие академических архивов как важнейшую составляющую Архивного фонда Российской Федерации.

Архивы РАН работают в соответствии с единой с государственными и муниципальными архивами нормативной правовой базой, т.е. они руководствуются ФЗ «Об архивном деле в РФ», «Правилами работы архивов». У нас нет отношений административной подчиненности, но нас объединяет тесное сотрудничество по всем направлениям архивной деятельности. Конечно, прежде всего это относится к использованию архивных документов. Совместные выставочные проекты, публикации архивных документов — обычная практика наших взаимоотношений. Вместе с тем

невозможно себе представить, скажем, работу по реставрации документов федеральных архивов без участия сотрудников Архива РАН, имеющих высшую профессиональную квалификацию реставраторов.

Государственные, муниципальные архивы и архивы РАН образуют единую систему, они как сообщающиеся сосуды. Даже если посмотреть на кадровый состав работников, то легко убедиться в этом. Многие сотрудники Архива РАН, начиная с директора, ранее работали в государственных архивах. Поэтому обмен опытом работы чрезвычайно важен для дальнейшего совершенствования различных направлений деятельности наших архивов. Такой обмен опытом у нас происходит регулярно в рамках самых разных мероприятий, для участия в которых в обязательном порядке приглашаются архивисты РАН.

В этом плане даже нынешняя конференция является подтверждением сказанного — среди выступающих на ней немало работников государственных архивов.

Хочу пожелать всем Вам успешного проведения конференции и выразить уверенность, что заявленная тема «Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия» будет раскрыта в выступлениях в полной мере. Залогом этому являются состав участников конференции и ее международный характер».

Финансовую поддержку Архиву РАН в подготовке и проведении Международной научной конференции оказали Президиум Российской академии наук и Научный совет РАН по комплексной проблеме «История Российской академии наук».

Настоящий сборник материалов Международной научной конференции «Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия» подготовлен на основе пленарных и секционных докладов, сделанных в ходе работы конференции. Издание содержит раздел пленарных докладов и два тематических раздела секционных докладов («Сохранение документального научного наследия» и «Изучение документального научного наследия»), объединяющих выступления в соответствии с основной проблематикой конференции. Все тексты публикуются в авторской редакции.

Архив Российской академии наук выражает свою искреннюю признательность всем учреждениям и исследователям, сделавшим возможным проведение Международной научной конференции и принявшим в ней активное участие.

Пленарные доклады

Архивный фонд РАН с позиций современного архивоведения

Согласно первому закону архивоведения, открытому В.Н. Автократовым, любая общественная структура непременно документирует свою деятельность, что приводит к созданию ее архива. Возникновение архива, таким образом, является объективным следствием деятельности этой общественной структуры. Однако со временем непременным условием существования самой такой структуры становится наличие и использование ее архива. Его пополнение есть не что иное, как показатель жизнедеятельности этой структуры. Ее ликвидация означает прекращение комплектования архива этой структуры, но не означает ликвидации ее архива. Архив становится некомплектующимся, превращаясь в часть документальной памяти страны.

В истории нашей страны, да и любой другой страны, прекращение функционирования какой-либо общественной структуры или их системы были связаны с тремя факторами. Во-первых, это катаклизмы, приводившие к ликвидации государственности целых народов вообще или на определенный исторический срок. Во-вторых, это смена общественно-политического строя революционным или мирным путем. В третьих, это всеобъемлющие и системные административные и экономические реформы, изменявшие функционирование государственного механизма и социально-экономические институты.

За тысячелетнюю историю России первый фактор хотя и угрожал иногда утратой ее государственности, однако никогда не реализовывал своих потенциальных возможностей. Пиком такой угрозы стала Смута начала XVII в. — не случайно среди польских трофеев, вывезенных из России, оказалась опись государственного архива Московского царства середины XVI в. В результате документальная память нашей страны сохранилась с разной, но все же определяемой степенью полноты.

Второй фактор проявлял себя дважды: в 1917—1924 гг. и в 1991—1993 гг. В первом случае ликвидация государственных и иных структур императорской России привела к созданию на основе их архивов исторических, т.е. некомплектующихся архивов, например, Российского государственного исторического архива, или комплектующихся архивов с некомплектующимися архивными фондами. То был символ расставания с прежней государственностью России. Во втором случае ликвидация советских государственных структур и учреждений КПСС способствовала возникновению либо некомплектующихся архивов бывшей КПСС, либо огромного количества прекративших пополнение фондов в комплектующихся архивах страны. И в том, и в другом случаях вновь удалось с не очень понятной степенью полноты сохранить документальную память России.

Третий фактор — системные административные реформы — на протяжении XVIII — начала XXI в. выразился в нескольких крупных преобразованиях, отразившихся на российских архивах. Ликвидация приказов и создание коллегиальной системы управления при Петре I сделали историческими приказные архивы, которые в конце концов составили основу МАМЮ, а затем РГАДА. Ликвидация коллегий и

внедрение министерской системы управления привели к созданию исторических ведомственных архивов, которые вместе с текущими архивами императорских министерств после 1917 г. стали основой нынешнего РГИА. Многочисленные системные и не системные административные реформы в годы советской власти привели к созданию нескольких новых крупных архивов. Для темы доклада важно отметить, что одним из таких архивов стал РГАЭ, создававшийся прежде всего для хранения документов советских министерств, места которых заняли на короткое время совнархозы. Административные реформы 1990-х — 2004 гг. не носили системного характера, скорее были хаотичными, а потому на системе архивов фактически никак не отразились.

Обратим внимание на одно принципиальное обстоятельство. Если рассматривать РАН как единую институцию, то мы откроем для себя и других, что с момента своего создания она остается в нашей стране единственной старейшей структурой, которую не смогли ликвидировать ни катаклизмы, ни системные административные реформы. Есть еще два исключения — это армия и флот, если только допустимо такое их институциональное сравнение. Если не допустимо такое сравнение, то признаем, что РАН — единственная в нашей стране старейшая институция, на существование которой даже в годы катаклизмов и системных реформ никто не посмел покушаться. Если же допустимо это сравнение, то оно лишний раз подчеркнет ее значение для страны, ибо даже самый лихой реформатор не посмеет заявить о ликвидации армии и флота.

Феномен РАН породил и феномен архивоведческий. РАН как руководящая структура академической науки остается в нашей стране единственным фондообразователем, чей архивный фонд, как и архивные фонды ее президентов, пополняются вплоть до наших дней.

Но сегодняшний Архив РАН концентрирует не только архивные документы высшей управляющей структуры РАН, но и сотни фондов, создаваемых другими учреждениями и организациями Академии. Это значительная часть того, что не совсем удачно называется Архивным фондом РАН или документальная историческая память РАН, которая обладает рядом свойств.

Первое ее свойство — это свойство **непрерывности**. Оно означает, что документы АФ РАН зафиксировали зарождение, развитие и результаты важнейших научных разработок в нашей стране на протяжении более чем 250 лет, создание различных научных школ и их трансформации.

Второе свойство — это **непосредственность фиксации** происшедшего как в самой академической науке, так и в изучаемых ею объектах. Она вытекает из главного функционального предназначения документа как оперативного регулятора событий, явлений и процессов современности, как средства и способа вмешательства в них человека и установления результатов такого вмешательства. Если первое важно само по себе для изучения истории самой академической науки, то второе представляет собой не утрачивающий познавательный эмпирический интерес документальный массив данных о состоянии различных объектов, наблюдающихся уже в течение более 250 лет, начиная от земных условий бытия человечества и кончая космосом. Ничего подобного по своей хронологической протяженности нет ни в одном архиве или отраслевом архивном фонде страны.

Третье свойство документальной исторической памяти РАН — свойство **воспоминательности**. Я имею в виду огромное количество переписки ученых, их дневников и воспоминаний, находящихся в Архивном фонде РАН. Они не просто дополняют информацию официальных документов РАН о развитии отечественной науки. Они примечательны личными взглядами ученых на развитие науки и на окружа-

шую их действительность. Подчеркнем, что речь идет о взглядах особой категории людей — ученых, а не, например, деятелей культуры или политиков.

Четвертое свойство документальной исторической памяти РАН связано с ее **системностью**. Это означает, что она состоит не из отдельных сегментов, ячеек, фрагментов, никак не связанных друг с другом, а представляет собой всегда разные, большие и малые, совокупности документов прошлого, естественно в процессе своего оперативного бытования как регуляторов современности связанных друг с другом, а также документов, в разное время разумно скомпонованных на базе того или иного научного учреждения РАН. Архивное дело, архивный фонд, рукописные собрания определенного профиля институтов РАН есть не что иное, как отражение системности документальной памяти не только о развитии науки, но и об изучавшихся ею объектах. И это свойство документальной памяти, пожалуй, после свойства непосредственной фиксации, является ее самой выдающейся особенностью. Прошлое здесь оформлено естественным образом — так, как организовывалась жизнь через ее документированную упорядоченность.

Документальная память РАН, вернее, ее часть, находится в неактивированном состоянии, связанном с ограничением доступа к некоторым ее документам. Это объективное явление, носящее вневременной и интернациональный характер. Однако оно существенно сужает документальную историческую память и даже приводит к ее искажению и деформации в каждый момент ее востребованности. Поэтому активация этой части документальной памяти также должна быть явлением объективным и своевременным.

Большая часть документальной памяти РАН всегда находится в **свернутом**, т.е. в невостребованном состоянии, в ожидании своей актуализации в документальных публикациях, исторических исследованиях, других формах ее развертывания. Они преобразуют с разной степенью успеха документальную историческую память в историческое знание. Свернутость документальной исторической памяти — это нормальное ее состояние. Однако ее актуализация зависит не только от внешней востребованности, она связана с обязательными операциями по ее упорядочению и созданию возможностей для ее поиска, обеспечивающих публичность, т.е. общедоступность и равнодоступность документальной исторической памяти, а значит, и ее актуализацию.

Документальная историческая память РАН является важнейшим источником ее формирования, развертывания и развития научно-исследовательской разработки. Однако в документальных публикациях она приобретает **свойство непосредственного воздействия на ее пользователя**. В этом случае она может выступать предметом занимательного, поучительного чтения и научно-исследовательского интереса без участия историка-провайдера. Многочисленные документальные публикации Архива РАН призваны удовлетворить научные запросы исследователей не только истории академической науки, но и отечественной и мировой истории вообще.

Документальная память — главный объект деятельности архивов во все времена и в любой стране. Их материальная и интеллектуальная защищенность, включая обеспечение специалистами по работе с документами, означает и защиту документальной памяти от разного вида угроз: экономических и политических кризисов, войн, военных конфликтов, природных катаклизмов, техногенных катастроф. Именно при наличии этих угроз и их срабатывании архивы оказываются наименее защищенными, как показывает многовековая история архивов разных стран мира. В результате разрушается неприкосновенность документальной памяти.

Обеспечение неприкосновенности документальной памяти через комплектование и обеспечение сохранности архивных документов входит в число трех важнейших

функций архивов. Свойство неприкосновенности документальной исторической памяти имеет глубокий философский и познавательный смысл. С одной стороны, оно означает вечное сохранение документальных свидетельств о бытии на Земле человека, народа, государства, несмотря на случающиеся катастрофы. Поэтому разрушение неприкосновенности документальной памяти означает их повторную смерть или гибель, теперь уже окончательные. С другой стороны, свойство неприкосновенности документальной памяти является, во-первых, гарантией ее аутентичности и точности использования, а во-вторых, оно обеспечивает в будущем ее новые и бесконечные по вариативности осмысления.

Опасность утраты свойства неприкосновенности части документальной памяти РАН сегодня очевидна как никогда ранее, особенно на фоне позитивных перемен по предотвращению такой опасности в других ведомствах страны, которым архивным законом предоставлено право постоянного хранения документов. Заинтересованность руководства Академии в сохранении документальной памяти РАН и должна обеспечивать ее гарантированную защиту.

В.И. Вернадский как историк науки (К 150-летию со дня рождения)

Среди многочисленных научных проблем, которыми занимался В.И. Вернадский, особняком стоит история науки и Академии наук. Может показаться несколько странным, что гений, основывавший новые научные дисциплины, научные организации, обратил внимание на кажущийся сравнительно скромным предмет — историю науки. По-видимому, так полагали и исследователи творчества В.И. Вернадского, поскольку только в 1980-х гг. стала переиздаваться эта часть его научного наследия¹ и появились первые серьезные исследования. Но это не странно, так как ученый понимал историю науки значительно шире, чем это обычно принято.

Вообще нужно сказать, что собственно История интересовала ученого с ранних лет, и ей посвящена фактически первая научная работа Вернадского, которую он начал, но не закончил еще в гимназии — «Угорская Русь с 1848 года».

Первая и значительная работа по истории науки вышла в 1900 г., это была большая статья, посвященная М.В. Ломоносову². «Ломоносовиана», по свидетельству ученого, увлекла его «сильно и надолго». К 200-летию Ломоносова, которое широко праздновалось в России в 1911 г., Вернадский написал серию статей о Ломоносове. И это не были «дежурные», юбилейные статьи, ученый внес много нового в осмысление вклада Ломоносова в науку, отметив, что «ряд идей М.В. Ломоносова ближе, яснее и понятнее в начале XX в., чем они были в середине века прошлого», назвав его «провозвестником нашего века в области наук и мертвой природе»³. Ученый даже начал работу над научной биографией Ломоносова.

Занимаясь «ломоносовианой», Вернадский неизбежно должен был задуматься и о начальной истории Академии наук в России. Избранный в марте 1906 г. по предложению академиков А.П. Карпинского и Ф.Н. Чернышева в состав Императорской Академии наук, Вернадский, возможно по поручению Академии, опубликовал небольшую статью «Академия наук в 1906 году», название которой не вполне соответствует содержанию. Значительная ее часть посвящена истории Академии. И начинается она со слов: «Русское общество очень мало знакомо с деятельностью своего старейшего ученого учреждения. Академия наук быстро приближается к 200-летнему существованию, и в эти долгие годы своей жизни она сыграла крупную роль в истории научной мысли и русского просвещения. Жизнь ставит теперь перед ней новые задачи, быстро изменяет характер и формы ее деятельности». Но цель Академии — «расширение границ научного познания» — сохраняется и спустя два столетия. Современные задачи Академии Вернадский видел в создании международной научной организации, но подчеркивал, что на этом пути ученые «должны встретить сочувствие и материальную поддержку современных государств, ибо конечная цель и результаты научной работы совпадают с той целью, какую ставит современное культурное государство, — гуманитарной целью общего блага, блага униженных и обездоленных»⁴. Если в определении целей государства великий гуманист ошибся, то слова о том, что русское общество мало знает о деятельности Академии наук, и сейчас звучат вполне актуально. Отчасти и по вине самой Академии.

Мысли заняться историей науки посещали Вернадского еще в 1893 г. В письме жене он делился своими планами: «Меня все больше занимает мысль — серьезно — посвятить свои силы работе над историей развития науки. И хочется и колется: чувствую для этого недостаток образования, малые силы своего ума по сравнению со стоящей задачей. На много лет такая работа, так как много лет надо самому к ней готовиться»⁵. И даже: «У меня выясняется все больше и больше план истории развития человеческого знания. Написать его надо много лет — можно бы, казалось, потратить на это всю жизнь».

Так и получилось.

И уже на склоне лет, в 1943 г., оглядывая пройденный путь, он опять констатирует: «История науки, особенно, русской и славянской, и философия меня глубоко заинтересовали»⁶. И Вернадский начал серьезно готовиться к этой работе, о чем свидетельствуют многочисленные подготовительные материалы, сохранившиеся в его фонде в Архиве РАН, которые он тщательно собирал в России и за границей.

Чем же так привлекала ученого эта тема?

Изучение прошлого науки он считал не просто удовлетворением интереса к прошлому, или сферой только исторического познания. Для него это важнейший инструмент научного исследования, формулирования задач для дальнейшего развития. Особенность подхода Вернадского заключалась в том, что его интересовала не только и, может быть, не столько история науки, сколько возможность проникнуть глубже: «Меня интересует не одна прагматическая сторона, хотя важно связное изложение самого хода развития науки, согласно новейшим данным. Ничего подобного нет в литературе. Меня привлекает мысль о возможности некоторых обобщений в этой области и о возможности этим историческим путем глубже проникнуть в понимание основ нашего мировоззрения, чем это достигается путем ли философского анализа или другими отвлеченными способами... Историческое изучение научного творчества есть сейчас необходимейшее орудие нашего проникновения в новые огромные открывающиеся области научных достижений»⁷.

Не только огромная фигура гениального ученого Ломоносова, но и становление отечественной науки в XVIII столетии вскоре привлекли внимание Вернадского. В апреле 1912 г. ученый прочитал в Петербургском университете курс из шести лекций. Он писал своему ученику А.Е. Ферсману 25 апреля 1912 г.: «Совершенно завален работой: начал лекции по истории естествознания в России XVIII в., а они у меня не были написаны и материал не весь прочитан и собран. Читал и написал 4 лекции. В пятницу читаю две последние. Тема расширилась, и я доехал до Елизаветы I»⁸. Здесь же он сообщал, что хотел бы осенью прочитать тот же курс в Университете им. А.Л. Шанявского в Москве, очевидно, в расширенном виде (8—10 лекций). 4 мая 1912 г. он написал другому ученику Я.В. Самойлову: «...Мои лекции кончились благополучно. Думаю были трудны. Я закончил их только 1740-ми годами, началом их. Много любопытного, и я хочу их во всяком случае отделать и сейчас отделяю. Следующие главы, которые обдумываю, — история математической работы в России и опытных наук — физики и химии. Мне хочется взять в связи с попытками мысли в этом направлении в допетровской Руси и работой в областях присоединенных и в то же время, в связи с мировым движением в этих областях знания. Выйдет целая книга о XVIII в.»⁹.

Нужно заметить, что замысел Вернадского имеет переключку с обобщающим трудом А.С. Лаппо-Данилевского, его «главной книгой» — «Историей политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики», посвященной анализу российского общественного сознания XVIII в. и влиянию западноевропейской культуры. Этот замысел возник у Лаппо-Данилевского даже несколько раньше, в начале 1890-х гг.

Переработанный курс лекций Вернадского, охватывающий период до 1740-х гг., получил название «Очерков по истории естественнонаучной мысли в России в XVIII столетии», состоящих из шести глав. Вводная глава была вскоре опубликована в журнале «Русская мысль» (1914. № 1)¹⁰. Как и Лаппо-Данилевский, Вернадский продолжал работать над этой темой, внося изменения и дополнения в печатном оттиске. Задуманная им вторая глава до сих пор не найдена. Как писал ученый, «должно быть, пропала среди бурных событий времени»¹¹. В рукописи сохранились главы с третьей по шестую включительно. Они были опубликованы только в 1988 г. Эти очерки поражают своей насыщенностью фактическим материалом, знанием многих деталей прошлого.

В дореволюционный период, помимо работ о Ломоносове, ученый опубликовал статьи: «Прогресс науки и народные массы» (1903), «Очерки по истории кристаллографии» в книге «Основы кристаллографии» (1903), «Кант и естествознание» (1904), «Из истории идей» (1912). В дальнейшем Вернадский в разной форме затрагивал вопросы истории науки, деятельности отдельных выдающихся ученых: К.М. фон Бэра, своего учителя В.В. Докучаева, П.К. Алексата, П.А. Земятченского, А.П. Карпинского, Н.И. Кошкарлова и А.В. Гадолина, А.Н. Краснова, А.П. Павлова, Ф.Н. Чернышева, Н.М. Сибирцева и других. Часто это были некрологи, но каждый из них содержал глубокие оценки деятельности ученых, мысли об истории науки.

Перед революцией в течение трех лет Вернадский активно занимался изучением истории Академии наук. Толчком к этой работе послужило решение Академии наук отметить 25-летие пребывания на посту президента Академии вел. кн. Константина Константиновича Романова, много сделавшего для ее развития, изданием «Материалов для истории Академии наук в 1889—1914 гг.» в трех томах. Помимо биографических очерков академиков, статей по истории академических учреждений, в «Материалы» должен был войти очерк по истории Академии этого периода. На Общем собрании Академии наук работа была логично поручена В.И. Вернадскому. Очерк задумывался фундаментальным, он должен был составить первый том издания. Его изданию помешали не только революции и Гражданская война, но и то обстоятельство, что В.И. Вернадский значительно расширил свою задачу. Он задумал написать всю историю Академии за два столетия. В январе 1915 г. ученый сообщал Я.В. Самойлову: «Сейчас много работаю, но не очень удачно. В последнее время сижу над историческим очерком Академии за 1889—1914 гг., но взял вопрос раньше и [больше] — очерк ее истории 1724—1824 гг. как введение к моей главной статье. Переживаю весь ход истории мысли в России. Много любопытного...»¹². Таким образом, работа должна была состоять из нескольких очерков. Очерк «Академия наук в первое столетие своей истории» был закончен в основном к 1915 г. В отчете за этот год говорилось, что он передан в печать¹³, что подтверждается корректурой 1916 г. Но, возможно, чем-то очерк не вполне удовлетворял автора, о чем свидетельствует тот факт, что корректуру Вернадский забрал с собой, уезжая после Октябрьского переворота 1917 г. на Украину. Материал и был найден в Отделе рукописей Центральной научной библиотеки АН УССР.

Второй очерк должен был охватить историю Академии наук с 1824 г. до конца 1880-х гг. Черновик его также сохранился на Украине. По-видимому, ученый продолжал работать над материалом. Оба очерка нашли дорогу к читателю только в 1988 г. Значительная часть работы до сих пор не найдена¹⁴. Неизвестно, закончил ли ее автор, или нет, так как сохранившаяся часть оборвана на присоединении Российской академии к Академии наук в 1841 г. Специалисты утверждают, что рукопись не выявлена ни в одном хранилище Советского Союза¹⁵.

Возникновение отечественных научных исследований Вернадский связывал «с мировым научным движением», с одной стороны, а с другой, с внутренними процессами в России. Он подчеркивал значение Академии как особого социального института, целостного организма, связанного с государством и обществом России. Ученый стремился выявить и проанализировать принципы научной исследовательской работы, связанной с Академией наук, — сравнительно новой для своего времени формы организации научного творчества, «коллективной научной работы»: самостоятельность в творческой работе, критический анализ фактов и явлений. Вернадский стремился выявить закономерности развития науки (и, в частности, Академии наук), для того, чтобы найти ответы на проблемы современного ее развития. Из этого исторического опыта, традиций, нередко исходил и сам Вернадский в своих предложениях и проектах реформирования Академии, создания новых научных учреждений и т.п.

Революции, Гражданская война, скитания, и захватившие ученого идеи «живого вещества», биосферы и ноосферы, не позволили ему продолжить работу над обобщающими трудами по истории науки. Понимая, что одному человеку не охватить огромный материк, Вернадский предпринимает усилия для организации таких исследований. В мае 1921 г. он выступил на Общем собрании Российской академии наук с обоснованием необходимости организации исследований по истории науки, философии и техники, подчеркивая их значение для науки и культуры. Предложил создать при Академии наук постоянную Комиссию по истории научных знаний (КИЗ). Он говорил: «в России отсутствует какая бы то ни было организация, которая бы содействовала изучению истории научной и философской мысли и научного творчества...», в тоже время «отсутствие правильного познания прошлого, внесенного в мировую культуру тем или иным народом, далеко не безразлично и для правильного его самосознания, и для силы и интенсивности, даже направления его текущего культурного творчества»¹⁶. Созданная по его инициативе Комиссия занималась, с одной стороны, собиранием, изучением и публикацией научного наследия крупнейших ученых, выставками, с другой, — изучением истории Академии наук и ее учреждений. Вернадский и стал бессменным ее председателем.

Идея ученого оказалась плодотворной: в 1932 г. на базе Комиссии возник Институт истории науки и техники. И хотя за прошедшие десятилетия так и не была написана общая история науки и даже история Академии наук, Институт много сделал для проникновения в прошлое науки и научного мировоззрения.

В литературе встречаются утверждения, что после 1917 г. «характер работы Вернадского в области истории науки, в том числе отечественной изменился. Если раньше он был историографом науки, то с 1920-х годов начинает выступать главным образом организатором исторического изучения научной мысли»¹⁷. Но это не совсем справедливо. В те же годы, когда Вернадский создавал КИЗ, он готовил труд «Вопрос об изучении естественных производительных сил в России с XVIII в.», но не завершил его. В 1926 г. написал глубокую статью об академике К.М. фон Бэре. Кроме того, им были написаны: «Мысли о современном значении истории знаний» (1927), «Работы по истории знаний» (1927). Нельзя забывать о том, что в эти годы он начал работу над одной из самых знаменитых своих работ «Научная мысль как планетное явление» (1938), основанной на огромном фактическом материале и ставшей результатом изучения роли науки в обществе, в истории человечества.

Одной из первых инициатив КИЗ была подготовка сборника «Русская наука», начатая в январе 1917 г. Организатором издания был А.С. Лаппо-Данилевский. Из 68 намеченных очерков редакции удалось получить от авторов только примерно

треть. Работа над сборником прерывалась смертью Лаппо-Данилевского и отъездом Вернадского в 1922 г. в длительную командировку, что дало повод Общему собранию Академии в 1924 г. закрыть КИЗ, возобновленную только после возвращения Вернадского и его стараниями.

Хотя первоначальный состав авторов и статей изменился, в 1927 г., несколько запоздав к юбилею Академии, но в ознаменование более значимого для того времени 10-летия Октябрьской революции, сборник статей был издан, и включал статью Вернадского «Работы по истории знаний». В ней ученый писал: «...Мысль, в формах академической жизни, по сути вещей, направляется на искание в прошлом корней нового достижения, новой проблемы, связывает идущую в кругу академии работу со всей прошлой деятельностью человечества в той же области. Ибо только при этом условии возможно понять новое: в старине всегда новизна слышится»¹⁸. Здесь же приводится несколько замечаний о сущности академий и специфике форм их деятельности, подчеркиваются академические традиции: «Академия наук подходила в своей научной работе к вопросам истории знаний уже в первые десятилетия своего существования».

Изучение истории Академии и истории знаний Вернадский связывает с сохранением и изучением документальных источников, с работой Архива Академии наук. Эти его замечания настолько глубоки и актуальны, что я приведу большую цитату из этой статьи, чтобы вы могли в этом убедиться.

Говоря о том, что создание Академии наук в Санкт-Петербурге «было одним из очень крупных событий в истории европейской мысли», Вернадский отмечал: «историческая значимость ее создания сознавалась как современниками вне России, во внегосударственной “Республике наук”, еще тогда очень сильной, так и в среде самой Санкт-Петербургской Академии наук. Это выразилось в заботе о сохранении материалов для ее истории; в этом отношении наша Академия находится в лучшем положении, чем ее более старые прообразы — Парижская Королевская Академия наук и даже Королевское общество наук в Лондоне. Трудом и усилиями первых академиков, среди которых выдвигаются в этом смысле фигуры Г.Ф. Миллера (1705—1783) и отчасти Ж.-Н. Делиля (1688—1768), сохранены драгоценнейшие материалы для истории Академии, помимо все время тщательно собиравшегося ею самой научного архива. Научный ее архив собирался и сохранился не случайно. Ничто не делается само собою, без воли, мысли и труда хотя бы безымянных деятелей, и не случайно в нашем распоряжении оказался в XX в. такой драгоценный для истории науки архив, каким является архив Академии наук. С 1725 г. его организация была сознательной заботой академических деятелей на протяжении поколений. И хотя он не раз подвергался опасности распыления, он быстро вновь приводился в живое состояние. Не только сразу создавался и сохранялся архив, но и вся текущая жизнь Академии тщательно учитывалась в ученой печати в первые же ее десятилетия...

Ученый характер Архива Конференции Академии наук был признан и ясно сказано в его организации только в XX в., когда непременным секретарем Академии был избран академик С.Ф. Ольденбург. В 1922 г. Архив получил современное устройство, был переименован в Архив Академии наук, и его задача окончательно определилась как «хранение рукописных и печатных материалов по истории Академии и русской науки».

Недостаток средств, а отчасти и помещения, не позволял Архиву развить эту деятельность в тех размерах, какие требует суть дела. Сейчас он перешел в новое помещение, и одна из причин медленного проявления его работы таким путем кажется устраненной.

Работа нашего Архива, как всякого научно правильно поставленного архива, должна заключаться, с одной стороны, в научном издании хранящихся в нем памятников, а с другой стороны, в научной работе, основанной на этих памятниках.

Архив Академии должен работать в двух направлениях — в области истории Академии и в области истории русской науки.

Он должен работать сам и должен помогать в той же работе всем желающим. Помощь, оказываемая им научной работе, была широко поставлена во все эти годы. Работа же его как целого выражена слабо.

Работа Архива может или возникать в его среде, или исходить из Академии. Для самостоятельной работы он не имел и не имеет нужной организации. Но он оказывал все время помощь работе, вызванной заданиями Академии наук.

Академия несколько раз подходила к большим предприятиям, требовавшим помощи архива. К сожалению, они ни разу не были доведены до конца».

Далее Вернадский называет проекты, оставшиеся нереализованными. Среди них главный, нереализованный и до настоящего времени, начатый еще академиком П.П. Пекарским. Он отмечал и проект издания протоколов Академии наук, начатый по инициативе президента Академии Д.А. Толстого и академика М.И. Сухомлинова, но также не доведенный до логического конца. Называет он и проект составления «общего словаря» академиков, научное издание которого называет «очередной задачей», что должно дать «огромный первостепенный, частью неизвестный, частью рассеянный материал для истории науки в нашей стране». «Словарь», как известно, издан, и не раз, но далеко не на таких принципах, как он виделся Вернадскому. Называл он и подготовку исторических очерков по истории науки в России, и «полные и снабженные научным историко-критическим комментарием издания сочинений крупнейших ученых и писателей».

Мысли и труды В.И. Вернадского по истории Академии наук (да и Архива) и сейчас для нас остаются образцом методологического подхода к такой работе и могут пригодиться в планах подготовки исследований и публикаций к 300-летию Академии наук.

¹ *Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки М., 1981; *Он же.* Труды по истории науки в России. М., 1988; *Он же.* Труды по всеобщей истории науки М., 1988.

² *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М., 1988. С. 13–45.

³ Там же. С. 55–56.

⁴ Там же. С. 204.

⁵ В.И. Вернадский. Письма Н.Е. Вернадской. 1893–1900. М., 1994. С. 52.

⁶ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. М., 1981. С. 136.

⁷ *Вернадский В.И.* Избранные труды по истории науки. С. 294.

⁸ Письма В.И. Вернадского к А.Е. Ферсману. М., 1985. С. 45–46.

⁹ Страницы автобиографии В.И. Вернадского. С. 254.

¹⁰ Позднее она была перепечатана в сборнике статей: *Вернадский В.И.* Очерки и речи. Вып. II. Пг., 1922.

¹¹ Там же. С. 40.

¹² Архив РАН. Ф. 518. Оп.3. Д. 1999. Л. 26. См. также: *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. С. 406.

¹³ Отчет о деятельности Императорской Академии наук за 1915 г. Пг., 1916. С. 22.

¹⁴ *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. С. 406.

¹⁵ Там же. С. 407.

¹⁶ Цит. по: В.И. Вернадский и Комиссия по истории знаний. К 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского. М.; СПб., 2013. С. 13.

¹⁷ *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. С. 9.

¹⁸ *Вернадский В.И.* Труды по истории науки. М., 2002. С. 387–392.

*Н.Е. Каленов (БЕН РАН)
А.Н. Сотников (МСЦ РАН)
И.Н. Ильина (Архив РАН)*

Архивная информация в электронной библиотеке «Научное наследие России»

Электронная библиотека «Научное наследие России» (ЭБ ННР) создается в рамках целевой научной программы РАН. Основной целью ее создания является предоставление через Интернет в свободном режиме информации о выдающихся российских ученых, внесших вклад в развитие фундаментальных естественных и гуманитарных наук, с возможностью ознакомления с полными текстами опубликованных ими наиболее значительных работ и связанными с ними архивными и музейными материалами¹.

Разработчиками технологии и программного обеспечения создания и поддержки ЭБ ННР являются Межведомственный суперкомпьютерный центр РАН, Вычислительный центр РАН и Библиотека по естественным наукам (БЕН) РАН. Наполнение ЭБ осуществляют более 20 организаций, большинство из которых представляют РАН. Библиографическую информацию и отсканированные издания для ННР поставляют, в основном, центральные академические библиотеки (БАН, БЕН, ИНИОН, ЦНБ УрО РАН), используя как собственные фонды, так и фонды своих отделений в академических институтах. Архивную информацию подготавливает для загрузки в ЭБ ННР Архив РАН (Москва).

В основу наполнения ЭБ положен принцип скоординированной децентрализованной подготовки информации в сочетании с централизованной поддержкой хранилища данных и единой точкой входа для пользователей.

Система формирования и поддержки ЭБ ННР включает три блока — блок метаданных (с которым через интернет-браузеры взаимодействуют авторизованные участники проекта), блок редактирования, обработки и загрузки информации (с ним работает редакционная группа), блок поиска и визуализации информации (с ним работают пользователи). Последний блок представлен в свободном доступе в Интернет по адресу <http://e-heritage.ru/>; он позволяет осуществлять в ЭБ атрибутивный и тематический поиск.

Блок метаданных обеспечивает поддержку (ввод, редактирование, поиск элементов) технологической базы данных, содержащей структурированную информацию об ученых, их публикациях и организациях. Информация об ученых содержит 11 элементов данных (не считая ссылок на публикации и организации, связанные с учеными), в том числе развернутую биографию.

Копия экрана, отражающего информацию об историке М.А. Дьяконове, представлена на рис. 1.

Среди сведений об ученых отдельным полем представлена архивная информация. Следует особенно подчеркнуть, что архивное описание документов существенно отличается от библиографического и музейного большим объемом элементов описания и гораздо более сложной структурой данных. Международный общий стандарт архивного описания — ISAD(G), который внедрен в отечественную практику архивного дела, позволяет оперировать понятиями уровней описания, которых четы-

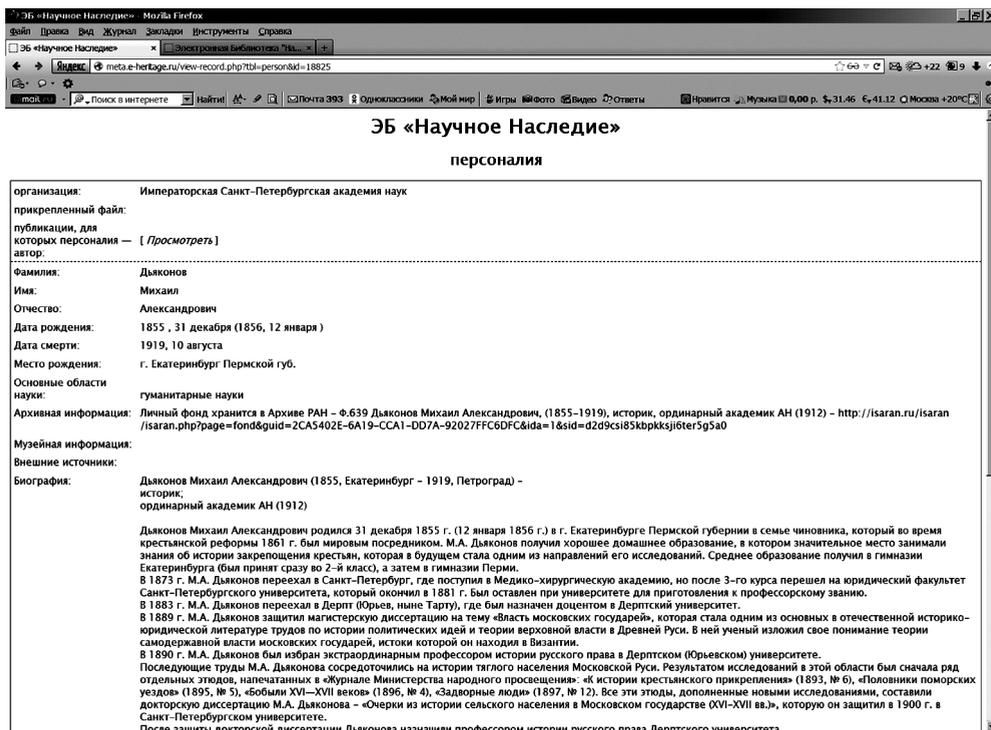

Рис. 1

ре (фонд — опись — дело — документ), и которые могут быть представлены только во взаимосвязи. Но еще большее значение в деле интеграции информационных ресурсов, основанных на архивных материалах, имеет стандарт по созданию архивных авторитетных записей для организаций, лиц и семей — ISAAR(CPF). Им вводится понятие авторитетных (нормативных) записей, которые представляют собой описание таких объектов, как организация, персона или семья (в терминологии российского архивоведения — реальный или потенциальный фондообразователь), связанных процессом создания и сохранения архивных документов. Такие записи используются для отражения связей с другими записями, созданными другими информационными ресурсами для обмена контекстной информацией об источнике, и служат точками входа в информационные массивы, представленные в Интернет. Изначально программное обеспечение и система поддержки ЭБ ННП не учитывали специфики архивного описания, поэтому база данных ЭБ имела единственное поле «Архивная информация». В это поле сотрудники архивов вводят сведения об имеющихся архивных материалах, связанных с данным ученым, и дают ссылки на те материалы, которые представлены в Интернете.

Например, архивная информация, относящаяся к А.А. Байкову, представлена в поле «Архивная информация» в следующем виде:

Личный фонд хранится в Архиве РАН — Ф. 614 Байков Александр Александрович, (1870—1946), химик, специалист в области металлургии, академик АН СССР (1932), вице-президент АН СССР (1942—1945) — <http://isaran.ru/isaran/isaran.php?page=fond&guid=89CAD0F2-BEFE-4755-5F4A-1F63130A337F&ida=1&sid=3kjqr609t0losf6b35esqcc3n7> Виртуальная документальная выставка на сайте Ар-

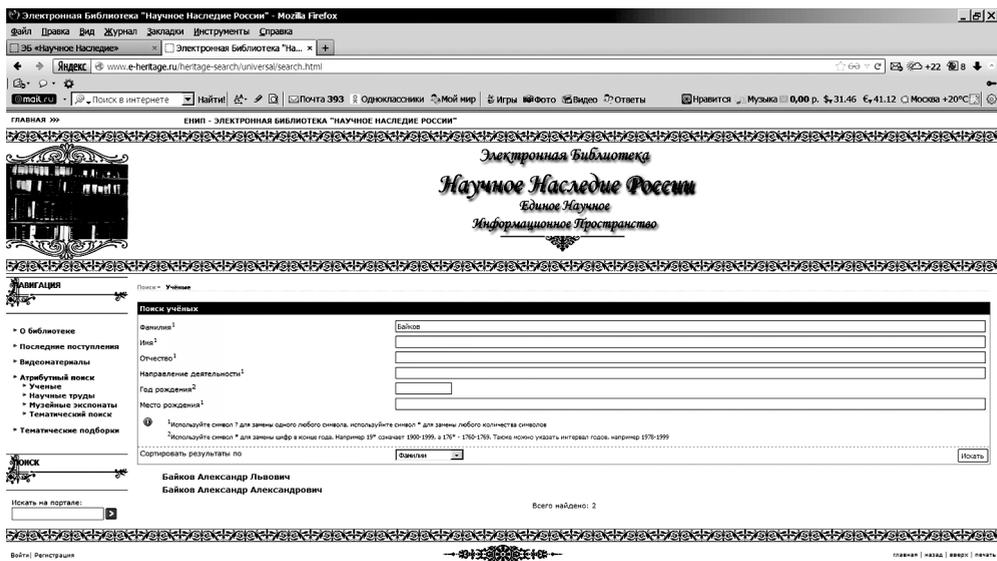

Рис. 2

хива РАН – Выдающиеся химики – юбиляры 2010 года: академики Н.С. Курнаков и А.А. Байков – <http://www.arran.ru/?q=ru/exposition9>

Пользовательский интерфейс поискового блока ЭБ ННР представлен на рис. 2.

В разделе «Атрибутный поиск» пользователь имеет возможность искать: ученых – по фамилии, имени, отчеству, году рождения, месту рождения; научные труды – по элементам названия, виду (выбирается из списка), языку (выбирается из списка), автору, году издания; музейные предметы – по названию. В любом несписковом поле допускается правое усечение, в ряде полей – левое. При обращении к тематическому поиску пользователю предлагается выбрать интересующую его рубрику Государственного рубрикатора научно-технической информации.

Результат поиска по фамилии представляет собой активные ссылки на данные об ученых, имеющих заданную фамилию. В случае, представленном на рис. 2., это 2 персоны.

Переход по ссылке «Байков Александр Александрович» выдает пользователю страницу с краткой информацией (рис. 3) и активными ссылками на биографию ученого, его публикации и архивную информацию.

В представленном примере переход по ссылке «архивная информация» выводит на экран вышеприведенные сведения, введенные в блок метаданных, а переход по каждой из двух представленных активных ссылок переводит пользователя на страницы сайтов, где размещена исходная информация. Так, в первом случае – на сайт «Информационная система – Архивы РАН» (ИС АРАН) – <http://isaran.ru>, на страницу с описанием документального фонда А.А. Байкова (рис. 4); во втором – на сайт «Архивы Российской академии наук» – <http://www.arran.ru> в раздел «Выставки», где представлена виртуальная документальная выставка «Выдающиеся химики – юбиляры 2010 года: академики Н.С. Курнаков и А.А. Байков» (рис. 5)

Архив РАН с 2008 г. принимает участие в академическом проекте: Электронная библиотека «Научное наследие России». За пять лет своего участия Архив подготовил информационные материалы о более чем 300 персоналиях – российских ученых, документальные фонды которых хранятся в Архиве РАН. Подготовленный

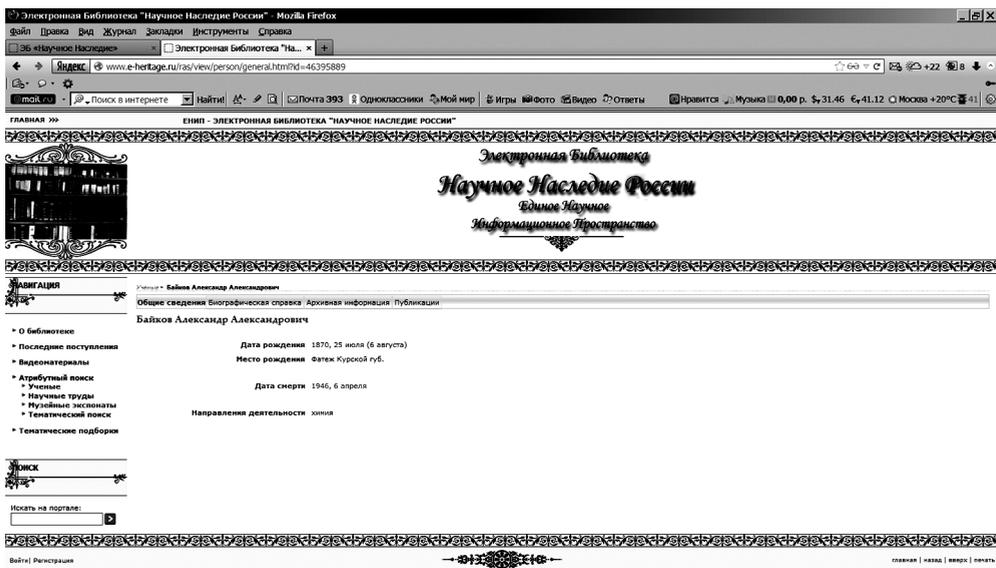

Рис. 3

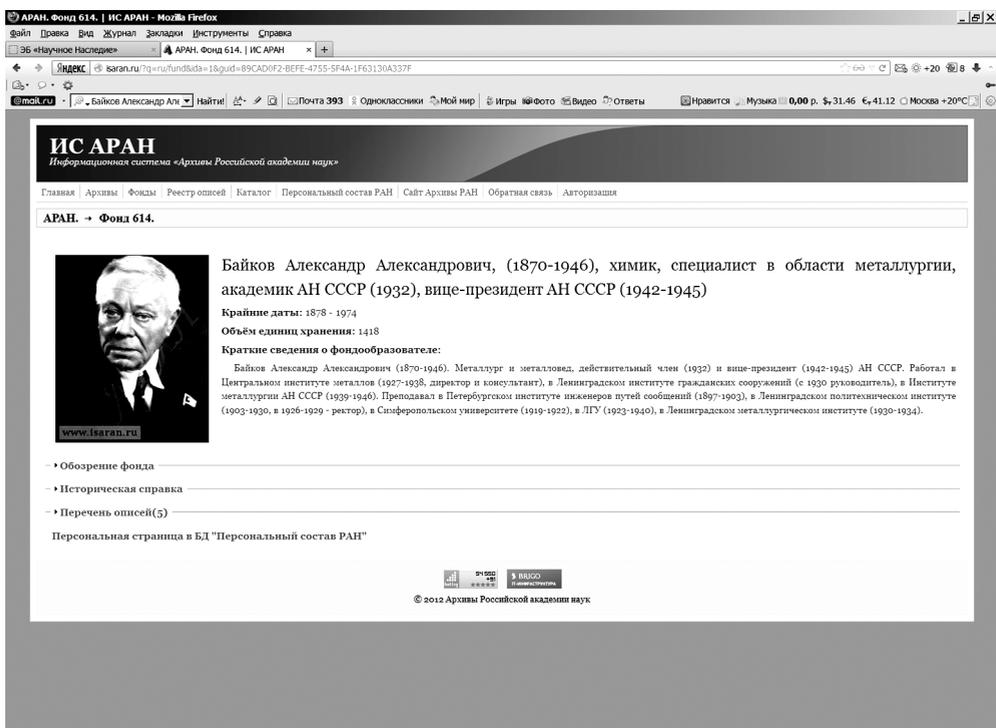

Рис. 4

информационный ресурс подключен в технологическую базу ЭБ ННР и в контенты БД «Учет и каталог» и «Персональный состав РАН» ИС АРАН (и доступен в сети Интернет на сайте <http://isaran.ru> на странице Архива РАН – <http://isaran.ru/?q=ru/archive&ida=1>).

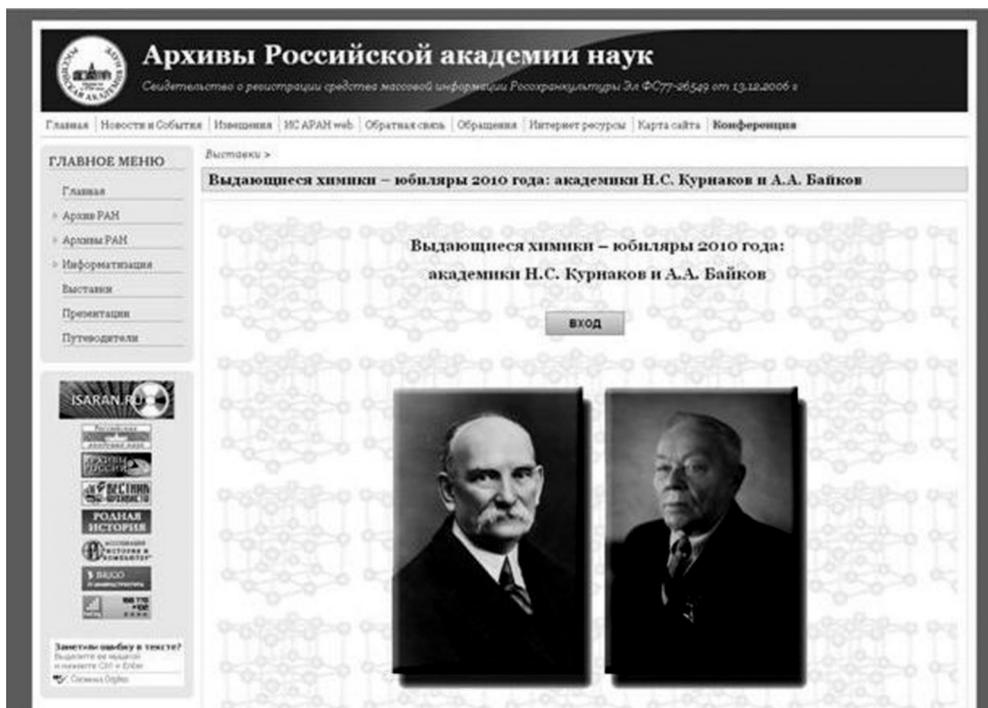

Рис. 5

В качестве примера «архивной информации», доступной для пользователей ЭБ ННР при переходе по ссылкам, рассмотрим веб-страницу с описанием фонда № 614 – Байков А.А. из документального собрания Архива РАН (данные из БД «Учет и каталог» ИС АРАН).

На странице присутствуют следующие опции:

- Номер фонда
- Название фонда
- Крайние даты документов фонда
- Объем единиц хранения
- Краткие сведения о фондообразователе
- Обзорение фонда (сведения о составе и содержании документов фонда)
- Биографическая справка
- Перечень описей фонда. При активировании опции, открывается область с названиями описей дел фонда 614 – Байков А.А.: Научные труды; Биографические документы; Документы по деятельности; Переписка; Труды других лиц (рис.6).

На веб-странице представлена электронная опись дел Ф. 614 в 2-х вариантах:

1. оцифрованный вариант описи дел на бумажной основе (рис.7);
2. база данных описей дел фонда, записи которой участвуют в поиске по электронному каталогу (рис. 8).

Для авторизованных пользователей архивной информации на сайте ИС АРАН доступен просмотр и чтение цифровых копий документов (рис. 9).

На веб-странице архивного фонда присутствует ссылка на страницу ученого (если он является действительным членом или членом-корреспондентом Российской академии наук) в веб-версии историко-научной БД «Персональный состав РАН» (ко-

Перечень описей(5)								
НСА	Из.	Из.Оп.	№ Описи	Название	Нач. дата	Кон. дата	Объём	
			1	Научные труды Байкова А. А.	1900	1946	360	
			2	Биографические документы Байкова А. А.	1878	1974	424	
			3	Документы по деятельности Байкова А.А.	1907	1946	390	
			4	Переписка Байкова А. А.	1908	1946	149	
			5	Труды других лиц в фонде Байкова А. А.	1904	1945	95	

Персональная страница в БД "Персональный состав РАН"

Рис. 6

ИС АРАН
Информационная система «Архивы Российской академии наук»

[Главная](#) | [Архивы](#) | [Фонды](#) | [Реестр описей](#) | [Каталог](#) | [Персональный состав РАН](#) | [Сайт Архивы РАН](#) | [Обратная связь](#) | [Авторизация](#) | [Мой профиль](#) | [Выйти](#)

АРАН. → Фонд 614. → Опись 1.

Научные труды Байкова А.А.

Крайние даты: 1900 - 1946
 Объём, единиц хранения: 360

[→ Дополнительные сведения](#)
[→ История записи](#)
[→ Перечень дел\(360\)](#)
[→ Оцифрованная опись фонда\(55\)](#)

1 2 3 4

[Просмотр изображений в букридере.](#)

© 2012 Архивы Российской академии наук

Рис. 7

торая также присутствует в структуре ИС АРАН). В качестве примера рассмотрим страницу академика АН СССР Н.М. Дружинина (рис. 10) в веб-версии БД «Персональный состав РАН» на сайте <http://isaran.ru>. На странице представлены следующие опции:

- Биографические данные (Дата рождения; Дата смерти; Место рождения, Место смерти)
- Членство в Российской академии наук
- Сведения об образовании (начальное и высшее)
- Сведения о наградах и премиях
- Место хранения архивного фонда
- Место хранения и архивный шифр личного дела ученого
- Специальность и область знаний
- Библиография ученого (или оцифрованный документ со списком научных трудов ученого)

Доп.	№	Номер	Заголовок дела	Нач. дата	Кон. дата	Кол. лист	Примечание
	1		Статья Байкова А.А. "Сплавы" Напечатана в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. 1900г., т. XXOD, стр. 283-291 Авторизованная машинопись	[1900]		48	
	2		Протоколы проведенных Байковым А. А. механических испытаний на разрыв образцов сварочного железа, которые были изготовлены из частей обрушившегося Египетского моста Автограф	04.02.1905г	11.02.1905г	5	
	3		Материалы Байкова А.А. к статье "Общие замечания по металлургии" Автограф	1912г	1915г	86	
	4		Конспект доклада Байкова А.А. "Современное положение вопроса об исследовании и испытании материалов в металлургической промышленности", прочитанного на Общем собрании членов Русского металлургического общества. Приложение повестка заседания Русского металлургического общества на 2 декабря 1927 г. Автограф	02.12.1927		8	
	5		Вступительное слово Байкова А.А. и стенограмма совещания в Институте металлов о дефектах в прокатной и прокатно-катаной стали. Утреннее совещание 14-го мая 1928г. Один экземпляр с пометками и автографом Байкова	14.05.1928г		79	
	6		Доклад профессора Байкова А.А. по металлургии (о шихтах передельных производств) Стенограмма. В двух экземплярах машинопись	19.01.1931г		68	
	7		Материалы Байкова А.А. по подготовке доклада по прямому получению железа из руд. Приложение материалы совещаний по вопросам получения чугуна из шихтовых остатков по прямому восстановлению железа и по производству губчатого железа, а также официальные письма, газетные вырезки, чертеж печи-горна и 8 фотографий. Темы докладов, представленные к торжественной юбилейной сессии АН СССР, посвященной XV-летию Октябрьской революции автограф, машинопись, калька	1931г	1932г	141	
	8		Статья Байкова А.А. "Комплексные железные руды и их эксплуатация" Напечатана в однопенной газете Лениградского Дома Ученых имени М.Горького "За Советскую	07.11.1932г		3	

Рис. 8

ИС АРАН
Информационная система «Архивы Российской академии наук»

Главная | Архивы | Фонды | Реестр описей | Каталог | Персональный состав РАН | Сайт Архивы РАН | Обратная связь | Авторизация | Мой профиль | Выйти

АРАН. → Фонд 614. → Опись 1. → Дело 4.

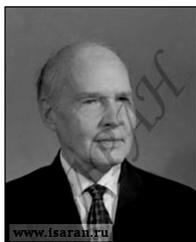
Шифр: АРАН. Ф.614. Оп.1. Д.4.

Конспект доклада Байкова А.А. "Современное положение вопроса об исследовании и испытании материалов в металлургической промышленности", прочитанного на Общем собрании членов Русского металлургического общества. Приложение: повестка заседания Русского металлургического общества на 2 декабря 1927 г.
Автограф

Изображения(7)

Просмотр изображений в букридере.

Рис. 9

Дружинин Николай Михайлович

Дата рождения: 13.01.1886

Дата смерти: 08.08.1986

Место рождения: г.Курск

Место смерти: г.Москва

Специальность: Историк

- > Членство в РАН(2)
- > Начальное образование(3)
- > Высшее образование(2)
- > Награды и премии

Архив (место хранения архивного фонда, архивных материалов): АРАН. Фонд 1604. "Дружинин Николай Михайлович, (1886-1986), историк, академик АН СССР (1953)"

Место хранения личного дела: АРАН

Шифр: АРАН. Ф.411. Оп.3. Д.482

Область знаний: История

- > Библиография
- > Биографическая справка
- > Библиография - Изображения(24)

Рис. 10

- > Начальное образование(3)
- > Высшее образование(2)
- > Награды и премии

Архив (место хранения архивного фонда, архивных материалов): АРАН. Фонд 1604. "Дружинин Николай Михайлович, (1886-1986), историк, академик АН СССР (1953)"

Место хранения личного дела: АРАН

Шифр: АРАН. Ф.411. Оп.3. Д.482

Область знаний: История

Библиография

Список печатных трудов академика Дружинина Николая Михайловича. 1953 г.

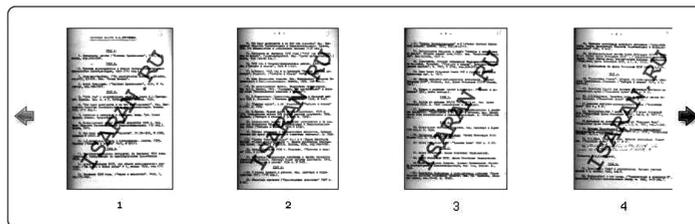
(АРАН. Ф.411. Оп.3. Д.482. Л.16-25)

Списки трудов академика Н.М. Дружинина за 1946, 1961-1964, 1967 гг.

(АРАН. Ф.1604. Оп.2. Д.5. Л.1-9)

см. документы в разделе - Изображения (Библиография)

- > Биографическая справка
- > Библиография - Изображения(24)

Просмотр изображений в букридере.

Рис. 11

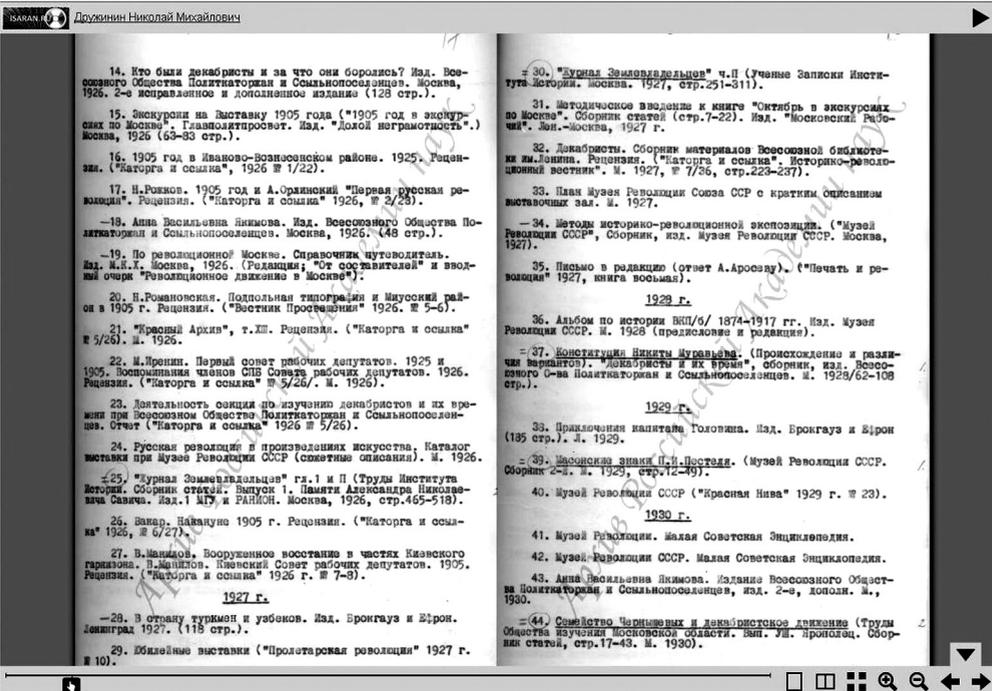

Рис. 11а

На странице в разделе Библиография (Изображения) доступен просмотр оцифрованного списка трудов академика Н.М. Дружинина (рис. 11, 11а).

За пять лет участия в проекте ЭБ ННР Архив РАН подготовил несколько документальных виртуальных выставок и аудио-видео презентаций, на которых представлены сотни документов:

- «Первые лица Российской академии наук за пятьдесят лет советской истории (1936—1986 гг.). Президенты: В.Л. Комаров (1936—1945), С.И. Вавилов (1945—1951), А.Н. Несмеянов (1951—1961), М.В. Келдыш (1961—1975), А.П. Александров (1975—1986)»
- «Что за бес сидит в вас и не дает вам покоя?..» (Виртуальная выставка к 175-летию со дня рождения А.П. Богданова)
- «Выдающиеся химики — юбиляры 2010 года: академики Н.С. Курнаков и А.А. Байков»
- «Западноевропейское средневековье в новейшей отечественной истории» (К 125-летию со дня рождения историка, академика АН СССР Косминского Евгения Алексеевича (1886—1959))
- «Когда я вернусь... А когда я вернусь?..» (К 90-летию высылки интеллигенции СССР по документам фонда А.В. Флоровского)
- «Лазарев Петр Петрович: Страницы биографии. (К 135-летию со дня рождения)». Электронная документальная презентация
- Келдыш Мстислав Всеволодович (1911—1978), математик, специалист в области механики, аэрогидродинамики, академик АН СССР (1946), вице-президент АН СССР (1960—196), президент АН СССР (1961—1975). Аудио-видео презентация

- Миллионщиков Михаил Дмитриевич, (1913—1973), специалист в области прикладной физики, механики, энергетики; государственный деятель; академик АН СССР (1962), вице-президент АН СССР (1962—1973). Аудио-видео презентация.

Участвуя в проекте ЭБ ННР Архив РАН получил не только статус партнерства в Едином научном информационном пространстве РАН, но также материальную поддержку работы по наполнению и совершенствованию контента ИС АРАН, без чего невозможно успешное развитие любого электронного ресурса.

В последние годы стало очевидно, что специфика архивного описания требует особого внимания со стороны ЭБ ННР, так как может служить «переходным мостиком» не только к опубликованным источникам, но и к архивным документам, которые вызывают повышенный интерес у читателей в силу своей новизны и, зачастую, уникальности. Это послужило основанием для начала в 2010 г. совместной работы Архива РАН и Отдела систем математического обеспечения Вычислительного центра РАН по теме «Разработка концепции взаимодействия и обмена метаданными Информационной системы Архива РАН (ИС АРАН) с единым научным пространством РАН (ЕНИП — ЭБ ННР)» (руководитель проекта д.ф.-м.н. В.А. Серебряков, разработчик ПО ИС АРАН А.В. Драчков). Промежуточным результатом работы в 2011 г. явилось составление «Соглашения об обмене метаданными» между Центральным Web-порталом Электронной библиотеки «Научное наследие России» и ИС Архива РАН по протоколу «SPARQL for RDF» (рис. 12) и установка специального ПО (d2r-server) на сервере Архива РАН.

После установки программы она была доработана вручную и дополнена аннотирующими свойствами. Были составлены таблицы связей между полями БД «Учёт и каталог» ИС АРАН и полями по международному стандарту архивного описания — ISAD. Разработаны представления (View) для БД «Учёт и каталог» в соответствии с таблицей связей к стандарту ISAD.

Процесс обмена метаданными между ИС АРАН и Центральным Web-порталом ЭБ ННР будет организован следующим образом. Службы ЭБ ННР будут автоматически обращаться по протоколу SPARQL к ИС АРАН, собирать все необходимые архивные метаданные (при этом будут получать объем информации, более широкий, чем сейчас представлен в поле «Архивная информация», отсекая лишние служебные данные, которые имеются в Информационной системе «Архивы РАН»), преобразовывать их в собственный RDF формат и загружать на Центральный Web-портал ЭБ ННР.

Данная работа имеет серьезные перспективы еще и потому, что ИС АРАН позиционирует себя как корпоративный информационный ресурс академических архивов с документами постоянного хранения. Начатая работа по созданию Центрального фондового каталога ко всему Архивному фонду РАН (проект РГНФ 2013—2015 гг., руководитель к.и.н. И.Н. Ильина) приведет к увеличению числа архивов-участников информационного ресурса и к дальнейшей разработке документальных собраний академических архивов для использования их источниковой базы в историко-научных и

Рис. 12

научно-практических целях. Возможности программного обеспечения ИС АРАН позволяют представлять в базах данных полнотекстовые документы, что вполне коррелируется с целями и задачами ЭБ ННР и возможностями взаимодействия ресурсов по выбранному протоколу обмена данными.

¹ *Афиани В.Ю., Ильина И.Н.* Интеграция электронных ресурсов Архива РАН в Электронную библиотеку «Научное наследие России» // Информационное обеспечение науки: новые технологии. Сборник научных трудов. М., 2009. С. 81–88; *Каленов Н.Е., Савин Г.И., Сотников А.Н.* Электронная библиотека «Научное наследие России» // Информационные ресурсы России. 2009. № 2. С. 19–20; *Каленов Н.Е., Савин Г.И., Серебряков В.А., Сотников А.Н.* Принципы построения и формирования электронной библиотеки «Научное наследие России» // Программные продукты и системы. 2012. № 4. С. 30–40; *Драчков А.В., Загребаева В.Н., Савина Г.А.* Проблема интеграции информационных ресурсов: опыт Архива Российской академии наук // Тезисы докладов на XVI ежегодной международной научно-практической конференции АДИТ-2012 (Петрозаводск, 18–22 июня 2012 г.). Петрозаводск, 2012. С. 60–62.

Экспедиции С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (1909–1910, 1914–1915) в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН*

В 2013 г. исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося русского индолога и буддолога Сергея Федоровича Ольденбурга (1863–1934). Четверть века он являлся одной из ключевых фигур научно-организационного процесса в Российской империи/СССР: академик (1900) и неперемный секретарь (1904–1929) Санкт-Петербургской/Российской/Всесоюзной академии наук, основатель и редактор серии «*Bibliotheca Buddhica*» (с 1897 г.), секретарь Восточного отделения Русского археологического общества (1898–1905), действительный член (с 1896 г.) и член Совета (1913) Императорского Русского географического общества¹. С.Ф. Ольденбург был одним из создателей и председателем (с 1918 г.) Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (РКИСВА, 1903–1923) – русского отделения Международной ассоциации по изучению Средней и Восточной Азии, которая была создана в 1902 г. в Гамбурге на XIII Международном конгрессе востоковедов². С 1916 г. вплоть до своей смерти ученый являлся директором Азиатского музея, в 1930 г. реорганизованного в Институт востоковедения АН СССР (сегодня Институт восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге).

С.Ф. Ольденбург опубликовал свыше 550 печатных работ и оставил огромный личный архив с массой неопубликованных научных материалов. Фонд ученого (№ 208) поступал в Архив АН СССР частями: в 1934 г. от вдовы Е.Г. Ольденбург³, в 1937 и 1949 г. из Института востоковедения АН СССР, в 1957 г. от внука вдовы – Г.Д. Головачева (часть рукописей Ольденбурга, его переписка, воспоминания Е.Г. Ольденбург о муже и материалы к биографии ученого в количестве 10 связок)⁴. Первоначально в 1938 г. фонд был описан младшим научным сотрудником Архива АН СССР И.С. Лосевой, а в 1958 г. по указанию Г.А. Князева переработан младшим научным сотрудником Е.С. Кулябко, причем опись 3 «Письма» была заново обработана блестящим знатоком европейских языков, заведующей читальным залом М.В. Крутиковой⁵. Сегодня фонд содержит 1572 архивных дела за 1747–1963 гг., структурированных в 5 описей. К сожалению, первая опись фонда, куда вошли десятки дел с материалами двух Туркесканских экспедиций под руководством С.Ф. Ольденбурга (Оп. 1. Д. 162–196), описана крайне неудовлетворительно. При фронтальном просмотре стало ясно, что заголовки зачастую не отражают реальное содержание дел⁶: научные, научно-организационные и финансовые документы одной экспедиции разрознены по разным делам или, наоборот, хранятся в одном деле в несистематизированном виде, датировки документов и обозначение восточных языков нередко ошибочны, и т.п. Отдельные рукописи и документы ученого хранятся и в

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 12-06-00005а, РГНФ, проект № 12-01-00008а.

других фондах СПФ АРАН, в том числе в фондах руководящих органов АН, академических комиссий и учреждений — Музея антропологии и этнографии, Института востоковедения, Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, в личных фондах членов Академии наук и проч, а также в других федеральных и научно-отраслевых архивах Петербурга и Москвы⁷.

С.Ф. Ольденбург оставил заметный след в изучении древностей Восточного Туркестана — региона Центральной Азии, который в XVIII в. вошел в состав Китая как имперское наместничество Синьцзянь («новая граница»), ныне Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. В первом тысячелетии нашей эры этот регион стал транзитным пунктом на Великом Шелковом пути, связывавшем страны Восточной Азии с Европой, международным центром распространения индийской буддийской культуры в Центральную Азию и на Дальний Восток. Вплоть до второй половины XIX в. Восточный Туркестан (часть Внутренней Азии) оставался неизученным белым пятном, куда с середины столетия устремились многие европейские путешественники и экспедиции. В разгар «Большой игры» — англо-русского соперничества в центральных районах Евразии⁸ — Россия направила в этот район ряд военных разведчиков и экспедиций для изучения географии, этнографии, экономики региона и выявления остатков письменной и материальной культуры народов, населявших его в древности и средневековье⁹.

Научные интересы С.Ф. Ольденбурга как индолога были связаны с изучением памятников «северного буддизма». Он стал одним из родоначальников новой отрасли науки — центральноазиатской филологии и палеографии¹⁰. С подачи управляющего Восточным отделением Императорского Русского археологического общества академика В.Р. Розена (1849—1908) молодой ученый приступил к изучению памятников древней письменности и археологии из коллекции русского генерального консула в Кашгаре (1882—1903) Николая Федоровича Петровского (1837—1908)¹¹. В статье «Кашгарская рукопись Н.Ф. Петровского», изданной в «Записках» Восточного отделения РАО за 1892 г., Ольденбург первым в мире обнаружил найденный в Куче памятник на мертвом «неизвестном языке», написанным наклонным брахми (северо-индийским письмом)¹², из коллекции Н.Ф. Петровского¹³, что послужило началом тохароведения как отдельной отрасли науки¹⁴. В собрании Н.Ф. Петровского оказались также тексты на неизвестных ранее мертвых восточноиранских языках — хотанско-сакском, согдийском и др.

Именно С.Ф. Ольденбург способствовал международной кооперации и созданию коллектива ученых разных стран по изучению индоевропейской и индийской культуры Восточного Туркестана. Находясь в Париже во время заграничной командировки с осени 1893 г. по лето 1894 г., Ольденбург привлек к дешифровке текста французских коллег. В письмах к своему учителю академику В.Р. Розену С.Ф. Ольденбург сообщал, что «никто здесь не понимает эти надписи. Они хотят их факсимилировать и разослать, чтобы все изоощряли свое остроумие»¹⁵. Наряду с русскими учеными к публикации рукописей и дешифровке «неизвестного языка» приступили западноевропейские специалисты. К 1908 г. этот мертвый индоевропейский язык V—VIII в. был дешифрован и назван немецкими исследователями Э. Зигом и В. Зиглингом тохарским А (тексты найдены на северо-востоке Синьцзяня — в области Турфана и Карашара) и тохарским В (или кучанским, документы найдены по всему Восточному Туркестану, как на северо-востоке (Турфан и Карашар), так и на юго-западе, в Куче и вокруг нее)¹⁶.

Еще в конце 1892 г. академик В.Р. Розен задумал отправить своих младших коллег С.Ф. Ольденбурга и Ф.И. Щербатского в научную экспедицию в Восточный Тур-

кестан¹⁷. Однако из-за отсутствия финансирования осуществить его план удалось лишь через 17 лет. Старший друг С.Ф. Ольденбурга, хранитель Музея антропологии и этнографии Академии наук Д.А. Клеменц (1848–1914) путешествовал по северным оазисам Восточного Туркестана на средства Петербургской АН в 1898 г.¹⁸ и в частном письме констатировал, что «в Турфанском крае хватит работы на сто лет, на всю Европу»¹⁹. Планы Ольденбурга попасть туда летом 1904 г.²⁰, при жизни Н.Ф. Петровского, не были реализованы — в 1905–1907 г. в Кучу отправилась экспедиция путешественника-натуралиста Михаила Михайловича Березовского (1848–1912)²¹. Наконец, в 1909–1910 и 1914–1915 гг. состоялись две русские экспедиции в Восточный Туркестан под руководством С.Ф. Ольденбурга, снаряженные РКИСВА. К этим поездкам ученый тщательно готовился — изучал литературу²² и неопубликованные донесения, описания Кашгарии, собирал китайские, английские и русские карты. Китайский Туркестан произвел на путешественников впечатление «вымершего царства буддийских храмов»²³. В ходе двух экспедиций были найдены и описаны многочисленные архитектурно-археологические памятники не только древней буддийской культуры, но и памятники письменности на разных языках²⁴.

Первая Русская Туркестанская экспедиция (РТЭ) Ольденбурга, носившая разведочный характер и побывавшая в Карашаре, Турфане и Куче, исследовала около десятка наземных и пещерных буддийских храмов²⁵. Она привезла свыше 30 ящиков коллекций (фресок, деревянных и бронзовых статуэток, других предметов искусства), добавила в центральноазиатское собрание Азиатского музея почти сотню фрагментов рукописей, главным образом найденных при раскопках, свыше 1500 фотографий монастырей, пещер, храмов и проч. Вторая РТЭ целенаправленно изучала пещерный комплекс «тысячи будд» на склонах горы Могао в Дуньхуане (Шачжоу) в Западном Китае около Великой китайской стены (уезд Дуньхуан провинции Ганьсу), а на обратном пути обследовала памятники Турфанского оазиса, впервые осмотренные С.Ф. Ольденбургом в конце 1909 — начале 1910 г. Главной задачей второй экспедиции стал поиск материалов для хронологических определений памятников буддийского искусства и сбор информации с целью характеристики его отдельных стилей на территории Восточного Туркестана.

Вторая РТЭ доставила 29 тюков материалов весом свыше 89 пудов²⁶ — коллекцию памятников скульптуры, живописи и прикладного искусства Китая и Индии (2500 объектов), около 2 тыс. негативов, зарисовки и кальки фресок, планы и чертежи пещер, копии картушей, записи о стенописи, детальное описание 450 пещер, выполненное С.Ф. Ольденбургом, с подробным перечислением всех особенностей (фресок, статуй и проч.) и характеристикой их по цветовой гамме и стилям. Экспедиция пополнила рукописное собрание Азиатского музея около 19 тыс. ед. хр. — китайскими, уйгурскими и тибетскими документами и ксилографами²⁷. Собранные археологические и этнографические памятники поступили в Музей антропологии и этнографии АН, откуда в 1930–1934 гг. по настоянию С.Ф. Ольденбурга были переданы в Отдел Востока Государственного Эрмитажа (включая коллекционные описи и богатейший фотоархив экспедиции²⁸, планы, кальки и другой иллюстративный материал).

Столкнувшись со следами многочисленных раскопок в разных частях Кашгарии, С.Ф. Ольденбург критически оценил работы большинства своих европейских предшественников, признав их скорее антикварными, а не научными комплексными исследованиями, а их результаты — как варварское разграбление памятников с целью пополнения западноевропейских музеев²⁹. Напротив, принципом исследований Ольденбурга являлась позиция — не трогать памятники на месте, если им не угрожает

непосредственное разрушение. В Петербург главным образом вывозилось лишь то, что нуждалось в спасении и реставрации — найденные на полу пещер фрагменты рукописей, обломки фресок и статуй — остальное расчищалось, затем фиксировалось и, по возможности, консервировалось.

К сожалению, С.Ф. Ольденбург издал лишь краткий предварительный отчет об экспедиции 1909—1910 гг.³⁰ и несколько кратких обзорных статей об экспедиции 1914—1915 гг.³¹ В 1923 г. во время заграничной командировки С.Ф. Ольденбург отверг предложение немецких издательских фирм опубликовать в 6 томах материалы второй РТЭ, так как он мечтал издать их на родине³². В 1926 г. ему вновь поступило предложение издателя Van Oest опубликовать материалы второй РТЭ на английском и французском языках в 8 томах, малый in folio в серии «Ars Asiatica» с 400 фототипиями, 10 цветными таблицами, планами и чертежами³³. Однако из-за военных и социально-политических катаклизмов, обрушившихся на Россию в начале XX в., и огромной административной загруженности в Академии наук большая часть исследований С.Ф. Ольденбурга о языках и культуре Центральной Азии осталась лишь в проектах — в советское время он отдал свой организационный талант спасению русской науки и культуры от уничтожения.

Неизданные полевые экспедиционные материалы двух экспедиций С.Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан отложились Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в личном фонде С.Ф. Ольденбурга (№ 208). Материалы обеих экспедиций представлены также в фонде РКИСВА (№ 148, 110 дел за 1900—1923 гг.) и в официальных и личных письмах востоковедов и русских дипломатов, служивших в Восточном Туркестане. Это прежде всего переписка с министерствами иностранных дел и финансов, русскими и иностранными учреждениями и учеными об организации и проведении экспедиций, отчеты, рукописные карты и планы, фотографии, акварели и рисунки, перечни собранных коллекций, книги регистрации поступлений рукописей, археологических и этнографических предметов, переданных в Азиатский музей, Музей РАО, Музей антропологии и этнографии РАН и проч. Но главную ценность представляют рукописные полевые дневники С.Ф. Ольденбурга³⁴, топографа и землемера Н.А. Смирнова, художника С.М. Дудина³⁵, художника и фотографа второй РТЭ Б.Ф. Ромберга³⁶, снятые экспедициями планы архитектурно-археологических остатков, описания городищ, храмов, пещер, силуэтные копии фресок, краткие обзоры, части отчетов, которые остаются неизданными и по сей день. К сожалению, многие из бумаг и фотографий пострадали во время катастрофического наводнения в Ленинграде (подмочены и слиплись, окрасились и проч.). Часть полевых дневников С.Ф. Ольденбурга, Д.А. Смирнова и С.М. Дудина времени первой РТЭ сохранилась в фонде РТЭ в Архиве Эрмитажа³⁷.

В 1930-е гг. Е.Г. Ольденбург с помощью академика Ф.И. Щербатского безуспешно пыталась издать научное наследие мужа³⁸, но ни одна из подготовленных ею рукописей так и не увидела свет. По полевым дневникам С.Ф. Ольденбурга в ходе второй РТЭ³⁹ она составила рукопись из шести тетрадей объемом около тысячи машинописных страниц «Описание пещер Чан Фо-дуна близ Дуньхуана»⁴⁰. Машинопись с описанием буддийских пещерных храмов Цяньфодуна была напечатана в трех экземплярах — один хранился в Отделе Востока Эрмитажа, второй, с рукописной правкой Ф.И. Щербатского⁴¹, — в Институте востоковедения АН СССР, третий — в Архиве АН СССР. При передаче фонда С.Ф. Ольденбурга два последних экземпляра — один в переплете, другой нет — попали в академический архив. По экземпляру Отдела Востока Эрмитажа в 2000 г. в Шанхае в серии «Памятники искусства из Дуньхуана»

на, хранящиеся в России» был издан китайский перевод этого труда, включая карты, планы, чертежи и фотографии второй РТЭ. Книга С.М. Дудина, участника двух экспедиций Ольденбурга, об архитектурных памятниках Синцзяня, изданная в 1916 г.⁴², также недавно вышла в китайском переводе (Пекин, 2006)⁴³. В 1995 г. Н.В. Дьяконова ввела в научный оборот материалы о памятниках Шикшина, собранные первой РТЭ С.Ф. Ольденбурга⁴⁴. Полное издание полевых материалов двух русских Туркестанских экспедиций под руководством С.Ф. Ольденбурга на языке оригинала — одна из основных задач русской ориенталистики XX в. — не решена до сих пор.

- ¹ См. о нем: Сергей Федорович Ольденбург: Сб. статей. М., 1986; *Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург: Опыт биографии. СПб., 2006; *Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008. С. 205–236.
- ² Подробнее о деятельности комитета см.: *Назирова Н.Н.* Центральная Азия в дореволюционном отечественном востоковедении. М., 1992.
- ³ Ольденбург Елена Григорьевна (урожд. Клеменц, в первом браке Головачева, 1875–1955), племянница народовольца и исследователя Восточного Туркестана Д.А. Клеменца, вторая жена С.Ф. Ольденбурга с 19 февраля 1923 г.
- ⁴ *Чугуевский Л.И.* Архив востоковедов (б. Азиатский архив) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: 23-я годовичная сессия ЛОИВ АН СССР. Материалы по истории отечественного востоковедения. Ч. 3. М., 1990. С. 49, 75–76.
- ⁵ См. краткие обзоры фонда: Труды Архива АН СССР. Вып. 5. М.; Л., 1946. С. 157–158; Вып. 19. М.; Л., 1963. С. 121–125.
- ⁶ Ряд документов вообще не относится к этому разделу — фрагменты научных трудов, иллюстративные материалы и проч. Например, среди планов и карт экспедиций обнаружены копии снятых русскими военными топографами в 1860–1890-х гг. планов средневековых городищ, отражающих китайскую топонимику второй половины XIX в., а также рисунки археологических памятников Дальнего Востока.
- ⁷ Личный фонд С.Ф. Ольденбурга хранится в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 581. Оп. 1. 101 ед. хр., 1853–1918 гг.), отдельные документы — в Архиве внешней политики Российской империи в Москве, в Архиве Русского географического общества, Архиве и Отделе Востока Государственного Эрмитажа, Научном архиве Института истории материальной культуры РАН, Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (9 папок с фотоматериалами Русской Туркестанской экспедиции) и в Фототеке Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинском доме) РАН (коллекция 70, 736 дел, XIX в. — 1936 г. — картотека сюжетов сказок из печатных изданий) в Петербурге.
- ⁸ *Постников А.В.* Схватка на «крыше мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX в. М., 2005.
- ⁹ Подробнее см.: Российские экспедиции в Центральную Азию на рубеже XIX–XX вв. СПб., 2008; *Смирнов А.С.* Власть и организация археологической науки в Российской империи (очерки институциональной истории науки XIX — начала XX века). М., 2011. С. 334–365.
- ¹⁰ Памятники индийской письменности из Центральной Азии. М., 1985; *Бонгард-Левин Г.М.* Индологическое и буддологическое наследие С.Ф. Ольденбурга // Сергей Федорович Ольденбург. С. 39–42; *Tjontkin E.N.* S.F. Oldenburg as founder and investigator of the St. Petersburg collection of ancient manuscripts from Eastern Turkestan // *Tocharian and Indo-European Studies.* 1997. Vol. 7. P. 199–203; *Бонгард-Левин Г.М., Воробьева-Десятовская М.И., Темкин Э.Н.* Академик С.Ф. Ольденбург — исследователь древних культур Центральной Азии // Памятники индийской письменности из Центральной Азии. М., 2004. Вып. 3. С. 14–33; *Мясников В.С.* О роли Российской академии наук в исследовании Восточного Туркестана // Тангуты в Центральной Азии: Сб. ст. в честь 80-летия проф. Е.И. Кычанова. М., 2012. С. 262–270.
- ¹¹ Его письма С.Ф. Ольденбургу и частично В.Р. Розену, список трудов Н.Ф. Петровского опубликованы в кн.: *Петровский Н.Ф.* Туркестанские письма. М., 2010.
- ¹² Рукопись выполнена в виде потхи. Это два листа «Уданаварги» на тохарском Б языке, написанные северным центральноазиатским брахми в VII в., из Кучи. См.: Пещеры тысячи будд: Российские экспедиции на Шелковом пути. К 190-летию Азиатского музея. Каталог выставки. СПб., 2008. С. 172. № 115.

- ¹³ *Ольденбург С.Ф.* О научном значении коллекции Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1910 (1909). Т. 19. Вып. 4. С. XXII—XXVIII; *Он же.* Памяти Николая Федоровича Петровского. 1837—1908 // ЗВОРАО. 1912 (1910). Т. 20. Вып. 1. С. 1—8; *Он же.* Этюды о людях науки. М., 2012. С. 201—209.
- ¹⁴ *Ольденбург С.Ф.* Кашгарская рукопись Н.Ф. Петровского // ЗВОРАО. 1893 (1892). Т. 7. Вып. 1—4. С. 81—82; *Он же.* Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф. Петровского. I // Там же. 1894 (1893—1894). Т. 8. Вып. 1—2. С. 47—67; *Он же.* К кашгарским буддийским текстам // Там же. С. 151—153; *Он же.* Еще по поводу кашгарских буддийских текстов // Там же. Вып. 3—4. С. 349—351; *Он же.* Предварительная заметка о буддийской рукописи, написанной письменами kharosthi. Изд. факультета восточных языков Имп. С.-Петербургского университета ко дню открытия XI международного конгресса ориенталистов в Париже. СПб., 1897; *Он же.* Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф. Петровского. II // ЗВОРАО. 1899 (1897—1898). Т. 9. Вып. 1—4. С. 207—264; *Он же.* Отрывки кашгарских санскритских рукописей из собрания Н.Ф. Петровского. III // Там же. 1904 (1902—1903). Т. 15. Вып. 4. С. 113—114.
- ¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 320. Л. 1—3 об.
- ¹⁶ Подробнее см.: Тохарский язык: Сб. статей. М., 1959.
- ¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 777. Оп. 2. Д. 338. Л. 16-17; Переписка В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга (1887—1907). Вып. 2. М., 2004. С. 290.
- ¹⁸ *Ольденбург С.Ф.* Об экспедиции Д.А. Клеменца в Восточный Туркестан в 1898 г. // Известия Восточно-Сибирского отдела РГО. 1916. Т. 45. С. 219—232.
- ¹⁹ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 3. Д. 269. Л. 15 об.
- ²⁰ Переписка В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга... С. 351, 354, 360; *Петровский Н.Ф.* Туркестанские письма. С. 292—294.
- ²¹ *Воробьева-Десятовская М.И.* Экспедиция М.М. Березовского в Кучу // Российские экспедиции в Центральную Азию в конце XIX — начале XX века. СПб., 2008. С. 65—74; *Она же.* Великие географические открытия русских ученых в Центральной Азии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. Вып. 3. С. 7—22.
- ²² *Ольденбург С.Ф.* Исследование памятников старинных культур Китайского Туркестана. I. Южная часть Китайского Туркестана // ЖМНП. 1904. Т. 353. № 6. Отд. 2. С. 366—397.
- ²³ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 163. Л. 37, 44.
- ²⁴ *Скачков П.Е.* Русская Туркестанская экспедиция 1914—1915 гг. // Петербургское востоковедение. СПб., 1993. Вып. 4. С. 313—320; *Меньшиков Л.Н.* К изучению материалов Русской Туркестанской экспедиции 1914—1915 гг. // Там же. С. 321—331; *Попова И.Ф.* Первая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1909—1910) // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 148—157; *Она же.* Вторая Русская Туркестанская экспедиция С.Ф. Ольденбурга (1909—1910) // Там же. С. 158—175.
- ²⁵ СПФ АРАН Ф. 1. Оп. 1а-1909. Д. 156. Л. 31 об. § 80; Л. 55 § 173; Ф. 2. Оп. 1-1909. Д. 24. Ф. 208 Оп. 1 Д. 162, 163 (краткий отчет), 164, 165.
- ²⁶ Там же. Ф. 208. Оп. 1. Д. 192. Л. 67.
- ²⁷ Дуньхуанские рукописи ИВР РАН факсимильно изданы в Шанхае в 17 томах в 1994—2000 гг. и в электронном виде представлены в Интернете в рамках Международного дуньхуанского проекта: <http://idr.orientalstudies.ru/idr.a4d>. Подробнее см.: Дуньхуановедение: Перспективы и проблемы второго столетия исследований. СПб., 2012.
- ²⁸ *Ольденбург С.Ф.* Пещеры тысячи будд // Восток. 1922. Кн. 1. С. 57—66; *Елихина Ю.И.* Буддийские памятники из Хотана в собрании Государственного Эрмитажа // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 75—81; *Резван Е.А.* Между Туркестаном и Тибетом: Салары. СПб., 2010. С. 80—95.
- ²⁹ См. характерные замечания в дневнике Ольденбурга 1909 г. с описанием пещер Мин-уя близ Шикшина о неправильных с методической точки зрения и поверхностных исследованиях немецкой экспедиции А. Грюнведела и А. Лекока в 1906 г., которые проводили раскопки не до материка: «Все это в значительной степени перерыто немцами... немцы тоже копали, — выяснилось, что они копали до известной глубины... Ясно, что здесь все было копано и брошено. Ни о каких слоях и речи нет»; о фресках и скульптурах: «Безбожно вырезано и попорчено» (СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 162. Л. 166, 196, 206).
- ³⁰ *Ольденбург С.Ф.* Разведочная археологическая экспедиция в Китайский Туркестан в 1909—1910 гг. // ЗВОРАО. 1913 (1911—1912). Т. 21. С. XX—XXI; Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 года, снаряженная по Высочайшему повелению состоящим под Высочайшим его императорского величества покровительством Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Краткий предварительный отчет составил С.Ф. Ольденбург. С 53 таблицами, 1 планом вне текста и 73 рисунками и планами в тексте по фотографиям и рисункам художника С.М. Дудина и планам инженера Д.А. Смирнова. СПб., 1914.

- ³¹ *Ольденбург С.Ф.* Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921. № 1—2. С. 25—30; *Он же.* Пещеры тысячи будд; *Он же.* Искусство в пустыне // 30 дней. 1925. № 1. С. 47—52.
- ³² Переписка В.Р. Розена и С.Ф. Ольденбурга... С. 208.
- ³³ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 182. Л. 143; ИАН. 1926. Т. 20. № 18. С. 1848.
- ³⁴ Там же. Д. 162. 86 л. (1 РТЭ); Д. 167—177 (2 РТЭ); Д. 179 (2 РТЭ); Д. 180 (1—2 РТЭ); Д. 181—182 (2 РТЭ); Д. 185 (картотека фотографий 2 РТЭ); Д. 186—188 (1—2 РТЭ); Д. 193. 15 записных книжек. 537 л. (1—2 РТЭ); Д. 194 (1—2 РТЭ).
- ³⁵ Этнограф, путешественник, фотограф Самуил Мартынович Дудин (1863—1929) впервые побывал в Кашгаре в 1901—1902 гг. по поручению Этнографического отдела Русского музея. См.: *Дмитриев С.В., Попова Л.Ф.* Кашгарская коллекция С.М. Дудина в Российском этнографическом музее // Российские экспедиции в Центральную Азию... С. 88—111. Его дневники 1-й и 2-й РТЭ см.: СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 164 (1 РТЭ); Д. 183 (2 РТЭ).
- ³⁶ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 180.
- ³⁷ Архив ГЭ. Ф. РТЭ. Оп. 1. Д. 4, 7, 8, 12—16 и др.
- ³⁸ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 1. Д. 175. Л. 2, 992—1014.
- ³⁹ Там же. Д. 174.
- ⁴⁰ Там же. Д. 167—172.
- ⁴¹ Там же. Д. 175. Л. 9—991.
- ⁴² *Дудин С.М.* Архитектурные памятники китайского Туркестана (из путевых записок). Пг., 1916.
- ⁴³ См. также: *Дудин С.М.* Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая. Пг., 1917.
- ⁴⁴ *Дьяконова Н.В.* Шикшин. Материалы первой Русской Туркестанской экспедиции акад. С.Ф. Ольденбурга: 1909—1910 гг. М., 1995.

Часть 1

Сохранение документального научного наследия

Д. Атанасова, Г. Вапцарова-Иончева, Д. Илиева
(ЦБ и НА БАН, Болгария)

Инновационные технологии сохранения культурно-исторического наследия в Научном архиве и Центральной библиотеке Болгарской академии наук

Возможности современных технологий предполагают развитие инициатив, объединение усилий и мероприятий к сотрудничеству для оцифровки наиболее значимых образцов литературного культурно-исторического наследия. Во многих случаях они поддерживаются исследовательскими проектами по разработке открытой коммуникационной среды в целях популяризации культурных ценностей данного общества. Это дает возможность использовать их в качестве объектов научного исследования, материала, используемого в области образования, для проведения выставок, публикаций, участия в национальных и международных форумах. Усилия многих культурных и образовательных учреждений в настоящее время направлены на достижение конкретных результатов, а именно — на расширение и утверждение виртуального хранилища электронных записей культурных артефактов нашего прошлого.

В Болгарской академии наук (БАН) есть условия для формирования группы исследователей, которые объединяют усилия разных отделов по подготовке и публикации оцифрованных объектов, представленных как конкретные темы и доступных через соответствующий портал. Предыдущие достижения в области оцифровки культурных ценностей являются результатом индивидуальных усилий разных учреждений, таких как библиотеки, архивы, музеи и научные центры. Пример этого — успешно оконченный проект Кирилло-Мефодиевского научного центра и Научного архива (НА) БАН для исследования и сохранения оригинальных и переводных произведений славянских первоучителей и их учеников. Оцифрованы объекты из коллекции «Староболгарские и славянские рукописи» (более 120 рукописей) и сотни самых ценных документов, представляющих историческую ценность и национальное значение этой темы. Их введение в интернет-пространство обеспечивает быстрый доступ ко многим оригинальным источникам Научного архива.

Центральная библиотека БАН (ЦБ БАН) успешно закончила два проекта, финансируемые Фондом «Русский мир»: «Русские в Болгарии. Юбилейный информационный альманах Русского зарубежья в Болгарии 1877–2007 гг.» и «Русский мир Болгарии» — электронный архив биографий русских эмигрантов в Болгарии и виртуальный музей экспонатов из болгарских научных и культурных институтов. Проекты нашли воплощение как в книжном формате, так и в Интернете — <http://cl.bas.bg>.

Содержание первого сборника представлено следующими тематическими разделами:

1. Vademecum российские деятели науки и культуры.
2. Хроника культурной и литературной жизни Русского зарубежья в Болгарии (1919–1940).
3. Памятники русской доблести и славы на земле Болгарской.
4. Справочный аппарат.

Во втором проекте первая часть «Персоналии» повторяется, обогащенная новой информацией и фотографиями. Далее следуют разделы: «Музейные экспонаты», «Произведения искусства», «Фотографии», «Плакаты», «Знаки отличия», «Старопечатные книги» и др. Болгарию и Россию связывают более чем тысячелетние традиционные связи единого духовного и культурного пространства. Общая религия — православие, общий язык — славянский, общий алфавит — кириллица, общая цивилизация — византийско-славянская и общая история — Россия поддерживала духовно и материально поработанный болгарский народ и освободила его ценою больших жертв.

После Освободительной русско-турецкой войны 1877—1878 гг. вклад России в военную, духовную, культурную и научную жизнь молодого государства оказался решающим для его дальнейшего успешного развития. Влияние русской науки и культуры открыло второе дыхание благодаря прибытию множества эмигрантов из России после Октябрьского переворота 1917 г. и страшной Гражданской войны. В период с 1920 по 1956 г. их число иногда превышало 50 тыс., что вполне сопоставимо с численностью диаспор евреев и армян в Болгарии того времени. Влияние русских эмигрантов оказалось более существенным в сравнении с влиянием всех других групп эмигрантов по двум причинам. Первая — это уважение болгар ко всему русскому, и вторая — то, что они были в высшей степени представителями элиты русского общества тех времен. Именно они оставили глубокий след в развитии болгарской науки и культуры. Стоит упомянуть таких людей, как архиепископ Серафим (Соболев), теолог Н.Н. Глубоковский, историк П.М. Бицилли, юрист И.А. Базанов, физик П.И. Бахметьев, этнограф А.А. Башмаков, режиссер Н.О. Масалитинов, библиограф А.П. Мещерский и многих других.

В своих областях они являлись первопроходцами и основоположниками целых школ и направлений в разных отраслях. Большая часть представителей русского зарубежья в Болгарии отличалась высокими профессиональными и нравственными качествами и добродетелями — европейской образованностью, профессиональным мастерством и совершенством, православной духовностью, благородным воспитанием, добротой, сердечностью и обостренным чувством долга и чести. Благодаря этому они производили особое впечатление на окружающих, о чем свидетельствуют воспоминания современников.

Никогда не надо забывать и то, что по разным причинам — в основном чисто политическим — выдающиеся достижения деятелей русского зарубежья в Болгарии, нередко людей с мировой известностью, — принижались, умалчивались, а иногда их имена были даже под запретом вплоть до 1990 г. Справедливости ради мы обязаны вернуть их имена из пепла забвенья.

В результате близких и плодотворных связей, сложившихся между представителями русского зарубежья и Болгарией (по словам архиепископа Богучарского Серафима «Вот и попали мы в хорошую сторонушку»), осталось огромное культурное и материальное наследие, требующее описания, обработки, сохранения и распространения — как внутри страны, так и за ее пределами. Именно это наследие стало основой для составления изданий и виртуального музея.

Научный архив и Центральная библиотека БАН сделали еще один важный шаг в своем решении работать над совместным проектом «Изготовление художественно-документального альбома произведений Феликса Каница», финансируемым фондом «Научные исследования» Министерства образования Республики Болгария. Он вписывается полностью в одну из основных концепций Академии развития науки в Болгарии с 2009 по 2014 г. Программа ее реализации связана с вкладом Болгарии в сохранение европейского культурно-исторического наследия.

Данный проект является хорошей возможностью возродить дорогую для болгар память и оценить по достоинству личность и важную работу выдающегося австро-венгерского исследователя и путешественника Феликса Филиппа Каница¹. Изучение и распространение научных знаний о жизни и творчестве Ф. Каница являются важным элементом определения болгарской национальной идентичности и ее формирования в современную эпоху. Художественные изображения и литературное наследие Каница относятся к числу наиболее ценных элементов болгарской материальной и духовной культуры. Они должны быть достоверно представлены в научном мире, а с помощью новых коммуникационных технологий — доступны в Интернете.

Бесценная коллекция акварелей, рисунков, эскизов, карт, фотографий и рукописей Ф. Каница, хранящаяся в НА БАН, продолжает вызывать интерес и внимание исследователей. В научных журналах на протяжении многих лет публиковались материалы о нем, но ни в одном из них нет попыток полного и тщательного изучения жизни, творчества и заслуг ученого². Настало время для единого современного издания, которое покажет художественный облик Каница и послужит основой для будущих исследований.

Для реализации этой ответственной задачи академический архив и библиотека используют методы искусствоведения, архивного дела, археографии, сравнительно-аналитический метод датировки хранящихся материалов. На первом этапе группа проекта реализовала следующие задачи:

- подробно ознакомилась с литературным наследием Ф. Каница как важной частью источников его дела;
- отыскала в болгарских архивах и библиотеках документальные материалы и публикации на эту тему;
- изучила личные фонды в Научном архиве с целью обнаружения неизвестных документов Каница и о нем;
- описала новообетенные материалы и положила начало базы данных библиографии по данному вопросу;
- провела фондирование некоторых иллюстративных материалов личного фонда Каница (в НА БАН) и определила принадлежность отдельных документов к соответствующим архивным единицам;
- положила начало новой научной обработке и систематизации архивного фонда Каница, хранящегося в НА БАН, которую продолжит в рамках второго этапа проекта;
- уточнила рабочие наброски акварелей Каница и их принадлежность к определенному произведению искусства;
- сделана тройная съемка 34 акварелей Каница, чтобы избежать изменения цветовых характеристик картин;
- обработаны репродукции в двух форматах — для каталога и для цифровой печати;
- адаптация BASLIB (автоматизированной информационной системы) для специфики проекта — художественных произведений Каница;
- определены метаданные в целях описания в соответствии с международными стандартами для создания электронных паспортов произведений;
- создана база данных акварелей Каница — изображения в JPG-формате;
- BASLIB установлена на 4 ноутбука для работы в ЦБ и НА БАН;
- группа приступила к популяризации художественно-документального наследия Каница и его вклада в болгарскую науку и культуру (участие в конференциях, презентации и публикации на эту тему).

Собранные на сегодняшний день и обобщенные новые результаты проекта имеют большое значение для освещения общей картины жизни, работы и культурного вклада Феликса Каница. Они позволят лучше определить взаимосвязь между национальной идентичностью болгар и европейскими и балканскими народами.

Второй этап проекта предусматривает:

- анализ и интерпретацию результатов исследования;
- создание современного биографического очерка о жизни и творчестве Каница, основанного на вновь открытых источниках;
- подготовка и публикация художественного альбома, содержащего эскизы, рисунки, акварели, гравюры и многое другое из творчества Ф. Каница;
- создание и обслуживание веб-цифрового хранилища;
- презентации и популяризация готовой продукции.

Предлагаемая научная проблематика актуальна, так как она позволит в будущем разработать темы и для других выдающихся личностей, связанных с новой и современной болгарской историей. Кроме того, результаты проекта будут использованы в разных научных областях: политической и культурной истории, истории искусств, географии, этнографии и т.д. Публикация документальных материалов в книжном альбоме и их оцифровка позволят ускорить исследования по ряду других проблем, разработанных группой. Этот проект принимает во внимание самостоятельность и уникальность каждого из партнеров путем предоставления равных возможностей для создания, хранения и использования цифрового объекта для помощи исследовательской деятельности специалистов. Созданное в рамках проекта цифровое веб-хранилище представляет собой растущий виртуальный архив и библиотеку, наводя мосты во времени, пространстве и обществе.

Цифровые коллекции являются исключительным инновационным информационным ресурсом, который поддерживает всех пользователей с научными и образовательными целями: ученых, преподавателей, аспирантов, студентов и других. Информация из этих виртуальных коллекций обеспечивает заинтересованных лиц не только быстрым доступом к многомерным знаниям, но увеличивает их общую и специфическую культуру, повышает национальное самосознание и личное самоощущение. Внедрение художественно-документального наследия Ф. Каница в сети Интернет расширит использование полученных в рамках проекта результатов по всей Европе и особенно на Балканах.

Исследования и популяризация художественно-документального наследия Каница решают многие вопросы, связанные с местом, ролью и его работой в европейском культурном пространстве. Ф. Каниц внес исключительный вклад в ознакомление международного сообщества с материальной и духовной культурой Болгарии, с ее географическими особенностями, природными ресурсами и людьми. Вряд ли может быть назван другой иностранец, который настолько хорошо почувствовал дух Болгарии и болгар с их древними традициями.

Путешествие Каница по Болгарии длилось почти 16 лет. Он проходит сотни километров, собирает информацию у населения, описывает и рисует многие болгарские поселения, составляет и рисует карты вершин и местностей, изучает этнографию, топонимику и памятники старины из разных уголков страны и все это в чрезвычайно трудных условиях работы. Результатом этих путешествий стали уникальные произведения исторического, этнографического и географического характера. Для нас очень ценна монография Каница «Дунайская Болгария и Балканы»³, которая является первой попыткой представить Болгарию в картинках. Невероятный гравер и чрезвычайно точный кар-

тограф, почти с фотографической точностью он рисует то, что увидел, и делает карты пройденных им маршрутов. Ф. Каниц переходит Балканские горы 18 раз, чтобы полностью описать земли между Дунаем и Балканскими горами, Долину Роз, Софийскую котловину и побережье Черного моря. Особенно оригинальна карта Дунайской Болгарии, в которой он корректирует ошибки, сделанные другими европейскими исследователями и путешественниками⁴. Работа Каница в качестве картографа такая точная и достоверная, что русский Генеральный штаб перепечатывает карту и использует ее для своих военных действий во время Освободительной войны 1877—1878 гг. За это он был награжден императором Александром II орденом Св. Станислава, а позже — и орденом Св. Анны с бриллиантами. За эту же карту в 1876 г. Каниц получил золотую медаль на Всемирном конгрессе географов в Париже. Она используется на Берлинском конгрессе Великими державами, чтобы установить послевоенные границы на Балканах.

Ф. Каниц был первым исследователем, который определил особое место болгарской культуры. Он рассматривает Болгарию не только как географ и археолог, но и делает многие ценные этнографические наблюдения, часто очень подробные, которые описывает в издании «Дунайская Болгария и Балканы» и изображает на картинах. Книга изобилует многочисленными и разнообразными сведениями о народных промыслах, о промышленных ремеслах и процветающих в свое время центрах ремесла под Балканскими горами и в Дунайской равнине, о деталях народной одежды. Каниц останавливает свой взгляд на жилище болгарина, на состоянии дорог в пройденных им районах, на социальной структуре, народных обычаях и верованиях. Он относится с большой и искренней симпатией к болгарскому народу, реалистично рисует его большую отсталость, но в то же самое время с восхищением и любовью говорит о его трудолюбии, патриархальном домашнем быте и сочувствует его борьбе за культурное развитие и политическую свободу. Мы можем только сожалеть, что он не обошел и другие болгарские земли, о которых также мог бы предоставить ценные заметки как ученый и художник⁵.

Ф. Каниц принимал участие в общественной жизни болгарского народа и в его борьбе. Во время Апрельского восстания в 1876 г. он пишет ряд статей в западных газетах, чтобы защитить население. Во время своих визитов в Вену он неустанно выступает с докладами, которые дают представление австрийцам о ситуации на Балканах. Его репортажи о зверствах во время восстания вызывают европейское общественное сочувствие к судьбе болгар. После Освобождения Каниц становится свидетелем постепенного восстановления многострадального народа и следит за первыми шагами освободившейся страны, продолжая описывать свои впечатления о событиях. Как член совета попечителей венского «Музея Востока» в течение девяти лет он был попечителем молодых болгар, которые готовились быть учителями с финансовой поддержкой Австрии⁶. Его исследовательские поездки на Балканы продолжаются в 1889 г. Известный болгарский историк Васил Златарски пишет: «Болгарскому народу также не чужда заслуженная оценка литературно-научной и общественной деятельности Каница... Учредительное народное собрание в 1879 г. в Тырново добавило его в число тех, “кто сделал добро болгарскому народу” и решением от 24 марта того же года телеграфом выразило Каницу благодарность и признательность»⁷. В 1883 г. князь Александр I Баттенберг наградил его орденом Св. Александра второй степени. Заслуги Каница перед болгарским народом и наукой высоко оценены, и в 1884 г. он был избран почетным членом Болгарского литературного общества (с 1911 г. — БАН)⁸.

Общий научно-исследовательский проект «Художественно-документальный альбом произведений Феликса Каница», защищенный Научным архивом и Центральной библиотекой БАН, имеет свою роль и значение для интеграции болгарской культуры в

европейской среде. Потому что изображение Болгарии, окрашенное словами и карандашом Ф. Каницом более века тому назад, способствует изучению болгарского народа европейской общественностью, установления стабильности нового порядка после Освобождения, рисует глубокую жизненность народа, проснувшегося в других условиях уже очерченной собственной государственности. С полным правом Феликс Филипп Каниц получил место самого большого знатока Болгарии и защитника ее интересов в Европе.

Результаты проекта альбома и цифрового хранилища вызовут серьезный интерес не только среди болгарских научных сотрудников, но и в более широком европейском контексте, увеличат возможности для будущих междисциплинарных исследований. Это вклад академических архива и библиотеки в культурное разнообразие Европы и мира в историческом и современном плане. Представленный проект еще в самом своем начале. Смыслом опубликования этой идеи и первых шагов в ее реализации, по мнению авторов, является то, что такие инициативы должны быть рассмотрены на профессиональных форумах специалистами и пользователями информации для обмена мнениями и опытом в области применения инновационных технологий.

Культурное наследие Старого Света формировало дух наших предков, и мы чувствуем ответственность передать это богатство будущим поколениям и гарантировать, что оно будет храниться, обогащаться и делиться. Необходимо объединить усилия и ресурсы в оцифровке материалов в области культуры, которые должны быть доступными для самого широкого круга людей, благодаря новым информационным технологиям.

¹ Среди иностранцев, которые писали о болгарских землях и болгарях, выделяется имя австро-венгерского исследователя, этнографа, археолога, художника и автора путевых заметок — Феликса Филиппа Эммануила Каница. Родился он в Будапеште в 1829 г. в состоятельной еврейской семье. Окончил специализированную школу изящных искусств в 1842 г. и начал работать как гравер-практик в литографическом институте. Свои знания по истории искусства он пополняет в разных школах в Вене, Мюнхене, Нюрнберге, Дрездене и Париже, не отказываясь от своей работы в качестве иллюстратора. До конца жизни он был постоянным специальным корреспондентом и литературным редактором «Иллюстриртенцайтунг» (Лейпциг). В 1860—1870-х гг. Каниц начал исследовательские поездки по Юго-Восточной Европе — обходил Боснию и Герцеговину, Далмацию и Черногорию. Свои научные сообщения он отправляет в Императорскую королевскую академию в Вене. Он был членом-корреспондентом Географических обществ в Дрездене, Санкт-Петербурге, Берлине и Вене, попечителем Музея торговли и членом правления Клуба наук (Вена). С 1878 г. был советником императора Франца-Иосифа I. С 1859 г. (его первая поездка в Сербию) Ф. Каниц останется навсегда связан с балканскими землями и народами. В 1860 г. он ступил в первый раз на болгарскую землю и на протяжении многих лет обходит ее и знакомит Европу с этой незнакомой землей, с ее историей и культурой. Юго-Восточная Европа стала его второй родиной. Он умер 5 января 1904 г. в Вене.

² *Киселов Г.В.* Феликс Каниц (по случай 73-та мугодишнина). Периодически журнал, кн. 63, 1902—1903, с. 463—467; *Мавродинов Н.* Феликс Каниц катоизследвач на български и сръбски художествени паметници; *Диневков П.* Към въпроса за отношението на българите към делото на Феликс Каниц. Журнал БАН, кн. 63, 1942 г., с. 91, 117; *Златарски В.* Феликс Ф. Каниц. Летопис на БКД, кн. 4, София, 1904, с. 110; *Фехер Г.* Феликс Ф. Каниц — живот, пътувания и научно дело. София, 1936 г., 168 с.; *Романски Ст.* България в образите на Феликс Каниц. С., 1939, 195 с.; *Лаков Л.* Феликс Каниц и неговата оригинална карта на Дунавска България и Балкана, 1981; *Волчев Б.* Феликс Каниц — Колумб на Балканите. Журнал «Наука», кн. 6, 2009, с. 68.

³ Първите два тома излизат от печат през 1875 и 1877 г., а том III през 1879 г.

⁴ *Каниц Ф.* Дунавска България и Балканът. Т. I. С., 1995. С. 121—122.

⁵ *Романска Цв.* Феликс Каниц за етнографията на българите. НА БАН, ф. 1, оп. 1, а.е. 456.

⁶ *Златарски В.* Феликс Ф. Каниц, Летопис на БКД, кн. IV, 1904 г., с. 114.

⁷ Там же, с. 114.

⁸ НА БАН, ф. 1к, оп.2, а.е. 27.

Л.Д. Бондарь, М.В. Поникаровская
(СПФ Архива РАН)

Российско-белорусские научные связи в 1920–1930-е гг.: электронные коллекции Санкт-Петербургского филиала Архива РАН*

Создание электронных коллекций Санкт-Петербургский филиал Архива РАН начал в 2009 г. в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России», когда при участии специалистов петербургской компьютерной компании «AlkoDesign» были осуществлены два важных проекта: созданы основные модули официального сайта СПФ АРАН (ranar.spb.ru) и основные модули электронной базы данных (db.ranar.spb.ru).

Документы, представленные в базе данных, имеют разностороннее описание. Во-первых, это формальные данные: архивный шифр, название фонда, описи и дела, название документа, количество листов, размер, материал документа и т.д. Во-вторых, это содержательные данные: автор документа, адресат (в случае корреспонденции), дата создания документа, а также лица, упоминаемы в документе. Таким образом, база данных позволяет разместить информацию о персоналиях, упоминаемых в документах, такая возможность отсутствует в традиционном каталожном описании. Так, к примеру, электронная карточка письма по организационным вопросам издания исторических памятников, осуществление которого планировалось силами трех академий (СССР, УССР и БССР)¹, позволила ввести в базу данных информацию о следующих персоналиях: В.М. Игнатовский, С.М. Некрашевич, В.И. Пичета, Д.И. Довгялло. При возможности в карточку базы данных заносится также цифровая копия документа.

Для поиска информации в базе данных созданы выпадающие списки номеров, названий фондов/разрядов и описей, позволяющие выбирать название из списка предложенных. Создана поисковая система, осуществляющая простой поиск по архивному шифру, именам ученых, названиям фондов, описей, дел и ключевым словам.

Пользователи базы данных ранжируются по уровню доступа к материалам базы, возможности их модификации и включают в себя:

1. Сотрудников СПФ АРАН, имеющих доступ к базе данных; сотрудники имеют возможность вводить в базу и корректировать данные, добавлять изображения.
2. Исследователей, имеющих доступ к информации базы данных через читальный зал.
3. Авторизированных исследователей, имеющих доступ к информации базы данных через Интернет; осуществляется контроль и протоколирование действий пользователей.

* Исследование проведено при поддержке РГНФ, грант № 12-21-01003 «Научные связи Российской академии наук и Национальной АН Беларуси. 1928–1941 гг. Документы и материалы».

Данная база пользователей предполагает регистрацию пользователя, имеющего учётную запись, что позволяет ему продолжать работу, начатую в предыдущую сессию.

Первым большим информационным блоком, занесенным в базу данных, стали документы карточного каталога личных дел сотрудников Академии наук СССР 1920—1950-х гг. Второй крупный проект был осуществлен в период подготовки празднования 300-летия со дня рождения М.В. Ломоносова, когда сотрудниками СПФ АРАН были внесены в базу данных и аннотированы документы, относящиеся к биографии и научной деятельности М.В. Ломоносова, а также материал по изучению его научной биографии академическими научными комиссиями, институтами и отдельными учеными XIX—XX вв., в том числе материалы по присуждению первой государственной премии России — Ломоносовской премии Академии наук. Этот раздел записей был экспортирован из базы данных на отдельный диск (а также в качестве отдельного раздела сайта СПФ АРАН), сформировав электронный сборник «Ломоносов и Ломоносовиана в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН: к 300-летию со дня рождения М.В. Ломоносова».

Новый блок записей был начат в 2012 г. в связи реализацией проекта РГНФ «Научные связи Российской академии наук и Национальной АН Беларуси. 1928—1941 гг. Документы и материалы». В базу данных заносились документы, освещающие историю взаимоотношений двух академий в 1920—1930-х гг. — т.е. с основания Белорусской академии наук и до перевода Академии наук СССР в Москву.

Одним из важнейших блоков документов по истории Академии наук является делопроизводство центральных органов Академии. Для рассматриваемого периода это протоколы Общего собрания АН СССР (Ф. 1. Оп. 1), а также протоколы Президиума АН СССР (Ф. 2. Оп. 1). Выявлено 32 протокола, содержащих упоминание решений руководящих органов академии относительно актов сотрудничества с белорусской академией и белорусскими учеными. Внесение протоколов в базу данных позволяет не только обозначить хронику событий, но и выделить имена тех ученых, которые ознаменовали это сотрудничество.

Отдельного внимания заслуживают документы, касающиеся подписания договора о социалистическом соревновании между тремя академиями: АН СССР, Белорусской академии наук и Всеукраинской академии наук². Отдельные материалы этого дела³ внесены в базу данных.

Важные материалы собраны в официальной документации Секретариата АН СССР (Ф. 2). Активная работа по научному сотрудничеству между АН СССР и Белорусской АН началась фактически с момента создания последней, которая в планировании своей деятельности ориентировалась на работу АН СССР. Среди документов сохранилось письмо из Белорусской АН от 18 ноября 1929 г. с просьбой о пересылке плана АН СССР на 1929/30 г., а также пятилетнего плана и ответ на него⁴.

Одним из направлений сотрудничества стала подготовка к изданию исторических источников. Уже в первые месяцы работы Белорусская АН проявила себя как состоятельный институт, выразив готовность взяться за подготовку издания, которое не смогла окончить АН СССР. Речь шла о 5-м томе «Литовской метрики» (собрания документов канцелярии Великого княжества Литовского XV—XVIII вв.), готовившемся к публикации Археографической комиссией АН СССР. Археографическая комиссия начала издание метрических книг с 1903 г. и по 1915 г. выпустила 4 тома, подготовленные П.А. Гильтебрандтом, С.А. Бершадским, И.И. Лаппо, С.Л. Пташицким. В издании памятника оказался небольшой перерыв, но к 1929 г. Археографическая

комиссия смогла отпечатать на собственные средства первые 18 страниц текста 5-го тома. Однако в связи с отсутствием средств Комиссия была готова предоставить Белорусской АН право на выкуп этого издания, находившегося в типографии Матисена в Тарту⁵, хотя это так и не было осуществлено. Работа прекратилась и была возобновлена лишь в конце XX в. польскими, литовскими и белорусскими исследователями.

Другой публикаторский проект был связан с изданием исторических памятников. Эта деятельность развернулась одновременно с мероприятиями по подписанию договора о социалистическом соревновании между тремя академиями. Еще до подписания договора в АН СССР была создана Комиссия по вопросу о согласовании изданий исторических памятников академиями СССР и Украинской, на заседании которой 31 января 1930 г. поднимался вопрос «о желательности совместного издания исторических памятников, имеющих общерусское значение, академиями, существующими в Союзе». Были намечены к изданию первые источники (в их числе — «Русская правда», изданная с комментариями под ред. Б.Д. Грекова в 1940 и 1947 гг.) и принято решение обратиться с приглашением к участию в этом проекте Белорусской академии наук (28 февраля 1930 г. академик-секретарь Отделения гуманитарных наук А.Н. Самойлович направил в Белорусскую академию наук письмо с приглашением⁶).

На следующий день, 1 марта 1930 г., по этому вопросу состоялось заседание «группы историков, социологов и экономистов», на которое были вынесены новые предложения по тематике изданий, намечен возможный круг участников проекта и еще раз высказано предложение по привлечению к проекту белорусских, а также среднеазиатских (ташкентских) ученых. 2 марта этот протокол был утвержден на заседании Отделения гуманитарных наук, которое в качестве совместных форм деятельности устанавливало следующие: «1) определение материалов, важных в указанном смысле, 2) распределение очереди изданий, 3) распределение работ между специалистами и 4) участие в расходах по изданию»⁷. 18 марта 1930 г. было направлено очередное письмо в Белорусскую академию наук за подписью постоянного секретаря АН СССР В.Л. Комарова и заведующего секретариатом В.А. Зеленко с изложением результатов совещания⁸.

6 мая 1930 г. президент Белорусской АН В.М. Игнатовский и председатель Отдела гуманитарных наук С.М. Некрашевич в ответ на письма направили решение белорусских академических кругов. Из письма явствует, что в академии была проведена обширная совещательная работа на разных уровнях, которая позволила сформулировать следующие положения: 1) Белорусская академия наук приветствует издание выбранных комиссией АН СССР исторических памятников; 2) предлагает, со своей стороны, обратиться также к изданию литовских метрических документов; 3) однако в период своего становления из-за ограниченности финансовых и кадровых возможностей не может принять непосредственного участия в издании этих памятников; 4) назначает, между тем, лиц, с которыми можно было бы работать на консультативном уровне — В.И. Пичету и Д.И. Довгялло⁹.

После получения ответа была сформирована «Комиссия для рассмотрения вопросов, связанных с совместной работой трех академий», поддержавшая предложение об издании литовских памятников и принявшая решение вновь обратиться к белорусским коллегам, на этот раз с конкретным предложением принять участие в издании арабских памятников под руководством В.В. Бартольда и И.Ю. Крачковского. По этому поводу 24 июня 1930 г. в Белорусскую академию наук было направлено письмо за подписью постоянного секретаря В.П. Волгина и заведующего секретариатом В.А. Зеленко¹⁰. Ответа на него в деле секретариата не обнаружено.

Еще одним направлением работы явился научный книгообмен, осуществлявшийся в рамках работы двух учреждений: Библиотеки АН СССР и Белорусской государственной библиотеки, выполнявшей функцию главной научной библиотеки Белорусской республики. В 1931 г. велась активная работа по обмену дублетным фондом двух библиотек; наиболее активно происходил обмен польскими изданиями. В делопроизводственных материалах Библиотеки Академии наук сохранились списки дублетного фонда Польского отдела Белорусской государственной библиотеки¹¹. В результате этой работы фонды библиотек пополнили свой состав¹².

О гармоничном характере научного обмена между двумя академиями свидетельствовали факты взаимного признания. Уже в первый состав действительных членов Белорусской академии наук в декабре 1928 г. вошли известные российские ученые А.П. Карпинский, Н.Я. Марр, В.Р. Вильямс, М.Н. Покровский¹³. В первый состав Белорусской АН был избран в то время непреременный секретарь АН СССР С.Ф. Ольденбург. В фонде ученого (Ф. 208) сохранилось письмо от 1 января 1929 г. за подписью президента Белорусской АН В.М. Игнатовского и непреременного секретаря В.У. Ластовского с уведомлением об избрании С.Ф. Ольденбурга в первый состав Белорусской АН¹⁴. Другое письмо из фонда Секретариата АН СССР касается организационно-подготовительных моментов его избрания¹⁵.

В свою очередь, белорусские ученые избирались в состав АН СССР. В СПФ АРАН хранятся дела по избранию этих ученых. Так, 31 января 1929 г. в члены-корреспонденты АН СССР по Отделению гуманитарных наук (по разряду языков и литератур европейских народов (русская литература)) был избран И.И. Замотин. Среди документов по его избранию — отзыв о научной работе за подписью Е.Ф. Карского, М.Н. Розанова, Б.М. Ляпунова, а также список его трудов¹⁶. 1 февраля 1933 г. по Отделению математических и естественных наук (органическая химия) в члены-корреспонденты АН СССР был избран белорусский химик-органик, член АН БССР Н.А. Прилежаев. Дела по его избранию в СПФ АРАН нет. Имеется также дело по избранию в АН СССР ученого, представляющего три научные школы: Белоруссии, Украины и России, — М.В. Довнар-Запольского. В деле сохранились биографическая справка, список работ кандидата, а также рекомендательные письма весомаго круга ученых Москвы, Ленинграда (академик Е.Ф. Карский), Украины и Белоруссии, хотя этому избранию и не суждено было состояться. Избрание другого кандидата в члены АН СССР от Белорусской республики также не осуществилось. Это профессор Белорусского государственного университета в Минске В.И. Ивановский, работавший в течение двух лет заместителем ректора по учебной части. В СПФ АРАН хранится отзыв о кандидате (без подписи) и список печатных трудов¹⁷.

В научной литературе существует мнение, что на начальном этапе развития научных связей двух академий ученые АН СССР помогали коллегам в Белорусской АН в научно-организационной и исследовательской работе, а по мере роста научного потенциала Белорусской республики все явственней проявлялись элементы взаимного обмена и творческого сотрудничества в их взаимоотношениях. Между тем документы СПФ АРАН позволяют утверждать, что о «шефском» отношении к белорусским научным кругам со стороны ученых центральных учреждений можно, пожалуй, говорить в связи с организационно-подготовительным этапом основания Белорусской академии, а уже с первых месяцев работы молодой академии у нее установились партнерские отношения с Академией наук СССР.

Проявлением своего рода «шефской» помощи республиканской науке можно считать подготовку в АН СССР аспирантов из Белорусской республики, начало чему

было положено уже в 1931 г. Отдельный раздел документов представляют материалы отдела аспирантуры, включающие в себя: 1) организационную переписку по приему и подготовке аспирантов, имеющуюся как среди общих делопроизводственных документов¹⁸, так и в качестве отдельных дел — «Отзывы и сведения об успеваемости аспирантов Белорусской АН, прикомандированных к Академии наук, договор с Белорусской АН и переписка» (1932 г., 89 л.)¹⁹, «Переписка с Белорусской АН по подготовке аспирантов и обеспечению их стипендией» (1934 г., 46 л.)²⁰; 2) личные дела аспирантов (в них имеются справки, отзывы, характеристики, автобиографии, анкеты, учебные планы, заявления, и т.д.): всего 18 имен²¹; также среди заявлений желающих поступить в аспирантуру АН СССР имеется заявление с приложенной автобиографией ученого лесовода А.Ф. Купрейчика, который работал на Центральной лесной опытной станции Белоруссии при Исследовательском Институте им. Ленина²².

Описание документов по теме можно найти в базе данных СПФ АРАН, их цифровые образы хранятся на сервере архива, регулярно пополняющемся новыми электронными копиями. В настоящее время основной массив электронных копий СПФ АРАН развивается на непланомерной основе, однако появляются возможности создания тематических электронных коллекций, что связано с реализацией проектов, поддерживаемых грантами и академическими программами. Сейчас создается коллекция документов по теме «Российско-белорусские академические связи в 1920–1930-е гг.»

Перечисленные коллекции выполняют роль страхового фонда и призваны в будущем служить в качестве фонда использования, обеспечивающего сохранность оригинальных документов в связи с отсутствием необходимости их выемки с места хранения.

К сожалению, технические возможности СПФ АРАН, а также непланомерность создания таких коллекций и их неполнота не дают возможности обращаться к ним широким кругам исследователей. Хотя определенная возможность в этом отношении существует для посетителей официального сайта СПФ АРАН. На сайте в разделе «Справочные материалы» имеется подраздел «Выставочная деятельность», который регулярно обновляется. В этом разделе представлены, во-первых, электронные версии проводимых силами или при участии СПФ АРАН выставок архивных документов. За 2012 г. на сайте было представлено 6 выставок. Другая группа виртуальных выставок формируется в виде тематических подборок цифровых копий документов. По рассматриваемой теме в 2012 – начале 2013 г. было сформировано три выставки: «Академические учреждения СССР и Белорусская академия наук: 1929–1931 гг.», «Договор по социалистическому соревнованию между академиями наук СССР, УССР и БССР. 3 марта 1930 г.», «Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) и петербургские научные круги». Структуры таких выставок идентичны. Предваряют выставку вступительные замечания формального характера, представляющие тему выставки и ее авторов, а ниже следует таблица, включающая в себя иконку с изображением оцифрованного документа и аннотацию к нему. Каждая иконка может быть увеличена для детального ознакомления с документом. Выставку сопровождает научная статья, вводящая в проблематику темы и описывающая соответствующие документы СПФ АРАН.

Таким образом, электронные коллекции СПФ АРАН реализуют ряд задач, обозначенных директором СПФ АРАН И.В. Тункиной²³. Во-первых, обеспечивается оперативный адресный доступ к документальной информации при расширенном круге пользователей в связи с доступностью информации в сети Интернет. Во-вторых,

создается возможность получения ретроспективной информации без обращения к самому архивному документу, что, с одной стороны, освобождает архивистов от определенного объема технической работы (выдача описей, поиск информации по рукописным каталогам при подготовке ответов на запросы исследователей), а с другой стороны, способствует обеспечению сохранности архивного документа, уменьшая частотность его выемки с места хранения.

- ¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1—1930. Д. 81. Л. 8—8 об.
- ² Подробнее см. статью в настоящем сборнике: *Бондарь Л.Д., Шишкина К.Г.* Научные связи Академии наук СССР и Белорусской академии наук в довоенный период в протоколах АН СССР из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.
- ³ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1930. Д. 62.
- ⁴ Там же. Оп. 1—1929. Д. 61. Л. 6—7.
- ⁵ Там же. Л. 1; ср. Д. 128. Л. 52 об.
- ⁶ Там же. Оп. 1—1930. Д. 81. Л. 3, 5.
- ⁷ Там же. Л. 9.
- ⁸ Там же. Л. 9—9 об.
- ⁹ Там же. Л. 8—8 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 15—15 об.
- ¹¹ Там же. Ф. 158. Оп. 3—1931. Д. 39. Л. 75, 84—93, 104—126, 178, 180—182.
- ¹² Там же. Л. 21—22, 74, 82—83, 174, 176—177, 179.
- ¹³ *Токарев Н.В.* Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытаний (1929—1945). Минск, 1988. С. 90.
- ¹⁴ СПФ АРАН. Ф. 208. Оп. 2. Д. 17. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 1—1929. Д. 61. Л. 2.
- ¹⁶ Там же. Оп. 11. Д. 462. Л. 1—11.
- ¹⁷ Там же. Оп. 1—1929. Д. 133. Л. 200—205 об.
- ¹⁸ Там же. Ф. 222. Оп. 1 (1930—1931). Д. 8. Л. 9, 88—89.
- ¹⁹ Там же. Оп. 1—1932. Д. 111.
- ²⁰ Там же. Оп. 1—1934. Д. 21.
- ²¹ Там же. Оп. 2. Д. 94, 349, 454, 502, 615, 636, 641, 682а, 683, 709, 731, 734, 757, 788, 845, 885, 905, 1009.
- ²² Там же. Оп. 1 (1930—1931). Д. 9. Л. 109—111.
- ²³ *Тункина И.В.* Модернизация научно-справочного аппарата Санкт-Петербургского филиала Архива РАН: сайт и база данных // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. Программа фундаментальных исследований Президиума российской академии наук. М., 2012. С. 595—597.

Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН: из опыта дигитализации историко-культурного наследия Бурятии

В Бурятии квалифицированным сбором, хранением, изучением и популяризацией памятников письменности, устного народного творчества начали заниматься со времени создания первого академического учреждения — Бурятского Ученого комитета, основанного в 1922 г., который со временем преобразовался в Бурятский научный центр СО РАН с несколькими научно-исследовательскими институтами. В 1970 г. в структуре Бурятского института общественных наук СО РАН (с 1997 г. — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН) был сформирован Рукописный отдел как самостоятельное научное структурное подразделение, а Постановлением АН СССР от 25 июня 1981 г. за № 1027 ему был придан статус академического научно-отраслевого архива. Рукописный отдел, ныне Центр восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК), является научным подразделением ИМБТ. С первых дней существования в Отделе стали целенаправленно собираться материалы и документы разнообразного характера: личные архивы и коллекции, рукописи и ксилографы, документы и фотографии по истории, этнографические, фольклорные и лингвистические записи.

На сегодняшний день ИМБТ СО РАН обладает одним из крупнейших в мире собраний письменных памятников на восточных языках, а также уникальных материалов и документов по истории и культуре народов Южной Сибири и Центральной Азии. По составу фонды ЦВРК делятся на три группы: тибетский, монгольский и архивный фонды, которые в свою очередь состоят из отдельных коллекций. В соответствии с этим в ЦВРК три тематические группы: тибетологическая, монголоведная и архивная. Коллектив ЦВРК, состоящий из 13 научных и научно-технических сотрудников сложился в основном в конце 1990-х гг.

Предпосылки, этапы и инструменты

В связи с перемещением в 2002 г. коллекций во вновь построенное специализированное здание была предпринята работа по инвентаризации всех фондов. Начиная работу мы имели: 1) Огромный массив источников со слабой степенью научно-технической обработки. Большая часть памятников, особенно в тибетском фонде, не была охвачена даже первичным учетом. 2) Наличие рукописных карточных каталогов для части фондов. Эти каталоги составлялись на протяжении нескольких десятилетий разными исследователями, при этом отсутствовала единая схема атрибутирования памятников, существенно различались схемы описания коллекций, количество параметров описания было невелико, от 5—7 до 12.

Деятельность по дигитализации фондов ЦВРК была начата ранее, с середины 1990-х гг., в связи с подготовкой фондов к перемещению в новое фондохранилище, когда при проверке и учете отдельных коллекций сведения картотечных каталогов стали оформляться в виде электронных баз данных. Поэтому возникла потребность

в создании интерактивной, информационной среды, способной интегрировать создаваемые в ЦВРК ИМБТ СО РАН электронные ресурсы.

В информатизации письменных источников можно выделить несколько самостоятельных подзадач, которые рассматриваются и как последовательные этапы решения проблем сохранения письменного наследия. На каждом этапе необходимо решать специфический комплекс технических и технологических проблем. Следует также отметить наличие специфики информационных ресурсов, создаваемых на каждом этапе:

- Инвентаризация и каталогизация существующего массива источников (создание СУБД).
- Создание страховых фондов на электронных носителях — перенос сканированных изображений памятников на электронные носители (обработка изображений, СУБД).
- Полнотекстовый ввод источников в исходной графике с использованием ручного ввода, методов оптического распознавания символов и т.д. (оптическое распознавание, гипертекст, СУБД).
- Публикация разрабатываемых информационных ресурсов — каталогов, научных описаний, библиографий и пр. (гипертекст, СУБД).

Нами учитывались вопросы способов публикации создаваемых ресурсов при разработке структур данных, выборе инструментов разработки, форматов хранения и т.д. При создании мультязычных ресурсов, предназначенных для публикации в Интернете, в первую очередь необходимо определить способ представления текстовой информации. Например, для большинства восточных языков не существует утвердившегося стандарта на представление данных в глобальных сетях. Поэтому на сегодня единственной реальной возможностью для передачи текстов на языках с ограниченным кругом пользователей является их ввод и передача посредством латинской транслитерации.

Основные проблемы в решении задач информатизации архивных, монгольских и тибетских письменных источников:

- Отсутствие на момент начала работ методологии создания электронных востоковедческих коллекций.
- Отсутствие фактических стандартов (наличие различных, несовместимых между собой систем кодировки символов и их компьютерного ввода, отсутствие в связи с этим унифицированной шрифтовой поддержки).
- Необходимость адаптации существующего программного обеспечения и разработки собственного.
- Недостаток финансирования вкупе с требованием лицензионной «чистоты» создаваемых информационных систем приводило и приводит к необходимости поиска альтернативных средств разработки, распространяемых в соответствии с моделью открытого программного обеспечения. Поэтому возникает необходимость внедрения и освоения новых, «сетевых» подходов в разработке программного обеспечения.

Общая характеристика проводимых исследований

Работа сотрудников Центра проводится по следующим основным направлениям:

- 1) фондовая работа с архивными документами и источниками на тибетском и классическом монгольском, на русском и бурятском языках; обеспечение на-

- учного сообщества необходимой ретроспективной информацией на основе научной разработки архивных фондов, изучения их состава и содержания;
- 2) научное описание и аннотирование коллекций и архивных фондов Центра, подготовка описаний к публикации; концептуальный анализ по группам источников; ввод в научный оборот письменных памятников: исследования, переводы и комментарии. Объектом исследования являются уникальные письменные памятники, хранящиеся в фондах ЦВРК;
 - 3) научные исследования в области тибетского и монгольского источниковедения, истории и буддийской культуры Центральной Азии, книжной культуры Трансбайкалья, тибето-монгольской медицины;
 - 4) создание ресурсной базы для информационного обеспечения фундаментальных востоковедческих исследований, разработка методов и средств цифрового представления историко-культурной информации, в том числе онлайн-овых; создание электронных каталогов и графических баз данных;
 - 5) разработка методов выявления, исследования, сохранения и популяризации объектов культурного достояния в Трансбайкалье;
 - 6) создание и концентрация мультимедийных (аудиовизуальных) материалов по культуре, истории Внутренней Азии.

В 2010–2012 гг. ЦВРК работал по приоритетному направлению СО РАН «9.2. Сохранение и изучение культурного, археологического и научного наследия: выявление, систематизация, научное описание, реставрация и консервация. Программа: 9.2.1. Оптимизация информационно-ресурсной базы фундаментальных гуманитарных исследований», выполняя проект «Исследование и дигитализация историко-культурных ресурсов для сохранения наследия народов Сибири и Внутренней Азии: интегрированные подходы».

В рамках указанного проекта проводились следующие научные исследования:

- роли и значения буддизма в истории культуры народов Центральной Азии, буддийского письменного наследия, с упором на биографии крупных представителей ламаистского духовенства Тибета, Монголии, Бурятии XVII–XX вв., истории буддизма в России;
- культурно-исторического наследия народов Бурятии в общеисторическом процессе Центральной Азии, в частности изучение бурятского книгопечатания в Забайкалье на тибетском и монгольском языках;
- тибетских и монгольских сочинений, архивных документов по истории, философии, истории культуры, научных знаний, религиозных верований народов Внутренней Азии с комментированным переводом на русский язык и источниковедческим исследованием;
- объектом исследования явились также история становления и развития библиотечного дела в Бурятии, письменные источники по истории книжной культуры старообрядцев Западного Забайкалья;
- методов и средств цифровой обработки и представления историко-культурного наследия Внутренней Азии и Трансбайкалья.

Актуальность исследований, выполняемых сотрудниками ЦВРК, обусловлена, в первую очередь, малой изученностью имеющихся источников и необходимостью рассмотрения книжно-рукописных традиций народов Внутренней Азии в современном контексте культурно-исторического наследия. Источниковедческие исследования в ЦВРК нацелены на исследование, комментированный перевод и ввод в научный оборот (публикацию) письменных памятников на тибетском и старописьменном

монгольском языке. В области тибетологических исследований интересы научных сотрудников ЦВРК распространяются на основные области традиционных знаний народов Внутренней Азии: медицина, философия, история.

Важным результатом в деятельности сотрудников ЦВРК является публикация научных описаний тематических коллекций. В 2004–2009 гг. были опубликованы аннотированные каталоги двух из пяти монгольских коллекций М I и М II (университетом Тохоку, Япония), каталоги двух тибетских коллекций (сочинений по философии и собраний сочинений тибетских авторов изданы в Монголии и Индии).

В 2010 г. была инициирована серийная публикация научных описаний тематических коллекций «Архивные коллекции Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН». В рамках этой серии опубликовано 5 аннотированных каталогов: личных архивов Ц.Ж. Жамцарано (1880–1942) (Улан-Удэ, 2010); Н.Н. Поппе (1897–1991) (Улан-Удэ, 2011); М.П. Хомонова (1913–1995) (Улан-Удэ, 2013); публикация архивных документов «Лингвистическое наследие Н.Н. Поппе» (Улан-Удэ, 2013); и аннотированное описание медицинской тибетоязычной литературы из фондов ЦВРК (Улан-Удэ, 2012).

Результатом научно-исследовательской работы сотрудников по данному проекту стали 10 монографий, включающих исследования и переводы тибето- и монгольских памятников письменности, публикации архивных документов и аннотированных каталогов отдельных коллекций, и десятки статей в рецензируемых отечественных журналах и зарубежных изданиях. Актуальность направлений деятельности ЦВРК подтверждена грантовой поддержкой со стороны российских и иностранных научных фондов. Так, сотрудники ЦВРК в 14 проектах выступили в качестве руководителей, в 7 – в качестве основных исполнителей.

Посредством введения в научный оборот подробных научных описаний архивных материалов, письменных памятников на тибетском, старописьменном монгольском языках и кириллической письменности созданы предпосылки для углубленных компаративистских исследований на междисциплинарном и межрегиональном уровнях.

Ввиду наличия подготовленных специалистов и наработанной методологии обработки памятников письменности, ЦВРК утвердился в качестве центра по изучению и вводу в научный оборот коллекций старинных книг, рассредоточенных по всей территории Трансбайкалья, принадлежащих как учреждениям науки и культуры (библиотекам, музеям), так и монастырям, и частным лицам. Одним из важных направлений работы стала организация сотрудничества между разными учреждениями, обладающими коллекциями тибетских текстов. В рамках сотрудничества создана база данных тибето-монгольской коллекции Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова (МИБ). Один из крупнейших музеев Сибири и Дальнего Востока (основан в 1923 г.), он содержит крупную коллекцию рукописей и ксилографических изданий на тибетском и монгольском языках (входящую в состав Фонда редкой книги). Коллекция была собрана сотрудниками Антирелигиозного музея (название Музея истории Бурятии до 1941 г.) Бурят-Монгольской АССР в годы фактического уничтожения буддийской сангхи на территории Республики. Тибето-монгольская коллекция Музея содержит сегодня 1200 единиц хранения (560 монгольских и 640 тибетских сочинений). Используя свой опыт и методологические подходы, сотрудники ЦВРК решили проблемы научного описания тибето-монгольской коллекции МИБ и создания унифицированной электронной базы данных с единым стандартом транслитерации и внутренней рубрикации описания.

Полученная в результате работы по проекту электронная база данных, которая содержит описание каждой единицы хранения по 21 категории, стала частью

единого информационного пространства, объединяющего на первом этапе тибето-монгольские фонды ИМБТ СО РАН и МИБ, а в перспективе все другие учреждения, располагающие подобными коллекциями (Кяхтинский Краеведческий музей им. В.А. Обручева, буддийские монастыри, частные собрания).

В ходе выполнения плановых работ и инициативных проектов были разработаны новые методы археографической работы в рамках социальной археографии, позволившие на современном уровне проводить научные полевые экспедиции и исследования в области традиционной книжной культуры народов Бурятии. В 2011–2012 гг. изучалась повседневная буддийская книжная культура в 20 селах Селенгинского, Мухоршибирского и Бичурского районов, бытование книг кириллической традиции в старообрядческих селах Республики Бурятии. В ходе экспедиций проводилась видео- и фотосъемка.

В рамках проектов Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (проект «Музыка шаманского культа западных бурят», № 33.3.2) и РГНФ (проект «Обрядовая музыка бурят», № 12-14-03002а) были проведены музыкально-этнографические экспедиции по районам Республики и Иркутской области. Собранные материалы включают аудио- и видеозаписи западно-бурятских народных песен, анкеты информантов, шаманские легенды, культурологические сведения, зафиксированные в полевых дневниках. Записанные образцы отражают синхронный жанровый срез западно-бурятской музыкально-фольклорной традиции, представленной обрядовой и необрядовой сферами интонационной культуры бурят.

На современном этапе развития исторической науки все больший научный и практический интерес привлекают визуальные материалы. Особое значение приобретает активное введение в научный оборот новых, ранее не востребуемых технотронных исторических источников (фото документов), что в свою очередь актуализирует разработку методики для их изучения. В 2010–2012 гг. было продолжено создание электронного фотоархива из материалов общего архивного фонда ЦВРК и начата подготовка аннотированного каталога изображений. Впервые удалось провести локализацию и атрибуцию ранее неидентифицированных 439 фото документов 1920–1930-х гг.

Новым перспективным направлением деятельности ЦВРК является создание видеоархива материалов по актуальным проблемам монголоведения, буддологии и тибетологии, внедрение визуальных методов исследования. Начало было положено в 2009–2010 гг., когда в результате выполнения совместного проекта ИМБТ СО РАН и Центрального университета тибетологических исследований (Индия, Варанаси) были скопированы ценные материалы мультимедийного архива этого научно-образовательного учреждения. Общий объем приобретенных материалов составляет 456 наименований, более тысячи часов видео- и аудиозаписей, около 2 терабайт информации. Приобретение и ввод в научный оборот цифрового архива ЦУТИ является важным научным достижением для российского востоковедения. Новые материалы, полученные в ходе выполнения проекта, открывают широкий простор для развития исследований современного Тибета, Бутана, Непала и тибетской диаспоры в Индии: политических процессов в регионах расселения тибетских народов, динамики социальных изменений в традиционных тибетских обществах, степени трансформации религиозных институтов и т.д.

Эти видеоматериалы широко используются в производстве собственной видеопродукции ИМБТ СО РАН. Так, на их основе создана серия научно-популярных документальных фильмов «Тайны тибетской цивилизации», включающая в себя фильмы: «Тайны тибетской цивилизации», «Тибетцы: народ в изгнании» и «Бесконечная

жизнь тибетских тулку» длительностью 25 минут каждый. Фильмы транслировались на канале «Мир-Бурятия» (Улан-Удэ) с июля по ноябрь 2010 г. Данная серия фильмов ставит целью познакомить телезрителей с состоянием тибетологических исследований в Республике Бурятия, важными направлениями исследований, проводящимися бурятскими специалистами в области философии и этики буддизма, истории и этнографии Тибета, современным проблемам тибетских диаспор, деятельности Далай-ламы. Аудиовизуальный ряд сопровождается комментариями специалистов ИМБТ СО РАН.

В 2011 г. на основе оригинальных съемочных материалов, полученных в ходе экспедиции ИМБТ СО РАН в Тибетский автономный район КНР (октябрь—ноябрь 2010 г.), серия научно-популярных документальных фильмов в рамках проекта «Тайны тибетской цивилизации» продолжена двумя документальными научно-популярными фильмами: «Лхаса. Живое сердце Тибета» и «Монастыри. Духовные крепости Тибета» длительностью 20 минут каждый. Серия освещает разные вопросы истории, культуры и этнографии Тибета, социально-политического состояния тибетского народа на современном этапе.

Электронные ресурсы

Создание цифровых ресурсов, размещаемых в сети Интернет на собственном веб-портале, является важным направлением деятельности Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. С 2008 г. на постоянной основе функционирует веб-портал ЦВРК <http://imbtrachive.ru>, на котором концентрируются результаты научно-исследовательской деятельности сотрудников.

Основными ресурсами, доступ к которым предоставляется на веб-портале, являются электронные каталоги коллекций ЦВРК: тибетского и монгольского фондов, востоковедческой библиотеки, каталог архива видеоматериалов, приобретенного у Центрального университета тибетологических исследований, веб-сайты отдельных инициативных проектов и другие материалы.

Электронные каталоги тибетского фонда представлены каталогами коллекций буддийского канона Ганчжур и Данчжур разных монастырских изданий, отдельных канонических изданий (торбу), медицинскими сочинениями, справочно-библиографической литературой (гарчаки), каталогами собраний сочинений тибетских авторов (сумбумы). Монгольский фонд в настоящее время представлен электронными каталогами, две коллекции (Монгольского рукописного Ганчжура и коллекции Mongolica I) — аннотированными.

В 2011 г. на портале ЦВРК размещен каталог мультимедийных ресурсов Центрального университета тибетологических исследований. Каталог трехязычный: тибетский (в транслитерации ACIP/Wylie), английский, русский. В онлайн-режиме представлена тибетско-русская версия каталога, всего описано 456 единиц хранения, по 9 основным параметрам. Доступны три режима поиска и выборки данных: страничный просмотр, поиск по названию, поиск по ключевым словам (тэгам).

Доступ к большому количеству текстов оригинальных документов XIX — начала XX в., хранящихся в фондах ведущих архивов России, открывает ресурс «Материалы по истории буддизма в Забайкалье XIX — начала XX в.», созданный в рамках выполнения проекта «Интеграция буддизма в состав Российского государства во второй половине XVIII—XIX вв.: опыт формирования, анализ и публикация источниковой базы» (грант РГНФ № 11-01-12063в). В настоящее время в базе данных представле-

ны около 130 документов, сгруппированных по 11 категориям. Спецификой этого ресурса является связанный с ним указатель, содержащий почти 470 ключевых слов, по которым индексируются документы. При выборе элемента указателя выводится список всех связанных с ним документов; при выборе документа отображается список всех ключевых слов, с помощью которого можно найти другие документы схожей тематики.

Электронный ресурс «Аннотированное описание и цифровые копии источников по тибетской медицине» создан по результатам выполнения в 2009–2011 гг. совместно с Отделом редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН интеграционного проекта СО РАН «Принципы и технология электронного представления книжного памятника». В рамках проекта описаны и аннотированы 74 сочинения из тибетского фонда ЦВРК, представляющих все жанровое многообразие тибетской медицинской литературы и региональную специфику коллекции, хранящейся в ИМБТ СО РАН. Осуществлено сканирование 100 тибетских книг. База данных, включающая в себя аннотированные описания источников, объединенные с их данными из электронного каталога и предоставляющая доступ к их сканированным изображениям, представлена на сайте ЦВРК ИМБТ СО РАН (URL: <http://imbtarchive.ru/index.php?topic=100>). Таким образом, коллекция медицинских текстов тибетского фонда ЦВРК становится одной из ресурсных основ для создания обширной и всеохватывающей базы знаний по тибето-монгольской медицине.

На базе вики-технологии создан электронный глоссарий тибетской медицинской терминологии общим объемом около 3700 словарных статей. Каждая статья включает в себя название термина на тибетском в латинской транслитерации и в оригинальной тибетской графике, его перевод/толкование на монгольский (в латинской транслитерации) и русский языки. Опционально приводятся эквиваленты термина на латинском и санскрите. Глоссарий снабжен аутентичным иллюстративным материалом, взятым из средневековых тибетских медицинских источников. Большая часть терминов структурирована по тематике, реализовано несколько способов поиска и выборки необходимой информации.

Сотрудниками ЦВРК было создано ядро многофункциональной базы данных, положенной в основу информационной системы ЦВРК ИМБТ СО РАН, обслуживающей служебные потребности сотрудников ЦВРК, института и иных потребителей информационного ресурса. За это время накоплен существенный опыт по внедрению информационных технологий. Созданы электронные каталоги и тематические базы данных, раскрывающие различные аспекты историко-культурного наследия народов Центральной Азии. В то же время, по мере роста количества и качества создаваемых информационных ресурсов, нарастает необходимость создания единой информационной системы, способной интегрировать существующие наработки, и методической и технологической баз для создания новых ресурсов, нацеленных на сохранение и максимально полное использование исследователями документального наследия.

Опыт научного описания медицинской коллекции тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН*

Коллекция медицинских текстов на тибетском языке является частью рукописного и ксилографического фонда Центра восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК) Института монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН. Начало формированию фонда было положено в 1920-х гг., он пополнялся на протяжении нескольких последующих десятилетий и к настоящему времени является одним из крупнейших в мире собраний тибето- и монголоязычных книжных памятников¹.

Значительный объем тибетской части фонда, насчитывающего более 40 тыс. единиц хранения, и ее содержание характеризуют богатую культуру Трансбайкалья и широкие культурные связи этого региона со Внутренней Азией. Трансбайкалье является северной окраиной монгольского мира, здесь исторически осуществлялись активные межкультурные взаимодействия. Одним из главных факторов, формирующих культурную самобытность этого региона, стало распространение тибетского буддизма, начавшееся в XVI в.

Буддизм, как и любая мировая религия, представляет собой огромный культурный комплекс, охватывающий все аспекты жизни человека и общества. Это обусловило жанровое разнообразие представленной в тибетском фонде ЦВРК литературы. Так, в отдельные коллекции выделены разные издания тибетского буддийского канона *Кангьюр* и *Тенгьюр*, собрания сочинений *сунбум* (тиб. *gsung 'bum*) буддийских деятелей, литература по буддийской философии и логике *чоира* (тиб. *chos grwa*), разрозненные сочинения *торбу* (тиб. *thor bu*) и т.д. В этом ряду в специальную коллекцию была выделена литература по медицине, также относящейся к одной из пяти больших буддийских наук. Размеры этих коллекций различны, они объединяют от нескольких сот до нескольких тысяч единиц хранения².

Со второй половины 1990-х гг., по мере развития информационных технологий и появления методологий цифровой обработки восточных памятников письменности, начались работы по электронной каталогизации собрания ЦВРК³. В ходе реализации ряда проектов, поддержанных Российским гуманитарным научным фондом и Российским фондом фундаментальных исследований, к настоящему времени каталогизировано более 70% тибетского фонда, и приобрела актуальность следующая задача — научное описание и аннотирование коллекций, создание их цифровых копий и обеспечение доступа к ним более широкого круга читателей, в том числе и с использованием интернет-технологий. Такой комплексный подход был в первую очередь реализован для тибетской медицинской коллекции, исходя из следующих соображений.

Буддийская культура Внутренней Азии во втором тысячелетии н.э. складывалась под определяющим воздействием индийской культурной традиции раннего средневе-

* Статья написана в рамках Проекта СО РАН «Разработка научно-технологической базы для формирования фармацевтического кластера в Республике Бурятия (2013–2014)».

ковья. Вместе с тем в областях классических буддийских знаний, относящихся условно к «прикладным» или «внешним» дисциплинам (тиб. *phyi'i rig pa*), помимо индийского, ощущается достаточно сильное влияние культур Восточной (Китай), Передней (Персии и, опосредованно, Аравии) Азии и автохтонного населения региона — тибетцев, монголов, тюрков. К «внешним» дисциплинам традиционно относятся языкознание, медицина, технология, искусство, астрология⁴. Изучение этих отраслей продолжает оставаться во многом фрагментарным. Несмотря на имеющиеся серьезные исследования в данной сфере, остро ощущается малая изученность источниковой базы и отсутствие интеграционных исследований, способствующих цельной реконструкции этой стороны культуры и научных знаний Внутренней Азии.

Недостаток современных научных исследований при несомненном росте публичного интереса к таким аспектам культуры Внутренней Азии, как тибетская медицина, оставляет широкий простор для распространения квазинаучных сведений и откровенного шарлатанства. Поэтому актуальной является задача скорейшего ввода в научный и публичный оборот богатейшей источниковой базы тибетской медицины, создание условий для ее глубокого изучения и освоения.

Решение этой задачи выполняется по следующим направлениям:

- 1) научное описание медицинской коллекции, включая составление электронного каталога и классификацию литературы по жанровой принадлежности;
- 2) создание страховых цифровых копий книг;
- 3) переводы наиболее ценных источников;
- 4) систематизация понятийной системы тибетской медицины в форме специализированного глоссария медицинских терминов;
- 5) создание общедоступных онлайн-ресурсов, раскрывающих содержание коллекции, открывающих доступ к сканированным изображениям книг, глоссарию медицинских терминов.

Коллекция медицинских сочинений на тибетском языке (тиб. *sman gzhung*) Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН насчитывает 508 единиц хранения. Они представлены в основном книгами формата *ботхи* (отдельные бумажные листы прямоугольной формы, длинная сторона которых намного превосходит короткую; такая форма имитирует традиционные для Древней Индии книги на пальмовых листьях). Из них 480 представляют собой ксилографические издания, 28 — рукописные копии или тексты, переписанные от руки.

Ценность этой коллекции составляют представленные в ней основные источники по теории и практике тибетской медицины во всем их жанровом разнообразии, многие из которых до сих пор не введены в научный оборот. Кроме того, в ее составе находятся сочинения монгольских и бурятских авторов, часто двуязычные, что позволяет говорить о ее уникальности. Книги коллекции в прошлом преимущественно принадлежали бурятскому духовенству.

Традиционная тибетская медицина развивалась в крупных бурятских монастырях, где открывались школы по подготовке врачей. Например, к середине XIX в. при разных дацанах функционировали медицинские факультеты — менпа-дацаны. Лекарей, эмчи-лам, готовили при Цугольском (осн. в 1826 г.), Агинском (осн. в 1811 г.), Ацагатском и более десяти других монастырей. Здесь же осуществлялась публикация классических текстов тибетской медицины «Чжуд-ши», «Вайдурья-нгонпо», «Лхантаб», готовились и издавались оригинальные труды бурятских эмчи-лам. Свои печатни имелись в 29 из 34 монастырей, которые с середины XIX в. начали массово выпускать медицинскую литературу на тибетском и старомонгольском языках.

В основном бурятские монастыри придерживались программы, или системы буддийского образования тибетского монастыря Лавран (ныне провинция Ганьсу, Китай), где издавна обучались бурятские монахи. Обучение будущих лекарей на медицинских факультетах также велось по программе Лаврана, принятой Цугольским монастырем — основоположником системы медицинского образования в бурятских монастырях. Медицинский факультет при Цугольском монастыре был основан в 1869 г. Основной предмет изучения — тибетский медицинский канон «Чжуд-ши» (XII в.). Из четырех томов или тантр «Чжуд-ши» ученик был обязан выучить наизусть так называемые три малые тантры. Среди них — «Тантра основ», содержащая структуру тибетской медицины. «Тантра объяснений» раскрывает методологические аспекты теоретической медицины. «Дополнительная тантра» дает описания разных лекарственных форм, излагает правила и показания для проведения процедур прижигания, иглоукалывания, кровопускания, массажа, раскрываются приемы диагностики по пульсу, моче и проч. «Тантру наставлений» из 92 глав, которые излагают клиническую часть медицинской науки, не требовалось заучивать наизусть, а только хорошо изучить и усвоить содержание. По завершении заучивания каждой тантры сдавался экзамен, а затем при окончании всего курса — устный и письменный экзамены по указанным «трем малым тантрам». После сдачи этих экзаменов ученики приступали к изучению тонкостей медицинской науки.

Характерно, что в буддийской образовательной системе от учеников младшего возраста в обязательном порядке требуется простое механическое заучивание необходимых текстов. Считается, что когда в память уже заложена необходимая информация, то ее дальнейшее аналитическое усвоение происходит гораздо быстрее. Тем более, если это касается «Чжуд-ши» или других «коренных» текстов, которые очень сложно понять. Как правило, эти тексты отличаются крайней лаконичностью изложения материала и специально для заучивания и запоминания составлены стихами. После освоения «коренных» текстов ученики получали развернутые комментарии с детальным разъяснением понятий и терминов, с подробным изложением теории и практики. Помимо усвоения комментариев на «Чжуд-ши», предполагалось изучение и остальных медицинских трактатов — фармакологических и фармацевтических руководств, фармакогностических сочинений, рецептурных справочников, а также ритуальных обрядовых текстов. Вся эта медицинская литература в совокупности представляет собой системное изложение тибетской медицинской науки и входит в обязательную программу, необходимую для окончания медицинского факультета менпа-дацанов. Кроме указанных обязательных учебных текстов для доходчивости и правильного понимания содержания медицинских источников преподаватели составляли свои собственные словари, руководства и пособия. Заниматься же собственной практикой разрешалось только после полного освоения всех теоретических и практических аспектов медицины⁵.

Таким образом, несмотря на относительно компактный размер, в медицинской коллекции ЦВРК представлены основные литературные источники в их необходимом жанровом разнообразии.

Работа по выделению и первичной инвентаризации коллекции из общего массива тибетского фонда была осуществлена Х.Ж. Гармаевой и Д.Б. Дашиевым в 2005—2006 гг. Они же описали историю комплектования коллекции в тибетском фонде ИМБТ СО РАН, разъясняя принципы выделения медицинских текстов, и предложили свою систему их классификации⁶. Техническое обеспечение осуществлялось О.С. Ринчиновым.

Первоочередной задачей при работе над медицинской коллекцией тибетского фонда ЦВРК стало формирование электронного каталога. В качестве его основы была принята форма описания тибетской литературы, предложенная *Asian Classics*

Input Project (АСІР), международной некоммерческой организацией, занимающейся цифровой обработкой буддийских книжных собраний. Эта форма описания, модифицированная сотрудниками ЦВРК, позволяет учитывать как содержательные, так и физические параметры книжного памятника. Каждая запись каталога включает 24 параметра описания (табл.). Для ввода тибетского текста применяется система транслитерации на основе латиницы, разработанная АСІР на базе транслитерационной схемы Wiley. Использование транслитерации наиболее удобно для ввода, хранения и поиска текстовых данных, в то же время для восстановления оригинальной тибетской графики можно применять средства, предлагаемые АСІР и консорциумом Tibetan and Himalayan Digital Library (<http://www.thlib.org>). В их перечень входят шрифты (у THDL – с поддержкой UNICODE), конвертер «латиница → тибетский», текстовый редактор, поддерживающий прямой ввод тибетских символов.

№ п/п	Название поля	Обязательность	Описание
1	SER_NUM	+	Порядковый номер в базе данных
2	WORK	+	Исполнитель (автор записи в каталоге)
3	CAT_CODE	+	Инвентарный номер
4	TIB_TITLE	+	Заглавие на тибетском языке
5	SANS_TITLE		Заглавие на санскрите
6	EXTRA_LAN		Дополнительные языки
7	SEAL_CODE		Код печати (из базы данных сфрагистики)
8	BRIEF_TITLE		Короткое название на тибетском языке
9	AUTHOR_NAME		Имя автора
10	PUBL_YEAR		Год издания
11	BOOK_TYPE	+	Тип книги (принт, рукопись, ксилограф)
12	PAPER_TYPE	+	Тип бумаги
13	PAPER_HUE	+	Цвет бумаги
14	PAPER_GRADE	+	Качество
15	READABILITY	+	Читабельность текста
16	VOL_NUM	+	Количество томов в издании
17	PAGE_NUM	+	Количество листов
18	LINES_QUAN	+	Количество строк на листе
19	OUT_DIM	+	Внешний размер листа, см
20	IN_DIM	+	Размер рамки текста (внутренний), см
21	LOC		Локализация книги (место создания или принадлежность)
22	DRAWINGS		Рисунки в книге
23	COLOPHON		Колофон
24	NOTES	+	Примечания (аннотация)

В работе Х.Ж. Гармаевой и Д.Б. Дашиева осуществлено первичное деление массива источников на следующие классификационные группы (в скобках указано количество оригинальных текстов, отнесенных исследователями к той или иной группе): 1) специ-

альная медицинская литература (30); 2) литература общегуманитарного характера, в том числе историческая и справочно-библиографическая (16); 3) обрядовая литература (29). Очевидно, что эта классификация мало характеризует жанровое разнообразие медицинской литературы и непригодна для представления коллекции широкому пользователю.

В полном научном описании медицинской коллекции, выполненном Ю.Ж. Жабон, была предложена систематизация литературных памятников, включающая следующие главные темы: 1) история медицины; 2) основные письменные источники (первоисточники); 3) комментарии; 4) рецептурные справочники; 5) руководства по лечебным процедурам; 6) сочинения по фармакологии; 7) терминологические медицинские словари; 8) сочинения, содержащие оглавление или перечень глав, тем, освещаемых в различных медицинских трактатах; 9) тексты, содержащие перечень полученных медицинских учений; 10) трактаты медицинского содержания из буддийского канона; 11) обрядовые медицинские тексты⁷:

I. История медицины (тиб. *gso ba rig pa'i khog 'bugs/ gso rig skor gyi chos 'byung*). Сочинения по истории медицины освещают исторические аспекты тибетской медицины: процесс формирования, функционирования, развития медицинских традиций, преемственность передачи медицинских знаний. Содержат историко-библиографические, биографические сведения и жизнеописания выдающихся тибетских ученых и врачей. В коллекции ЦВРК хранится лишь один текст по истории медицины «Кокбук» (ТМ-215). Это ксилограф тибетского издания очень хорошей сохранности.

II. Первоисточники (тиб. *rtsa ba*) — «коренные» тексты, или основные собственно медицинские письменные источники, среди которых центральным является тибетский медицинский канон «Чжуд-ши». Также к первоисточникам следует отнести и другие сочинения, не опирающиеся на текст «Чжуд-ши», созданные до или после его появления, оказавшие существенное влияние на развитие тибетской медицины.

III. Комментарии (тиб. *grel pa*). В текстах этой группы даются разъяснения трудных, неясных мест основных источников в традициях соответствующих тибетских медицинских школ. Также практикуется такой жанр как «комментарий на комментарий». По числу текстов и их объему данная группа разъяснительных источников представляет собой самую значительную часть медицинской литературы Тибета. Сюда относятся такие тексты, как «Древо медицины» из «Тантры основ», «Кратко об обследовании пульса», «Небольшой текст об идентификации сосудов для кровопускания», ««Джева-ринсел» — миллионы устных наставлений» Суркарвы Ньями Дордже (1439–1475), ««Мейпошеллунг» — наставления предков», ««Ньямъйик» — практические заметки» Гонмен — Гончок Пендара (1511–1577), комментарии Дармо-менрампа Лосанг Чойдрака (1638–?) ««Каргьяма» — секретное наставление» и ««Катренг» — нить наставлений» (ТМ-191), комментарий ко всем четырем томам «Чжуд-ши» «Вайдурья-нгонпо» Деси Сангье Гьяпо (1653–1705), трактат «Лхантаб» — комментарий к третьему тому «Чжуд-ши» — «Тантре наставлений», копии которого являются наиболее многочисленными в медицинской коллекции ЦВРК (280 ед. хр.), комментарий монгольского ученого Лосанг Чойпела (XIX в.) ««Чету-ныннор» — лучшая драгоценность сердца», ««Меннак-ринчен-джунне» — собрание медицинских наставлений», «Намгьял-аруре-тренва» — комментарий к трудным местам «Чжуд-ши» монгольского ученого Лунрик Тендара (XIX–XX вв.).

IV. *Менджор* — рецептурные справочники (тиб. *sman sbyor*). Это одна из самых распространенных и популярных групп тибетских медицинских источников. В них даны прописи рецептов, составы лекарственных препаратов и оздоровительных средств, а также методы лечения и профилактики заболеваний, которые составлялись на основе рекомендаций «Чжуд-ши» и комментирующих текстов.

V. Руководства по лечебным процедурам (тиб. *dpyad lnga*). Тибетская медицинская традиция различает «пять лечебных процедур»: кровопускание, прижигание, компрессы, ванны и массаж. В текстах этой группы сочинений приводятся описания и указания по технике проведения данных методов лечения болезней, показания и противопоказания к их применению. К ним относят также трактаты, посвященные иглотерапии, хирургии и хирургическим инструментам, гидротерапии и целебным источникам.

VI. Фармакология препаратов (тиб. *sbyor ba sman/ sman gyi 'khrungs dpe/ sman ngo shes*). Сочинения по фармакологии посвящены описанию лекарственных средств, применяемых в тибетской медицине. В них подробно излагаются места произрастания или нахождения лекарственного сырья, указываются возможности замены некоторых видов другими. Приводятся сортовые характеристики, лечебные свойства, эффективность лекарственных препаратов и т.д. Также указываются заболевания, при которых рекомендуется использование тех или иных препаратов. Некоторые из них имеют иллюстрации.

Данный класс сочинений, которых в коллекции 7, наиболее востребован современными учеными ботаниками и имеет наибольшую ценность для идентификации лекарственного сырья тибетской медицины.

VII. Медицинские словари (тиб. *dag yig/ sman gab tshig/ gsang sman gab sbas*). В эту группу входят словари самых различных по объему и содержанию сведений, включая тексты, разъясняющие трудные разделы основных и комментирующих сочинений. Тибетскими, монгольскими и бурятскими врачами было создано множество словарей, в которых дополнительно указаны синонимы лекарственного сырья и препаратов, а также обозначены заменители некоторых видов сырья местными материалами.

VIII. *Карчак* — оглавление (тиб. *dkar chag*). В тибетской традиции тексты жанра *карчак* содержат в себе лишь оглавление или перечень глав, тем, освещаемых в различных трактатах.

IX. *Тобъйик* — перечень полученных учений (тиб. *thob yig/ gsan yig*). В тибетской буддийской традиции тексты жанра *тобъйик* или *санъйик* представляют собой «систематизированные списки дисциплин, наставлений, руководств и посвящений всякого рода, полученных автором, с указанием, от кого именно то или иное из них получено».

X. Медицинские тексты из буддийского канона. В данную группу сочинений входят трактаты медицинского содержания из буддийского канона «Кангьюр» или «Тенгьюр». В списке медицинской литературы коллекции ЦВРК имеется один экземпляр трактата Чандраниданы «Дасер» — обширный комментарий к «Аштанга-хридаясамхите», извлеченного из «Тенгьюра» (том kho) Нартанского издания.

XI. Обрядовые медицинские тексты (тиб. *sMan bla'i mdo chog/ sMan gyi bla ma'i sgrub thabs/ sman chog/ sman byin rlabs/ rGyud bzhi'i bla rgyud gsol 'debs*). Хотя обрядовые медицинские тексты не относятся собственно к медицинским трактатам, но являются очень важной составной частью тибетской медицинской традиции. Они включают тексты тантрийского посвящения в Будду медицины, краткие, обширные садханы — практики реализации Будды медицины, описания обрядов благословения лекарств, подношений и умиловлений хранителей медицинского учения и т.д.

Электронный каталог медицинской коллекции тибетского фонда, цифровые копии ряда литературных памятников представлены на веб-портале Центра восточных рукописей и ксилографов (URL: <http://imbtarchive.ru/index.php?topic=2&cid=8>).

Аннотированные описания основных источников размещаются также в «Тибето-монгольско-русском глоссарии терминов тибетской медицины с санскритскими и латинскими параллелями» — электронном ресурсе, созданном на базе wiki-технологии, предоставляющем доступ к более чем 3,5 тыс. специальных терминов, наименований

лекарственного сырья, личных имен, названий литературных произведений, топонимов и т.д., встречающихся в тибетско-монгольской медицинской литературе (URL: <http://dictionary.imbtarchive.ru>).

Основным источником информации для компиляции электронного глоссария послужил экспертный словарь, созданный в результате работ по переводу тибетских медицинских сочинений: «Дзэйцхар-Мигчжан» (XIX в.), «Кхогбуг» (XVII в.) и др. Эта работа потребовала существенного пересмотра прежде применявшихся в российской тибетологии толкований терминов, классификационных схем и т.д. Для наполнения глоссария использовалась современная литература на тибетском языке, в том числе терминологические словари тибетской медицины, выпускаемые в ТАР КНР; значения многих терминов были установлены в ходе активного сотрудничества с высокообразованными ламами — специалистами по медицине из тибетской эмигрантской общины в Индии. Привлекались также монгольские источники — словари, переводы тибетских медицинских сочинений, как старопечатные и рукописные издания из фондов Центра восточных рукописей и ксилографов, так и современные издания, выпускаемые в АРВМ КНР, что позволило дать монгольское толкование для 90% включенных в глоссарий терминов. В глоссарии приведено также более 400 латинских соответствий (приблизительно 12% от общего объема), в основном для терминов, описывающих сырьевую базу лекарственных средств тибетской медицины⁸.

Названия словарных статей глоссария формируются на базе латинизированной транслитерации тибетских слов, каждая словарная статья представляет оригинальное написание слова (устойчивого словосочетания) на тибетской письменности, его монгольский аналог в латинской транслитерации и перевод (толкование) на русский язык; при наличии даются также латинские (в основном для названий животных, растений и минералов) и санскритские эквиваленты. Для словарных статей глоссария создана разветвленная система категоризации (метаописания), они снабжены перекрестными ссылками, движок MediaWiki обеспечивает полнотекстовый поиск по базе данных.

Таким образом, коллекция медицинских текстов тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН и создаваемые на ее основе электронные ресурсы формируют фундамент для наиболее полной базы знаний по тибетской медицине на европейских языках.

¹ Ванчикова Ц.П. Orientalistic Information Resources and Databases of the Centre of Oriental Manuscripts and Xylographs of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS // Электронные библиотеки и базы данных по истории Евразии в средние века. М., 2009. Вып. 13. С. 61–66.

² Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН: структура и содержание. Улан-Удэ, 2006.

³ Ванчикова Ц.П. *Op. cit.*; Ванчикова Ц.П., Ринчинов О.С. Востоковедческие информационные ресурсы центра восточных рукописей и ксилографов: методология и практика // Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России. Новосибирск, 2008. Т. 2. С. 457–464; *Они же*. Опыт разработки информационных моделей для электронного представления историко-культурных данных // Российский гуманитарный научный фонд и фундаментальная наука в Сибири: материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 10-летию РГНФ. Улан-Удэ, 2004. С. 286–288.

⁴ Введение в изучение Ганчжура и Данчжура: Историко-библиографический очерк. Новосибирск, 1989. С. 68–125.

⁵ Земля Ваджрапани. Буддизм Забайкалья: Раздел тибетская медицина в Забайкалье. М., 2008. С. 172–208.

⁶ Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН: структура и содержание. Улан-Удэ, 2006. С. 76–84.

⁷ Жабон Ю.Ж. Аннотированный каталог медицинской коллекции тибетского фонда ЦВРК ИМБТ СО РАН. Улан-Удэ, 2012.

⁸ Жабон Ю.Ж. Краткий тибетско-русский медицинский словарь с монгольскими эквивалентами. Улан-Удэ, 2008.

Историко-культурное наследие Научного архива Болгарской академии наук и его европейское измерение

Научный архив Болгарской академии наук (НА БАН) — ведомственный архив с постоянным составом документов. Профиль архива — документы самой Академии, независимо от времени их создания, а также фонды личного происхождения болгарских ученых, членов Болгарской академии наук (БАН) или работающих в ее отделениях. Очевидно, что НА БАН имеет свое место и значение в национальной архивной сети. В историческом аспекте он сформировался гораздо раньше государственных архивов и его вклад в сохранение болгарского историко-культурного наследия весьма значителен.

История академического архива связана с созданием Болгарского литературного общества (БЛО) в Брэиле в сентябре 1869 г., предшественника современной БАН. Его возникновение в бурную эпоху болгарского Возрождения, за пределами родины, в годы национального пробуждения и осознания делает это событие беспрецедентным в истории Европы. Задержанный на протяжении веков в своем духовном развитии, болгарский народ шел трудным путем, чтобы догнать современную европейскую цивилизацию. Единственный болгарский центр распространения научных знаний до Освобождения — это новосозданное литературное общество. Его основатели и первые члены — наиболее образованные болгары, получившие образование в России и Европе. В их знаниях и духовной энергии коренятся основы молодого независимого Болгарского государства. Достаточно упомянуть имена профессора Марина Дринова, митрополита Климента, Василя Д. Стоянова, Стефана и Василя Берона, Любена Каравелова, Ивана Вазова, Тодора Бурмова и многих других образованных болгар, чье творчество не уступает международным стандартам в соответствующей области культуры и науки того времени.

В первом уставе Общества, с 1 октября 1869 г. предусматривается создание коллекций (разрядов) «старых болгарских и иностранных книг, рукописей, денежных средств и других знаменитостей, которые составляют старинный кабинет». Эта инициатива была очень скромная, но многие болгарские и зарубежные ученые откликнулись на нее. В результате возрастания интереса к болгарской древности БЛО удалось на короткое время собрать ценные рукописи и документы, которые образовали основу будущего исторического архива. БЛО считало своим долгом призывать любящих учение болгар (учителей, священников, купцов, ремесленников) искать, собирать и хранить документальные материалы по истории болгарского народа. На страницах издания БЛО «Периодический журнал» были опубликованы десятки ранее неизвестных исторических источников, находящихся в разных европейских библиотеках и хранилищах.

Следуя традициям, в настоящее время НА БАН стремится находить, хранить, обрабатывать и предоставлять для использования все документы о развитии научной мысли в Болгарии, истории Болгарской академии наук, национальной политической истории. Место и статус НА БАН в качестве ведомственного архива определяются источниками его комплектования. В настоящей статье мы рассмотрим только основные группы источников, не касаясь организации и методов работы их изыскания, научной обработки и использования документов.

В первую очередь это материалы, образовавшиеся в результате деятельности БАН с момента ее создания до сегодняшнего дня. В академическом фонде хранятся протоколы ежегодных собраний и Правления Академии, устав и другие учредительные документы, сведения о структурных и кадровых изменениях, решения о публикации, документы о создании и использовании средств дарителей Болгарской академии наук, биографические материалы болгарских и иностранных членов Академии, доклады об их выборах и т.д.

На современном этапе фонды Академии объединяют делопроизводство Центрального управления, Правления и руководства Общего собрания БАН. Это протоколы, приказы, решения и другие документы Правления Академии, отчеты и доклады о деятельности БАН, сведения о структурных реорганизациях, планы по культурному сотрудничеству с зарубежными академиями, документы по организации международных конгрессов, заседаний, конференций и симпозиумов. Все эти материалы составляют основу академического архива.

Другой источник комплектования письменными источниками по истории науки — подразделения БАН (институты, лаборатории и независимые исследовательские отделения). Это документы о создании, реорганизации, структурных изменениях и исследованиях, с точными данными о развитии и достижениях отдельных отраслей науки.

Основным источником комплектования и значимой частью богатства архива БАН являются фонды личного происхождения — связанные с жизнью и деятельностью членов БЛО, а затем и БАН, они очень разнообразны по форме и содержанию. Болгарские ученые принимали активное участие в общественно-политической жизни страны, что отражено в их документах. Доминируют личные фонды ученых и литераторов, больше всего документов представителей общественных наук. По характеру и деятельности фондообразователей личные фонды в НА БАН можно разделить на несколько групп. Основная часть архивных документов относится к личным фондам ученых-членов Академии, которые являются, прежде всего, документальными источниками по истории науки.

В области **истории, археологии и географии** как ценные источники знаний могут быть указаны фонды Марина Дринова и Василя Друмева, одних из основателей и первых президентов Академии, чья разносторонняя деятельность ставит их в число первых поколений политиков страны; Константина Иречека, активно участвовавшего в управлении и развитии молодого болгарского государства после освобождения Болгарии в 1878 г. и оставившего после себя ценные труды по истории, географии и этнографии балканских стран; Феликса Каница, венгерского путешественника, этнографа, археолога, ученого и художника, внесшего существенный вклад в развитие болгарской культуры и науки и в присоединение Болгарии к европейской культурной модели; великого болгарского историка Василя Златарского, чьи работы на сегодняшний день являются богатым источником исторических данных о болгарском средневековье; археологов Рафаила Попова, Гаврила Кацарова и Крыстю Миятева; географов Д. Илкова, Ат. Бешкова и других.

Большую ценность для исследователей болгарской истории с периода позднего Возрождения и борьбы за национальное освобождение представляют документальные материалы Стефана Верковича, политика, этнографа и археолога. Наибольший интерес составляет переписка, которую он вел с представителями разных национальностей, охватывающая события в период 1860—1893 гг. Мы остановимся на его письмах к культурным институтам, ученым и видным общественным и политическим деятелям в России, от которых он ожидал материальную поддержку и признание своих научных исследований. На протяжении многих лет С. Веркович переписывался с членом-корреспондентом Императорской академии наук Н.А. Поповым; известным литовским ученым и общественным деятелем И. Басановичем (Й. Басанавичюс); историком славянских церквей,

профессором Санкт-Петербургской духовной академии академиком И.С. Пальмовым; создателем российской школы славистов академиком В.И. Ламанским; выдающимся русским филологом академиком Я.К. Гротом. Интересные сведения содержатся в письмах Верковича к Московскому археологическому обществу и Санкт-Петербургскому Славянскому благотворительному обществу. С. Веркович пишет общественным и политическим деятелям, среди которых граф Н.П. Игнатъев, генерал И.В. Гурко, В. Комаров, император Александр II, граф И.И. Воронцов-Дашков, генералы Н.Н. Обручев и О.Б. Рихтер и другие. Вся корреспонденция выявляет его желание привлечь внимание русской культурной общественности к вопросам, касающимся жизни и культуры славянских народов.

В области **лингвистики и литературоведения** мы сосредоточимся на двух важных именах — это Боян Пенев и Иван Шишманов, исследователи болгарской, славянской и западноевропейской литературы.

Научные области, в которых работал Боян Пенев, — история литературы и литературная критика. Сохранились рукописи его сочинений и лекций по истории современной болгарской литературы до и после Освобождения; рукопись университетского курса лекций по болгарской литературе, который он читал в Варшаве и Кракове; материалы о польском романтизме А. Мицкевича, Ю. Словацкого и Г. Красинского; статьи о литературных связях между болгарскими и поляками с целью популяризации польской литературы в Болгарии и болгарской в Польше. Существует его обширная переписка с болгарскими, польскими и другими иностранными учеными и писателями — такими как Георг Адам, Ям Гжегожевски, Йозеф Голombok, Тадеуш Грабовский, Мария и Яна Каспрович, Казимир Нич и многие другие. Фонд Бояна Пенева является богатой иллюстрацией болгаро-польских литературных и культурных связей.

Другой видный ученый в области литературы — общественный деятель Иван Шишманов. Его идеи и научные исследования являются предметом постоянного интереса для специалистов в различных областях науки. Его вклад как основателя болгарской фольклористики и этнографии, исследователя болгарского Возрождения, литературного критика, первого болгарского эксперта по западноевропейской литературе и эпохе Ренессанса заслужил высокую оценку. Шишманов организовал поиск, исследования, сбор и публикацию архивных документов по истории после Освобождения Болгарии, когда в стране не было специализированных архивов. Благодаря ему сохранились рукописи выдающихся болгарских писателей Ивана Вазова, Алеко Константинова, Пейо Яворова, Кирилла Христова, Неофита Рильского, Константина Фотинова; документы о создании образовательных и культурных учреждений, таких как Художественная и Музыкальная школы в Софии, Торговая школа в Свиштове, Национальные театры в Софии и Пловдиве и другие. Вряд ли какой-либо другой болгарский ученый с начала века имел настолько обширные связи с зарубежным научным и культурным миром. Среди его корреспондентов можно назвать имена Густава Майера, Гарольда Бакстона, Густава Вайганда, Лео Винера, Ф.К. Волкова, Эдуарда Вольтера, Фридриха Краузе, Фр. Чайлда и других ученых, интересовавшихся болгарским фольклором и этнографией. Вторая группа корреспондентов И. Шишманова — слависты и языковеды: Игнатий Ягич, Маттиас Мурко, Луи Леже, Пол Боайе и другие. По ряду важных вопросов Шишманов писал Константину Иречку, Николаю Державину, Леону Ламушу, Петру Лаврову, Элиасу Ригтсу, Карлу и Герману Шкорпилу, Ромену Роллану и многим другим.

Ценные документы по развитию **дипломатии, военной истории и политики** включают фонды Найдена Герова с его обширной перепиской с видными политическими и общественными деятелями — графом Н.П. Игнатъевым, А. Мельниковым, Неофитом Рильским, Нафанаилом Охридским и другими; Стефана Стамболова, национал-революционера, по-

литического и государственного деятеля, что является гарантией содержания в фонде информации по внутренней и внешней политике страны; Михаила Сарафова, министра и дипломата, фонд которого составляют ценные источники по политической и экономической истории Болгарии и религиозно-воспитательной работе среди населения в Македонии; Васила Радославова, лидера Либеральной партии (фонд с материалами по истории партии и политической ситуации в Болгарии до Первой мировой войны и ее участия в ней).

Эта группа включает и архивные фонды Драгана Цанкова, Тодора Пеева, Димитра Тончева, Атанаса Шопова, Христофора Хесапчиева, Петра Дырвингова и других, которые не исчерпывают интересные для исследователей базовые документы, содержащие информацию о политической, экономической и военной истории Болгарии.

Еще одной чрезвычайно ценной группой документов являются **мемуары** видных политических и общественных деятелей, таких как Симеон Радев, Стойчо Мушанов, Константин Муравиев, Павел Генадиев, Кузман Шапкарев и другие.

Болгарские и зарубежные читатели исследуют больше всего коллекцию **«Древнеболгарские и славянские рукописи»**. Среди них: Триодь XI в., Битолский триодь XII в., Софийский псалтырь с 1337 г., Евангелия с XIII по XIX в., монашеская литература с XIII по XIV в., дамаскины (рукописные сборники назидательных рассказов), копии первой болгарской истории и т.д.

В НА БАН хранятся материалы, относящиеся к **финансам и экономике**, а также к **философским и естественным наукам** в Болгарии. Это фонды Христа и Евлогия Георгиевых, которые создали первый банкирский дом с болгарским капиталом; Кирилла Попова с данными для исследования экономики страны; Спиридона Казанджиева с трудами и лекциями по логике и этике; Димитра Моллова, организатора болгарского санитарного дела после Освобождения, и других.

К группе личных фондов деятелей **литературы и искусства** относятся фонды Елина Пелина, Ивана Вазова, Александра Божинова, Тодора Влайкова, Николая Лилиева, Добри Христова, ваэстро Георгия Атанасова и многих других.

Как видно из кратких характеристик фондов, в этих документах содержится информация не только об истории науки, но и о конкретных исторических событиях национального значения. Это связано с тем, что болгарские ученые, члены Академии, являлись активными участниками в общественно-политической жизни государства. Поэтому в НА БАН можно найти документы и по истории научной мысли, и богатейший материал для политической, экономической и культурной истории Болгарии.

Развитие исторической науки немыслимо без использования документальных источников. Каждое тщательное исследование начинается с их поиска и всестороннего изучения. Чем более богаты коллекции документальных письменных источников, тем больше способность ученых в полной мере изучить ту или иную проблему. Объективная связь болгарского исторического развития с балканскими и европейскими процессами неизбежно ведет историков к всестороннему изучению важных событий и явлений на широкой международной основе, в прямой или косвенной зависимости от общего балканского и европейского исторического процесса. Поэтому необходимо сохранять на протяжении поколений и вводить в научный оборот как можно больше документальных источников. Обеспечение общественности полноценными оригинальными источниками, отражающими все аспекты ее развития в конкретный исторический период, является одной из основных задач каждого архива.

Историко-культурное наследие, которое хранится в Научном архиве Болгарской академии наук, является национальным достоянием, и мы несем ответственность за его сохранение и умножение — за будущее Болгарии в рамках единой Европы.

Реставрация и исследования столбца-свитка «Соборного уложения 1649 г.»

Решение о реставрации столбца-свитка «Соборного уложения 1649 г.» (РГАДА. Ф. 135. Отд. V. Р. 1. Д. 6) было принято в конце 2007 г. тогдашним главным хранителем РГАДА Балакаевой Идеей Андреевной и осуществлялось в рамках программы «Наследие». Реставрация «Соборного уложения», начатая в августе 2008 г., дала возможность осуществить и кодикологическое исследование данного рукописного памятника. Реставрация проводилась в Лаборатории Архива Российской академии наук реставратором высшей квалификации Волчковой Мариной Анатольевной. Приборная база Лаборатории АРАН позволила не только качественно отреставрировать ценнейший документальный памятник отечественной истории, но и провести уникальные по своему объему кодикологические исследования всего, более чем 300-метрового столбца-свитка.

Как и любая научная реставрация, реставрация свитка «Соборного уложения» началась с исследований состояния сохранности памятника. В РГАДА рукописный свиток «Соборного уложения 1649 г.» хранился туго намотанным на центральную деревянную палочку и размещался в серебряном позолоченном футляре. В августе 2008 г. на реставрацию в Архив РАН свиток был привезен уже без футляра, перемотанным на широкий оргалитовый цилиндр. На первых отмотанных метрах свитка было видно, что рукопись склеена из отдельных фрагментов бумажных листов. Однако сделать полноценное заключение об общем состоянии сохранности рукописи именно ввиду того, что она имела форму свитка и свитка очень длинного, не представлялось возможным. Поэтому описание повреждений делалось на протяжении всего процесса реставрации по мере продвижения от начала свитка к его концу. Было только заметно по краям и по начальным листам, что свиток имел следы многочисленных предшествующих починков. Починки разрывов производились способами и материалами не допустимыми в научной реставрации документальных памятников. К ним относятся: конденсаторная бумага, ткань типа марли, нетканый синтетический материал, бумага, содержащая древесную массу, клей ПВА, липкая лента типа «скотч». Большинство заклеек делались без удаления старых: одни поверх других до трех слоев.

Помимо визуального обследования, материальная основа рукописи изучалась с помощью приборной базы Лаборатории АРАН. Были проведены микроскопные исследования использованных в ходе починки рукописи клеев и наклеиваемых материалов¹. Проведены измерения водородного показателя как бумаги самого свитка, так и примененных в ходе починков материалов². В лучах видимой УФ флуоресценции проведены съемки чернил текста рукописи, которые показали отсутствие негативных процессов «проедания» чернилами бумаги свитка. Проведены так же необходимые исследования чернил на устойчивость их к увлажнению. Отдельные исследования касались водорастворимости клеев, использованных как при создании свитка, так и при многочисленных его починках. Клей, использованный создателями свитка в середине XVII в., имел животное происхождение (глютин), клеи «ремонтеров» имели в основном растительную природу (крахмал), за исключением ПВА и клея на скотче.

Именно техническая сложность удаления многослойных заклеек на разрывах «Соборного уложения» подвела реставратора к необходимости составить реставрационное задание таким образом: разделить свиток по местам изначальных склеек на фрагменты длиной около 1 м, что дает возможность пользоваться при реставрации свитка методом отдаленного увлажнения для отделения старых заклеек; после склейки разрывов высушивать данные фрагменты в типографском прессе; после проведения этих процедур фрагменты снова следовало склеить по старым швам в единый свиток.

Необходимость для качественной реставрации свитка его временного разделения на фрагменты и повлекла за собой принятие решения о полном кодикологическом описании-исследовании данной рукописи³. Потому что только такая, временно разделенная форма, и позволяла провести комплекс исследований, в ходе которых предполагалось прояснить вопрос о том, «как эта вещь была сделана». Предстояло собрать материальные свидетельства о том, как производилась работа по написанию и составлению столь уникального по форме и столь значимого по содержанию исторического документа.

О том, какие производились работы людьми, писавшими статьи «Соборного уложения», говорится в самом документе. На первых листах, во вступительном слове к «Уложению» отмечено, что по Государеву указу делаются списки из разных «правил», «законов», и «указов», и «судебников», но и новые статьи необходимо «написать» и «изложить». Таким образом, все собираемые в ходе реставрации и кодикологического исследования свитка данные являются развернутым наглядным комментарием к тому, что и как было списано, а что и как было написано заново, как было «чтено», и как «закреплено».

Кодикологические исследования на свитке «Соборного уложения» были финансированы из Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 11-06-00202 «Использование оптико-цифрового оборудования Архива РАН для кодикологического исследования столбца-свитка Соборного уложения 1649 г.» К данным исследованиям были привлечены специалисты-историки еще двух организаций: Юрий Моисеевич Эскин — главный хранитель РГАДА — места, где свиток находится на постоянном хранении, и Борис Николаевич Морозов — ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, который и возглавил исследовательские работы.

И для реставрации, и для кодикологического описания свитка сначала была проведена работа, которая стала отправной точкой для сбора базы данных. При проведении визуального осмотра документа реставратор выявила несоответствия в нумерации листов на лицевой и оборотной сторонах свитка, что затрудняло реставрацию и делало невозможным его правильное кодикологическое описание. Номера листов, идущие по лицевой стороне свитка «Соборного уложения», были проставлены только до цифры 205, при этом сбой в счете листов происходил пять раз: на л. 4—5, л. 11—12, л. 17, л. 21, л. 140. Номера, проставленные на обороте свитка, хотя и шли от начала до конца, но так же не соответствовали реальному количеству листов в рукописи. Первый сбой произошел на л. 211 (посчитан дважды), затем на л. 304 (посчитан дважды), и несколько ошибок на л. 887—888. Поэтому, для ведения точно документированного реставрационного и кодикологического описания рукописи, исследователями было решено — пересчитать и перенумеровать весь свиток в полном порядке и соответствии номеров количеству его листов. Работа была проведена главным хранителем РГАДА Ю.М. Эскиным с участием реставратора М.А. Волчковой; в свитке было зафиксировано ровно 960 листов. Новая правильная нумерация и послужила основой для составления кодикологического описания документа. Перенумерация рукописного свитка стала возможной потому, что в научной литературе на старую нумерацию никогда никто не делал ссылок. Старая нумерация оказалась

зафиксированной только на цифровой копии свитка «Соборного уложения», сделанной в РГАДА перед его реставрацией⁴.

В ходе проведения реставрации кодикологические нюансы и подробности отмечались в рабочей тетради реставратора или фиксировались с помощью цифровых фотографий и хранились в памяти компьютера. Это позволило в дальнейшем собрать все накопленные данные в единую **Схему-описание** всех 960 листов свитка.

Реставратором был отмечен важный технический момент работы писцов над свитком. Это был строго соблюдаемый порядок расположения верже, понтюзо, филигрانی и текста. То есть определено, каким образом происходил «раскрой» бумаги для свитка, и как происходил процесс заполнения текстом свободного поля листа. Целиковый лист ручного отлива размером приблизительно 34x42 см разрезался по середине короткой стороны, так что филигрань *всегда* оказывалась разделенной пополам на верхнюю и нижнюю части. Текст *всегда* располагался по направлениям понтюзо. Перед началом текста *всегда* находилось свободное поле, и это поле *всегда* ориентировано на центр листа таким образом, что филигрань *всегда* свободна от букв текста. Это правило строго соблюдается на всех 960 листах свитка без единого исключения и говорит о высоком профессионализме людей, его создавших.

Другой нюанс работы писцов был замечен при разделении реставратором свитка на фрагменты. Выяснилась очень интересная с точки зрения того, «как эта рукопись была сделана», подробность. При реставрационном разделении клеевых швов XVII в. между листами свитка стали встречаться промежуточные полоски бумаги, которые навели реставратора на мысль о «редакционной правке», осуществляемой непосредственно на самом документе его составителями. То есть, узкая полоска бумаги — это то, что осталось вместо вырезанного листа с замененным текстом.

Еще одним видом кодикологических исследований рукописи, сделанным в ходе ее реставрации, стали обмеры всех листов по длине и ширине. Эти замеры дают представление о масштабах проведенной нашими предками работы (наконец зафиксирована точная сумма длин всех листов свитка — 317,57 м). Не менее важно и то, что различия в размерах отдельных листов становятся дополнительным материальным свидетельством в пользу редакторских вставок на самом свитке. Они фиксируют разницу между маленьким редакционным вставным «клочком» и «стандартным» листом из заранее заготовленного текста.

Именно реставрационное разделение свитка на фрагменты позволило провести и такую масштабную работу, как цифровая фотофиксация всех без исключения филигранных, выявленных на листах этого документа⁵. Реставратор сняла все видимые на 960 листах рукописи водяные знаки, и они во многих случаях послужили дополнительным указанием на ведение редакторских поправок — на вставку новых текстовых фрагментов в предварительно заготовленные списки текстов. Фотографии филигранных свитка были обозначены номером листа рукописи и подключены к ее общему кодикологическому описанию⁶. Определением типов филигранных на свитке занимался Б.Н. Морозов, им выявлено 4 типа: «Агнец пасхальный», «Лотарингский крест под короной», «Шут», «Страсбургская лилия». Филигрань «Агнец пасхальный» в **Схеме-описании** стала обозначаться буквой «А», «Лотарингский крест под короной» — буквой «К», Филигрань «Шут» обозначена как «F», а «Страсбургская лилия» — как «L».

Реставрационное разделение свитка позволило провести тщательные исследования по выявлению количества писцов рукописи. Особенности почерков можно было изучать в сравнении на любом месте свитка, к этому процессу привлекались и цифровые фотографии самых характерных «рук». Исследователями было выявлено, что в написании столб-

ца-свитка приняли участие 7 писцов. На рукописной рабочей схеме эти почерки помимо цифрового определения получили цветовую метку. Следуя нумерации листов, исследователи отмечали разные «руки» разным цветом, так редакционная работа составителей столбца-свитка становилась очень наглядной.

В ходе изучения почерков исследователи вначале пользовались рукописным вариантом схемы. После проведения всех работ по кодикологическому исследованию столбца-свитка «Уложения» реставратором было предложено для сведения воедино всех накопленных кодикологических особенностей воспользоваться возможностями компьютерной программы Microsoft Excel.

Эта программа в единой таблице сочетает и показывает и смену почерков, и череду водяных знаков-филиграней⁷, и размеры листов-фрагментов по длине и ширине, и привязывает к этим материальным фактам тот текст, который написан на каждом отдельном листе из свитка «Соборного уложения». Все это делает зримым и доступным анализу процесс «сотворения» данного документального памятника.

Фрагмент из Схемы-описания рукописи «Соборного уложения»

№ листа с текстом	Вид почерка	Тип филигрانی	Высота листа	Ширина листа	Старый № листа (лицо)	Старый № листа (оборот)
893	В	km	27	16		890
894	В	F	39,5	16		891
895	Д	A	31,5	16		892
896	В	km	23,5	15,8		893
897	В	_km+F	40,5	15,8		894
898	В	F	40	15,8		895
899	В	_km+F	40,8	16		896
900	В	_km+F	40,5	16		897
901	В	_km+F	40,5	15,8		898
902	В	F	40,5	15,9		899
903	A	K	33,8	16		900
904	В	_km+F	31,8	15,8		901
905	В	_km+F	39,5	16		902
906	В	F	26,5	16		903
907	A	K	37	15,8		904
908	В		24	15,8		905
909	Д	A	40,7	15,7		906
910	Д	A	40,5	15,8		907
911	A	K	41,3	15,9		908
912	В	A	40	15,6		909
913	В		24,8	15,5		910

Цифры ячеек в первом столбце таблицы показывают настоящие номера листов свитка. К каждой ячейке через гиперссылку привязан текст, напечатанный в Интернете, на сайте <http://krotov.info/acts/17/2/ulozhen1.html>. Текст гиперссылки соответствует по содержанию тексту на рукописном листе свитка «Соборного уложения»⁸. Таким образом, можно определить, какие по содержанию статьи требовали от составителей «Уложения» наибольших редакторских усилий.

Ячейки во втором столбце указывают на смену почерков писцов.

Ячейки третьего столбца показывают тип выявленной на листе филигрании. Положение буквы в ячейке показывает, какая часть филигрании находится на данном листе: буква у левого края — значит верхняя часть, буква у правого края — нижняя. К знакам филиграней в этих ячейках тоже прикреплены гиперссылки на фотографии филиграней с данных листов.

Зная эти условные обозначения в *Схеме-описании*, можно заметить, как в основной блок листов переписанных почерком «В» на бумаге с филигранью «Шут», вклиниваются фрагменты с почерком «Д», написанные на бумаге с филигранью «Агнец пасхальный», и фрагменты с почерком «А» на бумаге с филигранью «Лотарингский крест под короной». Исходя из этого, можно предположить, что содержание именно вклинившихся фрагментов по каким-либо причинам подвергалось изменениям или дополнениям при составлении написанного на них текста «Уложения».

Программа Excel смогла определить и количество листов свитка, написанных разными писцами: почерком А — 328, В — 283, Г — 3, Д — 212, Е — 66, S — 62, З — 10. На четырех листах свитка встречаются одновременно по два почерка. Именно в программе Excel была легко посчитана сумма длин всех листов (317,57 м). Последним этапом реставрационной работы над «Соборным уложением» стал процесс его обратной склейки в единый столбец-свиток, и новая намотка этого свитка на прежний вал для размещения в старом футляре-ковчеге времени Екатерины II. Реставратору предстояло решить, каким образом и с помощью чего провести данные процедуры. И прежде всего — склейку. Из предварительных исследований было выяснено, что клей, с помощью которого создатели рукописи собирали разрозненные фрагменты в единый свиток, был водорастворимый, белкового происхождения, клей типа костного. Он давал очень прочную склейку — ни разу реставратору не встретилось на свитке место с «развалившимся» оригинальным клеевым швом. И это несмотря на то, что при разделении фрагментов становилось заметно, сколь тонкой была линия наложения склеиваемых листочков — не более 2–4 мм. У реставратора возник вопрос — каким образом составители документа добивались таких результатов? Ответом стали многочисленные разрывы, образовавшиеся около мест склейки. Их появление связано в том числе с уменьшением прочности бумажного волокна в этих местах, которое произошло, скорее всего, в результате нагрева бумаги по месту склеек. Иными словами, канцеляристы для быстроты работы проглаживали место склейки чем-то горячим. Понятно, что реставратор не мог воспользоваться этими методами, чтобы не травмировать нагревом старую бумагу еще раз. Для склейки свитка реставратором был применен клей из пшеничного крахмала, а для прочности новых клеевых швов и во избежание появления деформаций был применен типографский пресс.

После склейки свиток нужно было намотать на старый вал. Он представлял собою деревянную (дубовую) палочку длиной 19 см. Центральная часть этой палочки, 16 см длиной, была круглого сечения, т.е. имела форму цилиндра диаметром около 2 см. Концы палочки были обработаны иначе. Непосредственно к основному цилиндру примыкали с обеих сторон участки квадратного сечения (около 1–0,5 см длиной), сохранившие на поверхности остатки клея. С одной стороны за таким участком располагался небольшой цилиндрик-шпенек.

Эти подробности стали отправными моментами для реконструкции вида свитка «Уложения» во время самого соборного процесса 1649 г. Свиток необходимо было на что-то перематывать, ведь его следовало и зачитывать, и обсуждать, и скреплять подписями. Исходя из этого, можно предположить, что все вышеперечисленные действия невозможно было осуществлять, имея только один вал для свитка (причем такой короткий — его длина только на 3 см превышает ширину листов). Его создатели при нанесении скреп и рукопри-

кладства должны были пользоваться и вторым валом для перемотки. Невольно приходит сравнение со свитками Закона Моисеева — Торы, которые имеют именно такую структуру — свиток, накрученный на два вала. К тому же у валов Торы имеются по два боковых ограничителя в виде надетых на концы дисков, а снаружи за дисками располагаются ручки для удобства общения с таким тяжелым предметом. Можно предположить, что квадратные в сечении участки на валу свитка «Уложения» — это остатки креплений для дисковых ограничителей, а единственный сохранившийся шпенек входил в паз ручек-держателей.

Для оптимизации процесса намотки свитка реставратор воспользовалась этой реконструкцией и использовала временный диск-ограничитель на одном из концов вала⁹. И тогда прояснилась еще одна проблема, связанная с сохранностью этого документа. Все механические повреждения боковых сторон листов на свитке «Уложения» были связаны с его тугой намоткой. Край свитка трется и упирается в диск-ограничитель и неминуемо рвется. Поэтому реставратор не могла позволить такую тугую намотку, которая привела бы к разрывам на уже отреставрированных листах. В итоге ее свиток получился несколько более «пухлым», чем внутренний диаметр серебряного футляра. После окончательной перемотки свиток был обмотан микалентной бумагой и немного утянут по окружности для своего размещения на прежнем месте. При этой процедуре на его витках возникла небольшая «волна». Но это не может повредить механическим характеристикам бумаги свитка. До реставрации количество наложенных на разрывы заплат как раз говорило о числе произведенных ранее перемоток¹⁰. Теперь же после размещения отреставрированной рукописи в серебряном футляре, после произведенных кодикологических исследований, сведения их результатов в подробную компьютерную *Схему-описание*, размещения этой схемы и цифровой копии «Соборного уложения» на сайте в Интернете, необходимости в новых перемотках свитка не наступит еще очень долго. А это значит, что длительная сохранность данного уникального по форме документа обеспечена не только квалифицированной реставрацией, но и трудами ее исследователей.

¹ Лаборатория АРАН обладает бинокулярным микроскопом Leica MZ12,5, оснащенным цифровой фотокамерой DFC490, соединенной с компьютером.

² Измерения водородного показателя pH нужны для определения степени закисленности бумаги, которая в свою очередь влияет на возможности долговременного хранения документа на бумажной основе. Измерения pH бумаги свитка проводились на pH-метре HANNA HI 9025 контактным электродом HI 1413. Полученные значения 5,6–5,2, хотя и свидетельствуют о закисленности бумаги, но для старой тряпичной бумаги не являются критическими.

³ Решение вынесено реставрационным советом Лаборатории АРАН от 17 декабря 2009 г.

⁴ Теперь эту копию можно увидеть на сайте РГАДА (<http://rgada.info>). Для ее использования в научном обороте исследователям следует учитывать новые реальные номера листов.

⁵ Фотофиксация филиграней проводилась в лаборатории Архива РАН на репроустановке Kaiser, имеющей нижнюю подсветку, цифровой фотокамерой Canon D50.

⁶ Из выявленных реставратором фотографий филиграней составила обширная база данных для точной датировки других недатированных документов XVII в.

⁷ К ячейкам таблицы прикреплены гиперссылки с фотографиями водяных знаков на конкретном листе.

⁸ Разделением текста «Уложения», опубликованного в Интернете, на фрагменты, соответствующие номеру листа в рукописи, занимались Б.Н. Морозов и Ю.М. Эскин. Они распределили печатный текст интернет-публикации не только по лицевой стороне свитка «Уложения», но и тот, что находился на обороте, т.е. «рукоприкладства».

⁹ Временный диск был изготовлен из тонкого гладкого оргалита диаметром 27,5 см с центральным отверстием квадратного сечения, соответствующим по размеру шпенюку на историческом валу. Временный диск использовался для ровной укладки витков свитка без «сползаний» за пределы вала.

¹⁰ Первые перемотки, происходившие еще во время создания документа, также оставили свои следы: листы из-за разрывов не переписывали, а бережно «чинили», аккуратно подклеивая тряпичной бумагой на мучной клей. На одной из таких заплат сохранилась даже «скрепа» дяка-писца.

Оформление метаданных фольклорных коллекций в звуковых архивах: из опыта совместных проектов с Британской библиотекой

В 2014 г. исполняется 10 лет с начала деятельности Международной Программы по сохранению архивов, находящихся под угрозой (Endangered Archive Programme — EAP), при поддержке Британской библиотеки и Фонда «Arcadia». За это время в мире было реализовано более 300 проектов, направленных на сохранение самых разнообразных архивных материалов как в частных фондах, так и в государственных архивах¹. В Российской Федерации в рамках этой программы было реализовано всего 5 проектов, 2 из которых были непосредственно направлены на создание системы сохранения звуковых материалов путем перевода их в современные цифровые форматы и создание звуковых лабораторий непосредственно в учреждениях РАН, в которых имеются звуковые коллекции. Одновременно с этим серьезное внимание уделялось вопросам каталогизации звуковых коллекций на основе применения компьютерных технологий.

Инициаторами и первыми координаторами этих проектов выступили сотрудник Фризской Академии (Нидерланды) Тьеерд де Грааф (Tjeerd de Graaf) и Дитрих Шюллер (Dietrich Shüller), бывший директор, а ныне — консультант Венского Фонограммархива. Российскую сторону в обоих проектах в качестве координатора представлял автор этих строк. Первый проект под номером «EAP 089» был реализован в 2006—2007 гг. на базе старейшего в России звукового хранилища — Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) в Санкт-Петербурге. В ходе данного проекта из частных архивов известных петербургских ученых удалось оцифровать фольклорные и лингвистические коллекции, собранные ими во время экспедиций в различные регионы СССР и на сопредельные территории. Первые записи датируются второй половиной 1960-х гг., последние — серединой 1980-х гг. Данные архивные материалы принадлежали: А.Л. Грюнбергу (1930—1995) — записи народов Афганистана, Туркменистана, Таджикистана, 1966—1992 гг.; П.Я. Скорику (1906—1985) — Чукотский Автономный округ, записи керекского фольклора, 1960-е гг.; Е.И. Пейсаху (1903—1977) — записи фольклора крымчаков (национальное меньшинство тюркского происхождения в Крыму), август 1963 — декабрь 1974 г.; И.М. Стеблин-Каменскому — записи в Таджикистане, в Горно-Бадахшанском Автономном районе, июль—август 1968 г., и другим ученым².

Эти бесценные звуковые материалы на магнитных лентах и компакт-кассетах долгое время хранились в домашних условиях и потому находились в крайне опасной ситуации. Сами ученые или их родственники не всегда знали, что с ними делать, в какой форме хранить записи, каким образом перевести их в более надежные современные цифровые форматы. Поэтому предложение об участии в проекте в абсолютном большинстве случаев было воспринято позитивно. По условиям проекта и по согласованию с самими учеными или их наследниками копии данных материалов, после перевода их в цифровой формат, на современных носителях были возвращены владельцам, включены в состав коллекций Фонограммархива ИРЛИ, а также переданы на хранение в Британскую библиотеку.

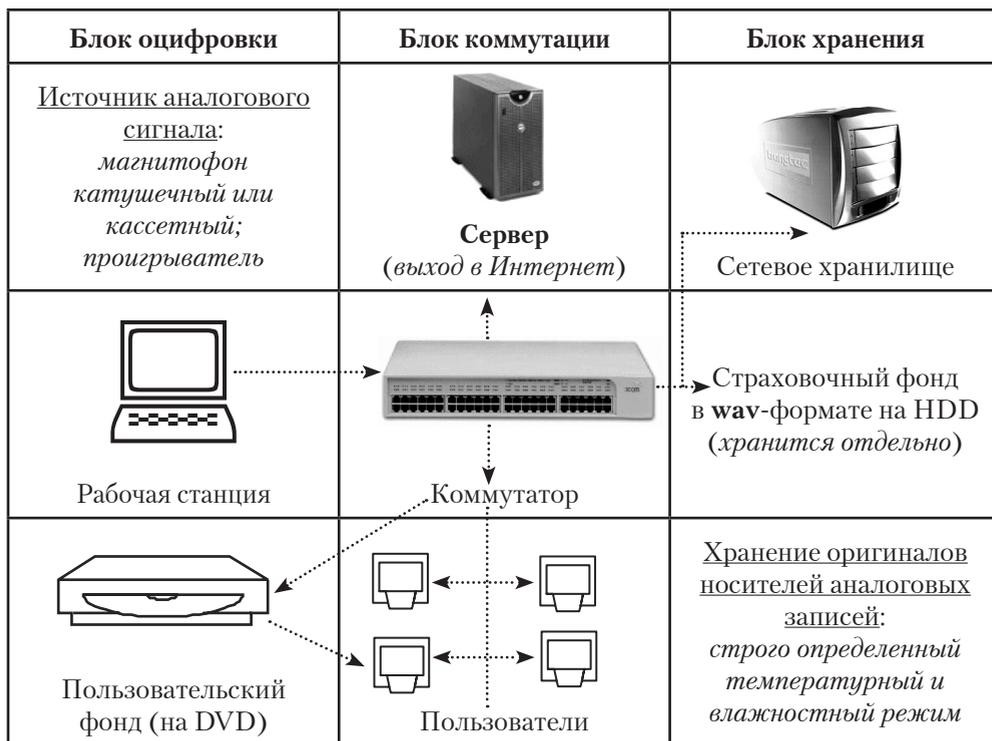
Техническая сторона проекта не вызывала особых проблем: с одной стороны, Венский Фонограммархив выступил в проекте в качестве ведущего консультанта по использованию современных технологий при оцифровке и сохранению звуковых коллекций, а с другой, — в самом Фонограммархиве Пушкинского Дома всегда был высококвалифицированный технический персонал, прекрасно знающий аналоговую технику. По завершении проекта его звуковая лаборатория получила дополнительно комплект современного оборудования для оцифровки и хранения звуковых коллекций, а фонды пополнились новыми уникальными материалами.

Второй проект «ЕАР 347», связанный с созданием звуковой лаборатории, оцифровкой, описанием и сохранением фольклорных и языковых коллекций, был предложен Удмуртскому институту истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (УИИЯЛ). В звуковом архиве этого института, которому в 2012 г. исполнилось 80 лет, накопилось немало записей, собранных в ходе многочисленных фольклорных и лингвистических экспедиций. Финансовые и технические возможности небольшой академической структуры не позволяли в ближайшей перспективе самостоятельно и в короткие сроки привести звуковой архив в надлежащее состояние. Поэтому руководство и сотрудники института с пониманием отнеслись к предложению принять участие в данном международном проекте.

В ходе реализации этого проекта, который успешно завершился в марте 2013 г., пришлось решать многочисленные вопросы как организационного, так и технического характера, поскольку в институте не было специалистов для работы со старыми аналоговыми записями, как не было и самостоятельного отдела, оснащенного современным оборудованием для перевода аналоговых записей в цифровые форматы. При поддержке проекта в институте в короткие сроки была создана звуковая лаборатория, оснащенная профессиональным студийным магнитофоном для воспроизведения записей с магнитных лент (скорость движения ленты 9.5 и 19 см/сек), а также магнитофоном для воспроизведения записей с компакт-кассет. Оцифровка производилась в формате Linear PCM WAV с помощью профессиональной звуковой карты, с разрешением 96 кГц, 24 бита, согласно требованиям Технического Комитета Международной Ассоциации Звуковых Архивов (IASA)³. Кроме оцифровки звукового материала, были отсканированы и переведены в электронный формат рукописные материалы (иначе говоря — «метаданные»), которые, как правило, сопровождают звукозаписи. Без них звуковые архивы практически теряют свою ценность, поскольку нет другой информации, раскрывающей многие важные детали записи: дата, место записи, исполнители, аппаратура, на которой произведена запись, использовавшиеся форматы и т.д. Понятно, что рукописи часто находятся в неважном состоянии, и их невозможно выдавать на руки всем желающим. В электронном виде эти материалы становятся доступными для всех.

При определении конфигурации будущей звуковой лаборатории в УИИЯЛ и создании возможностей для долгосрочного хранения оцифрованных коллекций учитывался практический опыт ведущих звуковых архивов Европы: Венского и Берлинского Фонограммархивов, а также Фольклорного архива Эстонского Литературного музея и Звукового архива Финского Литературного общества. Одновременно принимались во внимание технические рекомендации IASA, изложенные в документах этой организации⁴. Все это позволило выбрать оптимальную конфигурацию для звуковой лаборатории с системой длительного хранения звуковых коллекций и органично включить ее в создаваемую общую локальную сеть института (см. схему).

Схема локальной сети УИИЯЛ УрО РАН

Оборудование современной звуковой лаборатории, предназначенной для учреждений с небольшим объемом звуковых коллекций, можно условно разделить на три блока: 1) оцифровки, 2) коммутации и 3) хранения. Блок оцифровки состоит из источника воспроизведения аналогового сигнала – магнитофона катушечного, магнитофона кассетного, проигрывателя. Аналоговый сигнал подается на рабочую станцию – компьютер с профессиональной звуковой картой для оцифровки. Через коммутатор архивные файлы в WAV-формате поступают в сетевое хранилище достаточно большого объема, где имеются все условия для их длительного хранения.

Обязательным условием для организации долгосрочного и надежного сохранения любых звуковых и визуальных материалов является их дублирование на переносные жесткие диски (HDD) и хранение этих дисков в другом помещении независимо от основного хранилища. Оцифрованные материалы, предназначенные для хранения, не должны подвергаться внешнему воздействию и вмешательству со стороны. Поэтому доступ к материалам в хранилище необходимо жестко ограничивать и разрешать только узкому кругу специалистов. Для повседневной работы с материалами необходимо создавать так называемый пользовательский фонд, или фонд использования в сжатом формате (например, в аудиоформате Vorbis OGG, который является оптимальным для передачи по сетям). Сервер используется для создания единой сети, в которой предполагается авторизованный доступ (из Интернета) к пользовательским материалам. Центральное место в системе локальной сети института занимает коммутатор сервера на 16 персональных компьютеров (пользователей), предназначенный для соединения всех трех блоков в единую систему.

Помимо решения технических аспектов проекта не менее остро стоял вопрос об оформлении каталогов фольклорных и языковых коллекций в указанных научных учреждениях. Следует отметить, что в настоящее время в российских звуковых архивах не существует единых стандартов и требований по оформлению каталогов. Практически в каждом звуковом архиве существуют свои принципы их оформления. В большей степени это зависит от традиций, заложенных в том или ином учреждении. Например, в каталогах исторических записей Фонограммархива ИРЛИ, выполненных в формате Access, отражена следующая информация:

- 1) архивный шифр;
- 2) номер коллекции;
- 3) порядковый номер в коллекции;
- 4) скорость записи;
- 5) качество записи;
- 6) вид фонограммы (моно/стерео);
- 7) начальная строка записи;
- 8) наименование записи;
- 9) жанровые обозначения;
- 10) язык; этнос;
- 11) количество исполнителей;
- 12) дата записи;
- 13) район бытования;
- 14) перечень собирателей;
- 15) исполнитель(и).

Из основной формы базы данных открываются следующие окна: сведения об исполнителе-1; другие исполнители (до 15 других исполнителей); место записи (страна, область (губерния), район (уезд), республика, волость (сельсовет), населенный пункт). В отдельных формах приводятся: список исполнителей, географический указатель, а также комментарии, позволяющие вести поиск библиографических данных.

В процессе реализации проектов в двух академических структурах РАН — ИРЛИ и УИИЯЛ было одно непреложное условие: при оформлении каталогов коллекций требовалось соблюдение стандартов Британской библиотеки. Тем не менее, интересно отметить, что если в первом проекте 2006—2007 гг. этот каталог заполнялся в обычном формате Microsoft Word, то в проекте 2011—2012 гг. британцы уже приняли за основу значительно усложненную и универсальную систему каталогизации для всех типов коллекций (не только звуковых) в формате Microsoft Excel⁵. Всего выделено 6 окон (полей); в оригинальной английской версии наименования окон выглядят следующим образом:

1. Institute of Deposit (*место размещения коллекций: архив или учреждение*);
2. Description (*подробное описание коллекций*);
3. Individual/Family/Institution (*данные об информантах или собирателях, а также об учреждении, которое явилось организатором экспедиции*);
4. Technical Details-Images (*для фотографий*);
5. Technical Details-Audio (*для звуковых коллекций*);
6. Technical Details-Moving Images (*для видеоматериалов*).

В основном окне «Description» можно выделить 24 столбца, которые непосредственно касаются описания звуковых коллекций:

1. Уровень (*коллекция, файл/контейнер, отдельная запись*);

2. Ссылка (на оригинальную нумерацию коллекции, если имеется);
3. Нумерация папки (сюда входят все отдельные звуковые файлы);
4. Нумерация отдельного звукового файла;
5. Название коллекции, папки или звукового файла;
6. Дата экспедиции;
7. Дата оцифровки;
8. Объем и формат оцифрованных копий;
9. Объем и формат оригинала;
10. Место записи;
11. Содержание записи, автор записи, жанр;
12. Место нахождения оригиналов записей;
13. Место размещения оцифрованных копий;
14. Язык записи;
15. Язык описания;
16. Владелец оригинала;
17. Исполнитель(и);
18. Собиратель(и).

Каждая коллекция в окне выделяется и описывается отдельно. Внутри коллекции выделяется также файл/контейнер, что, как правило, соответствует записи на отдельной катушке или на компакт-кассете, а внутри файл/контейнера единицей описания (Item) является отдельная запись (например, песня или рассказ).

В окне «Individual/Family/Institution» представлены следующие столбцы:

1. Название учреждения, организовавшего экспедицию;
2. Фамилия, имя, отчество собирателя или исполнителя;
3. Персональные данные о собирателе (должность, научное звание);
4. Пол;
5. Год рождения или возраст собирателя;
6. Информация об экспедиции и месте сбора материала, об организаторе (собирателе);
7. Отношение к записанному материалу данного лица (собиратель, исполнитель или владелец коллекции);
8. Место проживания собирателя или исполнителя;
9. Источник, откуда берется информация об экспедиции (рукописные материалы, путевые записи и т.д.).

В окне «Technical Details-Audio» заполняется техническая информация о конфигурации рабочей станции, на которой осуществлялась оцифровка, а также о звуковой программе, используемой при оцифровке. Следует сказать, что использование таблиц Excel при каталогизации звуковых коллекций является шагом вперед по сравнению со стандартами, которые применяются в настоящее время в большинстве наших звуковых архивов. Данные, хранящиеся в таблицах Excel, структурированы, что позволяет легко манипулировать ими (поиск и замена с применением различных условий и т.д.). Информация в них уже сформирована для создания простейшей базы данных.

Основные принципы применения современных информационных технологий при сохранении культурного наследия, изложенные в данной статье, основаны на международном опыте и прошли апробирование во многих странах мира. Поэтому, на наш взгляд, базовые элементы этих технологий, включая принципы каталогизации архивных материалов Британской библиотеки и других звуковых архивов

мира, следует использовать в звуковых хранилищах соответствующих академических учреждений и музеях Российской Федерации, поскольку в дальнейшей перспективе это позволит интегрировать базы данных всех архивов нашей страны в единую сеть.

¹ См. информацию о проектах фонда «Аркадия» на сайте: <http://eap.bl.uk>.

² *Victor Denisov, Tjeerd de Graaf, Natalia Svetozarova*. New sound collections in the Phonogram Archive of the Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom) in Saint-Petersburg / A Catalogue resulting from the European Project EAP089 / Institute for Linguistic Studies, Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom), Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, 2009.

³ Сохранение звукового наследия: этические аспекты, принципы и стратегии (=IASA Технический Комитет — Стандарты, практические рекомендации и стратегии, IASA—TC 03). Пер. с англ. Денисова В.Н., Светозаровой Н.Д., 2005. (См. также на сайте: <http://www.iasa-web.org/>).

⁴ Guidelines on the Production and Preservation of Digital Audio Objects. (IASA Technical Committee — Standards, Recommended Practices and Strategies, IASA—TC 04). 2004; Preserving our Documentary Heritage. UNESCO Memory of the World Programme. Prepared by the Sub-Committee on Technology. 2005.

⁵ Более подробно ознакомиться с основными принципами составления каталогов на основе таблиц в Excel можно на сайте: <http://www.bl.uk/about/policies/endangeredarch/eapcollections.html>.

Особенности комплектования научной документацией фондов архива Уральского отделения РАН

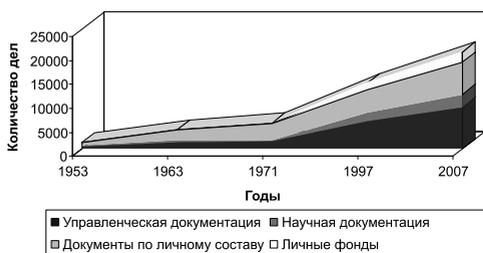
Научная деятельность человека, под которой подразумевается целенаправленная познавательная вырабатывающая системное знание на основе осознанных познавательных методов¹, предполагает ее оформление и ознакомление с ней научной общественности в форме публикации в научном журнале, монографии, диссертации и т.д. В архивах научно-исследовательских институтов концентрируется научная документация в виде итоговых отчетов по завершенным научно-исследовательским работам (НИР), аннотаций НИР, регламентов НИР, рукописей неопубликованных работ, отчетов экспедиций, журналов записей экспериментов, анализов, рентгенограмм, т.е. не представленная в широком публичном пространстве. В современном мире количество научных журналов и статей постоянно увеличивается, однако ценность научной документации, хранящейся в архивах, не уменьшается, поскольку она несет в себе и сведения по истории науки и техники, и актуальную научную информацию.

В течение 60 лет работы Научного архива в нем сконцентрировалась научная документация академических институтов по математике, физике, металлургии, химии, биологии, горному делу, экономике. На сегодняшний день объем данных документов составляет более 3 тыс. единиц хранения, и архив является одним из наиболее крупных центров хранения научной документации в Уральском регионе.

В 1951 г., когда был организован архив, структура Уральского филиала АН (УФАН) СССР включала Президиум в составе восьми отделов и Институт физики металлов, Горно-геологический институт, Институт химии и металлургии, Институт биологии. Комплектование архива научной документацией на начальном этапе осложнялось тем, что отчеты по научным темам и диссертации сотрудников УФАН СССР были рассредоточены в разных местах: часть из них находилась в Центральной библиотеке УФАН, а другая в институтах. Пополнение фондов научной документацией в 1950–1960-х гг. происходило медленно, и ее состав не отражал всего спектра научных исследований, проводимых в институтах Филиала, львиную долю (85%) в ней составляли научные документы Института металлургии.

В 1970-е гг. архив комплектовался в основном документами Президиума Уральского научного центра (УНЦ) АН СССР, в которых научная документация была представлена незначительно. Основной массив научных документов находился в институтах Центра (Институте физики металлов, Институте металлургии, Институте экологии растений и животных, Институте геологии и геохимии, Институте химии, Институте электрохимии, Институте геофизики, Институте экономики).

Регулярное комплектование архива научной документацией началось с конца 1980-х гг., ее количество увеличивается в разы (см. график). Толчком к этому послужило, с одной стороны, развитие академической сети учреждений в Уральском регионе. В 1987 г. УНЦ АН СССР преобразован в Уральское отделение АН СССР, одновременно происходит организация новых научных институтов. С другой стороны, изменилось положение и самого архива: он стал научно-вспомогательным под-

*Динамика изменения состава документов
в Научном архиве УрО РАН.*

Урале: Институт металлургии, Институт химии твердого тела, Институт геологии и геохимии. В них отложились документы 1930–1940-х гг., которые содержат информацию по формированию научных направлений исследований, ставших известными научными школами в металлургии, химии, электрохимии, геологии не только в Уральском регионе. В описях некоторых институтов научная документация представлена более ранними документами по сравнению со временем организации института. Связано это с тем, что формирование направлений научных исследований происходило намного раньше создания самостоятельного института. Так, например, в составе УФАН в 1932–1934 гг. работала группа геофизики, далее – сектор и отдел геофизики Горно-геологического института²; в Химическом институте еще в 1939 г. созданы лаборатории: электрохимии расплавленных солей (руководителем ее стал С.В. Карпачев) и лаборатории кинетики и катализа, впоследствии кинетики металлургических процессов (руководитель Г.И. Чуфаров)³. Научная документация первой половины XX в. вошла в состав фондов будущих институтов геофизического, металлургического и высокотемпературной электрохимии.

Любопытна история комплектования фонда Института горного дела. Начав свою историю как институт УФАН СССР, в 1965–1991 гг. он работает как головной отраслевой институт Министерства черной металлургии, а в 1994 г. вновь входит в состав академических институтов уже Уральского отделения РАН. В 1999 г. в Научный архив была передана научная документация данного института за 1962–1990 гг., которая отличается по составу документов от научно-исследовательской документации академических институтов. Значительную часть в ней составляют технические условия, акты внедрения разработок, расчеты экономической эффективности внедрений, методические рекомендации и т.д., документация характеризуется технологической направленностью. Стоит отметить, что поскольку рассматриваемый институт был отраслевым, часть его документов за период 1957–1972 гг. хранится в РГА НТД (Самара), в фонде отложилась конструкторская документация на горное оборудование, разработанное институтом⁴.

Самым большим по количеству документов и наиболее хронологически полным является фонд Института экономики. В нем представлены отчеты по научным темам, отчеты по договорам (в том числе с региональными органами власти) и диссертации сотрудников Института за 1947–2006 гг. Начинается опись фонда с научных отчетов Сектора научно-экономических исследований УФАН СССР под руководством С.В. Вольмира – известного экономиста, занимавшегося вопросами черной металлургии, статистики, экономической географии. Сегодня фонд представляет весь спектр исследований, проводимых институтом в течение 60 лет, его документы востребованы исследователями – экономистами, историками, социологами.

разделением при Президиуме УНЦ АН СССР – УрО АН СССР с подчинением Главному ученому секретарю Президиума. При этом только три института Отделения имели в своей структуре архивы с переменным составом документов, документами остальных комплектовался Научный архив.

Наиболее ранняя по хронологии научная документация представлена в фондах первых академических институтов на

Научная документация в Научном архиве УрО РАН представлена не только в фондах институтов, но и в личных фондах уральских ученых. Большим объемом научных трудов и материалов характеризуется фонд академика В.Д. Садовского — специалиста по физическому металловедению и термической обработке стали и сплавов. В состав фонда вошли монографии, статьи, доклады (в их числе и неопубликованные), лекции, рецензии, рекомендации. Представлены в нем рабочие и подготовительные материалы — тетради, записные книжки, блокноты, переводы, конспекты, перечни литературы и т.д. Фонд академика С.В. Вонсовского — выдающегося ученого и организатора науки, внесшего большой вклад в современную физику твердого тела, дает возможность ознакомиться с несколькими вариантами его наиболее известных монографий, а также картотекой литературы, используемой в работе над монографией «Магнетизм»⁵.

В фонде В.И. Патрушева — доктора биологических наук, директора-организатора Института биологии УФАН СССР, представляет интерес курс неопубликованных лекций «Предмет и метод физиологии и его место среди биологических наук» (1952 г.), которые он читал студентам биологического факультета Уральского государственного университета⁶. С 1950 г. в течение 12 лет Василий Иванович руководил кафедрой физиологии, на его долю выпали идеологические компании в науке 1950-х гг., в стороне от которых не могли остаться и уральские ученые. Несмотря на трудности этого периода, на биологическом факультете слушают лекции три будущих академика АН СССР — А.Т. Мокроносов, М.П. Роцевский, В.Н. Большаков⁷.

Особый интерес с точки зрения научной документации представляет фонд Н.Н. Буйнова — доктора физико-математических наук, заведующего лабораторией фазовых превращений ИФМ. В фонде отложились лабораторные тетради почти за 30-летний период (1939—1968 гг.), их анализ может дать исследователю уникальную возможность детально проследить изменение научной тематики исследований и состава научного коллектива (научный сотрудник — научная группа — лаборатория) и даже лабораторного оборудования⁸. Другой особенностью данного фонда является большой массив иллюстраций и рабочих материалов к научным трудам за 1937—1961 гг., включающий фотографии, рентгенограммы, графики, схемы и др.⁹

Сегодня Научный архив Уральского отделения РАН является отделом ЦНБ УрО РАН, и в нем хранятся фонды 14 институтов Отделения, в десяти из них представлена научная документация. Отсутствие научной документации в фонде является характерной чертой институтов, которые сформированы как самостоятельные учреждения в 1986—1989 гг.

Анализируя комплектование фондов за 60 лет работы архива, можно сделать вывод, что выявляется тенденция к увеличению количества научной документации от общего объема, хранящихся в архиве документов с 6% в 1953 г. до 13% в 2011 г. Однако в настоящий момент большой массив научной документации находится в институтах Отделения и содержит документы 1990-х и 2000-х гг. Перед сотрудниками Научного архива УрО РАН встают две проблемы: во-первых, сохранение научной документации в институтах, во-вторых, передача ее на хранение в НА УрО и обеспечение возможности использования исследователями.

Научно-справочный аппарат к научной документации в архиве создавался параллельно с комплектованием и представлен в первую очередь описями дел, а также историческими справками фондов институтов. В 1980—1990-х гг. проводилась работа по созданию каталога ручного поиска по тематике научных исследований. Он включает в себя аннотации, планы, научные темы работ институтов Уральского фи-

лиала АН СССР — Уральского научного центра АН СССР — Уральского отделения РАН за 1932—1995 гг.

В 2011 г. сотрудниками архива начата работа по оцифровке описей, в том числе и научной документации, составленных во второй половине XX в. Следующим шагом должно стать создание базы данных, дающей исследователям возможность многоаспектного поиска. Как пример создания электронного научно-справочного аппарата к документам можно рассмотреть деятельность Архива РАН в этом направлении. Его сотрудниками разработаны две базы данных: «Архив РАН», включающая сведения о фондообразователях, исторические справки о фондах и обозрения прошедших научное описание фондов архива, реестр описей, заголовки дел по 40 фондам, заголовки документов и изображения; вторая база данных «Персональный состав», в которую вошли сведения о служебной деятельности, области знаний, членстве в других академиях, образовании, наградах и премиях, библиографии академиков и членов-корреспондентов РАН. Запрос в базах осуществляется по ключевым словам, привычен и удобен любому человеку, знакомому с поиском в сети Интернет¹⁰ [10].

Решать задачу использования и популяризации архивных источников по истории науки в Уральском регионе, а также актуальной научной документации может участие Научного архива УрО РАН в создании корпоративного информационного ресурса «Информационная система архивов Российской академии наук (ИС АРАН)»¹¹. Система предполагает электронный Центральный фондовый каталог, включающий научно-отраслевые архивы учреждений РАН, архивы региональных отделений, региональных научных центров РАН с постоянным составом документов и возможность ознакомления с составом и содержанием документов, хранящихся в сети академических архивов, составной частью которой является архив Уральского отделения РАН.

¹ *Курашов В.И.* История и философия химии. М., 2009. С. 39.

² Научный архив УрО РАН (НА УрО РАН). СИФ. Д. 14. Л. 119.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 83.

⁴ Филиал Российского государственного архива научно-технической документации. Путеводитель. Ч. 1. Самара, 2000. С. 151.

⁵ *Колосова Е.Н.* Личные фонды ученых физиков в Научном архиве УрО РАН // Архивы Уральского отделения Российской академии наук: тезисы докладов Второй научной конференции. Сыктывкар, 2001. С. 59—64.

⁶ НА УрО РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 7.

⁷ *Колосова Е.Н.* Василий Иванович Патрушев: известный и неизвестный. Документальная повесть. Екатеринбург, 2008.

⁸ НА УрО РАН. Ф. 34. Оп. 1. Д. 148—184.

⁹ Там же. Д. 213—250.

¹⁰ *Киселев М.Ю.* Электронный научно-справочный аппарат к документам Архива Российской академии наук: этапы создания // Отечественные архивы. 2008. № 4. С. 42—45.

¹¹ Информационная система «Архивы Российской академии наук». URL: <http://www.isaran.ru>

Применение сублимационной камеры для спасения архивных документов после аварийного увлажнения

Повреждение архивных документов в большинстве случаев связано с нежелательным переувлажнением. Стихийные бедствия (наводнения, потопа, ливни, цунами), техногенные катастрофы (прорывы труб канализации и отопления, нарушение гидроизоляции крыши) и тушение пожаров — основные причины намокания документов.

В 2002 г. при наводнении в Саксонии (Германия) пострадали: 9 коммунальных архивов, 6 церковных, 2 экономических, 1 университетский архив. Министерство юстиции Саксонии потеряло 80% документов. Были утрачены семейные и исторические документы за 1890—1990 гг., а также документы о судебной реформе после объединения Германии. В 2003 г. в Каменец-Подольском государственном городском архиве (Хмельницкая область, Украина) огнем и водой были повреждены практически все документы одного из хранилищ, значительная их часть была утрачена безвозвратно. Пострадали пять ценнейших фондов, более 100 тыс. единиц хранения — история Подолья (территория трех нынешних областей) конца XIII — начала XX в. После пожара 43 тыс. поврежденных огнем и водой томов были помещены в морозильные камеры. Большую часть этих документов удалось сохранить.

В РГАДА в 2007 г. в результате аварии системы отопления пострадали сотни дел. В 2013 г. при тушении пожара были повреждены и частично утрачены книги из библиотеки ГИТИСа.

Такие ситуации, к сожалению, случаются везде, и поэтому спасение документов (восстановление их после намокания) в наши дни по-прежнему остается актуальной проблемой.

Вода не сразу разрушает документы и содержащуюся в них информацию. Основным фактором, от которого зависит степень повреждения, является время. Как правило, все решают первые 48 часов, а некоторые документы (например, на мелованной бумаге или очень ветхие) надо спасать немедленно. При больших масштабах бедствия невозможно быстро высушить документы обычными способами: диффузионным или конвекционным, появляется опасность повреждения их плесенью, активно развивающейся на влажной бумаге. Для восстановления пострадавших в результате аварийных ситуаций намокших документов существует метод вакуумной сублимационной сушки, признанный в мировой практике наилучшим способом. Замороженный до -30°C материал высушивают при глубоком вакууме. При этом вода в твердой фазе (лед), минуя жидкое состояние, превращается в газ (пары воды), который собирается в конденсаторе и выводится из камеры, не увлажняя документы. Это дает возможность эффективно восстанавливать даже документы, написанные нестойкими чернилами. Способ дорогостоящий, но дает блестящие результаты — коробление высушенной бумаги минимальное. В течение первых 48 часов необходимо заморозить мокрые документы в промышленной или бытовой морозильной камере. Далее замороженные документы можно высушивать порциями в зависимости от объема сублимационной установки. За рубежом, где имеются мобильные и стационарные установки, метод широко распространен. Так, немецкие архивы применяли этот ме-

год консервации при наводнениях 2002 и 2003 гг., после наводнения в Праге в 2002 г. были заморожены ценнейшие средневековые манускрипты.

В нашей стране известны случаи применения метода вакуумной сушки без замораживания и метода замораживания с последующим высушиванием на воздухе небольшими партиями.

В 2011 г. в Лабораторию микрофильмирования и реставрации документов (ЛМРД) РГАНТД была приобретена сублимационная сушильная камера вместимостью до четырех тонн мокрых документов на бумажной основе. После монтажа и подключения камеры в 2012 г. началось ее практическое освоение.

Обоснование задачи для научных исследований

Приобретенная камера не имеет аналогов по параметрам во всем мире. Именно поэтому проблема структурного и физического сохранения материалов, подвергшихся сублимационной сушке, мало изучена. Есть отдельные сведения о влиянии низких температур и бескислородной среды на бумагу. Встречается довольно скудная информация об устойчивости различных упаковочных материалов, в том числе и бумаги, к воздействию вакуума при производстве пищевых продуктов в вакуумной упаковке. Комплексных исследований по определению состояния материалов архивных документов после проведения сублимационной сушки в настоящее время нет. Также мало изучена проблема выживаемости микроорганизмов на увлажненных документах, которым предстоит пройти процесс сублимационного высушивания. В нашей работе мы начали изучение этих проблем.

Экспериментальные работы

Параметры и принцип работы камеры. Сублимационная установка английской фирмы «Frozen in Time» состоит из двух камер: конденсора и загрузочной камеры (рис. 1). Между конденсором и загрузочной камерой (далее – камера) существует перепускной клапан. Корпус камеры снабжен нагревательными элементами. Охлаждение камеры и конденсора происходит за счет работы конденсатора и системы трубок с циркулирующим хладагентом. Мощный вакуумный насос регулирует давление в конденсоре и в камере. Подача воздуха (или другого газа) осуществляется через впускной клапан. Дефростирование конденсора происходит через выпускной клапан для воды.

Все узлы установки и датчики температуры и давления имеют электронную связь с пультом управления, и могут работать как в ручном так и в запрограммированном режиме.

Загрузочная камера имеет внутренние размеры: диаметр 140 см и длину 3 м. Позволяет создавать температуру внутри камеры от -50°C до $+45^{\circ}\text{C}$, давление от 1013 мбар до 0,01 мбар, что в 100 000 раз меньше нормального атмосферного давления (см. табл.). Производительность конденсора 150 кг льда в сутки. Другими словами, если намочить документы впитали около 150 литров воды, то за 24 часа работы установки SD излишки влаги будут удалены полностью. Камера оснащена двумя подвижными контейнерами, которые после загрузки могут перемещаться внутрь камеры по выкатной эстакаде. Размещение документов предусмотрено на лотках по 60 в каждом контейнере (всего 120). В каждый лоток (960x860x80 мм) можно загрузить не более 20 кг материала. Камера снабжены 10 датчиками температуры (термопары) для контроля температуры на/в документах. Бортовой компьютер позволяет ручным и программным способом управлять работой камеры: устанавливать и менять режимы, открывать и закрывать клапаны, фиксировать показания датчиков в графическом и числовом виде. Люк камеры имеет просмотровое окно для визуального контроля процессов внутри камеры.

Таблица 1
Перевод единиц давления

мбар	атм	мм.рт.т
1000	0.99	750.06
1	0.00099	0.75
1013.25	1	760.00
8	0.00789	6.00
0,05	4.9x10 ⁻⁵	0.038
0,01	9.9x10 ⁻⁶	0.008

Объекты исследования. В качестве образцов для испытаний в настоящем исследовании были выбраны разные виды бумаги (XVIII–XXI вв.) и архивные документы на бумажных носителях, намокшие в результате аварийных случаев и имеющие признаки плесневого заражения разной степени.

Для проведения экспериментов по оценке выживаемости микроорганизмов заранее были подготовлены тест-культуры плесневых грибов, выделенных ранее с поврежденной бумаги (рис. 2). В специально сконструированной влажной камере образцы исторической бумаги были заражены тест-культурами. Далее тест-культуры микроорганизмов (в чашках Петри) и модельные образцы бумаги выдерживали в сублимационной камере при разных значениях температуры и давления. Время и параметры температуры и давления для достижения гибели клеток выбирали, исходя из теоретических предпосылок. После каждой серии испытаний проводили оценку выживаемости микроорганизмов методом прямого посева на питательные среды в чашки Петри.

На последнем этапе выполнения запланированных работ было проведено несколько серий испытаний на документах РГАЛИ, зараженных плесневым грибами (рис. 3).

Режимы испытаний. В течение всего периода исследований было проведено 28 серий испытаний на тест-культурах и модельных образцах бумаги. С документами из РГАЛИ было проведено 4 серии испытаний. При этих испытаниях было изучено влияние разных сочетаний температуры и давления на микроорганизмы. Несколько испытаний было проведено для определения времени воздействия экстремальных условий для достижения гибели тест-культур. С этой же целью был отработан и испытан режим многократного перехода параметров режима камеры через «ноль». Переход через эту критическую для микроорганизмов точку обеспечивали не только работой нагревателей и кондиционера, но и регулировкой давления. В ходе экспериментальных исследований приходилось корректировать выбранные режимы камеры. При тестировании документов из РГАЛИ были использованы разные способы закладки материала в камеру (открытым способом и в упаковке).

Результаты и обсуждение результатов

В итоге проведенных исследований получены положительные результаты по снижению численности жизнеспособных клеток. Выявлены чувствительные и устойчивые формы микроорганизмов. Вегетативные клетки и фрагменты мицелия погибали при температуре -5°C $+5^{\circ}\text{C}$ в сочетании с глубоким вакуумом. На модельных образцах бумаги и на зараженных документах из РГАЛИ отмечено снижение численности клеток микроорганизмов при режиме многократного перехода через «ноль»

(рис. 4, 5). Лабораторные исследования показали, что при начальном заражении бумаги плесневыми грибами или при уже имеющемся, но незначительном заражении документов, гибели клеток и спор можно достичь при снижении давления до 1,0–0,02 мбар при положительных температурах 0–4°C, с последующим многократным (до 10 раз) переходом температуры через «ноль».

Помимо изучения воздействия температуры и низкого давления на выживаемость микроорганизмов были проведены эксперименты по высушиванию мокрых бумажных блоков (модельные образцы документов). Высушивание проводили по рекомендованным в публикациях режимам, применяемым за рубежом, и при других ранее не применявшихся параметрах.

Образцы бумаги и других материалов после выдерживания их в сублимационной камере оставались визуально неизменными. Однако в будущем предполагается провести количественную оценку состояния сохранности материалов, после воздействия низких температур и давления. Экспериментальные исследования по подбору режимов, безопасных для материалов и вызывающих гибель микроорганизмов, в настоящее время продолжаются.

Практическая значимость полученных результатов

Результаты настоящих исследований позволяют рекомендовать режимы работы камеры для высушивания намокших документов и снижения численности живых клеток микроорганизмов на уже зараженных документах. Первый метод высушивания документов предполагает резкое замораживание мокрых документов на первом этапе и постепенное вакуумирование в камере на втором этапе. Этот метод уже в настоящее время может быть применен в ЛМРД РГАНТД для высушивания аварийно намокших документов. Режимы по безопасному снижению абсолютной влажности бумаги без ущерба для документов уже отработаны. Второй метод, направленный на уничтожение или снижение численности микроорганизмов, появившихся на документах в результате переувлажнения, предполагает сначала вакуумирование, а на втором этапе режим многократного перехода через «ноль».

Продолжение научно-исследовательских работ позволит создать основу для проведения масштабных работ по улучшению физического состояния документов, пораженных биодеструкторами, с использованием сублимационной камеры.

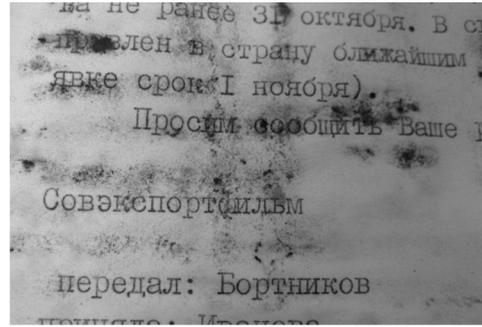
Рис.1. Внешний вид установки SD.

Рис. 2. Образцы бумаги для испытаний, зараженные тест-культурами.

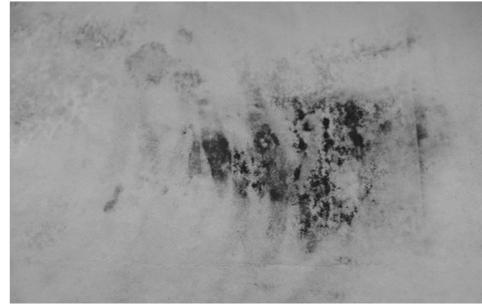
a

б

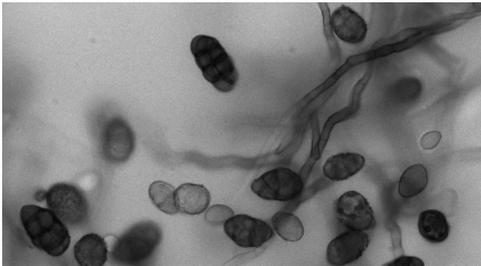

в

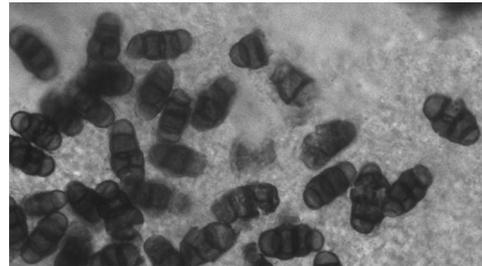

г

Рис. 3. Внешний вид зараженных плесневыми грибами документов.

a

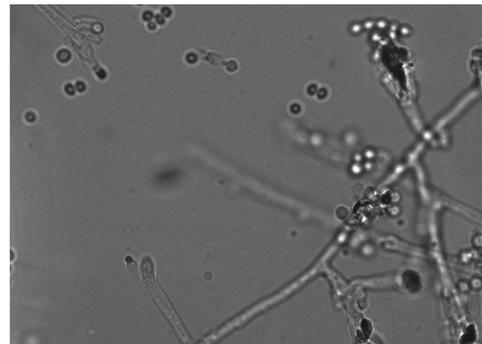

б

Рис. 4. Многоклеточные споры *Ulocladium* sp. (x400) до камерной обработки (a) и после (б). Разрушенные оболочки свидетельствуют о гибели клеток после цикла испытаний в камере.

a

б

Рис. 5. Мицелий и конидиеносцы *Penicillium* sp. (x400) до камерной обработки (a) и после (б). Редуцированные и недоразвитые конидиеносцы отмечены в посевах с культур, подвергавшихся испытаниям в камере.

Центральный фондовый каталог к Архивному фонду РАН: практикум прикладного архивоведения*

Для сохранения информации человечество создало специальные институты памяти — библиотеки, архивы и музеи. Качественные изменения в области развития современных информационных технологий и средств передачи данных привели к необходимости поиска новых подходов и решений проблем организации хранилищ информационных ресурсов и способов доступа к ним пользователей.

Архив Российской академии наук (РАН), являясь головным учреждением в архивной системе РАН, которой в соответствии с действующим законодательством¹ предоставлено право постоянного хранения научного документального наследия (Архивного фонда РАН), предложил академическим архивистам совместный проект создания корпоративного ресурса — Информационной системы «Архивы РАН». Это проект по виртуальному объединению информационных ресурсов разветвленной сети архивных учреждений РАН в едином формате, который сделает как никогда востребованными академические научные архивы и станет уникальным инструментом в научно-исследовательской деятельности российских и зарубежных ученых и всех пользователей историко-научной информации в глобальной сети Интернет. Одновременно проект направлен на решение фундаментальной проблемы: модернизации архивной системы на базе внедрения информационно-коммуникационных технологий², что неизбежно приведет к повышению открытости и эффективности работы академических институтов памяти.

Следует заметить, что «география» академических архивов — вся Россия: от Кольского полуострова³ до Дальнего Востока⁴. Общее число региональных и научно-отраслевых архивов РАН приближается к полусотне и сохраняет тенденцию роста за счет организации новых региональных научных центров РАН⁵ и собирательской деятельности научно-исследовательских институтов.

Согласно Регламенту государственного учета Архивного фонда Российской Федерации, Архив РАН обеспечивает централизованный государственный учет Архивного фонда РАН⁶, и каждые три года представляет в Федеральное архивное агентство Министерства культуры Российской Федерации (РФ) статистические сведения по всей системе региональных и научно-отраслевых архивов РАН.

Однако проблема централизованного учета документов Архивного фонда РАН в полном объеме и на должном уровне на сегодняшний день не решена. Причиной такого положения, помимо прочего, является в том числе и низкая эффективность применяемых традиционных (бумажных) учетных технологий⁷. Изменить ситуацию можно только посредством новых автоматизированных технологий, которые помогут оптимизировать и поднять эффективность всех направлений деятельности академических архивов.

Автоматизация⁸ архивной деятельности, как и любого предприятия, осуществляется на основе средств вычислительной техники и информационных технологий.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-12010-в.

Внедрение автоматизированной системы управления для любого предприятия (в том числе и архива) является одной из наиболее трудоемких и дорогостоящих программ развития. Сотрудники Архива РАН за предшествующие 10 лет, в течение которых они в той или иной степени разрабатывают методологию информатизации архивной деятельности⁹, получили определенный опыт стратегического характера в области компьютеризации прикладных разделов архивоведения. А в последние два года Архив РАН ведет активную работу по взаимодействию с Отделом систем математического обеспечения Вычислительного Центра РАН (руководитель — д.ф.-м.н. В.А. Серебряков) по теме: «Разработка концепции взаимодействия и обмена метаданными Информационной системы Архива РАН с единым научным информационным пространством (ЕНИП) РАН».

В своей работе в области информатизации Архив РАН завершил подготовительный этап, направленный на распространение позитивного опыта в систему архивов РАН:

- В Архиве РАН создана информационно-поисковая система «ИС АРАН» (Информационная система «Архивы РАН»), которая готова к тому, чтобы реализоваться как корпоративный информационный ресурс академических архивов. Ядром ИС АРАН является специализированное программное обеспечение (ПО) и база данных (БД) «Учет и Каталог», прошедшие в 2009 г. государственную регистрацию в Роспатенте¹⁰.
- Специально созданный сайт «Информационная система “Архивы РАН”» (www.isaran.ru) — включает в себе потенциал портала, который призван в едином интерфейсе представлять электронные ресурсы всей системы архивов РАН.
- Большинство архивных учреждений РАН (согласно анализу результатов мониторинга, проведенного Архивом РАН в 2010 г.) выразили желание включиться в совместную работу по строительству корпоративной информационной системы¹¹.
- В 2012 г. Архив РАН провел пробное внедрение предлагаемой технологии¹² в части академических архивов. Наиболее удачный опыт проявился в работе научных архивов Карельского и Кольского научных центров: базы данных этих архивов уже интегрированы в ИС АРАН и размещены на специализированном сайте в сети Интернет.
- Архив РАН в 2012 г. предпринял попытки обеспечить финансовую поддержку в работе по внедрению информационно-коммуникационных технологий в деятельность системы академических архивов. Мы обратились в Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ) с проектом «Создание единого справочно-информационного банка данных системы архивов Российской академии наук (Центральный фондовый каталог)», который был поддержан и в ближайшие три года (2013—2015) будет реализовываться.

Таким образом, с 2013 г. Архив РАН приступает к полномасштабной работе по созданию на основе информационно-коммуникационных технологий централизованного банка данных о документальных собраниях разветвленной сети академических архивов. В рамках предстоящей работы получит дальнейшее развитие ИС АРАН, которая в течение 2013—2015 гг. интегрирует в единый банк данных базы данных 40—50 архивных учреждений РАН, что позволит организовать автоматизированный централизованный государственный учет документов Архивного фонда (АФ) РАН, способный автоматически генерировать учетно-отчетную документацию. А перспективной

и пролонгированной задачей является создание уникальной информационной среды — объединенного электронного каталога ретроспективной историко-научной информации, доступной для всех заинтересованных пользователей сети Интернет через сайт ИСАРАН. Опыт, полученный в процессе работы, создаст условия для модернизации архивной системы РАН в целом.

Главная задача начального этапа: создание электронного Центрального фондового каталога (ЦФК) АФ РАН, который формируется на базе комплекса «ИС АРАН», представляющего собой программно-информационную среду, включающую одиннадцать приложений¹³ — взаимосвязанных баз данных, которые интегрируют сведения научной и прикладной архивоведческой деятельности, обеспечивая решение основных задач архива. В составе ИС АРАН имеются следующие базы данных:

- «Учет и каталог» — основное ядро ИС АРАН, связанное гиперссылками с другими базами данных информационной системы. Предназначена для ведения государственного учета документального комплекса Архива в автоматизированном режиме, формирует электронный научно-справочный аппарат, генерирует отчетную документацию и осуществляет поиск информации по электронному каталогу.
- «Учреждения-фондообразователи» (комплектование) — содержит информацию об учреждениях и организациях РАН, являющихся источниками комплектования Архива.
- «Лица-фондообразователи» (комплектование) — содержит информацию о действительных членах, членах-корреспондентах РАН и других ученых, являющихся потенциальными фондообразователями (источниками комплектования) документального собрания Архива.
- «Персональный состав РАН» — историко-научная база данных о персональном составе Российской академии наук: действительных членах, членах-корреспондентах и иностранных членах за период существования Академии наук (с 1724 г. по настоящее время).
- «Каталог файлов» — специализированная база данных создания электронного фонда пользования Архива.
- «История учреждений РАН» — база данных по истории учреждений и организаций Российской академии наук.
- «Тайпер» («Турег») — программный модуль — инструмент наполнения контента электронного каталога ИС АРАН.
- «Использование» (читальный зал) — база данных по учету читателей-исследователей и тематики научных исследований, осуществляемых на базе документального собрания Архива.
- «Печатник» — специализированная библиографическая база данных трудов Архива и его сотрудников, а также трудов фондообразователей Архива.
- «Архивы и сотрудники» — содержит справочно-информационные данные об архивах и сотрудниках — пользователях системы.
- «Администрирование» — служебная база данных, которая осуществляет использование и сопровождение ИС АРАН.

Главную роль в решении задачи интеграции ресурсов играет программное ядро ИС АРАН и база данных «Учет и каталог», в основе которой заложены принципы общего международного стандарта архивного описания — ISAD(G), поддерживающие многоуровневую структуру данных (фонд — опись — дело — документ), идентифицирующие содержание архивных материалов, облегчающие поиск и обмен информацией и создающие возможность распространения данных для пользователей.

БД «Учет и каталог» изначально создавалась с функцией формирования ЦФК к АФ РАН — т.е. централизованного хранилища интегрированных метаданных корпоративных информационных ресурсов с возможностью общего и раздельного поиска, фильтрации данных, составления общей для всей системы архивов РАН учетно-отчетной документации (статистики, паспорта, путеводителей) и общего электронного каталога по широкому спектру тематики документальных собраний архивов — участников интегрированного ресурса. Таким образом, БД «Учет и каталог» рассматривается в качестве типовой (унифицированной) структуры представления и использования информации, хранящейся в учреждениях архивной системы РАН.

Методика работы с БД «Учет и каталог», процесс заполнения информационных полей (ввод метаданных) зафиксирован в специальной Инструкции по формированию и ведению БД «Учет и каталог», 2-я редакция которой (2012 г.), размещена в специальной области БД — «Справка», а также на сайте Архива РАН в разделе «Информатизация». Там же представлена электронная презентация с описанием целей, задач, принципов работы, структуры ПО и скриншотами¹⁴ всех баз данных ИС АРАН.

Работа с БД «Учет и каталог» предполагает владение основными понятиями и принципами архивоведения, т.е. процессами и методами научной работы с документами, а также навыками работы с компьютерной техникой. В свою очередь, БД является инструментом модернизации традиционных прикладных разделов архивоведения — описания, учета, хранения и использования архивной документации.

Рассмотрим самые общие положения организации информационного пространства программного приложения «Учет и каталог». ПО «Учет и каталог» создано в популярной среде визуальной разработки — Delphi (Дельфи) клиент-серверная версия и адаптировано к специфике ведомственного Архивного фонда РАН.

Взаимодействия пользователя с БД осуществляется посредством пользовательских интерфейсов (user interface) двух видов:

1. Таблицы — интерфейсы для просмотра данных. Структуру таблицы образуют столбцы и строки. Их аналогами в базе данных являются, соответственно, поля и записи. Единицей информации в базе данных является запись. Одна запись может иметь множество полей;

2. Карты (формы с полями метаданных) — интерфейсы для редактирования данных. Поля — основные элементы БД; используются поля нескольких типов.

В структуре БД «Учет и каталог» присутствуют два условных раздела, которые обеспечивают поддержку главных архивных функций:

Первый раздел «Учет» — обеспечивает организационную упорядоченность и возможность адресного поиска архивных документов, контроль за их наличием и состоянием. БД позволяет создавать записи, т.е. описывать документальные материалы, на всех четырех уровнях архивной структуры данных (Фонд — Описание — Дело — Документ). В архитектуре БД на каждом описательном уровне формируется таблица записей, которая отражает определенный аспект описания своего уровня: Список фондов; Список описей (Реестр описей); Список дел (Опись дел); Список документов. На каждом описательном уровне заложены карты с унифицированными формами метаданных — информационными полями, которые являются описательными элементами данного уровня. На каждом описательном уровне установлена связь каждого настоящего описания с более высокой иерархией описания и определен (идентифицирован) уровень описания — архивный шифр. К учетной функции относится специальная область БД — «Отчетность», где в автоматическом режиме генерируются учетно-отчетные документы и справочники (статистика архива, паспорт, путево-

дитель и др.). Элементы этой функции («Отчеты») присутствуют в архитектуре описательных уровней «Фонды», «Описи», «Дела».

Второй раздел «Каталог (или Поиск)» — это объект и функция БД, в котором отражены (т.е. условно интегрированы) записи уровней «Дело» и «Документ» (из иерархии данных раздела «Учет») и записи, которые формируются в аппарате наполнения контента каталога — области «Каталожные карточки», присутствующей в структурах нескольких баз данных ИС АРАН: «Учет и каталог», «Каталог файлов», «Тайпер». Электронный каталог наделен функциями поиска и фильтрации записей, а также может отражать (условно переносить по специально разработанной процедуре) записи каталога в другие приложения ИС АРАН. Операция поиска информации не предусматривает администрирования. Поисковые образы не привязаны к классификаторам, словарям или рубрикаторам. Запрос в поисковом аппарате каталога осуществляется по ключевым словам, он привычен и удобен любому пользователю, знакомому с поиском в глобальной сети Интернет.

Работа с БД всегда начинается с занесения метаданных о фондах, формирующих таблицу «Список фондов». Затем, опускаясь по «описательной вертикали», заполняются следующие уровни описания и формируются таблицы — «Список описей», «Список дел», «Список документов».

В программном обеспечении БД заложена возможность еще одного варианта заполнения двух нижних описательных уровней: «Дела» и «Документы». Для этой цели разработан отдельный от программы «Учет и каталог», но совместимый с ней программный модуль «Тайпер»¹⁵, в котором можно готовить самостоятельные (автономные) информационные блоки:

1. «Список дел» (база данных с описанием дел определенной описи фонда, т.е. «Опись дел фонда»);
2. «Список документов» (база данных с целевым описанием документов определенной «Описи дел фонда» — т.е. проводить процесс каталогизации);
3. «Каталожные карточки» (база данных с «попутным» описанием одного дела или группы дел; одного документа или группы документов).

Затем, автономные базы данных интегрируются в многофункциональную БД «Учет и Каталог» с помощью специальной функции «Импорт».

Программное обеспечение БД «Учет и Каталог» в разделах «Фонды», «Описи», «Дела», «Документы» и «Каталожные карточки» поддерживает функцию (процесс) сканирования документов, при условии, что к рабочей станции (компьютеру) пользователя подключен сканер, и обеспечивает обработку и хранение цифровых образов документов, а также поддерживает систему юникода¹⁶.

Для выполнения задачи первого этапа долговременного проекта, а именно — формирования контента электронного ЦФК, в первую очередь должны быть подготовлены базы данных со списками фондов региональных научных и научно-отраслевых архивов. Эта работа предполагает заполнение метаданными информационных полей первого уровня архивного описания — «Фонды» БД «Учет и каталог» в специально созданных приложениях к ИС АРАН.

Согласно архивным стандартам (и правилам работы с документами¹⁷), описание на уровне «Фонд» включает следующую информацию: данные об архивном фонде, сформированном из документального фонда образовавшегося в процессе деятельности какого-либо фондообразователя, принятом на государственное хранение и прошедшем регистрацию в учетных документах Архива; и о самом фондообразователе (учреждении, организации, предприятии, отдельном лице или семье, роде).

Следует особо подчеркнуть, что запись с названием фонда (в котором обязательно присутствует имя или наименование фондообразователя) является основным поисковым образом в аппарате информационно-поисковой системы. В связи с этим именно к записи «Название фонда» предъявляются особые требования по ее унификации. Роль инструментов унификации при формировании основной записи в БД «Учет и каталог» — а именно, при заполнении поля «Название фонда», выполняют две другие базы данных ИС АРАН — «Персональный состав РАН» и «История учреждений РАН». На сегодняшний день они еще не имеют достаточного наполнения контентом, чтобы уверенно говорить о них как о прообразе «несущих конструкций» в структуре историко-научных данных АФ РАН, но обе базы данных имеют реальную потенциальную возможность развиваться до состояния авторитетных/нормативных записей (идентификаторов данных) — точек входа в общий массив данных. Из двух баз данных, БД «Персональный состав РАН» более разработана, она заполнена метаданными на членов РАН за 1724–2012 гг. и присутствует в тестовом режиме на сайте www.isaran.ru. Уже сейчас метаданные «персоналии» (фамилия — имя — отчество; даты жизни; специальность и членство в Академии наук) из БД «Персональный состав» должны являться инструментом авторитетного/нормативного описания при формировании записей на уровне «Фонд» в БД «Учет и каталог», если фондообразователь был членом РАН (академиком или членом-корреспондентом), а в самой БД «Учет и каталог» в карте с метаданными на уровне описания «Фонд» присутствует гиперссылка к соответствующей «персоналии» в БД «Персональный состав». Таким образом, применение авторитетно/нормативных записей, а также унификация записей всех уровней описания является важнейшим элементом интеграции ресурсов из различных хранилищ информации в единый банк данных и необходимым условием успешного функционирования автоматизированной системы поиска архивной информации.

Заполнение описательного уровня «Описи» в структуре данных БД «Учет и каталог» является вторым обязательным условием в создании электронного ЦФК. Описание на этом уровне включает информацию (метаданные) о названии описи дел фонда — архивном справочнике, содержащем систематизированный перечень единиц хранения архивного фонда или коллекции и предназначенном для их учета и раскрытия содержания, а также данные о количественных объемах описи дел. Объемные характеристики каждой описи дел автоматически генерируют объем единиц хранения всего фонда.

Записи двух верхних уровней архивного описания (Фонды — Описи) БД «Учет и каталог» формируют базы данных с фондовыми каталогами архивов (списки фондов и реестры описей) и в автоматическом режиме (посредством функциональных возможностей ПО) интегрируются в общий банк данных, единую архивную информационную сеть — Центральный (централизованный) фондовый каталог архивов РАН.

Дополнительной возможностью хранения и представления информации являются мультимедийные¹⁸ технологии, заложенные в программное обеспечение «Учет и Каталог» ИС АРАН: портреты ученых и фотографии зданий учреждений — фондообразователей академических архивов, аудио- и видеофайлы, иллюстрирующие научно-организационную деятельность и личную жизнь фондообразователей.

Контент электронного ЦФК РАН будет доступен для всех заинтересованных пользователей в режиме реального времени через глобальную сеть Интернет на специализированном сайте ИС АРАН.

Дальнейшая перспектива корпоративного сотрудничества предполагает организацию работы академического архивного сообщества через Интернет посредством

web-технологий¹⁹. Создание специального формата web-приложения «Учет и каталог» позволит продолжить работу по формированию общедоступного многофункционального корпоративного информационного ресурса — электронного каталога (интеграция данных с описательных уровней Дело — Документ). И далее, создание условий (в том числе и нормативно-правовых) для реализации глобальной идеи: строительство системы аудиовизуального и электронного архива — т.е. системы структурированного хранения электронных образов документов с ретроспективной информацией, и современной электронной документации, поступающей из систем электронного документооборота академических институтов, которая обеспечивала бы надежность хранения, конфиденциальность и разграничение прав доступа, отслеживала бы историю использования документа, обеспечивала бы быстрый и удобный поиск. Мы надеемся, что в ближайшем будущем именно информационные системы аудиовизуальных и электронных архивов станут объектами и составной частью информационных отношений в современном обществе.

¹ Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»: в главе 4, статье 18 настоящего закона закреплено право постоянного хранения документов Архивного фонда РФ в организациях Российской академии наук.

² В широком значении информационно-коммуникационные технологии — это использование вычислительной техники и телекоммуникационных средств для реализации информационных процессов с целью оперативной и эффективной работы с информацией.

³ Кольский научный центр Российской академии наук находится в г. Апатиты Мурманской обл., на Кольском полуострове

⁴ Дальневосточное отделение Российской академии наук является развитой территориально-распределенной системой комплексных научных центров, охватывающей практически всю территорию Дальневосточного федерального округа. Научные центры ДВО РАН находятся во Владивостоке, Хабаровске, Петропавловске-Камчатском, Магадане, Благовещенске, Южно-Сахалинске.

⁵ В составе Российской академии наук только региональных отделений и научных центров в настоящее время насчитывается около 40, не говоря уже об архивах научно-исследовательских институтов, которые в последнее время активно занимаются собирательской деятельностью.

⁶ Согласно ст. 1.6 Регламента государственного учета документов Архивного фонда Российской Федерации (утвержден приказом Росархива от 17 ноября 1997 г. № 61, зарегистрирован в Минюсте России 08 июля 1997 г., регистрационный № 1344), одним из основных принципов в порядке организации государственного учета документов АФ РФ является централизация, реализуемая на основе взаимодействия Федеральной архивной службы России с научными и научно-отраслевыми архивами Российской академии наук.

⁷ Традиционный ЦФК РАН на бумажном носителе, созданный в Архиве РАН в 1985 г., продолжает оставаться главным и единственным элементом системы централизованного государственного учета и научно-справочного аппарата АФ РАН, универсальным справочником о составе, содержании и месте хранения документальных фондов.

⁸ Автоматизация — одно из направлений научно-технического прогресса, использующее саморегулирующие технические средства и математические методы с целью освобождения человека от участия в процессах получения, преобразования, передачи и использования энергии, материалов, изделий или информации, либо существенного уменьшения степени этого участия или трудоёмкости выполняемых операций.

⁹ Информатизация архивного дела — многосторонний процесс, включающий методические и нормативные разработки, экспериментальные работы, разработку программного обеспечения, обучение, внедрение, планирование работ.

¹⁰ ПО «Учет и каталог» прошло в 2009 г. государственную регистрацию в Роспатенте (номер свидетельства в государственном реестре — № 2009617035) и предлагается для распространения и внедрения (на безвозмездной основе) в архивах РАН в качестве типовой (унифицированной) структуры представления и использования информации.

¹¹ Анализ результатов готовности архивов РАН с постоянным составом документов к совместной работе в области внедрения информационных технологий опубликован 10 октября 2010 г. на сайте «Архивы РАН» в разделе «Информатизация» (<http://www.arran.ru/?q=ru/repmonitoring>).

- ¹² В указанные научные архивы было передано на безвозмездной основе при заключении Лицензионного договора программное обеспечение «ИС АРАН» и методические разработки по работе с базой данных «Учет и каталог».
- ¹³ Приложение — компьютерная программа, предназначенная для выполнения определенных пользовательских задач и рассчитанная на непосредственное взаимодействие с пользователем.
- ¹⁴ Скриншот (screenshot) — изображение, снимок экрана монитора компьютера.
- ¹⁵ Подробно о работе «Тайпера» можно прочитать, а также скачать установочный файл ПО «Тайпер» версии 2.9 на сайте Архива РАН в разделе «Информатизация» — <http://www.arran.ru/?q=ru/turper> (программа бесплатная — freeware).
- ¹⁶ Юникод (чаще всего) или Уникод (англ. Unicode) — стандарт кодирования символов, позволяющий представить знаки практически всех письменных языков. Применение этого стандарта позволяет закодировать очень большое число символов из разных письменностей: китайские иероглифы, буквы греческого алфавита, латиницы и кириллицы, специальные знаки (математические, технические, идеограммы и пр.)
- ¹⁷ Имеется ввиду Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук (утверждены приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18 января 2007 г. № 19, зарегистрирован в Минюсте России 06 марта 2007 г., регистрационный № 9059; с изменениями (утверждены приказом Министерства культуры Российской Федерации от 16 февраля 2009 г. № 68, зарегистрирован в Минюсте России 05 мая 2009 г., регистрационный № 13893)).
- ¹⁸ Мультимедиа (multimedia) — это современная компьютерная информационная технология, позволяющая объединить в компьютерной системе текст, звук, видеоизображение, графическое изображение и анимацию (мультипликацию).
- ¹⁹ Веб-технологии (иногда также употребляется в единственном числе) — комплекс технических, коммуникационных, программных методов решения задач организации совместной деятельности пользователей с применением сети Интернет.

Некоторые аспекты применения информационных технологий в практике работы федеральных архивов

Проблема сохранения исторического наследия связана с внедрением в практику работы архивов современных информационных технологий, которые обеспечивают:

- создание современных фондов пользования;
- создание страхового фонда на цифровых носителях информации;
- проведение электронной реставрации и электронной коррекции.

Основными являются технологии оцифровки архивных документов и хранения цифрового контента.

Технологии оцифровки архивных документов

Поскольку большинство архивных фондов составляют письменные и изобразительные документы, а также фотодокументы, наиболее распространена технология оцифровки — сканирование.

Качество сканера характеризуется различными параметрами, основными из которых являются оптическое (аппаратное) разрешение и оптическая плотность.

Оптическое разрешение характеризует степень детальности представления оригинала в цифровом представлении в виде *dots per inch (dpi)* или *pixels per inch (ppi)*.

Оптическая плотность (D) — мера поглощения света прозрачными объектами (например, фотопленка) или отражения света непрозрачными объектами (например, фотография). Оптическая плотность вычисляется как логарифм отношения потока света, падающего на объект, к потоку света, прошедшего через него или отразившегося от него. Динамический диапазон сканера определяется максимальным и минимальным значениями оптической плотности и характеризует способность сканера работать с различными типами оригиналов. С увеличением значения оптической плотности сканер лучше передает градации яркости. При маленьких значениях — детали изображения и плавность цветовых переходов в темных и светлых участках теряются.

В профессиональных сканерах значение величины оптической плотности равно 4 (четырем).

На основе многолетнего опыта практической и научной работы по оцифровке черно-белых и цветных фотодокументов для различных целей (создание фонда пользования, публикация документов, демонстрация на выставках и др.) специалистами Российского государственного архива научной и технической документации (РГАНТД) были подготовлены рекомендации, определяющие технические условия оцифровки фотографических и других документов¹, и установлены параметры для эффективной оцифровки (табл. 1).

Анализируя материал, представленный в таблице 1, можно сделать вывод о том, что для эффективного сканирования параметр разрешение необходимо рассматривать в связи с геометрическими размерами сканируемого документа.

При оценке качества цифровой копии архивного документа и выбора сканирующего оборудования можно использовать «Методические рекомендации по выбору сканирующего оборудования, способного удовлетворить потребности российских архивов»², подготовленные Научно-исследовательским институтом репрографии (РФ г. Тула).

Таблица 1
Параметры оцифровки фотодокументов

Тип оригинала	Размер оригинала, см								Режим сканирования
<i>Негативы, позитивы на пленке</i>									
	Размер оригинала, см								
	2,5x3,5	6x6 6x9	9x12	10x15	13x18	18x24	24x30	30x40	
	Разрешение сканирования, dpi								
Негатив, позитив ч/б	4000	3200	2400	1200	600	600	600	600	Черно-белое изображение
Негатив, позитив цв.	4000	3200	2400	1200	600	600	600	600	Цветное изображение
<i>Фотодокументы</i>									
	Размер оригинала, см								
	3 × 4	5 × 6	10 × 12	20 × 18	Более 20 × 18				
	Разрешение сканирования, dpi								
Фото	3200	2400	1200	600	600			Цветное изображение	

Технологии хранения цифровой информации

Наиболее распространенными носителями, применяемыми для хранения архивной информации, являются CD и DVD диски однократной записи. Оптические диски уже с 1990-х гг. применяются в архивной практике.

Качество диска определяется качеством изготовления и материалами каждого слоя, а также качеством соединения слоев друг с другом («склейка»). CD-R и DVD, предназначенные для архивного хранения информации, должны иметь прозрачную подложку из поликарбоната, активный слой из фталоцианина, отражающий слой из золота или сплава золота с серебром, а также специальный дополнительный защитный слой. Активный слой из фталоцианина по сравнению с цианином обеспечивает более высокую стойкость к воздействию солнечного света и ультрафиолетового излучения.

Марки дисков, предназначенных для архивного хранения информации, приведены в таблице 2.

Отметим, что дисковые приводы CD имеют более эффективные системы исправления возникающих при их эксплуатации ошибок, чем приводы DVD. Таким образом, CD диски имеют более высокую надежность по сравнению с DVD дисками.

Проведенный анализ позволяет определить рекомендации по выбору дисков для архивного (длительного) хранения информации:

- активный слой из фталоцианина;
- отражающий слой из золота или сплава золота и серебра;
- специальный дополнительный защитный слой.

Компания «Millenniata» (США) разработала новый тип оптических дисков, которые могут воспроизводиться (по мнению производителей) на стандартных DVD-приводах, но при этом позволяют безопасно хранить информацию в течение зна-

*Таблица 2
Марки дисков для архивного хранения*

Торговая марка	Название диска	Производитель
MAM-A MAM-E	Archival Gold CD-R, Archival Gold DVD-R	Computer Support Italcards (CSI)
Kodak	Kodak Preservation CD-R, Kodak Preservation DVD-R	KMP Media LLC
Verbatim	Archival Grade Gold CD-R, Ar- chival Grade Gold DVD-R, Arle- dia DVD-R	Mitsubishi Chemical Corp.
JVC Advance Media	Archival Grade Media DVD+R	TaiyoYuden

чительного времени. Принцип хранения информации на новом диске, названном «M-DISC», остается прежним — данные записываются в виде спиральной дорожки в виде лэндов и питов. Однако, вместо того, чтобы выжигаться в органической краске, как в случае с «обычными» CD/DVD, питы буквально вытравливаются (гравировуются) мощным лазером в слое, состоящем из неорганического материала. Полученные таким образом углубления не боятся воздействия высоких или низких температур, влажности или солнечного света. Производители гарантируют сохранность информации на M-DISC в течение 1000 лет (в сравнении диски архивного хранения Kodak Preservation CD-R по прогнозам компании производителя KMP Media LLC могут хранить информацию в течении 300 лет).

1000 лет хранения информации гарантирует и немецкая компания «Syylex» для разработанных стеклянных дисков Glass-MasterDisc. Эти диски в отличие от дисков M-Disc не требуют поликарбонатных слоев, защищающих активный слой. Исследования, проведенные французской лабораторией «Laboratoire national de metrologie et d'essais», подтвердили возможности длительного хранения информации на дисках этого типа.

Говоря о долговечности хранения информации, мы должны понимать, что речь идет о надежности хранения. Так как, через 100, 300 и 1000 лет прочитать эти диски не представится возможным.

Оценка состояния информации на CD и DVD³

Существуют различные способы тестирования качества дисков, но наиболее перспективным и эффективным является использование станции анализа контроля качества записи информации на оптические диски Clover DVX. Тестирование информации, записанной на диски, заключалось в измерении ряда параметров с помощью анализатора CLOVER DVX DVD ANALYZER, встроенного в компьютер. По результатам тестирования проверяемые диски относятся к одному из пяти классов. При этом используется специальное программное обеспечение для анализатора CLOVER DVX DVD: DVX Software Version.

Станция Clover DVX проводит специальный контроль критических ошибок и относит качества записи CD и DVD по пятибалльной шкале: А (отлично), В (хорошо), С (удовлетворительно), D (плохо), F (очень плохо). Информация с дисков, отнесенных к группе F, подлежит срочной перезаписи на новый носитель, предназначенный для архивного хранения информации.

При выборе дисков необходимо иметь ввиду, что одна и та же торговая марка может соответствовать дискам разных производителей. Так, например, предприятие TDK Recording Media Europe в 2006 г. объявило об окончании производства CD и

DVD носителей. Тем не менее компания не ушла с рынка, а продолжила торговать дисками, произведенных по ее лицензии другим производителями.

Альтернативные подходы к хранению цифровых копий архивных документов

При оценке целесообразности использования CD и DVD для хранения цифровых копий архивных документов в общую стоимость подготовки и хранения информации необходимо включать стоимость боксов (коробочек) для их хранения, технологию производства этикеток для идентификации дисков (или стоимость роботизированных библиотек при их наличии), а также — программного обеспечения и оборудования для тестирования дисков и приобретения необходимого количества качественных дисков, включая диски для резервных (дополнительных) копий и технической инфраструктуры для их записи и тестирования.

Целый ряд факторов в развитии современных технологий и потребности общества в цифровой информации определяют необходимость использования альтернативных (по отношению к оптическим дискам) средств хранения цифровой архивной информации. Среди этих факторов, прежде всего, темпы роста объемов информации и накапливаемых цифровых массивов, неизбежное устаревание форматов и технологий, связанных с оптическими дисками, обуславливающее необходимость переноса данных на новые носители для хранения; применение серверных технологий хранения данных в системах электронного документного оборота (СЭД). Сегодня большие объемы цифровой информации удобнее хранить в серверных системах, с использованием системы хранения данных с сетевым RAID-накопителем (хранилище данных на жестких дисках) и с резервным копированием информации на магнитные ленты стримера.

Практический опыт РГАНТД, анализ литературы и предложений фирм, действующих в области информационных технологий, показывает, что в настоящее время существуют следующие решения для долговременного хранения информации в цифровом виде, которые являются серьезной альтернативой для оптических дисков.

1. Использование систем хранения на жестких дисках.
2. Использование специальных программно-технических комплексов.
3. Использование цифровой магнитной ленты для резервного копирования цифровой информации.

В Российском государственном архиве научно-технической документации накоплен многолетний опыт по хранению и управлению цифровым контентом. В РГАНТД используется как система Network Attached Storage для сетевого хранения данных, так и файловые серверы.

Сетевая система хранения данных NAS-сервер

NAS-серверы (Network Attached Storage) — сетевые устройства хранения данных, не зависящие от операционных систем. Эта архитектура позволяет напрямую подключать устройства хранения данных к сети (т.е. фактически к концентратору, без участия сервера или ПК), встраивать непосредственно в них поддержку сетевых протоколов (например, TCP/IP), а также использовать их в специальных приложениях (например, для хранения и передачи видеоизображения).

В связи с использованием в РГАНТД серверов и компьютеров под ОС Windows и Linux должен решаться вопрос о совместном использовании накопленной информации. С этой целью был использован специальный компьютер, предоставляющий совместный доступ разным операционным системам. Для решения задачи был установлен готовый NAS-сервер компании QNAP — Quality Network Appliance Provider модель Q809U.

Основные преимущества использования NAS-устройств:

- простота инсталляции и обслуживания;
- относительно низкая цена и стоимость владения;
- возможность доступа к данным при отключенном основном сервере;
- обслуживание клиентов, работающих с различными ОС;
- бесплатное обновление ПО.

«Облачное» хранилище данных

«Облачное» хранилище данных представляет собой онлайн-хранилище, в котором данные хранятся на многочисленных, распределенных в сети серверах, предоставляемых в пользование клиентам.

В противовес модели хранения данных на собственных, выделенных серверах, приобретаемых или арендуемых специально для подобных целей, количество или какая-либо внутренняя структура серверов клиенту, в общем случае, не видна. Данные хранятся, а равно и обрабатываются, в облаке, которое представляет собой, с точки зрения клиента, один большой, виртуальный сервер. Физически же такие серверы могут располагаться удаленно друг от друга географически, вплоть до расположения на разных континентах.

Преимущества «облачных» хранилищ:

- Клиент платит только за то место в хранилище, которое фактически использует, но не за аренду сервера, все ресурсы которого он может и не использовать.
- Клиенту нет необходимости заниматься приобретением, поддержкой и обслуживанием собственной инфраструктуры по хранению данных, что, в конечном счете, уменьшает общие издержки производства.
- Все процедуры по резервированию и сохранению целостности данных производятся провайдером «облачного» центра, который не вовлекает в этот процесс клиента.

Потенциальные вопросы

- Безопасность при хранении и пересылке данных является одним из самых основных вопросов при работе с облаком, особенно в отношении конфиденциальных, приватных данных.
- Общая производительность при работе с данными в облаке может быть ниже таковой при работе с локальными копиями данных.
- Надежность и своевременность получения и доступности данных в облаке очень сильно зависит от многих промежуточных параметров, в основном, таких как каналы передачи данных на пути от клиента к облаку, вопрос последней мили, вопрос о надлежащем качестве работы интернет-провайдера клиента, вопрос о доступности самого облака в данный момент времени.

¹ Рекомендации по сканированию архивных фотодокументов / Г.З. Залаев, Н.В. Глищинская: [Электронный ресурс] / РГАНТД. Режим доступа к сайту: URL: <http://rgantd.ru/nauchnye-trudy.shtml>

² Отчет по НИР «Разработка методических рекомендаций по выбору сканирующего оборудования, способного удовлетворить потребности российских архивов». [Электронный ресурс.] / Федеральное архивное агентство. Официальный сайт. Режим доступа к сайту: URL: <http://archives.ru/documents/recomendacii-vybor-scan-oborudovanija-2011.shtml>

³ Рекомендации по обеспечению сохранности информации, записанной на оптических дисках (Тестирование выборочного массива документов федеральных архивов) / М.И. Пилипчук, А.Н. Балакирев, Л.В. Дмитриева, Г.З. Залаев. М., 2011. [Электронный ресурс.] / Архивы России. Режим доступа к ресурсу: URL: <http://archives.ru/documents/rekomendacii-po-obespecheniju-sohrannosti-informacii-na-diskah.shtml>

Фонды личного происхождения белорусских историков: проблемы сохранения и использования

Вопросы сохранения и использования архивного наследия историков лежат в русле нескольких фундаментальных научных направлений: историографического — развития истории науки, архивоведческого — сохранения научных архивов и фондов личного происхождения, источниковедческого — определения ценности документов личного происхождения для исторических исследований, а также проблемы взаимодействия архивов, музеев и библиотек в направлении их сохранения.

Развитие истории науки в разных странах приводит к необходимости собирания и сохранения архивов ученых. Немаловажным аспектом, способствующим этому, стали совместные дискуссии историков науки и архивистов, занимающихся сохранением документального наследия ученых. В начале 1970-х гг. во Франции директором IV секции Практической школы фундаментальных исследований Г. Бежуаном была инициирована дискуссия о научных архивах. Позже была разработана программа по регистрации неиспользованных источников по истории науки, находящихся в архивах Франции, под названием «Научные архивы»¹. В 1970-е гг. в России началась подготовка «Каталога личных фондов отечественных историков», что в значительной степени было обусловлено «уровнем развития исследований в сферах историографии, источниковедения, архивного дела и археографии»². В Польше разработка данной проблематики связана с деятельностью Отдела исследований истории науки и техники Центра науки в Пшемьсле, в котором во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. был организован ряд научных обсуждений³. Научные дискуссии, проекты по созданию каталогов и реестров, таким образом, несомненно способствовали популяризации и более широкому использованию научных архивов, в том числе и архивов ученых.

Используя понятие «фонды личного происхождения» в отношении обобщенного понимания комплексов документов ученых-историков, следует отметить его условность для комплексов документов, хранящихся в музеях, поскольку понятие «фонд» используется там в ином значении. Эта же условность справедлива и в отношении небольших комплексов документов личного происхождения ученых, хранящихся в составе коллекций или фондов учреждений, а также документов, не переданных на хранение в архив и не получивших статуса архивного фонда, однако интересных с точки зрения необходимости их сохранения. Для личных фондов ученых, как и для личных фондов в целом, насущной является проблема распыленности, которая существенно затрудняет их использование. Она решается путем совместных усилий работников архивов, музеев и библиотек, хранящих документы, а также ученых-историков, заинтересованных в их сохранении и использовании. К сожалению, координация действий в этом направлении до сих пор является проблемным аспектом в ряде стран, в том числе и в Белоруссии. Несмотря на отдельные успешные проекты⁴, каждое из данных учреждений осуществляет свою политику комплектования, информирования о фондах и доступа к ним.

Впервые вопрос о необходимости сохранения документального наследия ученых-историков, коллекционеров, этнографов, архивистов в Белоруссии стал актуальным в XIX в. Уже в начале века в библиотеку Виленского университета по инициативе ректора, астронома и математика Я. Снедецкого поступили документы историков М. Догеля, Я. Альбертранди, Т. Чацкого. Значительными были личные архивы профессоров Виленского университета И. Анацевича, М. Бобровского, И. Даниловича, И. Лобойко, И. Лелевеля, археолога З. Доленги-Ходаковского, первого белорусского археографа И. Григоровича, которые стояли у истоков белорусского языкознания, археологии, археографии, историографии. Впоследствии эти архивы становились предметом купли-продажи и расходились по рукам коллекционеров. Лишь небольшая их часть сохранилась до наших дней.

Во второй половине XIX в. значительными были сборы коллекционеров А. Ельского, А. Жиркевича, В. Федоровича, М. Федоровского, братьев К. и Е. Тышкевичей, этнографа А. Киркора, архивиста И. Спрогиса, профессора Б. Эпимах-Шипиллы и других. В 1921 г. в Вильно по общественной инициативе был создан Белорусский музей им. И. Луцкевича, который стал одним из первых хранилищ документов личного происхождения белорусских деятелей, в том числе и историков В. Ластовского, А. Цвикевича, А. и И. Луцкевичей. Целенаправленное комплектование государственных архивов БССР документами личного происхождения в межвоенный период не велось. Исключение составляли документы личного происхождения, оказавшиеся в фондах учреждений, например, документы В. Игнатовского и З. Жилуновича.

В послевоенный период документы личного происхождения стали приниматься на хранение в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (в 1944 г. туда на секретное хранение поступил архив «буржуазного националиста», историка К. Езовитова) и в Центральный государственный архив литературы и искусства (почти сразу после его создания в 1960 г. туда были переданы документы А. Ельского и И. Григоровича).

В отличие от общесоюзной системы, где комплектование личными архивами ученых проводилось архивами Академии наук, в Белоруссии эта работа с 1968 г. стала достаточно успешно осуществляться сотрудниками академической библиотеки. На сегодняшний день здесь хранятся документы около 10 фондов историков, фольклористов, этнографов — Н. Улащика, А. Мальдиса, М. Гринבלата, К. Шабуня, В. Тарасенко и других, часть документов в составе коллекции. Исключение составили поступившие в 1965 г. в Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси документы историка, академика В. Перцева, а также документы фольклориста С. Сахарова. В послевоенное время в отделе рукописей Государственной библиотеки из собранных различными путями документов деятелей науки и культуры была сформирована коллекция, в которую вошли отдельные документы В. Пичеты, М. Довнар-Запольского, Е. Романова, А. Сементовского.

На сегодняшний день самым крупным хранилищем личных фондов историков в Белоруссии является Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), в котором хранятся документы около 25 историков и архивистов, входящие в состав 16 фондов, в том числе и коллекций. Это документы историка З. Копысского, историка и археолога Г. Штыхова, историка и архивиста В. Скалабана, историка и археографа Р. Платонова, бывшего руководителя архивной службы А. Азарова и других. В Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ) не так давно были выявлены и описаны документы историка и архивиста начала века М. Мелешко. В Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (БГАМЛИ) хранятся фон-

ды И. Григоровича, А. Ельского, М. Ермоловича, в составе коллекции — документы В. Ластовского и А. и И. Луцкевичей — всего документов более десятка ученых-историков. Около 20 личных фондов хранятся в обласных и зональных государственных архивах — это фонды краеведов И. Филипповича, Д. Газина, известных историков Г. Кохановского, Я. Мараша, В. Черепицы и др.

Значительные комплексы документов белорусских историков сохранились в музеях: А. Сапунова, Е. Романова, В. Федоровича — в Витебском областном краеведческом музее, П. Кнышева — в Гродненском областном краеведческом музее, В. Пичеты, В. Перцева — в Национальном историческом музее Республики Беларусь. Таким образом, в государственных хранилищах Белоруссии в большей или меньшей степени сохранились комплексы документов около 70 историков, краеведов, этнографов, архивистов, колотые входят в состав около 50 фондов личного происхождения, в том числе семейных и архивных коллекций. Однако не следует забывать и о материалах, оказавшихся за пределами Белоруссии: значительное количество ценнейших документов белорусских историков XIX — начала XX в. находятся сегодня в хранилищах Литвы, Польши, России, Украины.

В целом осознание значительности документального наследия ученых-историков произошло уже в первой половине XIX столетия применительно к архивам А. Нарушевича, И. Григоровича, М. Бобровского, И. Онацевича, И. Лобойко, И. Даниловича и других, которые сохранили в себе значимые коллекции исторических документов, отражающих несколько эпох. Именно это предопределило их ценность и повышенный интерес со стороны коллекционеров и исследователей. К сожалению, эти комплексы документов с течением времени были перемещены, раздроблены, частично утрачены. Например, коллекция И. Онацевича после его смерти более чем на столетие выпала из научного обращения, и только в 1935 г. была предпринята попытка реконструкции состава коллекции на основании сохранившихся описей. Она включала в себя переписку, папские буллы, дипломы, грамоты, автографы коронованных особ, карты, документы семьи Любомирских, документы по истории дома Ягеллонов, документы о дипломатических отношениях России и Польши в XVI—XVIII вв., по истории Курляндии и Лифляндии, рукописные тетради И. Онацевича с выписками⁵. Полноценное использование комплексов документов историков этого периода предполагает предварительную значительную работу по их выявлению, созданию дополнительного научно-справочного аппарата и воссозданию целостности (реконструкции).

Среди наиболее полных, значимых и востребованных фондов личного происхождения историков, сохранившихся в белорусских хранилищах, следует назвать фонды Н. Улащика, И. Григоровича, А. Сапунова и других, анализ которых дан в целом ряде публикаций⁶. Интересной является судьба документального наследия историка, языковеда, основателя белорусской археографии И. Григоровича (1792—1852), которое оказалось разбросанным по хранилищам Белоруссии и России. Его архив является единственным из сохранившихся в Белоруссии личных архивов ученых первой половины XIX столетия. В личном фонде Н. Улащика находятся неопубликованные части исследований, первоисточники (архивные копии, фотокопии), структурированные данные из первоисточников (таблицы, графики, схемы, картотеки), а также выписки, которые дают возможность проанализировать процесс работы и ход мыслей автора, информацию об источниках, на основе которых проводилось исследование, опубликовать ранее неизданные работы.

В полном смысле «личным» можно назвать тот фонд, в котором проявляется личность его создателя. Это возможно в большей степени через источники личного про-

исхождения: частную переписку, дневники, мемуары, фотографии. При отсутствии таких документов охарактеризовать личность человека становится почти невозможно, а архив приобретает форму полуофициального, отражая только служебную деятельность лица. Это существенно снижает ценность архива как потенциального исторического источника. Количество таких фондов в белорусских хранилищах значительно. К ним можно отнести архивы историков К. Шабуня, В. Верхося, архивистов А. Азарова, В. Жигалова и Т. Леонтьевой, и других. Можно полагать, что связано это в большей степени с формальным подходом к комплектованию личными архивными фондами хранилищ, основная задача которых заключается в работе с фондами организаций. Требуется пересмотра и политика комплектования, которая должна разрабатываться с учетом новейших историографических и архивоведческих подходов и при участии историков и ученых других отраслей знаний как основных потребителей данной информации.

Традиционно личные архивные фонды историков используются для осмысления и оценки взглядов ученых, при их соотнесении с тем или иным историографическим направлением, составления научных биографий, выявления неопубликованных материалов и документов, ценных для широкого круга читателей, исследования истории учреждений, в которых работал ученый, истории науки и т.д. Однако комплексы документов такого рода призваны также отражать микропроцессы в обществе, сохранять и передавать индивидуальную и коллективную память общества, а значит, и быть использованным при анализе уникальных социальных явлений: судебных, психологии, ментальности индивидов и социальных групп. И это также маловероятно без активного сотрудничества архивистов и историков, которое должно осуществляться с целью разработки новых подходов к комплектованию, с учетом повсеместного изменения видов носителей, форм и видов документов личных архивов историков. Своевременное внимание к данным проблемам откроет более широкие возможности для сохранения и использования личных архивов историков, а также для удовлетворения информационных потребностей общества в целом.

¹ *Kulecka A.* Archiwista w laboratorium (Przegląd francuskiej literatury archiwalnej dotyczącej archiwów naukowych) // Kwartalnik historii nauki i techniki. Warszawa, 2000. № R. XLV. S. 47–49.

² Каталог личных архивных фондов отечественных историков. Вып. 1: XVIII век. М., 2001. С. 3.

³ *Kulecka A.* Archiwa osobiste uczonych polskich // Nauka Polska. Jej potrzeby, organizacja i rozwój. Rocznik Kasy im. Józefa Mianowskiego Fundacji Popierania Nauki. T. VIII. 1999. S. 127–147.

⁴ См.: Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: указатель: в 3 т. М., 1962–1980; Каталог личных архивных фондов...; и др.

⁵ *Николаев С.И.* О коллекции Игнатия Онацевича // Духовная культура славянских народов. Литература. Фольклор. История. Сборник статей к IX международному съезду славистов. Л., 1983. С. 197–208.

⁶ *Иванова О.С.* Личный архив Н.Н. Улащика и его источниковедческий анализ // Крыніцазнаўства, археаграфія, архівазнаўства ў XX–XXI стст. у Беларусі: зб. навук. артыкулаў, прысвечаных 100-годдзю з дня нараджэння М.М. Улашчыка. Мінск, 2007. С. 23–30; *Иванова В.* Дакументальная спадчына працаверца Іаана Грыгаровіча // Праваслаўе. 2004. № 12–13. С. 78–85; *Кучеренко В.Н.* Обзор документов архива А.П. Сапунова в Витебском областном краеведческом музее // 90 гадоў Віцебскай вучонай архіўнай камісіі. Матэрыялы навук. канф. 24 лістап. 1999 г., Віцебск. Мінск, 1999. С. 45–47; и др.

Немецкий трофейный архив в Московском отделении Архива АН СССР

Московское отделение Архива АН СССР (1936—1963 гг.) после окончания Великой Отечественной войны оказалось причастным к истории трофейных ценностей, вывезенных из Германии.

Вопросы репарации и реституции материальных ценностей в контексте истории Второй мировой войны в настоящее время достаточно хорошо освещены в историографии проблемы взаимоотношений Германии, СССР/России, стран-союзниц. В межгосударственной практике этот аспект остается актуальным и сегодня. Количество вывезенного в 1945—1949 гг. из Германии ценного имущества — от демонтированных заводов и до произведений искусства — не поддается точному исчислению. Среди трофейных ценностей немалое место заняли библиотечные и архивные фонды.

8 июня 1949 г. на хранение в Московское отделение Архива Академии наук СССР из Управления Государственного фонда литературы были переданы материалы Немецкой Академии естествознания в г. Галле («Леопольдина»)¹. По сведениям президента «Леопольдины» Курта Мотеса², указание на отправку значительной части библиотеки академии и ее архива в Академию наук СССР в Москву были даны в 1946 г. советским военным комендантом в Ванслебене. По этому поводу сохранилось его письмо начальнику отделения народного образования Советской военной Администрации провинции Саксония-Ангальт майору Тихонову, где речь шла о 6904 томах и 59 512 документах архива членов академии³.

Германская (Немецкая) академия естествоиспытателей (Academie Natural Curiosorum) была основана в 1651 г. врачом вольного императорского города Швейнфурта И.Л. Баушем. Первое собрание, утвердившее устав общества, состоялось 1 января 1652 г. В 1672 г. оно получило разрешение на деятельность как частное общество. В 1687 г. император Леопольд I⁴ утвердил ее в качестве «Академии Священной Римской империи имени императора Леопольда для наблюдения природы», откуда она и получила название «Леопольдина», и дал ей широкие права и привилегии. Место пребывания Академии менялось в зависимости от места жительства ее президента. С 1878 г. Академия располагается в г. Галле. С 2008 г. она именуется Национальной академией наук «Леопольдина».

В 2007 г. в числе академиков «Леопольдины» значилось 157 лауреатов Нобелевской премии. Среди наиболее известных академиков — Иоганн Вольфганг Гете, Брем Кристиан Людвиг, Чарльз Дарвин, Альберт Эйнштейн, Герхард Эртль, Теодор Хенш, Вильгельм Оствальд, Макс Планк, Эрнест Резерфорд. Членом-корреспондентом этой научной организации был избран советский ботаник, академик АН СССР Н.И. Вавилов (1942), почетным членом был биолог-эволюционист, академик АН СССР И.И. Шмальгаузен (1958), членом был математик и кибернетик, академик АН СССР В.М. Глушков (1970). Общее количество членов академии ограничено числом примерно в 1000 академиков. Три четверти членов избирается от немецко-говорящих стран (Германия, Австрия, Швейцария) и одна четверть — от других наций. Избрание академиком «Леопольдины» — это самая высшая академическая почесть в Германии.

Как указывается в Акте передачи материалов Немецкой Академии естествознания в г. Галле от 8 июня 1949 г., материалы состояли в основном из личных дел членов академии, переписки академии, значительного количества старинных рукописей, корреспонденции отдельных членов и др.⁵ Описи материалов отсутствовали, а прием по акту производился весьма условно (по наличным единицам хранения — папка, рукопись, книга, личное дело и т.д.). Всего принятый материал был определен числом 4188 единиц хранения и 82 см россыпи из отдельных документов⁶. Материалы были переданы и приняты в неупорядоченном состоянии (часть их не подшита, листы не пронумерованы, без заверительных надписей, во многих случаях без обложек и без заголовков, без штампов, шифров и других пометок учета). Количество листов при приеме не подсчитывалось и содержание материалов не проверялось.

Из примечания к Акту передачи выясняется, что в действительности материалы Архива Немецкой Академии естественных наук в г. Галле были обширнее, и в процессе отбора их для передачи в Московское отделение Архива АН СССР часть была оставлена в Управлении Государственного литературного фонда: материалы и переписка города Бланкенбурга, материалы военного характера, личные дела союза немецких инженеров, небольшое количество документов Государственного Немецкого Архива, библиотечный материал, в том числе собрания старинных книг, бухгалтерские книги и другие неохарактеризованные материалы⁷.

Архивные документы «Леопольдины» осели в Московском отделении Архива АН СССР, но работы по их систематизации и научному описанию не проводились⁸. Между тем о поступлении этих документов в Архив АН СССР знали и президент АН СССР академик С.И. Вавилов, и директор Института истории естествознания и техники чл.-корр. АН СССР Х.С. Коштойац.

По-видимому, последующая судьба архива немецкой «Леопольдины» начала решаться только в конце 1951 г. В деле об архивных материалах немецкой академии сохранилась докладная записка заведующего Московским отделением Архива АН СССР Ф.Д. Гетмана на имя Главного Ученого секретаря Президиума АН СССР академика А.В. Топчиева от 6 декабря 1951 г., в котором он обосновал необходимость принятия решений в отношении трофейных научных материалов⁹. На докладной записке имеется резолюция вице-президента АН СССР академика В.П. Волгина: «Акад. А.В. Топчиеву. Я считал бы наиболее целесообразным возратить материалы, не имеющие для наших учреждений существенного значения, либо Академии в Галле, либо Академии в Берлине. В. Волгин»¹⁰.

Однако решительные шаги в этом направлении были сделаны только в 1955 г. Президиум АН СССР своим Распоряжением от 24 августа 1955 г. № 314-1652 поручил Институту истории естествознания и техники АН СССР просмотреть архив Немецкой академии естественных наук в г. Галле «в целях изучения его научной значимости», а также подготовить фотокопии документов¹¹.

В институте была создана комиссия для изучения материалов «Леопольдины» в связи с предполагаемым их возвращением в Германскую Демократическую Республику. В состав комиссии вошли заместитель директора института, профессор Н.А. Фигуровский, сотрудники — доктор математических наук А.П. Юшкевич, кандидат исторических наук А.А. Кузин, кандидат педагогических наук Л.В. Каминер. Комиссия работала в 1955—1956 гг. В Акте обследования архива Леопольдино-Каролинской академии от 29 декабря 1956 г. комиссия констатировала прежде всего неупорядоченность дел. Однако при этом отметила, что «архив Академии с момента ее основания в 1652 г. находился в неудовлетворительном состоянии»¹². На это ука-

звал еще в XIX веке ее президент Дитрих Георг фон Кизер¹³, об этом же писал в своих отчетах и ее последний президент Эмиль Абдергальден¹⁴, по словам которого «переписка между президентами и членами академии и другие документы хранятся на полках в хаотическом беспорядке в виде простых связок и что не предпринимается никаких мер для их охраны»¹⁵. По этой причине, отмечалось в Акте комиссии, материалы исключительной ценности подверглись вандалистическим хищениям и были утрачены — например, письма Гете; ценнейшие фонды архива были распроданы библиофилам. Лишь в 1932 г. по инициативе Э. Абдергальдена на каждого члена академии было заведено особое дело и стали приниматься меры к тому, чтобы подобные же дела завести и на умерших членов и пополнить огромные пробелы архива¹⁶.

В целом же комиссия фактически провела работу по упорядочению материалов Академии естественных наук в г. Галле, составила их суммарную опись, и в справке о составе документов представила вполне ясную картину этой трофейной коллекции¹⁷. Согласно краткой описи, в ней насчитывалось 3809 ед. хр.¹⁸

Один из основных выводов комиссии заключался в том, что «архив Леопольдино-Каролинской академии в настоящем виде представляет лишь очень небольшую научную ценность и должен быть возвращен академии»¹⁹. Вместе с тем комиссия рекомендовала подготовить фотокопии ряда документов и оставить их в пользовании советских ученых. В 44 пунктах был представлен список документов для фотопирования²⁰. Среди документов немецкой академии комиссия особенно выделила материалы, относящиеся к деятельности российских ученых: бумаги о Демидовских премиях 1854 г., письма и материалы Н.Х. Бунге, И.П. Павлова, личные дела русских ученых — членов академии И.П. Павлова, Л.А. Орбели, Б.М. Завадовского, Д.Н. Прянишникова, В.А. Обручева, Ю.М. Шокальского, Л.С. Штерн, И.В. Мушкетова, Н.Я. Данилевского, материалы о выборах в члены академии русских ученых Н.Я. Данилевского, А.А. Кулябко, С.С. Салазкина, А.Н. Баха, В.С. Гулевича, М.Н. Шатерникова, переписка с научными обществами Москвы и др., ученые трактаты и рукописи XVII—XVIII вв., научную переписку ученых, материалы по истории Академии естественных наук в г. Галле.

Также комиссия предложила оставить в соответствующих советских организациях все материалы военного характера и военно-экономические описания периода 1939—1945 гг. Однако сотрудник Военно-Научного Управления Генштаба подполковник И.Е. Зайцев составил свое заключение по этим материалам, которые «военно-исторического или практического интереса не представляют и могут быть переданы (возвращены в Германию. — *И.И.*) совместно с другой документацией»²¹.

Одновременно с комиссией Института истории естествознания и техники АН СССР над упорядочением документов немецкой академии работали и сотрудники-архивисты Московского отделения Архива АН СССР: так, Распоряжением № 83 по Московскому отделению Архива АН СССР от 7 декабря 1955 г. составление подробной описи материалов академии было поручено младшим научным сотрудникам М.С. Бахраковой и Л.И. Хренниковой; для расшифровки материалов XVI—XVIII вв. на немецком языке был приглашен на работу по договору специалист со знанием немецкого языка; также сотрудникам Московского отделения Архива РАН была поручена подготовка документов академии для микрофильмирования и техническая работа по подготовке коллекции к отправке в ГДР²².

Документы немецкой академии «Леопольдина» были не единственным трофейным поступлением в Академию наук СССР. Тогда же, в 1955—1957 гг., выявление немецких трофейных архивных документов происходило во всех учреждениях Ака-

демии наук СССР. Судя по переписке между научными организациями АН СССР и Московским отделением Архива АН СССР, все обнаруженные материалы должны были концентрироваться в Московском отделении Архива АН СССР и затем передаваться немецкой стороне²³. О наличии трофейных научных материалов отделению архива сообщили, в частности, Институт истории АН СССР, Музей истории религии и атеизма АН СССР, Главная астрономическая обсерватория АН СССР (Пулково), Институт теоретической астрономии АН СССР, а также Академия наук Эстонской ССР. Так, Институт истории АН СССР передал 33 документа Бранденбургского архива (фамильные обязательства, копии справок о рождении, крещении, бракосочетании и смерти некоторых германских принцев за 1858–1940 гг.)²⁴. Библиотека Пулковской обсерватории передала 10 рукописей немецких ученых — сотрудников Астрономической обсерватории Берлин-Бабельсберг (машинописный текст общим объемом около 100 стр.)²⁵. Отдел Численных методов небесной механики Института теоретической астрономии АН СССР передал материалы Берлинского астрономического вычислительного института в количестве 46 папок²⁶. Музей истории религии и атеизма АН СССР передал трофейные архивные материалы бывшего Императорского министерства по делам церкви в Германии в количестве 1494 дела²⁷. Академия наук Эстонской ССР передала библиотечные фонды Немецкой академии «Леопольдина» и библиотечные фонды некоторых других научных учреждений Германии в количестве 16 744 экземпляра²⁸.

К концу 1956 г. вопрос о возвращении трофейных немецких архивов и библиотек был решен. 7 января 1957 г. договоренности между СССР и ГДР о возвращении на взаимной основе культурных ценностей, в том числе и архивных материалов, нашли отражение в Совместном заявлении Правительственных делегаций Советского Союза и Германской Демократической Республики²⁹. Вскоре, 11 января 1957 г., президент Немецкой Академии естественных наук «Леопольдина» профессор Курт Мотес обратился с письмом к президенту Академии наук СССР академику А.Н. Несмеянову, в котором изложил свое одобрение инициатив по возвращению архивов и библиотек учреждениям Германии и выразил надежду на взаимную встречу и обсуждение вопросов, касающихся передачи Немецкой Академии архивных материалов и книжных изданий³⁰. Советская пресса извещала, что 4 апреля 1957 г. в Министерстве иностранных дел СССР состоялось подписание первого Акта о передаче правительству ГДР документальных материалов из германских архивов, находившихся на хранении в государственных архивах СССР³¹.

Во исполнение Постановления Совета Министров СССР № 217-110 от 28 февраля 1957 г. Президиум АН СССР издал Распоряжение № 46-635 от 23 марта 1957 г., которым обязал Московское отделение Архива АН СССР и заведующего Б.В. Левшина «подготовить к 1 августа 1957 г. архивные материалы Германской Академии естественных наук в г. Галле для передачи Германской Демократической Республике, провести их инвентаризацию, а также микрофильмировать материалы, представляющие научный интерес согласно Акту комиссии Института истории естествознания и техники АН СССР»³². Иностранному отделу Президиума АН СССР было поручено совместно с Министерством иностранных дел СССР произвести не позднее сентября 1957 г. официальную передачу Германской Демократической Республике архивных материалов Германской Академии естественных наук в г. Галле. Управлению делами АН СССР были поручены работы по упаковке и отправке в ГДР указанных материалов, а Планово-финансовому отделу Президиума АН СССР поручено рассмотреть и утвердить в Министерстве финансов СССР смету дополнительных расходов

Академии наук СССР, связанных с передачей ГДР находящихся в Советском Союзе трофейных фондов архивных материалов Германской Академии естественных наук в г. Галле³³. Московское отделение Архива АН СССР к августу 1957 г. закончило работу по подготовке к передаче Германской Демократической Республике архивных материалов Немецкой Академии естественных наук в г. Галле. В ноябре 1957 г. заведующий отделением Б.В. Левшин сообщал об этом в письме на имя заместителя начальника хозяйственного отдела Управления делами АН СССР; ожидалось также решение Иностранного отдела Президиума АН СССР и назначение даты отправки³⁴.

Таким образом, из документов Архива РАН следует, что к концу 1957 г. возвращение документов немецкой Академии естествознания «Леопольдина» из г. Москвы в г. Галле состоялось, и страница истории «перемещенного» архива во взаимоотношениях научных учреждений двух стран была перевернута.

¹ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 334. Л. 1–2.

² Курт Мотес (1900–1983), немецкий биохимик, президент Германской Академии естественных наук «Леопольдина» (1954–1974), иностранный член АН СССР (1971).

³ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 334. Л. 45.

⁴ Леопольд I (1640–1705), император Священной Римской империи (1658–1705), любил и поощрял занятия историей и естественными науками, покровительствовал музыкантам, будучи сам талантливым композитором-любителем; основал университеты в Инсбруке, Ольмюце и Бреслау.

⁵ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 334. Л. 1.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 4–5.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 8.

¹² Там же. Л. 10.

¹³ Дитрих Георг фон Кизер (1779–1862), натурфилософ, военный врач, хирург, офтальмолог; президент Германской Академии естественных наук «Леопольдина» (1858–1862).

¹⁴ Эмиль Абдергальден (1877–1950), швейцарский биохимик и физиолог; президент Германской Академии естественных наук «Леопольдина» (1931–1950); иностранный член-корреспондент АН СССР (1925).

¹⁵ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 334. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 10–11.

¹⁷ Там же. Л. 15–16, 21–22.

¹⁸ Там же. Л. 20.

¹⁹ Там же. Л. 11.

²⁰ Там же. Л. 11–14.

²¹ Там же. Л. 14.

²² Там же. Л. 29–30.

²³ Там же. Л. 58, 60, 65.

²⁴ Там же. Л. 50.

²⁵ Там же. Л. 71–72.

²⁶ Там же. Л. 74–75.

²⁷ Там же. Л. 60–64.

²⁸ Там же. Л. 51–54.

²⁹ Там же. Л. 54а.

³⁰ Там же. Л. 45–46.

³¹ Там же. Л. 54а.

³² Там же. Л. 32–33.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 49.

Изучение возможности использования ионно-обменных сорбентов для очистки бумаги от ионов железа

Присутствие несвязанных ионов железа в материале основы документа представляет серьезную проблему. Обладая каталитической активностью, ионы двухвалентного железа, при определенных условиях, способны инициировать процессы окисления в таких органических субстратах, как бумага, пергамент и текстиль.

Источники железа могут быть различны. Прежде всего — это средства письма (железо-галловые чернила, берлинская лазурь и т.д.), в составе которых присутствуют водорастворимые соединения этого металла. Другая распространенная причина состоит в загрязнении соединениями железа субстрата в процессе его производства. Например, это могла быть используемая при изготовлении бумаги вода, которую брали из источника, содержащего ионы железа. Различные металлические элементы ранних образцов механических приспособлений для размолва тряпья (толчеи, роллы), также могли быть источниками этого металла. Кроме того, соединения железа могут присутствовать в наполнителях, например, в каолине, которые использовались при производстве бумаги¹.

Механизм окислительной деструкции волокон целлюлозы в присутствии ионов металлов с переменной валентностью изучен не до конца. Однако известно, что существует корреляция между содержанием водорастворимых соединений железа и деструкцией целлюлозных волокон, которая проявляется в изменение цвета и механических свойств бумаги². Таким образом, присутствие этих ионов в субстрате может потребовать мероприятий по их удалению или инактивации.

На данный момент существует несколько подходов к решению этой проблемы. Например, широкое распространение получило использование солей фитиновой кислоты, которые образуют с ионами железа нерастворимые комплексные соединения³. Также в некоторых европейских странах документы обрабатывают погружением в кипящую воду⁴. В результате происходит вымывание ионов железа из субстрата. Существуют и другие методики⁵.

Один из способов очистки различных сред от ионов металлов состоит в использовании ионно-обменных сорбентов⁶. Согласно современным представлениям, ионный обмен — это физико-химический процесс распределения вещества, находящегося в ионной форме, между жидкой и твердой фазами под действием сил кулоновского взаимодействия. Существует большое количество соединений, обладающих ионно-обменными свойствами, как природных, так и искусственных. Современные катиониты представляют собой матрицу поперечно-сшитых полимерных нитей с отрицательно заряженными функциональными группами, ковалентно связанными с полимером. Механизм катионного обмена можно представить в виде уравнения:

где R⁻ — функциональная группа; X⁺ — ион раствора; Y⁺ — противоион сорбента.

Таким образом, в основе этого метода лежит принцип конкурентного замещения ионов. То есть противоионы сорбента, например, водорода (H^+), замещаются ионами раствора, в нашем случае железа (Fe^{2+}). Особенность использования ионно-обменных сорбентов для удаления ионов железа из бумаги состоит в том, что ионы находятся не просто в жидкой фазе, а в поровом растворе. Поэтому на эффективность очистки будут влиять не только сорбционные свойства катионита, но и некоторые свойства бумаги, такие как плотность и влажность.

В настоящее время в реставрационной практике этот подход не нашел применения. Поэтому целью данной работы является изучения возможности применения ионно-обменных сорбентов для очистки бумаги от ионов железа.

Эксперименты проводились на образцах специальной реставрационной бумаги фирмы Jarico (серия 616) и фильтровальной лабораторной бумаги марки Ф (ГОСТ 12026-76). Бумага Jarico имеет плотность $0,3 \text{ г/см}^3$ и $pH=6,6$; фильтровальная бумага — плотность $0,75 \text{ г/см}^3$ и $pH=5,7$. Эксперименты проводились на воздушно-сухих и влажных образцах. В качестве источника ионов железа использовали 1% и 0,01% растворы сульфата железа ($FeSO_4 \cdot 7H_2O$), которыми пропитывались исходные образцы. После пропитки pH бумаги изменился. Результат представлен в таблице 2.

В качестве сорбента использовалась монодисперсная катионообменная смола Dowex Marathon C (полистирол-дивинилбензол, функциональной группой является сульфоновая кислота) в H^+ - и Na^+ - формах. Влажосодержание подготовленного к работе сорбента в H^+ - форме составляет 50–56%, в Na^+ - форме — 42–48%.

Эксперименты проводились по следующей методике. На образцы бумаги помещали сорбент, после чего через равные промежутки времени оценивали наличие ионов железа в бумаге. Присутствие ионов железа определяли с помощью индикаторной бумаги Bathophenanthroline⁷. Величину pH до и после эксперимента измеряли контактным методом по стандартной методике⁸. Влажность образцов определяли по ГОСТ 13525.19-91⁹. Результаты представлены в таблицах 1 и 2.

Полученные данные свидетельствуют о том, что скорость адсорбции ионов железа сильно зависит от влажности и плотности бумаги (табл. 1). Минимальное время адсорбции наблюдалось у более влажных и менее плотных образцов бумаги. Так, полностью водонасыщенная бумага Jarico имеет время адсорбции 25 минут, а сухая фильтровальная бумага — 70 минут. Кроме того, с увеличением плотности бумаги увеличивается разница во времени адсорбции сухих и влажных образцов. Такие закономерности характерны как для H^+ -, так и Na^+ - форм сорбента.

Существенным недостатком этого метода является значительное влияние ионно-обменных процессов на кислотность бумаги (табл. 2). При использовании H^+ - формы сорбента происходит снижение величины pH , а при использовании Na^+ - формы — увеличение. Однако установлено, что такого рода процессы протекают в эквива-

Таблица 1

Бумага	$\rho, \text{ г/см}^3$	W, %	T, мин	
			H^+ - форма	Na^+ - форма
Jarico	0,3	Воздушно-сухой	35	35
		75	25	25
Фильтровальная	0,75	Воздушно-сухой	70	70
		75	30	40

Примечание: ρ — плотность; W — влажность; T — время адсорбции ионов железа.

Таблица 2

Бумага	рН при концентрации Fe ²⁺ 2,8 мг/г			рН при концентрации Fe ²⁺ 0,028 мг/г		
	до адсорбции	после адсорбции		до адсорбции	после адсорбции	
		H ⁺ - форма	Na ⁺ - форма		H ⁺ - форма	Na ⁺ - форма
Јарисо	4,8	3,0	6,3	5,6	5,1	5,7
Фильтровальная	4,0	2,8	6,3	5,4	4,9	5,8

лентных соотношениях¹⁰. Поэтому величина изменения рН в ходе адсорбции ионов будет зависеть от концентрации ионов железа в бумаге. В ходе проведенных экспериментов установили, что при концентрации ионов железа 2,8 мг/г рН бумаги Јарисо изменился с 4,8 до 3,0 для H⁺- формы сорбента и с 4,8 до 6,3 для Na⁺- формы. При концентрации железа 0,028 мг/г — с 5,6 до 5,1 для H⁺- формы и с 5,6 до 5,7 для Na⁺- формы. Такие же закономерности характерны и для фильтровальной бумаги.

В работе была показана принципиальная возможность использования ионно-обменных сорбентов для очистки бумаги от ионов железа. Несмотря на имеющиеся недостатки этот подход может найти применение в реставрационной практике. Для этого необходимо продолжить исследования, так как полученные результаты носят предварительный характер.

¹ Neevel J.G., Reissland B. Bathophenanthroline indicator paper // Papier Restaurierung. Vol. 6. No.1. 2005. P. 28–36.

² Neevel J.G. The Development of a New Conservation Treatment for Ink Corrosion, based on the Natural Anti-Oxidant Phytate // VIII. IADA-Kongress / Koch, M.S.(ed), Palm, J.(ed) Tübingen, 1995. S. 93–100; Porck H.J., Teygeler R. Preservation Science Survey. Council on Library and Information Resources. Washington, D.C., 2000; Strlič M., Menart E., Kralj Cigić I., Bruin G. de, Kolar J., Cassar M. Emission of volatiles and reactive oxygen species during degradation of iron gall ink. Polym. Degrad. Stab., 2010, 66–71.

³ Neevel J.G. Op. cit.; Kolar J., Strlič M., Budnar M., Malešič J., Vid Simon Šelih, Simčič J. Stabilisation of corrosive iron gall ink // Acta Chimica Slovenica. 2003. Vol. 50. P. 763–770; Kolar J., Možir A., Strlič M., Bruin G. de, Pihlar B., Steemers T. Stabilisation of iron gall ink: aqueous treatment with magnesium phytate // e-PS. 2007. 4. 19–24.

⁴ Robien van Gulik. Conservation — Current methods // The Iron Gall Ink Website, Web Page <http://www.irongallink.org>, 1997.

⁵ Ibid.; Robien van Gulik. Conservation — Proposed methods // The Iron Gall Ink Website, Web Page <http://www.irongallink.org>, 1997.

⁶ Долгоносов А.М., Сенявин М.М., Волощук И.Н. Ионный обмен и ионная хроматография. М., 1993.

⁷ Neevel J.G., Reissland B. Op. cit.

⁸ Реставрация документов на бумажных носителях. Методическое пособие. М., 1989.

⁹ ГОСТ 13525.19-91. Бумага и картон. Определение влажности.

¹⁰ Долгоносов А.М., Сенявин М.М., Волощук И.Н. Указ. соч.

*О. Каннес-Чепалюк
(Университет Маннгейм, Германия)*

Смена парадигм архивного поиска в процессе проработки истории науки во время нацистской диктатуры

Крушение привычного образа науки во время диктатуры (Германия 1990-х гг.)

В апреле 1995 г. научная общественность ФРГ была шокирована саморазоблачением известного и уважаемого германиста Ганса Шверте. Обладатель высшей государственной награды за заслуги перед наукой и бывший ректор Rhein-Westfälische technische Hochschule (1970—1973) признался в сокрытии своего настоящего имени под чужим именем. Его настоящее имя было Ганс Шнейдер: бывший член НСДРП и офицер СС, один из ведущих сотрудников «Ahnenerbe» (отдел в управлении СС по пропаганде нацистского видения истории). Саморазоблачение Шверте alias Шнейдер не было, впрочем, добровольным. Этому предшествовали активные поиски в архивах группы студентов из названного ВУЗа, которые по собственной инициативе исследовали ходившие слухи о настоящей биографии бывшего ректора. Незадолго до выхода разоблачительного фильма на голландском телевидении последовало признание ученого, который в течение 50 лет смог не без помощи коллег скрывать свою настоящую личность. Это событие стало знаковым для изучения всей истории науки во время нацистской диктатуры в Германии¹.

«Первая проработка» истории историографии во время нацистской диктатуры и ее результат

Проблемы отношений между историографией и властью, а также биографические очерки о деятельности отдельных ученых в диктатуре стали еще в 1950—1960-х гг. предметом научного дискурса в Западной Германии. Это время я определяю для себя как «первую проработку» проблемного прошлого науки во время национал-социализма. Суть этого процесса свелась к широкому консенсусу в научной среде о том, что ученые за редкими исключениями не шли на активное сотрудничество с режимом и не разделяли его политику. Они в своих воспоминаниях создавали картину «внутренней эмиграции»², где актеры честно выполняли свой профессиональный долг перед наукой и избегали работать в интересах политической конъюнктуры. В то же время они не шли на конфронтацию с властью, поскольку это должно было означать в тех условиях серьезную угрозу для жизни. Их труды ориентировались на критерии серьезной науки и не служили достижению целей нацистской элиты. Эта картина вплоть до 1990-х гг. не подвергалась серьезным сомнениям.

Главным источником для «первой проработки» истории исторической науки во время нацистской диктатуры служила память участников событий, а не материалы архивов. Эта память к тому же носила коллективный характер, потому что решительно зависела от позиции коллег, которые при своем несогласии могли бы эти воспоминания опровергнуть, но практически никогда этого не делали. Причиной тому было скорее не

отсутствие неточностей или преднамеренных искажений в общей картине, а определенный консенсус в научной среде, который подразумевал невмешательство в индивидуальные реконструкции биографий ученых с «проблемными» поправками или дополнениями. В контексте исторического сообщества в 1950-х гг. по умолчанию сложилось коллективное понимание того, какие принципы должны лежать в основе реконструкции подобного рода памяти. Это понимание основывалось на принципе: «Вредя другому — вредишь себе самому». Коллективное сознание историков в этом плане работало по принципу социальных сетей: не все доступное знание высказывалось открыто, потому что каждый из участников имел свои уязвимые места и в случае попыток разоблачений мог быть сам разоблачен. Пожалуй, решающим пунктом такого негласного соглашения был принцип доверительности, который подразумевал, что воспоминания коллег, как правило, не должны были подвергаться открытому сомнению. Хотя в ходе дискурса появлялись довольно противоречивые описания деятельности ученых в период диктатуры, создавалось впечатление, что они оставались незамеченными ввиду отсутствия реакции коллег. Практически никто не пытался проверить истинность воспоминаний путем архивного поиска. И это может быть только отчасти объяснено недоступностью или закрытостью материалов. Более поздние исследования показали, что даже доступные документы никогда не были затребованы вплоть до 1990-х гг.³

В целом можно охарактеризовать соответствующую конвенцию в сообществе западногерманских историков как в известном смысле *carte blanche* для написания истории дисциплины во время гитлеровского правления самими ее участниками. Большинство из них могли быть уверены, что их самоописания не встретят больших возражений со стороны коллег. В сообществе быстро выделились лидеры, которые задавали тон в самовоссоздании истории историографии в диктатуре и одна сравнительно небольшая группа «отверженных», которые скомпрометировали себя как отъявленные нацисты и мнение которых (так же как их попытки оправдаться) больше не принималось во внимание в научном дискурсе⁴. Одновременно с этим отвергался покаянный тон таких критиков «исторической амнезии» как Карл Ясперс с его идеалистическими требованиями проработки персональной вины каждого во времена диктатуры⁵. Новые лидеры западнонемецкой науки изначально заботились о воссоздании позитивных биографий для времени «постыдной» истории страны или вообще упорно отказывались вспоминать это время⁶. В своих действиях многие из них находили примеры того, как они «противодействовали» режиму или же пребывали в состоянии «внутренней эмиграции». Герхард Риттер был тому замечательным примером. Его арест в связи с покушением 20 июля 1944 г. считался неопровержимым свидетельством активного сопротивления режиму с огромным риском для собственной жизни. Это воспоминание (как всем участникам событий известный факт) служило одним из практических оснований для историка претендовать на лидирующие позиции в дисциплине.

Другим интересным примером подобного поведения был Ганс Ротфельс — историк еврейского происхождения, который во время диктатуры был лишен профессорского звания и вынужден был эмигрировать из Германии. По возвращении из эмиграции он стал видной фигурой в историографии ФРГ и оказал значительное влияние на формирование представления историографии о своей роли в диктатуре. Важным обстоятельством в этом процессе являлось то, что профессиональное сообщество было прекрасно осведомлено о деятельности коллег и о содержании их научной продукции во время господства национал-социализма⁷. Пламенный национализм был общим пятном в мирозерцании немецких историков военного поколения. Признание собственной неправоты в этом плане означало разрыв с долгой научной традицией и постановку под сомнение всей их на-

учной работы. Поэтому «теневые» стороны воспоминаний были в основном выведены за пределы активной памяти научной дисциплины, необходимой предпосылкой чего было коллективное молчание. С этой точки зрения становится понятным нежелание актеров заглядывать в содержание архивных актов, потому что практически каждый имел представление об их возможном содержании на собственном примере.

В целом «первая проработка» прошлого исторической науки во время диктатуры в Западной Германии в 1950-х и большей частью 1960-х гг. носила ярко выраженный селективный характер, основанный прежде всего на согласии большей части ученых с изгнанием «проблемных» элементов памяти из активного присутствия в соответствующих реконструкциях. «Проблемные» элементы тоталитарного правления были фактически выведены из пространства истории историографии во внешнюю среду. Архивы служили лишь для подтверждения желаемой картины, а не для комплексного исследования доступных материалов. «Проблемный» потенциал архивов оказался вне внимания активного дискурса, и сообщество, очевидно, сознательно избегало провоцировать такое внимание внутри себя или к себе со стороны.

Случай Шверте-Шнейдера означал коренной перелом в благодушном настроении историков. Прежде всего это событие оказало негативное влияние на академические отношения между учениками и учителями, потому что благородные инсценировки представителей старого поколения (рыцари науки без страха и упрека) потеряли свою правдивость прежде всего в глазах третьего послевоенного поколения ученых, которые не были больше напрямую связаны узами признательности по отношению к старому поколению ученых, переживших время нацистской диктатуры. Молодые исследователи были по сути ученики учеников. В результате они устремились на поиски документов в архивах, которые до них никем и никогда не были востребованы. Их целью стала проверка всей конструкции «первой проработки» истории историографии в нацистской диктатуре. Изменение исследовательской перспективы в связи с этим можно коротко описать так: прежде всего доверие источнику, а не воспоминаниям актеров.

«Вторая проработка» истории историографии во время нацистской диктатуры

Таким образом, в течение 1990-х гг. в Германии произошла смена парадигмы архивного поиска, которая была нацелена на задействование архивного материала, которого исследователи избегали касаться на предыдущем этапе, дабы не нарушить позитивный консенсус о роли немецкой историографии во время диктатуры. Новые изыскания показали, что «идеальная» картинка истории исторической науки являлась не только результатом «наивности» участников ее создания, но и (как минимум отчасти) — ее сознательной коррекции⁸. Помимо прочего об этом свидетельствовали факты частичного уничтожения личных архивов некоторых историков, профессиональная биография которых включала 1930—1940-е гг.⁹

Изменение перспективы оценок взаимоотношений науки и власти в период нацистской диктатуры не подразумевало громких разоблачений и стремления найти компромат на отдельных ученых в смысле их прямого участия в преступлениях режима. С самого начала присутствовало понимание того, что только отдельные представители дисциплины напрямую работали в СС или в других карательных инстанциях и выполняли приказы по уничтожению гражданского населения. За сравнительно редкими исключениями немецкие историки не были отпетыми нацистами и только частично разделяли официальную идеологию. Позиция многих сводилась к тому, что они считали

себя патриотами и националистами, но не были расистами. В фокус новой критической волны все больше попадало обстоятельство, которое характеризовало поведение большей части немецкого общества во время национал-социализма: «внутренняя дистанция» и даже внутреннее осуждение отдельных элементов национал-социалистической политики не мешали большинству актеров активно выполнять свой «профессиональный долг» будь то по прямому заказу тоталитарного государства или просто в интересе его политики. Уже начальный критический анализ «первой проработки» истории науки в национал-социалистической диктатуре ясно показал селективный характер выработанных в то время представлений, которые основывались на частичной амнезии участников относительно их отношений с властью.

После поворота 1990-х гг. на первый план в набиравшем обороты критическом анализе выходит проверка старой картины отношений немецкой науки с властью на основании вновь и вновь открываемых архивных материалов. Новая перспектива исследования основывалась, таким образом, на критическом восприятии воспоминаний участников событий, что в свою очередь может быть рассмотрено как результат всего постмодернистского развития в методологии историографии второй половины XX в., когда образ «объективного» и «независимого» ученого становился предметом критики в научном дискурсе.

Архивные исследования нового поколения немецких ученых на персональном и институциональном уровнях привели к значительному укреплению первоначального предположения, что добровольное сотрудничество ученых с властью носило массовый характер. На основании новых данных с большим трудом можно было поддержать миф о «внутренней оппозиции» или «эмиграции». В случае с дискурсом 1990-х гг. новая парадигма архивного поиска заключалась в выявлении сомнительных моментов в реконструкциях деятельности отдельных ученых и целых научных организаций, которые в свое время изображались как «чисто» научные и стоявшие вне политики. Организации, деятельность которых либо началась во время диктатуры, либо переживала тогда свой рассвет — были после окончания войны практически изгнаны из коллективных воспоминаний (таких как «Народные исследовательские сообщества» или «Имперский институт истории новой Германии»). Поиск и изучение архивов этих учреждений наряду с данными других партийных (НСДРП) и государственных учреждений привели к актуализации материалов, которые в течение 50 лет были абсолютно не востребованы. В течение этого времени они лежали, что называется, мертвым грузом на балансе архивов, и их хранение и каталогизация казались излишними. История «второй волны проработки» истории историографии во время диктатуры в Германии показывает еще раз со всей определенностью то обстоятельство, что ценность архивных материалов не является абсолютной и вечной. Она следует из временного контекста и изменяется вместе с развитием интересов научного дискурса. Поэтому вне всякого сомнения первоочередной задачей архивов, исходя из перспективы их пользователей, остается комплексное сохранение материалов, каждый из которых может нести в себе потенциал для развенчания исторических мифов и корректировки исторических реконструкций, которые часто страдают сознательной или бессознательной слепотой относительно исторической реальности.

Роль архивов в проработке темы тоталитарного прошлого

«Первая волна проработки» нацистского прошлого для историографии привела к созданию образа «настоящей» науки, которая по желанию самих актеров стояла в скрытой или даже открытой оппозиции к власти. По мнению создателей этой кон-

цепции, «настоящая» наука уже по своей сути не могла бы мирно ужиться с тоталитарной властью. Поэтому те ученые, которые в своей работе ориентировались на принципы «настоящей» науки, не могли бы одновременно служить интересам нацистского режима. Таким образом, вопрос проработки «проблемного» опыта периода диктатуры должен был бы для «настоящих» ученых решаться сам собой. Концепция «настоящей науки» в составе тоталитарного государства должна была, по мнению ее создателей, придать позитивный смысл деятельности ученых в контексте параллельно протекавших массовых государственных преступлений и соответственно оградить «настоящую» науку от тени, которую последние бросили на все немецкое общество в последующие десятилетия.

Работа в архивах в рамках «второй волны проработки» «проблемного» прошлого нацистского времени привела к весомым сдвигам в понимании роли и поведения ученых во времена диктатуры. Прежде всего развеивался миф о «настоящих» ученых, которые в своей деятельности руководствовались только интересами науки и не имели никакого представления о том, что их деятельность могла вести к укреплению преступного режима, научному обоснованию его идеологии и более эффективной организации тоталитарного государства. Взаимодействие власти и науки происходило на основе как минимум частичного пересечения интересов и поддержки учеными консервативных националистических идей, которые помогали искоренению основ правового государства. Для ученых был также характерен партикуляризм целей, когда интересы научной карьеры, возможность командировок, лучшего материального обеспечения исследований и себя лично помогали им закрывать глаза на противоправное обращение с коллегами и пропаганду антигуманных ценностей.

Одним из важных эффектов интенсивной работы в архивах стала все большая отстраненность исследователей от нормативных суждений. В контексте «первой волны проработки» нормативные суждения в реконструкциях дисциплинарной истории играли ведущую роль в структуре научного дискурса. Ученые рисовались или как невинные жертвы власти или как бескорыстные рыцари «настоящей» науки, как истинные патриоты или как беспринципные монстры, слепо следующие политической конъюнктуре. И критическое, и оборонительное направления в понимании роли историографии в диктатуре редко склонялись к тому, чтобы подкреплять свои позиции в жарких спорах с помощью всего спектра исторических источников. Их позиции основывались в первую очередь на собственной памяти и пережитом опыте.

«Вторая волна» создала, напротив, значительно более дифференцированный образ ученого в диктатуре, который наиболее точно охарактеризовал Р. Зелник в его биографической реконструкции А.Н. Панкратовой с помощью формулы «*nighter evil not angel*»¹⁰. Ученые не смогли установить в «настоящей» науке какую-то особую природную этическую способность противостоять влиянию аморальных идеологий. Точно также (кто больше, кто меньше) попадали и «настоящие» ученые под воздействие этой идеологии и в результате в чем-то соглашались с ней. Даже те, кто внутренне не был согласен, шли в конечном счете на компромиссы с властью с целью сохранения возможности заниматься своим любимым делом. В целом дискурс 1990-х гг. привел его участников к выводу о том, что «настоящая» наука не стоит в непримиримом противоречии с диктатурой. Это противоречие носит конструктивный характер с целью создания позитивного образа ученых и придания «хорошего» смысла их деятельности. Традиционные стандарты научной деятельности не стали препятствием для использования науки властью в ее преступных целях¹¹.

Еще раз о банальной истине «Сократ мне друг, но истина дороже»

Проблематика соотношения первой и второй проработок «проблемной» истории исторической науки в Германии зависит напрямую от решения вопроса, насколько снисходительны готовы быть новые поколения ученых по отношению к своим предшественникам. Если в течение почти всей второй половины XX века практически никто не ставил под сомнение право предшествующих поколений исследователей почитать на однозначно позитивном понимании своей роли в диктатуре, то новое поколение ученых, вышедшее на научную сцену в 1990-х гг., больше не считало эту конвенцию по умолчанию обязательной для себя. Введение в активный научный оборот новых источников поставило под сомнение веру в позитивный (чисто научный) смысл работы ученых во время нацистской диктатуры. В самопредставлении не только немецких, но и российских историков основой основ считается долгая традиция и виртуозная работа с источником. Это умение демонстрировали многие ученые во времена и немецкой, и российской диктатур. Намного сложнее было в таких ситуациях для ученых сохранять научную честность по отношению к самим источникам. При этом имеется в виду известная склонность к отбору исторических фактов с оглядкой на политическую конъюнктуру и на пожелания читающей публики. Высшим проявлением профессионализма для историков в этой связи, пожалуй, следует считать способность воспринимать и прорабатывать даже такой исторический материал, который может оказаться не ко двору в собственном профессиональном сообществе и создать сложности в отношениях с научными авторитетами.

В архивах любой страны, которая пережила диктатуру с ее закрытостью в области информации, спокойно хранятся многочисленные «бомбы», которые ждут своего исследователя. Для него самого взрыв такой «бомбы» далеко не всегда протекает безопасно. Приведенный немецкий пример показывает со всей отчетливостью, что такие «бомбы» рано или поздно бывают открыты, даже если для этого иногда необходимы долгие десятилетия. С точки зрения пользователя архивами неопределимо важно, чтобы архивные службы сохраняли их «взрывоопасный» груз в доступной форме с использование всех современных технических возможности для работы с материалом.

- ¹ Описание и анализ этого события в: *Vertuschte Vergangenheit: der Fall Schwerte und die NS-Vergangenheit der deutschen Hochschulen* / Hrg. Helmut König. München, 1997. Гельмут Кёниг высказал так же уверенность, что без сочувствия и покровительства некоторых членов исторического сообщества конспирация Шнейдера не могла бы столь долго быть успешной. (Ibid. S. 43)
- ² Концепция «внутренней эмиграции» была последовательно сформулирована, к примеру, Францем Штейнбахом в 1963 г. С ее помощью он описал свое состояние не только в процессе научной деятельности, но и как активного участника военных действий (конечно, на стороне Германии) в Норвегии. См.: *Schöttler P. Einleitende Bemerkungen // Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945. Fr./M., 1997. S. 10.*
- ³ Долгое невнимание к источникам некоторые участники дискуссии в рамках «второй проработки» пытались объяснить «закрытостью» материалов в Восточной Германии. В этой связи вполне определенно высказался Али Гётц: необходимый материал был доступен, только никому не нужен. (*Götz A. Theodor Schieder, Werner Conze oder Die Vorstufen der physischen Vernichtung // Deutsche Historiker im Nationalsozialismus.. Fr./M., 1999. S. 163–182.*
- ⁴ Впрочем даже такие отъявленные нацисты, как Гюнтер Ипсен, хотя и были отрешены от должностей, могли все же рассчитывать на сочувствие своих учеников в смысле получения заработков по своей старой специальности. См.: *Interview Hans-Ulrich Wehler // Versäumte Fragen: Deutsche Historiker im Schattens des NS./ Hrg. Rüdiger Hohls, Konrad H. Jarausch. Stuttgart, 2000. S. 259.*
- ⁵ *Jaspers K. Die Schuldfrage. Heidelberg/Zürich, 1946.*

- ⁶ Например, выбрал тактику замалчивания своего прошлого в диктатуре послевоенный историк Теодор Шидер, известный своими пронацистскими настроениями в 1930–1940-х гг. См.: *Kocka J. Zwischen Nationalsozialismus und Bundesrepublik. Ein Kommentar // Deutsche Historiker im Nationalsozialismus. S. 346.*
- ⁷ Во время Веймарской республики Ротфельс выступал в историографии с позиций пламенного националиста и борца против либеральных историков в научном дискурсе. Своеобразной иронией судьбы были репрессии власти против него. К хорошему тону между историками после войны во всяком случае принадлежала амнезия по поводу националистической истерии в историографии, которая отчасти способствовала эрозии Первой республики. См.: *Haar I. Historiker im Nationalsozialismus. Deutsche Geschichtswissenschaft und der «Volkstumskampf» im Osten—Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2000. S. 364.*
- ⁸ Урсула Вольф поставила под сомнение «наивность» многих историков во времена национал-социализма: по ее мнению, «серьезная» научная работа нередко велась с сознательной целью оправдания нацистской политики // *Wolf U. Litteris et patriae: das Janusgesicht der Historie. Stuttgart, 1996. S. 264.*
- ⁹ О том, как поступил со своим архивом Франц Штейнбах перед своей смертью см.: *Schöttler P. Op. cit. S. 10.*
- ¹⁰ *Glennys Y. Preface // Zelnik R.E. Perils of Pankratova. Some Stories from the Annals of Soviet Histoigraphy. Seattle, London, 2005.*
- ¹¹ *Schönwälder K. Historiker und Politik: Geschichtswissenschaft im Nationalsozialismus. Frankfurt/M., 1992. S. 275.*

Создание базы данных «Электронные описи Архива РАН»

Происходящие процессы, связанные с развитием информационного общества, реформированием Российской академии наук и ее учреждений, повышением интереса к истории науки, ставят задачу организации высокоэффективной информационной системы поиска документной информации. Одним из фундаментальных направлений своей деятельности Архив РАН ставит обеспечение ретроспективной информацией, имеющей важную научную и социокультурную значимость, учреждений Российской академии наук и исследователей.

В решении этой задачи наиболее эффективным для Архива РАН являлось создание автоматизированного научно-справочного аппарата, который, реализуя все функции традиционной системы научно-справочного аппарата, предоставляет по сравнению с ней более широкие возможности оперативного и многоаспектного поиска архивных документов и представления его результатов. В Архиве РАН сложилась система научно-справочного аппарата: путеводитель, справочники, описи, каталоги и картотеки, базы данных к отдельным документальным комплексам. Однако она не позволяла решать ряд проблем: низкая оперативность поиска и предоставления архивной информации; отсутствие возможности одновременной работы нескольких пользователей с одним и тем же документом; использование трудозатратных традиционных («ручных») способов описания документов и ведения картотек и каталогов; отсутствие оперативной возможности получения информации о текущем состоянии учета, научного описания и сохранности документов архива.

Начало использованию информационных технологий для создания автоматизированного научно-справочного аппарата в Архиве РАН было положено в 2004—2006 гг. при разработке многофункциональной базы данных «Учет и каталог». База данных «Учет и каталог» была разработана коллективом сотрудников Архива РАН при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). В основу программного обеспечения базы данных положен Общий Международный стандарт описания архивных документов ISAD(G), утвержденный Специальной комиссией по стандартам Международного совета архивов в 1993 г. Международный стандарт закрепил принцип многоуровневой структуры данных (фонд — опись — дело — документ) в научном описании архивных документов, установил органическую связь между архивной деятельностью и основами теории информатики на всех этапах: от создания информации до ее использования.

База данных представляет собой структурированную совокупность архивных данных, сосредоточенных в двух разделах: «Учет» и «Каталог». Раздел «Учет» состоит из четырех описательных уровней: фонды — описи — дела — документы. На каждом описательном уровне заложены карты (формы) с унифицированными форматами метаданных — информационными полями, которые являются описательными элементами данного уровня. В распределенной структуре базы данных на описательном уровне «Описи» заложена функция создания и осуществляется хранение графических файлов с оцифрованными изображениями традиционной описи фонда на

бумажной основе. На описательных уровнях «Дела» и «Документы» заложена функция создания и осуществляется хранение электронного фонда пользования — полнотекстовых (факсимильных) изображений документов. Карты (формы) с унифицированными форматами метаданных двух нижних уровней информационной структуры «Дела» и «Документы» интегрированы в раздел «Каталог».

Раздел «Каталог» предназначен для осуществления поиска информации, редуцированной по условиям запроса. В этом разделе базы данных предусмотрена возможность, во-первых, поиска по содержанию заголовков дел из архивных описей, введенных в базу данных, и, во-вторых, по всему массиву каталога, в котором, наряду с заголовками дел, содержатся отдельные записи целевой (плановой) или попутной каталогизации, а также локальные блоки информации, которые были конвертированы в базу данных из ранее созданных в Архиве РАН тематических информационных массивов.

Пользование электронным каталогом не предусматривает администрирования, поисковые образы не привязаны к классификаторам, словарям или рубрикаторам. Запрос в разделе «Каталог» базе данных осуществляется по ключевым словам в ограничиваемом только здравым смыслом количестве. Работа с интерфейсом «Поиск по каталогу» не требует специальной подготовки, он привычен и удобен любому пользователю, знакомому с поиском в сети Интернет.

Кроме того, в Архиве РАН разработан программный модуль «Тайпер», предназначенный для набора заголовков дел описей и каталожных карточек на отдельные дела и документы с последующим экспортом данных в базу данных «Учет и каталог».

В 2011 г. Архивом РАН разработана «Информационная система Архива РАН», которая позволяет пользователям в режиме удаленного доступа в сети Интернет на сайте isaran.ru ознакомиться со списком фондов, реестром описей и каталогом к документам Архива РАН.

Архивная опись является главным архивным справочником, в котором содержится информация о составе и содержании документов фондов. Одновременно архивная опись — обязательный учетный документ архива, предназначенный для единичного и суммарного учета документов, закрепления порядка их систематизации, учета изменений в составе и объеме документов. Традиционно, архивная опись — служебный документ, который не подлежит копированию без специального разрешения администрации архива. Разумный баланс в использовании архивных описей, как необходимого справочника в любой исследовательской и архивной работе, с одной стороны, и документа ограниченного использования, не предназначенного для тиражирования, с другой, — залог эффективной работы Архива РАН как учреждения, обладающего значительным информационным потенциалом.

Для реализации возможности изучения пользователями архивных описей через Информационную систему Архива РАН была поставлена задача создания базы данных «Электронные описи Архива РАН» (работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 11-01-12045в). В течение 2011—2013 гг. предполагалось поэтапно выполнить работу по оцифровке 2632 описей фондов Архива РАН.

К реализации проекта были привлечены высококвалифицированные специалисты — старшие научные сотрудники и старшие лаборанты (с высшим образованием) Архива РАН с многолетним опытом работы с архивными документами, хорошо ориентирующиеся в составе документов архива, обладающие знаниями по истории науки и Российской академии наук, владеющие навыками работы на персональных компьютерах и документальных сканерах. Техническая часть исполнения проекта

была возложена на штатного инженера для осуществления контроля за состоянием компьютерной техники, сканеров, серверов, сетей, соблюдением политики безопасности работы с данными, модернизацией оборудования и совершенствованием программного обеспечения.

В 2011 г. были проанализированы научно-технологические процессы, связанные с созданием базы данных «Электронные описи Архива РАН». Проведены подбор, расшивка, сканирование 890 описей 425 личных фондов ученых (академиков и членов-корреспондентов Российской академии наук, выдающихся ученых прошлого и современности), проверка результатов сканирования, брошюровка описей. По мере подготовки графических файлов с оцифрованными листами традиционных описей фондов проводилась сверка электронной версии описи с первоисточником.

После выявления и устранения технических погрешностей, возникших при оцифровке, массив с графическими образами описей фондов был конвертирован в специальный раздел базы данных «Учет и каталог» информационной системы «Архив РАН». Результатом заполнения поля с метаданными «Изображения» в разделе «Описи» в распределенной структуре базы данных «Учет и каталог» у сотрудников и исследователей читального зала архива появились принципиально новые возможности доступа к информации — осуществлять просмотр и чтение электронных копий описей в локальной сети архива в режиме реального времени. Одновременно массив с графическими образами описей фондов размещен в разделе «Реестр описей» на сайте isaran.ru (в режиме «превью»). В 2012 г. отсканированы 1632 описи 405 фондов учреждений и организаций РАН. Одновременно пользователи сайта получили возможность просматривать и изучать описи в режиме реального времени.

Основной проблемой, возникшей при распознавании отсканированного текста описей, являлось отсутствие в заголовках дел названия фондообразователя. В ручном режиме проводилась работа по преобразованию отсканированных текстов в необходимый шаблон, которые затем с помощью специально разработанного конвертера были загружены в программный модуль «Тайпер». В программном модуле проводилось полное редактирование данных перед конвертацией их в электронный каталог информационной системы «Архив РАН».

В 2013 г. планируется проведение комплекса работ по сканированию описей рядов (коллекций) Архива РАН, а также дополнений к описям фондов и фондов, поступивших в архив в 2011–2013 гг. После сканирования будет проводиться распознавание текста оцифрованных описей, корректировка структуры документа и загрузка в конвертер, преобразование оцифрованных описей и распознанных текстов в специальный раздел базы данных «Учет и каталог» и размещение на сайте isaran.ru.

Создание базы данных «Электронные описи Архива РАН» позволит исследователям читального зала Архива РАН и пользователям сети Интернет просматривать и изучать описи в режиме реального времени. Одновременно расширилась источниковедческая база для поиска информации в разделе «Учет и каталог» информационной системы Архива РАН.

Личный фонд А. В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге: состав документов и история формирования*

Антоний Васильевич Флоровский (1884—1968) принадлежал к числу крупнейших историков русской эмиграции, жизнь и научная карьера которых оказались расколоты надвое революцией и Гражданской войной¹. Несмотря на то, что в СССР имя ученого не было под запретом, подобно именам многих других его коллег-эмигрантов, и что в 1940—1960-е гг. он опубликовал на Родине несколько работ, его биография и научное наследие начали систематически изучаться лишь в 1990-е гг. В силу обстоятельств, огромное документальное собрание А.В. Флоровского еще в 1960—1970-е гг. оказалось расплылено между Москвой (Архив Российской академии наук) и Прагой (Отдел рукописей Славянской библиотеки). Кроме того, немало свидетельств о его жизни осталось в Одессе, где он окончил университет, начал научную карьеру, и откуда был выслан за рубеж в 1922 г. Сегодня насущной задачей является изучение архивного наследия А.В. Флоровского, рассредоточенного по разным городам и странам, определение путей и результатов использования его архивных материалов, что, несомненно, будет способствовать историографическому осмыслению творчества ученого, а также всей его деятельности в контексте социальной и культурной истории эмигрантской науки.

История формирования архива А.В. Флоровского интересна и примечательна. Во время высылки из Советской России в 1922 г. ему удалось вывезти с собой за границу определенную часть научных материалов, в первую очередь черновиков, набросков, выписок из книг и архивных документов. Благодаря ним он смог продолжить изучение екатерининской эпохи, начатое еще до революции, и опубликовать ряд ценных работ. Живя на чужбине, А.В. Флоровский накопил уникальное собрание документов. Из-за своей необычайной педантичности он сохранял большую часть бумаг, вплоть до квитанций за квартплату. Известно также, что А.В. Флоровский почти никогда не писал писем сразу набело, а все черновики скрупулезно сберегал у себя. Благодаря этому сегодня имеется хорошая возможность в полной мере восстановить картину эпистолярных коммуникаций ученого-эмигранта. Привычки историка обеспечили чрезвычайно высокую информативную ценность его архива и широкий тематический диапазон документов.

Исследователям хорошо известен личный фонд А.В. Флоровского в Архиве РАН (Ф. 1609, 2 оп., 783 ед. хр.) без которого уже трудно представить изучение российской эмиграции 1920—1930-х гг. и отечественной историографии. К содержащимся в нем документам многократно обращались и российские, и иностранные специалисты. К сожалению, этого нельзя сказать об огромной коллекции документов А.В. Флоровского в Славянской библиотеке в Праге, которая по сей день изучена незначительно. Между тем пражское собрание едва ли не превосходит московское по объему доку-

* Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-31-01251а2.

ментов, но, главное, значительно дополняет его. Бумаги ученого рассортированы по 50 архивным коробкам, в каждую из которых уложены соответствующие тематические папки. Согласно чешской архивной традиции, нумерация страниц в документах не является обязательной. В бумагах А.В. Флоровского она отсутствует. Несмотря на это, следует отметить высокий уровень и точность описания всей коллекции.

В коробке № 1 содержатся автобиографические материалы А.В. Флоровского и его супруги. В их числе — Curriculum vitae историка разных лет (1926, 1936, 1939, 1940, 1950, 1952, 1953). Примечательна автобиография, написанная в сентябре 1940 г. для Толстовского фонда, который, как известно, оказывал помощь русским ученым, желавшим перебраться на работу в США². В начале Второй мировой войны этой возможностью помимо самого А.В. Флоровского попытались воспользоваться сразу несколько его русских коллег из Чехословакии: историки Г.М. Катков, П.Н. Савицкий, М.В. Шахматов, философ Н.О. Лосский, зоолог Л.В. Черношвитов, ботаник П.Ф. Милонидов. Но, к сожалению, ни один из них не смог получить поддержку³. Оставшись после войны жить в Чехословакии и взяв советский паспорт, А.В. Флоровский старался не упоминать о своей попытке эмиграции за океан. Эпизод с несостоявшимся переездом в США выпал из поля зрения биографов ученого. В коробке № 1 имеется также немало документов, касающихся научно-педагогической работы А.В. Флоровского, например, перечни и программы его лекций в Одессе и Праге (Карлов университет, Русский институт, Русский народный университет), материалы о подготовке и защите докторской диссертации, документы об избрании ординарным профессором Карлова университета. Среди других биографических материалов стоит назвать личные паспорта и удостоверения, свидетельства времен нацистской оккупации, подтверждавшие «арийское происхождение» А.В. Флоровского и его супруги, документы о состоянии здоровья историка, о котором он скрупулезно заботился на протяжении всей жизни, справки о доходах, издательские договоры.

Огромный интерес для исследователей представляет сосредоточенная в коробках № 2–18 обширная корреспонденция А.В. Флоровского, включающая как письма от частных лиц (№ 2–11), так и от организаций (№ 12–15). Хронологически она охватывает эмигрантский период жизни ученого, в особенности 1950–1960-е гг., и значительно дополняет аналогичные материалы московской коллекции. Поражает география адресатов историка: Брюссель, Будапешт, Бухарест, Иркутск, Копенгаген, Ленинград, Лондон, Москва, Неаполь, Нью-Йорк, Одесса, Париж, Рим, Стокгольм и др. Динамика переписки наглядно демонстрирует интеграцию А.В. Флоровского в мировое научное сообщество. Когда в середине 1920-х гг. он начал заниматься изучением российско-чешских связей, то стал стремиться завязать деловые отношения с ведущими чешскими учеными. Впоследствии круг иностранных знакомых А.В. Флоровского постоянно расширялся. В архиве имеются письма Я. Бидло, М. Блока, Э. Винтера, Б. Гавранека, М. Гроха, В. Гусы, Э. Доннерта, З. Калисты, Й. Мацурека, З. Неядлы, М. Пауловой, Й. Полишенского, Н. Рязановского, Р. Сетона-Уотсона, В. Черного, М. Шванкмайера и др. Корреспонденция с коллегами-эмигрантами включает письма от Н.Е. Андреева, Г.В. Вернадского, П.Е. Ковалевского, А.С. Ломшакова, Е.П. Ляцкого, Е.Ф. Максимовича, С.П. Мельгунова, А.П. Мещерского, П.Н. Милюкова, В.Ф. Минорского, П.Н. Савицкого, Е.В. Спекторского, П.Б. Струве, В.А. Францева, М.В. Шахматова, Е.Ф. Шмурло и др. В собрании Славянской библиотеки сохранились и многочисленные свидетельства об активных связях А.В. Флоровского со своими советскими коллегами. Примечательно, что в межвоенный период таких контактов у него не было, несмотря на относительную эпистолярную свободу

в СССР вплоть до конца 1920-х — начала 1930-х гг. Напротив, после Второй мировой войны он активно устанавливает и развивает деловые отношения с ведущими советскими учеными. Например, в 1947 г. он отправил несколько писем Н.Л. Рубинштейну, который, будучи до революции студентом Новороссийского университета, слушал его лекции. Если говорить о конкретных именах, то в архиве имеются письма М.П. Алексеева, Ю.К. Бегунова, Т.А. Быковой, С.С. Дмитриева, П.А. Зайончковского, А.А. Зимина, Б.Б. Кафенгауза, С.М. Каштанова, Л.П. Лаптевой, В.И. Малышева, А.С. Мыльникова, А.А. Новосельского, Ю.Г. Оксмана, А.М. Панченко, В.Т. Пашуто, Е.П. Подъяпольской, В.В. Похлебкина, С.А. Фейгиной, А.Л. Хорошкевич, В.И. Шункова и др. Их содержание хорошо демонстрирует научную активность А.В. Флоровского, его желание публиковаться в советских изданиях, обмениваться информацией с коллегами, оно показывает высокий уровень информированности ученого о состоянии советской историографии. Что касается контактов с научными организациями, библиотеками, архивами, университетами, то здесь следует упомянуть сохранившуюся в архиве корреспонденцию с Библиотекой Ватикана, Институтом Карнеги, Германской академией наук, Государственной библиотекой им. В.И. Ленина, Институтом славяноведения и балканистики АН СССР, Гуверовским архивом войны, революции и мира, Лондонской школой экономики и политических наук, Австрийским государственным архивом, Датским государственным архивом, редакцией «Славянского и восточноевропейского журнала», многочисленными центральными и региональными чехословацкими архивами и т.д.

В коробке № 16— 8 уложена переписка А.В. Флоровского со своими родственниками, в первую очередь с женой Валентиной Афанасьевной Флоровской, сестрой Клавдией Васильевной Флоровской и братом, известным философом и богословом, Георгием Васильевичем Флоровским. Значение содержащейся в ней информации выходит далеко за пределы научной биографии самого А.В. Флоровского и его близких. К примеру, многочисленные письма К.В. Флоровской к своим братьям служат ценнейшим источником по истории русской эмиграции в Болгарии и российско-болгарских научных связях.

Материалы коробок № 19—32 отражают характер научных интересов А.В. Флоровского, его исследовательскую работу в эмиграции. Они включают рукописи опубликованных и неопубликованных трудов по истории русско-чешских отношений, которые ученый активно изучал на протяжении всей жизни на чужбине, и истории Петра Великого, которую он начал разрабатывать после Второй мировой войны. Кроме того, здесь имеются тезисы докладов, лекций, материалы диссертации «Чешско-русские торговые связи в прошлом», представленной на степень доктора исторических наук в 1957 г., архивные выписки. Среди неопубликованных рукописей следует назвать работы о пребывании Н.С. Лескова в Марианских Лазнях, русско-чешских связях в XIX в., российско-австрийских отношениях на исходе Северной войны, иностранной колонии в Петербурге в последние годы Петра Великого, русской миссии графа С.В. Кинского в 1721—1723 гг., русско-венгерских связях в период освободительной борьбы Ференца II Ракоци, русских католиках петровского времени.

В коробках № 33—41 находятся подготовительные материалы научных трудов, выписки из документов, найденных в чехословацких архивах, рефераты книг, рукописи статей («Научное значение трудов С.М. Соловьева», «К истории убийства императора Павла Первого», «Достоевский и славянский вопрос»), конспекты лекций («Очерк истории изучения Псковской судной грамоты», «Русь и чехи на заре их истории»), рецензии и отзывы (отзыв на диссертацию В. Гостички «Сотрудниче-

ство чехов и галицийских украинцев в 1848—1849 гг.», рецензия на «Хрестоматию по истории СССР»). Значительная часть этих работ никогда не публиковалась, как, например, большая статья «Оломоуцкий иезуитский университет и славянский восток (XVI—XVIII вв.)»⁴. Особое место занимают историографические труды и заметки, среди которых курс лекций по истории русской историографии до 1917 г., рецензии на труды В.И. Пичеты, библиографические и аналитические обзоры о русской исторической науке в эмиграции⁵.

В коробках № 37 и № 40 хранится копия дневника графини Д.Ф. Фикельмон, обнаруженная А.В. Флоровским в Архиве города Дечин, и результаты его исследования⁶. Это был уникальный исторический источник, впервые введенный в научный оборот и рассказывающий о жизни петербургского общества в 1830-е гг., в том числе об А.С. Пушкине.

В коробке № 42 сосредоточены материалы различных эмигрантских организаций, в особенности Русского исторического общества в Праге, которое А.В. Флоровский возглавлял в 1937—1940 гг. К ним относятся уставы Общества, списки членов, перечни сообщений, деловая переписка, тезисы докладов и замечания к ним, записки об издании научных трудов. Важнейшее место среди документов занимают те, которые касаются громкого конфликта, поразившего пражское сообщество русских историков в 1939—1940 гг. Речь идет о бытовой ссоре между женой ученого и семьей историка Е.Ф. Максимовича. Поводом послужила смерть домашнего зайца Флоровских, которого они на время своего отъезда оставили на попечение Максимовичей. В реальности, конфликт быстро перерос сугубо частную почву и отразил в себе все противоречия внутри эмигрантского научного сообщества. Под его влиянием А.В. Флоровский был вынужден оставить пост председателя Русского исторического общества в Праге⁷.

В коробке № 43 сложены уникальные документы по истории Российского заграничного исторического архива (РЗИА): отчеты о деятельности Ученой комиссии архива, членом которой состоял А.В. Флоровский, журналы ее заседаний, деловая корреспонденция самого историка за 1926—1941 гг. (письма В.Г. Архангельского, Н.И. Астрова, П.С. Бобровского, А.Н. Фатеева, В.Я. Гуревича, А.Ф. Изюмова, Л.Ф. Магеровского, С.П. Мельгунова, Л.П. Меньшикова, О.С. Минора, С.Н. Николаева, В.В. Полянского, С.П. Постникова, С.Г. Пушкарева, С.Г. Сватикова). Они раскрывают работу по выявлению и оценке русских архивных материалов за рубежом и, в конечном счете, проливают свет на еще недостаточно изученные сюжеты о комплектовании РЗИА. Так, среди бумаг находятся отчеты А.В. Флоровского о коллекции видного социал-демократа Г.А. Алексинского, впрочем, так и не попавшей в итоге в Прагу, о личных архивах Н.В. Чайковского и Л.П. Меньшикова⁸. Здесь же имеются сведения об острых спорах, возникавших вокруг борьбы за приобретение новых документов, например о тяжбе между О.С. Минором и С.Г. Сватиковым за обладание бумагами агента царской полиции французского детектива Анри Бинта⁹.

Документы Археологического института им. Н.П. Кондакова, директором которого был некоторое время А.В. Флоровский, хранятся в коробках № 44—45. В их числе — письма Е.Н. Клетновой к Д.А. Расовскому, С.Н. Кондакова к Н.П. Толлю, Н.Е. Андреева к Е.П. Ляцкому, Г.И. Лукьянова к Н.П. Толлю и Д.А. Расовскому, В.А. Мошина к Д.А. Расовскому, Г.А. Острогорского к Й. Мысливцу, К. Шварценберга к А.В. Флоровскому и т.д. Огромное научное значение имеет переписка А.В. Флоровского с Академией наук СССР и лично с В.П. Волгиным. Речь идет о попытке историка сохранить Кондаковский институт как самостоятельное научное учрежде-

ние под советским патронажем, впрочем, в итоге неудавшейся¹⁰. Эти документы ярко очерчивают стремление к диалогу с советской наукой, предпринятое после Второй мировой войны рядом русских ученых-эмигрантов, в том числе и А.В. Флоровским.

В коробках № 46—47 находится огромное количество выписок из документов Австрийского государственного архива в Вене, относящихся к истории Петра Великого, Северной войны и русско-австрийских связей.

В коробках № 48—50 содержатся прочие материалы: оттиски работ А.В. Флоровского, подаренные ему коллегами научные публикации, отдельные письма от ученых и черновики ответов на них (Й. Перени, В. Т. Пашуто), письма из научных организаций (Городской архив Пльзенья, Пушкинский дом, Государственный архив в Брно, Прусский государственный архив в Кенигсберге), по какой-то причине не попавшие в коробки с корреспонденцией.

Таким образом, ценность пражского собрания очевидна и неоспорима. Однако мало кто задается вопросом, а почему ценнейшая архивная коллекция оказалась разделена между Прагой и Москвой? Почему была нарушена целостность личного фонда? Какие обстоятельства предшествовали этому?

Уникальность архивного собрания А.В. Флоровского хорошо осознавали уже современники, например советский историк В.Т. Пашуто, который познакомился со своим эмигрантским коллегой в начале 1960-х гг. Неподдельный интерес к нему проявили посещавшие Прагу П.А. Зайончковский и Е.П. Подъяпольская. Но именно В.Т. Пашуто более всех других был заинтересован в систематической работе с бумагами ученого, а в перспективе — в их перевозе в Москву. Дело в том, что в это время он работал над монографией о русских историках-эмигрантах в Европе и желал как можно больше расширить источниковую базу. Именно В.Т. Пашуто стал убеждать А.В. Флоровского передать личный архив АН СССР. Этой позиции придерживалась и Е.П. Подъяпольская, которую с историком-эмигрантом связывали теплые дружеские отношения. Вероятно, это предложение совпало с внутренним желанием самого А.В. Флоровского, который старался как можно глубже интегрироваться в советскую историческую науку. Он начал тщательный разбор и систематизацию своих бумаг, которые решил передавать выборочно и по частям. В первую очередь это касалось огромной переписки. Уже после смерти ученого, осенью 1969 г., Е.П. Подъяпольская и В.Т. Пашуто специально приезжали в Прагу для разбора имевшихся документов. Карт-бланш давало им не только завещание историка, но и позиция его вдовы, которая с доверием отнеслась к советским гостям. Итогом стала перевозка в Москву части документов А.В. Флоровского, принятых по акту в Архив АН СССР 29 октября 1969 г., о чем В.Т. Пашуто в ноябре 1969 г. сообщил А.В. Соловьеву¹¹. В апреле 1970 г. он же писал английскому историку Р. Смиту: «Недавно я привез из Праги переписку А.В. Флоровского, завещанную архиву Академии наук СССР. Она богата, но не дает и сотой доли того, что я узнал от него во время встречи»¹². Есть основания полагать, что некоторые документы, касающиеся А.В. Флоровского, были получены от П.А. Хмырова, его коллеги по Археологическому институту им. Н.П. Кондакова. Во всяком случае, В.Т. Пашуто обмолвился об этом в письме к филологу-эмигранту И.О. Панасу в январе 1970 г.¹³

Теперь же обратим внимание на то, что уже в конце 1960-х гг. часть личного архива А.В. Флоровского поступила в Славянскую библиотеку в Праге. С большой долей уверенности можно сказать, что инициатором передачи выступил Иван Петрович Савицкий, сын знаменитого евразийского лидера. Бывший директор библиотеки доктор Йиржи Вацек во время личного разговора в Праге в мае 2013 г. подтвердил,

что именно И.П. Савицкий перевозил документы из квартиры Флоровских в здание Клементинума. В конце марта 1969 г. в письме к В.Т. Пашуто И.О. Панас заметил, что И.П. Савицкий уже приступил к разбору рукописей покойного историка, переданных в Славянскую библиотеку¹⁴. Следовательно, к 1969 г. архивная коллекция А.В. Флоровского уже была разбита на две части. И.П. Савицкому предстояла работа по систематизации и научному описанию документов. По иронии судьбы эта работа была прервана внешними обстоятельствами. И.П. Савицкий приветствовал Пражскую весну, а в августе 1968 г. открыто выступил против советской интервенции. В конечном счете, это стоило ему работы и карьеры: «Как только из Москвы вернулось похищенное чехословацкое правительственное и партийное руководство и объяснило, что необходимо считаться с “реальностью”, стало ясно, что вскоре наступит следующий этап, получивший название “нормализации”. Директор библиотеки дал понять, что надо или каяться, или уходить, уходить не только из любимой библиотеки, но и от всего, что связано с Россией»¹⁵. И.П. Савицкий был вынужден уволиться из Славянской библиотеки, не успев завершить начатую работу. Очевидно, что уход затормозил систематизацию и описание архива. В дальнейшем она велась на протяжении 1970—1980-х гг. под руководством доктора Иржи Сладека.

Очевидно, что и вдова историка В.А. Флоровская жестко не настаивала на передаче всех документов в одно учреждение. После смерти мужа ее физическое состояние резко ухудшилось, она практически лишилась зрения и не могла обслуживать сама себя. На условиях социального найма в ее квартире поселилась чешская семья. Молодая квартирантка была принята попечительницей с начислением официальной заработной платы за заботу о русской хозяйке. Вдова благоволила коллегам покойного мужа, поддерживавшим ее, и даже задумывалась о переезде в Москву. Но весной 1970 г. ее здоровье стремительно пошло на спад. В начале мая 1970 г. чешские квартиранты отправили ее в психиатрическую больницу, одну, без сопровождения и без согласия друзей Флоровских. Свой поступок они объяснил опасностью, которую может представлять пожилая дама для жильцов дома. Главным мотивом стало низменное желание поскорей получить полагающуюся им в случае смерти хозяйки квартиру. Эти события лишь ухудшили состояние В.А. Флоровской, и 21 мая 1970 г. она скончалась. Все ее имущество, включая бумаги покойного мужа, оказались в руках новых хозяев квартиры. И.О. Панас, близкий друг семьи Флоровских, в сентябре 1970 г. с отчаянием и горечью писал В.Т. Пашуто в Москву: «Таким образом получилось, что вещи и квартира В[алентины] А[фанасьевны] попали в руки тех, с которыми она постоянно пререкалась и хотела их выдворить из своей квартиры, и что ни наследник, т.е. представитель Академии, ни уполномоченный здешнего посольства, ни я, ни адвокат не присутствовали при передаче ключей от комнаты В[алентины] А[фанасьевны]. Адвокат передал ключи официальному продавцу, который все продал квартирантам, которые сразу начали хозяйничать, так что книги и остаток архива я получил от квартирантов и за комплект не отвечаю... Посылать все это в Москву нет смысла, но решать, что годится, а что не годится, должен кто-нибудь из заинтересованных работников по специальности»¹⁶. Можно предположить, что эти чрезвычайные обстоятельства, связанные со спешным вывозом документов и книг из квартиры, также привели к тому, что часть из них попала в Славянскую библиотеку без всякого предварительного разбора и систематизации. Во всяком случае, такое предположение высказала в мае 2013 г. доктор Анастасия Копрживова, один из крупнейших знатоков истории русской эмиграции. В то же время 28 мая 1970 г. в Москву поступила еще одна часть корреспонденции А.В. Флоровского¹⁷. Но и на этом передача

документов не закончилась. 26 июня 1971 г. И.О. Панас сообщил В.Т. Пашуто, что в Праге еще осталась часть архива и библиотеки покойного историка. Вероятно, именно она или ее фрагменты были получены Архивом АН СССР 16 мая 1974 г. и 13 ноября 1975 г.¹⁸

До сих пор остается непонятным принцип, по которому архив, в особенности эпистолярные документы, был разделен между Прагой и Москвой. В отдельных случаях явно оказалась нарушена целостность собраний писем. Это касается, например, объемной корреспонденции Г.В. Вернадского. В Архиве РАН оказались письма за 1922–1955 гг. (55 писем)¹⁹, а в Славянской библиотеке — за 1967–1968 гг. (41 письмо). Схожая ситуация сложилась и с перепиской между членами семьи Флоровских. В Архиве РАН имеется 42 послания от В.А. Флоровской за 1928–1941 гг.²⁰, 374 — от К.В. Флоровской за 1922–1945, 1956–1965 гг.²¹, 37 — от Г.В. Флоровского за 1922–1968 гг.²² Одновременно в Праге сохранилась переписка В.А. и А.В. Флоровских (более 200 писем), 177 писем К.В. Флоровской к своему брату Георгию за 1922–1962 гг. и 128 — к Антонию за 1927–1928, 1940, 1945–1962 гг. Кроме того, имеется около 330 писем Г.В. Флоровского к А.В. Флоровскому за 1945–1968 гг. Причем, согласно завещанию самого историка, вся корреспонденция должна была быть перевезена в Москву. Это же подтверждают слова И.О. Панаса в письме к В.Т. Пашуто от 31 марта 1969 г.: «Обширную переписку А[нтония] В[асильевича] следует, согласно его завещанию, передать АН СССР, но прежде ее надо привести в порядок»²³. Однако в свете изложенных выше обстоятельств, можно предположить, что никаких принципов при разделе архива вообще не существовало, а передача бумаг в Архив АН СССР и Славянскую библиотеку носила стихийный характер. После смерти И.П. Савицкого 22 ноября 2010 г. не осталось в живых ни одного участника истории с архивом А.В. Флоровского, ни одного человека, который бы мог пролить свет на истинные обстоятельства раздела документов выдающегося ученого.

Впрочем, нередко старые загадки преподносят нам новые неожиданные сюрпризы. Весной 2013 г. в хранилище Славянской библиотеки были обнаружены три архивных коробки с неописанными прежде документами А.В. Флоровского. Вероятно, их начал обрабатывать еще И.П. Савицкий (в одной из коробок имеются его заметки). Отдельные документы разложены по тематическим папкам, но большинство представляет собой архивную россыпь. Во время пребывания в Праге в мае 2013 г. автор статьи с любезного разрешения директора библиотеки доктора Лукаша Бабки провел первичный разбор найденных бумаг. В коробках находится полная библиография трудов А.В. Флоровского, библиографические карточки, рецензии на исследования Л.В. Черепнина, Я. Вавры, М.В. Шахматова, Ю.К. Бегунова, написанные историком некрологи И.И. Лапшина и Я. Бидло, творческие работы студентов Карлова университета, оттиски и рукописи статей Я.М. Бромберга, Г.В. Вернадского, В.А. Мошина, оттиски работ самого А.В. Флоровского как дореволюционного, так и эмигрантского периода, комплект журнала «Евразийские тетради», брошюра С.Г. Пушкарева о крестьянской общине, стихи и литературные заметки. Имеется там и неизвестная ранее корреспонденция: письма В.В. Баргольда, Г.В. Вернадского, А.Н. Грабара, Д.С. Лихачева, Г.И. Лукьянова, Института истории СССР. Особо стоит отметить неизвестные ранее воспоминания А.В. Флоровского (28 л.), значительно дополняющие известную канву его биографии. Таким образом, архивное собрание А.В. Флоровского в начале XXI в. подарило важное и интересное открытие.

Подытоживая сказанное, отметим, что личный фонд А. В. Флоровского, вероятнее всего, оказался распылен без всякой логики, исключительно в силу сложившихся

обстоятельств. Материалы пражской коллекции еще нуждаются в глубоком аналитическом исследовании. В то же время ее важность и ценность не вызывают никакого сомнения и, более того, одной из задач для исследователей должно стать активное введение в научный оборот документов из нее, включая их публикацию. Научная реконструкция архива А.В. Флоровского на основе комплексного, сравнительного изучения документов из Москвы и Праги будет способствовать углублению знаний об истории русской эмиграции и отечественной исторической науки.

- ¹ Подробнее о биографии А.В. Флоровского см.: *Аксенова Е.П.* Жрец «Клио» (к научной биографии А.В. Флоровского) // Вестник славянских культур. 2009. Т. XI. № 1. С. 32–47; *Досталь М.Ю.* Историк-эмигрант А.В. Флоровский в Чехословакии: страницы научного творчества // Новый исторический вестник. 2011. № 28. С. 80–87; и др.
- ² Curriculum vitae pro Tolstoy Foundation USA [10.9.1940] // Slovanská knihovna v Praze. Trezor. A. V. Florovskij. T-Flor (далее – SK). Krab. I.B. Desk. č. 1.
- ³ См.: *Ульянкина Т.И.* «Дика историческая полоса...»: Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М., 2010. С. 65, 67–69.
- ⁴ Оломоуцкий иезуитский университет и славянский восток (XVI–XVIII вв.). Rkr., nepublikované práce // SK. Krab. XXXV.
- ⁵ [Historiografické práce] // SK. Krab. XXXVI; [Konspekt přednášky o sovětské historiografii. Konec 40. – počátek 50. let]. rkr. // Ibid. Krab. XXXVII; Н.Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941 [Recenze] // Ibid; [Konspekty přednášek na Filozofické fakultě UK]. I. Историография. Rkr. 12 I., sešit 13-25 I., nepar. // Ibid.
- ⁶ Дневник Д. Фикельмон (Archiv v Děčíně. Bumagi Fikel'monov). 5 sešitů s rkr. výpisy. I – V // SK. Krab. XXXVII; [Deník hrab. D. F. Ficquelmontové]. Různé, nesouvisle řazené strjř., i rkr. materiály, obálka s bibliograf. záznamy aj. // Ibid. Krab. XL.
- ⁷ См. об этом подробнее: *Ковалев М.В.* Русское историческое общество в Праге (1925–1945) // Российская история. 2011. № 5. С. 148–158; *Он же.* Русское историческое общество в Праге в годы Второй мировой войны // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. СПб., 2011. С. 403–421; *Он же.* Русские историки-эмигранты в Праге (1920–1940 гг.). Саратов, 2012. С. 159–180.
- ⁸ Записка А.В. Флоровского Совету Архива 30 сентября 1926 г. // SK. Krab. XLIII; «Архив» Л.П. Меньшикова // Ibid; Отзыв о собрании бумаг Н.В. Чайковского в Париже, составленный А.В. Флоровским в Париже 28 августа 1924 г. // Ibid.
- ⁹ См. подробнее: *Ковалев М.В.* Русский заграничный исторический архив в Праге и проблемы собирания документов по истории освободительного движения // Освободительное движение в России. Вып. 24. Саратов, 2013. С. 68–89.
- ¹⁰ Korespondence s Akademií věd SSSR // SK. Krab. XLIV.
- ¹¹ *Пащито В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 353–354.
- ¹² Там же. С. 347.
- ¹³ Там же. С. 320.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: *Савицкий И.П.* Потомственный эмигрант // Русское слово (Прага). 2008. № 1.
- ¹⁶ *Пащито В.Т.* Указ. соч. С. 324.
- ¹⁷ Там же. С. 382.
- ¹⁸ Там же. С. 382.
- ¹⁹ Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 171. Л. 1–56.
- ²⁰ Там же. Д. 457. Л. 1–48.
- ²¹ Там же. Д. 458. Л. 1–250; Д. 459. Л. 1–243. Д. 460. Л. 1–192.
- ²² Там же. Д. 463. Л. 1–43.
- ²³ *Пащито В.Т.* Указ. соч. С. 314.

Научные судьбы российских ученых во Франции: совместный поиск материалов в Архиве Института Пастера и в Архиве РАН

Тема «Научные судьбы российских ученых во Франции», затрагивающая взаимосвязи русских и французских ученых в естественных и гуманитарных науках, чрезвычайно широка и, несмотря на большое число работ в этой области, еще ждет своих исследователей. Даже неизмеримо более узкая тема «Российские ученые в Институте Пастера» оказывается весьма обширным полем деятельности для историков науки.

Институт Пастера — один из крупнейших во Франции и в мире центров микробиологических исследований — имеет уникальную историю, связанную с именем великого французского ученого и организатора науки Луи Пастера (1822—1895). С момента своего возникновения (1887) институт отвечал насущным потребностям человечества — борьбе с инфекционными болезнями, прежде всего, с бешенством. Нужно отметить, что с первых лет своего существования Институт Пастера стал международным научным центром, в котором стажировались и работали ученые из Франции, Италии, Бельгии, Греции, Англии, Норвегии, Швейцарии, Голландии, Румынии, Венгрии, Болгарии, Сербии, Польши, Турции, Алжира, Египта, Гватемалы, Туниса, Канады, США, Колумбии, Бразилии, Чили, Аргентины, России. Другой его характерной особенностью стало возникновение многочисленных филиалов Института Пастера в Сайгоне, Китае, Камбодже, Тунисе, Эфиопии, Дакаре, на Мадагаскаре, в Греции и других странах, где работали посланцы Л. Пастера, его ближайшие ученики.

Особенно тесным было сотрудничество с Институтом Пастера российских ученых. Уже в первые годы деятельности Института Л. Пастер приглашал в нем работать Н.Ф. Гамалею, совместную работу с которым он очень ценил, И.И. Мечникова, поверив в его идею фагоцитоза, С.Н. Виноградского, пророчески оценив значение его первых работ по хемосинтезу. Л. Пастер оказал немалую помощь России в создании Бактериологических (Пастеровских) станций, которые с 1886 г. почти одновременно начали работать в Одессе, Варшаве, Самаре, Харькове, Санкт-Петербурге, Москве, Тифлисе, а также определенную помощь в организации в 1890 г. Императорского Института Экспериментальной медицины (ИЭМ). В 1888 г. Мечников переехал в Париж и до конца жизни работал в Институте Пастера.

Институт Пастера в Париже стал центром притяжения многих российских биологов и врачей (среди них Н.Я. и Ф.Я. Чистовичи, В.И. Исаев, Л.А. Тарасевич, Г.Н. Габричевский, В.И. Войтов, Т.И. Руденко, В.Л. Любенков, И.Г. Лорис-Меликов и многие другие; первые женщины-микробиологи П.В. Циклинская, В.А. Ковалевская, М.Н. Маргулиес-Аитова, Л.М. Горовиц-Власова. М.С. Бакрадзе) и важнейшим центром российской научной эмиграции. Вслед за Мечниковым в нем стали работать эмигрировавшие из царской России М.В. Вейнберг, А.М. Безредка, супруги Э. и Э. Вольман, М. Шoen, а после 1917 г. — С.Н. Виноградский, М.Я. Преображенский, Н.А. Булгаков, М.А. Волконский, С.И. Метальников, К. Туманов, В.А. Шорин, И.И. Манухин, М.Н. Маргулиес-Аитова, А.И. Бердников, А.И. Басс, Е.Г. Габричевский, М.Я. Бардах, А. Гелен (Щедрина) и другие.

Наиболее значительной фигурой послереволюционной научной эмиграции является С.Н. Виноградский. Отклонив в 1890 г. из патриотических соображений приглашение Л. Пастера, чтобы остаться в России, он 30 лет спустя (1920), был вынужден покинуть родину и в 1922 г. с благодарностью принял предложение директора Института Пастера Э. Ру возглавить сельскохозяйственный (почвенный) филиал Института Пастера. Торжественное открытие филиала состоялось 27 мая 1923 г. в г. Бри-Конт-Робер под Парижем. Виноградский работал в Институте Пастера в течение 30 лет, и главным итогом этого периода стало создание нового научного направления: почвенной и, шире, «экологической» микробиологии (la microbiologie écologique). Уместно отметить, что работы С.Н. Виноградского существенно расширили тематику исследований Института Пастера; позднее почвенная микробиология нашла отражение в трудах ряда сотрудников Института (Ж. Пошон, Г. де Баржак).

Огромное значение для изучения биографий, творческого наследия, научных судеб российских ученых, связанных с Институтом Пастера, имеют материалы, хранящиеся в архивах РАН (АРАН) и Института Пастера. В АРАН — это фонды Н.Ф. Гамалеи (Ф. 691), И.И. Мечникова (Ф. 584), Л.А. Тарасевича (Ф. 1538), С.Н. Виноградского (Ф. 1601), а также некоторые материалы, хранящиеся в фондах отдельных ученых (например, письма П.М. Аргутинского об Институте Пастера — в фонде В.И. Вернадского (Ф. 518), письма А.И. Бердникова — в фонде Б.Л. Исаченко и т.д.)¹. Необходимо заметить, что в фонде Б.Л. Исаченко (Ф. 583) хранится особенно много ценных документов, связанных с именем С.Н. Виноградского. Среди них и материалы по истории ИЭМ, где Виноградский был руководителем Отдела общей микробиологии, а позднее директором института, и материалы по подготовке издания в СССР книги С.Н. Виноградского «Микробиология почвы», и личные письма С.Н. Виноградского. Это не случайно: академик Б.Л. Исаченко, преемник С.Н. Виноградского и В.Л. Омелянского по Отделу общей микробиологии в ИЭМ, был продолжателем его научных традиций в России, пропагандировал имя Виноградского и много сделал для оказания помощи ученому-эмигранту.

В Архиве Института Пастера имеется фонды И.И. Мечникова (RF AIP MTC), А.М. Безредки (RF AIP BES), С.Н. Виноградского (RF AIP WIN), Э.М. Вольман (RF AIP WLL), А.И. Бердникова (RF AIP BRD), А. Гелен (RF AIP GUL), С.И. Метальникова (RF AIP MTA)².

Как видно из этого перечня, лишь у двух ученых — Мечникова и Виноградского — имеются личные фонды в обоих архивах. Материалы французского и российского архивов дополняют друг друга, позволяют находить ответы на многие вопросы; такая работа в едином информационном пространстве оказывается полезной, плодотворной и захватывающей. В дальнейшем речь пойдет о российском и французском фондах С.Н. Виноградского (АРАН 1601 и RF AIP WIN), с которыми автору удалось ближе познакомиться. Необходимо оговориться, что подавляющее большинство документов обоих фондов относится к «французскому» периоду жизни Виноградского, поскольку более ранние материалы были утрачены в годы Гражданской войны.

Архив С.Н. Виноградского был разобран после смерти ученого его младшей дочерью, Еленой Сергеевной Виноградской, которая сама была сотрудницей Института, много помогала отцу в экспериментальной работе и фактически была его секретарем. Е.С. Виноградская подготовила биографические материалы о Виноградском, необходимые для издания некрологов, а также (три года спустя) буклета к 100-летию со дня его рождения³. При ее участии была составлена библиография работ С.Н. Виноградского, перечень его важнейших открытий, выступлений, почетных

званий, наград. В 1954 г. Е.С. Виноградская передала часть архива Виноградского в Институт Пастера.

На сегодняшний день фонд Виноградского в Архиве Института Пастера содержит около 500 документов и состоит из 5 отделов, или папок (cartons, boxes). В отделе WIN.1 хранится биографическая книга З.А. Ваксмана о Виноградском⁴, вышедшая в год смерти ученого, записки и письма от Э. Ру и А. Кальмета, анкеты, а также текст лекции Виноградского (1923) на микробиологических курсах в Институте Пастера. Последний документ представляет самодельную шитую тетрадку, крупно исписанную, с подчеркнутыми красным карандашом важными положениями лекции. Подобные тетрадки Виноградский использовал при подготовке ко многим выступлениям, о чем он вспоминал в своем автобиографическом произведении «Летопись нашей жизни» (Париж, 1940–1941). Лекция на микробиологических курсах была одним из первых выступлений Виноградского во Франции и, в частности, первым «манифестом» методологии микробиологии почвы как новой науки. Сам Виноградский считал эту лекцию не очень удачной (работа только начиналась, и многие формулировки еще не были отточены). Однако она представляет большой интерес именно в плане становления новых идей микробиологии почвы. Лекция (с ее иллюстрациями, многочисленными примерами и пояснениями) интересна и в дидактическом отношении. Она была предназначена для стажеров, посещавших Микробиологические курсы в Институте Пастера. Эти курсы, организованные в 1889 г. Э. Ру и работавшие при участии И.И. Мечникова, А. Борреля, Ж. Бино и ряда других крупных ученых Института Пастера, были прерваны Первой мировой войной и возобновлены в 1922 г. под руководством А. Легру, который по традиции привлекал к преподаванию ведущих ученых института.

Второй отдел архива Виноградского (WIN.2) содержит корреспонденцию, которую Виноградский получал из Франции и из-за рубежа (в том числе, из России). Этот раздел особенно интересен и информативен в плане контактов Виноградского, о которых он почти не упоминал в воспоминаниях.

Среди корреспондентов Виноградского из Советской России: ботаник И.П. Бородин, микробиологи А.А. Владимиров, А.Ф. Войткевич, С.Л. Иванов, В.Л. Омелянский, Н.П. Разумов, почвовед К.К. Гедройц, гелиобиолог А.Л. Чижевский, сотрудница лаборатории Люберецких полей орошения Т.С. Нагибина. Их переписка не была регулярной, как правило, это 1–2 письма с вопросами или просьбой прислать оттиски работ. В письме из ИЭМ С.С. Салазкин в связи со смертью В.Л. Омелянского обсуждает вопрос о судьбе Отдела общей микробиологии и просит Виноградского рекомендовать кандидатуру на пост заведующего. Более многочисленны письма от Д.К. Заболотного, Б.Л. Исаченко, Н.Г. Холодного, И.А. Макринова. Обращают внимание письма от русских эмигрантов: А.Д. Павловского, Н.А. Булгакова (по поручению русской академической группы), И.Г. Шавельского (по поводу съезда русских ученых), письма из Общества русских врачей им. Мечникова, Академического союза, Научно-философского общества, Общества русских химиков. Как правило, это также единичные письма и приглашения. Большое число писем получено от микробиолога-эмигранта А.И. Бердникова, который был знаком Виноградскому по работе и в ИЭМ в Петербурге, и в Институте Пастера в Париже. В начале 1930-х гг. Бердников уехал из Франции в Шанхай, в надежде перебраться оттуда в Америку. Письма из Шанхая значительно дополняют наши знания о последнем периоде жизни Бердникова, дата смерти которого до сих пор неизвестна.

Подраздел «Иностранная корреспонденция» включает письма из Югославии, Швеции (от микробиологов Х. Бартеля и ученика Виноградского Л.Г. Ромелля),

Голландии (от микробиолога А. Клюйвера), Польши (от Свидерского и ученицы Виноградского Я. Земецкой), Англии (от микробиологов Найта (Knight) и Э. Расселя (Russel)), Италии, Индии, Бельгии, Коста-Рики, Канады. Среди корреспондентов из Германии — известные микробиологи Бавендам (Bavendam), Бенеке (Benecke), Лёнис (Lohnis), Принсгейм (Prinsheim). Риппель (Rippel), Руланд (Ruhland), Шухт (Schucht), Штапп (Stapp), из США — Конн (Conn), Ваксман (Waksman), Липман (Lipman), Старки (Starkey), Ван Ниль (van Niel) и другие. Многие из этих писем посвящены обсуждению полученных данных, уточнению методик, научным дискуссиям по вопросам микробиологии. В письме, написанном после II Международного конгресса почвоведов (1930, Москва—Ленинград), Л.Г. Ромелль делится впечатлениями о поездке в Советский Союз. Особый интерес представляют адресованные Ромеллю письма с воспоминаниями Виноградского. В этот подраздел также входит переписка Виноградского с Комитетом по Нобелевским премиям. Отдельную группу составляют письма французских корреспондентов.

Отдел WIN.3 содержит рукописи Виноградского. Среди них многочисленные конспекты научных статей (главным образом, немецких), автографы речи «К 100-летию Пастера» на открытии филиала Института Пастера и ответной речи мэра г. Бри-Конт-Робер А. Савари, автографы докладов на Педологической конференции в Риме (1924) и на конференции по атмосферному азоту в Монпелье (1927). Отдельное место занимает статья Виноградского о железобактериях, переписанная для него женой ученого, З.А. Виноградской, в период их жизни в Белграде. В своих воспоминаниях Виноградский рассказывает об этом случае.

Отдел WIN.4 содержит рабочие тетради Виноградского с описаниями и протоколами опытов.

В отдел WIN.5 включены оттиски статей Виноградского и других авторов, газеты («Медицинская газета», 1908), газетные вырезки и ряд других материалов.

В отделе WIN.GF хранятся экземпляры выходивших в Одессе газет («Единая Русь», «Современное слово», «Южное слово» и др.) с публицистическими статьями Виноградского, опубликованными в период его жизни в Одессе в 1919 г. Значительную часть материалов раздела составляют его неопубликованные публицистические работы. Часть этих статей была переведена Виноградским на французский язык (под общим заголовком «Le para parole»), но также не была опубликована. Эта сторона деятельности Виноградского известна очень мало, и имеющиеся материалы позволяют добавить новые черты к его портрету.

Таков краткий и далеко не полный перечень материалов фонда Виноградского в Архиве Института Пастера.

Вторая часть архива Виноградского была передана в Советское посольство другой дочерью Виноградского, Екатериной Сергеевной Виноградской (в замужестве Бладзевич) уже после смерти Елены Сергеевны Виноградской (1957). Материалы попали в Институт микробиологии АН СССР, а оттуда были переданы в Архив АН СССР (23 июля 1969 г). Небольшая, но очень ценная часть материалов (дневники и рукопись неопубликованной автобиографической повести С.Н. Виноградского «Летопись нашей жизни») задержалась в сейфе директора Института микробиологии академика А.А. Имшенецкого и попала в Архив РАН лишь в 1990-х гг. По материалам «Летописи» была написана одна из лучших книг о Виноградском⁵. В настоящее время «Летопись нашей жизни» С.Н. Виноградского готовится к изданию.

Фонд С.Н. Виноградского в АРАН⁶ содержит подборку оттисков его статей и книгу «Микробиология почвы», собрание документов (паспорт, дипломы об избра-

нии членом Французской Сельскохозяйственной Академии, Французской Академии Наук и др.), дипломы о присуждении почетных званий и избрании почетным членом академий ряда европейских стран, тетради с черновыми набросками и дневниковыми записями, документы о захоронении Виноградских на кладбище в г. Бри-Конт-Робер. Большую часть фонда составляют письма, адресованные Виноградскому, и черновики его ответов. Особый интерес представляет подборка писем от З.А. Ваксмана и письма от жены и дочерей. Интересно, что круг корреспондентов Виноградского во французском и российском архивах в значительной мере совпадает. Фонд включает также коллекцию оттисков и книг, подаренных Виноградскому его коллегами. Отдельную часть фонда составляет архив Елены Сергеевны Виноградской, включающий ее публикации, воспоминания, материалы, связанные с участием в III Международном съезде почвоведов (1935, Оксфорд), корреспонденцию. Знакомство с документами обоих фондов позволило и позволяет уточнить многие детали биографии С.Н. Виноградского и окружавших его людей⁷.

¹ Архив Российской академии наук: Путеводитель по фондам (Москва): фонды личного происхождения. М., 2008.

² www.pasteur.fr/infosci/archives

³ *Courrier R.* Notice sur la vie et les travaux de Serge Winogradsky. Lecture faite en la séance annuelle des prix de 10 Decembre 1956. Paris, 1956.

⁴ *Waksman S.A.* Sergei N. Vinogradsky. His Life and Work. The Story of a Great Bacteriologist. New Brunswick; New Jersey, 1953.

⁵ *Заварзин Г.А.* Три жизни великого микробиолога: Документальная повесть о Сергее Николаевиче Виноградском. М., 2008.

⁶ Архив Российской академии наук: Путеводитель по фондам (Москва)... С. 95.

⁷ См., например: *Ackert L.* From the thermodynamics of life to ecological microbiology: Sergey Vinogradsky and the cycle of life. 1850–1950. / Ph.D. Diss. The Johns Hopkins University, 2004; *Колотилова Н.Н.* Микробиолог С.Н. Виноградский во Франции // Французы в научной и интеллектуальной жизни России XVIII–XX вв. М., 2010. С. 240–254; *Она же.* Сергей Николаевич Виноградский в Институте Пастера в Париже // Российские биологи в Институте Пастера: Научный каталог выставки. М., 2010. С. 57–66.

Г.А. Князев и Комиссия по истории Академии наук

Роль Академии наук в развитии науки и жизни страны в целом, целесообразность организации фундаментальных исследований через систему академических институций — круг этих и других вопросов, связанных с деятельностью Академии наук, периодически становится центром общественных обсуждений. И тогда обязательным аргументом в системе доказательств в необходимости существования Академии наук является обращение к ее истории.

Специальная Комиссия по истории Академии наук (КИАН) была создана при Архиве Академии наук постановлением Президиума АН СССР от 15 ноября 1938 г. Председателем Комиссии был назначен академик С.И. Вавилов, заместителем председателя — директор Архива АН СССР Георгий Алексеевич Князев: административно КИАН была создана при академическом Архиве. Перед Комиссией была поставлена задача изучения истории Академии наук и ее учреждений, истории научных дисциплин и деятельности крупнейших русских ученых. Несмотря на то, что деятельность КИАН освещалась в ряде работ, прежде всего Т.В. Чумаковой¹, в истории этой Комиссии остается еще довольно много «белых пятен».

Для понимания механизмов деятельности КИАН и причин появления Постановления Президиума АН СССР № 608 от 14 ноября 1952 г. «О крупных недостатках в работе Комиссии по истории Академии наук СССР и о мерах по их устранению» необходимо привлечение всей совокупности источников, позволяющих представить историю КИАН и деятельность ее сотрудников. Поэтому помимо делопроизводственных документов, рукописей трудов, составляющих фонд КИАН в СПФ АРАН, важно изучение и источников личного происхождения, прежде всего, дневников Г.А. Князева, переписки С.И. Вавилова с Г.А. Князевым, А.И. Андреевым, И.И. Любименко, писем членов КИАН друг другу.

Фактически основная координационная работа в Комиссии легла на плечи директора Архива АН СССР Г.А. Князева. Учитывая задачи, поставленные перед КИАН, число ее сотрудников было крайне мало: так в качестве штатных сотрудников на 24 июня 1941 г. в КИАН состояли А.А. Елисеев, А.И. Андреев и И.И. Любименко. Большой объем работы по выявлению и подбору необходимого архивного материала выполняли сотрудники Архива, некоторые из которых — П.М. Стулов, Г.А. Князев — занимались и написанием отдельных глав истории Академии наук. Особенно тяжелыми были военные годы. Из письма Г.А. Князева С.И. Вавилову от 27 сентября 1941 г. известно, что в июле—августе «на КИАН в отношении сокращения ее штата и вообще целесообразности ее существования в настоящих условиях был из Ленинградского отдела кадров нажим»², в результате чего 23 сентября 1941 г. И.И. Любименко была выведена из штата КИАН и переведена Г.А. Князевым на работу по договору. Договором от 25 сентября 1941 г. ей предписывалось составить хронику важнейших фактов научной и научно-организационной жизни Академии наук за период 1900—1917 гг. 15 ноября 1941 г. с И.И. Любименко был заключен

новый договор о выполнении тех же работ, но за 1918—1930 гг. В связи с большим объемом работы договор был продлен до 1 марта 1942 г.³ Ученый секретарь Комиссии А.А. Елисеев 4 июля 1941 г. был откомандирован в народное ополчение с сохранением зарплаты по КИАН. 6 августа он вернулся в Архив, но уже 10 августа был мобилизован в ряды РККА. На его место была назначена с 1 сентября 1941 г. С.А. Коплан-Шахматова, но 23 сентября она была переведена в Архив. Исполнять обязанности ученого секретаря стала Е.М. Беркович⁴.

Отметим, что Г.А. Князев, совершая все эти перестановки, старался сохранить штат сотрудников Архива и КИАН и помогать им в силу тех возможностей, которыми он располагал. Так, поручая Е.М. Беркович исполнять обязанности ученого секретаря, он назначил ей зарплату в 675 руб. И лишь по указанию отдела кадров ЛАХУ вынужден был снизить ее до 400 руб.⁵ В Постановлении 1952 г. особо отмечалось, что Г.А. Князев и ученый секретарь Комиссии А.А. Елисеев нарушали указания партии о подборе кадров по их политическим и деловым качествам, в результате чего, по мнению Президиума АН СССР, на работу в Комиссию принимались лица, не удовлетворяющие высоким требованиям, предъявляемым к работникам Академии наук СССР.

Основной задачей Комиссии была подготовка двух томов истории Академии наук: первый том должен был охватывать историю Академии с 1724 по 1917 г., второй посвящался истории Академии наук советского периода. Авторами первого тома были И.И. Любименко (гл. 1, 4, 8), С.Н. Чернов (гл. 2), В.Ф. Гнучева (гл. 3), А.И. Андреев (гл. 5), Г.А. Князев (гл. 6), Л.Б. Модзалевский (гл. 7), П.М. Стулов (гл. 9, 10). Тематика глав была следующей: глава 1 — Основание Академии наук; глава 2 — Первые годы деятельности Академии наук; глава 3 — Академия наук и М.В. Ломоносов; глава 4 — Академия наук после Ломоносова, экспедиции второй половины XVIII в.; глава 5 — Академия наук в конце XVIII в.; глава 6 — Академия наук в первой трети XIX в.; глава 7 — Академия наук в середине XIX в.; глава 8 — вторая половина XIX в.; глава 9 — конец XIX — начало XX в.; глава 10 — Академия наук между двух революций; глава 11 — 1917—1925 гг.; глава 12 — 1925—1934 гг.; глава 13 — 1934—1941 гг.; глава 14 — 1941—1945 гг.; глава 15 — Академия наук после 1945 г.

20 июня 1941 г. на заседании КИАН обсуждался первый вариант рукописи первого тома. Доработанный материал предполагалось сдать в печать в конце 1941 г., так как работа по первому тому к этому году была практически завершена. Однако его редактирование и работа над вторым томом продолжались как в военное время, так и после войны. Несмотря на все тяготы военного и блокадного периода сотрудники КИАН и Архива, оставшиеся в Ленинграде и эвакуированные, продолжали работу по написанию истории Академии. Г.А. Князев посылал подготовленные части рукописи своим коллегам для прочтения и редактирования. Георгий Алексеевич и его жена Мария Фёдоровна были эвакуированы из Ленинграда в августе 1942 г. В деле КИАН есть справка, написанная И.С. Лосевой (автограф, чернила): «12 августа 1942 года выехали из Ленинграда зам. пред[седателя] КИАН — Г.А. Князев и и.о. ученого секретаря М.Ф. Князева [с 19 июня 1942 г. — *Н.К.*]. Таким образом, с этого срока КИАН в Ленинграде перестала функционировать. Уч[еный] секр[етарь Архива И.С. Лосева]»⁶.

Работал над историей Академии наук и председатель Комиссии С.И. Вавилов. В письме от 17 июня 1942 г. из Йошкар-Олы он пишет И.И. Любименко, что по делам КИАН он делал все, что мог: «...докладывал магнатам, т.е. [О.Ю.] Шмидту, [А.И.] Деборину, [В.Н.] Светлову, хлопотал о премиях и пайках. Толку из этого было мало»⁷. В Свердловске при встрече с В.П. Волгиным, чья «звезда», как писал С.И. Вавилов,

«на новом подъеме»⁸, передал ему записку о КИАН и Архиве с просьбой эвакуировать из заблокированного Ленинграда, по крайней мере, часть людей.

В плане работы КИАН на 1942 г. было записано о необходимости «закончить прерванную в связи с военным временем работу с привлечением специалистов ученых по редактированию сведений по истории отдельных наук, заключающихся в первых десяти подготовленных главах»⁹. Такая возможность появилась у Г.А. Князева в эвакуации¹⁰. Подготовленная рукопись была вывезена Г.А. Князевым в Боровое, где отдельные ее главы он обсуждал с находившимися там академиками. Уже 27 сентября 1942 г. Князев сделал доклад об «Истории Академии наук», «составленной Комиссией по истории АН СССР». В письме А.И. Андрееву об этом собрании Князев сообщал, что горячую и приветственную речь сказал Г.М. Кржижановский: «не надо бояться трудностей, история крайне нужна, за первым изданием несомненно последует второе, более совершенное и разработанное». К 11 октября 1942 г. (дата письма Г.А. Князева А.И. Андрееву в Елабугу) ему уже удалось начать редактирование разделов глав по наукам с академиками: химию закончили с академиком С.С. Наметкиным; начали зоологию с С.А. Зерновым; математикой занимается С.Н. Бернштейн и А.Н. Крылов. «Специалисты-консультанты академики задают нам очень много работы, — писал Князев из Борового И.И. Любименко 27 февраля 1943 г. — Некоторые части глав пришлось не только уточнять, исправлять, но и перерабатывать. Даже, без сомнения, лучшая глава во всей истории, восьмая, написанная Вами, в части, касающейся математики, подверглась многим замечаниям со стороны А.Н. Крылова и С.Н. Берштейна. И это не так, и это не верно, и не точно... А как надо — сами не дают другого текста. Но к Вашей восьмой главе они еще милостивы. В седьмой, второй, четвертой и десятой целые страницы ими прямо вычеркнуты. А.Н. Крылов предложил просто выпустить математику. Потом он согласился с тем, что этого нельзя сделать и поставил условием, чтобы мы только не ссылались на него и С.Н. Б[ерштейна], что ими, дескать, разделы математики просмотрены. “Пишите под своей ответственностью, — говорил он мне, — раз этот исторический очерк касается всех сторон развития Академии”»¹¹. Князев просил прочитать текст подготовленных глав и В.И. Вернадского: «Он читает нашу “историю” сплошь, строчка за строчкой, и делает массу замечаний, но относится покуда ко всей работе очень доброжелательно. Первая глава ему даже понравилась... Просил меня сравнить устав Парижской Академии наук с проектом учреждения АН Петром I»¹². Князев писал, что он придерживается мнения, «что ко многим местам написанного текста можно сделать примечания. В этих примечаниях могут быть напечатаны и некоторые документы, например, утвержденный Петром Первым проект положения об Академии наук. На приведении этого документа целиком особенно настаивает В.И. Вернадский»¹³. Проработанный и отредактированный таким образом текст Г.А. Князев в июле 1943 г. привез в Москву, где передал его для прочтения и редактирования А.И. Андрееву. Андрееву же в письме от 14 июня 1943 г. Г.А. Князев сообщал, что, по мнению С.И. Вавилова, печатать историю Академии наук будут уже после войны. На основании собранных членами КИАН материалов в 1945 г. был опубликован написанный Г.А. Князевым «Краткий очерк истории Академии Наук СССР»¹⁴.

Относительно замечаний ученых, специалистов по разным направлениям наук, следует иметь в виду, что члены КИАН писали историю Академии наук как историю учреждений, занимавшихся разными направлениями научного знания, рассматривая историю науки вместе с историей институтов. В связи с этим интересен доклад Г.А. Князева «К истории замещения кафедр Академии наук», сделанный 6 января

1942 г. на заседании КИАН¹⁵. После ряда исторических справок, Георгий Алексеевич дал определение кафедры как науки или отдельной отрасли науки, возглавляемой действительным членом Академии. Большая группа родственных наук — это отделение. Развитие шло от отдельной изолированной кафедры к коллективному научно-исследовательскому институту. Таким образом, в истории Академии наук развитие науки рассматривалось в непосредственной связи с развитием академических кафедр и институтов. Рассмотрение истории наук предполагалось дать в самостоятельных очерках, которые были бы подготовлены исследователями разных научных специализаций. Но ученые ждали от истории Академии наук, прежде всего, изложения истории науки.

Однако при принятии решения о закрытии КИАН в связи с первым томом Истории Академии наук были выдвинуты другие обвинения: в объективизме и аполитичности, изложении истории Академии вне связи с экономическим и политическим развитием страны, с развитием русской культуры и общественной мысли, в недооценке роли и значения основоположника отечественной науки М.В. Ломоносова, в переоценке роли иностранных ученых. Относительно истории Академии наук советского периода в Постановлении 1952 г. утверждалось, что КИАН «даже не приступила к разработке истории АН в советский период». Данное утверждение не соответствовало действительности. Сотрудники Комиссии не только заканчивали написание глав по истории Академии наук XVIII, XIX, начала XX вв., но и собрали материал по истории Академии до 1941 г., делали максимум возможного для собирания сведений о деятельности Академии в годы Великой Отечественной войны. Г.А. Князев, И.С. Лосева, Л.Б. Модзалевский и М.Ф. Князева собирали записи дежурств сотрудников Академии, рабочих дневников, зарисовки, фотографии об Академии в Ленинграде в дни войны. Такую же работу Г.А. Князев предлагал организовать в Москве, Свердловске, Казани, Боровом и других городах через Президиум Академии наук. В письме председателю КИАН академику С.И. Вавилову 1 апреля 1942 г. Г.А. Князев писал: «Сегодня 1-го апреля я получил Вашу телеграмму с поздравлением с Новым годом и отзывом о нашей работе. Приносим Вам большую благодарность... В одном из последних писем я сообщал Вам о смерти от истощения П.М. Стулова, сейчас болен Л.Б. Модзалевский и его жена... Я работаю над хронологической канвой по Советскому периоду истории Академии наук. Работавшая со мной по этой же теме Инна Ивановна [Любименко] занята сейчас темой по ЛО И[нститу]та истории о русско-английских отношениях. Тема эта поставлена шире, чем прежде. Поэтому, и в силу ее затрудненности передвижения, она временно не может работать в КИАН. Сейчас, кроме меня, как Вашего заместителя, и ст. науч. сотрудника А.И. Андреева в КИАН больше никого нет. Надеюсь, как возобновится трамвайное движение, И.И. Любименко сможет снова принять участие в работе КИАН»¹⁶.

20 мая 1942 г. состоялось заседание Комиссии, на котором Г.А. Князев выступил с докладом «О задачах Комиссии по истории АН СССР в связи с исполняющимся 25-летием Октябрьской социалистической революции и Отечественной войной, а также о состоянии работ по редактированию первых десяти глав истории Академии (со дня основания до 1917 г.)»¹⁷. Рассказав о том, как обстояло дело с написанием истории Академии наук до июня 1941 г., Г.А. Князев подчеркнул, что в текущий момент нужно позаботиться в первую очередь о собирании материалов о деятельности Академии наук в дни войны, считая это прямым долгом КИАН. К собранным материалам необходимо составить картотеку в хронологическом порядке событий с обязательной ссылкой на письменные документы, «а если сведения будут получены из

устного источника, то с точным указанием от кого и когда получены эти сведения и кем записаны»¹⁸. «Для наших современников, — говорил Князев, — как в СССР, так и в дружественных странах, а также для тех, кто впоследствии будет изучать наше время, будет ценен каждый документ, всякое сведение, отражающее нашу борьбу за культуру, за передовую науку, за целостность наших учреждений, музеев, библиотек, архивов, кабинетов исследовательских институтов, за нашу жизнь и жизнь близких»¹⁹. В качестве примеров Г.А. Князев привел историю спасения книг Пулковской обсерватории, смерти ботаника Евгения Владимировича Вульфа во время обстрела города. «Надо собрать, — продолжал Г.А. Князев, — и сведения об умерших, с точными датами их смертей, и о бытовых условиях — это тоже защитники Ленинграда, бойцы, погибшие на культурном фронте. Нужно собрать их портреты, сберечь их научные материалы — рукописи законченных и незаконченных трудов, их рукописное наследство»²⁰. Осуществление этой задачи возможно лишь в том случае, если навстречу этому предприятию пойдут сотрудники других учреждений Академии наук. КИАН и Архив должны быть организующим центром, «сосредоточием таких составленных картотек и самих материалов в виде дневников, записок, воспоминаний, заметок, очерков, рисунков, фотографий, а также и деловых документов, отражающих жизнь учреждений»²¹. Для этого, считал Князев, нужно просить руководство учреждений поручить кому-нибудь из сотрудников сбор такого материала и поддержание связи с КИАН и Архивом. В 1943 г. С.И. Вавилов и Г.А. Князев в «Вестнике Академии наук СССР» опубликовали обращение к ученым с просьбой направлять в Архив материалы о деятельности Академии наук в годы войны²².

В соответствии с планом КИАН на 1951—1955 гг. намечалось, что в 1951 г. будут изданы два тома истории Академии наук, а в 1955 г. — исследования в виде сборников статей по истории развития наук в пяти томах, посвященные физике в АН (С.И. Вавилов), математике (В.И. Смирнов), астрономии, географии, историческим наукам (А.И. Андреев). Как известно, деятельность этого состава КИАН завершилась в 1952 г. Новая Комиссия стала работать при Президиуме Академии наук, сменилось ее руководство и состав. Председателем был назначен академик В.П. Волгин. Новое руководство приняло решение использовать материалы рукописи при подготовке будущей книги.

В своем экземпляре вышедшего в 1958 г. первого тома «Истории Академии наук СССР. 1724—1803» на вклеенном перед титулом листе Георгий Алексеевич Князев написал: «История Академии наук начала составляться в Комиссии по истории Академии наук, организованной 15 ноября 1938 г. под председательством академика С.И. Вавилова и его заместителя Г.А. Князева. Работа в предварительной редакции (варианте) была выполнена к июню 1941 г., т.е. в течение 2½ лет и доложена на пленуме Комиссии, который одобрил ее 20 июня 1941 г. Начавшаяся война не приостановила работы. Она была уточняема и редактировалась академиками-специалистами. В 1949 г. оконченная работа была доложена в январе на Общем собрании Исторической секции Академии наук в Ленинграде и в основном одобрена для опубликования. В течение 1949—1950 была проделана дополнительная редакторская работа, и оба тома (со времени основания Академии до Октябрьской революции) подписаны к печати академиком С.И. Вавиловым. Но неожиданная его смерть прервала дальнейшее исправление книги. К сожалению, в нее стали вносить новые куски текста и выбрасывать другие. В таком виде книга была признана нуждающейся в коренной переработке и по другому плану. Работа эта была поручена Институту истории естествознания и техники, назначена главная редакционная коллегия под председатель-

ством академика Островитянова. В 1958 г. работа над первым томом была завершена. Выполнена она коллективом сотрудников (более 20 человек). Георгий Князев». Г.А. Князев вошел в состав редакционной коллегии, но среди авторов первого тома имени Георгия Алексеевича нет. Сам он иначе оценивал свой вклад в подготовку этого труда. На этом же экземпляре книги он записал: «Экземпляр одного из авторов и редакторов этой книги... Георгий Князев. 1958»²³.

¹ См.: *Чумакова Т.В.* Комиссия по истории Академии наук (1938–1953) // Комиссии Академии наук в XVIII–XX веках. Исторические очерки. СПб., 2013. С. 512–529.

² СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 79. Л. 16 об.

³ Там же. Д. 61. Л. 54, 56.

⁴ См. об этом: *Чумакова Т.В.* Указ. соч. С. 515.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 702. Оп. 2. Д. 21, 22.

⁶ Там же. Д. 25. Л. 28.

⁷ Там же. Ф. 885. Оп. 1. Д. 255. Л. 1.

⁸ Там же.

⁹ Там же. Ф. 702. Оп. 2. Д. 28. Л. 20–21 об.

¹⁰ В поселке Боровое, тогда Акмолинской области Казахстана, располагался санаторий АН СССР.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 885. Оп.1. Д. 270. Л. 1.

¹² Там же. Л. 1 об.

¹³ Там же.

¹⁴ *Князев Г.А.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М., 1945.

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 702. Оп. 2. Д. 28. Л. 14–19.

¹⁶ Там же. Д. 25. Л. 29–29 об.

¹⁷ Там же. Д. 28. Л. 20–23 об.

¹⁸ Там же. Л. 21 об.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 21 об.–22.

²¹ Там же. Л. 22.

²² Вестник АН СССР. 1943. № 9/10. С. 102.

²³ Экземпляр книги находится в Отделе Библиотеки РАН при СПФ АРАН.

Деятельность Представительства Академии наук СССР в Германии по пополнению архивов учреждений АН СССР германскими архивными материалами, 1945–1949 гг.*

Деятельность Представительства Академии наук СССР в Германии, как и представителей других советских министерств и ведомств, направленных в Советскую зону оккупации Германии в 1945 г., была ориентирована в первую очередь, на поиск и отбор оборудования и документации, которые могли бы быть использованы для восстановления пострадавших в годы войны подведомственных им учреждений и организаций, а также способствовали бы трансферу знаний и технологий. В связи с этим для Академии наук представляли интерес немецкие заводы, лаборатории, обсерватории, типографии, оранжереи, различное оборудование, архивы и библиотеки. Ценное, с точки зрения Представительства, имущество изымалось или демонтировалось и направлялось в Советский Союз. Кроме того, необходимое оборудование и литературу Представительство приобретало за свой счет у немецких фирм и издательств. Командирование сотрудников Академии наук в Германию имело целью также установить контакт с местными научными учреждениями. С одной стороны, это позволяло составить общее представление о состоянии германской науки. С другой стороны, – давало возможность организовать совместную работу с немецкими учеными или же поручить им разработку определенных исследовательских тем. Наибольшая потребность в разработке таких тем выпадала на области астрономии, физики, химии, кристаллографии, биологии, акустики и истории.

Первые представители Академии наук были командированы в Германию еще в мае 1945 г. со специальными заданиями, в частности, с целью поиска оборудования Симеизской астрономической обсерватории, вывезенной нацистами из СССР в 1943 г.¹ Большинство же сотрудников Академии наук прибыло в Советскую зону оккупации Германии в сентябре 1945 г. Вместо отдельно работающих групп был образован аппарат Представительства АН СССР в Германии². Прежде всего командированные сотрудники должны были составить представление о том, какие научные и технические достижения были достигнуты в Третьем рейхе в военное время. Для этого им понадобилась документация соответствующих германских учреждений. Изучение архива Энергетического управления Германии группой энергетиков позволило, однако, не только понять особенности развития энергетического хозяйства Германии в годы войны, но также получить данные, имеющие принципиальное значение для планирования и проектирования советского энергетического комплекса в области энергопромышленного комбинирования, энергоснабжения, топливного снабжения промышленных центров и т.п. Группа химиков интересовалась состоянием германской техники за последние пять лет в области гидрирования углей и смол с целью выяснения вопроса о возможности гидрирования торфяной смолы в Советском

* Исследования по проекту «Советская архивная политика в Германии в 1945–1949 гг.» проводятся при финансовой поддержке Фонда им. Фридриха Эберта.

Союзе. Результаты интенсивного изучения немецкой документации и литературы явились основой для проектирования гидрогенизированного завода в Белорусской ССР на отходах торфяных газогенераторных станций. Группа акустиков провела научную разведку по работам в области специальной акустики. Ценная техническая документация вместе с опытными образцами проливали свет на решение ряда вопросов по общей и специальной акустике, по которым Академия наук вела работы для Военно-морского флота СССР и Дворца советов³.

Не успели сотрудники Академии наук развернуть свою деятельность в Германии, как в октябре 1945 г. советское правительство приняло решение о временном приостановлении демонтажных работ. Это событие послужило толчком к попыткам найти «места захоронения» германских научных архивов⁴. Первые поиски «ценных» фондов архивов, музейных коллекций и библиотек были произведены представителями АН СССР в сентябре–ноябре 1945 г. под руководством подполковника, профессора В.Я. Аболтина, сотрудника Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР⁵. Более 3 тыс. км объездил В.Я. Аболтин по городам Бранденбурга, Саксонии и Саксонии-Анхальт в поисках материалов, представляющих интерес для Академии наук. Вместе со своими коллегами он проверил фонды различных германских научных учреждений, эвакуированных в годы войны в шахты и замки, а также исследовал многие частные виллы и Имперский архив в Потсдаме. В результате работы группы В.Я. Аболтина были отобраны и направлены в Москву коллекции Германского института страноведения, фонды Института египтологии Лейпцигского университета, многочисленные библиотеки, в том числе Имперского архива и Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина», и другие научные материалы⁶. Следует отметить, что при отборе тех или иных фондов представители Академии наук ориентировались на потребности командировавших их учреждений и в первую очередь на восстановление их военных потерь. В.Я. Аболтин заботился о восстановлении библиотеки своего института, которая сгорела при бомбардировке Москвы в 1941 г. С.Н. Замятнин⁷ искал пути возмещения потерь библиотеки Института истории материальной культуры АН СССР, в котором он работал. Эта библиотека, являвшаяся до войны крупнейшей археологической библиотекой в Советском Союзе, понесла значительные потери во время блокады Ленинграда. Именно поэтому С.Н. Замятнин считал вывоз библиотеки Археологического института⁸ в СССР первоочередной задачей⁹.

Одновременно с выявлением рассеянных вследствие эвакуации по территории Германии фондов немецких научных учреждений сотрудники Представительства налаживали контакты с немецкими учеными. Первое знакомство с представителями Прусской академии наук в Берлине состоялось 14 ноября 1945 г.¹⁰ Эта встреча положила начало сотрудничеству советской и прусской академий. Первоначально речь шла о совместной разработке тем в области славянских языков и древнеклассической литературы, об изучении славянских древностей и древнеславянской топонимики на территории Германии и других темах¹¹. Однако направление работы Представительства в области гуманитарных тем было сведено в итоге к «сбору материалов по истории русской науки». Таким образом, речь шла уже не об исследованиях, но о сборе источников, сосредоточившемся в конечном счете на розыске материалов по истории Петербургской академии наук, а также документов Готфрида Вильгельма Лейбница, касающихся России. Интерес АН СССР к документальному наследию немецкого ученого был понятен. Влияние Лейбница на развитие российской науки трудно переоценить. Его знакомство с Петром I способствовало возникновению и развитию в

Российской империи научных исследований по «европейскому» образцу. Один из проектов, предложенный Лейбницем царю-реформатору, касался учреждения академии наук в Санкт-Петербурге, который и был впоследствии реализован.

Уже в январе 1946 г. Прусская академия наук получила запрос от Представительства Академии наук в Германии относительно наличия в ее архиве писем Лейбница в Петербургскую академию наук. Запрос был перенаправлен профессору Паулю Риттеру и Лизелотте Рихтер. Риттер являлся одной из ведущих фигур в лейбницеведении. В 1910–1939 гг. он руководил работами по изданию трудов Лейбница в Прусской академии наук, а с 1942 г. работал над биографией Лейбница¹². Запрос советской стороны Риттер воспринял дословно и заметил, что он, «строго говоря, бессмыслен, поскольку Лейбниц умер еще в 1716 [г.], а академия в Санкт-Петербурге была открыта лишь в 1725 [г.]»¹³. Почти все письма и записки Лейбница Петру I, находящиеся в копиях в Ганноверской королевской публичной библиотеке и в оригиналах в Москве, замечал Риттер, были уже опубликованы¹⁴. Более развернутый ответ дала Л. Рихтер. Будучи в 1936–1942 гг. научным сотрудником Комиссии по изданию трудов Лейбница при Прусской академии наук («Leibniz-Kommission»), она занималась поиском писем Лейбница в музеях, архивах и других научных собраниях, а также их транскрибированием и каталогизацией¹⁵. Подтвердив наличие писем и записок Лейбница Петру I в ганноверской библиотеке, она согласилась на составление их описи¹⁶. В мае 1946 г. Рихтер получила предложение от уполномоченного Академии наук СССР в Германии генерал-майора, академика В.С. Кулебакина заняться розыском и сбором всех архивных материалов или других материалов в Германии, которые касаются отношений Прусской академии наук с Россией и Петербургской академией наук. Кулебакин отмечал, что интерес представляют «также такие материалы, которые, возможно, включают частную переписку между учеными, но отражают отношение к России и к Российской академии»¹⁷.

Рихтер приняла предложение советской Академии наук. Таким образом, тема «Сбор материалов по истории русской науки» была включена в планы работ Представительства и фигурировала в них с мая 1946 г. по февраль 1948 г. В отчете Представительства по темам за апрель–май 1946 г. указывалось, что разработкой этой темы занимаются четыре немецких специалиста под руководством профессора Иоганнеса Штрукса и Рихтер. Имена остальных сотрудников не фигурировали. Фамилия Штрукса была упомянута лишь однажды¹⁸, скорее всего, потому, что он, как исполняющий обязанности президента Прусской академии наук, ректор Берлинского университета и директор некоторых институтов, вряд ли мог участвовать в этом проекте.

Уже к 1 июня 1946 г. Рихтер предоставила свой план работ «Материалы из немецких научных архивов о русских академиках», который был утвержден АН СССР¹⁹. Безусловно, реализовать этот план Рихтер в одиночку было не под силу. Поэтому она сконцентрировалась на поиске и дешифровке представляющих для советской стороны интерес документов Лейбница, работая с материалами Комиссии по изданию трудов Лейбница. Поиски в архивных фондах Прусской академии наук, а также в других архивах Германии были поручены двум ученым – слависту профессору Максиму Фасмеру и историку Эрику Амбургеру²⁰. Особый интерес представляли рукописи российских академиков, а также их переписка с немецкими коллегами. В частности, Амбургер подготовил для АН СССР переписку ориенталиста Б.А. Дорна с теологом Константином фон Тишендорфом, а также переписку петербургских академиков²¹ с нюрнбергскими врачами²². С отъездом Фасмера в Стокгольм в 1947 г. Амбургер принял на себя порученное прежде Фасмеру написание статьи об отношениях Российской и Прусской академий наук²³.

Всего было выявлено, откопировано и транскрибировано около 200 документов, а также составлен список рукописей и писем российских академиков за период с XVIII по XX в. Работа велась в фондах научных учреждений, расположенных в 14 городах Советской зоны оккупации Германии, в том числе в Архиве Прусской академии наук и Берлинской государственной библиотеке. Помимо этого, поиск документов шел и в союзнических оккупационных зонах Германии, например, в Королевской общественной библиотеке Ганновера, хранившей план Лейбница по созданию Петербургской академии наук²⁴. В документах Представительства Академии наук в Германии также имеются упоминания о том, что сотрудники Представительства разыскивали документы М.В. Ломоносова и нашли некоторые из них во Фрайбергской горной академии. К сожалению, свидетельств о том, были ли они скопированы или изъяты, найти не удалось²⁵.

Следует отметить, что 29 июня 1946 г. И.В. Сталин подписал Распоряжение Совета Министров СССР № 8114рс, которое давало официальное право Академии наук СССР «отобрать и вывезти литературу, музейные и архивные ценности и научное оборудование из государственных и общественных фондов Германии в порядке реституции, вывезенных немцами учреждений АН СССР»²⁶. Для этой цели предписывалось отправить в Германию и Австрию десять научных работников, библиотекарей и библиографов. Кроме того, Советская военная администрация в Германии (СВАГ) и Советская военная администрация в Австрии должны были передать Академии наук «специальную литературу, архивные и иные материалы, изъятые в порядке демилитаризации и денацификации из государственных, общественных и частных фондов этих стран», а Прокуратуре СССР было предложено передать Академии наук «материалы судебного процесса главных военных преступников в Нюрнберге²⁷ после окончания процесса»²⁸.

Действительно, помимо сотрудников библиотечной группы²⁹ Представительства Академии наук в Германии, занимавшихся поиском и приобретением литературы и других материалов, а также контролировавших работу немецких специалистов по выявлению архивных документов, поиск и сбор необходимых материалов осуществляли прикомандированные к Представительству советские ученые. Так, в 1946–1947 гг. при Представительстве Академии наук работали сотрудники Института Маркса-Энгельса-Ленина и Института философии АН СССР, выявлявшие материалы по истории марксизма³⁰. Многие материалы представители Академии наук получили также от Архивного отделения Управления внутренних дел СВАГ – как архивные исторические документы (материалы Имперского статистического управления 1872–1944 гг. и др.), так и техническую документацию (патенты, чертежи и т.д.)³¹.

В последние годы своей деятельности в Германии (1948–1949 гг.) сотрудники Представительства занимались розыском материалов для так называемого Кабинета по истории германского империализма, милитаризма и нацизма, созданного при Академии наук СССР. Для Кабинета собирались большей частью не столько архивы, сколько печатные издания. Многие из материалов были также приобретены или скопированы на микрофильмы³².

Однако не все «трофейные» материалы, попавшие на хранение в архивы учреждений Академии наук, были вывезены из Германии Представительством АН СССР. Так, академик В.И. Пичета, руководитель сектора славяноведения при Институте истории АН СССР, был направлен в 1946 г. в Германию по линии Всеславянского комитета³³. Отобранные им, в частности, документы по истории Польши из фонда Имперского министерства внутренних дел Имперского архива, были переданы Институту славяноведения АН СССР³⁴.

Многие немецкие документы поступили в архивы АН СССР после войны также от других советских учреждений, например, от Комитета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР (документы Имперского министерства по делам Церкви) и Госфонда литературы (архив «Леопольдины»). В некоторых случаях проследить путь «трофейных» документов уже вряд ли представляется возможным (патенты «Telefunken», документы Института физики «Общества кайзера Вильгельма» и др.)³⁵.

В первые послевоенные годы казалось, что изъятие немецких архивов имеет большое научное значение для развития науки в СССР и таким образом сможет компенсировать собственные потери. Действительно, многие немецкие документы способствовали этому, как, например, техническая документация для развития точных наук или материалы Лейбница для лейбницеведения. Но были и такие «трофейные» фонды, которые пролежали в академических архивах забытыми для науки более десятилетия до момента их передачи прежнему владельцу, как это произошло, например, с архивом «Леопольдины» в 1958 г.

Нужно отметить, что отбор немецких научных фондов являлся продуманным и мотивированным актом. Представители Академии наук в Германии имели четкое представление о том, какие документы или информация имеют ценность. Таким образом, процесс отбора материалов являлся отражением потребностей конкретного академического учреждения. При этом важную роль играл персональный фактор, поскольку отбором занимались определенные специалисты, исходя из своих знаний и представлений о том, что является «ценным». Показательным здесь также являлось не только то, кто именно и какие материалы отбирал, но и – как. Политика Академии наук в этом вопросе была противоречивой, что, вероятно, было связано с коллизией представлений о моральной стороне вопроса и дальнейшем сотрудничестве с немецкими коллегами. С одной стороны, немецкие архивы и библиотеки изымались из мест их эвакуации (шахт, замков) или были получены через представителей СВАГ. С другой стороны, имея разрешение на вывоз архивов в рамках реституции, Академия наук, однако, не считала приемлемым напрямую поставить перед коллегами из Прусской академии наук вопрос об изъятии ее научных фондов. Более того, труд немецких ученых по поиску, копированию и транскрибированию документов, связанных с историей российской науки, оплачивался советской Академией наук, как это и следовало нормам научной практики. В конечном счете собранный корпус «трофейных» немецких материалов послужил толчком к новым исследованиям в области науки и ее истории.

¹ АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 5. Л. 123–125.

² Представительство АН СССР в Германии было создано 15 сентября 1945 г. и завершило свою деятельность в августе 1949 г. Возглавляли Представительство уполномоченные АН СССР в Германии: в 1945–1947 гг. – генерал-майор, академик Виктор Сергеевич Кулебакин, в 1947 г. – генерал-майор, член-корр. Андрей Григорьевич Костилов, в 1949 г. – Николай Николаевич Селезнев. По состоянию на 1945 г. в структуру Представительства входили следующие группы: по энергетике, ботанике, биологии, автоматике и электротехнике, группа акустиков и группа библиотечных работников (часто также именовалась как библиотечно-архивная или библиографическая). В последующем структура Представительства часто менялась. 1 ноября 1946 г. Представительство было подчинено Управлению по изучению достижений науки и техники Германии СВАГ. Ср.: АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 5; Д. 16. Л. 22; Д. 20. Л. 50.

³ Там же. Д. 5. Л. 39–41.

⁴ Там же, Л. 22.

⁵ Владимир Яковлевич Аболтин (1899–1978), псевд. Аварин, в компартии с 1917 г., в РККА с 1918 г., в органах военной разведки с 1921 г. Окончил восточное отделение Военной академии РККА (1925), д.э.н. (1935), профессор (1955). В 1925–1926 гг. представитель НКВД СССР на Сахалине. В 1927–

- 1928 г. генконсул в Харбине. В 1929–1931 г. зам. ректора Института востоковедения. В 1931–1935 г. научный сотрудник Института мирового хозяйства и мировой политики (ИМХМП). В 1935–1937 г. корреспондент ТАСС в Пекине. В 1937–1939 г. директор Государственного института иностранных языков в Иваново. С 1939 г. работал в ИМХМП. С 19 сентября по 27 октября 1945 г. работал при Представительстве АН СССР в Потсдаме и Бабельсберге, с 27 октября по 27 ноября 1945 г. – в Лейпциге. См.: *Черкасов П.П.* ИМЭМО. Институт мировой экономики и международных отношений. Портрет на фоне эпохи. М., 2004. С. 29, 110–112; АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 5. Л. 239–255.
- ⁶ АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 5. Л. 239–255.
- ⁷ Сергей Николаевич Замятнин (1899–1958), археолог и этнограф. Начал свою научную деятельность с археологических раскопок скифских курганов и работы в Воронежском краеведческом музее. В 1920-е гг. переехал в Москву, где окончил аспирантуру Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), затем научный сотрудник ГАИМК и Музея антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. Признание его вклада в изучение палеолита нашло отражение в избрании его членом Международного антропологического института в Париже (1927) и Королевского антропологического института Великобритании и Ирландии (1943). С 8 сентября по 1 декабря 1945 г. работал при Представительстве АН СССР в Германии. См.: *Борисовский П., Лаеров Л., Окладников А., Потанов Л.* Сергей Николаевич Замятнин [Некролог] // Советская этнография. 1959. № 3. С. 134–137; АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 об.
- ⁸ Скорее всего, речь идет о Германском археологическом институте в Берлине.
- ⁹ АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 5. Л. 83.
- ¹⁰ Архив Берлинско-Бранденбургской Академии наук – Archiv der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften (ABBAW), Preußische Akademie der Wissenschaften (PAW) nach 1945, 11, о. В1.
- ¹¹ АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2.
- ¹² См.: Ritter, Paul August Max // Kurzbeschreibung der Bestände der Nachlaßabteilung des Archivs der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften. [Электронный ресурс]. URL: http://archiv.bbaw.de/archiv/archivbestaende/abteilung-nachlasse/nachlasse/ritter_paul (дата обращения: 05.05.2013).
- ¹³ ABBAW, Leibniz-Ausgabe, Historische Abteilung II-III-179, Bl. 146.
- ¹⁴ Ebenda, Bl. 147.
- ¹⁵ *Wenzel C.* Von der Leidenschaft des Religiösen: Leben und Werk der Liselotte Richter (1906–1968). Köln u.a., 1999. S. 138–143, 199.
- ¹⁶ Архив Берлинского университета им. Гумбольдта – Archiv der Humboldt-Universität zu Berlin (HU UA), NL Richter, 77, Bl. 12.
- ¹⁷ HU UA, NL Richter, 77, Bl. 8. См. также: *Wenzel C.* Von der Leidenschaft des Religiösen... S. 199.
- ¹⁸ АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 20. Л. 36 об.
- ¹⁹ Там же. Л. 285; *Wenzel C.* Von der Leidenschaft des Religiösen... S. 199–200.
- ²⁰ АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 31. Л. 219 об, 223; Д. 32. Л. 2, 78, 80; Д. 42. Л. 35; Д. 50. Л. 30.
- ²¹ Анатом Йозиас Вайтбрехт, ботаник Иоганн Георг Сигезбек, медик Иоганн Фридрих Гмелин.
- ²² ABBAW, NL Vasmer, 19, 77, о. В1.
- ²³ Действительно, в личном фонде Фасмера сохранился черновик его статьи «Die Akademie der Wissenschaften der Sowjetunion» на 9 стр. Ср.: ABBAW, NL Vasmer, 23, о. В1.
- ²⁴ АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 32. Л. 2, 11; Д. 42, Л. 37.
- ²⁵ Там же. Д. 20. Л. 120–121.
- ²⁶ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 48а. Д. 3365. Л. 9.
- ²⁷ Документы Нюрнбергского процесса были переданы в 1947 г. и в 1950-е гг. в Центральный государственный архив Октябрьской Революции СССР (ныне ГА РФ) и сформированы в фонд Р-7445.
- ²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 48а. Д. 3365. Л. 9.
- ²⁹ В состав библиотечной группы в 1945 г. входили Г.Г. Кричевский, Т.О. Вредин-Кобецкая и Д.А. Марголина под руководством Владимира Ивановича Позина. В.И. Позин возглавлял группу с сентября 1945 г. по апрель 1946 г. С мая 1946 г. по июль 1947 г. группой руководила Валентина Афанасьевна Зверева, а с августа 1947 г. по сентябрь 1949 г. – Анастасия Ивановна Широкова. Все руководители библиотечной группы являлись научными сотрудниками Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР. См.: АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 5. Л. 18; Оп. 2. Д. 4. Л. 1 об, 18, 19, 21.
- ³⁰ Виктор Маркович Познер (1877–1957), научный сотрудник ИМЭЛ, и Петр Ефимович Вышинский, научный сотрудник Института философии АН СССР. См.: АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 30. Л. 36; Д. 31. Л. 7; Д. 32. Л. 88.
- ³¹ Ср., например, акты приема-передачи документов представителям Академии наук и отчеты СВАГ 1948–1949 гг.: ГАРФ. Ф. Р-7317сч. Оп. 17. Д. 27. Л. 14–18; Д. 29. Л. 123–124, 147; Д. 35. Л. 327.
- ³² АРАН. Ф. 557. Оп. 1. Д. 50. Л. 28–29.
- ³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1486. Л. 99.
- ³⁴ АРАН. Ф. 654. Оп. 1. Д. 5. Л. 18.
- ³⁵ Там же. Ф. 654. Оп. 1. Д. 4. Л. 26.

Личные фонды ученых в Архиве РАН

Архив Российской академии наук был основан в 1728 г. как хранилище документов Конференции, высшего научного и организационного органа Академии наук. Наряду с управленческой и научной документацией в Архив поступали документальные материалы членов Академии наук. Они размещались в так называемых «связках» по имени авторов рукописей — «Ломоносовиана», «Эйлериана», «Бернуллиана», по специальностям — «Астрономика», «Географика», «Ботаника» или просто в хронологическом порядке поступления. «Связки» нумеровались, к ним делалась внутренняя инвентарная опись. К концу XVIII в. в Конференц-архиве насчитывалось уже более 100 «связок» документов.

В Архив передавались диссертации, рукописи научных работ по математике, физике, химии, географии, ботанике, зоологии и другим наукам, а также не оконченные по каким-либо причинам работы и материалы опытно-лабораторных исследований. Среди этих рукописей находятся работы известных математиков Л. Эйлера, Д. Бернулли, Х. Гольдбаха; физиков Г.В. Рихмана, Ф. Эппинуса, Л.Ю. Крафта; астрономов Н.И. Попова, И.Н. Делиля, А.Н. Гришова, П.Б. Иноходцева; химиков Г.М. Ловица, У.Х. Сальхова, И.Г. Гмелина и других ученых. Иногда эти работы, содержащие результаты научных открытий, для сохранения авторского приоритета поступали на хранение в запечатанных академической печатью конвертах.

В 1926 г. Президиум АН СССР принял решение о концентрации рукописей членов Академии наук в ее архиве. Это постановление наметило основной профиль архива, характерной особенностью которого является хранение не только служебной, официальной документации, но и личных фондов членов Академии наук.

В 1930 г. Общее собрание утвердило «Положение об Архиве Академии наук». Согласно «Положению» архив получил статус центрального архива ведомства, куда, помимо документов, отложившихся в результате научно-организационной деятельности академических учреждений, должны были поступать личные фонды академиков, членов-корреспондентов и выдающихся ученых.

В 1934 г. учреждения Академия наук для большей связи их деятельности с запросами правительственных учреждений и промышленности были переведены в Москву. В столицу переехали учреждения, работавшие в области физико-математических, технических, геолого-географических, химических и биологических наук. В Ленинграде остались организации, занимавшиеся общественными науками, музеи, Библиотека и Архив. 27 августа 1935 г. было принято первое решение Президиума АН СССР о создании Архива в Москве¹. Это решение было подтверждено на заседании Президиума АН СССР 25 сентября 1935 г.: «в целях учета, собирания и хранения научных и делопроизводственных архивных материалов, откладываемых от деятельности учреждений Академии наук, находящихся в Москве, а также по обслуживанию этих учреждений архивными справками и архивным инструктажем, организовать в Москве Отделение Архива Академии наук СССР»².

27 апреля 1936 г. Московское отделение Архива (МОА) получило подвальное помещение в здании Президиума АН СССР (Ленинский проспект, 14) и 29 апреля при-

ступило к работе. Заведующим МОА был назначен Ф.Д. Гетман³. «Сейчас Архив находится в помещении, которое нельзя считать пригодным для Архива. Прежде всего, вход через коцегарку, там какие-то трубы парового отопления проходят, Архив находится в подвальном помещении, вход через буфет...»⁴, — докладывал Г.А. Князев⁵ о состоянии Московского отделения на заседании Президиума АН СССР 5 октября 1937 г.

В своей работе Московское отделение руководствовалось инструкцией, составленной директором Архива АН и переработанной затем в «Положение о Московском отделении Архива СССР», согласованное с Главным архивным управлением и утвержденное Президиумом Академии наук 10 февраля 1940 г. В обязанности отделения входили учет, соби́рание и обработка документальных материалов из учреждений Академии наук, а также фондов умерших в Москве членов Академии наук и других ученых, связанных с Академией по своей научной работе.

В 1930-е гг. в Московское отделение архива были приняты документальные материалы ботаника, географа, академика, президента АН СССР В.Л. Комарова; палеонтолога, почетного члена АН СССР М.В. Павловой; энергетика, академика, вице-президента АН СССР Г.М. Кржижановского; химика-органика, академика Н.Я. Демьянова; ботаника, путешественника, ученого специалиста Дальневосточного филиала АН СССР И.К. Шишкина; государственного и партийного деятеля, экономиста, заместителя Председателя Коммунистической академии В.П. Милютин — итого 6 личных фондов.

Комплектование архива личными фондами не прекращалось и в годы Великой Отечественной войны. В Московское отделение были приняты фонды геолога, академика А.П. Павлова; физикохимика, почетного члена АН И.А. Каблукова; математика, известного полярного исследователя, академика О.Ю. Шмидта; языковеда, специалиста по русской диалектологии и лексикологии, члена-корреспондента Д.Н. Ушакова и др.

В послевоенное время на хранение поступили архивы биолога, геоботаника, почвовед, специалиста в области экологии растений, академика Б.А. Келлера; минералог, геохимика, академика А.Е. Ферсмана; ученого и изобретателя, основателя теории реактивных летательных аппаратов К.Э. Циолковского; филолога-классика, слависта, востоковеда, ординарного академика АН Ф.Е. Корша и др. Всего за 1940-е гг. было принято 45 личных фондов.

В 1950-е гг. количество принятых в архив фондов личного происхождения значительно отличалось от предыдущего десятилетия — 59 фондов. В этот период в архив были переданы документы биолога-эмбриолога, патолога, микробиолога, иммунолога, зоолога, почетного члена АН, лауреата Нобелевской премии И.И. Мечникова; историка, академика Е.В. Тарле; океанографа, ботаника, гидробиолога, полярного исследователя, академика П.П. Ширшова; химика-органика, академика Н.Д. Зелинского; агрохимика, физиолога растений, академика Д.Н. Прянишникова и др.

Важной вехой в истории Архива АН СССР стало решение Президиума АН СССР от 18 января 1963 г. о преобразовании Московского отделения архива в Архив АН СССР и Архива в Ленинграде — в Ленинградское отделение архива в связи с необходимостью тесных контактов с руководящими органами Академии наук и основной массой учреждений, находящихся в Москве⁶. Несомненно, эта реорганизация сыграла положительную роль в динамике поступлений личных фондов ученых в Архив АН СССР.

Так, в 1960-е и 1970-е гг. количество принятых фондов увеличилось вдвое по сравнению с предыдущими десятилетиями, а именно в 1960-е гг. было принято 100

фондов, в 1970-е — 92 фонда. За это время архивный фонд АН СССР обогатился документальным наследием востоковеда-тюрколога, академика В.А. Гордлевского; историка, академика М.Н. Тихомирова; физиолога, академика Л.С. Штерн; математика, академика С.Н. Бернштейна; языковеда, литературоведа-слависта, академика В.В. Виноградова; физика, академика, лауреата Нобелевской премии И.Е. Тамма; гельминтолога, паразитолога, академика К.И. Скрябина и многих других.

1984 год ознаменовался в истории Архива АН СССР окончанием строительства специализированного здания архива в Москве (Новочеремушкинская, 34), которое позволяло на современном уровне обеспечить сохранность поступающих документов и их использование. 1980-е гг. стали «рекордными» в части комплектования архива фондами личного происхождения — был принят 181 фонд. Среди них фонды специалиста в области прикладной физики, механики, энергетики, государственного деятеля, академика, вице-президент АН СССР (1962—1973) М.Д. Миллионщикова; биолога, биохимика, академика А.И. Опарина; генетика, доктора биологических наук Н.В. Тимофеева-Ресовского; специалиста в области истории русского революционного движения и общественной мысли XIX в., историографии и методологии истории, академика М.В. Нечкиной; специалиста в области теплотехники и авиационных двигателей, академика Б.С. Стечкина; математика, академика А.А. Ляпунова; специалиста в области истории феодализма, источниковедения и историографии, члена-корреспондента В.Т. Пашуто; ботаника, генетика, селекционера Н.В. Цицина; философа, академика М.Б. Митина и других.

Изменения, произошедшие в политической и социально-экономической жизни нашей страны в начале 1990-х гг., отразились и на работе архива. Объем принятых в 1990-е гг. фондов существенно сократился. В 1990-е гг. в архив поступили личные фонды астронома, астрофизика, члена-корреспондента Э.Р. Мустеля; специалиста в области истории зарубежной литературы, академика Ю.Б. Виппера; микробиолога, академика А.А. Имшенецкого; физикохимика, академика Я.Б. Зельдовича; специалиста в области исторического материализма и социологии, академика, вице-президента АН СССР (1962—1967, 1971—1988) П.Н. Федосеева и др. Всего было принято 65 личных фондов.

В период с 2000 по 2012 г. в Архив РАН были приняты фонды специалиста в области общего и романского языкознания и литературоведения, академика Г.В. Степанова; биохимика, академика Н.М. Сисакяна; специалиста в области ядерной химии и химии высоких энергий, академика В.И. Гольданского; специалиста в области геологии полезных ископаемых, геоморфологии Н.А. Шилю; специалиста в области истории США, международных отношений, внешней политики России XVIII—XIX вв. и историографии, академика Н.Н. Болховитинова и др. Всего — 69 личных фондов.

Что касается основных задач и функций Архива РАН на современном этапе, то они не изменились. Архив как научное учреждение Отделения историко-филологических наук РАН и головной академический архив по-прежнему отвечает за накопление, сохранение и изучение уникальных по историческому и социокультурному значению фондов, а также коллекций и собраний исторических документов.

Работу по комплектованию личного архива проводит сотрудник Группы комплектования личных фондов и их научного описания Центра комплектования Архива РАН. Эта работа предусматривает выявление и розыск личных архивов ученых, их учет; изучение биографии и творчества будущего фондообразователя; установление контактов и разъяснительную работу с архивовладельцами; подготовку документов личных архивов к передаче на хранение в Архив РАН.

Для выявления круга ученых, архивы которых могут представлять научную, историческую и практическую ценность, сотрудник архива знакомится со списками членов РАН, академическими изданиями, содержащими сведения о составе действительных членов и членов-корреспондентов РАН; с информацией о присуждении ученым отечественных и международных премий, о награждении их правительственными наградами, присвоении им почетных званий, избрании членами зарубежных академий и обществ; пользуется консультацией компетентных специалистов.

Устойчивая практика комплектования сложилась таким образом, что архивы ученых поступают на хранение после их смерти. Здесь дальнейшая судьба архива ученого напрямую зависит от воли и желания архивовладельцев и от профессиональной деятельности архивиста, перед которым стоит задача убедить держателей документов передать их в архив.

Таким образом, Архив РАН, являясь одним из крупнейших архивохранилищ, ведет непрерывную работу по комплектованию фондами личного происхождения с целью их научного и практического использования для дальнейшего развития науки и культуры в нашей стране.

¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 4. Л. 59.

² Там же. Л. 68.

³ Гетман Филипп Дмитриевич (1897–1992?) — ученый архивист (с 1936 г.), заведующий Московским отделением Архива АН СССР (1939–1956).

⁴ АРАН. Ф. 7м. Оп. 1 (1936–1963). Д. 16. Л. 10; Ф. 2. Оп. 6а. Д. 203. Л. 142.

⁵ Князев Георгий Алексеевич (1887–1969) — историк-архивист, кандидат (1936, без защиты диссертации), доктор (1960) исторических наук *honoris causa*. Выпускник гимназии и историко-филологического факультета Петроградского университета (1916); вольнонаемный (с 1913 г.), младший делопроизводитель 8 класса (с 1916 г.) в Архиве Морского министерства; заведующий Историческим отделом Центрального архива флота и морского ведомства (1918); помощник управляющего, заведующий III секции 2 отдела Главархива—Центрархива (1918–1929); преподаватель на курсах при Петроградском археологическом институте (1918–1920) и при Центрархиве (1923–1925); сверхштатный доцент кафедры истории России и СССР XIX–XX вв. историко-лингвистического факультета ЛГУ—ЛГИЛИ (1925–1936); заведующий (1929–1936), директор (1936–1963) Архива АН СССР, старший научный сотрудник-консультант ЛО Архива АН СССР (1963–1969).

⁶ АРАН. Ф. 2. Оп. 6а. Д. 203. Л. 142.

Формирование Архивного фонда РАН: состояние, тенденции, проблемы

Первое положение об Архиве АН СССР, в котором было записано, что «Архив Академии наук является общим архивом Академии наук, куда поступают на хранение архивные материалы, отложившиеся от научной и деловой деятельности АН и ее учреждений, а также архивные фонды членов АН и отдельных ученых, имеющие значение для истории Академии наук и истории науки», утвердило в 1930 г. общее собрание Академии наук СССР¹.

Учитывая потребность Академии наук СССР в оперативном и многоплановом использовании документной информации, создаваемой ею в результате научной и управленческой деятельности, Совет Министров СССР утвердил Положение о ГАФ СССР (постановление от 13 августа 1958 г. № 914), в котором подтвердил право АН СССР на постоянное государственное хранение архивных документов (пункт 16 Положения)².

В Уставе Академии наук СССР, принятом в 1959 г., впервые было указано, что «Академия наук СССР имеет право хранить рукописи ученых, деятелей литературы и искусства, а также архивные материалы учреждений Академии наук и другие материалы, представляющие ценность для истории науки, в Архиве Академии наук СССР и в архивах научных учреждений Академии, не сдавая их в общегосударственные архивохранилища»³.

Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» «узаконил» право постоянного хранения документов Архивного фонда Российской Федерации, находящихся в государственной собственности Российской академии наук в академических архивах, без передачи их в государственные архивы.

После выхода Федерального закона № 125-ФЗ назрела настоятельная потребность внесения изменений и дополнений в нормативные документы, определяющие статус академических архивов в системе учреждений РАН и порядок хранения документов Архивного фонда Российской Федерации (Положение об Архивном фонде РАН, типовые положения о научных архивах, ЭК, ЦЭК учреждений РАН). Архив РАН подготовил проекты новых типовых положений, которые будут утверждены после рассмотрения Президиумом РАН.

Проблемы комплектования зависят не только от нормативного и методического обеспечения деятельности архивов в этом направлении. Многие зависят от состояния хранения документов в научных учреждениях и материально-технического, финансового и кадрового обеспечения деятельности академических архивов с постоянным составом документов.

В Архиве РАН организацией комплектования фондов занимается Центр комплектования, в структуре которого две группы. Группа комплектования личными фондами ученых и их научного описания состоит из 5 человек. Группа комплектования документами учреждений состоит из 3 человек, курирует 183 учреждения РАН (46% от общего количества научных учреждений РАН), из них 147 академических учреждений расположены в Москве. Только в 47 из московских учреждений РАН действуют научные архивы (26% от общего количества). Ежегодно Архив РАН принимает около 2,5–3 тыс. ед. хр. управленческой и научной документации и 12–14 м документов фондов личного происхождения. При такой штатной численности Центр

Рисунок 1. Состав архивного фонда Российской Федерации в млн единиц хранения на 1 января 2013 г. Всего: 498,3 млн единиц хранения⁵

комплектования не в состоянии обеспечить высокий процент упорядочения документов и своевременную передачу дел на постоянное хранение.

В научных архивах региональных научных центров, научных центров региональных отделений имеющаяся штатная численность явно не соответствует объему хранящихся дел.

Объем Архивного фонда РАН на 1 января 2013 г. составил 0,6% от объема Архивного фонда Российской Федерации, насчитывающего около полумиллиарда единиц хранения на различных носителях⁴.

В настоящее время существует 12 академических архивов с постоянным составом документов, которым Постановлением Президиума РАН (от 25 июня 1994 г. № 125) предоставлено право государственного хранения документов: Архив РАН, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, научные архивы Сибирского, Уральского отделений РАН, научные архивы Бурятского, Иркутского, Якутского научных центров Сибирского отделения РАН; отдел «Научный архив и энциклопедия» Коми научного центра Уральского отделения РАН, научные архивы Дагестанского, Карельского, Кольского, Уфимского научных центров, объединенный научный архив Пуштинского научного центра; Архив А.М. Горького Института мировой литературы им. А.М. Горького.

К архивам с постоянно-переменным составом документов относятся научно-отраслевые архивы РАН, которым предоставлено право постоянного хранения исторически сложившегося комплекса документов, собранных учреждениями для проведения научных исследований.

К архивам с переменным составом документов относятся научные архивы учреждений РАН, которые осуществляют хранение документов до передачи их в соответствующие академические архивы с постоянным составом документов.

За период 2007–2012 гг. в научные архивы региональных отделений и научных центров РАН с постоянным составом документов, научно-отраслевые архивы учреждений РАН поступило на хранение более 130 тыс. ед. хр., в том числе более 62% от общего количества — научной документации (81 тыс. ед. хр.).

На 1 января 2013 г. в них хранилось 2 млн 85 тыс. ед. хр., документы на бумажной основе составили 57,2% от общего количества.

Фонды личного происхождения составили более 40% от общего объема принятых дел, управленческая документация — 28%, научная документация — 23%, документы по личному составу — около 9%.

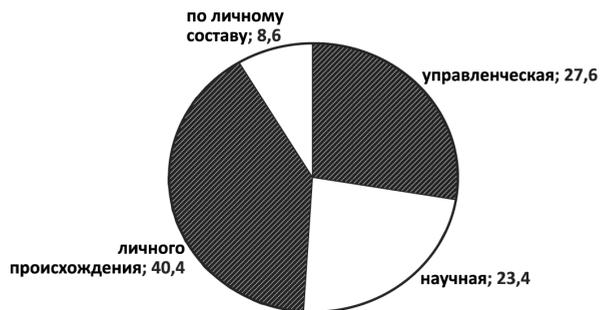

Рисунок 2. Структура состава документов на бумажной основе, хранящихся в научно-отраслевых, научных архивах региональных отделений и региональных научных центрах РАН по состоянию на 01.01.2013

Архивное дело в системе учреждений РАН испытывает серьезные трудности и недостатки, которые требуют принятия неотложных мер по их устранению.

Нечетко определенный статус научного архива института и должности лиц, ответственных за архив учреждения (научный сотрудник, зав. архивом, архивариус) отрицательно сказывается на дальнейшем развитии сети научных архивов учреждений РАН.

Со времени издания Постановления Президиума РАН 1994 г. до настоящего времени научные архивы не созданы в 14 научных центрах региональных отделений и 9 региональных научных центрах РАН.

Основная причина отсутствия архивов — дефицит площадей и штатной численности, сопутствующий, а иногда и определяющий фактор — невнимание со стороны руководства учреждений к проблемам сохранности архивных документов.

Казанский научный центр РАН, Томский, Красноярский научные центры Сибирского отделения РАН, имевшие на момент утверждения Постановления Президиума РАН 1994 г. научные архивы с постоянным составом документов, были со временем расформированы ввиду отсутствия необходимого оборудования и архивохранилищ.

В некоторых региональных академических архивах комплектование документами прекращено из-за загруженности архивохранилищ. Прекратили комплектование документами научный архив Сибирского отделения РАН, архив Якутского научного центра СО РАН. Созданный как научный архив Дальневосточного отделения он в 2007 г. был ликвидирован как структурная единица из-за отсутствия архивохранилища, обеспечивающего сохранность документов институтов отделения. В настоящее время общий отдел обеспечивает упорядочение и прием документов аппарата Президиума ДВО РАН.

Созданный как объединенный архив Пушчинского научного центра, архив фактически, в связи с выходом институтов из структуры Пушчинского научного центра в подчинение отделению, стал архивом научного центра.

Подобная ситуация с переподчинением учреждений РАН происходит и в других научных центрах. Взаимоотношения между институтами и научными центрами определяются в пределах «делегированных полномочий».

Сохранение учреждений, входящих в зону комплектования, в составе источников комплектования научных центров, является ключевым моментом во взаимоотношениях между академическими архивами и учреждениями.

В ряде академических институтов, в том числе московских, несмотря на неоднократные обращения, существует многолетняя проблема неупорядоченных документов.

Вместе с тем в региональных академических институтах, которые проводят работу по сбору и изучению документальных материалов для научных исследований, функцио-

нируют структурные подразделения, осуществляющие постоянное хранение документов (отдел рукописей, рукописный фонд и проч.), не получившие статус архива с постоянным составом документов в установленном Постановлением Президиума РАН порядке.

Надо отметить, что в системе академических учреждений документы Архивного фонда РАН хранятся, кроме научных архивов, в мемориальных музеях, академических библиотеках. Увеличивается количество мемориальных музеев и вместе с тем растет число принимаемых музеями фондов личного происхождения, в том числе документов действительных членов академии и членов-корреспондентов РАН.

В условиях широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий на сайтах многих академических институтов, музеев, библиотек появились в открытом доступе оцифрованные копии архивных документов, часто не имеющих архивного шифра, согласно которому можно было бы сослаться на документ как исторический источник (номер фонда, номер описи, номер архивного дела, номер листа). Подобная информация не только не соответствует научному уровню академического учреждения, но, скорее, компрометирует его. Отсылка на сайт института, музея, библиотеки при ссылке на архивный документ недостаточна.

Для повышения уровня информационного обслуживания, обеспечения сохранности документов Архивного фонда РАН, необходима координация работы академических архивов, музеев и библиотек по вопросам учета, паспортизации, научного описания архивных документов.

Архивистам совместно с академическими учреждениями предстоит изучить вопрос об объеме и составе электронных документов, образующихся в деятельности учреждений РАН и подлежащих приему на государственное хранение.

Хотелось бы отметить, что несмотря на имеющиеся проблемы, благодаря профессионализму и энтузиазму архивистов, академическими архивами ведется плодотворная работа с учеными, учреждениями — источниками комплектования по вопросам подготовки и передачи документов на государственное хранение, составления номенклатур дел, упорядочения документов. Проводятся мероприятия по повышению квалификации работников архивных и делопроизводственных служб по вопросам организации делопроизводства и обеспечения сохранности документов, внедрению информационных технологий в работу архивов, архивисты принимают участие в комплексных проверках научных учреждений РАН и т.д.

Предполагается, что развитие архивного дела в системе учреждений РАН будет обусловлено, прежде всего, темпами роста Архивного фонда РАН как важного документального информационного ресурса, источника фундаментальных научных исследований, части научного и историко-культурного наследия страны.

Думается, что меры по совершенствованию нормативного обеспечения деятельности академических архивов, которые предстоит осуществить Архиву РАН, академическим архивам во взаимодействии с Архив Советом РАН, в сочетании с их практической деятельностью, позволят обеспечить качественное пополнение Архивного фонда РАН и создать условия для его использования.

¹ Труды Архива Академии наук СССР. Вып. 1. Ленинград, 1933. С. 203.

² К 50-летию советского архивного дела. Основные постановления Советского правительства. М., 1968. С. 37.

³ Уставы Российской академии наук. 1724—2009. М., 2009. С. 193.

⁴ Доклад Руководителя Федерального архивного агентства, доктора исторических наук А.Н. Артизова на расширенном заседании коллегии Росархива 28 февраля 2013 г. Опубликован на сайте «Федеральное архивное агентство»: <http://archives.ru/reporting/report-artizov-2013-kollegia.shtml>

⁵ То же.

Празднование 250-летия Архива АН СССР

В 1974 г. широко отмечалось 250-летие Академии наук СССР — главного научного центра страны. В конце 1977 г. было принято решение отпраздновать 250-летие одного из старейших учреждений Академии наук — Архива. Эти торжества в некоторой степени оказались взаимосвязанными, обратив внимание советской и мировой общественности на историю Академии наук, ее учреждений и их вклада в развитие научных знаний. Одним из основных компонентов проводимых мероприятий стало знакомство с материалами Архива АН СССР. По случаю юбилея Академии наук специально отобранные документы экспонировались на выставках в Париже, Лондоне, Стокгольме и других городах Европы и Америки. На основе архивных материалов была создана серия популяризаторских фильмов. Празднование 250-летия самого Архива прошло гораздо скромнее, но в то же время явилось заметной вехой в истории отечественного архивоведения.

17 января 1978 г., в соответствии с распоряжением Президиума АН СССР от 13 декабря 1977 г.¹, в Московском Доме ученых было проведено расширенное заседание Ученого совета Архива². Выбор даты не был случайным: именно в этот день 250 лет назад при Академии наук был создан первый научный архив. На юбилейном заседании присутствовало более 200 человек, председательствовали академик-секретарь Отделения истории АН СССР Е.М. Жуков и заместитель начальника Главного архивного управления при Совете Министров СССР А.С. Малитиков. С основным докладом выступил Б.В. Левшин — директор Архива АН СССР.

Доклад «Основные этапы деятельности и перспективы дальнейшего развития Архива АН СССР (250 лет Архиву Академии наук СССР)»³ был разделен на три части: создание и наполнение архивных фондов, способы их использования и дальнейшие перспективы работы Архива. В первую очередь речь шла о богатейших исторических материалах, которые хранит архив: протоколы первых заседаний Академии наук и прочие «протокольные бумаги», «ученая корреспонденция», исследовательские работы по математике, механике, астрономии, физике, химии, географии, зоологии и другим областям знаний за период XVIII—XX вв., уникальные рисунки, карты, результаты крупных научных открытий, многочисленные документы членов Академии наук, архивные экземпляры академических изданий. Был охарактеризован непростой процесс формирования и развития Архива, начиная с деятельности его первых руководителей и работников, среди которых были Г.Ф. Миллер, Х.Н. Винсгейм, Х. Гольдбах, Утебауэр, К.Ф. Свенске.

Первый всплеск интереса к истории Академии наук наблюдался в середине XIX в., что явилось, по словам Б.В. Левшина, «как бы вторым открытием Архива»⁴. В результате этого регулярно стали публиковаться сборники документов и исторические исследования: два тома «Сборников документов для истории Академии наук» (1865 г.), восемь томов «Истории Российской Академии наук» (1877—1887 гг.), десять томов «Материалов для истории императорской Академии наук» (1885—1900 гг.), четыре тома «Протоколов Академии наук» (1885 г.) и др. Работа Архива во второй половине XIX — начале XX в. была связана с именами В.П. Шемиота,

Б.Л. Модзалевского и С.Ф. Ольденбурга. После Октябрьской революции Академия наук сохранила статус ведущего научного учреждения, а Архив смог расширить свои функции и задачи. В периоды Гражданской войны и Великой Отечественной войны особо важной становилась задача сохранения ценнейших документов Архива, с чем прекрасно справились его добросовестные работники, несмотря на крайне трудные условия. Человеческий фактор всегда был на высоком счету в архивном деле, что Б.В. Левшин подчеркнул особо: «...как бы ни ценен был архивный материал, сам по себе, без людей, он является мертвой силой. Живой силой являются люди. Они приводят в действие накопленные научные ценности...»⁵.

В послереволюционный период архивные хранилища Москвы и Ленинграда пополнились 700 тыс. различных дел, которые необходимо было принять, упорядочить и сделать доступными для пользования. Как было отмечено в докладе, советская власть способствовала качественной работе Архива Академии наук, решая вопросы создания документальной базы по истории советской науки, внедрения в работу архивов современной техники, расширения базы источников путем публикации документов.

К 250-летию юбилею Архив подошел с четким разделением двух исследовательских направлений: 1) разработка архивно-методических вопросов для организации документооборота; 2) разработка документации архивного фонда, включая издание путеводителей по фондам, публикацию научного и эпистолярного наследия ученых, создание монографических трудов. Все это осуществлялось силами сотрудников Архива. Кроме того, двери читального зала Архива были открыты для исследователей разных профилей. Левшин в докладе привел интересную статистику: «За советские годы в Архиве Академии наук работало более девяти тысяч исследователей, в том числе 150 иностранцев. 55 тыс. раз они приходили в Архив. Им было выдано 222 308 дел. На материалах Архива создано свыше десяти тыс. исследований, наведена 63 681 справка. В читальных залах Архива АН СССР ежегодно работает до 500 исследователей»⁶.

Завершился доклад обозначением дальнейших направлений в работе Архива. Сюда вошло решение вопросов по усилению методической работы, связанной с обработкой документов, построением научно-справочного и учетного аппарата; по обеспечению сохранности архивных документов, их введения в научный оборот, в том числе при помощи техники (электрографические и другие копировальные машины); особому комплектованию кино-, фото- и фоно- материалов; увеличению популяризации архивных документов путем издания сборников, организации тематических выставок, записи радио- и телепередач. Таким образом, Б.В. Левшину в выступлении удалось не только отразить важные достижения и сформулировать основные задачи архивного дела, но и уловить его перспективные направления, которые получили активное развитие в дальнейшем, благодаря применению более современных технических средств⁷.

На заседании прозвучали поздравления от 32 организаций. С приветственным адресом от Президиума Академии наук СССР выступил заместитель главного ученого секретаря Президиума академик А.В. Фокин, от Археографической комиссии — председатель комиссии С.О. Шмидт, от Московского государственного историко-архивного института — А.И. Комиссаренко, руководители государственных архивов В.В. Цаплин, М.И. Автократова, Н.Б. Волкова и другие, были зачитаны поздравительные письма и телеграммы. Выступавшие отметили плодотворную работу опытного коллектива Архива АН СССР, активное сотрудничество с другими архивами и

научными учреждениями, часто звучали пожелания скорейшего переезда в новое, более просторное здание⁸. Вслед за этим последовало торжественное награждение почетными грамотами сотрудников Архива. После чего всем участникам встречи было предложено осмотреть выставку, приуроченную к 250-летию Архива и организованную здесь же, в Доме ученых. Заседание, аналогичное московскому, состоялось вско-ре (24 января 1978 г.) и в Ленинграде.

Празднование юбилея академического архива нашло отражение на страницах печатных изданий. Первая обстоятельная статья была написана Б.В. Левшиным еще в 1974 г. под заглавием «Архив Академии наук СССР (к 250-летию АН СССР)»⁹. В ней подробно прослеживается история создания Архива и представлены основные фонды хранения, описана специфика работы учреждения. Материалы статьи составили впоследствии основу вышеобозначенного доклада на заседании в Московском Доме ученых. Уже после проведения заседания в «Вестнике академии наук СССР» вышла подробная статья «250-летие Архива Академии наук СССР»¹⁰. Небольшие заметки были напечатаны также в газете «Известия»¹¹ и журнале «Огонек»¹².

250-летняя вежа, торжественно отмеченная и публично признанная коллегами-архивистами, позволила закрепить за Архивом АН СССР статус первого научного архива страны и во многом стала стимулом для его дальнейшего развития. На основании этого опыта в начале XXI в. дню рождения Архива РАН¹³ придается особое значение. Архив праздновал свое 275-летие и 280-летие в 2003 г. и 2008 г. соответственно. В нынешнем году (2013 г.) — 285-летие. При этом с каждым разом расширяется круг проводимых мероприятий. Помимо ставших традиционными заседания Ученого совета и организации сопутствующих выставок появилась новая, востребованная временем тенденция — проведение международных конференций (с последующим изданием сборников). В современном информационном обществе обмен научными знаниями на профессиональном уровне особенно актуален. Подобный диалог архивных работников позволяет делиться опытом, решать общие насущные проблемы и привлекать внимание общественности к уникальным архивным коллекциям. Таким образом, юбилейные и круглые даты, приобретают вполне очевидное практическое значение в жизни Архива, выполняя коммуникативную и популяризаторскую функции.

¹ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 273. Л. 88.

² Ученый совет Архива АН СССР был учрежден в 1937 г. В его функции входило: определение основных направлений научной деятельности Архива, обсуждение докладов, планов научных работ, изданий, вопросов использования документов и т.д., утверждение отчетов по деятельности Архива.

³ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 273. Л. 40—64. Впоследствии доклад был опубликован — см.: К 275-летию Архива Российской Академии наук: «...Драгоценный для истории науки Архив...» // Вестник архивиста. 2003. № 1(73). С. 254—267; № 2(74). С. 172—189.

⁴ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 273. Л. 46.

⁵ Там же. Л. 43.

⁶ Там же. Л. 61.

⁷ К настоящему времени создан программный модуль «Турет», разработана информационная система Архива (ИС АРАН), ведутся проекты электронной библиотеки, виртуальных выставок и т.д.

⁸ В итоге переезд Архива АН СССР в новое здание состоялся только в 1984 г.

⁹ Советские архивы. 1974. № 2. С. 17—25.

¹⁰ Вестник АН СССР. 1978. № 7. С. 93—101.

¹¹ Известия. 1978. № 14 (18774). С. 3.

¹² Огонек. 1978. № 4.

¹³ В 1991 г. Архив АН СССР был переименован в Архив РАН.

Формирование, описание и использование поливидовой коллекции полевых материалов Архива РАН

Создание поливидовых архивов или коллекций в России является, как правило, результатом целенаправленного комплектования фондов или научно-собирательской деятельности исследовательских институтов (подразделений). Наиболее ярким примером может служить Российский научно-исследовательский центр космической документации, созданный в 1974 г. и вошедший в структуру РГАНТД. В составе его документов научно-технические, фототелеметрические, машиночитаемые, кино-, фото-, фоно- и видеодокументы.

Близкой к коллекции Архива РАН по тематике является архив традиционной культуры старообрядцев Верхокамья межкафедральной археографической лаборатории Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, созданный в результате 45 лет комплексных археографических экспедиций МГУ. В состав этого архива помимо традиционных, входят так называемые технотронные документы. В это собирательное понятие принято включать «все существующие в природе виды и разновидности научно-технической, аудиовизуальной и электронной документации»¹. В архиве археографов МГУ это документы, созданные и читаемые при помощи технических устройств — видео, фото, аудио и электронные документы. При формировании подобных собраний возникает целый ряд трудностей как методического характера, так и связанных с проблемой использования фондов — обеспечения их доступности для широкого круга исследователей.

Поливидовая коллекция полевых материалов Архива РАН 2003—2012 гг. сформирована в результате работы сотрудников Архива в трех академических проектах. В 2003—2005 гг. в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» был реализован проект «Соседство старообрядцев-беспоповцев с челканцами и шорцами на Алтае и удмуртами в Прикамье: коммуникация в религиозном, национальном, историческом контекстах»; в 2006—2008 гг. по Программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории» осуществлен проект «Духовные и материальные аспекты бытования традиционной культуры старообрядцев-беспоповцев в иноверном и инокультурном окружении. На примере четырех регионов Европейской России и Западной Сибири (XX—XXI вв.)». Затем в 2009—2011 гг. работа была продолжена по проекту «Путь старообрядцев-беспоповцев из Поволжья в Западную Сибирь и на Кубань: утраты, приобретения, внутренние противоречия, взаимодействие с “миром”. XIX—XXI вв.» Программы ОИФН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей». В результате исследований, проведенных в рамках трех названных проектов, в Архиве РАН сложилась поливидовая коллекция полевых материалов Архива РАН 2003—2012 гг., в которую вошли видеозаписи (62 часа) на кассетах Digital 8 и MiniDV, а также в формате MPEG4; аудиозаписи (284 часа) в форматах WMA, DSS и MP3, фотографии (7250 ед.) в форматах JPG и CR2, полевые дневники (10 п.л.) и письма староверов (14 ед.), в том числе 3 письма А.К. Лыковой. Ведется работа по подготовке Каталога коллекции полевых материалов Архива РАН 2003—2012 гг.

Особенностью коллекции полевых материалов является интерконфессиональная (старообрядчество четырех беспоповских согласий, православие, шаманизм) и многонациональная (русские, челканцы, шорцы, удмурты) принадлежность представленных документов, а также разнообразие носителей документальной информации (рукописи, в том числе письма, рукописные полевые дневники и электронные текстовые документы — полевые дневники с 2005 г., фотопленка, цифровая фотография, цифровые видеозаписи на магнитной пленке и в виде электронных файлов, аудиокассеты, цифровые аудиозаписи).

В настоящий момент перед нами стоят следующие задачи: 1) аннотирование документов по видам носителя документальной информации с использованием методик описания фотографий, видеофонограмм и т.д.²; 2) создание базы данных коллекции по пяти видам документов: фотографии, видео и аудиозаписи, рукописи и полевые дневники; внедрение этой информации в Информационную систему архива РАН и 3) обеспечение открытого доступа к информации исследователям, работающим в читальном зале АРАН. Кроме того, предстоит создать сквозные именной и географический указатели к коллекции, что позволит сократить время поиска информации для исследователей, обращающихся в читальный зал Архива.

В ходе работы по описанию коллекции идет подготовка к публикации сборников документов из поливидовой коллекции полевых материалов Архива РАН. В настоящее время осуществлена публикация видеоматериалов в книге «Чулеш и Килинск, XXI век. Межкультурная коммуникация старообрядцев-беспоповцев, челканцев и шорцев. Полевые материалы 2001—2005 гг.»³, где апробированы методики аннотированной расшифровки полевых видеозаписей, вошедших в состав коллекции архива. Кроме того, материалы коллекции были представлены на выставках «Здравствуйте! — Эзен! — Здорово живем», прошедшей в декабре 2007 — январе 2008 г. в выставочном зале Архива РАН и на выставке «Путь старой веры: материалы экспедиций 2002—2012 гг.», прошедшей в марте—апреле 2013 г. в Музейно-выставочном центре города Кирово-Чепецка.

Коллекция Архива РАН будет пополняться не только полевыми материалами, но и фильмами, созданными на основе полевых видеосъемок. Так, в ходе обработки материалов уже подготовлена серия фильмов «Дела духовные»: «Шить лестовку» (12 мин.), «Мыть иконы» (12 мин.), «Саван» (7 мин.), автор Н.В. Литвина. А также фильмы «Соседи» (26 мин.) о взаимодействии детей-староверов и детей-челканцев в поселке Чулеш Горной Шории и фильм «Замуж» (15 мин.), о судьбе старообрядки Н.Д. Безгодовой из Верхокамья того же автора.

К методическим трудностям, возникающим при формировании нашего собрания, в первую очередь относится разработка системы перекрестных ссылок, позволяющих организовать доступ к нескольким источникам, характеризующим одно событие. В качестве примера приведем тексты, которые являются расшифровками двух видеозаписей, описывающих ситуацию крещения девушки-шорки в старообрядчество.

ГШ-2005. Килинск. Видео. Разговор с **Федором Александровичем Каракуловым** (1980 г.р.) старообрядцем «духовного часовенного» согласия и **Валентиной Викторовной Каракуловой** (1987 г.р.), его женой. Съемка на крыльце дома. Яркое солнце. Дом — двухквартирный брусовой. Валентина в юбке и кофте с длинным рукавом, несмотря на жаркую погоду, на голове платок. Федор — без бороды⁴.

Вопрос о реакции Фединых родителей на его женитьбу.

Федор: Никого не спрашивал.

Ну, родители все равно ведь в курсе?

Федор: Потом-то и всё. Сперва-то чё-то это... Потом, вроде, всё. Сперва-то мы в городе жили.

То есть вы вообще в тихушу все сделали?

[Улыбаются.]

Федор: Да. Мы около года почти в городе прожили, потом сюда переехали уже. Сейчас нормально.

Ну, все равно ведь пришлось креститься.

Федор: Крестилась, ну.

[Поворот камеры в сторону Валентины.]

Расскажите! [Улыбаются].

Валентина: А чё рассказывать, например?

Ну, как? Чего одевать, куда водили, кто крестил.

Валентина: Одевала я платье длинное, платок также одевала. В речке крестили. [Мужу.] В сентябре, или как?

Федор: В августе. Ну, не знаю я.

Валентина: Ну, или в августе. Ночью уже.

Ночью? Обязательно?

Валентина: Да.

А кто крестил?

Федор: Дед там один. А он один ходит, не смотрит, ничё, уходит и всё. Он там какие-то молитвы читает и всё.

Валентина: За кусты сам уходит. Ну, ночью ничё не видно.

А там же нужно поворачиваться, мне говорили.

Валентина: В воду заходишь, три раза там поворачивайся. Он там тебе слова говорит, три раза поворачиваешься. Меня сперва покрестили, потом уже дочь покрестили. А так бы меня не покрестили, и дочь бы не покрестили.

Нельзя было бы?

Валентина: Не-а.

Ну, надо же! А ребенок чем виноват?

Федор: Не знаю, чё там...

Федя, а тебя по Святцам называли?

Федор [улыбается]: А, наверно, я не знаю.

А вас переименовывали при крещении? [Вопрос Валентине.]

Валентина: Нет, так и оставили. Ну, кто говорит, что можно, кто говорит, что нельзя. Я осталась.

А это было обязательное условие, креститься? Или добрая ваша воля?

Федор: Нет, почему обязательное? Что это, обязательно, что ли?

Валентина: Просто сами согласились.

Федор: Сама она.

Валентина: Согласилась. Я и так крещёная не была, а тут покрестилась уже.

ГШ-2005. Кишинев. Видео. Фрагмент разговора с **Лаврентием Евграфовичем Каракуловым** (1931 г.р.) — старообрядцем «духовного часовенного» согласия, дядей Федора Каракулова. Хозяин дома переносил шифер — освобождал стопу кирпичей для ремонта печи. В начале съемки присел отдохнуть на крыльце. Июнь. Жаркий день⁵.

Л.Е.: Племяш, вон, на шорке женился, может, слышали. Мы вот все были и родня — против. Но вот что ты, его воля. Но вот, вы на Зайцевом посёлке не были?

Нет.

Л.Е.: Там шорка жила, она давно уже умерла. Где она там жила — я не знаю, на Алтае или ещё где, но была около верующих. А потом стала проситься, чтобы её учи-

ли, разъясняли, что к чему, как чего, так это оно или не так. Ну, ей разъясняли, всё она поняла и уверовалась. И перешла к йим в Заячий посёлок, и там с бабками жила эта шорка. Потом её окрестили, приняли в веру, и так она умерла как верующая. И так за неё как за покойную поминают, молятся всё. И потом ещё рассказывали, на Урале, тут у нас грамотная женщина с Урала, так рассказывала — там тоже. Там шорец, опять мужчина, тоже поверовал и перешёл, ну, как монастырь там, в иноки. Инок в пустыне жил, пустынный. Ну а, так сказать, в жизни... Ну, работать в детстве приходилось с шорцами и так, до этих пор, считай. Некоторые шорцы есть добросовестные, лучше, чем наш брат. Ну, есть, конечно, и бродяга. Вот один живёт, ну, чё он. И сам, и детишки, оставит им [поручение] — пошариться, где куры, где чего.

А почему родня была против Фединога брака с шоркой?

Л.Е.: Ну, как сказать. Во-первых, не верующая, а во-вторых, нация совсем другая. Вот у нас один внук в Таштаголе жил, тоже самое. Её отец немец, ну она-то русская. Много теперь таких. Всё перемешалось. Ну а как для души спасение — вот, примерно, всяких наций... [Возможно для всех. — *Н.Л.*] Вот, как в книгах написано: и евреи, и грузины, и болгары, и чехи... Вот немцев почему-то не встречается, не знаю. Они, как у нас православные, не приняли. Не знаю, как сейчас, что у них сейчас есть верующие, в основном же это — католическое. А это, как православное, нет. Они даже вот в церкви, как обычно, гражданские, ну, городские, и то они не ходят. Вот я знаю, на Каменушке там живут, они своими там собираются и служат, а в церковь тоже не ходят.

Ну, Валю ведь покрестили в вашу веру.

Л.Е.: Ну, чего, это дело я не знаю, не участвовал.

Ну, ведь иначе бы их не благословили вовсе.

Л.Е.: Я не знаю, не могу сказать, благословляли, нет их.

А маленькую девочку?

Л.Е.: Не могу сказать, я не участвовал. Мы с бабкой стараемся жить как-то за стенкой.

Приведенный пример демонстрирует также необходимость учитывать проблемы интерпретации источника, создаваемого во взаимодействии конкретного исследователя с респондентами и чрезвычайно субъективного по сути.

Подчеркнем, что открывая доступ к полевым материалам, необходимо позаботиться о конфиденциальности тех сведений, которые прозвучали в беседах, но не были рассчитаны на широкую огласку. Это особенно касается разговоров со староверами.

¹ *Мазидов В.М.* Технотронные архивы и документы в терминологическом ракурсе // Технотронные архивы в современном обществе: наука, образование, наследие (Материалы научно-практической конференции, посвященной 10-летию факультета технотронных архивов и документов). М., 2004. URL: <http://ftad.ru/library/ftad10/19.shtml> (дата обращения: 09.09.2013).

² Общие требования к описанию архивных документов // Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук. М., 2007. С. 97–98; Инструкция о порядке отбора и передачи на государственное хранение кинодокументов и видеофонограмм, образующихся в деятельности киновидеоорганизаций. М., 1994. URL: <http://www.alppp.ru/law/obrazovanie--nauka--kultura/kultura/26/instrukcija-o-porjadke-otbora-i-peredachi-na-gosudarstvennoe-hranenie-kinodokumentov-i-vid.html> (дата обращения 09.09.2013).

³ *Бойко И.В., Литвина Н.В.* Чулеш и Клиник, XXI век. Межкультурная коммуникация старообрядцев-беспоповцев, челканцев и шорцев. Полевые материалы 2001—2005 гг. М., 2006.

⁴ Там же. С. 26–27.

⁵ Там же. С. 24–25.

Архивные документы Кольского научного центра РАН и их место в социальной истории: 55 лет Научному архиву КНЦ РАН

Рассматривая историю не столько как науку, сколько как культурную составляющую совокупности знания о той или иной эпохе, можно заметить, что потребность в ней всегда определялась, прежде всего, государственными интересами. «Над историей мы не властны, но извлекать из нее уроки обязаны», эти слова, сказанные недавно ушедшим из жизни видным отечественным историком Е.В. Старостиным, пожалуй, наиболее точно определяют предназначение российского историка-архивиста, хранителя исторической памяти о прошлом¹.

Важная составляющая культуры Российского государства — отечественная наука, берущая начало от Российской академии наук, опыт истории развития которой вот уже 285 лет хранит Архив Российской академии наук. По определению председателя Архивного совета РАН В.П. Козлова, хорошо известного архивной общественности не только как историка, археографа и педагога Историко-архивного института РГГУ, но и руководителя в пореформенные 1996–2009 гг. архивной службы России, знающего специфику архивной отрасли до мельчайших подробностей, Архив РАН — «один из старейших архивов России и старейший из архивов, сохраняющих научную документацию», причем «такого академического архива, по объемам хранящихся в нем исторических документов, не существует в мире»². Многовековой сохраненный опыт научных знаний Российской академии наук, по своим масштабам не имеющей аналога ни в одной стране мира, может и должен быть востребованным в набирающем обороты XXI в., когда на фоне внедрения в жизнь новых технологий мы наблюдаем в то же время глубокие социальные катаклизмы и опасность глобальной экологической катастрофы планетарного масштаба.

Кольская академическая наука, создавшая в XX в. прочный фундамент для развития комплексных научных исследований Академии наук в Баренцевом Евро-Арктическом регионе, в течение более чем 80-летней истории Кольского научного центра РАН (КНЦ РАН) накопила обширную базу данных по истории научного и промышленного освоения природных богатств Арктики. Документальное наследие деятельности ученых хранится в Научном архиве Кольского научного центра Российской Академии наук (НА КНЦ РАН), созданном 55 лет назад во исполнение Распоряжения № 41 от 14 октября 1957 г. и приказа по Кольскому филиалу АН СССР № 149 от 26 ноября 1957 г.³ Документы Архивного фонда КНЦ РАН (АФ КНЦ РАН) являются частью Архивного фонда Российской академии наук (АФ РАН) и включают научную документацию учреждений КНЦ РАН по проводимым ими научным направлениям; управленческую документацию, отражающую научно-организационную деятельность и координации фундаментальных исследований учреждений КНЦ РАН; фото-кино-техническую и электронную документацию учреждений КНЦ РАН, личные документы выдающихся ученых и организаторов науки на Кольском полуострове. Организация архивного дела изначально определялась и направлялась реше-

ниями Производственного совещания при экономическом секторе АН СССР в соответствии с «Положением об архивохранилищах филиалов и баз АН», утвержденным 4 июня 1933 г. Постановлением заседания Президиума АН СССР научный архив подлежал организации при «непосредственном ведении ученого секретаря филиала (базы) и специально назначенном работнике филиала (базы) при согласовании с Архивом РАН». «Архивно-методическое руководство» архивом осуществлял Архив АН СССР⁴.

Архивные материалы Хибинской исследовательской горной станции и ее премника Кольской базы АН (КБАН) СССР за 1930–1935 гг. были собраны в составе «научного архива материалов по Кольскому полуострову» ученым секретарем Кольской базы А.М. Оранжиревой в 1935 г., они составили ядро Архивного фонда КНЦ и хранились в соответствии с «академической» спецификой — без передачи в государственные архивы до создания архива как подразделения в 1957 г.⁵ Весь довоенный период АФ КНЦ РАН комплектовался и хранился разрозненно в подразделениях, входивших в штат КБАН-КФАН СССР, таких как: «Секретная часть и фонды»⁶, «Научная библиотека и научные фонды»⁷. Работа по формированию Архивного фонда проходила под постоянным контролем со стороны Архива АН СССР. Архив АН СССР под руководством выдающегося организатора архивного дела в СССР Г.А. Князева разработал и внедрил в Академии наук одно из первых учебных пособий по архивному делу в СССР — «Теория и техника архивного дела (Опыт систематического руководства)» к документальным комплексам Архива Академии наук, где целый раздел был посвящен научно-справочному аппарату архивов⁸. Работа по формированию АФ КНЦ РАН была приостановлена лишь в годы Великой Отечественной войны, когда вместе с КБАН СССР архив документальных материалов был эвакуирован в Сыктывкар Коми АССР и вернулся на Кольский полуостров по окончании военных действий в составе восстановленной КБАН СССР в 1944 г.

В послевоенные годы расширение системы учреждений АН СССР обусловило новый этап в развитии архивного дела, руководством Академии было принято шесть специальных решений о создании документальной базы истории науки, внедрения в работу архивов «современной техники, определения правового положения архивов Академии наук, регламентации их деятельности, расширения круга исторических источников»⁹. Переписка Архива АН СССР с КФАН СССР в 1950-е гг. о необходимости организации архива свидетельствует о неустанном внимании к вопросам архивной службы, что видно из запросов Архива о состоянии организации архива в Филиале и ответного письма из Президиума КФАН о готовности «внести в проект штатного расписания КФАН СССР на 1953 г. должность заведующего научными фондами и архивом и предоставить отдельное помещение под архив»¹⁰. В 1957 г. Научный архив вошел в структуру Кольского филиала АН СССР уже как самостоятельное научно-вспомогательное подразделение — во исполнение распоряжения председателя Президиума Кольского филиала АН СССР А.В.Сидоренко № 41 от 14 октября 1957 г. и приказа по Кольскому филиалу АН СССР № 149 от 26 ноября 1957 г. «Об организации научных фондов и архива». Первой заведующей Научным архивом КФАН стала М.Ф. Котлова, инспектор спецотдела КФАН¹¹. Архив АН СССР обеспечил КФАН СССР нормативно-методической литературой: «Правилами работы архивов учреждений, организаций и предприятий», утвержденными приказом МВД СССР от 1 июня 1956 г. № 360; академическим «Классификатором научно-организационной и деловой документации (делопроизводства) учреждений АН СССР» (1955 г.) и «Перечнем документальных материалов, образующихся в дея-

тельности АН СССР, учреждений и организаций ее системы с указанием сроков хранения материалов» (1954 г.)¹². Особенностью организации архивной службы КФАН СССР явилось присутствие в структуре архива «спецфонда», что определялось спецификой предыдущей организации комплектования архивного фонда при спецотделе и научной библиотеке, а также большим количеством материалов с ограничительным грифом «для служебного пользования». Согласно приказу КФАН СССР № 149 от 26 ноября 1957 г. был обозначен комплекс документов для хранения в Научном архиве, как «открытого, так и закрытого характера, подлежащих передаче из научной библиотеки, 1-го отдела и структурных подразделений». К концу 1959 г. в архив поступило 1200 единиц хранения, которые хранились в помещении «с зарешеченным окном, обитой железом дверью, оборудованном стеллажом и шкафом для хранения документов». Приказом по Филиалу № 19 от 3 февраля 1959 г. была создана экспертная комиссия для экспертизы научной и практической ценности документов Филиала в целях отбора на хранение в Архив, было разработано и утверждено «Положение об Архиве при Кольском филиале АН СССР»¹³. Положение обозначило состав Архивного фонда, определило должностные и правовые функции Архива по приему, учету, хранению документов и их использованию.

В 1960-е гг., когда были заложены принципы построения единой системы научно-справочного аппарата к документам государственных архивов и опубликованы «Основные правила постановки документальной части делопроизводства и работы архивов учреждений, организаций, предприятий СССР (М., 1962), Научный архив КФАН включился в работу по организации системы научных архивов в учреждениях КФАН СССР. Этому способствовало Постановление № 639 от 10 августа 1962 г. «Об обеспечении сохранности, состоянии и использовании документальных материалов в учреждениях Академии наук СССР», которое утвердило методический центр системы архивов АН СССР — Архив АН СССР, преобразованный из Московского отделения Архива АН СССР, и определило программу первоочередных задач академической архивной службы¹⁴. В апреле 1963 г. директором Архива АН СССР был назначен Б.В. Левшин, сменив на этом посту своего учителя Г.А. Князева, оставшегося руководителем Ленинградского отделения Архива. Вслед за Постановлением Совета Министров СССР от 25 июля 1963 г. № 829 «О мерах по улучшению архивного дела в СССР» в АН СССР вышел ряд постановлений и распоряжений по укреплению централизованной академической архивной службы и развитию ее на правовой основе. Распоряжением № 3-1286 от 27 августа 1963 г. Президиума АН СССР «О мерах по улучшению архивного дела в АН СССР» институты и учреждения АН СССР обязывались в короткие сроки привести в порядок архивные материалы с последующей передачей в установленном порядке на постоянное хранение; укрепить архивы квалифицированными кадрами; обеспечить архивы пригодными для хранения помещениями; Распоряжением по АН СССР № 18 от 3 октября 1963 г. было утверждено «Положение об Архиве АН СССР» с правом постоянного государственного хранения документальных материалов АН СССР. Это положение касалось академических научных архивов региональных центров АН СССР, в том числе Научного архива КФАН СССР и обозначило его положение на территории Мурманской области с вверенным ему правом осуществлять постоянное хранение документов КФАН СССР без передачи в государственный архив (филиал госархива Мурманской области в г. Кировске). Одной из важнейших задач Научного архива стало осуществление методического контроля за работой делопроизводственных служб Филиала для достижения полноты комплектования Архивного фонда КФАН¹⁵. Эти

меры отвечали запросу времени, так как к началу 1960-х гг. Кольский филиал превратился в комплексное учреждение, включавшее несколько научных институтов, дополнивших перечень фондообразователей Научного архива КФАН СССР. Кроме того, в 1960-е гг. Кольский филиал из Кировска перебазировался в Академгородок в г. Апатиты, построенный в «Новом городе», уже позднее, в 1966 г., получившем статус города. Научный архив был переведен в главный административный корпус Кольского филиала (Ферсмана, 14) в 1964 г., расположившись в помещениях цокольного этажа с окнами на центральную городскую площадь Ленина. За счет расширения производственных площадей улучшилась материальная база Архива. Такое положение во многом стало возможным благодаря постоянной поддержке методического центра — Архива АН СССР, что способствовало увеличению штата Научного архива до трех человек и положительному решению вопросов создания научных архивов с постоянно-переменным составом документов при учреждениях — в ММБИ и ПАБСИ, а также в ПГИ, имеющих свои структурные подразделения в разных частях Кольского полуострова. Постановлением по Президиуму КФАН СССР (протокол № 27 от 21 октября 1966 г., пп. 4, 5) об организации архивов «с оперативной научной и делопроизводственной документацией» в Мурманском морском биологическом институте, а также в «территориально разбросанном» Полярном геофизическом институте руководство указанных учреждений было обязано «выделить специальных сотрудников для оформления и ведения архивов» и обеспечить помещения под архивы¹⁶. Научный архив был организован в ПАБСИ по месту нахождения в г. Кировске несколькими годами ранее — приказом № 7 по ПАБСИ от 25 февраля 1960 г., тогда же было утверждено положение о научном архиве ПАБСИ (протокол № 18 заседания Президиума Филиала от 12 ноября 1960 г.). Все эти меры поэтапно разрабатывались и решались под руководством КФАН при согласовании с Архивом АН СССР в целях создания оперативно действующей системы научных архивов с использованием фондовой модели.

В 1970-е гг. Научный архив вошел с численностью 15 466 ед. хранения (по данным на 1 января 1971 г.). Список фондообразователей Архива состоял из восьми фондов — по числу учреждений и личного фонда профессора П.Н. Чирвинского, полученного в дар:

1. Президиум ордена Ленина Кольского филиала им. С.М. Кирова АН СССР. Фонд № 1.
2. Геологический институт ордена Ленина Кольского филиала им. С.М. Кирова АН СССР (ГИ). Фонд № 2.
3. Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья ордена Ленина Кольского филиала им. С.М. Кирова АН СССР (ИХТРЭМС). Фонд № 3.
4. Личный фонд профессора П.Н. Чирвинского. Фонд № 4.
5. Полярно-альпийский Ботанический Сад-институт ордена Ленина Кольского филиала им. С.М. Кирова АН СССР (ПАБСИ). Фонд № 5.
6. Горный институт ордена Ленина Кольского филиала им. С.М. Кирова АН СССР. Фонд № 6.
7. Полярный геофизический институт ордена Ленина Кольского филиала им. С.М. Кирова АН СССР (ПГИ). Фонд № 7.
8. Мурманский морской биологический институт ордена Ленина Кольского филиала им. С.М. Кирова АН СССР (ММБИ). Фонд № 8.

Одним из важнейших направлений работы Научного архива в 1970-е гг. было «содействие постановке документирования деятельности учреждения АН СССР, вклю-

чая цикл работ от разработки номенклатуры учреждения и его подразделений и контроль за делопроизводством канцелярий». Весь цикл работ — от формирования дел документов с постоянными сроками хранения до отбора документов с временными сроками хранения к уничтожению — опирался на «Типовую инструкцию по организации и ведению делопроизводства в учреждениях АН СССР», утвержденную Распоряжением Президиума АН СССР № 14100-1867 от 8 декабря 1974 г. В 1971 г. в результате подготовительной работы в Архиве АН СССР Президиумом Академии наук СССР было издано Распоряжение «О порядке и сроках представления номенклатур дел учреждений АН СССР», в соответствии с которым были утверждены типовые номенклатуры дел с указанием индексов по «Классификатору...» 1955 г. и статей «Перечня...» 1969 г., а также отдельных статей «Перечня...» 1954 г.¹⁷ Введение типовых номенклатур дел для различных учреждений и организаций Академии наук способствовало созданию более качественных описей и унификации заголовков дел.

Такая нормативно-методическая база позволила обеспечивать полноту комплектования архивными документами, принимаемыми в Научный архив на постоянное хранение от учреждений Филиала. Документы управленческой деятельности из канцелярий сдавались в Архив спустя два года по окончании делопроизводственного года (как правило, совпадавшего с календарным). Прием проводился с полистным просмотром правильности оформления согласно Единой государственной системе делопроизводства. Прием научной документации проводился по описи, от подразделений КФАН (например, Отдела экономики и Отдела энергетики при Президиуме КФАН), итоговые научные отчеты принимались по окончании проведения научно-исследовательских работ (НИР) на инвентарный учет с последующим включением их в сводную опись соответствующего подразделения. В ходе этой работы Научный архив выполнял функцию организатора экспертизы документов к выделению на постоянное или долговременное хранение, а также — к уничтожению с временными сроками хранения как утративших практическую ценность с оформлением актов. Согласно положению об экспертных комиссиях научных учреждений и Центральной экспертной комиссии КФАН СССР (1977) в Филиале и его учреждениях были созданы экспертные комиссии (ЭК) во главе с учеными секретарями учреждений. Работа этих комиссий проходила при содействии и методической помощи Научного архива. Все описи дел постоянного и долговременного хранения и акты на уничтожение документов после утверждения ЭК рассматривались на заседании Центральной экспертной комиссии Филиала (ЦЭК), а затем представлялись на утверждение Совета по комплектованию и использованию документов (СКИД) АН СССР — в Архив АН СССР. Такая практика обеспечивала не только полноту комплектования академического архивного фонда, но и поддерживала высокий уровень качества оформления основных учетных документов, содействуя постоянному росту профессионализма работников делопроизводственных служб.

В 1970-е гг. в Научном архиве была проведена работа по созданию межфондовых каталогов с целью создания оперативной информационно-поисковой системы к документам архива: был разработан тематический каталог, в частности, его разновидность — каталог по истории учреждений, и предметные каталоги: именной — на научные документы и личный состав Филиала; географический — на научные документы по объектам научных исследований. При создании каталогов применялись подокументный (приказы по личному составу, распоряжения по основной деятельности) и поединичный (научные отчеты о законченных НИР) способы описания, основой для описания являлся предмет или конкретная тема. При объеме ежегодных посту-

плений в 1968—1979 гг. 1,5—2 тыс. ед. хр. Архив производил в год свыше 3 тыс. каталожных карточек. Помимо каталогов, в Архиве были подготовлены информационные справочники по фондам: в 1968 г. при участии сотрудников архива Президиумом КФАН был издан как ротапринтное издание для внутреннего пользования с грифом «Для служебного пользования» первый справочник по фондам Научного архива — «Библиографический аннотированный указатель научных трудов (1931—1966)»; в 1975 г. на правах рукописи для внутреннего пользования был составлен справочник «Обзор о составе документального фонда архива ордена Ленина Кольского филиала им. С.М. Кирова АН СССР»¹⁸.

Такая активная деятельность по комплектованию способствовала появлению проблемы загруженности архивохранилищ в Научном архиве: теснота помещений и их разделенность на три изолированных помещения общей площадью 83 кв. м привела к ситуации, когда это стало отрицательно сказываться на работе Научного архива. И тогда на помощь пришел Архив АН СССР, который прислал выездную комиссию для проверки выполнения постановления Президиума АН СССР № 514 от 24.06.76 г. «О мероприятиях АН СССР в связи с решением Президиума СМ СССР “О результатах проверки состояния учета и хранения архивных материалов в центральных государственных архивах СССР”», что во многом способствовало решению проблемы¹⁹. Комиссией было проведено обследование Научного архива КФАН, к ходе которого было установлено, что «имея на хранении более 32 тыс. ед. хранения и 100%-ю загруженность хранилищ, архив осуществлял прием и хранение документов не только с постоянными и долговременными сроками хранения, но временными сроками — до 10 лет». В то же время в решении СКИД АН СССР было отмечено, что «перегруженность архивохранилищ не позволяла брать на хранение личные фонды ведущих ученых КФАН и первичную научную документацию полевых экспедиций»²⁰. Рекомендации СКИД АН СССР были рассмотрены руководством КФАН, в результате чего был проведен ряд мероприятий по устранению недостатков в работе Архива: произведено перераспределение рабочих мест и должностных обязанностей в Архиве с выделением отдельного сотрудника на закрытую часть фондов, проведена пожаро-охранная сигнализация во все помещения архива с частичной реконструкцией помещений. Кроме того, Архив «очистился» от документов с временными сроками хранения — документами, историческая ценность которых, к сожалению, в тот момент оказалась недооцененной. Активизировался и процесс организации научных архивов с переменным составом при учреждениях КФАН, с начала 1980-х гг. были организованы научные архивы в Горном институте (1982), Геологическом институте (1984), Институте химии и технологии редких элементов и минерального сырья (1985), Полярном геофизическом институте (1985), Институте экономических проблем (1987). Таким образом, Научный архив превращался в методический центр архивной службы учреждений КФАН СССР, его особое право осуществлять постоянное хранение было закреплено в 1980 г. Положением об Архивном фонде Академии наук, включенном в Постановление Совмина СССР от 4 апреля 1980 г. № 274 в Перечне отраслевых государственных фондов, министерств, ведомств СССР и организаций, осуществляющих постоянное хранение документов Государственного архивного фонда СССР. Успеху работы по комплектованию и учету документов АФ АН СССР в системе архивов КФАН способствовало обеспечение в необходимом количестве изданным в 1981 г. Архивом АН СССР ведомственным «Перечнем документов со сроками хранения Академии наук СССР, ее учреждений, организаций и предприятий. Часть 1. Управленческая документация»²¹. Не смотря на то, что вторая часть Перечня «Научная докумен-

тация» оказалась не осуществленной, «Перечень... Часть 1...» и по сей день является надежным справочным пособием не только для делопроизводственных подразделений и архивных служб системы учреждений АН СССР, но и для ученых секретарей институтов, и всех, кому так или иначе приходится заниматься делопроизводством. В дополнение к «Перечню...» Президиумом Академии наук СССР в 1982 г. были разработаны и утверждены типовые номенклатуры дел научного учреждения АН СССР и оргкомитета международного конгресса, съезда, симпозиума, конференции²².

Созданная Архивом АН СССР действенная и высокопродуктивная единая система классификации управленческой документации, позволившая унифицировать процесс подготовки описей и заголовков дел в системе учреждений и организаций Академии наук способствовала укреплению материально-технической и кадровой базы архивной службы в АН СССР. По данным на 1985 г. Научный архив располагал производственными площадями общей площадью 106,2 кв. м с шкафами-стеллажами протяженностью 406 п. м. Численность архивного фонда Научного архива составляла 19 811 ед. хр. Штат состоял из трех сотрудников, обслуживающих два архивохранилища²³.

Особое место в истории архивной службы 1980-х — начала 1990-х гг. занимает практика проведения Архивом АН СССР Всесоюзных школ архивистов — в 1982 г. (пос. Борок Московской обл.), в 1985 г. (г. Баку Азербайджанская АССР) и в 1991 г. (пос. Борок Московской обл.), в работе которых принимали участие архивисты всей разветвленной системы Академии наук и в которых повысили квалификацию поочередно все работавшие в указанный период сотрудники Научного архива. Школы под руководством Б.В. Левшина проводили опытные специалисты архивоведения и документоведения — Н.М. Митрякова, Г.В. Мамонова, Г.И. Пронина (куратор Научного архива КФАН-КНЦ РАН), Т.Л. Молчанова, Т.М. Королева, М.С. Бастраков и другие, благодаря их усилиям на базе школ решалась проблема подготовки кадров и обеспечивалось стабильное состояние архивного дела АН СССР на долгие годы вперед. Фактическим подтверждением этого явилось проведение в 1985 г. Смотра сохранности Архивного фонда Академии наук СССР в системе учреждений АН СССР и в том числе в Кольском филиале, по итогам которого НА КФАН СССР был признан одним из лучших по организации архивного дела в системе научных архивов АН СССР, что все последующее время также определяло приоритеты его развития. В ходе Смотра окончательно сформировалась система научных архивов в институтах КФАН СССР: к вышеупомянутым уже существовавшим научным архивам Полярно-альпийского Ботанического сада-института в г. Кировске, Мурманского морского биологического института, Горного института, Геологического института, сформировались архивы Института химии и технологии редких элементов и минерального сырья и Полярного геофизического института. Позднее, с созданием в 1986 г. Института экономических проблем был образован научный архив (1987), с созданием в 1989 г. Института проблем промышленной экологии Севера была организована группа научно-технической информации, где также сформировался архив (1990).

В 1988 г. КФАН СССР был преобразован в Кольский научный центр им. С.М. Кирова АН СССР (КНЦ АН СССР) на базе существующих научных и других организаций Кольского филиала им. С.М. Кирова АН СССР согласно Постановлению Президиума АН СССР № 1113 от 27 сентября 1988 г.²⁴ С 1989 по 1991 г. в составе Центра были образованы новые научные учреждения: Институт информатики и математического моделирования технологических процессов (1989), Институт проблем промышленной экологии Севера (1989), Институт физико-технических

проблем энергетики Севера (1991), Кольский региональный сейсмологический центр (1991). Таким образом, список фондообразователей Архивного фонда КНЦ существенно увеличился и составил, согласно структуре Центра, 12 учреждений:

- 1) Президиум ордена Ленина Кольского научного центра им. С.М. Кирова Российской академии наук. Фонд № 1.
- 2) Геологический институт ордена Ленина Кольского научного центра им. С.М. Кирова Российской академии наук. Фонд № 2.
- 3) Институт химии и технологии редких элементов и минерального сырья. Фонд № 3.
- 4) Личный фонд профессора П.Н. Чирвинского. Фонд № 4.
- 5) Полярно-альпийский Ботанический Сад-институт. Фонд № 5.
- 6) Горный институт. Фонд № 6.
- 7) Полярный геофизический институт. Фонд № 7.
- 8) Мурманский морской биологический институт. Фонд № 8.
- 9) Институт экономических проблем. Фонд № 9.
- 10) Институт проблем промышленной экологии Севера. Фонд № 10.
- 11) Институт информатики и математического моделирования технологических процессов. Фонд № 11.
- 12) Институт физико-технических проблем энергетики Севера. Фонд № 12.

Социально-политические и экономические изменения в СССР, происшедшие в 1991 г., повлекли смену политической системы управления страной, разрушив сложившуюся структуру государственного и общественного устройства. Согласно Указу Президента РСФСР «Об организации Российской академии наук» от 21 ноября 1991 г. научные учреждения, находящиеся в составе АН СССР и расположенные на территории РСФСР, в том числе КНЦ АН СССР, были переданы в Российскую академию наук — правопреемницу АН СССР²⁵. Тем не менее право Академии наук хранить документы постоянно, не передавая их в государственные архивы, сохранилось²⁶. Постановлением № 125 от 21 июня 1994 г. РАН были утверждены положение об Архивном фонде РАН, положение об Архиве РАН, положение о научном архиве центра РАН и определены основные задачи в области архивного дела²⁷. Это положение с небольшими изменениями и дополнениями действует и на современном этапе.

Несмотря на переживаемые Кольским научным центром РАН экономические трудности, в Научном архиве в 1990-е гг. при неуклонном росте квалификации кадрового состава поддерживался и необходимый уровень состояния материально-технической базы: начиная с 1991 г. архив внедрил в практику новые информационные средства на базе современных технологий, способствовал приобщению НА КНЦ РАН к Полярному сообществу работников библиотечного и архивного дела — участию в международных коллоквиумах полярных библиотек и архивов (1994, 2010), а также в разработке научно-исследовательских проектов Центра гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН по истории деятельности Академии наук на Кольском Севере.

В 2000-е гг. Научный архив, развиваясь в реалиях нового постсоветского времени, поднял профессиональный уровень кадрового состава, дав первых кандидатов исторических наук в истории КНЦ РАН и Мурманской области по специальности 05.25.02 «Документалистика, документоведение, и архивоведение» (Макарова Е.И., 2000; Шабалина О.В., 2005).

Реформирование Российской академии наук в постсоветский период, а также повышение общественного интереса к истории отечественной науки на фоне тенденций

к рассекречиванию архивов бывшей КПСС и спецхранов органов государственной власти советского периода поставили на повестку дня задачи вовлечения в информационную систему поиска документной информации и внутри Архивного фонда РАН. Российская академия наук комплектует, учитывает и хранит свой Архивный фонд в 40 научных архивах (в числе которых и НА КНЦ РАН), традиционные учетные технологии, применяемые в архивах, уже не позволяют обеспечить централизованный государственный учет документов АФ РАН в полном объеме из-за их низкой эффективности. В 2004–2006 гг. Архив РАН разработал базу данных «Архив РАН», в результате были созданы специализированное программное обеспечение и современная технологическая среда, обеспечивающая доступ к документам АФ РАН, и методика предоставления архивных информационных ресурсов заинтересованным пользователям. В 2007 г. был создан программно-информационный комплекс «Информационная система Архива РАН», состоящий из четырех блоков баз данных: «Учет и каталог», «Лица-фондообразователи» и «Учреждения-фондообразователи», а также автономно-сетевое программное модуля «Тайпер», интегрированного в ИС АРАН.

10–14 ноября 2008 г. в Российской академии наук проходила международная научная конференция «Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры», участие в которой принимали и сотрудники КНЦ РАН. Открывая конференцию докладом «Архив Российской академии наук в XXI столетии», директор АРАН В.Ю. Афиани отмечал: «На пути академических архивистов в прошлом и настоящем стояли и стоят сложные проблемы. В каждую историческую эпоху архивист должен отвечать на вызовы времени. Среди серьезных задач настоящего и будущего я бы выделил проблему информатизации. Информационные технологии уже сейчас проникают во все традиционные направления работы архивистов, и многое в жизни архива сейчас уже немыслимо без использования этих технологий. Это уже не будущее, а настоящее архивного дела»²⁸.

В последующие годы ИС АРАН проходила всестороннюю тестовую проверку, после чего в 2012 г. на основе взаимосвязи с Группой информационных архивных технологий АРАН и НА КНЦ РАН пакет методической документации ИТ с программным обеспечением по наполнению контента был передан в Научный архив для апробации и внедрения. Данные первого уровня были внесены в страницу НА КНЦ РАН в Информационной системе «Архивы РАН» еще в Архиве РАН. Следующим шагом стало участие непосредственно сотрудников НА КНЦ в заполнении метаданных о составе и содержании АФ КНЦ РАН на уровнях «Фонд» и «Опись», которые необходимы для ведения электронного Центрального фондового каталога. Для достижения оперативности в работе сотрудник НА КНЦ был командирован в АРАН с целью консультаций в Группе информационных архивных технологий АРАН. Так, через тесное взаимодействие с Архивом РАН сегодня создается автоматизированный Научно-справочный аппарат (НСА) — база данных «Архив РАН», которая реализует все функции традиционной системы научно-справочного аппарата архива и предоставляет, по сравнению с традиционным НСА, более широкие возможности оперативного и многоаспектного поиска архивных документов Архивного фонда РАН. Характерно, что информационной составляющей автоматизированного НСА являются те же элементы описания различных уровней, что и для традиционной системы научно-справочного аппарата, разработанной в 1950-е гг. Г.А. Князевым. Более того, характеристики архивных фондов путеводителя «Архив Академии наук СССР», разработанного Г.А. Князевым, соответствуют современным требованиям к характеристикам архивных фондов в путеводителе по фондам архива.

В ходе комплексной проверки в Архиве РАН в ноябре 2012 г. ИС АРАН получила одобрение Росархива — главного органа архивной службы России. Идея утверждения базы данных региональных и научно-отраслевых архивов на Центральной экспертно-проверочной комиссии (ЦЭПК) получила поддержку, в положение о ЦЭПК РАН заложена новая процедура, и в этом процессе Научный архив РАН стал одним из первых участников. Так Научный архив КНЦ РАН встретил свое 55-летие на фоне 385-летнего юбилея Архива РАН, связанный одним общим делом развития и совершенствования архивной отрасли, цель которой сохранить и обеспечить обществу научной и культурно значимой информацией.

- ¹ *Старостин Е.В.* Архив ВЧК: Сборник документов // Отечественные архивы. 2009. № 1. С. 106.
- ² *Козлов В.П.* Архив Российской академии наук в контексте архивного дела России // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры: материалы Международной научной конференции. М., 2009. С. 26—27.
- ³ НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 390. Л. 173—174.
- ⁴ АРАН. Ф. 188. Оп. 1. Д. 4. Л. 1—8.
- ⁵ НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 18. Д. 425. Л. 18.
- ⁶ Там же. Оп. 6. Д. 167. Л. 128.
- ⁷ Там же. Д. 177. Л. 44—47.
- ⁸ *Князев Г.А.* Теория и техника архивного дела (Опыт систематического руководства). Л., 1935. С. 69—87.
- ⁹ *Левшин Б.В.* Первый научный архив России // Вестник Российской академии наук. М., 1995. № 3. С. 249.
- ¹⁰ НА КНЦ РАН. Наблюдательное дело фонда № 1. Л. 1—2.
- ¹¹ Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 391. Л. 57—58; Д. 390. Л. 173.
- ¹² Правила работы архивов учреждений, организаций и предприятий. М., 1956; Классификатор научно-организационной и деловой документации (делопроизводства) учреждений Академии наук СССР. М., 1955; Перечень документальных материалов, образующихся в деятельности Академии наук СССР. Учреждений и организаций ее системы, с указанием сроков хранения материалов. М., 1954.
- ¹³ НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 492. Л. 110, 174.
- ¹⁴ Там же. Д. 607.
- ¹⁵ Там же. Д. 641. Л. 170—175.
- ¹⁶ Там же. Д. 715. Л. 204—207.
- ¹⁷ Распоряжение Президиума АН СССР № 7-1723 от 15 ноября 1971 г. «О порядке и сроках представления номенклатур дел учреждений АН СССР». М., 1971.
- ¹⁸ НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 715. Л. 204—207.
- ¹⁹ Там же. Оп. 6-опер. Д. 49. Л. 137—157.
- ²⁰ Наблюдательное дело НА КНЦ РАН. Акты проверок Архива и документы к ним. 1956—1996. Л. 1—4.
- ²¹ Перечень документов со сроками хранения Академии наук СССР, ее учреждений, организаций и предприятий. Часть 1. Управленческая документация. М., 1981.
- ²² Распоряжение Президиума АН СССР № 14111-949 от 4 июня 1982 г. «О порядке и сроках представления номенклатур дел учреждений и организаций Академии наук СССР». М., 1982.
- ²³ НА КНЦ РАН. Паспорт за 1985 г. Л. 1—2.
- ²⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 6-опер. Д. 197а. Л. 1—13.
- ²⁵ Там же. Д. 233. Л. 177.
- ²⁶ Там же. Оп. 40. Д. 485. С. 8—10.
- ²⁷ Там же. Оп. 6-опер. Д. 244. Л. 26—33.
- ²⁸ *Афиани В.Ю.* Архив Российской академии наук в XXI столетии // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки... С. 16.

Ю.А. Новикова
(Карельский НЦ РАН)

Применение ИС АРАН для создания электронного каталога по фондам Научного архива Карельского научного центра РАН как составной части общеакадемического информационного ресурса

Среди основных социальных задач, стоящих сегодня перед архивистами, приоритетной является задача обеспечения права граждан на информацию, предоставление им широкого доступа к архивным документам. Информатизация архивной отрасли является наиболее эффективным инструментом обеспечения исполнения запросов общества и государства. Создание тематических информационно-поисковых систем и баз данных с возможностями удаленного доступа по сети Интернет к электронным копиям архивных документов, бесспорно, способствует решению проблемы доступа к архивной информации всех заинтересованных граждан и организаций. Дополнительный импульс этому процессу придают «Программа информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011–2020 гг.» и «Концепция информатизации архивного дела России», согласно которым одной из основополагающих целей информатизации архивов является получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий за счет обеспечения равного доступа к информационным ресурсам, развития цифрового контента на основе современных технологий доступа к оцифрованным документам Архивного фонда РФ.

В связи со стремительным развитием и распространением информационных технологий, телекоммуникационных сетей и систем, создающих возможности для широкого удаленного доступа пользователей к документам архивов, в Научном архиве Карельского научного центра РАН (КарНЦ РАН) возникла необходимость в создании электронного каталога по фондам. Эта работа с самого начала велась во взаимодействии с сотрудниками Группы информационных технологий Архива РАН. В 2012 г. в научном архиве КарНЦ РАН было установлено базовое программное обеспечение «Учет и каталог» Информационной системы «Архивы РАН» (ИС АРАН), которое предоставило возможность нашему региональному архиву полноценно участвовать своими ресурсами в создании корпоративного общеакадемического архивного ресурса, а также в культурном обмене историко-научной информацией через Интернет. С этой целью между Архивом РАН и КарНЦ РАН заключен Лицензионный договор о передаче права на использование программы для ЭВМ и совместной для академических архивистов базы данных. Благодаря установленному программному модулю «Турег», совместимому с ИС АРАН, сотрудники научного архива КарНЦ РАН начали работу по созданию электронной базы данных своего документального собрания, как в сетевом, так и в автономном режимах, с последующим включением в корпоративный академический информационный историко-научный ресурс ИС АРАН своей «исторической лепты». Следует отметить, что научный архив КарНЦ РАН — один из первых академических региональных архивов, который приступил к этой работе.

Внедрение ИС АРАН в работу Научного архива КарНЦ РАН позволило на первоначальном этапе решить следующие задачи: приступить к автоматизации основ-

ных направлений деятельности научного архива (обеспечение сохранности документального комплекса; централизованное ведение государственного учета документов; создание электронного научно-справочного аппарата; подготовка учетно-отчетной документации; использование документов; создание общедоступного электронного фонда пользования); организовать доступ к архивным документам для широкого круга пользователей в режиме online на сайте ИС АРАН (isaran.ru); обеспечить поиск архивной информации по электронному каталогу.

Среди первоочередных задач, на реализацию которых направлено внедрение ИС АРАН в академические архивы, необходимо выделить формирование единого общеакадемического корпоративного ресурса — создание и постоянное обновление Центрального фондового каталога Архивного фонда РАН (ЦФК РАН). Таким образом, присоединение научного архива КарНЦ РАН к ИС АРАН, осуществляемое посредством web-технологий, позволит нам полноценно участвовать в формировании ЦФК РАН.

В основу ИС АРАН положен Общий Международный стандарт описания архивных документов — ISAD(G) (General International Standard Archival Description), утвержденный Международным советом архивов ICA (International Council on Archives). Стандарт закрепил принцип многоуровневой структуры данных (Фонд — Описание — Дело — Документ) в архивном описании документов и установил органическую связь между архивной деятельностью и основами теории информатики на всех этапах: от создания информации до ее потребления. Поэтому работа с ИС АРАН в Научном архиве КарНЦ РАН началась с внесения метаданных в базу данных «Учет и каталог» именно на уровнях «Фонд» и «Опись», так называемых первых уровнях архивного описания, для автоматического формирования учетно-отчетной документации (списка фондов, реестра описей, путеводителя и паспорта архива). Процесс заполнения первых уровней ИС АРАН напрямую связан с комплексом задач (учет, фондирование, редактирование названий с учетом машинного ввода данных), которые приходится решать параллельно.

Доступ к информационному ресурсу ИС АРАН открыт на сайте Научного архива КарНЦ РАН (krc.karelia.ru) и на сайте ИС АРАН (рис. 1), где наряду с другими академическими архивами, указана ссылка на сайт научного архива КарНЦ РАН.

В настоящее время заполняются поля метаданных «Обозрение фонда» и «Историческая справка», начата работа по переводу в электронный формат описей. Следует отметить, что база данных «Учет и каталог» оснащена также необходимыми для обработки отсканированных изображений функциями графического редактора, которые позволяют повернуть страницу, обрезать лишнюю часть изображения, изменять яркость, контрастность, что значительно упрощает и ускоряет процесс подготовки описей к загрузке в ИС АРАН. Организация удаленного доступа к электронным описям научного архива является для нас первым опытом такого рода, благодаря которому любой исследователь, имеющий доступ к сети Интернет, может в режиме реального времени вести поиск необходимых документов. Для просмотра электронных образов отсканированных описей используется встроенный в ИС АРАН «букридер». Цифровые копии архивных документов можно просматривать полистно, используя интерфейс данной программы.

Кроме внедрения и использования системы ИС АРАН, научный архив КарНЦ РАН ведет в настоящее время разработку еще одной информационной системы — так называемого электронного репозитория древних документов. Под термином «репозиторий» понимают хранилище данных, организованных в файлы, доступные для дальнейшего распространения по сети. Создаваемый нами репозиторий представлен в виде тематической электронной библиотеки, позволяющей обрабатывать, хранить, распространять, анализировать и организовывать поиск в разнообразных коллекциях электронных до-

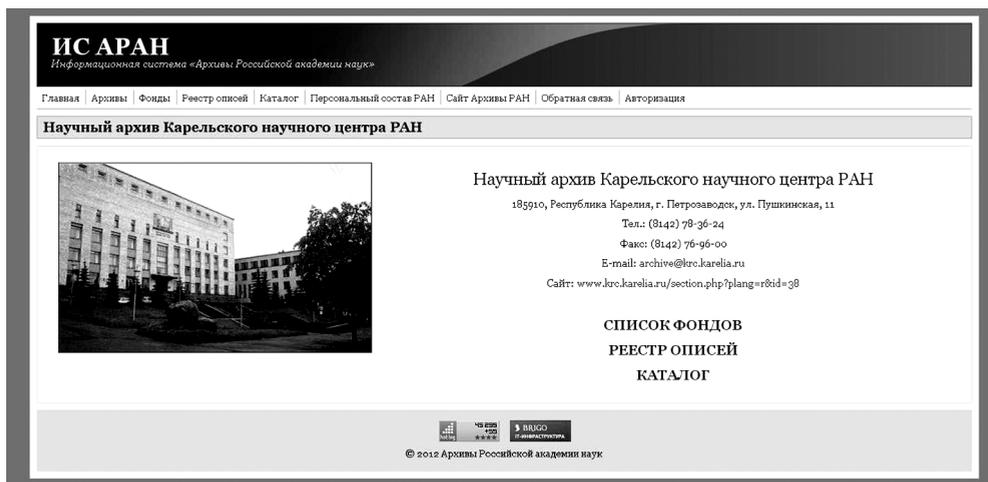

Рис. 1. Сайт научного архива КарНЦ РАН на Интернет-портале ИС АРАН.

кументов через глобальные сети передачи данных. Основным объектом хранения данных в электронной библиотеке является документ, снабженный метаданными¹.

Разработка такого репозитория оказалась возможной в 2013 г. благодаря поддержанному РГНФ проекту «Создание электронной библиотеки рукописных документов XVII—XIX вв. на основе фондов Научного архива КарНЦ РАН» (проект № 13-01-12008).

Главной целью проекта является обеспечение сохранности оригиналов рукописных архивных документов XVII—XIX вв. (рис. 2), организация широкого доступа к ним исследователей, перевод документов в электронный формат, создание страхового фонда и электронного фонда пользования, а также введение в научный оборот комплекса документов по истории указанного периода, ранее историками не использованного и не известного широкой общественности. В процессе реализации проекта будет проведено научное описание и сканирование рукописных архивных документов, включая перевод названий со старославянского языка на современный русский язык. Эта информация будет занесена в ИС АРАН «Учет и каталог» и в электронный репозиторий Научного архива КарНЦ РАН, который разрабатывается на базе системы EPrints. С помощью данного программного обеспечения будет создана электронная библиотека оцифрованных рукописных архивных документов XVII—XIX вв. с возможностью доступа к ним по запросу по сети Интернет. На основе стандарта ISAD(G) будет разработана система метаданных, которая будет положена в основу системы поиска документов электронной библиотеки. Основными результатами проекта будут являться обеспечение сохранности оригиналов рукописных архивных документов XVII—XIX вв., а также организация широкого доступа к ним исследователей. Будет осуществлен перевод всего массива рукописных документов в цифровой формат и тем самым создан страховой фонд и электронный фонд пользования.

Данный проект посвящен проблеме сохранения и изучения культурно-исторического наследия народов Русского Севера — выявлению, систематизации, научному описанию, переводу в цифровой формат рукописных документов. Коллекция документов Шуерецкого волостного самоуправления XVII—XIX вв. представляет собой уникальное собрание подлинной рукописной документации типичной поморской волости. Необходимо подчеркнуть, что на территории западного Беломорья, в том числе в Шуерецкой волости, шел активный процесс становления субэтнуса русских поморов. Поэтому со-

Рис. 2. Рукописные документы из коллекции документов XVII–XIX вв. научного архива КарНЦ РАН.

храняемый Научным архивом КарНЦ РАН самый обширный комплекс поморских материалов вызывает постоянный интерес среди ученых широкого спектра гуманитарных знаний, прежде всего историков, а также этнологов, филологов, архитекторов, искусствоведов и других исследователей крестьянского общества, и особенно — русских поморов. Широкая востребованность источников отчасти находит выражение и в их научной публикации. Но как дальнейшему вводу их в научный оборот, так и выявлению среди шуерецких материалов уникальных свидетельств препятствует отсутствие их должного архивного, источниковедческого и археографического описания и полных описей всего фонда — главным образом из-за отсутствия специалиста-историка, знающего русскую скоропись. Данный проект поможет закрыть этот пробел, что, безусловно, будет способствовать дальнейшему и более глубокому изучению этих ценных источников. Будучи описанными и переведенными в цифровой формат с обеспечением возможности доступа к ним по сети Интернет, шуерецкие материалы станут более доступными для широкого круга исследователей. Поэтому задача их описания и цифровой обработки, а также создания фонда пользования и страхового фонда является крайне важной и послужит сохранению Научным архивом КарНЦ РАН подлинных документальных материалов Шуерецкого волостного крестьянского самоуправления XVII–XIX вв. в их неизменном виде.

Таким образом, общий план работ на весь срок выполнения проекта включает: проведение научного описания рукописных архивных документов XVII–XIX вв., в том числе перевод названий документов на современный русский язык и составление их кратких описаний; сканирование рукописных документов; каталогизацию документов в ИС АРАН; разработку системы метаданных на основе стандарта ISAD(G); создание электронного архива рукописных документов XVII–XIX вв., включающего цифровое хранилище отсканированных документов и систему их поиска. В эту базу данных будут включены заголовки всех дел по фондам и описям, к которым прикрепляются электронные образы дел. С подключением читального зала научного архива

к электронному ресурсу цифровые копии будут доступны большему числу пользователей, что сократит выдачу подлинников архивных документов².

Создание электронных архивов (библиотек) особо ценных исторических документов крайне необходимо для обеспечения их сохранности и введения в широкий научный оборот с использованием возможностей сети Интернет. В настоящее время в мире и в нашей стране активно разрабатываются электронные библиотеки, содержащие самый разнообразный контент (научные публикации, нормативно-справочные документы, архивные документы и т.п.). В качестве примера можно привести два международных каталога электронных библиотек открытого доступа — OpenDOAR (opendoar.org) и ROAR (roar.eprints.org). При этом в большинстве случаев для разработки электронных библиотек (электронных архивов документов) применяется свободно распространяемое программное обеспечение EPrints с лицензией GUI для создания репозитория открытого доступа (eprints.org/openaccess/) на web-платформе Apache+Perl+MySQL. Система позволяет создавать и сопровождать репозитории с требуемой структурой и набором метаданных для хранения коллекций электронных документов, обеспечивает готовый инструментарий для наполнения репозитория, а также контроль доступа к его содержимому. Для создания репозитория научного архива КарНЦ РАН используется последняя на данный момент версия системы EPrints 3. Следует отметить, что оригинальная версия системы реализует англоязычный пользовательский интерфейс, но в то же время предоставляет возможность произвольного расширения языкового множества интерфейсов. Так как данный репозиторий должен предоставлять в первую очередь русскоязычный пользовательский интерфейс, нами был разработан пакет дополнения к системе EPrints для добавления русского языка. Данный пакет доступен на официальном веб-сайте системы EPrints (files.eprints.org/812/): автор разработки — старший научный сотрудник ИПМИ КарНЦ РАН к.ф.-м.н. Ю.В. Чиркова). В настоящее время ведется разработка конфигурации репозитория в соответствии с имеющейся структурой разделов и схемой метаданных для архивного, археографического и источниковедческого описания документов научного архива³.

Таким образом, в настоящее время формирование электронного фонда пользования документами архива невозможно без применения современных компьютерных технологий. Иными словами, ИС АРАН и репозиторий на базе EPrints становятся неотъемлемой частью информационной инфраструктуры архива, а получение дистанционного доступа к документам архива ставится в прямую зависимость от успешного внедрения и использования этих информационных систем. Появление новых информационно-поисковых систем и электронных библиотек, увеличение числа хранимых в них документов и повышение качества предоставляемых ими услуг способствует развитию науки, облегчая, а иногда и просто открывая единственно возможный доступ к источникам информации для ученого⁴.

¹ *Филозова И.А.* Открытые архивы научной информации // Электронный журнал «Системный анализ в науке и образовании». 2010. № 1. С. 1—6.

² *Слободник И.Б.* Создание фонда пользования на электронных носителях в ЦГИА Санкт-Петербурга // Отечественные архивы. 2013. № 1. С. 39—41.

³ *Козаловский М.Р.* Метаданные, их свойства, функции, классификация и средства представления // Сборник трудов 14-й Всероссийской научной конференции «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции», RCDL'2012, г. Переславль-Залесский, 15—18 октября 2012 г. С. 3—14.

⁴ *Резниченко В.А., Проскудина Г.Ю., Кудим К.А.* Концептуальная модель электронной библиотеки // Сборник трудов 11-й Всероссийской научной конференции «Электронные библиотеки: перспективные методы и технологии, электронные коллекции», RCDL'2009, г. Петрозаводск, 17—21 сентября 2009 г. С. 23—31.

Реконструкция эпистолярного наследия В.И. Вернадского: украинский сегмент

Великий ученый-естествоиспытатель, основатель многих научных школ, создатель учения о биосфере и ее эволюционном переходе в ноосферную стадию, как определяют ученые «самой жгучей проблемы современности», Владимир Иванович Вернадский своей судьбой принадлежит двум народам — украинскому и российскому, а результатами научной деятельности — всему человечеству.

Его научное наследие уже многие десятилетия привлекает внимание и, как признают специалисты, актуализируется по мере развития наших представлений о мире и его судьбах. Безусловно, исследователей также интересуют обстоятельства жизни ученого, зарождения и развития его научных идей. Этот интерес подогревается как масштабом личности ученого, универсализмом его научных интересов и занятий, так и характером исторических эпох, в которых ему довелось жить и действовать. Ни одна историко-научная работа, связанная с его именем, не может быть выполнена без привлечения широчайшего круга источников и прежде всего документов, им созданных: рукописей научных работ, записей экспериментов и наблюдений, текстов лекций, записных книжек, дневниковых записей, материалов его «Хронологии», даже хозяйственных заметок и, конечно же, документов непосредственной оперативной коммуникации — писем. Этот, последний, документальный жанр, как известно, способен давать ценнейшую информацию, невозполнимую другими источниками. Иными словами, целостным творением В.И. Вернадского является вся его жизнь, вся многообразная научная деятельность, вся совокупность идей. И полно и правильно осмыслить его наследие, естественно, возможно лишь в конкретном историческом и жизненном контексте. Воссоздание некоторых существенных частей контекста — задача издателей переписки и значение самой переписки. Собственно, значением и особенностями эпистолярных источников и состоянием архива В.И. Вернадского определяется актуальность заявленной темы.

Известно, что часть громадного архива В.И. Вернадского волей обстоятельств в свое время оказалась рассредоточена по различным хранилищам, причем даже в разных странах. А документы, созданные им или в создании которых он принимал существенное участие и которые в значительной степени явились продуктом его интеллекта, отложились в фондах множества учреждений и организаций. В еще большей степени такая же картина наблюдается в отношении обширнейшей переписки ученого. История и состав документов отдельных частей архива В.И. Вернадского были предметом специального исследования российских и украинских архивистов, археографов, историков¹. В этих работах наряду с обзором документов и оценкой их источниковедческого значения затрагивались вопросы воссоздания в той или иной форме единства документального комплекса. Одновременно сами эти работы фактически уже являлись составляющими такой реконструкции, создавая элементы единства на описательном уровне — уровне вторичной документной информации. Переписка

В.И. Вернадского с некоторыми украинскими учеными фрагментарно публиковалась как в работах, посвященных его жизни и деятельности, так и в различных, как правило, малотиражных тематических сборниках или отдельными брошюрами².

Очередным поводом для обращения к проблеме реконструкции стало 150-летие со дня рождения гениального ученого. В Украине принятым еще в 2010 г. постановлением Президиума Национальной академии наук среди прочих юбилейных мероприятий было намечено издать «Избранные труды академика В.И. Вернадского». Концепция этого издания предусматривала также том, посвященный переписке В.И. Вернадского с украинскими учеными. Публикация архивных документов, как известно, всегда имеет многозначный характер. Одной из задач, как правило, решаемых «попутно», является реконструкция того или иного (тематического, видового, авторского и т.п.) документального комплекса в виде опубликованных текстов этих документов.

В условиях, когда основной объем документального наследия В.И. Вернадского хранится в Архиве Российской академии наук и его Санкт-петербургском филиале, естественным было предложение хранителя украинского сегмента этого наследия — Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского российским коллегам скооперировать усилия в едином издательском проекте. Это предложение было конструктивно, с пониманием, по-деловому поддержано. При этом само понятие «украинский сегмент» трансформировалось из государственно-территориального (по месту хранения документов) в содержательное «В.И. Вернадский и Украина». Такой принцип отбора документов для издания позволил включить в него не только переписку с украинскими учеными, но и письма более широкого круга лиц, в том числе некоторых российских ученых, родственников, знакомых периода пребывания В.И. Вернадского на территории Украины или других лет, но в которых в той или иной мере затрагивалась украинская тематика. Из содержания этих писем виден интерес ученого к судьбе Украинской академии, деятельности отдельных украинских ученых, их жизненным обстоятельствам, событиям культурной, общественной жизни и т.д.

При активном содействии российских коллег, сотрудников ряда институтов Национальной академии наук Украины (истории Украины, востоковедения им. А.Е. Крымского, украинской археографии и источниковедения им. М.С. Грушевского, государства и права им. В.М. Корецкого), преподавателей некоторых высших учебных заведений, архивных и музейных работников в течение 2010—2012 гг. институтами архивоведения и рукописи Национальной библиотеки Украины было отобрано, текстуально расшифровано, атрибутировано, археографически обработано и прокомментировано 912 писем, 138 лиц, в том числе 279 писем В.И. Вернадского, которые вошли во второй том из двух книг (вторая книга в двух частях) общим объемом свыше 150 печатных листов. Документы, вошедшие в издание, охватывают период более полувека — с мая 1888 г. и до конца 1944 г. Более 70% писем публикуются впервые. При подготовке издания работа велась в основном с оригиналами писем или их цифровыми копиями. Это, в частности, дало возможность по-новому прочесть некоторые ранее опубликованные тексты, заполнить имеющиеся в них лакуны, в ряде случаев уточнить датировку и даже авторство. Так, например, по результатам расшифровки крайне неразборчивого почерка академика Н.П. Василенко было предложено пересистематизировать его письма В.И. Вернадскому 1921—1922 гг., а также исключить из числа писем, приписываемых Василенко, письмо другого украинского ученого и общественного деятеля — М.И. Павлика, написанное им из Львова 22 октя-

бря 1896 г. (Личное знакомство Н.П. Василенко и В.И. Вернадского, положившее начало их переписке, состоялось в 1917 г.)

Следует отметить, что длившаяся до самой смерти Н.П. Василенко в 1935 г. (а после его смерти — с его женой Н.Д. Полонской-Василенко до начала 1941 г.) переписка В.И. Вернадского с этими людьми, с которыми его соединяла глубокая дружеская симпатия и близость взглядов по многим вопросам, и в частности, на роль Украинской академии в развитии науки и культуры, занимает одно из ключевых мест в издании как по объему (1/6 часть), так и по содержанию. Такая полнота публикации стала возможной благодаря сведению воедино писем В.И. Вернадского, хранящихся в фонде 542 Центрального государственного архива-музея литературы и искусства Украины (наибольший в Украине комплекс автографов ученого — 75 писем), и писем к нему Н.П. Василенко и Н.Д. Полонской-Василенко, сосредоточенных в фонде 518 АРАН.

Аналогичный подход был применен с разной степенью успешности при публикации переписки еще с рядом украинских академиков: Д.И. Багалеем, М.С. Грушевским, А.Е. Крымским, В.И. Липским, Н.Г. Холодным.

В процессе углубленного источниковедческого анализа содержания, почерков, дат, адресов и других реквизитов удалось уточнить авторство нескольких писем, описанных в фонде 518 АРАН как письма Н. Грунского (Д. 482), А. Кортун (Д. 832), Ю. Ковтуна (Д. 833), С. Кушакова (Д. 915), А. Моласа (Д. 1095), М. Сумгина (Д. 1594. Л. 1), Д. Суховой (Д. 1599), В. Щербака (Д. 1894б). Указанные письма, как оказалось, принадлежат соответственно М.С. Грушевскому, А. и Ю.(Г.) Коршунам, С.Е. Кушакевичу, А.З. Носову, В.И. Жуку, Д.Е. Жуковскому, В.М. Щербаковскому.

В ходе систематических деловых контактов с партнерами по научно-издательскому проекту, копирования, расшифровки и обработки значительного объема оригиналов писем, многие из которых не только по содержанию, но и по своим внешним признакам являются выразительными памятниками своего времени, еще до завершения издания естественным образом родилась мысль о продолжении проекта «В.И. Вернадский и Украина. Из переписки» в формате создания электронной базы цифровых копий писем. При этом хотелось бы реконструировать в едином документальном комплексе всю переписку ученого по указанной теме, независимо от места хранения оригиналов писем и от того, публиковались ли ранее их тексты.

Принципиальное согласие на продолжение проекта в таком варианте между основными хранителями эпистолярного наследия В.И. Вернадского — Архивом РАН и НБУВ — имеется. В данный момент идет официальное оформление достигнутых договоренностей. Предполагается, что одновременно с копированием документов украинской тематики в Архиве РАН Национальная библиотека Украины в свою очередь предоставит партнерам для копирования оригиналы документов В.И. Вернадского, хранящиеся в ее фондах. Доступ к таким создаваемым базам будет свободным (но без права копирования образов документов) при условии в случае использования хранящейся в них информации ссылаться на места хранения оригиналов документов.

Для успешной реализации этого проекта одной из задач является привлечение к участию в нем других хранилищ документов В.И. Вернадского.

Вместе с тем издатели переписки осознают, что этими тремя книгами отнюдь не исчерпывается украинский сегмент эпистолярного наследия ученого. Дальнейший углубленный поиск, несомненно, принесет еще немало открытий. Издание вновь выявленных писем ни в коей мере не будет умалять значения проделанной работы, лишь условно прерванной юбилеем. Наоборот, появление новой публикации, по на-

шему мнению, лишь обогатит предыдущую, проявит еще одно скрытое ее значение — возбуждать дальнейший интерес к теме.

- ¹ *Апанович Е.М., Киржаев С.Н.* Рукописные материалы В.И. Вернадского, документы о его жизни и деятельности в архивохранилищах Киева // Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. № 7. Л., 1990; *Киржаев С.Н.* Аннотированный перечень писем из архива В.И. Вернадского, хранящегося в отделе рукописей Центральной научной библиотеки им. В.И. Вернадского АН УССР // Там же. № 8. Л., 1990. С. 35–50; *Сорокина М.Ю.* Архивное наследие академика В.И. Вернадского. История формирования, систематизация, описание и использование документов. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001; *Она же.* Документы и архивы // В.И. Вернадский: жизнь во благо России. М., 2003. С. 121–133; *Она же.* Ученые и архивы: к истории «архивного наследия» В.И. Вернадского // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры. Материалы международной научной конференции. Москва. 10–14 ноября 2008 г. М., 2009. С. 391–413.
- ² Из переписки В.В. Докучаева и В.И. Вернадского // Научное наследство. Т. 2. М., 1951; *Азіньска Е., Михайлова О.* З неопублікованих листів академіка Вернадського // Знання та праця. 1978. № 11. С. 12–13; Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1918–1939. М., 1979; Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1940–1944. М., 1980; *Сытник К.М., Стойко С.М., Апанович Е.М.* В.И. Вернадский. Жизнь и деятельность на Украине. К., 1984; *Гирич И.Б.* Письма В.И. Вернадского В.Л. Модзалевскому // Бюллетень Комиссии по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. № 8. Л., 1990; Из эпистолярного наследия В.И. Вернадского. Письма украинским академикам Н.П. Василенко и А.А. Богомольцу. К., 1991; *Історія Академії наук України. 1918–1923. Документи і матеріали.* К., 1993; *Матвеева Л.В.* «После нас, вероятно, наступит упорная борьба за свободу науки. И она победит...» М. Василенко // Віче. Листопад 1993. С. 133–145; *Супруненко О.* З листування з Володимиром Вернадським // Полтавський археологічний збірник: Пам'яті В.М.Щербаківського (1876–1957). Полтава, 1995. Число 4. С. 181; *Сорокина М.Ю.* «Разбросанные по всей Америке»; «Вряд ли придется возвращаться домой». Из писем С.П. Тимошенко В.И. Вернадскому // Российская научная эмиграция: двадцать портретов. М., 2001. С. 109–112, 127–134; Из эпистолярного наследия В.И. Вернадского. Письма В.И. Липскому. 1919–1936. К.; Кременчуг, 2002; *Епістолярна спадщина Агатангела Кримського (1890–1941 рр.). Т. 2 (1918–1941 рр.).* К., 2005; Василенко Микола Прокопович. Вибрані твори у трьох томах. Т. 3. Спогади. Щоденники. Листування. К., 2008; *Кигим С.Л.* Листування В.І. Вернадського з питання розкопок Гінцівської пізньопалеолітичної стоянки // В.І. Вернадський і Полтавщина: факти, документи, бібліографія. Полтава, 2008. С. 144–150; Листування професора Й.І. Танатара з академіком В.І. Вернадським (1908–1915) // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Вип. 3. Дніпропетровськ, 2009. С. 657–667; Из эпистолярного наследия В.И. Вернадского. Письма А.В. Фомину. 1929–1934. К., 2010.

Формирование академического архива как научного учреждения Академии наук (1917 – 1941 гг.)

История Архива Академии наук в течение XX в. тесно переплетается с историей самой Академии. Академик В.И. Вернадский, плодотворно работавший с архивными документами и хорошо знавший работу Архива, писал: «Ничто не делается само собою, без воли, мысли и труда хотя бы безымянных деятелей, и не случайно в нашем распоряжении оказался в XX веке такой драгоценный для истории науки архив, каким является архив Академии наук... И хотя он не раз подвергался опасности распыления, он быстро вновь приводился в живое состояние»¹.

С 1912 г. Архив Конференции Императорской Академии наук впервые возглавил заведующий — Борис Львович Модзалевский, и в это же время в нем была создана специальная справочно-информационная постоянно пополняемая библиотека². Большое значение Архиву придавал Непременный секретарь Академии наук с 4 октября 1904 г. по 30 октября 1929 г. академик Сергей Федорович Ольденбург, что способствовало развитию архивного дела в системе Академии.

Решениями Временного правительства 11 июля 1917 г. бывшая Императорская академия наук была переименована в Российскую академию наук (РАН), а осенью 1917 г. — организована эвакуация архивов Петрограда в связи с наступлением немецкой армии. Конференция Академии наук постановила эвакуировать в Саратовский университет наиболее ценные рукописи Академии — в том числе и документы Архива, соединив их для вывоза с материалами Рукописного отделения Библиотеки Академии и ее Азиатского Музея. 7 октября 1917 г. заведующий Архивом Конференции доложил на Общем собрании Академии список уложенных в ящики рукописей (ОС—XIII № 273)³. В 1917 г. сотрудниками Академии (в том числе и Б.Л. Модзалевским) были спасены документы разгромленного и частично сожженного архива бывшего III Отделения, помещавшегося в бывшем Департаменте полиции. В октябре 1918 г. этот архив был передан из Академии наук в Государственный архивный фонд в помещение Сената, а затем в 1926 г. перевезен в Москву.

1 июня 1918 г. был обнародован Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в России, декларировавший создание единого государственного архивного фонда «в целях лучшего научного использования, а также для удобства хранения и экономии расходов». Уже 5 октября 1918 г. вышло Постановление СНК РСФСР о регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений, и 5 декабря 1918 г. был подписан Декрет СНК РСФСР об охране научных ценностей на территории РСФСР, а 29 июля 1919 г. издан Декрет СНК об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящихся в библиотеках и музеях. Эти декреты создавали правовую базу для сохранения и эффективного использования документов Академии наук и послужили началом нового этапа в деятельности Архива.

14 июля 1921 г. 33 ящика с документами Архива, вывезенными из Петрограда в 1917 г. в Саратов, уже находились в здании Академии. Все ящики успешно выдержали переезд в Саратов и обратно, за исключением одного, рассыпавшегося при выгрузке с воза у входа в Азиатский музей. Сильнейший дождь, лившийся в день переезда, не повредил рукописи (ОС—VII § 132). С 1921 г. Б.Л. Модзалевского на посту заведующего Архивом Конференции сменил Владимир Петрович Семенников.

2 декабря 1922 г. своим решением Общее собрание Академии наук повысило статус Архива Конференции Академии, постановив объединить на его основе три отдельно существовавших архива Академии: Архив Конференции, Архив Правления и Архив Отделения русского языка и словесности, переименовав его в Архив Российской Академии наук. В.И. Вернадский писал: «Ученый характер Архива Конференции Академии наук был признан и ясно сказался в его организации только в XX веке, когда Непременным Секретарем Академии был избран академик С.Ф. Ольденбург. В 1922 г. Архив получил современное устройство, был переименован в Архив Академии Наук, и его задача окончательно определилась как “хранение рукописных и печатных материалов по истории Академии и русской науки”»⁴. Декретом СНК РСФСР от 17 февраля 1925 г. среди других организаций Академии Архив Академии наук был признан научным учреждением, который после Постановления ЦИК и СНК СССР от 27 июля 1925 г. о признании Российской Академии наук высшим научным учреждением Союза ССР при СНК СССР и переименовании ее во Всесоюзную соответственно стал называться Архивом Академии наук СССР. В это же время заведующим Архивом стал Алексей Сергеевич Путилов. При нем произошло фактическое объединение архивов академических учреждений в общий Архив Академии наук СССР, которое началось с 1 октября 1925 г.

16 ноября 1926 г. было принято Постановление Комиссии СНК СССР по содействию работам АН СССР под председательством секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе о праве Академии не передавать материалы в другие архивы и музеи союзных республик⁵, чем был закреплен статус Архива АН СССР как ведомственного архива с постоянным составом документов. В 1926 г. Президиум АН СССР принял важное постановление о хранении рукописей и документов покойных академиков в Архиве АН, что зафиксировало одно из направлений деятельности Архива — комплектование и хранение фондов личного происхождения — и позволило Архиву сконцентрировать большое количество ценных документов ученых. До этого в Архив из системы академических учреждений поступали в основном документы руководящих органов Академии. В 1926 г. Архив впервые приступил к составлению каталога всех находящихся в учреждениях материалов по истории Академии⁶. К этому времени стараниями А.С. Путилова в результате выделения отдельного помещения для Архива и прихода в Архив новых квалифицированных и талантливых сотрудников сформировалась база для дальнейшего развития архивного дела в Академии и проведения научных исследований по ее истории.

13 марта 1928 г. Постановлением СНК СССР был утвержден список научных учреждений, состоящих при АН СССР, среди которых значился и Архив⁷. Но начавшееся в 1929 г. «академическое дело» замедлило творческую активность как в самой Академии, так и в Архиве. Положение в Архиве частично спасло то, что вместо арестованного заведующего А.С. Путилова был назначен Георгий Алексеевич Князев, архивист по призванию, немало сделавший для развития архивного дела в Академии наук и в стране, стоявший во главе академического Архива до 1963 г. Результатом деятельности комиссии под руководством Ю.П. Фигатнера в 1929 г. стало перераспре-

деление архивных материалов, хранившихся в Рукописном отделе Библиотеки АН СССР, между Архивом (примерно 1/5 часть) и другими архивохранилищами Академии. В основном это были личные фонды ученых, хранение которых было специфической особенностью Архива.

20 июня 1930 г. Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР вновь утвердил список научных и административных учреждений и общественных организаций АН СССР, среди которых был и Архив. По инициативе Г.А. Князева Архив АН СССР начал активно комплектоваться, заниматься публикацией архивных документов, кроме того, стал учебной базой для студентов гуманитарного профиля. Г.А. Князев принимал активное участие в архивных съездах и конференциях, где выступал с теоретическими докладами. Его методическое пособие долго служило руководством для архивистов страны. При приходе Г.А. Князева в Архив первой его идеей, которая была одобрена Непременным секретарем Академии С.Ф. Ольденбургом, было создание централизованного учета всего рукописного материала во всех академических учреждениях⁸. Итогом научно-методической деятельности Архива стала разработка Положения об Архиве и Положения об Архивохранилищах АН СССР, утвержденных Общим собранием АН 29 ноября 1930 г., в которых был прописан кардинальный пункт о том, что Архив «является общим Архивом АН, куда поступают на хранение архивные материалы, отложившиеся от научной и деловой деятельности АН, ее учреждений, а также архивные фонды членов АН и отдельных ученых, имеющие значение для истории Академии наук и истории науки». В Положении были заложены основные принципы деятельности Архива и разработаны методические основы его комплектования, учета, обработки, использования, научно-справочного аппарата, научно-исследовательской работы. Отдельный раздел Положения был посвящен инструктированию учреждений Академии наук по вопросам постановки архивной части делопроизводства и правильной сдачи материалов в Архив⁹.

В это время широко разворачивается еще одна сторона деятельности Архива — инспекторская деятельность в архивах академической системы. Это связано с возникновением большого количества новых институтов Академии, ее филиалов и баз и расширением деятельности уже существовавших. Данное обстоятельство в 1933 г. вызвало подготовку Архивом первого советского путеводителя по архивам «Труды Архива. Выпуск I. Архив Академии наук СССР. Обзор архивных материалов»¹⁰.

Постановлением СНК СССР № 965 от 25 апреля 1934 г. было принято решение перевести к 1 июля 1934 г. АН СССР в Москву и поручено Президиуму АН СССР разработать календарный план перевода учреждений Академии наук и нового строительства для АН СССР в Москве¹¹, а 14 июля 1934 г. СНК СССР уже утвердил порядок перевода учреждений АН СССР в Москву. Переезд Академии наук открыл новую страницу в истории Архива. Постановлением Президиума АН СССР от 25 сентября 1935 г. (протокол № 26 п. 30)¹² в целях учета, собирания и хранения научных и делопроизводственных архивных материалов, откладывающихся от деятельности учреждений Академии наук, находящихся в столице, а также для обслуживания этих учреждений архивными справками и архивным инструктажем, в Москве было организовано Отделение Архива Академии наук СССР (МОААН). Руководство Отделением было возложено на заведующего Архивом АН в Ленинграде. По смете Архива АН СССР на 1936 г. для организуемого Московского Отделения было предусмотрено две должности: ученого архивиста со ставкой 400 руб. и архивного сотрудника со ставкой 175 руб. в месяц. Управлению делами было предложено обе-

спечить Отделение Архива соответствующим помещением, удовлетворяющим требованиям архивохранилища, которое должно быть совершенно сухим, безопасным в пожарном отношении и изолированным капитальными стенами как от служебных, так и от других помещений¹³. Как только возникла идея о создании Московского Отделения Архива, сразу же появилась необходимость определить его правовой статус. Постановлением Президиума АН СССР от 25 сентября 1935 г. были внесены дополнения в Положение об Архиве АН СССР — Отделение Архива Академии наук СССР в Москве являлось местом сосредоточения и хранения всех отработанных архивных материалов научного и делопроизводственного характера, отложившихся от деятельности учреждений Академии наук, находившихся в Москве. С марта 1936 г. в должности ученого архивиста начал работу Филипп Дмитриевич Гетман, ставший впоследствии заведующим МОААН. Во вновь оборудованное помещение для Отделения при главном здании (где помещался Президиум Академии наук) — Большая Калужская, дом 24 — 27 апреля 1936 г. был перевезен архив Комакадемии, и с этого момента в сущности началась деятельность МОААН¹⁴. 29 апреля 1936 г. инспектором Архива АН СССР А.М. Черниковым была послана телеграмма из Московского Отделения Архива АН на имя директора Архива Г.А. Князева следующего содержания: «Отделение Архива АН Москве открыто. Оборудование помещений закончено. Архивные материалы перевезены. Отделение приступило к нормальной архивной работе»¹⁵. 25 апреля 1936 г. Президиумом АН СССР (протокол № 18) было принято постановление о переименовании должности заведующего Архивом в должность директора Архива АН, в связи с расширением работы Архива АН и значением проводящихся в нем работ по истории науки и, в частности, истории Академии наук¹⁶.

Как признание значимости научно-исследовательских работ, проводимых Архивом, в целях обеспечения высокого научного уровня работы и осуществления координации научного руководства деятельностью всех специальных архивохранилищ АН СССР в 1937 г. в Архиве был образован Ученый совет. Первым его председателем стал академик Д.С. Рождественский¹⁷. В его состав в разное время входили академики С.И. Вавилов, Б.Д. Греков И.Ю. Крачковский и др. На распорядительном заседании Президиума АН СССР 1 июня 1938 г. было принято Положение об Ученом совете Архива. В Положении было утверждено, что его основной задачей является обсуждение вопросов работы Архива в целях обеспечения их высокого научного уровня и соответствия всей деятельности Архива Уставу АН СССР и осуществление координации научного руководства работой всех специальных архивохранилищ АН СССР¹⁸.

Большое внимание придавалось в Архиве в 1930-х гг. выявлению и каталогизации документов по академическим экспедициям начиная с XVIII в., в свете широко развернувшейся экспедиционной деятельности Академии по изучению природных богатств страны. В это же время Архив включился в крупную научно-исследовательскую работу, организованную Академией наук СССР, по изучению истории Академии — было проведено комплексное выявление материалов по различной тематике, анализ материалов, хранящихся в Архиве, подготовлено и опубликовано большое количество работ по истории Академии наук. Постановлением Президиума АН СССР № 50 от 15 ноября 1938 г. (§ 6) было принято решение о создании Комиссии по изучению истории АН СССР при Архиве АН СССР во главе с академиком С.И. Вавиловым, который должен был представить на утверждение персональный состав этой комиссии. Заместителем председателя был назначен Г.А. Князев. Для обеспечения работы по изучению истории Академии в 1939 г. в штатное расписание Архива вводились дополнительно две единицы (старший научный сотрудник и младший на-

учный сотрудник)¹⁹. Ученым секретарем Комиссии по истории АН был утвержден младший научный сотрудник А.А. Елисеев²⁰. Завершение эта деятельность получила в 1970-е гг., когда вышел подготовленный в том числе и Архивом АН СССР краткий исторический очерк (в двух томах) «Академия наук СССР»²¹.

29 марта 1941 г. СНК СССР было принято Положение о Государственном архивном фонде СССР, где были учтены предложения Ученого совета Архива и зафиксирован особый статус Архива АН СССР (ст. 14). За Академией наук оставалось право самостоятельного хранения и использования архивных материалов, которое у нее было с момента создания. Необходимо отметить, что ранее это право частично оградило Архив от принудительной чистки архивных фондов во время проведения «макулатурной кампании», позволило сохранить столь неактуальные в 1920–1930-е гг. документы XVIII–XIX вв., а также в неприкосновенности фонды Коммунистической академии.

К началу Великой Отечественной войны в Архиве сосредоточился бесценный комплекс документов, отражавший историю отечественной науки, находящийся в упорядоченном состоянии, оснащенный научным поисковым аппаратом и готовый к использованию. Документы были сохранены сотрудниками Архива в военный период и в настоящее время активно используются учеными. Необходимо отметить вклад в развитие и становление Архива Б.Л. Модзалевского, А.С. Путилова, Г.А. Князева, бывших руководителями Архива в разное время, заведующего Московским Отделением Ф.Д. Гетмана, а также научных специалистов В.Ф. Гнучевой, П.Н. Корявова, М.В. Крутиковой, И.И. Любименко, Л.Б. Модзалевского, П.М. Стулова, А.М. Черникова, З.Н. Нагоровой, А.Н. Прокофьевой. К 1941 г. Архив Академии наук трансформировался из обслуживающего учреждения в научное учреждение Академии, где велась не только архивная деятельность, но и осуществлялась, совместно с учеными Академии, научно-исследовательская работа, разрабатывалась теория архивоведения и проводились апробация и осуществление теоретических разработок в практической плоскости на базе Архива. Таким образом, был генерирован тот тип архива, который представляет собой научный архив, опыт его создания является ценным источником для формирования архивов такого рода. К тому времени научная деятельность сотрудников Архива поднялась на более высокий уровень по сравнению с началом века и выразилась в широкой подготовке документов Архива к изданию. В этот период активно публиковались документы Архива в виде отдельных изданий, журнальных и газетных публикаций, научных описаний: в 1930-х гг. сотрудниками Архива было опубликовано около 70 статей, выпущено 9 изданий. Научная работа Архива заключалась также и в организации выставок, подготовке справок, выявлении документов по определенным темам. Отдельно стоит работа исследователей в читальном зале Архива. Поиск и предоставление документов ученым, работавшим в Архиве, внесли свой вклад в развитие научных исследований.

После начала войны научная работа в Архиве продолжалась, хотя характер ее резко изменился. Первоочередными задачами являлись: охранение материалов от случайностей военного времени как на местах их постоянного хранения, так и путем эвакуации, прием материалов от эвакуированных учреждений АН, академиков и других ученых, срочная инвентаризация материалов и перемещение их внутри хранилищ, а также работы по мероприятиям МПВО. В июле 1941 г. были переданы в Эрмитаж на временное хранение для направления в эвакуацию вместе с эрмитажными ценностями особо важные материалы Архива в Ленинграде, которые были возвращены Архиву в октябре 1945 г., часть документов направлена в эвакуацию в Свердловск.

МОААН находилось в Москве и продолжало свою работу по сохранению научных материалов, хотя часть документов была вывезена в Казань²², и приему на временное хранение архивов учреждений системы АН. При этом надо учесть, что эти срочные и требовавшие большого напряжения сил работы проводились неполным составом, так как сотрудники выбыли в ряды РКК, Народного ополчения и на выполнение оборонных работ. За этот период были проведены эвакуация наиболее ценных документов Архива и обследование всех архивохранилищ институтов с точки зрения обеспечения сохранности, где были даны консультации по вопросам хранения и эвакуации материалов²³. Во время войны Архив и его Московское Отделение не прекращали работы и осуществляли все направления архивной деятельности²⁴.

¹ Вернадский В.И. Работы по истории знаний // Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет. 1917–1927. Л., 1927. С. 156–157.

² СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 3. Л. 25 об.–26.

³ Архив РАН. Р. IV. Оп. 12. Д. 10. С. 53.

⁴ Вернадский В.И. Указ. соч. С. 157.

⁵ Архив РАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 56. Л. 1.

⁶ Там же. Р. IV. Оп. 12. Д. 12. С. VII, 61–62.

⁷ С. 3. 1928. № 22. Ст. 195. Оpubл. Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1928. 8 апреля.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 929. Оп. 2. Д. 86. Л. 125.

⁹ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 10.

¹⁰ Труды Архива АН СССР. Вып. 1. Л., 1933.

¹¹ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 16-1937. Д. 45. Л. 58.

¹² Там же. Оп. 6. Д. 3. Л. 74, 81.

¹³ Там же. Оп. 1-1935. Д. 11. Л. 92. Оп. 6. Д. 3. Л. 81.

¹⁴ Там же. Ф. 7. Оп. 1-1936. Д. 3. Л. 9.

¹⁵ Там же. Д. 1. Л. 1.

¹⁶ Архив РАН. Ф. 394. Оп. 1-1936. Д. 26. Л. 12, 23; Ф. 2. Оп. 1-1936. Д. 55. Л. 37.

¹⁷ Левшин Б.В. Первый научный архив России // Вестник Академии наук СССР. 1995. № 3. С. 247.

¹⁸ Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1а-1938. Д. 7. Л. 4, 6–8, 17–18.

¹⁹ Там же. Оп. 6. Д. 15. Л. 27.

²⁰ Там же. Д. 22. Л. 45; Ф. 394. Оп. 9. Д. 69. Л. 20.

²¹ Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк (в двух томах). М., 1977.

²² Архив РАН. Ф. 2. Оп. 1а-1941. Д. 210. Л. 13; Ф. 7. Оп. 1-1941. Д. 57. Л. 53.

²³ СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 399а. Л. 2–3.

²⁴ См. также: Осипова Н.М. Из истории Архива Российской Академии наук // Вестник архивиста. 1996. № 1. С.42-44. Организация Архива Академии наук в Москве // Вестник архивиста. 1997. № 6. С.100-103. Архив Российской академии наук в 1917-1922 гг. // Вестник архивиста. 2000. № 5/6. С.141-151. Архив АН СССР (1917-1941 гг.): проблемы организации, комплектования, хранения и использования документации научных учреждений. Автореф. дисс. канд. ист. наук // РГГУ. М., 2000. С.1-30. Архивное образование и Архив Академии наук СССР: 1929-1941 гг. // Проблемы преподавания архивоведческих и документоведческих дисциплин: современная практика и перспектива. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 7 декабря 2000 г. М., 2001. С.80-83. Архив Академии наук СССР в 1917-1941 гг. // Вестник архивиста. 2001. № 1. С.220-243. Архив Академии наук СССР (1917-1941 гг.): проблемы формирования кадрового состава // Архивы Уральского отделения Российской академии наук. Тезисы докладов Второй научной конференции. Сыктывкар, 2001. С.21-28. Издательская деятельность Архива Академии наук СССР в 1927-1941 гг. // Вестник архивиста. 2002. № 1. С.21-38. Деятельность Архива Академии наук в 1917-1941 гг. // Академический архив в прошлом и настоящем: Сборник научных статей к 280-летию Архива Российской академии наук. СПб., 2008. С.137-160. Организация использования и научного изучения документальных материалов Архива Академии наук в 1917–1941 гг. // Архив Академии наук – достояние национальной и мировой науки и культуры // Материалы международной научной конференции. Москва, 10–14 ноября 2008 г. М., 2009. С.315–351.

Исследование портретов «Царского Титулярника»

«Книга, а в ней описаны великих государей российских и светлейших патриархов и окрестных владык, христианских и басурманских, персон; и иных государств происхождение; и кто после кого государем был; и с каких времен владыки с великими российскими государями имели сношения и переписку; с какими титулами великие государи в оные окрестные государства в переписке именуются на 1672-й год»¹.

Рукописная книга «Царский Титулярник» 1672 г. из собрания РГАДА (Ф. 135. Отд. V. Рубр. III. Д. 7) содержит 247 листов, на 98 из которых выполнены портреты великих государей российских, изображения гербов земель и печатей России, портреты патриархов, портреты иностранных правителей и изображения гербов и печатей правителей в роскошных орнаментальных обрамлениях.

Титулярник поступил на реставрацию во ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря в 1999 г. Первый этап — консервация красочного слоя и подготовка иллюминированного памятника к публикации — был проведен по решению реставрационного совета в блоке, не расширяя книгу. После фотосъемки для издания² в памятнике были отмечены разрушения, не совместимые с обеспечением сохранности памятника³. Поэтому Реставрационным советом в 2009 г. было принято решение разброшировать книгу и демонтировать все заклейки в корешке.

По опубликованным архивным документам известно, что над созданием портретных изображений работали два художника⁴. Действительно в книге есть изображения двух изобразительных систем: иконописной русской и графической европейской школ. Однако даже при очень беглом просмотре всех изображений в названных группах становится ясно, что каждый из упомянутых в документах художников имел несколько помощников-единомышленников по изобразительному языку. Наиболее ярко различия в художественных манерах заметны в группе портретов зарубежных правителей, современников царя Алексея Михайловича⁵.

Живописные приемы в передаче портретов русских правителей, представленных в «Титулярнике», полностью отвечают жесткой иерархии и небольшими акцентами подчеркивают статус изображаемой персоны. Таким образом, даже изобразительные средства миниатюр дополнительно акцентируют внимание на статусе того или иного государя, независимо от стиля изображения — иконописного или европейского.

Портреты великих князей от Рюрика до Василия Ивановича включительно (л. 15–37) выполнены без использования золотой краски, как в самих изображениях, так и в подписях и орнаментальном обрамлении. Начиная с портрета Ивана Грозного (л. 39), именуемого царем и великим князем, золото и серебро оформляют портрет, а заглавная буква титула «Царь» пишется золотом. Перед портретом установлен защитный лист с шелковой вставкой. И это правило соблюдается далее, делая лишь небольшое отступление в портрете царевича Дмитрия (л. 42): более облегченная орнаментальная рамка, в стиле портретов великих князей, но с использованием золотой и серебряной красок. Шелковой завесы перед портретом нет.

Такие же нюансы можно наблюдать и в портретах патриархов. Особо нужно отметить два портрета европейских правителей: папы Римского (л. 108) и короля Англии (л. 139)⁶. Эти изображения лишены прямолинейных внешних очертаний цветочного декора, обрамляющего портреты. Орнамент не отделен от полей бумажного листа. Именно такая маленькая деталь разительно выделяет оба изображения от других портретов. Изображения объединяет тот факт, что обе персоны являются одновременно и правителями своих государств, и главами церквей: католической и англиканской.

Технико-технологическое исследование красочного слоя листов «Титулярника» началось с микро- и макросъемки живописных поверхностей. Изучение отснятых фрагментов позволило выявить и объяснить некоторые особенности. Но главное, один из отснятых сюжетов по титульной надписи на портрете первого царя династии Романовых Михаила Федоровича (л. 48) положил начало новому этапу исследования данного памятника с применением светящейся пленки.

Макросъемка показала, что некий рельеф на данном участке — следы закрашенных букв, а маленькие случайные черные точки — это утраты верхнего слоя краски на буквах. При просмотре в проходящих лучах было выявлено уплотнение красочного слоя на завесе слева от изображения государя. Для этого была применена съёмка фрагмента миниатюры, под которым была помещена светящаяся плёнка Slimlight (Германия)⁷.

Как и в случае со средневековой живописью на пергаменте, такая подсветка просвечивает бумагу и его живописную поверхность насквозь, не нанося повреждений памятнику.

Подбор режима съемки позволил получить скрытую первоначальную надпись к портрету, выполненную железо-галловыми чернилами слева от изображения в две строки. Это начало титула было закрашено сверху той же краской, что и основное поле зеленого завеса. То, что правка сделана именно тем же колером, подтверждено физико-химическим исследованием красочного слоя⁸ и тем обстоятельством, что за долгие годы бытования отредактированный участок остался в тех же тоновых градациях, как и основное поле завесы за спиной Михаила Романова.

Необходимо отметить, что надпись справа от изображения также редактировалась. Видимая запись в пять строк исполнена поверх другой в две строки, которая была стерта. Остатки золотых букв в верхних двух строках видны при визуальном осмотре. Съёмка на просвет показала, сколь тщательно подтерли написанный текст. Обе подписи, размещенные справа, были написаны творенным золотом. Все титулы к изображениям российских князей и царей вплоть до этого портрета были выполнены железо-галловыми чернилами с золотыми начальными буквами. Такие надписи располагаются слева и справа от изображения.

На примере редактирования подписи к портрету Михаила Федоровича можно предположить стремление создателей книги отделить новую династию от предшественников. Внесение изменений в композицию портрета было продиктовано эстетическими соображениями. Слева от портрета начальная фраза титула была написана железо-галловыми чернилами, а продолжение выполнено золотыми чернилами. Такая пестрота в надписи, очевидно, была признана недопустимой, но привести ее в некое единство, за счет редактирования золотых строк темными чернилами, создатели исключили. Таким образом, вся новая надпись была размещена справа и написана золотом. Поновленный золотой титул выделяет портретное изображение царя новой династии Романовых.

Надпись к портрету Алексея Михайловича (л. 50) выполнена справа на фоне белой бумаги золотыми чернилами. Текст надписи объемён по количеству слов, и писец весьма неуклюже втиснул все слова в пространство справа от изображения одежд царя до орна-

ментальной рамки. Особенно надо обратить внимание на то, что только портрет Алексея Михайловича вписан в восьмиугольник. Все другие портреты вписаны в овал. Так вновь из всех изображений великих князей и царей выделен портрет правящего на момент создания книги государя. Родовые узы Романовых подчеркнуты в портретах царей зеленой завесой за спинами двух царей, а зеленый шелк на защитном листе (л. 90) перед портретом Филарета (л. 91), указывает на родоначальника — отца и деда Романовых.

При создании портретов художники Посольского приказа постоянно вносили изменения в изображения. Исправления лучше всего видно с тыльной стороны листа. Участки, которые мастера уточняли или видоизменяли, имеют утонченную деформированную поверхность. Художники подчищали, механически удаляли прежние линии и краски с бумаги. Поэтому выявление изображений со следами закрашивания новым красочным слоем поверх существующего изображения может указывать и на некие поновления книги в период бытования.

Портреты патриархов, как Вселенских, так и Московских, имеют явные следы поновлений через запись красочного слоя. Как правило, это правки на головных уборах портретируемых. Так на головных уборах патриархов Константинопольского Мефодия (л. 83), Александрийского Паисия (л. 84) и Антиохийского Макария (л. 85) изображенные изначально золотые кресты на клобуках впоследствии были заретушированы краской, со временем нижележащее изображение крестов вновь стало проглядываться. Согласно сложившейся традиции патриархи греческой церкви изображены в черных головных уборах. Среди этих портретов особенно надлежит отметить портрет Антиохийского патриарха Макария, в 1656 г. посетившего Россию. Макарий подарил патриарху Никону белый клобук нового образца. Головной убор представлял собой твердую цилиндрическую камиллаву, обшитую белым кукулем. В таком клобуке изображены патриарх Никон (л. 94) и патриарх Иоасаф II (л. 95). Белый цвет головных уборов — это цвет бумаги. Кресты на клобуках не подвергались никакой правке. Эти портреты современников царствования Алексея Михайловича выполнены в европейской графической традиции.

Портреты же предшествующих Московских патриархов отмечены следами поновительства. Не составляет исключения и портрет патриарха Филарета, в миру боярина Федора Никитича, отца Михаила Федоровича. Первоначальный портрет в овале был аккуратно вырезан из орнаментального обрамления и заменен другим, подклеенным по контуру с тыльной стороны. Изображение выполнено в традициях европейской школы рисунка на той же бумаге с филигранью «Лилия под короной», что и вся книга. Очевидно, что и в данном случае стремление запечатлеть более реально члена царствующей семьи заставило заменить изображение.

К сожалению, в опубликованных исследованиях по «Титулярнику» нет никаких исторических сведений о такой кардинальной редакции изображения патриарха. Идентичность по филиграням не указывает на одновременность действия. Рукописные листы с текстовыми дополнениями по истечении нескольких лет были выполнены другим почерком, но на той же бумаге с «Лилией» и той же контромаркой в виде буквенной символики.

Изображения остальных пяти Московских патриархов святейших — Иева (л. 87), Гермогена (л. 88), Игнатия (л. 89), Иоасафа (л. 92) и Иосифа (л. 93), исполненные в иконописной манере, на сегодняшний день изображены в белых клобуках сферической формы, практически идентичных современной форме головного убора патриарха. На головных уборах московских патриархов «Титулярника» нет изображения крестов наверху. Клобук украшают изображения серафимов, а нисходящие передние концы кукуля украшены только геометрическим узором, в то время как сегодня на этих участках расположены также серафимы, а завершает патриарший убор — драгоценный крест.

При рассмотрении этих портретов видно, что они имеют следы записей. И повновения эти разновременные. Головные уборы переписаны плотным слоем свинцовых белил. Хорошо видно как был изменен силуэт головных уборов на портретах. На левом ушке головного убора в портрете патриарха Иосифа выявлена запись в образовавшейся утрате. На портрете Иева (л. 87) хорошо заметно, что форма ниже изображенного клобука цилиндрического типа. При исследовании портретных изображений на просвет выявлено, что под плотным слоем свинцовых белил, на плечи всех пяти патриархов слева и справа от ликов ниспадают тщательно прорисованные волосы патриархов, исполненные в такой же манере, что и бороды святейших. Эти изображения выполнены в иконописной манере и авторство этих работ, согласно архивным источникам, принадлежит патриаршему мастеру Д. Львову. Невозможно даже предполагать, что такой художник позволил себе вольно обращаться с установленными канонами или, еще невероятнее, что православный патриарший художник проигнорировал все возможные правила и позволил себе вольность в интерпретации портретов Московских священнослужителей. Исходя из этих размышлений, можно утверждать, что правки в изображениях головных уборов московских патриархов появились за время бытования рукописной книги. Внесены такие редакции, очевидно, под влиянием «изменчивой» моды на форму патриарших головных уборов для официальных портретов — клобуков, головных уборов, состоящих из камилавки и кукуля. Белый цвет клобуку московского патриархата был присвоен по сохранению традиций головных уборов священнослужителей Новгорода и утвержден на Московском соборе 1564 г. Внешний вид и форма клобука не регламентирована никаким собором. Поэтому особенно любопытно, что кардинальные изменения затронули именно этот головной убор.

В заключение хочу обратить внимание исследователей на изображения «Титулярника». Портреты, в той или иной мере обозначенные в кодикологических и исторических исследованиях, достойны серьезного искусствоведческого анализа, чтобы определить количество мастеров. Изучение орнаментов, выявление особенностей того или иного «золотописца-травника» — это на сегодняшний день все еще «terra incognita». В этом аспекте «Титулярник», как памятник изобразительного искусства, ждет своих серьезных искусствоведческих исследований.

¹ Царский Титулярник: в 2 кн. М., 2007. Кн. 2. С. 123.

² Царский Титулярник. Кн. 1.

³ Книга подвергалась неоднократно чинкам. Повреждения корешковой части книжного блока биодеструкцией за годы своего бытования понуждали постоянно укреплять обветшавшую бумагу по корешку заклеивками из полосок крепкой бумаги. Такие чинки происходили как минимум в три этапа, каждый раз когда поновляли шитье книжного блока и заново переплетали книгу. Слишком крепкий и толстый слой клеевой пленки стал провоцировать разрывы по границе исторической обветшавшей бумаги и плотной бумажной заклейки. А участки со следами плесневого окраса окончательно утратили механическую прочность, и бумага в таких местах начала просто рассыпаться от полученных исторических повреждений.

⁴ Лукичев М.П. Титулярник — Большая государственная книга 1672 г. // Царский Титулярник. Кн. 2. С. 7; Эскин Ю.М. Титулярник — тексты и иллюстрации // Там же. С. 17.

⁵ Для примера можно назвать портреты Цесаря Римского Леопольда (л. 118), короля Дании Христиана (л. 146) и князя Флоренции Фердинанда (л. 180).

⁶ В воспроизведении этих миниатюр в издании 2007 г. рамки были добавлены при редактировании изображений.

⁷ Это не первое исследование красочного слоя древнерусской живописи с использованием данного прибора. См.: Петрова Н.Л., Кодарев Д.В. Исследования миниатюр Спасского евангелия из собрания Ярославского музея-заповедника // VII Грабаревские чтения. М., 2010. С. 262—266.

⁸ Исследование проведено неразрушающим методом РФА, ведущим научным сотрудником отдела физико-химических исследований ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря А.Я. Мазиной.

Состав Архива А.М. Горького как источник развития горьковедения

Первые литературные выступления А.М. Горького-писателя и публициста на страницах провинциальной прессы вызвали сначала робкую, а затем все более жаркую полемику о его творчестве. Критическая борьба вокруг Горького на протяжении многих лет его общественно-революционной деятельности и литературной работы заполняла страницы всех литературных журналов и множества газет, представляя собой как по количеству выступлений (до 10 тыс. одних русских статей только при жизни автора), так и по разнообразию критических форм и по интенсивности своих суждений, — явление исключительное в истории не только русской, но и мировой литературы. Но в этом огромном количестве самых разнообразных, подчас резко противоречивых мнений о Горьком, обусловленных сложной картиной политической и общественной жизни от Первой русской революции до Октября, найдутся лишь немногие крупницы подлинно объективных наблюдений. Критики затрагивали вопросы общественно-литературной позиции Горького в разное время, писали о его художественном методе, о генетической связи с предшествующей литературой. Современники-литературоведы чутко реагировали на идеологическую направленность его произведений, тонко подмечали особенности стиля и делали интересные сопоставления с творчеством других писателей.

Человек необычной судьбы, Горький встречался со многими людьми самых разных убеждений, профессий, социального положения. Его творческое наследие вошло в золотой фонд мировой литературы.

В 1936 г. под редакцией С.Д. Балухатого вышло в свет «Описание рукописей М. Горького»¹, сыгравшее большую роль в горьковедении. Однако оно охватывало лишь небольшую часть рукописного наследия Горького, так как С.Д. Балухатому были недоступны личный архив писателя и материалы, находящиеся у частных лиц.

При изучении творчества Горького, для характеристики его личности исследователи обычно пользуются именно архивными материалами: эпистолярным, творческим или публицистическим наследием писателя. И это вполне закономерно.

Архив А.М. Горького — один из архивов писателя, вобравший в себя документы, освещающие практически весь спектр его творческой, политической и общественной деятельности. Горький, без сомнения, понимал значимость своей личности, о чем свидетельствует бережное отношение писателя к архиву. Документальная полнота архива, прекрасная сохранность материалов имеют большое значение для истории литературы и культуры в целом.

Примечательной особенностью Архива является авторская, систематизация, оказавшаяся настолько успешной, что она впоследствии послужила основой систематизации фондов Архива А.М. Горького.

Основной фонд Архива состоит из следующих разделов:

1. Рукописи художественных произведений А.М. Горького.
2. Литературно-критические и публицистические статьи.
3. Заметки.
4. Письма А.М. Горького разным лицам.

5. Письма разных корреспондентов А.М. Горькому.
6. Биографические документы и материалы А.М. Горького.
7. Воспоминания об А.М. Горьком.
8. Материалы семьи А.М. Горького: Е.П. Пешковой, М.А. и Н.А. Пешковых.

Полное собрание творческих рукописных материалов Алексея Максимовича сделало возможным текстологическое изучение всех моментов его работы над художественными произведениями. Например, повесть «Дело Артамоновых» представлена в трех редакциях с дополнительными вариантами отдельных эпизодов. Самое большое произведение — «Жизнь Клима Самгина» — сохранилось в двух полных вариантах и многочисленных набросках, а черновики большинства его пьес и таких рассказов, как «Тюрьма», «Человек», позволяют провести это изучение с начальных этапов.

Не менее интересны для исследователя творческой биографии писателя и разделы, посвященные литературно-критическим и публицистическим статьям и заметкам Горького.

Особое место в процессе создания литературных произведений и в выработке идейно-политических и художественных взглядов писателя занимают заметки и записные книжки. В рукописном наследии Алексея Максимовича сохранился обширный массив заметок и несколько записных книжек. Сделанные на листках из блокнота, заметки представляют собой иногда завершенные, но чаще черновые, трудно читаемые записи. Это прозаические наброски, портретные характеристики, высказывания о литературе и языке, суждения о религии и о русской истории, фрагменты публицистического характера. Писатель хранил заметки в специальных конвертах. На некоторых его рукой сделаны надписи: «О Л.Н. Толстом», «Достоевский», «Лесков», «Личное», «Заметки» и т.п., другие — без названия. Они отражают своеобразную манеру Горького: наряду с пометами на книгах, делать замечания по поводу прочитанного на отдельных листочках. Иногда эти листочки оставались в книгах, но чаще вкладывались в конверт.

В отдельном конверте, не имеющем названия, Алексей Максимович хранил листочки с записями впечатлений от встреч с разными людьми. Довольно часто записи такого рода делались прямо на визитных карточках. Некоторые из заметок представляют собой законченные портретные характеристики, как, например, заметки о В. Ходасевиче или В. Чернове.

Ценнейший раздел Архива, как для горьковедения, так и для истории литературы в целом, составляет огромная переписка Алексея Максимовича с деятелями литературы, искусства, науки, политическими и общественными деятелями, многочисленными читателями, насчитывающая десятки тысяч писем, в том числе — около 13 тыс. писем самого Горького. В конце 1928 г. Горький писал своему биографу Илье Александровичу Груздеву: «...разбирая письма, коими осыпает меня “Русь”, завидую человеку, который будет рыться в моем архиве»². Приблизительно к этому же времени относится и такая шутивная заметка: «Справедливости ради необходимо, чтоб в некрологе моем было сказано: Всю жизнь, ежедневно, несмотря на погоду, он писал письма и посылал их повсюду, но почтовые учреждения Европы относились к нему вообще равнодушно, и часто — возмутительно небрежно»³.

Письма Алексея Максимовича к писателям воссоздают неповторимое своеобразие литературной жизни конца XIX — первой трети XX в., ее быт, нравы, человеческие отношения, условия литературной работы, постепенное изменение литературной обстановки, атмосферу творчества. Тогда многие крупнейшие произведения

литературы еще только задумывались, появлялись никому неизвестные авторы, а Горький только начинал писать «Жизнь Клима Самгина».

Переписка Алексея Максимовича с писателями интересна еще и тем, что освещает все стороны литературного процесса, частные литературные события, взаимоотношения и споры. Такой, например, является переписка Горького с М.М. Пришвиным, Л.Н. Толстым, А.П. Чеховым, В.Г. Короленко, А.А. Блоком и другими.

Часто творческая помощь Горького писателям выражалась в непосредственном участии в их поисках и замыслах, в работе над образом, сюжетом, языком. Особенно ярко такая помощь Горького проявилась в переписке с начинающими писателями.

В тесной связи с вышеупомянутыми разделами находится большой массив материалов, составляющий рукописи различных авторов, с правкой, пометками и замечаниями А.М. Горького. Таких рукописей насчитывается около 900. Горьким были прочитаны рукописи авторов одаренных и бездарных, начинающих и уже вошедших в литературу. Почти во всех письмах к писателям, а также в беседах с ними Алексей Максимович постоянно просит, не стесняясь, присылать их ему. «Пишите больше и присылайте рукописи мне, я буду читать их, критиковать и, если окажется возможным, — печатать», — писал Горький Всеволоду Иванову в октябре 1916 г., когда тот делал еще первые шаги на литературном поприще⁴.

Благодаря бережному отношению Алексея Максимовича к каждой рукописи, попадавшей тем или иным путем в его руки, глубоко продуманным отзывам о первых книгах еще никому не известных авторов получили «благословение» на литературную деятельность многие талантливые советские писатели: Л. Леонов, Ф. Гладков, А. Макаренко, К. Федин, А. Фадеев, А. Афиногенов, О. Берггольц, К. Тренев, В. Гроссман и многие другие. Богатейший рукописный материал, сохранившийся в Архиве А.М. Горького, дает возможность глубоко и всесторонне показать редакторскую работу писателя, а также творческие приемы самого Алексея Максимовича, которыми он щедро делился с начинающими авторами.

Исключительный интерес представляет и переписка писателя с иностранными корреспондентами. Горькому писали со всех концов мира. В Архиве сохранились тысячи писем от зарубежных общественных деятелей и писателей, рабочих и художников, артистов, педагогов, журналистов, критиков и публицистов. Среди них: Герберт Уэллс и Стефан Цвейг, Анри Барбюс и Ромен Роллан, Томас Масарик и Шьямаджи Кришнаварма, Аксель Галлен-Каллела и Макс Рейнгхардт. Тематика переписки невероятно разнообразна: начиная с просьб об автографах и кончая философскими и политическими проблемами. Как бы ни были разнообразны и не похожи друг на друга его корреспонденты, все они видят в нем яркую личность, борца за справедливость, учителя жизни.

В переписке Алексея Максимовича отчетливо видна его огромная редакционно-организаторская работа, как в дореволюционный, так и послереволюционный период. Эта многосторонняя, часто черновая работа нашла отражение в переписке писателя со многими общественными деятелями (В.И. Ленин, И.В. Сталин, Л.Б. Каменев, А.В. Луначарский, А.С. Бубнов, М.Н. Покровский). Не всем начинаниям Горького суждено было сбыться: не находилось средств, не позволяли цензурные условия.

Из эпистолярного наследия Горького следует выделить письма, которые дают возможность охарактеризовать огромное разнообразие форм его общественно-публицистической деятельности: это *письма-статьи* — нередкая форма в писательской практике Алексея Максимовича, специфика которой заключается в превращении личного послания в литературную статью.

Жанр статьи характерен и для *письма-предисловия, письма-рецензии*. К этому же, в сущности, публицистическому материалу относятся и *открытые письма* Горького, опубликованные в газетах и журналах, — письма, как правило, затрагивающие актуальные общественные темы. К ним примыкает большое число *писем—приветствий*, с которыми писатель обращался к обществу. Далее следует обширный ряд *писем в редакцию* различных газет по актуальным общественным и биографическим поводам.

Очень разнообразны документальные биографические материалы, иллюстрирующие жизнь и творчество Алексея Максимовича. Среди них документы, связанные с имущественным, профессиональным и сословным положением семьи Кашириных; записи актов гражданского состояния А.М. Пешкова и его семьи; школьное свидетельство; страница домового книги дачи Чехова в Алушке с пропиской писателя; договор на аренду дачи в Финляндии, домовая книга с пропиской Горького в Нейволе; свидетельство о пребывании Горького в Санкт-Блазиене.

Большой интерес представляют материалы, отражающие революционную деятельность Алексея Максимовича: векселя, его подписи на векселях, связанных с финансовой поддержкой Московского вооруженного восстания 1905 г.; жандармские и цензурные дела, протоколы обысков, допросов, донесения филеров и т.д. Отдельно следует отметить документы на издание и переводы произведений Горького; дела Главного Цензурного Комитета, Цензурных Комитетов Петербурга, Москвы, Н. Новгорода, Самары, Казани и других городов; отзывы цензоров и оценки произведений писателя, цензурные изъятия из текстов и списки запрещенных произведений Горького.

Среди автобиографических документов — заявление о вступлении в Общество Драматических писателей, заполненные Горьким анкеты, заявления о вступлении в Союз советских писателей, документы о присуждении премий за отдельные произведения, избрание писателя в Академию наук и в различные общества: «Любителей русской словесности» и т.д. Не менее интересны и материалы о деятельности А.М. Горького в Комиссии по улучшению быта ученых (КУБУ), которая была создана постановлением Совнаркома в декабре 1919 г. Алексей Максимович руководил Петроградским отделением КУБУ, вникая во все детали этого дела. В условиях голодающего Петрограда это была невероятно сложная работа, отнимавшая все силы писателя. В Архиве сохранилось большое количество личных и официальных писем Горького в центральные и местные организации с просьбами об увеличении пайков, о топливе, одежде, жилище и т.п. КУБУ позволила многим ученым, писателям, деятелям культуры пережить очень трудное время, сохранила многих выдающихся деятелей русской науки и культуры.

Архив располагает также и медицинскими документами: «Скорбный лист», истории болезни Алексея Максимовича и его сына Максима.

Отдельный интереснейший пласт составляют документальные материалы, связанные с издательствами, в создании и деятельности которых принимал участие Алексей Максимович: Государственное издательство РСФСР, «Academia», «Художественная литература», «Федерация», «Время», «Земля и фабрика», а также большое количество планов, отчетов, протоколов заседаний редколлегий издательств с его многочисленными пометками и не менее обширной перепиской с сотрудниками издательств. Несомненный интерес представляют такие материалы, как «Договор между А.М. Горьким, А.Н. Тихоновым, З.И. Гржебиным и И.П. Ладыжниковым об организации издательства “Всемирная литература”» (1918), «Договор между Наркомпросом и литературно-издательской группой об организации издательства “Всемирная лите-

ратура»», «Протокол расширенного редакционного совещания кооперативного товарищества “Время”» (1931), план организации «Дешевой библиотеки ГИЗа» (1929).

К вышеназванному разделу относятся и материалы о деятельности редакций газет и журналов, создаваемых Горьким, а также редакций книжных серий и некоторых его издательских начинаний: «Литературная газета», «Наши достижения», «Литературная учеба»; «История фабрик и заводов», «История гражданской войны», «История молодого человека», «История деревни», «История женщины», «Библиотека поэта», «День мира». Среди них: протоколы заседаний редакций «История гражданской войны» и «История деревни»; стенограмма совещания по вопросу о журнале «Наши достижения»; план журнала «Литературная учеба» и многие другие документы.

Архивом А.М. Горького специально собирались и записывались воспоминания лиц, знавших писателя. Из наиболее ярких и достоверных воспоминаний об отдельных периодах жизни и деятельности писателя можно отметить следующие мемуары: о 1890-х гг. — О.Ю. Каменской, О.Ф. Ивиной-Лошаковой, о периоде пребывания в Тифлисе — А.М. Каложного и Н.М. Кара-Мурзы, о дореволюционном периоде — Н.Е. Буренина, А.А. Золотарева, О.О. Грузенберга, И.Д. Сытина, о послереволюционном периоде — М.Ф. Андреевой, В.М. Никитина, А.С. Курской, А.В. Сигорского, К.И. Чуковского.

Большой и достаточно самостоятельный раздел представляют материалы семьи А.М. Горького, к которым относятся фонды Екатерины Павловны Пешковой, Максима Алексеевича и Надежды Алексеевны Пешковых. Тесное переплетение жизни близких и родных Алексею Максимовичу людей с его жизнью и творчеством отражено в принадлежащих им архивах. Фонды Максима и Надежды Пешковых состоят в основном из писем друг другу и разным корреспондентам, чаще всего — это лица из близкого окружения писателя. Среди них: семья художника Н.А. Бенуа, П.П. Крючков, М.И. Будберг, семья Ф.И. Шаляпина.

Архив Екатерины Павловны Пешковой содержит более 20 тыс. единиц хранения. В него входят: биографические материалы Е.П. Пешковой; небольшая коллекция документов, связанных с ее общественно-политической деятельностью; обширная личная переписка; рукописи разных авторов; материалы М.К. Николаева, ее многолетнего друга и соратника; газеты и газетные вырезки. Наиболее существенной и ценной частью этого архива являются письма Горького к Е.П. Пешковой и к сыну Максиму Пешкову.

Письма Алексея Максимовича к Екатерине Павловне порою напоминают дневниковые записи. В них — его думы и настроения, все, что волнует его, чем он живет в настоящий момент. Очень часто письма к жене и сыну переполнены откликами на политические события, на явления литературной и культурной жизни. Из них мы узнаем о творческой работе писателя. Интересны они и тем, что полно передают черты горьковского характера, позволяют глубоко проникнуть в суть его духовных исканий.

После Великой Отечественной войны, когда в Архив А.М. Горького стали поступать документы, касающиеся не только писателя, но и его окружения, сотрудники Архива сначала объединили их с единым фондом писателя. Но количество таких документов увеличивалось, и в результате появились новые фонды: И.П. Ладыжникова, К.П. Пятницкого, И.А. Груздева, А.Н. Тихонова, которые по своему характеру и содержанию органически примыкают к существующему Архиву А.М. Горького и являются важнейшим и необходимым дополнением его фонда. При этом горьковские материалы — в основном, его автографы, были изъяты оттуда для горьковского фонда.

Материалы фонда И.П. Ладыжникова представлены в основном его биографическими документами и большой перепиской с женой — Екатериной Ивановной

Ладыжниковой и дочерью Натальей. Основные документы о его работе, связанной с деятельностью издательств «Издательство И.П. Ладыжникова», «Книга» и «Международная книга», вынесены в фонд М. Горького и по своему составу перекликаются с фондами К.П. Пятницкого и А.Н. Тихонова и архивами издательств «Знание» и «Всемирная литература». Наиболее полным по своему составу является фонд издательства «Знание», в документах которого подробно отражена творческая и организаторская деятельность Горького. В фонде сохранилась практически в полном объеме переписка с писателями: А.В. Амфитеатовым, Л.Н. Андреевым, К.Д. Балмонтом, И.А. Буниным, А.Н. Бенуа, А.А. Богдановым, В.В. Вересаевым, А.Л. Волынским, К. Гамсуном, Н.Г. Гариным-Михайловским, Б.К. Зайцевым, А.А. Золотаревым, С.С. Кондрушкиным, Ф.Д. Крюковым, А.И. Куприным, Д.С. Мережковским, А.П. Чеховым, И.С. Шмелевым, П.С. Юшкевичем и многими другими.

К числу источников, отложившихся в архивах издательств, относятся финансово-расчетная и расчетно-сметная документации. Наконец, значительный интерес представляют протоколы общих собраний участников и коллегиальных органов этих издательств, где отражена их внутренняя жизнь. Так, в фонде издательства «Знание» сохранилось 35 протоколов общих собраний участников этого товарищества. Протоколы велись в специальном журнале с надписью на титульном листе: «Протоколы общих собраний товарищества “Знание”»⁵.

Подобная делопроизводственная документация издательств дает возможность исследователям полнее осветить процессы функционирования издательств на рубеже XIX—XX вв., проанализировать степень участия А.М. Горького в различных издательствах.

Как мы видим, фонды Архива А.М. Горького содержат большой объем актуальной научной информации, который открывает широкие возможности их научного и практического использования. Существование рядом с литературным Архивом ведущей литературоведческой школы страны (Института мировой литературы) и целого штата ученых-горьковедов помогало осмыслить и углубить научное описание фонда писателя, его художественного и эпистолярного наследия, биографических материалов, создало кадровую базу для улучшения публикаторской деятельности Архива, что в конечном итоге способствовало более полному и глубокому изучению жизни и творчества писателя в историческом и литературном контексте эпохи.

¹ Описание рукописей М. Горького. Вып. 1. Художественные произведения. М.; Л., 1936.

² Архив А.М. Горького. Т. XI: Переписка А.М. Горького с И.А. Груздевым. М., 1966. С. 187.

³ Там же. С. 198.

⁴ *Всеволод Иванов*. Встречи с Максимом Горьким. М., 1947. С. 16.

⁵ Архив А.М. Горького при ИМЛИ РАН. «Зн».-док. 27-8-1.

О.А. Роянова, И.М. Умарова
(ИА РАН)

Организация архивного дела в Институте археологии РАН за период 1945–2012 гг.*

Первоосновой научно-отраслевого архива Института археологии РАН явилось собрание документальных материалов Московского археологического общества, просуществовавшего с 1864 по 1920 г. Подтверждением этого могут служить передаточные акт и опись материалов за 1718–1944 гг. Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) и ее Московского отделения и адреса отделов МО ГАИМК, а впоследствии и Института археологии АН СССР (ул. Волхонка, д. 14; ул. Пятницкая, д. 33; пер. Садовских, д. 25; пер. Б. Черкасский, д. 9).

В начале не было четкого названия архива: одно время архив назывался Отделом архивных изысканий и Отделом архивных исследований ИИМК АН СССР в 1954 г. (распоряжения № 1, 7, 9 (Ф. 1. Р. 4. Д. 24. Л. 2, 12, 14)); затем был присоединен к ОПИ (Постановление Президиума АН СССР № 236 от 21 марта 1969 г., где заведующей была Л.А. Евтюхова); в 1970 г. разработаны, согласованы и утверждены Правила пользования документальными материалами архива ИА АН СССР; в октябре 1976 г. разработано, согласовано и утверждено Положение о научном архиве ИА АН СССР и заведующей назначена Т.Т. Владимирова. Архив становится самостоятельной единицей в структуре института с подчинением ему архива ЛОИА АН СССР (Приказ № 90 от 29 октября 1976 г., Р. 4. Д. 172. Л. 199).

История и деятельность Научно-отраслевого архива Института археологии РАН с 1945 г. была освещена в докладе на конференции в 2008 г. В этой статье мы остановимся на особенностях комплектования и структуры архивного фонда.

С 1945 г. исторически сложилась структура хранения документальных материалов — был сформирован только фонд № 1, который состоял из 8 разделов:

Раздел I — Научные отчеты археологических экспедиций с 1945 г. (с приложениями чертежей и фотографий).

Раздел II — Рукописи и диссертации.

Раздел III — Документальные материалы сессий и пленумов, документы Ученого совета, секторов, отделов, канцелярии и бухгалтерии с 1945 г. (+ Оп. № 1 — опись управленческой документации за 1973-1975 гг.).

Раздел IV — Документальные материалы по кадрам с 1967 г. (+ бухгалтерия с 1945 г.)

Раздел V — Личные дела лиц, закончивших аспирантуру и защитивших диссертации.

Раздел VI — Личные дела лиц, выбывших из Института.

Раздел VII — Документы бухгалтерии с 1966 г. (+ Оп. № 3).

Раздел VIII — Финансовые документы зарубежных экспедиций (+ Оп. № 5).

Далее с № 2 следуют фонды личного происхождения.

* В подборе сведений к статье принимала участие Е.Ю. Лебедева.

Затем фонд № 1 сократился до 6 разделов.

Раздел 1. Научные отчеты (с приложением чертежей и фотографий) сотрудников Института и археологов различных учреждений страны, проводящих археологические исследования на территории нашей страны (на которые выданы открытые листы ОПИ Института) и за рубежом. Отчеты составляют основной фонд, ежегодно пополняющийся.

Раздел 2. Неопубликованные рукописи по вопросам археологии, истории, искусствоведения и диссертации, защищенные на заседаниях Ученого совета Института.

Раздел 3. Документы, отражающие научно-организационную деятельность Института, которые передаются на постоянное хранение в Архив РАН (1012 дел).

Раздел 4. Документы, отражающие научно-организационную деятельность Института.

Раздел 5. Личные дела аспирантов Института.

Раздел 6. Личные дела сотрудников Института.

В 1980-е гг. структура архива была дополнена комплексом материалов нефондовой организации документов: фото- и киноматериалы археологических экспедиций Института. Далее следуют фонды личного происхождения научных сотрудников Института.

При детальном изучении истории формирования структуры архивного фонда не были обнаружены документы, подтверждающие такое разделение на фонды и разделы и их реструктуризацию. В описи раздела 1 первоначально велась регистрация всего архивного материала: Протоколы заседаний археологического комитета; заявки на открытые листы; журналы регистрации открытых листов; годовые отчеты Комитета полевых исследований; отзывы на научные отчеты; переписка по Комитету полевых исследований и т.п. В книгах описи, начиная со второй книги (1957 г.), нет заверительных надписей. Эти книги регистрации стали считать описью.

Раздел 2 составляют рукописи (неопубликованные и опубликованные) статей, монографий, научных отчетов о полевых археологических исследованиях (научные отчеты о полевых археологических исследованиях составляют раздел 1) и диссертаций, которые по правилам хранения должны поступать в институтскую библиотеку. Таким образом, раздел 2 надо кропотливо и детально изучить и переформировать, составив новую опись.

В раздел 3 входят документы, отражающие научно-организационную деятельность Института, которые передаются на постоянное хранение в Архив РАН. В 1980-х гг. он был расформирован: часть материала была передана в Архив РАН фонда Института археологии № 1909, другая часть — с малыми сроками хранения — списана.

Раздел 4 совмещает бухгалтерские документы, документы отдела кадров, наградные документы для присуждения премий и списки личного состава Института.

Ведение учетных документов: в разделе 5 (личные дела диссертантов и аспирантов) часть дел (288 ед. хр.) в 1994 г. была списана по акту списания и уничтожение документов в соответствии с истекшими сроками хранения, однако не было упоминаний, какие дела списываются (ни номеров, ни названий, т.е. фамилий), есть только указание на количество дел. Часть дел была отправлена в ИИМК РАН, так же без указания номеров дел и фамилий аспирантов-диссертантов, указано только количество дел.

При оформлении дел допущены нарушения — не полностью прописывались ярлычки, т.е. при начале новой описи раздела отсутствует номер описи. При поиске документов происходила определенная путаница.

Вопросы сохранности документов. При поступлении документов и передаче их в другие организации неоднократно нарушались правила регистрации документов. Так, например, отсутствуют правильно оформленные документы, по которым производились передачи фондов: № 27 П.И. Засурцева в Курский музей; № 16 Н.Н. Воронина в Государственный музей Владимирской области. Нет разрешения на передачу документов, есть только письмо-запрос из Госархива Владимирской области, без резолюции дирекции института и нет описи документов. Только в расписке от 14 ноября 1980 г. о получении документов Н.Н. Воронина ст. методистом Госархива И.А. Альтманом есть указание на количество коробок (11) и связок (9); и т.д. Сотрудники выяснили, что № ФЛП Н.Н. Воронина Р-422, надо запрашивать копию описи фонда. Кроме того, в 1981 г. номер фонда был занят под фонд личного происхождения Ю.В. Кухаренко. Аналогичный случай произошел и с фондом профессора А.А. Захарова, о котором упоминается только в отчете о работе заведующей архивом за период 1961—1965 гг. (личное дело Т.Т. Владимировой Ф. 1. Р. 6. Д. 263. Л. 20).

По разделу 4 полная опись дел вообще отсутствует. Она представлена в нескольких описях, но это не было отражено в ярлычках дел.

Ведение учетной книги поступлений: начинается с 1963 г. по 1988 гг., возобновлена на 1993 г. Из всего объема комплекса документов регистрировались только личные дела сотрудников и тезисы докладов и конференций. Регулярно же книга ведется с 1999 г. с полным комплексом документов.

Материалы архивного фонда раньше располагались в разных зданиях и претерпели несколько переездов из одного в другое. При этом, по всей видимости, акты проверки наличия не составлялись, поскольку отсутствуют даже рабочие материалы. Изучая документы проверок наличия архивных материалов, сотрудники столкнулись с тем, что плановые проверки наличия не проводились. Проверки наличия проводились только в связи с расширением хранилищ, с ремонтом помещений и заменой стеллажей.

Нет конкретных указаний на документы, по которым проведено уничтожение документов, или их перевод в другие фонды и организации. Отсутствует их датировка.

Так как архивы в Москве и Ленинграде были единым целым, то очень часто документы из московского архива перевозились в Ленинградское (ныне СПб.) отделение по запросам исследователей и возвращались обратно (всегда ли?). Так, за период 1961—1965 гг. «выдано во временное пользование из рукописного отдела в Ленинградское отделение Института археологии 209 ед. хранения», «за период 1966—1968 гг. ... ЛО и других учреждений 360 ед. хр.», «за период 1969—1971 гг. — 56 ед. хр.», «за период 1976—1980 гг. — 488 ед. хр.» (из отчетов о работе м.н.с. рукописного архива ИА АН СССР за октябрь 1961 г. по октябрь 1965 г. Т.Т. Тереховой. Личное дело, Р. 6. Д. 263. Л. 21, 26, 28, 31). Только в 2000 г. подобная практика прекращена. Существует список отсутствующих документов, особенно научных отчетов и диссертаций и отдельная книга регистрации отправки документов. Проверка данных книги требует отдельного времени.

Все вышеизложенное говорит о том, что каждый сотрудник архива обязан знать правила работы, отклонение от них ведет к ошибкам (прекращение ведение книги учета поступлений, ведение раздела 3 и т.д.).

В идеале каждый сотрудник должен вести определенный объект архивной работы. Если принимаются временные сотрудники, то они должны быть профессионально подготовленными, или их надо тщательно готовить, чтобы исключить большое количество ошибок и как следствие — переделок.

Однако количества сотрудников не хватает на тот большой объем поступающих научных отчетов — просто регистрировать дело недостаточно, необходимо давать

краткое описание содержания. Не было специалистов по оформлению и описанию ФЛП, многое из уже обработанных надо пересматривать и переформировывать.

Необходимо в перспективе решать вопрос о новом расширении площадей хранилищ и их оборудовании, так как это было проведено в 2011 г., при поддержке Президиума РАН. Были установлены компакт-стеллажи в двух хранилищах, что позволяет на несколько лет решить проблему площадей хранилищ.

Помимо работы по архивным правилам, сотрудникам необходимы знания по реставрации документов. Очень полезны труды и пособия по реставрации документов, где рассказано о способах изготовления различных видов бумаги, ее естественном старении, возможностях реставрации бумаги, текстов в отсутствие специализированной лаборатории. Сотрудники должны иметь представление о режимах хранения документов, продлевающих их долговечность.

Научная разработка архивного фонда отчетов о полевых исследованиях. Раскопочные и разведочные полевые работы — основа развития науки археологии. Фонд источников исследований — полевых отчетов — с каждым годом увеличивается, расширяя и уточняя знания по истории и культуре народов нашей страны.

Специфика археологического памятника такова, что при раскопках нарушается его целостность, и памятник прекращает свое существование. Его описание в отчете о полевых исследованиях становится уникальным в связи с невозможностью повторения работы. Научный отчет о полевых работах представляет собой единственный источник научной информации по памятникам археологии, уничтоженным в ходе раскопок. Таким образом, отчет является ценной авторской рукописью, которая существует подчас в единственном экземпляре. При его утрате, учитывая все эти обстоятельства, сведения, содержащиеся в нем порой невозможно восполнить.

В Научно-отраслевом архиве ИА РАН хранятся научные отчеты о полевых исследованиях, начиная с 1945 г. Документы до 1945 г. находятся в Научно-отраслевом архиве ИИМК РАН (Санкт-Петербург). Старые отчеты не имеют краткой аннотации и даже оглавления. Зачастую из названия отчета нельзя составить представление о его содержании. Некоторые дела имеют весьма внушительные размеры (до 300 листов) и состоят из нескольких отчетов.

Информация о содержании и составе отчета, как правило, не выносилась на каталожную карточку. Существовавшая форма картотеки научных отчетов не позволяет ни исследователям, ни архивным работникам продуктивно ориентироваться в большом количестве информации в поисках необходимых сведений. При подготовке издания каталога отчетов о полевых археологических исследованиях, начиная с 1945 г., приходилось полностью просматривать содержание дела и составлять аннотацию:

- 1) Фамилия И.О. автора отчета. Инициалы раскрываются в именном указателе.
- 2) Авторское название отчета. Архивный номер. Год проведения работ. Количество листов и иллюстраций. Состав отчета: указываются альбомы или приложения, количество чертежей большого формата.
- 3) Указываются названия экспедиций и учреждения, участвовавшие в организации экспедиций.
- 4) Регион проведения полевых работ с указанием о переименовании республик и областей; характер проведения полевых работ. Номер открытого листа, если есть сведения о нем.
- 5) Название памятника (или памятников); хронологическая, культурная принадлежность и датировка памятника. При большом объеме разведочных работ указываются несколько памятников, все типы памятников и общее их количество.

6) Место хранения коллекции.

7) Кроме того, в карточке указывается физическое состояние дела и способы устранения дефектов или восстановления материала.

Создание нового научно-справочного аппарата, где на каждую единицу хранения вводится основная информация, облегчит и ускорит работу исследователей и создаст более благоприятные условия для сохранности архивного материала.

Издание Каталога (Т. 2–4) было подготовлено при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Разработана и внедрена новая программа базы данных, совмещенная с базой данных Отдела полевых исследований (ОПИ) — связующим звеном является архивный номер поступающего дела. Таким образом, отслеживается путь поступления научного отчета в ОПИ и позже — в архив. И как следствие, применяется новый подход по приему научных отчетов из ОПИ. Поскольку нередкими были случаи, когда уже поступивший в ОПИ отчет изымался автором для каких-то целей, след его терялся, что приводило к определенным трудностям в поиске дела. Новый метод работы исключает путаницу.

Одной из главных задач при составлении электронной базы данных регистрации научных документов является описание физического состояния самого архивного дела. В последнем разделе электронной карточки дела отмечается первоначальное состояние дела на момент регистрации, последняя дата проверки наличия, необходимость поисковых, восстановительных и реставрационных работ, проведение этих работ, их результат.

На наш взгляд, при решении задач, связанных с обеспечением продолжительного использования архивного дела, его сохранности и восстановления утраченного материала, архивист как врач должен руководствоваться одной из заповедей клятвы Гиппократова — «Не навреди».

Время создания документов с 1945 г. — послевоенное. Это отражается на качестве бумаги в делах — вся пожелтевшая. За неимением писчей бумаги, отчеты часто печатались на папиросной, которая не выдерживает интенсивной нагрузки использования. В архив сдавался, как правило, не первый, а второй экземпляр отчета, т.е. текст машинописный с копировальной бумаги. Стареющая бумага сказывается и на затухании рукописного текста.

При несоблюдении стандарта «полей», часть текста и иллюстраций «уходило» в переплет и поэтому недоступно для просмотра. В связи с этим читатель открывает переплет с нагрузкой (листы выходят из переплета, нитки рвутся и т.д.), и дело теряет целостность. Много лет научные отчеты поступали несброшюрованными (россыпью), брошюровка дела производилась архивными сотрудниками. Поэтому нередко документы одного отчета попадали в другую.

В качестве переплетного материала использовался очень тонкий картон. Подчас дела брошюровались без обложки. Поэтому возникали загибы, листы обтрепывались. Для сохранности дело вкладывалось в плотную папку большого размера, тогда оно постоянно сбивалось, или меньшего размера, тогда происходила деформация листов.

Много иллюстративного материала поступало россыпью, в лучшем случае в конвертах, поэтому постоянно приходится проверять и раскладывать перепутанный читателями материал. Это особенно утомительно при большом количестве иллюстраций.

Иллюстративный материал часто страдает из-за использования силикатного, казеинового и резинового клея. Силикатный клей изменяется, превращаясь в белый порошок, разъедает поверхность — и как следствие этого процесса, исчезает изображение на фотографиях, особенно в местах склеивания. Резиновый и казеиновый клеи со временем усыхают, и все склеенные части начинают отходить от основы (подписные подписи, иллюстрации и чертежи большого формата, таблицы и т.д.) и рассыпаться на отдельные составные части. Восстанавливать прежний вид склеенного материала — процесс очень трудоемкий и долгий. Порой сотрудник архива не может справиться с ним без специалиста-археолога. Такие же трудности связаны и с делами, поступившими в Архив 1990-е гг.

* * *

Ценность и уникальность материала, хранящегося в архиве ИА РАН, состоит в коллекции документов, в содержащейся в них информации, поэтому фонд 1 раздел 1 так востребован, и относиться к нему надо бережно как сотрудникам архива, так и исследователям. Ежегодно из ОПИ поступает более 2 тыс. дел, поскольку отчет в большинстве своем состоит из 2 и более томов (некоторые отчеты имеют и 40 томов).

Вследствие вышеизложенного очень важна добросовестная работа сотрудников — неукоснительное соблюдение Правил работы архивного сотрудника: оформление Описей; оформление НСА, техническое оформление дел и описание содержания; своевременное проведение раскладки, чтобы лежащее внизу дело (отчет), не принимало вид сублимации и т.д.

А при работе с читателями не последнее место занимает их просвещение в использовании архивных дел. Были составлены памятки в виде закладок о том, как надо обращаться с архивными делами. Для авторов научных отчетов была разработана памятка-требование по техническому оформлению научного отчета.

Интеграционные возможности Информационной системы «Архивы РАН» (ИС АРАН) в создании корпоративного электронного ресурса ретроспективной и текущей информации*

Информационная система «Архивы РАН» в форме прообраза совместного информационного ресурса академических архивов начала складываться 7 лет назад путем объединения имевших место на тот момент тематических и учетной баз данных и программных модулей, интегрированных в общее программное обеспечение, в головном учреждении отрасли — Архиве РАН. Платформой для объединения ресурсов академических архивов выступало и выступает программное ядро и база данных «Учет и каталог», которые 25 декабря 2009 г. прошли государственную регистрацию в Роспатенте (в реестре программ для ЭВМ — свидетельство № 2009617035, в реестре баз данных — свидетельство № 2009620604). В ядро Информационной системы «Архивы РАН» изначально была заложена возможность объединения информационных ресурсов архивов РАН, создания Центрального фондового каталога (ЦФК) ко всему Архивному фонду РАН и общего для всех архивов-участников электронного каталога. Открытая структура данных, выстроенная в соответствии с Общим стандартом архивного описания ISAD(G), а также обслуживающая ее программная оболочка задумывались как краеугольный камень для строительства централизованного хранилища интегрированных метаданных корпоративных информационных ресурсов с функциональной возможностью общего и отдельного поиска, фильтрации данных, составления общей и индивидуальной для отдельно взятого архива учетно-отчетной документации, а также совместного ведения электронного каталога объединенной базы данных (ОБД) по широкому спектру тематики документальных собраний академических архивов.

Разработанное в Архиве РАН программное обеспечение (программист А.В. Драчков) в нескольких модификациях также изначально предполагалось для безвозмездного распространения в системе архивов РАН с различной степенью технического оснащения и подготовленности сотрудников к совместной работе. В базовые принципы совместных устремлений академических архивистов ставилась двоякая задача удовлетворения потребностей сообщества как в части поиска информации, так и в представлении собственной информации в сети Интернет.

Разделяя позиции «Всеобщей декларации по архивам»¹, принятой Международным Советом Архивов (ИСА) в 2010 г., в части необходимости поддерживать и поощрять максимально свободный доступ к архивам, Архив РАН — головная организация академических архивов — также придерживается принципов открытости, свободного и некоммерческого использования архивных документов и научно-справочного аппарата к ним для всех пользователей сети Интернет. Тем не менее, в ИС АРАН предусмотрен дифференцированный доступ к уровням информации, обусловленный действующими в архивах правилами работы с архивными документами в читальных залах, а также наличием в базах данных Информационной системы слу-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-12010-в.

жебной информации, которая не предназначена для пользователей Интернета, но является востребованной в повседневной работе академических архивистов.

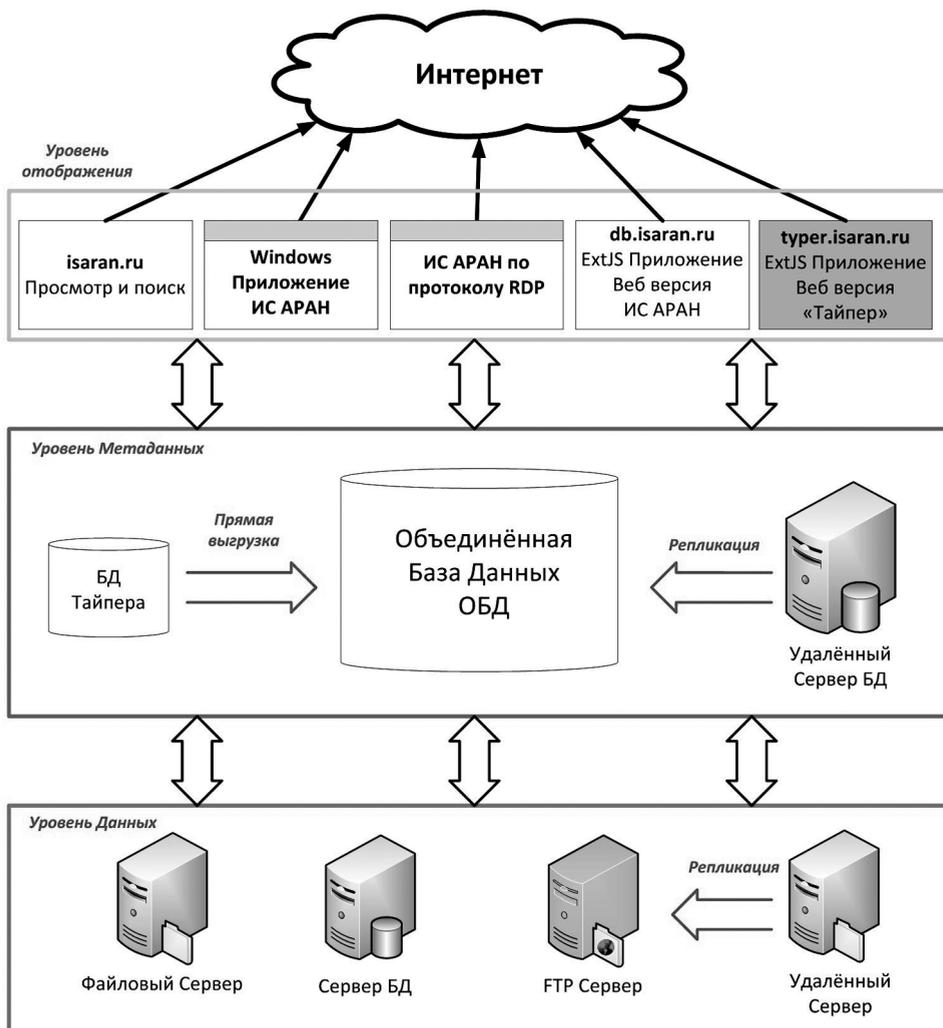
Информационная система «Архивы РАН» сегодня объединяет 11 баз данных и программных модулей, которые позволяют не только строить совместный корпоративный информационный ресурс академических архивистов, но и представлять его достойным образом в Интернете для всех желающих. Электронный каталог БД «Учет и каталог» был выведен на сайт «Архивы РАН» (www.artran.ru) для открытого использования через Глобальную сеть в конце 2006 г. Важной организационной мерой было решение, принятое в 2010 г., перенести Информационную систему «Архивы РАН» на отдельный специализированный сайт (www.isaran.ru), расположенный на сервере Архива РАН, с целью обеспечения его безопасности, которая бы уже не зависела от надежности средств защиты хостинга у провайдеров. С тех пор, как ИС АРАН «прописалась» на собственном сайте, не было никаких временных пауз или технических перебоев в ее работе.

Стремление создать Информационную систему «Архивы РАН» с перспективой постепенного включения в нее новых академических архивов — участников проекта, было продиктовано теми дополнительными преимуществами, которые можно извлечь из совместного использования подсистем (в качестве которых выступает каждая из имевшихся в наличии баз данных). Помимо совместных отчетов (паспорта архивной системы РАН, перечней фондов, объединенных путеводителей и др.), строящихся на обработке статистики или форматированном представлении данных, электронный каталог ОБД дает возможность «сквозного» поиска информации по крупному, исторически сложившемуся во взаимосвязях комплексу документов Российской академии наук. Общими усилиями архивистов можно формировать тематически близкие массивы информации, которые не только имеют отношение к историческому прошлому РАН, но и могут обеспечивать практические потребности специалистов в научной документации родственных учреждений в различных регионах страны в одной предметной области. Эта возможность открывается для научной документации учреждений одного профиля (институты геологического, биологического, гуманитарного и других профилей есть во многих региональных научных центрах РАН), а также для документов личного происхождения, в числе которых есть творческие материалы ученых, принадлежащих к различным дисциплинарным сообществам.

На сегодняшний день в базах данных ИС АРАН имеется 869 полей метаданных и 62 таблицы, которые интегрированы между собой. С точки зрения перспективности развития интеграционных связей между контентом архивов-участников ИС АРАН наиболее многообещающими выглядят три базы данных: уже упомянутая ОБД «Учет и каталог»; а также БД «Персональный состав РАН» и БД «История учреждений РАН», которые пока недостаточно используют свой объединяющий потенциал.

Если в ОБД «Учет и каталог» реализованы интеграционные возможности Основного международного стандарта архивного описания ISAD(G)², который структурирует контент общими понятиями уровней описания и закрепляет общий свод правил описания архивных документов, то для баз данных «Персональный состав РАН» и «История учреждений РАН» наиболее важным является Международный стандарт архивных авторитетных записей для организаций, лиц и семей ISAAR (CPF)³, который формирует связи контекстной информации об источнике в удобной пользователю форме через нормативные записи — точки доступа в блоки информации. БД «Персональный состав РАН» уже размечена полями метаданных на 5555 фамилий (авторитетных/нормативных записей) за весь период существования Академии

Схема развития Информационной системы «Архивы РАН»
(Версия №7, 2013 г.)

наук, она выведена на сайт ИС АРАН и доступна для использования всеми желающими пользователями Интернета, а также открыта для наполнения контентом академическими архивами-участниками общего проекта в своем сегменте информации (фонды членов Академии наук хранятся не исключительно в Архиве РАН, они есть в документальных собраниях региональных и научно-отраслевых академических архивов). БД «История учреждений РАН» только разрабатывается. Она имеет сложную структуру связей, которые необходимо учесть, поэтому для сотрудничества через Глобальную сеть пока не представлена. Сегодня мы оцениваем только потенциальные возможности совместного ведения этой базы данных, так как многочисленные учреждения Академии наук находились и находятся на территории регионов России и бывших союзных республик СССР, что необходимо связать единым информацион-

ным полем, которое будет стимулировать исследовательские возможности для документальной реконструкции истории РАН.

Если в интеграции информационных ресурсов региональных и научно-отраслевых архивов РАН первостепенное значение играет ОБД «Учет и каталог», то в интеграции ресурсов научных архивов учреждений РАН в ИС АРАН главная роль принадлежит программному модулю «Тайпер».

Программный модуль «Тайпер», совместимый с полным пакетом программного обеспечения ИС АРАН, предназначен для набора архивных описей, а также «карточек» электронного каталога, составляемых на массив дел и документов, передаваемых на государственное хранение в Архив РАН или уже хранящихся в Архиве. В первую очередь «Тайпер» рекомендован научным архивам учреждений, которые являются источниками комплектования Архива РАН, потому что заключает в себе возможность передавать в Архив не только традиционный (отпечатанный на принтере) комплект архивных описей, но и файлы с электронными вариантами описей, формат которых совпадает с форматом баз данных ИС АРАН. «Тайпером» можно пользоваться в сетевом и в автономном режимах, не привязывая набор данных в программе к рабочему месту сотрудника. «Тайпер» был разработан для Архива РАН с целью оформления описей обработанных фондов, целевой и попутной каталогизации, формирования фонда пользования и других видов работ (подготовка виртуальных выставок, презентаций, списков иллюстраций с аннотациями для изданий и т.п.), однако со временем он нашел применение в филиалах Архива РАН и архивах академических учреждений. Оформляя опись или раздел описи на передаваемые на постоянное хранение в Архив РАН дела, академические архивисты, работая в «Тайпере», одновременно формируют электронный каталог ИС АРАН описательной информацией уровня «дело». «Тайпер» поддерживает стандарт кодирования символов Юникод (Unicode), что позволяет набирать текст на иностранных языках и вставлять в текст специальные символы, в том числе «умлауты»; для всех текстовых полей в программном модуле предусмотрена проверка орфографии, основанная на словарях OpenOffice; а так же поддержка хранения разных стандартных форматов файлов (графические — JPEG, GIF, PNG, TIFF; текстовые — PDF, TXT, RTF, DOC, DOCX, XLS, XLSX, ODT, ODS; форматы САПР — DXF, DWG; веб — HTML, MHT). При условии, что к рабочему компьютеру подключен сканер, «Тайпер» дает возможность электронного копирования (оцифровки) документа непосредственно в БД, с возможностью «потокового» сканирования. Для графических файлов имеется встроенный элементарный редактор обработки изображений (обрезка, поворот, отражение, изменение размера и т.д.). Таким образом, программный модуль может рассматриваться в качестве инструмента интеграции контента в базы данных Информационной системы «Архивы РАН» для многих видов работ, проводящийся в архивах.

Все без исключения составные части ИС АРАН используют таблицы и поля метаданных баз данных «Администрирование» и «Архивы и сотрудники», не говоря уже о БД «Учет и каталог», которая является несущей конструкцией системы. Четыре базы данных («Учет и каталог», «Персональный состав», «История учреждений РАН», «Печатник») интегрируются во «внешнее» интернет-пространство. Например, нормативные записи этих баз данных используются свободной общедоступной мультиязычной универсальной интернет-энциклопедией Википедия и Электронной библиотекой «Научное наследие России» для обмена контекстной информацией. Ведется совместная работа Вычислительного центра РАН и Архива РАН по выработке концепции взаимодействия и обмена метаданными ИС АРАН с Единым научным

информационным пространством (ЕНИП) РАН — Электронной библиотекой «Научное наследие России», что открывает перспективы для интеграции в ЕНИП всем корпоративным информационным ресурсом академических архивов.

ИС АРАН интегрирована в разделы сайта «Архивы Российской академии наук» (www.arra.ru). Например, на страницу «Архив РАН»⁴ выведена статистика БД «Учет и каталог», которая позволяет всегда иметь цифры, характеризующие объемные показатели (количество фондов, из них личного происхождения и фондов учреждений, разрядов; общее число единиц хранения; количество описей) в актуальном состоянии. На страницы сайта «Публикации»⁵ и «Презентации»⁶ выведены сформатированные отчеты базы данных «Печатник», созданной для ведения списков изданий Архива РАН и его сотрудников, а также публикации тематических презентаций на сайте.

Еще одной важной иллюстрацией интеграционных связей ИС АРАН в Интернете является система ссылок на ресурс на сайтах научных учреждений, которые являются источниками комплектования Архива РАН⁷. Ссылка на ретроспективную информацию фонда академического учреждения в ИС АРАН, приведенная на сайте этого учреждения, позволяет ученым пользоваться не только научно-справочным аппаратом документального фонда своего учреждения, но и находить тематически близкие документы через широкие возможности поиска Информационной системы в ОБД.

Говоря о консолидирующем информационные ресурсы академических архивов значении ИС АРАН, важно учитывать две основные задачи, которые можно решить посредством присоединения регионального или научно-отраслевого архива РАН к общему проекту.

- Путем заполнения двух верхних уровней архивного описания документальных собраний («фонд» и «опись») складывается информационный массив, необходимый для создания электронного Центрального фондового каталога Архивного фонда РАН;
- Через наполнение контента метаданных двух нижних уровней архивного описания («дело» и «документ») формируется электронный каталог Общей базы данных, в котором уже могут быть представлены не только описания материалов, но и полнотекстовые документы.

Приглашая академические архивы РАН к участию в совместной работе, Архив РАН может предложить тот вид программного обеспечения, который подходит каждому архиву, учитывая степень участия в общем проекте и технические возможности конкретных рабочих мест. С апреля 2013 г. проходит тестирование новая web-версия ИС АРАН, которая использует библиотеку JavaScript (Ext JS) с ее возможностями. Библиотека позволяет создавать сложный web-интерфейс, она поддерживает все популярные браузеры и платформы (Internet Explorer, Opera, Google Chrome, Mozilla и т.д.), а также применима при использовании практически любой операционной системы, в том числе и для мобильных устройств (iOS, Android). Исходный код новой web-версии ИС АРАН будет компилироваться в двух вариантах: 1) в формате модуля ISAPI (Internet Server API) — специального формата приложения, работающего под управлением IIS (Internet Information Services), web-сервера от компании Microsoft, что позволяет размещать новую web-версию на Windows хостинге; и 2) Standalone Server — автономного сервера, подходящего для небольших коллективов пользователей в условиях затрудненного или нестабильного интернет-соединения.

На первоначальном этапе архивам РАН предлагается программное обеспечение со стандартным количеством полей метаданных, которые строго соответствует принятым нормам архивного описания в отечественном архивоведении. Однако уже

сейчас разработчики программного обеспечения задумываются над созданием так называемого «конструктора резервных полей», способных учитывать специфику некоторых видов документации (например, восточных рукописей, археологических экспедиций, геологических полевых материалов и т.п.). Данные поля могут формироваться в интерфейсе карточки описания по дополнительной необходимости любого академического архива. В процессе совместной работы с академическими архивами над контентом ИС АРАН будут решаться задачи конвертации ранее созданных в их деятельности баз данных, что при наличии «конструктора резервных полей» не должно вызвать непреодолимых препятствий. Эти поля не будут поисковыми, но они не позволят потерять специфику различных видов документации при ее описании, что важно для специалистов узкого профиля.

Варианты web-версии ИС АРАН позволят академическим архивам, с одной стороны, работать с базами данных на сервере, установленном в Архиве РАН, в режиме удаленного доступа, а с другой — разворачивать программное обеспечение на сервере в регионе и обмениваться данными с ИС АРАН через репликатор, что особенно актуально для географически удаленных регионов страны, которые могут попадать в зависимость от недостаточной скорости канала Интернет. Со временем можно будет задуматься над созданием узловых региональных серверов. Например, такое решение было бы хорошим для Санкт-Петербурга, где высока концентрация академических научно-отраслевых архивов с большими объемами документальных собраний. Схемы, построенные на репликации данных в общую базу данных, позволяют существенно экономить трафик, они меньше загружают каналы связи как у конечных пользователей, так и на главном сервере ИС АРАН. Функциональные возможности web-версии ИС АРАН будут наращиваться по мере усложнения задач, стоящих перед участниками проекта.

На сегодняшний день Информационная система «Архивы РАН» имеет механизмы привязки электронных копий документов, создаваемых в архивах при оперативном сканировании, формировании страхового фонда и/или фонда пользования, к базе данных. Специализированная база данных «Каталог файлов» концентрирует в себе всю оперативную оцифровку документального собрания архива, имеет возможности поиска описанных документов с изображениями, позволяет многократно использовать цифровой образ документа, выполненный единожды с определенной целью.

Задачей будущего является подключение к ИС АРАН больших массивов электронной документации, которая создается в делопроизводстве учреждений РАН. Ни для кого не является новостью, что в современных реалиях ряд учреждений РАН уже перешел на безбумажное ведение ряда категорий управленческой и научной документации, которые создаются и хранятся только в электронном виде. В качестве методической основы при переходе на безбумажный документооборот и составлении локального нормативного акта выступают Рекомендации по подготовке федеральными органами исполнительной власти перечней документов, создание, хранение и использование которых должно осуществляться в форме электронных документов при организации внутренней деятельности, утвержденные приказом Росархива от 29 апреля 2011 г. № 32⁸. В настоящее время Росархивом уже согласовано несколько десятков таких ведомственных перечней, и не вызывает сомнения, что не за горами то время, когда Российская академия наук ощутит потребность в современном решении проблемы создания общей для своих учреждений системы электронного документооборота (СЭД), совместимой с межведомственной системой документооборота (МСЭД), активно развивающейся в Российской Федерации в последние годы. Естественно, что архивная служба РАН должна будет озаботиться организацией хранения

и использования электронных документов постоянного хранения, которые являются цифровыми аналогами бумажного делопроизводства академических учреждений.

В настоящий момент правовая и нормативно-методическая основа для перехода на электронный документооборот материалов с постоянными сроками хранения явно недостаточна. Для того чтобы реально приступить к подобного рода работе, надо предварительно решить очень большой комплекс вопросов, связанных с форматами хранения электронных документов, с созданием общей программно-технологической платформы для их хранения, оборудованием мощных хранилищ или общего Data-центра и т.д. Такие масштабные задачи могут быть поставлены только в форме специальной Программы развития и внедрения систем электронного документооборота РАН или включения в целевую программу Президиума РАН «Информатизация учреждений и Президиума РАН» в качестве особой подпрограммы, рассчитанной на длительную перспективу. Без достаточной материально-технической и финансовой базы, а также организационной поддержки со стороны руководства РАН подобная задача не может быть решена в силу ее сложности и емкости материальных затрат.

Информационная система «Архивы РАН» должна быть готова к симбиозу с информационными системами, предназначенными для постоянного хранения электронных документов, в сегменте их использования в качестве полноценных источников ретроспективной информации наравне с материалами на бумажном носителе. Здесь имеется большое поле для взаимодействия, которое должно закладываться еще в процессе делопроизводственного создания электронного документа. Возможно, стоит задуматься о создании электронных номенклатур дел на основе программного модуля «Тайпер» на начальном этапе решения этой масштабной проблемы.

Но, как бы ни развивались дальнейшие события в деле информатизации архивной отрасли Российской академии наук в целом, надо помнить, что совместимость форматов, используемых информационными системами, является залогом дальнейшего их успешного взаимодействия между собой. Использование международных и отечественных стандартов архивного описания — необходимое условие того, что программное обеспечение под общие задачи будет универсальным в своей основе для разных платформ СЭД.

Интеграционные возможности ИС АРАН открыты к согласованным действиям с другими участниками процесса уже на начальном этапе.

¹ «Всеобщая декларация по архивам» напрямую согласуется со статьей 19 «Всеобщей декларации прав человека», которая признает право любого жителя Земли свободно «искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ», а также Устава ЮНЕСКО, в соответствии с которым государства-члены должны содействовать «сохранению, увеличению и распространению знаний». Полный текст «Всеобщей декларации по архивам» на разных языках народов мира <http://www.ica.org/6573/reference-documents/universal-declaration-on-archives.html>; русский перевод — http://bahaiarc.narod.ru/Blog/Universal_Declaration_on_Archives.pdf

² ISAD (G): Основной международный стандарт архивного описания. СПб., 2011.

³ ISAAR (CPF): Международный стандарт по созданию архивных авторитетных записей для организаций, лиц и семей. СПб., 2011.

⁴ «Архив РАН», страница сайта «Архивы РАН» — <http://www.arran.ru/aran>

⁵ «Публикации», страница сайта «Архивы РАН» — <http://www.arran.ru/publications>

⁶ «Презентации», страница сайта «Архивы РАН» — <http://www.arran.ru/presentations>

⁷ Ссылка на сайте Института Африки РАН — <http://www.inafran.ru/node/183>

⁸ <http://www.outdoor-komitet.ru/index.php?ds=102806>

Система архивных подразделений в Национальной академии наук Украины

Национальная академия наук Украины — высшая государственная научная организация Украины. Основной целью её деятельности является получение новых и обобщение имеющихся знаний о природе, человеке и обществе, создание научных основ научно-технического, социально-экономического и культурного развития страны и подготовка высококвалифицированных научных кадров. Она объединяет членов НАН Украины — действительных членов (академиков), членов-корреспондентов, иностранных членов и всех сотрудников НАН Украины. Для выполнения своих задач Академия определяет собственную структуру и имеет право создавать, реорганизовывать и ликвидировать учреждения, организации и предприятия, находящиеся в ее ведении. Она была создана в 1918 г. и называлась Украинская академия наук (УАН). На протяжении своего существования, в связи с изменениями в государственном устройстве Украины, Академия несколько раз реорганизовывалась и меняла название: в 1921 г. УАН была переименована во Всеукраинскую академию наук, в 1936 г. — в Академию наук УССР (с 1991 г. Украины). В 1994 г. Указом Президента Украины от 22 марта 1994 г. № 100/94 Академия получила статус национальной и была переименована в Национальную академию наук Украины (НАН Украины).

В системе НАН Украины формируется комплекс архивных фондов, состоящих из документов, образовавшихся в результате деятельности Президиума и отделений НАН Украины, организаций, существующих или существовавших в системе НАН Украины, организаций-предшественников НАН Украины и её учреждений, а также общественных организаций, документов личного происхождения выдающихся ученых НАН Украины, проживающих в Украине и за ее пределами. Учреждения НАН Украины — это прежде всего научно-исследовательские институты и приравненные к ним научные учреждения (обсерватории, ботанические сады, заповедники, библиотеки и т.п.), наряду с ними к фондообразователям в НАН Украины относятся предприятия, создаваемые для обеспечения научной деятельности институтов (специальные конструкторско-технологические бюро; исследовательские и экспериментальные заводы, вычислительные, научно-инженерные, межотраслевые центры и т.д.).

На сегодня фондообразователями в системе НАН Украины являются 355 юридических лиц, входящих в список организаций, в деятельности которых образуются документы Национального архивного фонда Украины, и около 1 тыс. выдающихся ученых НАН Украины.

В отличие от комплекса фондообразователей, количество фондодержателей в системе НАН Украины значительно меньше. В НАН Украины существует шесть архивных подразделений, имеющих право постоянного хранения документов: Институт архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (Институт архивоведения НБУВ); Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского; Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки им. В. Стефаника; Отдел рукописных фондов и текстологии Института

литературы им. Т.Г. Шевченко; Отдел фольклористики Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М.Ф. Рыльского; Научный архив Института археологии¹. Эти архивы комплектуются историко-культурными фондами личного происхождения и общественных организаций или первичной научной документацией, которая создаётся или собирается в процессе научной деятельности учреждения, в структуре которого они созданы. К этим подразделениям относится и Институт архивоведения НБУВ, который имеет статус главного архива НАН Украины, он осуществляет постоянное хранение основного комплекса архивных фондов учреждений и членов НАН Украины.

Процесс создания архивов на правах структурных подразделений для обеспечения сбора и хранения документов в учреждениях АН УССР начался в 1950–1960-х гг. Толчком для его активизации стало Постановление СМ УССР «О мерах по упорядочению режима хранения и лучшему использованию архивных материалов министерств и ведомств Украинской ССР» от 18 апреля 1956 г. № 408. При создании архивов и организации их работы учреждения должны были руководствоваться правилами работы архивов учреждений, организаций и предприятий 1956 г.

С целью контроля за выполнением правительственного постановления сотрудниками Архивного управления МВД УССР были проведены проверки в ряде институтов АН УССР. Результаты проверок показали, что на начало 1960-х гг. в системе АН УССР работа с архивными документами велась очень медленно и со значительными недостатками. Большинство учреждений, осуществлявших упорядочение документов, поручали это дело неквалифицированным работникам, которые не вникали в историю учреждения, его функциональные особенности и особенности формирования дел и ведения делопроизводства. Только несколько институтов упорядочили и описали научно-исследовательскую документацию. Штатные должности завархивом имели около 20 институтов, в остальных были назначены ответственные за архив или вообще никто не вел работу на этом направлении.

Отсутствие в АН УССР органа, который бы осуществлял контроль и координацию работы архивных подразделений учреждений, делало невозможным внедрение в их работу унифицированных правил и принципов формирования, хранения и использования архивных документов. Постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1958 г. № 914 было утверждено новое положение о Государственном архивном фонде СССР (ГАФ СССР), согласно которому АН УССР вместе с другими союзными республиками получила право постоянно хранить документы ГАФ СССР, образовавшиеся в процессе деятельности ее учреждений, а также архивные документы академиков и отдельных ученых, которые имели особую ценность для науки. Согласно положению, в учреждениях и организациях Академии должны были создаваться архивы, в случае необходимости на правах структурных подразделений. В течение следующего десятилетия АН УССР воспользовалась этим правом лишь частично. Учреждения АН УССР хранили архивные документы, образовавшиеся в процессе их деятельности, у себя, не передавая в государственные архивы СССР, но хранили их с существенными нарушениями действующих архивных норм².

В 1968 г. Академия наук УССР создала Центральный научный архив (ЦНА) и Совет по организации комплектования и использования документальных материалов АН УССР³. Хотя при создании руководящих архивных подразделений в АН УССР за основу брали организацию архивного дела в Академии наук СССР, созданные архивные органы существенно отличались от союзных⁴. Центральный научный архив АН УССР (главный академический архив) был создан не как самостоятельное научное

учреждение, а как структурное подразделение при Центральной научной библиотеке АН УССР. Его деятельность финансировалась из средств библиотеки, хотя, согласно положению, он должен был подчиняться непосредственно Главному ученому секретарю Президиума АН УССР.

Совет создали при Президиуме Академии наук УССР для координации работы и контроля за комплектованием архивных подразделений в системе АН УССР, определения направлений архивоведческих исследований в АН УССР, налаживания научных контактов с архивными учреждениями УССР, СССР и зарубежных стран, он работал в течение 10 лет, за период своего существования провел лишь 7 заседаний и не имел существенного влияния на развитие архивного дела в АН УССР. На своем первом заседании Совет принял решение переложить функции по проведению экспертизы ценности документов и комплектованию ими архивов учреждений и контролем за деятельностью экспертных комиссий учреждений АН УССР на ЦНА, для чего в декабре 1969 г. была создана Экспертно-проверочная комиссия ЦНА⁵. В 1982 г. Президиум АН УССР пересмотрел процедуру проведения экспертизы ценности документов в академических учреждениях и создал Экспертно-проверочную комиссию (ЭПК) Академии наук УССР, которая работала на базе главного академического архива и подчинялась Президиуму АН УССР, такой статус ЭПК имеет и на сегодняшний день.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. в СССР окончательно сформировалось значение понятия «архивный фонд» в его интеграционном смысле, определились специфика и основные правила организации архивных фондов официального и личного происхождения, объединенных фондов и коллекций, их систематизация, а к середине 1960-х гг. завершился этап научно-теоретического, методического и практического утверждения фондовой организации архивных документов по принципу происхождения. Этот принцип и был взят за основу при организации централизованной системы архивных подразделений АН УССР в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Главный академический архив с момента своего создания занимался решением прикладных архивных вопросов путем разработки проектов академических нормативно-методических документов по архивному делу и делопроизводству, организации практических занятий, семинаров, консультаций для работников академических организаций по фондированию, научно-технической обработке документов, учету, хранению, использованию архивных документов и т.д. На протяжении своего существования главный академический архив дважды реорганизовывался. Постановлением Бюро Президиума АН УССР от 22 марта 1985 г. № 131-Б Центральный научный архив АН УССР был реорганизован в Отдел архивных фондов Центральной научной библиотеки АН УССР со статусом научного подразделения. Согласно постановлению Президиума АН Украины от 09 сентября 1992 г. № 241 на основе Отдела архивных фондов создан Институт архивоведения (ИА) как научно-исследовательское подразделение НБУВ. Общее руководство ИА НБУВ осуществляет дирекция НБУВ, основные направления его деятельности определяются постановлениями Президиума НАН Украины и приказами генерального директора НБУВ. Документальной базой комплектования ИА НБУВ являются архивные фонды Президиума и Отделений НАН Украины, ее учреждений, в том числе ликвидированных, организаций-предшественников НАН Украины и ее учреждений, общественных организаций при учреждениях НАН Украины, документов личного происхождения выдающихся ученых НАН Украины, документальные коллекции, страховые фонды копий и фонды пользования уникальными документами. Основной задачей ИА НБУВ является реализация государственной

политики в области архивного дела в системе НАН Украины: формирование, сохранение, учет и использование архивных документов, образовавшихся в системе НАН Украины. Научно-исследовательская деятельность ИА НБУВ связана с развитием архивоведения, документоведения и направлена на формирование, научное изучение структуры и оптимизацию состава архивных фондов, издание архивных документов с целью введения их в научный оборот, что дает возможность комплексного изучения документального научного наследия Украины. Научно-методическая деятельность ИА НБУВ направлена на организацию документов в делопроизводстве учреждений НАН Украины; научную экспертизу документов, хранение, учет и совершенствование справочного аппарата к документам. Научно-организационная и практическая деятельность ИА НБУВ сосредоточена на комплектовании, научно-техническом упорядочении, хранении, учете и использовании архивных фондов, хранящихся в Институте.

За время своего существования главный академический архив разработал четыре типовых положения об архивах академических учреждений: в 1970 г. — положение об архиве научного учреждения, в 1977 г. и 1983 г. — о научно-техническом архиве учреждения, в 2001 г. — положение о научном архиве учреждения. Требования, изложенные в положениях относительно функций, задач архивов, взаимосвязи внутри учреждения, их документного состава, по сути повторяются во всех четырех документах. Изменения касались статуса архивов. В первом положении созданный архив должен был действовать на правах научно-вспомогательного подразделения института. В следующем положении архивы должны были быть самостоятельными структурными подразделениями и подчиняться непосредственно руководителям учреждений. Признав такой статус экономически неоправданным в 1983 г., Президиум АН УССР снова дал разрешение учреждениям создавать архивы не самостоятельными структурными единицами, а в составе других отделов, на правах структурных подразделений. Сегодня научные архивы в учреждениях действуют на правах самостоятельных структурных подразделений, с целью обеспечения хранения, учета и использования документов учреждения и подготовки документов к постоянному хранению. Общее руководство работой научного архива осуществляет директор или по его поручению ученый секретарь учреждения; организационно-методическое руководство осуществляет ИА НБУВ. В состав документов научного архива входят: законченные в текущем делопроизводстве документы на бумажной основе постоянного и длительного (свыше 10 лет) хранения, образованные в делопроизводстве структурных подразделений учреждения: научно-организационная и управленческая документация, научно-исследовательская и научно-техническая, патентно-лицензионная документация об открытиях и изобретениях, документы по личному составу, документы научных и специализированных ученых советов, комитетов, комиссий, научных обществ, действующих на базе учреждения, документы профсоюзной организации и других общественных организаций учреждения; фото- и машиночитаемые документы, созданные в деятельности учреждения или полученные ею на законных основаниях, документы ликвидированных учреждений и учреждений-предшественников; печатные издания, которые дополняют архивные документы и являются необходимыми для научно-методической и информационно-справочной работы научного архива учреждения; справочный и учетный аппарат к архивным документам (описи, исторические справки, указатели). Архивные документы учреждения передаются научными архивами на постоянное хранение в ИА НБУВ в упорядоченном состоянии после утверждения ЭПК НАН Украины описей дел и актов о выделении к уничто-

жению документов, не подлежащих хранению. Согласно действующему положению определены предельные сроки временного хранения документов в научном архиве учреждения до передачи в ИА НБУВ, однако из-за загруженности архивохранилищ в ИА НБУВ сроки временного хранения документов в архивах учреждений увеличены (согласно решению ЭПК НАН Украины), на сегодня главный академический архив принимает на хранение только документы ликвидированных институтов.

Учет и хранение архивных документов НАН Украины организовывается по фондам, единицами хранения (делами) и отдельными документами. Состав справочного аппарата рукописных отделов с постоянным сроком хранения в силу особенностей, возникших в процессе исторического развития, отличается от общепринятого в государственных архивах. В подавляющем большинстве это: алфавитные, хронологические, именные, географические каталоги, инвентарные книги, картотеки, указатели по отдельным фондам, в последнее время на смену инвентарным книгам приходят архивные описи. Главным элементом справочного аппарата в учреждениях НАН Украины являются описи архивных документов. Основные принципы формирования описей изложены в разработанных специалистами ИА НБУВ методических рекомендациях⁶. Долгое время единственным источником информации о составе архивных фондов учреждений НАН Украины служили описи, исторические справки фондов, частично — картотеки к документам и единичные публикации. В 2006–2007 гг., по результатам изучения и анализа описей и исторических справок к документам архивных фондов учреждений, к печати подготовлено издание «Архивные фонды учреждений Национальной академии наук Украины. Путеводитель»⁷.

Таким образом, несмотря на ряд проблем, существующая в НАН Украины система архивных подразделений в целом соответствует потребностям формирования, хранения и использования архивных документов, образовавшихся в процессе деятельности фондообразователей НАН Украины.

¹ Яременко Л.М. Архивная система Национальной академии наук Украины: история, структура, состав документов // Архив Академии наук — достояние национальной и мировой науки и культуры: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 10–14 ноя. 2008 г. М., 2009. С. 498.

² Институт архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 277. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.

³ Там же. Д. 1. Л. 1.

⁴ <http://www.arran.ru>

⁵ ИА НБУВ. Ф. 277. Оп. 1. Д. 42. Л. 14.

⁶ Архівна справа і діловодство в Національній академії наук України: Зб. законодавчих актів, нормативних і методичних документів з архівної справи і діловодства. К., 2002. С. 64–75.

⁷ Архівні фонди установ Національної академії наук України. Путівник. К., 2008.

Архивные документы в выставочной деятельности Зоологического музея Зоологического института РАН

Жизнь любого крупного учреждения невозможна без осмысления его истории. Тем более это касается такого института, как Зоологический институт Российской академии наук (ЗИН РАН), история которого восходит к петровской Кунсткамере и насчитывает не одну сотню лет. Празднование юбилеев и памятных дат, так или иначе, заставляет обращаться к историческим материалам. В случае с юбилеями в зоологических учреждениях дело осложняется тем, что по долгу службы их организуют и проводят зоологи, а материал, который необходимо привлекать — исторический. Как бы ни была широка и разносторонняя эрудиция зоолога, однако многое, очевидное для историка в силу характера его образования, остается вне поля зрения зоолога. Прежде всего, это касается таких источников, как архивные документы. Обращение к ним выводит понимание истории учреждения на совершенно новый уровень, а силу их воздействия на посетителей юбилейных выставок трудно переоценить.

Впервые архивные документы были использованы в выставке, организованной на базе Зоологического музея Зоологического института РАН в 2001 г. Она была посвящена 100-летию переезда музея в здание у Дворцового моста и называлась «На Васильевском острове, у Дворцового моста». Сама эта фраза представляет собой цитату из приглашения неперменного секретаря Академии наук Н.Р. Дубровина директору Министерства финансов Департамента государственного казначейства М.Д. Дмитриеву принять участие в осмотре здания после реконструкции (1895 г.)¹. Экспонировались не только копии архивных документов, но и подлинная Книга почетных посетителей из СПФ Архива РАН², обнаружение которой в архиве послужило толчком к празднованию самого юбилея. В выставке участвовали, наряду с ЗИН РАН, Таможенный музей Северо-западного таможенного управления и Санкт-Петербургское художественное училище им. Н.К. Рериха.

Основные архивные материалы, которые были выявлены в архивах КГИОП, РГИА, СПФ АРАН, ЦГАКФФД, в Научном архиве ЗИН РАН, архиве ЛАФОКИ, были описаны в вышедшей к открытию выставки книге «На Васильевском острове у Дворцового моста»³. Посвятив выставку празднованию 100-летнего юбилея открытия музея в здании у Дворцового моста, мы тем самым должны были уделить внимание истории участка, на котором расположено здание института, истории постройки самого здания, истории его использования до переезда в него Зоологического музея. Был поднят целый пласт основательно забытых сведений из истории города, Академии наук и самого музея.

Вот несколько архивных документов из числа представленных на выставке 2001 г. Сообщение кабинет-секретаря А. Макарова президенту Академии Л.Л. Блюментросту о передаче дворца царицы Прасковьи в ведение Академии наук 10 июля 1725 г.: «Благородный Господин лейб-Медик. Ее Величество Государыня Императрица указала: дом блаженной памяти царицы Прасковьи Феодоровны, которой на васильевском острове, отдать ныне в вашу диспозицию. И для того оной у дьяка Терентья Евдокимова которой тот дом ведал извольте принять с описью Имянно; и что

еще есть неаделано, то велите доделать»⁴. Ничто так быстро и глубоко не перенесет посетителя выставки на триста лет назад, в дни основания Академии наук, как вид и язык этого документа.

Еще один пример — письмо президента Академии наук великого князя Константина Константиновича министру финансов С.Ю. Витте о получении первого кредита на внутреннее устройство Зоологического музея от 19 ноября 1895 г.⁵: «Уважаемый Сергей Юлиевич! Ваше письмо доставило мне искреннейшую радость, за которую спешу от души Вас поблагодарить. Я буду совершенно счастлив, если Государь Император соизволит разрешить выдачу 50 тыс. руб. на устройство Зоологического музея, который благодаря этой поддержке в недалеком будущем явится одним из величайших музеев всего мира. Когда настанет день его открытия вы не налюбуетесь на него и не пожалеете денег, потраченных на его устройство. Верьте искреннейшей моей признательности. Константин». Никакой пространный рассказ не раскроет той искренней заинтересованности в скорейшем открытии музея, которая отразилась на страницах этой коротенькой открытки, написанной одним из Романовых, роль и значение которых в деятельности Академии наук многие годы были предвзято искажены.

Весьма интересным следствием работы над выставкой стало обнаружение тех помещений, в которых работала Рисовальная школа для вольноприходящих — знаменитая в будущем Рисовальная школа Общества поощрения художеств, учиться в которую поступил, например, юный И.Е. Репин⁶.

Выставка послужила усилению интереса к архивным материалам, рассредоточенным по разным кабинетам института. Были собраны старые фотографии музейных экспозиций, отреставрированы живописные полотна с портретами К.М. Бэра, П.С. Палласа, Н.М. Пржевальского, находившиеся в недоступных для публики помещениях института. Некоторые из них впоследствии экспонировались на выставке «Единство наций на берегах Невы. Петербург многонациональный» в Центральном выставочном зале в Манеже⁷. Интерес к выставке вообще был очень большой. Достаточно сказать, что ее посетил тогдашний губернатор Санкт-Петербурга В.А. Яковлев.

170-летие института также было решено отметить большой выставкой. Юбилейная выставка называлась «Зоологический институт и музей сегодня и вчера» (2002—2003) и была посвящена не только 170-летию ЗИН РАН, но и 200-летию со дня рождения первого директора Зоологического музея Ф.Ф. Брандта, а также 300-летию Санкт-Петербурга. Основу ее составили архивные материалы.

Так из СПФ АРАН экспонировались копии акварельных рисунков экспонатов Кунсткамеры XVIII в.: офиура «голова Горгоны», нарвал, плащеносная ящерица, жаба-пипа, чучело варана, череп бабируссы, вошедшие в публикацию «Нарисованный музей»⁸. Научный архив ЗИН РАН на выставке был представлен, например, таким уникальным экспонатом, как плакат Андрея Николаевича Шильдера (1861—1919) «Зоологический Музей при Императорской академии наук», демонстрирующий единственные изображения внутреннего убранства музея в период его пребывания в Музейном флигеле Академии наук.

Впервые в экспозицию попали документы, характеризующие драматические периоды истории XX в. — Зоологический музей в годы Первой мировой войны и революции. Сюда можно отнести лист из журнала 3-го заседания Совета музея (обсуждение планов эвакуации музея и служащих от 7 октября 1917 г.) в связи с подходом немцев к Петрограду⁹, журнал 4-го (экстренного) заседания Совета Зоологического музея РАН (обсуждение планов эвакуации от 11 октября 1917 г.)¹⁰, дубликат акта вскрытия стоявшей в музее кружки Красного креста в помощь раненым и больным

воинам от 25 января 1917 г.¹¹ Демонстрировался также титульный лист «Проекта положения о Совете Зоологического музея РАН»¹² — свидетельство глубоких перемен, революционным образом затронувших сам принцип руководства музеем.

Впервые были продемонстрированы материалы по реорганизации музея в 1930-е гг., в том числе «Заключение, принятое ЛБСНР по докладу о зоологических учреждениях АН СССР. О Зоологическом музее. 11 декабря 1929 г.»¹³ — результат деятельности комиссии Ю.П. Фигатнера в Зоологическом музее. Также целый ряд документов демонстрировал, как прошло переименование Зоологического музея в Зоологический институт¹⁴.

Интерес к экспонировавшимся документам был настолько велик, что изучение архивных материалов было предложено продолжить в рамках диссертационной работы «Развитие Зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике (1883—1932 гг.)»¹⁵. Некоторые материалы диссертации были позднее опубликованы¹⁶.

Часть материалов, подобранная к выставке, посвященной 170-летию института, была еще раз использована в экспозиции к 65-летию Победы в Великой Отечественной войне, которая называлась «Чтим ваш подвиг, помним ваши имена» (2010). В статье, опубликованной в журнале «Историко-биологические исследования» в разделе хроника¹⁷, подробно рассказывается о том, какие архивные материалы и откуда попали в эту экспозицию. Фотографии Стрелки и ближайших окрестностей Зоологического музея в период блокады в основном были выявлены в Центральном Государственном архиве кино-, фото- и фонодокументов (ЦГАКФФД), некоторые взяты из Архива ЗИН РАН. Весьма интересной стала обнаруженная в ЦГАКФФД подборка фотографий, выполненных в апреле 1945 г. С.Д. Лаптевым. Это виды помещений института до начала ремонтно-реставрационных работ¹⁸, вид пустого директорского кабинета во время проведения малярных работ¹⁹, вид одного из музейных залов с женщиной-маляром, ремонтирующей потолок с башенных лесов²⁰. К апрелю же 1945 г. относится и снимок «Ленинградки за уборкой мусора во время ремонта здания Зоологического музея»²¹. Чуть позже в июне 1945 г. тем же С.Д. Лаптевым были сделаны фотографии внутри здания. Это вид части интерьера вестибюля института с памятником К.М. Бэру²², вид первого зала со скелетом синего кита²³, вид второго зала музея²⁴ со скелетом Березовского мамонта в начале экспозиции. Основу портретной экспозиции участников Великой Отечественной войны, работавших в штате института в разные годы и снятых по большей части в военной форме, составили материалы, обнаруженные в Научном архиве ЗИН в ходе подготовки к юбилейной выставке 2002 г.

Во всех выставках активно использовались документы академического архива. Однако, если в предыдущих случаях Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук участвовал в выставках в Зоологическом музее некоторым образом пассивно, просто предоставляя кураторам найденные в архиве документы, то в выставке в память 270-летия со дня рождения одного из крупнейших естествоиспытателей XVIII столетия П.С. Палласа, 200-летия со дня его смерти и 200-летия выхода в свет его книги «*Zoographia Rosso-Asiatica*» (2011—2012) архиву уже принадлежала активная роль.

Эта совместная выставка, в которой, помимо Зоологического и Ботанического институтов РАН, на равных основаниях участвовал и СПФ АРАН, называлась «Нет отрасли естественных наук, в которой Паллас не проложил бы новый путь...». Зоологический музей среди кураторов выставки представляла Н.В. Слепкова, Ботани-

ческий институт — крупнейший специалист по П.С. Палласу — А.К. Сытин, выступивший ее инициатором²⁵. Архив в качестве куратора представляла А.Г. Абайдулова, которая подбирала материалы из личного фонда П.С. Палласа в СПФ АРАН.

Большая часть предоставленных архивом документов относилась к двум последним разделам выставки: «Паллас в Крыму» и «Отъезд Палласа в Германию». Это не случайно. Не все работы этого периода Палласу удалось завершить, поэтому раздел «Паллас в Крыму» содержал избранные архивные документы, демонстрировавшие процесс обработки полевых материалов и наблюдений Палласа в этот период. В Крыму попавший в опалу Паллас продолжал работать с материалами по фауне и флоре России. Здесь он закончил пространную работу по астрагалам, писал дополнения к российской флоре, написал тексты к работе «*Zoographia Rosso-Asiatica*». Среди материалов этого раздела выставки была копия автографа неопубликованной рукописи П.С. Палласа «*Plantae selectae rossicae*»... [1795–1810]²⁶. Демонстрировались до сих пор не опубликованные рисунки растений, многие из которых выполнены не только с гербарных образцов, но и с живых экземпляров²⁷.

Были также представлены многочисленные подготовительные эскизы иллюстраций к «*Zoographia Rosso-Asiatica*», публикация которых была осуществлена уже после кончины Палласа. Помимо виньетки Д.Р. Ничманна для титульного листа «*Zoographia Rosso-Asiatica*»²⁸, полевого тетерева²⁹ и чернобрюхого рябка³⁰ работы К.Ф. Кнаппе были представлены две серии рисунков Х.Г.Г. Гейслера и Ф.Л. Лемана с изображениями моржа³¹ и бородатой неясыти³², показывающие, как шла работа над ними от полевых зарисовок до подготовленных к печати и опубликованных гравюр.

Последний раздел экспозиции демонстрировал материалы об отъезде Палласа в Берлин для содействия изготовлению и скорейшей публикации иллюстраций к «*Zoographia Rosso-Asiatica*». В этом разделе Архивом демонстрировались копии автографов писем Х.Г.Г. Гейслера³³ и Палласа³⁴, направленных в Академию из Германии, в том числе последнего письма Палласа, написанного неизвестной рукой за два дня до кончины ученого и лишь подписанного им³⁵.

Специальный раздел экспозиции освещал посмертную судьбу материалов и рукописей Палласа, в частности, усилия Академии наук по опубликованию иллюстраций к его знаменитому труду. Всего Архивом для выставки была предоставлена 31 фотография с гербарных листов, рисунков растений и животных, фрагменты автографов одной из неопубликованных рукописей Палласа и пяти писем — двух палласовских, а также писем Христиана Гейслера и Карла фон Бэра³⁶.

Выставка впервые за долгие годы внятно обозначила то глубочайшее уважение, которое питает отечественное естествознание к трудам этого ярчайшего натуралиста XVIII в. Все кураторы водили по ней экскурсии. Одна из экскурсий была заснята и выложена на сайте Зоологического музея.

Значение экспонирования архивных материалов трудно переоценить. Они наглядно и красноречиво иллюстрируют историю института и музея в контексте истории науки, истории Академии наук и в общем социально-политическом контексте. Документ легко переносит нас в ту обстановку, в которой он создавался, не только своим содержанием, но даже и самим своим видом. Время, в которое проходили эти выставки, отличалось большими возможностями в работе с документами, в выборе тем для экспонирования. Интересно, что выставки, основанные на документах, не только раскрывают какие-то грани истории института для посетителей музея, но влияют и на самих сотрудников. Они имеют эффект катализатора интереса к архивным материалам — каталогам, фотографиям и т.п., находящимся по не-

обходимости в разных подразделениях института, и способствуют более бережному к ним отношению.

- ¹ РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29329. Л. 14.
- ² СПФ АРАН. Ф. 55. Оп. 1. Д. 440.
- ³ *Слепкова Н.В.* На Васильевском острове у Дворцового моста. СПб., 2001.
- ⁴ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 204 об., 205.
- ⁵ РГИА. Ф. 565. Оп. 7. Д. 29329. Л. 16, 16 об.
- ⁶ *Слепкова Н.В.* Неожиданные страницы истории таможенного пакгауза у дворцового моста: Рисовальная школа для вольноприходящих, всероссийские промышленные выставки // Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов участников 11 коллоквиума (8–13 апреля, 2002 г). СПб., 2002. С. 73–76; *Она же.* Тайны дома на Стрелке // Мир экскурсий. 2007. № 1. С. 24–27; *Она же.* Первые страницы истории художественного училища им. Н.К.Рериха в здании у Дворцового моста (1840–1878 гг.) // Международная научно-практическая конференция «Рериховское наследие»: Т. III: Восток–Запад на берегах Невы. СПб., 2007. Ч. 1. С. 467–478.
- ⁷ Единство наций на берегах Невы. Петербург многонациональный. Каталог выставки. СПб., 2008. С. 129–131, 194.
- ⁸ «Нарисованный музей» Петербургской академии наук 1725–1760. Т. 1. СПб., 2003.
- ⁹ СПФ АРАН Ф. 55. Оп. 1 (до 1937). Д. 1. Л. 6.
- ¹⁰ Там же. Л. 8.
- ¹¹ Там же. Д. 160. Л. 222.
- ¹² Там же. Д. 1. Л. 19.
- ¹³ Там же. Ф. 2. Оп. 1 (1930). Д. 17. Л. 97–100.
- ¹⁴ *Слепкова Н.В.* Реорганизация Академии наук 1929–1931 гг. и Зоологический музей // Академический архив в прошлом и настоящем. Сб. научн. ст. СПб., 2008. С. 292–302.
- ¹⁵ *Слепкова Н.В.* Развитие Зоологического музея Академии наук как центра исследований по систематике (1883–1932 гг.). Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2006.
- ¹⁶ *Слепкова Н.В.* Становление Зоологического института академии наук как ведущего центра исследований по систематике. Конец XIX в. // Труды объединенного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2006. СПб., 2007. С. 101–117; *Она же.* Материалы к биографии Ф.Д. Плеске (1858–1932) // Энтомологическое обозрение. 2007. Т. 86. Вып. 1. С. 218–233.
- ¹⁷ *Слепкова Н.В.* Выставка к 65-летию Победы в Зоологическом музее Зоологического института РАН // Историко-биологические исследования. Т. 2. №. 4. 2011. С. 97–102.
- ¹⁸ ЦГАКФФД. Ар-201715, Ар-201718.
- ¹⁹ Там же. Ар-209932.
- ²⁰ Там же. Ар-209931.
- ²¹ Там же. Ар-34738.
- ²² Там же. Ар-202862.
- ²³ Там же. Ар-202863.
- ²⁴ Там же. Ар-202861.
- ²⁵ *Слепкова Н.В.* Выставка к 270-летию со дня рождения Петра Симона Палласа и 200-летию выхода в свет его труда «Zoographia Rosso-Asiatica» // Историко-биологические исследования. Т. 4. № 2. 2012. С. 139–145.
- ²⁶ СПФ АРАН. Р. I. Оп. 121. Д. 15. Л. 43 об.–44.
- ²⁷ Там же. Л. 86, 87, 97, 102, 104, 111, 112, 130, 148, 85.
- ²⁸ Там же. Ф. 129. Оп. 1. Д. 140. Л. 15.
- ²⁹ Там же. Д. 136. Л. 28.
- ³⁰ Там же. Л. 29.
- ³¹ Там же. Д. 141. Л. 49; Д. 761. Л. 74–78; Д. 762. Л. 15–16.
- ³² Там же. Д. 135. Л. 4–7; Д. 136. Л. 87.
- ³³ Там же. Д. 140. Л. 41–41 об.
- ³⁴ Там же. Л. 105.
- ³⁵ Там же. Л. 116 об.
- ³⁶ Там же. Д. 141. Л. 50–53 об.

Читальный зал в системе научно-информационной деятельности Архива РАН (г. Москва)

Нормативно-методическое обеспечение работы читального зала

Читальный зал является таким структурным подразделением архива, которое предоставляет архивные документы исследователям в целях осуществления ими научной и научно-популяризаторской работы, т.е. пользователями архивных документов выступают исследователи. Они работают в читальном зале архива с документами открытого доступа. Их права, обязанности и ответственность, а также порядок допуска в читальный зал и ограничение к доступу архивных документов определены в «Правилах работы исследователей в читальном зале Архива РАН»¹. Отметим также, что вся деятельность читального зала осуществляется согласно действующему законодательству, нормативным и организационно-распорядительным документам².

Специфика Архива РАН состоит в том, что архив, являясь структурным звеном Российской академии наук, на правах исследовательского института входит в состав организаций, объединяемых Отделением историко-филологических наук РАН, а документы, хранящиеся в архиве, находятся на государственном хранении и являются федеральной собственностью.

Организация работы читального зала и обслуживание исследователей входит в обязанности старшего научного сотрудника архива — ответственного за работу читального зала. Они определяются должностной инструкцией и согласуются с законодательством Российской Федерации, нормативно-правовыми актами Росархива и Президиума РАН.

Обобщение опыта, накопленного в ходе работы читального зала по копированию документов для исследователей, отражено в «Памятке по оформлению заказов на копирование документальных материалов, хранящихся в Архиве РАН»³. Оформление заказов на копирование сотрудником читального зала основано на данных «Прейскуранта цен на работы и услуги, оказываемые Архивом РАН на платной основе»⁴. На стоимость платных услуг влияет также, относится ли фонд или конкретная опись к особо ценным документам. Такого рода информация содержится в «Списке фондов и разрядов Архива РАН, содержащих особо ценные документы (по состоянию на 1 ноября 2010 г.». Памятка о копировании документов регламентирует работу с такими категориями исследователей, как физические лица, учреждения РАН и учреждения культуры. Регламентация работы по оказанию платных услуг копирования документов преследует две задачи: 1) закрепить методику расчета стоимости в зависимости от категории исследователя; 2) представить пакет документов (заявление на копирование или договоры с Архивом РАН), необходимых для оформления услуги копирования в зависимости от категории исследователя и цели его обращения в читальный зал.

Читальный зал имеет специальное оборудование для работы исследователей с микро-копиями архивных документов, и два персональных компьютера с возможностью работы в Информационной системе АРАН (ИС АРАН).

В отечественном архивоведении давно сложилось понимание научно-информационной деятельности как двух составляющих неразрывного процесса: 1) состояние системы научно-справочного аппарата (НСА) к архивным документам и 2) использование архивных документов. Оптимизация системы НСА влечет за собой увеличение интенсивности использования архивных документов, что, в свою очередь, требует дальнейшей оптимизации системы НСА. Не зря в «Правилах организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» эти две архивные функции рассмотрены в одном разделе⁵.

В основе деятельности читального зала лежит принцип индивидуальной работы сотрудника архива с каждым исследователем. Консультирование исследователей является одним из приоритетных направлений в работе читального зала.

В 2010 г. для исследователей в читальном зале были установлены два компьютера с ИС АРАН. Одновременно в Интернет были выложены все оцифрованные описи, т.е. исследователям стали доступны без обращения в читальный зал архива не только описи, но вся заявленная в ИС АРАН информационная система: путеводители, список фондов, реестр описей и каталог. Это стало революционным шагом в работе Архива РАН. Одновременно было принято решение о приеме по e-mail и телефону заказов от исследователей. Это был шаг Архива РАН навстречу исследователям из регионов и других стран. Оцифровка описей и размещение их в Интернете привели к тому, что с 2011 г. читальный зал не показывает в своих отчетах данные о выдаче описей. Помимо ИС АРАН в работе с исследователями используются порталы «Архивы России» и «Мемориал» (выполненный ЦАМО). Кроме автоматизированных баз данных используются традиционные архивные справочники (обозрения, картотеки, именные алфавитные указатели к обозрениям и др.).

Целью данной статьи является аналитический взгляд на некоторую архивную статистику за 2008—2012 гг. В этом смысле интерес представляет типология исследователей (принадлежность к стране, региону, типу учреждения, их профессиональный статус), безусловно, важна тематика обращений, а также сам научный продукт.

Характеристика состава исследователей

На примере таких критериев, как обращения⁶, посещения⁷, регионы⁸ и число иностранных исследователей, можно сказать, что в среднем в 2008—2012 гг. в Архив РАН было сделано около 200 обращений (или тем), посещения исследователями зала показывают его предельную наполняемость. Критерий региональной принадлежности исследователей увеличился с 2008 г. в два раза. Условно состав исследователей можно отнести к трем основным группам: 1) сотрудники учреждений РАН, 2) профессорско-преподавательский состав и аспиранты, дипломники российских вузов, 3) иностранные исследователи (это смешанная группа — здесь сотрудники институтов академий наук стран бывшего СССР, а также профессорско-преподавательский состав и аспиранты зарубежных университетов).

В читальном зале Архива РАН давно и плодотворно трудятся такие известные историки науки, как Т.Д. Александрова (Институт географии), С.С. Алымов и Ю.Д. Анчабадзе (Институт этнологии и этнографии), член-корр. РАН Н.В. Корниенко, Д.С. Московская, М.А. Фролов (Институт мировой литературы), В.В. Тихонов (Ин-

ститут российской истории), С.Н. Корсаков (философии), Н.М. Шагина (Институт кристаллографии), А.Е. Нелихов (Палеонтологический институт). Много лет работал над дневниками В.И. Вернадского ныне покойный В.П. Волков (Институт геохимии и аналитической химии) и многие другие. Но самую большую группу историков науки представляют в архиве сотрудники Института истории естествознания и техники (ИИЕТ): ныне покойный к.и.н. В.А. Волков, д.и.н. С.С. Илизаров, к.и.н. Ю.И. Кривоносов, к.и.н. Г.Г. Кривошеина, д.б.н. Е.С. Левина, к.и.н. Г.И. Любина, к.и.н. М.В. Мокрова, к.ф.-м.н. Е.И. Погребысская, Н.А. Помелова, к.б.н. К.О. Россиянов, к.б.н. Р.А. Фандо, д.б.н. Л.В. Чеснова и другие. Не менее активно работают сотрудники филиала ИИЕТ в Санкт-Петербурге к.и.н. Т.И. Юсупова и к.и.н. С.В. Шалимов. Много и плодотворно работают сотрудники музеев РАН, часто по совместным с архивом проектам, среди них — Т.Б. Авруцкая (Институт общей генетики, мемориальный музей Н.И. Вавилова), Е.А. Борисова и Т.М. Павлова (Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана), З.А. Бессуднова и И.Г. Малахова, Е.Л. Минина (Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского) и другие.

Для группы профессорско-преподавательского состава и аспирантов характерно смещение исследовательской активности в сторону регионов. Подтверждением являются следующие показатели: 2008 г. — 9 обращений из регионов⁹, 2009 г. — 18, 2010 г. — 18, 2011 г. — 12, 2012 г. — 18. Объяснять все только грантами, полученными в региональных университетах (хотя этот фактор бесспорно важен), на мой взгляд, слишком просто. Дипломники и аспиранты вузов Москвы не ориентированы на научную исследовательскую работу — их манит работа в крупных компаниях. В пользу этого тезиса приведу один пример. В 2011 г. мною была проведена экспертиза ценности личных дел исследователей за более чем 40-летний период. Каждый третий исследователь до начала 1990-х гг. был дипломником, аспирантом, преподавателем, доцентом или профессором Московского государственного историко-архивного института. Достаточно назвать фамилии ныне покойных профессоров В.А. Муравьева, А.Л. Станиславского, Е.В. Старостина, С.О. Шмидта и многих других. В рассматриваемый период картина совсем иная — один дипломник и один аспирант в год приходят из МГУ и РГГУ. Из преподавателей только к.и.н., доцент Е.А. Антонова (РГГУ) регулярно работает в Архиве РАН. Заведующие кафедрами (за исключением профессора РГГУ, д.и.н., А.Л. Юрганова), преподаватели-гуманитарии не часто бывают в читальном зале Архива РАН.

Зато в зале немало историков науки, занимающихся естественными науками, например, профессора: И.А. Гараевская (РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина), Н.М. Пржевальский (МСХА им. К.А. Тимирязева), О.Ю. Сулова (МАРХИ), которая с большим энтузиазмом приучает студентов к работе с чертежами В.Г. Шухова. Увлеченно и много работает Е.А. Баум (химфак МГУ) и Н.Н. Колотилова (биофак МГУ), которая не только работает над историей микробиологии, но и давно стала другом архива, принимая активное участие в подготовке выставок и конференций.

А как дела обстоят в регионах? Там сохранена культурная норма чтения книг и систематической работы с документами в архивах. Подтверждением этому служит несколько примеров: Н.Н. Алеврас, Челябинский госуниверситет, д.и.н., профессор, работала по теме «Диссертационная культура в сообществе российских историков XIX — начала XX в.». В читальном зале в рассматриваемый период работали ее аспиранты: М. Базанов над диссертацией по теме «А.А. Зимин: опыт интеллектуальной биографии», О. Богомазова — по теме «Меморизация образа В.О. Ключевского в воспоминаниях его современников», Т. Ерохина — по теме «Формирование интеллектуальной среды в русской культуре во второй половине XVIII в.».

Систематически работает в читальном зале доцент этого вуза, к.и.н. Н.В. Гришина. В 2013 г. исследовал архивные документы по теме «Научное сообщество гуманитариев в 1920-е годы» преподаватель кафедры всеобщей истории, археологии и этнологии Челябинского госуниверситета к.и.н. А.М. Скворцов; Т.А. Булыгина, Ставропольский госуниверситет, зав. кафедрой истории России, д.и.н., профессор — работала над монографией «Интеллектуальная жизнь советского общества. 1944—1984». А.М. Дубровский, Брянский госуниверситет, д.и.н., профессор — работал над монографией «Историческая наука в СССР в 1920—1950-е гг.». Вместе с профессором в читальном зале работали и продолжают работать его аспиранты: К. Гришин по теме «Научное наследие академика М.А. Дьяконова», В. Жибоедов по теме «Научное наследие академика Н.М. Дружинина», В. Ковель подготовил диплом «Тема средневекового города в творчестве М.Н. Тихомирова», а затем начал работу над диссертацией «Историк М.Н. Тихомиров», А. Обухов по теме «А.А. Новосельский и героико-патриотическое направление в изучении истории России XX в.». Т.Н. Иванова, Чувашский госуниверситет им. И.Н. Ульянова, зав. кафедрой истории и культуры зарубежных стран, профессор, работала над монографией «В.И. Герье и историческая наука его времени». В.П. Корзун, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.и.н., профессор кафедры современной отечественной истории и историографии, изучала документы по теме «Профессорская культура на рубеже XIX—XX вв.». Молодой доцент этой же кафедры к.и.н. М.А. Мамонтова работала над темой «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний как канал трансляции исторической памяти. 1947—1970-е гг.». Аспирантка этого университета по кафедре всеобщей истории О. Метель подготовила диссертацию «Советская историография первоначального христианства. 1920—1940-е годы». В 2013 г. в читальном зале работал с архивными документами аспирант этого же университета А. Клюев по теме «Жизненный путь и историческая концепция Николая Петровича Оттокара».

Таким образом, основную категорию отечественных исследователей составляют научные работники академических институтов с докторской или кандидатской учеными степенями, а также профессорско-преподавательский состав и аспиранты региональных вузов. В читальном зале Архива РАН работают не только доктора наук и профессора, но и члены-корреспонденты РАН. Так, в 2012 г. с архивными документами работали три члена-корреспондента РАН — П.И. Арсеев (ФИАН, подготовка книги о Д.В. Скобелыцыне), Н.В. Корниенко (ИМЛИ, подготовка собрания сочинений А.П. Платонова) и В.В. Рагульский (Институт проблем механики РАН).

Число иностранных исследователей выросло в абсолютном выражении, в среднем составляя 20% в год от общего числа обращений. Среди иностранных исследователей устойчиво лидируют такие страны, как США, Германия, Япония и Франция. Кроме них, в читальном зале работают исследователи из Австрии, в 2012 г. — Бразилии, Великобритании, Венгрии, Голландии, Индии, в 2013 г. — Италии, Китая, Литвы, Норвегии, Польши, Румынии, Чехии, Швеции и Швейцарии.

В 2010—2011 гг. в рамках проекта РГГУ — Национальная школа хартий «История и новые технологии (Россия и Франция)» в читальном зале работали магистранты Школы хартий Батист Нишель и Антуан Куртэн (октябрь—ноябрь 2010 г.) и Батист Сузини, Армель Меестр и Агат Демерссеман (сентябрь 2011). Темой их исследования стало «Выявление и описание документов, хранящихся в АРАН (Москва), по истории французской науки». Для них сотрудником читального зала были проведены занятия о систематизации документов, принятой в российском архивоведении, и об информационной системе Архива РАН. В течение всего времени пребывания им

оказывалась консультативная и методическая помощь. Профессору Бруно Дельмасу (Национальная школа хартий) были продемонстрированы возможности ИС АРАН. Проект завершился изданием в 2011 г. справочника о документах по истории французской науки.

Тематика обращений исследователей

По тематике обращений к документам Архива РАН можно выделить несколько условных групп (это далеко неполный перечень), среди них:

1. *Востоковедение.* Изучение Китая по документам Института Дальнего Востока и Главного управления внешних связей (Петер Вамош — Венгрия, Изабелла Гойхайм — Германия, Кристофер Миллер — США, Хана Янсен — Голландия и др.). Из российских исследователей Китаем занималась только А. Вельченко.

Изучением арабских, персидских и тюркских рукописей в Архиве РАН по фондам личного происхождения занимался д.и.н. И.В. Зайцев¹⁰, его аспирант Демироглу Хасан (Турция) работал по теме «Русско-турецкие отношения XIX — начала XX вв. и татарская периодическая печать» и Р.Р. Эминов (Украина) работал с документами по теме «Этнографическое изучение крымских татар в конце XIX — середине XX вв. на примере истории формирования музейных собраний».

Изучение фонда личного происхождения академика Н.И. Конрада позволило профессору из Японии Дзотаро Ота выявить выполненные Н.И. Конрадом переводы мало или неизвестных в Японии пьес для театра кабуки.

В 2011—2013 гг. интерес исследователей США вызвала, наряду с Китаем, Индия и Бирма (Джеремайа Уишен и профессор Давид Энгерман).

2. *Африканистика.* Изучение Африки шло по документам Института Африки и Главного управления внешних связей (Джеремайа Уишен — США, доктор Стеффи Марунг — Германия, в 2013 г. — доктор Джереми Фридман, США).

3. *Этнология.* Историей советской этнографии занимались сотрудники Института этнологии и этнографии к.и.н. Ю.Д. Анчабадзе (на основе документов Института этнографии и институтов Комакадемии) и научный сотрудник к.и.н. С.С. Алымов (на основе привлечения документов Института этнографии и институтов философии и социологии и др.). Научный сотрудник филиала Института в Санкт-Петербурге Музея «Кунсткамера» к.и.н. Д.В. Арзютов совместно с профессором из Норвегии и Великобритании Дэвидом Дж. Андерсоном работали по теме «История концепций этноса и этногенеза». Историей Института этнографии занимался аспирант Рур-университета из Германии Кароль Равски, проработав огромный комплекс документов как самого института, так и Отделения истории и филологии, Секции по общественным наукам и др.

4. *Медиевистика.* С.В. Кондратьев, Тюменский госуниверситет, профессор, д.и.н., работал по теме «Отечественная медиевистика в 1930—1950-х гг.». В. Рыжковский, аспирант Джорджтаунского университета США, уже несколько лет работает по теме «Раннее творчество А.Я. Гуревича и советский интеллектуальный контекст 1944—1977 гг.». В 2013 г. аспирант Омского госуниверситета А. Клюев изучал материалы для подготовки биографического словаря «Советские медиевисты 1910—1941 годов».

5. *Математика и программирование.* Бенджамин Питер, аспирант Колумбийского университета (США), занимался Центральным экономико-математическим институтом АН СССР (1960—1980-е гг.). Татарченко Ксения, аспирантка университета Прин-

стон (США), работала по теме «История информатики в Советском Союзе». Тсиатурас Василиус, докторант (университет Эдинбурга, Великобритания), в 2010–2013 гг. работал по теме «История организации математических наук в Советском Союзе».

6. *История экологии*. Аронова Елена, ведущий научный сотрудник Института им. Макса Планка в Германии, к.б.н., работала по теме «Международный геофизический год». Гут Штефан в 2013 г. исследовал документы по теме «Планирование, построение, развитие и администрация новых городов и промышленности на полуострове Мангышлак (XX век)». Калеменова Екатерина, аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге, занималась темой «Будущее Арктики в представлениях и оценках советского руководства и ученых в 1953–1964 гг.». Кочеткова Елена, аспирантка Европейского университета в Санкт-Петербурге, работала над темой «Лесное хозяйство советско-финских пограничных территорий в 1953–1964 гг. : трансфер и применение технологий». Роу Алан, аспирант Джорджтаунского университета (США), изучал материалы по теме «Рекреационная география: активный туризм и национальные парки в России». А.А. Сулейманов, к.и.н., работал по теме «Якутия и исследование Арктики Академией наук СССР. Вторая половина 1940-х — 1960-е гг.». Тоширо Хигучи, доктор (США), занимался темой «Выпадение радиоактивных осадков с 1945 до 1963 гг.». Пей-Ий-Чу (США), аспирантка университета Принстон, затем доктор, работала по теме «Роль советских географических наук в освоении и промышленном развитии Восточной Сибири. 1917–1982 гг.». Эли Марк (Франция), к.и.н., исследовал тему «Предотвращение стихийных бедствий в СССР. 1917–1991 гг.».

Научная продукция как форма использования архивных документов

Важным результатом пребывания исследователя в читальном зале является тот «научный продукт», который возникает вследствие работы с архивными документами. Здесь определенные функции должен выполнять сотрудник читального зала по контролю за выходом такой «научной продукции». Речь идет об академических документальных публикациях¹¹, документальных исследованиях¹², монографиях¹³, сборниках статей¹⁴, статьях в журналах РАН¹⁵, авторефератах диссертаций на соискание ученой степени кандидата (или доктора наук)¹⁶, статьях в электронном журнале «НЛО»¹⁷ и др. Конечно, в рамках этой статьи дать обзор печатной продукции невозможно — это самостоятельная тема для исследования.

¹ Утверждены директором Архива РАН в 2011 г.

² Федеральный Закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ (ред. от 13 мая 2008). Вступил в силу 27 октября 2004 г. Изменения, внесенные Федеральным законом от 13 мая 2008 г. № 68-ФЗ, вступили в силу 16 мая 2008 г. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук. Утверждены приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации от 18 января 2007 г. № 19 с изменениями (утверждены приказом Министерства культуры Российской Федерации от 16 февраля 2009 г. № 68, зарегистрированным в Минюсте РФ 5 мая 2009 г., регистрационный № 13893). Правила работы пользователей в читальных залах государственных архивов Российской Федерации. Утверждены приказом Росархива от 6 июня 1998 г. № 51, зарегистрированы в Минюсте России 16 декабря 1998 г., регистрационный № 1660. Устав Федерального государственного бюджетного учреждения науки Архив Российской академии наук. Принят на Общем собрании научных сотрудников АРАН 28 февраля 2008 г., протокол № 1; Согласован с Бюро Отделения историко-

- филологических наук РАН 9 апреля 2008г., постановление № 74; утвержден вице-президентом Российской академии наук В.В. Козловым в апреле 2008 г. Был учтен опыт внедрения «Правил работы пользователей в читальном зале Архива Российской академии наук». Введены в действие приказом Архива РАН № 5 от 29 марта 2000 г.
- ³ Утверждена директором архива в 2012 г.
- ⁴ Утверждены и апробованы в 2012 г.
- ⁵ См. Раздел V указанных Правил.
- ⁶ Под обращением в отечественном архивоведении понимают заявленную в течение года тему. Сведения получены на основании личных дел исследователей.
- ⁷ Сведения получены из журнала учета посещений исследователей читального зала.
- ⁸ Сведения получены на основании личных дел исследователей.
- ⁹ Здесь и далее без учета Москвы.
- ¹⁰ *Зайцев И.В.* Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы в Архиве Российской академии наук / каталог выставки. М., 2008.
- ¹¹ *Вавилов С.И.* Дневники. 1920, 1935–1951. Кн. 2. М., 2012; *Вернадский В.И.* Дневники. 1935–1941: в 2 кн. М., 2006. *Он же.* Дневники. Июль 1941 – август 1943. М., 2010; Владимир Иванович Вернадский. Переписка с украинскими учеными. Кн.1. Киев, 2011; Кн. 2. Ч. 1–2. Киев, 2012. *Красноперов И.М.* Воспоминания земского статистика (1872–1902) / Подготовка текста, предисловие, примечания, приложения, подбор фотографий Ю.И. Соколова. М., 2008; *Лифшиц М.* Монтень. Выписки и комментарии. 1930-е гг. М., 2012; *Он же.* О Гегеле. М., 2012; Первый пилотируемый полет. Российская космонавтика в архивных документах. В 2 кн. М., 2011.
- ¹² Академик Андрей Александрович Григорьев. Жизнь и научное творчество (1883–1968). М., 2011; *Дружинин П.А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование. Т. 1–2. М., 2012; *Ивкин В.И.* Академия артиллерийских наук Министерства вооруженных сил СССР (1946–1953 гг.): Краткая история: Документы и материалы. М., 2010; Институт географии и его люди: к 90-летию со дня образования. М., 2008; Николай Яковлевич Демьянов // Выдающиеся ученые (выпускники, профессора) Петровской (Тимирязевской) академии, Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К.А. Тимирязева: Материалы к библиографии. М., 2012. Соболев Самуил Львович: Материалы к библиографии. М., 2012.
- ¹³ *Александрова Т.Д.* Гавриил Дмитриевич Рихтер. Ученый и педагог. М., 2013; *Завойская Н.Е.* История одного открытия. М., 2007; *Зайцева (Баум) Е.А., Любина Г.И.* Владимир Федорович Лугинин. 1834–1911. М., 2012; *Ковалев М.В.* Русские историки – эмигранты в Праге (1920–1940). Саратов, 2012; *Лагно А.Р.* Вячеслав Петрович Волгин. М., 2012; *Метель О.В.* Советская модель изучения первоначального христианства (1920–1990-е гг.). Омск, 2012; *Науменко В.Г.* «Здесь на конце России исподинской...»: Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII – начала XX века. Ярославль, 2010; Неокантианство в России: Александр Иванович Введенский, Иван Иванович Лашшин. М., 2013; *Тихонов В.В.* Московские историки первой половины XX века. Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева, С.В. Бахрушина. М., 2012; *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011.
- ¹⁴ Архив истории науки и техники. Вып. III. М., 2007; Вып. IV. М., 2010. Генштаб науки: всестороннее исследование Российской / Советской / Российской Академии наук // Сборник статей. Сост. Ичикава Хироши. Труды японцев. Т. 1–2. 2011–2012.
- ¹⁵ *Александрова Т.Д.* Гавриил Дмитриевич Рихтер. К 110-летию со дня рождения // Известия РАН: серия географическая. 2009. № 4. С. 1-9; *Григорьев А.А.* Становление географа // Там же. 2010. № 2. С. 120-126; Разнообразие работ географов в первые годы Великой Отечественной войны // Там же. 2011. № 3. С. 106-115; Владимир Иванович Вернадский и географы (Избранные места из переписки) // Там же. 2013. № 4. С. 22–31; *Верченко А.* Советские специалисты в экономическом, научно-техническом и гуманитарном строительстве КНР (1949–1960 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 5. С. 71–79; *Рагульский В.В.* «Самый замечательный человек среди учёных (к 130-летию со дня рождения Л.И. Мандельштама)» // Успехи физических наук. Т. 179. № 11. 2009. С. 1245–1251; «О людях науки с одинаковым отношением к жизни (к 100-летию доклада Лебедева о давлении света)» // Там же. Т. 181. № 3. 2011. С. 307–318.
- ¹⁶ *Сулейманов А.А.* Якутия и международное научное сотрудничество в Арктике. Конец 80-х – 90-е гг. XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 2010; *Lars P. Haga.* Erobrernes kart: Sovjetiske litteraere, vitenskapelige og kulturelle aktors mentale kartlegging av Ost-og Sentraleuropa, 1944–1953. Norges teknisk-naturvitenskapelige universitet, 2011.
- ¹⁷ *Альмов С.* Космополитизм, марризм и прочие «грехи»: отечественные этнографы и археологи на рубеже 1940–1950-х годов // Новое литературное обозрение. 2009. № 97; *Рыжковский В.* Советская медиэвистика and Beyond (к истории одной дискуссии) // Там же; Неслучайное село: советские этнографы и колхозники на пути «от старого к новому» и обратно // Там же. 2010. № 101.

Опыт работы Российского государственного архива научно-технической документации по комплектованию документами Архивного фонда Российской Федерации

Российский государственный архив научно-технической документации (РГАНТД) с филиалом в г. Самара создан Постановлением Правительства Российской Федерации от 9 июня 1995 г. № 575 на базе реорганизованных Российского научно-исследовательского центра космической документации (Москва) и Российского государственного научно-технического архива (Самара) с филиалом в Москве. В 1998 г. в состав архива вошла Лаборатория микрофильмирования и реставрации документов (ЛМРД). Таким образом, РГАНТД был образован путем слияния 3 крупных организаций: ЦГАНТД, НИЦ КД, ЛМРД. Несмотря на то, что объединение архивных организаций происходило в сложное время 1990-х гг. и было сопряжено с немалыми трудностями, к сегодняшнему дню РГАНТД превратился в крупнейший центр хранения ретроспективной научно-технической документации (документации по истории отраслевой отечественной науки и техники), аудиовизуальной документации, управленческой документации и документации по личному составу.

В настоящее время мы живем в реалиях сложившейся современной системы управления архивным делом с ее экономическими аспектами. В результате административной реформы РФ 2004 г. управление архивным делом было возложено на Федеральное архивное агентство (Росархив), подведомственное Министерству культуры РФ. В связи с этим Росархив утратил контрольно-надзорные функции, но получил закон «Об архивном деле в Российской Федерации» ФЗ-125 от 22 октября 2004 г., который сегодня регулирует отношения в сфере организации, хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации, а также других документов независимо от их форм собственности. Закон регулирует отношения управления архивным делом в Российской Федерации в интересах граждан, общества и государства.

С одной стороны, федеральный закон — это закон прямого действия, который обязателен для исполнения гражданами во всем федеративном государстве. С другой стороны, процедура исполнения закона не проста и сопряжена с необходимостью обращения Росархива в другие ведомства: Росохранкультуры, прокуратуру. На практике работы архивных учреждений это отразилось следующим образом: архивы утратили возможность самостоятельно проводить проверки и давать рекомендации ведомственным архивным службам. Исполнение данных рекомендаций носило обязательный характер; давало возможность контролировать правильность формирования дел на стадии делопроизводственных служб, уточнять сроки хранения документов и дел; позволяло контролировать и давать необходимые рекомендации по функционированию архивов организаций: от оборудования помещений и соблюдения температурно-влажностного режима, до систем хранения, учета и использования документов архивов, создания научно-справочного аппарата.

Некоторые сложности возникли и в работе со списками источников комплектования. Отделы комплектования РГАНТД работают в этой области с 1968 г. Это естественно, ведь к 1960-м гг. в ведомственных архивах организаций научно-технического профиля скопился большой объем научно-технической документации. Это вызвало необходимость сконцентрировать ее в определенном месте — в специализированных архивах. Появилась необходимость подготовки специалистов для работы с научно-технической документацией. Списки организаций — источников комплектования архивов формировались по представлению министерств или ведомств. Четкое разграничение сфер влияния между ведомствами по направлению их деятельности и административно-территориальному делению давало возможность всем организациям быть прикрепленным к «своему» архиву. Федеральный закон 125 «Об Архивном деле в Российской Федерации» обозначил трехуровневое управление архивами: федеральный уровень, уровень субъектов РФ, уровень местного самоуправления. В связи с этим обозначился ряд организаций, не отнесенных ни к одному из архивов. Например, федерального подчинения больницы, поликлиники, заводы, институты (в основной своей массе филиалы головных предприятий) и т.д. Это федеральные государственные учреждения, расположенные на территории субъектов Российской Федерации. В соответствии с законодательством РФ документация данных организаций должна поступать в федеральные архивы. А федеральные архивы в большинстве своем расположены в Москве. При ликвидации подобных учреждений передавать документацию в Москву фактически не представляется возможным. Особенно это невозможно сделать с документами по личному составу. Традиционно она должна отложиться по месту расположения предприятия. Росархив неоднократно предпринимал попытки решить эту проблему, однако зачастую субъекты РФ требуют дополнительного финансирования от федерального центра. Решение данного вопроса пока нет.

В 5 главе закона уделяется значительное внимание составлению списков источников комплектования. Однако там указана только договорная форма сотрудничества. В этой связи хотелось бы отметить, что, с одной стороны, архивы имеют право по какой-либо причине отказать организации во включении ее в список источников комплектования, что может привести к утрате документов. С другой стороны, организации сами неохотно идут на договорные отношения с архивом, так как, естественно, эти отношения налагают определенную ответственность на организацию и могут потребовать от нее дополнительных материальных вложений и трудозатрат. Большая часть организаций нашего списка не являются богатыми, основная часть прибыли идет от аренды помещений. Затраты на сохранение своих архивов для них зачастую является непомерным бременем. В этой ситуации подписание договоров фактически невозможно. РГАНТД в этих условиях не работает на договорной основе с организациями, имеющими в своих архивах документы государственной собственности, т.е. созданные в организациях до момента акционирования. Мы исходим из того, что организация начинает работать с нами на договорной основе только тогда, когда передаст на хранение в архив все документы постоянного хранения, прошедшие экспертизу ценности, описанные, описи на эти документы будут утверждены на Экспертно-проверочной комиссии РГАНТД. Решить финансовую проблему подготовки документов к передаче на хранение помогает Федеральная целевая программа «Архивы России». РГАНТД принимает участие в этой программе с 1997 г.

Количество организаций-источников комплектования РГАНТД из года в год сокращается: к началу 1990-х гг. в список входило более тысячи организаций, сейчас — около 600. Большинство из них было ликвидировано, часть — сменила про-

филь деятельности, часть организаций — передала документацию, созданную до момента акционирования, и была исключена из списков источников комплектования РГАНТД.

РГАНТД по профилю своей работы оказался свидетелем прекращения деятельности большого количества научно-исследовательских организаций, занимавшихся прикладной наукой. Первыми были ликвидированы институты, работавшие над проблемами биотехнологий. Например, Научно-исследовательский институт биотехнологии, одним из направлений деятельности которого, было изучение развития биологических организмов в космосе. Затем — институты, работавшие в области фармакологической промышленности (например, Научно-исследовательский химико-фармацевтический институт, Научно-исследовательский институт антибиотиков и др.). Далее — институты химической, перерабатывающей промышленности («Синтез», Институт горючих ископаемых и др.), огромное количество проектных и конструкторских институтов различных отраслей промышленности. Этот список можно продолжать долго.

Хочется более подробно остановиться на вопросах, связанных с приемом документов от ликвидированных организаций. РГАНТД накопил немалый опыт по работе с ликвидированными организациями. Подобные организации можно разделить на 3 группы: организации-банкроты; организации, прекращающие финансово-хозяйственную деятельность (без правопреемственности); брошенные документы организаций, формально не ликвидированных, но распустивших своих сотрудников.

При работе с *первой группой* организаций необходимо отслеживать введение внешнего, а затем конкурсного управления. Первым шагом можно считать подготовку и отправку информационного письма о необходимости передачи документации на хранение в архив. В письме необходимо указать нормативно-правовую базу, сроки, возможную помощь. Вторым шагом является личное ознакомление сотрудников отдела комплектования с реальным состоянием дел в организации. И последнее — определение плана (плана-графика) работы с указанием первоочередных задач и сроков реализации. При решении данной проблемы архив зачастую сталкивается с необходимостью приема документации в архив на обработку. Это обусловлено тем, что конкурсные управляющие поздно принимают во внимание обращение архива о необходимости готовить документацию к приему на хранение. Однако, понимая значимость хранящейся в архивах организации документации и необходимости ее сохранения, архив идет навстречу ликвидируемым организациям.

Есть один момент, который помогает в работе архивов: решение суда о банкротстве не может быть принято без акта приема-передачи документов в архив. При ликвидации организации в соответствии с ст.23 п.8 Федерального закона 125, а также с Федеральными законами от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», от 30 декабря 2008 г. № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)”», включенная в состав архивного фонда РФ управленческая и научно-техническая документация постоянного хранения, в том числе и документы ограниченного доступа, документы по личному составу (лицевые счета, приказы по личному составу, личные дела уволенных сотрудников, личные карточки по форме Т-2, невостребованные трудовые книжки), а также архивные документы, сроки временного хранения которых не истекли, в упорядоченном состоянии должны быть переданы в архив.

Вторая группа организаций возникает тогда, когда происходит изменение формы собственности организации без правопреемственности. То есть происходит пре-

образование Государственных унитарных предприятий или Федеральных государственных унитарных предприятий ГУП в ОАО, но без определенных обязательств, связанных с организацией, имеющей другую форму собственности. В данном случае на хранение в архив должны быть переданы документы не только постоянного хранения, но и по личному составу.

В двух вышеперечисленных видах ликвидации организаций есть общая черта — остается руководство организации, способное решать возникающие проблемы, остаются сотрудники, способные заниматься подготовкой к передаче документации на хранение. Это облегчает работу архивистов и может сократить сроки упорядочения документации.

Третий случай — самый неприятный. Зачастую о подобных ситуациях мы узнаем от сотрудников организации или от организаций — собственников здания. В этом случае сотрудники архива принимают на себя весь комплекс и объем работ, связанных с упорядочением, составлением описей и передачей документации на хранение.

По мере сил архив старается отслеживать положение дел в организациях, пытается найти соратников в данной работе. Однако начинания эти не всегда успешны. Например, контакт с Роскомимуществом наладить не удалось. Наши письменные обращения остались без ответа. Росохранкультуры также не видит в нас соратников, считая, что мы являемся заинтересованными лицами. Здесь следует отметить, что РГАНТД — действительно является заинтересованным лицом, но только в части приема на хранение документации от своих источников. Подобные ситуации заставляют задуматься над вопросом создания юридических служб при архивах, так как архивисты вынуждены не только заниматься своей непосредственной работой, но и изучать основы Российского законодательства.

При работе с документацией ликвидированных организаций хотелось бы упомянуть и работу с документами по личному составу. Эта документация не является профильной для нашего архива. Традиционно РГАНТД не комплектовался такого рода документами. Но сегодняшние реалии заставляют нас проводить работу с этой документацией. В своей деятельности РГАНТД руководствуется существующими архивными правилами. Но есть ряд особенностей, о которых я вкратце упомяну. При работе с личными делами уволенных сотрудников мы придерживаемся следующих принципов: формирование дел в блоки по алфавиту фамилий сотрудников института, без учета дат увольнения. Это обеспечивает нам ускоренный поиск необходимого дела, так как зачастую граждане не помнят даты своего увольнения. И еще один момент — прием на хранение невостребованных трудовых книжек. В соответствии с «Перечнем типовых управленческих архивных документов, образующихся в деятельности государственных архивов, органов местного самоуправления и организаций, с указанием сроков хранения» (М., 2010 г.) срок хранения этих документов — 75 лет. При изучении вопроса о необходимости сохранения таких документов, сотрудники РГАНТД пришли к выводу, что помимо оперативного характера использования данной документации (т.е. возврата трудовых книжек гражданам), есть еще и исторический аспект. Их архива Всероссийского научно-исследовательского института железнодорожного транспорта в РГАНТД поступили невостребованные трудовые книжки, начиная с 1935 г. Вряд ли работа с этой документацией будет иметь оперативный характер. Однако по этим документам можно проследить становление трудовых отношений между государством и гражданами, имеется возможность использования данной документации как доказательной базы в суде (по установлению наследства и др.). И еще один момент: военные годы — почти половина невостребованных трудо-

вых книжек за время существования института приходится на годы Великой Отечественной войны. Невостребованные трудовые книжки за 1941—1945 гг. — это, скорее всего, документы тех, кто не вернулся с полей войны.

РГАНТД не может не гордиться своими организациями-источниками комплектования: в основном это бывшие Всесоюзные, головные по отрасли научно-исследовательские, проектно-конструкторские и технологические институты, институты, занимавшиеся развитием прикладной науки. В списках источников комплектования РГАНТД имеются институты, образованные в 1919 г.; более 60 институтов образованы в 1930-е гг. Есть институты двойного подчинения (отраслевому министерству и Академии наук): ФГУП «Институт точной механики и вычислительной техники им. А.С. Лебедева», ФГУП «Центральный научно-исследовательский радиотехнический институт им. А.И. Берга», ОАО «Радиотехнический институт им. А.Л. Минца», ФГУП «Институт горючих ископаемых» и др. — несомненно, это свидетельствует о взаимодействии прикладной и фундаментальной науки в разработках данных институтов. Нельзя не упомянуть и о Научно-исследовательском физико-химическом институте им. Л.Я. Карпова — старейшем институте, объединившем в своих стенах выдающихся ученых, академиков АН СССР и РАН, таких как И.В. Петрянов-Соколов — автор и разработчик знаменитых фильтров Петрянова, С.С. Медведев — создатель теории полимеризационных процессов, А.Н. Бах — основатель школы советских биохимиков, а также Н.А. Фукс — физиохимик, заложивший основы физической химии аэрозольных систем, и многие другие.

Эти институты зачастую передавали свою документацию и в архив Академии наук СССР, и в РГАНТД. В этой связи следует отметить, что мы здесь делаем одно общее дело — комплектование Архивного фонда Российской Федерации.

Фондообразователями РГАНТД стали также головные предприятия ракетно-космической отрасли (Научно-производственное объединение «Энергия» им. С.П. Королева, Научно-производственное объединение им. С.А. Лавочкина, Научно-производственное предприятие «Звезда», Центр подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина, Институт медико-биологических проблем МЗ СССР и др.).

В заключении хотелось бы отметить, что зачастую организации про архивы вспоминают, когда возникает необходимость освободить помещения под передачу в аренду или грозит ликвидация организации. В данной ситуации РГАНТД понимает, что одним из основных направлений деятельности является оказание услуг. Мы можем информировать организации о том, какие услуги оказываются (платные или бесплатные). Но главная услуга — это предоставление своих архивных полок, предоставление услуг по хранению, обеспечению режима сохранности, использования документации. Государство тратит на это значительные средства, а также гарантирует сохранность данной документации. Отбору документации на хранение сопутствует работа по изучению и написанию истории данной организации, изучению выдающихся деятелей науки, ученых, выявлению ценных, особо ценных и уникальных документов. Эта работа поможет сохранению документальной истории развития науки и техники, увековечиванию на ее страницах уже известных, а также новых великих имен. Организации должны знать, на что они имеют право. Они должны ценить это право и уметь его использовать. Со своей стороны архивы готовы к сотрудничеству. Но сотрудничество — это взаимопомощь, кооперация. Сотрудничество не может быть односторонним. Научно-исследовательские институты и другие научные организации должны более внимательно подходить к своим документам и не отказываться от взаимодействия с архивом, источником комплектования которого они являются.

Организация архивного дела в Зоологическом институте РАН

Сохранение информации о жизни и деятельности научного учреждения — важнейшая и неотъемлемая часть деятельности архивных учреждений.

В 1930 г. после утверждения «Положения об Архиве Академии наук», в Архив АН были переданы документы Зоологического музея, которые сохранились в ходе его столетней истории. Принятые на хранение материалы охватывали период 1893—1928 гг. и составили фонд Зоологического музея¹. В фонд вошли научная корреспонденция, в том числе о пополнении коллекций музея, материалы по командировкам и научным экспедициям, протоколы заседаний Совета Музея, отчеты, протоколы научных собраний сотрудников, сведения о вспомогательных отделах и лабораториях. Этот фонд пополнялся документами Зоологического института вплоть до 1951 г.²

Начиная с 1952 г. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН перестал принимать на хранение документы Зоологического института в связи с нехваткой места для их размещения. Поэтому для упорядочения хранения научной и другой документации Приказом по институту от 8 октября 1963 г. были назначены ответственные за ее хранение в структурных частях института³. Когда в лабораториях и отделениях скопилось достаточно много документов постоянного срока хранения, остро встал вопрос о централизации их хранения. Так, в марте 1970 г. был образован Научный архив ЗИН в целях учета, хранения и использования документов, образующихся в результате деятельности Зоологического института⁴. Огромная заслуга в формировании архива принадлежит Ше Ен Сен, которая стояла у истоков его создания и организовала архивную коллекцию на основании документов лабораторий, ученых, работавших ранее в институте, научно-организационной документации Ученого Совета и других структурных подразделений. В 1971 г. для размещения архива была выделена комната⁵ площадью 25 м², которая сразу же была заполнена скопившимися документами. До сих пор площадь архива остается неизменной, несмотря на то, что институт живет, работает и каждый год продуцирует все новую и новую организационно-распорядительную и научную документацию, а она, в свою очередь, требует внимательного и заботливого отношения.

Архив ЗИН РАН представляет собой совокупность документов, имеющих научное, социально-культурное и историческое значение. Здесь хранятся документы, которые достаточно полно отражают все стороны деятельности Зоологического института. Просматривая годовые и перспективные планы научной работы и отчеты о результатах выполнения намеченных тем, мы погружаемся в атмосферу того времени, узнаем не только о научной деятельности института, но и о политической обстановке в стране, о людях, участвовавших в выполнении научных тем, пропитываемся духом тех лет и становимся почти участниками происходивших событий.

Архив ЗИН обеспечивает комплектование, учет, хранение, сохранность и использование документов, кроме того, осуществляет контроль отбора и качества обработки документов, образующихся в результате деятельности ЗИН РАН, а также контроль

отбора документов к уничтожению по истечении установленных для них временных сроков хранения. В состав документов Архива Зоологического института входит документация постоянного и долговременного хранения — плановая, организационно-распорядительная, учетно-отчетная, научно-техническая, финансово-бухгалтерская, документы личного происхождения и по личному составу, начиная с 1952 г. Однако имеются также отдельные материалы более раннего происхождения.

Все дела, поступающие в Архив, проходят специальную подготовку, принятую в архивном делопроизводстве. Составляется опись, которую утверждает директор института, а затем Центральная экспертно-проверочная комиссия Архива РАН. Дела переплетаются и хранятся на стеллажах в картонных папках или фанерных коробах. Учет и хранение документов Научного архива ЗИН РАН организуется по фондам, описям и делам. Основу архивного фонда Зоологического института составляет Фонд 1 «Научно-организационная деятельность ЗИН РАН», включающий 8 описей.

Опись 1 — «Организационно-распорядительные документы» — содержит материалы канцелярии, Ученого совета, Комиссии по международным связям, отдела кадров и бухгалтерии. Документы канцелярии представлены Приказами по основной деятельности, которые были выделены в отдельное дело, начиная с 1981 г., а также различного вида перепиской, договорами о творческом содружестве, заключениями специализированных советов других научных учреждений по диссертациям, документами о подготовке к 150-летию юбилею Зоологического института, справками, отчетами, обзорами, заключениями, сведениями и другими документами о работе института. Протоколы заседаний Ученого совета предоставляют исчерпывающую информацию о списочном составе Совета, о том, какие вопросы были поставлены на повестку дня и какие заключения по ним были приняты. Изучая планы и отчеты научно-исследовательских работ, можно проследить всю историю развития научной тематики института. Комиссия по Международным связям составляет отчеты о международном сотрудничестве и эффективности международных научных связей, отчеты сотрудников о командировках за границу и отчеты о приеме иностранных специалистов. Отдел кадров представляет отчет о работе аспирантуры и статистический отчет по кадрам. Бухгалтерия сдает штатное расписание, смету расходов и годового финансовый отчет.

В опись 2 входят документы по личному составу. Это «Приказы по личному составу» и «Лицевые счета сотрудников». В Архиве ЗИН эти бумаги представлены начиная с 1932 г. В «Приказах» отражены не только сведения о зачислении и увольнении каждого сотрудника, но и все данные о его перемещениях, смене должности или оклада, командировании, благодарностях и поощрениях. Они подшиты в дела по годам, каждое дело составлено в хронологическом порядке. «Приказы» — это основной документ при составлении справок для установления стажа при возникновении вопросов по трудовой книжке. Лицевые счета содержат весь список сотрудников института за каждый год. Таким образом, можно проследить изменения кадрового состава с течением времени. Эти документы постоянно используются для составления справок о заработной плате по запросам сотрудников, работающих в настоящий момент или работавших ранее в Зоологическом институте.

Опись 3 включает «Личные дела и Личные карточки сотрудников». Архив ЗИН РАН хранит личные дела сотрудников, закончивших трудовую деятельность в Зоологическом институте, начиная с 1952 г. и позже и личные карточки сотрудников, уволившихся после 1935 г. Личная карточка заводится на каждого, кто устраивается на работу в институт, и содержит основные биографические данные. Таким образом,

по личным карточкам можно проследить весь списочный состав людей, работавших в институте. Личное дело сотрудника содержит максимальный набор сведений о трудовой деятельности человека. Как правило, это рукописное заявление о приеме на работу (с пометками заведующего лабораторией, в которую принимают сотрудника, и руководства института), автобиография, личный листок с биографическими данными (иногда включает сведения о родителях и других родственниках). Даже сведения, кажущиеся на первый взгляд несущественными, могут оказаться важными. Так, известен случай, когда потомку работавшего в Зоологическом институте кочегаром сотрудника удалось доказать родство и выиграть дело о наследстве благодаря тому, что его предок указал в анкете данные двух своих сестер, одна из которых была матерью человека, обратившегося в Архив за справкой. Эта история показывает, что важно хранить «Дела» не только выдающихся людей или известных ученых, но и простых смертных, ведь для человека может оказаться существенным какой-либо факт биографии его предков. Это особенно актуально в наши дни, так как сейчас многие люди проявляют особенный интерес к изучению своей родословной. В связи с этим делопроизводству учреждения следует очень внимательно относиться к подбору документов в «Личное дело», чтобы оно с наибольшей достоверностью отражало все стороны деятельности человека. В настоящее время Архив ЗИН РАН имеет на хранении около 700 личных дел.

Опись 4 содержит «Личные дела аспирантов», закончивших аспирантуру после 1947 г. В этих делах отражены первые шаги молодых ученых в науке, их поиски, пробы и ошибки, первые удачи и достижения. Многие из них впоследствии стали ведущими специалистами в мировой науке. Поэтому весьма интересно знать, с чего начинался их творческий путь и как происходило становление личности. Во второй половине XX в. в аспирантуре ЗИН обучалось почти 500 человек. Некоторые из них остались работать в Зоологическом институте, другие трудятся в научных центрах по всей России и за рубежом.

Опись 5 в настоящее время не пополняется. В нее вошли документальные материалы бухгалтерии (1932–1974) (на текущий момент эти документы относятся к описи 1), распоряжения по Зоологическому институту АН СССР (1933–1943), приказы по Зоологическому институту (1944–1955), приказы по личному составу (1956–1967) (с 1968 г. включены в опись 2), расчетные карточки рабочих и служащих (1932–1940), лицевые счета сотрудников института на выдачу зарплаты (1941–1967) (с 1968 г. относятся к описи 2).

Опись 6 — «Научные документы: книги поступлений коллекций» — особенно интересна. В нее входят книги с записью от кого, когда и из какого региона поступила коллекция. Каждому поступлению присвоен номер. Под этим номером значатся все животные, привезенные из конкретной экспедиции. Крайние даты этих документов 1894–2011 гг. Среди коллекторов можно встретить много известных имен. С трепетом перелистывая страницы книг позапрошлого века, мы узнаем, например, что в Зоологический музей Императорской Академии наук поступила большая коллекция животных, добытых во время экспедиции Ивана Дементьевича Черского⁶ в Колымский край в 1891–1892 гг., из которой ему не суждено было вернуться. Было собрано около 300 экземпляров птиц, более полусотни млекопитающих и 833 экземпляров насекомых, о чем в Книге поступлений за 1894 г. сделана запись за № 123⁷. В том же году в коллекцию поступил сбор⁸ охоты в Кубанской области Его Императорского Высочества вел. кн. Сергея Михайловича⁹. Добытые внуком Николая I животные были подготовлены для хранения потомственным препаратором Сергеем Константи-

новичем Приходко¹⁰ и приняты в коллекцию ученым хранителем Евгением Александровичем Бихнером¹¹. В 1896 г. Зоологический музей получил в дар экземпляр сони-полчка¹² от Владимира Алексеевича Хлебникова¹³, добытый им 25 августа 1896 г. в селе Чилим Симбирской губернии. Этот список можно продолжать бесконечно. Просто невозможно оторваться от завораживающих воображение строк! К сожалению, в настоящее время не все лаборатории института ведут и сдают в архив Книги поступлений коллекций, ссылаясь на нехватку времени и рабочих рук. Такой подход в корне неверен. Конечно, электронный способ записи коллекционного материала является более современным и удобным для пользователей. Но бумажный вариант Книги поступлений коллекций в качестве страховой копии обязательно должен храниться централизованно в Научном архиве института.

Большое поле деятельности для исследования истории науки представляют Опись 7 — «Аттестационные дела о защите кандидатских диссертаций» (представлены начиная с 1943 г.) и Опись 8 — «Аттестационные дела о защите докторских диссертаций» (с 1946 г.). В этих делах имеются следующие документы: справка о присуждении ученой степени, личный листок с биографическими данными и фотографией, список научных трудов, состав членов Ученого совета, оценивающих данную работу, стенограмма или магнитофонограмма заседания, отзывы ведущего учреждения и официальных оппонентов, а также отзывы на автореферат, протокол заседания счетной комиссии, избранной диссертационным советом, выписка из протокола научного семинара лаборатории, представившей диссертацию к защите на специализированном Ученом совете Зоологического института и автореферат диссертанта. Следует учесть, что в данной описи представлены не только сотрудники Зоологического института, но и ученые из разных научных центров России, которые защищали свои достижения в ведущем зоологическом учреждении страны. Не смотря на то, что по архивным правилам срок хранения этих документов ограничен десятью годами, наш архив не спешит с ними расставаться, так как эти дела весьма и весьма востребованы при наведении различного рода справок.

В Архиве ЗИН РАН имеется фото-архив, который содержит большое количество фотографий музейных экспонатов, фотографии сотрудников, работавших в институте, групповые снимки, фотографии конференций, юбилеев, экспедиций и т.д. Кроме того, имеется большой неразобранный и неописанный массив негативов на стеклянных фотопластинках.

Несомненна значимость работы по комплектованию архива документами личного происхождения, образовавшимися в процессе жизни и деятельности научного сотрудника, работавшего в стенах Зоологического института. Эти материалы представляют особую ценность для истории науки. В них содержатся как биографические документы, так и документы творческой, научной и служебной деятельности (неопубликованные рукописи, письма, полевые дневники, литературные произведения, записные книжки, воспоминания, фотографии и рисунки). Материалы личных фондов относятся к числу важнейших исторических источников, так как содержат сведения о видных деятелях науки. Эти материалы должны стать не только личной, семейной, но и государственной реликвией.

К сожалению, загруженность хранилища препятствует нормальной работе архива и делает практически невозможной обработку личных фондов, которые и по сей день хранятся в связках и папках, не имея даже описей. Исходя из сказанного, в настоящее время мы не можем принимать на хранение фонды лабораторий и ученых, и они хранятся на местах, рискуя быть безвозвратно утерянными. Этого никак нельзя

допустить, так как документы Научного архива ЗИН РАН являются частью Государственного архивного фонда.

Материалы Архива ЗИН РАН неоднократно использовались для выставок, проводимых в институте по случаю памятных дат или юбилейных научных чтений, а также при подготовке статей и воспоминаний¹⁴.

Таким образом, научный архив ЗИН РАН содержит большую коллекцию документов, всесторонне отражающих деятельность Зоологического института, являющихся неисчерпаемым источником сведений об истории института, его сотрудников и коллекций. Комплекс хранящихся в архиве документов представляет собой самую надежную базу для научных исследований.

Автор выражает глубокую благодарность Н.В. Слепковой, которая вдохновила его на этот труд.

¹ Санкт-Петербургский филиал Учреждения Российской академии наук Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 55.

² Архив Академии наук СССР. Обзорные архивных материалов. Т. 1. Л., 1933. С. 44–45.

³ Научный Архив ЗИН РАН (НА ЗИН). Ф. 1. Оп. 5. Д. 104. Л. 239–240.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 13. Л. 50.

⁵ Там же. Оп. 1. Д. 422. Л. 52.

⁶ Черский Иван Дементьевич (3 мая 1845 г. – 25 июня 1892 г.) – известный исследователь Сибири, геолог, палеонтолог.

⁷ НА ЗИН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1. Л. 264–284.

⁸ Там же. Л. 194.

⁹ Сергей Михайлович, великий князь (25 сентября 1869 г. – 18 июля 1918 г.). Внук Николая I, сын великого князя Михаила Николаевича.

¹⁰ Приходко Сергей Константинович (18 марта 1870 г. – 3 сентября 1928 г.). 1 января 1886 г. был принят учеником в Зоологический Музей, через 3 года переведен на должность младшего препаратора, а с 1 января 1896 г. работал в должности старшего препаратора Зоологического музея Императорской Академии наук. «За 6 месяцев, проведенных в Штутгарте (Германия) в совершенстве овладел новым и сложным методом изготовления чучел путем шитья... Чучела, которые он стал изготовлять по возвращении из Германии, отличаются высоким техническим совершенством и поразительным сходством с живыми животными». С 1924 г. С.К. Приходко состоял в должности научного сотрудника 2-го разряда Зоологического Музея Академии Наук СССР. Он написал «Руководство к набивке и монтировке чучел и скелетов млекопитающих» (СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1102. Л. 9, 11, 41, 104, 107, 108, 113).

¹¹ Бихнер Евгений Александрович (1861–1913) – зоолог, образование получил в Петербургском университете; ученый хранитель Зоологического музея Академии Наук. За свою работу «Птицы Санкт-Петербургской губернии» получил от Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей премию кн. Гинглята.

¹² НА ЗИН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 3. Л. 353.

¹³ Хлебников Владимир Алексеевич (1857–1935) – крупный общественный деятель, просветитель, учёный-орнитолог, лесовод, основатель первого в России государственного заповедника в дельте Волги.

¹⁴ Труды Зоологического института РАН. СПб., 2002; Санкт-Петербург – Индия. История и современность. СПб., 2009. С. 361–368; Санкт-Петербург – Франция. Наука, культура, политика. СПб., 2010. С. 276–296.

Фонды Архива РАН как источник для изучения биографий учёных Национальной академии наук Беларуси

Институт истории Национальной академии наук Беларуси с конца 2000-х гг. реализует научный проект по изданию сборников документов о президентах НАН Беларуси. К настоящему времени изданы сборники документов о пяти президентах Академии наук — А.Р. Жебраке, В.М. Игнатовском, П.О. Горине, В.Ф. Купревиче и К.В. Горева¹. При их подготовке достаточно широко использовались материалы Архива Российской академии наук и Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, поскольку деятельность упомянутых президентов НАН Беларуси в той или иной степени была связана с Академией наук СССР и Коммунистической академией (1924—1936), документальные материалы которой хранятся в Архиве РАН.

Первый президент Академии наук Белоруссии (1929—1931) известный белорусский историк Всеволод Игнатовский являлся действительным членом Коммунистической академии. В сборнике публикуется текст его выступления на II конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений (12 апреля 1929 г.)², а также подписанное им письмо Белорусской академии наук в Академию наук СССР (6 мая 1930 г.) по вопросу издания источников по истории России. Белорусская академия наук со своей стороны предлагала подготовить издание Литовских статутов 1529 и 1566 г. и дипломатических актов, касающихся взаимоотношений Ливонского и Тевтонского орденов с Полоцко-Витебско-Смоленской землями и Литвой. Институт исторических наук БелАН предлагал включить в эту работу академика БелАН В.И. Пичету и секретаря археологической комиссии Д.И. Довгялло³.

Публикуется также выписка из протокола заседания Президиума Коммунистической академии от 5 февраля 1931 г. об исключении В.М. Игнатовского из состава действительных членов Комакадемии «за проведение национал-оппортунистической и национал-демократической линии в своей работе»⁴. Дело в том, что в Белоруссии в 1930 г. началась фабрикация дела «Союза освобождения Беларуси». Среди арестованных оказалось около 30 сотрудников Академии наук. Шесть ученых (Г.И. Горецкий, А.Д. Дубах, В.У. Ластовский, И.Ю. Лёсик, С.М. Некрашевич, В.И. Пичета) в декабре 1930 г. Постановлением СНК БССР были лишены звания академика. В.М. Игнатовский, обвиненный в национал-оппортунизме, в январе 1931 г. был освобожден от должности президента Академии наук и тогда же исключен из Коммунистической партии. Его стали вызывать на допросы в ОГПУ. Не видя возможности доказать необоснованность и абсурдность предъявленных ему обвинений, 4 февраля 1931 г. он покончил жизнь самоубийством.

Второй президент Белорусской академии наук (1931—1936) П.О. Горин (настоящая фамилия Коляда) с 1925 г. являлся сотрудником Коммунистической академии. В фондах Коммунистической академии (Ф. 350) и Общества историков-марксистов (Ф. 377) имеется достаточно много документов, отражающих его деятельность в Москве в 1920-е гг. В сборник документов включены материалы биографического характера⁵ и отражающие его работу в Комакадемии и Обществе историков-марксистов⁶.

В январе 1920 г. П.О. Горин становится слушателем Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова. В 1923—1925 гг. он продолжил образование в Институте красной профессуры. Тогда же произошла его встреча с признанным руководителем советской исторической науки в 1920-х гг. М.Н. Покровским, который оказал на молодого человека большое влияние. В 1925 г. было создано Общество историков-марксистов, председателем которого стал М.Н. Покровский, а ученым секретарем — П.О. Горин. В 1929 г. в составе Коммунистической академии открылся Институт истории во главе с М.Н. Покровским, П.О. Горин стал заместителем директора института.

Вторая половина 1920-х гг. стала важным периодом в становлении П.О. Горина как историка и организатора науки. Одной из важнейших проблем, которой занимались тогда советские ученые, была история Советов в революции 1905—1907 гг. Именно этой теме посвятил свое первое исследование П.О. Горин, опубликовав монографию «Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 году» (М., 1925).

Будучи одним из ближайших учеников академика М.Н. Покровского, П.О. Горин наиболее последовательно и четко отстаивал его взгляды в Обществе историков-марксистов. Павел Осипович был одним из основателей и редактором журнала «Историк-марксист», ставшего трибуной пропаганды марксизма в исторической науке. В июле 1930 г. П.О. Горин был избран действительным членом Коммунистической академии.

С 1930-х гг. начался новый этап в творческой биографии ученого. 13 февраля 1931 г. он был избран академиком и президентом Белорусской академии наук. На этом посту в полной мере проявился его талант крупного организатора науки. По инициативе П.О. Горина была осуществлена коренная реорганизация Белорусской академии наук, в результате чего она стала единым научным центром, где концентрировалось общее руководство всей научно-исследовательской работой в республике. При нем резко возросли масштабы подготовки научных кадров через аспирантуру. Совершенствовалась структура Академии наук. Уже к 1935 г. в ее системе насчитывалось 17 научно-исследовательских институтов и ряд других научных учреждений. Одновременно П.О. Горин возглавил Институт истории Академии наук.

В декабре 1935 г. П.О. Горин был назначен заместителем председателя Комитета по заведыванию учеными и учебными заведениями ЦИК СССР. Как одному из ближайших учеников М.Н. Покровского, ему были свойственны как достоинства, так и недостатки этой исторической школы. В августе 1937 г. П.О. Горин был арестован и 25 апреля 1938 г. приговорен к высшей мере наказания — расстрелу. Его имя попало в так называемые сталинские расстрельные списки — списки лиц, судьбу которых предрешали члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Президент Академии наук БССР (1938—1947) К.В. Горев в 1935—1938 гг. состоял в докторантуре Института общей и неорганической химии Академии наук СССР⁷.

Наиболее полно представлены документальные материалы о деятельности президента Академии наук БССР В.Ф. Купревича, который возглавлял Академию с 1952 по 1969 г. Они хранятся в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук⁸.

В 1931 г. он поступил в аспирантуру Белорусской академии наук и был направлен для прохождения аспирантской подготовки в Ленинград, в Ботанический институт Академии наук СССР, где его наставниками стали известные российские ученые физиолог растений В.Н. Любименко и миколог В.Г. Траншель. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в 1934 г. В.Ф. Купревич возвраща-

ется в Академию наук республики. Здесь он провел ряд интересных исследований по вопросам фитопатологии, вирусных болезней картофеля, усвоения растениями почвенной углекислоты. Однако уже в 1938 г. в силу ряда обстоятельств В.Ф. Купревич вернулся на работу в Ботанический институт АН СССР и в том же году стал докторантом этого института. И это несмотря на то, что в его характеристике, подписанной директором Института биологии Академии наук БССР Н.А. Дорожкиным (январь 1938 г.), указывалось, что «из числа родных тов. Купревича в 1930 г. был выслан за пределы Белоруссии его родной брат, как разоблаченный враг народа»⁹.

В 1949 г. В.Ф. Купревичу было доверено занять пост директора Ботанического института Академии наук СССР, где он в условиях развернувшейся в конце 1940-х гг. борьбы за искоренение «вейсманизма-морганизма» в биологической науке, организованной и вдохновляемой «народным» академиком Т.Д. Лысенко, содействовал развитию исследований, которые не всегда входили в рамки общепринятой «официальной» науки. Сам он издал в те годы ряд серьезных научных трудов, в том числе книги «Физиология больного растения в связи с общими вопросами паразитизма» (М.; Л., 1947), «Биологическая активность почвы и методы ее определения» (М.; Л., 1951), которые стали заметным вкладом в отечественную биологию.

Поэтому не случайно, что ему как уже известному ученому-биологу было предложено возглавить Академию наук БССР. В январе 1952 г. Общее собрание Академии наук БССР избрало В.Ф. Купревича президентом академии. На этом посту в полной мере развернулся его талант умелого и вдумчивого организатора науки, обладающего высокими нравственными принципами. В 1953 г. он избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР.

В послевоенное десятилетие в республике начали быстро развиваться такие отрасли промышленности как машиностроение, металлообработка, приборостроение, радиотехника, электроника. Между тем в академических институтах проявлялось отставание от назревших проблем экономики. Основными причинами трудностей были недостаточный объем проводимых в АН БССР фундаментальных исследований, устаревшая опытно-экспериментальная база, недостаток высококвалифицированных научных кадров. Значительную роль в решении этих проблем сыграло принятое по инициативе В.Ф. Купревича решение о приглашении на работу в Академию наук республики достаточно молодых, но уже известных ученых из крупнейших научных центров Советского Союза. Требовался прорыв в развитии новых, прогрессивных научных направлений, создание своих научных школ. Все это могло быть реализовано в то время в основном за счет привлечения в Академию наук республики кадров высокой квалификации из других регионов страны. При этом АН БССР заранее оговаривала участие в баллотировании при выборах в академики и члены-корреспонденты при условии переезда ученого на постоянное место жительства в Минск.

В 1953 г. в Белорусскую ССР приехали и были избраны академиками республиканской академии известные к тому времени физики — сотрудники Ленинградского государственного оптического института — лауреат Государственной премии СССР Б.И. Степанов и уроженец Белоруссии А.Н. Севченко, биолог Н.В. Турбин. Б.И. Степанов и А.Н. Севченко многое сделали для создания в 1955 г. Института физики и математики АН БССР. В 1955—1957 гг. институт возглавлял А.Н.Севченко, бывший впоследствии ректором Белорусского государственного университета. В 1957 г. этот институт возглавил Б.И. Степанов, а после разделения его на два института в 1959 г. более 20 лет являлся директором Института физики АН БССР, где были созданы авторитетные в стране научные школы в области спектроскопии и люминесцен-

ции. Н.В. Турбин, приехавший из Ленинградского государственного университета, в 1953–1963 гг. был директором Института биологии АН БССР, а в 1965–1971 гг. — директором Института генетики АН БССР. Практика приглашения крупных ученых из других регионов страны и избрание их в состав АН БССР была продолжена и в последующие годы, но наибольшее их число было привлечено в академию во второй половине 1950-х гг. В 1956–1960 гг. академиками были избраны приехавшие из Москвы физики А.К. Красин, А.В. Лыков, Н.Н. Сирота, металлург В.П. Северденко, гидрогеолог Г.В. Богомолов, ленинградские ученые — физик М.А. Ельяшевич, математики Н.П. Еругин и В.И. Крылов, физиолог И.А. Булыгин. В тот же период членами-корреспондентами стали приехавшие из Российской Федерации теплофизик А.И. Вейник, математик С.А. Чунихин, лесохимик И.И. Бардышев, вернувшийся на родину после 20-летнего перерыва биохимик А.С. Вечер, из Таджикистана приехал ботаник Н.В. Смольский и ученый из Грузии в области строительства И.Н. Ахвердов, из Киргизии — геолог и геохимик В.Н. Щербина. Благодаря их научной и организаторской деятельности в академии сформировались и получили всесоюзное признание научные школы, работавшие на переднем крае научно-технического прогресса.

В настоящее время ведется подготовка сборников документов о президентах Национальной академии наук И.З. Сурте (1936–1937) и Н.И. Гращенкове (1947–1951). Поскольку академик И.З. Сурта являлся в 1929–1931 гг. слушателем Института красной профессуры, материалы об этом периоде его жизни имеются в фонде ИКП (Ф. 364). О президенте АН БССР Н.И. Гращенкове, который в 1939 г. был избран членом-корреспондентом АН СССР, также имеются материалы в Архиве РАН¹⁰.

Таким образом, особенно учитывая, что в годы Великой Отечественной войны архив Академии наук БССР не был вывезен в советский тыл, и сохранилась примерно 1/4 его довоенных материалов, документы, хранящиеся в Архиве Российской академии наук, являются важным источником для изучения жизни и деятельности ученых Национальной академии наук Беларуси.

¹ Академик А.Р. Жебрак. Документы и материалы / Сост. В.Д. Есаков, Е.С. Левина, Н.В. Токарев; науч. ред. Л.В. Хотылева. Минск, 2007. 337 с.: ил.; Академик В.Л. Игнатовский. Документы и материалы / Сост. В.В. Скалабан, Н.В. Токарев. Минск, 2010. 277 с.: ил.; Академик П.О. Горин. Документы и материалы / Сост. Н.В. Токарев. Минск, 2011. 347 с.: ил.; Академик В.Ф. Купревич. Документы и материалы / Сост. Н.В. Токарев. Минск, 2012. 324 с.: ил.; Академик К.В. Горев. Документы и материалы / Составитель Н.В. Токарев. Минск, 2013. 324с.: ил.

² Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 350. Оп. 1. Д. 254. Л. 129–134.

³ Там же. Ф. 2. Оп. 1–1930. Д. 81. Л. 8–8 об.

⁴ Там же. Ф. 350. Оп. 1. Д. 413. Л. 7–8.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 203. Л. 1–9 об.; Д. 431. Л. 31–34; Д. 807. Л. 82–85.

⁶ Там же. Ф. 377. Оп. 1. Д. 578. Л. 38–43 об.; Ф. 359. Оп. 1. Д. 26. Л. 30; Ф. 425. Оп. 1. Д. 35. Л. 20.

⁷ Там же. Ф. 222. Оп. 3. Д. 52; Ф. 429. Оп. 2. Д. 77.

⁸ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 222. Оп. 1. Д. 111. Л. 13; Ф. 273. Оп. 4. Д. 55 а. Л. 4–4 об, 9–9 об, 13–13 об.; Оп. 4. Д. 55б. Л. 65; Оп. 4. Д. 55в. Л. 14–15, 28–34; Д. 55г. Л. 3–4; Оп. 8. Д. 198. Л. 6.

⁹ Там же. Ф. 273. Оп. 4. Д. 55а. Л. 10.

¹⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1940. Д. 216; Ф. 277. Оп. 3. Д. 194; Ф. 411. Оп. 4а. Д. 200; Ф. 596. Оп. 3. Д. 169.

Неудавшаяся попытка интеграции бывшего Виленского исторического архива в Исторический архив Белорусской академии наук (октябрь 1939 – 1941 г.)

История данного архива, ядро которого начало формироваться в середине XIX в. на территории одного государства, в 1920–1930-е гг. пополнялось фондами учреждений другого государства и в октябре 1939 г. было вывезено из третьего государства на территорию четвертого, являет собой пример того, по каким сложным и запутанным орбитам могут перемещаться архивные собрания и как непросто порой выяснить их происхождение.

Занимаясь продолжительное время изучением истории Виленского исторического архива¹, я пришел к убеждению, что его судьба во многом схожа с судьбой Русского заграничного исторического архива в Праге (РЗИА), особенно в части, касающейся заключительных этапов их функционирования. Дело в том, что и РЗИА, и Виленский исторический архив, предполагаемые быть включенными в Архив АН СССР (первый) и Архив АН БССР (второй), оказались в нарушение воли дарителей (в первом случае) и без обоснования каких-либо причин (во втором) в системе государственных архивных учреждений, находившихся на время их передачи в ведении НКВД СССР.

Однако прежде чем говорить о событиях, непосредственно связанных с оказавшейся неудачной попыткой интеграции Виленского исторического архива в состав академического архива Беларуси, следует коротко напомнить о его истории с учетом наличия ряда специальных исследований российских, польских, белорусских и литовских историков-архивистов по данному вопросу².

Основу архива составил созданный по указу российского императора Николая I от 2 апреля 1852 г. Виленский центральный архив древних актовых книг, в котором были сконцентрированы актовые книги судебных учреждений (центральных и местных) бывшего Великого Княжества Литовского по 1799 г. включительно. В 1903 г. в него были влиты аналогичные документы местных судебных учреждений Великого княжества, до этого находившиеся в архиве в Витебске. С учетом корпуса подобных актовых книг Люблинской губ., в 1887 г. также включенных в состав архива, он на начало XX в. составлял около 25 тыс. книг (единиц хранения). После эвакуации летом 1915 г. в Ярославль к оставшейся части архива была присоединена невывезенная из Вильны часть Политического архива, существовавшего при открытом в 1898 г. Муравьевском музее. В начале 1920-х гг. архив получает статус Государственного исторического архива Польши в Вильно. В его состав были переданы фонды учреждений бывших Виленской, Ковенской, Гродненской и части Минской губерний, по условиям Рижского мирного договора включенных в состав Польского государства. С 1920-х гг. архив начал пополняться и документами учреждений, действовавших до сентября 1939 г. на западнобелорусских и литовских землях, входивших в состав Второй Речи Посполитой. В результате к началу Второй мировой войны в нем насчи-

тывалось около 1,3 млн дел. Возглавляли его известные польские архивисты Вацлав Гизберт-Студницкий и Ришард Меницкий³.

Изучая историю перемещения Виленского архива в Минск в условиях, когда между Литовской Республикой и Союзом ССР уже был заключен «Договор о передаче Литовской Республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой», автор данной статьи объяснял отсутствие реакции с литовской стороны на факт вывоза архива неожиданно свалившимся на нее «подарком» в виде этого самого Договора. Однако выявленные не так давно документы говорят об обратном.

Буквально за неделю до принятия Правительством БССР 19 декабря 1939 г. Постановления «О размещении архива, прибывшего из г. Вильно», в котором местной Академии наук предлагалось устроить его в своем здании (еще недостроенном; ныне здесь располагается Президиум НАН Беларуси)⁴, Литовская миссия в СССР направляет 13 декабря 1939 г. в НКВД СССР Ноту, в которой говорилось: «Литовская дипломатическая миссия уже имела честь обратить внимание Советского правительства на имевшие место случаи вывоза из г. Вильна государственного и частного имущества в период пребывания в этом городе частей Красной Армии и возбуждала вопрос о возвращении вывезенного имущества...

Между тем во второй половине октября месяца этого года, во время пребывания советских властей в Вильне, произошел новый факт лишения этого города, а вместе с ним и Литвы, собраний, представляющих для них большую ценность. Именно на основании распоряжения заведующего Отделом культуры и просвещения Временного управления Виленским округом г. Казимира Климова⁵ в период времени от 14 до 22 октября 1939 г., т.е. в то время, когда, на основании Договора от 10 октября г. Вильно юридически уже принадлежал Литве, из г. Вильна были увезены:

1. Архивы:

- 1) древних актов XVI—XIX вв. — в количестве около 20 000 экземпляров;
- 2) архив музея Муравьева — 16 722 экз.;
- 3) архив канцелярии вел. князя Константина;
- 4) дела Ликвидационной комиссии — 588 экз.;
- 5) Виленской археографической комиссии — 317 экз.;
- 6) регистратура Виленского центрального архива — 746 экз.;
- 7) регистратура Витебского центрального архива — 155 экз.;
- 8) Управления государственных имуществ и Виленской и Ковенской палат — около 54 000 экз. и 10 000 связок;
- 9) Дела канцелярии Виленского генерал-губернатора — около 150 000 экз.;
- 10) канцелярии Виленского губернатора и Виленского губернского правления — около 200 000 экз.;
- 11) Виленской полиции и жандармского правления;
- 12) архив Виленского воеводства, старосты и полиции до 1935 г.;
- 13) дирекции народных училищ;
- 14) институтов дворянского (большей части) и учительского;
- 15) инвентари, каталоги, описи к вышепоименованным архивным материалам;
- 16) Виленского окружного суда;
- 17) дела Виленского Дворянского депутатского собрания...

По имеющимся сведениям, перечисленные культурные ценности были погружены в товарные вагоны и отправлены в Минск якобы для надобностей Белорусской академии наук.

Литовское правительство, имея в виду:

1) данное во время переговоров о заключении пакта от 10 октября обещание, что имущество подобного характера перейдет к Правительству Литвы;

2) аналогичные заверения господина Председателя Совета Народных Комиссаров СССР, данные во время беседы с литовским посланником 22 октября тек. года относительно оставления имущества в Вильне и возможности возвращения уже вывезенного;

3) в предположении, что вывоз имущества органами Белорусской ССР, тяжело поражающий литовские культурные интересы, **без ведома Центрального правительства, иначе относящегося к этому вопросу** (выделено мною. — *М.Ш.*), поручило Миссии довести до сведения Правительства Союза ССР эти факты с просьбой о возвращении вышепоименованного культурного имущества Литвы по прилагаемой описи столице Литвы — городу Вильне.

Приложение: 64 страницы документации. Москва, 13 декабря 1939 г.»⁶.

К сожалению, опубликовавшие текст Ноты составители сборника проигнорировали приложение, которое, на наш взгляд, здесь было бы весьма уместно для того, чтобы выяснить, какая часть Виленского архива все-таки осталась не вывезенной и составила впоследствии основу Центрального исторического архива уже Литовской ССР, созданного в 1940 г.⁷ Обращает на себя внимание содержащееся в Ноте предположение, что вывоз архива совершен без ведома Правительства СССР, «иначе относящегося к этому вопросу». Последнее, на наш взгляд сомнительно. В условиях жесткой централизации белорусское партийное и советское руководство (не говоря уже о временной администрации Вильно) вряд ли могло взять на себя ответственность за такую акцию, как вывоз архива, не получив санкции Москвы.

Между тем литовская сторона продолжала настаивать на возвращении архивных и библиотечных собраний, неправомерно, по их мнению, вывезенных в Минск. Во время приема 16 марта 1940 г. В.М. Молотовым литовского посланника Наткевичуса последнему было дано обещание заняться этим вопросом⁸.

В.М. Молотов сдержал свое обещание, на что косвенно указывает подготовленная известным историком, членом-корреспондентом АН СССР В.И. Пичетой докладная записка, носящая, на наш взгляд, характер экспертного заключения, которая в марте 1940 г. была направлена в Отдел Прибалтики НКВД СССР. В записке говорилось: «По распоряжению Правительства БССР (выделено мною. — *М.Ш.*) из Вильно вывезено 17 вагонов различных исторических материалов; 16 вагонов благополучно прибыли в Минск, **один где-то в дороге затерялся и до сих пор еще не разыскан** (выделено мною. — *М.Ш.*), хотя соответствующие меры уже приняты...»⁹.

Далее автор записки, опираясь на принцип происхождения, делает вывод о возможном возвращении в Вильно части вывезенного оттуда архива. Однако большая часть документов, по его мнению, не связанная происхождением с литовской территорией, не может быть передана Литве.

Очевидно, что записка была подготовлена В.И. Пичетой по поручению внешнеполитического ведомства СССР, и ученый имел в своем распоряжении текст указанной Ноты литовского посланника Наткевичуса, поскольку некоторые фрагменты записки буквально повторяют положения Ноты.

Важное значение для выяснения вопроса о судьбе Виленского архива имело обращение не только к материалам находящегося в Архиве РАН личного архивного фонда В.И. Пичеты, но и к делопроизводственным документам фонда Главархива СССР, хранящимся в ГА РФ. Центральное место здесь занимает дело — «Материалы

Комиссии по отбору документальных материалов, подлежащих возврату Литовской Республике, созданной СНК СССР 28 мая 1940 г. (протоколы, списки, переписка)»¹⁰. Оно сформировано с нарушением хронологической последовательности включенных в него документов, поэтому характеризуя последние, будем придерживаться этой самой последовательности, дополняя при необходимости характеристику взятыми из других дел и публикаций источниками¹¹.

Своего рода «инициативным» документом в деле выступает незаверенная машинописная копия письма исполняющего обязанности зав. Отделом народного образования Н.А. Кастальского директору Государственного архива г. Вильно следующего содержания: «Предлагается немедленно приступить к отбору ценных исторических документов, находящихся в вышеуказанном архиве. В качестве сотрудника по отбору документов направляется тов. Генрих Дембинский и все лица, которых он укажет»¹².

Несмотря на то, что письмо не датировано, равно как и отсутствуют фамилия адресата и название учреждения, в структуре которого находился «отдел народного образования», нетрудно догадаться, что написано оно не позднее 14 октября 1939 г. ответственным лицом Временного управления Виленского округа и адресовано Рихарду Меницкому, занимавшему должность директора архива¹³. Следующим документом является незаверенная копия «протокола»¹⁴, составленного 22 октября 1939 г. за подписями Р. Меницкого и «работника Отдела культуры и народного образования Временного управления Виленского округа Н.» (отмечена неразборчивость подписи).

Приведем его текст полностью с обозначением имеющихся в нем текстуальных особенностей, ибо они важны для понимания и характеристики последующих, связанных с ним, документов:

«На основании распоряжения заведующего Отделом культуры и просвещения Временного управления Виленским округом от 14 октября 1939 г. (выделено мною. — М.Ш.) из Государственного архива в Вильне выбрано и взято уполномоченными служащими этого Управления в течении времени от 14—22 октября 1939 г. в целости все книги, дела, связки, акты и документы: 1) *Архива древних акт от XVI в.*, 2) *канцелярии Виленского генерал-губернатора*, 3) *Архива Муравьевского*, 4) *Канцелярии Виленской археографической комиссии*, 5) *Архивов центральных в Вильне и Витебске*, 6) *Канцелярии Виленского губернатора* и 7) *Виленского губернского правления*, 8) *виленской полиции и жандармского правления*, 9) *государственных имуществ Управления и Палаты Виленской и Ковенской*, 10) *Виленской губернской чертежни*, 11) *великого князя Константина*, 12) *Виленского воеводства*, 13) *староств и полиции до 1935 г.*, 14) *Дирекции народных училищ, институтов дворянского (в большей части) и учительского*, 15) *инвентари*, 16) *каталоги*, 17) *описи к вышепоименованным архивным материалам*, 18) *все дела Ликвидационной комиссии*, 19) *судов Пинского и 20) Новогрудского*, 21) *дела Минского присутствия по крестьянским делам*, 22) *некоторые дела Виленского окружного суда*, 23) *все дела Виленского дворянского депутатского собрания*¹⁵. После выдачи в[ыше] упомянутых архивных материалов архивные магазины 22 октября 1939 г. опечатаны работником Отдела культуры и нар[одного] образования д-ром Генрихом Дембинским»¹⁶.

Как следует из структуры выше рассмотренного дела и характера находящихся в нем документов, оригиналы «протокола» и предыдущего письма Н.А. Кастальского находились в Политархиве Наркоминдела СССР и были высланы его заведующим И.К. Зябкиным на имя начальника ГАУ НКВД СССР И.И. Никитинского при сопроводительном секретном письме от 16 июня 1940 г. Вместе с копиями

этих документов руководитель Политархива выслал и заверенную копию с копии Ноты Литовской дипломатической миссии в СССР от 13 декабря 1939 г., о которой шла речь выше¹⁷. Имеющиеся на ней подчеркивания и пометы, относящиеся к уточнению обозначенных в Ноте количественных характеристик вывезенных в Минск архивных фондов, свидетельствуют о работе с этим документом в ГАУ НКВД СССР.

Если в составленном Р. Меницким «протоколе» были обозначены лишь наименования фондов, вывезенных в Минск, то Нота конкретизировала их объем; затем, в отличие от «протокола» в нее не были включены фонды явно белорусского происхождения (№ 19, 20, 21 по систематизации «протокола», на которые, разумеется, не могла претендовать литовская сторона). Судя по рукописным пометам на Ноте, следовало, что из заявленных литовской стороной вывезенными 20 тыс. древних актов подтверждалось наличие около 10 тыс.; из 746 дел регистратуры Виленского центрального архива древних актов — 225; из 155 дел регистратуры Витебского центрального архива древних актов — 40; из 150 тыс. дел канцелярии Виленского генерал-губернатора — около 6,5 тыс.; из 200 тыс. дел канцелярии виленских губернатора и губернского правления — 848¹⁸. По другим, включенным в Ноту фондам: архива музея Муравьева — 16 722 экз., канцелярии великого князя Константина, Ликвидационной комиссии — 588 экз., Виленской археографической комиссии — 317 экз., управления государственных имуществ и Виленской и Ковенской палат — около 54 тыс. экз. 10 тыс. связок, виленской полиции и жандармского управления, Виленского воеводства, староств и полиции до 1935 г., дирекции народных училищ, дворянского и учительского институтов, Виленского окружного суда, Виленского дворянского депутатского собрания, а также справочного аппарата в виде инвентарей, каталогов и описей помет в Ноте не сделано. Это, на мой взгляд, вовсе не свидетельствует о согласии ГАУ НКВД СССР с приводимыми в Ноте количественными данными вывезенных из Вильно архивных дел. Дело здесь в другом. Теперь уже можно доподлинно утверждать, что рукописные пометы на Ноте сделаны на основании знакомства с делами, находившимися в попавшем в Москву вагоне, переданными в декабре 1939 г. в существовавший там Центральный особый архив¹⁹. В последнем в отличие от Минска дела были разобраны и упорядочены, что и дало возможность сравнить по некоторым фондам количество заявленных в Ноте дел.

Какова была реакция Правительства Союза ССР на Ноту Литовской миссии? 28 мая 1940 г. зам. председателя СНК СССР А.Я. Вышинский направил в Наркоминдел (В.Г. Деканозову) и в копии — ГАУ НКВД (И.И. Никитинскому) секретное письмо за № СО-5473 следующего содержания: «Совет Народных Комиссаров Союза ССР предлагает Народному Комиссариату иностранных дел вернуть правительству Литовской Республики книги и не имеющие историко-революционного значения архивные материалы, вывезенные из Вильно в Минск за время 14–23 октября 1939 г. Отбор материалов, подлежащих возвращению Литовской Республике, произвести комиссии в составе тт. Никитинского И.И. (Главное архивное управление НКВД СССР), Зябкина И.К. (Политархив НКВД) и академика Грекова Б.Д., по согласованию с Председателем СНК СССР»²⁰.

31 мая состоялось заседание вновь созданной комиссии, на котором Зябкин ознакомил коллег с «постановлением СНК СССР о передаче материалов Литовской республике» и имевшимися в распоряжении НКВД материалами по этому вопросу. Было принято решение для определения объема материалов, вывезенных из Вильно, знакомства с их содержанием и состоянием, а также для установления

порядка дальнейшей работы комиссии выехать в Минск. 2 июня 1940 г. начальник ГАУ НКВД, майор госбезопасности И.И. Никитинский информировал об этом своего непосредственного начальника, наркома внутренних дел Л. Берия и просил его разрешения на выезд в Минск. Положительная резолюция Берия была получена 7 июня. И в этот же день Никитинский направил в адрес А. Вышинского протокол заседания комиссии от 31 мая и просил его разрешения на выезд комиссии в полном составе в Минск²¹.

Очевидно, что в результате знакомства московской комиссии с условиями хранения вывезенного в Минск архива ЦК КП(б)Б было назначено собственное расследование, в ходе которого выяснилось, что переданный Академии наук архив действительно находится в хаотическом состоянии, значительная часть дел лежит «в свалке в подвале без всякого порядка и охраны, часть архивных материалов в этом же подвале подмочена и подвержена порче, немало документов из различных фондов и книг библиотеки похищено»²². На состоявшемся 19 июля 1940 г. заседании бюро высшего партийного органа республики были вынесены взыскания руководству Академии наук за «недопустимое отношение к сохранению и упорядочению Государственного архива», намечены меры по наведению порядка с обеспечением сохранности и упорядочением документов архива. В постановлении бюро ЦК КП(б)Б отмечалась также необходимость «в ближайшее время обеспечить доставку из Москвы случайно попавшей туда части архива».

Между тем, попавший в Москву вагон с делами Виленского архива поступил в Центральный особый архив, и для решения вопроса, какую его часть в соответствии с Постановлением Совнаркома СССР от 28 мая 1940 г. следует вернуть Литовской Республике, а что оставить в СССР с последующей передачей в Белоруссию, теперь уже приказом начальника ГАУ НКВД СССР от 15 июня 1940 г. была создана комиссия под председательством зам. начальника ГАУ капитана госбезопасности Светлова. В состав ее вошли представители Академии наук СССР — В.И. Пичета, НКВД — Комаров и архивисты: начальники ЦГАФКЭ (ныне — РГАДА) — А.П. Иванова, Центрального архива революции — В.И. Истомина и Центрального особого архива — Н.С. Сергеев.

Начиная с 19 июня и до 9 июля 1940 г. комиссия просмотрела полторы сотни инвентарных описей архивных материалов, а также «ряд архивных дел, вывезенных из г. Вильно и принятых Центральным государственным Особым архивом в декабре 1939 г. в количестве одного вагона, весом 20 тонн». Были составлены 5 списков фондов, первые три из которых не подлежали передаче Литве.

В Белоруссии после июльского заседания высшего партийного органа республики предпринимаются попытки найти и вернуть «случайно засланный» в Москву вагон с архивными делами. Причем это делается в условиях существования созданного на основе оставшейся в Вильне части архива Государственного исторического архива Литовской ССР. 23 августа 1940 г. секретарь ЦК КП(б)Б П. Пономаренко направляет И. Никитинскому письмо следующего содержания: «Осенью 1939 г. в Академию наук были перевезены материалы бывшего Виленского архива, относящиеся к истории Белоруссии. При перевозке материалов из Вильно в Минск часть из них случайно была завезена в Москву и, как сейчас выяснено, находится в Главном архивном управлении НКВД СССР. Считая целесообразным сосредоточение данного архива в одном месте, — ЦК КП(б) Белоруссии просит Главное архивное управление НКВД СССР передать имеющийся у вас материал бывшего Виленского архива Академии наук БССР»²³.

В свое время, не располагая подлинником этого письма, автор настоящей статьи вынужден был опубликовать его по отпуску, оставшемуся в делопроизводстве ЦК КП(б)Б²⁴, что не позволило проследить реакцию адресата на письмо. А реакция была таковой: И. Никитинский дает поручение своему заместителю Чибрякову приготовить письмо в СНК СССР «о передаче всех этих материалов в НКВД». 4 сентября 1940 г. письмо за подписью зам. наркома внутренних дел Чернышева было отправлено А. Вышинскому. В нем опять-таки подтверждалось, что вывоз архива был осуществлен Временным управлением г. Вильно без согласования с НКВД СССР; отмечалось его неудовлетворительное хранение в подвальном помещении Академии наук БССР. И как следствие: «С образованием Литовской ССР решением правительства ЛССР в Вильно создан Центральный государственный архив. В связи с этим большинство указанных материалов должны быть возвращены в г. Вильно, а часть материалов, имеющих общесоюзное значение, подлежит хранению в центральных государственных архивах НКВД СССР. На основании этого НКВД СССР просит СНК СССР передать находящиеся ныне в Академии наук БССР материалы Виленского архива в ведение НКВД СССР для распределения их на хранение в центральных государственных архивах СССР и Государственном архиве Литовской ССР»²⁵.

24 сентября 1940 г. Совнарком Союза ССР предложил белорусскому Совнаркому передать находившийся в Академии наук БССР Виленский архив в ведение НКВД СССР для последующего распределения его документов между общесоюзными архивами, а также государственными архивами Литвы и Белоруссии. Механизм раскассирования архива был запущен принятым 31 января 1941 г. союзным Совнаркомом указанием № СО-960²⁶, но реализовать его не успели в связи с начавшейся войной. О дальнейшей судьбе Виленского архива автор настоящей статьи неоднократно писал. Что же касается исследований современных литовских историков, то они, не опиравшиеся на документы российских архивов, не вносят чего-либо нового в освещение истории перемещения в 1939 г. в Минск Виленского архива²⁷.

В то же время следует обратить внимание на содержание докладной записки обследовавшего условия хранения архива инструктора ЦК КП(б)Б Бондаровича «О состоянии бывшего Виленского госархива, привезенного из Вильно в АН БССР», составленной 10 июля 1940 г. В ней, в частности, говорилось: «Архив прибыл в Минск в неполном, плохом состоянии. Один этаж (6—7 вагонов) материалов архива остался в Вильно не вывезенным, один вагон с погруженными в него архивными фондами каким-то путем попал в Москву. При перевозке много документов, экспонатов Массонского музея и книг библиотеки потеряно и похищено. Так, население Минска на улице находило связки документов и сдавало в Минский областной архив. Из 400 экспонатов Массонского музея доставлено в Минск только несколько, из 1200 книг библиотеки имени Врублевского, отправленных с места, прибыло только 829, много ценнейших книг пропало.

Судя по настоящему состоянию архива значительная часть его материалов из различных фондов пропала. Недостает значительного числа рукописей архива древних актов, архива учебного округа, архива Муравьева и комиссии Радзивилла.

Тов.[И.Ф.] Климов (парткурсы ЦК КП(б)Б) не сумел обеспечить перевозку архива в надлежащем порядке. Перевезенные фонды архива были свалены в подвале и коридоре АН, где находились без всякой охраны, вследствие чего многие рукописи пострадали; из них вырывали чистые листы бумаги, а вместе с ними и документы, сорвали переплеты ценных книг и рукописей.

Еще и теперь часть архива (менее 1/3) находится в подвале, не охраняется. Многие документы подмочены и подвержены порче. До сих пор еще нет директора архива. И.о. директора тов. Хоник, ранее работавший в Вильно в этом же архиве, может быть использован только как научный работник архива под надлежащим контролем.

Институт истории АН БССР, кровное дело которого привести в надлежащий порядок и сохранность архив, ничего в этой части не сделал. На упорядочение и содержание архива нет средств, в результате чего он не упорядочен и не укомплектован работниками. Работают только два человека (оба приехавшие из Вильно), причем без всякого контроля. Такого варварского отношения к памятникам старины и историческим ценностям история не простит»²⁸.

Наряду с выше цитировавшейся запиской в тот же день и по тому же адресу поступил аналогичный документ президента и ученого секретаря АН БССР К. Горева и Д. Горина. Их сравнительный анализ не может не указывать на общее авторство этих двух документов. И скорее всего, оно связано с Академией наук.

Заметим, что руководство Академии наук Белоруссии, которому был явно в тягость Виленский архив, пыталось избавиться от него, обосновывая это различными причинами. Так, в направленной 28 ноября 1940 г. докладной записке президента АН БССР К.В. Горева секретарю ЦК КП(б) В.Н. Малину говорилось буквально следующее:

«У Гістарычным архіве пры Акадэміі навук БССР (былы Віленскі архіў) маюцца архіўныя матэрыялы польскай акупацыйнай улады розных устаноў, у асноўным Наваградскага і Віленскага ваяводстваў за 1920—1935 гг.

Гэтыя матэрыялы з’яўляюцца выключна палітычна важнымі і актуальнымі: у іх адлюстравана уся дзейнасць польскай акупацыйнай улады за увесь перыяд і у прыватнасці—польскай дэфензівы і яе засценкаў у матэрыялах “Аддзелаў *небяспекі*”, гэта значыць, дэфензівы, маюцца вельмі падрабязныя справаздачы, сводкі, інфармацыі і цыркуляры адносна рэвалюцыйнай барацьбы працоўных і Кампартыі Заходняй Беларусі, маюцца матэрыялы як аб паслядоўных і бяз канца прэданных барацьбітах-рэвалюцыянерах, так і аб шпіках і правакатарах-конфідэнтах.

Архіўныя матэрыялы польскіх акупацыйных улад у бытнасці іх у Віленскім архіве па архіўнаму не былі апрацаваны. Акадэмія навук БССР прыняла гэтыя матэрыялы як і большасць усяго архіва, у неапрацаваным выглядзе. У цяперашні час усе польскія матэрыялы сабраны у асобныя комнаты і расставлены на стэлажах, іх аб’ём каля 500 пагонных метраў полак.

К строгай архіўнай апрацоўцы польскіх фондаў мы яшчэ не прыступілі, бо лічым, што гэтыя матэрыялы маюць значна вялікую палітычную важнасць і актуальнасць для партыйных і савецкіх органаў, чым гістарычную для Акадэміі навук.

Пагэтану думаем, што было б мэтазгоднее, каб архіўныя матэрыялы польскай акупацыйнай улады знаходзіліся у архівах Архіўнага кіраўніцтва НКВД БССР, дзе партыйныя і савецкія органы маглі б атрымаваць неабходныя даведкі, чым Акадэмія навук БССР займацца ня можа*.

Выходзячы з гэтага, просім ЦК КП(б)Б рашэння аб тым, каб Архіўнае кіраўніцтва НКВД БССР забрала у свае архівы архіўныя матэрыялы польскіх акупацыйных улад, знаходзячыся у Гістарычным архіве АН БССР.

*Рэзолюцыя В.Н. Малина: «Ответ Гореву дан. 14. X11. 1940 г.»*²⁹.

* Далее зачэркнуто «І фактычна ігнаруюцца вельмі важныя і актуальныя палітычныя матэрыялы».

После принятия в январе 1941 г. в Москве решения о судьбе Виленского исторического архива помощник наркома внутренних дел БССР Клименко информировал Председателя СНК БССР И.С. Былинского: «...Большая часть материалов останется в архивах Белоруссии и в самом Минске. Минский областной архив перегружен и нет места для размещения указанного выше материала. В связи с этим НКВД просит передать здание б. костела, находящегося на пл. Свободы (которое сейчас занято гаражом ОК КП(б)Б) под архивохранилище...»³⁰.

Из секретного письма управляющего делами СНК БССР И. Банцырева президенту АН БССР К. Гореву от 13 февраля 1941 г. (в копии оно было направлено наркому внутренних дел республики Л. Цанаве) становится известно о принятом СНК СССР решении относительно бывшего Виленского архива. В письме, в частности, сообщалось: «В дополнение к указанию СНК БССР от 4 октября 1940 г. № 393 по поручению СНК БССР сообщая для сведения, что СНК СССР своим распоряжением от 31 января 1941 г. № СО-960 разрешил НКВД СССР:

1. Все документальные материалы архивов древних актов, хранящиеся в Минске и имеющие общесоюзное значение, передать на хранение в ЦГАФКЭ в г. Москве.

2. Документальные материалы учреждений, существовавший после раздела Польши в 1795 г., распределить по государственным архивам союзных республик по принадлежности этих материалов к соответствующим территориям.

А) материалы Виленского генерал-губернатора, Особой следственной Минской комиссии и др., относящиеся к территории БССР — передать для хранения в государственные архивы БССР;

Б) материалы Виленского *генерал-губернатора**, Особой следственной Виленской комиссии и др., относящиеся к территории Литовской ССР — передать в государственные архивы Литовской ССР»³¹.

Уже в марте 1941 г. начальник ГАУ НКВД СССР И.И. Никитинский поручает начальнику Архивного отдела НКВД БССР И.А. Переплетчикову немедленно составить смету расходов по отправке материалов Виленского архива в Москву — ГАФКЭ и в Ленинград — Центральный государственный архив внешней политики, культуры и быта. Он требует распределения и высылки всех документальных материалов из хранилищ Академии наук до 1 июня 1941 г.

Литовские архивисты, получив соответствующее указание из Москвы, также торопят своих белорусских коллег. В письме начальника АО НКВД Литовской ССР Норнова начальнику АО НКВД БССР И. Переплетчикову от 14 марта 1941 г. сроки вывоза принадлежащих Литве материалов еще более сжатые — до 1 мая 1941 г.³²

Однако раскассировать Виленский исторический архив в связи с начавшейся войной не успели.

¹ *Шумейка М.* Эшалон з Вільні ў Мінск [о вывозе в 1939 г. Виленского исторического архива] // Беларуская мінуўшчына (Белорусское былое). 1995. № 2. С. 24—28; *Он же.* Архивы и власть: (К истории документальных собраний бывших Виленского и Витебского центральных архивов древних актов) // АЕ за 1995 год. М. 1997. С. 127—139; *Он же.* Собрать рассеянное: О реституции белорусских архивов в прошлом и настоящем. Минск, 1997; Архивы об архивах Беларуси в предвоенный период (сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г.) // Проблемы славяноведения. Сборник научных статей и материалов. Брянск, 2005. Вып. 7. С. 409—442; *Он же.* Сентябрь 1939 года в судьбе белорусских архивов // Архивы и делопроизводство. 2009. № 5. С. 113—121; «Вильну до ее оккупации в 1915 г. можно было назвать городом архивов, библиотек и музеев» (Записки старшего архивиста

* Так в тексте; очевидно, имеется в виду виленский гражданский губернатор.

- І отделения ІІ секции ЕГАФ РСФСР А.И. Миловидова в Наркомпрос РСФСР) // АЕ за 2009—2010 гг. М., 2012. С. 457—467; и др.
- ² *Горбачевский Н.И.* О Центральном архиве древних актовых книг губерний: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской // Вестник Западной России. 1869. Кн. 5. Т. 2; Кн. 6. Т. 2.; Пятидесятилетие Виленского центрального архива древних актовых книг. Исторический очерк. 2 апреля 1852—1902. Вильна, 1902; *Mienicki R.* Archiwum Akt Dawnych w Wilnie w okresie od 1795 do 1922 roku. Rys historyczny. Warszawa, 1923; *Idem.* Archiwum Panstwowe w Wilnie (1919—1934) // Wilno i ziemia wilenska. Т. 2. Wilno, 1937. S. 126—130; *Idem.* Archiwum Murawiewski w Wilnie (1898—1901—1936). Warszawa, 1937; *Жумарь С.В., Карев Д.В., Шумейко М.Ф.* Очерки истории архивного дела в Беларуси (XV в. — 1991 г.) Минск, 1999. С. 146—147; *Klimavicius R.* Lietuvos kultūros vertybių repatriacijos: problema ir jos sprendimas 1918—1940 metais. Vilnius: Versus atrenas, 2007; *Jegelevicius S.* Rok 1939 — rabunek archiwow wilenskich // Przegląd Wschodni. 1997. Tom IV. Zeszyt 2(14). S. 381—394.
 - ³ Подробнее о них см.: Ryszard Mienicki (1886—1956): Archiwista i historyk. Torun, 2009; Архівісты Беларусі: Біябібліяграфічны даведнік. Мінск, 2006. С. 164—165; 207—208.
 - ⁴ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НА РБ) Ф.7. Оп. 1. Д. 893 б. Л. 186. Оpubл. в кн.: *Шумейко М.Ф.* Собрать рассеянное... С. 104—105.
 - ⁵ Имеется в виду И.Ф. Климов (1903—1991), работавший до 17 сентября 1939 г. директором Парткурсов при ЦК КП(б)Б, а после 17 сентября ставший одним из руководителей Временного управления Вильны и Виленского воеводства. К сожалению, вспоминая о событиях сентября 1939 г., он нигде не упоминал в них об «архивных» сюжетах (см., например, машинописный экземпляр его воспоминаний «Годы и люди: записки секретаря обкома», хранящийся в его личном архивном фонде (НА РБ. Ф. 877. Оп. 1. Д. 30—35 и др.); 1939: 17 верасня і пазней // Звязда. 1989. 18 кастр.; Беларусь—Литва: як пераглядалі граніцы? [интервью с И.Ф.Климовым] 1990. 8 крас. Объяснение такой «забычивости» руководителя перемещения Виленского архива может быть связано с некоторой шекотливостью для него вопроса о вывозе архива (плохая организация вывоза, следствием чего стала утрата части дел; отсутствие правовой основы для перемещения архива), которой он мог не понимать И.Ф. Климов, или «малозначительностью» для мемуариста факта вывоза «какого-то там архива», когда решались территориальные вопросы. Правда, в хранящейся в НА РБ рукописи своих неопубликованных воспоминаний И.Ф. Климов упоминает о вывозе архива в Минск, отмечая при этом, что инициатива вывоза исходила от Г. Дембинского, активиста антифашистской студенческой организации в Вильне в 1930-е гг. Как отмечал мемуарист, постфактум оценивая эти события, «все делали напрасно», имея в виду не только то, что менее чем через год после вывоза архива Литва вошла в состав СССР, но прежде всего из-за утраты в ходе этого перемещения многих ценных документов и книг. В последнем Климов в характерных для него крепких выражениях обвинял «всяких “ученых” скотов из мира, так сказать историков» (НА РБ. Ф. 877. Оп. 1. Д. 31). Для сравнения: воспитанник директора этого архива Р. Меницкого, вспоминая через 70 лет о событиях сентября—октября 1939 г., не преминул упомянуть, с какой болью реагировал польский архивист на вывоз в конце октября 1939 г. в Минск его, как он считал, детища (см.: *Zytkowicz L.* Professor Mienicki — jakim go znałem // Ryszard Mienicki (1886—1956)... S. 105).
 - ⁶ СССР и Литва в годы Второй мировой войны: Т. 1. СССР и Литовская Республика (март 1939 — август 1940 гг.). Сборник документов. Вильнюс, 2006. С. 395—397. В распоряжении автора имеется и текст заверенной копии Ноты, присланный в июне 1940 г. из Политархива Наркоминдела СССР в адрес начальника Главного архивного управления НКВД СССР и ныне хранящийся в ГА РФ (ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 470. Л. 6—9).
 - ⁷ См.: *Przewodnik po zbiorach rekopisow w Wilnie.* Krakow, 1993. S. 143.
 - ⁸ СССР и Литва... Т. 1. С. 446.
 - ⁹ Архив РАН. Ф. 1458 (В.И. Пичета). Оп. 2. Д. 70. Л. 1—5; Оpubл.: Проблемы славяноведения. Вып. 7. С. 413—416.
 - ¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 470. Л. 1—48.
 - ¹¹ Наиболее полным и доступным для исследователей комплексом источников по этому вопросу является наша публикация в брянском сборнике сборнике научных статей и материалов.
 - ¹² ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 470. Л. 10.
 - ¹³ Подробнее об этом см.: Ryszard Mienicki (1886—1956)... S. 105.
 - ¹⁴ С учетом формы и содержания документа можно предположить, что термин «протокол» — калька с польского языка, в котором этим словом обозначается как собственно протокол, так и «акт». В данном контексте речь идет именно об акте.
 - ¹⁵ Подчеркнуто в тексте карандашом; цифры проставлены чернилами.
 - ¹⁶ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 470. Л. 11—11 об.
 - ¹⁷ СССР и Литва... Т. 1. С. 395—397.
 - ¹⁸ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп.10. Д. 470. Л. 7; ср.: СССР и Литва... Т. 1. С. 396.

- ¹⁹ По известным причинам сведений о Центральном особом архиве, размещавшемся на ул. Б. Серпуховская в Москве, имеется немного. Известно, что в мае 1941 г. он был объединен с Центральным архивом революции и Архивом внешней политики и получил наименование Центрального государственного исторического архива СССР в г. Москве (ЦГИАМ). См.: *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы 1917–1980-е гг. М., 1994. С. 257.
- ²⁰ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 470. Л. 1.
- ²¹ Там же. Л. 2–4.
- ²² Проблемы славяноведения. Вып. 7. С. 423.
- ²³ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 470. Л. 42.
- ²⁴ Проблемы славяноведения. Вып. 7. С. 424–425.
- ²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5325. Оп. 10. Д. 470. Л. 43_44.
- ²⁶ Документы о реализации данного указания союзного Правительства (протокол совещания при зам. начальника ГАУ НКВД СССР от 21 февраля 1941 г., списки фондов, подлежащих передаче ГАФКЭ, АО НКВД БССР и др.) опубликованы в кн.: *Шумейко М.Ф.* Собрать рассеянное... С. 105–111.
- ²⁷ *Klimavicius R.* Op. cit.; *Jegelevicius S.* Op. cit.
- ²⁸ НА РБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1020. Л. 179–185.
- ²⁹ Там же. Оп. 21. Д. 1646. Л. 17.
- ³⁰ Там же. Ф. 249. Оп. 4. Д. 45. Л. 5.
- ³¹ Там же. Л. 6.
- ³² Там же. Л. 7.

Учреждения — источники комплектования Архива РАН: итоги и перспективы*

Комплектование Архивного фонда РАН документами, образующимися в деятельности академических учреждений, является важнейшей задачей и одной из главных функций Архива РАН. Документальные собрания и коллекции академических архивов представляют ценную историко-культурную, многообразную по своему составу часть Архивного фонда РАН. Они служат необходимым источником ретроспективной информации по широкому кругу предметных областей, отражают характер научно-организационной деятельности и фундаментальную роль Академии наук в структуре научных учреждений страны.

Архивный фонд РАН включает комплекс документальных материалов, охватывающий все сферы научно-исследовательской деятельности учреждений РАН, от первичных документов, фиксирующих начальный этап научного поиска, до отчетных, информационно-аналитических материалов, подводящих итог разработке научных направлений и тем. В нем находит отражение и многоплановая управленческая деятельность академических учреждений по организационному обеспечению и координации фундаментальных исследований в стране.

Начало комплектованию документальных фондов московских учреждений Академии наук было положено в 1936 г. с образованием в Москве отделения Архива АН СССР, находившегося в то время в Ленинграде. Первыми архивными поступлениями стали фонды институтов ликвидированной в 1936 г. Коммунистической академии — высшего учебного, а также научно-исследовательского учреждения, существовавшего при ЦИК СССР. В 1936 г. Московским отделением Архива было принято на хранение 26 фондов академических учреждений, а к 1941 г. их количество выросло до 100.

Развитие архивного дела Академии наук СССР в предвоенные годы характеризовалось заметным подъемом архивно-теоретической работы. Архивом АН СССР была разработана инструкция по ведению, систематизации и хранению научной и деловой документации академических учреждений, составлен перечень архивных документов со сроками хранения для экспертизы ценности и организации отбора документов на постоянное хранение¹.

В послевоенные годы Архив возглавил научно-методическую работу, связанную с формированием принципов организации академических документальных материалов, а также полным комплексом проблем постановки архивного дела в Академии наук СССР².

Работа по комплектованию документами академических учреждений была значительно расширена после перевода дирекции Архива АН СССР в Москву в 1963 г. Уже в следующем, 1964 г., был образован координирующий методический орган в системе архивных учреждений АН СССР — Совет по организации комплектования и использования архивных материалов (СКИАМ, с 1968 г. — СКИД)³.

В 1970—1980-х гг. были приняты основополагающие распорядительные и нормативно-правовые документы по организации архивного дела в системе Академии наук. В 1976 г. вышло Постановление Президиума АН СССР, утвердившее положе-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-03-12010-в

ния об Архиве АН СССР и архивах региональных научных центров, регламентировавшее создание научных архивов в институтах и порядок передачи документальных фондов на государственное хранение⁴. В 1981 г. было утверждено Положение об Архивном фонде АН СССР и определена сеть научных архивов с постоянным, постоянно-переменным и временным составом документальных материалов⁵. В том же году был введен в действие новый Перечень документов со сроками хранения Академии наук СССР, ее учреждений, организаций и предприятий. Для рассмотрения научно-методических и практических вопросов экспертизы ценности документов и комплектования ими Архивного фонда АН СССР была создана Центральная экспертно-проверочная комиссия (ЦЭПК) АН СССР.

На сегодняшний день Архив РАН включает в себя 435 документальных фондов научных учреждений РАН в количестве 310 тыс. единиц хранения. Ежегодный объем поступающей в Архив научно-организационной документации составляет от 2 до 3 тыс. дел. За последние пять лет Архив РАН принял 14 885 ед. хр., из которых 4163 ед. хр. составила научная документация.

В настоящее время источниками комплектования Архива РАН являются 17 структурных подразделений Президиума РАН, 11 профильных отделений Академии наук и 146 московских академических институтов. Научные архивы действуют в 46 институтах, что составляет 32% от общего числа учреждений. Только в 25 институтах архив является самостоятельным структурным подразделением, полноценно ведущим работу по формированию и описанию документального фонда. Во многих институтах выполнение архивных работ отнесено в качестве дополнительной нагрузки к профилю общего отдела, канцелярии, службы ученого секретаря, АУП, ОНТИ, библиотек и других подразделений, что значительно ограничивает сферу непосредственно архивной деятельности. Более половины сотрудников, обеспечивающих работу архивов, являются совместителями или временно назначенными исполнителями, несущими только частичную ответственность за выполнение архивных работ. Менее 50% работников архивов — специалисты с высшим образованием, единицы из них имеют квалификацию «историк-архивист» или «организатор архивного дела».

Скромное место, занимаемое архивными службами в структуре академических учреждений, не могло не отразиться негативно на их главной функции — обеспечении информационной полноты и физической сохранности документальных фондов. Значительная часть институтов (более 70) хранит свою документацию в необработанном виде (преимущественно с середины 1980-х гг.), что составляет в общей сложности около 250 тыс. дел. До настоящего времени остаются уникальные случаи несформированных и неописанных архивных фондов с 1930—1940-х гг. (Институт востоковедения, Институт истории естествознания и техники). Справедливости ради надо заметить, что за последние десятилетия число институтов, не приступавших к архивному описанию своих документальных собраний, сократилось, как минимум, втрое. И тем не менее 86 московских институтов продолжают хранить документацию в своих учреждениях сверх установленного федеральным законодательством десятилетнего срока, после которого они обязаны передать дела в Архив РАН.

Не более благополучное положение с документами постоянного хранения складывается и в руководящих органах Академии наук. С 1985 г. остаются неописанными и неучтенными документальные фонды бывшего Отделения общей физики и астрономии и Отделения ядерной физики (с 2002 г. Отделение физических наук), Отделения физико-технических проблем энергетики и Отделения проблем машиностроения, механики и процессов управления (с 2002 г. — Отделение энергетики, ма-

шиностроения, механики и процессов управления). Со времени своего образования в 1983 г. не обрабатывались и не поступали на государственное хранение материалы Отделения нанотехнологий и информационных технологий (изначально Отделение информатики, вычислительной техники и автоматизации).

Серьезной проблемой комплектования Архивного фонда РАН является давно наметившаяся диспропорция между объемами поступающей на государственное хранение управленческой и собственно научной документации. Это объясняется различием в характере формирования и способах хранения этих категорий документов. Образующаяся в деятельности функциональных структур деловая документация оказывается более традиционной для архивного описания, чем итоговая научная, сосредоточенная у конкретных исследователей, иногда не доступная для отслеживания и фиксирования, особенно в отсутствии профессионального архивиста. Зачастую представители научного сообщества не склонны рассматривать продукт собственной интеллектуальной деятельности в качестве обязательного для архивного описания и фондового хранения. Что касается научно-тематических отчетов, то при отсутствии в институте архива они становятся библиотечными источниками комплектования, и это сейчас наиболее распространенная практика, с правильностью которой согласиться трудно. Именно научная документация представляет собой область не только историко-культурного, но и научно-практического интереса дисциплинарных научных сообществ и должна являться обязательной частью документальных фондов академических учреждений.

Таким образом, главной проблемой формирования и обеспечения сохранности Архивного фонда РАН продолжает оставаться неупорядоченность и децентрализованное хранение документальных материалов учреждений, отсутствие в подавляющем большинстве институтов научных архивов, специалистов-профессионалов в области архивного дела и просто ответственных за ведение делопроизводства лиц.

До сих пор не преодолены негативные явления, наметившиеся в архивной отрасли с 1990-х гг., связанные с недофинансированием, сокращением штатной численности архивных работников, прекращением таких важных для профессионального сообщества способов взаимодействия, обмена опытом и повышения квалификации, регулярные архивные школы, совещания, конференции, периодические рабочие командировки и выездные заседания, позволявшие поддерживать связи и совместную деловую практику архивистов.

С сожалением надо констатировать, что архивное направление не является престижным в академической среде, что среди руководителей учреждений редко можно встретить понимание значимости, необходимости и самой сути архивной деятельности, считающейся в институтах непрофильной, побочной и искусственно навязанной. Конечно, можно понять директоров институтов, не располагающих свободными штатными единицами, широкими финансовыми возможностями и необходимой материально-технической базой для организации архивных служб. Однако отношение к архиву как к сфере третьестепенной важности, определение на эту должность людей с низким профессиональным уровнем, иногда с формально закрепленными обязанностями, не требующими исполнения, подбор штатных единиц по остаточному признаку (работать не в состоянии, пусть сидит в архиве) способствуют сохранению и приумножению накопившихся в архивной системе проблем.

Налицо не только кадровая, но и техническая отсталость академических архивов — устаревшие компьютеры, отсутствие подключения к Интернету и локальным сетям институтов, что в современных условиях применительно к главному научному учреждению страны выглядит по меньшей мере архаично.

Характерно невнимание и отсутствие поддержки архивной отрасли и со стороны руководства Академии наук. В последние годы Архив РАН был практически исключен из числа служб, участвующих в комплексных проверках научных учреждений, лишившись реальной возможности воздействовать на организацию и постановку архивного дела в институтах.

В 2007 г. было принято решение прекратить работу Объединенного архива Пущинского научного центра, обслуживавшего 8 региональных институтов, оставив нерешенным вопрос о судьбах их документальных собраний. Между тем Пущинский архив был единственным в ряду подмосковных академгородков, осуществлявших профессиональную поддержку учреждений своего региона и проводивших квалифицированную архивную работу на местах. Такими оптимальными условиями не располагают многочисленные институты подмосковных научных центров в Троицке и Черноголовке; при образовании в более поздние годы новых региональных центров — Саратовского, Нижегородского, Самарского и других также не было предусмотрено наличие научных архивов, отвечающих условиям «ведомственного хранения» Архивного фонда РАН.

Архив РАН, являясь головным научно-методическим учреждением, с закрепленными в Уставе обще-академическими контрольными и координационными функциями, на деле не располагает реальными возможностями для решения системных архивных проблем в структуре Академии наук. Входящий в состав Отделения историко-филологических наук, Архив РАН не наделен правами регламентации и регулирования архивной и делопроизводственной деятельности равных с ним по статусу научных учреждений.

Архивное законодательство последних лет⁶ опирается на традиции отечественного архивоведения и международные нормы. Закрепленное за Российской академией наук право постоянного хранения части Архивного фонда РФ возлагает на нее серьезную ответственность за общее состояние ведомственной архивной службы, требует кардинальных мер по совершенствованию структуры управления архивным делом, созданию оптимальных условий для формирования и сохранения исторически сложившихся комплексов документальных материалов.

Первоочередной задачей в современных условиях является пересмотр и обновление устаревшей нормативной базы РАН⁷, регулирующей отношения Архива РАН с разветвленной сетью региональных, научно-отраслевых и научных архивов, расширение полномочий, повышение статуса и укрепление роли Центральной экспертно-проверочной комиссии РАН по отбору документов на постоянное хранение и уничтожение, а также региональных экспертных комиссий. Нормативным требованием к деятельности академических архивов должно стать безусловное выполнение «Правил организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук», принятых в 2007 г. и зарегистрированных Минюстом РФ.

Одним из наиболее действенных и эффективных способов преодоления застоя в архивной системе РАН и ее явного отставания в развитии от федеральной архивной службы является модернизация академических архивов путем внедрения в их деятельность информационно-коммуникационных технологий. Целью информатизации ведомственной архивной отрасли является оптимизация и повышение эффективности всех видов архивных работ, рационализация процессов документирования научной деятельности, использование преимуществ оперативного поиска и свободного доступа к ретроспективной информации.

За последние годы Архивом РАН накоплен большой положительный опыт по разработке собственного оригинального программного обеспечения и внедрения информационных технологий в практику работы архивных учреждений. Начиная с 2004 г., в Архиве РАН были реализованы проекты создания многофункциональной базы данных «Архив РАН», официального сайта академических архивистов «Архивы РАН» (www.arhan.ru), специализированного сайта «Информационная система “Архивы РАН”» (www.isaran.ru), размещенные в глобальной сети Интернет для широкого некоммерческого использования. В основу собственного программного обеспечения, разработанного с учетом специфики Архивного фонда РАН, положена идея строительства общего корпоративного информационного ресурса, базирующегося на документальных собраниях архивов Российской академии наук. Безвозмездное распространение программного обеспечения и методических указаний по его эксплуатации создают реальные предпосылки для формирования объединенного научно-справочного аппарата и электронного каталога к Архивному фонду РАН на платформе общей базы данных.

В концепцию многофункциональной базы данных «Архив РАН», помимо основного блока, обеспечивавшего направление «Учет и каталог», изначально был заложен раздел «Комплектование. Учреждения-фондообразователи». Имеющиеся в нем поисковые функции, возможности фильтрации данных, получения статистики и выстраивания различных форм отчетности по заданной тематике позволяют вести оперативный электронный учет и мониторинг состояния Архивного фонда РАН на всех уровнях: от региональных и научно-отраслевых архивов с постоянным составом документов до научных архивов учреждений.

Программным обеспечением «Архив РАН» предусмотрена еще одна очень важная для архивной системы возможность: подключение данных электронных описей управленческой и научной документации, поступающих в Архив из академических учреждений, к основному массиву базы данных с функцией поиска по электронному каталогу. С этой целью для распространения в системе академических учреждений — источников комплектования Архива РАН был разработан программный модуль «Turge», совместимый с базой данных и в то же время доступный к использованию в автономном режиме. Создание электронных описей в программном модуле «Turge» решает задачу наполнения контента «Информационной системы “Архивы РАН”» и обеспечивает возможности доступа к информационным ресурсам архивов учреждений в сети Интернет.

Первые попытки использовать возможности информатики в практической работе академических архивов были предприняты в 2006 г. В Архиве РАН были организованы рабочие совещания и семинары-практикумы с заведующими архивами с целью экспериментального распространения и внедрения интегрированного программного модуля «Turge», обсуждения основных направлений информатизации архивной деятельности и введения новых компонентов описания документов. В 2009 г. перед научными архивами была поставлена задача составления электронных версий описей в программном модуле «Turge». Стимулирующим аргументом для учреждений в пользу такого требования становилась возможность оперативного доступа к научно-справочному аппарату своих и других академических институтов через Интернет.

Первые позитивные изменения в этом направлении произошли после введения практики индивидуальных консультаций и систематических практических занятий с сотрудниками архивов на базе Архива РАН. В настоящее время в 25 научных архивах ведется работа по созданию электронных баз данных на основе документальных материалов своих институтов и размещению информации об электронных ресурсах

на страницах институтских официальных сайтов в Интернете; у многих из них такая работа выполнена в полном объеме.

В современных условиях Архив РАН готов к распространению своего программного обеспечения на региональные и научно-отраслевые архивы, а также на архивы подмосковных институтов, имеющие в своем составе документальные коллекции, фонды личного происхождения и не объединенные под эгидой научных центров. Первоначальным этапом этой работы признано создание электронного Центрального фондового каталога Архивного фонда РАН — универсального справочника о составе и содержании документальных фондов.

Для успешного продвижения идеи интеграции информационных ресурсов в академической архивной среде необходим ряд условий:

- Модернизация нормативной базы, возлагающей на Архив РАН функции организатора и руководителя работ в области информатизации архивных учреждений.
- Внедрение в практику архивного дела Концепции информатизации архивных учреждений РАН и разработка долговременной Программы внедрения информационных технологий в деятельность академических архивов.
- Целевое финансирование материально-технического и профессионального развития архивной отрасли РАН в деле интеграции электронных информационных ресурсов и их объединения с системами электронного документооборота учреждений РАН.

Перспективы эффективного решения насущных проблем и использования новых практических возможностей ведомственного архивоведения в настоящий момент тесно связаны с организацией в марте 2013 г. Архивного совета при Президиуме Российской академии наук⁸, объединившего в своем составе ведущих специалистов и представителей администрации РАН. Есть надежда, что появление координационного органа, располагающего административными рычагами влияния и ясным пониманием стратегии развития архивной отрасли, будет способствовать системным преобразованиям, модернизации и укреплению профессионального статуса архивов Российской академии наук.

¹ Инструкция по ведению, систематизации и хранению научной и деловой документации (делопроизводства) в учреждениях Академии наук. Л., 1938; Перечень дел и документов АН СССР и ее системы со сроками хранения. М.; Л., 1940.

² Перечень документальных материалов, образующихся в деятельности Академии наук Союза ССР, учреждений и организаций ее системы с указанием сроков хранения материалов. М., 1954; Классификатор научно-организационной и деловой документации (делопроизводства) учреждений Академии наук СССР. М., 1955; *Суслова Е.Н.* Экспертиза ценности документальных материалов. М.; Л., 1955; Пособие по обработке, хранению и использованию документальных материалов в учреждениях Академии наук СССР. М.; Л., 1959.

³ Распоряжение Президиума АН СССР № 314-98 от 15 января 1964 г.; Постановление Президиума АН СССР № 100 от 15 марта 1968 г.

⁴ Постановление Президиума АН СССР № 514 от 24 июня 1976 г. «О мероприятиях Академии наук СССР в связи с решением Президиума Совета Министров СССР “О результатах проверки состояния учета и хранения архивных материалов в центральных государственных архивах СССР”». М., 1976.

⁵ Постановление Президиума АН СССР № 1027 от 25 июня 1981 г. «Об утверждении нормативных актов о совершенствовании архивного дела в Академии наук СССР». М., 1981.

⁶ Федеральный закон Российской Федерации от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации».

⁷ Последнее постановление Президиума РАН № 125 «Об утверждении нормативных актов о совершенствовании архивного дела в Российской академии наук» было принято 21 июня 1994 г.

⁸ Постановление Президиума РАН № 55 от 12 марта 2013 г.

Часть 2

Изучение документального научного наследия

История географии XX в. в архивах РАН

География — синтетическая, почти всеобъемлющая наука. В ее сфере всегда входили не только изучение природы различных территорий, но и живущих там людей, их быта, хозяйства и прочих особенностей. И сегодня география представляет собой «двукрылую» систему наук — общественных и естественных. Она включает в себя как естественнонаучные отрасли (физическая география — общее земледование, ландшафтоведение, биогеография, география почв, геоморфология, климатология, гидрология, океанология, гляциология и др.), так и социально-экономические (география экономическая, социальная, политическая, культурная, городов, страноведение и др.).

И хотя география наука очень древняя, корни ее находят еще в Древней Греции¹, географические общества в России начали возникать лишь с середины XIX в., а первые кафедры географии в российских университетах появились только в 1880-х гг.

Одним из толчков к созданию академических географических организаций в XX в. стало образование по инициативе ряда академиков в 1915 г., во время Первой мировой войны, новой организации — Комиссии по изучению естественных производительных сил России при Императорской Академии наук (КЕПС)², которую возглавил академик В.И. Вернадский. Первоочередной задачей Комиссии академики считали подготовку шеститомной научной сводки «Естественные производительные силы России», предназначенной для государственных и общественных деятелей, работников промышленности, предпринимателей³. В течение нескольких лет вышло четыре тома сводки: «Ветер как двигательная сила», «Полезные ископаемые», «Растительный мир», «Животный мир».

Отличительной особенностью работы Комиссии являлся комплексный подход к изучению естественных производительных сил, что стало возможным благодаря участию в ней ученых из многих отраслей науки, в том числе и географии, характерной особенностью которой была и остается комплексность, системность.

КЕПС состояла из ряда отделов, количество которых постепенно увеличивалось. В 1918 г. в рамках КЕПС по инициативе А.А. Григорьева, поддержанной геологом А.Е. Ферсманом и экономистом В.П. Семеновым-Тянь-Шанским, был организован Промышленно-географический отдел⁴, который должен был разработать общегосударственные и местные мероприятия для организации хозяйства страны на основах рационального использования всех ее ресурсов.

В 1927 г. отдел приобрел имя Географический, а в 1930 г. был преобразован в Институт, но с более узким названием «Геоморфологический»⁵, спустя четыре года его преобразовали в Институт физической географии, а затем в 1936 г. в Институт географии, который функционирует и поныне⁶.

В начале 1930-х гг. были предприняты попытки объединить географические исследования, ведущиеся в разных организациях, для чего была организована Географическая ассоциация АН СССР⁷. Следующей по времени была Группа географии и геофизики⁸, существовавшая в 1933—1938 гг., входившая в Отделение математиче-

ских и естественных наук (ОМЕН) АН СССР. Руководил Группой географии и геофизики О.Ю. Шмидт, первый советский академик по географии.

Образованием этой группы предполагалось начало создания всесоюзных центров по изучению земного шара, задачей которых стало бы руководство научными работами по всему комплексу описательных и точных наук, связанных с изучением земного шара как физического целого, его газообразной оболочки, мирового океана, твердой коры и их взаимодействия. В связи с этим СНК СССР постановил создать при АН СССР, кроме Института географии, Институт теоретической геофизики, Географический музей (для демонстрации всего многообразия и географических особенностей ландшафтов территорий, освещения интереснейших моментов мировой истории географических открытий) и Океанографический комитет.

На заседаниях Группы географии и геофизики, которые чаще всего проходили в помещении Института географии в Старомонетном переулке, обсуждалась результаты и планы работ института, океанографических экспедиций в Атлантическом океане, комплексного изучения Каспийского моря, проблемы соотношения между экономической географией и физической географией, вопросы вхождения СССР в Международный Географический союз.

В 1934 г. возник вопрос об организации самостоятельной Географической группы, которая должна была бы объединить учреждения Академии наук, работающие в области географических дисциплин и наиболее родственных им наук (Институт физической географии, Почвенный институт, Комиссия по изучению вечной мерзлоты, Монгольская комиссия, Тихоокеанский комитет, Байкальская лимнологическая станция, Полярная комиссия, Каспийская комиссия). В дальнейшем в Географическую группу должен был войти Институт картографии и геодезии, а также специальный комитет по изданию серии больших монографий «Географии СССР»⁹. Эта идея не осуществилась.

В 1939 г. ОМЕН было преобразовано в Отделение геолого-географических наук (ОГН)¹⁰, которое сыграло большую регулируемую роль в развитии географии. В 1953 г. создано Отделение наук о Земле (ОНЗ). Сегодня в секцию океанологии, физики атмосферы и географии ОНЗ входят столичные институты РАН — географии, водных проблем, озероведения, океанологии, а также институты, относящиеся к различным отделениям — Институт географии им. В.Б. Сочавы в Иркутске, Лимнологический институт в Иркутской области, Институт экологических проблем Севера в Архангельске, Институт степи в Оренбурге, Институт аридных зон в Ростове-на-Дону, Институт водных и экологических проблем в Хабаровске, Байкальский институт природопользования в Улан-Удэ, Институт мониторинга климатических и экологических систем в Томске, Тихоокеанский институт географии во Владивостоке.

Большую роль в развитии географии как науки в стране играли **комплексные экспедиции**, в которых всегда работало много географов. В 1926 г. была создана Особая комиссия по изучению союзных и автономных республик, с 1928 г. она стала называться Комиссией экспедиционных исследований¹¹, ею проводились Якутская, Казахстанская, Северо-Уральская, Севанская, Иссык-Кульская, Чувашская, Каракумская и другие экспедиции.

В этот же период географы активно участвовали в подготовке плана ГОЭЛРО, проектировании строительства ВолховГЭС и ДнепроГЭС, занимались инвентаризацией и картированием почвенных, биологических и водных ресурсов; участвовали в работах по Урало-Кузнецкому комбинату, схеме реконструкции Волги, по проектам Большого Алтая, Большой Эмбы, новой угольной базы — Караганды, в проектно-

изыскательских работах по освоению Северного морского пути, по трассе БАМ, в районах будущего Ангарстроя¹², что было весьма существенно для развития прикладных аспектов географии.

В 1930 г. КЕПС сменила уникальная суперорганизация — Совет по изучению производительных сил АН СССР (СОПС), который объединял работу различных академических учреждений вокруг изучения крупных регионов с помощью экспедиций, региональных конференций, издания трудов¹³.

В течение 1930-х гг. в разных регионах страны работали сотни экспедиционных отрядов. Исследованиями были охвачены Средняя Азия и Казахстан, Сибирь и Дальний Восток, Европейская часть, Урал и Приуралье, Северный Кавказ и Закавказье.

Основными задачами экспедиций СОПС было проведение исследований для последующих проектных изысканий с целью развития или освоения новых хозяйственных объектов; комплексное освещение окраинных районов СССР, в то время «белых пятен»: Камчатки, Ойротии (Горного Алтая), Киргизии, некоторых полярных районов, юго-западной Туркмении, Каракумов, Сванетии, Прибайкалья и др. Одной из особых задач было изучение некоторых районов по специальным обращениям наркоматов и местных органов, в частности, отряд ГУЛАГ ОГПУ в Башкирской экспедиции¹⁴, экспедиция по изучению условий сооружения БАМ — Байкало-Амурской магистрали¹⁵.

За 1931—1937 гг. общее число экспедиций составило 168, в которые вошло 538 отрядов. Более половины составляли геологические отряды, около четверти — сельскохозяйственные и биологические, 20% приходилось на долю физико-географических и социально-экономических отрядов. Экспедиции имели очень большое значение для изучения природных и хозяйственных условий СССР и развития географии как науки¹⁶.

Некоторые экспедиции СОПС продолжали работать и в период Великой Отечественной войны, а после ее окончания количество комплексных экспедиций существенно возросло. Они исследовали многие районы Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока, Урала, Средней Азии¹⁷. Широко в них были представлены географические работы, которые внесли вклад в развитие теории, методики и практики географии.

Особую роль для развития географии имела Великая Отечественная война. Характер задач и способов ведения войны потребовал увеличения масштабов привлечения географов к обеспечению военной деятельности. Резко вырос запрос на комплексную географическую информацию. Выполненная географами работа обеспечила признание важности государственными органами этой науки. Можно сказать, что в ходе войны произошло утверждение географии как *нужной* в XX в. науки.

С первых дней войны в Отделении геолого-географических наук для оперативного выполнения оборонных работ были созданы четыре спецкомиссии (по применению аэросъемки, пещерная, маскировки, географо-экономическая группа), в состав которых входили и географы. Комиссии были объединены в секцию оборонных работ бюро ОГГН¹⁸, которая действовала в тесном сотрудничестве с институтами географии, геологических наук, мерзлотоведения, почвенным, ботаническим и другими. В августе 1942 г. секция оборонных работ получила название Комиссии по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии¹⁹, под которым она действовала до 31 декабря 1943 г. Работы велись по заданиям оборонных и военных органов, находящихся в подчинении народных комиссариатов СССР: обороны, внутренних дел и других²⁰.

Военно-географический цикл работ включал в себя составление различных карт — геоморфологических, карт проходимости для разных видов военного транспорта, карт снежного покрова и некоторых климатических явлений и других; а также

описаний территорий страны и соседних государств. Работали экспедиции по изучению земельных фондов Казахской ССР, по обследованию городов и населенных пунктов Казахстана, Челябинской и Омской областей²¹.

Были созданы Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана²² и Комиссия по мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья на нужды обороны²³ в которых решалось много прикладных географических задач. В составе первой комиссии проводились полевые работы по изучению использования земельных фондов в подсобных хозяйствах крупнейших промышленных предприятий Казахстана для определения возможностей расширения их в дальнейшем²⁴. В южной части Омской области выявлялись промышленные возможности населенных пунктов для размещения в них стекольной, лесохимической, маслособойной промышленности и др., одновременно изучались огромные торфяные залежи²⁵ как возможная топливная база.

К лету 1943 г. был создан ряд объемных военно-географических описаний, которые охватывали Большой Кавказ и Волго-Дон, Норвегию, Румынию, Турцию, Восточную Германию, Корею, Польшу, Финляндию, Венгрию, Иран, Индию²⁶. Предполагалось детальное описание еще нескольких стран — Греции, Синоцзяна, Ирана, Афганистана, Манчжурии, Югославии, составление очерков природных условий некоторых пограничных районов как возможных территорий военных действий.

В ходе войны были созданы новые типы военно-географических карт: военно-геоморфологическая, карты элементов проходимости, дорожно-географическая, военно-географическая, взлетно-посадочных условий, много климатических карт, карт снежного покрова и др.²⁷

Кроме чисто практических задач географы стремились разрабатывать теорию и практику военной географии. В личном фонде географа-почвоведа академика Б.Б. Плынова хранятся машинописные экземпляры огромной коллективной работы «Задачи и методы военно-географических исследований», подготовкой которой он руководил, его переписка с А.Е. Ферсманом по этому вопросу, материалы некоторых других географов²⁸. Сотрудниками Института географии был собран сборник статей «Очерки по географии в военном деле» с большим числом карт. Судьба сборника, как и многих работ военного времени, неизвестна.

После войны географы широко вовлекались в работы по планам преобразования природы — гигантским мелиоративным проектам. Активно действовали многолетние проблемные комплексные природоведческие экспедиции АН СССР: ползащитная (1949—1954), чайная (1948—1953) и другие. Работы эти способствовали налаживанию творческих связей в поле между специалистами разного профиля и давали богатый исследовательский материал²⁹.

В конце 1940-х гг., когда вновь повысился идеологический натиск на многие науки, не осталась в стороне и география. Возникали многочисленные дискуссионные публикации и совещания, обсуждавшие роль географии, соотношение физической и экономической географии, правомерность существования географии как единой науки. Отголоски этих дискуссий сохранились и в некоторых материалах Архива РАН, отражающих деятельность организаций ряда — ОГГН, Института географии³⁰, Московского филиала Географического общества СССР³¹, и в личных фондах географов³².

Очень важным событием для развития отечественной географии стало проведение в 1976 г. в Москве XXIII Международного Географического конгресса³³, который сопровождался десятками научных экскурсий по многим регионам и республикам СССР, впервые давшими широкую возможность личного общения отечественных и зарубежных географов.

Формированию представлений об истории географии помогает и наличие **личных фондов** крупных географов, хранящихся в Архиве РАН, а также изучение их переписки с другими естествоиспытателями. Институт географии РАН недавно выпустил две книги, посвященные жизни и деятельности академика А.А. Григорьева³⁴ и профессора Г.Д. Рихтера³⁵, в которых впервые увидели свет многие интересные архивные материалы. Ряд неизвестных аспектов взаимоотношений выдающихся географов — Д.Н. Анучина, Л.С. Берга и некоторых других — удалось выявить из их переписки с В.И. Вернадским³⁶. Очень жаль, что некоторые личные фонды географов, ушедших из жизни в конце XX в., остаются необработанными в течение многих лет и потому недоступны для исследователей.

В заключение хочу выразить благодарность разработчикам информационной системы «Архивы РАН», которая отлично помогает в поиске нужной информации.

¹ Боднарский М.С. Античная география. М., 1953.

² СПФ АРАН. Ф. 174.

³ Кольцов А.В. Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930. СПб., 1999.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 132.

⁵ Там же. Ф. 200.

⁶ Институт географии и его люди. К 90-летию со дня образования. М., 2008.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 218.

⁸ АРАН. Ф. 406. Оп. 1. Д. 1; Ф. 462. Оп. 1. Д. 19, 21.

⁹ Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 49.

¹⁰ Там же. Ф. 535.

¹¹ СПФ АРАН. Ф. 138.

¹² Преображенский В.С., Александрова Т.Д. Материалы к истории отечественной географии XX века. М., 1994.

¹³ АРАН. Ф. 174.

¹⁴ Там же. Оп. 16. Д. 3.

¹⁵ Там же. Оп. 26. Д. 32.

¹⁶ Александрова Т.Д. Академические экспедиции по изучению естественных производительных сил СССР в 1930-е годы XX века // Бюллетень Национального комитета Российских географов. 2011. С. 49–57.

¹⁷ АРАН. Ф. 174. Оп. 28; Ф. 200. Оп. 1. Д. 140.

¹⁸ Там же. Ф. 535. Оп. 1. Д. 111.

¹⁹ Там же. Ф. 580. Оп. 1. Д. 2, 6.

²⁰ Александрова Т.Д. Разнообразие работ географов в первые годы Великой Отечественной войны // Известия РАН. Сер. географическая. 2011. № 3. С. 100–109.

²¹ АРАН. Ф. 535. Оп. 1. Д. 118.

²² Там же. Ф. 666.

²³ Там же. Ф. 667.

²⁴ Там же. Ф. 666. Оп. 1. Д. 43.

²⁵ Там же. Д. 25.

²⁶ Там же. Ф. 200. Оп. 1. Д. 11.

²⁷ Там же. Ф. 200, 1569, 1991.

²⁸ Там же. Ф. 602. Оп. 3. Д. 9.

²⁹ Преображенский В.С., Александрова Т.Д. Указ. соч.

³⁰ АРАН. Ф. 535, 200.

³¹ Там же. Ф. 1907. Оп. 1. Д. 77.

³² Там же. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 131, 248 и др.; Оп. 2. Д. 42.

³³ Там же. Ф. 1761; Итоги XXIII Международного географического конгресса. М., 1977.

³⁴ Академик Андрей Александрович Григорьев. Жизнь и научное творчество (1883–1968). М., 2011.

³⁵ Александрова Т.Д. Гавриил Дмитриевич Рихтер. Ученый и педагог (1899–1980). М., 2013.

³⁶ Александрова Т.Д. Владимир Иванович Вернадский, география и географы. Избранные места из переписки // Известия РАН. Сер. географическая. 2013. № 4 (в печати).

**Кароль Богданович — открыватель и исследователь
природных богатств в России и Польше, геолог,
горный инженер, путешественник.
По материалам его наследия в Архиве
Польской академии Наук**

Кароль Нереуш Богданович родился 10 ноября 1864 г. в Люцине под Витебском. Сам Кароль Богданович в официальном документе от 1923 г, именуемом «Личным листком» или «Личным кабинетом», который хранится в его личных документах как автора наследия в Архиве Горно-металургической Академии в Кракове, указывает дату своего рождения 29 октября 1865 г. и место рождения Троки¹. Эти сведения не совпадают с данными, которые приводятся во всех его официальных биографиях. Дата рождения приводится разная, но повторяется место рождения — Люцин Витебской губернии. Собственноручная запись Кароля Богдановича в «Личном листке / кабинете», вероятнее всего, была фиктивной и сделана с целью получения гражданства Польской Республики.

Кароль Богданович был сыном юриста, мирового судьи Яна Павла и Зофьи (в девичестве Кононович). В 1881 г. он окончил среднюю военную школу в Нижнем Новгороде, а в 1886 г. — Горный институт в Петербурге, где изучал геологию, минералогию и горное дело под руководством П. Еремеева, А. Карпинского и И.В. Мушкетова. В 1902 г. за работу «Два пересечения главного Кавказского хребта» К. Богданович получил степень доктора технических наук в Горном институте. В 1902—1904 гг. и в 1906—1919 гг. К. Богданович руководил Кафедрой геологии в Горном институте в Петербурге (с 1914 г. в Петрограде), а в 1918—1919 гг. был деканом Геологического факультета того же вуза, в котором преподавал поисковую и сложную геологию (1902—1904, 1906—1913, 1917—1919) и где в 1903 г. он получил степень экстраординарного профессора, а в 1909 г. — ординарного профессора. В 1902—1917 гг. он читал лекции в Институте инженеров путей сообщения в Петербурге (Петрограде), где был деканом Геологического факультета, а затем, в 1921—1938 гг., в Горной Академии в Кракове. В период 1914—1917 гг. Богданович возглавлял Горный Комитет в Петрограде. Формальное назначение на эту должность утверждено Николаем II 28 января 1915 г. (прежде Богданович занимал в Комитете должность старшего геолога в 1901—1913 гг. и заместителя директора в 1913—1914 гг.). В Польше Богданович появился впервые в 1905 г. в качестве руководителя геологических работ в Домбровском угольном бассейне. Целью этих работ была экспертиза, касавшаяся наличия залежей каменного угля и металлических руд в тамошних доломитах. В 1917 г. Богданович наладил связь с Польским Экономическим советом в Петрограде. В октябре 1917 г. он представил в Совет работу «Залежи минералов на польских землях». В этот период вышли также другие его работы, связанные с Польшей. В Польшу он вернулся окончательно в июле 1919 г. и занялся исследованием месторождений нефти (Битков, Борислав). В этот период он опубликовал имеющие большое значение описания залежей цинковых и оловянных руд в районе Олькуша. С 1921 г. Богданович был управляющим нефтеперерабатывающего предприятия «Братья Нобель» в регионе Малой Польши и одновременно в качестве эксперта занимался исследованиями в Алжире, Франции, Латвии, Румынии и других странах. В 1921—

1935 г. он руководил кафедрой прикладной геологии в Горной академии в Кракове, где получил звание почетного профессора. В период советско-польской войны 1920 г. был участником гражданской обороны Варшавы. В 1938—1947 гг. занимал пост директора Государственного геологического института в Варшаве, где применял современные методы геофизических исследований в геологической разведке, а после Второй мировой войны, во время которой находился во Львове (сентябрь и часть октября 1939 г.) и Варшаве, он руководил восстановлением этого Института.

В первом браке, с Пелагеей Розановой, у Богдановича родился сын Богдан, впоследствии известный советский геолог, который по неизвестным причинам не поддерживал связь с отцом. Во втором браке, с дочерью ссыльного Еленой Раубе, детей у него не было. Богданович скончался 5 июня 1947 г. в Варшаве и был похоронен в Аллее Заслуженных на кладбище Повонзки в Варшаве.

Кароль Богданович стоял у истоков геологической разведки в Центральной Азии, на территориях вокруг Каспия и на Кавказе, заложил также основы польской экономической геологии. Многие годы он провел в Азии, занимался геологоразведкой на территории северной Персии, восточного Туркестана, работал в Тибете, на Памире, в северо-восточной Сибири, Маньчжурии и на Камчатке.

Стефан Чарноцкий, геолог, специалист в области геологии каменного угля и добычи нефти, который в 1906 г. также окончил Горный институт в Петербурге и получил звание горного инженера, сказал о Богдановиче в 1902 г., когда тот возглавил кафедру геологии после смерти И.В. Мушкетова: «Польское сообщество бурлит, всех электризует известие, что новый профессор — поляк. Нас — молодежь — интересуют главным образом геологические экспедиции Кароля Богдановича. То и дело передаются рассказы о его путешествиях по пустыням Закаспийского края и северной Персии. А еще рассказывают о его работах зимой в Сибири, когда единственным средством передвижения были собаки или лыжи, когда приходилось по нескольку дней жить в палатке, засыпанной снегом при постоянной угрозе задохнуться»². Далее Чарноцкий пишет: «Далеко не все этапы его пути были нам известны, когда мы слушали его лекции, однако безошибочным инстинктом юности мы угадывали, что перед нами на кафедре ученый, который много видел и — что важнее всего — он умеет видеть, наблюдать и затем представить все это в форме четкого ясного обобщения»³. В другом месте С. Чарноцкий вспоминает: «Вот я увидел пана Кароля впервые... с его неизменной в то время сигарой, он внимательно слушает с улыбкой на лице, в которой была большая доля снисходительности, к которой примешивалось немного скептицизма, и ко всему этому добавлялась чуточка иронии»⁴.

Будучи еще студентом, Богданович принимал участие в экспедиции Ф.Н. Чернышева, который был в то время старшим геологом Горного комитета и привлекал его в качестве коллектора к своим исследованиям на Урале (1885). В результате участия в этой экспедиции Богданович написал работу «Таганайское и Ахтенское месторождения бурого железняка в Златоустовском округе», которая была опубликована в «Горном журнале». Считается, что именно в 1885 г. было положено начало научной карьере Кароля Богдановича. В 1886—1887 гг. Богданович принимал участие в экспедиции И.В. Мушкетова, целью которой было исследовать пространства европейских районов России, а также Туркмении и Персии, что было связано с начавшимся на этих территориях строительством закаспийского железнодорожного сообщения по маршруту Красноводск—Самарканд. Богданович разработал основы стратиграфии Туркменско-Хорасанских гор. Затем он принимал участие в экспедиции М.В. Певцова, организованной Русским географическим обществом в район Тибета и гор Куньлуня (1889—1891), где произвел первую более точную геологическую съемку восточной части

гор Тянь-Шаня, Памира и Куньлуня, открыл ледники в массиве Музтаг-Ата и окончательно опроверг ошибочный тезис Александра фон Гумбольдта о решающей роли вулканизации в формировании геологической структуры Тянь-Шаня. Направляясь в 1890 г. от озера Шоркуль по южному склону хребта Асты-таг, Богданович установил польский рекорд, покорив высоту 6327 метра над уровнем моря. Результаты исследований были опубликованы в 3-томнике «Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. под начальством М.В. Певцова», вторую часть которого составила большая работа Кароля Богдановича «Геологические исследования в восточном Туркестане».

В 1892 г. начинается сибирский период экспедиций и научных исследований Кароля Богдановича. В это время осуществлялось строительство Транссибирской железной магистрали. Одновременно шла организация экспедиций с целью изучения ископаемых богатств *вдоль* железнодорожной линии и выяснения гидрогеологических условий. Последние имели большое значение для проводившейся одновременно со строительством железнодорожной магистрали акции колонизации. Следует отметить, что «*вдоль*» здесь надо понимать в сибирском масштабе, то есть исследования включали территории, отдаленные от трассы железной дороги на 700 и даже на 800 км.

Кароль Богданович сначала занялся изучением гидрогеологических условий окрестностей Омска и Петропавловска в Акмолинской области, где имелись сложности с водой, и указал на возможность найти воду чуть южнее от железнодорожной магистрали. Он принимал участие в экспедиции, исследовавшей залежи и месторождения, а также геологические особенности в районах, расположенных между Томском и Иркутском (1892—1894). Тогда же он открыл залежи каменного угля близ Черемхова (ныне Черемховский угольный бассейн). Внимание Богдановича привлекли сопутствующие нефриту породы в бассейне реки Белой. С. Чарноцкий пишет: «Насколько важными были указания Богдановича в отношении залежей на территории Иркутской губернии, подтвердилось в Усолье под Иркутском, где были давно известны и эксплуатировались соляные источники. Уже гораздо позднее (спустя 30 лет), исходя из оценок Кароля Богдановича, была произведена разведка залежей каменной соли, увенчавшаяся положительным результатом. Исполнители этих работ, инженеры, ученики Богдановича, после этого открытия направили своему профессору, который находился уже в Варшаве, письмо, в котором выразили ему признательность и уважение»⁵.

Затем Кароль Богданович руководил экспедицией, занимавшейся разведкой месторождений золота на Амуре, в окрестностях Бурукана, на полуострове Тайгонос, на Камчатке и на Ляодунском полуострове (1895—1898). В результате всех этих изысканий Богдановичем были открыты ископаемые минеральные богатства, в частности, золото, а также многочисленные ледники и минеральные источники на Камчатке. Им были получены первые точные сведения о находившихся там действующих вулканах, он составил также точное географическое описание полуострова и его тополого-географическую карту, за которую был удостоен в 1900 г. золотой медали на Всемирной выставке в Париже.

В 1955 г. А.Н. Заварицкий написал: «Работа Богдановича послужила фундаментальной основой наших познаний о геологии Камчатки... Эти исследования внесли огромный вклад в нашу вулканологию»⁶. Эта последняя экспедиция была, пожалуй, самой трудной из предпринятых Богдановичем. С. Чарноцкий пишет: «Три года без перерыва были проведены в этом краю, совершенно диком, с чрезвычайно низкой плотностью населения. Трудности экспедиции возрастали за счет того, что работы необходимо было вести и зимой, чтобы можно было добраться на лыжах до тех местностей, которые были труднодоступны в другое время года. При сибирских морозах приходилось жить в палатках. Тут во всей полноте проявилась железная энергия Кароля Богдановича»⁷.

В 1900 г. Богданович руководил российско-англо-американской экспедицией, отправившейся на Чукотский полуостров, на побережье Ледовитого океана, Камчатку и Аляску. Для этой цели было арендовано американское судно, а также была нанята группа русских и китайских рабочих. Отсутствие единства в составе экспедиции, неудачный и навязанный сверху подбор иностранных участников экспедиции привели к многочисленным неприятностям и стрессам. «Если в таких условиях экспедиции все же удалось достичь определенных положительных результатов, — писал С. Чарноцкий, — то произошло это только благодаря необычайной энергии ее руководителя»⁸. В свою очередь экспедиция принесла плоды. Богдановичем была подготовлена работа «Очерки Чукотского полуострова», в которой автор представил описание геологической структуры полуострова и изложил ценные указания об имеющихся на этой территории месторождениях золота, а также была написана работа «Очерки Ном», где ученый описал противоположное, американское побережье Берингова моря. Чукотской экспедицией завершается сибирский период и одновременно пятнадцатилетний период работы Богдановича на Азиатском континенте. Исследования и открытия Богдановича в Сибири в значительной мере способствовали экономическому развитию этого края. Он стал одним из лучших знатоков геологии этой огромной части континента — начиная с Закаспийского края и заканчивая Чукотским краем.

В 1901—1904 гг. и эпизодически еще до 1914 г. Богданович исследовал нефтяные запасы на Кавказе и в районе впадения реки Эмбы в Каспийское море. Позднее он принимал участие в экспедиции в район трагического землетрясения в Мессине, которое полностью уничтожило город 28 декабря 1908 г. Богданович отправился туда (1909) по собственной инициативе и был одним из первых геологов, прибывших к месту этой ужасной сейсмической катастрофы, благодаря чему он имел возможность произвести чрезвычайно ценные научные наблюдения. Он принимал участие в экспедиции в северную Туркмению (1910—1911), а также в экспедиции, исследовавшей залежи вольфрама и олова в Португалии и Испании (1916). Продолжая расширять круг своих интересов, Богданович ездил тогда же в краткосрочные экспедиции на остров Ява и в Калифорнию, где знакомился с применявшимся там оборудованием и методами добычи нефти. Позже, опираясь на свой кавказский опыт в горном деле, Богданович работал в качестве эксперта при изучении нефтяных запасов во многих странах. Одним из первых в мире он выступил с требованием охраны природных богатств Земли. Его интересовали также такие дисциплины, как философия, история, религиоведение, социология. Было издано свыше 200 работ Богдановича на русском, французском, немецком и польском языках, посвященных геологии, горному делу, минералогии и географии. К важнейшим относится работа «Минеральные сырьевые запасы мира» (Т. I—III, изданы посмертно в 1952—1954 гг.).

Кароль Богданович был председателем Союза горных инженеров в России (1917—1919); председателем (1920—1925) и почетным членом Польского Географического общества (с 1935 г.); председателем (1924—1926) и почетным членом (с 1946 г.) Польского геологического общества; председателем Отделения физической географии Русского географического общества (1914—1915); председателем Научного комитета Горно-Металлургического согласительного комитета, координирующего деятельность Польской Академии знаний, Варшавского научного общества, Академии технических наук в Варшаве и других научных обществ (1936—1938); вице-президентом Société Géologique de France (1915—1917); почетным членом Геологического общества Нидерландов, Общества польских инженеров горного дела и металлургии, Общества польских инженеров нефтяной промышленности; членом Научного общества во Львове, Варшавского научного общества, Société Belge d'Etudes et de Expansion, American Association of Petroleum Geolo-

gists; членом-корреспондентом Чехословацкого минералогического и геологического общества, а также Естественно-Математического Отделения Польской Академии знаний.

Он был удостоен Серебряной медали Русского Императорского географического общества (1888), Большой Серебряной медали им. Н.М. Пржевальского (1890) и Золотой Константиновской медали (1902), Премии им. Г.П. Гельмерсена (1905), Командорского креста ордена «Возрождения Польши» (1936), ордена «Возрождение Польши» II степени (1946). Именем Кароля Богдановича назван мыс на юге Сахалина, вулкан на острове Парамушир (Курилы), ледник Срединного хребта на Камчатке, небольшая местность в Западной Сибири, расположенная к востоку от Екатеринбурга, а также улицы в Лодзи и Варшаве.

Наследие Кароля Богдановича было передано в дар Архиву Польской Академии наук профессором Горно-металлургической Академии и Политехнического института Силезии, специалистом в области горного дела Болеславом Крупиньским в 1954 г.; они значатся под № 6 в книге приобретений. Документы не были систематизированы. Работу над ними провела в 2006 г. д-р Иоанна Арванити. Большая группа материалов, относящихся к личности Кароля Богдановича, хранится в Научном архиве Музея Земли Польской Академии наук. Эти материалы относятся к 1919–1947 гг. Данная часть наследия очень невелика; объем документов после их систематизации составил 0,02 п.м. Документы были поделены на две группы.

Документы I группы – биографические материалы 1919–1947 гг., касающиеся, в частности, работы К. Богдановича на кафедре месторождений полезных ископаемых минералов, а затем – в Горной Академии на кафедре прикладной геологии в Кракове. Обращает на себя внимание письмо, подписанное первым ректором Горной Академии профессором Антонием Марией Эмилианом Хоборским, в котором он так сказал о Богдановиче: «ординарный профессор на кафедре экстраординарной науки». Любопытно также письмо, подписанное Зыгмунтом Сариуш-Бельским, ректором Горной Академии в 1931–1933 гг. В письме сообщалось о предоставлении Богдановичу возможности работать в краковской академии, несмотря на то, что его возраст уже выходил за пределы допустимого для преподавателя вуза; профессору Богдановичу в 1936 г. было бы уже 72 года. Вызывает интерес документ, касающийся присвоения Каролю Богдановичу звания почетного доктора технических наук Горной Академии в Кракове, а также обращение в Министерство вероисповеданий и общественного просвещения относительно присвоения К. Богдановичу звания почетного профессора вышеназванного вуза. Просьба была подписана профессором Владиславом Таклиньским, ректором Горной Академии в 1933–1939 гг. В данном наследии содержатся документы, связанные с работой Кароля Богдановича в Государственном Геологическом институте. Это – письма с резолюциями Антония Романа, министра промышленности и торговли в 1938 г., работавшего в составе правительства Фелициана Славоя Складковского, а также сенатора Польской Республики Чеслава Кларнера, министра финансов до Второй мировой войны. Сохранились документы, касающиеся восстановления Государственной геологической службы, в том числе письма с подписью Хилари Минца, министра промышленности во Временном правительстве Польши. В первую группу были включены также письма, содержащие поздравления и пожелания в связи с награждением Кароля Богдановича Командорским крестом ордена «Возрождения Польши». Интерес представляет также письмо Президиума Совета Министров о внесении в качестве уплаты 35 злотых за предоставление знака Кавалера Командорского Креста, а также чек Почтовой сберегательной кассы, подтверждающий поступление названной суммы на счет Президиума Совета Министров. В состав материалов, относящихся к наследию Кароля Богдановича, вхо-

дит также фрагмент ленты, которая прилагалась к знаку Кавалера Командорского креста ордена «Возрождения Польши». В эту группу включены два документа, связанные с награждением Кароля Богдановича орденом «Возрождение Польши» II степени — один документ с подписью президента Крайовой Рады Народовой (Польского Народного Совета) Болеслава Берута, а второй с резолюцией министра промышленности Хилари Минца (1946). Очень интересна переписка, касающаяся юбилейных торжеств, связанных с 60-летием Кароля Богдановича и 40-летием его научной деятельности (1924), а также с 60-летием профессиональной деятельности Кароля Богдановича (1946).

Документы II группы — переписка, относящаяся к периоду 1922—1946 гг., касающаяся главным образом вопросов о принятии Кароля Богдановича в состав членов разных польских и зарубежных научных обществ и академий, а также приглашений на их торжественные заседания. Среди корреспондентов Богдановича американские, французские и польские научные общества и организации, в частности: American Geographical Society и Geological Society of America, Центральное правление угольной промышленности (с подписью генерального директора инженера Фредерика Топольского), Institut Scientifique de Recherches Géographiques et Géochimiques en Asie, Гражданская Канцелярия для обращения граждан Президента Польской Республики, Наукопознательная консерватория (с подписью редактора научного ежемесячника «Жизнь науки» Мечислава Хойновского), Légation de la République Française en Pologne, Научное общество во Львове (с подписью президента этого общества Освальда Бальцера), Польская Академия знаний, Общество польских инженеров горного дела и металлургии (с подписью его президента Эугениуша Гуркевича).

Коллекцию российских материалов, которых в наследии К. Богдановича сохранилось, к сожалению, совсем немного, открывает письмо, направленное Клубом горных деятелей. В письме, касающемся открытий Богдановича в Сибири (1923), ученики и последователи профессора, подчеркивая его неопределимые заслуги для дела неизвестной и неизученной еще в то время Иркутской губернии, выражают ему свое глубокое уважение и благодарность. «Клуб горных деятелей, — пишут они, — извещая Вас прилагаемой справкой о достигнутых теперь в Сибири геологических открытиях, опирающихся всецело на установленные еще почти 30 лет тому назад Ваши данные, считает своим долгом настоящим письмом к Вам отметить не только доказанную теперь правильно талантливо предначертанных Вами геологических схем в период особо трудный для прогноза геолога в неизученной еще стране, но и ту неизменяемую Вашу заслугу делу прикладной геологии и разведок, которую вы оказали, дав возможность восточно-сибирским геологам-разведчикам, Вашим ученикам и последователям, опираясь на Ваш высоко авторитетный прогноз строения иркутского палеозоя, правильно оценить перспективы, настоять на необходимости и целесообразности добурить скважину №1 и довести эту задачу до победительного конца в это тяжелое для экономики России время... Клуб горных деятелей... единогласно и дружно постановил выразить Вам глубокое уважение, послать Вам свой сердечный привет и искреннее пожелание дальнейшей успешной и бодрой деятельности на пользу геологии и горному делу человечества»⁹. Цитируя это знаменитое хвалебно-благодарственное письмо, следует упомянуть и о двух приложениях к нему, показывающих, какой кружной путь оно прошло, прежде чем попало к адресату, ибо, как оказалось, оно было ошибочно отправлено на адрес Варшавского университета вместо Горной Академии в Кракове.

В связи с юбилеем он получил в 1924 г. письмо от своих коллег и бывших сотрудников в России, а в 1925 г. — от членов Московского отделения Геологического комитета (учрежденного в 1882 г.) и от Клуба горных деятелей, которые, как они написали, во время торжеств по случаю 40-летия научной деятельности профессора

провозгласили тост за его здоровье и выразили надежду на то, что очередной юбилей они отметят вместе. Директор Ленинградского горного института, одного из старейших горных вузов в мире, в письме, датированном 1926 г., сердечно приглашает Кароля Богдановича на отсроченные торжества по случаю 150-летия создания этого Института. Более позднее (1928) письмо, написанное директором Ленинградского Геологического института, посвящено, в частности, вопросу оставленной Каролем Богдановичем в Ленинграде мебели (спальня, пианино, туалетный столик и два сундука), которая заботливо сохраняется в квартирах некоего А.А. Борсыяка, а также Д.В. Наливкина. В письме говорится, что книги Богдановича в американских шкафах перевезены в библиотеку; остальные же оставленные вещи, складированные в сарае, оказались, к сожалению, полностью уничтоженными молью и во время наводнения. Кроме того, автор письма информирует, что оставленной Богдановичем мебелью интересовалась недавно некая молодая особа, представившаяся родственницей ученого.

Среди российских документов Богдановича есть также письмо с поздравлениями от сотрудников и друзей из Учетно-экономического отдела Геологического комитета (1927) и от членов Академии наук СССР по случаю 60-летнего юбилея научной деятельности Кароля Богдановича. Среди членов Академии наук СССР, подписавших письмо с поздравлениями и пожеланиями, — геолог, создатель технической петрографии Д.С. Беламзин; Д.В. Налескин; знаменитый геолог, географ и исследователь Сибири В.А. Обручев; геолог и минералог С.С. Смирнов; геолог П.И. Степанов; Н.С. Шапкин; геолог и специалист в области петрографии и петрохимии А.Н. Заварицкий. Следует также упомянуть о письме от имени Общества польско-советской дружбы, в котором секретарь Главного правления ОПСД некая госпожа Врублевская «в интересах возрождающегося польского государства» весьма настойчиво приглашает Кароля Богдановича войти в состав действительных членов ОПСД и решительно просит внести в список членов данной организации, в качестве члена — юридического лица организации, возглавляемый Богдановичем, Государственный геологический институт в Варшаве (1946).

В заключение еще раз предоставим слово Стефану Чарноцкому, который писал: «В декабре 1935 года мы торжественно отмечали 50-летие научной деятельности профессора Кароля Богдановича. На многочисленные обращения к нему выступления юбиляр ответил с покоряющей простотой, отмечая, что он был счастлив в своей научной работе, встречая во всех тех коллективах, в которых он работал, и со стороны всех тех людей, с которыми его свела судьба, много доброжелательности, много помощи в его научной работе. А я позволю себе перефразировать это утверждение. Повезло тем научным коллективам, в которых он работал. Повезло всем тем людям, которых свела судьба в их работе с личностью высокочтимого профессора Кароля Богдановича»¹⁰.

Перевод Е. Шиманской

¹ Материалы торжественного научного заседания, посвященного 100-летней годовщине со дня рождения Кароля Богдановича. Варшава, 1969. С. 76.

² *Чарноцкий С.* Кароль Богданович. Краков, 1936. С. 1.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 3.

⁵ Там же. С. 7.

⁶ *Слабчинский В., Слабчинский Т.* Богданович Кароль // Словарь польских путешественников. Варшава, 1992. С. 42.

⁷ *Чарноцкий С.* Указ. соч. С.7.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ АПАН. III-4. J. 3. K. 13, 13v. Союз горных инженеров существовал в Москве в 1887—1917 гг., в 1921 г. был восстановлен, в 1922 г. получил название Клуб горных деятелей.

¹⁰ *Чарноцкий С.* Указ. соч. С. 21.

Материалы комплексных экспедиций БИОН как источник по истории культуры народов Южной Сибири*

Формирование научного архива в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН началось с образования Бурят-Монгольского Ученого комитета (Буручкама) в 1922 г., позднее переименованного в Государственный институт Культуры, затем в Государственный институт языка, литературы и истории. С 1944 г. институт носил название Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики, с 1949 г. — Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. В 1957 г. был преобразован в Бурятский комплексный научно-исследовательский институт, а с 1966 по 1997 г. — Бурятский институт общественных наук (БИОН). На протяжении всей истории научной организации были проведены более сотни экспедиций, материалы которых сдавались на хранение в Рукописный отдел, ныне Центр восточных рукописей и киелографов (ЦРВК) ИМБТ СО РАН.

С первых дней организации Буручкама был начат сбор этнографического, фольклорного материала. Принимались на хранения архивы ученых — например, в 1925 г. был приобретен архив Матвея Николаевича Хангалова от его вдовы Дарьи Егоровны. Эта традиция была продолжена и в последующие годы, в составе архивного фонда были выделены личные фонды ученых, общественно-политических, религиозных деятелей, писателей. В настоящее время насчитывается 42 личных архивных фонда объемом более 9 тыс. единиц хранения. Общий архивный фонд насчитывает 3 тыс. ед. хр., из которых значительная часть представлена материалами научных экспедиций. В настоящей статье дан краткий обзор архивных материалов экспедиций 1966–1970-х гг. Бурятского института общественных наук (с 1997 г. ИМБТ).

К 1966 г. уже были разработаны основные программы и руководства по сбору диалектологического, фольклорного и этнографического материала¹.

В 1966 г. сотрудниками Института были предприняты следующие экспедиции:

1) Историко-этнографическая, организованная отделом Зарубежного Востока с целью изучения «пережитков ламаизма», работала в Бичурском районе БурАССР. Было охвачено 10 населенных пунктов. В задачи экспедиции входило выяснение локальных особенностей системы культа хозяев гор и местностей (обоо) по регионам расселения этнических групп бурятского населения Бичурского района. В архивном фонде представлены дневники участников экспедиции, полевые записи. Среди них представляют интерес указания на сохранение родовых культовых мест, их описание и проч.²

В то же время сотрудники отдела истории и этнографии под руководством Т.М. Михайлова провели историко-этнографическое обследование Тункинского района Бурятии. В рамках этой экспедиции было проведено социологическое исследование религиозности населения³.

2) Диалектологическая экспедиция, Читинский отряд которой под руководством Ц.Б. Цыдендамбаева работал в Могойтуйском, Оловянинском, Борзинском, Нерчин-

* Статья подготовлена в рамках проекта Сибирского отделения РАН «Открытый архив СО РАН как электронная система накопления, представления и хранения научного наследия».

ском и Шилкинском районах Читинской области. Членами экспедиции был собран значительный текстовый, экспериментальный материал по особенностям говора бурятского и хамниганского населения: представлены магнитофонные записи диалектного материала, в общей сложности 3 тыс. метров, расшифровка которых заняла 3 общих тетради. В ходе экспедиции экспериментальной группой были сделаны рентгенограммы и палатограммы. Среди материалов этой экспедиции имеются скопированные ее участниками родословные карты на старописьменном монгольском языке. Они являются ценными источниками по истории бурятского народа для изучения вопросов миграции населения. Также материалы по родовому составу населения необходимы языковедам для установления изоглосс говоров и подговоров⁴. Данный вид материалов нашел отражение в монографии Ц.Б. Цыдендамбаева «Бурятские исторические хроники и родословные» (Улан-Удэ, 1972). Родословные разных этнических групп бурят, собранные исследователями в ходе многочисленных экспедиций, пользуются неизменным спросом, особенно в последнее десятилетие, у читателей, интересующихся своей родословной, историей рода.

Окинский отряд диалектологической экспедиции под руководством Д.И. Бураева проводил исследования по изучению диалектных особенностей говора хамниган и бурят в Оке. У.-Ж. Ш. Дондуковым во время экспедиции был записан улигер «Хаан Согто Мэргэн, Толо Ногоон Дангина» от сказителя Д.Б. Дамбаева. Данный улигер хранится в рукописном виде в 8 ученических тетрадях⁵.

3) Фольклорный отряд работал в Иркутской области в составе М.П. Хомонова (руководитель отряда), С.П. Балдаева, М.И. Тулохонова, И.Н. Мадасона, Т.М. Болдоновой, И.И. Соктоевой. Участниками экспедиции был собран историко-этнографический и фольклорный материал по китойским бурятам. М.П. Хомонов записал фольклорный материал от сказителя Апполона Тороева в Боханском районе. И.Н. Мадасон работал в Эхирит-Булагатском районе Иркутской области, собирая произведения малых жанров фольклора, записывая легенды и предания, этнографические сведения⁶. Часть сотрудников отдела литературы и фольклора и приглашенные со стороны исследователи под руководством Л.Е. Элиасова выезжали в Джидинский район Бурятии, где занимались сбором фольклора местных казаков.

В 1967 г. были продолжены экспедиции с охватом прежних и новых территорий. Сбором русского фольклора был занят Л.Е. Элиасов, возглавивший фольклорную экспедицию на Дальний Восток, в Хабаровский край. В последующие годы он руководил Амурской фольклорной экспедицией, в ходе которых был записан обширный песенный материал, представленный в фонде ЦВРК как в машинописном, так и рукописном виде.

В том же году состоялись Кижингинская и Закаменская фольклорные экспедиции, в составе которых работали М.П. Хомонов, Г.О. Туденов, Н.Б. Шагдаров. За время работы (май—июнь 1967 г.) был собран фольклорный материал (главным образом образцы малых жанров — песни, загадки, предания), среди материалов экспедиций представлены также данные об информантах, их родословные, записи по шаманству⁷.

В 1967 г. состоялась диалектологическая экспедиция в Хакасию. Участники экспедиции собирали материал по диалектам хакасского языка. Согласно отчету руководителя отряда Ц.Б. Цыдендамбаева, за время поездки были записаны на магнитофон образцы речи, легенды и предания, современные и старинные народные песни сагайцев. В хакасском языке выявлено значительное количество монгольских заимствований, отдельные лексические совпадения с западно-бурятским языком⁸. Сохранились фотоснимки бытовых сцен из жизни хакасских женщин, музыкальных инструментов и национальной одежды.

За полевой сезон 1967 г. проводились исследования в Кяхтинском районе Республики Бурятия диалектологами-языковедами — С.Б. Будаевым, Д.Г. Дамдиновым, Н.Б. Ду-

гаровым, В.И. Рассадиным, П.Ф. Калашниковым, Ц.Б. Цыдендамбаевым (ЦВРК, ОАФ № 2049). Начальником Кяхтинского отряда диалектологической экспедиции был назначен Ц.Б. Цыдендамбаев. Члены экспедиции работали в селах Кударасомонского куста, где был выявлен родоплеменной состав населения, отмечен «сакающий» характер произношения у представителей цонгольского рода и «хакающий» — у представителей рода ашебагат. Собранный материал был предназначен для составления диалектологического атласа бурятских говоров. Согласно программе проведения экспедиции предусматривалось собирание материалов по языку тофаларов и говору старообрядцев — для выполнения данных задач в село Алыгджер Иркутской области был командирован В.И. Рассадин, а в Бичурский и Мухоршибирский районы Бурятии — П.Ф. Калашников. В ходе работы экспедиции помимо сбора текстовых и лексических материалов, были сняты копии с родословных абагатов и ашебагатов кударасомонского куста на старописьменном монгольском языке.

В ряде случаев ученые охватывали ранее обследованные места и населенные пункты с целью отметить динамику и произошедшие изменения.

В полевой сезон 1967 г. историками-этнографами была продолжена разработка трех тем: а) история рабочего класса Бурятии, б) история культуры народов Бурятии, и в) пережитки прошлого в быту и сознании людей, становление новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. Последняя тема была включена в программу исследований по рекомендации Сибирской научно-практической конференции 1966 г. Члены историко-этнографической экспедиции работали на территории Бурятии и в Аларском районе Иркутской области. А в июле—августе исследователи Т.М. Михайлов и Ф.Ф. Болонев выехали за пределы республики, посетили Туву, Горно-Алтайск, Хакасию. Данная поездка носила ознакомительный характер и была связана с планируемыми экспедициями по изучению шаманизма и культурного наследия Южной Сибири. К отчету по экспедиции приложен фотоальбом с 283 фотоснимками по этнографии (ЦВРК, ОАФ № 2051).

В 1967 г. состоялась также и искусствоведческая экспедиция под руководством Д.С. Дугарова, в составе С.С. Бардахановой, Е.Р. Мердыгеева. Исследователи занимались фиксацией музыкальной культуры бурятского населения, записывая образцы песенного фольклора. Следует отметить, что данная экспедиция продолжила начинания музыкально-фольклорной и музыкально-искусствоведческой экспедиций 1963—1965 гг.

Историко-этнографическая экспедиция 1968 г. была сформирована из сотрудников сектора истории и сектора этнографии и археологии БИОН. Территориальные рамки включали Якутскую АССР, Усть-Ордынский национальный округ, Бичурский, Мухоршибирский, Кижингинский, Кабанский, Селенгинский, Джидинский, Баргузинский, Северо-Байкальский и Баунтовский районы Бурятской АССР. Членами экспедиции К.Д. Басаевой, Т.М. Михайловым, Р.Е. Бураевой представлен отчет на 79 машинописных листах, в котором нашли отражения культурно-бытовые изменения в Усть-Ордынском национальном округе. Сбором материалов по религиозным верованиям и одновременно антирелигиозной работой занимался Т.М. Михайлов, повторно посетивший жертвенные места в Эхирит-булагатском районе (первый раз экспедиция работала в 1965 г.), где зафиксировано продолжение традиции «зухели» (вывешивания шкур баранов). Участники экспедиции зафиксировали совершение обрядов тайлган — как индивидуальных, так и общественных. Собрали этнографический материал о времени и месте проведения тех или иных обрядов, необходимых приготовлениях, участниках. Также повторно был осмотрен ритуальный комплекс Шаргай-нойона, расположенный недалеко от Ниловой пустыни. С 1961 г., с момента первого посещения этого места, произошли изменения как в самой Ниловой пустыни, так и на месте поклонения Шаргай-нойону. Исследователями было отмечено увеличение

числа поклоняющихся, обновление культового комплекса. Среди материалов экспедиции представлены сведения о шаманстве среди населения Кабанского района: отмечены нововведения, даны описания молебствий.

На хранение в Рукописный отдел были сданы материалы этнографического обследования горнорабочих и шахтеров г. Гузиноозерска, полевые материалы о современном быте и культуре⁹. А.С. Шубиным было продолжено изучение быта, культуры, родового состава и миграций эвенкийского населения. Как отмечено в отчете руководителя экспедиции, фотоматериалы (более 400 снимков предметов домашнего обихода, орудий труда, одежды, сцены из быта и культурной деятельности и проч.) не нашли отражения в отчете в виду недостатка финансирования¹⁰.

Интересный материал предоставили члены искусствоведческой экспедиции, ими также были записаны фольклорные материалы, а этнографические сведения дополнены 34 рисунками¹¹.

Фольклорная экспедиция 1969 г. по сбору и фиксации бурятского фольклора подразделялась на два отряда, направленные в Кяхтинский и Баргузинский районы Бурятии. Начальником Баргузинского отряда фольклорной экспедиции был А.И. Уланов, а Кяхтинского отряда — М.П. Хомонов. Тем не менее, как отмечено в отчете Уланова, Хомонов 10 дней работал в составе Баргузинского отряда, где им были записаны уникальные этнографические и фольклорные сведения — рассказ об Унгерне, о саган идеэн (белой, молочной пище), о свадьбе, старинные песни, легенды и предания о переселении баргузинских бурят из Ольхона и с р. Лены, родословные, диалектные слова и т.д.

Фольклорно-этнографическая экспедиция 1970 г. работала по темам: 1) Этническая история и современные этнические процессы у бурят и эвенков; 2) Религиозные верования бурят. Шаманство; 3) Современные обычаи и традиции; 4) Бурятское устное народное творчество. Маршрут обследований включал: Иркутскую область (Аларский, Боханский, Ольхонский и Эхирит-Булагатский районы), Бурятскую АССР (Баргузинский, Бичурский, Закаменский, Кабанский, Мухоршибирский, Селенгинский и Тункинский районы) и Читинскую область (Тунгиро-Олекминский район). В работе экспедиции приняли участие сотрудники двух секторов БИОН: сектора этнографии и археологии и сектора бурятской литературы и фольклора. Также для работ были привлечены студенты Бурятского пединститута им. Д. Банзарова и Иркутского Государственного университета им. А. Жданова — всего 25 человек (ЦВРК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 93). По первой теме работал А.С. Шубин, посетивший населенные пункты Тупик, Моуклакан, Заречное и одну оленеводческую стоянку, им собраны материалы об экономической и культурной жизни эвенков, представляющие особую ценность в связи с утратой эвенками своего традиционного образа жизни.

Члены экспедиции, работавшие по теме «религиозные верования и шаманство», смогли присутствовать на проведении пяти шаманских ритуалов, осмотреть культовые места, провести беседы с шаманами и шаманками, описать захоронение крупного посвященного шамана Эшэгэ (умершего в 1965 г.) в улусе Зурцаган Эхирит-Булагатского района. Также были сделаны фотоснимки и магнитофонные записи шаманских призываний. Отчет начальника экспедиции содержит интересные выводы по современному бытованию шаманства, проведению тайлганов, в частности отмечается, что характер шаманских обрядов (порядок, объем и вид жертвоприношений) зависит от шаманов, при этом информантами из числа шаманов отмечалась малограмотность некоторых людей, ставших шаманами из корыстных побуждений.

И.Н. Мадасон и С.С. Бардаханова собирали материалы по бурятскому фольклору. Помимо произведений устного народного творчества Мадасон записал данные по

родоплеменному составу бурят: расселение булагатских родов, легенды, предания и родословные. Материалы по родословным И.Н. Мадасона сосредоточены в личном фонде ученого (№ 18). Студентами были представлены разные записи фольклорно-этнографического характера, среди которых преобладают песни — около 400, загадки — 200, магталы (восхваления), еролы (благопожелания) — 100. Руководителем экспедиции были отмечены записи шаманского фольклора, выполненные студентом С. Бабушкиным (Бурятский пединститут)¹².

Исследователи не ограничивались только указанными в программе задачами и целями, они попутно записывали сведения, представлявшие, по их мнению, научный интерес. В ходе многих экспедиций были собраны этнографические материалы по происхождению и культуре бурятских родов, записаны родовые легенды, предания, шаманские призывания, а также родословные информантов и населения в целом. Генеалогиями интересовались как диалектологи, фольклористы, так и этнографы, историки, религиоведы. Собранные ими (в большей степени Ц.Б. Цыдендамбаевым на старомонгольском письменном языке и И.Н. Мадасоном) материалы в настоящее время пользуются особым спросом у бурятского населения, что обусловлено в некоторой степени возрождением шаманских традиций, обращением к истории и культуре народа.

В ходе экспедиций сотрудники выступали с лекциями об исследованиях и о работе Института в целом, в архивных материалах сохранились тексты докладов, черновики выступлений.

В результате экспедиций был собран ценный фактический материал, отражающий особенности языка, культуры, истории и этнографии, представленный в фондах ЦВРК в виде полевых блокнотов, дневников, карточек, фото- и аудиоматериалов, магнитофонных лент и расшифровок к ним. В ряде случаев затрудняет работу отсутствие расшифровок магнитофонных лент, беловиков — чистовой записи.

Ежегодные фольклорные, диалектологические, историко-этнографические, искусствоведческие экспедиции позволили накопить ценный материал по истории, культуре, языку народов Южной Сибири и послужили значительной базой для развития гуманитарных исследований в Бурятском институте общественных наук. В составе комплексных исследований работали востоковеды, религиоведы, историки, фольклористы, языковеды, социологи, филологи, искусствоведы — не только сотрудники Института, но и привлекаемые со стороны. Материалы, собранные во время экспедиций, были частично использованы исполнителями для написания монографических исследований, статей, но большая часть остается малоизвестной, и их значимость возрастает с каждым годом.

¹ Элиасов Л.Е. Краткая программа по собиранию фольклора у русского населения Забайкалья. Улан-Удэ, 1957; Балдаев С.П., Туденов Г.О. Руководство по собиранию бурятского фольклора. Улан-Удэ, 1959; Цыдендамбаев Ц.Б. Руководство для сбора материалов по говорам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1957.

² Центр восточных рукописей и ксилографов (ЦВРК). Общий архивный фонд (ОАФ). Д. 2007.

³ Там же. Д. 2050, 2050а.

⁴ Там же. Д. 2037, 2037а-д.

⁵ Там же. Д. 2042.

⁶ Там же. Д. 2041.

⁷ Там же. Д. 2057.

⁸ Там же. Д. 2047.

⁹ Там же. Д. 2102.

¹⁰ Там же. Д. 2080.

¹¹ Там же. Д. 2090.

¹² Там же. Д. 2115, 2115а-д.

Изобразительный материал в труде Д.Г. Мессершмидта «Sibiria perlustrata»^{*}

Историко-научное осмысление роли документального наследия фундаментальной науки России как всемирного социокультурного феномена предполагает постоянное обращение и тщательное изучение иконографических материалов. Исключительную историко-научную ценность имеет иконография, созданная во время научных экспедиций в период, предшествующий изобретению фотографии. Экспедиционные рисунки помимо художественного значения имеют статус исторических документов и нередко являются единственными источниками сведений о вымерших животных, исчезнувших растениях, утраченных ландшафтах, исторических артефактах. Нередко художник выступал соавтором ученого в научном описании объектов природы, потому что точность рисунка была не менее важна для идентификации видовой принадлежности растений и животных, чем словесная характеристика. Как правило, экспедиционные рисунки ложились в основу научных иллюстраций к трудам академических ученых. Всестороннее изучение комплексов иконографических документов, как опубликованных, так и хранящихся в архивных собраниях, может существенно обогатить источниковую базу исследований по истории отечественной науки.

Большой комплекс иконографических материалов, явившихся результатом деятельности одной из первых научных экспедиций по России, отложился в личном фонде Д.Г. Мессершмидта в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 98).

Даниил Готлиб Мессершмидт (1685–1735), ученый-энциклопедист и самоотверженный путешественник, был первым натуралистом, совершившим путешествие по Сибири с научной целью¹. В 1719 г. по заданию Петра I он отправился в далекую Сибирь для занятий географией страны, натуральной историей, медициной, лекарственными растениями, эпидемическими болезнями, описанием сибирских народов, филологией, памятниками, древностями и вообще всем достопримечательным.

За восемь лет путешествия, сопряженного с невероятными трудностями, Мессершмидт преодолел тысячи километров: на севере он добрался до Мангазеи (совр. Туруханск), а на востоке дошел до китайско-монгольской границы, которую по недоразумению пересек и на короткое время был задержан китайско-монгольскими властями. Большую часть времени он провел в полном одиночестве, только вначале его сопровождали пленный шведский офицер Ф.И. Табберт, получивший известность под именем Страленберга, и 16-летний К.Г. Шульман, который умел рисовать и по заданию Мессершмидта делал кое-какие зарисовки. Но после заключения Ништадтского мира в 1721 г. они вместе с другими военнопленными покинул Россию.

^{*} Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ проекта проведения научных исследований («Академическое пространство Санкт-Петербурга – Петрограда de visu», проект № 12-03-00290).

Мессершмидт, находясь в подчинении Медицинской канцелярии, отправил на имя архиятра И.Д. Блюментроста 22 рапорта-отчета, которые характеризуют этапы выполнения им всеобъемлющей научной задачи по изучению Сибири. Первые пять рапортов по сей день остаются единственным источником сведений о пребывании Мессершмидта в Тобольске в течение первого года и трех месяцев его путешествия (1719 — начало 1721). Из Сибири он отправил в Петербург несколько посылок, содержание которых дает представление о богатстве и разнообразии собранных материалов и сделанных ученым наблюдений. Так, в посылке от 25 июня 1720 г. находились: карты, метеорологические наблюдения, каталог растений с несколькими рисунками, зарисовки и чучела некоторых птиц, образцы минералов и коллекция бабочек, рисунки различных памятников древностей и многое другое. Описание и рисунки сибирских птиц, высланные Мессершмидтом из Тобольска в Петербург в ноябре 1720 г., были представлены в Парижскую Академию наук среди материалов, характеризующих первые успехи русской науки в области изучения России, и вызвали живой интерес французских ученых.

Огромную научную ценность имеют полевые дневники, которые в 1721 г. Мессершмидт поручил вести своему спутнику Табберту, а после его отъезда на родину в 1722 г. продолжал вести сам. Дневники свидетельствуют об исключительной добросовестности и педантичности ученого, обладавшего разносторонними знаниями и редким талантом собирателя и классификатора. Совместными усилиями немецких и российских специалистов дневник был издан, правда, в сокращенном виде и без учета всего наследия ученого².

Своими исследованиями Мессершмидт положил начало познанию природных богатств России. Большое внимание он обращал на задачи физической географии и составление карт, подробно описывал свой маршрут, вел метеорологические наблюдения. Ботанические работы Мессершмидта были выполнены на уровне последних достижений науки. Руководствуясь трудами своих предшественников, он описывал животных и занимался комплектованием зоологических коллекций. Ученый уделял внимание сбору образцов полезных ископаемых, часть из которых наша отражение в «Минеральном каталоге», составленном И. Г. Гмелиным и М. В. Ломоносовым. Мессершмидт стоял у истоков отечественной археологии и впервые начал использовать археологические данные для изучения истории Сибири, он собрал богатый материал по этнографии и языкам сибирских народов.

В Петербург Мессершмидт вернулся в 1727 г. с уникальными для того времени коллекциями, большая часть которых была отдана в Академию наук. По словам Г. Ф. Миллера, стараниями Мессершмидта Кунсткамера так обогатилась отечественными естественными экспонатами и редкостями, что это превзошло всякие ожидания. Однако большая их часть погибла во время пожара Кунсткамеры 1747 г.³ Вместе с коллекциями в Академию наук были переданы все рукописи Мессершмидта.

Перед отъездом на родину в 1728 г. от Мессершмидта потребовали обещания не издавать за границей никаких исследований о Сибири. Подобная практика засекречивания экспедиционных результатов была в то время обычной для Европы и объяснялась стремлением использовать их в интересах своего собственного государства и компенсировать затраты на снаряжение дорогостоящих экспедиций. Мессершмидт был глубоко оскорблен оказанным ему в Петербурге приемом, однако слово свое сдержал. Поэтому свет увидели только те материалы, которые опубликовали его коллеги. Спутник Мессершмидта Ф.И. Страленберг еще при жизни ученого издал часть экспедиционных материалов⁴. Уже после смерти Мессершмидта стараниями акаде-

мика И. Аммана было опубликовано описание бактрийского верблюда⁵. Для палеонтологии большое значение имели описания и зарисовки скелетов мамонтов, опубликованные после его смерти профессором И.Ф. Брейном⁶.

В Петербурге рукописные материалы Мессершмидта не лежали мертвым грузом. К ним постоянно обращались члены Академии, прежде всего Миллер, который выделял среди них книгу под названием «*Isis Sibirica*» («Сибирская Исида»)⁷. Судя по изложению Миллером содержания книги, он имел в виду рукопись «*Sibiria perlustrata*», т.е. «Описание Сибири». Это сводный каталог, в котором Мессершмидт систематизировал и обобщил результаты своих сибирских исследований, прилежно, хотя и без подробностей, он поместил сюда все, что ему встретилось достопримечательного в области минерального, растительного и животного мира, записал лингвистические данные, исторические сведения и сделал зарисовки памятников материальной культуры.

Полное название этого труда: «*Sibiria perlustrata, seu Pinax triplicis Naturae Regni simplicium octo annorum per Sibirias, Kirgisiam, Tungusiam, Samojediam, Borathiam, Davuriam etc. itineribus observatorum cum Isidis Sibiricae Xenio seu rerum naturalium 1800 fere, e Sibiriae gremio depromptarum exhibitarumque Sylloge, iconismis aliquot instructa: cui ignoratae hactenus antiquitatis monimenta et subterranea e vetustis Kirgisiae potissimum sepulchralibus eruta tumulis, scenographice delineata breviterque descripta subjiciuntur cum Hodogetico seu consignationibus itinerum Sibiricorum anniversariis, in Operis frontispicio: Tabulis quibusdam Chorographicis aliisque iconismis variis et locorum praeterea 332 latitudinibus etc. Illustrato, opera et studio Danielis Gottlieb Messerschmidt Gedanensis, doctoris medici per Sibirias hactenus missionarii*» (с лат.: «Описание Сибири, или Реестр образцов трех царств природы, наблюдаемых в течение восьмилетнего путешествия по Сибири, Киргизии, Тунгусии, Самоедии, Бурятии, Даурии и т.д., вместе с Даром Сибирской Иисиды, или Каталогом почти 1800 естественнонаучных предметов, извлеченных и доставленных из глубины Сибири, сопровождаемое некоторыми рисунками: к этому прилагаются памятники неизвестной доселе древности и подземные памятники, вырытые из старинных погребальных курганов преимущественно Киргизии, схематично зарисованные и кратко описанные; с маршрутом, или погодными записями Сибирского путешествия, помещенной во вводной части труда и проиллюстрированной: некоторыми таблицами с описаниями местности и разными другими изображениями и, кроме того, широтами 332 мест и т.д. Трудом и усердием Даниила Готлиба Мессершмидта из Гданьска, доктора медицины, до недавних пор скитавшегося по Сибири»).

Рукопись книги объемом 394 листа in folio в настоящее время хранится в СПФ Архива РАН в личном фонде ученого⁸. Судя по записи на последнем листе, она была закончена в Петербурге в 1728 г. Мессершмидт работал над книгой в то время, когда после смерти жены Петра Екатерины на престол вступил совсем юный Петр II, которому ученый и посвятил свою книгу. Назвал он ее «лесной», так как она была подготовлена на основе материалов, собранных в походных условиях, с использованием весьма ограниченного числа научных пособий.

Следом за посвящением помещены копия с именного указа Петра I от 15 ноября 1718 г. о посылке д-ра Мессершмидта в Сибирь, перечень служебной переписки, т.е. опись инструкций и 22 рапортов, отправленных Мессершмидтом в Медицинскую Канцелярию, а также таблица полученного и недополученного им жалованья. Далее следует «*Idea operis cum serie iconum operis suis locis inferendarum, in bibliopegi gratiam*» (с лат.: «Содержание труда с указателем рисунков и тех мест в тексте, куда их

надлежит перенести, в пользу наборщика»). Здесь перечислены заголовки 124 таблиц с рисунками: 66 из них относятся к естественнонаучному разделу (в самом тексте работы помещены только 20 рисунков); разделу историко-политическому и археологическому принадлежат 58 рисунков, но из заявленных рисунков в тексте помещены 36. Таким образом, имеется 56 рисунков и 68 чистых листов с заголовками рисунков и ссылками на тот документ, с которого их надлежало перенести в текст книги. Автором рисунков, помещенных в тексте рукописи «Sibiria perlustrata», был сам Мессершмидт.

Основная часть рукописи подразделена автором на три отдела, или тома.

Первый отдел «Sibiriae perlustratae tomus I Geograpico-Physicus» содержит материалы **по физической географии**: 1) Hodogeticum, «Путеводитель», или подробный маршрут путешествия; 2) таблицу 332 широт местностей, определенных автором за время путешествия; 3) ежедневные метеорологические наблюдения, являющиеся первыми систематическими наблюдениями погоды в России. Несомненную научную ценность представляют и определения широты всех значительных мест, которые посетил ученый: они почти полностью совпадают с данными, полученными через 150 лет, что свидетельствует об их большой точности. Изложение сопровождается 12 таблиц (3 карты и рисунки), из них имеется 3 рисунка и дается 7 ссылок на чистых листах на 4-й рапорт.

Второй отдел Physico-Medicinalis посвящен трем разделам природы: растительному, животному и минеральному.

В разделе *царство минералов* дается краткое описание 149 образцов минералов, разделенных на 6 классов; в отношении некоторых минералов указывается их местонахождение в Сибири. Рисунков здесь нет.

В разделе *растительного мира* дан каталог 1290 видов растений. Основываясь на известных ему литературных источниках, Мессершмидт систематизировал все известные ему растения по трем группам и распределил их по трем графам каталога: в первой графе указаны 1290 видов растений; во второй графе отмечено их местонахождение вне пределов России; в третьей — местонахождение 408 видов в пределах России, из них 359 видов показаны как произрастающие в Сибири, остальные же — в Европейской России⁹. Следом за каталогом идет ботанико-фармацевтический алфавитный указатель под названием «Phytharmonicon».

Научная ценность ботанических трудов Мессершмидта заключается в том, что им были созданы первые изображения растений Сибири, на которые ссылался Карл Линней в своей знаменитой «Species plantarum» (1753) и последующих сочинениях. Рисунки растений помещены в отделе «Florae Sibiricae sylvestris Xeniolum» («Подарок лесной сибирской флоры»). Здесь даны краткие описания четырех сибирских дикорастущих растений, которые сопровождаются рисунками, выполненными Мессершмидтом. Следуя инструкции отмечать все достопримечательное, он обратил внимание на ветку березы, изогнутую в форме серпа, и сделал ее эскиз.

Рисунки трех растений, относящихся к роду Венерин башмачок, помещены в 4-ом рапорте, ссылки на них даются на чистых листах. В этом рапорте сохранилось не три, а целых 6 рисунков, как оригиналы рисунков, так и их копии (известно, что согласно инструкции с оригинальных рисунков следовало изготавливать копии). Авторитетный специалист в области ботанической иллюстрации А.К. Сытин называет эти рисунки «шедеврами»: изображенные на них растения «создают изящный образ трех разных видов и вполне удовлетворяют требованиям ботанической точности. Особое внимание обращено на изображение морфологии подземной вегетативной сферы этих корневищных трав»¹⁰.

Синтез высокой достоверности и художественного мастерства в изображении объектов природы достигался благодаря сотрудничеству ученого и художника. Хотя рисунки не имеют подписи автора, предположительно им мог быть военнопленный капитан шведской армии Иоганн Антон Маттерн, который по заданию Мессершмидта делал зарисовки растений и животных.

Когда Академия наук принимала у Мессершмидта коллекции и материалы, от него потребовали оригиналы всех ботанических рисунков. «Необходимая нужда» в «рисованных плантах» объяснялась тем, что граверу Г.И. Унферцагту было поручено снять с них копии¹¹. В Академии полагали, что Мессершмидт хотел утаить часть материалов, и 12 июня 1728 г. ученому пришлось под присягой объявить, «что у него какие вещи были — все забраны, и больше того вещам быть никаким и нет»¹².

Раздел *животного мира* содержит краткое описание 257 животных, подразделенных на 9 классов: насекомые, моллюски, панцирные, ракообразные, змеи, рыбы, китообразные, птицы и четвероногие. Названия птиц и четвероногих животных даны на латинском, немецком, русском, английском, древнегреческом, тангутском, монгольском, татарском языках, а также на языках тунгусов, остяков, бурят. Некоторые описания птиц и четвероногих сопровождаются карандашными или акварельными рисунками. К этой части работы относятся заголовки 20 рисунков: имеются 2 рисунка и 18 ссылок на чистых листах на 4, 10, 14 рапорты, среди них есть указание на 7 рисунков отпечатков бабочек и других насекомых в слюде. В тексте приведены ссылки на 8 рисунков костей и бивней мамонтов, эти рисунки опубликовал И.Ф. Брейн¹³.

В качестве приложения к основному отделу Мессершмидт присоединил каталог богатейших собраний, доставленных им в Петербург и представленных в Академию наук по 5 инвентарным описям. Коллекции насчитывали почти 1800 естественнонаучных предметов. Мессершмидт назвал этот раздел «*Isidis Sibiricae xenium*» — «Дар Сибирской Исиды». Представлены заголовки 23 рисунков: имеется 10 рисунков и 6 ссылок на 10-й рапорт; 7 рисунков отсутствует.

Третий отдел Philologico-Historico-Monimentario et Antiquario-Curiosus содержит ссылки на образцы языков народов Сибири, сведения о некоторых восточных рукописях по истории и хронологии и древности, а также рисунки образцов исторических артефактов: это изображения каменных идолов, пограничных и надгробных камней, наскальных надписей, различных предметов из древних захоронений: идолов, амулетов, сосудов, предметов домашнего обихода, украшений, инструментов, военного снаряжения и конной утвари. Здесь представлены заголовки 58 рисунков: имеются 36 рисунков, 22 ссылки на чистых листах на 4-й и 10-й рапорты.

Отличие от естественнонаучного раздела труда Мессершмидта, где ученый, будучи врачом по образованию, приводит описания новых видов растений и животных, в археологическом разделе он ограничивается пояснительными подписями к рисункам, которые нуждаются в интерпретации и комментировании с позиций современной исторической науки.

Археологические материалы, собранные Мессершмидтом за время его пребывания в Тобольске и совместного с Ф.И. Страленбергом путешествия по Сибири, были частично опубликованы последним еще при жизни Мессершмидта. В основном это были материалы, которые попали к Мессершмидту через самого Страленберга.

Хотя работы Мессершмидта не были закончены и никогда не увидели свет в полном виде, разработанная им система служила методическим руководством для работы его последователей, а его коллекции и иконография объектов природы и

исторических артефактов послужили образцами для участников всех академических экспедиций в XVIII в.

- ¹ Подробнее см.: *Pallas P.S.* Nachricht von D. Daniel Gottlieb Messerschmidts siebenjähriger Reise in Sibirien // *Neue Nordische Beiträge zur physikalischen und geographischen Erd.* Bd. III. SPb.; Leipzig, 1782. S. 97–104; *Uschmann G.* Die Bedeutung der Messerschmidt. Beiträge zur Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften: Festschrift für Professor Dr. Rudolph Zaunick // *Nova Acta Leopoldina.* N. F. Leipzig, 1963. Bd. 27, № 167. S. 5–411; *Новлянская М.Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970; *Напольских В.В.* Удмуртские материалы Д.Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726 г. Ижевск, 2001.
- ² *Messerschmidt D.G.* Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727 / Hrsg. von E. Winter, G. Uschmann, G. Jarosch. T. 1–5. Berlin, 1962–1977.
- ³ Материалы для истории Императорской Академии наук: В 10 т. СПб., 1885–1900. Т. 6. С. 151.
- ⁴ *Strahlenberg Ph.I.* Das Nord – und Östliche Theil von Europa und Asia. In so weit solches Das ganze Rußische Reich mit Sibirien und der grossen Tartarey in sich begreifet. In einer Historisch-Geographischen Beschreibung der alten und neuen Zeiten, und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellt... Stockholm, 1730.
- ⁵ *Ammani I.* Descriptio Cameli Bactriani binis in dorso tuberibus e scriptis D.G. Messerschmidii collecta // *Commentarii academiae scientiarum imperialis Petropolitanae.* T. X. 1747.
- ⁶ *Breyne J.Ph., Wolochowicz M.* A Letter from John Phil. Breyne to Sir Hans Sloane with observations, and a description of some mammoth's bones dug up in Siberia, proving them to have belonged to elephants // *Philosophical Transactions.* 1737–1738. V. 40. P. 124–138.
- ⁷ Материалы для истории Императорской... Т. 6. С. 151.
- ⁸ СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22.
- ⁹ *Литвинов Д.И.* Библиография флоры Сибири. Вып. 5. СПб., 1909. С. 181, 178, 286, 164.
- ¹⁰ *Сьтин А.К.* Особенности русской ботанической иллюстрации первой половины XVIII века // <http://herba.msu.ru/russian/journals/herba/icones/sytin2.html>
- ¹¹ Материалы для истории Императорской... Т. 1. С. 375.
- ¹² Там же. С. 383.
- ¹³ *Breyne J.Ph., Wolochowicz M.* Op. cit. P. 124–138. Pl. I–VI.

Опыт государственной регистрации общества староверов-поморцев в Верхокамье в начале XX в.

Староверы-поморцы Верхокамья оставались одними из самых консервативных представителей российского старообрядчества. Тем интереснее проследить попытки взаимодействия местных староверов с государственными структурами. В статье рассмотрен опыт государственной регистрации старообрядческой общины староверов-поморцев в Екатерининской волости Пермской губернии в начале XX в.

Исследования книжной культуры староверов Верхокамья комплексно велись сотрудниками МГУ им. М.В. Ломоносова с 1970-х гг., в рамках полевой археографической работы. Долгие годы этой работой руководила д.и.н. профессор И.В. Поздеева. В результате были собраны уникальные книжные собрания, а также большое количество нарративных источников по истории местного староверия, проведена фото- и видеофиксация элементов материальной культуры. Однако история местного староверия оказалась весьма скромно отражена в местных архивах, в частности в Государственном архиве Пермского края (ГАПК) и Государственном общественно-политическом архиве Пермского края (ГОПАПК), так как документы относящиеся к старообрядчеству расплывлены между фондами и могут находиться в составе разных дел, что несомненно усложняет работу по выявлению новых архивных источников.

Большое количество документов, связанных с официальной деятельностью старообрядческих обществ, отложилось в архивных фондах благодаря манифесту об укреплении начал веротерпимости 1905 г., который ввёл многочисленное старообрядчество в рамки правового поля государства. Однако в Верхокамье даже после манифеста большинство старообрядческих обществ предпочло остаться на прежних позициях, т.е. не выходить на официальный уровень общения с государством. Так, многие старообрядцы продолжали по документам формально числиться прихожанами приходов господствующей Церкви.

Старообрядцы-поповцы, представленные на западе Пермской губернии белокрыницким согласием, оказались более активны в общении с государством и в начале XX в. только на территории Верхокамья ими было зарегистрировано около 20 общин¹. Безпоповцы же были более осторожными и не спешили с регистрацией своих обществ. Так, из архивных документов нам стал известен едва ли не единственный случай в Верхокамье, на периферии компактного расселения поморцев.

В ГАПК в фонде Пермского губернского правления имеется дело о регистрации общины старообрядцев-поморцев даниловского согласия, не приемлющих священства, в селе Екатерининское Оханского уезда Пермской губернии (ныне территория Сивинского района Пермского края)². Дело содержит переписку губернского правления и различных ведомств с представителями Екатерининской старообрядческой общины. Среди документов рапорты, сообщения, резолюции, прошения, решения общего собрания общины и т.п. Эти материалы позволяют узнать не только о ходатайстве и регистрации общины старообрядцев-поморцев, но и о некоторых вопросах, которые беспокоили местных староверов в этот период, а так же о закрытии общины.

Образованию общины предшествовала переписка между оханским уездным исправником и Пермским губернским правлением, которым было направлено ходатайство от имени 56 староверов-поморцев Екатеринбургской волости. В ходатайстве указывалось, что община уже имеет молитвенный дом в деревне Оськиной и распространяет свою деятельность на одну Екатеринбургскую волость. Со стороны Пермской духовной консистории была подана справка о принадлежности просителей к старообрядчеству. В итоге 20 октября 1907 г. община была внесена в реестр старообрядческих общин по Пермской губернии за № 47³. Данные материалы позволяют уточнить конфессиональную принадлежность староверов-поморцев Верхокамья— это «последователи поморской секты даниловского согласия, не приемлющие священства»⁴.

После регистрации общины, 27 ноября 1907 г., согласно указанию губернского правления, было проведено общее собрание, в котором приняли участие 155 человек, избравшее наставниками Петра Андреевича Чертков, 55 лет, крестьянина починка Гришина, и Ивана Афанасьевича Сединина, 67 лет, крестьянин деревни Оськиной. В приписке к решению указано, что избранные «издавна состоят нашими наставниками». Собрания был также образован Совет общины, в который вошли: председатель Евдоким Андреевич Горбунов, товарищ председателя Игнатий Афанасьевич Сединин, а так же восемь членов Совета и староста общины Александр Семенович Серин, которому поручалось ведение книг гражданского состояния. К решениям собрания приложен поименный список всех его участников. Об официальном избрании наставников и Совета общины ее председатель Е.А. Горбунов сообщил в рапорте на имя пермского губернатора.

Получив возможность официальных действий, уже в следующем 1908 г. община оформила отвод земли для двух старообрядческих кладбищ, Быковского и Козьминского. Дальнейшие известные из архивных материалов контакты Екатеринбургской старообрядческой общины с государственными учреждениями относятся уже к 1911 г. К этому времени обострилась полемика старообрядцев различных согласий по вопросу об отношении к государственной регистрации общин. В среде старообрядческих согласий появились так называемые необщинники, которые считали государственную регистрацию неприемлемой, нарушающей канонические устои староверия. Этот вопрос активно обсуждался на различных старообрядческих съездах и соборах, в том числе у староверов-поморцев. Вероятно и в Екатеринбургской старообрядческой общине стали появляться противообщинные настроения.

28 января 1911 г. председатель Совета общины Е.А. Горбунов подал в Пермское губернское правление рапорт, в котором указывалось, что учредителями общины 21 января было проведено общее собрание, на котором приняли следующие решения: «1. Переименовать нашу общину в “Братство старообрядцев безпоповцев поморцев даниловского согласия”. 2. Исключить из всех документов слово “секта”». Такие решения аргументировались тем, что «по келейному уставу даниловского согласия, старообрядцы сего согласия не должны делиться на общины и не должны причисляться к сектантству». После некоторой задержки от Департамента духовных дел поступило уведомление об отклонении ходатайства Екатеринбургской старообрядческой общины, так как оно противоречит закону 17 октября 1906 г. (о свободе вероисповедания).

Вероятно, этот отказ в ходатайстве усилил в среде староверов Екатеринбургской волости противообщинные настроения. 14 января 1913 г. состоялось общее собрание Екатеринбургской общины в количестве 151 человека, представлявших 436 домоладцев, и в итоге было составлено прошение о закрытии общины. Одной из причин этого называлась невозможность ведения дел общины в связи со смертью наставни-

ка Петра Черткова и преклонным возрастом и слабым здоровьем наставника Ивана Сединина. Для подачи документов о закрытии общины был избран доверенный от местных старообрядцев Василий Иванович Горбунов. В подготовленной губернским правлением резолюции, в качестве причины закрытия общины так же указывалось, что ее официальная регистрация противоречит духу согласия и что у крестьян Екатеринбургской волости нет никакой нужды в существовании общины.

Таким образом, староверы-поморцы Верхокамья имели в начале XX в. совсем краткий (чуть более пяти лет) опыт государственной регистрации. За это время в общине росли противоречия, в том числе сторонников и противников официального статуса старообрядческого общества, что в итоге привело к снятию общины с регистрации. В других волостях Верхокамья о каких либо попытках в это время зарегистрировать общину поморского согласия нам не известно⁵.

¹ Верещагинская старообрядческая община // Старообрядческий церковный календарь на 1949 г. С. 52. См. также: *Мордкович Т.* Из истории старообрядчества: Историческая справка о Белокриницкой иерархии // Музей Верхокамья (Верещагино, Пермская обл.). 2002. 18 июня. № 2(03). С. 8–9.

² ГА ПК. Ф. 36. Оп. 6. Д. 218.

³ Там же. Л. 79.

⁴ В XIX — начале XX в. даниловскими чаще именовались поморские общины, особо тесно связанные или ведущие свое происхождение от Выговского поморского монастыря, который по имени одного из своих основателей (Даниила Викуловича) иногда именовался «Даниловским». Наибольшее распространение наименование даниловцы встречалось среди поморских общин в северных российских губерниях.

⁵ Известно еще об одной кратковременной регистрации общины поморского согласия на территории Верхокамского региона в конце 1940-х гг. в Очерском районе Пермской области.

Березницкий С.В.
(МАЭ РАН)

Документы Российского государственного архива древних актов и Санкт-Петербургского филиала архива РАН о Нерчинской экспедиции 1753–1765 гг.

В XVIII столетии в России были организованы первые научные, культурные и образовательные учреждения: Кунсткамера в Петербурге (1714), Петербургская Академия наук и Академический университет (1724), Архив Конференции Академии наук (1728), Московский университет (1755). Огромную роль в развитии культуры и науки сыграли разнообразные экспедиции. Первое место из них по праву принадлежит Камчатским экспедициям 1724–1730 и 1733–1743 гг., проводившим научные изыскания в Сибири, у берегов Ледовитого и Тихого океанов, собравших ценные сведения о природе этих регионов, о культуре живших там народов.

В середине XVIII в. по предложению сенатора П.И. Шувалова (1711–1762) возник проект возобновления Камчатской экспедиции, впоследствии получивший название, в соответствии с местом деятельности, «Нерчинская экспедиция», которая нередко именовалась «секретная комиссия», в связи с существовавшими в то время пограничными проблемами между Россией и Китаем.

В организации Нерчинской экспедиции приняли участие Императорская Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге, Правительствующий Сенат, Адмиралтейств-коллегия, Морской Шляхетный Кадетский корпус и другие учреждения. Большой вклад внес сибирский губернатор генерал-лейтенант В.А. Мятлев (1694–1761), который разработал конкретный план, предусматривающий не только освоение и развитие некоторых районов Забайкалья, но и исследование огромной территории Тихого океана вблизи американских и японских берегов.

Экспедиция под руководством Федора Ивановича Соймонова (1692–1780) занималась в 1753–1765 гг. геодезическими, гидрографическими, экономическими и другими исследованиями в бассейнах рек Амур, Аргунь, Ингода, Нерча, Хилок, Шилка, на озере Байкал. Участники проекта искали подходящие земли для выращивания хлеба в Нерчинском уезде, прокладывали маршрут из Забайкалья по реке Амур для перевозки продовольствия и других стратегических грузов для российских поселений на Тихом океане. Руководители экспедиции открыли школы в Сибири по подготовке геодезистов и штурманов для выполнения изысканий.

Историография Нерчинской экспедиции в целом невелика: монографий не выявлено, аспекты ее деятельности лишь кратко освещались в научных и популярных публикациях, статьях и тезисах, энциклопедических справках.

Поэтому тем большую ценность представляют архивные документы об этом проекте, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА)¹, в Санкт-Петербургском филиале архива РАН (СПФ АРАН)², в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГА ВМФ)³.

Некоторые авторы использовали отдельные архивные источники в своих трудах. Так, специалист по истории отечественной науки В.Ф. Гнучева (1890–1942) ввела в научный

оборот архивные документы СПФ АРАН, касающиеся деятельности члена Нерчинской экспедиции штурмана М.И. Татаринова по сбору минералов для Академии наук⁴.

Знаменитый российский источниковед и историограф Камчатских экспедиций, специалист по истории отечественных географических открытий, А.И. Андреев (1887—1959) в предисловии к сборнику документов по этой проблематике анализировал некоторые архивные источники РГАДА и отдельные публикации, кратко освещающие деятельность Нерчинской экспедиции и ее руководителей⁵. А.И. Андреев считал, что основными причинами возобновления Камчатской экспедиции стали ее колоссальные научные материалы по географии, картографии, геодезии, зоологии, ботанике, данные для будущего развития вулканологии, этнографии и других научных дисциплин, а также привезенные в огромном количестве меха.

Петербургский историк науки Н.И. Невская (1931—2006) на основе анализа и перевода с латыни отчетов русского астронома Н.И. Попова (1720—1782), хранящихся в СПФ АРАН, описала деятельность М.И. Татаринова, участвовавшего в 1761 г. в астрономических наблюдениях прохождения Венеры через диск Солнца⁶.

Наибольший вклад в историографию проблемы внес историк и источниковед Л.А. Гольденберг (1920—1989)⁷. На основе анализа материалов РГАДА, РГИА, РГА ВМФ и других архивов он подробно осветил в своих фундаментальных трудах жизнь и деятельность Ф.И. и М.Ф. Соймоновых как руководителей Нерчинской экспедиции.

Сибирская исследовательница М.В. Кузнецова изучила, с использованием отдельных документов СПФ АРАН, этапы становления и развития сибирской геодезии, показала роль выпускников Иркутской навигацкой и других школ для освоения Россией Сибири и Дальнего Востока, подчеркнула важную преподавательскую и организационную деятельность штурмана М.И. Татаринова⁸.

Директор музея истории Иркутского технического университета О.А. Горощенко в монографии, построенной в основном на материалах сибирских архивов и некоторых дел СПФ АРАН, рассмотрела действия руководителя Нерчинской экспедиции Ф.И. Соймонова и члена экспедиции штурмана М.И. Татаринова⁹.

Использованные в этих трудах архивные источники обширны и доступны. Они освещают различные события Нерчинской экспедиции: геодезические исследования в верховьях Амура и в окрестностях озера Байкал, поиск в Нерчинском уезде земель, подходящих для выращивания хлеба и переселения крестьян, строительство транспортных судов, судоходство по сибирским рекам, проблемы перевозки по ним грузов, пограничные конфликты на российско-китайской границе, отношения между членами экспедиции и многие другие вопросы.

Структура архивных дел РГАДА состоит, прежде всего, из блока делопроизводственных материалов середины XVIII в., обширной переписки вышестоящих инстанций с нижестоящими. Императорские и сенатские указы адресовались Сибирскому приказу, Адмиралтейской и другим коллегиям, Сибирской губернской, провинциальным и воеводским канцеляриям. В ответ из этих учреждений посылались в центр рапорты сибирских чиновников, отчеты участников Нерчинской экспедиции, занимавшихся конкретными исследованиями, экстракты, доносы. Различными столичными и сибирскими инстанциями пересылались друг другу многочисленные письменные сообщения. Многие из этих документов, особенно из правительственных органов, сохранены в нескольких экземплярах, в соответствии с их неоднократным переписыванием по пути продвижения от столицы к сибирским провинциям, городам, канцеляриям и конкретным адресатам.

Информативными являются и документы, связанные с финансовой стороной экспедиции, запросами денежных средств на передвижение по просторам Сибири с

использованием сухопутного и водного транспорта, расчеты с указанием количества и цены материалов для строительства весельных судов и другие нужды, размеры денежных окладов. Геодезисты составляли свои отчеты на основе непосредственного наблюдения и научных измерений рек, озер, лесов, дорог и отправляли их в центр.

Анализ архивных материалов о Нерчинской экспедиции показывает, что наиболее ценными из них являются два дела в РГАДА, озаглавленные «Нерчинская экспедиция», общим объемом более тысячи листов. Дела сшиты в отдельные тома, имеют сквозную нумерацию и оглавление. В них собраны копии императорских указов, распоряжений Сената, Адмиралтейской коллегии, рапорты сибирских губернаторов В.А. Мятлева и Ф.И. Соймонова, других чиновников, конкретные описания экспедиционных исследований. В других делах РГАДА, в фондах Сената и Сибирского приказа, хранится информация о развитии хлебопашества в Нерчинском уезде, о событиях на российско-китайской границе, о сложных отношениях руководителя экспедиции Ф.И. Соймонова с одним из ее участников, М.И. Татариновым, описание результатов исследования водного режима рек и хода строительства весельных судов.

В СПФ АРАН, в фондах Канцелярии Академии наук, Г.Ф. Миллера и др., информация о Нерчинской экспедиции представлена отдельными документами. Некоторые из них освещают результаты комплексного обследования города Нерчинска и Нерчинского уезда. Ответы на запросы анкет Шляхетского корпуса 1760-х гг. содержат исторические и другие данные о регионе. Большой интерес представляют эпистолярные источники: многолетняя переписка Ф.И. Соймонова с академиком Г.Ф. Миллером (1705–1783) о географических и исторических исследованиях в Сибири и на Тихом океане, об экономической выгоде разных экспедиций. Важными для раскрытия темы являются отчеты М.И. Татаринова об астрономических исследованиях 1761 г. в Иркутске.

В целом анализ архивных документов РГАДА и СПФ АРАН позволяет создать почти полную картину деятельности Нерчинской экспедиции. Инициатор проекта, граф П.И. Шувалов, придавал большое значение следованию традициям Петра Великого по приумножению могущества и славы России. В научную задачу экспедиции обязательными пунктами входили: открытие новых территорий, включение всех встречаемых коренных сибирских народов, не имеющих своей государственности и не являющихся подданными других стран, в подданство российского государства и обложение их налогом¹⁰.

Разработка конкретного плана Нерчинской экспедиции была поручена новому губернатору Сибири В.А. Мятлеву, который должен был обеспечить возможность открытия в Сибири навигацких школ по подготовке квалифицированных кадров для проведения экспедицией геодезических и гидрографических работ в бассейнах рек Ингода, Нерча, Шилка, Аргунь, Хилок. Если их глубина окажется достаточной для судоходства, то экспедиция должна приступить к строительству судов в верховьях Амура, а в его низовьях — верфи для строительства военных, грузовых и торговых кораблей, крепости и военно-морской базы, необходимых для развития судоходства и доставки грузов по Амуру к побережью Тихого океана.

В июне—декабре 1753 г. Правительствующий Сенат обсудил и одобрил план В.А. Мятлева об организации работы секретной Нерчинской экспедиции. При этом было учтено мнение Коллегии иностранных дел, которая настаивала на том, что перед переговорами с Китаем о возможности прохода российских судов по Амуру нужно найти удобное место в Нерчинском уезде для строительства двух весельных судов. Если положительный ответ от Китая будет получен, то нужно будет выяснить возможность прохода военных кораблей по Амуру и отмечать места, годные для дальнейшей их колонизации¹¹.

Для выполнения секретного проекта были определены геодезисты из Петербурга и морские офицеры, проживавшие в сибирских городах после расформирования отрядов Камчатской экспедиции. В.А. Мятлев снабжался необходимыми приборами, документами, корабельными журналами, картами, имеющимися в Адмиралтейств-коллегии и Академии наук¹². Для этого копировались журналы и карты морских офицеров, участников Камчатских экспедиций.

Подготовка Нерчинской экспедиции происходила с привлечением большого числа государственных, образовательных и научных учреждений, чиновников и специалистов.

Большой объем информации можно извлечь из анализа одного из документов РГАДА: доноса члена Нерчинской экспедиции штурмана М.И. Татаринова в Адмиралтейскую коллегию на Ф.И. Соймонова как руководителя экспедиции и сибирского губернатора¹³.

М.И. Татаринов занимался геодезическими исследованиями, подготовкой учеников в области навигации и геодезии в сибирских школах, вопросами судоходства на Байкале и другими проблемами¹⁴. После того как Ф.И. Соймонова в 1757 г. назначили губернатором Сибири, Нерчинской экспедицией руководили М.Ф. Соймонов, прапорщик Солнцев, затем с 1758 г. капитан П. Бегунов, а Татаринова на этот пост Соймонов не рекомендовал. Считается, что именно этот факт и послужил причиной для написания Татариновым рапорта в Адмиралтейскую коллегию¹⁵. Татаринов обвинял Ф.И. Соймонова в недостаточном рдении, как руководителя экспедиции и как губернатора, в плохом снабжении жителей Нерчинского уезда солью, недостаточном строительстве пограничных укреплений, плохой заботе о крестьянах-переселенцах и т.п. Однако Соймонов в 1759 г. дал подробные ответы на все пункты обвинений Татаринова и легко доказал, что все они необоснованны.

Данный архивный документ дает дополнительные ценные сведения о многогранной деятельности Ф.И. Соймонова на посту руководителя Нерчинской секретной экспедиции и на должности сибирского губернатора, проблемах российской колонизации Сибири, межэтнических и межгосударственных отношениях в середине XVIII в. Этот район Забайкалья, где проходила деятельность Нерчинской экспедиции, находился в центре острейших дипломатических отношений между Россией и Китаем.

Анализ архивных дел показывает, что Ф.И. Соймонов посылал в Сенат важные материалы о численном, профессиональном и социальном составе Нерчинской экспедиции, о геодезических обследованиях верховьев Амура, отчеты геодезистов о работе в 1754–1758 гг., обобщенные им в сочинении «Экстракт, учиненный Федором Соймоновым из содержанных журналов и описей какой в порученном ему деле исполнить учинено, о чем обстоятельно и по пунктам значит ниже сего...»¹⁶.

В результате экспедиционных работ были проложены и выверены маршруты от Иркутска до Нерчинска, от Удинского до Читинского острога, от Иркутска по Ангаре, через озеро Байкал море, и по Селенге до Удинского острога, построен маяк на о. Байкал.

В целом, под руководством Ф.И. Соймонова за несколько лет была обследована огромная территория непроходимой тайги с горными реками. Исследования носили комплексный характер и позволяли сделать расчеты о колонизационной возможности этих территорий, о количестве переселенцев, о планируемой площади для основания поселений, и, в целом, связаны с процессом дальнейшего распространения российской государственности по сибирским просторам.

Кроме того, Нерчинская экспедиция внесла свой вклад в развитие сибирского края организацией навигационных и геодезических школ. Геодезические школы были открыты ранее в Тобольске (с 1720-х гг.) и навигацкие школы в Охотске

(1735—1788) и Якутске (1736—1792), но их выпускников не хватало для огромной Сибири. Иркутский губернатор Л. Ланг (1690—1752) в 1745 г. открыл геодезическую школу в Иркутске, которую в 1754 г. сибирский губернатор В.А. Мятлев и экипаж-мейстер Нерчинской экспедиции Ф.И. Соимонов преобразовали в школу навигации и геодезии¹⁷. Нерчинская школа функционировала с 1755 по 1765 гг.

Усилиями геодезистов и штурманов создавались географические карты, планировались места для будущих населенных пунктов, осуществлялись морские плавания по Охотскому морю, по озеру Байкал и т.п. Впоследствии предметный набор школы расширился, и в ней стали преподавать даже японский язык, так как геополитические интересы России требовали развития отношений с Японией, для чего нужны были специалисты по языку, истории и культуре этой страны¹⁸.

В 1758 г. был получен официальный запрет правительства Китая на судоходство русских кораблей по Амуру. Чтобы не нагнетать международную обстановку, весной 1764 г. последовал указ Сената, по которому Нерчинская экспедиция была переведена дальше от границы, в Иркутск, а 17 июня 1765 г. ее действия были прекращены окончательно¹⁹.

В целом Нерчинская экспедиция 1753—1765 гг. осуществлялась как государственное и научное мероприятие по возобновлению исследовательской деятельности Второй Камчатской экспедиции, как важный этап процесса присоединения Приамурья к России. Главная цель создания вышеуказанных архивных документов РГАДА и СПФ АРАН напрямую связана с деятельностью этой экспедиции.

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485. 21 л.; Д. 485а. 932 л.; Д. 485б. 94 л.; Д. 522. 23 л.; Д. 878. 45 л.; Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. 329 л.

² СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 10а. Д. 213. 4 л.; Оп. 10б. Д. 121. 3 л.; Ф. 21. Оп. 3. Д. 307/39. 65 л.; Д. 268/1—4. 292 л.; Д. 268/1. 1759—1762 гг. 44+1 л.; Д. 268/2. 1763 г. 82 л.; Д. 268/3. 1764 г. 93 л.; Д. 268/4. 1764, 1765 и без дат. 72 л.; Ф. Р. I. Оп. 51. Д. 24. 3 л.; Д. 21. 38 л.

³ РГИА. Ф. 468. Оп. 43. Д. 74. 259 л.; Д. 95. 106 л.; Ф. 1264. Оп. 1. Д. 472. 22 л.; Д. 474, 4 л.; РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 73. 498 л.

⁴ Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках: хронологические обзоры и описание архивных материалов. М.; Л., 1940. С. 88.

⁵ Андреев А.И. Русские открытия в тихом океане и Северной Америке в XVIII веке (Обзор источников и литературы) // Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948. С. 51—56.

⁶ Невская Н.И. Никита Иванович Попов (1720—1782). Л., 1977. С. 73, 74, 78, 79 и др.

⁷ Гольденберг Л.А. Федор Иванович Соимонов (1692—1780). М., 1966. С. 131—145; *Он же*. Каторжанин — сибирский губернатор. Жизнь и труды Ф.И. Соимонова. Магадан, 1979. С. 105—130; *Он же*. Михаил Федорович Соимонов (1730—1804). М., 1973. С. 9—15.

⁸ Кузнецова М.В. Иркутская навигацкая школа // Сибирский город XVIII — начала XX веков: межвуз. сб. Иркутск, 1998. Вып. 1. С. 45—54; *Она же*. Михаил Татаринов в истории культуры Иркутска // Традиции сибирской интеллигенции: материалы междунар. научн.-практ. конф. Иркутск, 7—8 окт. 1998 г. Иркутск, 1999. С. 46—48.

⁹ Горощенова О.А. От навигацкой школы к техническому университету. Ч. 1. (1754—1917). Иркутск, 2009. С. 62—84.

¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 485а. Л. 2—4 и др.

¹¹ Там же. Л. 58—59.

¹² Там же. Л. 60.

¹³ Там же. Л. 349—350 об.

¹⁴ Там же. Ф. 214. Оп. 5. Д. 2719. 329 л. Ч. 1. Л. 1—49.

¹⁵ Там же. Ф. 248. Оп. 113. Д. 522. 1764 г. 23 л.

¹⁶ Там же. Д. 485а. Л. 454—501.

¹⁷ Там же. Л. 60.

¹⁸ Там же. Л. 289—309 об.

¹⁹ Там же. Д. 485. Л. 1, 2—11 об., 12, 13а., 17, 21 об.

Наследие историка: практики сохранения личного архива В.О. Ключевского*

На примере изучения некоторых аспектов процесса формирования архивных фондов В.О. Ключевского рассмотрим способы осуществления и значение практик, связанных с сохранением научного наследия ученых-историков в первой половине XX в. Этот период является особенной вехой для истории развития отечественной исторической науки и архивного дела в связи с происходившими идеологическими и социально-политическими трансформациями в обществе, которые не могли не отражаться на разного рода научных практиках. Смена методологической парадигмы в науке и социокультурный шок 1920–1930-х гг., которые переживали представители «старой школы», привели к актуализации темы памяти в их среде и необходимости сохранения наследия мэтров дореволюционной исторической науки в «поле науки» советской историографии¹. С другой стороны, молодое научное сообщество, отстаивая принципы новой научной парадигмы, в определенные периоды своего развития обращается к опыту своих предшественников, который материализован в виде научных трудов и материалов личных архивов. В связи с этим на процесс формирования архива ученого можно взглянуть с позиций теории памяти, как на объект коммеморативного конструирования.

Документы в личном архиве историка начали скапливаться преимущественно с 1860-х гг., периода студенчества В.О. Ключевского. С началом научной и педагогической деятельности архив стал быстро разрастаться, пополняясь курсами лекций, научными исследованиями и черновыми наработками к ним. Там же откладывались переписка и дневниковые записи, документы, связанные с общественной деятельностью ученого.

Домашний архив содержал документы, требующие обработки, копирования и издания. Доверить свои документы профессор Московского университета мог лишь своему «несменному секретарю» — родному сыну, который как никто другой ориентировался в архиве историка и его личной библиотеке². Работе в этом направлении Б.В. Ключевский посвятил несколько лет, начав обработку архива еще при жизни своего знаменитого отца. Здесь можно говорить о начале конструирования личного архива историка как объекта «самокоммеморации», где документы сохранялись выборочно и, на первом этапе, при участии их автора.

После смерти В.О. Ключевского в мае 1911 г. для его сына работа с домашним архивом стала одним из основных занятий. С обширной библиотекой и бесценным архивом, хранящимся в доме Ключевских, у наследника действительно было много хлопот. Ему приходилось постоянно вести переговоры «о ликвидации книжного склада», продаже старых книг и новых переизданиях работ В.О. Ключевского³. По сути, Б.В. Ключевский становится одним из издателей и распространителей трудов историка, как и его ученики.

* Поддержка данного проекта осуществлена в рамках благотворительной деятельности на средства, предоставленные Фондом Михаила Прохорова. Договор АМ—83/13.

Между московскими историками — ближайшими учениками В.О. Ключевского — и его сыном началось сотрудничество по подготовке рукописей и изданию архива почившего историка⁴. Этот момент можно обозначить как следующий этап в процессе коммеморативного конструирования архива историка, отличающийся профессиональным подходом. Ю.В. Готье, А.И. Яковлев, А.А. Кизеветтер, Я.Л. Барсков, М.М. Богословский копировали рукописи, готовили к публикации неизданные работы учителя, переиздавали его сочинения. В личных фондах учеников историка можно найти оригиналы черновиков, записок, воспоминаний и писем В.О. Ключевского, что свидетельствует об их стремлении сохранить эти документы. Свои личные собрания материалов, принадлежавших В.О. Ключевскому, и копии с них ученики стремились передать библиотекам и архивам, понимая их высокую значимость для исторической науки.

Кроме того, ученикам историка и его сыну приходилось отслеживать публикации личного архива В.О. Ключевского, появлявшиеся в прессе. Очевидно, что они решали вопрос, как преподнести личность историка для общества и трактовать его научное наследие. В качестве иллюстрации можно рассмотреть случай, связанный с журналом «Голос минувшего», редакция которого в 1913 г. собиралась опубликовать письма Ключевского в Пензу⁵. И тут Б.В. Ключевскому пришлось столкнуться с определенными проблемами — в текстах встречались довольно смелые и острые выражения, которыми так славился его отец. Прочитав переданные ему оттиски выдержек из писем и посоветовавшись с А.А. Кизеветтером, Б.В. Ключевский срочно пишет письмо редактору с просьбой убрать из текста некоторые фразы «и на будущее время не отказывать в сообщении текста писем Василия Осиповича», если таковые будут кем-либо доставлены в редакцию для публикации⁶. Обсуждение проблем восприятия содержания мемориальных статей между издателями с одной стороны и учениками и сыном В.О. Ключевского — с другой, свидетельствуют об актуальности вопросов этического плана, связанных с публикациями, в которых присутствуют факты биографии или фрагменты документов личного характера.

Проблемы с «наследством» у Бориса на этом не закончились. Летом 1917 г. в мемориальном доме, где Б.В. Ключевский организовал музей в память об отце, был произведен обыск. Он вспоминал, как в его доме «перерыли все вверх дном». Вернуть имущество помогла Чрезвычайная Комиссия по охране памятников искусства и старины при Московском совете рабочих и солдатских депутатов и Народный комиссариат просвещения. При их, «совершенно неожиданном» для Бориса, содействии удалось получить «охранную грамоту» на библиотеку В.О. Ключевского (28 июня, а затем 8 октября 1918 г.) и обеспечить домашнему архиву и библиотеке защиту на ближайшее время⁷. Отметим, что вторая «охранная грамота» на дом Ключевского была подписана заведующим библиотечным отделением В.Я. Брюсовым — бывшим студентом историко-филологического отделения Московского университета (с 1892 по 1899 гг.). Вероятно, он был знаком с В.О. Ключевским, посещал его лекции, и отдавал таким образом дань уважения великому историку.

В беспокойное революционное время Б.В. Ключевский принял решение «эвакуировать» часть архива в Петербург и передать на поруки Я.Л. Барскова. Об этом ему позднее пришлось сожалеть, так как последний не спешил возвращать рукописи (в том числе и те, которые он взял для копирования еще шесть лет назад, сразу после смерти В.О. Ключевского) — на этой почве у них даже возник конфликт, отраженный в переписке. Главным аргументом Б.В. Ключевского в споре был довод, что за утерю части архива «спросят не с Вас, а с меня!», ведь он — как наследник истори-

ка — «больше всех ответственен перед обществом»⁸. В итоге к лету 1918 г. он добился возврата рукописей своего отца⁹.

Возможно, эта конфликтная ситуация только обострила неприязнь Б.В. Ключевского к историкам, ведь он и без того «никогда не причислял себя к той интеллигентской среде по гуманитарной линии», к которой принадлежал его отец, он «не разделял ее идеологии; жил..., опираясь на свободные средства»¹⁰. К слову говоря, когда настало тяжелое время, он рассматривал библиотеку отца как источник дополнительного дохода. И здесь не играло никакой роли, в чьи руки попадут документы. Так, собрание рукописей и актов XV—XIX вв. «каким-то образом» попало к московскому букинисту И.М. Фадееву, и этим редким документам грозило банальное «разбазаривание». Лишь благодаря захвавшему в Москву представителю Археографической комиссии Академии наук «удалось положить конец беспорядочной распродаже этой исторической коллекции»¹¹. «Старинные документы» были выкуплены и тем самым спасены. Ученики В.О. Ключевского, наблюдавшие все это, с неприязнью относились к «коммерческой» деятельности его сына и, по мере возможности, старались контролировать этот процесс¹².

Отпечаток на архив наложила и трагедия, постигшая многих московских и петербургских историков в 1930-е гг. — начались репрессии по ряду «сфабрикованных» дел. В 1933 г. это коснулось и Б.В. Ключевского¹³. 7 марта он был арестован сотрудниками ОГПУ по делу о «Союзе будущего восстановления России». Его дом и имущество подлежали конфискации. Ю.В. Готье вспоминал, что Борис рассказывал ему, как часть архива отца, а именно — его последние рукописные работы, он «зарыл в землю»¹⁴. Ю.В. Готье не мог точно вспомнить, когда это произошло, и называл примерно 1930-е гг. Вероятно, это и был тот опасный период приближающихся репрессий.

Отбыв ссылку, Б.В. Ключевский последние годы жизни провел в Подмосковье, где служил обходчиком железнодорожных путей¹⁵. Желание написать мемуары об отце им так и не было осуществлено.

Непростые отношения Б.В. Ключевского с московскими историками — учениками отца, которые активно подключились к сохранению наследия их учителя, — и сложившаяся политическая ситуация в стране значительно повлияли на судьбу архива. Процесс переиздания книг и публикации архива нередко сопровождали споры, приводившие к задержке совместного дела.

Б.В. Ключевский долго держал многие рукописи в «закрытом» для исследователей состоянии. Например, одним из первых «историков нового поколения», обратившихся к изучению наследия В.О. Ключевского, была М.В. Нечкина. Приехав из Казани в Москву для научной работы, она обратилась к Б.В. Ключевскому за информацией о его отце¹⁶. Насколько нам известно, он ограничился лишь 6-часовым устным рассказом, не ознакомив при этом М.В. Нечкину с хранящимися в его доме архивными документами¹⁷. Основную поддержку в деле по изучению научного наследия В.О. Ключевского она получила со стороны его учеников — М.М. Богословского¹⁸ и А.А. Кизеветтера. Так, с подачи молодого казанского историка и при поддержке московской профессуры, в начале 1920-х гг. открылось историографическое изучение наследия В.О. Ключевского¹⁹.

Третьим этапом в коммеморации архива В.О. Ключевского стало его поступление на государственное хранение. Отличительной чертой в этом процессе являлось то, что личные материалы историка поступали по частям и в разные архивохранилища. В 1920 и 1922 г. Румянцевский музей принял часть рукописей и книг из библиотеки историка, из частных коллекций его учеников и сына. Но первое значительное посту-

пление личного архива В.О. Ключевского датируется только 1937 г. и напрямую не связано с его наследником и основным хранителем Б.В. Ключевским. В отдел рукописей Ленинской библиотеки была передана коллекция Я.Л. Барскова, занимавшегося публикацией и перепиской рукописей историка²⁰. Благодаря этому многие материалы смогли сохраниться и составили фонд В.О. Ключевского, хранящийся теперь в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). После смерти сына историка часть документов из хранившегося у него личного архива В.О. Ключевского перешла в Отдел рукописей РГБ. Как самостоятельная единица фонд был создан в 1948 г., но материалы поступали в него и позднее. Например, в 1958 г. А.А. Зимин передал «Записки по всеобщей истории» и копии лекций, читанных в Александровском военном училище. С 1967 г. из общих фондов библиотека историка была передана в Румянцевский музей²¹.

Отдельные документы из личного архива историка поступали в 1941 г. в Государственную историческую библиотеку. Н.С. Воскресенская (Бородина) передала записную книжку и ранние дневники историка, доставшиеся ей в наследство от родственницы, Н.М. Бородиной — ей В.О. Ключевский лично передал эти документы на хранение.

Вторая часть собрания архивных документов В.О. Ключевского была приобретена в середине 1940-х гг. Комиссией по истории исторических наук при Отделении истории и философии АН СССР²². После смерти Б.В. Ключевского его «вдова» передала туда оставшуюся у нее часть документов историка. Затем эта коллекция была передана в Отдел рукописных фондов Института истории СССР АН СССР (с 1992 г. стал Научный архив Института российской истории РАН). Документы, собранные в личном фонде В.О. Ключевского в ИРИ РАН²³, в большей мере дополняют фонд НИОР РГБ.

Судьба значительной части архива историка остается невыясненной. В частности, сложно отследить, куда попадало конфискованное в 1930-е гг. имущество Б.В. Ключевского, возможно, содержащее и бумаги его отца. Можно полагать, что часть семейного архива досталась родственникам В.О. Ключевского или попала в частные собрания его учеников и коллег. Об этом свидетельствуют позднейшие отдельные поступления документов историка в государственные архивы от разных лиц. Например, дальняя родственница В.О. Ключевского по материнской линии, М.И. Ареопагитская-Магнусова, в 1925 г. передала в Пензенский краеведческий музей пять писем историка в Пензу, к родственникам Европейцевым²⁴. Также документы от родственников Ключевского поступали к отдельным исследователям. Около 1968 г. составителям сборника личных документов В.О. Ключевского «Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории» из личной коллекции О.Я. Кудрявцевой были предоставлены записки историка к Н.М. Бородиной²⁵. Так как книга уже была набрана, эти письма вошли в нее в качестве приложения, что говорит о понимании особой их ценности для издателей. В 1971 г. внучка сестры историка, Н.К. Любецкая (Вирганская) связалась с М.В. Нечкиной, работавшей на рубеже 1960—1970-х гг. над монографией о В.О. Ключевском. Она предоставила исследовательнице некоторые сведения, а затем и документы, хранившиеся долгие годы в частном семейном собрании²⁶.

Изучение истории создания архива В.О. Ключевского раскрывает поэтапный процесс его «конструирования». Архивные фонды В.О. Ключевского находятся также в Санкт-Петербурге (СПФ АРАН) и Москве (Архив РАН, ГИМ и Историческая библиотека), в Пензе (ГА ПО), а отдельные документы историка рассредоточены по иным архивохранилищам. Кроме того, документы, принадлежавшие В.О. Ключев-

скому или его сыну, имеются в личных фондах разных историков²⁷, что требует от исследователей продолжения поисковых работ. Рассредоточение научного наследия ученого не характерное для судьбы большинства личных фондов, на наш взгляд, обусловлено двумя факторами: во-первых — это неожиданный уход из жизни В.О. Ключевского, не успевшего распорядиться своим личным архивом и библиотекой, а во-вторых — сложная социокультурная ситуация в России первой половины XX в., в которой приходилось существовать исторической науке. Среди первых исследователей можно назвать имена М.В. Нечкиной, А.А. Зимина, Б.Д. Грекова, Л.В. Черепнина, Р.А. Киреевой, Р. Бернса. На сегодняшний день фонды историка хорошо известны специалистам, но и в них остаются документы, которые еще ждут своего первооткрывателя.

О роли Б.В. Ключевского в процессе сохранения архива отца, на наш взгляд, однозначно судить нельзя. С одной стороны, он, будучи секретарем В.О. Ключевского, сам активно способствовал формированию этого архива, а после смерти отца принимал непосредственное участие в процессе предпечатной подготовки, публикации и переиздания его работ. Но, с другой стороны, его действия порой провоцировали утрату частей архива и библиотеки. Затронутая проблема содержит и этическую сторону: вопрос, насколько правомерно передавать архивные материалы ученого при живых его наследниках, отнюдь не стремящихся сделать архив общедоступным, по сей день остается открытым. В данном случае время показало тщетность усилий Б.В. Ключевского, — человека, далеко отошедшего от исторической науки, — в деле по научной обработке архива его отца. Ученики и коллеги В.О. Ключевского уже в 1920-е гг. высказывались, что изучение научного наследия этого историка «желательно» и «необходимо». Но, по их замечанию, это было неосуществимо на основе только опубликованных работ, без доступа к его архиву. Понимание этой ситуации привело к тому, что личные фонды В.О. Ключевского начинают формироваться в разных учреждениях, самостоятельно и отдельно от основного архива, находившегося вплоть до середины 1940-х гг. во владении Б.В. Ключевского. В них поступают рукописи и копии с оригинальных документов историка, его монографии, записные книжки и фотографии, переданные учениками, коллегами и дальними родственниками историка из Москвы, Петрограда и других городов.

Рассмотренные практики сохранения архивных материалов историка связаны с контекстом коммеморации, в их основе заложено стремление отдельных лиц или групп сохранить память о В.О. Ключевском — учителе, ученом, человеке, — посредством сохранения его рукописного наследия. Изучение практик формирования архива такого знаменитого в свое время ученого дает нам своеобразный урок: лишь усилиями людей, которым была небезразлична память об историке, удалось сберечь для потомков архивное наследие В.О. Ключевского.

¹ *Замятин Д.Н.* Образ наследия в культуре // *Человек.* № 5. 2008. С. 39–42; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

² См. подробнее: *Богомазова О.В.* «Маленький сын большого отца»: Борис Ключевский // *Мир историка: историографический сборник.* Вып. 7. Омск, 2011. С. 43–62.

³ НИОР РГБ. Ф. 131. К. 24б. Д. 35. Л. 1 (микрофильм).

⁴ Там же. Д. 18.

⁵ В.О. Ключевский. Из писем (И.В. Европейцеву и Н.И. Мизеровскому) // *Голос минувшего.* 1913. № 5. С. 226–233.

⁶ РГАЛИ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 417. Л. 1–1 об.

⁷ НИОР РГБ. Ф. 131. К. 40. Д. 28, 30; К. 24б. Д. 36, 38; Ф. 16. Оп. 3. Д. 8. Л. 4 об.

- ⁸ Там же. Ф. 16. Оп. 3. Д. 8. Л. 6—7.
- ⁹ Судя по высокому содержанию подлинных документов В.О. Ключевского в коллекции, переданной позднее Я.Л. Барсковым в Румянцевский музей, он все же оставил у себя часть рукописей историка.
- ¹⁰ АРАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 382. Л. 10—15 об.
- ¹¹ Почему растаскиваются исторические собрания. Найдены остатки архива В.О. Ключевского // *Вечерняя Москва*. 1929. 9 мая. № 103 (1615). С. 4.
- ¹² НИОР РГБ. Ф. 131. К. 246. Д. 18. Л. 1—2 об.
- ¹³ Там же. Д. 36, 38. К. 40. Д. 28, 30. См. также: *Бухерт В.Г.* Борис Васильевич Ключевский // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: материалы научной конференции (Пенза, 25—26 июня 2001 года). В 2 кн. Кн. 1., М. 2005. С. 199—209.
- ¹⁴ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 124. Л. 806.
- ¹⁵ *Плешков А.Н.* За строкой письма: судьба Б.В. Ключевского // *Гуманитарные проблемы современности: Межвузовский сборник научных трудов*. Вып. II. М.; Пенза, 2004. С. 213.
- ¹⁶ *Нечкина М.В.* Василий Осипович Ключевский. История жизни и творчества. М., 1974. С. 6.
- ¹⁷ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 124. Л. 801—803.
- ¹⁸ Там же. Л. 29—37; ОПИ ГИМ. Ф. 442. К. 261. Д. 52. Л. 5—8.
- ¹⁹ См. подробнее: *Богомазова О.В.* «Очередная задача русской историографии»: зарождение исследовательского интереса М.В. Нечкиной к изучению В.О. Ключевского // *Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета*. Том 5. Челябинск, 2011. С. 64—73.
- ²⁰ *Киреева Р.А.* «Ключевский быстро покорил аудиторию». Доклад профессора Я.Л. Барскова. 1921 г. // *Исторический архив*. 2004. № 1. С. 56.
- ²¹ *Воробьев Ю.Н.* Архив В.О. Ключевского // В.О. Ключевский и современность. (Тезисы докладов на всесоюзных научных чтениях, посвященных 150-летию со дня рождения выдающегося историка). Пенза, 1991. С. 34—35.
- ²² По данным разных источников дата приобретения архива варьируется от 1945 до 1946 г.
- ²³ *Архивы России*. Москва и Санкт-Петербург: Справочник-обозрение и библиографический указатель. М., 1997. С. 354.
- ²⁴ *Плешков А.Н.* Пензенские церковнослужители — родственники В.О. Ключевского // В.О. Ключевский в истории науки и культуры. Материалы IV Всерос. науч. конф., посвященной 165-летию В.О. Ключевского. Пенза, 2007. С. 131.
- ²⁵ *Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории*. М., 1968. С. 10.
- ²⁶ АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 518. Л. 1, 4, 5, 9 и др.
- ²⁷ А.А. Кизеветтер, А.И. Яковлев, М.М. Богословский, А.И. Андреев, А.Н. Сперанский, Н.Л. Рубинштейн, М.В. Нечкина, А.А. Зимин и др.

Л.Д. Бондарь, К.Г. Шишкина
(СПФ Архива РАН)

Научные связи Академии наук СССР и Белорусской академии наук в довоенный период в протоколах АН СССР из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (изучение документального наследия при реконструкции хроники событий)*

Одним из важнейших комплексов документов, позволяющих восстановить хронику событий истории Российской академии наук — Академии наук СССР, являются протоколы центральных органов Академии с первых дней ее основания. Самые важные из них в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПФ АРАН) собраны в фондах 1—3. Для изучения научных связей Академий наук СССР и БССР в довоенный период источниковый материал представляют документы следующих фондов СПФ АРАН: Ф. 1. Оп. 1 — протоколы Общего собрания АН СССР, а также Ф. 2. Оп. 1 — протоколы Президиума АН СССР.

Один из вопросов, которому было уделено внимание на целом ряде заседаний Президиума АН СССР и на Общем собрании АН, к научной деятельности имеет косвенное отношение, однако являлся важным идеологическим и координационным моментом в работе академий союзных республик. Речь идет о событии, получившем широкий резонанс в академическом обществе того времени, — подписании договора о социалистическом соревновании между тремя академиями: АН СССР, Белорусской Академией наук и Всеукраинской академией наук.

Социалистическое соревнование было мощным элементом хозяйственного механизма в СССР. Цель его видели в получении более высоких производственных результатов, подъеме культуры и духовного уровня людей. Воспринималось оно как одна из форм проявления и развития творческой инициативы трудящихся. Это движение было широко распространено на промышленных предприятиях, основателями его считают работников завода «Красный выборжец», когда в марте 1929 г. обрубки трубно-цепа вызвали на соревнование представителей других специальностей. Между тем это движение распространилось не только на рабочую среду, в него включились также представители творческих профессий.

Не были исключением и академии наук советских республик. 9 октября 1929 г. Бюро аспирантов Белорусской АН направило в Бюро аспирантов АН СССР вызов на социалистическое соревнование¹. АН СССР отказалась в тот момент от принятия вызова, так как аспирантура находилась еще в стадии формирования, и Бюро аспирантов, предусмотренное положением об аспирантуре, еще не работало². Однако заинтересованность в такого рода предприятии отражает рукописная резолюция на письме заведующего секретариатом АН СССР В.В. Соколовского: «Т.А. Кузнецовой».

* Исследование проведено при поддержке РГНФ, грант № 12-21-01003 «Научные связи Российской академии наук и Национальной АН Беларуси. 1928—1941 гг. Документы и материалы».

Прошу Вас иметь это письмо на особом учете, для сообщения Бюро аспирантов по его образованию» (подчеркнуто в документе. — Л.Б.). Подписание договора позднее действительно состоялось, о чем свидетельствует указание в протоколе Президиума № 16 от 13 мая 1930 г.³

В декабре 1929 г. началась работа по заключению договора о социалистическом соревновании между академиями СССР, БССР и УССР. Инициатором выступила Всеукраинская академия наук. Ведущая роль в организации социалистических соревнований принадлежала профсоюзам, которые совместно с администрацией предприятий выступали непосредственными организаторами заключения договоров. Так, 6 декабря 1929 г. коллектив Всеукраинской академии наук обратился в местком АН СССР с предложением о заключении договора⁴. Аналогичное предложение было направлено и в адрес Белорусской академии наук. 20 декабря 1929 г. Общее собрание АН СССР постановило принять предложение ВУАН и поручило президенту АН СССР разработать порядок осуществления принятых Академией наук обязательств⁵.

Первым этапом стало подписание 19 января 1930 г. в здании Белорусской академии наук на Общем собрании работников Академии договора между Белорусской и Украинской академиями наук о социалистическом соревновании «по лучшему осуществлению социалистической реконструкции народного хозяйства и по популяризации научных достижений среди широких трудящихся масс»⁶. Договор между академиями УССР и БССР на белорусском языке, а также выполненный академиком Е.Ф. Карским перевод на русский, находящийся в СПФ АРАН⁷, подчеркивает хозяйственную подоплеку данного предприятия: «Бурный темп индустриализации и коллективизации нашей страны и переустройство всего ее хозяйства на социалистический лад требует от научно-исследовательских институтов особенно напряженного труда». Вместе с тем, помимо выдвижения задач, связанных с приспособлением работы научно-исследовательских институтов к «нуждам социалистического строительства» и просвещением народных масс, рассматриваются важные вопросы по координации научной деятельности академий: «Ликвидировать параллелизм научно-исследовательской работы в институтах БАН и УАН...».

Минская пресса не оставила это событие без внимания, отмечая наиболее важные направления работ, указанные в договоре: «1. Приспособлять структуру Академии к темпам социалистического строительства. 2. Участие Академии в социалистическом переоборудовании сельского хозяйства. 3. Работа в области культурной революции и связи с массами»⁸.

На Общем собрании работников Белорусской АН 19 января 1930 г. было постановлено вызвать на основе этого договора на социалистическое соревнование АН СССР. 24 января 1930 г. местком Белорусской академии наук направляет в местком АН СССР письмо с уведомлением об этом решении. В письме сообщается также о высказанном на собрании пожелании «об одновременном подписании договора по социалистическому соревнованию между тремя академиями — Всесоюзной, Белорусской и Украинской»⁹.

Дальнейшая хроника событий отражена в протоколах Президиума АН СССР. 29 января 1930 г. (протокол № 4, § 32) обсуждался вопрос о подписании договора с Белорусской академией наук и сформулировано предложение о подписании трехстороннего договора: между АН СССР, Белоруссии и Украины¹⁰. В феврале 1930 г. АН СССР готовилась к встрече делегаций из Белоруссии и Украины для подписания договора. 19 февраля 1930 г. в Белорусскую и Всеукраинскую академии наук было направлено письмо за подписью заведующего секретариатом В.А. Зеленко, в котором

академии оповещались в отношении организационных вопросов, связанных с пребыванием в Ленинграде делегаций республиканских академий. Они были размещены для проживания в знаменитой академической гостинице (тогда — «Общежитие секции научных работников») на ул. Миллионной/Халтурина, д. 27. В письме сообщалось, что подписание договора планируется осуществить на одном из общих собраний очередной Сессии АН СССР, которая пройдет с 1 по 3 марта 1930 г.¹¹

23 февраля 1930 г. местком Белорусской академии наук направил письмо, в котором сообщил, что делегатами Белорусской академии наук в АН СССР для подписания договора о социалистическом соревновании были назначены вице-президент Белорусской академии наук, академик С.М. Некрашевич и член ЦИК БССР, академик Д.Ф. Жилунович, которые должны были прибыть в Ленинград 24–25 февраля¹². Проект договора между тремя академиями был рассмотрен и утвержден на заседании Президиума АН СССР 27 февраля 1930 г. (протокол № 8, § 1)¹³.

3 марта 1930 г. на Общем собрании АН СССР был подписан Договор по социалистическому соревнованию между Академиями наук СССР, УССР и БССР¹⁴. Преамбула договора дословно повторила преамбулу договора между Белорусской и Украинской академиями. Однако новый договор намечал более обширные задачи и предусматривал большое число мероприятий по организации работы трех академий, включая актуально звучащие и сегодня мероприятия по изменению структуры АН, установлению связей с практическими учреждениями, штатным изменениям в академических кругах, а также по идеологической подготовке научных работников. Отдельным пунктом рассматривалась проблема подготовки научных кадров, и АН СССР брала на себя обязательство подготовки аспирантов из союзных республик.

Уже 10 марта (протокол № 9, § 3) в Президиуме рассматривался вопрос о способе выполнения договора по соцсоревнованию между тремя академиями, где были приняты решения размножить текст договора и разослать всем учреждениям АН (такая рассылка была осуществлена под расписку¹⁵), разработать конкретные мероприятия по выполнению договора и представить в Президиум, а также разработать способы проверки выполнения договора, о чем также докладывать в Президиум¹⁶.

Текст договора завершался рекомендацией по заключению договоров о социалистическом соревновании между отдельными академическими институтами. Уже 6 мая 1930 г. такой межинститутский договор о социалистическом соревновании был подписан в Минске между коллективами сотрудников Геологического и Минералогического музеев Всесоюзной академии наук, Национального геологического музея УССР Всеукраинской академии наук и Геологического института Белорусской академии наук¹⁷.

Инициатива была подхвачена Библиотекой АН СССР. На проведенном 7 июня 1930 г. совещании сотрудников Рукописного отделения Библиотеки академии наук СССР по предложению И.И. Яковкина и В.И. Срезневского было принято решение о расширении плана работ по выявлению материалов для Белорусской и Украинской АН в рамках договора о социалистическом соревновании трех академий¹⁸.

Подведение результатов выполнения договора началось в конце 1930 г. 12 октября (протокол № 28, § 1) в Президиуме было доложено решение Общего собрания от 3 октября 1930 г. о положении соцсоревнования в Академии наук и было постановлено организовать «общественный просмотр» хода выполнения договора, в котором должны были принять участие также общественные организации АН, Ленинграда и области. От Президиума были назначены академики А.Н. Самойлович и А.А. Борисяк, заместителем которого стал академик Г.А. Надсон¹⁹. Через заседание была

определена дата проведения собрания представителей общественных организаций с участием членов Секретариата и месткома — 2 ноября 1930 г. (протокол № 30 от 28 октября 1930 г., § 33)²⁰.

На следующем заседании Президиума 1 ноября 1930 г. (приложение к протоколу № 31, § 2) была разработана «Инструкция по составлению годового отчета по 1 октября 1930 г. для учреждений АН СССР» с рекомендацией составлять отчет так, чтобы было видно, что работа учреждения шла в соответствии с соцсоревнованием академий²¹. Так, в отчете работы Библиотеки Академии наук за 1930 г. появляется раздел, связанный с выявлением материалов для Белорусской и Украинской АН, что привело, в частности, к обнаружению сотрудниками Рукописного отделения библиотеки 4604 рукописей, «в той или другой мере затрагивающих Украину»²². Не исключено, что договор между тремя академиями сыграл свою организующую роль в координации деятельности библиотечных учреждений Ленинграда и Минска. 1931 год характеризуется активным книгообменом из дублетных фондов между Библиотекой АН СССР и Белорусской государственной библиотекой (Польский отдел)²³.

В следующем году вопрос организации работы в соответствии с договором занимал постоянное внимание Президиума. В связи с окончанием срока договора была создана специальная комиссия для смотра результатов соцсоревнования. Создание комиссии, включавшей «представителей широкой советской общественности», было предусмотрено условиями самого договора²⁴. Комиссия представила Президиуму свое заключение 13 февраля 1931 г., которое было решено разослать в учреждения АН, «указав на пункты невыполнения договора в целях принятия срочных мер к выполнению этих пунктов к сроку окончания соцсоревнования», т.е. к 1 марта 1931 г. Также решено было отправить результаты смотра в ВУАН и БАН и наметить срок общей проверки выполнения договора (протокол № 6, § 12)²⁵. Обсуждение итогов смотра продолжилось и после окончания срока договора, и на заседании Президиума 13 марта 1931 г. (протокол № 10, § 16) был поднят вопрос о составе очередной комиссии с привлечением общественных организаций Ленинграда, а также сотрудников месткома и Локального бюро Секции научных работников АН; руководить организацией проверки было вновь поручено академикам А.Н. Самойловичу и А.А. Борисяку в качестве представителей Президиума²⁶. Обсуждение итогов первого года соцсоревнования было вынесено на апрельскую сессию АН СССР 25–27 апреля, первоначально обсуждение прошло по каждому отделению (ОМЕН и ООН)²⁷. Из протокола Общего собрания (заседание № 5 от 27 апреля 1931 г., § 37–39) узнаем некоторые подробности заключения Смотровой комиссии, признавшей неудовлетворительной работу по выполнению договора в Группе языка и литературы ООН, а точнее, в Комиссии по русскому языку. В связи с этим были сделаны выводы, что «метод соцсоревнования, как социалистический метод коллективного труда, органически далеко еще не вошел как общий метод научно-исследовательской работы Группы»²⁸.

На этой же сессии сначала по отделениям, затем на Общем собрании был обсужден проект договора на новый срок — 1931–1932 гг. (§ 40). Также предполагалось расширить число участников и заключить договор между пятью академиями: АН СССР, ВУАН, БАН, Комакадемией и ВАСХНИЛ. Проработка текста договора была поручена особой комиссии в составе академиков: А.Ф. Иоффе, А.А. Борисяка, В.А. Кистяковского, С.Ф. Ольденбурга, С.Г. Струмилина, и по одному представителю от месткома, Локального бюро Секции научных работников, партийной организации, Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству и аспирантов Академии наук²⁹. 12 сентября 1931 г. вопрос

был рассмотрен Президиумом с решением завершить его разработку и утвердить к ноябрьской сессии Академии наук (протокол № 23, § 9)³⁰. Однако 22 октября 1931 г. (протокол № 27, § 1) в Президиуме рассматривался все же проект договора между тремя академиями (АН СССР, ВУАН и БАН) и принято решение поручить Секретариату подготовить текст договора ко 2 ноября, а 15 ноября созвать совещание представителей всех соревнующихся академий для согласования текста договора³¹. На Общем собрании АН СССР 25 ноября 1931 г. (протокол № 16, § 144) проект договора был утвержден и назначены уполномоченные члены АН СССР для его подписания: академики А.П. Карпинский, В.П. Волгин, А.Н. Самойлович, а также П.М. Никифоров и т. Поляков³².

В материалах протоколов имеется проект нового договора между Всесоюзной, Всеукраинской и Белорусской академиями наук. По сравнению с предыдущим, учитывая, что «Союз ССР заканчивает построение фундамента социализма», текст нового документа был значительно расширен. Формулировка основных принципов работы в общих чертах соответствовала предыдущему договору, задачи же определялись более пространно с разбивкой предполагаемых видов работ на разделы: рационализация структуры и планирования, изучение и внедрение в практику марксистско-ленинской методологии, подготовка кадров и повышение квалификации, вовлеченность в социалистическое строительство, участие в культурной революции и связь с массами, повышение производительности труда. Новый договор предусматривал более строгие меры по выполнению условий, что предполагало в течение месяца разработать детальные обязательства для каждого учреждения «с конкретными указаниями объема и срока выполнения взятых обязанностей и с доведением их до каждого сотрудника». Договор составлялся сроком до 31 декабря 1932 г., а «арбитраж» определялся «в составе представителей администрации и общественности каждой из соревнующихся академий, с привлечением широкого участия местной научной и рабочей общественности»³³.

Вопрос о проверке результатов первого этапа очередного года социалистического соревнования с ВУАН и БАН был рассмотрен 14 мая 1932 г. (протокол № 12, § 12), где было зачитано отношение ВУАН по вопросу командирования делегатов от АН СССР для проверки выполнения договора³⁴. Еще одно заседание этого года (19 декабря) было посвящено вопросу проверки результатов выполнения договора в 1932 г., для чего в АН СССР была создана «бригада» (так в академическую среду вошла не только инициатива, начатая в рабочих кругах, но и производственная терминология) в составе: академики А.Н. Самойлович (бригадир), С.И. Вавилов, А.А. Рихтер, а также П.М. Никифоров и С.А. Чернов (Зоологический институт). Эта же бригада ученых должна была составить проект нового договора на 1933 г. (протокол № 27, § 10)³⁵.

На заседании Президиума 27 января 1933 г. (протокол № 2, § 3) А.Н. Самойлович доложил о ходе проверки исполнения договора. Тогда же был утвержден проект очередного договора на 1933 г. и в качестве места подписания был определен Минск. В этом же протоколе упоминается о научно-организационном мероприятии координирующего характера — намечавшейся совместной сессии АН СССР, ВУАН и БАН, хотя на тот момент вопрос оставался открытым³⁶.

Проект договора вновь был рассмотрен на заседании Президиума 21 марта 1933 г. (протокол № 8, § 10), с определением комиссии для его доработки в составе «т. Забилова, т. Сегала и т. Толмачева»³⁷. Формулировки нового договора изменились в связи с новыми событиями в советском обществе: «Под руководством испытанной в боях большевистской партии и ее ленинского ЦК во главе с тов. Сталиным рабочий класс

Советского Союза добился выполнения первой пятилетки в четыре года. На основе ее величайших, беспрецедентных в истории человечества достижений выдвинут план второго пятилетия, осуществление которого будет означать — создание бесклассового социалистического общества». И хотя структура договора и его положения были изменены, содержание и виды работ в своей сущности не менялись. Срок действия нового договора определялся 31 декабря 1934 г., и формулировалось дальнейшее усиление контроля над его выполнением: ранее ежеквартальная проверка результатов заменялась уже «повседневной проверкой»³⁸.

Сведения о дальнейших событиях в связи с переводом Академии наук СССР в Москву хранятся в Архиве РАН.

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН). Ф. 2. Оп. 1—1929. Д. 61. Л. 4.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Оп. 1—1930. Д. 140. Л. 62 об.

⁴ Там же. Д. 62. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же. Оп. 1—1929. Д. 61. Л. 5; Красная газета (Ленинград). 1930. 20 января.

⁷ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1930. Д. 62. Л. 12—15 об.

⁸ Там же. Д. 81. Л. 1—2; Рабочий (Минск). 1930. 22 января; Советская Беларусь (Минск). 1930. 20 января; Наш край. 1930. № 1. С. 67.

⁹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1—1930. Д. 62. Л. 7.

¹⁰ Там же. Д. 140. Л. 11 об.

¹¹ Там же. Д. 81. Л. 4—4 об.

¹² Там же. Д. 62. Л. 20.

¹³ Там же. Д. 140. Л. 22.

¹⁴ Там же. Д. 62. Л. 42—42 об.

¹⁵ Там же. Д. 62.

¹⁶ Там же. Д. 140. Л. 26.

¹⁷ Там же. Д. 62. Л. 396—398.

¹⁸ Там же. Ф. 158. Оп. 3—1928. Д. 72. Л. 92.

¹⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1—1930. Д. 140. Л. 159.

²⁰ Там же. Л. 170 об.

²¹ Там же. Л. 177.

²² Там же. Ф. 158. Оп. 3—1930. Д. 16. Л. 7.

²³ Там же. Оп. 3—1931. Д. 39. Л. 21, 22, 74, 82, 83, 174, 176, 177, 179.

²⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1—1930. Д. 62. Л. 42 об.

²⁵ Там же. Оп. 1—1931. Д. 31. Л. 24 об.

²⁶ Там же. Л. 48 об.

²⁷ Там же. Л. 81—82.

²⁸ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 16.

²⁹ Там же. Л. 16 об.

³⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 1—1931. Д. 31. Л. 163.

³¹ Там же. Л. 187.

³² Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 257. Л. 67 об.

³³ Там же. Л. 70—75.

³⁴ Там же. Ф. 2. Оп. 1—1932. Д. 33. Л. 112.

³⁵ Там же. Л. 226.

³⁶ Там же. Оп. 1—1933. Д. 15. Л. 5.

³⁷ Там же. Л. 62.

³⁸ Там же. Л. 74—78.

Архив академика В.И. Вернадского и история развития Минералогического музея Российской академии наук

Изучение архива академика В.И. Вернадского, хранящегося в Архиве РАН, помогло пролить свет на некоторые страницы истории Минералогического музея Российской академии наук и минералогической науки в России в целом. В частности, впервые были обнаружены письма, написанные В.И. Вернадскому в период 1935–1939 гг. выдающимся отечественным минералогом, сотрудником Минералогического музея, первооткрывателем крупнейших в мире месторождений апатита в Хибинских тундрах Кольского полуострова Александром Николаевичем Лабунцовым. Помимо обсуждения чисто научных проблем в них подробно описана история открытия этих знаменитых месторождений в ходе экспедиций сотрудников музея, обозначена роль академика А.Е. Ферсмана в деле оценки запасов руд и их освоения.

Поскольку Владимир Иванович Вернадский возглавлял Минералогический отдел музея в начале XX в., в его архиве содержатся также документы, касающиеся истории его коллекций и научной деятельности, которые важны для понимания не только прошлого, но и будущего развития музея.

В 1906 г. В.И. Вернадского назначают заведовать Минералогическим отделом Геологического музея им. Петра Великого в Петербурге, директором которого в то время был академик Феодосий Николаевич Чернышев (1856–1914). Необходимо отметить, что ранее, в 1904 г., в Геологическом музее им. Петра Великого произошла реорганизация, в результате которой фактически было создано два музея, но они носили названия отделов: Минералогический отдел и объединенный Геологический и палеонтологический отдел, которые были независимы в научном отношении, но связаны административно. Это объединение двух отделений получило официальное название «Геологический музей имени Петра Великого Императорской Академии Наук». Таким образом, В.И. Вернадский фактически возглавил музей, впоследствии превратившийся в существующий и поныне Минералогический музей Российской академии наук.

В начале 1911 г. в знак протеста против полицейского произвола во время студенческих волнений в Москве Вернадский подает в отставку и покидает университет¹. Почти 20-летний период преподавания в Московском университете закончился, и Владимир Иванович с семьей переезжает в Петербург, целиком погрузившись в музейные проблемы и заботы.

Необходимо отметить, что до прихода в музей Владимира Ивановича Вернадского минералогические коллекции находились в большом запустении. Музеем долгое время руководили далекие от минералогии люди, его собрание было раздроблено, образцы частично перепутаны и утеряли атрибуцию. Предстояло проделать огромную работу по приведению в порядок образцов, собранных в XVIII–XIX столетиях. По инициативе Вернадского среди всего собрания было выделено несколько различных коллекций, которые существуют в музее и поныне. Это — систематическая коллекция, где представлены, как можно более полно, встречающиеся в при-

роде минеральные виды, согласно их классификации; коллекция месторождений, в которой сгруппированы минералы, характерные для различных типов месторождений; коллекция кристаллов, где собраны кристаллы с наиболее полно выраженными гранями; так называемая коллекция образований и превращений (псевдоморфозы и другие интересные по форме агрегатов образцы); коллекция поделочных и драгоценных камней, а также коллекция метеоритов. Для каждой из них были заведены большие инвентарные книги, куда стали записывать уже имеющиеся в музейном собрании образцы и новые поступления. Кроме того, были созданы картотеки по минералам и месторождениям, а также авторский каталог, в котором особым порядком регистрировались поступления минералогического материала в музей от того или иного лица.

Еще в 1894 г. В.И. Вернадский начал систематическое ознакомление с главными минералогическими музеями России, Европы и Северной Америки. Посещая каждое лето различные музеи (в течение 20 лет), Владимир Иванович внимательно изучал их деятельность, представительность и состояние коллекций, принципы систематизации, каталоги образцов, их первичное описание и привязки.

В августе 1901 г. Вернадский побывал в «Эрмитаже Поволжья» — Саратовском Радищевском художественном музее, где ознакомился с большой минералогической коллекцией. О научном значении музейных минералогических коллекций он писал в своей статье «О минералогическом собрании Радищевского музея» (журнал «Волга». 1898. № 8. С. 188—191). В частности, ученый обращал внимание на важность указания в этикетке (первичном описании) точного местонахождения минерала, и тогда «можно пользоваться этими минералами, как документами для решения научных вопросов... Без знания его (местонахождения. — *Авт.*) исчезает большая часть его значения для описательной минералогии, как исчезает значение исторического документа без даты»². Богатейший опыт, полученный В.И. Вернадским при изучении минералогических коллекций музеев мира лег в основу нового подхода ученого к организации музейного дела в Минералогическом музее Российской Академии наук.

Для осуществления этих и других задач Вернадский приглашает в музей молодых и талантливых сотрудников. Так, в 1907 г. на должность ученого хранителя пришел В.И. Крыжановский, в конце 1912 г. должность старшего хранителя Минералогического отделения занимает А.Е. Ферсман³.

Помимо чисто музейного направления В.И. Вернадский придавал большое значение и созданию аналитической базы для исследования минералов на современном уровне и предпринимал энергичные шаги к оснащению музея новыми лабораториями. В результате была создана специальная химико-минералогическая лаборатория, лаборатория спектрального анализа и другие. К работе были привлечены многие ученики Вернадского: А.Е. Ферсман, И.Д. Борнеман-Старынкевич, А.А. Твалчрелидзе и другие. Они начали систематические исследования по минералогии редких элементов (цезия, таллия и др.), минералогии радиоактивных элементов, которым уже тогда Вернадский предсказывал большое будущее. С течением времени, расширяясь и развивая тематику, эти лаборатории дали начало всем минералогическим, а позднее и геохимическим учреждениям Академии наук⁴.

Владимир Иванович постоянно уделял внимание и организации экспедиций. Еще в 1897 г. он начал изучать ториевые и урановые минералы на Урале, в Ильменах, и эту работу продолжили его ученики и сподвижники — К.А. Ненадкевич, Е.Д. Ревуцкая, Б.А. Линденер и многие другие. В 1911 г. по инициативе Вернадского начала свои изыскания Радиева экспедиция Академии наук, и в ходе ее работ вплоть до

1918 г. были изучены районы Кавказа, Средней Азии, Сибири, Забайкалья, а полученные результаты дали возможность организовать в России добычу урана и радия для прикладных и научных целей. Об актуальности и значимости этих исследований говорит тот факт, что в 1922 г. на базе одной из лабораторий музея, основанной в 1912 г. В.И. Вернадским, был создан Радиевый институт Академии наук.

Участники экспедиций собрали многочисленные образцы минералов, которые значительно обогатили фонды и выставки музея. Однако это был не единственный способ пополнения музейного собрания. В.И. Вернадский и его непосредственный помощник по музейной работе В.И. Крыжановский прилагали также большие усилия для приобретения коллекций у частных лиц. В музей поступили коллекции уральского горнопромышленника и любителя минералов К.А. Шишковского, горного инженера И.Н. Крыжановского и другие.

В 1913 г., благодаря настойчивости В.И. Вернадского и А.Е. Ферсмана, в Вене было куплено уникальное собрание минералов князя Петра Аркадьевича Кочубея (1825–1892), содержащее более 2700 образцов из русских и иностранных месторождений⁵. В это собрание входили крупные великолепные топазы, изумруды и многое другое. Например, единственная в мире крупная друза александрита, весом более 5 кг, состоящая из 22 кристаллов. Она была добыта в 1840 г. в Изумрудных коях на Урале. Ее изображение приведено в известном труде выдающегося русского минералога Николая Ивановича Кокшарова (1818–1892) «Материалы для минералогии России» (1852–1855 гг.), а также на юбилейной медали, посвященной 250-летию Минералогического музея (1966 г.). При этом саму друзу и другие замечательные образцы из коллекции П.А. Кочубея (уникальный образец перовскита из Ахматовской копи на Южном Урале, кристалл аквамарина, длиной более 20 см, из Адун-Челона в В. Забайкалье, друза манганита из Тюрингии, Германия, и т.п.) можно увидеть в настоящее время на постоянных музейных экспозициях.

В 1914 г. распоряжением Президиума Академии наук академик В.И. Вернадский был назначен директором объединенного музея, называвшегося в то время Геологический и Минералогический музей им. Петра Великого.

Одной из сфер научных интересов Владимира Ивановича Вернадского было изучение внеземного вещества как инструмента к познанию материи Земли в целом. Музейное собрание еще с XVIII в., наряду с минералами и рудами, включало коллекцию метеоритов. Начало ей было положено историческим образцом, найденным в 1749 г. в Красноярской тайге и доставленным в музей по распоряжению академика П.С. Палласа. Это так называемое Палласово железо, или железо-каменный метеорит, весом 687 кг, стал первым объектом в мировой истории, признанным внеземным, и первым метеоритом, поступившим в Академию наук. С тех пор коллекция постоянно пополнялась, благодаря Высочайше утвержденному 25 мая 1898 г. постановлению правительства о том, что все «метеориты/метеорные камни, аэролиты, камни, падающие с неба, составляют государственную собственность и подлежат передаче в правительственные естественно-исторические музеи, как то: Минералогический музей Императорской Академии Наук, минералогические и геологические собрания Императорских университетов, музей Горного Института, собрание Геологического Комитета, минеральные собрания Сельско-Хозяйственного Института в Москве...»⁶. К сожалению, после событий 1917 г. этот порядок был нарушен. Понимая важность такого рода постановления, В.И. Вернадский в 1938 г. просит Президиум Академии наук обратиться в правительственные органы Советского Союза с просьбой принять соответствующий закон по метеоритам⁷, который, впрочем, так

и не был принят. Но, согласно соответствующим постановлениям правительства (Постановление № 13095 СНК от 12 мая 1941 г., Распоряжение Совета Министров СССР № 7501-р от 4 апреля 1952 г., Положение о музейном фонде СССР № 273 от 26 июля 1965 г. и др.), за находку метеоритов и передачу их в музей стала выплачиваться премия⁸.

В Минералогическом музее, понимая значение социального аспекта в пополнении метеоритной коллекции, денежное вознаграждение стали выплачивать еще раньше, в 1923 г. Чуть ранее, в 1921 г., в музее, по инициативе В.И. Вернадского и приглашенного им в музей еще в 1912 г. Л.А. Кулика, был создан метеоритный отдел. С этого времени музеем организуются экспедиции по проверке сообщений о падениях метеоритов, поступающие в Академию наук. Коллекция метеоритов начинает снова расти.

Так, за период с 19 мая 1921 г. по 29 ноября 1922 г. было собрано 3 железных и 8 каменных метеоритов, представленных 234 фрагментами⁹, с 29 ноября 1922 г. по 25 марта 1924 г. в коллекцию поступило 80 фрагментов различных метеоритов¹⁰.

Метеоритный отдел музея впоследствии был преобразован в Метеоритную комиссию (1935), а затем в Комитет по метеоритам АН СССР (1939), председателем которых также стал Владимир Иванович. После его смерти Комитет по метеоритам возглавил академик В.Г. Фесенков¹¹. В настоящее время в результате ряда реорганизаций Комитет преобразован в Лабораторию метеоритики Института геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского РАН (ГЕОХИ РАН), где и находится большая часть коллекции. Часть собрания, исторически связанного с Минералогическим музеем им. А.Е. Ферсмана РАН (в том числе упомянутое выше Палласово железо), экспонируется в нем, кроме того, целый ряд образцов можно увидеть сейчас в Музее внеземного вещества ГЕОХИ РАН.

Еще одной комиссией, созданной по инициативе В.И. Вернадского в 1915 г., была Комиссия по изучению естественных производительных сил России при Академии наук (КЕПС), ученым секретарем ее был назначен А.Е. Ферсман¹². Она была призвана решать различные проблемы, связанные с развитием сырьевой базы страны, и работники музея тесно сотрудничали с этой организацией. Они принимали непосредственное участие в полевых экспедициях КЕПС, в сборе и оценке данных по месторождениям полезных ископаемых, изучению вещественного состава руд. За счет этого также шло значительное пополнение музейных фондов, а результаты проводимых в лабораториях музея исследований внесли огромный вклад в дело изучения минерально-сырьевой базы России.

Для обсуждения и распространения научных знаний В.И. Вернадским был организован в музее научный семинар, называвшийся «Минералогический кружок». На нем выступали с докладами ведущие специалисты в области минералогии, геохимии, кристаллографии. Помимо выступлений самого Владимира Ивановича, большой популярностью пользовались лекции и доклады А.Е. Ферсмана и других минералогов. Добавим, что заседания «Минералогического кружка» проходят в музее регулярно и в настоящее время.

Большое значение придавал В.И. Вернадский и публикации научных трудов. В 1907 г. музей основал свое собственное периодическое издание. До 1916 г. оно выходило несколько раз в год под названием «Труды Геологического музея им. Петра Великого». Как правило, «Труды» включали одну работу по какому-либо конкретному вопросу. Но затем в них стали публиковаться и результаты музейной работы, отчеты о полевых исследованиях и многое другое. С 1926 г., когда Владимира Ивановича на

посту директора музея сменил ставший к тому времени академиком Александр Евгеньевич Ферсман и в связи с окончательным отделением Геологического отдела музея от Минералогического и образованием двух самостоятельных музеев, начали выходить «Труды Минералогического Музея Академии Наук СССР» по одному тому (выпуску) в год. В настоящее время журнал также выходит в виде ежегодных выпусков под названием «Новые данные о минералах»¹³.

Документы, свидетельствующие об активной и плодотворной деятельности академика В.И. Вернадского на посту директора Минералогического музея, сохранились в Архиве РАН. Это письма и служебные записки, направленные ему как директору, повестки заседаний «Минералогического кружка» и собраний Минералогического общества, почетным членом которого был Владимир Иванович, и которые нередко проходили в музее, расходные сметы и тому подобное. Например, имеется копия прошения министра народного просвещения П.М. Кауфмана в Государственную думу от 25 января 1907 г. об отпуске из казны в распоряжение Императорской Академии наук 5 тыс. рублей на приобретение инструментов для Геологического музея. В этом документе указано, что «по назначении своем на должность адъюнкта по минералогии при Императорской Академии наук, профессор статский советник Вернадский обратил внимание на совершенное отсутствие в Геологическом Музее Академии самых необходимых инструментов для минералогических и кристаллографических исследований, как то: поляризационных микроскопов, гониометра, аппарата для измерения угла оптических осей, монохроматра, рефрактометра, спектроскопа и поляризационного аппарата. Без этих инструментов никакая ученая работа не мыслима и Музей своих научных функций исполнять не может. Между тем пополнение и приобретение таковых из сумм Музея представляется совершенно невозможным, так как его бюджетные средства столь скудны, что едва покрывают расходы по удовлетворению текущих насущных нужд. В виду сего профессор Вернадский как адъюнкт по минералогии лично наиболее заинтересованный в устранении указанного недостатка, обратился в конференцию Императорской Академии наук с представлением о необходимости испрошения из казны не менее 5000 рублей на покупку для Геологического Музея Академии перечисленных выше инструментов»¹⁴. На копии приложения к этому документу стоит: «На подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою написано: “Быть по сему”. В Царском Селе 9 мая 1908 года»¹⁵.

Владимир Иванович оставался на посту директора музея до 1921 г. В Архиве РАН авторами настоящей работы обнаружены документы, датированные этим годом, в которых на это прямо указывается¹⁶. Так, в выписке из протокола заседания Академии наук от 10 июля 1921 г. сообщается, что на время экспедиции на север академик В.И. Вернадский просил академика А.П. Карпинского заместить его как директора Геологического и Минералогического музея, и тот любезно согласился¹⁷. Но совершенно очевидно, что с 1918 г. Владимир Иванович уже не мог уделять музею много времени в связи со своими поездками. Поэтому непосредственное руководство Минералогическим отделением музея в 1919 г. перешло к академику А.Е. Ферсману.

Остается добавить, что и после ухода с поста директора Владимир Иванович на протяжении всей своей жизни был в курсе всех музейных проблем и забот, оказывал всемерную помощь и поддержку А.Е. Ферсману и другим сотрудникам музея (см., например, письма А.Н. Лабунцова к академику В.И. Вернадскому)¹⁸. Заметим, что после окончательного разделения двух музеев Вернадский принимал участие и в

деятельности Геологического музея, а в 1926 г. согласился взять на себя заведывание библиотекой Геологического и Минералогического музеев¹⁹.

Исследователи научного наследия В.И. Вернадского отмечают большое значение его трудов в развитие минералогии. «Минералогические работы В.И. Вернадского, опубликованные им на рубеже двух столетий, по существу произвели полный переворот в минералогии, которая из науки сугубо описательной, в значительной мере оторванной от главного русла развития геологических дисциплин, стала наукой о законах образования и изменения минеральных тел среди всей совокупности геологических процессов...»²⁰. Среди крупнейших работ наиболее известны: «Опыт описательной минералогии» (1909–1914 гг.), «Минералогия» (1910 г.), «История минералов земной коры» (1923–1936 гг.) и другие.

Из 416 опубликованных при жизни научных работ В.И. Вернадского 100 посвящено минералогии, 70 — биохимии, 50 — геохимии, 29 — кристаллографии, остальные — разным проблемам науки, истории, философии и организационным вопросам. Многие работы ученого были опубликованы уже после его смерти. В.И. Вернадский умер 6 января 1945 г. в Москве в возрасте 82 лет, похоронен на Новодевичьем кладбище.

Вклад академика В.И. Вернадского в развитие Минералогического музея Академии наук поистине трудно переоценить. Это:

- Развитие аналитической базы, создание современных научно-аналитических лабораторий и, впоследствии, организация на их базе научных институтов минералого-геохимического профиля Академии наук;
- Новая организация музейного дела: создание тематических коллекций, новых экспозиций, каталогизация и проч.;
- Просветительская деятельность. Создание научной школы. Пропаганда минералогических знаний (кружки, семинары, экскурсии);
- Организация широкомасштабных тематических полевых работ с интересными научно-практическими результатами;
- Активное пополнение фондов и выставок музея за счет многочисленных экспедиций и приобретения частных минералогических собраний;
- Основание в 1907 г. музейного периодического научного издания и его дальнейшее развитие.

Имя Владимира Ивановича Вернадского будет всегда неразрывно связано с Минералогическим музеем, который он поставил на совершенно новый уровень как научно-исследовательское и музейное учреждение, а затем курировал научную работу коллектива музея на протяжении всей своей жизни.

Минералогический музей Российской академии наук, усилиями академиков В.И. Вернадского и А.Е. Ферсмана преобразованный в научно-исследовательский центр, продолжает развиваться в этом направлении, успешно сочетая научно-исследовательскую, музейную и просветительскую деятельность.

¹ Барсанов Г.П. Значение минералогической школы В.И. Вернадского в Московском университете (1890–1911 гг.) для развития современной минералогии // Труды Минералогического Музея АН СССР. Вып. 10. 1959. С. 31–44.

² Личков Б.Л. Владимир Иванович Вернадский. М., 1948.

³ Годовиков А.А. Основные хронологические даты в истории Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана АН СССР // Старейшие минералогические музеи СССР. М., 1989. С. 53–71.

⁴ Барсанов Г.П., Корнетова В.А. История развития Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана АН СССР за 270 лет (1716–1986 гг.) // Там же. С. 9–52.

- ⁵ *Моисеева М.Л.* Петр Аркадьевич Кочубей и его коллекция минералов в собрании Минералогического музея А.Е. Ферсмана РАН // Новые данные о минералах. Вып. 38. М., 2003. С. 89–98.
- ⁶ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 38.
- ⁷ Там же. Л. 68.
- ⁸ *Назаров М.А.* Метеоритная коллекция Российской Академии наук // Музеи Российской Академии Наук. Альманах — 1999. М., 2000. См. также http://www.meteorites.ru/menu/collection/coll_history.html
- ⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 38. Л. 2, 2 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 12–12 об.
- ¹¹ *Назаров М.А.* Указ. соч.
- ¹² *Павлова Т.М.* А.Е. Ферсман в Минералогическом музее Академии наук // Новые данные о минералах. Вып. 38. С. 129–134.
- ¹³ *Борисова Е.А., Павлова Т.М.* Юбилей и юбиляры 2006–2007 // Новые данные о минералах. Вып. 42. М., 2007. С. 139–145; *Матвиенко Е.Н.* К 100-летию журнала «Новые данные о минералах» // Новые данные о минералах. Вып. 41. М., 2006. С. 129–132.
- ¹⁴ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 25. Л. 25, 25 об., 27.
- ¹⁵ Там же. Л. 26.
- ¹⁶ Там же. Л. 72–72 об., 73.
- ¹⁷ Там же. Л. 73.
- ¹⁸ *Борисова Е.А., Павлова Т.М., Лабунцова М.А.* К 125-летию А.Н. Лабунцова. Письма А.Н. Лабунцова к академику В.И. Вернадскому (из Архива РАН) // Новые данные о минералах. Вып. 45. М., 2010. С. 129–147.
- ¹⁹ АРАН. Ф. 518. Оп. 4. Д. 25. Л. 73.
- ²⁰ *Барсанов Г.П.* От редакции // В.И. Вернадский. Избранные труды. Т. III. М., 1959. С. 3–4.

Фонды личного происхождения исследователей Европейского Севера России*

Проблема личности в истории науки занимает ключевое место. Личность в науке — это воплощение лучших знаний и человеческих качеств, которые позволяют вести за собой людей к новым научным открытиям, свершениям и экономической модернизации. Осознание этого факта с середины XX столетия привело к утверждению персонифицированного подхода в изучении проблем развития науки в России и появлению первых справочников по архивам, содержащих информацию об истории создания и составе фондов личного происхождения. Документальные комплексы известных личностей, выдающихся деятелей науки вызвали и вызывают большой интерес у исследователей. Массовое включение в научный оборот документов в конце 1980-х — начале 1990-х гг. способствовало появлению трудов, в которых на документальной основе анализировались следующие аспекты: проблема выявления, учета, сохранения и организации использования документального наследия конкретной личности; научные выводы ученых и мировоззренческая позиция по документам научного наследия, описание документальных фондов ученых и их книжных коллекций. Появились работы, в которых изучение научного наследия ученого не сводится к анализу документального комплекса, но включает его научные идеи, замыслы, мировоззренческую позицию¹.

Информационное богатство личных архивных фондов бесспорно. Изучение документов личных фондов — это уникальная возможность погрузиться в исследовательскую лабораторию ученого, создающего или открывающего новые знания в соответствующей отрасли. Создание фондов личного происхождения всегда является особым направлением деятельности архивов, которое трудно поддается планированию, а ожидаемые результаты всегда непредсказуемы и пролонгированы во времени.

Изучение личных фондов конкретного региона, такого как Европейский Север России, в контексте документального наследия академической науки, — актуальное направление исследования архивных фондов, связанное с современным процессом создания документальных комплексов. Это направление особо важное, поскольку «эпистолярное поколение» уходит и все меньше современников что-либо записывают, накапливают и хранят в привычном для архивистов «не горящем» рукописном варианте. Нами проработан значительный объем материала, собранный в архивах, страны, проанализированы многие аспекты проблемы. Остановимся на ключевых моментах.

Личные документальные фонды по большей части сосредоточены в научных архивах Академии наук. Фонды исследователей, стоявших у истоков становления академических учреждений на Европейском Севере России, сосредоточены в фондах Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала (А.И. Толмачева, А.П. Шенникова, А.А. Полканова, Д.В. Бубриха, А.Е. Ферсмана, Е.Н. Ивановой, П.Ф. Рокицкого,

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект № 12-П-6-1003.

В.Н. Образцова, П.П. Вавилова). Изучение их позволяет раскрыть разные стороны и аспекты многогранной деятельности ученых — исследователей до образования научных центров в регионе. С расширением деятельности академической науки на Севере и образованием при учреждениях ведомственных академических архивов значительный объем документов личного происхождения начал формироваться в регионе. Так, в разное время к этой работе приступили архивы Коми научного центра Уральского отделения РАН, Кольского и Карельского научных центров РАН.

В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН к созданию фондов личного происхождения ученых приступили в 1970-е гг. Документы поступали от сотрудников, работавших в Коми филиале АН СССР. Особую роль в становлении Научного архива Коми филиала АН СССР и собирании документов сыграл Алексей Семенович Сидоров — талантливый собиратель исторических источников. В марте 1952 г. он возглавил комиссию по организации и формированию фондов Научного архива. Именно под его руководством проходил первичный отбор рукописей, заложены основные принципы фондирования научных документов. Первый личный фонд биолога О.С. Зверевой был создан на основе документов, сохранившихся в домашних архивах научных сотрудников Е.С. Кучиной и А.А. Дедова (1970 г.). В 1977 г. была создана комиссия по определению научной и исторической ценности документов покойного к.филол.н. Е.С. Гуляева и составлена опись документов по языкознанию из домашнего архива и рабочего кабинета.

Создание самого крупного в Научном архиве Коми НЦ УрО РАН личного фонда профессора, д.г.-м.н. А.А. Чернова (около 500 дел) проходило при личном, активном участии его учеников. После его смерти значительная часть архива оказалась у его сына Г.А. Чернова. В Институте геологии остались лишь некоторые разрозненные материалы. Незначительная часть документов поступила в архив. Затем в разные годы сын передавал архив в институт, где эти материалы собирал вместе А.И. Елисеев. В 1997 г. он передал их на хранение в архив, создав значительный комплекс научного наследия А.А. Чернова. На сегодняшний день архив хранит 35 фондов личного происхождения, общим количеством 6303 ед.хр., что составляет порядка 24% от общего количества документов.

В Научном архиве Карельского НЦ РАН сформировано 20 фондов, из них 14 принадлежат исследователям региона. Другие же созданы из документов известных деятелей революционного периода, работников просвещения и участников социалистического строительства в КАССР. Фонды крайне неоднородные, встречаются очень малочисленные по составу 8 до 30 ед. хр. По их содержанию создается впечатление, что комиссия по научному наследию поработала очень тщательно. Однако имеются и весьма содержательные коллекции. В фонде д.г.-м.н. П.А. Борисова имеются богатые материалы по геологии Карелии Кольского полуострова, о создании и деятельности, научно-исследовательской работе Института геологии Карелии. В составе фонда д.геогр.н. С.В. Григорьева документы по гидрологии, энергетике, гидроэнергетике Карельского полуострова, Карело-Мурманского края, Финляндии; гидрографии районов СССР и Европейского Севера; по истории Петрозаводска, о развитии гидротехники на Севере. В целом Научный архив Карельского научного центра сохранил значительную часть документального наследия ученых своего края.

Исследовательские фонды выявлены в музеях и государственных архивах региона: Государственном архиве Мурманской области, Национальном архиве Республики Карелия, Государственном архиве Архангельской области, Национальном архиве Республики Коми.

Интересные примеры в этом отношении можно привести по Государственному архиву Мурманской области. Большой промышленный регион известен прежде всего своими трудовыми достижениями по освоению и развитию сурового края. Соответственно и фонды личного происхождения, которых порядка 56, представлены передовиками производства, ветеранами Мурманского флота, руководителями крупнейших предприятий «Апатит», «Мурманскстрой», «Колэнерго», народными депутатами. И лишь 12 фондов можно отнести собственно к ученым — исследователям Арктики, а также краеведам. Среди них, безусловно, выделяются фонды историков Алексея Алексеевича Киселева (около 2 тыс. ед. хр.) и Ивана Федоровича Ушакова (около 1200 ед. хр.).

В Национальном архиве Республики Коми первые личные фонды появились еще до 1941 г. К собиранию личных документов архивное бюро Коми Автономной области приступило в 1924 г., когда заведующий Коми областным архивом А.А. Цембер призывал современников к написанию воспоминаний. Так он предполагал заполнить лакуны по истории Коми края в годы революции и Гражданской войны и побуждал современников к созданию альтернативной группы источников по истории Коми края. Но наиболее разнообразный комплекс частных документов отложился в фондах личного происхождения. Активно и плодотворно работа по комплектованию личными фондами велась в 1960-е гг. В настоящий момент их 62, а собственно профессиональных исследователей только 20. Среди них такие известные фамилии, как К.Ф. Жаков, А.В. Журавский, А.А. Цембер, В.И. Лыткин, П.Н. Доронин и другие. Среди личных фондов Национального архива известно только пять, которые были открыты при жизни фондообразователей и формировались при непосредственном их участии. Это фонды историков-краеведов В.Г. Зыкина, Н.И. Липина и П.А. Потапова, коми поэта Ф.В. Щербакова и писателя И.В. Изъюрова. Многие личные архивы не сохранились в виде единого фонда и хранятся в разных местах, поэтому каждая часть описана отдельно. Так, документы Василия Ильича Лыткина — доктора филологических наук, профессора, коми поэта, основоположника коми советской литературы и филологической науки, отдельными фондами хранятся в разных учреждениях Сыктывкара: Национальном архиве РК, Научном архиве Коми НЦ УрО РАН, Музее истории просвещения Коми края при СГУ.

Совершенно уникальным явлением можно считать создание личных фондов ученых в Музее истории просвещения Коми края Сыктывкарского госуниверситета, в которых отложились, прежде всего, письменные источники и менее значительно — вещественные. Тот факт, что директору музея доктору культурологии М.И. Бурлыкиной удалось собрать и провести научную систематизацию богатого комплекса документов известных в республике ученых А.С. Сидорова, В.И. Лыткина, А.К. Микужева, А.И. Туркина, Е.А. Игушева — еще одно свидетельство личного вклада ученого в изучение и сохранение национального наследия.

Следует отметить, что фонды личного происхождения формируются, как правило, после смерти ученого по результатам работы организованных в институте или отделе так называемых комиссий по научному наследию. Деятельность комиссий можно оценить двояко. Однозначно они проводили большую работу по спасению документов, но другое дело, что значительное количество актуальной научной документации оставалось в стенах того учреждения, где работал ученый, и оседало на полках действующих сотрудников. В архив, как правило, поступал отработанный материал, а проследить за документами, которые отражали незавершенные проекты ученого, и были доработаны последователями, архивисту уже крайне сложно. Поэтому понят-

но, каковы эти фонды по содержательному составу. В последние годы ситуация меняется, и деятельность таких комиссий не столь активна. У архивистов появилась возможность самостоятельно работать со всем объемом документации, беспристрастно и объективно отбирать документальный материал. Возможность получения фондов от родственников ученого позволяет создать весьма богатый фонд научной, общественной и личной документации. Наиболее перспективной является работа с фондом при жизни фондообразователя, когда она проводится осознанно и планомерно.

Комплексы документов в составе фондов личного происхождения бывают неполными, часть документов носит случайный характер. Подчас трудно составить полное представление о творческой деятельности фондообразователя только по материалам фонда, без обращения к его опубликованным трудам, работам о нем, воспоминаниям. Полнота и богатство фондов личного происхождения зависит от ряда причин, причем величина фигуры не на первом месте. Определяющим фактором является характер и самоорганизация ученого, который внимательно или нет относился к своим документам; сохранял или нет черновики, письма, информацию о себе в СМИ, вел или нет ежедневники, дневники. И немаловажно, как и через кого фонд поступил в архив.

Фонды личного происхождения ученых могут быть неодинаковы по количественным и содержательным показателям, но всегда имеют типичную структуру: «наука», «преподавание», «организация науки», «эпистолярный», «визуальный ряд». Такой состав документов определяется особенностями научного творчества. Документальные фонды, богатые и качественно обработанные, представляют исследователям образец человека эпохи с его интересами, увлечениями, жизненными этапами, результатами труда, с одной стороны, и срез конкретного исторического периода самой эпохи — с другой.

Комплектование архивов фондами личного происхождения ученых — особое направление деятельности архивов, позволяющее сохранить знания конкретной личности в конкретную историческую эпоху и запечатлеть ментальные особенности общества. Центрами концентрации документального научного наследия, сохраняющими знания, безусловно, являются архивы Российской академии наук, которые целенаправленно комплекуются личными фондами ученых, проводят их экспертизу и научное описание, осуществляют публикацию их научного наследия. В эпоху тотального перевода информации на цифровые носители перед архивистами стоит важная задача активизировать свою работу по выявлению и собиранию сохранившихся документальных комплексов «эпистолярного поколения».

¹ Документальное наследие академика А.А. Полканова в Архиве Академии наук СССР: Научное описание. Л., 1980; Научное наследие А.М. Разгона и актуальные проблемы музееведения (Чтения к 70-летию со дня рождения Авраама Моисеевича Разгона). Тезисы докладов. М., 1990; Документальное наследие ученых Казахстана (Из фондов Центрального архива АН КазССР). Алма-Аты, 1990; Фонды личного происхождения. Справочник // Труды Архива Российской академии наук. Т. 1(30). М., 2008; *Сапрыкина О.В.* Академик В.И. Ламанский (1833—1914): научное наследие и общественная деятельность. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Научное наследие академика Ф.Ф. Фортунатова и современное языкознание (к 90-летию со дня смерти): Сборник докладов Международной научно-практической конференции (13-16 сентября 2004 г.). Петрозаводск, 2004; и др.

Ю.В. Булгаков
(НБ им. В.И. Вернадского НАНУ, Украина)

Ученые-члены АН СССР в кругу общения советского математика М.Г. Крейна (по материалам личной переписки ученого)

В науке, как и в любой другой отрасли человеческой деятельности, важное значение имеют личные взаимоотношения между людьми. Особенно большое значение неформальные контакты приобретают в научной сфере, для формирования научных школ, координации исследований и обмена передовым опытом. Современное развитие истории науки ставит на повестку дня задание глубокого и всестороннего изучения влияния этого фактора на её историю, достижения и перспективы.

Необходимым условием выполнения указанной задачи видится активизация деятельности в области выявления и изучения соответствующей источниковой базы. В этом смысле сложно переоценить информативный потенциал личной переписки между ведущими специалистами в отдельных отраслях науки, которая хранится в личных архивных фондах. На Украине в качестве учреждения, которое занимается научно-технической обработкой документов личного происхождения, формированием и хранением личных фондов выдающихся учёных — членов НАН Украины, выступает Институт архивоведения, который находится в системе Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского.

В частности, в июне 2012 г. сотрудниками института была завершена обработка документов известного советского математика, учёного с мировым именем, члена-корреспондента АН УССР (1939), лауреата премии им. Н.М. Крылова (1979), Международной премии им. Вольфа (1982), лауреата Государственной премии Украины (1987), основателя школы функционального анализа — Марка Григорьевича Крейна (1907—1989). Документы ученого поступили в институт 20 октября 2004 г. и 4 августа 2005 г. при содействии ректора Одесского национального политехнического университета Г. Оборского. Из этих документов было сформировано 593 дела общим количеством 3913 документов, на которые составлены четыре описи. Наиболее информативным источником для реконструкции круга общения М.Г. Крейна является массив его личной переписки, на который составлена опись № 3. Эта опись включает 319 дел, насчитывающих 1118 документов за 1943—1989 гг.

Из общего массива переписки выделяется комплекс писем, адресатами и корреспондентами которых были известные советские и зарубежные математики и физики, являвшиеся членами АН СССР¹. Остановимся подробнее на их личностях и основных атрибутах.

Кратко вспомним основные моменты жизни и деятельности М.Г. Крейна. Будущий ученый родился 3 апреля 1907 г. в Киеве в многодетной семье лесозаготовителя. Основой стремительного начала научной карьеры Марка Григорьевича были знания, приобретенные на лекциях и научных семинарах известных математиков и физиков Д.А. Граве, Б.Н. Делоне, Г.К. Суслова. В 1924—1929 гг. он учился в аспирантуре Одесского университета под руководством известного алгебраиста Н.Г. Чеботарева.

Попутно отметим, что степень доктора физико-математических наук была присвоена М.Г. Крейну Московским государственным университетом без защиты диссертации в 1938 г.

После окончания аспирантуры ученый начал преподавательскую деятельность, сначала в Донецком горном институте, впоследствии вернулся в Одесский университет в качестве профессора (должность получил в 1931 г., звание — в 1934 г.), организовал научный семинар. В этот же период он начал работать в украинских научно-исследовательских учреждениях — НИИ математики при Харьковском университете, позже в Киеве возглавлял отдел алгебры и функционального анализа в Институте математики АН УССР (до января 1952 г.).

Во время Второй мировой войны М.Г. Крейн руководил кафедрой теоретической механики в Куйбышевском индустриальном институте (ныне — Самарский государственный технический университет), по совместительству занимал должности профессора и заведующего кафедрой в авиационном институте. В декабре 1944 г. ученый переехал в Одессу, где преподавал в Одесском институте инженеров Морского флота.

С 1954 г. и до выхода на пенсию Марк Григорьевич руководил кафедрой теоретической механики в Одесском инженерно-строительном институте (с 1957 г. — Одесский гидротехнический институт). В последние годы жизни был консультантом в Институте физической химии АН УССР.

Научные достижения М.Г. Крейна получили признание в СССР и за рубежом, он был избран членом-корреспондентом АН УССР (1939), членом Национального комитета СССР по теоретической и прикладной механике (1952), Ассоциации математиков СССР (входил в состав президиума), Московского, Ленинградского, Харьковского математических обществ, Американского математического общества и Американской академии искусств и наук.

Умер ученый 17 октября 1989 в Одессе.

В первую очередь, нужно отметить, что в фонде отложились преимущественно недатированные черновики писем М.Г. Крейна, вследствие чего даты их написания были установлены по их содержанию, в отличие от писем к учёному, в которых указана дата написания.

Самым ранним из указанных писем является одно письмо из двух, адресованных Д.Е. Меньшову (1892—1988), в Москву. По содержанию они датированы 1952 и 1962 г. К моменту написания первого письма Дмитрий Евгеньевич был доктором наук (1935), профессором (1934), в 1953 г. избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1943—1979 гг. руководил кафедрой теории функций и функционального анализа в МГУ. С 1947 г. и до конца жизни — старший научный сотрудник в МИАН. Член Московского математического общества с 1919 г.²

Не ранее 1955 г. датированы два письма, адресованных О.А. Ладыженской (1922—2004), в Ленинград. Ольга Александровна — доктор наук с 1954 г., профессор с 1955 г., была избрана членом-корреспондентом АН СССР в 1981 г., академиком в 1990 г. С 1949 г. преподавала в Ленинградском государственном университете (с 1955 г. — профессор). Одновременно с 1954 г. работала в ЛОМИ, в 1962—1999 гг. руководила Лабораторией математической физики³.

Среди данного документального массива количественными и качественными показателями отличается переписка с венгерским ученым Б. Секефальви-Надем (1913—1998), который проживал в г. Сегед (ВНР). Она велась с 1960 г. по 1983 г. и, возможно, позже, насчитывает 14 писем М.Г. Крейна и 17 писем-ответов. В этот период Б. Секефальви-Надь был академиком АН Венгрии (1956), иностранным членом

АН СССР (1971). С 1948 г. — профессор Сегедского университета, с 1970 г. — президент Сегедского комитета АН Венгрии⁴.

1962 годом удалось датировать письмо М.Г. Крейна А.Д. Александрову (1912—1999), в Ленинград. Александр Данилович, доктор наук (1938), профессор (1945), на момент написания этого письма был членом-корреспондентом (1946), академиком АН СССР был избран в 1964 г. В 1944—1964 гг. он был профессором математико-механического факультета, а с 1952 г. одновременно занимал должность ректора ЛГУ⁵.

В фонде представлено одно письмо Марку Григорьевичу от известного советского физика В.И. Векслера (1907—1966), отправленное из с. Солнечногорск Алуштинского района Крымской области 2 июля 1963 г. Владимир Иосифович, доктор наук (1940), академик АН СССР (1958), с 1956 г. занимал должность директора Лаборатории физики высоких энергий Объединенного института ядерных исследований (г. Дубна), с 1963 г. — пост академика-секретаря Отделения ядерной физики АН СССР⁶.

Также одним письмом М.Г. Крейну, за 1 августа 1963 г. из г. Комарово Ленинградской области, представлена его переписка с профессором ЛГУ В.И. Смирновым (1887—1974). Владимир Иванович, доктор наук (1936), был избран академиком АН СССР в 1943 г.⁷

Среди переписки Марка Григорьевича отложился черновик его письма к И.Н. Векку (1907—1977), в Новосибирск. Его можно датировать 1963 г. На тот момент Илья Несторович уже стал доктором наук (1939), профессором (1940), был избран академиком АН Грузинской ССР (1946) и АН СССР (1958). В 1959—1964 гг. был ректором, руководил кафедрой математической физики Новосибирского государственного университета⁸.

20 декабря 1964 г. написано единственное представленное в фонде письмо М.Г. Крейну от Л.А. Люстерника (1899—1981), предположительно из Москвы. Лазарь Аронович, доктор наук (1935), был избран членом-корреспондентом АН СССР в 1946 г. С 1931 г. — профессор МГУ. Один из организаторов журнала «Успехи математических наук», который начал выходить под его редакцией с 1936 г. С 1933 г. — член президиума Московского математического общества⁹.

Периодом не ранее 1964 г. датировано письмо Л.В. Канторовичу (1912—1986), предположительно в Москву. Леонид Витальевич, доктор наук (1935), в 1964 г. был избран академиком АН СССР. В 1948—1964 гг. руководил Отделом приближенных вычислений ЛОМИ. В 1960—1971 гг. возглавлял математико-экономическое отделение и занимал пост заместителя директора Института математики СО АН СССР (Новосибирск). Одновременно преподавал в Новосибирском государственном университете, в котором до 1970 г. руководил кафедрой вычислительной математики. В 1971—1976 гг. работал руководителем проблемной лаборатории Института управления народным хозяйством Государственного Комитета Совета Министров СССР по науке и технике (ГКНТ СССР). В 1976—1986 гг. заведовал отделом Всесоюзного научно-исследовательского института системных исследований ГНТК СССР и АН СССР (ныне — Институт системного анализа РАН)¹⁰.

Не позднее 30 июня 1972 г. М.Г. Крейну отправил два письма Ю.В. Линник (1915—1972) из Ленинграда. О судьбе Юрия Владимировича нужно сказать отдельно. Через два года после окончания ЛГУ (1938) защитил докторскую диссертацию, став доктором физико-математических наук в 25 лет (1930). В 38 лет избран членом-корреспондентом (1953), в 49 лет — академиком АН СССР (1964). С 1940 г. (с перерывом в период воинской службы в 1941—1942 гг.) работал в ЛОМИ. В 29 лет занял

должность профессора ЛГУ (1944), в 44 года — пост президента Ленинградского математического общества (1959—1965). Учёный три года не дожидаясь своего 60-летия¹¹.

Переписка Марка Григорьевича с одним из его учителей, Б.Н. Делоне (1890—1980) представлена одним письмом, адресованным Борису Николаевичу не позднее 17 августа 1980 г., в Москву. Доктор наук (1934), член-корреспондент АН СССР (1929), ученый работал в Москве с 1934 г. — руководил отделами алгебры (1945—1960) и геометрии (с 1960 г.) в МИАН, кафедрой Академии связи им. В.Н. Подбельского (с 1935 г.), кафедрами высшей геометрии (1935—1943), и математики (1947—1961) в МГУ¹².

Периодом не позднее 20 октября 1987 г. можно датировать три письма М.Г. Крейна к А.Н. Колмогорову (1903—1987), предположительно в Москву. Андрей Николаевич, доктор наук (1935), был избран академиком АН СССР в 1939 г. и до 1942 г. занимал пост академика-секретаря Отделения физико-математических и естественных наук АН СССР. В 1966 г. был избран действительным членом АПН СССР. В разные годы занимал ряд руководящих должностей в советской науке: в МГУ — руководил НИИ математики и механики, НИИ математики, отделением математики, механико-математическим факультетом, межфакультетской лабораторией вероятностных и статистических методов, возглавлял четыре кафедры; в МИАН — руководил отделами теории вероятностей, математической статистики и теории информации; в Институте теоретической геофизики АН СССР — руководил лабораторией атмосферной турбулентности. Работал в редакциях журналов «Доклады Академии наук СССР» (заместитель главного редактора), «Успехи математических наук» (заместитель главного редактора, главный редактор), «Теория вероятностей и ее применения» (главный редактор), руководил деятельностью редакции математики и механики Издательства иностранной литературы (впоследствии издательство «Мир»). Был президентом Московского математического общества, председателем Комиссии по математическому образованию АН СССР¹³.

Среди писем Марка Григорьевича, даты которых не удалось установить, по одному письму — П.С. Александрову, А.А. Маркову (мл.), Л.И. Седову в Москву, Л.Д. Фаддееву в Ленинград, Ю.А. Митропольскому в Киев, А.В. Погорелову в Харьков, Н.И. Мухелишвили в Тбилиси.

Павел Сергеевич Александров (1896—1982) был избран академиком АН СССР в 1953 г. В разное время возглавлял кафедры геометрии, геометрии и топологии в МГУ, Отдел топологии в МИАН. Был президентом, почетным президентом Московского математического общества (ММО), содействовал становлению практики участия ММО в издании журнала «Успехи математических наук», был его главным редактором¹⁴.

Андрей Андреевич Марков (мл.) (1903—1979) — доктор наук (1935), профессор (1936), был избран членом-корреспондентом АН СССР в 1953 г. В разное время руководил лабораторией, был заместителем директора в ЛОМИ, позже — в МИАН, заведовал лабораторией математической логики и структуры машин Вычислительного центра АН СССР, кафедрой математической логики и теории алгоритмов в МГУ. Был членом Научного совета по кибернетике АН СССР, комитета Советского национального объединения истории и философии естествознания и техники, вице-президентом Московского математического общества¹⁵.

Леонид Иванович Седов (1907—1999) — доктор наук, профессор с 1938 г., был избран академиком АН СССР (1953). Занимал различные должности в Центральном аэрогидродинамическом институте им. Н.Е. Жуковского (ЦАГИ) (заместитель начальника гидродинамической лаборатории), в Московском авиационном институте

им. Серго Орджоникидзе (зав. кафедрой), в МГУ (зав. отделением, зав. кафедрой), в Военно-инженерной академии им. В.В. Куйбышева (начальник кафедры), в МИАН (зав. отделом), в НИИ-1 (ныне — Институт тепловых процессов) (начальник отдела, заместитель начальника по научной работе), Центральном институте авиационного моторостроения им. П.И. Баранова (зам. начальника по научной работе). Был председателем Постоянной межведомственной комиссии по координации и контролю научно-технических работ в области организации и осуществления межпланетных сообщений при ГКНТ СССР, первым заместителем председателя президиума Национального комитета СССР по теоретической и прикладной механике, главным редактором реферативного журнала «Механика», журнала «Космические исследования», а также председателем секции изданий Главной редакции физико-математической литературы издательства «Наука»¹⁶.

Людвиг Дмитриевич Фаддеев (1934 г.р.) — доктор наук (1963), был избран действительным членом АН СССР в 1976 г. В период переписки с М.Г. Крейном занимал должности заведующего лабораторией математических проблем физики и заместителя директора ЛОМИ, директора-организатора Международного математического института им. Л. Эйлера, посты вице-президента, президента Международного математического союза, руководил кафедрой высшей математики и математической физики в ЛГУ¹⁷.

Юрий Алексеевич Митропольский (1917—2008) — доктор технических наук (1951), профессор (1954), был избран действительным членом АН УССР в 1961 г., действительным членом АН СССР — в 1984 г. Занимал руководящие посты в АН УССР — заведующий отделом математической физики, заместитель директора, директор, почетный директор Института математики; председатель бюро отделения физико-математических наук, академик-секретарь отделений математики, механики и кибернетики (позже — математики), член Президиума. Был избран членом бюро Отделения математики АН СССР. По совместительству руководил кафедрой дифференциальных уравнений в КГУ им. Т.Г. Шевченко. Работал заместителем ответственного редактора, главным редактором «Украинского математического журнала», ответственным редактором журнала «Доповіді АН УРСР», входил в редколлегию всесоюзного журнала «Дифференциальные уравнения». Был членом Комитета по Государственным премиям УССР в области науки и техники при Совете Министров УССР¹⁸.

Алексей Васильевич Погорелов (1919—2002) — доктор наук (1947), был избран академиком АН УССР в 1960 г., академиком АН СССР — в 1976 г. Руководил кафедрой геометрии в Харьковском государственном университете. Организовал Отдел геометрии в Физико-техническом институте низких температур АН УССР (Харьков). Возглавлял Харьковский научный центр АН УССР и Харьковское математическое общество¹⁹.

Николай Иванович Мухелишвили (1891—1976) — доктор наук (1934), был избран академиком АН Грузинской ССР в 1941 г., академиком АН СССР — в 1939 г. Занимал посты президента, почетного президента АН Грузинской ССР. Был деканом политехнического и физико-математического факультетов Тифлисского государственного университета, руководил Отделом теории упругости МИАН, возглавлял Математический институт им. А.М. Размадзе АН Грузинской ССР. Руководил работой Национального комитета по теоретической и прикладной механике СССР²⁰.

В общей сложности переписка М.Г. Крейна с 19 известными советскими и зарубежными математиками и физиками насчитывает 54 письма (32 — учёного и 22 — к

нему), из них сформированы 20 дел. Письма охватывают период 1952—1989 гг. Среди адресатов и корреспондентов учёного — заведующие кафедрами, деканы факультетов, ректоры ведущих вузов, заведующие отделами, лабораториями, директора научно-исследовательских институтов СССР.

Научное значение переписки М.Г. Крейна состоит в том, что она является наследием не только самого Марка Григорьевича, но и учёных, с которыми он ее вел, а также может дополнить личные архивные фонды упомянутых членов АН СССР, хранящиеся в архивах РАН.

¹ Институт архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. 346. Оп. 3. Д. 1, 2, 12, 23, 34, 37, 44, 54, 56, 58, 60, 67, 80, 81, 86, 147, 208, 213, 260, 262.

² Меньшов Дмитрий Евгеньевич // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=21858>

³ Ладыженская Ольга Александровна // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=8865>

⁴ Сёкефальви-Надь, Бела // http://www.ru.wikipedia.org/wiki/Сёкефальви-Надь,_Бела

⁵ Александров Александр Данилович // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=9076>

⁶ Векслер Владимир Иосифович // http://jinr.info/who_is_who/famous/?id=41

⁷ Смирнов Владимир Иванович // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=24330>

⁸ Векуа Илья Несторович // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=23473>

⁹ Люстерник Лазарь Аронович // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=22472>

¹⁰ Канторович Леонид Витальевич // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=21951>

¹¹ Линник Юрий Владимирович // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=24405>

¹² Делоне Борис Николаевич // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=25811>

¹³ Колмогоров Андрей Николаевич // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=14007>

¹⁴ Александров Павел Сергеевич // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=21996>

¹⁵ Марков (мл.) Андрей Андреевич // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=31962>

¹⁶ Седов Леонид Иванович // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=21697>

¹⁷ Фаддеев Людвиг Дмитриевич (23.03.1934) // <http://www.assembly.spb.ru/authors/show/635516025>

¹⁸ Митропольський Юрій Олексійович. 3.01.1917 — 4.06.2008. Основные даты жизни и деятельности (к 90-летию со дня рождения) // <http://www.mathsociety.kiev.ua/Mitropolsky.html>

¹⁹ Погорелов Алексей Васильевич // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=18697>

²⁰ Мухелишвили Николай Иванович // <http://www.mi.ras.ru/index.php?c=inmemoriapage&id=26582>

«Весь ход развития культурной революции перехлестнул нашу Коммунистическую академию». К истории подготовки ликвидации Коммунистической академии при ЦИК СССР. 1934 г.

Признаки кризиса в деятельности Коммунистической академии при ЦИК СССР, который привёл, в конечном итоге, к её ликвидации, отмечались в постановлении ЦК ВКП(б) «О работе Комакадемии» от 15 марта 1931 г.¹ В нем констатировалось, что страна находится на этапе «завершения фундамента социалистической экономики», что требовало «перестройки всей научно-исследовательской работы»: подчинения её «строгой плановости», создания «многочисленных кадров научных работников-коммунистов», и, особенно, преодоления «отставания научной работы от практики социалистического строительства». Между тем, отмечалось в постановлении, Комакадемия «запоздала с перестройкой своей работы», а осуществляемое ею теоретическое руководство научными учреждениями было признано недостаточным и несвоевременным. Выход из кризиса виделся в организационной перестройке деятельности Комакадемии. В частности, в области естествознания ее Президиуму было предложено «особое внимание обратить на актуализацию и политическое заострение всей работы Ассоциации естествознания, ускорение и расширение подготовки естественнонаучных кадров, и ликвидацию случайного и незаконченного характера сети её научных учреждений». Указывалось также на необходимость объединения институтов красной профессуры с институтами Комакадемии.

15 февраля 1934 г. на заседании Президиума Комакадемии рассматривался представленный М.А. Савельевым проект ее «реорганизации» и было принято решение о его доработке², однако впоследствии вопрос о внутренней перестройке работы Комакадемии перерос в вопрос о нецелесообразности самого её существования. Инициатива такой постановки вопроса принадлежала Э.Я. Кольману³.

Объективные условия, приведшие к ликвидации Коммунистической академии, А.А. Максимов⁴ описывал следующим образом: «В то же время средняя школа при введении всеобщего, обязательного обучения стала давать достаточное пополнение для вузов из среды трудящихся, а вузы стали всё больше выпускать специалистов советской формации, надобность в существовании особых путей для подготовки специалистов через рабфаки, особые институты красной профессуры, через особые учебные учреждения, дающие марксистско-ленинское образование, стала отпадать. Возникла и привилась единая система образования от самой низшей до самой высшей, в которой органической составной частью стало образование в духе марксизма-ленинизма. Отпала и надобность в особой Коммунистической академии, и она в 1936 году влилась в единую Академию наук СССР»⁵, а «вопрос о борьбе с враждебной марксизму-ленинизму идеологией в среде интеллигенции внутри СССР» встал «по-иному»⁶.

Коммунистическая академия при ЦИК СССР была ликвидирована по постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 февраля 1936 г.

т.т. Савельеву⁷, Пашуканису⁸, Островитянову⁹

Отвечая на сделанное т. Савельевым на совещании директоров ин[ститу]тов К[оммунистической] а[кадемии] предложение дать нам свои соображения о дальнейших перспективах Комакадемии, хочу высказаться по этому поводу со всей откровенностью.

Если вдуматься как следует в состояние Комакадемии и её ин[ститу]тов, то ясно, что это состояние не может быть в достаточной мере определено ни количеством и качеством выпущенной продукции, ни количеством и качеством кадров, ни даже взаимоотношениями между ин[ститу]тами и Президиумом и состоянием последнего. Надо сказать, что по всем этим линиям положение у нас не из блестящих. Но вместе с тем неверно, когда говорят, например, «Комакадемия совершенно ничего не даёт». Нет, Комакадемия даёт кое-что иногда даже и вовсе неплохое. Но то, что она даёт, к лицу любому среднему ин[ститу]ту — а не тому марксистскому центру научно-исследовательской работы, каким должна быть Комакадемия. Таким центром К[оммунистическая] а[кадемия] в данный момент уже в течение нескольких лет не является. В этом гвоздь вопроса. И именно сознание этой печальной истины создаёт в нас чувство неполноценности, так что мы иногда даже несомненные достижения сами затушёвываем.

Надо прямо сознаться, что ЦК делал повторные попытки сохранить за К[оммунистической] а[кадемией] её положение, её авторитет (см. обе последние резолюции ЦК), приспособить её к новым условиям, однако напрасно. Не думаю, что это не удалось потому, что у нас в К[оммунистической] а[кадемии] какие-то плохие люди. Нет, если бы даже были неподходящие люди, то при другой ситуации живо бы их заменили. Но весь ход развития культурной революции перехлестнул нашу К[оммунистическую] а[кадемию].

На самом деле К[оммунистическая] а[кадемия] (САОН¹⁰) была создана в 1918 г. со специальной целью противопоставления А[кадемии] н[аук]. Она сделала своё дело, её исторические заслуги, несомненно, будут когда-то оценены, но она теперь не только может, но и должна сойти со сцены, ибо при данных условиях, при том развитии, которое приняла А[кадемия] н[аук], том отношении к ней партии и правительства, дальнейшее существование К[оммунистической] а[кадемии] как будто говорит: «Значит, в А[кадемии] н[аук] делается не наша, не коммунистическая наука, а какая-то другая?!». Это политически неверно, это политически вредно. А[кадемия] н[аук] теперь уже сама желает и сама становится коммунистической академией — нельзя ей мешать в этом.

Отсюда вывод, что с К[оммунистической] а[кадемией] надо сейчас поступить подобно тому, как партия поступила с РАПП¹¹, как с рядом обществ марксистов, как с Ассоциацией естествознания, как с ИКПЕ¹², как она несомненно поступит со всеми ин[ститу]тами красной профессуры. Всё это пережитки эпохи военного коммунизма.

Надо ликвидировать К[оммунистическую] а[кадемию], использовать всё лучшее, что в ней имеется для усиления А[кадемии] н[аук], создав там быть может сектор социально-политических наук. Вопрос о судьбе отдельных наших ин[ститу]тов является с этой точки зрения лишь подчиненным вопросом.

С коммунистическим приветом Э. Кольман

31/X [19]34 г.

АРАН. Ф. 350 (Коммунистическая академия при ЦИК СССР). Оп. 1. Д. 893. Л. 7—7 об. Машинопись, подпись — автограф.

Некоторые соображения по вопросу о реорганизации К[оммунистической] а[кадемии]

1. Академия наук, несмотря на коммунистическое руководство, далеко ещё не коммунизирована, и не может быть коммунизирована в ближайшие годы в отношении, как самих академиков, так и научных работников её многочисленных институтов, музеев и др. учреждений. В ближайшие годы она будет ещё в широких размерах использовать беспартийных учёных, особенно в составе I-го (физико-математического) отделения.

2. Работы этих учёных далеко ещё не проникнуты единым научным методом «на основе материалистического мировоззрения», о котором говорится в её уставе.

3. Поэтому слияние К[оммунистической] а[кадемии] с Ак[демией] наук, ничего не изменяя в составе I-го отделения, повело бы к разжижению коммунистических кадров обществоведческих ин[ститу]тов К[оммунистической] академии беспартийными элементами. При таких условиях с ликвидацией Комакадемии Сов[етский] Союз лишился бы важного и в своём роде единственного центра марксистско-ленинской теоретической мысли в области общественных наук; необходимость же существования такого центра в системе пролетарской диктатуры вряд ли нужно доказывать.

4. Однако в своём теперешнем виде Комакадемия остаться не может. Опираясь по-прежнему на ин[ститу]ты, т.е. сохраняя тот же тип академии, каким является, в противоположность западноевропейским академиям, наша Академия наук, т.е. сочетая общество квалифицированнейших учёных с научными учреждениями, руководимыми этими учёными, Комакадемия должна вернуться к практике созыва своего пленума.

5. Пленум должен собираться периодически как сессии и заниматься как научно-организационными вопросами, предварительно подготовленными его группами, или Президиумом, так и обсуждением докладов наиболее общего характера.

6. Пленум должен быть разбит на группы или секции, например: историко-философскую, экономическую (Ин[ститу]т экономики, Аграрный, ИМХ) и сов[етского] права. Эти секции должны заниматься научно-организационными вопросами, поступающими из соотв[етствующих] ин[ститу]тов, вынося наиболее важные из них на решение пленума. Во 2-х, в секциях должны заслушиваться и обсуждаться доклады более специального, более узкого характера.

7. С правом решающего голоса в заседаниях групп или секций участвуют члены Ком[мунистической] академии соответствующей специальности, директора ин[ститу]тов и их замы. С совещательным — научные сотрудники ин[ститу]тов Комакадемии и др. родственных институтов.

8. Президиум, в состав которого, помимо председателя, его зама и учёного секретаря должны входить руководители групп, осуществляет общее политическое руководство Академией, решает текущие вопросы административного характера, распоряжается финансовыми средствами Академии и т.п.

9. Состав членов Комакадемии должен быть пересмотрен. Возможно введение разделения на почётных и действительных членов. Это уничтожило бы неопределённость состава пленума и избавило Комакадемию от «мёртвых душ».

*Н. Лукин*¹³

*Н. Ванаг*¹⁴

4/XI — [19]34 г.

АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 893. Л. 25—26. Машинопись.

№ 3
Письмо М.Б. Митина

19 ноя[бря] 1934 [г.]

Сов[ершено] секретно.

В связи с большими изменениями, которые произошли во всей объективной обстановке крайне назрел вопрос о постановке работы, перспективах развития, удельном весе и месте в общей системе научно-исследовательских институтов и учреждений — Коммунистической академии. В первую очередь в связи с этим встаёт вопрос о взаимоотношении Коммунистической академии и Академии наук. Под влиянием огромного размаха социалистического строительства — известного «омоложения» состава академиков, поворота интеллигенции в сторону соввласти и марксистского мировоззрения, усиления коммунистического влияния в стенах А[кадемии] н[аук], а также исключительного внимания к её работе со стороны партии и правительства, в самой Академии наук произошли большие сдвиги в сторону приближения к практике соцстроительства всей её работы, выросла роль и значение Академии наук. Перевод А[кадемии] н[аук] в Москву с особой силой продолжает её перестройку в этом направлении.

Если говорить о перспективе развития научной работы и её системы организации, то, несомненно, дело идёт к единой Академии наук Советского Союза. Созрел ли, однако, этот процесс к настоящему времени до такой степени, что со всей необходимостью встаёт вопрос о слиянии Комакадемии и Академии наук[?]

Мне кажется, что ни состояние работы и степень её перестройки в самой Академии наук, ни состоянии работы Комакадемии, ни степень развития нашей пролетарской интеллигенции, роста наших кадров, могущих завоевать и обеспечить в стенах Академии наук руководящие наши позиции в важнейших отраслях естествознания и техники, не говоря уже об общественных науках — не ставят ещё на данном этапе со всей необходимостью вопрос о слиянии Комакадемии и Академии наук.

Нельзя отождествлять положение на научном фронте с вопросом о РАПП'е и его ликвидации. При известных общих моментах тут имеется ряд крайне существенных отличительных черт. РАПП был создан как общественная организация наших кадров в тот период, когда они были очень слабы, когда общее настроение и творческая работа широких кадров писателей требовали организационного сплочения и выделения в отдельную организацию наших кадров. РАПП был ликвидирован тогда, когда он превратился в помеху для дальнейшего усиления нашего влияния на широкие круги писателей, благодаря чисто административным и групповым методам работы, которые начали в нём практиковаться. Во-вторых, своеобразие руководства на фронте литературы состоит в том, что в пределах метода социалистического реализма необходимо развязывать в максимальной степени творческую инициативу, различие жанров, творческие группировки и методы работы писателей для художественного отображения нашей действительности.

Другое дело на фронте науки и особенно того раздела науки, который объединён в системе Коммунист[ической] академии — раздела общественных наук. Коммунистическая академия отнюдь, по моему мнению, не превратилась в помеху для развития работы институтов и отдельных участков теоретической работы. Во-вторых, марксистско-ленинская выдержанность и партийная воинственность является важнейшим условием развития нашей общественной науки.

Вот эти обстоятельства, а также важнейшее обстоятельство, которое никак забывать не следует и которое поставило перед сектором общественной науки огромной

важности политические задачи — речь идёт о задачах идейно-политической работы партии во вторую пятилетку, выдвинутых т. Сталиным¹⁵ на 17 съезде партии — ставят вопрос о сохранении Коммунистической академии при условии действительной перестройки её работы. Если по содержанию работы институтов перестройка действительно началась, то этого никак нельзя сказать про работу Президиума Комакадемии.

Перестройку по организационной линии работы Комакадемии я мыслю себе в следующем направлении:

1) Всяческое укрепление работы институтов, усиление их кадрами и материальными средствами до максимальной степени, сократив аппарат Президиума.

2) Членов Президиума К[оммунистической] а[кадемии], не работающих в институтах, прикрепить для ведения научной работы в самих институтах.

3) Изменить состав Президиума Комакадемии в том духе, чтобы отразить те изменения в составе наших кадров, которые произошли за последние годы.

4) Начать практиковать особенно по линии отдельных институтов совместные мероприятия с Академией наук, вроде, например, сессии Института философии.

5) Немедленно и решительно сдвинуть с мёртвой точки вопрос об учёных званиях и степенях.

6) Не разбрасываться, не нагромождать каждый раз всё новые и новые задачи, не стремиться к организации новых институтов в стенах Комакадемии, а укрепить существующие.

7) Не чаще одного раза в месяц или даже в два раза в месяца устраивать заседания Президиума по большим принципиальным теоретическим вопросам, в обсуждении которых совершенно необходимо участие представителей различных участков теоретического фронта. Действительно организовывать эти заседания, рассылать за несколько дней материалы, поднять авторитет этих заседаний.

8) Серьёзно проработать вопрос о научных работниках Комакадемии (научная квалификация, партнагрузка, материально-бытовое положение, совместительства и т. д.).

1. Место Института в системе родственных учреждений.

В Советском Союзе существуют следующие научно-исследовательские институты философии: Ин[ститу]т философии К[оммунистической] а[кадемии] (Москва), Ин[ститу]т философии ЛОКА (Ленинград), Ин[ститу]т философии ВУМЛИН'а (Киев), Ин[ститу]т философии Белорусской Академии наук (Минск). Помимо этих Институтов философии и кафедр диалектического материализма по вузам, втузам и т.д. существует ещё в качестве важного раздела научно-исследовательской работы — раздел при Московском ИФИ и, наконец, Институт Красной профессуры философии. Таковы все учреждения по вопросам философии, имеющиеся в Союзе. Институту философии Ком[мунистической] академии (Москва) бесспорно принадлежит руководящее место. Единственно, в чём местные институты обвиняют московский Институт — это в том, что он недостаточно руководит их работой. Со стороны местных институтов присылаются к нам планы их работы, даются на отзыв те или иные мероприятия. Мы раза два или три созывали совещания этих институтов по вопросам планирования и координации научной работы. Продукция Института нашего, журнал «П[од] з[наменем] м[арксизма]», который формально не является органом нашего Института, наши основные теоретические установки, и линия научной работы являются общепризнанной линией работы всех других Институтов и кафедр диалектического материализма по всему Союзу. Насколько роль Института в этом отно-

шении обеспечена — свидетельствует то, что партийные и советские инстанции (ЦК партии, Комиссия партийного контроля, Наркомпрос) по вопросам философии запрашивают мнение Института и с ним считаются, как с мнением авторитетным. Что касается целого ряда крупнейших всесоюзного значения институтов по вопросам естествознания — то они всегда готовы консультироваться по теоретическим проблемам естествознания в нашем Институте. К сожалению, мы не в состоянии и не в силах отвечать на те вопросы, которые в этом отношении предъявляются к нам.

Руководящая роль Института философии особенно утвердилась в связи с проводимыми нами научными сессиями. За последние три года нами были проведены три научные сессии:

- 1) посвящённая столетней годовщине смерти Гегеля.
- 2) 50-летию со дня смерти Маркса.
- 3) 25-летию со дня выхода в свет «Материализма и эмпириокритицизма».

В Институте регулярно не реже двух раз в месяц происходят так называемые, научные производственные совещания, на которых ставятся и обсуждаются теоретические вопросы работы Института — особенно по разделам диамата и философии.

Институт ведёт большую массовую работу (декады) как в Москве, так и на местах. При участии Института организован марксистско-ленинский Университет научных работников, который существует в Москве второй год и который охватывает в своей работе около 800 высокой квалификации научных работников. Сейчас ставится вопрос о том, чтобы этот университет вообще существовал при Институте.

За последний период времени удельный вес Института и вся его работа значительно поднялись. Усилилась связь Института с основными философскими кадрами. Работа по истории философии и по идеологии фашизма, которая сейчас проводится в Институте, в большой степени содействует этой связи. Можно теперь утвердительно сказать, что за некоторыми отдельными исключениями Институт связался почти со всеми кадрами философского фронта и привлёк их к работе по заданиям и плану Института. Постепенно мы начинаем ближе подходить и к вопросам литературы и искусства. Издание классиков философии, по мнению Института, начинает сдвигаться с мёртвой точки — восстановлена «Библиотека материализма» (вышли «Избранные произведения» Пристли¹⁶ впервые на русском языке подготовлен ряд других работ), восстановлено издание сочинений Гегеля (вышла «Философия права». В этом году должны выйти ещё два тома). Также обстоит дело и с классиками философии.

*Митин*¹⁷

АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 893. Л. 14—18. Машинопись, подпись — автограф.

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 5. М., 1984. С. 266—269.

² АРАН. Ф. 350 (Коммунистическая академия при ЦИК СССР). Оп. 1. Д. 898. Л. 61.

³ Кольман Эрнест (Арношт) Яромирович (1892—1979) — философ, историк математики, ответственный редактор журнала «За марксистско-ленинское естествознание» (1931), действительный член Комакадемии (с 1931 г.), директор Института философии АН ЧССР (1959—1962).

⁴ Максимов Александр Александрович (1891—1976) — философ, профессор Института красной профессуры (1929—1934), МГУ (1944—1949), чл.-корр. АН СССР (с 1943 г.).

⁵ АРАН. Ф. 1515 (А.А. Максимов). Оп. 1. Д. 153. Л. 74—75.

⁶ Там же. Л. 74.

⁷ Савельев Максимилиан Александрович (1884—1939) — советский партийный и государственный деятель, директор Института В.И. Ленина (1928—1930), редактор газеты «Правда» (с 1930 г.), ди-

- ректор Института экономики АН СССР (1936–1938), действительный член (с 1919 г.), председатель Президиума (с 1932 г.) Комакадемии, академик АН СССР (с 1932 г.).
- ⁸ Пашуканис Евгений Брониславович (1891–1937) — юрист, директор Института советского строительства и права Комакадемии (с 1931 г.), зам. наркома юстиции (с 1936 г.), действительный член Комакадемии (с 1927 г.).
- ⁹ Островитянов Константин Васильевич (1892–1969) — экономист и общественный деятель, директор Института экономики АН СССР (1947–1953), главный редактор журнала «Вопросы экономики» (1948–1954), действительный член Комакадемии (с 1930 г.), академик (с 1953 г.), вице-президент АН СССР (1953–1962).
- ¹⁰ Социалистическая академия общественных наук, так называлась Комакадемия в 1918–1919 гг.
- ¹¹ Российская ассоциация пролетарских писателей.
- ¹² Институт красной профессуры естествознания.
- ¹³ Лукин Николай Михайлович (псевдоним Н. Антонов) (1885–1940) — историк, директор Института истории Комакадемии (1932–1936), Института истории АН СССР (1936–1938), ответственный редактор журнала «Историк-марксист» (1933–1938), действительный член Комакадемии (с 1919 г.), академик АН СССР (с 1929 г.).
- ¹⁴ Ванаг Николай Николаевич (1899–1937) — историк, зам. директора Института истории Комакадемии (с 1932 г.), действительный член Комакадемии (с 1930 г.).
- ¹⁵ Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1879–1953) — генеральный секретарь ЦК ВКП(б) (с 1922 г.) председатель СНК СССР и ГКО (с 1941 г.), действительный член Комакадемии (с 1927 г.), почётный член АН СССР (с 1939 г.).
- ¹⁶ Пристли Джозеф (1733–1804) — английский химик, философ-материалист, иностранный почётный член Петербургской академии наук (с 1780 г.).
- ¹⁷ Митин Марк Борисович (1901–1987) — философ, директор ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) (1939–1944), академик АН СССР (с 1939 г.).

Память о памяти: публикация дневников В.И. Вернадского В.П. Волковым

Французский историк Пьер Нора характеризует современность как «эпоху всемирного торжества памяти». Что означает «глубокое изменение традиционного отношения к прошлому». Среди прочих примет этого изменения «повышенная чувствительность к сбору архивов и к открытию доступа к ним». Этот «архивный бум» мог бы радовать, если бы, по мнению историка, за ним не стояло отчуждение прошлого: «Мы больше не живем в нем, оно говорит с нами лишь через оставленные им следы — загадочные следы, смысла которых мы должны допытываться, потому что в них скрывается секрет того, что мы есть, нашей “идентичности”. У нас нет больше общей почвы с прошлым. Мы можем обрести его лишь через реконструкцию — с помощью документов, архивов, памятников»¹.

«Одержимость архивами» оказывается обратной стороной «чувства быстрого и окончательного исчезновения памяти»: мы просто не знаем, что нам надлежит помнить и потому, на всякий случай, пытаемся сохранить все. «В прошлом коллекционеры, эрудиты, бенедиктинцы посвящали себя собиранию документов, превращаясь в маргиналов как для общества, которое обходилось без них, так и для истории, которая без них писалась. Затем история-память поместила эту сокровищницу в центр своей эрудитской работы, распространяя ее результаты по тысячам социальных каналов. Сегодня, когда историки подавлены культом документов, все общество проповедует религию сохранения и производства архивов. То, что мы называем памятью, — это на самом деле гигантская работа головокружительного упорядочивания материальных следов того, что мы не можем запомнить, и бесконечный список того, что нам, возможно, понадобится вспомнить. “Память бумаги”, о которой говорил Лейбниц, стала автономным институтом музеев, библиотек, складов, центров документации, банков данных. По мнению специалистов, продолжение количественной революции через несколько десятилетий приведет к умножению числа только общественных архивов в тысячу раз. Ни одна эпоха не стремилась в такой же степени, как наша, к производству архивов. Дело не только в количестве бумаг, которое спонтанно производит общество нового времени, не только в существовании технических способов реконструкции и сохранения, которыми оно располагает, но и в суеверном уважении, которое оно испытывает к следам прошлого... Странную метаморфозу претерпели профессионалы, которых раньше обычно упрекали в мании сохранения, в том, что они являются прирожденными производителями архивов. Сегодня частные предприятия и государственные учреждения нанимают архивистов, требуя от них сохранения всего, тогда как профессионалы уже поняли, что главное в их ремесле состоит в искусстве подконтрольного разрушения»².

Современные архивы становятся мертвыми, они перестают быть хранителями смыслов, превращаются в хранилища информации, использовать которую невозможно из-за ее количества. Только профессиональные архивы и профессиональные исследователи могут вернуть жизнь документам, превратить их из мертвых бумажек в

свидетельства. Причем особый смысл приобретает систематическая работа с фондами, поскольку фрагментарные публикации часто оказываются не столько свидетельствами, сколько аргументами *ad hoc*.

Несколько последних десятилетий историками активно обсуждается вопрос о соотношении истории и коллективной памяти как разных инструментов работы с прошлым (и Нора был одним из первых, кто указал на эту разность). За это время от жесткого противопоставления памяти и истории и их частого конфликта перешли к рассуждениям о том, что в реальности они являются часто взаимодополняющими и сотрудничающими практиками. Их соотношение представляет огромный интерес для профессионального историка, у которого появились новые задачи — изучать формирование и динамику коллективной памяти, осуществлять ее аналитику, отслеживая манипуляции ею со стороны тех или иных социальных групп.

На этом фоне повышается интерес к личным свидетельствам о прошлом: дневникам, воспоминаниям, письмам. Существуют времена, когда создание подобных текстов обусловлено рутинной культурной практикой и интересно прежде всего этим. Однако часто само существование подобных материалов указывает на наличие привычки рефлексии, которая, если уж существует, то распространяется на все стороны жизни. Поскольку в нашем случае речь идет о материалах, хранящихся в Архиве Академии наук, то сам корпус подобных источников потенциально является памятью научного сообщества, которая служит его связующей (по Я. Ассману «коннективной») структурой. Но для того чтобы стать частью реальной памяти, эти материалы должны быть опубликованы, войти в общественное пространство — в случае с дневниками В.И. Вернадского это обеспечила самоотверженная работа В.П. Волкова. Публикация дает надежду на вхождение не просто информации, но самой стоящей за ними личности с определенной точкой зрения на мир в корпус коллективной памяти, на то, что личная память окажет воздействие на коллективную. К сегодняшнему дню опубликованы пять томов дневников В.И. Вернадского, ответственным редактором, публикатором и комментатором которых выступал доктор геолого-минералогических наук Владислав Павлович Волков. Еще два тома В.П. Волков успел подготовить до своей смерти (в декабре 2012 г.).

Дневники для самого Вернадского имели огромное значение как место постоянной рефлексии, как бы надстраивающейся над уровнем не только обыденного, но и научного существования. Интерес для исследователей они представляют во многом не как собрание результатов, а как процесс, отражающий постоянную картину становления личности и отстаивания себя именно как личности. Фрагментарная публикация дневников, начавшаяся с 1980-х гг., именно поэтому не могла дать представление о «космосе» Вернадского — фигуры не только огромной по масштабам, но и включенной в сложную живую сеть интеллектуальных, научных, социальных и личностных практик. Издание дневников в их целостности изменило всю ситуацию для исследователей жизни, личности и научной деятельности Вернадского. Причем сегодня он актуален для историков в связи с уникальной стратегией собственной жизни, обеспечивающей достойное существование личности в условиях, когда властными усилиями личность нивелировалась.

Дневники удивляют своим внутренним бесстрашием — Вернадский видит, что происходит в стране, констатирует и оценивает это (без пафоса и публицистики). А наблюдатель Вернадский хороший и безжалостно точный — это основа работы ученого-естественника.

Публикация дневников началась в 1994 г. с киевского издания, подготовленного группой публикаторов, отражающего «украинский» (1917–1921) период жизни

Вернадского. Понятно, что этот сложный период, в который предстояло сделать жизненный выбор в ситуации полной неопределенности, не мог не породить целый ряд мучительных размышлений о времени, до сих пор удивляющих своей беспощадной точностью. Постоянной темой звучат рассуждения о попрании свободы — личной, гражданской, политической. Вернадский сразу увидел эту неприемлемую для него черту русской революции («Удивительно, как психология русских революционеров близка к психологии полиции. И те, и другие не имеют ясного понятия и чувства свободы»³. «...Отвратительные черты ленивого, невежественного животного, каким является русский народ — русская интеллигенция, не менее его рабья, хищническая и продажная, то историческое “воровство”, которое так ярко сейчас сказывается кругом, заставляют иногда отчаиваться в будущем России и русского народа. Нет честности, нет привычки к труду, нет широких умственных интересов, нет характера и энергии, нет любви к свободе. Русское “освободительное” движение было по существу рабье движение. Идеал — самодержавный и крепостнический строй»⁴. «По-видимому, всюду такая паника, вследствие ожиданий всяких обысков, арестов и т.п., что не только не ведется записей, но многое уничтожается из того, что было записано. Сейчас проявляется **страх** (выделено мной. — С.Е.) людей во всем его постыдном проявлении. Mutando mutandis. Жандармов и союз русских людей заменили коммунисты и махновцы: дрожат жандармы, союзники (если они не перекрасились) и связанные с ними слои “буржуазии”. Немного дрожит и советская новая буржуазия и рабочие. Как всегда дрожит русская интеллигенция — сперва боялась тех, которые гнали ее представителей для ради царя и его присных, теперь боятся его “красных” представителей, превратившихся в тех же гонителей. Тяжелое впечатление делают эти люди, когда-то идейные»⁵).

Жесткость этих наблюдений и выводов тем не менее не препятствует возвращению в Советскую Россию. Сохранялись ли иллюзии? Или уже было принято решение о существовании в этом обществе, где ценности личности больше не котируются? Собственно, ради ответа на этот непростой (и далеко не только личный) вопрос и стоит исследовать дневники и письма.

Рассуждения о дефиците свободы личности Вернадский продолжает развивать в своих дневниках — в тех, что он писал в Советской России и которые готовил к печати Волков. Первое наблюдение по возвращении в Москву: «Любопытно, что **все** (выделено мной. — С.Е.) считают большев[истский] режим потерпевшим фиаско и временным... Мне кажется одной из задач сейчас — широкое развитие и обсуждение в обществе и широких кругах как раз тех вопросов, которые оставляются в стороне новым строем — религиозных, политически-государственных, этически-философских, юридически-философских. Все вопросы, связанные с силой и свободой человеческой личности» (9 марта 1921 г.)⁶. «Очень тяжелое кругом состояние — чувство безвыходности. Особенно тяжело отсутствие свободы, возможности сношения с границей, чувство необеспеченности и угроза голода» (24 марта 1921 г.)⁷. «Попытки осмысливания человеческой истории. Надо, однако, рассмотреть с точки зрения личности. Счастье разнообразно и надо создать такую форму социального строя, которая бы обеспечивала творческую — научную и художественную мысль от возможности погибнуть от варварства хотя бы тов. типа Кузякина» (2 апреля 1921 г.)⁸.

Летом 1921 г. Вернадский был арестован. В июле (постепенно, в нескольких записях) фиксируются «впечатления... ареста». Именно — впечатления, Вернадский пытается анализировать не то, что произошло, а как это подействовало на него. Он пытается встать на чужую точку зрения и для себя объяснить смысл и действия «ле-

тучего отряда»: «В этом элементарном уме такое действие кажется полезным и целесообразным! Полное чувство и мысль рабов и у русских революционеров, и у русской толпы». Однако очень быстро Вернадский переходит к самоанализу: «Отвратительное впечатление варваров... Исполняли свою обязанность не за страх, а за совесть. Ужасно неприятное и тяжелое чувство, когда роются в бумагах, письмах». «Смотря на все это, у меня росло чувство гадливости и какое-то большое чувство того, что я мог считать людей, создавших такое проявление идеальных исканий, своими товарищами по жизненной цели и видеть в них оттенки того же настроения, которыми живет все время мой дух и дух моих друзей». Следующее испытание — тюрьма, распространяющая насилие и на тело (не отменяя духовных и душевных страданий): «опять прохождение через грубых людей, унижение». «Это уже настоящее не только моральное, но физическое истязание». «Рост ненависти и чувства мести — его ощущаешь здесь необычайно интенсивно даже по сравнению с тем, что видишь вне тюрьмы. Только побывав в большевистской тюрьме, сознаешь, до какой степени она плодит и раздувает эту ненависть и чувство мести». «Я и сейчас чувствую, как подымается у меня чувство негодования». «Удивительно это однообразное впечатление — масса невинных людей, страданий, бесцельных и бессмысленных, роста ненависти, гнева и полной, самой решительной критики строя... Я переживал чувство негодования, как захваченный какой-то отвратительной грубой силой, и все мое стремление было ей не подчиниться». «Я вышел из тюрьмы, испытывая и переживая чувство негодования, поправки своего достоинства и человеческого достоинства, и глубокого сострадания к страдающим за ее стенами»⁹.

Вернадский провел в тюрьме менее двух суток. Но физическая протяженность времени не всегда коррелирует с интенсивностью опыта. На несколько месяцев записи прерываются. Возобновляются только поздней осенью — и все о том же. «Большевизм держится расстройством жизни. При налаженной культурной жизни в мировом масштабе он не может существовать и так или иначе должен измениться. Это форма низшего порядка даже по сравнению с капиталист. строем, т.к. она основана на порабощении человеческой личности» (2 ноября 1921 г.)¹⁰. При этом Вернадский усиленно работает — и научно, и административно (продолжаются заседания КЕПС, организуется Радиевый институт): его жизнь и деятельность в целом ориентированы на будущее (хотя тема мелочей физического выживания — и не только своего — в дневниках звучит сурдинкой «наши нечеловеческие условия существования»). Однако насколько его будущее связано с Россией — вопрос для него самого неясный. В декабре Вернадский получает приглашение из Парижа прочитать курс геохимии и начинает хлопоты по выезду. Заграничные дневники 1922—1926 гг. полны размышлениями о том, что происходит в России и поисками аргументов «за» и «против» возвращения. И затем — постоянные мысли о работе, науке, о людях и подлости, которая становится доминирующим фактором жизни, о наступающей бездарности жизни, об отсутствии свободы личности, которой грозит «распыленность», с одной стороны, но и — принятие этой действительности, с другой.

Пережить такую напряженность мысли и это страшное состояние выбора пришлось именно публикатору дневника — Вернадский известен своим плохо читаемым почерком, и ежедневное, с лупой, «продирание» через его дневники требовало от В.П. Волкова следовать тому интеллектуальному напряжению, которое за этим стояло.

Дневник Вернадского не несет в себе страха последствий за написанное. В 1930-е гг. он пишет и о «ненужной и возмущающей жестокости» властей, и о ее невинных жертвах, и снова — о «бесцельной жестокости, расстраивающей жизнь», о росте не только «пас-

сивного недоверия», но и «негодования», и о притупленном страхе, о том, как калечит такая жизнь хороших людей, о пьянстве как способе на время избавиться от этого... В феврале 1938 г. он констатирует: «террор продолжается..., но жизнь идет своим чередом»¹¹.

В какой-то момент только этого уровня размышлений над жизнью, который зафиксирован в дневниках, самому ученому стало не хватать. В начале 1940-х гг. Вернадский всерьез задумался о мемуарах, придумал им название «Пережитое и передуманное», и начал методичную подготовку. 9 февраля 1941 г. он записывает в дневнике: «Почти стихийно работаю над “Хронологией”. Неужели начну “Воспоминания”? М. б. это старческая работа?»¹².

Готовя материалы, Вернадский переструктурировал свой архив. «Хронология» — придуманный им новый способ хранения материалов — всю жизнь как бы распределяла по оси времени. Собственные записи и письма того времени, вырванные странички из блокнотов, статьи, газетные вырезки, программы конференций, приглашения, официальные документы, чужие рукописи, заметки более позднего времени, но относящиеся к году, которому посвящена папка, воспоминания Натальи Егоровны, письма и открытки других людей, выписки со счетов, билеты... За каждой этой бумажкой Вернадский видит (и помнит) целый мир. Причем это мир — целостный, факты и мысли в нем связаны между собой.

В «Хронологии» объединены и тексты, которые подходят под традиционную рубрику «источники личного происхождения», и объективированные документы, представляющие контекст событий и времени. Это характерно для Вернадского — постоянное сопоставление своего переживаемого происходящего с фактической стороной этого самого происходящего и с другими точками зрения на него. Дополнение дневниковых записей соответствующих лет собственными комментариями также представляет двойную точку зрения. Вернадский ощущает некую многослойность этого мира и нелинейность его. Отдельная задача — как передать это в публикации?

Особенно активно пополнялись папки в эвакуации, в Боровом: некоему подведению итогов способствовало не только появившееся свободное время, но и сама обстановка переломного момента, каким всегда является война. Листочки воспоминаний появлялись в папках разных лет: Вернадский просматривает то, что есть в данной папке, и дополняет попутно возникшими воспоминаниями и размышлениями. Воспоминание может возникать как комментарий к чтению книг и статей: Вернадский всегда много читал, теперь над книгами он еще и много вспоминал. Причем воспоминания о человеке помещаются в папку того года, когда человек умер (т.е. год смерти Вернадский просто помнит). Он, судя по всему, обладал феноменальной памятью. Причем такая память кажется ему нормальной. И то, что представлялось ему рациональным способом хранения информации, на самом деле держалось на том, что он просто помнил, что где лежит.

Для публикатора дневников этот богатый материал представляет огромную сложность и вызов. Сопоставление «Хронологии» определенного года с дневниковыми записями того же времени очень интересно, и уже со второго тома (дневники 1926–1934 гг.), выходящего под редакцией Волкова, «Хронология» используется не как материал для примечаний, а вводится отдельной позицией в содержание. Но эти папки — неструктурированные кипы бумаг. Как выбрать из них материал для публикации? Предположим, в папках с 1933 по 1939 г. всего 219 листов. Но в папке 1941 г. — 286, 1942 г. — 439, 1943 г. — 1060, 1944 г. — 434 листа. Для того чтобы ориентироваться в содержимом папок (с проекцией на дневник), всю эту информацию нужно было держать в голове. Поделить такую

работу было нельзя. То есть эту работу невозможно было сделать одному, но ее нельзя было делать по-другому. И В.П. Волков сделал это. Он стал также дополнять дневники «Приложениями», включающими официальные письма Вернадского соответствующего периода, вводя еще один уровень реальности.

После публикации дневников писать про Вернадского стало даже труднее, но писать по-старому — вовсе невозможно. В вышедшей в 2000 г. книге «Pro et contra» те разделы, которые посвящены личности Вернадского, кажутся сейчас по меньшей мере неточными.

Владислав Павлович стал публикатором и комментатором дневников, как он сам уверял, отчасти случайно — встретившись в 1993 г. на конференции с академиком А.Л. Яншиным, возглавлявшим академическую комиссию по разработке научного наследия В.И. Вернадского. Последовавшая за этой встречей совместная работа над изданием «потаенного» Вернадского (сначала публицистика «кадетского» и «украинского» периодов, затем — дневники), по словам самого Волкова, представляла его «последний научный интерес». Когда Волков начинал эту огромную работу, ему было почти 60 лет.

Исследователи жизни и творчества Вернадского, вслед за ним самим, говорят о том, что жизнь его распадается на две части. В первой он был «крепким ученым» и общественным деятелем, вполне соответствующим представлениям своего времени об академике. Вторая часть жизни (или вообще — вторая жизнь?) связана с развитием принципиально новых естественнонаучных концепций. В каком-то смысле жизнь Волкова также распадается на части — и последняя часть, очень насыщенная, оказывается связана с Вернадским. Волковым была проделана фантастическая работа. Работа, которая имеет не только исторический, но и гражданский смысл. Дневники возвращают саму фигуру Вернадского в общественное поле, и его авторитетность ученого становится в данном случае легитимацией на редкость осмысленной стратегии жизни в очень сложные времена. Волковские комментарии к записям в дневнике, которые, как правило, оказываются длиннее самой записи и иногда даже кажутся избыточными, сделаны «на будущее», они позволяют понять контекст, что для читателя со временем становится все более сложным.

Для россиян определенной проблемой является короткая историческая память. В советские годы этот процесс усугубился созданием фантомной памяти — памяти о том, чего не было. Эта работа происходила и на уровне коллективной, и на уровне личной памяти. Даже В.И. Вернадский, мощная память которого была мало трансформирована, временами поддавался этому. И публикация дневников — это попытка несколько очистить и чуть удлинить нашу общую память.

¹ Нора П. Всемирное торжество памяти // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. Изд. 2. М., 2005. С. 391—402.

² Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб., 1999. С. 29—30.

³ Вернадский В.И. Дневники. 1917—1921. Январь 1920 — март 1921. Киев, 1997. С. 83.

⁴ Там же. С. 97.

⁵ Там же. С. 107—108.

⁶ Вернадский В.И. Дневники: Март 1921 — август 1925. Изд. 2. М., 1999. С. 14—15.

⁷ Там же. С. 23.

⁸ Там же. С. 28.

⁹ Там же. С. 35, 36, 40, 41, 43, 44.

¹⁰ Там же. С. 48.

¹¹ Вернадский В.И. Дневники. 1935—1941. В двух книгах. Кн. 1. 1935—1938. М., 2006. С. 235.

¹² Там же. Кн. 2. 1939—1941. М., 2006. С. 202, 203.

Материалы по истории книги и книжной культуры XVIII столетия (по фондам Санкт-Петербургского филиала Архива РАН)

Всестороннее изучение книжной культуры как важнейшего социокультурного феномена, оказывающего определенное влияние на социальные и культурные процессы, происходящие в обществе, обуславливает необходимость рассмотрения особенностей ее становления в контексте исторического процесса. Изучение широкого круга источников позволяет сделать вывод о том, что крупнейшие преобразования, осуществляемые в России в XVIII столетии, способствовали развитию книжного дела и его отраслей: издательского дела, книжной торговли, библиотечного дела, библиографии. Нововведения, привносимые в результате практической деятельности в процессы создания и распространения книги, в значительной степени содействовали ее эволюции, обуславливая тем самым формирование основ книжной культуры.

Поэтому значительный интерес для исследователей представляют источники, отражающие изменения, происходившие в книжном деле в данный период. В их числе архивные документы: письма, записки, проекты, регламенты, в том числе подготовленные в стенах Академии наук, поскольку, на наш взгляд, именно академическое книгоиздание в значительной мере определяло направления развития отечественного книжного дела. О некоторых материалах, находящихся в фондах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (СПФ АРАН), хотелось бы сказать подробнее.

Одним из направлений академического книжного дела являлась организация распространения изданий, предусматривающая налаживание учета и отчетности в этой сфере и обуславливающая формирование основ культуры книгораспространения. Важным средством реализации этой задачи стала подготовка соответствующих документов.

Так, в марте 1749 г. была составлена Инструкция академической канцелярии, регламентирующая порядок работы Московской книжной лавки. К ней прилагались формы учета и отчетности, которые были введены в Петербургской книжной лавке. Инструкция обязывала иметь в лавке «реестр книгам по различным отраслям знания с ценами, которой бы для всенародного известия всегда выставлен был, а какие книжные издания из того реестра совсем выбудут, оные отмечаться»¹. Комиссару книжной лавки В. Иванову предписывалось продавать книги по указанным в реестре ценам, а также готовить месячные репорты о ходе продаж.

В справках, составленных на основе ежемесячных и ежегодных отчетов академической книжной лавки за 1749—1753 гг. и названных «Ведомость генеральная, каких насколько с 1749 года, то есть с начала учиненных по книжной лавке счетов, по сей 753 год в той книжной лавке печатанных здесь книг на русском, латинском, немецком и французском языках приходом состояло и из оных сколько каких продано на деньги и в Москву в книжную лавку отправлено и в поднос роздано и насколько по цене и затем ныне в остатке»² и «Ведомость, какое число каких книг и по цене напечатанных в здешней типографии имелось в остатке к 1753 г.»³, содержались обстоя-

тельные сведения, характеризующие особенности учета и распространения изданий в академической книжной лавке за вышеназванный хронологический период.

Значительный интерес представляет справка, составленная корректором академической типографии А.С. Барсовым в октябре 1753 г. и названная «Ведомость, сколько каких книг напечатано с июня месяца с 1746 года по нынешнее число и сколько их печаталось также и во скольких местах оные состоят»⁴. По мнению исследователей, это единственный сохранившийся документ, содержащий сведения практический обо всех изданиях (98%), напечатанных за более чем 7-летний период, в частности об их тиражах, объемах в печатных листах и времени выхода из печати. «Ведомость» была введена в научный оборот Д.В. Тюличевым и использована в исследованиях ученого⁵.

К «Ведомости» приложен ряд составленных А.С. Барсовым документов, характеризовавших штат и квалификацию служащих и мастеровых, финансовые затраты и техническое оснащение академической типографии.

Вопросы организации деятельности академической типографии и книжной лавки получили отражение в проекте П. Ханина, подготовленном по распоряжению К.Г. Разумовского и представленном в академическую комиссию 17 марта 1754 г.⁶ В нем содержались предложения по совершенствованию академического книжного дела.

Так, в проекте критиковалось отсутствие норм («препорций») у наборщиков и печатников академической типографии, а также отсутствие учета выполненной работы. П. Ханин предлагал установить «уроки» для печатников и гибкие «препорции» наборщикам в зависимости от квалификации каждого из них. Таким образом, он считал необходимым стимулировать усиление производительности труда типографских мастеровых, вызвать их заинтересованность в эффективной работе за счет рациональной экономии затрат на ее выполнение. По его мнению, следует «книги зачинать печатанием по числу станов, а не так, чтобы одну книгу оставить и за другую приняться, но разве того потребует некая необходимая нужда»⁷.

В документе представлено мнение П. Ханина по вопросу формирования цен на книги. Установлено, что в стоимость производства книги с учетом ее тиража и количества печатных листов включалась оплата труда наборщиков, печатников, справщиков, а также стоимость бумаги, краски и других материалов. Таким образом, надбавка составляла более трети назначенной цены книги. П. Ханин предлагал книги, напечатанные и давно не расходившиеся из-за высокой цены, продавать со скидкой, а на вновь напечатанные издания устанавливать надбавку, которая не превышала бы 25% от ее себестоимости.

Интерес представляют предложения П. Ханина по организации торговли иностранными книгами. Он считал, что заказывать их надо под контролем Академической канцелярии и Академического собрания преимущественно по книготорговым каталогам с обозначенными ценами изданий. Иностранные книги надо продавать с 25% надбавкой за расходы по перевозке. В случае отсутствия той или иной иностранной книги он предлагал записывать имя ее «желателя» и требуемую им книгу высылать «как скоро возможно». Академическое собрание должно было давать рекомендации, какие книги заказывать для продажи, а какие для пополнения библиотеки.

П. Ханин отмечал, что при невозможности реализации вышеназванных предложений торговлю книгами иностранными следовало бы прекратить, а выписывать их только для университета и библиотеки. По его мнению, Академии наук следовало бы либо добиться монополии на ввоз иностранных книг для продажи в России, либо торговлю ими передать «партикулярным» книгопродавцам⁸.

Обсуждение проекта П. Ханина в академической комиссии состоялось 16 апреля 1754 г. В ее состав входили М.В. Ломоносов, Г.Ф. Миллер, Я.Я. Штелин, И.Д. Шумар. Единства взглядов у членов Комиссии не было. Проект поддержки не получил.

П. Ханиным были также разработаны формы, по которым должны были отчитываться книгопродавцы и подробная инструкция из 31 пункта, регламентирующая деятельность комиссара книжной лавки Ф. Зубкова⁹. Главное внимание в документе уделялось вопросам отчетности. Ф. Зубков должен был вести «шнуровые книги» (или тетради). В особую книгу записывались все издания, поступившие «в приход». Кроме того, он должен был записывать «в расход» по форме все, что было продано в книжной лавке. В отдельную тетрадь заносились сведения о продаже портретов и ландкарт. Особые книги имелись для учета продававшихся «Ведомостей», для списка подписчиков и отпуска им газет, для учета денег, полученных за объявления, печатавшиеся в «Ведомостях». В специальную тетрадь записывались книги, передававшиеся из книжной лавки в академическую типографию «безденежно». На основе этих записей Ф. Зубков был обязан ежемесячно представлять в академическую канцелярию репорт о приходе и расходе книг, т.е. о новых поступлениях из типографии в книжную лавку и о количестве проданных экземпляров. «Шнуровые книги» надлежало держать в порядке и не допускать приписок и исправлений «в денежной сумме». В Инструкции также определялся порядок продажи книг. Ф. Зубков должен был продавать академические издания желающим людям, но «не свыше указанных цен и не тая купцам ежели какая книга в наличности есть, а сказать о ней, что нет»¹⁰. Ему запрещалось отпускать книги в дом, отдавать их для прочтения или в счет жалования академическим служащим (это допускалось лишь по распоряжению Канцелярии), продавать более двух экземпляров в одни руки. Если кто-либо желал приобрести часть тиража, он должен был отсылать покупателя в Канцелярию.

Если какая-либо книга хорошо раскупалась, он обязан был сообщить в Канцелярию о необходимости допечатать ее тираж. Все книги в лавке «должны лежать порознь и быть снабжены номерами, дабы по номерам скорый был всему прииск»¹¹. Принимая книги из типографии, он обязан был следить, чтобы в лавку не поступало дефектных экземпляров, а в случае обнаружения требовать их замены.

Проблемам совершенствования академического книгоиздания уделял внимание и М.В. Ломоносов. В «Записке о необходимости преобразования Академии наук»¹², написанной в 1758–1759 гг., он указывал на долговременное печатание книг и высокие их цены как на два существенных препятствия на пути роста книгопечатания и распространения изданий. Ученый придавал большое значение правильному ведению учета и отчетности в книжной торговле, отмечал, что в книжной лавке «должно бы вести точным расходам и приходам и числу книг расчет»¹³. Таким образом можно противостоять бесхозяйственности и бесконтрольности в использовании доходов книжной торговли, которые, по его мнению, «могут почитаться за государственными». М.В. Ломоносов был против чрезмерного раздаивания книг, считая, что это приносит казне «несказанный убыток и является причиной академической скудости и крайнем препятствием к обучению природных россиян»¹⁴.

Петербургская и Московская книжные лавки не рассылали книги в другие города. Книжная торговля академическими изданиями осуществлялась только в Петербурге и Москве. По мнению М.В. Ломоносова, это явилось причиной недостаточного сбыта книг, поскольку ездить в столицы для их покупки «мало охотников». Он также отмечал, что книжные лавки часто бывают закрыты, поэтому покупатели «не так свободно могут купить книги». Служащие книжных лавок получали установленное

годовое жалование и не имели материальной заинтересованности в продаже как можно большего числа книг, а поэтому не стремились «приискивать книги из лени»¹⁵. Недостаточность спроса на печатные издания Ломоносов объяснял узостью сферы распространения и неполноценностью книготорговой библиографии и рекламы. По этим причинам «происходит остановка в распространении книг и просвещения в государстве»¹⁶.

В 1770 г. была предпринята попытка реорганизации существующей системы учета изданий. В разработанном И.И. Таубертом «Проекте о содержании по книжной лавке порядочных и верных счетов гораздо кратчайшим против прежнего способом»¹⁷ отмечалось, что комиссар книжной лавки должен был вести «главную книгу» для учета всех поступавших и расходовавших академических изданий, «книгу для ежедневных записей», в которой должно быть зафиксировано все, что было продано, отпущено в долг или безденежно, «книгу для других денежных приходов и расходов». Таким образом, количество «шнуровых книг» было сокращено до трех. И.И. Тауберт отмечал, «что сих трех книг — кажется довольно для содержания в порядке всей книжной лавки и ее щетов»¹⁸. Помимо этого комиссар книжной лавки обязан был вести две книги прихода и расхода книжного магазина для российских и иностранных книг. В 1770 г. была осуществлена инвентаризация академических изданий, и с того времени необходимо было отмечать в книге прихода и расхода, сколько поступило книг, а также сколько было выдано по форме.

Вопросам совершенствования книжной торговли уделяла внимание и Е.Р. Дашкова. Сохранился черновой документ, написанный весной 1783 г. и содержащий перечень мероприятий, которые необходимо было осуществить в книжной лавке¹⁹. Смысл преобразований заключался в усилении контроля за деятельностью комиссара книжной лавки, а также в продуманной организации процесса продажи книг. В связи с этим комиссару книжной лавки Е.К. Вильковскому было «повелено подавать еженедельные Ведомости о приходе и расходе книг и о выручаемых деньгах»²⁰. Каждую субботу он должен был передавать несколько экземпляров книг своему первому помощнику Ф.Я. Заботину, забирать у него полученные деньги и проверять количество оставшихся непроданных книг. Все выдачи больших партий книг за деньги или безденежно вменялись в обязанность комиссару. Принимаемые решения способствовали упорядочению принципов книжной торговли. Таким образом, был установлен новый порядок отчетности по книгораспространению, на протяжении 1783 г. он уточнялся и совершенствовался. В черновике распоряжения Е.Р. Дашковой отмечалось, что необходимо «подавать с апреля месяца еженедельно Ведомости в академическую Канцелярию в каждый понедельник по утру, подводя перечни и сумму как числу экземпляров, так и денег, вырученных за книги»²¹.

Таким образом, была максимально увеличена отчетность, она стала еженедельной, начал учитываться приход и расход книг как в количественном, так и в денежном выражении. Новые формы учета включали следующие показатели: сколько каких книг (по названиям и экземплярам) и откуда поступило в книжную лавку, какова цена каждого экземпляра. Для проданных книг: сколько экземпляров какой книги вышло, сколько отпущено безденежно, сколько продано, цена каждого экземпляра, сколько экземпляров осталось налицо.

Таким образом, представленные архивные документы позволяют воссоздать особенности распространения академических изданий во второй половине XVIII столетия, проанализировать существовавшие в тот период подходы к решению этой проблемы.

Другим важным вопросом, представляющим интерес для исследователей книги и книжной культуры, явилась предпринятая в конце XVIII в. попытка формирования книговедческой терминологии. Она получила отражение в «Словаре Академии Российской», 6-томном академическом издании, вышедшем в 1789–1794 гг. Это был первый отечественный научный труд по русской лексикографии. В его подготовке принимали участие филологи, историки, писатели. Авторский коллектив был разделен на три отдела: объяснительный (готовились объяснения значений слов), грамматикальный (давалась грамматическая и стилистическая характеристика слов), издательский (осуществлялась подготовка материалов к публикации). Источниками для данного издания послужили «Лексис» Лаврентия Зизания, «Лекикон славенский» Памвы Берынды, «Церковный словарь» П.А. Алексева, рукописные словари А.И. Богданова и К.А. Кондратовича. В ходе работы над «Словарем» учеными высказывались мнения о возможном расположении в нем материалов: либо по алфавитному, либо по хронологическому признакам согласно общности их происхождения. В архивных документах содержатся сведения о том, что было принято решение располагать статьи в алфавитном порядке по специально выделенным рубрикам. По предложению Е.Р. Дашковой были составлены аналогические таблицы, т.е. предварительный словник, что ускорило работу над «Словарем». В его разработке участвовали все члены авторского коллектива. Во Всеподданейшем рапорте Е.Р. Дашковой императрице о проведенных за год работах в Российской академии (октябрь 1784 г.) отмечалось, «что труд сей был разделен между членами и в краткое время были собраны слова почти на все буквы в таком количестве, в каком оных никогда собираемо не было»²². Аналогическая роспись печаталась по числу членов академии, чтобы каждый делал свои замечания и дополнения.

Для исследователей важен вопрос о том, кто разработал определения книговедческих понятий, помещенных в третьем томе «Словаря». В архиве имеется письмо Д.И. Фонвизина, адресованное Е.Р. Дашковой и написанное в январе 1784 г., о посылке аналогических таблиц на буквы «К» и «Л» для «Словаря Академии Российской». Автор отмечает, что он окончил препорученную ему аналогическую таблицу на буквы «К» и «Л» и, поскольку был болен, задержал работу, не мог представить ее ранее²³. В результате в третьем томе было отражено 18 книговедческих терминов, давалось их толкование. Так, например, понятие «книга» рассматривалась комплексно, исходя из анализа ее признаков, внешней формы, материального носителя информации, структуры. Отмечалось, что по внешней форме она напоминает собой множество листов бумажных, пергаменных или из кожи, вместе связанных, в корню переплетенных или непереплетенных. В зависимости от способа производства книга может быть печатная (созданная в типографии) и рукописная (написанная человеком). Она имеет содержание или оглавление. Иногда она определяется как число чистых листов, предназначенных для записи чего-либо. Например, приходные, расходные, купеческие, счетные книги.

«Книга» в «Словаре» определялась также как нечто имеющее содержание. Оно обуславливалось характером представленной информации (философская, врачебная, о зодчестве и др.), а также ее ценностной характеристикой (превосходная, наполненная учености, полезная, вредная). В XVIII в. «книгой» иногда называли главы или статьи, на которые разделено письмо или послание.

В «Словаре» также приводились понятия, связанные с производством, распространением и использованием книги, многие из которых сохранили свое значение до настоящего времени. Так, «книгопечатание» определялось как печатание, тиснение

книг, «книгоиздание» — как выпуск книг в свет, «книгопечатня» — как здание, где книги печатаются, «книгоположница» — как место, определенное для хранения книг, «книгопродавец» — тот, кто книгами торгует, а «книгохранитель» — тот, кто книги бережет.

Таким образом, представленные материалы позволяют проанализировать подходы к разработке книговедческой терминологии, а также рассмотреть особенности формирования основ отечественной книжной культуры во второй половине XVIII столетия.

¹ СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1079. Л. 33–33 об.; Д. 1038. Л. 3–6.

² Там же. Оп. 6. Д. 23.

³ Там же. Оп. 4. Д. 5/1. Л. 1–22.

⁴ Там же. Д. 137. Л. 62–68 об.

⁵ Подробнее см.: *Толчев Д.В.* Книгоиздательская деятельность Петербургской академии наук и М.В. Ломоносов. Л., 1988.

⁶ СПФ АРАН. Ф. 21. Оп. 1. Д. 2. Л. 4–10.

⁷ Там же. Д. 24. Л. 6–6 об.

⁸ Там же. Л. 8–9 об.

⁹ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1085. Л. 96.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 96 об.

¹² Там же. Оп. 4. Д. 137. Л. 69–70 об.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Оп. 6. Д. 99. Л. 54 об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 297. Л. 1.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Д. 292. Л. 8.

²² Там же. Ф. 8. Оп. 3. Д. 14. Л. 1.

²³ Там же. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3.

Сохранение и научная разработка культурного наследия народов Европейского Севера России (праздничная культура саамов Кольского Севера)

Саамы или «саами» (старороссийское название лопари) — северный народ Европы, населяющий северные районы Норвегии (35 тыс. человек, 1996), Швеции (17 тыс. человек, 1996), Финляндии (7 тыс. человек, 1996) и Российской Федерации (2 тыс. человек, 2002). Как народность, известны с древнейших времен. Область, населенная саамами, в настоящее время занимает почти весь Скандинавский арктический регион до северной части региона Даларна в Швеции. Для этой территории характерны суровые климатические условия. В нескольких муниципалитетах Северной Финляндии и Северной Норвегии саамы составляют большинство населения. В России они живут в нескольких селах Ловозерского района Мурманской области.

Саамы входят в финно-угорскую группу уральских языков. В саамском языке выявлено 55 диалектов, которые объединяются в три группы — северную, южную и центральную. Кольские (российские) саамы говорят на четырех диалектах: нотозерском, бабинском, йоканьгском и кильдинском. Диалекты сильно отличаются друг от друга, из них наиболее распространены северные, на которых говорят $\frac{3}{4}$ саамов. Северные диалекты послужили основой для литературного саамского языка. На родном языке могут говорить около 70% саамов. Этноним «саамы», издавна использовавшийся как самоназвание, стал употребляться за пределами этноса недавно. В разное время их называли финнамаркцами, финландцами, лапландцами, лаппами и лопарями. Отсюда происходит и исторически принятое название для северных районов Финляндии и Скандинавии — Лапландия (земля лаппов). В древних новгородских, а затем и московских источниках саамов именовали «терская лопь». Древние саамы имели большой ареал, который включал не только северные районы Скандинавии и Кольский полуостров, но и значительную часть Финляндии и Карелии, южная граница расселения саамов проходила по побережьям Ладожского и Онежского озер. Древние общины саамов существовали в виде семейных групп. Некоторые из них вели оседлый образ жизни, другие — кочевой. Жизнь кочевых саамов во многом связана с речным, озерным и морским рыболовством.

В 1550 г. на Кольском полуострове был основан Печенгский монастырь, ставший центром распространения православия на землях кольских саамов. Но, несмотря на активную и длительную миссионерскую деятельность православных и лютеранских священников, среди саамов можно встретить пережитки язычества. Миссионеры и колонизаторы мало изменили повседневную жизнь саамов. Значительные перемены произошли позже, в XX столетии¹.

На Кольском полуострове саамы или лопари, или «терфинны» считаются коренным населением — ведь первые письменные сведения о них относятся к IX в. от норвежского путешественника Отара, совершившего путешествие вдоль берегов земли «Терь» или «Тре» — Кольского полуострова и описавшего жителей Терского берега —

терфиннов (финнами норвежцы называют саамов)². Саамы — очень древний народ, проживающий на севере Европы уже, как минимум, несколько тысячелетий. До появления русских на Терском берегу в XI в. саамы были основными жителями малонаселенного Кольского полуострова и мало чем отличались от своих собратьев, в целом составляя население Лапландии, объединявшей территории Финнмарка, Северной Финляндии и Кольского полуострова. Когда первые русские из Новгородской земли достигли их поселений на Кольском полуострове, они населяли его весь. Жили в саамских деревнях, называемых «погостами». Саамы активно торговали со скандинавами, известны, однако, случаи военных набегов шведов на саамов с целью сбора дани и столкновений с «чудью» — финно-угорскими племенами, приходившими с юга.

С приходом русских на Кольский полуостров и основанием самого древнего поселения русских — Колы, начались контакты между двумя этносами. Саамы продавали русским рыбу, меха, речной жемчуг, приобретая промышленные товары — чай, табак, но, главное, — изделия из железа. Поездка в Колу за котлом (очень важная, почти культовая вещь в их обиходе) была одно время обязательным этапом в жизни каждого саама. В то же время после прихода русских на Кольский полуостров эпидемии, доступный алкоголь, браконьерская охота на полудомашних саамских оленей и конфликты с браконьерами сильно сократили численность саамов, по этим же причинам в 1920-е гг., когда граница между Россией, Норвегией и Финляндией была достаточно проницаема, часть саамов переселилась в Норвегию и Финляндию.

Разрыв преемственных связей с прошлыми ценностями культуры, который произошел в результате социально-политических перемен в жизни России в XX в., поставил под угрозу сохранение культурных традиций россиян и, в частности, малых народностей, населяющих Европейский Север. В соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО 1972 г. по охране мирового культурного и природного наследия, культурным наследием считается все, что относится к категории продуктов творческой деятельности рук и мысли человека³. Важным условием, без которого наследие теряет смысл, является необходимость не просто обладать им, но и сохранять, передавая другим поколениям. Сегодня сохранение историко-культурного и природного наследия коренного населения саами Мурманской области считается в отечественной науке изучения коренных народов одним из наиболее актуальных и перспективных.

Число российских саамов в настоящее время составляет около 2 тыс. человек, проживающих в основном в селе Ловозеро, переселенных сюда из трех саамских погостов — Чудзъяврского (Кильдинского), Вороненского и Варзинского (Семиостровского). Их самобытная культура получила освещение в экспозициях Музея истории кольских саамов в Ловозере (1962), где представлена богатейшая коллекция предметов по их истории и культуре.

В поселке Ревда Мурманской области функционирует еще один культурный саамский центр — Музей саамской литературы и письменности имени саамской писательницы и поэтессы О. Вороновой (1954). Его коллекции включают множество фотографий, писем, сборников стихов саамских поэтов, видеофильмов. Создателем и заведующей этого музея является Н. Большакова — автор исследования «Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем»⁴. В нем обобщен большой известный материал о жизни саамов, дополненный рассказами, фактами и наблюдениями автора, где в доступной форме излагаются исторические и культурные события жизни саамского народа, повествуется мифы и легенды саами.

В Мурманске действует Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера, в области создано несколько саамских общественных организаций.

Среди них Ассоциация Кольских саамов (1989), Общественная организация саамов Мурманской области, национально-культурная автономия. Сегодня активно обсуждается вопрос о создании саамского парламента по примеру соседних стран Норвегии, Финляндии и Швеции, для которых саамы также являются коренным населением. Как перед любым другим малым этносом, перед народом саами стоит проблема сохранения саамской культуры и традиций.

Сохранить и передать знания, традиции, материальную и обрядовую культуру коренного малочисленного народа области возможно через опубликованные документы. Собираателями и хранителями таких документов, некоторые из которых являются уникальными изданиями, выступают библиотеки региона, музеи и архивы. Так, в Центре гуманитарных проблем Кольского научного центра РАН (ЦГП КНЦ РАН) в г. Апатиты в экспозициях Музея-Архива, созданных на базе коллекций музея г. Апатиты (1974), вошедшего в состав ЦГП в 1995 г., хранятся уникальные издания по истории культуры саамов. Среди них — уникальная книга И. Шеффера «Лаппония или новое и вернейшее описание страны лопарей и самого лопарского народа, в котором излагается многое еще никому не ведомое о его происхождении, суевериях, колдовстве, образе жизни, обычаях, а также о природе животных и металлов, встречающихся в Лапландии с приложением подробных к тому рисунков» (1673), книги русских исследователей — Н.Н. Харузина «Русские лопари» и Н.Н. Волкова «Российские саамы».

В ЦГП КНЦ РАН с 1990-х гг. проводятся научные исследования по саамской тематике, объединенными усилиями кафедры североведения ЦГП КНЦ РАН, организованной совместно с Кольским филиалом Петрозаводского госуниверситета (КФ ПетрГУ) при участии скандинавских коллег из сферы науки и образования на базе ЦГП проходят научные конференции, посвященные истории и проблемам саамской культуры.

История саамов и их традиции, представленные в нескольких центрах Мурманской области, являются местами постоянного паломничества туристов, исследователей и студентов. Кроме того, ежегодно в Центре саамской культуры в селе Ловозеро и

в Мурманском центре коренных народов Севера проводятся культурные мероприятия, направленные на возрождение саамских традиций культуры и быта, в селе Ловозеро проводятся Летние саамские игры, а зимой — Праздник Севера и День Оленевода.

Программа праздника доступна для всех желающих, где каждый может попробовать свои силы на лыжной трассе, почувствовать себя оленеводом или ловким охотником, накидывая аркан на хорей или стреляя из арбалета, окунуться в национальный быт, посетив саамскую деревню, посоревноваться в силе и сноровке, вступив в бой с соперником по национальной борьбе. Самым зрелищным виде состязаний праздника являются традиционные гонки на оленьих упряжках с участием профессиональных оленеводов.

На стадионе в эпицентре праздника устанавливаются национальные жилища саамов — куваксы, под пологом которых размещает свои поделки красочная ярмарка мастеров декоративно-прикладного искусства коренных народов Севера. Гости Праздника Севера радуют своими выступлениями фольклорные коллективы, не замерзнуть также помогают палатки с горячим питанием.

Активное участие принимают творческие коллективы саамов, в том числе из Норвегии, Швеции, Финляндии, в проведении фольклорных праздников, ежегодно организуемых кольскими поморами в старинном поморском поселке Умба Мурманской области.

Более десяти лет автор данного сообщения регулярно посещает мероприятия, посвященные саамской культуре. В результате этих поездок сформировалась личная коллекция, включающая интересные фото-, аудио- и видеоматериалы, полученные или приобретенные во время проводимых мероприятий и отражающие сведения о праздничной культуре саамов, а также поделки мастеров. Эти материалы привлекаются в ходе преподавательской деятельности: в авторском курсе лекций «Праздники кольских саамов» (2007—2009) в ПетрГУ, в курсе «Отечественная история» в ИНЖЭКОНе г. Апатиты, г. Мончегорке Мурманской области. На базе материалов коллекции разрабатываются тематические доклады-презентации, доклады с показом слайдов по теме, монтируются короткие фильмы, сопровождаемые авторским текстом. Часть материалов предоставляется для показа в выставках-экспозициях в ходе конференций и праздничных мероприятий в дни саамской культуры. Показ материалов всегда востребован и вызывает неизменный интерес, поскольку является хорошей иллюстрацией к лекциям.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что при общей кризисной тенденции праздничной культуры в современной российской действительности, кольские саамы в поисках путей самореализации в современном мире добились определенных успехов, о чем свидетельствует активизация процесса восстановления этнической самобытности и, в частности, возрождение праздничной культуры.

¹ <http://dic.academic.ru>

² Ушаков И.Ф. Кольская земля. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. Мурманск, 1997. С. 29.

³ Конвенция ЮНЕСКО по охране мирового культурного и природного наследия: принята 17-й сессией Генеральной конференции Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры 17 октября — 21 ноября 1972 г. URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf>

⁴ Большакова Н.П. Жизнь, обычаи и мифы кольских саамов в прошлом и настоящем. Мурманск, 2005.

Жены ученых и творение «мест памяти» (об особенностях складывания личных фондов А.С. и И.А. Лаппо-Данилевских)*

Творение памяти вплетено в жизненный мир человека, в его реальную повседневность. Даже в том случае, если мы имеем дело с ученым, память о нем создается в нескольких жизненных средах, сферах его человеческого и научного бытия, и соответственно круг носителей памяти о нем объективно всегда достаточно широк. Его составляют ученики и коллеги ученого, студенты, родственники и друзья, друзья родственников и родственники друзей — представители «племени младого, незнакомого», транслирующие и интерпретирующие факты, легенды, мифы, полученные от старших носителей живого знания. Безусловно, следует иметь в виду и круг случайно-обязательных знакомых ученого, связанных с непрофилирующими направлениями его деятельности — от попыток гуманизирующего вмешательства в общественно-политическую деятельность до элементарной борьбы за физическое выживание.

Особое место в этом реестре носителей и хранителей памяти принадлежит таким институтам, как архивы и музеи, которые в процессе коммеморации играют многофункциональную роль, выступая одновременно как стратеги формирования политики памяти, как организаторы и создатели мест памяти, как трансляторы идейного наследия, провоцирующих память текстов, что имеет колоссальную значимость для развития фундаментальной науки и корпоративной самоидентификации ученых. По существу сами труды ученых можно рассматривать как места памяти в контексте научной генеалогии, как «остатки» творческой деятельности в вещных формах, но это уже сюжеты за пределами обозначенной в докладе темы. Широкий круг носителей памяти об ученом естественно способствует многозначности интерпретаций одного и того же объекта изучения, усложняя задачу историографа, но в тоже время объективно нацеливает на целостное прочтение личности.

Как известно, формирование личных архивных фондов определяется множеством факторов как закономерного, так и случайного характера. Важная роль в этом процессе принадлежит родственникам ученого. К примеру, при всей противоречивости фигуры Бориса Ключевского, трудно переоценить его роль в формировании архива В.О. Ключевского и в сохранении памяти о великом отце. Ведущая роль в систематизации и передаче архива в отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина принадлежит дочерям В.И. Герье Елене Владимировне и Софье Владимировне. Как отмечает исследовательница творчества В.И. Герье Т.Н. Иванова: «Дочери В.И. Герье... совершили настоящий подвиг, сохранив огромное рукописное и печатное наследие ученого»¹.

В данной статье речь пойдет о роли жен — спутниц жизни выдающихся ученых А.С. Лаппо-Данилевского и И.А. Лаппо-Данилевского в формировании их личных

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №13-01-00115-а.

архивных фондов, в создании образа идеального и вместе с тем человечески близкого деятеля науки.

Имя А.С. Лаппо-Данилевского (1863—1919) хорошо известно гуманитариям. Его сын — Иван Александрович Лаппо-Данилевский (1896—1931) — математик с мировым именем, член-корреспондент Академии наук СССР, выдающимися достижениями которого были решение уравнения Римана—Пуанкаре и разработка теории дифференциальных уравнений. Эти труды вписали его в пространство интеллектуального внимания научного сообщества.

В российском научном сообществе, в нашем случае, академическом, на протяжении XIX — начале XX вв. складываются более или менее устойчивые коммеморативные практики, одной из наиболее значимых из них являлось создание комиссий по сохранению научного наследия почившего ученого, публикация его трудов и формирование личного архива — последнее имело уже выраженный институциональный характер. Речь идет об Архиве РАН, университетских архивах, обеспечивающих академический уровень коммеморации. Елене Дмитриевне Лаппо-Данилевской (в девичестве Бекарюковой), жене Александра Сергеевича и матери Ивана Александровича, а так же Ольге Алексеевне — супруге младшего Лаппо-Данилевского выпадает роль созидательниц мест памяти двух выдающихся ученых. И обе эти женщины, несмотря на невероятно тяжелые условия жизни, выпавшие на их долю, стоически и с достоинством выполняют важную миссию творения памяти об отце и сыне Лаппо-Данилевских, принимая самое деятельное участие в комплектовании их архивов, активно сотрудничая с официальными учреждениями — Архивом Академии наук и Публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Елена Дмитриевна после смерти мужа работает библиотекарем, используя свое знание французского и немецкого языков, занимается переводами. Нужда заставляет браться за любой труд, в том числе и не вполне соответствующий прежнему стилю жизни. В 1939—1940 г. она занимается по договору в Архиве Академии Наук чисто канцелярской работой — составлением карточек «по выявлению назначений, увольнений и перемещений личного состава Академии наук». Работа эта малооплачиваемая (15 коп. за каждую составленную карточку), явно не по ее возрасту и здоровью. Как явствует из ее личного дела, бывали ситуации, когда Елене Дмитриевне приходилось уведомлять сотрудников архива, что она не сможет придти на работу из-за плохой погоды и болезни ног. От 53 руб. 40 коп. (ноябрь 1939 г.) до 309 руб. (апрель 1940 г.) — такова амплитуда колебания ее заработка. В последнем случае за месяц с небольшим ей приходится выполнить огромную работу — составить 2 060 карточек². Эти заработки в сочетании с пенсией, которая также очень невелика (116 руб.), едва ли могли обеспечить ей безбедное существование. Поэтому понятна ее благодарность ученикам Лаппо-Данилевского, собравшим в 1939 г. для нее «огромную сумму денег» (интересно, какая же сумма соответствовала в данной жизненной ситуации для Елены Дмитриевны этому определению?). В тоже время для нее важнее даже не безусловно необходимая финансовая поддержка. «Среди многих сложных чувств, нахлынувших под впечатлением Вашего поступка, — пишет она А.И. Андрееву, — ... одно побеждает — Вам по прежнему дорога память об Александре Сергеевиче и что под влиянием этого у Вас и явилась мысль облегчить жизнь мне»³. Елена Дмитриевна пишет о чувстве «глубокой, глубокой благодарности всем Вам, которые были для него так близки»⁴. Благодарная память учеников (прежде всего А.И. Андреева) выражается также в хлопотах об увеличении ее пенсии, в том, что их же заботами сохранена от разрушения могила Александра Сергеевича.

Трагическая сложность той жизненной ситуации, в которой оказалась Елена Дмитриевна после смерти мужа и сына, безусловно, сознается ей самой — «я осталась одна, разбитая, старая, уже не способная к так называемой службе»⁵. Поддержка со стороны учеников помогает ей в конечном счете ощущать себя не «осколком разбитого вдребезги», а частью продолжающейся («длящейся») культурной традиции, хранителем «самого главного», что характеризовало прежний семейный стиль жизни. Эта сопричастность судьбе мужа и сына, понимание масштабности и важности совершенного ими в науке и жизни («научного подвига») — то, что побуждает Елену Дмитриевну заботиться о сохранении их научного и культурного наследия, чему она и посвящает остаток своей жизни. Она не просто передает бумаги мужа и сына в Архив, она конструирует, закрепляет в памяти научного сообщества образы двух ученых. Она передает частями материалы мужа в Архив Академии наук (в 1936, 1937, 1939, 1940 гг.), дорогие для нее письма Александра Сергеевича личного характера, адресованные ей и Марии Сергеевне Гревс⁶, тщательно копирует, оставляя оригиналы в семье. В самую последнюю очередь она расстается с фотографиями.

Таким образом в личном фонде А.С. Лаппо-Данилевского оказываются как оригиналы переписки, носящей в основном деловой характер, так и копии писем личного характера. Естественно возникает вопрос — насколько эти копии аутентичны оригиналам? Ответить на него при отсутствии оригиналов, безусловно, сложно. В архиве наличествуют лишь два адресованные супруге письма, написанные рукой самого Александра Сергеевича. В них содержатся интимно-личностные, сердечно-трогательные его обращения к жене: голубка моя, *fidel a la toi*. Отсутствие подобных обращений в копиях, приводимых Еленой Дмитриевной, позволяет нам предположить определенное редактирование писем с ее стороны, при котором опускается все не предназначенное для постороннего глаза. Здесь сказывается, очевидно, душевная деликатность самой Елены Дмитриевны и общие принципы литературно-мемориального этикета, свойственного профессорской культуре — семейный контекст выносится за скобки основной деятельности ученого, он, как правило, пульсирует в устной традиции воспоминаний.

До последних дней Елена Дмитриевна проявляет озабоченность судьбой рукописного наследия Александра Сергеевича. Известно, что семья предпринимала попытки издать его незавершенный труд «История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв.» в частном издательстве, но не смогла найти необходимые средства. О бедственном положении семьи в 1920-е гг. есть свидетельства американского историка Фрэнка Голдера, посещавшего Лаппо-Данилевских в этот период. Да и В.И. Вернадский, также озадаченный проблемой издания главного труда своего друга, пишет сыну в Америку, что семья не имеет средств, чтобы переписать рукопись для передачи ее американскому издателю. В сущности надо было найти 200—300 руб.⁷ Елена Дмитриевна живет надеждой на то, что рукописи Александра Сергеевича найдут своего читателя, но прежде — издателя. В письме от 18 февраля 1940 г. (к этому времени ей уже 72 года) она пишет: «Мне самой из-за старческой беспомощности было недоступно быть на кладбище 7 февраля (21-я годовщина со дня смерти А.С. Лаппо-Данилевского. — В.К.). Но ведь я пошла, как ежедневно в последнее время, на другое кладбище, где похоронен пока жизненный труд Александра Сергеевича. И мне здесь легче, чем там, потому что там чувство конца навсегда, а здесь теплится надежда, что, может быть, это не смерть, а только временный плен его мысли»⁸. Передавая рукописи мужа, Елена Дмитриевна оговаривает условия их появления в печати.

Она также комплекзует архив своего рано умершего сына и готовит «Материалы к биографии И.А. Лаппо-Данилевского», включающие его биографию и выписки из обширной семейной переписки. «Материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского» Елена Дмитриевна передала в Архив Академии наук в октябре 1938 г. Аналогичный текст, также написанный ее рукой, был передан в Публичную библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина другом семьи А.М. Нечаевым в 1947 г., уже после смерти Е.Д. Лаппо-Данилевской.

Общий объем рукописи (две тетради в коленкоровом переплете) составляет 146 листов. За этим текстом (переписанным дважды, а по некоторым сведениям трижды) стоит титаническая работа не только и не столько копииста, а автора/составителя материалов и интерпретатора истории жизни и научного открытия сына: мать перечитывает всю семейную переписку, обращается к бумагам своего скончавшегося в 1934 г. брата — Дмитрия Дмитриевича Бекарюкова и других родственников, чтобы максимально расширить круг адресатов Ивана Александровича и тем самым полнее представить стремительный бег его мысли, не упустить многослойный и напряженный контекст ее развития. Перед нами, безусловно, субъективная выборка писем и отрывков из них (сами письма, очевидно, исчезли в блокадном Ленинграде навсегда), да Елена Дмитриевна и не скрывает этого. Эта субъективность сознательно задается ею, она видит свою задачу в том, чтобы показать путь ученого к научному открытию в интерьере повседневной жизни, изумительную работу мысли, эмоции, сопровождающие «этот трепетный труд: озарения, колебания, торжество новой, упорной проверки». Как видим, в формировании архива сына у Елены Дмитриевны заметен другой подход. Вдохновляемая материнской любовью, она старается запечатлеть образ Ивана Александровича во всей его полноте, включая личностно-эмоциональную сторону, быт и житейскую повседневность. Делая соответствующие выписки из писем, она не боится показать Ивана Александровича как невероятно привлекательного, но в то же время очень «трудного человека», способного вызвать нервный срыв даже у близких, искренне сопереживающих и помогающих ему людей. Для нее оказывается невозможным не отразить тяжелый крест жизни с трагически уязвимым гением (напомним о тяжелой болезни Ивана Александровича), который приходится нести и ей, и Ольге Алексеевне. И, наконец, на архивную подборку оказывает влияние новый социальный опыт семьи Лаппо-Данилевских — борьба за выживание в послереволюционной реальности, тягостная зависимость от быта и парадоксальное, на грани фантастики, преодоление ее Иваном Александровичем (из управдомов в члены-корреспонденты Академии наук).

Сведения об Ольге Алексеевне — супруге Ивана Александровича, оказавшейся в эмиграции, фрагментарны, в 1936 г. в одном из писем к Нечаевым, друзьям Лаппо-Данилевских-младших, Елена Дмитриевна сообщает, что Ольга и спустя пять лет после смерти мужа не может прийти в себя. Хотя она находит в себе силы «жить» — поступает в университет Людвига в Гиссене, где изучает математику, а также археологию и древнюю историю и, в конечном счете, защищает диссертацию на соискание докторской степени на философском факультете. Это событие случилось уже в 1942 г. Она защищает диссертацию, посвященную исследованию внутреннего пространства архаических греческих храмов. Конечно же, и война, и послевоенное время вносят «коррективы» в жизнь Ольги Алексеевны. Было, что называется, не до науки. Дочери Ирон (поколению без молодости) не удалось получить высшего образования, а она сама в 1951 г. получила место рисовальщицы при Гиссенском Ботаническом саду. Здесь она проработала до выхода на пенсию в 1965 г. Скончалась

Ольга Алексеевна в 1975 г. Главным делом своей жизни в эмиграции она считала подготовку трудов И.А. Лаппо-Данилевского к публикации. Мы располагаем отрывочными сведениями, о том, что Ольга Алексеевна, также как и ее свекровь, участвует в творении памяти Ивана Александровича. Как явствует из отчета ученого архивиста И.С. Лосевой, Ольга Алексеевна присылала из Берлина копии писем и рукописей мужа члену-корреспонденту АН СССР В.И. Смирнову. Аналогичную информацию мы находим и в протоколах Отделения математико-естественных наук АН СССР за 1931 г.⁹ А в 1953 г. благодаря ее кропотливой работе выходит том трудов Ивана Александровича с его краткой биографией: «Mémoires sur la théorie des systèmes des équations différentielles linéaires». Published 153 by Chelsea Pub. Co. in (New York) Written in French.

Таким образом, жены ученых выступают творцами различных дискурсивных практик, в том числе и мемориальных, играющих важную роль как в процессе самоидентификации научного сообщества, так и в процессе классикализации научного наследия и образа ученого. Архивные фонды, создаваемые благодаря их подвижническому участию, выступают как один из уровней творения/бытования профессорской культуры, рефлексивного взаимодействия ее с окружающим миром — что могут поведать о деятеле науки близкие ему люди и что, и когда именно из этой рефлексивной информации научное сообщество может воспринять.

¹ *Иванова Т.Н.* Владимир Иванович Герье. Портрет российского педагога и организатора образования. Чебоксары, 2009. С. 342.

² СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 3. Д. 38. Л. 20.

³ Там же. Ф. 934. Оп. 3. Д. 222. Л. 1.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 1 об.

⁶ Там же. Ф. 113. Оп. 3. Д. 4. Мария Сергеевна — супруга историка И.М. Гревса, с ней состоял в интенсивной и доверительной переписке А.С. Лаппо-Данилевский.

⁷ См. об этом: *Сорокина М.Ф.* Об историке и его книге: Предисловие от составителя // *Лаппо-Данилевский А.С.* История политических идей в России в XVIII веке в связи с общим ходом развития ее культуры и политики. Köln, 2005. С. XXIX.

⁸ СПФ АРАН. Ф. 934. Оп. 3. Д. 222. Л. 2 об.

⁹ Там же. Ф. 1. Оп. 1-1931. Д. 258. Л. 67.

Деятельность Сибирской комиссии и сибирские материалы в фондах Архива ПАН

Документация, касающаяся Сибири, находится в очень многих архивах России, Латвии, других стран Европы и, конечно, Польши. Одним из них является Архив Польской академии наук (ПАН) в Варшаве, который был создан в 1953 г. в качестве учреждения, комплектуемого документами Польской академии наук, а также научным наследием польских ученых. Архив не специализируется на коллекциях, касающихся Сибири, однако имеет документацию по этой теме. Такую информацию можно найти в научном наследии ученых, которое поступает в Архив путем покупки или дарения. Личные документы ученого обычно продает его семья — жена, дети, кузены. В последнее время более распространенной является форма подарков. Архив пользуется большим признанием в научной среде, однако не может рассчитывать только на дарителей. Часто мы сами проявляем инициативу, стараемся быть активными и полезными. Так, например, было с фондом личного происхождения Бенедикта Дыбовского. Несколько лет назад его внучка Владислава принесла в Архив семейные фотографии. Так началось более близкое знакомство. Благодаря частым встречам мы смогли узнать, как произошло, что внучка, мать которой, Халина, была дочерью Дыбовского, также носит фамилию дедушки. Халина вышла замуж за врача Фукса, который обратился к своему тестю с просьбой передать ему свою фамилию. Наблюдая за поведением немцев во время Первой мировой войны, он ощущал себя глубоко обиженным и стыдился последствий их действий. Этот факт и повлиял на решение поменять фамилию. Владислава была последней представительницей рода, носящей фамилию Дыбовска. Она скончалась в июне 2008 г.

Внучка Дыбовского передала в Архив биографические материалы, статьи, копии работ дедушки, семейные фотографии, дипломы, некрологи. Она пригласила сотрудников Архива на открытие Парка диких животных, находящегося на Мазурах в Кадзидловие, который получил имя Бенедикта Дыбовского. В парке водятся пятнистые олени, которых Дыбовский описывал во время своего пребывания в Сибири. Коллекцию Архива дополняют дары профессора Кучиньского — прежде всего, ксерокопии, газетные вырезки и переписка.

В последнее время с Архивом ПАН начала сотрудничать Паулина Копестиньска — художница из Якутии, проживающая в настоящее время в Италии. Она по заказу Библиотеки Оссолинеум во Вроцлаве пишет портреты знаменитых сибиряков. Надеемся, что ее произведения попадут также в Архив ПАН.

Другое поступление в Архив — это наследие Леона Барщевского, геолога, топографа и этнографа народов Азии. Документы были куплены Архивом в 1964 г. у его дочери Эльжбеты. В настоящее время коллекцию систематически пополняет внук — Игор Стрыцкий. Он приносит в Архив фотографии, организует выставки, пишет статьи. Только благодаря заинтересованности двух сторон (со стороны Архива — Иоганна Арванити) этот фонд имеет возможность пополняться и становиться более интересным.

В Архиве ПАН сохранилось творческое наследие Романа Швойницкого — ссыльного художника, кузена писателя Генрика Сенкевича. В составе фонда Р. Швойницкого содержится большое количество рисунков и фотографий, изображающих Сибирь и ее жителей.

Заслуживают внимания и другие комплексы документов, как например: документы Адама Шиманьского — географа, этнографа народов Азии, исследовавшего Якутию; Фердинанда Каро — ботаника, который собирал и описывал растения Сибири; Кароля Богдановича — геолога и путешественника.

Среди ученых, которые занимались научным описанием Сибири, следует назвать профессора Людвика Базылева — историка, автора «Сибири» (Варшава, 1975); Владислава Дещка — географа, автора неоконченных рукописей «Поляки в культуре Сибири» и «Картография Сибири», а также профессора Габриеля Бженка, автора биографии Бенедикта Дыбовского.

Большинство фондов личного происхождения небольшого объема. Чаще всего это только часть единого целого, разбросанного по архивам и музеям. Это типичное явление для фондов личного происхождения. Редко бывает, чтобы личные документы целиком сосредоточивались только в одном архивохранилище. Обычно по желанию дарителей, а иногда и случайно, они попадают в разные места, часто и в разные страны. Так в случае вышеуказанных фондов — часть их находится в Музее Земли ПАН, Архиве Ягеллонского Университета, Архиве Российской академии наук в Москве, Петербурге и в нескольких других местах.

Документы из большинства фондов личного происхождения экспонировались на выставке «Польские исследователи Сибири» и постоянно пользуются большим интересом у исследователей.

Факт сохранения фондов личного происхождения в Архиве ПАН, а также их научная обработка подтолкнули председателя Сибирской комиссии ПАН к принятию решения об участии в работе коллектива Архива.

Комиссия по исследованию истории Сибири была основана в 1994 г. в рамках Комитета истории, науки и техники ПАН. Инициатором ее создания был профессор Владислав Евсьевички, ставший ее почетным председателем. Руководит Комиссией профессор Збигнев Вуйчык, работающий в Музее Земли ПАН и Институте Истории Науки ПАН. Вице-председатель — профессор Антоний Кучиньски — знаменитый знаток истории польской диаспоры в Сибири. Постоянными участниками в работе Комиссии является около 20 человек, в том числе — профессор Виктория Сьлизовска из Варшавы, профессор Веслав Цабан из Кельце и другие. Все члены Комиссии отражают свои достижения в книжных публикациях и статьях, издаваемых в отечественных и зарубежных журналах (прежде всего в России), а также принимают участие в национальных и международных конференциях по различным аспектам деятельности польских исследователей Сибири.

Работа Комиссии заключается в проведении разных циклических научных заседаний, в которых кроме постоянных членов этого коллектива принимают участие и гости — обычно историки из Российской Федерации, находящиеся на стипендии. Один раз в два месяца проводятся собрания, где зачитываются доклады, которые в дальнейшем готовятся к публикации. Члены Комиссии обмениваются также результатами поисков в российских архивах. Традиционно на каждом заседании представляются новейшие публикации о России, прежде всего о Сибири, полученные обычно по частным каналам от коллег из Российской Федерации.

Часто представляются результаты поисков авторов польских мемуаров XVII, XVIII и XIX в., подготовленные А. Кучиньским и З. Вуйчыком к изданию. Резуль-

татами обсуждения мемуаров Юсефа Копча, сосланного в конце XIX в. на Камчатку, явились ценные работы по истории картографии. Сенсацией стал доклад к.н. Зофии Стжыжевской о польских врачах в России в XVII в. Она доказала, что тогда служили известные по их практическим достижениям безграмотные люди.

Имам Махмуд Таха Жук провел глубокие исследования в области ориенталистики, которой много внимания уделял Юлиан Талько-Хрынцевич. Также он выступал с результатами исследования о достижениях Восточного Института в период между Первой и Второй мировыми войнами. Историки из Лодзи несколько раз выступали по проблеме ссыльных в СССР.

Тематика этих встреч легла в основу новых исследовательских проектов, охватывающих широкий спектр сибирской тематики — ссылки, культурно-творческая роль поляков за Уралом и их хозяйственная деятельность, вклад поляков в этнологические и естественнонаучные исследования в Сибири, депортации во время Второй мировой войны и в первые годы после ее окончания. Однако самым главным является тот факт, что Комиссия объединяет национальный коллектив специалистов занимающихся сибирской тематикой и демонстрирует младшим поколениям исследователей то, что проводимый ими труд познавателен и ценен.

Насколько это возможно, Комиссия поддерживает польских и зарубежных авторов в публикации статей и коллективных работ. Материалы публикуются на страницах ежегодника «Восточные Учения во Вроцлаве», ежеквартального издания «Ссылный», являющегося печатным органом Союза Сибиряков, и ежегодника «Анналекта», издающегося Институтом Истории ПАН.

Главные черты Сибирской комиссии — систематичность и конкретность в работе. Около 80% докладов было издано в течение нескольких месяцев после заседания. Это не единственная форма деятельности коллектива. Важным элементом является помощь в приобретении новой специальной литературы на тему Сибири. Комиссия сотрудничает с Научным советом Союза Сибиряков, выступая инициатором разных издательских мероприятий («Польские дела в Сибири»), предоставляет консультации пишущим кандидатские и докторские диссертации.

Сотрудничество Сибирской комиссии с Архивом ПАН реализуется в разных формах. В последнее время профессор Вуйчик, председатель Комиссии, стал главным консультантом выставки «Польские исследователи Сибири», презентованной в Иркутске.

Деятельность Комиссии имеет перспективы дальнейшего развития, ведь необходимость обмена мыслями и исследовательскими увлечениями ученых безгранична. Меня просили передать, что каждый исследователь, приезжающий из России, особенно из Сибири — дорогой гость, который всегда может рассчитывать на дружескую и научную поддержку.

Перевод А.Ю. Мачеевской и Е. Таракановской

Картографическое наследие Полярной комиссии Академии наук

Академические архивы — собрание важнейших документов по истории Российского государства. Освоение громадных арктических пространств страны в немалой степени связано с Академией наук. В настоящей статье речь пойдет о малоизвестных работах и картографических документах Полярной комиссии. Прежде, чем рассказать о них, кратко напомним об истории ее создания¹.

Поводом к созданию при Академии наук Полярной комиссии послужили географические открытия, сделанные в 1913—1914 гг. Гидрографической Экспедицией Северного Ледовитого океана², организованной Главным Гидрографическим управлением для поисков Северо-восточного прохода, на кораблях «Таймыр» и «Вайгач». Тогда же была обнаружена и частично нанесена на карту группа островов: Земля императора Николая II (переименована в 1926 г. в Северную Землю), о. цесаревича Алексея (с 1926 г. — о. Малый Таймыр), о. Новопапенного (с 1926 г. — о. Жохова). Естественнoисторическое изучение обнаруженной земли оказалось в ведении Академии наук, поскольку в задачи Морского министерства не входило детальное исследование новооткрытых земель.

Проект детального изучения Земли Николая II — «Об исследовании новооткрытых земель и островов у берегов Сибири»³ — разработал старший хранитель Геологического и Минералогического музеев, геолог и палеонтолог И.П. Толмачев⁴, предлагавший организовать специальную экспедицию уже в 1915 г. Записку Толмачева представили на заседании Физико-математического отделения ИАН академики А.П. Карпинский и В.И. Вернадский.

Для подготовки экспедиции решено было сформировать специальную комиссию, по опыту уже имеющихся в Академии наук — Комиссии для снаряжения Русской Полярной экспедиции и Комиссии по подготовке русско-шведской экспедиции по Шпицбергенскому градусному измерению. Создаваемая комиссия должна была заняться не только организацией одной, пусть даже крупной экспедиции, но и координацией всей работы по исследованию обширных арктических территорий. Решение о создании при Академии наук новой межведомственной комиссии было принято на заседании 16 мая 1914 г. Тогда же в члены этой комиссии были предложены академики О.А. Баклунд, И.П. Бородин, В.И. Вернадский, Б.Б. Голицын, А.П. Карпинский, Н.В. Насонов, М.А. Рыкачев; ученые хранители академических музеев — О.О. Баклунд, А.А. Бялыницкий-Бируля, П.В. Виттенбург, В.Н. Сукачев, И.П. Толмачев; а также те, кто по своему научному и общественному положению могли способствовать деятельности Комиссии — Н.И. Андрусов, К.И. Богданович, Л.Л. Брейтфус, А.М. Бухтеев, Б.А. Вилькицкий, Ф.Ф. Витрам, М.Е. Жданко, Н.М. Книпович, А.В. Колчак, И.И. Померанцев, Ю.М. Шокальский, О.Э. Штубендорф, В.Е. Фус⁵. Председателем Комиссии стал великий князь Константин Константинович.

На организационном собрании Полярной комиссии 1 декабря 1914 г. были оглашены записки «Об учреждении Постоянной Полярной Комиссии» И.П. Толмачева и «К вопросу о задачах Полярной Комиссии» академика В.И. Вернадского⁶. Тогда же

академик Б.Б. Голицын был избран заместителем председателя, а И.П. Толмачев — секретарем комиссии. Комиссия постановила пригласить в число своих членов Э.В. Штеллинга, А.А. Бунге, К.И. Михайлова и приват-доцента Б.М. Житкова.

В записке Толмачева определялись круг задач и формы деятельности Полярной комиссии (ПК). Деятельность ПК должна была включать исследование «полярных стран вообще и русского севера в частности»⁷, точный учет всего сделанного за прошедшие годы, организацию экспедиций, разработку плана систематических работ в арктической области Земли, выработку правовых норм международного сотрудничества, дальнейшее изучение вопроса о Северном морском пути, создание специального печатного органа Комиссии, формирование специализированной библиотеки по полярным вопросам и т.д.

Задача точного учета всего сделанного за предшествовавшие периоды включала и сбор сведений о картографических документах арктических территорий Европейской и Азиатской частей России. Очевидно, что к началу XX в. степень обеспеченности береговых и особенно внутренних районов севера страны надежными картами была довольно слабой. Отечественные гидрографические исследования берега арктического бассейна, проводившиеся с первой половины XVIII в., позволили накопить обширные сведения⁸. Но береговая линия и острова Северного Ледовитого океана по-прежнему были показаны на картах, составленных в Гидрографическом департаменте Морского министерства на основе съемок XIX в.⁹ Схематически изображалась береговая линия Европейской части страны на картах Европейской России, составленных А. Тилло¹⁰, а внутренние районы Европейской части страны, показанные на известной карте Ф.Ф. Шуберга¹¹, не претерпели существенных изменений и к концу XIX в., при этом сама карта не была свободна от ошибок¹². Точные для своего времени карты — Азиатской России, составленная поручиком Поздняковым¹³, и Европейской России и Сибири, составленная А. Шевелевым¹⁴, — к этому времени уже устарели, а карты экспедиций в арктические районы (в том числе А.Е. Норденшельда, Ф. Нансена, Э.В. Толля¹⁵) показывали лишь ограниченные территории и не были увязаны между собой.

Ситуация не изменилась и после того, как в начале XX в. были произведены новые работы. Так в 1909 г. съемку береговой полосы от устья р. Колымы до мыса Сердце Камень выполнили В. Вебер и М.Я. Кожевников, участники Чукотской экспедиции, снаряженной под начальством И.П. Толмачева, а отряд Г.Я. Седова тогда же завершил работу по съемке устья р. Колымы, в 1911 г. морская опись побережья от устья р. Колымы до Берингова пролива была произведена Гидрографической экспедицией Северного Ледовитого океана. Вероятно, эти сведения оставались недоступными, и береговая линия по-прежнему наносилась на карты лишь в общих чертах¹⁶, а обширные внутриматериковые пространства полярных областей оставались в картографическом отношении и вовсе совершенно неизученными.

На недостаточную картографическую обеспеченность Азиатской части России указывал И.П. Толмачев: «...даже топографическая география севера Сибири в большинстве случаев очень мало выяснена: береговые линии еще на значительном протяжении нуждаются в новой съемке, а на самом материке северной Азии существуют громадные площади, может быть, самые большие из оставшихся еще на земном шаре (если не считать приполюсных районов), которые до сих пор еще не были исследованы топографически. Как пример, можно указать, что большая река Таз до сих пор еще нанесена на карту только на основании расспросных данных»¹⁷.

С началом войны необходимость проведения топографических работ, по мнению В.И. Вернадского, приобрела важное стратегическое значение: «...великое по-

трясение, переживаемое нашим отечеством, ставит перед нами, и немедленно, возможности и необходимости научной работы в областях, входящих в круг интересов Полярной комиссии... Закрытие сухопутной границы в ее наиболее культурной части, чрезвычайное ослабление морских сообщений Балтийским, и особенно Черным морями выдвигает правильную организацию северных... морских путей и связанных с ними сухопутных подъездов... сейчас государственные потребности заставляют обращать внимание на всю область севера, главным образом, в пределах Европейской России и Западной Сибири... приходится составлять географические и гидрографические съемки или изучать удобные направления для проложения новых сухопутных путей»¹⁸. Таким образом, перед Полярной комиссией с момента ее создания была поставлена глобальная задача картографирования северных территорий страны.

Историческая карта Л.Л. Брейтфуса—Д.Н. Феодотьева. Первым картографическим произведением, подготовленным в Полярной комиссии, стала карта, показывающая маршруты всех известных к тому времени экспедиций в российском секторе Арктики, начиная с 1648 г. до 1915 г. Карту начал составлять Л.Л. Брейтфус на основе собираемых им материалов об отечественных и иностранных работах по изучению арктических пространств¹⁹. И.П. Толмачев поддержал это предприятие и предложил в 1918 г. силами Полярной комиссии помочь в подготовке и издании карты, которая, при существовавшем тогда интересе к Арктике, могла пользоваться спросом и окупить расходы на издание. Пояснительный текст к карте²⁰, который писал Брейтфус, предполагалось напечатать в журнале, задуманном как периодическое издание ПК, а в продажу с картой должны были поступать отдельные оттиски текста.

Академия наук поддержала идею Полярной комиссии и ходатайствовала о выделении средств на публикацию карты. В Объяснительной записке к смете Полярной комиссии было сказано, что вследствие условий, вызванных войной, полярные исследования не производились в 1917 г. и вряд ли будут иметь место в 1918 г., поэтому настоящий момент весьма благоприятен для публикации обзорной карты, иллюстрирующей определенный период полярных исследований и дающей сводку всех географических и исторических материалов для отечественной части Северного Ледовитого океана по 1917 г.

Однако в 1918 г. Брейтфус уехал на Мурман, а затем за границу²¹, поэтому дальнейшей подготовкой карты занялся Д.Н. Феодотьев, который представил ее в 1919 г. Печатание карты было поручено известному издательству А.Ф. Маркса²². Топографической основой для нее стала карта, выпущенная Гидрографическим департаментом в начале XX в., практически не отличавшаяся от карты 1874—1876 гг.

«Карта Северного Ледовитого океана с берегами России. От Вардэ до Берингова пролива» (Сост. в 1914 г. по новейшим данным Л.Л. Брейтфусом²³ и Д.Н. Феодотьевым. М-б 1:420 тыс.)²⁴ была отпечатана в 1922 г., в количестве лишь 30 экземпляров²⁵. На ней показаны маршруты 44 отечественных и иностранных экспедиций, нанесены существующие и проектируемые метеорологические, радиотелеграфные и телеграфные станции, телеграфные линии, склады продовольствия и одежды на островах Новосибирского архипелага. В 1923 г. клише, в связи с необходимостью освободить типографский камень, были уничтожены²⁶, а в 1927 г. на заседании ПК был поставлен вопрос о переиздании карты, получившей высокую оценку ученых, и внесении в нее необходимых исправлений²⁷. Однако сведения о состоявшемся втором издании карты нами не обнаружены²⁸.

В 1920 г. члены ПК Н.А. Кулик, Р.Л. Самойлович, С.В. Керцелли, М.Е. Жданко и Г. Суворов вновь обратились с картографической целью к истории вопроса об ис-

следования северных берегов России от времени начала преобразований Петра I до 1915 г.²⁹ Обзор уже сделанного позволил определить первоочередные задачи на тот момент: 1) составить общую сводку всех имеющихся картографических документов; 2) подготовить план исследования областей Баренцева и Карского морей и Земли Николая II.

Составление географических карт. В деятельности Полярной комиссии по подготовке и изданию картографических произведений можно условно выделить несколько направлений³⁰.

Первое — связано с попытками завершения и издания карт и сопутствующих им материалов предыдущих арктических экспедиций. В 1919 г. произошло объединение трех комиссий — по градусному измерению на островах Шпицбергена, для снаряжения Русской Полярной Экспедиции (барона Э.В. Толля), и Постоянной Полярной — в одну, с сохранением названия «Постоянная Полярная комиссия». Инициатором объединения стал академик А.П. Карпинский, являвшийся в то время их председателем. Так как деятельность комиссий касалась полярных исследований, членами их были одни и те же ученые (многие участники экспедиций к этому времени эмигрировали или скончались), объединение стало лишь формальным актом и не вызвало возражений³¹.

Тогда же все материалы, дневники, записи и прочие документы Русской Полярной экспедиции и Русско-Шведской экспедиции по градусному измерению на Шпицбергене были переданы для хранения в Полярную комиссию, на которую была возложена обязанность способствовать обработке результатов экспедиций и подготовке их к публикации.

Труды Русско-Шведской экспедиции по градусному измерению издавались Академией наук в серии «Missions scientifique pour la Mesure d'un arc de Méridien au Spitzberg entreprises en 1899—1901 sous les auspices des gouvernements russe et suédois. Mission russe». Основная часть работ вышла в 1904—1912 гг. Но вскоре из-за недостатка средств в Академии наук публикация подготовленных статей и карт Шпицбергена замедлилась. Особенно тяжелое положение сложилось к 1915 г., и в отчете о деятельности Комиссии по градусному измерению на островах Шпицбергена записано: «Средства Шпицбергенской комиссии иссякли. Война исключила всякую надежду на получение казенных средств не только теперь, но и в близком будущем»³². Исправлению бедственного положения помог инженер и нефтепромышленник Э.Л. Нобель, пожертвовавший на продолжение издания результатов экспедиции 15 тыс. рублей. Но следующие несколько изданий серии были выпущены только в 1919 и 1925 г.

Роль ПК в публикации материалов Русско-Шведской экспедиции по градусному измерению на Шпицбергене, обработкой которых занимался астроном А.С. Васильев, заключалась в обсуждении на своих заседаниях хода работ, консультативной помощи и утверждении сметы расходов для представления Академии. Так, на 17-м заседании Комиссии, 24 марта 1922 г., Васильев, представив полный перечень уже опубликованных и подготовленных к печати работ, поставил на обсуждение ПК вопросы, касающиеся завершения работы над картой Шпицбергена, в числе которых — оформление, тираж и содержание³³. Решено было передать макет карты в издательство, однако ее публикация была приостановлена из-за недостатка средств. ПК вскоре ходатайствовала: «... обсудив на заседании 31 марта 1922 года вопрос об издании “Трудов” экспедиции по Шпицбергенскому градусному измерению... признала необходимым ускорить выпуск находящихся в печати работ А. Васильева: 1) Voyage a la partie centrale

du Spitzberg en 1900—1901 и его же 2) Quatre voyages par terre a travers le Spitzberg au Signal Hedgehog, 3) Карты Шпицбергена, составленной на основании работ русских ученых»³⁴. Однако издательские работы были возобновлены только в 1924 г.

Карта Шпицбергена «Ocean Glacial Arctique, Spitzberg, Region des travaux de l'expédition de l'Academie des sciences de Russie pour la mesure d'un arc de méridien en 1899—1901» (Carte dressée d'après les matériaux de l'expédition sous la redaction de O.E. Stubendorff par A.S.Wassiliew. Leningrad: Acad. de science de Russie, [1925])³⁵. Карта пользовалась большим успехом, и ПК получала много заявок с просьбой о ее присылке.

На заседании 31 марта 1922 г. обсуждался вопрос о необходимости издать хотя бы в неполном виде, без таблиц, труды Русской Полярной экспедиции по геологии и зоологии³⁶. Кроме того, ПК планировала выпустить, без объяснительной записки, составленной А.В. Колчаком, промеры экспедиционного судна «Заря»³⁷ и уже напечатанные карты. Вероятно, здесь речь шла о картах, подготовленных А.В. Колчаком по результатам съемок во время Русской Полярной экспедиции А. Толля,³⁸ изданных ГДММ в 1906 и 1908 г.: № 679. Планы якорных стоянок на северо-западном берегу Таймырского полуострова (СПб.: ГДММ, 1906); № 681. Карта северо-восточной части Карского моря от острова Вилькицкого до мыса Михайлова (СПб.: ГДММ, 1906); № 687. План губы Нерпичьей и лагуны Нерпалах на западном берегу острова Котельного (СПб.: ГДММ, 1906); № 712. Карта северо-восточной части Карского моря от мыса Михайлова до устья реки Таймыры (СПб.: ГДММ, 1908)³⁹. Об осуществлении этого предприятия Комиссии пока сведений не обнаружено.

В 1924 г. топограф и геодезист М.Я. Кожевников при подготовке Новоземельской экспедиции Академии наук (1925 г.) составил заметку о составлении карты пересечения южного острова Новой Земли экспедицией Ф.Н. Чернышева в 1895 г.⁴⁰, а позднее, для обеспечения работ Чукотской подкомиссии, — карту и объяснительную записку к ней по материалам Чукотской экспедиции 1909—1910 гг. И.П. Толмачева,⁴¹ в которой он принимал участие в качестве топографа.

Первые результаты Чукотской экспедиции были опубликованы еще в 1911 г., вскоре по окончании экспедиции⁴². Толмачев писал, что была выполнена маршрутная съемка побережья от устья Колымы до мыса Чаплина, от устья Большой реки до устья р. Чаплина, затем до Чаунской губы. Съемка опиралась на 24 астрономических пункта⁴³. Результатом полученных данных, по мнению Толмачева, должно было стать значительное изменение гидрографии и положения побережья восточнее Чаунской губы. Толмачев сравнивал полученные им результаты с картами Врангеля, что еще раз доказывает, что других, более поздних картографических документов этого пространства на тот момент не существовало. В доказательство Толмачев приложил к «Предварительному отчету...» составленную по материалам экспедиции в Корпусе военных топографов обзорную «Отчетную карту Чукотской экспедиции 1909 г.» (Сост. капитан Адрианов. Печатано в Картогр. заведении Военно-Топографического Отдела. М-б 1:4,2 млн), весьма значительно менявшую существовавшие прежде представления о положении и форме береговой линии на всем пространстве от устья р. Колымы до Берингова пролива. На карту были нанесены также маршрут экспедиции, астрономические пункты (от устья р. Колымы до м. Лысая голова) и несколько новых географических названий.

В 1912 г. был опубликован доклад М.Я. Кожевникова, сделанный на объединенном заседании Отделений Математической географии и Физической географии ИРГО — «Приемы маршрутной съемки и условия работ в районе побережья Север-

ного Ледовитого океана»⁴⁴. Здесь рассказано и о работах Кожевникова в Чукотской экспедиции — о более чем 1 тыс. верст пути (около 1125 км маршрута различной ширины), пройденного и снятого им. Тогда же Кожевников готовил к изданию и все планшеты съемки северо-восточного побережья России, а Толмачев работал над развернутым отчетом о Чукотской экспедиции. Однако начавшаяся Первая мировая война помешала осуществлению этих планов.

Собрание планшетов Чукотской экспедиции вышло в свет только в 1935 г. как приложение к № 18 «Трудов Полярной комиссии», озаглавленное «Чукотская экспедиция 1909—1910 гг. Альбом иллюстраций и карт» (Л.; М., 1935)⁴⁵.

В небольшой заметке «От редакции», помещенной в № 18 «Трудов Полярной комиссии», сообщалось: «Выпуская настоящую работу М.Я. Кожевникова с описанием маршрута Чукотской экспедиции 1909—1910 гг. под начальством геолога И.П. Толмачева, редакция сообщает, что этот маршрут был обработан и напечатан в виде отдельных планшетов много лет тому назад, но по не зависящим от автора причинам не мог быть ранее выпущен в свет»⁴⁶. Обработка планшетов пришлось на начало Первой мировой войны: «По возвращении в Петербург маршрут был вычерчен, но не положен на географическую сетку. В таком же виде и в том же масштабе он теперь и создается»⁴⁷.

Почему же в середине 1930-х гг. все же потребовалась публикация этих планшетов? Очевидно, эти картографические материалы не потеряли своего значения и активно использовались для составления новых обзорных и подробных карт Арктических территорий СССР. Обратимся снова к тексту Кожевникова: «Еще до вычерчивания маршрута, он был использован Главным Гидрографическим управлением для корректуры своих карт. Впоследствии маршрут добавлялся астрономическими пунктами, от чего, конечно, он уточнялся. В 1932 г. этот маршрут был использован Академией наук при составлении карты Якутской АССР»⁴⁸. Сведения о том, что съемочные планшеты Чукотской экспедиции использовались для составления карты Якутской АССР приведены, кроме того, в книге М.Я. Кожевникова и А.Г. Бауэра «Описание карты Якутской АССР 1932 г., составленной Советом по изучению производительных сил Академии наук СССР», где в списке использованных литературных источников и картографических материалов, составленном Кожевниковым, значится: «№ 142. Работы Чукотской экспедиции 1909—1910 гг. под начальством геолога И.П. Толмачева. Съемка М.Я. Кожевникова и Э.Ф. Вебера. Масшт. 5 в. в 1 д.»⁴⁹. На приложенной к «Описанию...» обзорной «Схеме расположения использованных картографических материалов» (Сост. М.Я. Кожевников. М-б 1:15 млн) можно видеть, что линия побережья восточнее устья р. Колымы практически полностью составлена по материалам Чукотской экспедиции. Здесь же, на «Схеме расположения астрономических пунктов» (Сост. М.Я. Кожевников. М-б 1:10 млн), показаны и астропункты, определенные в этой экспедиции. Отметим, что публикация планшетов состоялась уже после того, как карты с использованием их данных вышли из печати. Поэтому, вероятно, и потребовалось издание «первоисточника».

Второе направление включает работу над картами, составленными в результате таких экспедиций, как: Западно-Сибирские 1923—1924 гг. под руководством Б.Н. Городкова, академические экспедиции 1927—1928 гг., Новоземельская 1925 г.⁵⁰, Гыданская 1927 г.⁵¹ (обработка картографических материалов была завершена в 1931 г.) и др. Так, предварительная карта района работ Таймырской экспедиции 1928 г.⁵² была подготовлена К.Е. Сидоровым, отпечатана в 1929 г. тиражом 20 экземпляров и тогда же разослана, согласно запросам, в библиотеку РГО, Сибкрайплан, Красноярский

окрисполком, Средне-Сибирское отделение Географического общества, Туруханский райисполком, Хатангский Туземный райисполком⁵³. Более подробную карту Полярная комиссия предполагала составить и опубликовать по окончании обработки всех материалов, однако, поскольку все картографические материалы были сданы в НКВД, работа не была завершена⁵⁴. Картограф Полярной комиссии П.П. Померанцев обработал картографический материал Чуньского отряда 1931 г. Туруханской экспедиции, снаряженной СОПС⁵⁵, и Нижне-Тунгусской экспедиции КЯР 1933 г.⁵⁶ В 1933 г. геоморфолог И.Я. Ермилов составил карту бассейнов рек Пура и Надыма (в м-бе 1:750 тыс.), в основном по материалам Западносибирской экспедиции Академии наук 1923 г.⁵⁷

Третье направление — совместная с другими учреждениями работа по составлению и изданию карт крупных регионов и административных территорий и участие в обсуждении подготавливавшихся картографических материалов.

На состоявшемся в феврале 1919 г. объединенном заседании Полярной комиссии, Северного отдела Постоянной комиссии по изучению Естественных производительных сил России при РАН (КЕПС) и Комиссии по практическому исследованию Севера Д.Д. Руднев (сотрудник КЕПС и член Полярной комиссии) доложил о ходе работ по подготовке в КЕПС подробной карты всего северного района России, в пределах от Норвегии до р. Енисей и от Шпицбергена и Земли Франца Иосифа до 55 с.ш. (в м-бе 1:2 млн), под руководством Ю.М. Шокальского. Поскольку по Северному морскому пути тогда уже установилось судоходство, необходимо было иметь точную карту. Существующие же карты, изданные Главным Штабом (в м-бе 10 и 25 верст в дюйме), устарели или распроданы, а единственной удовлетворительной осталась малораспространенная карта Европейской России в Большом Всемирном настольном атласе издателя Маркса, охватывающая только Север России, без Западной Сибири, Новой Земли, островов Баренцева и Карского морей. Работа по составлению карты была налажена⁵⁸, но из-за отсутствия ассигнований и кризиса бумажной промышленности, а также с исчезновением необходимых материалов задержалась. В окончательном варианте карта была выполнена в масштабе 1:5 млн⁵⁹. Северный отдел КЕПС готовил и «Стенную карту Северных полярных стран» (в м-бе 1:5 млн), подобной которой на том момент не существовало, если не считать немецкой, в небольшом количестве экземпляров появившейся в России и уже весьма устаревшей: Kaard Y. Von. Nordpolarkarte in Vaasst (в м-бе 1:5 млн). Начавшаяся работа по созданию в КЕПС карты полярных областей также остановилась из-за отсутствия кредита. Карта была выполнена только в рукописном варианте⁶⁰.

В 1927 г. при Полярной комиссии была создана Печорская подкомиссия под председательством Н.А. Кулика. Специалисты подкомиссии обратили внимание на скудость и неточность существующих карт края и в 1929—1930 гг. занялись поиском картографических материалов по Северу, в частности, для содействия камеральным работам Коми-Печорской экспедиции. С 1930 г. секретарь подкомиссии Д.Д. Руднев участвовал в работе по составлению новой карты этой территории. Согласно договору, заключенному между Рудневым и Комиссией экспедиционных исследований АН СССР, он принял на себя руководство составлением карты Северной части Печорского края⁶¹, которая должна была стать сводкой всех материалов, собранных самим Рудневым в течение 25 лет⁶². Планировалось, что карта будет выполнена в масштабе 1:1 млн по образцу международной карты: Q-39, 40, 41 и R-39, 40, 41. Дополнительные ассигнования для выполнения карты были выделены по решению Терсектора СОПС в ноябре 1930 г.⁶³ Карта Печорского края была закончена к 1 июля 1936 г. и

переслана в Архангельск. Завершение карты Печорского края было выполнено картографом Н.А. Эвенбахом в связи с кончиной Д.Д. Руднева в 1932 г.

В 1929 г. постановлением президиума ВЦИК был организован Северный край в составе Архангельского, Няндома, Вологодского, Северо-Двинского округов, автономной области Коми и островов Белого моря и Северного Ледовитого океана. В декабре 1929 г. в его составе был образован Ненецкий национальный округ⁶⁴. В 1932 г. Полярная комиссия согласно договору с Северо-Западным Аэрофотогеодезическим трестом начала работу по составлению рабочего оригинала карты Северного края на 12 листах в масштабе 1:500000 (в части, охватываемой следующими листами карты: R-38 «в» и «г», R-39 «в» и «г», R-40 «в» и «г», R-41 «в» и «г», с дополнением клапана, покрывающего северную часть Вайгача, и Q-41 «а», «б» и «в»)⁶⁵. Сбор материала, необходимого для составления карты, возлагался на Полярную комиссию. К договору была приложена «Техническая инструкция по составлению карты». Общее руководство работами (подбор материала, уточнение, и исправление листов карты) принял на себя Д.Д. Руднев, а непосредственное составление карты Северного края — картограф П.П. Померанцев⁶⁶. К октябрю 1932 г. были завершены 8 листов карты. К каждому листу согласно технической инструкции прилагались: перечень использованных материалов, список астрономических пунктов, и объяснительная записка.

Последние три листа карты⁶⁷ Померанцев, после кончины Руднева, составлял самостоятельно⁶⁸. Эти листы карты Северного края были закончены в декабре 1932 г. Готовые листы, принятые специалистами Северного Аэрофотогеодезического треста, были отправлены в 1933 г. для публикации в Архангельск. Была ли издана подготовленная Полярной комиссией карта Северного края, пока неясно. В Архиве РГО удалось обнаружить пробный оттиск листа R-41 («в», «г»), на котором показана территория от пролива Югорский Шар к югу и хребет Пай-Хой,⁶⁹ а также листы с перечнями использованных материалов для некоторых других листов (R-39, R-40, R-41). Однако поскольку в опубликованном в 1934 г. в Архангельске альбоме «Краткий географический очерк Северного края: в картах» было сказано, что издание является первой попыткой Северного Аэрофотогеодезического треста пополнить пробел в картах Северного края при помощи издания мелкомасштабных тематических карт⁷⁰, можно предположить, что исполнением пробных листов карты дело и ограничилось.

Работа по составлению карты Северного края получила неожиданное продолжение. В заявлении П.П. Померанцева, поданном в Полярную комиссию в 1933 г., сообщалось, что, собирая картографический материал для северных листов карты Северного края, он познакомился с материалами по Новой Земле⁷¹, и выяснил, что не существует карты, сводившей воедино все работы последних лет. Померанцев предложил изготовить такую карту в масштабе 1:1 млн, с указанием, где возможно, данных о гипсометрии и ледниковом покрове острова. В дополнение к карте он собирался составить записку об истории исследования Новой Земли до 1917 г. и первых работах советского времени⁷².

В том же году Померанцев начал работу над картой Новой Земли. Проекцию Гаусса-Крюгера для нее вычертил геодезист и картограф В.В. Каврайский⁷³. Перечень материалов, использованных для отображения северного острова Новой Земли, включал отечественные и иностранные, опубликованные и рукописные материалы, среди которых: рукописная карта восточного берега Новой Земли от Маточкина Шара до залива Розмыслова (сост. и вычерчена гидрографом Ю. Чирихиным в 1923 г., м-б 1:105000), хранившаяся в Полярной комиссии; Лоция Карского моря, составленная Н.И. Евгеновым (изд. Гидрографического управления, 1930); карта Новой Земли (м-б 1:1 млн, изд. Гидрограф. управления, 1932); карта пересечения острова Новой Земли

под 75°—76° с.ш. в 1913 г. (сост. М.Я. Кожевниковым по съемке В.Ю. Визе)⁷⁴; Sketch-map of the country between Mashigin and Zivolka fjords Novaya Zemlya⁷⁵; и др.⁷⁶

Составление карты в 1933 г. было завершено⁷⁷, а в 1934 г. Померанцев подготовил очерк картографического исследования Новой Земли — «Etude cartographique des explorations de la Novaja Zemlja»⁷⁸ для экспонирования рукописного варианта карты на Международном географическом конгрессе в Варшаве. Тогда же были начаты переговоры об издании карты⁷⁹. Есть сведения, что в январе 1936 г. в Архангельске вышла из печати новая гипсометрическая карта Новой Земли (м-б 1:750 тыс.), составленная Полярной комиссией, однако саму карту пока обнаружить не удалось.

Приенисейский отдел Восточно-Сибирского краеведческого общества, при содействии Полярной комиссии, подготовил карту Приенисейского Севера (м-б 1:1,5 млн)⁸⁰. В 1934 г. в годовом отчете о деятельности ПК указывалось, что эта карта находится в корректурной обработке в Комиссии и готовится к печати. По просьбе ПК сроки окончания работы и публикации карты были перенесены на 1935 г. Завершенный вариант был представлен в Президиум Академии наук, постановлением которого карта была принята к печати. Однако она так и не вышла в свет: в плане работы ПК на 1937 г. отмечалось, что карта Приенисейского Севера, законченная и сданная 3 года назад, до сих пор лежит в картфабрике НКВД⁸¹, страшно загруженной работой. В настоящее время карта не обнаружена.

Единственная карта, где составителем прямо указана Полярная комиссия Академии наук, была издана в 1930 г.: *Arctica: Карта Северной Полярной Области*⁸².

Четвертое направление — составление карт национально-территориальных округов. 10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК принял решение о повсеместной организации в районах расселения малых народностей Севера национальных объединений. Было образовано восемь национальных округов и восемь национальных районов, не входящих в округа⁸³.

В рамках работ по изучению производительных сил страны в начале 1930-х гг. перед Полярной комиссией стояла задача в течение нескольких лет издать серию карт, охватывающих последовательно все национальные округа Севера. Предполагалось подготовить и издать карты Ненецкого⁸⁴, Ямальского⁸⁵, Остяко-Вогульского, Эвенкийского, Таймырского национальных округов — первых географических карт районов Крайнего Севера на национальных языках: ненецком, эвенкийском и др.

Карта Остяко-Вогульского национального округа составлялась с 1935 г.⁸⁶ Сведения о населенных пунктах территории с указанием количества жителей и их национального состава Полярная комиссия рассчитывала получить в Окрнархозучете (Окружном народно-хозяйственном учете) Остяко-Вогульского Окрисполкома, однако там оказались не все нужные материалы — были получены лишь данные о количестве и национальном составе жителей Сургутского района на 1 января 1935 г. Часть же земель Остяко-Вогульского национального округа находилась вне ведения местного Окрисполкома. Поэтому Полярная Комиссия обратилась в ГУЛАГ НКВД с просьбой прислать список населенных пунктов округа, состоящих на учете в ГУЛАГе, поскольку составление карты заканчивалось, а остальные сведения, учитываемые Нархозучетом Остяко-Вогульского Окрисполкома на 1 января 1935 г., уже имелись. В ответе, за подписью начальника системы исправительно-трудовых лагерей М.Д. Бермана, говорилось, что ГУЛАГ не располагает материалами по населенным пунктам. Завершение работы над картой планировалось на конец 1936 г., но в мае Померанцев был арестован⁸⁷, и работы отложились на неопределенное время. Благодаря ходатайствам Н.И. Вавилова, Ю.М. Шокальского и других он был освобожден в 1937 г., и, согласно научным планам Комиссии на 1937 г.,

карта еще находилась в работе. В связи с изменением административно-территориального деления карта потеряла свою актуальность и не была издана.

В начале 1936 г. Померанцев начал составлять карту Ямальского национального округа, однако, по понятным причинам, она не была закончена, сохранился лишь ее рукописный вариант⁸⁸. Карта Таймырского национального округа, составлявшаяся под руководством профессора Н.Н. Матусевича, также стояла в плане на 1937 г. О завершении работ над картами и их публикации данных пока не найдено.

В 1937 г. предполагалось продолжить составление очерков по физической географии и экономике национальных округов, применительно к составляемым картам⁸⁹.

В докладе на заседании, посвященном 20-летию Полярной комиссии, состоявшемся 1 декабря 1934 г., приводился перечень карт, подготовленных и изданных за это время: «До настоящего времени напечатаны и выпущены в свет: 1) Карта Брейтфуса и Феодотьева с маршрутами северных путешествий, с показанием астрономических пунктов и складов; 2) Карта И.П. Толмачева Чукотского побережья на 24 листах⁹⁰; 3) Карта Шпицбергена на 4 листах; 4) Карта Гыданского полуострова; 5) 11 листов карты Северного края; 6) Карта Печорского края на 6 листах; 7) находится в печати составленная Средне-Сибирским географическим обществом при консультативной помощи со стороны Полярной комиссии Карта Приенисейского севера на 4 листах⁹¹. Готовятся к печати, но за недостатком средств не могут пока быть напечатаны: 8) Карта р. Пура-Надыма; 9) Карта р. Чуни (приток Нижней Тунгуски); 10) Карта Нижнего течения р. Нижней Тунгуски; 11) Гипсометрическая карта Новой Земли. Последняя карта выставлялась на Международном Географическом конгрессе в Варшаве в августе текущего года и произвела прекрасное впечатление, вызвав в иностранной печати крайне лестные отзывы⁹². Подготавливаются к печати и находятся в работе: 1. Карты северных национальных округов масштабом 1: 1000000; карты эти, составляемые в виде отдельных национальных округов, должны будут в течение нескольких лет охватить весь север Европейской и Азиатской частей Союза. Осуществление их идет медленнее, чем было бы желательно вследствие крайнего недостатка средств, в первую очередь подготовлена карта Ненецкого национального округа»⁹³.

Несмотря на то, что деятельность Комиссии в области составления карт характеризовалась как планомерная, объективные условия работы Комиссии позволили осуществить очень мало из того, что было задумано. Ученые, входившие в состав Полярной комиссии, ставили задачи, исходя из потребностей насущной жизни. Однако недостаток средств, специалистов, неопределенность издательских возможностей и особая секретность, связанная с развернутой в арктических районах страны системой исправительно-трудовых лагерей, привели к тому, что многие карты остались лишь в рукописном виде.

Некоторые карты, составленные по результатам экспедиционных работ, были опубликованы в «Трудах Полярной комиссии», но значительная часть работ сохранилась в незавершенном виде в рукописях. К тому же не издававшиеся, но хранящиеся в течение нескольких лет на картфабрике карты устаревали. Поэтому в Полярной комиссии появилась идея предложить Академии наук создать при Издательстве АН собственное картографическое заведение.

В настоящее время известно примерно о двух сотнях рукописных чертежей, планов, карт и их фрагментов, свидетельствующих о деятельности Полярной комиссии. Они хранятся, в основном, в СПФ АРАН, отдельные картографические документы — в НИОР Библиотеки РАН, Архиве РГО. В фонде Сектора картографии ОФО Библиотеки РАН хранятся печатные морские карты, поступавшие в специализированную библиотеку ПК из Главного Гидрографического управления, в том числе карты, пере-

данные после завершения Русской Полярной экспедиции⁹⁴. Изучение картографического наследия Полярной комиссии Академии наук открывает неизвестные страницы в истории отечественной картографии первой трети XX века.

- ¹ См.: *Красникова О.А.* Академия наук и исследования в Арктике: деятельность полярной комиссии в 1914–1936 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 4. С. 64–81.
- ² Район плавания показан на карте: Схема плавания Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана в 1913 г. [СПб.]: [Фотометаллотип. маст. ГГУ ММ], б.г. 1 л.
- ³ *Толмачев И.П.* Записка об исследовании новооткрытых земель и островов у берегов Сибири // Протоколы Физико-математического отделения ИАН. Заседание VII. 2 апреля 1914. Прил. II. С. 128–130.
- ⁴ И.П. Толмачев к этому времени участвовал в нескольких экспедициях в Сибирь, а также провел в качестве руководителя две крупные экспедиции — Хатангскую экспедицию РГО (1905 г.) и Чукотскую, организованную Министерством торговли и промышленности в 1909–1910 гг.
- ⁵ Протоколы ФМО ИАН. Заседание IX. 21 мая 1914 г. § 480. С. 194–195.
- ⁶ Протоколы ФМО ИАН. № 1. 7 января 1915 г. С. 8. Приложение: Записка Толмачева: С. 15–20, записка Вернадского: С. 20–23.
- ⁷ *Толмачев И.П.* Записка об учреждении Постоянной полярной комиссии. [Пг.], 1914. С. 3.
- ⁸ См.: Карта Северного Ледовитого океана в границах Российской империи, составлена на основании русских гидрографических исследований с 1734 по 1871 г. / Сост. в чертежной ГДММ в 1872 г. Пополнена и печатана с камня в 1874 г. СПб., 1874. 1 л.
- ⁹ *Руднев Д.Д., Кулик Н.А.* Материалы к изучению Северного морского пути из Европы в Обь и Енисей. Пг., 1915. Прил. 3. С. 120–124. Приведены сведения о нескольких десятках карт, показывающих береговую линию Северного Ледовитого океана в пределах России.
- ¹⁰ *Тилло А.* Опыт гипсометрической карты рек Европейской России по данным Главного штаба и Министерства путей сообщения. СПб., 1882; *Он же.* Гипсометрическая карта Европейской России. СПб., 1889; *Он же.* Гипсометрическая карта западной части европейской России в связи с прилегающими частями Германии, Австро-Венгрии и Румынии. СПб., 1896.
- ¹¹ Специальная карта Западной части России. СПб., 1826–1840.
- ¹² «В народе на севере знают о существовании карт, знают и про ошибки, в них встречающиеся, толкуют и вот что: “да и нельзя не ошибиться! Нешто они сами везде побывали? Порасспросят, порасспросят — ну иной дуром и скажет, а они на бумаге вырисуют”. В иных местах нам просто кажется, что местности наносились с Большого Чертежа, до такой степени новые карты и чертежи сходны в своих ошибках.» (*Майнов В.* Поездка в Обонежье и Карелу. СПб., 1877. С. 18. Это сказано именно о «Специальной карте...» Ф.Ф. Шуберта).
- ¹³ Генеральная карта Азиатской России / Соч. Поздняков. 1: 28 млн. СПб., 1825. 1 л.
- ¹⁴ Карта Европейской России и Сибири / Сост. А. Шевелев. 1: 3 млн. СПб., 1869. 4 л.
- ¹⁵ См. карты, составленные в результате экспедиций А.Е. Норденшельда (*Karta Prövens färd till Jensej och åter 1875 af A.E. Nordenskiöld.*), Ф. Нансена, и карты, составленные А.В. Колчаком.
- ¹⁶ Карта № 47 Большого всемирного настольного атласа Маркса, 1910 г.; Атлас Азиатской России / Издание Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914.
- ¹⁷ *Толмачев И.П.* Записка об учреждении Постоянной полярной комиссии. С. 3.
- ¹⁸ *Вернадский В.И.* К вопросу о задачах Полярной комиссии. Пг., 1914. С. 3.
- ¹⁹ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 31. См. также: *Брейтфус Л.Л.* Библиография литературы по вопросам гидро-метеорологического изучения отдельных морей и океанов Земного шара. После 1917 г. Рукопись. 66 л.; *Визе В.Ю., Брейтфус Л.Л.* Исследования Дальнего Евразийского Севера: [библиография]. Б.м., б.г.; и др.
- ²⁰ До настоящего времени пояснительный текст не обнаружен.
- ²¹ В 1918 г. приказом начальника Главного гидрографического управления Брейтфус был отчислен от должности «в связи с невозвращением из командировки на Мурман, занятый англо-французскими войсками» (История Гидрографической службы Российского флота. СПб., 1997. Т. 4. С. 54). Однако он не утратил научные связи с учеными России/СССР, продолжая — при помощи переписки — активно участвовать в предприятиях ПК АН.
- ²² С 1921 г. — Государственной 26-ой типолитографии.
- ²³ Собранные материалы Брейтфус позднее дополнил новыми сведениями и издал в 1939 г. в Берлине циркулярную карту Арктики с изображением маршрутов, числом экспедиций XVI–XX вв. в ее Евро-Азиатском и Американском секторах. *Historische karte der Arctis. [Von] Leonid Breitfuss. Gezeichnet von H. Neide.* 1:10 млн. London; Berlin, 1939. 1 л.

- ²⁴ Обнаруженный в фонде Сектора картографии ОФО БАН экземпляр карты не имеет выходных данных. Подготовительные материалы к карте: СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 4. Д. 149, 151.
- ²⁵ Из-за отсутствия бумаги дальнейшее издание было приостановлено.
- ²⁶ Предупреждение об отшлифовке камней пришло уже из Типографии им. Евг. Соколовой (бывш. 26-я Государственная).
- ²⁷ Протоколы ФМО АН СССР. № 13. 5 октября 1927. § 523. С. 98.
- ²⁸ Вероятно, переиздание так и не было осуществлено, так как есть сведения, что с карты была снята копия и выслана в Комитет содействия народам Северных окраин (СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 329. Л. 22).
- ²⁹ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 57; *Жданко М.Е., Кулик Н.А., Керцелли С.В., Самойлович Р.Л., Суворов Г.* Записка об истории исследования северных берегов России с картографической целью. 1920.
- ³⁰ *Красникова О.А.* Картографические документы Полярной комиссии Академии наук (СССР) // Мавродинские чтения 2004: Актуальные проблемы историографии и исторической науки: Матлы юбил. конф. к 70-летию Истор. ф-та СПбГУ. СПб., 2004. С. 98-100.
- ³¹ Протоколы ФМО РАН. № 4. 5 марта 1919 г. С. 63. № 122.
- ³² Отчет о деятельности ИАН по Физико-математическому и Историко-филологическому отделениям за 1915 г. Пг., 1915. С. 294.
- ³³ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 78. Л. 13–14.
- ³⁴ Там же. Л. 135.
- ³⁵ З л. М-б 1:200000.
- ³⁶ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 78. Л. 135.
- ³⁷ *Синюков В.В.* Александр Васильевич Колчак как исследователь Арктики. М., 2000. С. 104, 228, 304.
- ³⁸ Карты, которые легли в основу тех, что были опубликованы Колчаком в ГДММ, перечислены в «Журнале со сведениями о составленных РПЭ картах, ее фотоснимках и записях отдельных экспедиционных наблюдений. 1900–1904» (СПФ АРАН. Ф. 14. Оп. 1. Д. 129. Л. 6 об.–7. Список рабочих, подлинных карт Русской Полярной Экспедиции).
- ³⁹ Кроме того, к труду А.В. Колчака «Лед Карского и Сибирского морей» (Зап. Имп. АН ФМО. Сер. VIII. 1909. Т. 26. № 1. — V, 169; 11 табл., 60 рис., 24 фот.) приложена: Карта, Таймырский пролив: С частью берега лейтенанта Харитона Лаптева: По карте северо-восточной части Карского моря, составленной лейтенантом Колчаком в 1908 г.
- ⁴⁰ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 382. 1924, июнь, 26.
- ⁴¹ Опубликованы в «Трудах Полярной комиссии». 1935. Вып. 18.
- ⁴² *Толмачев И.П.* По Чукотскому побережью Ледовитого океана: предварительный отчет начальника экспедиции по исследованию побережья Ледовитого океана от устья Колымы до Берингова пролива, снаряженной в 1909 году Отделом торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности: с отдельной картою, 11 таблицами и 1 картою в тексте. СПб., 1911.
- ⁴³ Там же. С. 84.
- ⁴⁴ Известия ИРГО. Т. XLVIII. Вып. I. 1912. С. 343–356.
- ⁴⁵ <http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VIET/ARCTICA.HTM>, http://www.kamlib.ru/resources/krasnikova_29.htm см. 3 июня 2013 г.
- ⁴⁶ *Кожевников М.Я.* Чукотская экспедиция 1909–1910 гг.: С приложением карты маршрута и фотоальбома Хатангской экспедиции // Труды Полярной экспедиции. 1934. № 18.
- ⁴⁷ Там же. С. 14.
- ⁴⁸ Там же. С. 15.
- ⁴⁹ *Кожевников М.Я., Бауэр А.Г.* Описание карты Якутской АССР 1932 г., составленной Советом по изучению производительных сил Академии наук СССР. Л., 1933. С. 50. Всего в списке 252 наименования.
- ⁵⁰ Новая Земля: Долина Русанова / Сост. по работам Новоземельской экспедиции Академии наук в 1925 г. Отв. исполнитель Гуревич. Л., 1931. 1 л. // Труды Геологического института. Т. 1. *Лаврова М.А.* Геоморфологический очерк долины Русанова на Новой Земле (СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 4. Д. 71).
- ⁵¹ Карта Гыданского полуострова / Сост. по материалам Гыдан. эксп. АН СССР 1927 г. и др. данным И.Я. Ермиловым в 1930 г. 1: 1 млн. Л., 1932. 1 л.; Подготовительные материалы к карте: Карта Гыданского полуострова. 4 л. (СПФ АРАН. Ф. 75. П. 4. Д. 101). Опубликована в «Труды Полярной комиссии». 1933. Вып. 9. В помещенной там же объяснительной записке сказано, что карта составлена на основе маршрутной съемки и, в немалой степени, опросных материалов, которые дали возможность картировать реки и крупные озера. Геодезическая привязка осуществлена по 70 астрономическим пунктам.
- ⁵² СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 4. Д. 116. Предварительная карта работ Таймырской экспедиции 1928 г. 1 л. Рукопись; Д. 121. Предварительная карта маршрута и района работ Таймырской экспедиции АН (1928) /Сост. В.А. Мальцевым в Дудинке (январь 1929 г.). 1 л. Рукопись; Д. 118. [Р. Хета и окрестности]; Д. 119. [19 л. маршрутных чертежей и расспросных карт весны-лета-осени 1928 г. Туруханского края и Таймыра, рукописные, в т.ч. выполненные местными жителями]; Д. 120. Кар-

- та района работ Таймырской экспедиции Академии наук СССР 1928 г. 4 л. Рукопись; Наглядная карта маршрутов экспедиции — выполнена для демонстрации на стене. Карта опубликована в «Трудах Полярной комиссии» (1930. Вып. 1) в м-бе 1:3,9 млн, составлена астрономом экспедиции В.А. Мальцевым и членом Полярной комиссии К.Е. Сидоровым. В объяснительной записке приведены сведения об источниках карты.
- ⁵³ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 171. Л. 9, 12.
- ⁵⁴ Там же. Д. 356. Л. 6 об.
- ⁵⁵ Там же. Оп. 4. Д. 127, 128. Река Чуня: приток р. Катанги басс. р. Енисея Туруханского края: маршрутная съемка Ак. наук 1931 г. 9 л. Рукопись.
- ⁵⁶ Там же. Д. 132. Карта Нижнего течения Н. Тунгуски / Сост. Н. Тунгусской экспедицией Академии наук СССР. Сост. Д.Д. Победоносцевым по поручению ПК АН СССР. Б. м., 1933. 1 л. Рукопись; Труды Комис. по изучению Якутской АССР. Т. III.
- ⁵⁷ Там же. Д. 100. Карта бассейнов р. Пура и р. Надьма / Сост. по работам экспедиций Академии наук СССР в 1923–24 и 1927–28 гг. И.Я. Ермиловым. Б. м., 1932. 1 л. Рукопись; Д. 102. Объяснительная записка к карте бассейнов р. Пура и р. Надьма (для трудов ПК в 1934 г.). Подготовительные материалы к карте: [План реки Пура (Петл, Пырим). Зап. Сибирская экспедиция под руководством Б.Н. Городкова. 11 л. чертежей, рукоп.].
- ⁵⁸ Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1918 г. Пг., 1918. С. 275–277; *Кольцов А.В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России (1915–1930 гг.). СПб., 1999. С. 92.
- ⁵⁹ Отчет о деятельности Российской Академии наук... за 1919 г.; *Кольцов А.В.* Указ. соч. С. 92.
- ⁶⁰ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 4. Д. 4. Карта Северной Полярной области. 1 л. Рукопись. Вероятно, была выполнена именно как настенная.
- ⁶¹ Там же. Оп. 3. Д. 12. Л. 10. Договор о составлении карты Северной части Печорского края в м-бе 1:750 тыс. между Комиссией экспедиционных исследований и секретарем Печорской подкомиссии ПК АН Дмитрием Дмитриевичем Рудневым. 1 декабря 1930 г. Договор от 17 июня 1930 г.
- ⁶² Д.Д. Руднев принимал участие в экспедициях в Печорский край. СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 4. Д. 87. Карта верховьев реки Усы / Чертил Нестор Кулик 1913 г. 1 л. Рукопись. На обороте листа запись простым карандашом: «Материал к Печорск. карте».
- ⁶³ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 3. Д. 12. Л. 6. Председатель территориального сектора СОПС — А.Е. Ферсман.
- ⁶⁴ В 1930 г. 4 округа были ликвидированы, и край стал подразделяться на: 1) Две городские территории Архангельска и Вологды, 2) 50 районов, 3) Ненецкий национальный округ в составе 3-х районов, 4) Автономная область Коми в составе 10 районов, 5) острова Белого моря и Арктические. В 1934 г. вновь были произведены некоторые изменения в административном делении края (Краткий географический очерк Северного края: в картах / Сост. А.Ф. Белавин, при участии А.Н. Дьячкова и С.А. Селезнева. Под ред. председателя Краевой плановой комиссии М.Я. Рознера. Карты исполнены и отпечатаны картографом А.И. Вишневым. Архангельск. С. 3).
- ⁶⁵ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 263. (1932–1933 г.) Текст договора, подписанного ученым секретарем ПК А.И. Толмачевым и зам. управляющего Трестом С.М. Лобановым см.: Л. 3–5. 25 марта 1932 г.; Л. 49: Расположение листов пятисоттысячной карты Северного края.
- ⁶⁶ Там же. Л. 30–32, 40–41. 9 апреля 1932 г.
- ⁶⁷ В окончательном варианте карта состояла из 11 листов.
- ⁶⁸ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 263. С. 85–86. В заявлении, направленном в Полярную комиссию, Померанцев указал, что денежные расчеты как за первые 8 листов карты, так и за последние 3, материал к которым был подобран и критически оценен Д.Д. Рудневым, следует произвести со вдовой Руднева, Софьей Васильевной. Кроме того, он обратился с просьбой к Полярной комиссии закрепить особым административным актом имя Руднева как редактора всех 11 листов карты.
- ⁶⁹ Архив РГО. Ф. 112. Оп. 1. Д. 1. П.П. Померанцев, Д.Д. Руднев. Карта Северного края. Л. 1. В правом нижнем углу запись рукою П.П. Померанцева: «По поручению Д.Д. Руднева — Пав. Померанцев».
- ⁷⁰ Краткий географический очерк Северного края: в картах... С. [2].
- ⁷¹ Новая Земля, о. Колгуев и о. Вайгач входили тогда в состав Северного края.
- ⁷² СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 110. Л. 34.
- ⁷³ Там же. Л. 24–27.
- ⁷⁴ *Рабо III., Виттенбург П.* Полярные страны, 1914–1924. Л., 1924. Табл. 4.
- ⁷⁵ Crossing of Novaya Zemlya // Geogr. Journal. LIX. 1922. May. P. 372.
- ⁷⁶ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 110. Л. 29.
- ⁷⁷ Экземпляр карты, экспонировавшийся на выставке в Варшаве, пока не обнаружен. В СПФ АРАН сохранился подготовительный вариант карты («синька», 2 экз.): СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 4. Д. 60. Гипсометрическая карта Новой Земли / Сост. П.П. Померанцев. ПК АН СССР. Л., 1934. 2 л. Здесь же — подготовительные материалы к карте: Д. 71; Новая Земля: Долина Русанова / Сост. по рабо-

- там Новоземельской экспедиции АН в 1925 году. Л., 1931. 1 л.; Д. 69. [Северное побережье северного острова Новой Земли (Земля Баренца)]. 1 л. Рукопись; Д. 68. [Северная часть Новой Земли]. Б.м., б.г. 1 л. Рукопись; Д. 93. [4 рукоп. карты: о. Колгуев, южная часть Новой Земли, часть Западной Сибири, часть Северного побережья России: R-39, R-40, Q-40, R-41] — черновики готовящейся многолистной карты СССР.
- ⁷⁸ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 347.
- ⁷⁹ Там же. Д. 359. 1935. Переписка с учреждениями и лицами об издании карты Новой Земли.
- ⁸⁰ Там же. Оп. 4. Д. 131. Карта Приенисейского Севера (для Трудов ПК). Карта Приенисейского Севера (б. Туруханского края и прилегающих к нему районов / Сост. Геодезической секцией Приенисейского отдела Вост-Сиб. Краеведческого общества в 1932-33 г.). 3 л. В общ. рамке, синька. Карта должна состоять из 4 л., отсутствует один л. Подробности узнать, к сожалению, почти невозможно, потому что дело «Переписка с учреждениями и лицами об издании карты Приенисейского Севера» (СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 306. 1933—1934. 26 л.), было уничтожено. Объяснительная записка А.И. Толмачева к карте Приенисейского Севера опубликована в «Трудах ПК».
- ⁸¹ Бывшее известнейшее Картографическое заведение А. Ильина, после 1918 г. именовавшееся «1-е государственное Картографическое заведение, бывшее А.Ильина», в дальнейшем неоднократно меняло названия — Картография «Глобус», «Государственная картография», «Госкартогеодезия» и пр. С 1935 г. — 1-я Картографическая фабрика НКВД в системе Главного управления государственной съемки и картографии.
- ⁸² СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 4. Д. 3. 3 л. Рукописный вариант. Русские географические названия даны в скобках и транслитераций. Легенда на англ. яз. На л. 1 указано: Сост. Д. Руднев 1930.
- ⁸³ Национальный округ — административная национальная единица в СССР, отличающаяся от административного округа своим национальным составом. Национальные округа расположены, в основном, в северной части РСФСР. В 1930-е гг. в РСФСР было 11 национальных округов: Карельский, Коми-Пермяцкий, Корякский, Ненецкий, Остяко-Вогульский, Таймырский, Чукотский, Эвенкийский, Ямало-Ненецкий, Амгинский Бурят-Монгольский и Усть-Ордынский Бурят-Монгольский. Верховный Совет РСФСР установил «Положение о национальных округах».
- ⁸⁴ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 4. Д. 95. Фотокопия в уменьшенном масштабе карты Ненецкого национального округа. Карта Ненецкого национального округа должна была быть выпущена ПК АН СССР в связи с 5-летием образования округа, в 1935 г. (Сост. картограф П.П. Померанцев). Эту карту пока обнаружить не удалось. Две карты Ненецкого национального округа опубликованы в «Трудах Полярной комиссии» (1936. Вып. 29) — «Ненецкий национальный округ Северного края» — содержащем экономико-географическую характеристику округа, данную впервые. К очерку приложены Схематическая карта Ненецкого национального округа и Схематическая экономическая карта Ненецкого национального округа.
- ⁸⁵ Там же. Оп. 1. Д. 376. Договоры, смета и переписка с учреждениями и лицами по изданию карты Ямальского округа. 1936. Уничтожено.
- ⁸⁶ Там же. Д. 362. Остяко-Вогульский национальный округ. План, договор, записка и переписка с учреждениями и лицами об издании карты Остяко-Вогульского национального округа. 1935.
- ⁸⁷ Павел Петрович Померанцев (1903—1979): Архив РГО. Ф. 112. Оп. 1. Д. 40. Н.И. Вавилов. Отзыв о П.П. Померанцеве как географе-картографе. 1937 г. 1 л.; Ф. 112. Оп. 1. Д. 42. Ю.М. Школянский. Отзыв о П.П. Померанцеве как картографе, географе, и вообще ученом. 1937. 1 л.; и др.
- ⁸⁸ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 4. Д. 96. Ямальский (Ненецкий) национальный округ / [П.П. Померанцев]. Б.м., б.г. Рукописная помета на обороте листа карты: «Макет карты Ямальского нац. Округа (П.П. Померанцева)»; Оп. 1. Д. 376. Договоры, смета и переписка с учреждениями и лицами по изданию карты Ямальского округа. 1936. Уничтожено.
- ⁸⁹ Намечалось в качестве продолжения сборников статей о Печорском крае и Ненецком Национальном округе («Труды ПК». Вып. 28), составленных в 1936 г., приступить к подготовке подобного сборника по Остяко-Вогульскому или Ямальскому округам.
- ⁹⁰ Возможно, это листы карты, сохранившиеся в СПФ АРАН (Ф. 75. Оп. 4. Д. 143: Сборный лист маршрутов Чукотской экспедиции 1909—1910 гг.; Побережье Берингова моря от м. Чаплина до м. Икуен; Побережье Северного Ледовитого океана; Побережье Берингова моря и Северного Ледовитого океана — всего 12 л. карт).
- ⁹¹ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 4. Д. 131. Карта Приенисейского Севера (б. Туруханского края и прилегающих к нему районов) / Сост. Геодезической секцией Приенис. отд. Вост.-Сиб. краеведческого о-ва в 1932—1933 гг. Б.м., [1932—33]. 3 л. в общ. рамке (экз. деф. — утрачен 1 л.).
- ⁹² Объяснительная записка к карте, на французском языке, подготовленная Померанцевым, хранится в СПФ АРАН, в фонде Полярной комиссии.
- ⁹³ СПФ АРАН. Ф. 75. Оп. 1. Д. 334. Доклад, посвященный XX-летию Полярной комиссии. Л. 1—33.
- ⁹⁴ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 18. Каталожный журнал с записями различных карт, взятых в плавание на «Зарю». 1900.

Национальная политика и межнациональные отношения в России. XX в. Обзор материалов Архива РАН

Одним из важнейших факторов для стабильного и динамичного социально-экономического, культурного и политического развития многонациональной и многоконфессиональной России является аспект межнациональных отношений.

...Факт, который заставляет задуматься: Россия установила своеобразный рекорд — на протяжении XX в. страна дважды распадалась.

Первый раз это произошло после Февральской революции 1917 г. и прихода к власти Временного правительства. В условиях продолжавшейся Первой мировой войны на территории Российской империи начался процесс провозглашения и формирования национальных буржуазных государств. Но за Февралем приходит Октябрь 1917 г. — в Петрограде II Всероссийский съезд Советов провозглашает Советскую Республику. РСФСР к декабрю 1922 г. сумела объединить возникшие в ходе острейшей Гражданской войны и интервенции молодые национальные государства в единый федеративный Союз Советских Социалистических Республик. Практически полностью страна была восстановлена в границах Российской империи к августу 1940 г., в условиях уже начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны, после воссоединения с Белорусской ССР, Украинской ССР, Молдавской ССР, Западной Белоруссии, Западной Украины и Буковины осенью 1939 г. и вступления в СССР трех прибалтийских республик.

В декабре 1991 г. под воздействием комплекса причин СССР второй раз исчезает с политической карты мира, распавшись на отдельные государства.

Но жизнь показала, что в интересах безопасности и самосохранения независимых национальных государств необходимо восстановить взаимовыгодные связи в области экономики, дипломатии, культуры и обороны, которые существовали в рамках СССР. На постсоветском пространстве над центробежными силами начинают брать верх силы центростремительные. Как известно, на повестке дня стоит вопрос не только о воссоздании единого таможенного и экономического пространства в границах СССР, но и расширение его до Евразийского союза.

Таким образом, ни одна страна в мире не обладает тем уникальным как позитивным, так и негативным опытом в области национальной политики и межнациональных отношений, как Россия, что позволяет выявить закономерности, многоаспектные причинно-следственные связи во всех сферах общественной жизни для решения национальных проблем. В условиях растущей глобализации, которая несет в себе угрозу существованию суверенных национальных государств, этот опыт должен стать достоянием мира.

Опыт межнациональных отношений и конфликтов не мог не отразиться в материалах фондов Архива РАН. За годы существования в нем сформировался обширный комплекс документов и материалов, который следует использовать в качестве источниковой базы изучения национальной политики России в XX в.

Документы из фондов Архива РАН, содержащие информацию по национальной политике и межнациональным отношениям в России на протяжении XX в., могут стать основой для подготовки тематических сборников и историографических исследований.

В рамках подготовки к 295-летию основания РАН весьма актуальным представляется, например, составление сборника документов под условным названием «От Комиссии по базам к Совету по координации научной деятельности академий наук союзных республик АН СССР. 1931–1982 гг.». Из мозаики документов, хранящихся в фондах № 188 «Совет филиалов АН СССР», № 2 «Секретариат Президиума Российской академии наук», № 591 «Совет по координации научной деятельности академий наук союзных республик АН СССР», возникнет полотно напряженной совместной созидательной работы энтузиастов науки. Как Академия наук СССР росла и развивалась, способствуя в то же время подготовке и росту национальных научных кадров, как формировалась система научных академических учреждений в республиках Средней Азии, Закавказье, прибалтийских республиках, в самых отдаленных автономных республиках и областях, как шло финансирование науки в бывших отсталых национальных окраинах — на все эти вопросы можно дать аргументированные и убедительные ответы.

Архив РАН располагает фондами разных академических учреждений, изначально создававшихся с целью координации научных исследований в рамках Союза ССР, в том числе фонд № 591 «Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик АН СССР», насчитывающий 4844 дел за 1945–1982 гг.

Совет при Общем собрании АН СССР был создан Постановлением Совнаркома СССР в марте 1945 г. для совместной работы академий наук союзных республик. Организатором и первым председателем Совета был С.И. Вавилов. По традиции Президент АН СССР возглавлял этот Совет. Заседания проводились в Москве во время или сразу после годичной сессии Общего собрания АН СССР. Для непосредственного ознакомления с работой научных учреждений республиканских академий наук, вузов и других научно-исследовательских организаций республик академик А.П. Александров, президент АН СССР, ввел в 1977 г. традицию проведения заседаний Совета поочередно в столицах союзных республик.

В фонде представлены распоряжения, протоколы и стенограммы заседаний Совета, материалы научных сессий, программы научно-исследовательских работ и комплексных экспедиционных исследований.

В фонде № 2038 (Совета ботанических садов СССР, созданный в 1952 г. (с 1992 г. — Совет ботанических садов России РАН)), находятся различные документы (переписка о международном научном сотрудничестве, об охране и определении статусов ботанических садов, парков и заповедников, рациональном использовании природных ресурсов), содержащие ценную информацию о сотрудничестве в области естественных наук, затрагивающих чрезвычайно важный аспект — сохранение и поддержание биосферы существования той или иной нации, народности на территории СССР.

Кроме того, информация по различным аспектам межнациональных отношений содержится в фондах структурных подразделений АН СССР — Отделений и Секций, Институтов прежде всего гуманитарного направления.

Богатейшие материалы по заявленной тематике хранятся в фондах институтов Коммунистической Академии.

Например, в фонде № 360 (Институт советского строительства и права) хранятся многочисленные материалы по изучению правовых укладов народов СССР, а также

дискуссионные материалы, касающиеся разработки текущего правового строительства советской федерации.

О направлениях работы Института дают ценную информацию планы работ, в частности, план работ Института советского строительства на 1928—1929 гг., в котором значится пункт 15: «окончание работы «Взаимоотношения Союза ССР и союзных республик в области законодательства и управления»; пункт 21: «Окончание работы на тему “Советское строительство в автономных республиках РСФСР”».

Стенограммы, хранящиеся в фонде, позволяют проследить, как шло обсуждение того или иного вопроса. Например, стенограмма прений по докладу Досова на тему: «Итоги и основные задачи в области работы среди нацменьшинств» (1928); стенограмма выступления И.П. Трайнина по вопросу о советской федерации на заседании Института советского строительства и права Комакадемии, посвященного 15-летию со дня выхода в свет книги В.И. Ленина «Государство и революция»; стенограмма прений по докладу Абрамова на тему «Федеративное устройство ЗСФСР», заслушанному на заседании Института (1934); стенограмма заседания Института по докладу Трайнина на тему: «Борьба за ликвидацию фактического неравенства национальностей» (1934) и т.д.

Не менее интересным и содержательным является фонд № 361 (Комиссия по изучению национального вопроса Коммунистической академии ЦИК СССР (1927—1930 гг.)). Например, статьи Великовского «Национальные взаимоотношения в Грузии» (28 мая 1929 г.) и Аммосова «Проблема национальных кадров в период социалистической реконструкции». Хранящиеся здесь материалы интересны как с фактологической точки зрения, так и с методологической.

Здесь же находятся работы Ш.М. Диманштейна, заместителя И.В. Сталина в Наркомате по делам национальностей в 1918 г. и главы Еврейского комиссариата при Наркомнаце, который занимал самую непримиримую позицию в отношении сионистского движения и БУНДА. В 1920-е гг. он находился на партийной работе в Белоруссии, на Украине, был заведующим национальным сектором ЦК ВКП(б). С 1930 г. — директор Института национальностей при ЦИК СССР. В качестве примера из его работ назовем лишь две: доклады «Сталин как теоретик национального вопроса» (1930) и «Последние платформы меньшевиков по национальному вопросу».

Таким образом, даже фрагментарное перечисление названий имеющихся в Архиве РАН разнообразных материалов свидетельствует о том, что в 1920—1930-е гг. шло систематическое и всестороннее изучение всего комплекса вопросов, связанных с межнациональными отношениями — от изучения особенностей культуры, языка и быта разных народов СССР, природных ресурсов национальных автономных и союзных республик, до формирования общего правового поля и постепенного развития единого народно-хозяйственного комплекса с учетом естественного разделения труда между республиками и регионами в целях повышения благосостояния всего населения СССР.

Богатейшие источники по данной теме хранятся в фонде № 2 Президиума АН СССР / РАН: Материалы об организации кабинета национальностей (1936) и о создании научно-исследовательского института по изучению языков и истории горских народов (1936); документы Тувинской языковой конференции (1936); предварительный план ирригационного строительства по Узбекской ССР (1937); материалы об организации национальных АН (1943); Постановление Президиума АН СССР № 455 от 13 мая 1976 г. «О председателе Научного совета АН СССР по национальным проблемам (представление Секции общественных наук)»; Постановление Президиума

АН СССР № 373 «О планах особо важных работ Академии наук СССР и академий наук союзных республик в области разработок и выпуска приборов и средств автоматизации для научных исследований на 1988 год» (1988); Постановление Президиума АН СССР № 1145 «О комплексном исследовании культуры в Академии наук СССР» (1990). Осенью 1990 г. принимается Постановление Президиума АН СССР об организации Советского комитета по охране культурного и природного наследия при Президиуме АН СССР.

Материалы по тематике межнациональных отношений и национальной политики России в XX в. содержатся также в личных фондах историков, дипломатов, правоведов и других ученых.

Например, в фонде № 518 известного ученого-естествоиспытателя и общественного деятеля конца XIX — начала XX в. В.И. Вернадского есть документы по истории организации высшего образования и науки в национальных регионах России. Это — «Материалы для истории университетов и высшего образования в России». 1893—1894; доклад об учреждении Тифлисского университета. 1917; статья В.И. Вернадского «О создании Украинской Академии наук в Киеве», а также документы, связанные с организацией изучения и освоения естественных производительных сил страны для создания экономической основы преодоления нищеты и отсталости России, в частности, записка академиков А.П. Карпинского, Б.Б. Голицына, В.И. Вернадского и других об изучении естественных производительных сил России (1915). Это направление научной работы Академии способствовало преодолению фактического неравенства между промышленным российским центром и национальными сельскохозяйственными окраинами (записка В.И. Вернадского «О принципах, задачах и структуре Совета по изучению производительных сил Союза ССР (СОПС)». 1929—1940).

Чрезвычайно интересны фонды И.П. Трайнина (ф. 586), И.М. Майского (ф. 1702), Е.В. Тарле (ф. 627), А.М. Панкратовой (ф. 697), В.И. Пичеты (ф. 1548).

В фонде № 627 кроме острых публицистических статей историка Е.В.Тарле, направленных против наступления в 1930-е гг. реакционных кругов на суверенные права европейских народов, можно найти интересные работы неизвестных авторов. Например, статью научного сотрудника Музея «Домик Лермонтова» в Пятигорске Д.А. Гиреева «К вопросу о происках английских поджигателей войны на Кавказе. Новые архивные документы XIX века», датированную июлем 1950 г. Она интересна тем, что в ней содержатся очень ценные ссылки на источники XIX в., в частности, на «Кавказский сборник» 1879 г., «Старая и новая Россия» 1877 г., ранее не публиковавшиеся документы из Военно-Исторического архива.

В свете недавних событий на Кавказе трудно не согласиться с автором: «Известно, что история дает немало примеров, которые помогают глубже разобраться в текущих событиях. Если обратиться к истории, то можно найти ценный материал, помогающий еще полнее представить себе облик современных англо-американских поджигателей войны — злейших врагов человеческой культуры и прогресса».

После добровольного присоединения Грузии к России в 1801 г. англичане «усилили свои происки на Кавказе и в странах, граничащих с Грузией. Они ставили своей целью любыми средствами посеять вражду, разжечь войну, между русским народом и народами Кавказа». Автор подчеркивает, что действия Англии на Кавказе носили не эпизодический характер. «Они сложились в целую систему самого злостного, самого враждебного отношения как к русскому народу, так и к народам Кавказа, которые систематически подстрекались к военным действиям против России. Именно старая-

ниями английских поджигателей войны и их турецких вассалов было раздута пламя кавказской войны в начале 1830 годов»¹.

Этой же проблеме посвящена статья М.Н. Покровского «Иностранные агенты на Западном Кавказе в первой половине XIX века», написанная по архивным материалам, хранящимся в Краснодарском краевом государственном архиве и Центральном историческом архиве Ленинграда. Покровский подчеркивает, что эти материалы отчетливо рисуют политику Турции и Англии на Западном Кавказе, проводившуюся среди горских племен, основной целью которой было всемерно затянуть Кавказскую войну и всячески воспрепятствовать наметившемуся сближению горцев с русскими.

В фонде № 646 редакции «Голос Минувшего» внимание привлекает статья «Федерация — как путь к объединению» известного исследователя, историка и литератора князя П.А. Кропоткина.

В статье автор критикует национальную политику царизма и обосновывает необходимость развития местного самоуправления с учетом национальных особенностей различных регионов в интересах сохранения единства России.

«Идея о необходимости для России перехода к федеративному строю давно уже зреет в умах наших передовых людей; и как идея Российской федеративной республики, по образцу Северо-Американских Штатов, проходит в России непрерывною нитью с начала 19-го века. Она выражена была Муравьевым среди декабристов и от них перешла к Петрашевцам, к Чернышевскому, к Бакунину и к народникам семидесятых годов.

Но параллельно с этим течением мысли у нас шло, как всем известно, нашедшее свое выражение у декабриста Пестеля и с тех пор поддержанное целым рядом публицистов и, конечно, самодержавным правительством и его сторонниками.

К каким плачевным результатам привело это течение, мы видим теперь.

Уже с тех пор, как Александр III и его преемник, оба присягнувшие в верность Финляндской Конституции, начали систематически уничтожать ее; с тех пор, как и тот и другой, подражая Пруссии, стали все более и более угнетать население Польши, запрещая даже ксендзам преподавать католическую веру в школах и поручая это русским учителям истории и географии; с тех пор, как при Николае II стали уничтожать последние следы автономии Грузии... натравливать в Закавказье татар на армян, устраивать погром евреев, и преследовать украинцев, я с ужасом спрашивал себя: «Что же они делают! Какое безумие! Начнись война с Германией, и Финляндия, Польша, а, может быть, и Кавказ станут врагами России и пособниками ее врагов!»

Увы, так и получилось... Все яснее становится сознание, что истинная творческая сила этих миллионов людей вполне проявится только тогда, когда они почувствуют полную свободу вырабатывать свои бытовые особенности и строить свою жизнь сообразно со своими стремлениями, физическими особенностями своей территории и своим историческим прошлым... мысль о федеративном союзе областей и народов, входивших в состав Российской Империи быстро растет среди мыслящих людей. ... нарождается сознание, что только путем федеративного договора и союза может установиться единение, без которого равнины России рискуют обратиться в яблоко раздора между ее воинственными соседями настоящими и будущими».

И далее: «...Александра II любили, особенно в Гельсингфорсе, и когда началась война 1878 года с Турцией, финляндская армия (восемь стрелковых батальонов) с увлечением пошла в бой и все время отличалась на полях битв. Ничего не осталось от этого после того, как Александр III, поощряемый Катковской партией московских фабрикантов, и Николай II, наставляемый иезуитом Победоносцевым, уничтожили автономию Финляндии и даже наложили руку на преподавание в ее университетах.

Мало того. Вследствие стеснений в университетах, тысячи финских поехали учиться в германские университеты, в результате теперь, в рядах белогвардейцев они завоевывают Финляндию для Германии»².

Большой научный интерес представляют материалы различных конференций и научных форумов, на которых обсуждались проблемы межнациональных отношений.

Например, в августе 1974 г. в Токио и Киото проходил XIV Международный конгресс по истории науки, в работе которого приняли участие 500 ученых из 30 стран. Конгрессы проводились с 1929 г. под эгидой Международного союза истории и философии науки.

Большой интерес среди участников конгресса вызвали выступления советских ученых: историков науки и техники, философов, экономистов, историков, востоковедов. Как подчеркивают авторы статьи «Форум историков науки. Конгресс в Японии» академик АН Латвийской ССР Я.П. Страдинь, д.ф.-м.н. С.П. Капица, к.т.н. С.Я. Плоткин, не только для Японии, но и для других государств Азии, в том числе развивающихся, проблемы, обсуждавшиеся на конгрессе, имели далеко не отвлеченный, академический, интерес. Потому большое внимание на Токийском конгрессе привлекли доклады советских ученых об опыте развития науки и техники в СССР в целом и в союзных республиках Средней Азии и Закавказья в особенности: президента Академии наук ТаджССР М.А. Асимова «Академия наук и развитие науки в советских республиках Средней Азии», академика И.П. Герасимова «География в Академии наук СССР», академика А.П. Окладникова и И.И. Колмогорцева «Развитие науки в Сибири», Д.И. Зульфуроглы «Развитие химии в Советском Азербайджане», С.В. Шухардина и В.И. Бовыкина «Процесс превращения СССР в индустриально развитую страну», Г.Е. Павловой и О.А. Александровой «Роль Академии наук в развитии науки в Советском Союзе» и др.³

3—5 апреля 1986 г. в Ташкенте Научным советом по национальным проблемам при Секции общественных наук Президиума АН СССР совместно с партийными и научными организациями Узбекской ССР была проведена Всесоюзная научно-практическая конференция «Совершенствование национальных отношений в свете решений XXVII съезда КПСС». По ее итогам была подготовлена Информационная записка, в которой подчеркивалось, что новые задачи, выдвинутые съездом компартии, требуют серьезного налаживания всей системы изучения национальной ситуации и национальных отношений в СССР, демографических и языковых процессов, межреспубликанских и республиканских экономических проблем. Участники конференции пришли к выводу, что экономические, культурно-языковые и социально-психологические аспекты политики в области национальных отношений не подкреплены в полной мере надежным научным обоснованием, не обеспечены высокопрофессиональными научными кадрами. Конференция показала настоятельную необходимость усиления координации научной работы и практической деятельности в области национальных отношений, расширения функций и прав Научного совета по национальной проблематике, превращение его в межведомственный орган, объединяющий специалистов по национальной проблематике и представителей ряда практических и идеологических организаций. По итогам работы конференции были названы наиболее важные научные направления: 1) изучение национальных аспектов развития экономики СССР; 2) разработка проблем социокультурного, демографического и языкового развития наций и народностей СССР; 3) изучение особенностей национальной психологии и культуры межнационального общения; 4) исследование

вопросов социально-культурного развития национальных групп в инонациональной среде; 5) борьба с буржуазной пропагандой по национальной проблематике.

К сожалению, эти планы остались на бумаге. Информационное «цунами», запущенное в СССР под лозунгом «Восстановление исторической правды», спровоцировало невиданный всплеск национализма и сепаратизма, перед которым Союз не устоял, а новая историческая общность «советский народ» вопреки здравому смыслу и результатам Всенародного референдума в пользу сохранения СССР, вынуждена была разбежаться по «национальным квартирам».

В качестве информации к размышлению, хотелось бы привести слова древних мудрецов: «Нужно следить, как целые страны могут шататься от одного неправильного представления. Невозможно оправдать тем, что кто-то о чем-то не знал. Обычно можно найти доказательства, что такое знание стучалось во все двери, оно лежало на всех столах и упоминалось много раз. Несправедливо оправдать невнимание и нежелание углубиться мыслью...»⁴.

¹ АРАН. Ф. 627. Оп. 5. Д. 32. Л. 1–7.

² АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 135. Л. 84–88.

³ АРАН. Ф. 1975. Оп. 2. Д. 87.

⁴ Агни йога: напутствие вождю. Кемерово, 1992. С. 52.

Переписка протоиерея Георгия Флоровского в Архиве РАН

Протоиерей Георгий Флоровский (Флоровский Георгий Васильевич) родился в 1893 г. в городе Елисаветграде Херсонской губернии. Выдающийся русский философ, богослов, историк Церкви, преподаватель Русского юридического факультета Карлова университета в Праге (1922–1926), Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже (1926–1939, 1947–1948), Свято-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке (1948–1955), Гарвардского (1956–1964) и Принстонского (с 1964 г.) университетов, один из основателей Евразийского движения и Всемирного совета церквей эмигрировал из России в 1920 г. Личный архив ученого хранится в библиотеке Принстонского университета и в библиотеке Свято-Владимирской семинарии в США. Фрагменты эпистолярного наследия ученого находятся в Архиве РАН в составе личного фонда его брата — Антония Васильевича Флоровского¹.

Материалы переписки братьев Флоровских представлены 37 письмами прот. Георгия из Праги, Софии, Лондона, Парижа, Белграда, Афин, написанными с 21 сентября 1922 г. по 25 января 1968 г., и черновиком одного письма А.В. Флоровского из Праги от 2 июня 1941 г. Переписка велась нерегулярно, о чем свидетельствуют и другие документы личного архивного фонда. Часть писем обоих корреспондентов отложилась в других документальных собраниях. Главной темой переписки является научная деятельность корреспондентов. Материалы отражают как совместную работу двух ученых, так и их отдельное научное творчество.

Часть материалов Г.В. Флоровского, хранящихся в Архиве РАН, является его письмами к болгарскому историку, академику Болгарской академии наук В.Н. Златарскому². Материалы представлены семью письмами прот. Г. Флоровского за 1922–1933 гг. из Парижа, Бонна, Праги, Мёдона. Документы поступили в Архив АН СССР в виде копий из Архива Болгарской академии наук³. Содержание писем характеризует научную деятельность Г.В. Флоровского в указанный период, научное сотрудничество русских эмигрантов, проживающих в разных странах, способы преодоления библиографической и издательской проблем.

Выезд прот. Георгия из России был реализацией его сознательного решения, в отличие от выезда А.В. Флоровского, подвергнутого административной высылке⁴. В начале 1920-х гг. прот. Георгий смотрел в будущее с оптимизмом, был осведомлен о состоянии эмигрантских центров в Европе, механизмах устройства бытовой и научной жизни. Письмо от 21 сентября 1922 г. прот. Георгий начинает словами: «Дорогой Антоша, прежде всего поздравляю Вал[ентину] Аф[анасьевну]⁵ и тебя с прибытием в “свободную Европу”. Радуюсь за Вас от всего сердца»⁶. Прот. Георгий покинул Россию на два года раньше брата и, обосновавшись к 1922 г. в Праге, имея опыт жизни за границей в условиях эмиграции, помогал последнему советом, нужными адресами, оформлением необходимых документов, нахождением возможностей для продолжения научной деятельности. Тема переезда и организации жизни на новом месте занимает доминантное положение в письмах начала 1920-х гг. Участие прот. Георгия спо-

собствовало тому, что А.В. Флоровский смог войти в круг русских ученых в Праге и незамедлительно включиться в работу. Уже в 1922 г. прот. Георгий интересовался, вывез ли его брат из России «какие-нибудь бумаги из старого и нового» для опубликования. Он советовал А.В. Флоровскому незамедлительно приступить к новым исследованиям, предлагал темы для новых работ, которые могли бы быть опубликованы в Праге⁷. Эта помощь имела большое значение для судьбы А.В. Флоровского, поскольку не только способствовала получению некоторого финансового дохода, но и вводила ученого в круг пражской профессуры, что позже определило его научные интересы и тематику научного наследия.

Прот. Георгий и А.В. Флоровские пересылали друг другу материалы и рукописи, библиографические справки, сделанные в разных странах Европы, обсуждали планы и содержание исследований. В фонде сохранились открытки и записки прот. Георгия, представляющие собой ссылки на книги библиотек Европы, сделанные по просьбе брата или обнаруженные случайно. Подобные просьбы выполнял и А.В. Флоровский. Кроме обмена библиографическими справками ученые старались посылать друг другу свои опубликованные научные труды: монографии и оттиски статей. Анализ писем прот. Георгия показывает, что ученые были осведомлены о научных интересах и планах друг друга, принимали в них живое участие. Они готовили аналитические обзоры выходящей литературы: А.В. Флоровский — по исторической науке, прот. Георгий — в области религиозной мысли и философии. Авторство большей части писем принадлежит прот. Георгию, вследствие чего переписка отражает преимущественно его научную, педагогическую и миссионерскую деятельность, круг общения и мнение о современных явлениях и событиях.

Флоровские в годы эмиграции осуществили несколько совместных научных проектов. В 1924 г. А.В. Флоровский, входивший в состав Президиума Комитета русской книги⁸ и работавший как второй председатель комитета в деле издания обзора русской эмигрантской литературы «Библиография русской книги», смог привлечь прот. Георгия к участию в этом масштабном проекте⁹. Прот. Георгию было поручено рассмотреть эмигрантские издания по философии и богословию. Подготовив аналитический обзор научной эмигрантской литературы по указанным темам, он с сожалением констатировал ее бедность: «В сущности, — писал он брату Антонию в Прагу, — кроме евраз[ийцев], не появилось ни одного нового автора, и все изданные, кроме книг старых писателей и отчасти старых книг, почти исчерпываются брошюрами очень сомнительного достоинства. Остаются только издания “Обелиссии”. Я рассчитываю скоро написать треб[уемое] вступление, но вряд ли можно выдержать его в очень радужных красках — в философской области эмиграция мало дала, а в рел[игиозной] — ничего»¹⁰.

В 1941—1944 гг. прот. Георгий жил в Белграде, где вел преподавательскую работу в мужской и женской русских гимназиях, располагавшихся в Русском доме¹¹, и служил в православном храме (так называемой Школьной церкви) Покрова Пресвятой Богородицы, находящейся там же¹². Группа писем, написанная прот. Георгием из военного Белграда, характеризует состояние русского эмигрантского начального и высшего образования в Сербии в этот тяжелый период. Учебная работа велась вопреки большим бытовым неудобствам и трудностям. Тягостен был дефицит помещений для занятий, две гимназии использовали одни и те же площади, проводя учебный процесс в две смены. Работа в гимназии нравилась прот. Георгию, не смотря на то, что оставляла очень мало времени для научных исследований. Высшее богословское образование в это время в Сербии реализовалось трудно и с перерывами, положение преподавателей было зыбким, а университет в Белграде практически остановил

свою деятельность. О. Георгий, являясь кандидатом в число преподавателей богословского факультета Белградского университета, писал Антонию в Прагу в декабре 1942 г.: «Вопрос о моем приглашении на здешний богосл[овский] фак[ультет] задержан современным[ными] обстоятельствами. Университет закрыт, уже целый год происходит “разброд” профессуры, многие уже уволены “у пензий” (пр[офессора] Билимович¹³, Троицкий¹⁴, Погодин¹⁵ и др.), число кафедр сокращено чуть не вдвое, а срок окончательной реконструкции и новых назначений все отодвигается, — формально все профессора числятся “на расположении”, т[о] е[сть] за штатом»¹⁶. Ученый с грустью сообщал об утрате высокого научного духа, живости мысли, культурной перспективы и окрыленности в преподавательских кругах Белграда. Этот процесс происходил на фоне больших бытовых трудностей. Приобретение продуктов или дров для отопления стоило, по словам прот. Георгия, не только больших денег, но и «больших трудов и изобретательности». Общий вывод ученого о научной жизни в Белграде, сделанный им в декабре 1942 г. в письме к А.В. Флоровскому, таков: «Суэта житейская и борьба за существование над всем преобладает»¹⁷.

В это время о. Георгий, «приспосабливаясь к обстоятельствам», приостановил свои патрологические исследования и изучение взглядов Ф.М. Достоевского и вернулся к собиранию материалов по истории русского богословия и философии. Основным источником для этих исследований стало богатое книжное собрание Русской публичной библиотеки в Белграде¹⁸. К концу 1942 г. ученым был собран материал для нескольких небольших статей по истории русской философии XIX в.: о влиянии А. Шопенгауэра и Ф.М.Ш. Фурье на русских мыслителей, о взглядах В.С. Соловьева. Работа осложнялась вечной эмигрантской проблемой недостижимости большинства книжных новинок и удаленностью ученого от собственных парижских книг и черновиков. В 1943 г. ученый переключился на доработку уже изданных прежде произведений. На два каникулярных летних месяца прот. Георгий ставил себе следующие научно-издательские задачи: закончить историко-археологический очерк о почитании Софии — Премудрости Божией, написанный им в общих чертах еще в 1930 г., и патристически-богословскую работу об искуплении, издание которой должно было осуществиться в 1939 г. в Женеве (о судьбе этого издания ученый ничего не знал), и которую он стремился в переработанном виде издать по-русски. В это же время прот. Георгий продолжал работу над темой о богословии Оригена, затронутой им в первом томе его большого труда о восточных отцах¹⁹, написанного на основе курса патрологии, прочитанного им в Православном богословском институте в Париже. В письме от 14 июля 1943 г. он пишет брату Антонию: «Пользуюсь каник[улярным] перерывом для занятий. Почти нигде не бываю, кроме Церкви и библиотеки и никого не вижу кроме тех, кого там встречаю»²⁰.

В 1943 г. А.В. Флоровский способствовал привлечению прот. Георгия к участию в создании энциклопедического словаря «Энциклопедия Россия» в качестве автора разделов «русская философия», «религиозная мысль» и «русская Церковь». Создание однотомного справочного издания «Энциклопедия Россия» было инициировано издательством «Е.И. Брилл» (Лейден, Голландия) в 1943 г. Общее руководство подготовкой осуществлял Л.С. Багров²¹. Особенностью намеченного издания являлось то, что каждое слово в нем должно было быть объяснено не столько по существу его непосредственного значения, сколько по существу тех особенностей, которое этим понятиям придавалось в России. Прот. Георгий охотно вызвался принять участие в подготовке словаря и выражал благодарность за предоставление этой возможности — работа над словарем была созвучна направлению его научных интересов тех

лет. В связи с обстоятельствами военного времени работы по созданию справочника были приостановлены в 1944 г. и продолжены в 1947 г. В 1949 г. подготовка остановилась по причине запрета правительства Голландии на перевод денег за границу и невозможности выплачивать гонорары авторам, большинство из которых проживало в Праге и Париже. В 1950 г. стало ясно, что бюджет издания исчерпан, половина рукописей пропала во время войны и не подлежит восстановлению, а в связи с опубликованием последних томов «Большой Советской Энциклопедии» концепцию издания необходимо было менять. Последний вопрос решился в пользу создания простого словаря из коротких описаний слов, но и этот план не был реализован. В 1953 г. издателем было принято решение об ограничении тематических границ словаря гуманитарным направлением знания: география, история, история культуры, философия, Церкви и т.п. В том же году от идеи отказались окончательно. А.В. Флоровский отвечал за разделы по русской истории, археологии, истории стран, присоединенных к СССР после Второй мировой войны, и разделу «юридические древности». Авторами других разделов должны были быть видные ученые-эмигранты: Н.Л. Окунев (история искусств), С.П. Постников (история партий), Н.Ф. Новожилов (история школ), А.А. Лампе (Белое движение, военная история), Я.И. Подгорный (морская история).

Письма прот. Георгия к В.Н. Златарскому относятся к периоду работы ученого в Праге и Париже (1922–1933). Содержание писем касается двух вопросов: жизнь русской диаспоры в Праге²² и подготовка ученым исследований о Софии — Премудрости Божией.

Когда о. Георгий только поселился в Праге, одно из центральных мест в его научно-философских интересах наравне с идеями евразийства занимало изучение западно-европейской философии, для которого он обнаружил много новых материалов в библиотеках города. Одной из первых задач, которые ученый ставил перед собой, было изучение судеб немецкой идеалистической философии в среде западных славян, в первую очередь — в Чехии. Для развития его «русских» тем в Праге материала было в то время не много. Для исследований прот. Георгий предполагал пользоваться библиотекой Карлова университета, личной библиотекой Т.Г. Масарика, недостающую литературу изучать, выезжая в Вену и Берлин.

Научная среда Праги приняла прот. Георгия доброжелательно, а общая атмосфера города произвела на него приятное впечатление: «С внешней стороны, жизнь почти не отличается от той, к которой я привык до войны в России — почти не видно следов войны, и это странно после России и Болгарии»²³. Жизнь русского эмигрантского общества развивалась динамично. В это время в столице Чехословакии собралось уже около пятидесяти русских профессоров и около полутора тысяч студентов. Для последних было организовано чтение лекций по отдельным темам, за которыми следовало общее обсуждение. Готовилось создание русских учебных и научных учреждений. Во главе гуманитарного отделения Русской учебной коллегии стоял П.И. Новгородцев. Прот. Георгий так оценивал характер научной деятельности эмиграции в Праге: «Академическая жизнь русская протекает здесь интенсивно и бодро»²⁴. При доброжелательном отношении чешских ученых и чехословацкого правительства обстановка для научного развития складывалась самая благоприятная.

После присвоения прот. Георгию звания доктора наук (1923) он занял должность приват-доцента на кафедре истории философии права Русского юридического факультета, где читал курс «Платон и Аристотель» для русских студентов. Ученый вел активную научную жизнь, интересовался выходящей научной литературой и живо на нее реагировал.

С 1924 г. научные интересы исследователя распространяются в сторону исторического знания. Как богословское, так и историческое значение имеет, в частности, его исследование о св. Софии — Премудрости Божией²⁵. В 1924 г. прот. Георгий по приглашению прот. С. Булгакова присоединился к Братству Св. Софии²⁶, объединившему большинство русских религиозных мыслителей старшего поколения²⁷. Несколько лет спустя он стал развивать тему о смысле имени и почитании св. Софии — Премудрости Божией в Восточном христианстве. В письме прот. Георгия к В.Н. Златарскому от 17(30) июля 1928 г. нашел отражение начальный этап его работы над этой темой. Имея общие представления о Софийских храмах на Руси, прот. Георгий просил «совета и указания» для поиска информации о существующих и существовавших Софийских храмах в Болгарии. Его интересовало, как понималось такое посвящение храма, когда отмечался их престольный праздник, сохранились ли какие-нибудь легенды и сказания о Софии — Премудрости. К лету 1931 г. работа в целом была готова к печати. Прот. Георгий писал В.Н. Златарскому: «Я очень заинтересован в возможности напечатать работу полностью, так как все ее значение и убедительность в подробном анализе и сопоставлении фактов (чего до сих пор не сделал никто из исследователей). Думаю, что мои наблюдения имеют и некоторое общее значение — к вопросу о взаимодействии Запада и Востока»²⁸. В фонде А.В. Флоровского в АРАН хранится краткий авторский конспект работы о Софии²⁹. В.Н. Златарский занимался подготовкой рукописи к изданию и выполнял редакторскую работу в отношении раздела о болгарских софийских храмах. В 1932—1933 гг. он получил рукопись прот. Георгия, однако опубликована она не была. В 1943 г. во время пребывания в Белграде, ученый вернулся к редактированию и дополнению этого исследования. Автор не располагает сведениями, был ли этот труд издан в полном варианте.

Личный фонд историка А.В. Флоровского, хранящийся в Архиве РАН, — многоаспектный источник. Он содержит информацию о жизни и трудах самого ученого, условиях существования русских эмигрантских организаций в странах Европы, отношениях с государственными органами и научным миром стран проживания; богатая переписка А.В. Флоровского дает сведения о судьбе отдельных представителей русского научного зарубежья. Среди проблем, для которых фонд является историческим источником, можно назвать и церковную историю. Информация для церковно-исторических исследований присутствует, в частности, в переписке прот. Георгия Флоровского. Не смотря на спорадический характер сведений, рассмотренные документы являются важным источником для изучения условий церковной жизни русской диаспоры в отдельные исторические периоды, обстоятельств создания и публикации учеными-богословами научных трудов, ведения преподавательской работы. Для биографических исследований рассмотренные документы представляют ценность при изучении вопроса об отношениях двух родных братьев, выдающихся в своих областях знания ученых — Антония и Георгия Флоровских. Прежде исследования этой темы не предпринимались.

¹ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 103, 463, 505.

² Златарский Василий Николаевич (1866—1935), болгарский историк-медиевист и археолог, окончил исторический факультет Петербургского университета (1891), заведующий кафедрой болгарской истории Софийского университета (с 1904 г., с 1 января 1906 г. — ординарный профессор), с 1900 г. — действительный член Болгарского общества ревнителей знаний (с 1911 г. переименовано в Болгарскую Академию наук, БАН), секретарь (1900—1921) и председатель (1921—1926) историко-филологического отделения БАН. С 1921 г. — вице-президент БАН. Член-

- корреспондент Российской Академии наук в Санкт-Петербурге (1911), Чешской Академии науки и искусств в Праге (1911), Югославской Академии науки и искусств в Загребе (1929).
- ³ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 505; Научен архив на БАН. Ф. «Васил Златарски». Ф. 9к. Оп. 1. а.е. 1647, 2349, 2340, 2236, 2291 и др.
- ⁴ Декрет ВЦИК от 10 августа 1922 г.
- ⁵ Валентина Афанасьевна Флоровская, жена А.В. Флоровского.
- ⁶ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 463. Л. 1.
- ⁷ Там же. Л. 1—2.
- ⁸ Комитет русской книги (основан в 1923 г.) — русская эмигрантская общественно-просветительская организация в Праге. Председатель профессор Ю.И. Поливка. Прекратил деятельность в 1925 г.
- ⁹ Русская зарубежная книга. Ч. 1. Библиографические обзоры. Прага, 1924. Авторы обзоров: П.Б. Струве, А.В. Флоровский, Г.В. Флоровский, Н.С. Тимашев, А.В. Маклецов, А.А. Кизеветтер, Е.А. Ляцкий, С.А. Острогорский, В.А. Евреинов, М.Л. Слоним.
- ¹⁰ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 463. Л. 7—8 об.
- ¹¹ Русский дом памяти императора Николая II в Белграде был заложен в 1931 г., открыт 9 апреля 1933 г. В Русском доме располагались: Державная комиссия по делам русских беженцев, женская и мужская русская гимназии, начальная русская школа, театр, Русский научный институт.
- ¹² Школьная церковь Покрова Пресвятой Богородицы (освящена в 1933 г.) была устроена на нижнем этаже Русского дома в одной из боковых ниш гимнастического зала («соколаны»), богослужения совершались по воскресным дням и большим праздникам, в будние дни алтарь закрывался деревянными щитами.
- ¹³ Билимович Антон Дмитриевич (1879—1970), математик, эмигрировал в 1920 г. в Сербию, преподавал в Белградском университете, с 1936 г. — действительный член Сербской академии наук и искусств.
- ¹⁴ Троицкий Сергей Викторович (1878—1972), богослов, историк Церкви, доктор церковного права. Эмигрировал в Сербию в 1920 г. Профессор Белградского университета, после Второй мировой войны вернулся в СССР.
- ¹⁵ Погодин Александр Львович (1872—1947), историк, филолог. Эмигрировал в 1919 г., профессор Белградского университета.
- ¹⁶ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 463. Л. 23—23 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 23.
- ¹⁸ Русская публичная библиотека в Белграде (библиотека «Русского Дома») основана в 1920 г., располагала богатым книжным собранием, активно комплектовалась. После переезда в здание Русского дома в ее книжный фонд поступили книги из библиотек: Союза писателей и журналистов «Земгора» (12 тыс. томов), русско-сербской мужской гимназии, Союза русских инженеров, русских военных организаций, часть книг библиотеки Леонида Андреева. В 1944 г., в результате военных действий, библиотека утратила большую часть книг.
- ¹⁹ *Флоровский Г.В.* Восточные отцы IV в. Париж, 1931.
- ²⁰ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 463. Л. 28 об.
- ²¹ Багров Лев Семенович (1881—1957), русский ученый, картограф, путешественник, основатель и редактор журнала «Имаго Мунди» (основан в 1935 г.). Эмигрировал из России в 1918 г.
- ²² Прот. Георгий переехал в Прагу в декабре 1921 г.
- ²³ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 505. Л. 5.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Исследования вылились в работу «О почитании Софии, Премудрости Божией, в Византии и на Руси» // Труды V съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. София. 1932. С. 485—500.
- ²⁶ Православное Братство во имя святой Софии — Премудрости Божией (1924—1944).
- ²⁷ Флоровский Георгий Васильевич // http://aleho.narod.ru/book/florovsky_g.htm
- ²⁸ АРАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 505. Л. 18.
- ²⁹ Там же. Л. 20—25.

Коллекции Музеума Вольного экономического общества в документах Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург)

В фонде Вольного экономического общества (Ф. 91) Российского государственного исторического архива хранятся документы, связанные с формированием музея при обществе. Это переписка (просьбы о присылке материалов, благодарности, письма, в которых содержатся сведения об интересных для коллекции предметах, списки присылавшихся предметов и др.) и первые попытки составления музейных описей. Документы позволяют изучать процесс формирования коллекций и их состав, особенности хранения в первые десятилетия существования музея.

О музее члены Общества стали заботиться с самых первых дней. Уже во второй половине 1760-х гг. в Общество присылались со всей России всевозможные гербарии, образцы растений, пород, рисунки и модели машин, минералы, окаменелости, раковины, насекомые, заспиртованные животные и т.д. После Кунсткамеры это был второй опыт создания музея в России. Музей Вольного экономического общества, так же как Кунсткамера, задумывался как общедоступный, направленный на просвещение публики.

Сами исследования в то время воспринимались как нечто необычное, «диковинное», выбивающееся за рамки привычной повседневности, а потому привлекающее к себе внимание. Энтузиазм, связанный с возникновением Вольного экономического общества, подталкивал людей разного социального статуса присылать в Санкт-Петербург свои находки, чтобы внести посильный вклад в общее дело развития экономической науки и стать сопричастными к знаменательному событию — созданию нового музея. Среди них почти нет простого народа, но, тем не менее, состав достаточно пестрый. Для музея Вольного экономического общества присылали свои экспонаты купцы, помещики, мещане, моряки, начальники заводов, представители администрации на местах, различные иностранные общества и др. С другой стороны, и само Общество постоянно проявляло инициативу, довольно требовательно относясь к своим членам. Например, в 1809 г. П.И. Шангин получил от Общества письмо с просьбой о сборе и присылке в Петербург минералогической коллекции с таким напоминанием: «Экономическое собрание имело давно вас своим членом,... исключая колыванских окаменелых вещей по сие время от вас ничего не получаю»¹. Без особых церемоний, выражения почтения и характерных для того времени витиеватых формул вежливости обращается оно с аналогичной просьбой и к иркутскому губернатору². Благодарность, выраженная пермскому и тобольскому губернатору за присылку в 1793 г. коллекции минералов в 8 ящиках, сопровождалась просьбой предоставить также «модели жернов деревянных, у вогуличей для перемалывания ржи в муку употребляемых»³.

Хотя для создания музея Вольного экономического общества не разрабатывался план, не выделялось ни средств, ни помещений, практически с начала основная проблема заключалась не в недостатке чего-либо, а в обилии и разнообразии экспонатов. В результате с годами сформировался богатый музей, знакомство с коллекциями которого, давало посетителю представление о различных сторонах российской экономики и передовых достижениях современной техники.

Музеум Вольного экономического общества к концу XVIII столетия состоял из минералогической, ботанической, зоологической коллекций, музея моделей и машин и музея народной промышленности.

Минералогическая коллекция в Кунсткамере и Музеуме Вольного экономического общества. В программе Вольного экономического общества 1790 г. по собиранию сведений о России было заявлено подробное описание богатств подземного царства. В том же году П.С. Паллас составил программу для корреспондентов, в которой говорилось, что они должны собирать для нужд общества «естественные произведения» местности. За присылку минералов назначались особые награды. Время от времени производились покупки образцов (особенно крупные в 1792 г. и 1797 г.) для коллекции, но основная часть всё-таки была собрана за счёт добровольных пожертвований.

Начало минералогической коллекции относится к сентябрю 1791 г., когда А.А. Нартов, секретарь Вольного экономического общества, передал в музей свое собрание 185 штук из Екатеринбурга, Олонца, Перми. В том же году президент общества Ф.А. Ангалыт пожертвовал лабрадор и некоторые другие минералы и вслед за ним — граф А.А. Мусин-Пушкин 76 минеральных штук. От аптекаря Андреа из Ганновера поступили «земляные породы». Э. Лаксман прислал из Иркутска образцы затвердевшей лавы, песка с поверхности вулкана, серы, железной руды и т.д. А.Т. Болотов собрал коллекцию образцов почв и глины более чем 40 видов. Кроме того, собрание пополнялось образцами алебастров, добывавшихся в Нордгаузене (Саксония) и образцами «железного песка», собранными А.А. Нартовым на острове Валаам⁴. Всего в формировании коллекции в течение первого года приняли участие 31 человек.

В результате уже в первый год существования минералогического собрания оно насчитывало более 2,5 тыс. образцов. К ноябрю 1792 г. был подготовлен каталог, авторство которого принадлежит основоположнику русской топографической минералогии и петрографии адъюнкту Академии наук по минералогии и хранителю минералогической коллекции общества В.М. Севергину. Все собрание было разделено на 6 классов, в свою очередь делившихся на отделения и роды и породы: «земли и камни», соли, горные тела (сера, уголь, торф), «металлические существа», «сложенные горные породы» (гранит, сланцы и др.) и окаменелости⁵.

В течение 1793—1800 гг. в Музее ВЭО оказалась огромная по тем временам коллекция, насчитывавшая до 3800 штук.

Активно велась научно-исследовательская работа с коллекциями. Так, в 1788—1789 гг. Георг и Т.Е. Ловиц исследовали руды, каменный уголь, торф и другие ископаемые. Профессор и хранитель минеральной коллекции В.М. Севергин в 1797 г. изучал цинковую руду из Саратовской губернии⁶. Разбором коллекции К.Ф. Модераха занимался сам президент Вольного экономического общества А.А. Нартов⁷.

Члены Вольного экономического общества участвовали в разведке полезных ископаемых — поиске месторождений железных и квасцовых руд, каменного угля и торфа. На протяжении последней трети XVIII и первой XIX в. Обществом были объявлены конкурсы в целях разведки ископаемых, хотя они, к сожалению, не оправдали надежд и не привели к организации удачных экспедиций⁸.

Новый импульс развитию минералогической коллекции был дан университетской реформой 1802 г., когда в рассылаемых на местах просьбах о предоставлении образцов особо подчеркивалась их необходимость «для умножения минеральных кабинетов при вновь учреждаемых университетах, сколько собрать успеть можно, предоставить в Высочайший кабинет»⁹.

Коллекция почв. В ближайшей связи с минеральным собранием находится коллекция почв. Зарождение ее постепенно происходит внутри минералогической коллекции. Самые первые минералогические коллекции Кунсткамеры уже содержали образцы глин и почв.

Собрание А.Т. Болотова, переданное в Музей Вольного экономического общества, также включало в себя образцы почв. Среди поступлений 1791 г. находились «глинястые земли из окружности Вологды, пески оттуда же, горшечные глины», образцы торфа из Голландии, окрестностей Москвы и из других регионов. В качестве диковины контр-адмиралом С.И. Мордвиновым была прислана «сукновальная земля, употребляемая турками вместо мыла, сысканная в урочище Собли подле Симферополя»¹⁰. В XVIII в. изучение земель, выявление различных видов почв и их свойств еще не осознавалось как серьезная научная проблема. Образцы грунтов попадали в Музей Вольного экономического общества как интересные не с точки зрения земледелия, а как полезные для других хозяйственных целей — гончарного или стекольного производства, чистящего средства и т.п.

В 1771 г. профессор Московского университета М.И. Афонин впервые высказал идею создания особой музейной коллекции почв¹¹. В Музее Вольного экономического общества выделение коллекции почв произошло по инициативе неперменного секретаря В.М. Севергина, представившего в дар Обществу в 1802 г. 54 образца пахотных земель, собранных им во время проезда по различным губерниям с указанием мест их нахождения, главных признаков и составных частей. Коллекция почв пополнялась случайно присылаемыми в Общество образцами и, по оценке А.И. Ходнева, в 1860-е гг. не представляла большого научного значения¹². Однако следует учитывать, что объем знаний о мире в 1860-х гг. был значительно выше по сравнению с началом XIX в. и научные коллекции того времени имели совершенно иную ценность для современников с научной и просветительской точки зрения. Очень скоро после возникновения почвоведческой коллекции в Вольное экономическое общество обратился директор Лесного училища К.И. Габлиц с просьбой о предоставлении «из фондов музея» образцов почв и минералов. Просьба его была удовлетворена. Так состоялась одна из первых в России передач музейных экспонатов на хранение в другое учреждение¹³.

Ботаническая коллекция. В Музее Вольного экономического общества одним из первых ботанических собраний была коллекция образцов русских деревьев, собранная графом Ф.А. Ангальтом и переданная в музей в 1790 г. Коллекция была сформирована по системе Беллермана, «раскрашенные фигуры и образцы настоящих деревьев» снабжены описаниями того же автора¹⁴. В 1795 г. А.А. Нартов подарил собрание образцов деревьев, кустарников и гербарий (1121 образец) с каталогом в двух томах. В 1798 г. членом Общества В.А. Левшиным был представлен собранный им в Белевском уезде Тульской губернии гербарий с описанием трав, за что он был удостоен двух малых золотых медалей. В 1808—1809 г. в Музей прибыло пополнение в виде двух коллекций от иркутского гражданского губернатора Н.И. Трескина. Первая была собрана в Иркутске и окрестностях и насчитывала «до 120 родов семян разных деревьев, трав и цветков, ... кои достойны любопытства и заслуживают особенное внимание»¹⁵, вторая охарактеризована как небольшая, собранная «в различных местах по границе китайской». Собиратель писал, что благодаря этому «почтеннейшее общество имеет уже теперь полную коллекцию сибирских произрастаний»¹⁶. От имени президента Общества Н.И. Трескину была выражена благодарность, а также просьба прислать коллекцию минералов из Иркутска, его окрестностей и Камчатки со списком тех, которые необходимы для Музея¹⁷.

Ботанические коллекции в Музее Вольного экономического общества доставляли массу трудностей в плане хранения, представляя собой при этом весьма тусклую

и малопривлекательную для посетителей часть экспозиции: «Трудно составить, а еще труднее сохранить ботаническую коллекцию долгое время; при том ботаническая коллекция не имеет того внешнего блеска, которым щеголяют коллекции чучел, раковин, минералов и пр. Есть целые отделы в ботанике, где нужно довольствоваться слепками (грибы, сочные плоды, ягоды и пр.) или рисунками. Сушеные растения по своей хрупкости, ломкости, не могут быть так доступны для обзора всякому посетителю, как чучелы, раковины или минералы»¹⁸. В этой ситуации Кунсткамера шла по пути обновления коллекций по мере возможности, а Вольное экономическое общество активно занималось посадками, экспериментировало с образцами семян, высаживая их в своем огороде, в хозяйствах членов общества, или изыскивая возможность переслать их на юг страны для последующего разведения, передавая семена редких растений «охотчим»¹⁹. Проблемы музейного хранения своеобразно решались за счет распространения редких растений. Внедрение в хозяйство новых урожайных сортов зерновых, особенно ценных технических культур, различных пород лесных и фруктовых деревьев рассматривалось Обществом как важная цель, наверное, даже более важная, чем создание музейной коллекции. Успехи в посадках и разведении таких культур поощрялись медалями и денежными вознаграждениями²⁰.

Зоологическая коллекция. История зоологической коллекции Музея Вольного экономического общества восходит к 1780—1790-м гг. Первые достоверные известия, связанные с ней, относятся к 1795 г. Этот год был отмечен тремя крупными поступлениями. По поручению общества архангельский мещанин П. Звягин прислал образцы различных морских животных. Ряд предметов был доставлен по распоряжению начальника Олонецкой губернии, в их числе были жемчужины из Повенецкой реки. В том же году костромской голова Дургин подарил Музею собрание животных в спирте и образцы шелковичных коконов из Царицына. В 1796 г. зоологическая коллекция пополнилась собраниями окаменелостей и животных в спирте (дар Мориса), а генерал-поручик И.Р. Ливен прислал собрание беломорских раковин и животных. К 1806 г. относится поступление ещё одной коллекции с Белого моря, включавшей в себя морских звёзд, раковины, морских ежей. Коллекция эта была прислана архангельским военным губернатором И.И. Ферстером и насчитывала 86 «разных естественных произведений»²¹.

«Музей народной промышленности» в составе Музеума Вольного экономического общества представлял собой собрание народных изобретений и усовершенствований. Эта коллекция в XVIII в. была очень малочисленной, но интересной. Важно было внимание просвещенного общества к крестьянской смекалке и выделение особого отдела в музее ее достижениям. О характере интереса к народным изобретениям свидетельствует история некоторых поступлений. В 1791 г. Н.А. Львов представил в Вольное экономическое общество «особые лапти» и черевички на деревянной подошве, изобретенные сельским старостой в Новоторжском уезде, за что тот был удостоен малой серебряной медали. В 1795 г. член общества Гелен представил «пряжку» для выделки сукна наполовину из шерсти, наполовину из растительного материала. В том же году была прислана «модель толчейной махины для хлебных или житных пород, которая употребительна в Украине». Ученое собрание сочло приобретение тем более полезным, что такая конструкция может использоваться и в других целях — «когда надобно толочь вещи, коих пыль здоровью... вредна быть может, к коим причисляют мышьяк, едкую ртуть, семена сабадиллы, ипекакуаны,... работник при употреблении сего орудия в нарочитом отдалении находится»²². Такой практический интерес к этнографическим материалам проявился у членов Вольного экономического общества еще до появления первых экспонатов «Музея народной промышленности»²³.

«Музей моделей и машин» в составе Музея Вольного экономического общества был призван познакомить посетителей с передовыми достижениями западноевропейской техники. С самого начала своего существования Общество ставило своей задачей «следить за иностранным хозяйством и выписывать из тех мест, где земледелие процветает, исправные модели лучших пахотных орудий... и инструментов». А.Р. Воронцов один из первых стал выписывать машины и орудия из Англии. В период с 1769 по 1792 г. ежегодно в музей поступало около 20 орудий земледелия и их моделей.

Деятельное участие в формировании музея моделей и машин принял А.А. Нартов. Так, в 1770 г. он предоставил модели с чертежами и пояснениями двух «полезных машин» — одна «для толчения металлического сора, не только на рудокопных заводах, на фабриках и монетных дворах..., но и в сельском домостроительстве», вторая «веяльная машина для хлеба, которую в немецкой земле употребляют», усовершенствованная зубчатой передачей, которая облегчала работу механизма²⁴.

На покупку образцов машин охотно делались частные пожертвования. Они не только привозились из-за рубежа, но и изготавливались на заказ. Так, в 1779 г. появилась «жательная машина» по рисунку Самойлова, изготовленная под наблюдением обер-бергмейстера Х. Лешенколя. В 1807 г. московский мастер Павел Галахов прислал в Общество сооруженную им действующую модель паровой машины²⁵.

К 1792 г. собрание моделей и машин выросло настолько, что общество сочло необходимым назначить хранителя данной части музея. Им стал И.К. фон Герард, который распределил коллекцию по шести разделам: 1. Сельское хозяйство; 2. Городское хозяйство; 3. Художество и ремесла; 4. Лесоводство; 5. Судостроение; 6. Гидравлика²⁶.

В 1830 г. механик и хранитель коллекций кабинета И. Утгов предложил проект каталога, который, по всей видимости, так и не вышел в свет. Впоследствии лишь экспонаты первого раздела были подробно описаны в «Атласе Музеума императорского Вольного экономического общества»²⁷. Следуя практическим целям распространения передовых технологий в аграрной стране, авторы не случайно выбрали именно данную часть для подробного описания, так как «распространение сведений о полезных орудиях и машинах не совершается еще в той мере, в какой желало бы Вольное экономическое общество». «Атлас Музеума» был также своего рода каталогом. Первый вариант его был подготовлен в 1839 г.²⁸ В «Предисловии» говорилось, что мастерская при Обществе «приготавливает по заказам модели». Отбирались наиболее простые в изготовлении и эффективные механизмы, все их описания снабжались рисунками²⁹.

Как и в случае с ботаническими коллекциями, Вольное экономическое общество видело свою задачу не столько в коллекционировании образцов, сколько в популяризации знания и распространении практического применения технических новинок. Поэтому экспонаты данного раздела не только представлялись на экспозиции, о них сообщалось в печати, копии-образцы рассылались заинтересованным помещикам. Так, в 1790 г. по запросу секунд-майора С. Рыкачёва ему была отправлена «модель новой винокурни с описанием всех находящихся в ней вещей и посуды»³⁰, а в 1809 г. Алексей Мурвин благодарил А.А. Нартова за присланную ему модель «новоизобретенной овиной печи для крестьян»³¹. При выполнении таких заказов подчеркивалось значение Общества, которое делает это, «усердствуя о распространении в Российской Империи разного рода неизвестных еще полезных и хозяйственных изобретений»³².

Условия хранения коллекций. В Музее Вольного экономического общества условия хранения экспонатов оставляли желать лучшего. Так, о модельном кабинете в Музее И. Утгов с горечью писал: «каждому.. известно какое действие производит на тела переменная теплота, холод, сырость и сухость, а тем более на малые машины

и модели. Железо на них ржавеет, дерево бухнет и ссыхается и чрез то они совершенно теряют свое движение, расклеиваются и... делаются вовсе негодными»³³. Именно плохим состоянием моделей он объясняет низкий интерес посетителей и короткую продолжительность их пребывания в кабинете. К 1850 г. полностью была утрачена зоологическая коллекция Музеума Вольного экономического общества³⁴.

Часы работы и посещаемость музея. По свидетельству И. Утгова, Музей Вольного экономического общества пользовался небольшой известностью и популярностью. За день его посещало 4–5 человек, при том «в зимнее время посетители ходят чаще» и проводят в модельном кабинете около четверти часа, а «на библиотеку и минеральный кабинет менее обращают внимания»³⁵.

¹ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 473. Л. 154.

² Там же. Л. 164.

³ Письма // Продолжение трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. XVIII. СПб., 1794. С. 365–366.

⁴ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 425. Л. 200–203 об.

⁵ Там же. Д. 294. Л. 45–49.

⁶ *Ходнев А.И.* История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года, составленная по поручению общества его секретарем. СПб., 1865. С. 445–446.

⁷ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 456. Л. 32.

⁸ *Орешкин В.В.* Вольное экономическое общество в России. 1765–1917. Историко-экономический очерк. М., 1963. С. 30.

⁹ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 456. Л. 103 об.–104.

¹⁰ Там же. Д. 529. Л. 1–68. Л. 15–15 об.

¹¹ *Афонин М.И.* Слово о пользе, знании, собирании и расположении чернозему особливо в хлебопашестве в публичном собрании императорского Московского университета говоренное. [М], 1771.

¹² *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 487.

¹³ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 456. Л. 209.

¹⁴ Известия // Продолжение Трудов Вольного экономического общества... Ч. XVI. СПб., 1792. С. 307–308.

¹⁵ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 473. Л. 117–117 об.

¹⁶ Там же. Л. 163.

¹⁷ Там же. Л. 164.

¹⁸ *Ходнев А.И.* Указ. соч. С. 448–449.

¹⁹ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 473. Л. 12, 21–22, 28–29, 85, 127–128 и др.; Д. 456. Л. 12, 26–30, 38–39, 69–77, 83–86, 90, 95, 98–99, 107, 111–112, 117–119, 124, 149, 156–159, 163–170, 172–173, 175, 191–194, 198–199, 203–204, 213–217.

²⁰ *Орешкин В.В.* Указ. соч. С. 27–28.

²¹ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 456. Л. 208–210.

²² Продолжение известий 1793 г. // Новое продолжение Трудов Вольного экономического общества к поощрению в России земледелия и домостроительства. Ч. I. (Т. 50). СПб., 1795. С. 419–420.

²³ Например: *Леман И.Г.* Уведомление о употребляемом китайцами в изготовлении настоящего фарфора као-лине и пе-гун-тее // Продолжение трудов Вольного экономического общества... Ч. XXXI. СПб., 1779. С. 113–126. [*Нартов А., Гупель П.*] О красильных деревьях, кустарниках и травах // Там же. Ч. IX. СПб., 1789. С. 91–108; Известия // Там же. Ч. XVI. СПб., 1792.

²⁴ *Нартов А.А.* Описание толчеи и её частей // Труды Вольного экономического общества. Ч. XVI. СПб., 1770. С. 231–234; *Он же.* Описание употребляемой для веяния хлеба веяльницы // Там же. С. 235–236.

²⁵ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 473. Л. 7.

²⁶ Письма // Продолжение трудов Вольного экономического общества... Ч. XVIII. С. 427.

²⁷ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 294.

²⁸ Там же. Л. 45–60.

²⁹ Атлас Музеума императорского вольного экономического общества. Т. I–II СПб., 1841–1842.

³⁰ Разные известия // Продолжение трудов Вольного экономического общества... Ч. X. СПб., 1790. С. 252–253.

³¹ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 473. Л. 157.

³² *Орешкин В.В.* Указ. соч. С. 29–30.

³³ РГИА. Ф. 91. Оп. 1. Д. 294. Л. 29.

³⁴ Там же. Л. 228–228 об.

³⁵ Там же. Л. 29–29 об.

Личный фонд С.И. Вавилова как ценный источник по истории популяризации научных знаний*

Неотъемлемым элементом советской системы являлась мощная пропагандистская сеть, включавшая в себя как партийные структуры, так и общественные организации, образовательные учреждения и научные институты. Внутри данной сети в определенные периоды советской истории происходила четкая расстановка акцентов и целенаправленное распределение ролей. Например, в годы Великой Отечественной войны центральной фигурой советской пропаганды являлся советский/русский полководец, а знаковым событием — победа русского оружия над иноземными захватчиками. К концу войны можно наблюдать смену приоритетов: место русского полководца занимает русский/советский ученый, изобретатель, а центральным событием становится научное открытие. В связи с этим актуализируется роль советских ученых, призванных не только совершать «великие открытия», но и популяризировать полученные знания.

В ряду происходящих процессов особый интерес вызывает фигура Сергея Ивановича Вавилова, советского физика, основоположника исследований по люминесценции и нелинейной оптики, президента Академии наук СССР (1945—1951), общественного деятеля, первого председателя Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (1947—1951). Его активная научная деятельность в области изучения истории науки, уверенное стремление сделать научные знания доступными широкому кругу советских граждан оказались востребованными в первые послевоенные годы. Именно с его позицией во многом связывали официальную стратегию развития науки и образования, популяризации и просвещения.

Комплекс документов, отложившихся в личном фонде С.И. Вавилова (АРАН.Ф. 596), содержит ценную информацию по особенностям популяризации научных знаний в 1940—1950-е гг. В обозначенный период отмечается изменение социального заказа в сторону все большей востребованности достижений науки. Ученый в этом процессе становится ключевой фигурой. Деятельность С.И. Вавилова является яркой иллюстрацией вовлеченности ученого в процесс популяризации и распространения научных знаний. На основе его популярных статей, стенограмм выступлений и лекций, текстов речей и докладов просматривается изменение тематики публичных выступлений, влияние политической конъюнктуры и международной обстановки, отношение научного сообщества, в том числе и Академии наук, к политическому заказу. С другой стороны, эти тексты демонстрируют сильную личную позицию С.И. Вавилова, его стремление в любом деле, в том числе и в популяризации знаний, руководствоваться принципами и правилами деятельности научной корпорации, а не политической жизни. Этот дух научности Сергей Иванович пытался привить и в созданной под его руководством общественной организации — Всесоюзном обществе по распространению политических и научных знаний.

Важным элементом профессии ученого С.И. Вавилов считал просветительскую функцию. В своем «выступлении на собрании коллектива Московского университета

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ, в рамках государственных заданий высшим учебным заведениям на 2013 г. в части проведения научно-исследовательских работ, проект № 6.5331.2011 «Профессорская культура в условиях социально-культурных трансформаций: Россия XX—XXI вв.».

по случаю 185-летнего юбилея его существования» он особо подчеркнул «ту колоссальную просветительскую работу», которую на протяжении XVIII — первой трети XX в. проводит это учреждение¹. Именно в этом, по мнению докладчика, состояло кардинальное отличие императорской Академии наук и Московского университета в дореволюционной России, именно этот разрыв целенаправленно устранялся в советский период и требовал от ученых 1940-х гг. особых усилий. Этой же мыслью пронизана одна из послевоенных статей С.И. Вавилова «Задачи советской интеллигенции в послевоенный период», где автор связывает деятельность ученого с важной культурной миссией — распространением подлинно научных знаний². Для Сергея Ивановича первостепенные задачи интеллигенции сразу же после завершения войны (необходимо обратить внимание, что статья датирована 30 мая 1945 г.) виделись не в дальнейших исследованиях и научных достижениях, а именно в распространении научных знаний на нескольких уровнях: в подготовке профессиональных кадров, «необходимых промышленности и на разнообразных участках культурной работы — в науке, в технике, в искусстве»³, в обогащении культурным потенциалом провинции («насаждение большой, глубокой, своей культуры во всей толще Советского Союза»)⁴, в завоевании культурного пространства мирового уровня, в котором «Советский Союз... должен и может доказать всему миру преимущество новой советской культуры»⁵.

Однако его просветительское рвение несколько ослабевает в связи с избранием в июле 1945 г. на пост президента Академии наук. В ряде своих статей и выступлений второй половины 1945 г.⁶ академик настаивает на необходимости непосредственного участия ученых в процессе перевода промышленности на «мирный лад», в подготовке профессиональных кадров через расширяющуюся сеть аспирантуры при академических учреждениях, в решении теоретических задач «во всех областях знания, как в естествознании, так и в технике и гуманитарных науках»⁷. Пытаясь нащупать нужный для развития академического института пульс, учесть еще не оформившиеся после войны настроения политической конъюнктуры, С.И. Вавилов в предназначенной для Совинформбюро статье «Наука после войны» с определенной долей сомнения («еще неясные и неотчетливые перспективы науки после войны») в качестве главной проблемы обозначает «вопрос о правильной и широкой организации науки»⁸. И если в 1945 г. президент Академии наук делал акцент исключительно на научных задачах (о развитии советской науки как неотъемлемой части мирового знания⁹, о выработке максимального содружества и сотрудничества ученых для преодоления изолированности отдельных дисциплин в открытии явлений и законов, относящихся «к промежуточным пограничным областям»¹⁰), то к февральским выборам 1946 г. он поставил перед учеными ряд практических проблем, среди которых — сделать науку «более доступной, более распространенной» для советского народа¹¹.

Эта идея в последующем вырастает в создание общественной организации — Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, основой которой становится советская интеллигенция. Из ряда выступлений и заметок С.И. Вавилова формируется устойчивое мнение о заинтересованности советской интеллигенции¹², а особенно советских ученых, в создании подобной организации, отвечающей за популяризацию научных знаний, за реализацию обязанности «каждого советского ученого делиться своими знаниями, своими результатами с народом»¹³. Участие в распространении научных знаний становится теперь не просто «модой», а «необходимым правилом» для любого советского ученого. По замыслу инициаторов через деятельность Всесоюзного общества должна была реализовываться отныне популяризаторская миссия ученого, а его научно-исследовательская работа по-прежнему концентрировалась в стенах Академии наук. Тем самым, можно предположить, разре-

шалась сложная непосредственно для самих ученых задача о выделении функций популяризации научных знаний в самостоятельное, независимое от их основной деятельности направление, разрешалась довлевшая над советскими учеными дилемма: быть исследователем или популяризатором. В первую очередь, как нам кажется, подобный выход из сложившейся ситуации увидел Сергей Иванович Вавилов. По крайней мере, в его статьях и текстах выступлений, написанных после мая 1947 г. (времени появления обращения советской интеллигенции с просьбой о создании Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний), функции популяризации научных знаний были перенесены исключительно на упоминаемую организацию.

Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний существовало независимо (насколько позволяла советская политическая система) от Академии наук, партии и иных государственных структур. Оно изначально планировалось, а в первые годы своего существования позиционировало себя как «общественная, демократическая форма» с широкой инициативой и самостоятельностью, с постоянным контролем и критикой, с выборностью ее руководства¹⁴. В основе деятельности организации был заложен принцип добровольности, который позволял маневрировать большей части ученых: с одной стороны, участие в этом обществе предполагалось («делом политической и научной пропаганды в нашем Обществе должны заниматься крупнейшие ученые и государственные деятели Советской страны»¹⁵), с другой — такой добровольный характер позволял игнорировать его работу (об этом свидетельствует очень медленный рост численности данной организации, особенно со стороны ученых, на которых и делал ставку С.И. Вавилов¹⁶).

Таким образом, личный фонд С.И. Вавилова является ценным источником по изучению специфики популяризации научных знаний в СССР. Документы данного фонда свидетельствуют, что мысль о необходимости распространения научных знаний была отнюдь не чужда советским ученым, но идеологизированность пропагандистской системы отталкивала их от этого важного дела. Создание Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний стало своеобразным выходом из этой затруднительной ситуации, так как произошло выделение популяризаторских функций в самостоятельную независимую от Академии наук общественную организацию, в которой ученые могли принимать участие на основе принципа добровольности. Сергей Иванович Вавилов, являясь президентом Академии наук и одновременно руководителем Всесоюзного общества, пытался придать последнему больше научный, а не политический характер, однако, как показывают документы уже другого фонда (Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (ГА РФ. Ф. Р-9547)), это шло в разрез диктуемому сверху политическому заказу.

¹ АРАН. Ф. 596. Оп. 1. Д. 112. Л. 1.

² Там же. Д. 128. Л. 1—3.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 129—131, 133, 136, 137.

⁷ Там же. Д. 131. Л. 3.

⁸ Там же. Д. 137. Л. 5.

⁹ Там же. Д. 139. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 140. Л. 2—3.

¹¹ Там же. Д. 141. Л. 11.

¹² Там же. Д. 161, 163, 184.

¹³ Там же. Д. 161. Л. 4.

¹⁴ Там же. Л. 3.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ Там же. Д. 184. Л. 1; Д. 253. Л. 1—2.

Архив искусствоведа М.И. Фабриканта в фондах Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова

В Отделе редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова (ОРКиР НБ МГУ) хранится архив Михаила Исааковича Фабриканта (Ф. 44. Оп. 1. 546 ед. хр.; далее в тексте указывается только номер дела) и личная библиотека (более 2 тыс. книг) по широкому кругу гуманитарных дисциплин, преимущественно по истории и теории искусства. М.И. Фабрикант (1887–1966) — выпускник юридического факультета Московского университета (1912). Одновременно с юриспруденцией он изучал историю искусств, слушал лекции и участвовал в семинариях И.В. Цветаева, профессора Московского университета, основателя Музея изящных искусств, в дальнейшем ГМИИ им. А.С. Пушкина. В 1912–1913 гг. М.И. Фабрикант с научной целью выезжал в командировки в Германию и Грецию, где работал в библиотеках и музеях, изучал памятники античного искусства. В 1920 г. он защитил магистерский экзамен в Московском университете, был утвержден в звании доцента, а затем профессора I МГУ. В 1924 г. М.И. Фабрикант защитил диссертацию «Психологические категории искусствознания» в Институте искусствознания Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН), в 1935 г. был утвержден кандидатом наук по музееведению. В 1920–1930-е гг. М.И. Фабрикант работал в крупнейших музеях — Румянцевском, Историческом, Третьяковской галерее, а также в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, где был заведующим гравюрным кабинетом, позднее заместителем директора по научной работе. М.И. Фабрикант прекрасно знал библиотечное дело, в 1935–1936 гг. был консультантом Библиотеки им. В.И. Ленина (ныне РГБ) по организации каталогов, размещению отделов и читальных залов в новом здании библиотеки. В 1939 г. он участвовал в создании экспозиции и упорядочении картинного фонда Государственной картинной галереи Белоруссии. В 1940-е гг. профессор М.И. Фабрикант был заведующим кафедрой искусствознания Московского полиграфического института (МПИ), в 1942–1943 гг. был вместе с институтом в эвакуации в Шадринске (Южное Зауралье), где продолжал педагогическую работу. В 1920–1950-е гг. одновременно с основной работой в музеях и МПИ вел преподавательскую и научную работу во многих научных и учебных учреждениях: I МГУ, университете им. А.Л. Шанявского, ВХУТЕМАСе, Академии архитектуры, Государственной академии художественных наук (ГАХН), Институте философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (ИФЛИ), Харьковском художественном институте, Российском обществе друзей книги, издательстве «Советская энциклопедия», где был рецензентом и автором ряда энциклопедических статей по истории искусства, а также автором научных статей по истории графики, немецкого искусства, орнаменту, музееведению.

С 1950 г. М.И. Фабрикант находился на академической пенсии, но продолжал сотрудничать с музеями, библиотеками, издательствами, научно-исследовательскими институтами, например, НИИ музейной и краеведческой работы, НИИ полиграфического машиностроения.

Архивный фонд ученого включает в себя творческие и подготовительные материалы к научным работам, статьи и черновые варианты статей по истории искусства, доклады, рецензии, материалы по художественному оформлению книг, документы научно-педагогической деятельности, лекции, тезисы докладов, схемы классификаций для библиотек, программы учебных курсов для высших учебных заведений по истории письменности и книгопечатания, истории и теории орнамента, музееведению, библиотечному делу, графическим искусствам, источниковедению и историографии. В фонде находится переписка, биографические и имущественно-бытовые документы, изобразительные материалы. Следует отметить, что хотя свой научный архив и библиотеку М.И. Фабрикант передал в Московский университет, его личные дела сохранились и в других архивах: в РГАЛИ — в фонде ГАХН, а также в Отделе рукописей ГТГ и Отделе рукописей ГМИИ им. А.С. Пушкина.

В научной и научно-популярной литературе о М.И. Фабриканте сказано очень мало. Краткую информацию об ученом можно найти в фундаментальном труде ГМИИ им. А.С. Пушкина «Эра Румянцевского музея. Т. 2. Гравюрный кабинет»¹, в статье А.В. Захаровой о библиотеке ГМИИ², в воспоминаниях сотрудницы ГМИИ М.З. Холодовской³, лично знавшей М.И. Фабриканта как очень обязательного и порядочного человека. Упоминается М.И. Фабрикант в труде Н.М. Никулиной⁴ о египтологе В.В. Павлове. Заслуги ученого в области библиотечного дела отмечены на сайте Государственной Третьяковской галереи в разделе «История библиотечного собрания»⁵.

В личном архиве сохранилась характеристика, данная руководством Государственной Третьяковской галереи старшему научному сотруднику ГТГ М.И. Фабриканту 20 сентября 1935 г. В ней говорится: «Тов. Фабрикант Михаил Исаакович поступил на работу в Государственную Третьяковскую галерею в мае 1929 г. как квалифицированный специалист по музейному, библиотечному и архивному делу для руководства этими частями работы Галереи. Являясь старшим научным сотрудником и очень хорошим организатором, тов. Фабрикант поднял на значительную высоту порученное ему дело, за что неоднократно был премирован и получал благодарность. Тов. Фабрикант в течение последних лет состоит председателем секции научных работников, а также был членом месткома и руководителем производственного сектора и все эти обязанности выполнял очень добросовестно»⁶.

Дополняют портрет ученого воспоминания известного библиофила С.В. Кара-Мурзы о заседаниях Общества друзей книги. Как писал С.В. Кара-Мурза, «серьезный и вдумчивый искусствовед, Михаил Исаакович Фабрикант не раз выступал у нас с докладами, которые распадались на две группы: книговедческие темы и графические. К первым относятся его доклады: “Русские научно-художественные библиотеки”, “Библиотека С.П. Виноградова” и “Книги германского барокко”; к графическим темам относятся “Литограф А.Ф. Мюнстер и его круг”, “Неизвестный портрет Н.И. Уткина”, “Азбука В.А. Фаворского (заглавные буквы к «Рассуждениям аббата Куаньяра» А. Франса)”⁷.

В 2011 г. в сборнике статей по искусствоведению, филологии, истории «Эмбате-рион» была опубликована статья сотрудницы ОРКиР Е.В. Зименко «Краткий обзор научного архива искусствоведа профессора М.И. Фабриканта», в которой рассказано о некоторых документах архива⁸. В 2012 г. на ежегодных Ломоносовских чтениях в МГУ в секции библиотековедения С.Е. Матлиной был сделан доклад «Документы по библиотечному делу в архиве М.И. Фабриканта». Изучение документального наследия М.И. Фабриканта продолжается. С.Е. Матлиной совместно с Е.В. Зименко опу-

бликована лекция М.И. Фабриканта «Памятники русской культуры в дни Великой Отечественной войны» (Д. 60)⁹. Лекция была подготовлена и прочитана историком в 1942 г. в Шадринске во время эвакуации. Она сохранилась в виде черновых записей, содержащих пометы, подчеркивания, а также сокращения, которые не всегда удается расшифровать. В лекции М.И. Фабрикант рассказал об истории возникновения музеев начиная с происхождения названия «музейон» от места праздничных сборищ муз — богинь, покровительниц искусств, на горе Геликон. За три тысячелетия музеи превратились в хранилища произведений искусства, памятников истории, природы, древностей. Музеи всегда страдали в периоды войн. Это «самые беззащитные и хрупкие объекты в случае нападения», — писал М.И. Фабрикант. Особое место в лекции уделено музеям СССР, рассказано об их невосполнимых утратах и разорении, фактах чудовищного вандализма фашистов к лучшим памятникам русской культуры. В текст лекции М.И. Фабрикант включил сообщения, услышанные по радио, сведения из местной периодической печати, например, о разорении музеев в Ельне и Калуге, собственные записи и впечатления довоенных лет. Тема «музеи и война» прошла через личные переживания ученого. В Первую мировую войну в 1916—1917 гг. он был на фронте. Сохранились черновые записи о культуре, сделанные им в армии осенью 1917 г. (Д. 87), а также список диапозитивов на тему «Война в изобразительном искусстве», составленный в августе 1919 г. (Д. 194).

М.И. Фабрикант подготовил к печати фундаментальные работы «Музееведение. Художественные музеи. Теория, история и практика художественно-музейного дела» (Д. 3) и «Русская гравюра. 3 века ее развития с 1647 г. по 1947 г.». К сожалению, в связи с началом Великой Отечественной войны рукопись «Музееведение», переданная по договору в издательство «Искусство», пропала, а «Русская гравюра» не увидела свет в связи со сложной внутривойсковой обстановкой конца 1940-х гг. В архиве сохранилась верстка книги «Русская гравюра», набранная в Государственном издательстве легкой промышленности (Д. 6, 7).

«Русская гравюра» состоит из пяти глав: 1. Ранняя русская гравюра XVII в. 2. Русская академическая гравюра XVIII в. 3. Русская гравюра 1 половины XIX в. 4. Русская гравюра 2 половины XIX в и начала XX в. 5. 30 лет советской гравюре 1917—1947. Книга снабжена справочным аппаратом, довольно обширным списком литературы и 54 иллюстрациями. Автор рассказывает о стилистических истоках гравюры и анализирует художественную графику. Сохранились черновые рукописи и подготовительные материалы к работе о русской гравюре (Д. 84, 85).

Не потеряли своей актуальности многие положения работы М.И. Фабриканта «Музееведение». В архиве отложился черновой вариант рукописи книги на 190 л. Он состоит из двух общих и трех тонких тетрадей и приложения. М.И. Фабрикант в своей книге рассматривает понятие музея и музейного дела, его функции, музейную статистику и музеографию по странам, дает характеристику главнейших музеев мира. В работе рассматривается история музеев и музейного дела с древнейших времен, включая античность, средние века, новое и новейшее время, художественные музеи СССР вплоть до 1939 г. Подробнейшим образом рассказано о формах работы музея: комплектовании фондов, учете, хранении, реставрации музейных предметов, каталогизации фондов, создании научного каталога художественного музея, фототеке, диатекте (хранении диапозитивов), архиве и библиотеке музея. Отдельные главы посвящены созданию музейной экспозиции и выставочному делу, экскурсионной работе. В приложении даны образцы отчетных листов сотрудников отдела популяризации, талоны и регистрационные карточки экскурсионных групп. В 1945 г. М.И. Фабрикант

подготовил повторно вариант книги «Художественные музеи» уже как краткое учебное пособие и предпринял попытку его издания в издательстве ГМИИ им. А.С. Пушкина, о чем свидетельствует издательский договор между музеем и М.И. Фабрикантом. Однако книга так и не была издана. (Д. 5, 223).

М.И. Фабрикант готовил к публикации большую работу — «Научный каталог художественного музея». В фонде сохранились краткий и расширенный варианты доклада о научном каталоге на 109 л. — итог многолетнего труда. Первая и вторая части датируются 1929 г., третья и четвертая — 1945 г., пятая часть — 1956 г. Интерес представляют подготовительные материалы по созданию научного каталога на 183 л. и 200 л. В них содержатся предложения по классификации разделов, сформулированы определение, цели и задачи научного каталога художественного музея, рассмотрены элементы и методика описания, даны образцы научных карточек для описания. Имеются списки изданий, перечни печатных каталогов выставок и другие материалы, в том числе на английском, французском, немецком, итальянском языках (Д. 55, 215, 216). В 1932 г. в журнале «Советский музей» № 2 была опубликована статья М.И. Фабриканта «Об организации научно-художественного каталога», где частично рассматривались эти вопросы. Однако в издании был опущен раздел по библиографии научных каталогов западно-европейских музеев (Д. 41). Поэтому изучение подготовительных материалов к работам имеет не менее важное значение. В 1990-е гг. сотрудница Отдела редких книг А.Х. Матиева, в дальнейшем сотрудница Музея современной истории России, изучала документы М.И. Фабриканта по музейному делу и использовала в практической работе его выводы и наработки.

М.И. Фабрикант активно сотрудничал с искусствоведом академиком А.А. Сидоровым. Еще в 1920-е гг. они проводили совещания по библиотечному делу при Обществе друзей книги. Заседания сопровождались осмотром библиотек Отделения изящных искусств Государственного Румянцевского музея и Музея изящных искусств при Московском университете (ныне РГБ и ГМИИ им. А.С. Пушкина). Ставился вопрос о необходимости Всероссийского совещания художественных библиотекарей. В архиве сохранились черновые заметки о заседаниях библиотекарей Московских художественных библиотек, объединенных при «Русском обществе друзей книги» (Д. 98). Они написаны на небольших листочках в клетку, использована старая орфография. Позже сотрудничество М.И. Фабриканта и А.А. Сидорова продолжилось. В 1945 г. М.И. Фабрикант был рецензентом работ А.А. Сидорова «Искусство иллюстрации» и «История оформления русской книги». По приглашению А.А. Сидорова он участвовал в работе бригады НИИ полиграфии и издательской техники по теме «Национальные элементы оформления русской книги» (Д. 73, 74, 241, 242). В рамках этого проекта М.И. Фабрикант подготовил план работ по теме «Орнаментальные истоки русской книги XVII в.» (Д. 39, 152). М.И. Фабрикант и А.А. Сидоров были участниками научной сессии, посвященной истории оформления русской книги. В архиве хранится приглашение М.И. Фабриканту от дирекции НИИ ОГИЗ на научную сессию, посвященную истории оформления русской книги 4–6 марта 1946 г., к нему приложены тезисы доклада профессора А.А. Сидорова «Эволюция художественного обрамления страницы в русской книге XVI–XX веков» (Д. 420). В фонде находится и рукопись доклада М.И. Фабриканта на этой сессии о русском гравированном орнаменте и титульном листе книги «Из учения о хитрости ратного строения». Лист был выполнен златописцем Посольского приказа Григорием Благушиным (Д. 62, 212, 213). М.И. Фабрикант писал о связи орнамента русской книги с западно-европейскими источниками. Сохранился машинописный фрагмент статьи,

списки фотоснимков, подготовительные материалы и рукописные варианты статьи «К стилистике западно-европейской орнаментальной гравюры» (Д. 38).

Будучи крупным специалистом по графике, автором научных статей о граверах, например о Владимире Андреевиче Фаворском¹⁰, М.И. Фабрикант проявлял огромный интерес к художественному оформлению книги. Ряд статей и докладов, написанных в 1920—1940-х гг., посвящен этой теме. Позднее, являясь профессором Московского полиграфического института, М.И. Фабрикант готовил учебные планы курсов, участвовал в научных конференциях. Сохранились тезисы докладов «Художник в научной книге» и «Итоги развития русского эстампа за 1917—1947 гг.» (Д. 425).

Разрабатывая схемы классификации, выступая с лекциями и докладами, М.И. Фабрикант изучал классификационные схемы произведений по искусству, принятые в библиотеках и музеях Германии, Италии, Франции, а также Библиотеки Конгресса США. Значительное место в фонде занимают лекции и доклады М.И. Фабриканта по библиотечному делу и библиографии, которые он читал в 1920—1930-е гг. в Московском институте художественно-исторических наук и музееведения, в Академии архитектуры, ГТГ, Библиотеке им. В.И. Ленина. В докладе о работе научно-художественных библиотек во второй пятилетке М.И. Фабрикант ставил перед библиотечным сообществом задачи полного учета книжных и репродукционных фондов, говорил о необходимости выработки принципов комплектования искусствоведческих библиотек литературой по искусству и по смежным дисциплинам. Настаивал на максимальном развитии межбиблиотечного обмена, составлении и напечатании общего путеводителя по художественно-научным библиотекам с характеристикой состава, выделении наиболее ценных коллекций, разработке искусствоведческой классификации (Д. 56).

В 1920-е гг., являясь действительным членом Государственной Академии художественных наук (ГАХН, в 1921—1924 гг. — РАХН), М.И. Фабрикант неоднократно выступал с лекциями и докладами на заседаниях секций. В фонде сохранились копии протоколов заседаний секций ГАХН за 1923—1929 гг. с докладами М.И. Фабриканта и прениями по докладам. Например, «Нотные обложки» 31 января 1923 г., «К эстетике украшенного печатного алфавита» 6 декабря 1923 г., «Научно-художественная библиотека и ее функции» 16 мая 1924 г., «Эклектизм и индивидуализация жеста в немецкой скульптуре» 29 сентября 1924 г., «Научно-художественная классификация и ее принципы» 9 октября 1924 г. (Д. 334)¹¹.

Даже простое перечисление тем докладов, с которыми выступал М.И. Фабрикант в ГАХН, раскрывает перед нами широкий кругозор ученого. М.И. Фабрикант был автором ряда научных статей для «Словаря художественных терминов ГАХН». Словарь был подготовлен в 1923—1929 гг., но так и не увидел свет. В 2005 г. он был реконструирован И.М. Чубаровым на основе архивных документов РГАЛИ и ОРКиР¹². В него вошли статьи М.И. Фабриканта: «Автопортрет»; «Академия Художеств»; «Батальная живопись»; «Бургундское искусство»; «Влияние»; «Вспомогательные дисциплины»; «Жест»; «Западное искусство»; «История искусства»; «Монументальность»; «Периодизация в истории искусства». В фонде сохранились черновые варианты некоторых статей для этого словаря (Д. 118, 124).

М.И. Фабрикант нередко с научной целью выезжал в командировки. В архиве отложились черновики отчетов о командировке в начале 1920-х гг. в Петроград для знакомства с библиотеками Академии наук, Русского музея и др. (Д. 106), а также черновые записи, сделанные в 1930-е гг., о командировках в библиотеки и музеи Ленинграда для ознакомления с организацией работы, с музейными экспозициями

и архивами (Д. 139). В фонде имеется отчет от 29 апреля 1936 г. зав. библиотекой ГТГ М.И. Фабриканта о научной командировке в Ленинград 14–23 апреля 1936 г. (Д. 180).

Основной задачей командировки были проверка, исправления и дополнения к библиографии художника И.Е. Репина. Некоторые издания с иллюстрациями И.Е. Репина отсутствовали в библиотеках Москвы и были обнаружены в Публичной библиотеке в Ленинграде. Во время командировки М.И. Фабрикант работал в гравюрном собрании Русского музея и кабинете графики Эрмитажа. 19 апреля 1936 г. он выступил с докладом в Русском музее «Работа над иллюстрированной книгой в библиотеке Государственной Третьяковской галереи». Он также изучал материалы по искусству иллюстрированной восточной книги, о ее влиянии на русскую печатную книгу, методику описания иллюстраций, принятую в библиотеках Ленинграда.

Хотелось бы отметить, что Михаил Исаакович работал с вдохновением, всей душой отдаваясь любимому делу — музейному и библиотечному. В почтовой открытке, которую он послал своей супруге Брониславе Матвеевне из Ленинграда 26 августа 1924 г., ученый пишет о подтверждении своей научной догадки во время работы в Публичной библиотеке Ленинграда. «Вчера пережил счастливейший день. В Публ[ичной] библиотеке нашел удивительное подтверждение одной своей научной догадки. Прыгал от радости и чуть не поцеловал барышню, которая выдает книги»¹³. На открытке репродукция картины П. Рубенса «Портрет камеристки». Из документов архива неизвестно, о какой научной догадке идет речь. Это ждет своего исследователя. (Предположительно о рисунке Х. Вехтлина в Эрмитаже).

В 1930-е гг. М.И. Фабрикант принимал активное участие в работе высших музейных курсов, был участником совещаний и встреч по библиотечному и издательскому делу. В фонде сохранились различные приглашения на совещания, заседания секций, кружков, студий, где нередко он выступал с докладами или участвовал в обсуждениях докладов других участников (Д. 179, 407, 234, 263).

М.И. Фабрикант принимал участие в обсуждении описаний рукописей, гравюр и других памятников прошлого. Отдел рукописей Государственной библиотеки им. В.И. Ленина в своем письме от 6 марта 1958 г. приглашал М.И. Фабриканта принять участие в обсуждении описания для каталогов миниатюр, орнамента, гравюр, рукописей¹⁴ (Д. 258).

Являясь опытным педагогом, М.И. Фабрикант учил студентов, как правильно пользоваться научной литературой. Еще в 1920-е гг. он готовил рекомендации о методике чтения специальной литературы, писал о научной организации работы студента-искусствоведа (Д. 105, 109).

В фонде М.И. Фабриканта сохранились подготовительные материалы к научным работам. Среди них значительную часть — более 2 тыс. листов — составляют черновые записи по библиографии искусствознания: списки, цитаты, перечни, указатели периодики по странам, музеям, направлениям, школам, собирательству и картотека «Научная библиография искусствознания» (Д. 197, 198, 203, 204, 210).

Нередко названия книг, в том числе и на иностранных языках (английском, французском, немецком, итальянском), написаны на требованиях читальных залов библиотек, оборотных сторонах приглашений, узких листочках бумаги, карточках, что никак не умаляет их значения для истории искусства. Эти записи ученый вел на протяжении десятилетий, планируя подготовить аннотированный перечень литературы по истории искусства. К сожалению, в связи с ухудшением состояния здоровья в начале 1960-х гг., М.И. Фабриканту не удалось осуществить задуманное.

М.И. Фабрикант составил списки своих печатных работ, опубликованных в 1920—1940-х гг. (Д. 41). В них он указал около 30 своих работ, не включая рецензии и доклады. В Научной библиотеке МГУ им. М.В. Ломоносова находится 16 его работ, в библиотеке ГМИИ им. А.С. Пушкина — 10. Будучи широко образованным человеком, М.И. Фабрикант писал о старых мастерах немецкого реализма и комментировал письма П. Рубенса, изучал эстетику Л.Н. Толстого и творчество Ф. Гойи¹⁵.

М.И. Фабрикант передал в дар научной библиотеке МГУ более 2 тыс. книг, продолжал как читатель пользоваться библиотекой. При этом стремился всегда своевременно возвращать книги, взятые для научной работы. Последний по хронологии документ в архиве ученого — это черновик письма от 7 апреля 1966 г. в Библиотеку МГУ, в котором Михаил Исаакович извиняется за задержку книги из-за болезни (Д. 275). Письмо раскрывает перед нами личные качества ученого — достойного и ответственного человека, преданного науке и Московскому университету. М.И. Фабрикант принадлежит к той замечательной плеяде отечественных ученых, которые соединили лучшие достижения дореволюционной науки с достижениями современной ему эпохи.

Рассмотренные нами документы из архива Михаила Исааковича Фабриканта содержат ценную информацию, которая может быть использована исследователями в научной и практической работе.

В рамках работы над наследием М.И. Фабриканта предлагается составить библиографию трудов, издать каталог библиотеки, опубликовать его работы «Музееведение» и «Русская гравюра».

¹ Эра Румянцевского музея. Из истории формирования собрания ГМИИ им. А.С. Пушкина. В 2 т. Т. 2. Гравюрный кабинет. М., 2010. С. 30, 71, 291, 315—316.

² Захарова А.В. Научная библиотека ГМИИ им. А.С. Пушкина: период становления // Библиотекосведение. 1997. № 5/6. С. 95—102.

³ Холодовская М.З. О гравюрном кабинете // Иллюстрация: Сборник статей и публикаций. М., 1988. С. 272—314.

⁴ Никулина Н.М. Портрет в обрамлении. К столетию со дня рождения В.В. Павлова. М., 2004. С. 48—49.

⁵ См.: <http://www.tretyakovgallery.ru/ru/museum/history/assembly/assembly740/>

⁶ ОРКиР НБ МГУ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 288. Л. 1.

⁷ Кара-Мурза С.Г. Русское общество друзей книги (Московские библиофилы). Воспоминания. М., 2011. С. 88—89.

⁸ Зименко Е.В. Краткий обзор научного архива искусствоведа профессора М.И. Фабриканта // Эмбатион. Сборник статей по искусствознанию, филологии, истории. М., 2011. С. 54—61.

⁹ Зименко Е.В., Матлина С.Е. Работа М.И. Фабриканта «Памятники культуры в дни Великой Отечественной войны» // Рукописи. Редкие издания. Архивы. Из фондов Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ. М., 2013. С. 21—47.

¹⁰ Фабрикант М.И. Русские граверы // Печать и революция. 1923. Кн. 3.

¹¹ Машинопись, всего на 20 л. на пожелтевшей бумаге, с пометами.

¹² Словарь художественных терминов, 1923—1929. М., 2005.

¹³ ОРКиР НБ МГУ. Ф. 44. Оп. 1. Д. 270. Л. 1.

¹⁴ Даны тезисы описания для каталогов на 5 л. Правка М.И. Фабриканта.

¹⁵ Фабрикант М.И. Старые мастера немецкого реализма. Л., 1936; Рубенс П. Письма. М.; Л., 1933; Фабрикант М.И. Толстой Л.Н. и изобразительные искусства (Контуры проблемы). М., 1929; Он же. Гойя. 1828—1928. К заседанию ГАХН в ознаменование столетия со дня смерти. М., 1929.

Д.К. Михаленок
(Карадагский природный заповедник НАНУ, Украина)

К истории Карадагской научной станции им.Т.И. Вяземского (по материалам Архива Российской академии наук)

Карадагская научная станция им. Т.И. Вяземского (станция) была создана в Крыму у подножья потухшего вулкана Карадаг в период 1907–1914 гг. доктором медицины, приват-доцентом Московского университета Терентием Ивановичем Вяземским (1857–1914). Она отличалась от других биологических станций в России тем, что по замыслу основателя станции научная деятельность должна была проводиться по различным областям естествознания. Богатая, по многим направлениям науки, частная коллекция книг Т.И. Вяземского, насчитывавшая около 30 тыс. томов, была неотъемлемой частью станции и предназначалась для обеспечения научной деятельности. Пейзажные красоты Карадага, его разнообразная природа, обширная библиотека и пансионат при станции для лиц, занимающихся научной деятельностью — все это придавало станции особую притягательность для ученых различных специальностей. Впрочем, были и сомнения в целесообразности ее создания в глухой крымской провинции, удаленной от научных центров.

Работы по строительству станции, начатые в 1907 г., продвигались с трудом. Материальную поддержку в строительстве станции оказывал известный ученый, физиолог, профессор Московского университета Лев Захарович Мороховец (1848–1918). Однако из-за болезни и по ряду личных мотивов он постепенно отошел от дел. Помогал в становлении станции видный общественный и политический деятель, меценат, ученый-агроном Соломон Самуилович Крым (1867–1936). Все же у Т.И. Вяземского возникли долги. Беспокоила неопределенность в дальнейшей судьбе станции и библиотеки. Затруднительную ситуацию помог разрешить профессор Московского университета, известный физик Николай Алексеевич Умов (1846–1915), товарищ председателя Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова, состоявшего при Московском университете и Московском техническом училище (Общество Леденцова). Он порекомендовал Т.И. Вяземскому поставить научную деятельность станции под эгиду Общества Леденцова и много сделал, чтобы станция вошла в его состав¹. В мае 1914 г. состоялась юридическая передача станции, библиотеки, жилого дома и участка земли Обществу Леденцова с условиями погашения долгов Т.И. Вяземского. По сути это было пожертвование со стороны создателя станции, поскольку долги составляли 15 тыс. рублей, а библиотека оценивалась в 80–100 тыс. рублей.

К сожалению, Т.И. Вяземский не успел наладить научную работу на станции — он умер в Москве 23 сентября 1914 г., похоронен на Пятницком кладбище. В этот день проходило заседание Совета Общества Леденцова, на котором, еще не ведая о смерти Т.И. Вяземского, Совет присвоил станции его имя.

Приступив к управлению станцией, Общество Леденцова создало попечительную Комиссию в следующем составе: председатель — академик, геолог Алексей Петрович Павлов (1854–1929), члены Комиссии: товарищ председателя (с 1915 г.) Общества Леденцова, физико-химик Иван Алексеевич Каблуков (1857–1942) и член Общества

Леденцова, микробиолог и физиолог растений Николай Николаевич Худяков (1866—1927). На должность заведующего станцией был назначен геолог Александр Федорович Слудский (1885—1954). Помощником заведующего с 1915 г. стал зоолог Виктор Николаевич Вучетич (1881—1945). Станция была открыта с 1 мая по 1 октября².

А.Ф. Слудский — представитель «павловской» геологической школы. Он вел переписку и поддерживал доброжелательные, дружеские отношения со своим учителем, А.П. Павловым и его женой, палеонтологом Марией Васильевной Павловой (1854—1938).

В 1917 г. в связи с известными политическими событиями в России работа еще неокрепшей научной станции была поставлена под угрозу. Станция была сохранена только благодаря тому, что А.Ф. Слудский остался на Карадаге. Поэтому так важны сохранившиеся письма А.Ф. Слудского к Павловым, написанные на Карадаге в 1917 г. В них мы находим не только мотивацию столь непростого для А.Ф. Слудского решения, но и много деталей, характеризующих быт и научную деятельность, неуверенность отправителя писем в своем положении и беспокойство за судьбу станции. Проекция таких деталей на наше время оказываются актуальными в вопросах организации современной науки на Карадаге.

В Архиве Российской академии наук сохранилось пять писем А.Ф. Слудского, относящихся к 1917 г. Четыре из них к А.П. Павлову и одно адресовано М.В. Павловой. Рассмотрим письма в хронологическом порядке.

Первое письмо адресовано М.В. Павловой и датировано 25 мая 1917 г. В ожидании ее приезда на Карадаг А.Ф. Слудский пересылает его частичку — «маленький обрывок жизни и интересов нынешнего сезона». Сведения об этом «обрывке жизни», повествующие о становлении работ и устройстве жизни на станции, не утратили своего интереса и сегодня. «Жить на Карадаге можно, — писал А.Ф. Слудский, — и, быть может, лучше, чем где-либо в другом месте России: здесь тихо, спокойно и нет голода. Газеты приходят очень нерегулярно, и поэтому приходится читать о давно прошедших событиях: читаешь не газету, а историческую летопись, и это обстоятельство создает более спокойное отношение к событиям»³.

«А дела, — писал А.Ф. Слудский, — несмотря ни на что, не стоят». Он отметил, что небольшая лодка «Ундина» «служит верой и правдой» для производства морских научных исследований⁴. Касаясь «лицевой стороны» карадагской жизни, увлеченно описывает, как в море лодка попала в стадо дельфинов, как проводили наблюдения над морскими течениями... Замечает, что достижение «лицевой стороны» достигается испытаниями обратной: «Впрочем — сколько этих обратных сторон! Мне кажется иногда, что мы — Робинзоны, заброшенные на необитаемый остров. Все здесь приходится начинать с самого начала»⁵. Приводит пример, как на земле, «которая едва поддается стальному лому», В.Н. Вучетич выращивает розы⁶.

А.Ф. Слудский начинает понимать, что без него на станции возникнут проблемы, и тревожится за будущую судьбу Карадага, поскольку В.Н. Вучетич «решительно заявил, что на зиму один на Карадаге больше не останется»⁷.

По условиям работы в должности помощника заведующего станцией В.Н. Вучетич должен был находиться на Карадаге в течение всего года. Однако, как видно из письма А.Ф. Слудского к А.П. Павлову от 9 октября 1917 г., ему явно не хватало качеств руководителя. После первой зимы, проведенной на Карадаге в 1915—1916 гг., он понял, что без поддержки А.Ф. Слудского с хозяйством станции ему не справиться.

«Но всего больше те неприятности, — пишет А.Ф. Слудский, — которые в изобилии причиняет Об[щест]во Леденцова... Общество тяжело болеет папирократией и бумага совершенно заедает дело»⁸. Заведующий станции обеспокоен тем, что не зна-

ет, как продвигается печатание первого выпуска Трудов станции, а И.А. Каблуков ничего об этом не пишет⁹.

Вероятно, А.П. и М.В. Павловы не рискнули приехать на Карадаг летом 1917 г., что отозвалось у А.Ф. Слудского грустными мыслями. В следующем письме, написанном А.П. Павлову 3 июля 1917 г., он сообщил: «Ваш приезд вошел в уклад станционной жизни и без Вас здесь пусто... У нас затишье среди бурного потока слов, затопивших Россию, затишье, в котором можно собрать мысли и делать дело... Быть может это недостаточно патриотично в трагический момент жизни нашей страны — стоять в стороне от толпы, не пытаясь оказывать непосредственного воздействия на болезненный процесс созревания гражданского сознания, но мне сдается, что правильнее и патриотичнее в настоящее время делать свое дело, не считая числа рабочих часов и не брезгуя никакой черной работой: мне кажется, что как будто опыт показывает достоинство такой тактики, что все хорошие слова, произносимые на митингах ничего не стоят по сравнению с той здоровой атмосферой, которая создается на почве явного деятельного труда и сотрудничества. Этим объясняю я, что у нас на станции идет все сравнительно гладко, что наши служители работают с пяти утра до восьми вечера и при этом и хозяева и рабочие друг другом довольны»¹⁰.

Здесь видим взвешенный, продуманный, а главное — в дальнейшем оправданный подход к ведению дела в чрезвычайно неблагоприятных политических условиях.

А.Ф. Слудский сообщает, что совместно с В.Н. Вучетичем проводит морские исследования по составлению карты распределения глубин, фаций и биоценозов в районе станции. Вместе с тем он замечает, что очень мало времени остается на научную работу: «работы и заботы общехозяйственного порядка и канцелярские дела поглощают почти всю энергию»¹¹.

Видимо, не раз А.Ф. Слудский советовался с А.П. Павловым о том, где лучше реализовать себя — в Москве или на Карадаге. «Теперь, — пишет А.Ф. Слудский, — снова поднимается тот же вопрос: Москва или Карадаг? И душа тянет на Карадаг — здесь я нужнее, здесь больше вложено моей работы и моего умения, здесь больше опасностей для создаваемого детища Терентия Ивановича, которое с таким трудом растет и так еще слабо и хило, что боязно оставить его сиротой... Опять скажу — как грустно, что Вас нет, что нельзя с Вами посоветоваться»¹².

Вновь А.Ф. Слудский сообщает, что Общество Леденцова «работает, как типичная бюрократическая машина». Подчеркивает, что И.А. Каблуков не отвечает ни на письма, ни на телеграммы. Тревожит ситуация и с печатаньем Трудов станции¹³.

Чуть более чем через месяц, 7 августа 1917 г., А.Ф. Слудский пишет А.П. Павлову письмо, наполненное тревогами за судьбу станции и личными переживаниями: «Приближается осень, и до сих пор у нас на Карадаге грядущее так же темно и смутно, как судьба всей России». С раздражением отмечает, что за три года Бюро Общества Леденцова так и не удосужилось приехать на Карадаг. «По-видимому теперь, когда общая атмосфера сгущается до крайних пределов и передвижение затрудняется почти до полной остановки — теперь приедет на Карадаг Бюро Общества!»¹⁴.

Тем не менее о своем приезде сообщил секретарь Общества Леденцова, видный ученый в области организации промышленного производства, Николай Францевич Чарновский (1868—1938). Вместе с ним планировал приехать и председатель Общества Леденцова, известный ученый в области волокнистых веществ Семен Андреевич Федоров (1860—1934)¹⁵.

Вероятно, А.Ф. Слудский не до конца верил в возможность приезда секретаря и председателя Общества Леденцова. Раздраженность и неуверенность усиливались

неблагоприятными личными, семейными обстоятельствами (вся семья переболела гриппом). Можно предположить, что у него возникло скрываемое желание перебраться в Москву. Раздвоенность между личными проблемами и обязательствами по станции — все это могло привести к размышлениям о том, чтобы оставить Карадаг. Кроме того, сложный клубок проблем, связанный с возможностью призыва в действующую армию, и материальные затруднения подталкивали А.Ф. Слудского и В.Н. Вучетича принимать решение не в пользу Карадага. В письме отчетливо видно наступившее отчаяние: «Если же и на этот раз они не приедут, то воистину Карадаг затрещит по всем швам, т[ак] к[ак] я не вижу никакой возможности и просто не имею физических сил продолжать вести это дело при существующей двойственности управления и бухгалтерии и при отсутствии более активной помощи со стороны Общества. Между тем Вучетич решительно настаивает на том, что он на Карадаге останется только при условии, что остаюсь я»¹⁶.

А.Ф. Слудский весьма откровенно пишет А.П. Павлову о возникших затруднениях: «При всей моей бесконечной преданности делу Терентия Ивановича — я не знаю, что мне делать? Мой отъезд теперь грозит тем, что на станции никого и ничего не останется... Я жду приезда Бюро — и тогда придется решать окончательно, чему быть»¹⁷.

Завершается письмо на пессимистической ноте: «К сожалению Труды наши не распустившись вянут в руках Ивана Алексеевича»¹⁸. Труды написаны с большой буквы — это и неопределенность в первом выпуске Трудов станции, и труды самого Т.И. Вяземского, и труды А.Ф. Слудского и В.Н. Вучетича и других людей по становлению научных работ на станции. Справедливо будет указать, что и И.А. Каблуков предпринял много усилий в организации научных работ на станции. В большей мере он отстаивал интересы Общества Леденцова, в то время как А.Ф. Слудский — станции. Неудачи в делах станции не могут быть списаны на И.А. Каблукова — здесь межличностный конфликт в различных подходах к делам по управлению станцией доминирует у А.Ф. Слудского над объективными обстоятельствами. В письме отражены кризисные моменты в душе А.Ф. Слудского. В метаниях его настроения, в тревожном духе письма, тем не менее, просматривается ответ человека, уже избравшего нелегкий путь по сохранению станции, — решение остаться на Карадаге.

9 октября 1917 г. А.Ф. Слудский пишет А.П. Павлову письмо, наполненное оптимизмом за судьбу станции, в нем нет личной тревоги. В письме звучит благодарность А.П. Павлову, за его добрые вести (письмо А.П. Павлова к А.Ф. Слудскому не обнаружено), отрегулировавшие многие проблемы, изложенные А.Ф. Слудским в предыдущем письме от 7 августа 1917 г. «Ваши добрые вести меня просто потрясли: я так привык за последнее время ко всяким недобрым вестям, что вести добрые звучат для меня как голос с другой планеты, — восторженно восклицает А.Ф. Слудский в начале письма. — И из всех вестей, конечно, выше и ценнее всех — известие о выходе выпуска Трудов. Вы не можете представить себе, как я боялся за этот выпуск!... Если бы наш выпуск не вышел, то это был бы такой удар, последствие которого трудно учесть. Поэтому известие о выходе выпуска для меня звучит как самая радостная весть о чудесном спасении близкого человека. Только с этого момента существование станции получает некоторый аргумент... И я счастлив сейчас за Терентия Ивановича. Это начало его оправдания на суде истории. Нам с вами, верующим в начатое им дело, такого реально ощущаемого оправдания, быть может, и не нужно. Но вы знаете, сколько было неверующих!»¹⁹.

В этих словах сконцентрировано главное — станция существует, усилия по ее созданию не напрасны, идеи Т.И. Вяземского начинали воплощаться в жизнь. Станция

стала более известна в научном мире именно по первому выпуску Трудов. Он был издан в 1917 г. в Москве под редакцией И.А. Каблукова и А.Ф. Слудского и сохранился во многих библиотеках бывшего СССР. В литературе о природе Карадага и истории станции, как правило, встречаются ссылки на этот выпуск²⁰.

Станция прошла сложный, противоречивый, тернистый путь развития. Менялись ее названия и подчиненность различным организациям. В 1928 г., после того как А.Ф. Слудский покинул станцию, она, вопреки первоначальному замыслу, стала узкоспециализированной, биологической, имя создателя станции из ее названия исчезло. Книги частной коллекции Т.И. Вяземского по геологии, археологии, истории, сельскому хозяйству и другим областям науки, в связи с биологическим профилем работ, оказались невостребованными и в 1930–1960-е гг. были переданы в различные библиотеки Крыма.

В 1980-е гг. в отношении станции (в то время Карадагский филиал Института биологии южных морей Национальной Академии наук Украины — КФИНБЮМ НАНУ) и Карадагского заповедника, созданного на базе станции в 1979 г., стали возникать центробежные силы, направленные на выделение заповедника в качестве самостоятельного юридического лица. В 1990-е гг. начались кризисные, а порой катастрофические процессы в украинской науке. Все это привело к тому, что в 1997 г. преемник станции — КФИНБЮМ НАНУ был необоснованно закрыт и единоличной научной организацией на Карадаге стал заповедник. Вместе с тем, была возможность сохранить и станцию, и заповедник! Выразим надежду, что станция временно прекратила свое существование. Подчеркнем, что заповедник нельзя считать правопреемником станции, поскольку его назначение — всего лишь небольшое дополнение к тем задачам фундаментальной науки, которые могла бы решать станция.

В наше время годом основания станции считается 1914 г., когда ее строительство было завершено. После 1997 г. по инерции, в 1999, 2004 и 2009 годах отмечались юбилеи уже несуществующей станции. Впрочем, парадоксальность указанных событий свидетельствует о жизнеспособности идеи по созданию станции, о незабытых годах ее деятельности. В 2014 г. намечается очередной — 100-летний юбилей станции, которой нет. Пока существует лишь ее условный образ, напоминающий нам, что воссоздание станции так же актуально, как и сто лет назад. Суд истории оправдал правомерность создания и деятельности станции. Оправдает ли он ее утрату? Тема, связанная с закрытием станции в 1997 г., достаточно интересна и требует отдельного исследования, выходящего за рамки этой статьи.

Кратко коснемся составной части станции — частной книжной коллекции Т.И. Вяземского. Положительные изменения произошли в 2001 г., когда коллекции был придан статус национального достояния Украины. Однако в качестве мемориальной она пока не выделена, каталогизация фондов не проведена, планомерные библиографические исследования не ведутся. Такое положение вполне объяснимо, поскольку коллекция входит в состав Карадагского заповедника, в природоохранные и прикладные научные задачи которого не вписывается книжное дело. Логично предположить, что признание за библиотекой Т.И. Вяземского статуса национального достояния Украины может оказаться стимулом в воссоздании станции, для деятельности которой и были предназначены книги.

Вернемся к письму А.Ф. Слудского. Он радуется другим добрым вестям. Так, А.П. Павлов выхлопотал ему командировку в Москву. Но А.Ф. Слудский не решается ехать, справедливо мотивируя свое решение тем, что Карадаг он не может оставить на зимний период, поскольку В.Н. Вучетичу «не дано (и он сам это понимает)

той выдержки и хладнокровия, которая необходима сейчас для общего ведения всего дела»²¹.

Далее А.Ф. Слудский благодарит А.П. Павлова за согласие быть редактором второго выпуска Трудов станции²². Выпуск вышел в 1918 г. в Феодосии под редакцией А.П. Павлова и А.Ф. Слудского²³. Он сообщает о пребывании на Карадаге Н.Ф. Чарновского и о его доброжелательном отношении к делам станции: «...большой здравый смысл и деловое направление мыслей дают нам надежду видеть в нем очень ценного сотрудника»²⁴. Надо полагать, что Н.Ф. Чарновский проявлял деятельную заботу о станции. Весьма неблагоприятные события в стране не помешали ему приехать на Карадаг летом 1917 г. В отдельной статье мы планируем раскрыть взгляды ученого на организацию науки на станции, тем более, что имя его замалчивалось десятилетиями в связи с тем, что он был несправедливо осужден по делу Промышленной партии, а в 1938 г. расстрелян.

В последнем, пятом письме от 02 ноября 1917 г. А.Ф. Слудский сообщает, что «общее брожение дошло и до нашего края». Ему бы надо выехать в Москву для встречи с А.П. Павловым, но он не решается: «Я боюсь или застрять в дороге, или застрять в Москве»²⁵. Он понимает меру своей ответственности в отношении сохранения станции: «...мое место при каких бы то ни было “исторических событиях” как теперь называют всякое безобразие — на Карадаге»²⁶.

А.Ф. Слудский подробно пишет об энтомологе Владимире Афанасьевиче Караваеве (1864—1939), который появился на Карадаге в начале октября 1917 г. Выяснилось, что он не только известный ученый и путешественник, но и крупный помещик Киевской губернии. В своем имении он создал энтомологическую лабораторию. Опасаясь разгрома имения, планировал перевезти коллекции в Крым. А.Ф. Слудский предложил ему, на определенных условиях, оборудовать лабораторию на станции. Руководство Общества Леденцова поддержало инициативу А.Ф. Слудского. Желая знать мнение А.П. Павлова, он сообщает: «Мне чувствуется, что в лице Караваева станция может приобрести очень ценного сотрудника...»²⁷. Карадагская станция действительно приобрела в лице В.А. Караваева нужного и ценного сотрудника. К работе он приступил в 1918 г, но проработал недолго, уже весной 1919 г. уехал в Киев и в июне приступил к работе в Зоологическом музее Академии наук Украины. Вся его дальнейшая работа была связана с музеем, куда он и поместил свои зоологические коллекции²⁸.

«Письмо настолько затянулось, — пишет в завершение А.Ф. Слудский, — что приходится кончать его, чтобы не задерживать отсылкой, хотя еще далеко не все написано, о чем я хотел Вам написать. Оставляю до другого раза»²⁹.

Нам неизвестно, пришлось ли А.Ф. Слудскому продолжать переписку с А.П. Павловым. Пять лет, до осени 1922 г., директор станции А.Ф. Слудский, его жена Елена Николаевна Слудская (1890—1970), В.Н. Вучетич и немногочисленные сотрудники безвыездно находились на Карадаге. Авторитет А.Ф. Слудского как ученого и руководителя был достаточно высок, с его мнением в защиту имущества станции считались все власти в Крыму.

Благоприятное время наступило только в конце 1922 г. Станция вошла в состав Московского общества испытателей природы, возобновились научные исследования.

Позади пять тяжелейших лет, о которых достаточно объективно сообщила газета «Красный Крым» в январе 1923 г.: «Условия существования станции за последние пять лет Гражданской войны были исключительно тяжелы. Предоставленная самой себе, при постоянной смене правительств, станция вынесла все ужасы Гражданской

войны — жесточайший голод, бандитизм и т.п. Тем не менее, благодаря особому героизму заведующего станцией профессора А.Ф. Слудского и других его семи сотрудников, сохранены все научные и культурные ценности станции... Весь персонал станции, не получая никакого содержания в течение нескольких лет, дошел до такого состояния, что без немедленной поддержки со стороны государства неспособен к дальнейшей работе, а он заслужил эту поддержку, сохранив громадной важности государственные ценности...»³⁰.

А.Ф. Слудский в начале революционных событий 1917 г. решил остаться на Карадаге ради сохранения станции. Письма к А.П. и М.В. Павловым отражают формирование меры ответственности перед идеей Т.И. Вяземского, перед обществом, а прежде всего перед собой, позволившей сохранить станцию, сохранить научное знание на Карадаге.

Автор приносит искреннюю благодарность научному сотруднику Архива РАН Наталье Викторовне Литвиной за ценные советы, высказанные при написании статьи.

- ¹ *Бачинский А.И.* Николай Алексеевич Умов // Временник Общества содействия успехам опытных наук и их практических применений им. Х.С. Леденцова, состоящего при императорском Московском университете и императорском Московском техническом училище. М., 1915. Вып. 1. С. 43–44.
- ² Подробнее о библиотеке Т.И. Вяземского и истории станции см.: *Михаленок Д.К., Лапченко В.Ю.* Библиотека доктора медицины Т.И. Вяземского // Каталог старопечатных изданий. Русские книги гражданской печати (1760–1825) библиотеки Т.И. Вяземского Севастополь, 2008. С. 8–83.
- ³ Архив РАН. Ф. 311. Оп. 2. Д. 227. Л. 1–1 об.
- ⁴ Там же. -Л. 1 об.
- ⁵ Там же. Л. 4–4 об.
- ⁶ Там же. Л. 4 об.
- ⁷ Там же. Л. 2 об.
- ⁸ Там же. Л. 3.
- ⁹ Там же. Л. 3 об.
- ¹⁰ Там же. Ф. 48. Оп. 2. Д. 98. Л. 7–7 об.
- ¹¹ Там же. Л. 10–10 об.
- ¹² Там же. Л. 8–8 об.
- ¹³ Там же. Л. 9.
- ¹⁴ Там же. Д. 96. Л. 1.
- ¹⁵ Там же. Л. 1–1 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 1 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 2–2 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 3.
- ¹⁹ Там же. Д. 98. Л. 4–4 об.
- ²⁰ Труды Карадагской научной станции имени Т.И. Вяземского. Вып. 1. М., 1917.
- ²¹ Архив РАН. Ф. 48. Оп. 2. Д. 98. Л. 5.
- ²² Там же. Л. 5 об.
- ²³ Труды Карадагской научной станции имени Т.И. Вяземского. Вып. 2. Феодосия, 1918.
- ²⁴ Архив РАН. Ф. 48. Оп. 2. Д. 98. Л. 6.
- ²⁵ Там же. Л. 12.
- ²⁶ Там же. Л. 12 об.
- ²⁷ Там же. Л. 14.
- ²⁸ *Парамонов С.Я.* В.О. Караваев // Збірник праць зоологічного музею. 1941. № 24. С. 3–8.
- ²⁹ Архив РАН. Ф. 48. Оп. 2. Д. 98. Л. 15 об.
- ³⁰ *Галустьян О.* О Карадагской научной биологической станции // Красный Крым. 1923. № 5(630). С. 3.

Концепция научной коллекции в каталогах Минерального кабинета Кунсткамеры XVIII в.

Статья представляет один из эпизодов исследования раннего периода истории Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН, образованного из Минерального кабинета Кунсткамеры. Она посвящена обзору выявленных источников, связанных с коллекцией Кристофа Готтвальда — первым минералогическим собранием, поступившим в Кунсткамеру в 1716 г. и к моменту выхода первого каталога Кунсткамеры¹ продолжающим составлять количественную основу Минерального кабинета. Главные результаты исследования: определен печатный источник рукописного каталога Музея Готтвальда из Архива Минералогического музея им. Ферсмана РАН; определена дата аукциона в Гданьске, на который был выставлен на продажу Музей Готтвальда; приведены данные об авторстве каталогов Музея Готтвальда, о коллекционерах, собравших музей — отце и сыне Готтвальдах. Показано принципиальное различие концепций минералогической коллекции Музея Готтвальда и Минерального кабинета Кунсткамеры.

Данное исследование было начато работой по сравнению систем описания в трех «минеральных» каталогах Кунсткамеры XVIII в. (Минеральном каталоге Гмелина—Аммана—Ломоносова, Каталоге Лемана и Каталоге Георги) — и Каталоге Готтвальда²; первые атрибуции образцов собрания Минерального Кабинета Кунсткамеры по описаниям Минерального каталога и Каталога Готтвальда были проведены в 2010 г.³

В архиве Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН хранится рукописная опись Музея Готтвальда (*Gottwaldianum museum*)⁴. Эта рукопись хорошо известна исследователям истории Минералогического музея начиная с XIX в. Сейчас мы с уверенностью можем утверждать, что опись *Gottwaldianum museum* — это рукописный вариант аукционного каталога Музея Готтвальда 1714 г., напечатанного в 1/8 листа⁵, структура каталога и описания образцов коллекции совпадают⁶.

Также можно указать на точную дату аукциона в Гданьске, где был выставлен на продажу Музей Готтвальда. Напомним, что в отечественной литературе, видимо, вслед за И. Шумахером⁷, год покупки «минерального кабинета доктора Готтвальда» традиционно указывают как 1716. Между тем есть свидетельства в источниках о его покупке в 1714 г.⁸

Из переписки гданьского ботаника Иоганна Филиппа Брейна (*Johann Philipp Breune*, 1680—1764) и английского натуралиста Ганса Слоана (*Hans Sloane*, 1660—1753) мы узнаем о том, что в начале 1714 г. доктор Брейн послал в Лондон два экземпляра аукционного каталога Музея Готтвальда — для Ганса Слоана и Джеймса Петивера⁹. В ответном письме Слоана сказано, что на титульном листе аукционного каталога была проставлена дата аукциона, на котором распродавалась коллекция Готтвальда¹⁰. Найти эти два каталога оказалось просто — к счастью, они сохранились в собрании Британской библиотеки.

На экземпляре с рукописной подписью имени Брейна наверху титульного листа дата читается чуть хуже, на втором экземпляре — вполне ясно: 9. Aprilis. На обоих ка-

талогах надписи сделаны рукой Брейна, что очевидно, если сравнить их с рукописью письма, которое сопровождало отправку каталогов.

Здесь же необходимо привести разъяснение датировки 15 марта 1714 г. на письме Слоана Брейну, в котором об аукционе, который, следуя обнаруженной нами надписи, мы датируем 9 апреля 1714 г.), упоминается как о событии, давно прошедшем¹¹. Это расхождение объясняется разницей календарей на континенте и в Англии. До 1752 г. в Англии действовал юлианский календарь, а новый год начинался 25 марта. Именно поэтому письма доктора Слоана с января по апрель датируются двумя годами. Таким образом дату 15 марта 1714/15 г. (как указано в рукописном источнике) следует читать как 26 марта 1715 г. (разница юлианского и григорианского календарей для XVIII в. составляла 11 дней).

Существенным для интерпретации коллекции Кристофа Готтвальда является вопрос об авторстве описаний в каталогах Музея Готтвальда. Здесь нужно привести некоторые важные уточнения.

Существуют по меньшей мере три разных версии печатного Каталога Музея Готтвальда, представляющие разные части коллекции: Аукционный каталог, в котором описана коллекция Музея Готтвальда целиком¹²; Каталог с гравюрами образцов из конхиологической, зоологической и анатомической коллекций музея без какого-либо текста¹³ — экземпляр этого каталога хранится в собрании Библиотеки Зоологического института РАН, в 1976 г. он был атрибутирован и подробно описан К.Б. Юрьевым¹⁴; и переиздание 1782 г. гравюр конхиологической коллекции Каталога Музея Готтвальда¹⁵. К последнему изданию книготорговец Распе заново отпечатал гравюры с медных досок Кристофа Готтвальда, волею судеб оказавшихся у него во владении, а текст к нему на немецком языке написал немецкий теолог и конхиолог Иоганн Самуил Шрертер (Johann Samuel Schröter, 1735—1808); также известно, что к 43 из 49 иллюстраций использовались описания старшего Готтвальда, не публиковавшиеся при его жизни¹⁶.

Гравюры Каталога анатомических и конхиологических коллекций Музея Готтвальда¹⁷ были опубликованы без поясняющего текста, но позже в ряде источников XVIII в. появляются подписи к ним. К.Б. Юрьев ссылается на библиографа Кобреса¹⁸, но существует и более ранний источник¹⁹, и дополнения к нему²⁰. Эти же подписи можно прочесть в рукописных пометах на «страсбургском» экземпляре Каталога Готтвальда (хранение — L'Université Louis Pasteur de Strasbourg).

В одном из писем Г. Слоан дает совет И.Ф. Брейну публиковать Каталог анатомических и конхиологических коллекций²¹ с имеющимися подписями к гравюрам (вероятно, оставленными Кристофом Готтвальдом) «как есть», без исправлений — хотя они, по его мнению, и не хороши²². Из письма очевидно следует, что Брейн готовил к изданию этот каталог. Однако обратим внимание, что письмо написано в марте 1715 г. — это означает, что в то время альбом еще не был издан. В итоге доктор Брейн все-таки выпустил Каталог анатомических и конхиологических коллекций без этих подписей.

После смерти младшего Готтвальда, Иоганна Кристофа, другой знаменитый уроженец Гданьска, Даниэль Готтлиб Мессерршмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt, 1685—1735), разбирал многочисленные записи старшего Готтвальда и помогал ему в этом доктор Брейн. Источники утверждают, что подписи к гравюрам анатомических и конхиологических коллекций были сделаны старшим Готтвальдом, оставлены в рукописи и не были опубликованы²³. Очевидно, именно из них и были составлены короткие подписи к гравюрам в этом альбоме, позже опубликованные.

Не вполне ясно, кто был автором описаний в аукционном каталоге Музея Готтвальда²⁴. Барон Цорн пишет: «Описание этого музея (имеется в виду Музей Готтвальда. — *Д.Н.*) сделал тоже Брейн — действительно хорошее, которое приняли как опись. Это описание в 1716 году форматом в одну восьмую листа было напечатано в Данциге, но его все равно трудно достать. Тут в Данциге я знаю только одного господина... у которого есть эта опись. Она сделана по шкафам и очень короткая»²⁵. Однако выносить суждения об авторстве Брейна в отношении аукционных описаний нужно с осторожностью. Имя Брейна не указано на титульном листе каталога, есть рукописная надпись с его именем на экземпляре, переданном им доктору Слоану, но к сожалению, она частично утрачена. Составлен ли каталог из описаний старшего и младшего Готтвальдов, сохранившихся в рукописях или на этикетках, а работа Брейна состояла в соотнесении готовых описаний с образцами и их местом хранения в том или ином шкафу и ящике (или, говоря современным музейным языком — «сверке»)? Либо Брейн сам описал собрание? Пока это не известно.

Обращает на себя внимание тот факт, что барон Цорн указывает год издания Аукционного каталога (и, соответственно, проведения аукциона) — 1716. Мы вновь — уже не в российских, а в европейских источниках — сталкиваемся с расхождением данных о годе покупки коллекции Готтвальда — 1714 или 1716. Однако переписка между натуралистами Брейном и Слоаном 1713–1714 гг. и наличие Аукционного каталога с проставленной рукой Брейна датой торгов 9 апреля 1714 г., посланного Г. Слоану вместе с письмом от 30 января 1714 г. дает нам твердые основания утверждать, что Аукционный каталог был издан (и надо полагать — аукцион был проведен) в 1714 г. Для Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН, традиционно отсчитывающего свою историю с года покупки в Кунсткамеры коллекции доктора Готтвальда, эти подробности существенны.

Как часто бывает, больше всего о музейном собрании могут рассказать обстоятельства жизни самих коллекционеров — старшего и младшего Готтвальдов. Доктор Кристоф Готтвальд из Гданьска (Christoph Gottwald, Christophorus Gottvaldt, 1636–1700) положил начало коллекции, которую его сын Иоганн Кристоф (Johann Christoph Gottwald, 1670–1713) сохранил и дополнил. Кристоф Готтвальд учился медицине и естественным наукам в Страсбурге и Лейдене (в Лейдене 1662 г. он защитил диссертацию и стал доктором медицины), имел высокую научную репутацию среди современников, и к концу жизни, в 1698 г., стал членом знаменитой немецкой академии Леопольдина.

В Лейденском университете Кристоф Готтвальд был учеником и ассистентом Фрициска Сильвиуса де ле Боэ (Franciscus Sylvius, François Du Bois, Franz De Le Voë, 1614–1672), что сразу отсылает нас к определенной научной традиции и показывает специфику идей, которые окружали молодого ученого. Франциск Сильвиус — голландский врач, физиолог, анатом и химик, последователь Парацельса и один из главных основоположников школы ятрохимии в медицине. Ятрохимики (в отличие от ятрофизиков) объясняли болезни химическими причинами, особое внимание уделяя применению в составе лекарств химических препаратов (в том числе минералов), и, соответственно, знанию химии. Сильвиус сформулировал основные положения ятрохимии и открыл при Лейденском университете химическую лабораторию. Его лекции посещали Рене Декарт и Фредерик Рюйш, позднее придумавший уникальную технологию консервации анатомических препаратов (коллекции Рюйша были куплены Петром в Кунсткамеру в 1717 г.).

Младший Готтвальд — Иоганн Кристоф — тоже был врачом. Он вписал свое имя в историю медицины лучшим из дошедших до нас описанием гданьского эпизода

«великой северной чумы»²⁶, английский сокращенный перевод сочинения Готтвальда был издан в журнале Лондонского королевского общества²⁷ через два года после его публикации на немецком.

Сочинение Готтвальда не случайно ценилось современниками — молодой врач наблюдал эпидемию в Гданьске с самого начала и до конца, не покидая зараженный город и не прекращая лечить больных, даже когда от болезни умерла его шестилетняя дочь, и переболели он сам и его жена. Иоганн Кристоф не только подробно перечисляет обстоятельства эпидемии — с марта по декабрь 1709 г. город потерял из 50 тыс. жителей половину — 24 533 человек²⁸, но и описывает состав медицинских препаратов, применявшихся для лечения.

В указанном сочинении неоднократно упоминаются ингредиенты для лекарств, и здесь исследователь минералогической коллекции Готтвальдов обратит внимание на названия, знакомые и по описи коллекции Готтвальда, и по Минеральному каталогу Кунсткамеры. Это безоары, соединения сурьмы, кораллы, раковины, различные земли, янтарь, гематит... Составить список «лекарственных» минералов здесь невозможно, наряду с конкретными названиями Готтвальд пишет и о «различных минералах» и «драгоценных камнях», иными словами, любые «минералы» в его сочинении — лекарственные.

В минералогической коллекции Готтвальдов, если о ней судить по аукционному каталогу, большую часть занимало золото и серебро, и, по-видимому, янтари, а также драгоценные камни и «медицинские» земли. Кроме того, есть отдельный раздел для камней, извлеченных из внутренних органов человека и животных. Наличие последних только отчасти можно объяснить анатомическими занятиями Готтвальдов — они служили не напоминанием о когда-то проведенных операциях и вскрытиях, а сами были ингредиентами для лекарств. Например, камень Кобра дель капелло и безоары использовались в медицине как противоядие²⁹.

Конечно, объяснять и трактовать естественнонаучные коллекции медиков как вызванные к жизни исключительно практическими целями было бы упрощением. Однако этот нюанс — медицинское значение минералогических «экспонатов» для того времени — представляется важным. Это не *любительская минералогическая*, а *профессиональная медицинская* коллекция минералов, по которой можно изучать ятрохимический период в развитии европейской медицины и становление минералогии как науки.

Что происходит с коллекцией дальше? Даже беглый взгляд позволит нам сразу заметить несколько наиболее ярких образцов из Музея Готтвальда, а также «медицинские» следы в Минеральном каталоге: множество «лекарственных» земель, «камень, де кобра де капелло называемый», «камень найден в правой почке короля польского Иоанна III по его смерти», многочисленные безоары («безоары» в русском переводе Минерального каталога). Также в Минеральном каталоге есть отсылка к римскому медику Диоскориду, а в «Слове о пользе химии» М.В. Ломоносов показывает и свое знакомство с ятрохимической традицией: «... [химией] не токмо из разных трав, но и из недра земного взятых минералов приуготовляются полезные лекарства»³⁰.

Но обратим внимание на «пограничное» положение этих образцов в Минеральном каталоге — в начале и в конце каталога — факт, очевидно указывающий на их «пограничное положение» в самом царстве минералов³¹. В следующих двух каталогах этот акцент проявлен еще ярче: подобные образцы смещаются к последнему классу «Системы минералогии» в Каталоге Лемана, а затем описываются и вовсе отдельно от остальных (в 1786—1789 гг. в Кунсткамере был составлен отдельный каталог

окаменелостей — Зуева). Из «медицинской» коллекции минералов собрание постепенно становится минералогическим.

Очевидны две научные традиции, в русле которых формировалась минералогия: к одной принадлежит Каталог Готтвальда, другой — Минеральный каталог 1745 г. и последующие. На это прямо указывает горный советник Генкель в своем письме И.А. Корфу: «...Ваше Высокоблагородие изволите требовать от меня, чтобы я... предложил искуснаго и в *горном деле сведущаго химика*... ни тут, ни в другом каком-либо месте, не знаю человека, который соединял бы в себе означенныя свойства... химики редко настолько сведущи и искусны, чтобы имели основательные, разнообразные и удовлетворительные познания во всех минералах и горных породах... в университетах нет, да и не знают достаточно числа минералов... В горных же городах занимают, по старому заведенному порядку, одним только пробирным искусством»³².

Мы знаем, что именно таким человеком — совмещавшим в себе знания и навыки химика и металлурга, должен был стать молодой Ломоносов после его обучения за границей. России требовались исследователи нового типа: «Поводом к отправлению его (М.В. Ломоносова. — *Д.Н.*) за границу послужила Камчатская экспедиция»³³. Формируется коллекция нового типа — и новой, только зарождавшейся между химией и горным делом, академической науки — минералогии. Минеральный кабинет представлен в Минеральном каталоге уже не как собрание курьезов и редкостей, или коллекция минералов, применяемых для приготовления лекарств, а, скорее, как коллекция «рабочих материалов», используемых учеными в фундаментальных исследованиях.

Еще одна особенность Минерального каталога 1745 г. отличает его и от последующих описаний Минерального кабинета XVIII в., и от Каталога Готтвальда. Очевидна дидактическая направленность сочинения: читателя учат не только различать детали, характерные для того или иного минерала, но и прививают новый тип зрения — взгляд специалиста. Вместе с тем сочинение обращено к человеку, хотя и просвещенному, однако еще не минералогу (описания и сравнения, как правило, отсылают к области обыденного знания: «руда, фигурую как горох», «толщиной с гусянье перо», «величиной с половину простого ореха», «величиной с чечевицу»). Это доверие к читателю — будто готовому увлечься, а потом и всерьез посвятить свою жизнь минералогии — одна из самых обаятельных особенностей Минерального каталога. В более поздних каталогах Минерального кабинета Кунсткамеры — Каталоге Лемана³⁴ и Каталоге Георги³⁵ этот подход полностью исчезает, описания в них лаконичны и «стандартны», как бы «закрыты» для непосвященных. Так постепенно на всем протяжении XVIII в. Третье царство природы — царство минералов — выстраивает свои границы, а первый российский минералогический музей — начиная с небольшой коллекции Минерального кабинета Кунсткамеры и до одного из крупнейшего в мире минералогического собрания — абрис и структуру своей коллекции.

Автор благодарит всех, чья помощь и консультации сделали возможным данное исследование: академика и директора ИЛИ РАН Н.Н. Казанского и зав. сектором Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова, д. филол. наук А. И. Любжина — за помощь в прочтении латинских источников; члена-корреспондента и старшего научного сотрудника ИРЛИ РАН С.И. Николаева за библиографические консультации; руководителя отдела Словарь языка М.В. Ломоносова ИЛИ РАН С.С. Волкова — за консультации по некоторым источникам XVIII в., научного сотрудника ИЛИ РАН К.Н. Лемешева — за помощь в поиске литературы и архивных документов; истори-

ка науки Д. Маргочи (D. Margócsy, Assistant Professor, Department of History, Hunter College, City University of New York) за разъяснения, касающиеся датировки письма Ганса Слоана; слависта С. Хэнсен (S. Hänsgen, Humboldt Universität zu Berlin, Slavic Studies), а также мою подругу и журналиста Н.М. Попову — за переводы немецких источников; искусствоведа А.А. Григоренко за помощь в прочтении польских источников; историка искусства Ю.А. Никича-Криличевского за содействие в получении важных материалов.

- ¹ *Catalogus mineralium // Musei Imperialis Petropolitani Vol. 1, Ps.3: Qua continentur res naturalis ex regno minerali.* СПб: Typis Academiae scientiarum Petropolitanae, 1741–1745. Vol. 1. Ps. 3. 1745.
- ² *Новгородова Д.Д.* Три каталога из Архива Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН // Новые данные о минералах. Вып 46. М., 2011. С. 114–123.
- ³ *Новгородова Д.Д.* Флорентийская мозаика «Минерального каталога» в собрании Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН // Словарь языка М.В. Ломоносова. Материалы к словарю. Вып. 5. Словарь-справочник «Минералогия М.В. Ломоносова». СПб., 2010. С. 131–164.
- ⁴ Первые два листа рукописи (три страницы, 64 инвентарных номера) хранятся в БАН в Санкт-Петербурге (Musaei Gottwaldiani...), переплетенные вместе с каталогом Альберта Себы (Юрьев 1976). Недатированная запись на обороте листов Каталога Готтвальда из БАН: «...все три письма оригинальные» (цит. по Юрьев 1976: 71). Автор искренне благодарит ст. науч. сотрудника Кунсткамеры Н.П. Копаневу за пересылку копии данных листов, сделавшей возможным рассмотреть Каталог Готтвальда в его целостности (Новгородова 2011).
- ⁵ *Gottwald C.* Museum Gottwaldianum, sive catalogus rerum variorum, tam naturalium, quam artificia-
lium... collectarum a... C. Gottwaldio, & J.C. Gottwaldio. quas publica auctione 1714 dividet G. Mat-
tern. Dantzig. 1714.
- ⁶ Со ссылкой на источник XVIII в. К.Б. Юрьев пишет об аукционном каталоге Музея Готтвальда (Gottwald 1714-1), что его объем был всего две с половиной страницы (очевидно прочитывая 2,5 plagg. в источнике как 2,5 pagg.), (Юрьев 1976: 72). Благодаря библиографическим разъяснениям чл.-корр. С.И. Николаева (ИРЛИ РАН) мы можем внести поправки: здесь plagg. (сокр. от лат. plagula — лист) — это указание на лист — in folio, следовательно, 2,5 листа издания форматом в одну восьмую дает нам 20 листов или 40 страниц (что совпадает с их количеством в печатном аукционном каталоге Готтвальда (20 листов с оборотами + титул), (Gottwald 1714-1).
- ⁷ Палаты Санкт-петербургской императорской Академии наук Библиотеки и Кунсткамеры с кратким показанием всех находящихся в них художественных и натуральных вещей сочиненное для охотников оныя вещи смотреть желающих. СПб., 1744.
- ⁸ *Новгородова Д.Д.* Флорентийская мозаика «Минерального каталога»...
- ⁹ *Breynius J.P.* Letter to Sir H. Sloane. Gedani. 30 Jan. 1714 // Sir Hans Sloane's Correspondence. British Library. London. Sloane MS 4043, f. 222.
- ¹⁰ *Sloane H.* Brief an Breyne. London. 15 Mar. 1714/15 // Briefe an Breyne. Forschungsbibliothek Gotha. Chart. V 788. Bl. 613r. На многих аукционных каталогах того времени принято было оставлять свободное от печати место на титульном листе для рукописного проставления дня аукциона, и в европейских библиотеках мы в изобилии найдем такие титульные листы — с вписанной от руки датой или оставшимся пустым пробелом в печатном тексте.
- ¹¹ *Margócsy D.* Northwestern University. «Refer to folio and number»: Encyclopedias, the Exchange of Curiosities, and Practices of Identification before Linnaeus // Journal of the History of Ideas. 2010. Vol. 71. № 1. P.63-90.
- ¹² *Gottwald C.* Museum Gottwaldianum, sive catalogus rerum variorum...
- ¹³ *Gottwald C.* Museum Gottwaldianum continens tabulas mutas quarum anatomicae sexaginta & una, conchyliologicae quadraginta & novem, aliaque corpora marina experimentes, sculptae et ad edendum jam paratae. Gedani. 1714.
- ¹⁴ *Юрьев К.Б.* Христофор Готтвальд, его коллекция и книга // Рукописные и редкие печатные книги в фондах Библиотеки АН СССР: сборник научных трудов. Л., 1976. С. 67–74.
- ¹⁵ *Schröter J.S.* Musei Gottwaldiani testaceorum, stellarum marinarum et coralliorum. Musei Gottwaldiani testaceorum, stellarum marinarum et coralliorum quae supersunt tabulae. Die Conchylien, Seesterne und Meergewächse der ehemaligen Gottwaldtischen Naturaliensammlung; nach den vorhandenen neun und vierzig Kupfertafeln mit einer kurzen Beschreibung begleitet [...]. Nuremberg. 1782.
- ¹⁶ *Maton W.G., Rackett T.* An Historical Account of Testaceological Writers // Transactions of the Linnean Society of London. Vol. VII. L., 1804. P. 119–244.
- ¹⁷ *Gottwald C.* Museum Gottwaldianum continens tabulas mutas...

- ¹⁸ *Cobres J.P. Deliciae Cobresianae. J.P. Cobres Büchersammlung zur Naturgeschichte. 2 vols in one. Vol. 2. Augsburg. 1782. P. 805–811.*
- ¹⁹ *Berlinische Sammlungen zur Beförderung der Arzneywissenschaft, der Naturgeschichte, der Haushaltungskunst, Cameralwissenschaft und der dahin einschlagenden Litteratur. 5 Bd. Berlin, 1773. 307–313.*
- ²⁰ *Berlinische Sammlungen zur Beförderung der Arzneywissenschaft, der Naturgeschichte, der Haushaltungskunst, Cameralwissenschaft und der dahin einschlagenden Litteratur. 6 Bd. Berlin, 1774. 661–663.*
- ²¹ *Gottwald C. Museum Gottwaldianum continens tabulas mutas...*
- ²² *Sloane H. Op. cit.*
- ²³ *Zorn v. Plobsheim, F.A. Freiherr v. Noch einige und verbesserte Nachrichten, das Musaeum Gottwald. betreffend // Berlinische Sammlungen zur Beförderung der Arzneywissenschaft, der Naturgeschichte, der Haushaltungskunst, Cameralwissenschaft und der dahin einschlagenden Litteratur. 6.Bd. S. 659.*
- ²⁴ *Gottwald C. Museum Gottwaldianum, sive catalogus rerum variorum...*
- ²⁵ *Zorn v. Plobsheim, F.A. Freiherr v. Op. cit. S. 659–660.*
- ²⁶ *Gottwald J.C. Memoriale Loimicum, Oder Kurtze Verzeichnüß, Dessen, Loimicum Was in der Königl. Stadt Dantzic, bey der daselbst Anno 1709. heftig graßirenden Seuche der Pestilentz, sich zugetragen, Nach einer Dreyfachen Nachricht, aus eigener Erfahrung aufgesetzt und beschrieben. Danzig, 1710.*
- ²⁷ *Gottwald J.C. An Abridgement of a Book Intitl'd, A Description of the Plague, Which Happened in the Royal City of Dantzick, in the Year 1709. Written in High-Dutch by Dr. John Christoph. Gottwald, and Communicated by Dr. Joh. Phil. Breynius, as the Best Account of That Distemper There Publish'd. Translated by C.J. Sprennell // Philosophical Transactions (1683–1775). 1712. Vol. 28. P.101–144.*
- ²⁸ *Gottwald J.C. An Abridgement of a Book Intitl'd, A Description of the Plague, Which Happened in the Royal City of Dantzick, in the Year 1709. Written in High-Dutch by Dr. John Christoph. Gottwald, and Communicated by Dr. Joh. Phil. Breynius, as the Best Account of That Distemper There Publish'd. Translated by C.J. Sprennell // Philosophical Transactions (1683–1775). 1712. Vol. 28. P.107.*
- ²⁹ *Hübner J. Curieuses Natur-Kunst-Gewerck- und Handlungs-Lexicon. Leipzig, 1712.*
- ³⁰ *Ломоносов. М.В. Слово о пользе химии, в публичном собрании императорской Академии наук сентября 6 дня 1751 говоренное Михаилом Ломоносовым // М.В. Ломоносов. Избранные философские произведения. М., 1950. С. 171.*
- ³¹ *Описания в минеральных каталогах Кунсткамеры XVIII в. строились согласно принятой Системе минералогии, отражающей, в свою очередь, представления о порядке и устройстве третьего царства Природы – Царства минералов (Новгородова 2011).*
- ³² *Генкель И.Ф. Письмо горного советника Генкеля к бар. Корфу, от 1 февраля (24 января) 1736 г. // Сборник материалов для истории Императорской академии наук в XVIII веке. Издал А. Куник. Часть I. Материалы для биографии М.В. Ломоносова, с 1736 по 1741 год. СПб., 1865. С. 225–226.*
- ³³ *Куник А.А. Об отношениях Ломоносова к Третиakovскому по поводу Оды на взятие Хотина // Сборник материалов для истории Императорской академии наук в XVIII веке. Издал А. Куник. Часть I. С. VIII–LVI.*
- ³⁴ *Архив Минералогического музея им. А.Е. Ферсмана РАН. 1766. Д. 17. 166 л.*
- ³⁵ *Там же. Д. б/н. 50 л.*

Из опыта подготовки изданий по истории освоения Баренцева Евро-Арктического региона в XX в.

Хроника эпохи освоения Баренцева Евро-Арктического региона, неразрывно связанная с деятельностью Российской академии наук, хранит в анналах исторической памяти бесчисленные документные свидетельства научных исследований. Знания, накопленные учеными Академии наук в экспедиционных предприятиях в северные окраины России, откладываются в хранилищах Архива РАН вот уже в течение 285 лет. Часть этого бесценного документального наследия представлена в Научном архиве Кольского научного центра Российской академии наук (НА КНЦ РАН). Обширная информационная база научных данных и материалы по истории научных исследований в Баренц-регионе в XX в. формировались в течение более чем 80-летней истории Кольского научного центра, начиная с созданной Хибинах в 1930 г. академиком А.Е. Ферсманом Хибинской исследовательской горной станции Академии наук (ХИГС). Ее рождение напрямую связано с организацией планомерных научных исследований Академии наук на Кольском полуострове в 1920–1930-е гг., увенчавшихся промышленным освоением Европейского Севера в XX в.

В горниле первой советской пятилетки вырос первенец промышленности в Хибинах — трест «Апатит» (1929), родился первый социалистический город Советского Заполярья — Хибиногорск (1931), у подножия Хибин появилось первое региональное стационарное учреждение Академии наук (1930).

Сегодня Кольский научный центр РАН позиционируется как крупнейший центр академической и отраслевой науки в мировом Заполярье. Во многом благодаря его деятельности в 1930-е гг. государство получило научное обоснование для построения за считанные десятилетия высокоразвитой промышленной и социальной инфраструктуры целого ряда северных регионов.

Сама Мурманская область, 75-летие которой отмечают северяне, с промышленными городами Мурманском, Североморском, Снежногорском, Кировском, Мончегорском, Ковдором и Апатитами является высоко урбанизированным регионом (доли горожан и сельских жителей составили соответственно 93% и 7%), полностью входит в Арктическую зону — согласно утвержденной Президентом РФ 20 февраля 2013 г. «Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года»¹.

В настоящее время Север и Арктика находятся в фокусе внимания со стороны государства и общества, поскольку это — огромный океанический сектор со всеми его глобальными ресурсами, которые в других зонах мира почти исчерпаны. Более половины всей мировой нефти и газа сегодня потребляет лишь 15% населения мирового сообщества — Европа, США и Япония. Очевидно, что рано или поздно к ресурсному потенциалу российской Арктики захотят прибегнуть перенаселенные и необеспеченные ресурсами регионы — Китай, Индия, Африка. Процесс этот, по мнению ученых, Кольского научного центра РАН, должен проходить с учетом необходимо-

сти формирования инфраструктуры при добыче углеводородного сырья, в том числе путем совершенствования государственных закупок и закупок компаний с государственным участием и субъектов естественных монополий. При этом в опорные отрасли региона придут высочайшие технологии, создавая условия для инновационного прорыва во всех областях экономики и нового витка подъема в промышленности.

«Эпоха возрождения» в истории освоения российской Арктики неизбежно приводит к мысли о необходимости в осмыслении опыта академической науки на Кольском Севере. Архивный фонд Кольского научного центра Российской академии наук, сосредоточенный в фондах Научного архива КНЦ, включает документацию, отражающую научно-организационную деятельность и ход фундаментальных исследований учреждений КНЦ РАН, а также личные доку-

менты выдающихся ученых и организаторов науки на Кольском полуострове в XX в. Собранные в 1935 г. ученым секретарем КБАН СССР А.М. Оранжевой, эти материалы и сегодня представляют несомненную научную ценность не только как комплекс научных и исторических источников, но как опыт промышленного освоения Европейского Севера, представленный во всей полноте эволюционного процесса — от подготовки управленческих, научно-технических решений и научных результатов до внедрения в практику пионерного опыта освоения и заселения Севера в XX в. Этот опыт дает нам свидетельства величайших преобразований общества и науки в России в период, когда глубокие социальные катаклизмы сопровождалась революцией в естествознании, рождением новых научных направлений. Лежавшие десятилетиями в хранилище материалы сегодня могут получить второе рождение с учетом применения современных технологий и достижений научной мысли.

Формы, методы и пути актуализации ретроспективной информации и вовлечение их в современные научные исследования могут быть различными, учитывая особенности современного этапа развития общества и проблемы, поставленные государством перед учеными.

Для решения задач реконструкции истории деятельности Академии наук в Баренц-регионе еще в 1990-е гг. в КНЦ был создан Международный центр по развитию науки, культуры и образования в Баренцовом Евро-Арктическом регионе (1995), функционирующий на современном этапе как Центр гуманитарных проблем (ЦГП) Баренц-региона КНЦ РАН. Центр был создан на базе слияния Отдела международных связей и кафедры иностранных языков КНЦ с Апатитским подразделением Географического общества СССР — Музеем-Архивом истории изучения и освоения Севера. На базе ЦГП при поддержке Президиума КНЦ РАН была разработана серия научных изданий, разных по форме, но связанных общей целевой установкой — вос-

Первое здание Хибинской горной станции АН СССР у озера Малый Вудъявр (1930 г.)

Вид на Академгородок Кольского научного центра РАН

создания истории поэтапного становления механизма взаимодействия науки и практики — государственных, партийных и хозяйственных органов управления как регионального, так и всероссийского значения на всех этапах существования Академии наук применительно к Кольскому Северу.

Чтобы наиболее достоверно и полно отразить важнейшие вехи становления региональной академической науки в условиях разных экономико-политических систем, определяемых реалиями российской действительности, была проведена историческая ревизия источниковой базы по истории КНЦ РАН. Источниковая база была выявлена и проанализирована в архивах всех уровней — как федеральных (РАН), так и региональных (МГАМО, КГАМО) и, прежде всего, Научного архива КНЦ РАН. Результатом этой многоаспектной работы явилось создание обширной информационной базы, включающей архивные документы, публикации периодических журналов и газет, являющихся ныне библиографической редкостью, документы музейных коллекций и книги из библиотек региона. В ходе археографической обработки исторические источники, имеющие политическое, социально-экономическое, культурное и научное значение, прошли экспертизу на новую ступень ценностной категории. Особое место в этой работе заняла идентификация изображений на редких фотографиях 1920—1930-х гг., что наполнило информационную базу новым содержанием.

Почин в выпуске научной серии был осуществлен через подготовку к изданию научного труда Кольской базы (КБ) АН СССР, написанного в 1936 г. ученым секретарем базы А.М. Оранжевой². Этот интереснейший документальный источник из фонда КБАН СССР обрел свое второе рождение в издании, снабженном комментариями и научно-справочным аппаратом, — «Работа Академии наук СССР и социалистическое строительство на Кольском полуострове»³.

Изучение источниковой базы привел исследователей прошлого науки к находке еще одного ценного архивного документа — стенограммы Первой Полярной конференции 1932 г.⁴

Важность и информативность этого исторического для развития региона источника определили решение о его публикации в виде отдельной книги⁵. Определенное значение в подготовке издания сыграл и социальный запрос времени — конференция 1932 г. ознаменовала новый этап развития академической науки не только в Кольском Заполярье, но и как системы, что и сегодня стоит на повестке дня ученых РАН. Иллюстрацией этой своего рода «переключки времен» являются материалы заседа-

ния участников конференции 10 апреля 1932 г., приуроченного к открытию нового здания ХИГС АН СССР. Это событие было первым шагом в создании целой системы стационарных учреждений Академии наук в отдаленных и неосвоенных районах страны. Это из них позднее выросли крупные комплексные региональные научные центры Академии наук СССР. Издание было дополнено приложением кратких обзорных статей ведущих ученых Кольского научного центра, каждая из которых представляет самостоятельное научное мини-исследование по отдельным направлениям в контексте «наука — вчера и сегодня».

Глубокое и скрупулезное изучение архивных материалов в сочетании с использованием новейшей информации позволило подготовить библиографический справочник «Ученые Кольского научного центра» и переиздать «Ученые Кольского научного центра (1930—2010)»⁶.

Особое место среди изданий, посвященных истории Кольского научного центра, по праву занимает «Летопись Кольского научного центра РАН. 1930—2010 гг.»⁷. Подготовленная к 80-летию Кольского научного центра усилиями авторского коллектива научных сотрудников, она не только отражает хронику наиболее значимых событий истории Центра (условно обозначенных «80 шагов длиной в год»), но красочно, с использованием широкого цветового диапазона иллюстраций и большого количества фотографий представляет решение проблем научного обеспечения комплексного и взаимосвязанного использования различных полезных ископаемых, биологических, энергетических и других ресурсов Кольского полуострова и смежных районов Севера. Издание Летописи стало логическим продолжением серии предыдущих научных изданий Кольского научного центра, посвященных истории исследований Российской академии наук в российском секторе Баренц-региона в XX—XXI вв.

Актуальное значение имеет подготовка серии публикаций по истории науки, базирующихся на архивных источниках, осуществляемая в периодических изданиях КНЦ РАН — «Трудах КНЦ РАН» (серия гуманитарные исследования) и в «Вестнике КНЦ РАН», посвященном Году истории, объявленном Президентом РФ в 2012 г.⁸

Подобные издания можно рассматривать как важную составляющую исторической реконструкции исследований Российской академии наук индустриальной истории Кольского Севера, в хронике событий которой история научного освоения Хибин является одной из самых ярких страниц. Не случайно следующим шагом в этом направлении стала совместная с правительством Мурманской области работа по созданию многотомного научно-справочного издания «Кольская энциклопедия», которая продолжается с 2003 г. по настоящее время. В 2008—2009 гг. вышли в свет два из запланированных четырех томов. В написании статей участвовало более 200 авторов различных культурных учреждений и научных организаций Мурманской области. На подготовку и издание «Кольской энциклопедии» было затрачено в общей сложности 13,7 млн рублей. С 2012 г. научно-издательский совет «Кольской энциклопедии» возглавило правительство Мурманской области в лице губернатора Марины Ковтун. К работе над изданием привлечены представители широкой общественности — от интеллигенции до органов государственной власти Мурманской области, что существенно ускорило работу над изданием: в настоящее время третий том находится в издательстве, а четвертый размещен на компакт-диске (выпуск всех четырех томов на электронных носителях был приурочен к празднованию в мае 2013 г. 75-летия Мурманской области)⁹.

В ходе подготовки научных изданий по истории кольской науки выявились определенные сложности, в частности проблема использования ценных, но до сих пор

малодоступных исторических источников бывших партархивов КПСС, а также трудности, связанные с полноценным доступом к информации в системе архивов Академии наук. Известно, что с самого начала комплектование Архивного фонда АН было обусловлено «академической спецификой» — хранить документы, не передавая их на государственное хранение, что определило территориальную разбросанность архивных фондов из-за ведомственности и отдаленности разных учреждений, не исключая и положения в системе КНЦ РАН. Так, архивные материалы 1930—1950-х гг., отражающие деятельность ХИГС—КБАН СССР и относящиеся к истории КНЦ, отложились в фондах Научного архива КНЦ РАН не во всей полноте. Это связано с тем, что практически все документы управленческой деятельности ХИГС—КБАН СССР в этот период централизованно проходили через делопроизводство Комитета (Совета) филиалов и баз Академии наук СССР и утверждались в Президиуме АН СССР — до 1935 г. в Ленинграде, а после переезда в последующий период Президиума и большей части учреждений АН СССР — в Москве. Поэтому документы Комитета (Совета) филиалов и баз Академии наук, находящегося в Архиве Академии наук в Москве, фонд 188, более полно представляют деятельность Академии наук на Кольском полуострове за 1930—1950-е гг., чем в Научном архиве КНЦ.

Отдельно в этом ряду находятся документы личного происхождения руководителей и выдающихся научных работников ХИГС—КБАН СССР, представленные в личных фондах ученых и содержащие важные, а подчас уникальные сведения по истории кольской академической науки. Среди них особое место занимает личный фонд академика А.Е. Ферсмана, с деятельностью которого неразрывно связана история КНЦ РАН в 1930—1940-е гг., личные фонды академика Д.С. Белянкина, академика А.В. Сидоренко и других крупных ученых и организаторов науки, чьи трудовые биографии отражают географию многих регионов страны, а деятельность на Кольском Севере — лишь отчасти. Работа с такими фондами, равно как и доступ к ним сильно затруднены, и не позволяют использовать их в исторической реконструкции в полном объеме.

Доступ к документам Архива РАН сегодня становится легче благодаря современным технологиям, разработанным и внедряемым в систему архивов РАН ведущими специалистами Архива РАН в последние годы. Так, разработанное Архивом РАН специализированное программное обеспечение дает доступ к документам Архивного фонда РАН, а разработанный Архивом РАН программно-информационный комплекс «Информационная система Архива РАН» (ИС АРАН) с методикой представления пользователям архивных информационных ресурсов позволит в ближайшем будущем начать совместные проекты по разработке документального наследия учреждений Российской академии наук. Об этом говорилось на совещании ведущих архивистов Архива РАН 18 апреля 2013 г., подводя итоги которого председатель Архивного совета при Президиуме РАН член-корреспондент РАН В.П. Козлов предложил взять курс на совместную работу по созданию электронного ЦФК к Архивному фонду РАН на основе скоординированной, централизованной политики модернизации архивной отрасли РАН в целом.

Следует отметить, что Научный архив КНЦ в числе первых присоединился к проекту Архива РАН по строительству электронного ЦФК, поддержанного грантом РГНФ 14 февраля 2013 г. в рамках проекта «Создание единого справочно-информационного банка данных системы архивов Российской академии наук (Центральный фондовый каталог)»¹⁰. Думается, что это только начало — в будущем благодаря внедрению ИС АРАН (такая возможность заложена в программе) можно

будет практиковать «виртуальный читальный зал» не только через обращение в Архив РАН, но и внутри системы архивов КНЦ РАН, оцифровывая заказанные документы и открывая «шлюз» заинтересованным пользователям. В таком контексте идея «виртуального читального зала», зародившаяся в Архиве РАН еще первом десятилетии 2000-х гг. и воплощаемая им сегодня, становится особенно актуальной. Понятно, что предстоит очень большой объем работы по сканированию и оцифровке документов, и ожидать доступности «виртуального читального зала» для любого пользователя сети Интернет в ближайшем будущем не приходится. Но, с другой стороны, в рамках сотрудничества академических архивов, заинтересованных в общей интеграции ресурсов, использование в удаленном доступе через авторизацию на сайте ИС АРАН не только позволит расширить область функционального использования ИС АРАН внутри системы, но и создаст в перспективе почву для решения задач следующего этапа — в области координации академического архивного сообщества с федеральными архивными ресурсами на базе разработки совместимых программных платформ.

¹ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года / <http://правительство.рф/docs/22846/>

² НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 5. Д. 38.

³ *Оранжева А.М.* Работа Академии наук СССР и социалистическое строительство на Кольском полуострове. Апатиты, 2008.

⁴ НА КНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 9.

⁵ Первая Полярная конференция по вопросам комплексного использования Хибинской апатито-нефелиновой породы (9—12 апреля 1932 года). Апатиты, 2009.

⁶ Ученые Кольского научного центра (1930—2005). Апатиты, 2006; Ученые Кольского научного центра. 1930—2010. Апатиты, 2010.

⁷ *Петров В.П., Макарова Е.И., Саморукова А.Г., Токарев А.Д., Усов А.Ф.* Кольский научный центр. Летопись. 1930—2010. Апатиты, 2011.

⁸ Труды Кольского научного центра. Гуманитарные исследования. Вып. 1—3. 2011—2012; Вестник Кольского научного центра РАН. 2012. № 4(11).

⁹ Информационное сообщение управления информационной политики и взаимодействия со средствами массовой информации аппарата правительства Мурманской области 24 июля 2012 г. на сайте Мурманской области <http://www.murman.ru/>

¹⁰ <http://www.arran.ru/>

Региональные архивы и музеи: место в системе современных институтов памяти

В настоящее время во всем мире растет значение территориальной самобытности. Этот фактор оценивается как мощный общественно-экономический и политический ресурс. В определении самобытности главная роль принадлежит наследию как культурной ценности местного сообщества, т.е. таким аспектам прошлого, которые люди сохраняют, культивируют, изучают и передают следующим поколениям.

Региональные музеи, архивы, библиотеки — те институты памяти местного сообщества, на которые возложена функция хранения культурного наследия и включения его в современную жизнь. Одной сферой своей деятельности институты памяти обращены к прошлому, другой — к настоящему, ибо они включают и транслируют наследие, как хранимое прошлое, в современность.

Осознание своей самобытности, стремление ее развивать и транслировать расценивается как средство адаптации регионального сообщества «к бесконечному многообразию глобальных потоков», и даже как способ защиты территории «от безродной логики пространства информационных потоков». В русле этих процессов особую значимость приобретает деятельность учреждений, работающих в сфере наследия.

Для того, чтобы лучше уточнить место архивов в рамках этой деятельности, полезно будет сравнить деятельность двух видов учреждений, — архивов и музеев. Одни аспекты функционирования архивов и музеев схожи, другие настолько далеко расходятся, что выглядят буквально противоположными. Так, много общего характерно для сферы хранения источников, у архивов — письменных, у музеев — вещественных. В области учета и описания источников в практической деятельности музеев и архивов имеются некоторые различия. И совершенно различные подходы наблюдается в настоящее время в той сфере, которую архивисты традиционно называют сферой использования.

По образному выражению Л.С. Клейна, одного из российских археологов, вещественные источники не лгут, но они и не говорят правду. Чтобы эти источники заговорили, музейным работникам необходимо приложить много усилий по изучению истории предмета, разработать, совместно с художниками, концепцию выставки, усилить подачу предмета театральными эффектами и т.д. Таким образом, основным способом включения музейных источников в культурную жизнь местного сообщества будет их **изучение в целях интерпретации**. Чем интереснее — ярче, креативнее, эмоциональнее, неожиданнее — она будет для посетителей музея, тем лучше. Иногда музеи в целях привлечения посетителей идут на сознательную мистификацию — так появляются истории о привидениях, обитающих в здании музея («бывшая хозяйка», «хозяин дома», «бывшая служительница музея»), на которые мгновенно реагируют местные СМИ. В соседних сибирских городах были организованы выставки-перформансы, на которых вовсе не было музейных предметов, а были звуки и шорохи (по типу комнаты ужасов). На такие выставки, в силу неожиданности подачи материала, посетители шли толпами.

Музеи могут поддерживать недостоверные легенды, бытующие в городе, с целью сохранения к себе интереса, что, вероятно, не так уж и плохо, так как способствует развитию туризма, и, в конечном счете, процветанию данного учреждения и территории за счет принимающего туризма. Для трансляции наследия используются разнообразные трактовки событий, поэтому одни и те же предметы и коллекции в течение короткого периода времени могут подаваться на выставках с различных точек зрения, с учетом смены научных и культурных парадигм, появления новых научных теорий и т.д.

Доступ к музейным предметам законодательно не ограничен, препятствий к этому есть только три: неудовлетворительное состояние сохранности предмета, производство реставрационных работ и нахождение предмета в хранилище. В целом же можно сказать, что доступно обозрению только то, что находится на выставке или включено в постоянную экспозицию.

Предметы, находящиеся в хранилище музея, недоступны для широкой публики, в которую будут входить как непосвященные и неподготовленные («человек с улицы»), так и, зачастую, исследователи — профессионалы. Это связано с тем, что в деле изучения хранимых коллекций музей по закону имеет право первой публикации (ст. 36 ФЗ-54 «О музейном фонде РФ и музеях в РФ», 1996г.). Причем интересно отметить, что статья «Публикация музейных предметов и музейных коллекций» посвящена только одному этому моменту из всей многоаспектной деятельности в данной сфере, т.е. декларации этого права и условиям, при соблюдении которых собственники музейных предметов могут передать свое право другим лицам (разрешение на использование в коммерческих целях). На основании этой нормы закона исследователям, не работающим в данном музее, часто отказывают в доступе к коллекциям. В преобладающем числе музеев вообще отсутствуют помещения для таких целей. Для изучения «своих» коллекций сторонними силами, как правило, заключают коммерческий договор. В заключение отметим, что музей не работает с обращениями граждан и не выдает справок, имеющих юридическую силу.

Совсем другие нормы действуют в работе архивов. Согласно Конституции, гражданин имеет право на получение информации. Соккрытие архивной информации недопустимо. По закону, пользователь имеет право свободно искать и получать для изучения архивные документы. Доступ ограничен лишь к тем документам, которые содержат государственную тайну, информацию о частной жизни гражданина или его семейной тайне, или же это связано с волеизъявлением собственника, передавшего документы в архив. Других оснований в ограничении доступа не допускается. В использовании своих документов архив не имеет преимуществ перед другими пользователями. Основа работы архива в сфере использования — предоставление архивной информации. Главное правило — она должна быть **достоверной и своевременной**, т.е. должна предоставляться в установленные законодательством сроки. Толкования документов (т.е. то, что обычно подразумевается под словом «интерпретация», домысливание), недопустимы. В последние годы Росархив рекомендует региональным архивам сосредоточиться на таком социально-востребованном направлении, как работа с обращениями граждан.

В современном обществе архивная информация — не только познавательный ресурс. Все большее значение приобретает новая ее функция — она зачастую становится инструментом, при помощи которого граждане защищают свои социальные права, либо стороны отстаивают свои имущественные интересы в суде. Поэтому для большинства архивов ведущее направление деятельности связано с исполнением

роли социальных нотариусов — безвозмездного (в некоторых случаях — возмездного) официального подтверждения трудовых биографий граждан, их имущественных и прочих прав, зафиксированных в разнообразных архивных документах. Особенностью последнего десятилетия стала востребованность документов недавнего прошлого, в которых зафиксированы имущественные права и отношения работодателя и работника. В настоящее время работа архивов с обращениями граждан — основной вид деятельности. Сегодня наиболее востребованная продукция большинства государственных и муниципальных архивов — архивные справки. Ежедневно в каждом архиве из-под рук его сотрудников выходит несколько десятков документов, имеющих юридическую силу, предъявляемых в органы власти, социальной защиты, Росрегистрации, в суд. Причем за достоверность предоставленной информации архивист несет персональную ответственность.

Для работника архива важны такие качества, как объективность, беспристрастность, содействие максимально широкому доступу к документам, соблюдение баланса интересов групп пользователей при приоритете интересов национальной безопасности и уважения права гражданина на личную тайну, сопротивление любому давлению, направленному на манипулирование с документами с целью сокрытия или искажения фактов.

Подводя итог, можно сказать, что местному сообществу необходимы как архивы, так и музеи. Нельзя сказать, что кто-то из них плох, а кто-то хорош. Наверное, мы могли бы друг у друга поучиться, музеи — большей пунктуальности и точности в работе, архивы — большей креативности в тех редких случаях, когда это требуется от архивиста. Смысл сказанного сводится к тому, что деятельность архивов и музеев для местного сообщества важна, но направление использования в музеях все больше дрейфует в сторону искусствоведения (приоритеты отданы креативности, эмоциональным и интеллектуальным впечатлениям в сфере досуга), в то время как в архивах — в сторону социального нотариата (приоритеты отданы сфере доказательств).

Эти особенности важно понимать не только сотрудникам данных учреждений, но и органам власти, которые этими учреждениями управляют, т.е. в нынешней России — органам исполнительной власти в сфере культуры, в состав которых в настоящее время вошло большинство архивов. Все чаще звучит мнение, что утрата самостоятельности архивной отрасли не всегда оправдана, а ее специфика во многом остается непонятой проводниками реформ.

Документы эпохи: деловые дневники советских ученых

Появление делового дневника (тетрадей учета ежедневной работы) в 1950-е гг. как особого вида отчетно-контрольного документа в учреждениях АН СССР обусловлено несколькими объективными и субъективными причинами. Объективные причины заключались в государственной политике знать все, чем занимались и что делали, о чем думали граждане страны. Если на промышленных предприятиях анализировать результативность занятости можно было по количеству и качеству выпущенной продукции, то в научном учреждении учесть так называемую производительность труда было крайне трудно. Вторая объективная причина — стремление соблюдать идеологическую дисциплину, которую можно было выявить только при условии, если научный сотрудник сам укажет, что он читал и чем занимался.

К субъективным побудительным причинам ведения деловых дневников можно отнести внутреннюю четкую организационную сущность научного сотрудника, хотя, вероятно, требование вести деловые дневники было характерно именно для этой эпохи.

В Научном архиве Коми научного центра УрО РАН обнаружено несколько подобных документов: доктора биологических наук, заведующей отделом О.С. Зверевой и младших научных сотрудников, кандидатов биологических наук А.Н. Лашенковой и Л.Н. Соловкиной. Научные сотрудники, в том числе представители естественных наук, были воспитаны на обязательном ведении полевых дневников во время научных экспедиций. Биологи и геологи вели полевые дневники, которые были строгим отчетным документом. В полевых дневниках кратко фиксировали основные события, наблюдения и первичную классификацию выявленных явлений и процессов, чтобы позже в зимний период во время камеральной обработки подвергнуть их научной обработке. Можно предположить, что именно поэтому сохранились деловые дневники биологов. Субъективной причиной можно назвать исключительное чувство ответственности заведующего отделом. Ни О.С. Зверева, ни А.Н. Лашенкова в силу особенностей характера не могли требовать ведения деловых дневников от коллег, если они не выполняли этого сами.

Особенностью деловых дневников было понимание их авторами, что они заполняются не только для себя лично, но и для проверки руководством. Деловые дневники были ориентированы на постороннего читателя. Этим объясняется чрезвычайная четкость текста. Это записи белого характера. Для того чтобы деловые дневники были заполнены аккуратно, научные сотрудники предварительно делали черновые записи. В черновиках имеется информация, почему-либо опущенная в чистовом варианте.

Отличительной чертой научной жизни Коми филиала АН СССР были постоянные семинары, реферативные кружки, производственные совещания, главным содержанием которых было знакомство с новейшей научной литературой, обсуждение дискуссионных публикаций. Поэтому почти третью часть деловых дневников ученых составляют указания на прочитанную литературу или на научные труды, обзор которых делали коллеги.

«Тетрадь учета ежедневной работы» Ольги Степановны Зверевой была заведена как официальный документ с целью фиксации не только повседневной научной и организационной, но общественной деятельности. О.С. Зверева — ученый гидробио-

лог. С детства ее окружала высокоинтеллигентная творческая семья православного священника, историка-краеведа и общественного деятеля С.Е. Зверева. Получив университетское образование, Зверева приобрела великолепную закалку и значительный опыт, работая на водоемах Восточной Сибири, Волги, Белого моря. С началом Великой Отечественной войны была эвакуирована из Архангельска в Сыктывкар. В условиях войны защитила в 1943 г. кандидатскую диссертацию «К изучению личинок *Tendipedidae* равнинных рек». О.С. Зверева участвовала в крупных работах Коми филиала АН СССР: в составлении генеральной схемы электрификации сельского хозяйства Коми АССР (1948–1949 гг.) и коллективной монографии «Производительные силы Коми АССР». Она проявляла значительный интерес к методологическим проблемам развития науки, многие годы была активным членом научного и философского семинаров.

Зверева была также активной общественницей. В октябре 1952 г. она перечислила следующие общественные обязанности: член местного комитета (1944–1947), председатель кассы взаимопомощи, член ревизионной комиссии Коми филиала Всесоюзного географического общества. В 1948 г. исполняла обязанности ученого секретаря по аспирантуре. Являлась членом Общества по распространению научных и политических знаний, Всесоюзного Энтомологического общества.

Немалую роль в те годы имела работа по освоению и повышению общественно-политических знаний. В тетради учета Зверева фиксировала, какую марксистскую литературу она самостоятельно изучала. Кроме того, она, как и другие сотрудники, была обязана посещать занятия по философии. Как правило, лекции читал кандидат философских наук Т.С. Рязанцев, неплохой лектор и исследователь. Записи в тетради делались с 20 октября 1952 г. по 3 марта 1954 г. Некоторые перерывы объяснялись поездками в командировки, экспедиции и в отпуск. Как правило, каждая запись четко делится на две части: деятельность во время рабочего дня и вечерние занятия (участие в различных собраниях, изучение научной или политической литературы). Кроме того, во многих случаях сбоку отмечена продолжительность того или иного мероприятия. «Тетрадь учета ежедневной работы» О.С. Зверевой содержит характеристику повседневной работы. Такое значимое событие как кончина Генерального секретаря ЦК КПСС И.В. Сталина, нашло отражение в дневнике в достаточно лаконичных записях. Дневниковые записи С.О. Зверева вела в обычной школьной тетради в 48 листов химическими чернилами.

Еще один деловой дневник младшего научного сотрудника отдела леса Коми филиала АН СССР — Ариадны Николаевны Лашенковой представляет собой общую школьную тетрадь в 98 листов. Записи велись с обеих сторон листа. Каждая страница аккуратно разграфлена на три колонки с обозначением названий: дата, краткое содержание работ, замечания проверяющих работу. После даты мемуаристка обязательно указывала день недели. Последняя графа никаких помет не имеет.

А.Н. Лашенкова вела деловые дневники несколько десятилетий. В архиве сохранились дневники за 1947–1980 гг., а также полевые дневники с 1941 г. Для анализа выбраны деловые дневники за два года (1955–1957 гг.), которые отражают наиболее важные события истории страны. Это было время внутривнутрипартийных дискуссий, вызванных состоявшимся в марте 1956 г. XX съездом КПСС. Фактически съезд и особенно прочитанный на съезде доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина и его преодолении совершили переворот во внутренней политике страны и в мировоззрении отдельных граждан. В дневнике эти процессы отражены достаточно сдержанно.

Чистовая тетрадь начинается с записей, сделанных во время командировки в Ленинград для подготовки к защите кандидатской диссертации. В Ленинграде А.Н. Лашенкова участвовала почти во всех профессиональных совещаниях и конференци-

ях, проходивших в эти дни, занималась просмотром каталогов, конспектированием научной литературы в библиотеках, занятиями в гербариях, определением типов и видов растений, рецензированием научных трудов коллег, выполнением многочисленных поручений из Сыктывкара. В связи с достаточно длительным пребыванием в Ленинграде ей приходилось общаться со значительным кругом научных сотрудников в Ботаническом институте АН СССР (БИН), Институте лесного хозяйства, Ленинградском университете.

Периоду, который отражен в деловом дневнике А.Н. Лашенковой, предшествовали следующие события. В 1953 г. Президиум Коми филиала АН СССР ходатайствовал перед Президиумом АН СССР о зачислении ее в заочную аспирантуру Коми филиала сроком на два года. Научным руководителем предполагался доктор биологических наук С.Я. Соколов. Зачислили ее на 4 года по специальности геоботаника с 16 июня 1953 г. Но в ноябре 1953 г. выяснилось, что профессор С.Я. Соколов в силу исключительной занятости не может руководить работой аспирантки. По рекомендации Ботанического института АН СССР научным руководителем был назначен кандидат биологических наук Владимир Леонидович Леонтьев. К этому времени Ариадна Николаевна уже сдала на «отлично» все экзамены кандидатского минимума и имела опубликованные научные работы по изучаемой проблеме. В аттестационном листе аспиранта сказано: «Диссертация написана. До защиты необходимо ее отредактировать, досоставить некоторые таблицы, список растений. Написать автореферат. А.Н. Лашенкова является сложившимся научным работником, самостоятельно работающим геоботаником специалистом по типам северных лесов». Научный руководитель считал, что Лашенкову следует оставить в аспирантуре БИН и просить Коми филиал по окончании полевого периода 1954 г. прикомандировать А.Н. Лашенкову на 3–3,5 месяца в БИН для завершения диссертации. Тем не менее Ботанический институт не утвердил решение отдела геоботаники по переаттестации Лашенковой, так как оказалось, что она не была прикреплена для обучения в аспирантуре к Ботаническому институту.

В дневнике А.Н. Лашенковой встречаются лаконичные записи, что консультации В.Л. Леонтьева продолжались два и более часа, что она отвозила ему на проверку текст диссертации и автореферата. Но 22 февраля 1955 г., когда уже была получена корректура автореферата, в дневнике появилась скорбная запись: «Вчера в 7 час. вечера умер В.Л. Леонтьев». Кандидатскую диссертацию «Сосновые леса Коми АССР» А.Н. Лашенкова защитила 4 мая 1955 г.¹

Как правило, рабочий день А.Н. Лашенковой составлял 10–11 часов и был насыщен до предела, что и отражает деловой дневник. А.Н. Лашенкова также была активистом-общественником. В 1953 г. она писала в автобиографии, что выполняет следующую общественную работу: является секретарем избирательной комиссии по выборам в Сыктывкарский городской совет депутатов трудящихся, профоргом сектора леса, агитатором, членом правления кассы взаимопомощи филиала.

Большое влияние на формирование А.Н. Лашенковой как научного сотрудника оказал ее коллега Ю.П. Юдин², имя которого неоднократно упоминается в деловом дневнике. Они ездили в совместные научные экспедиции, начиная с 1947 г., опубликовали несколько работ в соавторстве. Но главным были личные дружеские привязанности и к Юдину и к его супруге Евгении Ивановне. После кончины Ю.П. Юдина А.Н. Лашенкова продолжала дружить с его вдовой, ездила к ней в гости в местечко Ляд недалеко от железнодорожной станции Плюсса, принимала у себя в Сыктывкаре. Много лет следила за могилой Ю.П. Юдина. Именно А.Н. Лашенкова добровольно взяла на себя большую работу по подготовке к посмертной публикации некоторых рукописей Ю.П. Юдина.

Второй человек, о котором немало упоминаний в дневнике — Нина Степановна Котелина (1925—2005). Молоденькой девушкой после окончания Карело-Финского университета в 1948 г. она пришла на работу в Базу АН СССР в Коми АССР и начала помогать Ариадне Николаевне в обработке полевых сборов и собранного гербария. Много позже Нина Степановна с восторгом вспоминала, как многому она научилась у своей первой наставницы. Талантливая ученица кандидатскую диссертацию защитила несколько раньше — в 1954 г. В 1962—1982 гг. Н.С. Котелина заведовала лабораторией геоботаники и систематики растений в Коми филиале. Неоднократно она вставала на защиту А.Н. Лашенковой во время различных структурных преобразований отдела. В личном деле Лашенковой сохранились характеристики, написанные Н.С. Котелиной. В феврале 1971 г. она ходатайствовала о зачислении А.Н. Лашенковой вновь в штат филиала. Благодаря настойчивости Н.С. Котелиной Ариадна Николаевна после выхода на пенсию в 1970 г. продолжала работать в филиале, в 1971 г. была восстановлена в должности научного сотрудника лаборатории геоботаники и систематики растений. Окончательно она прекратила научную деятельность в 1977 г., подготовив и издав за это время несколько крупных научных работ. Вся эта большая и ответственная работа нашла отражение в дневнике.

Анализ деловых дневников ученых-биологов Коми филиала АН СССР за 1950-е гг. позволяет выделить еще один своеобразный вид исторического источника, который имеет прямое отношение к мемуарам, но в то же время весьма специфичен. В совокупности с сохранившимися в архиве научными трудами эти деловые дневники дают представление об интенсивности и результативности их творческой, исследовательской деятельности. В отличие от личных дневников, деловой дневник предельно сух и официален. Своей лаконичностью он позволяет представить напряженный, самоотверженный труд, характер, быт советского ученого, у которого, казалось бы, нет ничего личного. Но личные моменты тем не менее подспудно проскальзывают при прочтении деловых записей. Однако это личное — любимая наука! Дело, которому посвящена жизнь и отдаются все силы, мысли и деяния.

Наука всегда была и остается важной составляющей жизни общества. Ее история — атрибут современных научных изысканий. Архивы — первые зачатки науки фактической истории. История идей, методов, взглядов, эмпирических открытий — за всем этим стоят люди, их деятельность, условия этой деятельности, весь тот социальный, идеологический, морально-этический, эстетический контекст, в условиях и на фоне которого протекала жизнь и деятельность творческих личностей.

Архивы занимают особое место в историко-культурном пространстве страны, так как хранят документальные свидетельства о самых важных исторических событиях нашей страны, именно на этих документах основывается самоидентификация российского государства. Гарантия их существования и сохранения в будущем позволяет России поддерживать свой независимый международный статус.

¹ Котелина Н.С. Ариадна Николаевна Лашенкова: старейший геоботаник Севера. Сыктывкар, 1993.

² Юрий Павлович Юдин (1907—1953) окончил Ленинградский университет по специальности геоботаник в 1933 г., работал в Ботаническом институте АН СССР с 1934 г., участвовал во многих научных экспедициях по изучению лесов СССР. С 1936 г. был сотрудником Северной базы АН СССР в Архангельске, участник Великой Отечественной войны, дважды был ранен. Награжден медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги». После демобилизации стал научным сотрудником Коми филиала. Кандидатскую диссертацию «Темнохвойные леса северо-востока Европейской части СССР» защитил в октябре 1950 г.

К вопросу о создании музея Академии наук

История Академии наук насчитывает почти 300 лет. За это время произошли глубинные изменения в общественно-политическом устройстве России, в ее социальной и духовной сфере. И на всех исторических этапах одним из важнейших элементов науки и культуры была Академия наук. Несмотря на громадные перемены, происходившие в государстве, неизменно важной оставалась роль Академии наук в развитии отечественной науки. Драматизм и противоречивость истории страны наложили отпечаток и на историю самой Академии.

Российская Академия наук занимает особое место в отечественной и мировой науке. Однако целостный, научно-обоснованный и художественно-эмоциональный образ Академии до сих пор не представлен научному сообществу и обществу в целом.

Академия наук всегда придавала большое значение музейной деятельности. Секретарь Российской Академии наук С.Ф. Ольденбург писал в 1923 г.: «Музейное дело всегда было дорого Академии, еще с того времени, когда музеи были только кунсткамерами: Академия всегда сознавала, какое музей важное орудие для науки и для образования вообще»¹.

В 1920-х гг. в Академии наук по инициативе В.И. Вернадского активно обсуждался вопрос о создании академического музея истории науки (истории знаний)². Разрабатывалась концепция такого музея. Было принято решение о создании музея и планировалось открыть экспозицию к концу 1932 г. Коллекции памятников науки и техники передавались из музеев, библиотек, архивов, общественных организаций. Однако музей не получил полноценных помещений для своей работы и был вынужден возвращать памятники. В 1941 г. последняя часть коллекции была передана в Эрмитаж.

В дальнейшем идея музея истории науки была частично реализована в создании музея М.В. Ломоносова в Кунсткамере и в появлении ряда мемориальных музеев и музеев-кабинетов выдающихся ученых при академических институтах.

В России до сих пор нет музея, в экспозиции которого отражались бы основные этапы истории и достижения Академии наук как выдающегося организационного центра фундаментальных и прикладных исследований в России на протяжении веков. Представляется, что создание музея истории Российской академии наук является необходимым для формирования целостного образа Академии и отечественной фундаментальной науки, выявления закономерностей в этом процессе и преимуществ академической формы организации наук. Появление музея позволит активизировать изучение истории Академии наук к предстоящему 300-летию РАН.

Музейная форма популяризации науки — один из рычагов воздействия на государство и обществ. Именно она способна привлечь дополнительное внимание к деятельности ученых, сформировать оценку роли Академии наук в развитии цивилизационных процессов общества.

Большинство научных музеев России были созданы еще в советское время. Они существовали как полузакрытые «отраслевые научные» учреждения, чаще всего при

образовательных институтах и НИИ. Их деятельность была нацелена прежде всего на освещение узко профессиональных достижений. Однажды организованные, они практически не развивались, а сегодня накопленные ценные материалы и архивы экспонируют в них так, что вызывают ассоциации с «лавками древностей». Из-за отсутствия должного внимания и остаточного принципа финансирования со стороны государства, большинство этих музеев так и продолжают существовать в некоем вневремени. Однако сегодня есть возможность решения этой проблемы. Уникальные музейные и архивные фонды откроются для широкой публики и станут основной составляющей увлекательных интерактивных современных экспозиций и экскурсий.

Организация современного музея, используя принцип «поучая — развлекай, развлекаая — поучай», способствует вовлечению молодых людей в мир научных открытий с его историей, загадками и перспективами. За рубежом подобные музеи уже более 30 лет строят свои экспозиции в виде просветительских аттракционов. Сотрудники музеев в партнерстве со специалистами создают интерактивные инсталляции, демонстрирующие различные технические изобретения и физические законы. Широко применяются новые информационные и компьютерные технологии. Интерактивность и увлекательность, наглядность и доступность, новейшие технологии — благодаря именно такому новому подходу можно значительно расширить аудиторию музеев.

Каким же должен быть музей Российской академии наук? Каковы его цели, принципы деятельности, специфика?

Прежде всего, Музей истории РАН должен стать научно-исследовательским центром по истории науки, сохраняющим и развивающим классические традиции академических музеев. Целью деятельности такого музея должно быть сохранение и представление истории Академии наук в предметной (овеществленной) и мультимедийной формах, осуществление музеефикации памятников истории РАН как достояния отечественной и мировой науки и культуры.

Музейные средства синтеза научного и художественного способов познания создадут представление о пути развития Академии наук и отечественной фундаментальной науки. Наша задача — представить российских академиков инициаторами цивилизационных изменений.

Создание музея связано с формированием его коллекций, что является длительным процессом, поэтому музей должен создаваться в несколько этапов.

На первом этапе ставится задача открытия компактного музея с экспозицией, отражающей важнейшие периоды и события в истории Академии наук, научные открытия и изобретения, связанные с именами академиков. Коллектив Архива РАН уже начинает работу по формированию коллекций, подготовке экспозиции и популяризации истории Академии наук. Музей будет осуществлять преимущественно представительские функции, проводить экскурсии для отечественных и зарубежных гостей РАН, а также для молодежи, интересующейся историей науки в России.

На втором этапе ставится задача преобразования музея в научно-исследовательское учреждение РАН, осуществляющее широкую программу деятельности, включая изучение памятников истории науки и Академии наук. Музей становится головным музейным учреждением РАН, разрабатывающим теоретические и методические вопросы музееведения, помогающим Музейному совету РАН осуществлять координационные функции и научно-методическую помощь академическим музеям.

В будущем музей должен рассматриваться в качестве академического учреждения, реализующего на основе коллекционирования, хранения, изучения, представления и использования памятников истории РАН научно-исследовательскую, образовательно-просветительскую (обращенную к молодому поколению) и научно-развивающую деятельность.

Перед будущим музеем ставятся следующие задачи:

1. Осуществлять предметное документирование основных, происходивших в прошлом процессов, явлений и событий, сопровождающих возникновение и становление РАН.
2. Соблюдать хронологический подход, соответствующий основным эпохам развития страны.
3. Осветить важнейшие научные открытия, изобретения и достижения выдающихся ученых, научных коллективов, учреждений и руководящих органов Академии наук, их роль в истории страны и мирового сообщества в прошлом.
4. Создавать в яркой художественно-эмоциональной форме целостный научно-обоснованный образ истории РАН.
5. Вести широкую популяризацию научного наследия РАН как достояния отечественной и мировой науки и культуры в контексте ее международных связей.

Постоянная экспозиция музея истории РАН должна представлять собой объединенную общим замыслом, методологией и художественно-образным решением систему музейных предметов и документов из истории Архива РАН и его фондов. В постоянной экспозиции будут демонстрироваться экспонаты, отражающие содержание самостоятельных разделов.

В тематико-экспозиционном плане (ТЭП) будущего музея должен соблюдаться хронологический подход, соответствующий основным эпохам в истории РАН:

1. Санкт-Петербургская Академия наук и художеств. XVIII — начало XIX в. (1724—1803).
2. Императорская Академия наук. 1803—1917.
3. Российская Академия наук. 1917—1925.
4. Академия наук СССР. 1925—1991.
5. Российская Академия наук. С 1991 г.

Разделы будущего музея должны быть посвящены и работе институтов и иных подразделений РАН. Основанная на современных мультимедийных технологиях будущая экспозиция по темам «Наука о земле», «Человек и общество», «Макро- и микромир» и, наконец, «Прорыв» (о самых современных достижениях в науке) должна стать интересной не только специалистам, но и неподготовленным посетителям музея вне зависимости от возраста. Особенно такая экспозиция может быть привлекательна для школьников и студентов.

Структура экспозиции должна включить следующие темы: создание Академии, ее переименование и реорганизация, создание и реорганизация отделений АН, ведущих научных учреждений; основные показатели деятельности АН и ее академических учреждений в отдельные исторические периоды; важнейшие открытия и изобретения; биографии президентов РАН, а также наиболее выдающихся действительных членов и ученых РАН; контакты с зарубежными академиями наук и учеными.

Учитывая начальный процесс формирования фондов и экспозиции, а также современные тенденции в музейном деле, музей РАН должен широко использовать современные технические средства и информационные технологии, обеспечивающие эффективный выход посетителя музея в виртуальное информационное поле. Каж-

дый раздел экспозиции должен иметь аудиовизуальные средства, позволяющие получить дополнительную информацию, развивающую основную экспозицию, включая демонстрацию видеofilмов.

Концепция музея подготовлена директором Архива РАН В.Ю. Афиани при участии доктора философских наук Б.И. Козлова и обсуждалась на заседании Бюро ОИФН РАН. Бюро рекомендовало на первом этапе ориентироваться на музей представительского типа. Разумеется, это не снимает вопроса о формировании фондов будущего музея.

По инициативе В.Ю. Афиани начата разработка Виртуального музея Академии наук на иных принципах. Заявка о разработке альфа-версии Виртуального музея Академии наук была поддержана Президиумом РАН в рамках Подпрограммы Президиума РАН «Информационное обеспечение деятельности РАН и взаимодействие со СМИ». Материалы для этой версии музея были предоставлены Кунсткамерой, Санкт-Петербургским филиалом АРАН. В подготовке текстов принял участие Санкт-Петербургский филиал Института истории науки и техники РАН. В настоящее время ведется разработка программного обеспечения музея.

Создание и популяризация музея невозможны без расширения его горизонтов. В этой связи очень важно вовлечение действительных членов и членов-корреспондентов РАН в процесс создания музея. В переписке с учеными мы предлагаем им изложить их собственное видение музея, обсуждаем возможность передачи в него личных документальных материалов и предметов. К тому же их опыт позволит сориентироваться в направлениях развития науки и деятельности научных институтов, совершить правильный отбор материала. Представляется очень важным живое участие ученых в жизни музея, так как они являются мостом в будущее нашей науки. А будущее — это дети.

В музее Академии наук важнейшее место мы уделим образовательным программам, направленным как на передачу бесценного опыта прошлого, так и на побуждение интереса подрастающего поколения к такой области человеческой деятельности, как наука. Деятельность будущего музея будет посвящена не только повествованию о прошлом отечественной науки, но и о современных цивилизационных процессах. Одним из шагов в этом направлении будет участие в грантовом конкурсе «Меняющийся музей в меняющемся мире», проводимом благотворительным фондом В. Потанина.

Предполагается представить образовательный проект «Путем Петра», цель которого — научить детей школьного возраста рассматривать окружающий мир с научной точки зрения, используя современные информационные технологии и старинные документы — рукописи, старопечатные книги, карты, акварели XVII—XVIII вв., хранящиеся в Архиве РАН. В частности, в работе будут использованы копии акварелей голландской художницы и исследовательницы природы Марии Сибиллы Мериан (1647—1717), произведения которой были приобретены и привезены Петром I как методическое пособие художникам, обучавшимся в Академии художеств. Наша задача научить детей, используя современные средства, наблюдать за изменениями и развитием растений и насекомых, фиксировать этапы этих изменений, тем самым начать работу по формированию естественнонаучного мировоззрения у детей, видения мира в развитии.

Этот проект позволит Музею истории РАН, опираясь на собственный потенциал собранных реликвий и раритетов, выйти за рамки чисто академической среды и установить прямой диалог с молодым поколением. С целью реализации этого проекта музей ведет переговоры с Сообществом московских лицеев. Намечено проведение «круглого стола», итогом которого должно стать создание Общества Друзей Науки.

Музей — это в первую очередь фонды, а музей, образованный при Архиве РАН, не может не опираться на уже существующее богатейшее документальное собрание. Нам представляется важным предложить современному человеку понимание того, что такое документ, объяснить его ценность, рассказать, в какой момент обычный предмет становится музейным объектом. А это, в свою очередь, связано с темой обеспечения сохранности — консервации и реставрации. В связи с этим мы разрабатываем интерактивную экскурсию, которая покажет документы разных исторических времен с учетом палеографических особенностей, многозначность смыслов, которые можно почерпнуть из конкретных архивных документов, яркие моменты жизни человека-ученого и ученого-человека, отраженные в скучных на первый взгляд пожелтевших страницах, а также методы хранения и реставрации рукописей и фотографий. Посетив наши реставрационные мастерские, дети получают возможность увидеть сам процесс и даже поучаствовать в нем. Таким образом, все богатство фондов музея будет обращено к будущим поколениям.

Этим же целям служила выставка «Медали и значки из коллекции РАН», позволяющая увидеть не только высокую художественную ценность некоторых раритетов, но и славный путь нашей науки. Каждая медаль, плакетка, значок, орден, жетон в фондах Архива РАН — это и часть истории Академии наук. Самый ранний предмет на выставке — редкий четырехугольный академический жетон в виде ромба, который раздавался на заседаниях присутствующим членам Императорской Российской Академии. Императрица Екатерина II особым указом от 2 ноября 1783 г. повелела изготавливать на монетном дворе ежегодно по 1 тыс. серебряных жетонов в 80 копеек за каждый для раздачи членам академии за сеансы, подобно тому, как это делалось во Франции. Этот экспонат выставки наглядно повествует об организации Императорской Российской Академии, учрежденной по примеру Парижской академии для разработки русского языка и словесности. Открылась Императорская Российская Академия 21 октября 1783 г. и через 58 лет была присоединена к Академии наук в виде отделения русского языка и словесности.

На выставке помимо эскизов орденов представлены редкие памятные и именные медали, значки и плакетки.

¹ См.: *Чумакова Т.В.* Музеи в системе Академии Наук (XVIII — первая треть XX вв.) // Триумф музея? СПб., 2005. С. 336.

² Там же.

В поисках англо-саксонского феодализма: А.Я. Гуревич и московские медиевисты от позднего сталинизма до ранней «оттепели»

«Оттепель» в советской исторической науке и в целом в советском академическом сообществе в специальной литературе зачастую описывается, следуя логике, заложенной в исходной метафоре и развитой в последующей мемуарной литературе¹. Речь идет о размораживании интеллектуальной ригидности сталинского времени, о возвращении к подлинной «научности» — инициативы, предпринятой учеными, выступившими против идеологического диктата партийных функционеров и академических карьеристов. Тем не менее вездесущая мемуарная оппозиция «наука против идеологии» едва ли обладает достаточной разрешающей способностью, для того чтобы адекватно описать сложный процесс послесталинской трансформации академических дисциплин. Являясь продуктом исторического опыта части советской интеллигенции и выполняя особую функцию в контексте идеологических столкновений конца 1960-х гг., данная нарративная оппозиция аналитически затемняет многообразие *много* опыта исторических акторов, сложность и разнообразие восприятия, интерпретации и реинтерпретации ими исторических коллизий эпохи, превращая два десятилетия истории советской интеллигенции (от позднесталинских идеологических кампаний до идеологических процессов конца 1960-х гг.) в морально поучительный рассказ о постоянстве противостояния «плохих и хороших парней».

Мемуары А.Я. Гуревича вызвали столь широкий резонанс уже в 2000-х гг. во многом именно благодаря той предельной откровенности и резкости, с которыми автор рассказал эту историю о борьбе добра со злом. Представленная в данном докладе контекстуализация рассказанной Гуревичем истории обращает внимание на те элементы прошлого, которые с трудом поддаются черно-белому прочтению. Осознавая ограниченность привлеченного материала, я не задаюсь целью реконструкции всего многообразия позиций, присутствовавших в поле московской медиевистики на протяжении 1950-х гг., фокусируясь лишь на некоторых изменениях в позициях «хороших парней», и прежде всего самого Гуревича, а также социальных и культурных контекстах, их обусловивших. Это в свою очередь позволит пролить некоторый свет на характер процесса «оттепельной» трансформации академического сообщества в послесталинское время, не улавливаемого мемуарной ретроспекцией.

Для начала напомним кратко о том эпизоде в мемуарах Гуревича, контекстуализация которого будет детальнее рассмотрена далее. В 1950 г. А.Я. Гуревич подготовил к защите кандидатскую диссертацию, посвященную раннесредневековой истории Англии. В ней, согласно мемуаристу, он подтвердил не принимавшийся советской наукой тезис Фредрика Мэйтланда относительно природы английского феодализма: подчеркнул определяющую роль королевской власти в процессе манориализации². Эти первые академические успехи в мемуарных очерках описываются на фоне удушающей атмосферы позднесталинских идеологических кампаний, в ходе которых, согласно Гуревичу, баланс «науки и идеологии» в сообществе медиевистов сместился в сторону «идеологии». Поборники «идеологии» заняли лидирующие позиции в ака-

демическом поле, выстраивая свои карьеры с помощью идеологического контроля за коллегами или путем разоблачения буржуазной историографии. Покуда «идеологическая часть» цеха накапливала власть, «внутренняя логика» исследовательского поиска привела Гуревича к изучению средневековой Скандинавии, а результаты этих исследований уже в 1960-х гг. поставили под сомнение советскую схему генезиса феодализма, в чем-то развивая сомнения его кандидатской диссертации. Впрочем, Гуревичу инкриминировалось не только это, но и анти-марксизм его исследований. Тем самым резкая критика работ Гуревича конца 1960-х гг. была представлена как очередная фаза противостояния «идеологии» и «науки», наиболее драматичные эпизоды которого автор мемуаров относил к концу 1940-х гг.³

Возвращаясь к кандидатской диссертации Гуревича, обратим для начала внимание на чисто интеллектуальный парадокс. Закончив диссертацию в 1950 г., Гуревич собирался ее опубликовать. В итоге ему удалось опубликовать в 1957 г. лишь большую статью, обобщавшую концепцию монографии. При сравнении этих двух текстов бросаются в глаза не только различные выводы (в диссертации английский феодализм трактовался как незавершенный, в статье — как сложившийся), но и логика обобщения. Если в тексте диссертации и можно усмотреть тезис Мэйтланда, то выражался он более чем по-марксистски. Феодализацию Гуревич понимал как процесс организованного феодальной верхушкой — королевской властью — насилия с целью узурпации земельной собственности у свободных общинников. Однако в 1957 г. место динамического описания классовой борьбы занимают очерки прогрессивного развития производительных сил в Англии от Альфреда Великого до Кнута, а также разложения общины⁴.

Чем можно объяснить столь резкое изменение теоретических приоритетов от «внеэкономического принуждения» к развитию «производительных сил»? «Логикой внутреннего развития», которая поразительно напоминала результаты классических исследований советских медиевистов, и прежде всего А.И. Неусыхина, против тезиса которого об определяющей роли разложения общины в процессе феодализации Гуревич выступил в диссертации? Однако внесенные методологические коррективы не были лишь простой случайностью, отсылая к процессу преобразования сообщества медиевистов в послесталинское время.

Диссертация А.Я. Гуревича была защищена в 1950 г., тогда как уже в следующем году вспыхнула дискуссия о роли классовой борьбы в истории, в которой известный специалист по французской истории Б.Ф. Поршнев с помощью своих теоретических идей об определяющей роли классовой борьбы в истории пытался изменить сложившийся после анти-космополитской кампании 1949 г. социальный расклад в пределах цеха историков-медиевистов, а также пересмотреть баланс между двумя основными исследовательскими векторами — аграрной историей и историей классовой борьбы — в пользу последней. История конфликта с Поршневым описана достаточно детально⁵. Здесь же я лишь подчеркну, что задним числом, в 1954—1955 гг., эти уже официально осужденные партийными органами попытки Поршнева стали рассматриваться некоторыми медиевистами в качестве символа антинаучного, беспринципного и конъюнктурного антиинтеллектуализма «сталинской» науки по отношению к которому стабилизировалось и перекраивалось академическое поле после 1953 г. С этой целью могли использоваться площадки, предоставленные обновленными «Вопросами истории», на страницах которых развернулась дискуссия об основном экономическом законе феодализма, переопределившая характер теоретического соотношения между классовой борьбой и базисом, признав изучение именно последнего

признаком особой «научность», а излишнее подчеркивание роли классовой борьбы — безусловной «идеологичности»⁶.

Однако установление дисциплинарных рамок того, что можно считать научно легитимным подходом к изучению Средних веков, а вместе с тем и очерчивание границ научного сообщества, в своей практике использующего этот подход, осуществлялось и в семинарских аудиториях, при чтении лекций и сдаче экзаменов, написании курсовых и диссертаций, а также в редакции текстов, подготовленных к публикации. Подготовка Гуревичем своей диссертации к публикации пришлась именно на это время переопределения границ «научности», исповедуемой коллективом медиевистов. Диссертация обсуждалась несколько раз в секторе Средних веков, прежде чем была рекомендована к публикации. По ходу обсуждения Гуревичу приходилось вносить правку в первоначальный текст, исходя из критики и пожеланий коллектива медиевистов. Эти обсуждения являлись частью процесса *коллективного* конструирования дистанции между «научным» настоящим и «идеологическим» прошлым. Для самого же Гуревича речь шла не только об интеллектуальном выборе, но и о проявлении лояльности к выбору научного сообщества и подтверждении собственного профессионального и социального качества как члена этого сообщества.

Доступ к процессу этих исправлений дают конспекты и комментарии к ней научного сотрудника сектора истории Средних веков, специалиста по раннесредневековому английскому городу Я.А. Левицкого. В фонде Левицкого в Архиве РАН сохранились конспекты двух разных вариантов монографии Гуревича. Первый вариант — воспроизводящий текст диссертации 1950 г. — Гуревич, видимо, предоставил в сектор в 1954 г. Второй, существенно исправленный в свете замечаний и советов коллег, был вынесен на обсуждение в марте 1955 г., о чем свидетельствует и надпись на титульном листе второго конспекта Я.А. Левицкого⁷. И хотя А.Я. Гуревичу так и не удалось опубликовать в виде монографии свое исследование об англо-саксах, исправленная при помощи *коллектива* медиевистов концепция кандидатской диссертации все же была озвучена публично в его уже упоминавшейся большой статье 1957 г.⁸

Характерным для раннеоттепельного избавления от примет ненаучного подхода сталинского времени было снижение тона полемики с буржуазной историографией. Неслучайно заметки Левицкого об историографическом введении Гуревича пестрят эмоциональными восклицаниями: «много еще хлесткой критики... стиль критики скорее разносный, чем серьезный», «все еще много разухабистой критики», «да и то легковато все это! Зубоскальственно»!⁹ Так или иначе, но более взвешенный и размеренный тон статьи Гуревича 1957 г. в том, что касалось ведения полемики с буржуазными предшественниками, свидетельствовал о произошедших изменениях¹⁰.

Еще более заметным в тексте обобщающей статьи оказалось снятие многих ссылок на классиков марксизма-ленинизма. Самым впечатляющим здесь было, естественно, полное стирание ссылок на Сталина, однако не досчитались цитат и другие классики¹¹. Следы навязанной официальной риторики по отношению к буржуазной историографии и ежечасная сверка с классиками марксизма-ленинизма, обязательные в 1950 г. и даже в 1954 г., в новых условиях казались уже чем-то лишним и даже неприемлемым¹².

Однако самая основательная правка, внесенная А.Я. Гуревичем, коснулась логики обобщений, о которой я уже упоминал. Борьба с Б.Ф. Поршневым превратила особое подчеркивание «внеэкономического принуждения» в нелегитимный элемент научной аргументации, а главные тезисы диссертации Гуревича были построены как раз на этом. И Я.А. Левицкий, следуя обретенному в борьбе с Поршневым «симво-

лу веры» — определяющая роль базиса, производительных сил и т.д. — начал много-словно и зачастую тавтологично исправлять ошибки Гуревича, а появление главного антигероя московских медиевистов не заставило себя долго ждать.

Ударение делается не на том, на чем оно должно быть сделано в первую очередь... «Буржуазные историки игнорировали классовую борьбу, — пишет автор — «...и тем самым не могли знать насильственного характера этого процесса». Достаточно ли этого? Б.Ф. Поршнев и многие другие историки, придавая большое (а некоторые — решающее) значение прямому насилию, внеэкономическому принуждению и классовой борьбе, тем не менее не могли правильно, с марксистских позиций, решить вопрос генезиса феодализма, так как они в корне неверно ставили и решали эти вопросы, игнорируя объективный характер экономических законов развития, игнорируя то, что лежит в основе всего исторического развития — способ производства, экономический базис. Сама классовая борьба и насилие отрывались ими от способа производства, от экономических условий развития общества, и приобретали характер основных, решающих, определяющих условий, хотя сами были обусловлены экономическим развитием общества, развитием производственных отношений, соответствующих характеру производительных сил. Автор ставит «проблему классовой борьбы в англо-саксонском обществе и роли в этой борьбе раннефеодального государства как организованного общественного насилия». Не можно ли решать эту проблему, вернее — можно ли ее решить правильно — без решения прежде всего другой проблемы — изменения в способе производства, характере производственных отношений, характер производительных сил и соответствующих ему производственных отношений и т.д.¹³

Подводя неутешительный для Гуревича итог, Левицкий подчеркнул, что «базис почти не дан, не исследован», а, напротив, автор переоценивает «роль надстройки» и оперирует «явными поршневидами», когда «государство выпирает и господствует над экономикой»¹⁴.

Гуревич постарался как можно скорее переписать работу и восстановить свой статус в качестве члена сообщества. На первой же странице своих заметок о втором (исправленном) варианте работы Левицкий с радостью отмечал, что работа «в сущности написана наново. Нет тех серьезных недостатков, отмеченных раньше»¹⁵. Нужно сказать, что Гуревич не перечитывал заново источники, также как и не менял свои частные выводы, он лишь тщательно вычитывал — дисциплинировал собственный текст, более четко прописывал логические переходы, исходя из предложенных ему медиевистами теоретических наработок, ко всему прочему одобренных в печати в ходе дискуссии об основном экономическом законе феодализма.

Отправной точкой анализа для А.Я. Гуревича являлось признание отсутствия у англо-саксов после переселения в Британию свободно отчуждаемого аллода («черта, определявшая специфику раннего развития феодальных отношений в Англии»¹⁶), что должно было свидетельствовать о достаточной архаичности их общинных порядков («земледельческая община» по Марксу). В подобных условиях появление феодальной собственности (основа феодализационного процесса!) напрямую из разложения общинных порядков оказывалось невозможным¹⁷. Поэтому в ходе начального этапа феодализационного развития, подспудно протекавшего в недрах общины, обнаружили лишь «изменения в структуре общества, которые привели к начавшемуся формированию господствующего класса и государственной власти»¹⁸. Левицкий особенно отметил, как однозначно положительный факт, изменение самой постановки во втором варианте работы «проблемы возникновения феодальной собственности

на землю из разложения общины! при этом «все это на основе анализа производительных сил»¹⁹.

Те фрагменты, в которых королевские пожалования рассматривались в качестве акта феодального насилия со стороны феодалов, оказались сняты в статье 1957 г. Напротив, следуя исследованиям Неусыхина, Гуревич отмечал превращение земледельческой общины в соседскую общину-марку как начало «нового, важнейшего шага на пути перехода к классовому обществу у англосаксов»²⁰. Именно с этого момента утрата общинниками земли действительно приобретает широкий размах, как следствие «в X — первой половине XI в. феодализм» признается «уже господствующим общественно-экономическим укладом, подчинившим себе другие, сохранившиеся еще формы социальных отношений»²¹, в то время как в тексте 1950 г. непримиримая борьба между феодальным и дофеодальным укладами так и не завершилась вплоть до нормандского завоевания. Признав феодализм господствующим укладом, Гуревич в 1957 г. не забыл подвести под этот серьезный тезис «тяжелое» обоснование в виде очерка о прогрессивном развитии производительных сил, которые, якобы, и определили появление феодализма на английской почве²². По этому поводу Левицкий заметил: «трактует важнейшие вопросы перехода к феодализму в Англии в самую начальную стадию процесса феодализма. Здесь дана характеристика производительных сил — это очень важно. Раньше этого не было».

Все необходимые элементы «правильной» модели описания генезиса феодализма были после тщательной правки текста налицо: производительные силы прогрессивно развиваются, что ведет к разложению общины и появлению частной собственности; следующий шаг — мобилизация этой собственности феодалами, лишь ускоряемая королевскими пожалованиями; после этого общинники уже обречены отдавать прибавочный продукт феодалу при некотором внеэкономическом принуждении с его стороны. Так что второй вариант текста Гуревича был отмечен положительной визой представителя коллектива медиевистов: «интересный, серьезный анализ данных источников. Полемика с буржуазными историками»²³.

Правка Гуревичем собственного текста в 1954—1957 гг. дает представление лишь об интеллектуальной составляющей процесса постсталинской трансформации дисциплины, осуществленной медиевистами в 1950-х гг. Тем не менее даже контекстуализация этого небольшого фрагмента, в отличие от мемуарных оппозиций «науки и идеологии», предполагает более широкий процесс незаметного и тонкого перераспределения власти внутри этого академического сегмента, а также изменение интеллектуальной и социальной структуры научного поля в десятилетие, последовавшее за смертью Сталина. Поиск новых стандартов «научности», средств научной коммуникации, избавление от наиболее одиозных примет сталинского времени, традиционно понимаемое как «либерализация», одновременно представляло собой новую «стабилизацию» и «консервирование» научных иерархий, интеллектуальных моделей внутри самого сообщества. И данная «стабилизация» несла на себе не столько след *внешней партийной* идеологии, сколько свидетельствовала о процессе консолидации гораздо более пластичной *внутриакадемической* идеологии — сложно реконструируемой смеси профессиональных навыков, этики, осадочного присутствия идеологического марксизма, а также не в последнюю очередь противоречивых воспоминаний о сталинском прошлом. Лояльность по отношению к этой новой идеологии являлась условием членства в коллективе медиевистов и успешной академической социализации, что и подтверждается изъятой из мемуаров А.Я. Гуревича историей переработки диссертации в монографию. Представляется, что именно открытое столкновение

А.Я. Гуревича с этой академической идеологией и попытка ее интерпретации как Идеологии в конце 1960-х гг. послужили тем опытом, который впоследствии получил отражение на страницах его черно-белого нарратива.

- ¹ Сидорова Л.А. «Оттепель» в исторической науке: Советская историография первого послесталинского десятилетия. М., 1997; Кан А.С. Анна Панкратова и «Вопросы истории». Новаторский и критический исторический журнал в Советском Союзе в 1950-е годы // Историк и время: 20–50-е годы XX в.: А.М. Панкратова. М., 2000. С. 85–100; Hösler J. Die sowjetische Geschichtswissenschaft 1953 bis 1991. Studien zur Methodologie- und Organisationsgeschichte. München, 1995. S. 17–70; Markwick R. Rewriting history in Soviet Russia: the politics of revisionist historiography, 1956–1974. N.Y., 2001.
- ² Гуревич А.Я. Крестьянство Юго-Западной Англии в донормандский период. Проблема образования класса феодальных крестьян в Уэссексе в VII – начале XII в. М., 1950.
- ³ Гуревич А.Я. История историка. М., 2004.
- ⁴ Гуревич А.Я. Английское крестьянство в X – начале XI в. // Средние века. Вып. 9. М., 1957.
- ⁵ Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е – начало 50-х гг. XX века). Тюмень, 2003.
- ⁶ Рыжковский В. Советская медиевистика and Beyond // НЛО. 2009. № 97. С. 58–89.
- ⁷ Архив РАН. Ф. 1621. Оп. 1. Д. 29. Л. 282.
- ⁸ Гуревич А.Я. Английское крестьянство... С. 69–131.
- ⁹ Архив РАН. Ф. 1621. Оп. 1. Д. 29. Л. 283–284.
- ¹⁰ Гуревич А.Я. Английское крестьянство... С. 112. Ср. Гуревич А.Я. Крестьянство Юго-Западной Англии... С. 392–393.
- ¹¹ Гуревич А.Я. Английское крестьянство... С. 92, 100, 101, 106, 114; Ср.: Гуревич А.Я. Крестьянство Юго-Западной Англии... С. 345, 362, 367, 381, 401 и др.
- ¹² Архив РАН. Ф. 1621. Оп. 1. Д. 29. Л. 282.
- ¹³ Там же. Л. 292.
- ¹⁴ Там же. Л. 303.
- ¹⁵ Там же. Л. 282.
- ¹⁶ Гуревич А.Я. Английское крестьянство... С. 71.
- ¹⁷ Там же. С. 72.
- ¹⁸ Там же. С. 73.
- ¹⁹ Архив РАН. Ф. 1621. Оп. 1. Д. 29. Л. 284.
- ²⁰ Гуревич А.Я. Английское крестьянство... С. 77.
- ²¹ Там же. С. 79.
- ²² Там же. С. 79–82.
- ²³ Архив РАН. Ф. 1621. Оп. 1. Д. 29. Л. 286.

Предыстория создания академических учреждений на Европейском Севере России (XVIII – XX вв.)^{*}

Академическая наука была одним из локомотивов, продвигавших индустриальное развитие Европейского Севера России в XX в. Во многом именно благодаря научным достижениям стал возможен тот модернизационный скачок, который произошел на Севере России в последнее столетие. Под Европейским Севером России мы понимаем территорию современных Архангельской и Мурманской областей, а также республик Карелия и Коми. Сегодня во всех этих регионах успешно действуют научные центры Российской академии наук. В нашем докладе мы продемонстрируем путь, по которому академическая наука пришла на Север. К сожалению, формат сообщения не позволяет подробно рассказать о всех научных экспедициях и исследованиях. Мы остановимся лишь на некоторых наиболее важных с нашей точки зрения моментах.

История освоения Европейского Севера России началась спустя три года после основания самой Академии наук. В начале 1727 г. президент Академии наук Л. Блюментрост писал о невозможности исправления и уточнения существующих географических карт Российской империи без научных экспедиций в губернии и провинции. В связи с этим он «принужден послать профессора Лякруера, искусного в астрономическом и географическом учении и перво намерен послать его в Архангелогородскую губернию, Кольский острог и далее, аще возможно»¹.

6 апреля 1727 г. экспедиция Круайера (Л. Делиль де ла Кроер) прибыла в Архангельск. Работы начались с определения его широты и долготы. Из Архангельска Круайер совершил плавания к острову Кальдину и в Колу, он пересек Кольский полуостров, посетил Кандалакшу, Ковду и Кереть, побывал в Кеми, Суме, Холмогорах, Великом Устюге, Каргополе и Вологде. Во всех населенных пунктах проводились научные работы по определению широт этих пунктов. Вероятно, экспедиция Круайера была первой академической экспедицией на Европейский Север России.

В XVIII в. по России было отправлено большое количество экспедиций, сделавших много научных открытий, но особой значимостью среди них выделяются академические экспедиции. Изначально планировалось проведение экспедиций по двум основным маршрутам – оренбургскому и астраханскому. Фактически же в ходе подготовки определилось 5 экспедиций – 3 оренбургских и 2 астраханских. И хотя экспедиции получили название согласно конечной цели их деятельности, но фактически отряды изучили гораздо большую территорию страны. Маршруты экспедиций захватывали Урал и Сибирь, а на Севере отряды дошли до Кольского полуострова и Печоры. Очень быстро астрономические наблюдения отошли на второй план, уступив место натуралистическим. Основной целью являлось исследование природных богатств страны, а также собирание этнографических и исторических материалов. Велось из-

^{*} Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 12-П-6-1003 «Документальное научное наследие Российской академии наук на Европейском Севере России: выявление, систематизация, интерпретация».

учение археологических памятников, составлялись исторические справки, описания отдельных регионов России. Участники не только собирали и обобщали факты, но и на основе их анализа создавали научные труды. Во главе экспедиций были поставлены П.С. Паллас, И.И. Лепёхин, С.Г. Гмелин, И.А. Гильденштедт, И.Л. Фальк. В каждый отряд кроме руководителя, входило 5–6 студентов, прикомандированных для научной работы, а также технический персонал — рисовальщики, чучельники и др.²

В свете рассматриваемой темы нас интересует экспедиция Ивана Ивановича Лепёхина 1768–1772 гг. План экспедиции предполагал сложный маршрут, крайними пунктами которого были Москва — Тобольск — Москва. Однако Тобольск уже посетил П.С. Паллас, а Вятка, Казань и другие районы были обследованы Н.П. Рачковым. В связи с этим И.И. Лепёхин принял решение изменить маршрут и направил отряд через Верхотурье — Соликамск — Кай-городок — Устюг Великий — Северную Двину — Архангельск³.

Результатом экспедиции И.И. Лепёхина стал трехтомный труд «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства». В этой работе освещен широкий круг вопросов по естествознанию, этнографии, экономике, истории. В «Дневных записках...» подробно описаны крупнейшие города, через которые проходили участники экспедиции, сообщались легенды и исторические сведения, характеризовалось современное состояние провинций, число жителей. Приводились данные о промышленном производстве, торговле, земледелии, наличии местных ресурсов и их использовании, культурном облике, нравах и быте горожан⁴.

Таким образом, Астраханские и Оренбургские экспедиции заложили научную основу проведения крупномасштабных академических исследований, направленных на изучение широкого круга вопросов освоения отдаленных территорий.

В последующие годы Академия наук посылала на Север довольно много экспедиций, все их перечислять нет смысла. Нам важно обратить внимание на тот факт, что Европейский Север продолжал привлекать исследователей, но это были единичные экспедиции, цель которых заключалась в сборе обобщенных сведений. Они не могли стать основой для дальнейшего промышленного освоения региона. Более того, с первой половины XIX в. Академия наук стала утрачивать роль единственного в России центра по естественнонаучным исследованиям. Наряду с Академией наук исследования стали проводить комитеты и комиссии при министерствах. Историки отмечают, что деятельность Академии наук была тесно связана с работой ведомственных учреждений, и ее члены входили в состав многих комитетов. Почти не организуя самостоятельных научных экспедиций, Академия наук по мере возможности участвовала в экспедициях, организуемых другими ведомствами. В научной литературе утвердилось мнение, что до начала XX в. экспедиции по изучению производительных сил страны считались Российской Академией наук неакадемическими, не были связаны с общим планом научных исследований и проводились в зависимости от интересов отдельных исследователей и ученых⁵.

В начале XIX в. Европейский Север становится объектом пристального внимания политиков, промышленников, ученых и общественных деятелей. Развитие Севера, по их мнению, в силу его географического положения и богатейших природных ресурсов должно было стать одним из важнейших направлений правительственной политики. Однако отсутствие точных сведений в отношении северных территорий препятствовало осуществлению намеченных планов, поэтому русское правительство предпринимает активные шаги по выяснению географических, гидрографических, геологических этнографических, ботанических, зоологических и других сведений⁶.

В 1888 г. архангельский губернатор князь Н.Д. Голицын предпринял поездку для ознакомления с Запечорским краем. Затем им была представлена на имя императора Александра III записка, в которой предлагался ряд мер по освоению края, в частности — создание в низовьях Печоры отдельного Печорского уезда. После этого по Высочайшему повелению Министерство государственных имуществ и Министерство внутренних дел через Геологический Комитет России организовали в 1889—1890 гг. комплексную экспедицию по исследованию Притиманской части Печорского края под руководством академика Ф.Н. Чернышева⁷.

Тиманской экспедицией были осуществлены поисковые маршруты, охватившие не менее 10 тыс. км, освещено геологическое строение местности площадью свыше 100 тыс. кв. км. Разведаны, описаны и оценены основные полезные ископаемые на этой территории и издана десятиверстная геологическая карта. Экспедицией фактически было положено начало научному изучению Ухтинского нефтяного района и обоснованы его перспективы.

В конце XIX в. исследование северных территорий в значительной степени было связано с общественной инициативой. На средства Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии были проведены ботанические, ихтиологические, зоологические исследования. В конце 1896 г. научными исследованиями Европейского Севера занялся Комитет для помощи поморам (КПП). Северной комиссией КПП были определены неотложные меры для улучшения экономического положения Русского Севера. Помимо традиционных мер, свойственных КПП, таких как оказание помощи пострадавшим в море и осиротевшим семействам, принятие мер по развитию северного торгового флота, были и научные задачи: улучшение условий плавания в северных водах, издание морских карт, издание метеорологических и гидрометеорологических сведений о регионе, организация промысловых исследований, издание промысловых карт и руководств, охрана промысловых богатств северных морей, создание инспекций рыбных и звериных промыслов в этих районах. В программу входили также вопросы развития Мурмана, Печорского края и новоземельских промыслов, охраны морских территориальных вод Русского Севера и многое другое⁸.

Присутствие академической науки на Севере значительно усилилось с созданием в 1914 г. постоянной Полярной комиссии Академии наук. В начале XX в. Академия наук по-прежнему не обладала необходимыми финансовыми средствами и техническими возможностями для проведения собственных комплексных экспедиций. Поэтому основной функцией Полярной комиссии Академии наук была координация исследований, проводившихся в Арктике силами различных ведомств. В организационном становлении и деятельности Полярной комиссии большую роль сыграли выдающиеся ученые и полярные исследователи, прежде всего — академик А.П. Карпинский, геолог и палеонтолог И.П. Толмачев, гидрограф, генерал М.Е. Жданко, гидрограф и зоолог Л.Л. Брейтфус, ботаник А.И. Толмачев, полярный исследователь Г.А. Ушаков, военный гидрограф В.В. Ахматов, гидрограф Д.Д. Руднев, картограф П.П. Померанцев, начальник Северной научно-промысловой экспедиции Р.Л. Самойлович и др. Члены Полярной комиссии принимали участие в составлении 15 физико-географических и административных карт северных территорий. Это карты районов экспедиционных исследований Академии наук (Гыданского полуострова и др.), национальных округов (Ненецкого, Ямальского и др.), административно-территориальных образований (Северного края и др.) и крупномасштабные карты Приенисейского севера, Новой Земли и др.⁹

После начала Первой мировой войны Россия почувствовала острую нехватку некоторых видов природного сырья, которые она завозила из Германии. (Например, в России в то время не велась добыча серы, сурьмы, алюминия, бария, бора.) В.И. Вернадский на заседании Физико-математического отделения Академии наук выступил с заявлением, в котором так охарактеризовал сложившуюся ситуацию: «Обладая огромными природными источниками сил, Россия находилась в такой экономической зависимости от Германии, которая далеко выходила за пределы неизбежного и желательного экономического снабжения и экономического обмена с соседней культурной нацией. Война раскрыла глаза русскому обществу на размеры и характер этой зависимости, на ее проникновение во весь обиход нашей жизни... Внимание общества не было в достаточной степени обращено на окружающую нас природу, которая является источником производительных сил в стране»¹⁰. Помимо В.И. Вернадского, заявление подписали академики Н.И. Андрусов, князь Б.Б. Голицын, А.П. Карпинский и Н.С. Курнаков. В.И. Вернадский стал главным инициатором и руководителем постоянной Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) при Академии наук. В 1916–1917 гг. совместно с Полярной комиссией и сельскохозяйственным комитетом Академии наук КЕПС разработала программу геологической съемки и картографирования Севера России, изучения водных ресурсов, рыбного и охотничьего промыслов, лесных запасов и других природных богатств. К этой работе привлекались крупные ученые, а также местные научные кадры. В 1917 г. была создана Подкомиссия по вопросу изучения и исследования естественных и производительных сил Русского Севера. В мае 1918 г. на ее основе организовали отдел по исследованию Севера КЕПС под руководством В.И. Вернадского, а позднее — А.П. Карпинского.

После Октябрьской революции интерес к изучению Севера значительно возрос. Внимание советского правительства к проблемам Севера было продиктовано прежде всего сложной экономической и политической ситуацией (экономическая блокада, острота продовольственного вопроса, отсутствие собственной полноценной сырьевой базы, значимость незамерзающего Мурманского порта, Северного морского пути и т.д.).

4 марта 1920 г. была учреждена Северная научно-промысловая экспедиция при ВСНХ (СНПЭ). Ей предписывалось проводить научно-исследовательские и промысловые работы, а также координировать любые изыскания, предпринимаемые другими организациями на всем пространстве к северу от 60-й параллели.

Одним из инициаторов создания СНПЭ и ее первым директором был инженер-геолог Р.Л. Самойлович. Председателем совета — президент Российской Академии наук А.П. Карпинский, его заместителем — академик А.Е. Ферсман, «рядовые» члены — профессора Н.М. Книпович, К.М. Дерюгин, Л.С. Берг, президент Географического общества Ю.М. Шокальский, писатель А.М. Горький и другие деятели науки и культуры. Таким образом, Северная экспедиция аккумулировала в себе всех исследователей, которые на протяжении предыдущих лет занимались изучением Европейского Севера. 16–24 мая 1920 г. в Петрограде в здании Географического общества под председательством А.П. Карпинского состоялось совещание по проблемам Севера. С этого момента, по мнению некоторых исследователей, Академия наук взяла на себя роль координатора исследовательской деятельности на Севере¹¹.

Только в 1921 г. работали 23 отряда СНПЭ общей численностью более 400 человек. Исследованиями было охвачено около 40% площади Советской России — Белое, Карское, Баренцево моря, Большеземельная тундра, район Печоры, берега Оби, Кольский полуостров, хребет Пай-Хой. Беломорский гидролого-ихтиологиче-

ский отряд возглавил выдающийся зоолог П.Ю. Шмидт, геологические — академик А.Е. Ферсман и профессор А.А. Чернов. В результате работы экспедиций были обнаружены многочисленные месторождения полезных ископаемых. На Кольском полуострове отряд А.Е. Ферсмана открыл крупнейшие в мире запасы апатитов. Исследования на Печоре начались одновременно с возобновлением поисков нефти. В результате усилий всех заинтересованных организаций и при активной поддержке правительства страны с 1922 г. началось освоение Ухтинского нефтяного района. В отчетах руководителя Северной экспедиции профессора Р.Л. Самойловича за 1924 г. упоминается об открытии каменного угля на Печоре¹². В этот же период Северная экспедиция начала проводить научные исследования в Баренцевом море (у берегов Новой Земли и к северу от Кольского залива). По инициативе профессора Н.М. Книповича был организован, а затем получил широкое развитие траловый лов рыбы в Баренцевом море.

Важное народнохозяйственное значение приобрели работы СНПЭ на Кольском полуострове, где располагалась одна из двух ее хозяйственно-административных баз. Только в 1920 г. сюда было направлено шесть из семи отрядов СНПЭ. Всего же до 1925 г. на Мурмане побывало 27 ее комплексных отрядов. Усилиями Н.М. Книповича, К.М. Дерюгина, Е.К. Суворова и других ученых СНПЭ внесла немалый вклад в развитие отечественной рыбной промышленности: открыла в Баренцевом море ряд новых мест скопления рыбы, существенно продвинулась в изучении биологии разных видов рыб, исследовала экономические возможности промысловых хозяйств. Под руководством А.Е. Ферсмана было положено начало систематическим геолого-минералогическим изысканиям в центральной части Кольского полуострова. Участники ферсмановских экспедиций в течение 1920—1924 гг. обнаружили в Хибинских и Ловозерских тундрах свыше 85 различных минеральных видов, из них 10 представляли большую редкость и огромный научный интерес. Под началом В.Н. Сукачева и Н.И. Прохорова была поставлена большая работа по комплексному изучению растительности и почв Кольского полуострова, доказана возможность широкого развития здесь огородничества, отчасти и посевов отдельных злаков. Эти и другие исследования СНПЭ легли в основу разработки планов развития экономики края, осуществленных позже, в период довоенных пятилеток. Успехи научных исследований СНПЭ были так значительны, что в марте 1925 г. она была реорганизована в Институт по изучению Севера (в дальнейшем преобразованный в Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт).

Академия наук финансировалась советскими властями лучше, чем в дореволюционный период. Совнарком 12 апреля 1918 г. постановил «признать необходимость финансирования соответствующих работ Академии наук и указать ей, как особенно важную и неотложную задачу, разрешение проблемы правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил»¹³. В годы предвоенных пятилеток одной из основных форм изучения территории страны стали комплексные экспедиции.

Только в 1926 г. Академия наук организовала 56 комплексных экспедиций. В 1920-е гг. много сил и средств было направлено на изучение Севера. Например, Кольская комплексная экспедиция под руководством А.Е. Ферсмана работала с 1928 по 1935 г. В ее рамках было организовано около 70 отрядов, включавших в себя до 100 партий (более 300 научных сотрудников). Многопрофильными исследованиями оказалась охвачена практически вся территория края. Проведенные Кольской экспедицией работы дали науке и практике немало новых месторождений, позволили обоб-

щить данные по географии и биологии большей части полуострова, составить его новую карту в масштабе 1:500000, способствовали накоплению ценного этнографического материала. Всего к середине 1930-х гг. АН СССР выполнила в крае до 20% всех научных работ (в течение 15 лет сюда было направлено 135 академических отрядов) и до 10% геологических изысканий¹⁴.

Для успешного проведения комплексных исследований требовались опорные пункты на местах. В 1930 г. Кольская экспедиция АН СССР была преобразована в Хибинскую горную станцию (1930), с обретением позднее последней статуса академической базы (1934). Главная заслуга в этом принадлежала академику А.Е.Ферсману.

8 июня 1933 г. из Архангельска начала работу другая комплексная экспедиция — Печорская бригада Академии наук СССР во главе с ее президентом Александром Петровичем Карпинским. В состав бригады входили видные ученые — академики и профессора А.Е. Ферсман, Р.Л. Самойлович, А.А. Чернов, А.И. Толмачев, Н.А. Кулик, С.В. Керцелли и др. Как видно из приведенных имен, многие члены Печорской бригады состояли в Полярной Комиссии АН СССР. В течение трех месяцев члены бригады проводили широкий комплекс научно-исследовательских работ в бассейне реки Печоры, ознакомились с природными богатствами Европейского Севера и возможностями их использования. По примеру Архангельска А.П. Карпинский провел множество деловых встреч в Сыктывкаре. Он общался как с руководителями республики, так и с простыми жителями, рассказывая о богатстве природы края и необходимости его научного изучения.

По итогам работы Печорской бригады состоялось заседание Президиума АН СССР, на котором было принята «Гипотеза развития Печорского края на 1935—1947—1950 годы», а также намечен оперативный план на ближайшие годы. На базе этих документов разрабатывались правительственные постановления и определялась стратегия экономического развития республики¹⁵.

Другим важным результатом работы Печорской бригады стала организация в конце 1933 г. Бюро Полярной комиссии в Северном крае (Бюро по изучению Северного Края). Работа Бюро по изучению Северного края оказалась плодотворной и востребованной. В центре внимания были вопросы планирования научно-исследовательских работ в регионе, проблемы перспективного освоения природных ресурсов. В 1936 г. Президиум Академии наук принял решение о реорганизации Бюро Северного края в Северную Базу Академии наук СССР в Архангельске во главе с крупным ученым, известным исследователем Севера Н.М. Книповичем.

Изучению территории Коми АССР по-прежнему уделялось большое внимание. Руководитель ботанического сектора А.И. Толмачев возглавил исследования по изучению растительности Северного края. Геологические работы в регионе возглавил заведующий геологическим сектором А.А. Чернов. Геологические экспедиции расширили границы Печорского угольного бассейна, способствовали открытию промышленных залежей нефти на Средней Печоре. Успехи ученых позволили республиканским властям ходатайствовать об организации в 1939 г. в Сыктывкаре ячейки Северной базы АН СССР. В 1941 г. именно в Сыктывкар были эвакуированы Северная и Кольская базы АН СССР. После войны Кольская база вернулась в Кировскую область, а Северная база осталась в Сыктывкаре под названием База АН СССР в Коми АССР (позднее Коми филиал АН СССР).

В процессе изучения природы и богатств Севера особняком стояла Карелия. В начале своей истории Академия наук нечасто направляла экспедиции на эту тер-

риторию. Во второй половине XVIII в. под влиянием идей М.В. Ломоносова исследования Карелии становятся более систематическими. Кроме И. Лепёхина сюда направляются экспедиции академиков Э. Лаксмана, Н. Озерецковского, П. Иноходцева. Появляются «Описания...», составленные разного рода должностными лицами: генерал-губернатором Т.И. Тутомлиным, губернатором Г.Р. Державиным, секунд-майором П. Челишевым. В начале XIX в. публикуются работы по истории Олонецких горных заводов (И. Гурман, А. Ярцев, И. Лопатинский и др.), историческое исследование Т.В. Баландина и т.д. Продолжаются разнообразные путешествия и экспедиции ученых К. Гревингга, И.С. Полякова, Е.В. Барсова, А.А. Иностранцева, Д.Е. Европеуса и др. Язык, фольклор и этнографию местного населения (карел, вепсов, русских) изучали И.А. Шегрен, Ф. Глинка, Э. Леннрот, а вслед за ними М.А. Кастрен, С.А. Раевский, А.Ф. Гильфердинг, Б.Н. Харузин, Е.В. Барсов¹⁶. Академик А.А. Шахматов исследовал двинские грамоты, а также другие рукописные источники, найденные на Архангельском Севере и в Карелии¹⁷.

Однако по-настоящему систематические исследования Карелии начались лишь в 1920-е гг. после создания «Общества изучения Карелии», которое стало идейным продолжателем «Общества изучения Олонецкой губернии», просуществовавшего с 1913 по 1918 г. Свою основную цель эта краеведческая организация видела в содействии хозяйственному и культурному строительству в крае. Для развития науки в Карелии большое значение имела близость Ленинграда, научные институты которого направляли многочисленные экспедиции в Карелию. Например, в 1928 г. в Карелии работало 23 экспедиции различных научных и музейных учреждений, вузов, ведомств из Москвы и Ленинграда. Однако собранные материалы, как правило, вывозили из республики. Поэтому у местных краеведов крепло желание самим активнее включаться в экспедиционные работы, наладить их координацию, усилить контроль¹⁸.

Хорошей базой для начала собственных систематических исследований стал естественно-промышленный и историко-этнографический музей (впоследствии государственный краеведческий музей). По инициативе его руководителя С.А. Макарьева Совнаркомом Автономной Карельской ССР принял пятилетний план работ, ориентированный на развитие и углубление научных исследований в Карелии. В основу был заложен принцип «районного исследования», т.е. планомерного, поэтапного изучения всех районов Карелии. Музею поручили в течение нескольких месяцев детально проработать вопрос об организации Карельского научно-исследовательского (комплексного) института (КНИИ). Поставленные республиканским руководством задачи не могли быть решены силами музея. Для этого требовалось самостоятельное научное учреждение. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. во многих республиках начали появляться собственные научные учреждения. В Коми подобный институт был организован в 1934 г.

В составе КНИИ организовали шесть отделов, которые по охвату разрабатываемых проблем можно сравнить с лабораториями и отделами в Северной и Кольской базах АН СССР: 1) лесного хозяйства; 2) естественно-производительных сил (с тремя секторами: прикладной математики и механики; стройматериалов; гидрологии и аэродинамики); 3) сельского хозяйства; 4) социально-экономическая; 5) историко-революционная (или истории революционного движения); 6) этнографо-лингвистическая.

Уже в 1931 г. КНИИ организовал 19 экспедиций и полевых выездов с участием 63 человек. Началась систематическая собирательская работа, позволившая выявить

и сохранить ценнейшие полевые материалы, обогатить источниковую базу научных исследований.

Безусловно, в отличие от академических баз, в КНИИ не было столько высококвалифицированных научных кадров. Для решения этой проблемы активно использовалась целевая аспирантура в Ленинграде. Широко практиковалось привлечение крупнейших ученых из Ленинграда и Москвы. Нашлась и необычная организационная форма. При институте был создан Президиум в составе 93 человек — более многочисленный, чем весь штат. Члены Президиума утверждались персонально на уровне правительства республики. В Президиум вошли ученые, работавшие в КНИИ, а также иногородние (приглашенные), которых зачисляли сверх основного штата. В состав Президиума вошли академики Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, А.Е. Ферсман, Д.И. Соколов.

В меру своих сил и возможностей члены Президиума помогали институту: входили в ученый совет, работали внештатными сотрудниками, выступали консультантами, научными редакторами, руководителями аспирантов, начальниками экспедиций и полевых отрядов и, что очень важно, авторами фундаментальных работ по слабо или вовсе не исследованным проблемам истории и культуры Карелии. Постепенно КНИИ стал комплексным научным центром КАССР, ориентированным прежде всего на выработку научных основ развития экономики, изучение и рациональное использование природных ресурсов¹⁹.

В 1937 г. КНИИ был реорганизован в Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК). Количество направлений научных исследований было ограничено изучением вопросов карельской культуры, особенностей языка и фольклора. Однако образование Карело-Финской союзной республики в апреле 1940 г. породило новые инициативы и по развитию науки в Карелии. В резолюции состоявшегося в том же месяце I съезда коммунистов республики было заявлено, что «...Съезд считает совершенно необходимым преобразование КНИИКа, создав вместо него республиканский филиал АН СССР». Начавшаяся война приостановила процесс развития института. Однако уже в мае 1945 г. в Петрозаводске на представительной геологической конференции в очередной раз был поднят вопрос об открытии в Петрозаводске базы АН СССР. Опираясь на опыт и результаты работы КНИИ и КНИИК, глава Правительства Карелии П.С. Прокконен обратился в Президиум АН СССР с ходатайством о создании в республике многоотраслевой базы АН СССР, способной вести комплексное изучение проблем хозяйства и культуры республики. Вскоре последовало и распоряжение Совнаркома СССР от 24 октября 1945 г., давшее старт началу научно-организационной работы. Одним из первых шагов и стало преобразование КНИИКа в Институт истории, языка и литературы и включение этого института в состав создаваемой Карело-Финской базы АН СССР.

Таким образом, именно Российская академия наук заложила основы комплексного изучения Европейского Севера. В последующие годы инициатива перешла к общественным организациям и обществам, государственным учреждениям, одиночкам-естествоиспытателям, которые внесли существенный вклад в изучение и описание природных богатств Севера. Однако промышленное освоение этого края началось только после возвращения в регион Академии наук. Сначала экспедиции Полярной комиссии АН СССР определили высокий промышленный потенциал Северного края и обосновали необходимость планомерного изучения территории. Организация академических баз стала логическим завершением экспедиционного периода в истории научного освоения Севера.

- ¹ Булатов В.Н. Наука на Архангельском Севере: исторический очерк. Архангельск; М., 2007. С. 42.
- ² Нечаева С. Роль академических экспедиций XVIII века в освоении и изучении Азиатской России // Вестник Челябинского университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2002. № 1. С. 154.
- ³ Булатов В.Н. Указ. соч. С. 81–82.
- ⁴ Лепёхин И.И. «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства» в 4-х частях. СПб., 1771–1805.
- ⁵ Малкова Т.А. Научные исследования территории Республики Коми в первой половине XX века (1901–1945 гг.). Сыктывкар, 2008. С. 20.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Терюков А.И. Коллекция Ф.М. Истомина из печорского края в собрании МАЭ // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. СПб., 2009. С. 231–234.
- ⁸ Булатов В.Н. Указ. соч. С. 177.
- ⁹ Красникова О.А. Академия наук и исследования в Арктике: деятельность полярной комиссии в 1914–1936 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 2006. № 4. С. 64–81.
- ¹⁰ Кольцов А.В. Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил России: 1914–1918 гг. // Вопросы истории естествознания и техники. 1999. № 2. С. 128–139; Вернадский В.И. Избранные сочинения. М., 1954. Т. 1. С. 416.
- ¹¹ Петров В.П., Макарова Е.И., Токарев А.Д. Исследования Академии наук на Кольском Севере: взаимоотношения с властью, 1920–1940 гг. // Геология и стратегические полезные ископаемые Кольского региона. Труды IX Всероссийской (с международным участием) Ферсмановской научной сессии, посвященной 60-летию Геологического института КНИЦ РАН. Апатиты, 2–3 апреля 2012 г. Апатиты; М., 2012. С. 34.
- ¹² Булатов В.Н. Указ. соч. С. 211.
- ¹³ Комков Г.Д., Левшин Б.В., Семенов Л.К. Академия наук СССР. Краткий очерк истории и деятельности. М., 1974. С. 258.
- ¹⁴ Архив Кольского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 69. Л. 6.
- ¹⁵ Самарин А.В. Хронология начала Академических исследований Коми края // Известия Коми научного центра Уро РАН. 2010. № 1. С. 114.
- ¹⁶ Академическая наука в Карелии: 1946–2006. В 2 т. М., 2006. С. 17.
- ¹⁷ Булатов В.Н. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁸ Академическая наука в Карелии... С. 19.
- ¹⁹ Там же. С. 20–25.

Из переписки академика В.П. Бузескула с профессором И.Н. Бороздиным

В фонде профессора истории Ильи Николаевича Бороздина, поступившем в Архив РАН в 2008 г., значительное место занимает его переписка с представителями науки и культуры первой половины XX в. В силу специфики его интересов и деятельности корреспондентами в основном выступают историки, археологи, востоковеды, этнографы, историографы — представители как дореволюционной, так и советской науки. Сложно переоценить значение писем для понимания не только межличностных связей в научной среде, но и взглядов ученых, их эволюции, планов, оценки происходящих событий. К сожалению, часть документов профессора была утрачена в силу сложных перипетий его судьбы — несколько арестов, ГУЛАГ, переезды и даже землетрясение 1947 г. в Ашхабаде. В сохранившемся эпистолярном наследии И.Н. Бороздина важное место занимают письма академика Владислава Петровича Бузескула, профессора всеобщей истории Харьковского университета.

Интерес В.П. Бузескула к истории проявился в годы обучения во 2-ой Харьковской классической гимназии; окончив ее в 1876 г. с золотой медалью, он поступил в Харьковский университет на историческое отделение историко-филологического факультета. Почти вся его дальнейшая жизнь была связана с этим университетом. В 1890 г. Бузескул, защитив диссертацию на степень магистра всеобщей истории по теме «Перикл. Историко-критический этюд», стал экстраординарным профессором, а в 1895 г., после защиты докторской диссертации по теме «Афинская полития Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V века до Р.Х.», — ординарным профессором. Также он входил в состав Историко-филологического Общества, созданного при факультете в 1876 г., и часто публиковался на страницах его печатного органа «Сборник». В 1905 г. на несколько лет Бузескул стал деканом историко-филологического факультета. В 1910 г. он был избран членом-корреспондентом Российской академии Наук.

Февральская революция расколола харьковскую профессуру на два лагеря, консервативный и либеральный; Владислав Петрович оказался во втором. Вместе с другими членами Совета Харьковского университета он участвовал в отправлении приветственной телеграммы Временному правительству. После Октябрьской революции и установления в Харькове советской власти часть профессуры заняла враждебную позицию и начала саботировать ее распоряжения; Бузескул же продолжал вести занятия, заниматься научной деятельностью. Невзирая на недовольство политикой большевиков, особенно в области образования (например, появление в университете политкомиссаров, занявшихся регламентацией жизни высшей школы в русле марксистско-ленинской идеологии), и даже последовавший в 1920 г. недолгий арест, у Владислава Петровича никогда не возникало мысли оставить университет и уехать за границу.

Харьковский университет был ликвидирован, вместо него в 1920 г. были образованы Временные высшие педагогические курсы, затем Академия теоретических знаний, через год преобразованная в Харьковский институт народного образования

(ХИНО). На социально-экономическом отделении факультета профессионального образования ХИНО и продолжил свою деятельность В.П. Бузескул. Его заслуги были признаны в 1922 г. он был избран действительным членом Российской академии наук, а в 1925 г. — членом Всеукраинской академии наук.

Что же связывало к тому времени уже маститого ученого, одного из основоположников социально-политического направления в отечественном антиковедении, и пока еще начинающего — на 1908 год, — историка; как могло начаться их общение?

Первое письмо Бузескула Бороздину датировано 27 сентября 1911 г., однако, судя по тексту, они уже были знакомы. Они могли познакомиться в Московском Археологическом обществе, в котором Бузескул был почетным членом, а Бороздин в 1908 г. вступил и начал работать под руководством графини П.С. Уваровой, или же встретиться на одной из научных конференций. Как следует из письма Владислава Петровича от 26 сентября 1913 г., на XV Археологическом съезде в Новгороде, проходившем с 21 июля по 4 августа 1911 г., они точно встречались: «...с большим интересом тотчас же прочитал Вашу статью и живо перенесся мыслью — в Новгород, вспомнил о съезде и о нашей с Вами встрече».

Оба принадлежали к теперь редко встречающемуся типу «всеобщих историков», чьи научные интересы не были ограничены какими-либо тематическими, хронологическими или географическими рамками. История древнего мира¹, Европы в различные периоды², археологические открытия³ и, конечно, история исторической науки⁴ — все эти вопросы находились в сфере научных интересов Бузескула и Бороздина. Оба были книголюбями и книгособирателями. Владислав Петрович в одном из первых писем (от 17 мая 1913 г.) отмечает, хотя и несколько сдержанно: «Вполне сочувствую Вашей страсти к книгам и библиографии. Сам до некоторой степени страдаю тем же». В дальнейшем же почти каждое письмо начинается с обсуждения каких-либо книг или статей, зачастую присланных Бороздиным из Москвы; это всегда вызывало неизменную признательность Бузескула, особенно в сложные военные и послереволюционные годы: «Спасибо за присылку интересного, полезного и роскошного издания “Древний мир”. От души желаю ему успеха» (письмо от 27 декабря 1914 г.). Несомненно, все это способствовало сближению двух историков, несмотря на разницу в возрасте и положении. Вполне вероятно, что украинский профессор оказал некоторое влияние на формирование взглядов и интересов Бороздина: его труды, особенно в области антиковедения и историографии, были источником знаний для Ильи Николаевича. В письмах Владислава Петровича нашли отражение не только события его научной и научно-организационной деятельности, но и, как свидетельство достаточно близких отношений, обстоятельства личной жизни. Также переписка показывает круг межличностных связей в научной среде начала XX в.; Бузескул упоминает в разных контекстах таких историков, как Л.Н. Беркут, Н.С. Гольдин, С.А. Жебелев, Н.И. Кареев, С.В. Соловьев, А.В. Никитский, В.Ф. Левитский, М.К. Лемке, А.И. Покровский, Е.Е. Кагаров, Б.В. Фармаковский, Э.Р. фон Штерн.

Всего в архиве И.Н. Бороздина насчитывается 32 письма от украинского историка за период с 27 сентября 1911 г. по 12 июня 1929 г. Все они написаны из Харькова с перерывами, наиболее длительные — с 1916 по 1919 г. и с 1919 по 1921 г. Действительно ли не было писем в эти периоды или они не сохранились? Сложности с бумагой, доставкой, наконец, тяготы войны, — все это могло сказаться на переписке. К примеру, в письме от 6(19) апреля 1919 г. Бузескул пишет: «Очень рад был получить, после такого долгого перерыва, Ваше письмо. Шло оно более месяца и пришло со штемпелем: “вскрыто военной цензурой”...». Однако и после войны продолжали

возникать проблемы; так, уже в 1924 г. несколько раз Владислав Петрович сетует Бороздину на то, что «письмам нашим не везет: Вашего письма из Ялты я не получил» (3 ноября 1924 г.); или же: «Ваше второе письмо (от 12 июня) получил, хотя с некоторым опозданием, а предыдущее так и не дошло до меня» (29 июня 1924 г.).

Первые письма украинского историка исключительно научно-деловые; он благодарит Бороздина за присылку различных публикаций и книг, а также делится своими планами по работе и написанию статей: «...работа над курсом не подвигается: отвлекают лекции, экзамены в испытательной комиссии (у нас председательствует теперь А.В. Никитский) и т. под... надо готовить статью в сборник Штерна (остановился на “Новейших гипотезах об источниках Афинской Политии”)». Эта статья действительно была написана и издана в 1912 г. в «Записках Одесского Общества Истории и Древностей», в сборнике статей в честь профессора Эрнста Романовича фон Штерна.

Письмо от 17 мая 1913 г. содержит некоторые сведения об издании «Лекций по всемирной истории» М.Н. Петрова. Владислав Петрович пишет, что с удивлением узнал от Бороздина о выходе нового издания «Лекций» в его «обработке», поскольку не занимался этой работой «по недосугу и нездоровью». Редактирование этого издания осуществлял П.Н. Ардашев, а фамилию Бузескула, по его мнению, издатель поместил по причине того, что прежние издания выходили под редакцией харьковского историка.

В следующем письме (26 сентября 1913 г.) Бузескул с огорчением пишет, что слишком поздно узнал о сборнике в честь Н.И. Кареева, с которым он был в дружеских отношениях, поэтому «летом не мог приготовить ничего, а прежнего чего-либо готового» нет. Однако в вышедшем в 1914 г. сборнике «Н.И. Карееву ученики и товарищи по научной работе. К сорокалетию профессорской деятельности Н.И. Кареева» все же опубликована статья Владислава Петровича «О монархической власти в раннем греческом средневековье».

Вероятно, причиной того, что летом 1913 г. Бузескул не написал ничего нового, стала его занятость в связи с работой над повторной публикацией «Античности и современности». Этот сборник статей Бузескула для популяризации знаний об античности, где он проводит аналогии между древним миром и современностью по социальному, политическому и культурному аспектам, уже после первого издания пользовался огромной популярностью. В том же письме он сообщает Бороздину, что «занят просмотром “Античности и современности” для 2-го издания; получил от М.К. Лемке уведомление, что надо печатать уже...». Второе издание вышло через год после первого, в 1914 г.; в 1924 г. оно было переведено на чешский язык с дополнениями автора для этого перевода, в том же году вышло третье издание с дополнениями и статьей о третьей суде.

В письме от 24 января 1914 г., одном из самых объемных и интересных, В.П. Бузескул сообщает, что завершает работу над «Лекциями по истории Греции» и уже ведет переговоры с типографиями. Он в подробностях рассказывает, как и по каким причинам изменил первоначальный план «Лекций», а также о сложностях с написанием второй части — «История Греции до конца VI в.». Что касается третьей части — «Истории Афинской демократии», историк не хотел расчленять материал и о ее создании пишет: «Ради цельности последней я жертвую цельностью курса».

К этому же письму он прикладывает автобиографию, вероятнее всего, для готовившегося в то время под редакцией П.С. Уваровой и И.Н. Бороздина сборника «Императорское Московское Археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования: (1864—1914 гг.)».

Весь 1914 г. Владислав Петрович продолжает заниматься научной работой, влияние войны еще не ощущается; однако уже в 1915 г. ситуация меняется. Говоря о публикации второго тома «Лекций», он восклицает: «...когда выйдет второй том, и сам не знаю: теперь вообще так трудно работать и печатать!». Вообще этот том ему «с трудом дается, работа не спорится», однако прекращать работу историк не собирается, даже несмотря на то, что добавились проблемы со здоровьем, — в апреле Бузескулу сделали операцию. С сожалением сообщает, что апрель и май прошли «совершенно бесплодно... не мог даже принять участие в диспуте Беркута... в качестве второго официального оппонента». Тем не менее в том же 1915 г. Владислав Петрович смог напечатать рецензию на работу доцента Варшавского университета Л.Н. Беркута «Борьба за инвеституру во времена императора Генриха V».

В 1916 г. харьковский историк отмечает, говоря о «Лекциях», что печататься стало еще тяжелее, «так трудно достать бумагу». Бузескул даже высказывает сомнения, а надо ли вообще их издавать в связи с появлением курса греческой истории Р.Ю. Виппера.

Следует отметить, что в 1915—1916 гг. тон писем немного меняется, становится более дружеским и приватным; если первые письма носили несколько официальный характер, Бузескул как бы знакомился, «приглядывался» к молодому историку, то теперь он уже воспринимает Бороздина как сформировавшегося ученого, более откровенно делится с ним мыслями о работе, планами и научными интересами.

В письме от 28 декабря 1916 г. Владислав Петрович поздравляет Илью Николаевича с Новым Годом: «Да принесет Новый год больше радости, чем его предшественник!». К сожалению, в 1917 г. пожелания историка не сбылись. Как уже говорилось выше, война и революция внесли свои коррективы в жизнь харьковских ученых.

За 1917—1918 гг. писем не сохранилось. В первом после перерыва письме от 6(19) апреля 1919 г. Бузескул сетует на то, что «трудно при нынешних условиях и обстановке заниматься научной работой, а печататься — почти невозможно». С сожалением говорит о разобщенности Харькова с Петроградом и Москвой, даже об отсталости, в первую очередь, в получении новых изданий: «Например, что это за журнал “Мысль”? Я его до сих пор не видел». Однако, несмотря на все это, он не оставляет научной работы, делится с И.Н. Бороздиным планами по подготовке краткого очерка Афинской демократии, сообщает о чтении курса по истории Германии XIX в.

Говоря о переменах в университете, Владислав Петрович сжато перечисляет факты, однако избегает каких-либо оценок, несмотря на несомненное недовольство ситуацией — вероятно, вследствие того, что полученное письмо Бороздина было просмотрено военной цензурой, часть слов была зачеркнута, и Бузескул желал избежать этого в отношении своего письма. Завершает он словами: «Посылаю незапечатанным: кажется, так будет вернее!».

Следующие два письма, от 11 сентября и 15 октября 1921 г., как следует из текста, были отправлены с оказией, потому носят более откровенный характер. Историк подробно рассказывает о жизненных невзгодах: «...испытал я весной прошлого года узничество (хотя никогда политическим деятелем не был), а потом, осенью, был выселен, лишен обстановки, даже письменного стола; переселены мы были в грязную часть города, в грязный вонючий двор... с июня удалось переехать в другую квартиру, правда, тесную, но пока без цвели и вони. Лишенные почти мебели, живем, как пассажиры в ожидании поезда. Через полгода мне наконец отдали мой письменный стол...». Более того, он даже подвергался «некоторому гонению и со стороны... главы “Наркомпроса”». Однако по-прежнему, несмотря на все тяготы послереволюци-

онного времени, Владислав Петрович активно занимается наукой, не помышляя об эмиграции и говоря, что «единственная отрада — работа», рассказывает Бороздину о книге, об открытиях в области истории по Востоку, Греции и Риму, написанием которой занимается в данный момент, о ее структуре. При этом не видит возможности издать ее. Вероятнее всего, речь идет о труде «Открытия XIX и начала XX вв. в области истории древнего мира», который увидит свет в 1923—1924 гг., — это увлекательный и при этом скрупулезный обзор археологических, эпиграфических и папирологических открытий Нового времени.

В марте 1922 г. Бузескулу присудили звание академика; вероятно, поэтому положение его изменилось, о чем он сообщает в письме от 10 апреля 1924 г.: ему вернули дом, самое ценное — библиотеку (с ней «был в разлуке более 3 лет»), удалось издать первую часть «Открытий XIX и начала XX вв. ...», договориться с «Брокгаузом-Ефроном» по поводу второго издания «Истории афинской демократии». Тем не менее «настроение тяжелое», историк думает прекратить преподавание в связи с положением дел в Институте народного образования. И снова главное утешение — работа: Бузескул пишет один из важнейших своих трудов — «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX вв.», пока что назвав его «Очерк развития исторической науки в XIX и начале XX вв. в лице главных ее представителей».

Дальнейшие письма посвящены преимущественно работе Бузескула над различными статьями и книгами, а также — судя по тексту, по предложению И.Н. Бороздина, — над рецензиями для «Нового Востока», членом коллегии которого был последний. Тон писем бодрый, теперь, когда финансовые и жилищные проблемы не стоят так остро и не отвлекают, Бузескул явно увлечен работой, все больше сил и времени отдает занятиям историографией, даже в ущерб антиковедению: «Я, действительно, теперь занимаюсь преимущественно историографией». Следует упомянуть, что вопросы истории исторической науки занимали и И.Н. Бороздина⁵, несомненно, для обоих ученых это была интересная тема для обсуждения.

К письму от 3 ноября 1924 г. добавлено приложение от 12 ноября, где Бузескул упоминает о написании рецензии на книгу «Хетты и хеттская культура», вышедшей под редакцией и с послесловием Ильи Николаевича в 1924 г.

В 1925 г. Бузескул продолжает работу над «Очерком...». Кроме того, у 67-летнего историка снова появились серьезные проблемы со здоровьем; тем не менее он ездил по делам в Москву и Ленинград. Несмотря на эти сложности и занятость, он предлагает Бороздину в ответ на его просьбу написать для «Нового Востока» рецензию на книгу М.И. Ростовцева «A large estate in Egypt in third century B.C.». Однако эту рецензию по своему докладу вскоре опубликовал профессор Г. Пригоровский, а Бузескул занялся рецензией на работу В.Ф. Левитского «Очерки истории хозяйственного быта народов Древнего Востока. Вавилония. Египет».

В сентябре 1926 г. Бороздин и Бузескул встретились на Всесоюзной археологической конференции в Керчи, где последний выступил с докладом об изучении древностей на северном побережье Черного моря и об их значении для мировой и греческой истории. Позже, видимо, Илья Николаевич предложил опубликовать текст доклада, и Бузескул осведомляется о сроках, чтобы успеть написать статью, так как доклад произносил на конференции по конспекту.

За 1927 г. писем нет, письма 1928 и 1929 г. достаточно короткие, преимущественно снова по публикациям. В письме от 12 июня 1929 г. Владислав Петрович говорит, что загружен работой над «Очерками...» «до изнурения», при этом сетует, что нездоровье и командировки в Ленинград по академическим делам выбивают из колеи

и мешают работе. По этой причине не может ничего предложить для публикации в «Новом Востоке».

С 1929 по 1931 г., — год, когда умер Бузескул, — писем не сохранилось; вероятно, они могли встречаться в эти годы в Москве или Ленинграде. Могло сказаться и то, что в последние годы жизни Бузескула незаслуженно притесняли в связи с «академическим делом», и письма этого периода, если они и были, Бороздину после ареста и суда 1935 г. хранить было опасно.

Помимо писем, Илья Николаевич сохранил книги и оттиски статей Владислава Петровича, которые в настоящий момент хранятся в библиотеке Воронежского государственного университета (вдова И.Н. Бороздина, Полина Андреевна, после его смерти передала в дар ВГУ более 5 тыс. книг из библиотеки мужа). Это 12 книг и оттисков за период с 1909 по 1929 г. с дарственными надписями харьковского историка.

Подводя итог вышесказанному, надлежит отметить, что письма Владислава Петровича Бузескула являются важным и интересным источником не только для реконструкции и более подробного изучения его биографии и эволюции научных интересов, но также и для характеристики положения русской научной интеллигенции, коммуникативных связей в переходный период, когда часть профессуры приспособлялась теми или иными способами к наступившим переменам, а часть не смогла с ними смириться и предпочла покинуть Россию.

- ¹ *Бороздин И.Н.* Заметки по греческому эмфитевзису // *Гермес.* 1909. № 4–5; *Он же.* Хеттские законы // *Новый Восток.* 1923. № 4; *Бузескул В.П.* Афинская политая Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в. Харьков, 1895; *Он же.* Введение в историю Греции. Харьков, 1903; *Он же.* Открытия в области культуры хеттов и «хеттский вопрос» // *Наука на Украине.* 1922. № 2; *Он же.* Перикл. Личность. Деятельность. Значение. Пг., 1923.
- ² *Бороздин И.Н.* Очерки по истории рабочего движения и рабочего вопроса во Франции в XIX веке. СПб., 1906; *Он же.* Каролингское возрождение. Феодализм // *Древний мир и средние века.* М., 1913; *Бузескул В.П.* Папство и Арнольд Брешианский. Харьков, 1884; *Надлер В.К.* Лекции по истории Французской революции и империи Наполеона (1789–1815) / Изд. в обработке В.П. Бузескула. Харьков, 1898.
- ³ *Бороздин И.Н.* Из области русских археологических открытий // *Вестник Европы.* 1910. № 12; *Он же.* Новейшие археологические открытия в Крыму. М., 1925; *Он же.* Раскопки Геркуланума // *Архитектура СССР.* 1935. № 1; *Бузескул В.П.* Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. Ч. II. Пг., 1924.
- ⁴ *Бороздин И.Н.* П.Н. Кудрявцев как историк древнего мира // *Вестник древней истории.* 1951. № 2; *Он же.* К вопросу о преподавании историографии всеобщей истории в высшей школе // *Труды ВГУ.* 1954. Т. XXV; *Он же.* Т.Н. Грановский и вопросы истории Византии // *Византийский временник.* 1956. Т. XI; *Бузескул В.П.* Об отношении Т.Н. Грановского к античному миру // *Гермес.* 1913. № 7; *Он же.* Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и нач. XX вв. Пг., 1915; *Он же.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и нач. XX вв. Л., 1929.
- ⁵ *Бороздин И.Н.* К вопросу о современных направлениях в изучении древней истории // *Сборник статей в честь проф. В.П. Бузескула.* Харьков, 1914; *Он же.* Изучение истории Древнего мира в 30–40 годах XIX в. // *Очерки исторической науки в СССР.* М., 1955.

Документы Комиссии по истории знаний в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН

Комиссия по истории знаний (КИЗ) — важный и значительный проект в истории отечественной науки, ставший фундаментом для развития историко-научных исследований в России, знаменитая предшественница Института истории науки и техники АН СССР. Она была создана 14 мая 1921 г. постановлением Общего собрания Академии наук по инициативе академика Владимира Ивановича Вернадского (1863—1945). КИЗ ставила перед собой задачу разработки истории развития знания вообще, а также изучение истории научной деятельности Академии наук.

В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранятся документы Комиссии по истории знаний (Ф. 154), охватывающие весь период существования Комиссии, т.е. с момента ее создания до 28 февраля 1932 г., когда произошло преобразование ее в Институт истории науки и техники Академии наук СССР. Среди документов фонда преобладают протоколы заседаний КИЗ, планы и годовые отчеты, положения о комиссии, извлечения из постановлений и распоряжений Общего собрания и Президиума АН СССР, непосредственно связанные с деятельностью Комиссии, стенограммы заседаний; доклады, записки, письма, составленные председателями КИЗ В. И. Вернадским и Н.И. Бухариным; записки членов КИЗ с конкретными предложениями о проведении историко-научных исследований; материалы об издательской деятельности, об организации музея науки и техники, о деятельности Бэровской и Ломоносовской подкомиссий.

Из документов фонда известно, что регулярная научно-организационная деятельность КИЗ началась в марте 1926 г., когда В.И. Вернадский вернулся в Ленинград после длительной зарубежной командировки. 14 ноября 1926 г. в Малом конференц-зале Академии наук состоялось первое публичное заседание восстановленной Комиссии. Из протокола заседания КИЗ известно, что на нем присутствовало 57 человек, среди них академики В.В. Баргольд, А.А. Борисяк, К.Д. Глинка, С.А. Жебелев, В.А. Кистяковский, Д.П. Коновалов, И.Ю. Крачковский, П.А. Лавров, А.П. Павлов, С.Ф. Платонов и другие ведущие ученые академических учреждений Ленинграда¹. На заседании В.И. Вернадский прочитал доклад «Несколько мыслей о современном значении истории науки»². С докладами также выступили академик П.П. Лазарев («Взгляд московских физиков на создание научных школ») и М.А. Блох («Из впечатлений о работах по истории знания в Германии»).

С этого времени подобные публичные научные заседания стали проводиться практически ежемесячно, в них участвовали от 30 до 70 человек. Из докладов, заслушанных на заседаниях КИЗ (их состоялось 104), 59% было посвящено проблемам естественных, 36% — гуманитарных и 5% — технических наук.

Среди выступающих наибольшее количество докладов — 6 — сделано В.И. Вернадским, трижды с докладами выступали историк, член-корреспондент Н.И. Кареев, физик, академик П.П. Лазарев, историк биологии М.М. Соловьев, историк астрономии Д.О. Святский и др. Особый интерес у публики, судя по количеству присутствовавших, вызвали доклады академика А.Ф. Иоффе «Развитие научной мысли в физике XX в.» и академика В.В. Струве «Достижение египетской математики по данным папируса бывшего собрания В.С. Голенищева».

Еще в мае 1921 г., выступая на Общем собрании Академии наук с обоснованием создания КИЗ, В.И. Вернадский говорил о возможности в будущем на ее основе организовать «более крупное самостоятельное научное общество». В мае 1927 г. он писал профессору Б.Л. Личкову: «Работа КИЗ развивается, но мне мечтается о большом Музее по истории знания, в конце концов, об Институте»³. В октябре того же года, определяя перспективы развития КИЗ, он отметил: «В дальнейшем работа Комиссии неизбежно должна привести к созданию специального научного журнала, посвященного истории знаний (его никогда не было на русском языке), так и к организации первого Музея по истории знаний — Музея истории науки и техники»⁴. В 1929 г., когда работа КИЗ значительно расширилась, о чем свидетельствуют материалы фонда, В.И. Вернадский поставил вопрос о превращении КИЗ в Институт по изучению истории знаний. Таким образом, еще в конце 1920-х гг. В.И. Вернадский сформулировал три необходимых условия для успешного развития историко-научных исследований: Институт по изучению истории знаний, музей истории науки и техники и специальный научный журнал.

За время существования КИЗ было реализовано несколько масштабных научных проектов, например, изучение наследия академика К.М. фон Бэра, подготовка к изданию трудов М.В. Ломоносова, предпринимались попытки создать музей истории науки и техники, выполнялись работы по подготовке справочника о персональном составе Академии наук за всю историю ее существования и в 1925 г. Б.Л. Модзалевский опубликовал аннотированный список ученых, входивших в состав Академии наук за 200 лет, и другие.

Документы архивного фонда дают возможность представить персональный состав Комиссии и особо сказать о членах КИЗ. По положению об академических комиссиях в их состав входили действительные члены Академии наук, научные работники, а также «сторонние Академии наук ученые», зарекомендовавшие себя работами в области истории науки.

Первый список членов КИЗ, сохранившийся в документах фонда, относится к декабрю 1921 г. В нем 93 человека. Любопытно отметить, что из них 69 (74%) — действительные члены Академии (академики и члены-корреспонденты), 24 (26%) — ученые специалисты. 46 человек участвовали в работах по написанию статей для сборника «Русская наука»⁵, это практически 50%.

По положению о КИЗ 1926 г. в члены Комиссии избирались лица, «известные своей ученой деятельностью и познаниями в истории знаний». Очень подробно была разработана процедура приема новых членов: «Кандидаты в члены Комиссии должны быть предложены не менее, чем тремя членами Комиссии. Предложение должно быть письменное, с указанием основания, на котором предлагается к избранию данное лицо: предложение представляется председателем и заявляется в ближайшем заседании Комиссии; в следующем заседании производятся выборы. Избранным признается получивший большинство голосов участвовавших в баллотировке. Члены Комиссии, отсутствующие в заседании, на котором происходят выборы, могут передавать свое право голоса другим членам Комиссии посредством письменного о том заявления, причем каждый присутствующий при выборах член Комиссии может располагать лишь двумя голосами». При обсуждении этого вопроса на заседании бюро КИЗ 22 ноября 1926 г. число рекомендуемых кандидатов было сокращено до 2-х. Следует заметить, что принятого порядка придерживались, о чем свидетельствуют протоколы КИЗ.

В материалах Комиссии за 1929 г. имеется список членов КИЗ, в котором значатся 135 фамилий. Не будет преувеличением сказать, что в Комиссию входили многие выдающиеся ученые, представляющие почти все отрасли естественных и гуманитарных наук. 95 (70%) человек из них являлись действительными членами Академии

наук СССР, 40 (30%) — ученые-специалисты, представители академических и внеакадемических учреждений.

В КИЗ периода В.И. Вернадского наблюдалось равновесие дисциплин: половина членом Комиссии занималась историей гуманитарных наук и столько же историей естественных наук. Среди членом КИЗ «бухаринского периода» заметно преобладание историков техники и представителей естественных наук. За все время существования КИЗ с 14 мая 1921 г. по 28 февраля 1932 г. в ней состояло примерно 308 человек. Из них 133 человека (43%) — занимались историей гуманитарных наук, 142 (46%) — историей естественных наук и 33 (11%) — историей технических наук. От общего количества членом КИЗ около 70% включилось в работу при В.И. Вернадском и около 30% — при Н.И. Бухарине.

Деятельность Комиссии по истории знаний неоднократно привлекала внимание исследователей — существуют замечательные работы Г.П. Аксенова, М.С. Бастрковой, С.С. Илизарова, С.Р. Микулинского, И.И. Мочалова и др.⁶ Однако интерес к ее истории не ослабевает, и в 2003 г. выходит сборник документов «Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг.», в который вошло более 300 документов, составленный В.М. Орлом и Г.И. Смагиной⁷. Большинство документов было введено в научный оборот впервые. Это позволило проследить важнейшие моменты становления и развития Комиссии по истории знаний, выявить основные формы и направления организации историко-научных исследований в Академии наук в 1920–1930-х гг., представить состав членом КИЗ, определить ее место в системе научных учреждений АН СССР и значение в развитии этих исследований в стране.

28 февраля 2012 г. Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН торжественно отметил 80-летие⁸. Это стало возможно после Постановления Президиума РАН № 272 от 13 декабря 2011 г., в котором записано следующее: «Считать датой создания Учреждения Российской академии наук Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН 28 февраля 1932 г.»⁹. 28 февраля 1932 г. — это знаменательная дата в истории отечественной науки. В этот день на заседании Общего собрания АН СССР было принято постановление о создании на основе Комиссии по истории знаний Института истории науки и техники АН СССР (ИИИТ). Первым директором ИИИТ стал академик Н.И. Бухарин (1888–1938). Однако в феврале 1938 г. после ареста и расстрела Н.И. Бухарина Институт был закрыт и ряд сотрудников ИИИТ оказались жертвами репрессий. «Когда Президиум РАН принял постановление в декабре 2011 г. об Институте истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, — отметил директор ИИИТ член-корреспондент РАН Ю.М. Батуринов в своем выступлении на юбилейной конференции, посвященной 80-летию Института, — он не только подтвердил преемственность, но фактически защитил доброе имя и научную репутацию ученых ИИИТ»¹⁰.

В связи с юбилейными событиями проявился заметный интерес к деятельности всех учреждений и отдельных периодов в истории Института, в том числе и к деятельности Комиссии по истории знаний — знаменитой предшественницы «бухаринского» Института истории науки и техники АН СССР. Вот тогда и возникла идея о создании новой книги в связи со 150-летием со дня рождения В.И. Вернадского, которое отмечается в 2013 г. Новый сборник статей и материалов — «В.И. Вернадский и Комиссия по истории знаний», подготовленный теми же составителями, что и сборник 2003 г., был издан под редакцией члена-корреспондента РАН Ю.М. Батуринова¹¹. В сборник вошли классические работы В.И. Вернадского по истории науки, созданные им в 1921–1930 гг. в период организации и становления КИЗ.

Особый интерес представляют записки, письма и документы, написанные В.И. Вернадским в качестве Председателя Комиссии по истории знаний и адресованные в Президиум Академии, неперенному секретарю, Общему Собранию АН СССР. Это 68 документов, хранящихся в СПФ АРАН в фонде 154 и других фондах. Не менее интересны записки и выступления В.И. Вернадского на заседаниях Комиссии по реорганизации АН СССР и Комиссии по разработке нового академического устава в феврале—апреле 1930 г., где рассматривались вопросы о деятельности КИЗ и весьма агрессивно обсуждался вопрос о ее существовании. Впервые здесь публикуются два письма В.И. Вернадского к председателю ОГПУ В.Р. Менжинскому и начальнику Ленинградского ОГПУ С.А. Мессингу в защиту филолога, ученого секретаря КИЗ Г.П. Блока.

Во вторую часть сборника включены труды по истории науки членов Комиссии по истории знаний, многие из которых не утратили своего значения и актуальности до наших дней. Здесь представлены работы семи академиков, среди них А.А. Белопольский, Н.И. Бухарин, Н.И. Вавилов, С.И. Вавилов, П.П. Лазарев, В.Ф. Миткевич и С.Ф. Ольденбург, и десяти ученых членов КИЗ. Особый интерес среди включенных во второй раздел публикаций представляет статья ученого секретаря КИЗ М.М. Соловьева «Переписка академика К.М. фон Бэра с профессором А.А. Бунге». В данном издании впервые приводится полный текст статьи М.М. Соловьева по архивной рукописи с авторской правкой, сохранившийся в фонде КИЗ¹².

Изучение и публикация документов фонда 154 способствует более полному пониманию роли академиков В.И. Вернадского и Н.И. Бухарина в институционализации истории науки, в организации деятельности КИЗ, в создании Института истории науки и техники АН СССР и существенно дополняет наши представления о формах организации и содержании историко-научных исследований в 20–30-х гг. XX в.

¹ СПФ АРАН. Ф. 154. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–1 об.

² *Вернадский В.И.* Мысли о современном значении истории знаний. Л., 1927. (Труды КИЗ. Вып. 1); *Он же.* Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 229–242; *Он же.* О науке. Т. 1. Дубна, 1997. С. 138–154; *Он же.* Труды по истории науки. М., 2002. С. 182–192; Комиссия по истории знаний. 1921–1932 гг. Из истории организации историко-научных исследований в Академии наук. Сборник документов. СПб., 2003. С. 96–110.

³ Переписка В.И. Вернадского с Б.Л. Личковым. 1918–1939. М., 1979. С. 54.

⁴ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1927. Д. 96. Л. 163–164.

⁵ КИЗ продолжила деятельность Комиссии по изданию сборника «Русская наука», которой руководил академик А.С. Лаппо-Данилевский в 1917–1919 гг. Подробнее см.: *Есаков В.Д.* Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. 1997. № 12. С. 1129–1139; *Тюнкина И.В.* К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний... С. 637–659.

⁶ *Акшенов Г.П.* В.И. Вернадский. М., 1993; *Бастракова М.С.* История науки в творчестве В.И. Вернадского // ВИЕТ. 1993. № 4. С. 41–56; *Она же.* В.И. Вернадский и история науки // Архив истории науки и техники. Вып. 2. М., 1997. С. 140–172; *Илизаров С.С.* История науки и техники: от зарождения исследовательского направления до формирования в России профессионального сообщества // Архив истории науки и техники. Вып. 4. М., 2010. С. 5–91; *Он же.* Отечественная историография истории науки и техники. Хроника 1901–2011. М., 2012; *Микулинский С.Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988; *Мочалов И.И.* В.И. Вернадский. М., 1982.

⁷ Комиссия по истории знаний...

⁸ *Валькова О.А.* К 80-летию Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН // ВИЕТ. 2012. № 2. С. 3–13; *Шлеева М.В.* Российские и советские историки науки и техники в глазах их иностранных коллег // ВИЕТ. 2012. № 3. С. 12–16; *Щербинин Д.Ю.* Встреча космонавтов в ИИЕТ РАН. Продолжение традиций // Там же. С. 17–21.

⁹ Институт истории естествознания и техники имени С.И. Вавилова. М., 2012. С. 1.

¹⁰ *Батурич Ю.М.* История, достойная Шекспира. Выступление на юбилейной конференции, посвященной 80-летию института 28 февраля 2012 г. // ВИЕТ. 2012. № 3. С. 8.

¹¹ В.И. Вернадский и Комиссия по истории знаний (К 150-летию со дня рождения В.И. Вернадского). Сборник статей и документов. М.; СПб., 2013.

¹² Рукопись статьи сохранилась в СПФ АРАН. Ф. 154. Оп. 2. Д. 127. Л. 1–31.

Литовский переплет первой половины XIX в. и методы его идентификации

Книжная культура тесно связана с переменами, происходящими в обществе. Исследования истории искусства книги как составляющей книжной культуры расширяют наши представления о социокультурной роли книги в истории общества.

Теоретическим основанием данной статьи является положение о возможности через «совокупность источников воссоздать факты и явления истории книги, являющиеся основой выявления закономерностей истории становления книги»¹, подтверждающее ценность истории создания переплетов изданных в Литве книг для истории книги Литвы как культурного наследия. Художественная ценность книги определяется стилем, раскрывающимся через смену декора, и технологией изготовления переплета, а также их взаимосвязью. Знание особенностей развития книжного искусства позволяет установить время и место создания переплета.

Одним из наиболее ярких исследователей литовских переплетов является Эдмундас Лауцявичюс (1906–1973). В 1976 г. был издан его фундаментальный труд «Книжные переплеты XV–XVIII в. в библиотеках Литвы»². Эта работа — первая и пока единственная в Литве — глубоко и исчерпывающе формулирует ценность переплета, выраженную в его исторической, технологической и художественной составляющих. В работе автор приводит рекомендации по датировке и локализации переплета.

Прежде всего, по мнению исследователя, дата издания книги позволяет лишь датировать переплет *post quem*, т.е. установить нижнюю границу его датировки. Далее, анализируя владельческие записи и установив первого владельца, а также время и место его проживания, возможна датировка переплета *ante quem*, т.е. определение ее верхней границы. Стилистика и некоторые технологические особенности декора также помогают уточнить время и место создания переплета, но лишь в том случае, если возможно однозначно установить, что для оттисков на крышках переплета были использованы идентичные клише. Это правило не распространяется на клише XIX в., поскольку они производились по известным образцам патриц, широко распространенным в то время на территории всей Европы. Кроме того, установить дату и место создания переплета помогает и идентификация филигранных форзацев. В данном случае важно установить факт «первичности» форзаца, т.е. удостовериться, что форзац современен переплету³.

Говоря об особенностях декора, важно отметить, что процесс становления классицизма в Литве отличался от аналогичного процесса в Западной Европе: идеи классицизма проникают в северные страны Европы несколько позже, а черты декора всегда отличаются национальной спецификой.

В начале XIX в. на территории Литвы начинают доминировать чистые формы классицизма. Ранний классицизм (1780–1800) проявляется лишь как тенденция; зрелый классицизм (1800–1830) характеризуется единообразным стилистическим

выражением — это период ампира; поздний классицизм (1830—1850) переплетается с историзмом и элементами бидермейера⁴.

Решение продолжить исследования книжного переплета было вызвано стремлением найти способы, позволяющие идентифицировать хранящиеся в собраниях Литвы книжные переплеты первой половины XIX в. Предполагалось, что книги, которые созданы на территории Литвы, необходимо ввести в научный оборот как часть культурного наследия страны.

Поскольку в Литве пока нет работ, посвященных декору переплета рассматриваемого периода, при написании статьи были использованы релевантные работы зарубежных авторов, прежде всего созданная сотрудниками библиотеки Вашингтонского университета база данных «Коллекция декоративной бумаги»⁵. Отметим, что библиотека Вашингтонского университета, стремясь к обеспечению надежности данных, опирается на независимые исследования двух авторов, данные которых (чаще всего) взаимно подтверждают друг друга — описание коллекции выполнено на основе опубликованных работ Ричарда Дж. Вольфа (Richard J. Wolf, 1990) и Эйнен Мюра (Einen Miura, 1989).

В ходе разработки методов идентификации переплетов книг первой половины XIX в. были проанализированы выпущенные в последние десятилетия в Литве наиболее значимые каталоги изданий XV—XVII вв.⁶ Особое внимание обращалось на библиографическое описание, частью которого является описание переплета. Встречающиеся в каталогах описания внешних особенностей переплета в большей степени фиксируют его состояние на момент создания описания, при этом переплет не датируется. Исключение представляют каталог инкунабул библиотеки Вильнюсского университета, составленный Ноем Фейгельманом⁷ (автор пытается установить время создания переплета), и каталог литуанистических изданий Библиотеки Литовской академии наук им. Врублевских⁸ (приводятся данные о реставрации).

В настоящее время нет устоявшейся методики, позволяющей при исследовании исторических массивов печатных изданий XVII—XIX вв. проследить формирование технологических и стилистических изменений книжных переплетов. Не хватает более полных и глубоких исследований в этой области. Основная причина — не укоренившаяся точка зрения на переплет как на неотъемлемую часть документа. Кроме того, анализ критериев технологических и художественных особенностей переплета требует наличия специальных знаний, что особенно ярко выявляется в случаях несоответствия места и времени создания книги и переплета.

Стимулом для написания данной работы послужило предположение о том, что достаточно большое количество книг рассматриваемого периода, хранящихся в литовских собраниях, могло быть переплетено на территории Литвы. Объектом исследования стали переплеты XIX в. собраний библиотеки Вильнюсского университета (БВУ) и библиотеки ЛАН им. Врублевских (БЛАНВ).

Цель статьи — предложить методику идентификации литовских переплетов первой половины XIX в. Притом, переплет рассматривается как неделимая совокупность всех составляющих его элементов. Для получения наиболее полных результатов исследование велось по двум независимым друг от друга направлениям.

В ходе исследования решались две задачи: 1) выявление на основе документальных источников переплетов, созданных в Литве, и установление художественных и технологических особенностей выявленных переплетов; 2) на основе анализа выявленных технологических и стилистических особенностей литовских переплетов указанного периода идентифицировать выполненные в Литве переплеты книг.

Для решения первой задачи проводился анализ ранее не публиковавшихся документальных источников — хранящихся в Литовском государственном архиве шести делопроизводственных документов, относящихся к истории Вильнюсского университета⁹: сводных отчетов виленского переплетчика Петра Позняка БВУ о выполненной работе, содержащих списки переплетенных книг. Данные списка были сверены с историческим каталогом библиотеки Виленской академии (*Bibliotheca Academiae Vilnensis*). Сверка проводилась в Отделе редких изданий БВУ. Поиск велся по алфавитному каталогу, включающему релевантные данные.

Каталог БВА включает книги библиотеки разных периодов истории ВУ — с XVI по XIX в. (около 18 тыс. наименований). После закрытия Виленского университета в 1832 г. большое количество указанных в каталоге книг было вывезено в Россию, и лишь часть их в XX в. вернулась в Литву. В настоящее время книги хранятся с сохранением исторических шифров и составляют отдельную, одну из самых ценных, коллекцию БВУ¹⁰. Записи в каталоге велись до 1832 г. включительно, т.е. они охватывают период написания отчетов П. Позняка. После выявления переплетенных в Вильнюсе книг проводился анализ особенностей переплетов *de visu*.

Сводные отчеты П. Позняка, датируемые 1815–1816 гг., оформлены в виде списка и включают следующие данные: дата документа, порядковый номер позиций, автор издания и/или название (в сокращенной форме), число томов (для многотомных изданий), тип переплета, формат издания, стоимость выполненной работы. Всего в документах приводятся авторы и/или названия 162 книг.

При сравнении каталога и отчетов во внимание принимались следующие моменты: упоминающиеся в списках автор и название книги, число томов (для многотомных изданий), формат, тип переплета, соответствие всех приведенных в списке данных о книге информации, указанной в каталожной карточке. Для анализа отбирались издания 1700–1816 г. Этот хронологический отрезок был выбран, поскольку неизвестно, документы какого периода БВУ заказала переплести. На основе списка было отобрано и просмотрено *de visu* около 120 книг. Следует отметить, что для сужения круга поиска отбирались только документы с хорошо просматриваемыми и идентичными на всем протяжении издания филигранями.

Следует отметить, что точно отчету П. Позняка соответствуют лишь издания 1802–1815 г. Исключение представляет одна книга, изданная в 1788 г.

Для анализа переплета было отобрано 16 книг, изданных в разных европейских странах: Франции, Германии и Российской империи (на территории Польши).

Подтверждение датировки и локализации переплетов проводилось по методике, предложенной Э. Лауцявичюсом: анализировались данные об издании книги, владельческие записи, филигранные форзацев, стилистика декора книжного переплета.

В ходе анализа было установлено, что наиболее распространенной является филигрань «Герб Барышникова» (идентифицирована по атласу С.А. Клепикова). С.А. Клепиков датирует филигрань 1817 и 1822 г. [К № 231]. Бумага с этим водяным знаком появляется в Смоленской губернии в 1786 г., когда И.И. Барышников открывает здесь бумажную мельницу¹¹.

В рассматриваемый период типографии продавали книги с временным бумажным переплетом. Покупатель отдавал книгу переплетчику, который делал новый переплет в соответствии с пожеланиями заказчика. Некоторые из рассмотренных книг содержали остатки типографского переплета (сохранились на прилегающем к корешку краю титульного листа). Сохранившиеся следы типографского переплета

свидетельствуют о том, что, скорее всего, книга после создания постоянного переплета больше не переплеталась.

Также было отмечено, что переплеты отобранных по данным списка книг отличается идентичная стилистика и тождественные характерные черты различных частей переплета: формат изданий, декор кожи, декор бумаги, декор обрезов блока, орнамент оттисков, декор кожаных наклеек на корешке, тип бумаги, использованной для форзацев.

В сводном отчете виленского переплетчика П. Позняка приводятся следующие форматы переплетов: *in folio* 2°, *in quarto* 4°, *in octavo* 8°, *in duodecimo* 12°. Промер высоты отобранных книг показал, что высота варьируется от 17 до 22 см (приводятся приблизительные значения, поскольку крышки переплетов деформированы). Согласно данным, приведенным в энциклопедии Г.А. Глайстера¹², выявленные значения соответствуют высоте переплетов старых книг в диапазоне от *foolscar octavo* 8° (17,1 см) до *demy octavo* 8° (22,2 см). Размеры одной из отобранных книг (высота 30 см) соответствуют *medium quatro* 4° (29,2 см). Большинство книг (от 19 до 22 см) имеют 5 бинтов. Четыре книги (от 17 до 18 см) имеют 4 бинта. Упомянутая выше книга высотой 30 см имеет 6 бинтов. Очевидно, что формат книги диктует количество бинтов корешка переплета, что соответствует пропорциям сегментации корешка переплета, упрочившимся в Европе в первой половине XIX в.

Декор кожи, которой обтянуты крышки переплета, — имитация структуры дерева (карельская береза), наиболее часто используемый декор бумаги — «stormont». Этот декор исследователи соотносят с XIX в. Образцы цветов данного декора, встречающиеся в базе данных: коричневый, черный, желтый, красный, зеленый. В изданиях, хранящихся в БВУ, вместо зеленого используется синий цвет.

Наиболее часто встречаемый на корешке отобранных книг оттиск — «урна» со свисающими гирляндами. Оттиски идентичны. Среди отобранных книг было два издания, на корешках которых оттиск «урна» чередовался со стилизованными восьмиконечными звездами. Корешки четырех изданий украшены оттиском «звезда» (отличающимся по манере от восьмиконечной звезды). Можно предположить, что переплетчик, используя один штамп «урна», пользовался двумя различными штампами, изображающими звезды. Штампы с изображением «урн» и «звезд» характерны для периода ампира.

Как было сказано выше, данные книги были отобраны на основе списка П. Позняка и проверены по историческому каталогу БВУ БВУ. Издания объединяет схожая техника и отражающая один почерк художественная стилистика переплетов. Декор переплетов может быть отнесен к периоду зрелого ампира (1800–1830), отличающегося единообразием стилистического выражения. Выявленные стилистические совпадения и данные архивных документов позволяют говорить о том, что переплеты отобранных книг, несомненно, принадлежат одному периоду и выполнены в одной переплетной школе. Возможно, они выполнены одним мастером.

Для реализации второй поставленной в ходе исследования задачи *de visu*, были просмотрены книги, хранящиеся в Фонде литуанистики Отдела редких изданий БЛАНВ, а также фонды XVIII и XIX вв. той же библиотеки. Книги XVIII в. были включены в сферу исследования по той причине, что переплет, как было сказано, производился после приобретения книги, таким образом, книга XVIII в. могла быть переплетена и в первой половине XIX в.

Отбор книг производился на основе: 1) декора переплета; 2) выходных данных; 3) филиграней форзацев. Прежде всего, в хранилище были просмотрены корешки

книг. Выявлялись корешки переплетов, декорированные в стиле и манере позднего классицизма, т.е. содержащие элементы стилистики, характерные для преобладавших в то время направлений (ампир и бидермейер). Принимались во внимание: сегментация корешка переплета, техника выполнения переплета, фактура и кожи переплета, и наклеек, орнамент оттисков, декор использованной в качестве покрытия крышек переплета бумаги. Далее анализировались выходные данные, т.е. дата и место издания книги. И в заключение были обследованы форзацы: идентифицированы филигранные, проведен анализ цвета и декора использованной бумаги. Если все три этапа давали положительные результаты, книга включалась в список исследуемых изданий. В общей сложности было отобрано 22 издания. Книги изданы в разных странах Европы: Франции, Германии, Российской империи (Литва, Польша), Речи Посполитой. Несмотря на то, что отбор книг определялся в первую очередь художественными и технологическими, а не хронологическими критериями, четко выявляются две группы: книги, изданные во второй половине XVIII в., и книги, изданные в первой половине XIX в.

В первой половине XIX в. использовалась тряпичная бумага с филигранями, позволяющими установить производителя бумаги, а также дату производства. Как отмечалось в работах С.А. Клепикова и М. Кукушкиной, в XVIII—XIX вв. в России 70% от общего количества использованной бумаги расходовалось в течение 2 лет с момента производства¹³. Таким образом, филигранные, использованные для форзацев бумаги, позволяют расширить возможности датировки и локализации переплета.

В данном случае важно обратить внимание на вопрос об использовании привозной бумаги в Литве. В XVIII в. около 70% используемой для печати бумаги поставляла Восточная Пруссия¹⁴. В этот период и позже в России бумагопроизводство переживает достаточно трудный период. После вхождения Литвы в состав Российской империи, как отмечает в своей монографии А. Навицкене¹⁵, в Литве остро начинает ощущаться недостаток качественной бумаги для производства печатной продукции, поскольку в 1812 г. Александр I издал запрет об импорте бумаги из Европы. Ситуация долгое время оставалась сложной — приходилось довольствоваться только местной продукцией и покупать бумагу на территории Российской империи.

В приводимой ниже таблице под № 1—13 даны издания второй половины XVIII в., под № 14—22 — издания первой половины XIX в. Издания № 17—19 и 21 напечатаны в Литве.

Обобщая данные таблицы, можно утверждать, что анализ ряда параметров (выходные данные, филигранные, декоративная бумага, использованная как для покрытия крышек переплета, так и для форзацев) позволяет датировать переплеты указанных книг первой половиной XIX в. Некоторые сомнения вызывает датировка переплетов изданий № 3 и 10.

Приведенные в таблице данные позволяют раскрыть достаточно интересный факт, подтверждающий хронологическую дистанцию создания книги и переплета — выявлено создание в первой половине XIX в. переплетов книг, изданных во второй половине XVIII в. Таким образом, хронологический разрыв для издания № 1 составляет около 60 лет.

Для выявления особенностей переплетов, выполненных на территории Литвы в первой половине XIX в., был проведен анализ декора переплетов отобранных книг. В результате было отмечено, что для переплета всех входящих в список книг (за исключением № 5 — бумажный переплет и № 9 — составной полукожаный переплет) использована бычья кожа светло-коричневого цвета с коричневыми пятнами различ-

Сравнительные данные: года издания, датировка филиграней и декоративной бумаги книг, отобранных для анализа в Библиотеки ЛАН им. Врублевских

№	Сигнатура	Год издания книги	Филигрань форзацев	Датировка филигрانی (год)	Время создания декоративной бумаги
1.	V 18/2-139	1759	«1819»	1819	XIX в.
2.	V 18/2-87	1769	«1805»	1805	—
3.	4–L–18/1274	1772	—	—	XIX в.
4.	V 18/13595	[Вторая половина XVIII в.]	«Мадонна»	1766–1810	XIX в.
5.	V 18/2-48	1782	«Герб Барышниковых»	1786–1867	XIX в.
6.	L–8/1233/1	1782	«182[...]»	1820	XIX в.
7.	V18/1-4672	1784	«Герб Барышниковых»	1786–1867	—
8.	L–8/460/3,4	1787	«Pro Patria»	Не позднее первой половины XIX в.	XIX в.
9.	V–18/11111	1787	«1821»	1821	XIX в.
10.		1788	—	—	XIX в.
11.	3–L–18/661/ Гр. 2 кн.	1788	«Pro patria»	Не позднее первой половины XIX в.	—
12.	SPER P–1149	1792	«Vryheyd»	1812–1818	—
13.	L–18/1361	1798	«Pro Patria»	1808; 1812	XIX в.
14.	V–18/11625	1800	«Мадонна»	1766–1810	XIX в.
15.	L–19/2-27/1	1802	«Pro Patria»	Не позднее первой половины XIX в.	XIX в.
16.		1806	«Герб Барышниковых»	1786–1867	XIX в.
17.	L–19/953/ Переплетены две книги	1806	—	—	—
18.	L 19/1585	1814	«Герб Барышниковых»	1786–1867	—
19.	L–19/1469/1: L–19/1469/2	1820	а) «Небесное тело»; б) «Корона» *	а) XVIII – первая половина XIX в. б) не ранее 1792; не ранее 1775	—
20.	VE 19/12	1821	—	—	—
21.	L 19/175 (Конволют)	[...]	—	—	XIX в.
22.		[...]	«Орел» (Aras)	1750–1825	XIX в.

* Филигрань «Корона» [1610] использовал владелец, работавшей в Вешвиле (Viešvilė) бумажной мельницы, Э.Ф. Ридель (E.F. Ridel) в 1792 г. Филигранями [1611–1613] пользовались на бумажной мельнице в Трутенау (Trutenau, Восточная Пруссия) с 1775 г. Мельница принадлежала Й.А. Кеферштайну (Johann August Leberecht Kieferstain). Указанные филигрانی наиболее близки филиграммам форзаца.

ной насыщенности, декор — имитация структуры дерева (карельская береза), точечный (точечное разбрызгивание). С точки зрения техники выполнения большинство переплетов представляют собой декорированные бумагой составные переплеты с кожаными спинками и углами. Переплеты пяти книг (№ 1, 2, 7, 12, 17) являются цельными. Цельные кожаные переплеты (№ 7, 12) декорированы в технике «кошачьи лапки» или украшены жирными красными и черными чертами. Все перечисленные типы декорирования переплета преобладают в первой половине XIX в.

Корешки книг поделены на 5 или 6 сегментов, разделенных различными элементами декора, т.е. формат книг — in quarto 4°, in octavo 8°.

На корешках рассматриваемых книг выходные данные (за исключением нескольких случаев) оттиснуты во втором и четвертом (от верха) сегментах. Преобладает вертикальный оттиск выходных данных, текст оттиснут позолоченными прописными буквами одного размера, края почти всех наклеек украшены различными неповторяющимися орнаментами.

Преобладающий цвет наклеек корешков — различные оттенки красного. Также популярным является прием имитации наклейки — кожа четвертого сегмента корешка (место наклейки) выкрашивается в черный цвет. Позолоченные выходные данные оттискиваются на красном фоне наклейки, т.е. вверху, номер тома — на черной имитации наклейки.

Чаще всего в переплетах отобранных книг использованы кожаные наклейки. Они различаются по типу кожи и по фактуре: наклейки из бычьей кожи (№ 2, 18, 19); наклейки из козьей кожи с горизонтальной рельефной фактурой, популярной в конце XVIII в. и в начале XIX в. (№ 3, 10, 15, 16). Наклейки из козьей кожи с ромбовидной фактурой, характерной для русского стиля, получившего распространение во второй половине XVIII в. (№ 8, 22). Только в трех книгах встречаем бумажные наклейки (№ 4, 9, 20).

Обобщая, можно утверждать, что предположение о том, что декор и стилистика наклеек характерны для первой половины XIX в., подтвердилось.

Для приведенных в таблице изданий второй половины XVIII в. характерны выпуклые бинты, для изданий первой половины XIX в. — исключительно ровные корешки переплета. В Европе ровные корешки появляются в конце XVIII в. и становятся преобладающими в XIX в.

Для декора корешков переплета характерны расположенные в центре позолоченные оттиски: в одних случаях — оттиск в форме звезды (№ 6), в других — в форме урны (№ 19). В декоре корешков переплета двух книг использованы пересекающиеся диагональные линии, характерные для европейских переплетов середины XVIII в. и более позднего периода. Книга № 1 издана в 1759 г., книга № 18 — в 1808 г.

Декор использованных для украшения корешков переплетов штампов характеризуется узнаваемой манерой, выделяется пять мотивов: растительные орнаменты (№ 1, 2, 7, 12, 14), звезды (№ 1, 6, 9, 10, 11, 17, 18), цветы (№ 1, 13, 16, 17, 21, 22), урны (№ 1, 3, 19, 22), комбинация ромбовидной орнаментики (№ 4, 15). Стиль декора является характерным для литовского ампира.

Таким образом анализ различных аспектов (декора переплета, выходных данных, филиграней) позволяет говорить о том, что переплеты всех книг, отобранных в фондах Отдела редкой книги БЛАНВ, выполнены на территории Литвы в первой половине XIX в.

В заключение следует отметить, что достоверные результаты при локализации переплета могут быть получены при привлечении документальных данных в сочетании с визуальным анализом.

Книжный переплет представляет неотъемлемую системную информационную составляющую документа. Данные, полученные в ходе проведения двух независимых друг от друга исследований, позволяют утверждать, что переплеты книг, хранящихся в Отделах редкой книги БЛАНВ и БВУ, — часть культурного наследия Литвы. Переплет составляет вместе с содержанием книг единую, неделимую и завершенную культурную ценность и поэтому вносит своим своеобразием уникальный, особый вклад в сокровищницу мировых ценностей культуры.

¹ *Kaunas D.* Knygos istorijos šaltiniai // Knygotyra. 2010. T. 54. С. 40.

² *Laucevičius E.* XV–XVIII a. knygų įrišimai Lietuvos bibliotekose. Vilnius, 1976.

³ Там же. С. 30–34.

⁴ Lietuvos dailės istorija. Vilnius, 2002. С. 184.

⁵ Paper Patterns Digital Collections. Электронная версия доступна на сайте «University of Washington, University Libraries»: <http://content.lib.washington.edu/dpweb/patterns.html>.

⁶ Vilniaus universiteto paleotipai: katalogas. Vilnius, 2003; XV–XVI amžių knygos Kauno bibliotekose: katalogas. Vilnius, 2006.

⁷ *Feigelmanas N.* Lietuvos inkunabulai. Vilnius, 1975.

⁸ XVI–XVII a. Lituanika Lietuvos mokslų akademijos bibliotekoje: katalogas. Vilnius, 2007.

⁹ Литовский государственный исторический архив. Ф. 721. Оп. 2. Д. 69. Л. 105, 108, 120, 130, 138, 139.

¹⁰ Retų spaudinių skyriaus rinkiniai. Электронная версия доступна на сайте «Vilniaus universiteto biblioteka»: <http://www.mb.vu.lt/357#vilnensis>.

¹¹ *Клеников С.А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX вв. Москва, 1959. Электронная версия доступна на сайте «Библиотека электронных ресурсов исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова»: <http://www.hist.msu.ru/ER/Wmark/index.html>.

¹² *Glaister G.A.* Encyclopedia of the book. London, 2001. С. 71.

¹³ *Laucevičius E.* Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967. С. 150.

¹⁴ Ibid. С. 111.

¹⁵ *Navickienė A.* Besikeičianti knyga XIX amžiaus pirmosios pusės Lietuvoje. Vilnius, 2010. С. 127–130.

Е.С. Соболева
(МАЭ РАН)

Архивное документальное наследие как источник по истории международного сотрудничества этнографических музеев в начале XX в.

В конце XIX — начале XX в. в деятельности большинства этнографических музеев произошли значительные изменения. Политические перемены в странах Европы, развитие техники и транспорта, бурный рост промышленности позволили достигать ранее недоступных районов мира. Сбор коллекций в поле могли вести уже не только экспедиции, организованные государственными структурами и научными обществами, но и частные лица. Создавались крупные национальные музеи. Так, только в Германии возникли Этнографический музей в Мюнхене (1868), Музей народоведения в Берлине (1873) и др. Музеи основывали городские ферейны и фонды: Кильский Музей народоведения (1884), Музей народоведения им. Раутенштрауха-Йоста в Кёльне (1898), музейные учреждения в Гамбурге, Бремене, Штутгарте, Франкфурте, Лейпциге. Свой Музей народоведения открыли миссионеры-гернгутеры (1878), и т.п.

Первый в мире Этнографический музей был создан в 1836 г. в России на базе коллекций Петербургской Кунсткамеры, с 1879 г. — академический Музей антропологии и этнографии (МАЭ).

Востоковед, академик В.В. Радлов, избранный директором МАЭ, в 1894—1918 гг. занимался реорганизацией музейной работы, активизировал полевые археолого-этнографические исследования, налаживал систему публикаций научных материалов. В.В. Радлов и сотрудники МАЭ изучали мировой опыт в этом плане, апробировали и внедряли в МАЭ полезные нововведения. Устанавливались и углублялись контакты с профильными зарубежными научными учреждениями, разворачивалась научно-методическая и консультационная работа в масштабах Российской империи. Материалы МАЭ и СПФ АРАН свидетельствуют, в частности, о начале установления в 1880—1890-е гг. и об усилении в начале XX в. интенсивности межмузейных контактов. Но цельную картину и многие детали этого процесса можно получить только при сопоставлении материалов из российских и зарубежных архивов и музеев.

Официальная переписка МАЭ конца XX — начала XXI в. была передана на хранение в СПФ АРАН. Подборки входящих писем и копий исходящих документов, подшитых в хронологическом порядке, позволяют проследить особенности взаимоотношений дирекции музея с отечественными и зарубежными корреспондентами, выявить те направления научной, музейной и полевой работы, на которые направлялись основные усилия и выделялись средства в каждый конкретный период времени. Эти письма, записки и другие документы разбросаны по разным фондам, но также обнаруживаются в делах сотрудников МАЭ, в описях коллекций и прочих музейных источниках. Сопоставление всех этих текстов раскрывает некоторые аспекты международных контактов, которые ранее не привлекали внимания исследователей.

Сохранившаяся в архивах зарубежных музеев документация систематизирована по-разному. В Этнографическом музее Стокгольма входящие письма хранятся в папках в алфавитном порядке. В Этнографическом музее Берлина письма и другие печатные материалы сгруппированы по региональному принципу. Таким образом, в отдельных папках в хронологическом порядке подшиты документы по истории коллекций каждого отдела Музея (Америки, Африки, Океании и т.д.). Фонд Прусского культурного наследия финансирует работу по сканированию этих материалов, и всё больше писем и других музейных документов появляются на официальном сайте объединения Государственных музеев Берлина, становятся доступны для изучения.

Переписка МАЭ с зарубежными учеными, музеями, научными учреждениями, собирателями, арт-дилерами, коллекционерами и другими лицами первоначально велась на французском и немецком языках. В.В. Радлов возложил эти обязанности на ученого хранителя МАЭ Д.А. Клеменца и сотрудницу «по вольному найму» Е.Л. Петри, с 1902 г. — на младших этнографов Б.Ф. Адлера и Л.Я. Штернберга. В 1902 г. на работу в МАЭ поступила «приватно» Е.М. Романова, владевшая также английским и шведским языками. Она комплектовала музейную библиотеку, наладила переписку и обмен изданиями с зарубежными музеями и частными лицами, участвовала и в регистрационной музейной работе. В 1906 г., в ответ на предложение правительства Германии, Императорской Академией наук (ИАН) был определен список научных библиотек и архивов, имеющих право обмена книгами и рукописями с зарубежными академиями, университетами, библиотеками и архивами. МАЭ начал получать из-за рубежа серийные издания ведущих родственных учреждений.

В 1907 г. МАЭ приобрел в фирме Герлаха пишущую машинку «Ундервуд» с «русским крупным шрифтом, с табулятором и принадлежностями». Когда в 1909 г. Радлов предложил масштабную программу развития МАЭ, он привлек «по вольному найму» письмоводительницей Е.М. Кубиш, свободно владевшую немецким, французским, английским, итальянским языками; она стала вести счетоводство, русскую и иностранную переписку на пишущей машинке. Машинописные копии исходящих писем с этого времени предоставляют больше конкретной информации о взаимоотношениях МАЭ и его партнеров.

Международная деятельность МАЭ в 1880-е гг. начинались со sporadических обращений частных собирателей и сотрудников музеев Гамбурга, Дрездена, Берлина, Вены, Лейпцига. С 1895 г. география контактов МАЭ расширяется и постепенно начинает охватывать ведущие этнографические центры Европы. Ученые немецкого происхождения, работавшие в Латинской Америке (Венесуэла, Аргентина, Чили) и США, также вступили в переписку с МАЭ. В первое десятилетие XX в. сотрудники МАЭ вели переговоры с музеями Франции, Италии, Великобритании, Канады, Нидерландов, а в начале второго десятилетия XX в. особенно активно развивались профессиональные контакты с музейными работниками Швеции и Чехии. Сложные длительные переговоры привели к серии взаимовыгодных обменов коллекциями и публикациями.

Эта переписка велась одновременно с масштабной внутримузеевской работой (регистрация и учет новых поступлений, разработка инструкций и прочих нормативных документов), ремонтом здания и созданием постоянных экспозиций. В.В. Радлов постоянно искал и привлекал к музейной и научной работе специалистов, имевших практический опыт в области этнографии, археологии и антропологии. До 1917 г. на работу в МАЭ в разное время поступили лица, получившие специальное образование

в России и за рубежом: Евгения Львовна Петри, учившаяся на медицинском факультете Бернского университета; Николай Михайлович Могиланский, прослушавший курс лекций в Берлинском университете и в парижской Антропологической школе; доктор философии Лейпцигского Университета Бруно Фридрихович Адлер, консерватор Музея народоведения (Грасси-музеума) в Лейпциге; чиновник МВД Николай Иванович Воробьев, совершивший несколько зарубежных поездок; доктор философии Цюрихского Университета Ян Викентьевич Чекановский, заведовавший африканскими коллекциями Берлинского Музея Народоведения, участник немецкой экспедиции герцога Адольфа Фридриха Мекленбургского в Центральную Африку 1907—1909 гг.; доктор философии Гейдельбергского Университета Герман Христианович Мерварт. Их опыт и зарубежные контакты значительно расширили работу МАЭ.

В разные годы в МАЭ работали Ф.К. Руссов, Д.А. Клеменц, С.М. Дудин, В.Г. Богораз, В.И. Иохельсон, Е.М. Романова, Е.М. Кубиш, К.К. Гильзен, Л.Я. Штернберг, Ю.В. Лудевиг, Э.К. Пекарский, В.Н. Васильев, А.И. Иванов, Б.Э. Петри, В.М. Лемешевский-Любецкий, М.А. Филаретова-Кржевская, А.Б. Пиотровский, С.М. Широкогоров, С.А. Ратнер-Штернберг, И.И. Зарубин и другие штатные и внештатные сотрудники. Многим из них опыт помог и на новом месте службы: так, Я.В. Чекановский стал профессором Императорского Королевского Университета в Львове (1913).

Во многом успеху музейного дела способствовало присвоение МАЭ наименования «Имени Императора Петра Великого» в 1902 г.¹, что повысило его статус. Императорские музеи ИАН в дальнейшем действовали в более благоприятных условиях.

Основную цель МАЭ В.В. Радлов видел в том, чтобы «в тщательно подобранных этнографических объектах из быта самых различных племен и народов представить более или менее полную картину и материал для изучения эволюции человеческой культуры, начиная с доисторического периода и кончая высшими культурами современности»², чтобы по важнейшим отраслям этнографии МАЭ мог служить лабораторией для самостоятельных научных исследований. По убеждению В.В. Радлова, единственной рациональной формой собирательства были экспедиции³. Казна не имела возможности помогать музеям ИАН в этом плане. В 1899—1902 гг. руководство ИАН способствовало организации в США Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции. Ее участники В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон собрали уникальную этнографическую информацию, описали свои коллекции, впоследствии были приняты на работу в МАЭ.

Отечественные любители искусства и наук предлагали МАЭ свои услуги по сбору коллекций. Первые из них были пожертвованы музеем или куплены на месте. Также на частные средства директору МАЭ удалось отправить несколько собирателей на Север, в Сибирь и на Дальний Восток. Но до создания при МАЭ в 1907 г. Попечительского Совета возможности самостоятельно снаряжать экспедиции музеем не имел.

Первыми крупными жертвователями МАЭ в 1900—1911 гг. стали братья Ганс и Герман Мейеры из Лейпцига. Их письма, сохранившиеся в СПФ АРАН, позволяют понять условия этих отношений. Братья действовали независимо друг от друга. Музей получил собранные лично Мейерами ценные коллекции, а также через их посредничество — коллекции известных собирателей конца XIX — начала XX в. (В. Бауэр, О. Менгельбир, А. Мансфельд, К. Хартман и др.). География коллекций охватывает Западную и Восточную Африку, Северо-Восточную Новую Гвинею, о. Цейлон, За-

падный Индостан, Юго-Восточную Азию, Центральную и Южную Америку и проч. На средства Ганса Мейера предполагалось командировать Б.Ф. Адлера в 1903 г. в Полинезию и Австралию на три года для полевой этнографической работы. При его поддержке в 1904 г. отправились экспедиции Б.О. Пилсудского на южный Сахалин и В.Л. Серошевского в Маньчжурию и на о. Хоккайдо, в 1908 г. — В.Н. Васильева к карagasам и сойотам и В.И. Анучина к тунгусам и енисейским осякам. Спонсоры получали свою долю собранных коллекций согласно вложенным средствам.

Зарубежные музеи в индивидуальном порядке включались в международную систему обмена коллекциями, завышали и сбивали цены при любой возможности, соперничали друг с другом и «постоянно растущим племенем» частных коллекционеров и арт-дилеров. Музеи были заинтересованы в постоянных контактах с зарубежными партнерами. Все они имели списки *Desiderata* — желаемых вещей, на которые были готовы обменивать свои дубликаты⁴. МАЭ требовались коллекции по всем отделам традиционной культуры, включая религию и обряды.

Среди поступавших в МАЭ археологических и этнографических коллекций имелось немало дублетных экземпляров. Это обстоятельство позволило МАЭ предлагать иностранным музеям для обмена этнографические предметы из Сибири и Севера, археологические материалы (неолит, эпоха бронзы) из Европейской России, среднеазиатскую керамику, этнографические фотографии, антропологические экспонаты (бюсты представителей народов России) и т.п.

В 1900 г. состоялся обмен коллекциями МАЭ с Берлинским этнографическим музеем, стали поступать книги немецких ученых. В 1901 г. поступило предложение о сотрудничестве из лейпцигского Музея народоведения, в 1904 г. — из нью-йоркского Американского музея естественной истории. В 1906 г. начались переговоры с Национальным музеем Дании, с 1908 г. — с Этнографическим музеем Стокгольма, музеями Канады, Австралии.

В.В. Радлов добился в 1901 г. для МАЭ права, подобно Азиатскому музею, «обрабатывать остатки от сумм, отпускаемых на пополнение коллекций и на ученые командировки..., в специальные средства Музея по Антропологии и Этнографии»⁵. Это давало МАЭ возможность не упускать предлагаемые частными лицами редкости, оплачивать услуги собирателей по обработке привезенных ими коллекций и прочих материалов.

С 1899 г. МАЭ включился в систему выдачи Открытых листов сотрудникам, отправляемым в командировки, а также лицам, работавшим внутри страны — собиравшим коллекции, делавшим рисунки и фотографировавшим типы, сцены, виды из народной жизни. С 1902 г. сотрудники МАЭ, получившие Открытый лист, помогали в работе в России иностранным ученым, прежде всего, немецким, финским и шведским. По ходатайству МАЭ Императорская Археологическая Комиссия в мае 1913 г. выдала Открытые листы на право производства в текущем году археологических раскопок И.Т. Савенкову и Т. Арне — хранителю Археологического Музея в Стокгольме⁶. Оба археолога получили от Товарищества нефтяного производства Братьев Нобель вспомоществование на проведение раскопок, соответственно, под Красноярском и Астраханью. Впоследствии Э.Л. Нобель 12 июня 1913 г. был избран членом Попечительного Совета МАЭ и финансировал его масштабные проекты — покупку крупных коллекций, отправку экспедиционных отрядов на длительный срок.

ИАН поддерживала усилия академических музеев по расширению масштаба экспедиционных исследований. Конференция Историко-Филологического Отделения (ИФО) ИАН предоставила директорам музеев право инициативы в деле сборов кол-

лекций, выдачи командированным Открытых листов⁷. Были подтверждены условия применения на казенных железных дорогах льготного тарифа № 27-1904 г., установленного на перевозку коллекций для музеев при Академии наук: коллекции должны быть адресованы на имя Правления ИАН⁸. Решением Государственного совета от 22 апреля 1906 г. посылки весом до одного пуда и закрытые письма до одного фунта, адресованные на имя ИАН и ее учреждений, принимались на почту без оплаты веса сбором. Грузы доставлялись в МАЭ на судах Добровольного флота с оплатой по льготному тарифу. Проезд лиц, снабженных командировочным листом, по предварительной договоренности осуществлялся бесплатно. Эти меры способствовали активизации собирательской деятельности в поле.

С апреля 1912 г. устройство экспедиций совместно с частным капиталом рассматривалось руководством ИАН как мера исключительная и дозволялось с ведома Общего собрания и соответствующего Отделения ИАН⁹. Музеям было рекомендовано приступить к составлению фонда материала для обмена с другими музеями, о каждом случае обмена полагалось особо докладывать Конференции¹⁰.

В 1909 г. состоялся обмен МАЭ со Смитсоновским институтом США, начались переговоры об обмене с музеем Буэнос-Айреса (Аргентина). Через посредничество немецкого купца Е.И. Александра МАЭ получил ценные коллекции из этнографических музеев Гамбурга и Лейпцига. В то время музеи нередко рекомендовали друг другу услуги конкретного собирателя и уведомляли коллег о наличии на арт-рынке интересных для них собраний. Частные лица, в свою очередь, указывали, какие именно музеи уже купили у них вещи или фотографии. МАЭ принимал далеко не все предложения, отказывался по принципиальным соображениям от приобретения вещей сомнительного происхождения. К началу Первой мировой войны обмен коллекциями достиг большого размаха, сеть контрагентов была очень широка. Но вплоть до 1923 г. получать обыденные вещи МАЭ не удавалось.

Дирекция МАЭ активно использовала систему мотивации собирателей, которая постепенно расширялась и усложнялась. Система наград, принятая в МАЭ в конце XIX — начале XX в., включала несколько категорий: благодарности, малые серебряные медали, ордена, гражданские чины и почетные звания Российской империи, а также звание корреспондента МАЭ.

С 1898 г. ИФО ИАН утверждало отдельных лиц в звании корреспондента МАЭ «за внимание к его особым заслугам по содействию научным задачам Музея». С 1903 г. награжденному выдавался соответствующий диплом. По инициативе В.В. Радлова в 1909 г. был введен институт «члена-корреспондента МАЭ» в отечественном и зарубежном вариантах¹¹. ИФО избирало предложенные кандидатуры корреспондентами МАЭ, далее они утверждались вышестоящими инстанциями. После этой процедуры в Типографию ИАН направлялся заказ отпечатать диплом для конкретного лица на звание корреспондента МАЭ. Для иностранных граждан к диплому прикладывался перевод (на немецкий язык). С 1898 по 1914 г. всего было избрано 18 корреспондентов МАЭ, из них 2 женщины и 7 иностранцев.

В конце XIX в. ИАН ходатайствовала о пожаловании российских орденов лицам, оказавшим Академии значительные услуги. Речь шла об орденах Св. Анны 3-й ст. и 2-й ст., Св. Станислава 3-й ст., 2-й ст. и 1-й ст. — самых массовых орденах для награждения прежде всего чиновников.

10 февраля 1910 г. ИФО ИАН согласилось с предложением академика В.В. Радлова «установить новый порядок награждения крупных жертвователей МАЭ орденами, а именно предоставлять возбуждение ходатайства о таких награждениях По-

печительскому Совету при Музее, без внесения этих ходатайств на рассмотрение Конференции»¹².

Инициатором награждения выступал директор МАЭ. После прохождения ряда процедурных этапов в ИАН и за ее пределами решение принималось государственными органами. После того как царь подписывал соответствующий документ, начиналось оформление награды (печатание диплома, перевод его на немецкий язык, изготовление орденских знаков и проч.). Получатель награды вносил взнос в казначейство в установленном размере.

Всего по просьбе МАЭ были возбуждены ходатайства о награждении орденами около 20 человек — российских (6 человек) и иностранных (в основном — германских) подданных, и в большинстве случаев эти ходатайства были удовлетворены.

В 1904 г. В.В. Радлов разработал проект положения о Попечительных Советах при Музеях Императорской Академии наук. С 1909 по 1917 г. действовал «Попечительный Совет при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого при Императорской Академии наук», в который входили влиятельные чиновники, промышленники, банкиры, ученые. С 1912 г. Почетным Председателем Попечительного Совета МАЭ был Александр Георгиевич Романовский — член Российского императорского дома (с титулом «Императорское высочество»), 7-й герцог Лейхтенбергский. При поддержке Попечительного Совета удалось перестроить и оборудовать экспозиционные залы, приобрести современное оборудование и специальную музейную мебель, значительно пополнить фонды, расширить издательскую деятельность, разнообразить музейные услуги. Когда 5 марта 1914 г. МАЭ посетил император Николай II, он одобрил план передачи музею здания бывшей Кунсткамеры после того, как оттуда выедет Библиотека Академии наук¹³.

В 1891 г. В.В. Радлов был командирован за границу, где ознакомился с состоянием и методами управления крупными этнографическими музеями. В результате поездки была введена новая каталогизация, составлен план переустройства МАЭ. Поездки В.В. Радлова и его сотрудников в Европу для изучения опыта профильных учреждений способствовали установлению прочных связей с ведущими музеями. Велась переписка о совместной организации экспедиций для этнографического исследования зарубежных стран, сбора экспонатов и проведения раскопок.

Сотрудники МАЭ, отправляясь в зарубежные командировки, согласно письмам и отчетам, выполняли сложные и разнообразные задания — изучали аспекты музейного дела, работали в фондохранилищах и библиотеках, знакомились с предлагаемыми для продажи собраниями частных лиц и обсуждали возможности их приобретения МАЭ, отбирали экспонаты из обменных коллекций музейных учреждений для МАЭ. По данным СПФ АРАН, только в Германию были в разное время отправлены научные сотрудники МАЭ Д.А. Клеменц, Б.Ф. Адлер, Е.Л. Петри, Л.Я. Штернберг, К.К. Гильзен, Я.В. Чекановский, Г.Х. Мерварт.

В 1907 г. академик В.В. Радлов в сопровождении Н.И. Воробьева и С.М. Дудина был командирован за границу для осмотра этнографических музеев (Стокгольм, Копенгаген, Гамбург, Лейпциг, Кёльн, Нюрнберг, Берлин, Дармштадт и др.). 25 октября 1907 г. он посетил Лейпцигский музей, виделся с Гансом Мейером, провел переговоры с Германом Мейером.

О деталях частных поездок за границу (в отпуск или на лечение) известно мало, но и тогда сотрудники МАЭ выполняли музейную работу. В частности, в архивах музеев Стокгольма сохранились сведения о визите туда в 1907 г. Б.Ф. Адлера, хотя посещение Швеции в маршрут его поездки не входило.

Наиболее тесные контакты установились между МАЭ и этнографическими музеями Германии (Гамбург, Берлин, Лейпциг, Дрезден, Мюнхен, Франкфурт-на-Майне, др.), Австрии, Франции, Великобритании, Швейцарии, США, Канады, Аргентины, Финляндии, Швеции, Дании. В этих и других странах МАЭ имел широкий круг корреспондентов, и многие контакты завершились к взаимной выгоде.

Многие востоковеды, археологи, фольклористы стремились приехать в Россию для проведения полевых исследований. Музей помогал им, в частности, путем ходатайствования для них Открытых листов.

Профессор Альберт Грюнведель, директор Азиатского отделения Этнологического отделения Музея в Берлине, совершил несколько поездок в Россию и Среднюю Азию, был избран в 1908 г. членом-корреспондентом ИАН по разряду восточной словесности на вакансию.

В 1910–1914 гг. МАЭ участвовал в финансировании серии зарубежных экспедиций, организованных Стокгольмским этнографическим музеем (в Африке, Австралии, Южной Америке). Привезенные оттуда экспонаты долгие годы хранились в Швеции, но после завершения Первой мировой и Гражданской войн были доставлены в МАЭ. Детали переговоров отражены в переписке, составляющей значительный объем. Так, в архиве Стокгольмского этнографического музея сохранилась некоторые письма Л.Я. Штернберга относительно продолжения обменов коллекциями в 1920-е гг. Поскольку большая часть писем написана от руки на английском и немецком языках, в Стокгольме переводили рукописные тексты в машинопись. Как показывает сличение документов, машинистки не всегда правильно разбирали почерк. Особенно много ошибок связано с именами собственными.

Сотрудница лейпцигского Музея народоведения Эдна Вегевиц в 1970-е гг. провела огромную внутримузейную работу по теме российско-немецких межмузейных связей. Она составила опись и систематизировала огромную переписку 1869–1906 гг. первого директора музея Карла Войле с многочисленными корреспондентами из России. Ныне в лейпцигском Музее Грасси хранится машинописный вариант этого в высшей степени нужного и полезного труда¹⁴. Краткие биографические сведения о корреспондентах приведены в приложении. Недостатки работы состоят в том, что исследовательница не всегда верно понимала отдельные детали текстов, смысл устаревших и специальных терминов, неверно читала имена и названия местностей. Так, в работе не упоминается имя директора МАЭ в 1896–1918 гг., очевидно, фамилию Радлов она прочла неверно — как Рудольф.

Как видим, стратегия работы МАЭ в конце XIX — начале XX в. представляла собой сложную систему тактических действий, направленных на развитие музейной и научной деятельности. Последовательная на протяжении почти четверти века политика директора МАЭ В.В. Радлова привела к значительным положительным результатам. Постоянные усилия директора и активность всего растущего коллектива МАЭ, как штатных, так и внештатных сотрудников, были направлены, в том числе, на установление и поддержание контактов с самыми разными категориями лиц из мира науки, искусства, бизнеса, властных структур в России и за рубежом. Международный опыт создания и пополнения музеев, методы и способы развития музейной работы, управления коллекциями, выстраивания отношений с властями и общественностью, поиска и использования бюджетных и внебюджетных средств проходили испытание временем и, с определенными корректировками, перенимались другими музеями. Об этом наглядно свидетельствует развитие ведущих музеев ИАН в указанный период. Материалы Архива РАН дают уникальную возможность проследить этапы их исто-

рии, понять причины важнейших изменений в организации музейной работы. Сопоставление российских и зарубежных архивных материалов свидетельствует о единой стратегии развития музеев в странах Европы и Америки в конце XIX — начале XX в., о постоянно растущем масштабе и разнообразных формах межмузейного сотрудничества, в том числе международного.

¹ СПФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1909, Д. 8. Л. 2.

² Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 55. Л. 15.

³ Там же. Ф. 2. Оп. 1-1910. Д. 54. Л. 39.

⁴ *Penny H.G.* Cosmopolitan visions and municipal displays: Museums, markets, and the ethnographic project in Germany, 1868—1814. Ann Arbor, 1999. P. 86.

⁵ СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 (1901 г.). Д. 86. Л. 1.

⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 65. Л. 157.

⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1-1910. Д. 54. Л. 37.

⁸ Там же. Ф. 4. Оп. 2 (1908). Д. 95. Л. 2 об.

⁹ Там же. Ф. 2. Оп. 1-1912. Д. 8. Л. 38 об.—39.

¹⁰ Там же. Л. 66.

¹¹ Там же. Оп. 1-1909. Д. 8. Л. 2.

¹² Там же. Оп. 1-1910. Д. 8. Л. 10.

¹³ Там же. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Д. 66. Л. 323—324.

¹⁴ *Wegewitz E.* Abschlussarbeit zum Thema Deutsch-russische Wissenschaftsbeziehungen des Museums fuer Voelkerkunde zu Leipzig. Leipzig, 1977.

Регистрация книжных памятников — важный шаг в сохранении документального наследия

Сохранение документального наследия, значительную часть которого составляют книжные памятники — одна из важнейших тем современной эпохи. В России значимость этой проблемы возведена на государственный уровень. В числе приоритетов государственной политики, направленной на сохранение книжного наследия, — выявление и учет книжных памятников, хранящихся в библиотеках, музеях и архивах. Инициатором и координатором этой деятельности является Российская государственная библиотека (РГБ), специалисты которой разработали целый комплекс мероприятий, включенный в подпрограмму «Книжные памятники России», в 2001—2010 гг. входившую в состав Национальной программы сохранения библиотечных фондов Российской Федерации¹, а с 2011 г. — самостоятельным разделом в «Основные направления развития деятельности по сохранению библиотечных фондов на 2011—2020 гг.»².

Одним из первых документов, созданных в рамках подпрограммы и регламентирующих работу с книжными памятниками, стал ГОСТ 7.87—2003 «Книжные памятники. Общие требования», который был введен в действие с 1 января 2005 г.³ Он установил общие требования к определению видов и категорий книжных памятников, к процессам их выявления, учета и описания, к хранению и использованию.

С целью сбора и сохранения информации о книжных памятниках (отдельных книгах и книжных коллекциях) для осуществления их государственной регистрации началась работа по формированию Общероссийского свода книжных памятников (далее — Свод). Реализация мероприятий подпрограммы, получавшей финансовую поддержку из средств Федеральной целевой программы «Культура России», послужила импульсом к активизации работы по выявлению и изучению книжного культурного наследия страны. На территории 78 регионов России было выявлено 542 учреждения (в том числе 69 архивов), в фондах которых хранится более 5 млн рукописных книг и экземпляров печатных изданий, обладающих свойствами книжных памятников⁴. Усилиями специалистов РГБ и всех выявленных фондодержателей книжных памятников были собраны подробные сведения о 519 книжных коллекциях и 120 тыс. документов, относящихся к книжным памятникам⁵.

С целью координации деятельности по выявлению и учету особо ценных объектов наследия книжной культуры в 2005 г. началось создание сети региональных центров по работе с книжными памятниками на базе наиболее подготовленных и активно участвующих в реализации мероприятий подпрограммы центральных библиотек субъектов Российской Федерации. К 2013 г. более 40 библиотек приступили к выполнению функций таких центров, обеспечивая на своих территориях выявление и учет книжных памятников.

Одним из наиболее важных достижений реализации подпрограммы «Книжные памятники России» стало формирование необходимой нормативно-правовой базы. Принятый в июне 2009 г. Федеральный закон № 119 «О внесении изменений в Федеральный закон “О библиотечном деле”» ввел термин «книжный памятник» в юридическую

практику и впервые закрепил правовую норму о государственной регистрации книжных памятников⁶.

В 2011 г. нормативное закрепление получила система государственной регистрации книжных памятников. Приказом Министерства культуры Российской Федерации от 3 мая 2011 г. № 429 утверждены Порядок отнесения документов к книжным памятникам, Порядок регистрации книжных памятников, Порядок ведения реестра книжных памятников. В этих документах были определены общие критерии и процедуры отнесения к книжным памятникам и их регистрации, утвержден состав основных элементов системы их регистрации.

Книжные памятники подразделяются на единичные книжные памятники и книжные памятники — коллекции. Современное законодательство сузило границы понятия единичного книжного памятника, используемого в научном обороте и библиотечной практике с 1980-х гг. Теперь к книжным памятникам относятся не все редкие и ценные издания, а только те «рукописные книги или печатные издания, которые обладают выдающейся духовной, материальной ценностью, имеют особое историческое, научное, культурное значение и в отношении которых установлен особый режим учета, хранения и использования»⁷. Благодаря этому ограничению книжные памятники стали еще более соответствовать характеристикам объекта документального наследия.

При определении единичного книжного памятника используют различные подходы. Среди рукописных книг к книжным памятникам могут быть отнесены лишь те, что имеют форму кодекса и создавались специально для чтения. Для печатной книги предполагается учесть более широкий спектр изданий, охватывающий газетные, нотно-музыкальные, картографические, изобразительные издания, листовой материал. Кроме того, к единичным книжным памятникам относят документы как сохранившиеся целиком в своем первоначальном виде, так и находящиеся во фрагментарном состоянии, а также являющиеся частью других документов.

Отнесение документов к единичным книжным памятникам осуществляется в соответствии с хронологическим или социально-ценностным критериями⁸. Хронологическим критерием является «возраст» книги, определяемый длительностью временного интервала между датой выхода книги и настоящим временем. Это наиболее простой и объективный критерий. Он определяет хронологический рубеж, до которого все книги могут быть отнесены к книжным памятникам.

В соответствии с хронологическим критерием к единичным книжным памятникам относят:

- все рукописные книги до XIX в.;
- все экземпляры отечественных изданий до 1830 г. включительно;
- все экземпляры иностранных изданий до 1700 г. включительно.

Для выявления книжных памятников, созданных за пределами временных рамок, определенных хронологическим критерием, применяется социально-ценностный критерий, под которым следует понимать отличительные свойства духовного и материального характера. В соответствии с этим критерием к единичным книжным памятникам относят:

- рукописные книги древней традиции XIX—XX вв.;
- экземпляры изданий, аутентичных событиям и/или периодам большой исторической значимости;
- экземпляры изданий, представляющих важные этапы истории книги;
- экземпляры первых и/или прижизненных изданий основных произведений выдающихся авторов;

- экземпляры первых изданий на языках народов Российской Федерации (кроме русского);
- рукописные книги и экземпляры печатных изданий, являющиеся лучшими образцами художественного оформления, иллюстрирования и палеографического или полиграфического исполнения;
- экземпляры изданий, тиражированных не типографским способом и/или выполненных на нетрадиционных материалах;
- особые экземпляры изданий (с ручной раскраской или в художественных переплетах ручной работы; с цензурными билетами и печатями; библиофильские нумерованные и именные экземпляры печатных изданий);
- экземпляры нелегальных и запрещенных изданий XIX – начала XX в.;
- рукописные книги или экземпляры печатных изданий с автографами, добавлениями, записями, пометами, рисунками выдающихся общественных и государственных деятелей, деятелей науки и культуры;
- рукописные книги или экземпляры печатных изданий, принадлежавшие к ранее существовавшим книжным собраниям известных в истории учреждений и организаций, выдающихся общественных и государственных деятелей, деятелей науки и культуры.

Следует отметить, что работа над определением критериев отнесения книг к книжным памятникам не завершена: продолжаются научные разработки критериев для книг на языках народов России, картографических, нотных, изобразительных изданий, имеющих свою специфику, формируются перечни выдающихся деятелей, авторов, учреждений, коллекционеров, чьи имена и названия придадут книге или коллекции статус книжного памятника. Кроме того, продолжается разработка механизма отнесения документов по социально-ценностным критериям, которые допускают достаточно высокий уровень субъективизма.

Согласно юридической норме книжный памятник-коллекция определяется как совокупность документов, приобретающих свойства книжного памятника только при их соединении вместе в силу своего происхождения, видового родства либо по иным признакам⁹. При этом в качестве самостоятельного объекта книжной культуры рассматриваются полные или сохранившиеся в значительном количестве экземпляры коллекции, неразтворенные в общем фонде учреждения-фондодержателя. Книжный памятник-коллекция может включать как книги, не имеющие свойств книжных памятников, так и объекты, обладающие таковыми признаками и зарегистрированные как единичные книжные памятники.

Отнесение коллекций к книжным памятникам осуществляется только в соответствии с социально-ценностными критериями. В числе определяющих принципов этих критериев можно выделить:

- мемориальность, т.е. связь с жизнью и деятельностью выдающегося деятеля или учреждения, аутентичность важнейшим историческим событиям;
- уникальность состава, т.е. редкость, древность и художественное совершенство книг, включенных в коллекцию (относится к библиофильским книжным собраниям и коллекциям, формируемым современными учреждениями);
- репрезентативность, т.е. глубина и полнота раскрытия темы или представления репертуара книг определенного вида, исторического периода, отрасли знаний, территории (относится к тематическим и видовым коллекциям, формируемым современными учреждениями).

С учетом указанных выше принципов к книжным памятникам относят следующие коллекции:

- коллекции рукописных книг и/или экземпляров печатных изданий, сформированные известными в истории учреждениями и организациями;
- коллекции рукописных книг и/или экземпляров печатных изданий, сформированные выдающимися государственными или общественными деятелями, выдающимися деятелями науки и культуры, а также особо ценные библиофильские коллекции, независимо от социального статуса их владельца;
- тематические и видовые коллекции рукописных книг или экземпляров печатных изданий, сформированные действующими библиотеками, музеями и архивами.

В соответствии с современным законодательством для обеспечения государственной охраны книжные памятники подлежат регистрации в реестре книжных памятников¹⁰. Государственный уровень реестра книжных памятников определяет уровень ценности регистрируемых объектов, другими словами, в реестр книжных памятников должны быть включены сведения о документах и коллекциях, имеющих мировой или федеральный уровень ценности.

В соответствии с Порядком регистрации книжных памятников обязательной регистрации в Реестре подлежат книжные памятники, находящиеся в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований¹¹. Так как Федеральный закон «О библиотечном деле» является правовой базой сохранения и развития библиотечного дела в России, то ответственность за своевременное предоставление сведений для регистрации книжных памятников несут все библиотеки, независимо от их организационно-правовых форм и ведомственной подчиненности. Таким образом, архивы, музеи, научные учреждения или учебные заведения обязаны зарегистрировать книжные памятники, хранящихся в фондах их библиотек.

Процедуре регистрации в Реестре предшествует процедура отнесения документов и коллекций к книжным памятникам, обязательным элементом которой является ввод машиночитаемых записей на книжные памятники в Свод с присвоением порядковых номеров, т.е. включение книжных памятников в Свод является основанием для регистрации в Реестре¹².

Специальное программное обеспечение для ведения Свода в электронном формате было разработано по инициативе РГБ в 2009–2010 гг., после принятия изменений в Федеральный закон «О библиотечном деле». К 2013 г. в Свод было включено более 58 тыс. машиночитаемых записей на издания, все экземпляры которых относятся к книжным памятникам, и на документы и коллекции, обладающие свойствами книжных памятников. Доступ пользователей к сведениям, собранным в Своде, организован через веб-сайт «Книжные памятники Российской Федерации» (<http://kp.rsl.ru>).

В соответствии с Порядками регистрацию книжных памятников и ведение Реестра книжных памятников осуществляет Министерство культуры России. Реестр будет представлять собой государственную учетно-регистрационную базу данных, включающую идентификационные сведения о зарегистрированных единичных книжных памятниках и книжных памятниках-коллекциях¹³. Ведение Реестра должно осуществляться в электронном виде. Создание машиночитаемых записей на книжные памятники в электронной базе и присвоение регистрационных номеров будет производиться на основе данных Свода при поступлении заявления от юридического или физического лица. Информация об изменениях, произошедших с книжными памятниками после регистрации в Реестре и внесенных в Реестр, также будет отражаться в Своде.

Осуществление государственной регистрации сопряжено с решением целого ряда серьезных проблем организационного характера, которые связаны, прежде всего, с мас-

штабностью предстоящей работы и рассредоточенностью книжных памятников по всей территории нашей страны. Деятельность по их выявлению, изучению и подготовке к регистрации требует высокой квалификации, особых знаний и умений, в связи с этим организационные проблемы усугубляются кадровой ситуацией в библиотечной сфере и дефицитом квалифицированных специалистов для работы с книжными памятниками.

Одним из способов, обеспечивающих снижение остроты организационных проблем, может стать поэтапное выполнение работы. Сбор информации в первую очередь о документах, относящихся к книжным памятникам по хронологическому критерию, и прежде всего о наиболее распространенных и изученных старопечатных текстовых изданиях на русском языке 1801—1825 гг., позволит обеспечить необходимый уровень качества и унификацию библиографических записей, а также привлечь значительное количество специалистов из крупных фондохранилищ и региональных центров по работе с книжными памятниками для включения записей в Свод в режиме удаленного доступа.

Кооперация и координация трудовых и информационных ресурсов будут способствовать рациональному использованию уже накопленного интеллектуального потенциала и имеющихся кадров. Дальнейшее развитие сети региональных центров по работе с книжными памятниками, являющихся организаторами и координаторами работы с наиболее ценными объектами наследия книжной культуры на своих территориях, станет гарантией укрепления системы подготовки квалифицированных кадров, научно-методического и информационного обеспечения работы с этим видом культурных ценностей, и тем самым позволит минимизировать возможность ошибок при отнесении документов к книжным памятникам, повысить качество подготовки необходимых для регистрации документов.

Таким образом, можно смело утверждать, что на современном этапе работа с книжными памятниками поднялась на качественно новый уровень. Несмотря на имеющиеся проблемы регистрация книжных памятников представляет собой крупнейший отечественный культурный проект, осуществляемый при поддержке государства и объединяющий представителей библиотек, музеев, архивов, научных учреждений и учебных заведений из разных регионов России. Реализация этого проекта позволит не только выявить и учесть значительную часть документального наследия России, его результаты уже сегодня представляют несомненный интерес для широких кругов населения и прежде всего научного сообщества в целях образования, самообразования и профессиональной деятельности.

¹ Национальная программа сохранения библиотечных фондов РФ. М., 2000.

² Информационный бюллетень РБА. 2012. № 62. С. 92—112.

³ ГОСТ 7.87–2003 «Книжные памятники. Общие требования». М., 2004.

⁴ Там же.

⁵ Сайт «Книжные памятники Российской Федерации»: <http://kp.rsl.ru>. (Дата обращения: 21.05.2013).

⁶ О внесении изменений в Федеральный закон «О библиотечном деле»: Федеральный закон Российской Федерации от 03.06.2009 № 119 // Российская газета. 2009. 10 июня.

⁷ Там же.

⁸ Об утверждении порядков отнесения документов к книжным памятникам, регистрации книжных памятников, ведения реестров книжных памятников: приказ Министерства культуры Российской Федерации от 3 мая 2011 г. № 429 // Российская газета. 2011. 22 августа.

⁹ О внесении изменений в Федеральный закон «О библиотечном деле»...

¹⁰ Там же.

¹¹ Об утверждении порядков отнесения документов к книжным памятникам...

¹² Там же.

¹³ Там же.

Документы Архива РАН как источник по истории Института истории АН СССР в 1936–1968 гг.*

Стало общепризнанной истиной, что историю исторической науки необходимо писать с интенсивным привлечением архивных документов¹. Особенно это касается истории научно-исторических и просветительских учреждений, оставивших после себя не так много печатных изданий, полноценно отражающих их повседневную работу. Внимание к институциональному аспекту развития исторической науки — черта, характерная как для традиционного историографического исследования, в котором историография — это история исторической науки, так и для современных историографических поисков, в значительной степени тяготеющих к интеллектуальной истории и истории исторической культуры.

Одним из базовых архивов для историографов всегда был и, разумеется, продолжает оставаться Архив Российской академии наук². Тесная связь ведущих научных учреждений и отечественных историков с Академией наук предопределила обилие, важность и информативность материалов, хранящихся в Архиве РАН. Среди них особое место занимают материалы, связанные с историей Института истории АН СССР, с 1968 г. разделенного на два института: Институт истории СССР (теперь — Институт российской истории РАН) и Институт всеобщей истории.

Документы Института, следуя классификации на основе происхождения, относятся к группе документов научно-исследовательских учреждений и организаций Академии наук³. Следует подчеркнуть, что данная группа документов особенно важна в процессе реконструкции истории науки, поскольку именно в научно-исследовательских учреждениях выполняется главная задача Академии — проводятся научные исследования.

Особая значимость документов Института истории АН СССР обусловлена тем центральным местом, которое занимало данное учреждение в системе производства научно-исторического знания в советское время. В его стенах появлялись многотомные издания, которые должны были быть научным и идеологическим ориентиром для историков всей страны, писались учебники для вузов и школы. Наконец, создавались фундаментальные монографии и готовились документальные публикации.

Институт истории был образован 15 февраля 1936 г. на базе трех учреждений — Института истории Коммунистической академии при ЦИК СССР, Историко-археографического института и Института книги, документа и письма. Как уже неоднократно отмечалось исследователями, появление центрального научного учреждения отвечало сразу нескольким задачам. Во-первых, общей тенденции к формированию ведущих научно-исследовательских институтов, способных стать лидерами в различных сегментах науки. Во-вторых, централизации исторических исследований и, как следствие, усилению бюрократического контроля над ними. Наконец,

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ. Грант № 12-01-00264а.

в-третьих — советскую власть интересовал пропагандистский потенциал истории, и сотрудники Института должны были стать бойцами «исторического фронта». Несмотря на идеологический контекст, появление Института сыграло важнейшую роль в развитии исторических исследований в СССР. Немаловажно и то, что в стенах Института нашлась работа для многих специалистов дореволюционной «закалки», которых старались держать подальше от студенческой аудитории, но не могли не использовать их колоссальный научный потенциал.

Основным фондом для изучения истории Института является фонд Архива РАН Института истории АН СССР за номером 1577. Фонд содержит документы, отражающие работу Института с момента его появления. Кроме того, в составе управленческой документации отложились материалы по работе Историко-археографического института (1934—1936). Центральную часть фонда занимают документы Ученого совета Института истории (1052 ед. хр.), начавшего свою работу в начале 1938 г. Материалы работы совета всесторонне отражают жизнь и научную деятельность учреждения. На его заседаниях проходили защиты докторских и кандидатских диссертаций. Так, в фонде сохранились протоколы защит таких известных историков, как В.М. Хвостов⁴, А.И. Андреева⁵, В.И. Авдиев⁶, Н.М. Дружинин⁷, А.А. Новосельский⁸, и многих других. Учитывая то, что фонды ВАК СССР теперь хранятся в Тюмени, обращение к этим материалам может существенно упростить работу исследователя из центральных регионов России.

Интереснейший комплекс документов фонда касается истории написания многотомных изданий «История СССР», «Всемирная история», «История Москвы». Стенограммы заседаний Ученого совета показывают, как непросто писались эти труды, как велика была боязнь сделать фатальную идеологическую ошибку.

В рассматриваемый период Институт истории — это еще и центральное учреждение по созданию школьных и вузовских учебников. В архиве отложились многочисленные документы, касающиеся их создания. Очевидно, что они представляют интерес при написании истории развития школьного и вузовского исторического образования, изучении развития методики преподавания истории.

В центре внимания заседаний Ученого совета оказывались ключевые вопросы развития советской исторической науки. На примере этих документов особенно заметна тесная связь исторической науки и идеологических поворотов в стране. Так, при помощи документов фонда можно проследить события, связанные с книгой «История Казахской ССР». Написанная в эвакуации в Алма-Ате авторским коллективом московских и местных историков, книга вначале была выдвинута на Сталинскую премию⁹, но затем подверглась критическому обсуждению. Такому же обсуждению была подвергнута книга Е.А. Бекмаханова «Казахстан в 20—40 гг. XIX в.»¹⁰, а ее автора вскоре отправили в лагерь.

Важнейшим источником для реконструкции истории исторической науки в СССР являются стенограммы заседаний Ученого совета Института, на которых проходила борьба с «буржуазным объективизмом»¹¹ и «безродным космополитизмом»¹². В фонде отложились стенограммы выступлений, сохранившие правку участников этих собраний. Часто видно, насколько застенографированная речь подвергалась радикальной правке, практически переписывалась заново. Трудно представить, что стенографистки настолько исказили мысли ораторов. Дело тут в другом. Очевидно, что это являлось следствием того, что выступавшие стремились максимально учесть ситуацию, складывавшуюся в ходе многодневных проработочных собраний, не дать повод впоследствии обвинить себя в идеологически неверных заявлениях. Поэтому

при анализе необходимо учитывать и сравнивать как неуправленную версию, так и уже исправленный вариант.

Документы фонда 1577 представляют несомненный интерес в изучении развития целых научных направлений в советской исторической науке. Значительное количество специализированных научных советов Академии наук по исторической тематике, задачей которых была координация и направление исследований, были сосредоточены именно при Институте. В частности, здесь можно обнаружить многочисленные доклады, посвященные вопросам изучения историографии, и их обсуждение¹³. Причем, в большинстве своем они носят постановочный и концептуальный характер. Благодаря этим источникам наглядно видны не только генеральные тенденции, ставшие определяющими в последующие годы, но и альтернативы, идеи, по тем или иным причинам не нашедшие поддержки.

Опись 4 содержит документы (стенограммы, протоколы, отчеты, переписку с официальными лицами и учреждениями, распоряжения по Институту, докладные записки и т.д.), в которых хорошо виден механизм функционирования административной системы Института. Колоссальный интерес представляют единицы хранения, вошедшие в опись 6. Это научная документация Института, отражающая «кухню» создания научной и научно-педагогической продукции. Здесь хранятся монографии, статьи, сборники, документальные публикации, учебники, отзывы и т.д. Некоторые из них так и не были опубликованы.

Многочисленные документы, связанные с историей Института, есть в фонде Отделения исторических наук (Ф. 457). Здесь можно найти стенограммы совещаний, обсуждения постановлений, напрямую касающихся истории не только Института, но и исторической науки в целом. Деятельность Комиссии по истории исторической науки, с 1949 г. тесно связанной с Институтом истории, также можно проследить по материалам фонда, поскольку предыдущие годы своего существования (с 1945 г.) она входила в состав учреждений Отделения истории и философии АН СССР. Таким образом, данный фонд является наглядным источником, отражающим процесс планирования и принятия управленческих решений в отношении Института.

Особого внимания заслуживают персональные фонды историков, работавших в Институте истории¹⁴. Их материалы позволяют пролить свет на многие неясные моменты истории Института, заполнить имеющиеся фактические пробелы. Большинство фондов советских историков хранится именно в Архиве Российской академии наук (РАН). Работа с ними значительно упростилась с публикацией путеводителя¹⁵. Особое внимание заслуживают документы личного происхождения: переписка и дневники. Эти источники ценны своим неофициальным происхождением и, как следствие, информацией особого рода. Так, публикация переписки Е.Н. Кушевой и Б.А. Романова¹⁶ была признана ценнейшим источником по истории исторической науки и Института истории¹⁷.

Большой интерес представляет дневник академика М.Н. Тихомирова¹⁸. В дневниковых записях много подробных оценок историков и событий, они полны горькой иронии и часто негодования от происходящего. Например, в сердцах, историк дает следующую характеристику Институту истории в записи от 4 декабря 1952 г.: «Кафтан, сшитый гнилыми нитками, именуемый обычно Институтом истории, являет картину странную. Там ничего не разберешь»¹⁹.

Таким образом, документы персональных фондов историков служат серьезным подспорьем в изучении советской исторической науки в условиях идеологических кампаний. Безусловно, источники зачастую фрагментарно отражают проходившие

события, но в то же время они существенно дополняют архивы учреждений, а источники личного происхождения позволяют взглянуть на проблему глазами участников. Данный ракурс исследования вписывается в усиливающуюся антропологизацию историографических исследований. Дальнейшие поиски в личных фондах сулят немало интересных находок.

Специалистами уже выработана методика комплексного изучения истории советской исторической науки. Замечено, что наиболее перспективным является «параллельное обращение к архивным фондам, сосредоточившим документы учреждений Академии наук СССР и личного происхождения»²⁰. Это справедливо как в ситуации исследования научной биографии отдельного историка, так и в случае реконструкции истории Института истории.

Таким образом, жизнь Института истории АН СССР отразилась в Архиве РАН достаточно полно. В то же время, очевидно, что полноценное исследование невозможно без привлечения материалов из других архивохранилищ. В частности, Научного архива Института российской истории РАН, где сохранились документы заседаний секторов, личные дела сотрудников, а также другие источники.

Учитывая важность внешнего идеологического фактора в развитии исторической науки в СССР, особое внимание должно уделяться источникам контролирующих органов, находящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории и Российском государственном архиве новейшей истории²¹. Неполной будет история учреждения и без привлечения протоколов партийной организации Института в Центральном архиве общественно-политических движений г. Москвы²². Эти документы приоткрывают многие аспекты повседневной жизни сотрудников, их служебных и мировоззренческих конфликтов, наглядно показывают противостояние внутри Института партийных и беспартийных.

Таким образом, реконструкция истории Института истории АН СССР в 1936—1968 гг. представляет собой комплексную задачу, предполагающую мобилизацию значительных пластов архивных документов из различных архивохранилищ. Центральное место в источниковой базе занимают документы Архива РАН, изучение которых является непременным условием достижения поставленной цели.

Существенным подспорьем в реконструкции истории Института являются публикации научного наследия выдающихся историков, связанных с ним. В значительной степени такие проекты реализуются усилиями Архива РАН²³. Уже вышли из печати и вызвали пристальный интерес со стороны специалистов издания научного наследия М.Н. Тихомирова, С.Д. Сказкина, С.К. Богоявленского, С.Б. Веселовского (в том числе его переписки с историками), С.В. Бахрушина и др. Можно только желать, чтобы данная традиция получила новый импульс.

Отдельно хочется сказать об Информационной системе архивов РАН (ИС АРАН) (проект ИС АРАН-web)²⁴ представляющей собой заметное достижение в сфере информатизации архивного дела, значительно облегчающее поиск документов Архива РАН. Свободный доступ в сети Интернет позволяет не тратить время на специальные поездки для ознакомления с содержанием фондов и выявлением их потенциальной значимости для разрабатываемой проблематики. Созданная база данных разрешает проводить поиск по ряду ключевых слов, персоналий и номеров фондов. Совершенствование данной базы является перспективным направлением, отвечающим интересам всех специалистов по истории науки.

- ¹ Например: *Шмидт С.О.* Архивный документ как историографический источник // С.О. Шмидт. Путь историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997. С. 177–205; *Афиани В.Ю.* Архиву Российской академии наук – 275 лет // Археографический ежегодник за 2003 год. М., 2004. С. 3–11; и др.
- ² *Шмидт С.О.* Архив Российской академии наук и развитие архивоведения: прошлое, настоящее и будущее // Археографический ежегодник за 2005 г. М., 2007. С. 222–229.
- ³ *Афиани В.Ю.* Предисловие // Архив Российской академии наук. Путеводитель по фондам (Москва). Фонды личного происхождения. М., 2008. С. 10.
- ⁴ Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 1577. Оп. 2. Д. 10.
- ⁵ Там же. Д. 42.
- ⁶ Там же. Д. 77.
- ⁷ Там же. Д. 92.
- ⁸ Там же. Д. 122.
- ⁹ Там же. Д. 33.
- ¹⁰ Там же. Д. 170.
- ¹¹ Там же. Д. 192, 193.
- ¹² Там же. Д. 207–209.
- ¹³ Там же. Д. 316, 317, 351, 412 и др.
- ¹⁴ См., например: *Тихонов В.В.* Архив РАН: документы личных фондов историков о кампаниях борьбы с «объективизмом» и «космополитизмом». 1948–1950 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 3. С. 99–108.
- ¹⁵ Архив Российской академии наук...
- ¹⁶ Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов. СПб., 2011.
- ¹⁷ *Козлов В.П.* Разговор двух историков // Вестник архивиста. 2011. № 2. С. 302–311.
- ¹⁸ АРАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 6. Д. 3.
- ¹⁹ Там же. Л. 16.
- ²⁰ *Ланской Г.Н.* Фонды Архива РАН как источники по истории советской исторической науки // Отечественные архивы. 2009. № 3. С. 49.
- ²¹ Отдел науки ЦК КПСС. 1953–1966: Справочник: (Аннотированные описи). М., 2006.
- ²² Центральный архив общественно-политической истории г. Москвы. Ф. 211.
- ²³ См.: *Косырева Е.В.* Архив Российской Академии наук: опыт издания научного наследия ученых // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник тезисов и докладов участников конференции молодых ученых и специалистов «Clio 2013». М., 2013. С. 223–227.
- ²⁴ <http://www.isaran.ru/>

Отечественная историография XX столетия о Петре Великом как вдохновителе и «primus Motor» преобразований в России в XVIII в.

Данная статья представляет собой обзор отечественной историографии, позволяющая положительно ответить на вопрос датского историка Ханса Баггера — являлось ли правление Петра I новой системой государственного управления страной по сравнению с предшествующим государственным статусом России, и кому принадлежала роль «primus Motor» в общественной жизни России в начале XVIII столетия. Надо отметить, что документы упомянутых в обзоре ученых-историков хранятся в фондах Архива Российской академии наук.

В 1985 г. вышла в русском переводе книга Ханса Баггера «Реформы Петра Великого. Обзор исследований»¹, посвященная критическому анализу трудов зарубежных и русских историков за период XIX в. — 70-х гг. XX столетия.

Труд Х. Баггера получил в отечественной историографии положительный отзыв: «Обзор Х. Баггера примечателен как показатель интереса современной западноевропейской исторической науки к истории России, в частности, к петровской эпохе, как свидетельство объективного серьезного подхода автора к изучению предмета...»². Обзор включает чрезвычайно богатый справочный аппарат и представляет собой настоящую сокровищницу множества несхожих точек зрения зарубежных и отечественных исследователей петровского времени — так отозвался о работе Х. Баггера известный исследователь д.и.н. В.И. Буганов.

В своей книге Х. Баггер прибегает к свободной манере изложения обзора исторических трудов в соответствии с вопросами разных аспектов петровских реформ и, в частности, касается традиций государственной власти в допетровский период и оригинальности и творческого характера деятельности Петра I. Полемика о личной роли Петра I, его активном и ведущем участии в проведении реформ разных сторон государственной и общественной жизни России в первой четверти XVIII в., поднятая зарубежными историками и, в частности, профессором Дерптского университета А. Брикнером в связи с «европеизацией России», переросла в дискуссию об абсолютизме верховной власти в России, развернувшуюся в отечественной историографии в первой четверти XX столетия.

«Величие» Петра I опровергал П.Н. Милоков, по его мнению, сфера влияния Петра I на реформы была весьма ограниченной, реформы разрабатывались коллективно, а конечные цели преобразований сознавались Петром лишь частично, да и то опосредованно ближайшим окружением. В трудах Н.М. Покровского реформатор выступал как безвольное орудие торговых капиталистов того времени. Н.П. Павлов-Сильванский на основании изучения архивных документов опубликовал «желчный памфлет» в адрес Н.М. Покровского: «в области реформ Петр I, и никто иной, был положительной и движущей силой». Вывод Н.П. Павлова-Сильванского разделял и Н.А. Воскресенский, посвятивший свою жизнь изучению огромной массы законодательных актов петровской эпохи. Анализируя проекты и черновики указов, исследователь попытался осветить вопрос, кто был инициатором создания законодательных актов. Но издание не было завершено, вышел лишь первый том, и вопрос о роли Петра в выработке законов остался открытым. Позднее, в 1960-х гг., С.М. Троицкий ознакомился с неопубликован-

ной частью труда Н.А. Вокресенского и высказал мнение, что роль Петра I как законодателя исследована «еще недостаточно». Многие отечественные и зарубежные историки середины XX в. также высказывались о недостаточной изученности личного участия Петра I в реформах, и тем самым как бы побудили большой коллектив отечественных исследователей Института истории СССР в 1940–1980-е гг. к дальнейшему изучению темы. Исследователи этого периода изменили подход к изучению реформ эпохи Петра I. Их глубинные основы отечественные историки видели не только в сфере государственной власти, но также и в других важнейших сторонах бытия: экономике, социальных отношениях в Российском государстве. Х. Баггер в своей книге справедливо отметил преимущество всестороннего анализа советскими историками документальной базы. Сам Баггер не является сторонником теории исторического материализма³.

Отечественные историки значительно глубже подошли к вопросу о роли Петра Великого как «*primus Motor*» в истории России. Они выявили основы и причины реформ Петра I и его непосредственную роль в осуществлении их путем комплексного подхода в источниковедческом анализе документов (учет социально-экономического, государственно-правового, географического, этнографического, демографического, идеологического и других факторов), о чем сказано ниже.

Уже в XIX в. некоторые отечественные ученые обращались к изучению **социально-экономических вопросов жизни России, в частности, XVII–XVIII вв.** И.Е. Забелин в 1871 г. проанализировал ведение хозяйства «большого ближнего боярина»⁴, В.Ф. Боцяковский в 1893 г. осветил финансовый кризис в Московском государстве в XVII в.⁵, Ю.В. Арсеньев — методы ведения хозяйствования «ближнего большого боярина» князя Н.И. Одоевского в его галицкой вотчине⁶. В «Русской старине» в 1896 г. был опубликован очерк Д. Цветаева «Основание русского флота»⁷.

Советские историки продолжили начинания предшественников. В 1922 г. А.И. Заозерский осветил «страничку из истории хозяйствования боярского дома Воротынского»⁸, А.А. Новосельский в 1929 г. опубликовал исследование «Вотчинник и его хозяйство в XVII веке»⁹.

Обращение к богатой документальной базе государственных архивов значительно расширило круг исследуемых вопросов социально-экономической тематики. К.В. Базилевич в 1940 г. в «Ученых записках МГУ» проанализировал элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича¹⁰. С.В. Бахрушин в том же году опубликовал исследование «Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке»¹¹. А.А. Андреев в 1942 г. осветил в «Исторических записках» историю составления Новоторгового устава 1667 г.¹²

Историки интересовали также быт и занятия посадских и торговых людей в XVII в. Е.И. Заозерская в 1928 г. опубликовала исследование о вологодском купце-госте Ф.М. Фетиеве, а позднее проанализировала торг и промыслы Гостиной сотни в Среднем Поволжье на рубеже XVII–XVIII вв.¹³ О «лесном торге» в Москве была опубликована в 1929 г. в журнале «Старая Москва» статья А. Васнецова¹⁴. Также затрагивался и вопрос внешней торговли Московского государства в XVII в. В 1936 и 1939 гг. в «Историческом сборнике» и «Исторических записках» С.И. Архангельский опубликовал исследования о русско-английских связях в XVII в.¹⁵, в 1940 г. Е.С. Зевакин в «Исторических записках» затронул «персидский вопрос» в русско-европейских отношениях¹⁶.

Со второй половины 1940-х гг. изучение социально-экономических вопросов жизни Московского государства XVII–XVIII столетий возглавлял сектор феодализма Института истории Академии наук СССР, объединивший под своим началом обширный коллектив квалифицированных историков из разных научных учреждений. Иссле-

довательская работа отныне характеризовалась не только всесторонностью изучения социально-экономических вопросов, но и планомерностью ее ведения. Ученые путем тщательного анализа исторической документальной базы изучали особенности социально-экономической жизни Московского государства по отдельным его регионам.

Северные области Московии получили освещение в трудах Н.В. Устюгова: «Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII века» (1950 г.) и «Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке» (1957 г.)¹⁷. И.С. Макаров в «Исторических записках» опубликовал исследование «Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII веке» (1945 г.)¹⁸.

Изучением центральных областей занимались: К.Н. Сербина, исследовавшая «внутреннюю торговлю Тихвинского посада в XVII веке»¹⁹, Н.И. Привалова, опубликовавшая в 1947 г. статью о торгах в г. Касимове в середине XVII в.²⁰, Е.В. Чистякова в 1950 г. проанализировала социально-экономические взгляды А.Л. Ордина-Нащокина²¹.

В 1949 г. А.А. Новосельский опубликовал «роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей» на 1678 г.²², подтверждая этим значимость исследования Д.И. Патрикеева, опубликованного в 1947 г. — «Земельные владения боярина Б.И. Морозова»²³, подробно осветившего нововведения в крупном крепостном хозяйстве XVII в., разбросанном на огромном пространстве от Вологодчины до Нижегородского уезда.

Западный район Московского государства подробно освещен в трудах 1930—1950-х гг.: В.И. Шунков охарактеризовал в «Исторических записках» «Ремесло в Пскове и Новгороде» в середине XVII в.²⁴, псковский торг того же периода изучала Е.В. Чистякова²⁵. С.В. Бахрушин описал торги новгородских купцов Кошкиных²⁶, торгово-промышленную деятельность купцов Калмыковых проанализировала Н.А. Бакланова²⁷.

Ученых интересовала и Сибирь — В.А. Александров в 1962 г. в «Исторических записках» опубликовал статью «Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в.»²⁸. О роли Москвы как центра торговли по донесениям губернаторов писал В. Лебедев в «Историческом журнале» № 5 за 1945 г.²⁹

Появились и труды обобщающего характера: в 1945 г. П.Г. Любомиров проанализировал роль казенного, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности России в XVII—XVIII вв.³⁰, А.В. Демкин в 1984 г. выявил в статье в «Исторических записках» проблемы торгового капитала в России XVII в.³¹, в 1986 г. Я.К. Ермолаева охарактеризовала в «Исторических записках» большой социальный слой XVII — первой четверти XVIII в. — русское купечество³².

Вопросы торговых связей Русского государства за границей находились также во внимании исследователей. В 1947 г. Г. Енш в журнале «Вопросы истории» описал московское торговое подворье в Риге в XVII в.³³, в 1985 г. Н.Н. Репин в «Исторических записках» опубликовал исследование «Торговля России с европейскими странами»³⁴.

Ознакомление с вышеперечисленными трудами историков позволяет так охарактеризовать социально-экономическую жизнь Русского государства второй половины XVII в. — времени начала царствования Петра I: общий характер развития Московского государства к концу XVII столетия, как и на Западе, был обусловлен развитием общественного труда и ростом товарного обращения. Примерно в середине XVII в. в Московском государстве сформировался всероссийский рынок как система более или менее постоянных связей между отдельными ярмарками и торжками. «Купецкие люди» стремились приумножить свое имущественное состояние промыслами и торговлей. Государственная казна была заинтересована в расширении внутреннего рыночного оборота, чтобы закупать за границей военную технику и содержать войска

«иноземного строя». Выгодная внешняя торговля способствовала также накоплению в царской казне запаса денежных металлов, что, в свою очередь, расширяло внутренний рыночный товарооборот. За «заморскую торговлю» «московские чины и купецкие люди» охотно поднимали кубки с вином при общении с купцами-иноземцами.

Роль государственной власти в преобразованиях общественной жизни России времен правления Петра Великого отразилась в научных трудах русских историков XIX столетия и большом количестве публикаций исторических документов («Письма и бумаги императора Петра Великого», Акты Московского государства, обозрение архива кн. Ф.А. Куракина, мемуары «русских людей»).

Отечественные историографы XX столетия также обращались к этой теме. С.Ф. Платонов в «Лекциях по русской истории» (1917 г.) настойчиво проводил мысль о решающей роли государства в проведении реформ в России начала XVIII столетия. А.И. Заозерский в исследованиях «Царская вотчина в XVII веке» и о фельдмаршале Б.П. Шереметеве в 1937 г. документально обрисовал первые шаги управления Петра в сложных взаимоотношениях его с родовитой знатью бояр³⁵. В 1940 г. вышел первый том фактологического документального труда М.М. Богословского, наглядно свидетельствующего о весьма непростых обстоятельствах становления Петра I как государственного деятеля и реформатора России³⁶. В последующие годы продолжалась многотомная публикация «Писем и бумаг императора Петра Великого»³⁷, изданы сборники документов «Политические и культурные отношения России с югославскими землями в XVIII веке» (1984 г.)³⁸; «Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев» (1986 г.)³⁹; М.А. Алпатов опубликовал исследование «Русская историческая мысль и Западная Европа» (1976 г.)⁴⁰; Н.Б. Голикова проанализировала документы о политических процессах по материалам Преображенского приказа (1957 г.)⁴¹; Н.А. Бакланова опубликовала статью «Великое посольство за границей в 1697—1698 гг.»⁴²; Н.И. Павленко издал монографию «Александр Данилович Меншиков» (1981 г.)⁴³ и т.д.

Привлекая к обозрению всю совокупность публикаций и научных трудов исследователей XIX и XX столетий, можно восстановить первые шаги царя Петра Алексеевича на пути достижения его признанного титула «Великий». Петру I было 23 года, когда в 1689 г. он был провозглашен единодержавным правителем Московского государства. Воспитание и образование, полученное при дворе царя Алексея Михайловича, предполагало его полное осведомление о внешнеполитическом статусе Русского государства и о своей роли как носителя верховной власти, всецело направленной на ее дальнейшее укрепление. Борьба за власть придворных партий — знатного рода Милославских и худародного рода Нарышкиных, к которому принадлежал Петр, а также стрельцкий мятеж 1682 г. твердо укрепили намерение молодого царя не уступать правления регентше царевне Софье, а позднее соправителю — Ивану Алексеевичу. В письме от 8 сентября 1689 г. Петр пишет ему: «Понеже пришли в меру возраста своего..., позволь... отеческим своим изволением для лутшей пользы нашей и для народного успокоения, не обязываясь к тебе, государю, учинить по приказам правдивых судей... А как, государь-братец, случимся вместе, и тогда поставим все на мере»⁴⁴. За спиной Петра в 1690-е гг. стояла многочисленная нарышкинская партия его родственников и приверженцев (дядя Лев Кириллович Нарышкин; воспитатель боярин Тихон Никитич Стрешнев; кравчий Борис Алексеевич Голицын; «человек ума великого», близкий к царю Алексею Михайловичу, князь Иван Борисович Троекуров; друг детства царя — постельничий Гавриил Головкин и др.). «Облако» бояр, витавшее, по выражению одного из иностранцев, над царем Алексеем Михайловичем, окутало теперь и молодого царя, не меняя ни внутренней, ни внешней стороны государственного

управления Москвией, и до известной степени формировало его личность, стремясь подчинить своему духу. Наиболее ярким последствием этого и злободневным для всех современников и потомков явилось начало открытого общения царя Московского с иноземцами, жившими в Москве в Немецкой слободе. Б.А. Голицын, знавший латинский и греческий языки и непринужденно общавшийся с иноземцами-офицерами и торговыми людьми, познакомил Петра с П. Гордоном и Ф. Лефортом. Резиденцией Петра стало село Преображенское, где сосредоточилась личная охрана царя — гвардейские «потешные полки» Преображенский и Семеновский.

Природные наклонности молодого Петра: любознательность, стремление воспринимать все полезное, хотя и незнакомое, неумная энергия, трудолюбие, общительность удачно сочетались с требованием времени о включении Русского государства в международную торговлю и выходом на морские пути. Юношеское увлечение морскими плаваниями, о которых царь слышался от московских иноземцев, из «потехи» переросло в серьезное намерение — создать свой флот. Петр принял эстафету своих предшественников — отца Алексея Михайловича и соправителя царевны Софьи князя В.В. Голицына. В 1693 и 1694 гг. на построенных им в Переяславле-Залесском речных галерах Петр в сопровождении членов официального «синклита» (кабинета), более умудренных жизнью сановников, пытается найти выход к морю: укрепить архангельскую международную ярмарку посредством создания собственной торговой флотилии. Но организованная им морская торговая экспедиция не состоялась: плавание по Белому морю требовало больших кораблей и высококвалифицированных моряков, чего у царя не было. Однако вызрело твердое решение — обратиться к югу России: успешные в торговле англичане (на Белом) и шведы (на Балтийском) морях не были конкурентами русским на Черном море, ибо сами нуждались в поддержке русского правительства для безопасной транзитной торговли с Персией и другими странами Востока. Крымским походам Петра Алексеевича в 1695 и 1696 гг. под турецкую крепость Азов предшествовала, по инициативе царя, «генеральная военная репетиция» — «Кожуховский поход», тщательно продуманный царем с его неофициальным «синклитом» — «потешным генералом» Автотоном Михайловичем Головиным, генералами-иноземцами из Немецкой слободы. «Кожуховский поход» наглядно продемонстрировал преимущество войск «нового строя» села Преображенского над военной старой силой Разрядного приказа — дворянской конницей воеводы Б.П. Шереметева и запорожскими казаками Ивана Мазепы. Первый крымский поход, окончившийся сомнительным успехом, показал, что с одним сухопутным войском и необеспеченной продовольственной базой победить «неверных» оказалось невозможным. И царь, вопреки мнению именитых членов официального «синклита» — участников первого азовского похода, немедленно начал подготовку второго крымского похода в трех направлениях: 1) строительство речного флота под Воронежем; 2) переукомплектование начальствующего состава войск менее родовитыми, а значит и более зависимыми от него «чинами» и 3) призыв (не удавшийся) на службу иностранных военных инженеров. Как заметил С.М. Соловьев, именно в эти годы началось царствование Петра Великого. Труды царя увенчались в 1696 г. полным успехом. Как писал иностранец Перри «...царь сам, начальствуя своим флотом, отрядил часть его в засаду; увлек неприятеля, притворно отступая перед ним, вдруг потом напал на турецкие корабли с обеих сторон»⁴⁵. Военный тактический и организационный талант царя поднял его престиж во мнении Боярской думы. Торжественно отпраздновав победу, Петр осенью 1696 г. письменно обратился к Боярской думе со следующим: «...ничто же лутче мноу бытъ, еже воевать

морем, понеже зело блиско есть и удобно многократ иначе, нежели, сухим путем... К тому ж потребен есть флот, или караван морской»⁴⁶. Иными словами, молодой полководец высказал решение продолжать борьбу с «неверными», все еще угрозой для России и Западной Европы. Бояре кратко ответили Петру: «морским судам быть».

6 декабря 1696 г. были обнародованы «Правила для строения частных судов, судов партикулярных и протчих» и дано поручение строить казенный флот ведавшему этим «новым делом» «адмиралтейцу» А.П. Протасьеву. Но кадров строителей морского флота в Московском государстве не было. Общение с иноземцами и на этот раз оказало услугу Петру. Купец-грек, член Московской торговой компании, получил согласие владельца мореходной школы в г. Перасте (Далмация) Марко Мартиновича обучать «морским наукам» московских дворян за 50 дукатов в месяц. Царь издал именной указ о назначении свыше 60 стольников в «...разные государства учиться всяким наукам». Но так как веками русские правители считали, «что великий государь русский среди других великих славных государей есть высочайший великий государь, самодержжный царь», то выезд молодых людей знатного происхождения объявили под знаком инкогнито: «для того, чтобы в иноземческих краях подлинно не ведали какого чина и каких пород для тоя вышеписанной науки в их государства посланы».

Покончив с «прадедовскими обычаями» войны, почитая, что война есть искусство (о чем говорит именное повеление вести «боевые журналы» и наставление о порядке службы на речных галерах), Петр обратился к дипломатии, потребовав осветить свой победоносный успех под Азовом в иностранных газетах — польских и немецких курантах. Также от имени царя была послана грамота венецианскому дожу Сильвестру Валерио и бранденбургскому курфюрсту Фридриху III с предложением о совместных «дальнейших воинских промыслах» и осуждением «недоброхотного поведения» «людей из Польши» и «думных людей» императора Священной Римской империи, освещавших в польских и немецких курантах азовские походы царя.

Осенью 1697 г. по велению Петра боярин П.Б. Шереметев отбыл с дипломатической миссией на остров Мальту — резиденцию Мальтийского рыцарского ордена — основной угрозы Оттоманской империи под эгидой Римского папы. От имени Московского царя посланный должен был подтвердить желание Московского государя «усилить союз христианских держав» против «неверных». Вслед за этим в Европу последовало «Великое посольство» во главе с адмиралом Ф. Лефортом, генералами Ф.А. Головиным и П.Б. Вознициним, членами второго неофициального кабинета Петра Алексеевича; в составе посольства инкогнито — под именем плотника Петра Михайлова — был и сам царь. Посольству предписано было исправить допущенную Е. Украинцевым ошибку — невыполненную миссию — о заключении письменного договора (об антитурецком союзе) с европейскими державами.

В Наказе «великим послам», составленном в «обычай» Посольского приказа, царь добавил: обязать послов нанять за границей на службу в Московском государстве корабельных и артиллерийских мастеров, матросов и закупить пушки, корабельные снасти и инструменты.

Официально «Великое посольство» не выполнило своей миссии, но для самого Петра оно имело большое значение, совершенствуя его не только в «мореходном деле», но и как политического, дипломатического и государственного деятеля. Именно тогда у Петра наметилась великодержавная идея, о чем свидетельствует послание царя патриарху Адриану из Амстердама: «Мы в Нидерландах... благодатью божиею и Вашими молитвами... трудимся, что чиним не от нужды, но добраго ради приобретения морского пути, дабы могли возвратясь... христиан... освободителями быть»⁴⁷. В записной

книжке амстердамского купца Вильде царь собственноручно написал: «Петр бывший здесь ради некоторых предгрядущих дел. 1697 года месяца декабря в 13 по старому»⁴⁸. Царь, будучи в Западной Европе, самым активным образом включился в международную жизнь, касающуюся непосредственно осуществления его замыслов, что отражено в официальных документах и в его переписке с московскими корреспондентами. При этом Петр-дипломат в переговорах с европейскими правителями о вооруженном союзе против Оттоманской империи, полностью руководствовался чувством собственного достоинства и осознанием своего могущества как русского царя — традиционными чертами многовековой русской дипломатии. Но, как заметил в биографии Петра историк М.М. Богословский, Петр Алексеевич «своей волей сломал освященные временем внешние формы»⁴⁹ московского дипломатического ритуала, выбирая оригинальные, более подходящие к данной обстановке приемы ведения переговоров. Так, в переговорах «великих послов» с бранденбургскими дипломатами по настоянию царя «письменные статьи об оборонительном союзе против Швеции» были заменены «рыцарской присягой»: «обещать самим обоим государям друг другу изустно». Царь дважды сумел выйти из затруднительного положения при общении с польским королем Августом и бранденбургским курфюрстом Фридрихом III, стремившихся втянуть Московское государство в их конфликт со Швецией, с которой Московия сохранила мирные отношения. «Европейский лоск» приемов западных правителей, несомненно, укрепил в молодом царе значимость своей особы, что сказалось и по возвращению его в Москву.

«Двор Петра» за границей являлся как бы миниатюрным государственным аппаратом, в жизнь которого непосредственно втягивался и сам царь, приобретая практический опыт руководителя. Попечение о государстве на время пребывания в Европе Петр доверил своему официальному «синклиту» — ближним боярам во главе с князем Ф.Ю. Ромодановским: членов «синклита» царь наделил государственными полномочиями. Петр постоянно был в курсе всех дел, сносаясь «цидульками» с тайными агентами. «Синклит» показал себя усердным исполнителем воли царя, но вместе с тем, вызывал и его неудовольствие. Не все были способны на самостоятельные действия, будучи весьма ограниченными по природе, а некоторые даже и порицали его поведение, как князь Б.А. Голицын, которому было поручено «шлюзовое дело» — строительство канала между реками Доном и Волгой. Но особое неудовольствие Петра вызвали полумеры князя Ф.Ю. Ромодановского в «розыске» о мятежных стрельцах в 1698 г., что заставило царя вернуться в Москву для расправы над ожившим «семенем» рода Милославских: «хотя зело нам нынешнего полезного дела, однако сей ради причины будем к Вам так, как Вы не чаете»⁵⁰ — решил царь в ответ на послание к нему князя. Беспощадной расправой — казнью 799 стрельцов — Петр окончил свой «розыск». Трупы повешенных, обезглавленных и колесованных качались в октябре 1698 г. на виселицах с челобитными в окостенелых руках. Эта зловещая декорация должна была устрашить врагов царя, продемонстрировать всю силу его власти. Наказаны были и видные сановники и министры «синклита», но, правда, своеобразным образом. Титулованные бояре должны были удостоверить незримо для себя преданность монарху, что проявилось собственноручным обрезанием царем бород больших московских бояр, приверженцев старой моды⁵¹, и «прохаживанием» царского шута на приеме у шведского посла 1 сентября 1698 г. в адрес главы Посольского приказа Л.К. Нарышкина, канцлера Г.И. Головкина, князя И.И. Репнина. Как запечатлел протокол шведского посольства «бояре де мало или совсем не заботились и не принимали к сердцу, какие труды и работы принимает его царское величество для блага и пользы их и всех его подданных»⁵². Они оставались дома, веселились и собирали большие деньги и имения, в то время как

его царское величество терпел нужду и в еде, и в питье, проводил много утомительных часов и даже не щадил своей жизни — вещал шут, а царь, слушая эти «резкие слова и обвинения», «бросал взгляды то на одного, то на другого боярина». Шут упрекал присутствующих в лицемерии и сомневался «насколько верноподданные и преданные сердца имеют они, когда выказывают всяческую вялость в поддержке царского величества в дорогих военных приготовлениях и еще в другом, что приходилось государю делать». Этот своеобразный психологический тест монарха имел последствие — публичные заверения «синклита» в верности Петру. По словам шведского посла Т. Книппера, «сановники, достойные всяческого уважения», склонились перед предназначенным им богом-государем. 1698 г. стал началом абсолютного самодержавного правления Петра Великого. Боярская дума прекратила свое существование, единственным законодателем и распорядителем финансов в государстве стал царь, его волю исполнял чиновный аппарат, формировавшийся во все последующее правление Петра.

Доминантой деятельности царя по-прежнему оставалось вовлечение России в мировой торговый обмен. «Преобразования» Петра Великого, о которых так бурно спорили в XIX—XX вв., явились теми «инструментами», которыми Петр, по меткому выражению А.С. Пушкина, «прорубил окно в Европу». Взгляды Петра органично вписывались во всемирно исторические процессы развития. «Божественное» происхождение царской власти было отвергнуто утверждением «просвещенного монарха» о разумном характере власти — работоспособность, знания, преданность делу (и тем самым самому царю) — вот те принципы, которыми руководствовался молодой Петр в первые годы своего правления.

Таким образом, отечественная историография XX в. дала положительный ответ на поставленный Х. Баггером в его книге вопрос о роли Петра I как «primus Motor» преобразований в России в XVIII в.⁵³

¹ Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., 1985.

² Там же.

³ Там же. Предисловие.

⁴ Забелин И.Е. Большой ближний боярин в своем вотчинном хозяйстве // Вестник Европы. 1871. № 1—2.

⁵ Боцяковский В.Ф. Финансовый кризис в Московском государстве в XVII веке // Русская старина 1893. Ноябрь. С. 225—242.

⁶ Арсеньев Ю.В. Ближний боярин князь Н.И. Одоевский и его переписка с галицкой вотчиной (1650—1684) // Чтения ОИРД. Кн. II. 1903.

⁷ Цветаев Д. Основание русского флота. Исторический очерк // Русская старина. 1896. Июль.

⁸ Заозерский А.И. Боярский двор. Страничка из истории одного боярского дома (Воротынских) // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 99—114.

⁹ Новосельский А.А. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.; Л., 1929.

¹⁰ Базилиевич К.В. Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича // Ученые записки МГУ. 1940. Вып. 41. История. С. 3—34.

¹¹ Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII в. // Исторические записки. 1940. Т. 8. С. 98—128.

¹² Андреев А.А. Новоторговый устав 1667 г. (К истории его составления) // Исторические записки. 1942. Т. 13.

¹³ Заозерская Е.И. Вологодский гость Ф.М. Фетиев (Из быта торговых людей в XVII в.) // Записки историко-бытового отдела Государственного Русского музея. Т. I. 1928. С. 195—212; Торги и промыслы Гостиной сотни в Среднем Поволжье на рубеже XVII—XVIII вв. 1928.

¹⁴ Васнецов А. Лесной торг в старой Москве // Старая Москва. 1929.

¹⁵ Архангельский С.И. Англо-голландская торговля с Москвой в XVII в. // Исторический сборник. М.; Л., 1936. Т. 5. С. 5—38; Он же. Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой // Исторические записки. 1939. № 5. С. 118—140.

- ¹⁶ *Зевакин Е.С.* Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. // Исторические записки. 1940. Т. 8. С. 129—162.
- ¹⁷ *Устюгов Н.В.* Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. // Исторически записки. 1950. Т. 34. С. 166—197; Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.
- ¹⁸ *Макаров И.С.* Пушной рынок Соли Вычегодской в XVII в. // Исторические записки. 1945. Т. 14.
- ¹⁹ *Сербина К.Н.* Внутренняя торговля Тихвинского посада в XVII в. // Исторические записки. 1948. Т. 25.
- ²⁰ *Привалова Н.И.* Торги г. Касимова в середине XVII в. // Исторические записки. 1947. Т. 21.
- ²¹ *Чистякова Е.В.* Социально-экономические взгляды А.Л. Ордина-Нащокина (XVII в.). Воронеж, 1950.
- ²² *Новосельский А.А.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // Исторический архив. 1949. Т. 4. С. 88—149.
- ²³ *Патрикеев Д.И.* Земельные владения боярина Б.И. Морозова // Исторические записки. 1947. Т. 21. С. 51—104.
- ²⁴ *Шунков В.И.* Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639—1640 гг. // Исторические записки. 1939. Т. 5. С. 102—117.
- ²⁵ *Чистякова Е.В.* Псковский торг в середине XVII в. // Исторические записки. 1950. Т. 34. С. 198—235.
- ²⁶ *Бахрушин С.В.* Торги новгородцев Кошкиных // *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. II. М., 1954.
- ²⁷ *Бакланова Н.А.* Торгово-промышленная деятельность купцов Калмыковых во второй половине XVII в. М., 1959.
- ²⁸ *Александров В.А.* Роль крупного купечества в организации пушных промыслов и пушной торговли на Енисее в XVII в. // Исторические записки. 1962. Т. 71.
- ²⁹ *Лебедев В.* Москва при Петре I (по донесениям губернаторов) // Исторический журнал. 1945. № 5. С. 34—43.
- ³⁰ *Любомиров П.Г.* Роль казенного, дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности России в XVII—XVIII веках // Исторические записки. 1945. Т. 16. С. 65—99.
- ³¹ *Демкин А.В.* Проблемы торгового капитала в России XVII в. в трудах С.В. Бахрушина // Исторические записки. 1984. Т. 111. С. 318.
- ³² *Ермолаева Я.К.* Купечество в России в XVII — первой четверти XVIII в. // Исторические записки. 1986. Т. 114. С. 303—322.
- ³³ *Еши Г.* Московское торговое подворье в Риге в XVII в. // Вопросы истории. 1947. № 11. С. 74—79.
- ³⁴ *Репин Н.Н.* Торговля России с европейскими странами // Исторические записки. 1985. Т. 112.
- ³⁵ *Заозерский А.И.* Царская вотчина в XVII в. Из истории хозяйственной и приказной политики царя Алексея Михайловича. Изд. 2. М., 1937.
- ³⁶ *Богословский М.М.* Петр I (Материалы для биографии). Т. I. М., 1940.
- ³⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I. (1688—1701 гг.). СПб., 1877.
- ³⁸ Политические и культурные отношения России с югославскими землями в XVIII веке. М., 1984.
- ³⁹ Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986.
- ⁴⁰ *Аллатов М.А.* Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII — первая четверть XVIII в. М., 1976.
- ⁴¹ *Голикова Н.Б.* Политические процессы и царствование Петра I по материалам Преображенского приказа. М., 1957.
- ⁴² *Бакланова Н.А.* Великое посольство за границей в 1697—1698 гг. (Его жизнь и быт по приходно-расходным книгам посольства) // Петр Великий. Сб. статей. Т. I. М.; Л., 1947. С. 3—62.
- ⁴³ *Павленко Н.И.* Александр Данилович Меншиков. М., 1981.
- ⁴⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I.
- ⁴⁵ Записки капитана Перри о бытности его в России с 1698 по 1713 годы // Русский вестник. 1842. № 5, 6.
- ⁴⁶ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Богословский М.М.* Указ. соч.
- ⁵⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. I.
- ⁵¹ *Богословский М.М.* Указ. соч.
- ⁵² Петр Великий и шведские послы в 1699 году // Русская старина. 1918. Январь—февраль. С. 40—49.
- ⁵³ См. текст рукописи Ткачевой Н.К. «Петр I — “как вдохновитель и primus Motor” преобразований в России в XVIII в.» (Ответ Хансу Баггеру), зарегистрированной в Отделе депонирования ИНИОН по разделу «Новая советская литература по общественным наукам» 29 марта 1990 г. за № 41468. К рукописи приложен список документальных источников (печатных и неопубликованных) и научных трудов.

Переписка С.И. Архангельского с Д.М. Петрушевским

В последнее время в историографии уделяется достаточно много внимания изучению эпистолярного жанра. Современных исследователей интересует не только получение информации по истории исторической науки, но и сведения о внутреннем мире историков, мотивах их творчества. Это возможно только при условии, что историческое знание рассматривается как часть культуры с ее индивидуальностью и неповторимостью.

Переписка нижегородского историка Сергея Ивановича Архангельского (1882–1958) с Дмитрием Моисеевичем Петрушевским (1863–1942) до сих пор не являлась предметом изучения¹.

Имя Дмитрия Моисеевича Петрушевского широко известно в научном сообществе², он входит в группу ученых, труды которых в конце XIX — начале XX вв. составили важную веху в развитии русской медиевистики, расширили проблематику исследований, усилили внимание к социально-экономическим процессам, которые развивались в средневековой Западной Европе.

Д.М. Петрушевский в 1906 г. был профессором кафедры всеобщей истории Московского университета. Из семинаров Петрушевского вышло немало талантливых исследователей, развивавших далее историческую науку. Именно там в эти годы учился и Сергей Иванович Архангельский (1900–1906). Его учителями, кроме Д.М. Петрушевского, были П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, В.О. Ключевский, А.Н. Савин, М.М. Богословский и др. В личном фонде С.И. Архангельского находится «Распределение лекций и практических занятий на историко-филологическом факультете императорского Московского Университета в осеннем полугодии 1906 года», из которого следует, что студент Архангельский посещал спецкурс Петрушевского «Средневековая история», а также его семинар — «Средневековая история»³. Исследователи отмечают, что лекции и семинары Петрушевского по раннему средневековью пользовались успехом⁴.

В 1907 г. С.И. Архангельский с дипломом первой степени окончил Московский университет. Уже после окончания университета, его учитель в 1908 г. ввел в лекционный курс новую тематику: стал рассматривать процессы, развивавшиеся в средневековом городе. Но жизненные пути С.И. Архангельского и Д.М. Петрушевского на этом этапе разошлись. Возобновились они лишь в 1926 г. С этого времени начинается их переписка, которая продолжится до кончины Д.М. Петрушевского. Всего было написано 35 писем⁵. Первое письмо датируется 1926 г. На его содержании необходимо остановиться подробнее. Написанию этого письма предшествовало другое, в котором С.И. Архангельский обратился к Николаю Ивановичу Карееву⁶ с просьбой о помощи в публикации перевода книги бельгийского историка Анри Пиренна⁷. Дело в том, что С.И. Архангельский к этому времени закончил перевод с английского и подготовил к изданию работу А. Пиренна «Средневековые города и возрождение торговли». В марте 1926 г. Кареев написал ему: «Книга такого историка, как Пиренн, и в таком предмете, как средневековые города и возрождение торговли, конечно, заслуживает издания в русском переводе, но сильно сомневаюсь, чтобы Вы могли в скором времени

увидеть ее изданную у нас...»⁸. Это не было отказом. Николай Иванович обнадежил Архангельского, добавив, что «это мне не мешает навести справки, поговорить, похлопотать... Ваша просьба забыта мною не будет»⁹. Через две недели Архангельский получил еще одно письмо от Н.И. Кареева:

«15/III 1926.

Многоуважаемый Сергей Иванович —

В числе лиц, к которым я обращался по поводу Пиренна, был моск[овский] проф[ессор] Дм[итрий] Моис[еевич] Петрушевский. После долгого молчания он мне ответил следующими словами, касающимися Пиренна: “Сейчас ничего определенного нет, но возможно, что что-нибудь выяснится, и тогда я напишу Вам”. В других местах пока получался только отрицательный ответ. Имею в виду только еще одного издателя.

Готовый к услугам Н. Кареев

P.S. На всякий случай сообщаю Вам адрес Д.М. Петрушевского. Москва, Плющиха. Б. Трубный пер., д. 13, кв. 16.

Пока, впрочем, ему не пишете, так как, может быть, еще здесь что-либо устроится»¹⁰.

Таким образом, именно Кареев сыграл главную роль в возобновлении общения Архангельского и Петрушевского. Сергей Иванович последовал совету Николая Ивановича и в скором времени написал Д.М. Петрушевскому. Кареев не случайно обратился к Петрушевскому. Интересуясь, прежде всего, проблемами аграрного развития Европы эпохи Средневековья и формируя общую концепцию генезиса феодализма, Петрушевский не мог пройти мимо такого интересного сюжета европейской истории, как возникновение городов¹¹. Статья 1912 г. «Возникновение городского строя средних веков» родилась из семинаров, которые он проводил в 1909—1910 гг. на историко-филологическом факультете Московского университета. Дмитрий Моисеевич никогда открыто не высказывался, какой теории он придерживается, но обстоятельность и особое внимание, с которыми русский ученый рассматривает взгляды Г. фон Белова¹², говорят о его симпатиях¹³.

Именно с этого письма 16 апреля 1926 г. мы начнем изучение переписки.

«Многоуважаемый Дмитрий Моисеевич!»¹⁴

Николай Иванович Кареев, в письме ко мне от 15.03 сообщает, что Вы подали ему некоторую надежду на возможность издания перевода книги Пиренна, который я подготовил к печати. Разрешите спросить Вас о том, есть ли возможность при Вашем содействии издать эту интересную, и как мне кажется, очень полезную для вузовской молодежи книгу, являющуюся итогом многолетней работы Пиренна над отдельными вопросами по истории городов, в частности фландрских городов».

Ответ Петрушевского 11 мая 1926 г. был неутешителен:

«Многоуважаемый Сергей Иванович!

Не отвечал Вам до сих пор потому, что все ждал, не получили наконец хоть какого-нибудь ответа на давно наводимые мною справки по интересующему Н[иколая] Ивановича и Вас вопросу. И сейчас ничего сообщить не могу. Переведенная Вами работа Пиренна, конечно, весьма нужна всем интересующимся этими вопросами; но к ним, к сожалению, не принадлежат те¹⁵, кто занимается не чтением книг, а их убиением. У них на этот счет особое мнение. Сомневаюсь, чтобы у них пробудилась благоприятность к книге Пиренна.

Готовый к услугам Вашим Д. Петрушевский»¹⁶.

Больше к теме публикации книги Пиренна в своей переписке ученые не возвращались. Добавим лишь, что Архангельский дал свою оценку работе Анри Пиренна, что интересно для изучения формирования его как самостоятельного исследователя:

«Занимаясь изучением раннего капиталистического развития Западной Европы, я встретил в книге Пиренна ряд очень интересных мыслей, которые делают его построение оригинальным по сравнению с построениями Допша¹⁷, Зомбарта¹⁸, Белова¹⁹ и других».

Существует значительная исследовательская литература, в которой рассматриваются как сами работы А. Допша, В. Зомбарта и Г. Белова, так и работы, касающиеся оценок, данных им Д.М. Петрушевским. Взгляды С.И. Архангельского в отношении трудов Допша, Зомбарта и Белова требуют научного изучения. В рамках настоящего исследования мы лишь обозначим эту проблему. Однако упоминание Допша в 1926 г. свидетельствует о том, что Архангельский, несмотря на то, что жил в «провинции» (после окончания Московского университета он вернулся в Нижний Новгород), не только имел доступ к новейшей исследовательской литературе, которая была тогда наиболее востребованной в научной среде, но и мог дать ей самостоятельные оценки.

Несколько опережая события, отметим, что в 1928 г. будет издана книга Д.М. Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы»²⁰, в которой он характеризует Допша «как одного из самых крупных представителей современной исторической науки»²¹. Во введении к работе Петрушевский также высказался в поддержку неокантианской гносеологии Риккерта и Вебера. Как следствие, была развернута кампания по дискредитации ученого. По книге организовали дискуссию. В журнале «Историк-марксист» (1928. № 8) были опубликованы материалы диспута о книге Д.М. Петрушевского. История погрома исторической науки на рубеже 1920—1930-х гг. широко известна. Следует заметить, что ей предшествовала статья М.Н. Покровского «“Новые” течения в русской исторической науке», опубликованная в № 6 «Историка-марксиста» за тоже год. Покровский сыграл в жизни Петрушевского судьбоносную роль. В 1928 г. он сделал все, чтобы всячески дискредитировать ученого — именно с его критической статьи начинается настоящая травля Петрушевского. Следствием этого стало то, что труды Д.М. Петрушевского не печатались, и он был вынужден довольствоваться публикацией небольших статей и двух сборников документов.

Возвращаясь к переписке, следует отметить, что ее большая часть дает представление о том, как двигалась работа С.И. Архангельского по написанию исследования об истории Английской революции 1640—1660 гг. Сергей Иванович после получения отписок статей, из которых впоследствии сложатся отдельные главы его монографии, отправлял их своему учителю и наставнику. Также нижегородский историк делился своими мыслями и планами в отношении своей дальнейшей научной работы.

Несмотря на то, что историк был очень занят, он продолжал заниматься наукой. Письмо, адресованное Архангельскому 15 июня 1928 г., характеризует Петрушевского не только как исследователя, но и как человека. Трагические события, чередой следовавшие в его жизни, не сломали его. Наоборот, он нашел и время и слова, чтобы поддержать провинциального историка, подчеркнув его вклад в науку. Петрушевский писал Архангельскому: «Благодарю Вас за ценный подарок. Издав перевод указа Диоклетиана, и предпослав ему руководящее введение, дающее надлежащее историческое освещение ему, Вы оказали русской исторической науке большую услугу»²².

В тоже время С.И. Архангельский, находясь в Нижнем Новгороде и не имея возможности постоянно работать в столичных архивах и библиотеках, неоднократно обращался в своих письмах к проблеме, актуальной как тогда, в 1930-х гг., так и сейчас. Нижегородский историк сформулировал ее как «отсутствие сколько-нибудь удовлетворительной библиотеки в нашей провинции», что «сильно тормозит работу»²³.

На наш взгляд, Сергей Иванович в данном случае не выступает критиком организации науки или библиотечного дела в провинции. Скорее, в этих строках отражено четкое понимание той разницы, которая всегда существовала между возможностями ученых, проживающих в столичных городах и в провинции. Безусловно, его тяготила удаленность от крупнейших библиотек и архивов.

Сергей Иванович неоднократно обращался к Петрушевскому с просьбами о поиске книг, которые отсутствовали в Нижегородских библиотеках. Так, в 1934 г., он писал: «Не известна ли Вам какая-либо специальная работа о крестьянах коронных земель в Англии? Если да может быть, черкнете об этом»²⁴. В другом письме 1938 г.: «Не сохранился ли у Вас экземпляр Вашей работы “Рабочее законодательство Эдуарда III”»²⁵? Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы его мне прислали. В нашем городе этой книги нет ни в одной библиотеке»²⁶.

Ответы, как правило, были отрицательными. В частности, на письмо 1938 г., ответ был таким: «У меня сохранился только один экземпляр рабочего законодательства Эдуарда III-го. При всем желании не могу исполнить Вашей просьбы»²⁷.

В своих письмах Д.М. Петрушевский всегда старался подчеркнуть значимость работ С.И. Архангельского, понимая, что провинциальному историку, находящемуся вдали от источников, труднее работать над вопросами английской истории. Так, в 1939 г. Петрушевский заметил: «Как это хорошо, что отрезанный от Record Office и британского музея, Вы находите возможности так энергично и плодотворно работать над вопросами английской истории. От всей души желаю Вам дальнейших достижений»²⁸.

Как следует из переписки, Архангельский пересылал Петрушевскому с 1926 по 1942 г. 17 своих работ: 1 монография, 2 книги, к которым Архангельский готовил предисловие, и 1 работа (Анри Пиренн), которую он перевел с английского языка на русский, а также — это 13 статей-глав его работы «Законодательство Великой Английской революции».

В 1941 г. Петрушевский вместе с Президиумом АН СССР эвакуировался в Казань. Центром академической жизни страны в те годы стал Казанский университет. Переезд занял пять суток и серьезно подорвал здоровье пожилого человека. Не лучшим образом на его здоровье отозвалась и перемена климата. Плохое здоровье (Петрушевскому было уже 79 лет), стесненные жилищные условия не давали вести полноценные научные исследования. Досаждало бесконечное лежание. Петрушевского навещал Косминский, Веселовский и другие историки.

Последние два письма из переписки подвели ее итог. В 1926 г. Архангельский обратился к Петрушевскому с просьбой о помощи в издании книги Пиренна. В 1941 г. книга Анри Пиренна была издана. 28 июня 1942 г. она была отправлена Д.М. Петрушевскому:

«Посылаю Вам вышедший в прошлом году, но появившийся только теперь перевод книги Пиренна “Средневековые города”²⁹. Я его сделал давно, о нем еще вел переписку с покойным Н.Ив. Кареевым, но только теперь удалось его издать. Эта книжка — *summa samarium* всех работ Пиренна о городе, очень изящно написанная и с большим подъемом исследовательской мысли. Вы ведь много занимались средневековыми городами, и я с удовольствием направляю Вам свой маленький труд переводчика Пиренна».

Ответ не замедлил себя ждать: «Этот перевод — немалая Ваша заслуга перед нашей наукой» (6 июля 1942 г.).

На публикацию книги Пиренна у Архангельского ушло 15 лет.

Эти два последних письма, написанные уже в годы войны, отличаются от предыдущих. Историки в них рассказывают о своей жизни и быте. Тон писем можно охарактеризовать как дружеский и доверительный.

Архангельский делился тем, что вынуждено стал «огородником»³⁰, но все-таки продолжал заниматься наукой: «урывками читаю донесения венецианских дипломатов об английской революции», хотя на это не оставалось времени.

А Д.М. Петрушевский в письме от 6 июля рассказывал о своей жизни в Казани: «О своей жизни в Казани ничего хорошего сказать не могу: больше лежал и лежу, и научные мои занятия почти все время не двигаюсь, так что и книги, привезенные из Москвы, а их совсем немного, еще не использованы. Общее ослабление, вызывавшее некоторое ослабление сердечной деятельности, выразившееся в тягостной одышке, лишают меня возможности серьезно заниматься научной работой превращают в невольного бездельника, что крайне тяготит меня и обезкураживает. Никогда так проводить время мне не приходилось, и от Казани у меня останется самое тягостное воспоминание. Никого я здесь можно сказать, не видаю, никаких впечатлений от внешнего мира не получаю и с ним нахожусь лишь в письменных отношениях. Рад за Вас, что кроме огородничества Вы еще имеете возможность и научно работать.

Еще раз благодарю и за Пиренна, и за Ваше милое письмо. Крепко, крепко жму Вашу руку. Будьте же здоровы и благополучны и соберите хороший урожай на своих огородах».

На основании приведенных выше фактов, можно сделать вывод о том, что Д.М. Петрушевский не оказал существенного влияния на процесс научного творчества С.И. Архангельского и не являлся его критиком или наставником в науке. Однако, принимая во внимание место, занимаемое Петрушевским в научном сообществе, его влияние и значимость его работ для медиевистов того времени, можно предположить, что одобрение ученого такого уровня не могло не отразиться на мотивации Архангельского к работе. Слова поддержки и искренняя заинтересованность Петрушевского в успехе нижегородского историка придавали ему силы и вдохновение.

¹ Материалы переписки ученых находятся в разных архивах. Письма Петрушевского к Архангельскому находятся в Центральном архиве Нижегородской области (ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 254), а С.И. Архангельского к Петрушевскому – в Архиве РАН (АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 11).

² Иванов Ю.Ф. Академик Д.М. Петрушевский – исследователь и педагог // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 150–160.

³ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

⁴ Иванов Ю.Ф. Д.М. Указ. соч. С. 155.

⁵ В фонде Архива РАН Ф. 493. Оп. 3. Д. 11 (Личный фонд Д.М. Петрушевского) и в Центральном архиве Нижегородской области (Личный фонд С.И. Архангельского. Ф. 6299. О.1. Д. 254) впервые вводятся в научный оборот.

⁶ Николай Иванович Кареев (1850–1931) – историк, философ, социолог, педагог, общественный деятель, член-корреспондент Краковской и Петербургской академий наук, почетный академик АН СССР. Исследователь французской революции, русско-польских отношений и проблем философии истории.

⁷ Анри Пиренн (1862–1935) – бельгийский историк. Специалист по экономической истории западноевропейского средневековья (особенно по истории городов). Член Бельгийской королевской академии наук, литературы и изящных искусств. Иностраный член-корреспондент Российской академии наук (1918). Член-корреспондент Британской академии (1921).

⁸ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 183.Лл. 6-7 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 9–9 об.

¹¹ См. например: *Стоклицкая-Терешкович В.В.* Д.М. Петрушевский как историк средневекового города // Сборник памяти Д.М. Петрушевского. Вып. 2. М., 1946. С. 51–58.

- ¹² Белов Г. фон. Городской строй и городская жизнь в средневековой Германии. М., 1912.
- ¹³ Хряков А.В. Происхождение средневекового города: развитие отечественной медиевистики в свете одной проблемы // <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1997/a076/article.shtml>
- ¹⁴ Петрушевский Дмитрий Моисеевич (1863—1942). Историк-медиевист, представитель социально-экономического направления русской либерально-буржуазной историографии, академик АН СССР (1929). Работал в Институте истории РАНИОН (с 1921), в Институте истории АН СССР (1937—1942). Преподавал в Московском университете (1906—1911, 1917—1929), Петроградском политехническом институте (1914—1917), Ивановово-Вознесенском политехническом и педагогическом институтах (1919—1922).
- ¹⁵ Эти слова прописаны в открытке (открытом письме), посылавшейся без конверта.
- ¹⁶ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 254. Л. 2.
- ¹⁷ Альфонс Допш (1868—1953) — австрийский историк, занимавшийся главным образом аграрной историей западноевропейского средневековья. Профессор Венского университета в 1900—1937 гг. С точки зрения Допша, история не знает качественных скачков, революционных переворотов, исторический процесс лишен закономерно-прогрессивного характера, все исторически известные хозяйственные формы встречаются на всех этапах истории.
- ¹⁸ Вернер Зомбарт (1863—1941) — немецкий экономист, социолог и историк, философ культуры.
- ¹⁹ Белов Георг фон (1858—1927) — немецкий историк. Основные труды по экономической истории средневековой Германии. Стронник так называемого критического направления. Отводил ведущую роль в истории политике и праву.
- ²⁰ *Петрушевский Д.М.* Очерки из экономической истории средневековой Европы. М.:Л., 1928.
- ²¹ Там же. С. 81.
- ²² ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 254.
- ²³ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 11. Л. 5.
- ²⁴ Там же. Л. 7
- ²⁵ *Петрушевский Д.М.* Рабочее законодательство Эдуарда III. Киев, 1889.
- ²⁶ АРАН. Ф. 493. Оп. 3. Д. 11. Л. 16.
- ²⁷ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 254. Л. 13.
- ²⁸ Там же. Л. 14.
- ²⁹ *Пирени А.* Средневековые города и возрождение торговли. Горький, 1941.
- ³⁰ В ЦАНО (Ф. 6299. Оп. 1. Д. 128. 55 л.) находится переписка Архангельского с А. Вознесенским (преподаватель Казанского университета) с 12 мая 1933 г. по 5 июля 1952 г. Из нее также становится ясно, что Сергей Иванович многим писал о том, как идут его дела. С Вознесенским обсуждалась возможность просмотра рукописей Ешевского.

**Художник-любитель, как явление, характерное
для среды научной интеллигенции
конца XIX — начала XX в.
(на примере творчества Д.Н.Ушакова, А.Н.Северцова,
Е.А.Косминского, С.Д.Сказкина), по материалам
документального наследия ученых, хранящегося
в Архиве РАН и Главархиве Москвы**

Понятие слова «любительство» связано с возникновением художественных кружков в России XIX столетия. Оно имеет точный перевод в европейских языках и использовалось для обозначения всякого досугового творчества. Любитель мог писать, ориентируясь на приемы профессионального искусства, а мог оказаться и наивным художником. Наивный художник — это личность, обладающая цельным внутренним миром. Врожденный талант позволяет ему раскрывать свое непосредственное восприятие окружающей действительности, свои представления о красоте и полноте жизни. Характерная черта наивного художника — внимательное отношение к окружающему миру, людям. Именно эти творческие ориентиры делают работы наивных художников индивидуальными. Творчество данных художников обладает большой жизнеутверждающей силой¹.

Зарождение любительства как движения берет свое начало с XVIII столетия, когда возникли новые условия для развития культуры и просветительства. Важная роль отводилась искусству, театру, поэзии, изобразительному творчеству.

Живописи и рисованию учили так же, как танцам и музыке. Умение владеть кистью, карандашом или пером считалось непременным для каждого образованного человека. Об этом свидетельствуют и упоминания в мемуарной литературе, и графическое наследие: дошедшие до современников ученические штудии в альбомах, принадлежащих частным лицам.

Явление массового любительства было распространено в конце XIX — XX в. в среде ученой интеллигенции — ученых-биологов, историков, искусствоведов, филологов, которые создали много живописных и графических работ, помимо их вклада в научную деятельность.

Данное явление нашло свое отражение в биографиях творческих личностей: Д.Н. Ушакова, А.Н. Северцова, Е.А. Косминского, С.Д. Сказкина, которые испытывали непреодолимую потребность реализации своей одаренности не в одном, а в нескольких видах творчества.

Художественные работы данных художников-любителей отличает предельная искренность и непосредственность. Они писали свои картины иногда вдумчиво, иногда спонтанно, руководствуясь богатым жизненным опытом, внимательным взглядом и любовью к жизни. В их работах есть стремление к профессионализму и к традициям русской классической школы.

Для творчества представителей ученой интеллигенции конца XIX — начала XX в.: А.Н. Северцова, А.Г. Габричевского, М.В. Алпатова, Е.А. Косминского,

Д.Н. Ушакова было характерно то, что они впитали в себя дух русской интеллигенции XIX в. Их достижения в различных областях науки и искусства яркое тому доказательство.

Среди художников-любителей стоит отметить имя филолога, педагога, автора «Толкового словаря русского языка» — Дмитрия Николаевича Ушакова (1873—1942). Д.Н. Ушаков — это целая эпоха в истории русского просвещения. Д.Н.Ушаков — крупный ученый, путь приобщения к русской словесной культуре связан у многих современников с его именем и трудами, но не всем известен еще один аспект его деятельности, раскрывающий творческую личность ученого, а именно — его занятия живописью и графикой. Данная сторона творческой деятельности Д.Н. Ушакова не изучена, исследователи не занимались вплотную художественным творчеством Д.Н. Ушакова, в отличие от его работ педагога-лингвиста.

Дмитрий Николаевич Ушаков не был профессиональным художником, но рисовал и писал много и вдохновенно. Он рисовал подобно А.С. Пушкину, который «создавал свои рисунки на лету, непритязательно, без расчета на посторонний глаз. Профессионального ремесла, а тем более — мастерства, в них не было»². Рисунки Д.Н. Ушакова, равно как и рисунки А.С. Пушкина, возникали в процессе творчества, между строчками, на полях черновиков.

Д.Н. Ушакова любил писать маслом, рисовать карандашом, но больше всего он предпочитал делать работы в акварельной технике. Акварельные работы Д.Н. Ушакова удивительны по своей манере исполнения — это бесконечно разнообразные вариации одной и той же симфонической темы, название которой — близкие и родные места Подмосковья. Стиль живописи работ филолога Д.Н. Ушакова точный, тщательный, перекликающийся с манерой, характерной для его преподавательской деятельности, работой по составлению «Толкового словаря русского языка».

Стоит отметить, что пейзаж — это наиболее популярный жанр в творчестве художников-любителей. В пейзажах художников-любителей находит свое воплощение поэтический строй мышления авторов, их неподдельное чувство любви к природе, гармоничное восприятие окружающего мира. Данную тенденцию можно наблюдать и в художественном творчестве Д.Н. Ушакова.

Отдыхая в санаториях Академии Наук СССР «Узкое» и «Сосновый бор», бывая на заседаниях Академии наук в Ленинграде, Д.Н. Ушаков использовал каждую свободную минуту для общения с природой. А ящик с красками, кисти и складной стул были всегда под рукой. Работы Д.Н. Ушакова — это работы великого подвижника, любителя и ценителя природы³.

В работах Д.Н. Ушакова прослеживается индивидуальная манера мастера — это сугубо личное видение мира. Дмитрий Николаевич, обладая острым умом, знанием истинно русской речи, безошибочным языковым чутьем, сумел эти компоненты, с точки зрения языка, передать в своих живописных и графических работах, составляющих богатейший творческий опыт мастера.

Помимо увлечения живописью, Д.Н. Ушаков очень любил фотографию. К 100-летию со дня рождения А.С. Пушкина он сделал фотоальбом «Полотняный Завод Гончаровых». Этот альбом, в память об отце, Наталья Дмитриевна Архангельская, дочь Д.Н. Ушакова, подарила Пушкинскому Дому в Петербурге к 200-летию поэта. Этот дар с благодарностью принял директор Пушкинского Дома академик Д.С. Лихачев.

А в 2000 г. Н.Д. Архангельской был передан личный архив ее отца в Объединение «Мосгорархив» (с 2003 г. и по настоящее время — Главное архивное управление города Москвы, или Главархив Москвы). Научное описание документов было про-

ведено в Центральном Московском Архиве-музее личных собраний (ЦММЛС, структурное подразделение Главархива Москвы) в 2007 г. Помимо личного архива в Центральном Московском Архиве-музее личных собраний хранятся художественные работы Д.Н.Ушакова (живопись, графика). Сейчас документы фонда введены в научный оборот и доступны исследователям.

Материалы научного архива Д.Н. Ушакова — языковеда, специалиста по русской диалектологии и лексикологии, члена-корреспондента АН СССР, находятся в Архиве РАН (ф. 502). Сюда вошли научные труды, биографические документы, материалы научной, научно-организационной и общественной деятельности Д.Н. Ушакова, переписка, труды других лиц, подаренные ему или присланные на рецензирование и т.д.

Среди документов есть детское произведение — «Два брата». Данный рисунок представляет собой историческую ценность, так как свидетельствует о первом, самом раннем, этапе графического творчества Д.Н. Ушакова.

Незаконченные графические зарисовки Д.Н. Ушакова более позднего периода представлены в его записных книжках с записями о преподавании Дмитрия Николаевича в высших учебных заведениях: Московском университете, Московских Высших женских и Педагогических курсах.

Наряду с именем Д.Н. Ушакова нельзя не отметить выдающегося русского биолога, зоолога, основоположника эволюционной морфологии, действительного члена АН СССР (1920) и АН УССР (1925), Алексея Николаевича Северцова (1866—1936).

А.Н. Северцов работал в Лаборатории эволюционной морфологии, в Институте эволюционной морфологии и палеозоологии АН СССР. Он преподавал в Юрьевском, Киевском и Московском университетах.

Алексей Николаевич Северцов родился в Москве в семье знаменитого орнитолога, путешественника и исследователя Средней Азии Николая Алексеевича Северцова. Отец и мать будущего ученого принадлежали к дворянству Воронежской губернии, и смогли дать сыну хорошее домашнее образование с изучением нескольких иностранных языков. В 1876—1885 гг. он учился в престижной московской частной гимназии Л.И. Поливанова. После окончания гимназии Алексей Николаевич поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, который окончил в 1889 г. и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Здесь он начал работать в лаборатории у профессора М.А. Мензбира, параллельно слушая его лекции по сравнительной анатомии и зоологии позвоночных.

М.А. Мензбира А.Н. Северцов хорошо знал с детства: он был другом и учеником его отца, и в это время как раз обрабатывал орнитологические коллекции Николая Алексеевича, что естественно, еще больше сближало с ним Алексея Николаевича.

Позднее под руководством М.А. Мензбира, А.Н. Северцов выполнил первую научную работу по морфологии и систематике безногих земноводных: «Свод сведений по организации и систематике гимнофионов», которая была отмечена золотой медалью.

Работая у М.А. Мензбира, А.Н. Северцов стал увлекаться рисованием, уже тогда он пользовался советами своего отца — искусного рисовальщика животных. Вместе со своими приятелями П.П. Сушкиным, Н.И. Иванцовым и П.С. Усовым он, по совету М.А. Мензбира, настаивавшего на умении хорошо срисовывать препараты и чучела, начал работать в студии художника-анималиста Н.А. Маргынова.

Творчество А.Н. Северцова-художника можно сопоставить с графикой А.С.Пушкина. По мнению литературоведа Р.В. Дуганова: «Специальное изучение

пушкинской графики в соотношении с его поэтическим творчеством позволяет увидеть нечто такое, что приближает нас к пониманию основного ее секрета — двуединства ее природы. Потому что рисунок А.С. Пушкина — это, прежде всего, рисунок поэта, который, по словам Льва Толстого, “думал стихами”⁴. Точнее и проще сказать невозможно. А.С. Пушкин думал стихами, подобно А.Н. Северцову, который мыслил образами.

У Алексея Николаевича оказались большие способности к живописи: он быстро овладел техникой рисования карандашом и сепией, легко ему давалась и акварель. Таким образом, большинство художественных иллюстраций к его работам было выполнено им лично.

Помимо интереса к живописи, Северцов любил поэзию, особенно А.С. Пушкина, которого часто перечитывал; хорошо знал отечественных и иностранных классиков, увлекался фольклором. Эрудированность и начитанность А.Н. Северцова помогла ему создавать удивительно сказочные образы из произведений А.С. Пушкина, Э. Гофмана, Г. Гейне и др. Его легкие, изящные, полные тончайшего юмора рисунки пером и тушью, всегда фантастические и оригинальные, обычно, надолго пленяли воображение зрителя. В них раскрылся художественный талант А.Н. Северцова, как иллюстратора книги.

Будучи профессиональным биологом, А.Н. Северцов хорошо знал особенности животного мира, их жизнь, характерные черты. И он, зная природу животных, не отрицал существования нечистой силы, изображения которых нашли свое воплощение в его художественных работах. В рисунках А.Н. Северцова изображены совершенно невозможные в реальной жизни события и вещи, которые живут на листе бумаги. Воплощая данные образы, художник учится думать и видеть, выражать свое видение. Частью его видения являются мужские и женские фигуры рядом с нечистой силой, противопоставление красивого и безобразного, которое будоражит воображение зрителя, пытающегося понять и разгадать автора.

Необходимо вспомнить имя крупного историка-медиевиста, академика АН СССР (1946) — Евгения Алексеевича Косминского (1886—1959). Е.А.Косминский родился в семье учителя гимназии. Окончив в 1904 г. с золотой медалью первую Варшавскую гимназию, поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета, а в 1905 г. перевелся в Московский университет, где учился на историко-филологическом факультете до 1910 г. После окончания с золотой медалью университета, он был оставлен для подготовки к магистерским экзаменам. Е.А. Косминский был учеником Д.М. Петрушевского и А.Н. Савина.

Сила влияния ученого определялась не только его научным и педагогическим талантом, но и обаянием его незаурядной личности. Он был удивительно многогранным и талантливым человеком, знатоком поэзии, прекрасно читал творения своих любимых поэтов (в их числе были А.К. Толстой и В.С. Соловьев), сам сочинял хорошие стихи и прекрасно рисовал.

В Архиве РАН сохранились портреты писателей, современников, пейзажи, остроумные шаржи и гротески, выполненные им как художником изысканной и точной кисти. Например, серия едких иллюстраций к литературным произведениям: «Письма темных людей», «Из жизни академиков» и другие работы⁵. Таким образом, природная одаренность Е.А. Косминского, научная среда, с которой он тесным образом взаимодействовал, послужили импульсом к созданию им художественных произведений, которые были чрезвычайно разнообразны по стилистическим характеристикам и жанрам.

Когда Е.А. Косминский готовил новую редакцию учебника «История средних веков», то предполагал издать книгу с собственными рисунками, но данному замыслу не суждено было осуществиться.

Нельзя не упомянуть и еще одно значительное имя историка, академика и художника-любителя Сергея Даниловича Сказкина (1890—1973).

Круг исторических интересов историка и педагога С.Д. Сказкина был исключительно широк. Он охватывал основные проблемы исторической методологии, вопросы новейшей истории и раннего средневековья, народных движений, экономической, политической и культурной истории, художественной литературы, международных отношений и историографии, права, русской культуры XIX в., истории Франции, Испании, Италии и т.д. Трудно охватить всю тематику исследовательской работы С.Д. Сказкина, тем более, что она была гораздо шире круга его печатных трудов, среди которых видное место занимали общие курсы, требующие широких и разнообразных знаний. Имя С.Д. Сказкина, ведущего советского медиевиста, пользовалось признанием не только в нашей стране, но и за ее пределами. Многие его работы были переведены на иностранные языки, он неоднократно представлял советскую науку за рубежом.

С.Д.Сказкин был не только талантливым историком, но и человеком высокой и разносторонней культуры, тонким ценителем живописи, музыки и литературы. Он знакомил своих коллег по работе и учеников с достижениями мировой культуры, духовно обогащая и воспитывая в них любовь к науке и искусству.

Художественная сторона интересов С.Д. Сказкина была известна лишь сравнительно ограниченному кругу друзей и учеников, посещавших его дом, или вообще общавшихся с ним⁶.

В фонде ученого (№ 1742), хранятся работы, начиная с 1900-х гг. по 4 декабря 1949 г. Здесь всего шесть рисунков ученого, пейзажи и портреты, выполненные карандашом и гуашью. Тот факт, что в фонде С.Д. Сказкина сохранились рисунки ученого, свидетельствует о том, насколько был разносторонне одарен ученый-медиевист, профессор Московского университета, который никогда не причислял себя к профессиональным художникам.

Анализируя творчество ученых — филологов, биологов и историков, на первый взгляд, кажется, что мир науки и мир искусства представляются далекими друг от друга, едва ли не противоположными. Один основан на разуме, логике и опыте, другой в большей степени на чувстве и интуиции, в одном преобладает аналитический подход, в другом — синтетический.

Что же в таком случае соединяет науку и искусство? Вполне определенно на этот вопрос ответил еще М.В. Ломоносов: «Науки художествам путь показывают; художества происхождение наук ускоряют. Обоим общею пользою согласно служат»⁷. М.В. Ломоносов одним пером писал научные трактаты и стихотворные оды, и вслед за Леонардо да Винчи доказал, что наука и искусство соединимы в одном человеке, владеющем методами научного и художественного познания сущего.

В Архиве РАН сохранились выписки Д.Н. Ушакова (1890 г.), в которых он цитирует В.А. Гольцева, автора лекции «О прекрасном в искусстве»: «Искусство и наука, идеал и действительность должны возвышаться рука об руку»⁸.

Таким образом, цель данной публикации — показать, помимо научной стороны деятельности ученых, и их художественное творчество, по-новому открывая мир представителей науки конца XIX — начала XX в.

Представленные автором выдающиеся личности — образцы безупречного поведения, не случайно были поставлены в один ряд. Они были представителями ученой

интеллекции, гуманитариями, людьми разностороннего дарования, которые искали выход своим талантам, в разной форме, в частности, и в живописи. Творчество для них — это процесс самопознания и постижения окружающей действительности.

В заключение хочется процитировать выписки Д.Н. Ушакова из труда В.Г. Белинского «Литературные мечтания»: «...Высочайший зенит художественного совершенства, истинное творчество, есть удел не многих избранных, о коих говорят: “С природой одной он жизнью дышал, ручья слышал лепетанье, и говор древесных листов понимал, и чувствовал трав прозябанье, была ему звездная книга ясна, и с ним говорила морская волна”»⁹.

Отчасти данные слова, можно отнести и к художественному творчеству Д.Н. Ушакова А.Н. Северцова, Е.А. Косминского и С.Д. Сказкина — представителей научной интеллигенции, которые реализовали себя в области филологии, биологии, истории и живописи.

¹ Балдина О.Д. Второе призвание. М., 1983. С. 32.

² Богемская К.Г. Самодеятельное художественное творчество // Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Искусство». 1987. № 8. С. 33.

³ ЦММЛС. Ф. 276. Оп. 1. Д. 40. Л. 5.

⁴ Дуганов Р.В. Рисунки русских писателей XVII — начала XX века. М., 1988. С. 6.

⁵ Ржезникова М.Я. Обзор личного фонда академика Е.А. Косминского // Археографический ежегодник за 1971 г. М., 1972. С. 329.

⁶ Архив РАН. Ф. 1742. Оп. 1. Д. 143. Л. 2.

⁷ Музы в храме науки. Альбом-каталог документально художественной выставки из фондов Архива РАН и частных собраний. СПб., 2008. С. 4.

⁸ Архив РАН. Ф. 502. Оп. 1. Д. 167. Л. 5.

⁹ Там же. Л. 30 об.

Документальные источники по истории развития исторических исследований в Коми филиале АН СССР*

История развития исторических исследований — тема сложная и многогранная. Это изучение и становления специализированных научных учреждений, и организации процесса исследований, и формирования новых научных направлений и теорий. Определение круга источников позволяет выделить различные аспекты для направления работы, а также выяснить их информативную составляющую.

В основе исторического знания профессионального историка лежит зафиксированный в каком-либо источнике факт. Изучение истории самой исторической науки базируется на изучении письменных источников. Традиционным для историографии считается реконструкция развития исторического знания по опубликованным трудам. По вопросу об изучении архивных рукописей, как не представленных авторами для широкого обсуждения общественностью, ведутся споры. Вместе с тем нужно учитывать, что история — это наука, способная формировать общественное мнение, испытывающая наибольшее давление со стороны правящих элит и ориентированная на социальный запрос. В разные исторические периоды различными были и условия для обнародования исторических изысканий. Обращение к архивным документам, отложившимся в результате деятельности профессиональных историков, позволит подойти к объективной оценке историографического наследия в целом.

Начало систематических исторических исследований Коми края можно отнести к 1920-м гг. Это был период развития национальных исследований в области изучения культуры и истории региона. Организацией масштабных исследований занялось Общество изучения Коми края, созданное в 1922 г., основной целью которого являлось всестороннее изучение Коми области¹. Большой вклад в развитие гуманитарной науки в Коми внесли А.А. Цембер, А.Н. Грен, В.И. Лыткин, А.С. Сидоров, Г.А. Старцев и другие. Общественно-политическая обстановка 1930-х гг. значительно осложнила работу исследователей. В 1931 г. Общество изучения Коми края прекратило свое существование, многие исследователи были арестованы и репрессированы. В этот сложный период увидели свет первые обобщающие работы по истории коми народа: Н.И. Ульянов «Очерки истории народа коми-зырян» (1932), В.М. Подоров «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)» (1933). Большое значение для возрождения полномасштабных исследований в области изучения истории региона имело создание академического учреждения.

В 1941 г. с началом Великой Отечественной войны в Сыктывкар были эвакуированы Кольская база АН СССР из Кировска Мурманской области и Северная база АН СССР из Архангельска, объединенные в Базу АН СССР по изучению Севера. В 1944 г. в связи с реэвакуацией Коми Обком ВКП(б) поставил вопрос о сохранении в республике академического учреждения. В результате с 1 июля 1944 г. в Сыктывкаре

* Статья подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре». Проект № 12-П-6-1003 «Документальное научное наследие Российской академии наук на Европейском Севере России: выявление, систематизация, интерпретация».

начала работу База АН СССР в Коми АССР (с 1949 г. — Коми филиал АН СССР, с 1988 г. — Коми научный центр Уральского отделения АН СССР (РАН)).

В структуру нового академического учреждения в 1944 г. входили научные подразделения: Геологический отдел, Биологический отдел и Сектор гидрологии и гидробиологии². В сентябре для укрепления Базы АН СССР в Коми АССР из системы Коми Наркомпроса был передан Коми научно-исследовательский институт языка и письменности народа коми, существовавший с 1934 г. На основе этого института в составе Базы был образован Отдел языка, письменности и истории коми народа³, основной задачей которого являлось изучение коми языка, письменности и истории региона. Научные достижения историков (в том числе археологов, этнографов) и филологов позволили создать в 1970 г. Институт языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Сегодня Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН является крупным научно-исследовательским учреждением на Европейском Севере России в области исторических и филологических наук, гуманитарного северообразования.

К истории развития исторических исследований в республике обращались неоднократно. В 1950–1960-х гг. исследователи Л.П. Лашук и Я.Н. Безносиков проанализировали наиболее значительные достижения ученых по изучению проблем истории коми. В 1970-е гг. историки В.Н. Давыдов и А.Н. Александров обратились к изучению историографических проблем (культура и быт коми, социальные проблемы и т.д.). В 1980–1990-е гг. изучение историографических проблем значительно расширилось и заняло особое место среди научных проблем историков коми⁴.

В данной работе проанализирован круг архивных документов, отложившихся в фондах Научного архива Коми НЦ УрО РАН, изучение которых позволит расширить источниковую базу для изучения развития исторической науки в регионе.

В Научном архиве Коми НЦ УрО РАН представлен солидный комплекс источников по истории развития исторических исследований, отложившийся в фондах структурных подразделений: документы фонда Президиума Коми НЦ УрО РАН (Ф. 1) за 1944–1969 гг.; документы фонда Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Ф. 5.) с 1970 г. по настоящее время. Документальные источники по данной проблематике хранятся в фондах личного происхождения Коми НЦ УрО РАН кандидатов исторических наук Любови Степановны Грибовой (1933–1986) (Ф. 11); Алексея Николаевича Александрова (1919–1992) (Ф. 26); Михаила Петровича Дмитрикова (1939–1998) (Ф. 37) и доктора исторических наук Юрия Васильевича Гагарина (1932–1981) (Ф. 22).

В данном массиве источников можно выделить три группы документов, освещающих историю развития исторических исследований в регионе. Первая группа — научно-организационная документация фондов Президиума и Института языка литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, представленная всем спектром делопроизводственных документов учреждения (приказы, распоряжения, протоколы, планы, отчеты). Эти источники зафиксировали координацию научных исследований, формирование направлений исторических исследований, дискуссии об исследуемых проблемах, рассмотрение директив партийного руководства, стратегии дальнейшего развития. Наиболее информативным источником является планово-отчетная документация, представленная годовыми планами и отчетами о деятельности отделов, секторов института, в которых обозначены новые перспективы, проанализированы результаты работы, показаны основные вехи развития, а также дана информация о структуре, реорганизационных преобразованиях, кадровом составе, квалификации

сотрудников, материальной базе. Так, к примеру, первым годовым тематическим планом работы Отдела языка, письменности и истории коми народа Северной базы АН СССР в Коми АССР на 1945 г. определены основные задачи в изучении истории Коми республики в XX в. по следующим основным проблемам: революция 1905 г., Февральская буржуазная революция, Октябрьская социалистическая революция, социалистическое строительство, образование Коми Автономной области и Коми АССР, Коми АССР в годы Великой Отечественной войны⁵.

Фрагментарные сведения о развитии исторических исследований в регионе дает изучение такого вида делопроизводственной документации, как протоколы различных уровней (заседаний Президиума и Ученых советов, отделов). Их изучение позволяет увидеть повседневную жизнь научного коллектива, творческие дискуссии, поиски путей развития исторической науки. Данные источники дают представление о различных аспектах развития учреждения: нехватка кадров, повышение квалификации сотрудников, строительство жилья и лабораторных корпусов.

Помимо делопроизводственной документации самих научных подразделений важное значение имеет анализ распорядительных актов Президиума Академии наук: постановлений, распоряжений, являющихся обязательными для исполнения всеми учреждениями системы. Данные документы посвящены важным проблемам развития учреждения: научная проблематика исследований, научно-организационная деятельность, финансирование учреждений и т.д.

Большую ценность для исследования представляет изучение второй группы источников — «научной» документации, представленной отчетами по теме научно-исследовательских работ (научных подразделений и индивидуальными), диссертациями, рукописями научных трудов (монографий, очерков, статей), отчетами об экспедициях, материалами к научным трудам (полевые дневники, материалы фольклорных, этнографических экспедиций, записи воспоминаний участников каких-либо событий).

Группа научных отчетов наиболее полно отражает исследовательскую деятельность историков. В них зафиксированы результаты творчества как отдельных ученых, так и научных коллективов. Документы показывают историю научных открытий, координацию усилий специалистов по разной тематике. Это, как правило, труды фундаментального характера, содержащие результаты научных исследований по определенным темам. Большой вклад в становление исторических исследований в Коми филиале АН СССР внес младший научный сотрудник Доронин Павел Григорьевич (1904—1967), обратившийся в своих исследованиях к начальному периоду истории коми, отразившихся в первых научных отчетах за 1946—1949 гг. о первобытнообщинном строе, его разложении на территории Коми края, присоединении Коми края к Московскому княжеству⁶. Заслуга П.Г. Доронина не только в написании научных трудов по указанным проблемам, но и в большой изыскательской работе по выявлению документов по истории края в центральных архивах, а также организации их копирования. Копии документов (дозорных и писцовых книг, жалованных грамот XVI—XVII вв. и др.), собранных историком, хранятся в НА Коми НИЦ УрО РАН⁷, имеется также составленная им библиография документов-первоисточников по истории коми народа⁸. Многие из собранных П.Г. Дорониным источников стали базой для исторических работ следующих поколений исследователей.

Стоит отметить, что для первых лет деятельности исторических подразделений академического учреждения характерны индивидуальные научные отчеты⁹. В 1965—1966 гг. впервые представлены пятилетние научные отчеты за 1961—1965 и 1962—

1966 г.¹⁰ по вопросам индустриализации и социально-экономических отношений. Пятилетние научные отчеты — это результаты работы творческих коллективов, часто оформленные в несколько единиц хранения, содержательно относящиеся к разным разделам общей темы и имеющие разных авторов. Научные отчеты — один из основных и обязательных видов документов, которые представляются учеными в Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Учитывая, что публикационная деятельность ученых советского периода была ограничена полиграфическими возможностями, многие из документов этого вида остаются уникальными и по сей день.

Отдельный комплекс источников представляют рукописи научных трудов (монографии, очерки, статьи). До унификации делопроизводства, а также в период становления процедуры комплектования Научного архива, в 1950—1960-е гг., на хранение поступали документы, обозначенные в описях как монографии, статьи, рефераты, очерки¹¹. Эти работы, как правило, представляют собой законченные труды, предназначенные к публикации, но среди них есть работы ученых, так и не введенные в научный оборот по тем или иным причинам. Например, в архиве отложилась рукопись неопубликованной монографии «Очерки по истории коми народа»¹², подготовленная в 1947 г. совместно с Институтом истории Академии наук, под руководством члена-корреспондента АН СССР С.В. Бахрушина. К работе была привлечена группа опытных ученых (Н.Н. Чебоксаров, А.В. Збруева, В.Н. Белицер, Н.В. Устюгов, К.В. Сивков и другие), работавших над отдельными разделами монографии. Авторы исследования ввели в научный оборот новые архивные источники по истории региона. Данная работа стала первым сводным трудом по истории коми.

В 1990-е гг. среди архивных дел опять встречаются «очерки». В числе обозначенных работ фигурируют как рукописи по результатам планов научных исследовательских работ, так и результаты работы по неплановым темам¹³.

Другой блок научных документов — диссертации. Постановка проблемы для написания диссертации говорит об актуальности и неизученности темы. Зачастую кандидатские диссертации — задел для дальнейшей научной деятельности, а иногда итог многолетней плодотворной работы, как правило, оформленный в виде докторской диссертации. Первыми квалификационными работами, подготовленными в Коми филиале АН СССР, стали диссертационные исследования Л.Н. Жеребцова, Л.П. Лашука, Л.И. Суриной, защищенные в 1953 г., все они поступили на хранение в Научный архив¹⁴.

Диссертационные исследования отражают реалии времени и актуальные задачи текущего момента. В рамках марксистской идеологии превалировал классовый и формационный подход к изучению исторических процессов, что фиксировалось в названиях диссертаций, содержащих формулировки: «классовая борьба», «религиозные пережитки», «строительство социализма», «революционные преобразования», «культурное строительство» и т.д. После 1991 г. названия диссертационных исследований свидетельствуют о стремлении переосмыслить подходы к изучению истории¹⁵, хотя очень сильные позиции сохранялись и за советской исторической школой.

Отдельно следует остановиться на отчетах по итогам этнографических (Л.П. Лашук, Л.Н. Жеребцов, Л.С. Грибова, П.А. Куратов, Ю.В. Гагарин и другие) и археологических (Г.М. Буров, В.И. Канивец, В.Е. Лузгин, В.С. Стоколос, Э.А. Савельева и другие) экспедиций. Отчеты по результатам экспедиций — это анализ конкретных экспедиционных наработок и находок. Зачастую эти документы содержат ценный иллюстративный ряд в виде фотографий. Тем не менее они носят описательный характер и не несут фундаментальных научных выводов.

Последний комплекс источников, зафиксированных в описях научных документов, — это полевые дневники, материалы фольклорных, этнографических экспедиций, записи воспоминаний участников каких-либо событий — документы, содержащие сведения-срезы определенных эпох. Они отражают исторические интересы автора и в то же время могут использоваться для изучения других исторических аспектов. Эти материалы — фиксация визуального, предметного или устного источника. В качестве примера обратимся к документам, отложившимся в результате научной деятельности историка В.И. Прошева. Среди них записанные воспоминания участников революционных событий и Гражданской войны. По идеологическим соображениям они не могли быть использованы в 1970-е гг. в диссертационной работе исследователя, так как в некоторых случаях компрометировали красноармейцев, демонстрировали неоднозначность оценок и трактовок; в настоящее время это ценный источник для изучения данного периода.

Одной из особенностей указанной группы документов является их «ситуативное» попадание в архив. Так как это первоисточники, необходимые исследователям на протяжении многих лет, то часто они попадают на хранение через много лет после создания. Например, дневники экспедиций за 1962—1978 гг. этнографа, д.и.н. Ю.В. Гагарина, умершего в 1980 г., многие годы находились в отделе этнографии Института языка литературы и истории Коми НЦ УрО РАН и только в начале 2000-х гг. были переданы в архив.

Особый интерес для изучения представляют документы, отложившиеся в фондах личного происхождения. Эти материалы, собранные вне номенклатур, мы условно выделили в третью группу источников. Изучение документального комплекса ученого позволяет воссоздать «путь» историка, проследить творческий поиск и показать методы и способы работы с информацией. Традиционно в личных фондах представлены творческие и биографические документы, материалы служебной и общественной деятельности, переписка и фотографии ученых. Но, несмотря на имеющуюся стандартную схему, каждый фонд имеет специфику.

Полнота фондов непосредственно зависит от количества документов, отложившихся при жизни фондообразователя и поступивших в архив. Подчас трудно составить полное представление о творческой деятельности ученого только по документам фонда, они интересны в комплексе с опубликованными работами, личным делом, воспоминаниями.

Фонды историков А.Н. Александрова, Ю.В. Гагарина, М.П. Дмитрикова, Л.С. Грибовой богаты документами, носящими характер подготовительных к творческим. Главным образом это тематические подборки архивных выписок и газетных статей (фонды А.Н. Александрова и М.П. Дмитрикова), а также дневниковые записи экспедиций (фонды Ю.В. Гагарина и Л.С. Грибовой). Личные фонды содержат черновики диссертаций и научных работ, тексты статей и тезисы, отзывы и рецензии.

Очень сложно провести четкую грань в жизни человека между личным и профессиональным, особенно если этот человек — ученый. Неопровержимым доказательством этого постулата служат письма, отложившиеся в фондах. Независимо от того, кто является автором письма (родственники, друзья, коллеги или сам ученый), чаще всего одной из важнейших тем остается наука. А.Н. Александров вел переписку о Великой Отечественной войне, Ю.В. Гагарин о вопросах религии. Фонды личного происхождения несут информацию не только о фондообразователе, но и об эпохе, о жизни отдела, института, Коми филиала (Коми научного центра). В этом отношении интересны фотографии, как профессиональные так и любительские, документы слу-

жебной деятельности: протоколы заседаний отделов, институтов, информационные письма о конференциях, выставках, планы работ отделов, отложившиеся в личных фондах.

Документы, представленные в Научном архиве Коми НИЦ УрО РАН, типичны для любого научного учреждения. Информационный потенциал их в плане изучения истории исторической науки очень богат, поскольку они отражают основные вехи научно-организационной деятельности и научные результаты исследований, свидетельствуют о направлениях развития общей исторической мысли, а также несут информацию о творческой лаборатории отдельных ученых. Комплексное изучение архивных источников позволяет приблизиться к воссозданию целостной картины профессиональной деятельности историка и развития региональной исторической науки в целом.

¹ Малкова Т.А. Научные исследования территории Республики Коми в первой половине XX в. (1901–1945). Сыктывкар, 2008. С. 33–44.

² НА Коми НИЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 68а. Л. 19.

³ Там же. Оп. 18. Д. 12. Л. 43, 69; Ф. 44. Оп. 4в. Д. 28. Л. 16, 83.

⁴ Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР // Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 42. Сыктывкар, 1987; Историография Коми: Сборник статей. Сыктывкар, 1999.

⁵ НА Коми НИЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 77. Л. 4.

⁶ Там же. Оп. 12. Д. 15. 48 л.; Д. 16. 58 л.; Д. 34. 216 л.; Д. 35. 350 л.

⁷ Там же. Д. 17, 18, 23–28, 32, 33.

⁸ Там же. Д. 29–31.

⁹ Там же. Оп. 13. Д. 18. 130 л.; Д. 20. 54 л.; Д. 30. 350 л.; и др.

¹⁰ Там же. Оп. 12. Д. 50. 450 л.; Д. 55. 398 л.; и др.

¹¹ Там же. Д. 14. 33 л.; Оп. 13. Д. 11. 87 л.; Д. 27. 12 л.

¹² Там же. Оп. 12. Д. 19. 314 л.; Д. 20. 265 л.; Д. 21. 349 л.

¹³ Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 504. 316 л.; Д. 536. 140 л.

¹⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 13. Д. 28. 268 л.; Д. 32. 485 л.; Оп. 12. Д. 40. 408 л.

¹⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 483. 321 л.; Д. 484. 214 л.; Д. 527. Т. 1. 385 л.; Д. 528. 250 л.

Материалы к проекту «Летопись Кунсткамеры» (1714–1836 гг.)

По первоначальному замыслу Петра I Кунсткамера должна была являться преимущественно естественнонаучным музеем и местом хранения различных научных и технических приборов, машин и инструментов, на базе чего позже можно было бы организовать учебную и научную работу по развитию в России естественных наук. Во время Великого посольства 1697–1698 гг. по распоряжению Петра I были приобретены и отправлены в Россию: 1) научная литература; 2) научные приборы и инструменты; 3) предметы по естественной истории — сухие и спиртовые препараты, живые птицы и животные¹. В Амстердаме Петр I познакомился со знаменитым анатомом Фредериком Рюйшем, приобрел «множество птиц, рыб и насекомых». Предметы были переданы на хранение в Главную московскую аптеку под надзор лейб-медика Р. Арескина².

В течение 1711–1714 гг. из Москвы в Санкт-Петербург, в связи с переносом столицы, перевезли книги и рукописи из библиотеки Петра I, коллекции по анатомии и зоологии, находившиеся в Аптекарской канцелярии. К 1714 г. все собрания были уже перевезены и размещены в Летнем дворце. Главным смотрителем был назначен президент Аптекарской канцелярии лейб-медик Роберт Арескин, «библиотекарем и надсмотрителем редкостей и натуралиев» — Иоганн Даниэль Шумахер. 1714 г. считается историками годом основания Библиотеки Академии наук и первого русского исторического и естественнонаучного музея, названного «Кунсткамерой».

В 1714 г. для Кунсткамеры было выделено место в кабинете Петра I в Летнем саду, позже, с 1719 по 1728 г., Кунсткамера вместе с Библиотекой находилась в доме Кикина, рядом с бывшим Смольным двором.

В 1717 г. в Кунсткамеру поступил Готторпский глобус — один из самых интересных экспонатов сегодняшнего Музея М.В. Ломоносова в МАЭ РАН. Петр, покидая театр военных действий Северной войны в Шлезвиге, оставил инструкцию командиру объединенными русско-датско-саксонскими войсками А.Д. Меншикову: «Ежели даст Бог доброе окончание с неприятелем, то библиотеку выпросить конечно всю из Шлезвига, також иных вещей, осмотра самому с Брюсом, а особливо глобус»³.

Придавая большое значение развитию отечественных наук, в частности наук естественных, Петр I большое внимание уделял развитию медицины. Для использования в качестве наглядных пособий он передал в московскую Аптекарскую канцелярию ряд препаратов по зоологии и анатомии из своего личного собрания и отдал распоряжение наладить производство подобных препаратов в Москве.

Петром был организован ряд экспедиций для сбора фактического материала о природных особенностях и населении ряда районов России. Большая часть собранных экспедициями вещественных памятников передавалась в Кунсткамеру. Таким образом, она получила «редкости Каспийского моря», две большие археологические коллекции, включающие золотые и серебряные украшения и сосуды, найденные в окрестностях Астрахани, древности, обнаруженные в 1716–1718 гг. в языческих молениях «на восточном краю Каспийского моря в стране Самарканд» и проч. Посту-

пившие в этот период рукописи положили начало рукописному фонду Кунсткамеры по азиатским народам. Кунсткамера получала и добротные подарки: «монстр человеческий», «теленоч двухголовый», «старинный веер с японскими письменами» и т.д.

Кроме экспедиционных материалов и пожертвований, в странах Западной Европы по распоряжению Петра I приобретались лучшие собрания того времени, состоящие из различных редкостей. Так в 1716–1717 гг. в Голландии были приобретены: «Альберта Себы славное собрание животных четвероногих, птиц, рыб, змей, ящериц, раковин и других диковинных приобретений из Ост и Вест-Индии»⁴ и коллекции анатомических препаратов Ф. Рюйша.

За несколько лет до открытия Академии наук Кунсткамера, благодаря личному интересу Петра I, располагала уже большой научной коллекцией и, в частности, рядом ценных физических приборов. Учась и заимствуя многое у западных ученых, Петр I считал необходимым в Кунсткамере собрать все новое, что представляло интерес в развитии передовой опытной науки. «Мы ничего большего не желаем, — писал он во Французскую академию наук в 1721 г. в ответ на его избрание членом Академии, — как чтоб через прилежность, которую мы прилагать будем, науки в лучший цвет привести, себя, яко достойного вашей компании члена показать»⁵.

В 30–40 гг. XVIII в. большая часть западноевропейских музеев еще продолжала оставаться на стадии «собираательства». Разделение Кунсткамеры на ряд отделов, строгая система расположения внутри каждого из них — все это выгодно отличало экспозицию петербургской Кунсткамеры от экспозиций западноевропейских музеев. В 1747 г. Кунсткамеру постигла катастрофа — пожар, уничтоживший значительную часть коллекций музея. Музей стал создаваться заново. Его Музея возглавили крупные ученые: К.Ф. Вольф (анатомический отдел), П.С. Паллас (природа России) и другие. Во второй половине XVIII в. Академия наук взяла на себя задачу составить физико-топографическое описание России. Организованные с этой целью экспедиции («физические») под руководством Палласа работали с 1768 по 1774 г. Экспедиции обследовали огромную территорию Российской империи. Они собрали и увековечили в своих трудах множество фактов по этнографии, археологии, ботанике, зоологии и географии.

По мере приближения к XIX в. менялся характер деятельности Академии наук и соответственно Кунсткамеры. Если в начале XVIII в. они были единственными научными учреждениями страны, то в начале XIX в. в связи с возникновением значительного количества научных обществ и учебных заведений, роль Академии наук значительно снижается. Коллекции стали поступать из экспедиций других ведомств и от отдельных собирателей, в том числе и от моряков, участвовавших в кругосветных путешествиях. Сбор и доставка коллекций из Северной и Южной Америки к началу XIX в. связаны с деятельностью Российско-Американской компании и кругосветными путешествиями. В первой трети XIX в. на базе Кунсткамеры стали формироваться отдельные отраслевые музеи: Азиатский, Египетский, Этнографический, Зоологический, Ботанический и проч. В 1836 г. это разделение было нормативно оформлено в новом академическом уставе, и Кунсткамера как единый музей перестала существовать.

В начале 2010 г. в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамере) РАН началась работа по подготовке «Летописи Кунсткамеры. 1714–1836 гг.». Прежде всего коллектив авторов обратился к печатным источникам. В современной литературе ведущее место по проблеме организации и деятельности первого российского государственного научного музея занимают работы Т.В. Станюкович, в которых автор всеобъемлюще и досконально исследует все основные

направления деятельности Кунсткамеры. Отдельные сюжеты, связанные с историей музея, есть в работах А. Липмана, Ю.Н. Беспятовых, М.П. Завитухиной, А.Б. Радзюн, Э.П. Карпеева⁶. К исследованиям общего характера можно отнести работу И.Г. Бакмейстера «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей» (СПб., 1779), П.П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом» (СПб., 1862), И.И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам» (М., 1788–1789), монографию Ю.Х. Копелевич «Основание Петербургской Академии наук» (Л., 1977), «Историю Академии наук СССР» (М.; Л., 1958). Одними из главных источников для написания «Летописи» являются «Материалы для истории Академии наук» М.И. Сухомлинова, книга Ф.К. Руссова «Материалы по истории этнографии и антропологических коллекций Императорской Академии наук» (СПб., 1900), Протоколы Конференции Академии наук. В 2000 г. вышел в свет первый том «Летописи Российской академии наук», на страницах которого отражено становление и развитие первого российского музея.

Перечисляя комплекс материалов, связанных с организацией и деятельностью Кунсткамеры, необходимо отметить работы, относящиеся к первым экспедициям и сбору ее коллекций. Экспедициям Кунсткамеры в научной литературе отведено особое место. Это прежде всего ценнейшая для историков науки книга В.Ф. Гнучевой «Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX вв.» (М.; Л., 1940). Также большой интерес представляют работы Г.Г. Манизера «Экспедиция академика Г.И. Лангсдорфа в Бразилию», А.Ю. Сеницына о судьбе коллекции японских предметов собрания Кунсткамеры МАЭ РАН, связанных с экспедицией Хвостова–Давыдова (1805–1807) и Ф.Ф. Беллинсгаузена «Двукратные изыскания в Южном Ледовитом океане и плавание вокруг света в 1819, 1820 и 1821 гг.» (М., 1961), М.Г. Новлянской «Даниил Готлиб Мессершмидт» (Л., 1970) и др. Для сбора сведений по кругосветным экспедициям морского ведомства необходим такой источник как «Летопись Российского флота» (СПб., 2012).

Начало XIX в. — время покорения дальних территорий, принадлежащих Российской империи. Это прежде всего восточная окраина страны — Камчатка, Сахалин, Аляска. В «Летописи» нашли свое отражение деятельность кругосветных морских путешествий на основе таких изданий, как «Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера. 1815–1841 гг. (М., 2005); «Эскимосы алотик. Каталог коллекций Кунсткамеры» (СПб., 2010); Е.У. Шведе о Первой русско-антарктической экспедиции 1819–1821 и др. Работы, посвященные кругосветным путешествиям дают блестящую картину сбора этнографического материала в отдаленных районах страны

Периодическая печать также находит свое отражение на страницах «Летописи». Это — «Технологический журнал», «Санкт-Петербургские ведомости», «Прибавления к “Санкт-Петербургским ведомостям”», «Периодические сочинения о успехах народного просвещения», «Журнал департамента Народного просвещения», «Журнал Министерства народного просвещения», «Труды Императорской Академии наук», «Известия к Санктпетербургским ведомостям» и др.

Также представляет большой интерес как источник для написания летописи каталог «*Musei Imperialis Petropolitani Vol. I, II*. СПб., 1741–1745 (МР).

В процессе работы определилась и структура издания. Сначала предполагалось материалы из работы Бакмейстера «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей» и «*Musei Imperialis Petropolitani vol. 1, 2*» дать в приложении к изданию. Однако в ходе работы выстроилась такая структура издания, что в приложение вошли многочис-

ленные списки приобретений Кунсткамеры, а «Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей» Бакмейстера было решено поместить в юбилейный «Сборник МАЭ». МП сегодня готовится как отдельное издание с подробными комментариями и сравнением с современными коллекциями, оставшимися в Кунсткамере на сегодняшний день.

Значительное внимание в работе над «Летописью Кунсткамеры» отведено и истории формирования музеев и кабинетов Кунсткамеры. Так, по Анатомическому кабинету в «Летописи» привлекались материалы из книги Л. Коймаса «Художник смерти. Анатомические уроки Фредерика Рюйша» (СПб., 2008), Б.Б. Беккера «Русские посетители Анатомического кабинета Рейса в Амстердаме», О. Беляева «Кабинет Петра Великого» (СПб., 1800). Азиатскому музею посвящены работы Д.И. Тихонова «Сокровища Азиатского музея и их собиратели» (Сборник МАЭ. ХХІХ. Л., 1973), Д.Е. Бертельса «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института Востоковедения АН СССР» (М., 1972), Б.А. Дорна «Азиатский музей» (Очерк истории музеев Имп. Академии наук (СПб., 1865)), брошюра «Азиатский музей 1818—1918». (Пг., 1920) и др.

Широко в «Летописи» используются нормативные документы — «Полное собрание законов Российской империи», «Сборник выписок из архивов бумаг о Петре Великом», «Дела кабинета Петра Великого» и др.

В «Летописи» также представлены материалы из СПФ АРАН (документы из Фонда 1 Конференции АН и фонда 3 Канцелярии АН), архива МАЭ (к-III) (к-IV) и РГИА (Фонд 733 Министерства народного просвещения).

Тщательный анализ источников архивного характера, объективная оценка материалов, посвященных истории создания и деятельности первого российского научного музея, позволили современным исследователям идти в своем научном поиске в правильном направлении.

¹ Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. С. 16—27.

² Бакмейстер И.Г. Опыт о библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской Академии наук. СПб., 1779. С. 109.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 17. М., 1867. С. 9.

⁴ Бакмейстер И.Г. Указ. соч. С. 109

⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 9.

⁶ Липман А. Паспорт № 3 на здание-памятник Института этнографии АН СССР, взятый на государственную охрану постановлением ВЦИК от 20 марта 1935 г. Л., 1938; *Беслятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991; *Радзюн А.Б.* Анатомический театр // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия. Т. 1: Осьмнадцатое столетие. Кн. 1. СПб., 2001. С. 51—52; *Завитухина М.П.* К вопросу о времени и месте формирования Сибирской коллекции Петра I // Культура и искусство Петровского времени. Л., 1977. С. 67; *Карнеев Э.П.* Большой Готторпский глобус. СПб., 2003.

Материалы фондов Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН как источники по истории становления и развития фундаментальной науки в Баренцевом Евро-Арктическом регионе

В 1930 г. в г. Кировске была создана Хибинская горная станция Академии наук (АН) СССР «Тиетта», которая в 1934 г. получила статус Кольской базы АН СССР — тем самым стало возможным начать стационарное комплексное изучение производительных сил края для нужд различных отраслей народного хозяйства. Сейчас Кольский научный центр (КНЦ) Российской академии наук (РАН) имеет в своем составе 9 научно-исследовательских институтов и 2 научных центра.

Музей-Архив истории изучения и освоения Европейского Севера Центра гуманитарных проблем (ЦГП) Баренц-региона КНЦ РАН может служить интересным примером успешного использования интеграции форм культурно-исторической памяти в целях воссоздания процесса становления и развития фундаментальной науки в региональном масштабе. Он организован в 1974 г. по решению президиума Географического общества (ГО) СССР при его Северном филиале (СФ). Автором музейной концепции был председатель Президиума СФ ГО кандидат географических наук Борис Иванович Кошечкин. Формирование документально-предметного фонда и библиотеки происходило за счет инициативного комплектования, пополняясь из семейных архивов и собраний российских ученых и исследователей, чьи научные интересы были связаны с Кольским Севером: А.Е. Ферсман, Г.М. Крепс, П.В. Виттенбург, Б.М. Куплетский, Э.М. Бонштедт-Куплетская, Г.Д. Рихтер, И.Г. Эйхфельд и многие другие.

С 1986 г. Музей-Архив был включен в состав Института экономических проблем Севера Кольского филиала АН СССР с организацией на его базе небольшой научно-исследовательской группы по изучению малочисленных народностей Севера.

Первая экспозиция Музея-Архива, посвященная истории географических открытий на Европейском Севере России, просуществовала более 20 лет. В 1997 г. Музей-Архив получил второе рождение, войдя в состав Международного центра по развитию науки, культуры и образования в Баренц-регионе (МЦНКО) КНЦ РАН и приобретя вместе с новыми выставочными площадями качественно иные экспозиционные возможности, а с обновленным коллективом — научно-исследовательский потенциал. Структуру Музея-Архива, которая носила комплексный характер, к тому моменту составили четыре выставочных зала, фонды, библиотека. В 2004 г. МЦНКО КНЦ РАН реорганизован в Центр гуманитарных проблем Баренц-региона КНЦ РАН в составе которого сохранена вся структура Музея-Архива.

Музей-Архив хранит и экспонирует как типичные музейные объекты (предметы быта, научный инструментарий и т.д.), так и документальные материалы персональных фондов и коллекций отечественных ученых, деятелей науки, художников — участников научно-исследовательских экспедиций — традиционно архивные объекты. Эти 67 комплексов документов отражают не только физические и научные биографии, вклад в развитие науки персоналий-фондообразователей (на микроуровне), но и являются потенциальными историческими источниками для исследований

по истории региональной фундаментальной науки и ее отдельных направлений, эволюции ее институциональных форм в конкретно-исторических и общественных условиях (на макроуровне). Не обладая явными аттрактивными свойствами, подлинные документы представляют собой фактологически-смысловую основу экспозиций, так как фиксация научно-исследовательского процесса и его результатов происходила в обозримый исторический период в основном на бумажных носителях. А живописные и графические произведения художников — членов научно-исследовательских экспедиций имеют особую ценность для восприятия посетителями сложной документальной экспозиции. Картины, эстампы, этюды, этнографические зарисовки сохранили до наших дней пейзажи Севера (давно изменившиеся под натиском цивилизации), явления природы, портреты людей, фрагменты экспедиционной жизни исследователей, тем самым, являясь замечательным историческим источником.

Мне хотелось бы кратко представить материалы трех персональных фондов Музея-Архива, чтобы раскрыть их потенциал в качестве источников для исследований по истории становления и развития фундаментальной науки в Баренцевом Евро-Арктическом регионе.

Персональный фонд Альберта Николаевича Бенуа (1852–1936) — действительного члена Академии художеств, известного акварелиста — в основном состоит из изобразительных потенциальных исторических источников. Это акварели, наброски, рисунки-портреты, привезенные из двух экспедиций: на Кольский полуостров (1920) и Новую Землю (1925).

Чтобы установить промышленное значение залежей железной руды, разведанных у мыса Мишукова в 1918 г., требовались специальные геологические изыскания в Кольском заливе Русской Лапландии. Они были осуществлены под руководством Павла Владимировича Виттенбурга (1884–1968) в экспедиции летом-осенью 1920 г. усилиями 8 человек, в том числе и художника А.Н. Бенуа. Эти исследования состоялись благодаря участию Академии наук в работе нового учреждения ВСНХ — Северной научно-промышленной экспедиции.

По свидетельству дочери П.В. Виттенбурга Евгении Павловны, академик живописи А.Н. Бенуа, заведовавший в то время Музеем прикладного искусства Комиссариата торговли и промышленности, «в свои 68 лет... с удовольствием собрался в столь необычное путешествие»¹. Мурманская железная дорога предоставила отряду товарный вагон. Члены экспедиции эту «теплушку» оборудовали с максимально возможным комфортом для работы и отдыха. Через две недели пути экспедиция прибыла в Мурманск. Для работы экспедиция получила плоскодонную моторную лодку. На буксир взяли другую безмоторную лодку со снаряжением и частью личного состава. Исследовать надлежало южную часть Кольского залива и реку Тулому с ее порогами и водопадами до Нотозера. Двинулись в путь. А экспедиционный художник А.Н. Бенуа принялся за работу. Он фиксировал на бумаге увиденное посредством живописных и графических техник, имеющихся у него в арсенале.

Музей-Архив ЦПП КНЦ РАН является обладателем альбома с ландшафтными путевыми зарисовками и комментариями к рисункам, принадлежавшего А.Н. Бенуа. Всего в нем 41 рисунок, выполненные простым карандашом, кроме 3-х, для создания которых были использованы и цветные карандаши, на плотной фактурной бумаге для акварели и расположенные хронологически. Рисунки содержат маргиналии с текстами дневникового характера, т.е. этот альбом дает возможность получения как фактологических, так и специфических сведений о ходе, условиях проведения и маршруте геолого-разведывательной экспедиции.

Среди рабочих набросков в альбоме присутствуют и этнографические зарисовки: изображения саамских (лопарских) могил, устройство саамского очага, культовые православные сооружения. Есть листы, которые практически полностью исписаны заметками и не содержат рисунков. Некоторые тексты в этом источнике даже претендуют на художественность².

После окончания экспедиционных работ Альбертом Бенуа была написана акварель, на которой изображены закат над спокойной водной гладью Кольского залива и первый причал города Мурманска. Очень выразительна миниатюра, выполненная тогда же цветными карандашами, «Сплав леса в Кольском заливе». Обе эти работы являются единицами хранения персонального фонда художника Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН.

Среди материалов персонального фонда есть также небольшой шарж на А.Н. Бенуа, сделанный В.М. Голицыным 11 октября 1920 г., который дает представление, хоть и через призму юмора, о том, как выглядел известный художник во время и сразу после полевых работ на Кольском полуострове.

Экспедиция благополучно справилась со своими задачами и была завершена публичным выступлением П.В. Виттенбурга в Морском клубе Мурманска 8 октября 1920 г. «О работах Мурманского геологического отряда Севэкспедиции в течение лета 1920 г.». Здесь же была представлена выставка работ художника А. Бенуа. В экспозиции Музея-Архива выставлен выполненный «вручную» Альбертом Николаевичем плакат с анонсом этого события. По возвращении в Петроград были и другие публичные отчёты о работе экспедиции, сопровождавшиеся также выставками работ Бенуа.

Альберт Николаевич Бенуа, человек щедрый, дарил свои работы и администрации, и друзьям, и случайным знакомым. Предположительно, за время экспедиции он написал более 70 акварелей, сделал бесчисленное количество рисунков. В январе 1921 г. он выставил их в Доме искусств, а затем Музей-Архив ЦГП КНЦ РАН. ОФ 314. Л.13 об, 14. в Географическом институте³. Большой удачей стало в свое время приобретение некоторых из них для фонда Музея-Архива.

Среди материалов экспедиции на Новую Землю в 1925 г., подготовленной усилиями П.В. Виттенбурга, не участвовавшего в ней из-за необходимости заниматься подготовкой юбилея Академии наук, есть 23 рисунка: 14 акварельных и 8 графических — без указания на авторство, но датированных и с названиями. Только на одной акварели из этой серии в левом нижнем углу написано: «Новая Земля, губа Черная 30/VII 25», а в правом — четкая подпись «А. Бенуа». Идентичные манера изображения, материалы, техника позволяют предположить, что автором остальных рисунков также является А.Н. Бенуа. Но утверждать это можно будет только после экспертизы, которая, к сожалению, пока не была проведена. Рисунки реалистичны и передают ландшафты архипелага Новая Земля первой четверти XX в. Среди них есть также портреты жителей архипелага, которые очень психологичны.

Необходимо особо отметить номинальную и информационную емкость живописных, графических изобразительных источников, использованных А.Н. Бенуа для создания ретроспективных по своему характеру свидетельств о становлении естественно-научного направления в фундаментальных исследованиях в регионе, которые в данное время собраны в персональном фонде художника Музея-Архива ЦГП КНЦ РАН.

Музею-Архиву также принадлежит персональный фонд Я.А. Комшилова, материалы которого экспонируются на различных выставочных площадках и пред-

ставляют сложную личность фондообразователя — исследователя и художника, чья научная и творческая деятельность была направлена на изучение и сохранение (визуализацию) истории на Мурмане.

Комшилов Яков Алексеевич — человек неоднозначной противоречивой судьбы — известен как секретарь Общества по изучению Мурманского края в 1920-х гг., исследователь, занимавшийся изучением материальной культуры и фольклора саами. К сожалению, в опубликованных источниках практически не представлены такие стороны его деятельности, как работа в органах юстиции в 1919—1945 гг., организация Мурманского губернского архивного бюро и руководство им с апреля 1922 г. по октябрь 1926 г., заведование Партийным архивом Мурманского ОК ВКП(б) (1945—1959). И очень мало кто знаком с живописными и графическими работами члена Союза советских художников Мурманской области Я.А. Комшилова.

Среди первичных материалов научно-исследовательской деятельности в персональном фонде отложились заметки Я.А. Комшилова по топонимике Терского района Мурманской области и его хозяйственным вопросам, записи для словаря и рукописные саамско-русский и русско-саамский словари, составленные Яковом Алексеевичем⁴. Как этнограф он проделал большую работу по сбору информации о родовых саамских клеймах, и теперь в нашем распоряжении имеется большая часть его коллекции клейм, зафиксированных им лично на карточках Мурманского губернского Архивного бюро с указанием генеалогических сведений о саамских родах, местах их проживания, биографических данных⁵.

В фонде хранятся рукописи Я.А. Комшилова «Промысловые территории и места поселений саами Мурманской области», «О множественности систем знаков числительных в современном и недавнем прошлом у саамов»⁶.

Большой комплекс первичных этнографических материалов представлен в фонде записями саамского фольклора: сказками, легендами⁷. Отложились в фонде и исследовательские документы по саамскому фольклору Я.А. Комшилова: материал, собранный к легенде о лягушке, аналитические записки, связанные с изучением лягушки как родового тотемного животного у эскимосов и тлинкитов⁸.

Все рассмотренные единицы хранения данного персонального фонда являются потенциальными источниками для изучения истории формирования гуманитарной проблематики в фундаментальных исследованиях в регионе.

Музею-Архиву ЦГП КНИЦ РАН также принадлежит персональный фонд Тульского Николая Ильича (1875—1932), который, занимая с 1899 по 1907 гг. на ледоколе «Ермак» различные должности, был участником высокоширотной экспедиции на Шпицберген в 1901 г., а в 1921—1922 гг. принял командование кораблем.

С появлением ледокольного флота стало возможным проведение многих высокоширотных научных экспедиций, планы которых вынашивало мировое научное и академическое сообщество. Одной из них стала градусная Русско-Шведская экспедиция на архипелаг Шпицберген по измерению дуги меридиана в 1899—1901 гг. Это, по отзывам современников, крупнейшее научное предприятие конца XIX — начала XX в. послужило мощным стартом для организации российских фундаментальных исследований по различным направлениям на архипелаге.

Различные свидетельства и дипломы, выданные Н.И. Тульскому, отложившиеся в его персональном фонде, позволяют проследить за процессом его профессионального роста до 1899 г.⁹ Не менее информативны и фотодокументы фонда. В 1899 г. вице-адмирал С.О. Макаров набирал экипаж для арктических экспедиций на первый ледокол. Как это происходило, он описал в своей книге «“Ермак” во льдах» (1901):

«Штурманов вольных я взял из разных мест. Старшего штурмана г-на [Н.И.] Тульского я выписал из Каспийского моря; второго штурмана Николаева взял из петербургских лоцманов и третьего штурмана [А.А.] Эльзенгера — из Мурманского пароходства. Все трое оказались прекрасными людьми, я ими был вполне доволен»¹⁰.

Зимой 1899 г. — весной 1900 г. Н.И. Тульский вместе со всем экипажем «Ермака» был задействован в операции по спасению броненосца «Генерал-адмирал Апраксин»¹¹, наскочившего на камни у острова Гогланд, и наряду с другими участниками операции был награжден денежной премией¹². 29 февраля 1908 г. Тульский получил также Похвальный отзыв третьей степени Императорского Российского общества спасения на водах «за оказание помощи команде шкуны “Вольдемар”, потерпевшей крушение 18 ноября 1907 г.»¹³

В июне 1901 г. «Ермак» был предоставлен русско-шведской академической экспедиции для прохождения через арктические льды. Астроном экспедиции А.С. Васильев написал в своей книге: «Невольно устанавливалась вера, что уже, может быть, пришло время, когда русские научные предприятия начнут служить прежде всего России и русским людям. Ведь безграничность наших равнин и неба, наши реки, леса и степи, разнообразие нашего отечества, в каждом русском создают естествоиспытателя, наука для него другая религия»¹⁴. Эти слова в полной мере относятся и к Н.И. Тульскому. Подтверждение этому находим в той части воспоминаний С.О. Макарова о первых плаваниях на «Ермаке», где автор описывает научные экспедиционные наблюдения: «Было бы несправедливо не упомянуть тут же о трех штурманах ледокола: Тульском, Николаеве и Эльзингере, которые неся судовую службу в то же время прилагали все старания к выполнению всех ученых работ»¹⁵.

Кроме того, из-за отсутствия специалиста-фотографа в составе арктических экспедиций на «Ермаке», фотосъемкой вынуждены были заниматься все, кто имел аппараты на борту, в том числе и Н.И. Тульский. Всего было сделано около 500 снимков. Более или менее удачных негативов после проявки на «Ермаке» получилось 250. Негативы Тульского были испорчены при проявке в «профессиональной мастерской Ньюкастела»¹⁶. Предположительно, автором тех негативов, с которых сделаны отпечатки, хранящиеся в фонде Н.И. Тульского Архива-Музея, может быть сам Николай Ильич. Эти фотоотпечатки были помещены С.О. Макаровым в книгу «“Ермак” во льдах» в качестве иллюстративного материала¹⁷.

Участники беспримечной экспедиции были награждены нагрудными знаками с императорским вензелем и изображением контура Шпицбергена, на котором золотыми точками были обозначены вершины триангуляционной сети и обозначены годы: 1899—1901. В Музее-Архиве хранится экземпляр, принадлежавший Н.И. Тульскому, свидетельствующий о признании вклада владельца в успешное проведение значимого мероприятия в мировой науке конца XIX — начала XX в.¹⁸

Блестяще аттестованный капитаном 2-го ранга М.П. Васильевым и вице-адмиралом С.О. Макаровым¹⁹, Николай Ильич в конце 1907 г. перешел на работу в Министерство торговли и промышленности, которое в то время ведало морскими торговыми портами²⁰.

В дальнейшем он занимал различные административные должности, связанных с организацией деятельности портов страны²¹. До начала 1930-х гг. Николай Ильич служил капитаном на различных судах²². В 1930—1932 гг. он работал наблюдающим за постройкой торговых судов на Северной верфи в Ленинграде. Был награжден персональной пенсией республиканского значения. Умер в 1932 г.²³

Материалы персонального фонда Н.И. Тульского являются историческими источниками по истории полярных плаваний российского флота двух эпох — до революции в октябре 1917 г. и после нее, и обладают достаточным информационным потенциалом для использования в процессе изучения истории развития фундаментальной науки в регионе.

Все рассмотренные фонды содержат потенциальные источники для исследований по заявленной теме. Изобразительные источники из фондов акварелиста А.Н. Бенуа и этнографа Я.А. Комшилова создают выразительную и очень эмоциональную картину событий, связанных с началом фундаментальных исследований в Баренц-регионе, которая дополняет сведения, содержащиеся в других группах источников, отличающихся во многих случаях значительной формализованностью²⁴. А личные документы Н.И. Тульского и фотодокументы, отложившиеся в его фонде, позволяют проследить за судьбой «маленького» человека, в рамках проблемы изучения истории становления фундаментальных исследований в регионе. Наполнение сюжетов макро-истории новыми фактами и смыслами возможно при их «преломлении» в «призме» методов микро-истории личности.

¹ *Виттенбург Е.П.* Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГА: (воспоминания дочери). СПб., 2003.

² Музей-Архив ЦГП КНИЦ РАН. ОФ 314. Л. 13 об., 14.

³ *Виттенбург Е.П.* Указ. соч.

⁴ Музей-Архив ЦГП КНИЦ РАН. НВФ 1076. Л. 1, 2; НВФ 1075. Л. 1, 10 об., 11.

⁵ Там же. НВФ 1074. Л. 11, 3.

⁶ Там же. НВФ 1071, 1072.

⁷ Там же. НВФ 1080, 1082, 1084, 1087; 1079. Л. 1.

⁸ Там же. НВФ 1077. Л. 2, 4 об.—5, 37.

⁹ Там же. НВФ 414а. С. 1.

¹⁰ *Макаров С.О.* «Ермак» во льдах. СПб., 1901. С. 172.

¹¹ Там же. С. IV.

¹² Музей-Архив ЦГП КНИЦ РАН. НВФ 419. Л. 1.

¹³ Там же. НВФ 421.

¹⁴ *Васильев А.С.* На Шпицберген и по Шпицбергену во время градусного измерения. Одесса, 1915. С. 87—88.

¹⁵ *Макаров С.О.* Указ. соч. С. 234.

¹⁶ Там же. С. 236.

¹⁷ Музей-Архив ЦГП КНИЦ РАН. НВФ 428. Л. 2—3; *Макаров С.О.* Указ. соч. С. 250, 275 и др.

¹⁸ Музей-Архив ЦГП КНИЦ РАН. ОФ 268.

¹⁹ Там же. НВФ 416; ОФ 265.

²⁰ Там же. НВФ 414а. С. 2.

²¹ Там же. С. 2, 23.

²² Там же. С. 2, 24, 25.

²³ Там же. С. 2.

²⁴ *Ланской Г.Н.* Теоретические и методологические проблемы изучения изобразительных источников в историко-архивоведческих исследованиях // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. Доклады и сообщения на четвертой Всероссийской конференции 24—25 апреля. 2002 г. М., 2002. С. 259—263.

Архивы РАН – ценнейший источник данных о деятельности отечественных ученых-натуралистов XVIII – XIX вв.

При работе с моим предыдущим руководителем и соавтором, академиком В.Е. Соколовым (1928–1998) над книгой, посвященной отечественным зоологам-териологам XIX в.¹, и смежными темами нам была предоставлена возможность активно использовать архивные материалы. Занимаясь исследованиями в более чем в 15 отечественных архивах, не считая отделов рукописей ряда крупных библиотек, мы убедились в том, что, несмотря на множество социальных потрясений, в России сохранились громадные по объему, уникальные по содержанию, но слабо изученные архивные фонды.

К юбилею М.В. Ломоносова коллективом авторов была выпущена книга-альбом, включающая в основном рисунки и гравюры художников Великой северной экспедиции (1733–1743) и Великих академических экспедиций (1768–1774)². Сами авторы отмечали, что «альбом имеет целью лишь примерно обозначить масштаб возможного исследования деятельности русских экспедиционных художников XVIII века». Очевидно, что «масштаб возможного исследования» должен охватывать материалы и о самих натуралистах, участниках упомянутых экспедиций.

До сих пор нет академических биографий С.П. Крашенинникова – первого русского академика-биолога, значение которого для истории отечественной науки В.И. Вернадский смог сравнить только с заслугами соратника Степана Петровича М.В. Ломоносова³. Нет биографий Г.В. Стеллера, П.С. Палласа и многих других натуралистов XVIII в. Большинству современных биологов неизвестны фундаментальные издания работавших в России натуралистов, так как они публиковались на латыни, например, *Flora Sibirica*⁴, *Zoographia Rosso-Asiatica*⁵, или на немецком языке, например, *Forschungsreise durch Sibirien*⁶, *Topographische und physikalische Beschreibung der Beringinsel, welche im ostlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt*⁷. Еще более унылая картина с использованием архивных материалов, в том числе иллюстрированных.

С появлением уникального труда В.Ф. Гнучевой (1940) исследователи получили подробный путеводитель по академическим архивным материалам экспедиционной деятельности большинства отечественных натуралистов XVIII–XIX вв. Следует заметить, что публикация самих документов требует участия в такой комплексной работе не только архивистов, историков, переводчиков. Если речь идет о результатах исследований натуралистов, то необходимо участие специалистов геологов, географов, ботаников, зоологов, этнографов и т.п. Натуралисты XVIII–XIX вв. зачастую собирали данные об особенностях народонаселения Российской империи, промыслах, обрядах, языке. Особое внимание уделялось новым образцам всех «трех царств природы». И здесь необходимы комментарии специалистов, отражающие современные представления об описанных в тексте или представленных на рисунках животных, растениях, минералах. Эта работа трудна, но необходима.

Важным моментом для указанных определений по рисункам, гравюрам будет наличие цвета: раскрашена ли гравюра от руки и насколько точно. Нам приходилось иметь дело с очень точными цветными рисунками в рукописи «Орнитологикона» Д.Г. Мессершмидта, с раскрашенными диагностически точно гравюрами «Путешествий...» П.С. Палласа (очевидно, подносные экземпляры — в роскошных переплетах).

Редким удачным примером комплексного подхода при использовании в том числе архивных документов стала серия международных мероприятий и публикаций, посвященных деятельности Г.В. Стеллера⁸. Издания данной серии продолжаются и сейчас на немецком и русском языках под эгидой Фонда Франке (Галле, Германия). В Галле создано Стеллеровское общество.

Печальной альтернативой данной инициативы оказались тройной юбилей П.С. Палласа (отмечался преимущественно лишь на областном уровне — в г. Палласовка) и 300-летие со дня рождения первого русского академика-биолога С.П. Крашенинникова (ряд мероприятий прошел в основном на Камчатке). Камчатские краеведы в течение ряда лет издают «Крашенинниковские сборники», ежегодно проводят тематические чтения. Недавно было создано Крашенинниковское общество. Многие их материалы, в том числе о художниках Великой северной экспедиции, мало известны исследователям двух столиц. Целый ряд работ Степана Петровича ждет еще своих первооткрывателей в отечественных архивах. Участие специалистов разных областей оказалось результативным при издании на русском языке описания Камчатки, выполненного Г.В. Стеллером⁹.

Специализированные издания, например, серия «История отечественной териологии», задуманная академиком В.Е. Соколовым, содержат обзоры архивных материалов, фрагменты старых изданий, впервые переведенных на русский язык. Первый том¹⁰ посвящен описанию исследований млекопитающих в XVIII в., второй — в XIX¹¹.

Известно, что П.С. Паллас, приехав в Россию, был назначен заведующим коллекциями всех «трех царств природы», хранящихся в Кунсткамере, и начал публикацию первоописания животных, снабжая эти статьи рисунками. Число рисунков, выпущенных в приложении к «Зоографии», несопоставимо с общим списком иллюстраций, указанных в тексте. Часть неопубликованных оригиналов хранится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН.

Неизвестно происхождение рисунка стеллеровой коровы у Палласа, так как пока не найдены и оригиналы стеллеровских времен. Среди историков бытует мнение, что первое «прижизненное» изображение данного животного нашел и опубликовал академик П.П. Пекарский¹², хотя мы показали¹³, что приоритет здесь принадлежит академику А.Ф. Миддендорфу. Автору настоящего сообщения посчастливилось найти еще одно «прижизненное» изображение вымершего ныне вида¹⁴. Все известные рисунки отличаются рядом деталей, важных для реконструкции. Поиск архивных материалов по данной теме продолжается.

Среди причин, сдерживающих эффективное использование архивных фондов, можно назвать отсутствие адекватных копий рукописных и иллюстративных материалов, слабая пропаганда нашего наследия, редкая практика организации комплексных исследований с привлечением отечественных и зарубежных специалистов, относительно высокая плата за копирование подлинников даже для сотрудников РАН. Конечно, многое объясняется бедственным состоянием финансирования РАН, неэффективной государственной бюджетной политикой в области науки и культуры.

Привлечение неправительственных инвестиций, выигрыш грантов, создание международных объединений в связи с юбилейными датами остаются пока реальными способами улучшений в архивном деле.

- ¹ Соколов В.Е., Шишкин В.С. Развитие отечественной териологии в XIX веке. М., 2005.
- ² Ломоносов и академические экспедиции XVIII века. М., 2011.
- ³ Вернадский В.И. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии // Труды по истории науки. М., 1988. С. 63–201; Шишкин В.С. Академик В.И. Вернадский о значении С.П. Крашенинникова в истории русской науки. Тезисы докладов международной научной конференции «В.И. Вернадский — историк науки». М., 2013. С. 60–69.
- ⁴ Gmelin J.G. Flora Sibirica. Petropoli. 1747. Т. 1; 1749. Т. 2; 1758. Т. 3; 1759. Т. 4.
- ⁵ Pallas P.S. Zoographia Rosso-Asiatica. Petropoli, 1811. Т. 1–2; 1814. Т. 3.
- ⁶ Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. Berlin: Academie-Verlag, 1962. Т. 1; 1964. Т. 2; 1966. Т. 3; 1968. Т. 4; 1977. Т. 5.
- ⁷ Steller G.W. Topographische und physikalische Beschreibung der Beringsinsel, welche im Ostlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt // Neue Nordische Beyträge. 1781. № 2. S. 255–301.
- ⁸ Die Grosse Nordische Expedition. Gotha.: Peters, 1996.
- ⁹ Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999.
- ¹⁰ Соколов В.Е., Парнес Я.А. У истоков отечественной териологии. М., 1993.
- ¹¹ Соколов В.Е., Шишкин В.С. Указ. соч.
- ¹² Пекарский П.П. Архивные разыскания об изображении несуществующего животного Rhytina borealis // Записки Императорской Академии наук. 1869. Т. 15. Кн. 1. Прил. 1. С. 1–33.
- ¹³ Соколов В.Е., Шишкин В.С. Указ. соч.
- ¹⁴ Шишкин В.С. Зарождение, развитие и преемственность академической зоологии в России // Зоологический журнал. 1999. Т. 78. № 12. С. 1381–1395.

Введение в научный оборот изобразительных материалов Русской полярной экспедиции Э.В. Толля (1900–1903 гг.)*

Русская полярная экспедиция (РПЭ) под руководством барона Эдуарда Васильевича Толля, организованная Императорской академией наук, явилась важным научным событием начала XX в. По замыслу ее руководителя экспедиция должна была исследовать Новосибирские острова, изучить условия мореплавания по Северному морскому пути; провести довольно большой по объему комплекс работ по геологии, астрономии, метеорологии, магнитологии, гидрографии, географии; изучить полярную флору и фауну. И все же главной целью экспедиции для Толля являлось открытие и исследование островов, лежащих к северу от Новосибирского архипелага. Экспедиция состоялась в 1900–1903 гг. В эти хронологические рамки включены и поисковые экспедиции лейтенанта А.В. Колчака на остров Беннета, и М.И. Бруснева на Новосибирские острова, организованные Академией наук в 1903 г. для оказания помощи барону Толлю и его спутникам, которые в начале июня 1902 г. отправились на санях на остров Беннета и так и не вернулись.

Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПФ АРАН) хранит документальное наследие этой экспедиции. Основной массив документов сосредоточен в фонде Комиссии по снаряжению РПЭ, созданной в структуре Академии наук в 1899 г. и функционировавшей до момента слияния ее с Постоянной полярной комиссией в 1914 г. Материалы, касающиеся экспедиции, хранятся и в других фондах архива: в фонде Конференции АН в протоколах заседаний Физико-математического отделения Академии наук, среди протокольных бумага, в фонде Правления АН, которое занималось хозяйственной стороной деятельности академии, в фондах Якутской и Полярной комиссий, личных фондах — президента Императорской академии наук К.К. Романова, академика Ф.Б. Шмидта, долгие годы возглавлявшего Комиссию по снаряжению РПЭ, зоолога А.А. Бялыницкого-Бирули, секретаря Комиссии В.Л. Бианки и т.д.

Документы РПЭ довольно активно использовались и продолжают использоваться исследователями, однако до настоящего времени не было проведено целенаправленное и фронтальное выявление всех материалов о РПЭ с целью создания единой базы данных. Такая база дала бы сотрудникам архива и исследователям более точное представление об объеме этого комплекса документов и возможность более эффективно контролировать его физическое состояние с целью обеспечения сохранности материалов и их максимально полного использования и ввода в научный оборот.

Обращаясь к истории формирования комплекса документальных материалов РПЭ, следует подчеркнуть, что первые научные отчеты и письма участников стали поступать в Академию наук уже летом 1901 г.¹ Впоследствии, еще во время работы

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 12-06-00005.

экспедиции, документальный материал несколько раз с оказиями доставлялся в академию. В 1902 г. после возвращения участников экспедиции в Петербург основной массив материалов поступил в распоряжение Комиссии по снаряжению РПЭ. Дневники и документы погибших членов экспедиции — ее руководителя барона Э.В. Толля, доктора Г.Э. Вальтера и астронома Ф.Г. Зееберга, а также изобразительный материал, а именно негативы, были переданы на хранение секретарю комиссии Валентину Львовичу Бианки и находились в Зоологическом музее. Результаты исследований и дневники вернувшихся участников экспедиции оставались у них на руках для дальнейшей обработки и написания отчетов и научных работ. Естественнонаучные коллекции передавались для разбора и обработки в академические музеи — Минералогический, Ботанический и Зоологический².

В январе 1904 г. в составе комиссии была создана специальная Подкомиссия «для выяснения наличного научного материала, собранного экспедицией». Возглавил подкомиссию академик Ф.Б. Шмидт. Каждый из ее членов должен был выявить наличие материалов по одной из групп. Геологические материалы поручалось определить К.А. Воллосовичу, биологические — А.А. Бялыницкому-Бируле, метеорологические — Э.В. Штеллингу, гидрологические — Н.М. Книповичу, картографические — А.В. Колчаку и Ф.А. Матисену, фотографические — К.А. Воллосовичу, А.А. Бялыницкому-Бируле и Ф.А. Матисену³.

В феврале 1905 г. А.А. Бялыницкий-Бируля представил комиссии проект издания трудов о результатах исследований экспедиции Э.В. Толля. К обработке и подготовке материалов к изданию были привлечены не только ее бывшие участники, но и довольно широкий круг как отечественных, так и зарубежных специалистов из Москвы, Казани, Гельсингфорса (Хельсинки), Праги, Стокгольма, Христиании (Осло), Вены, Берлина⁴. Экспедиционные материалы передавались им комиссией. До конца 1920-х гг. обработанные результаты экспедиции публиковались в академических изданиях — первоначально в отдельных выпусках «Записок Академии наук», озаглавленных «Научные результаты Русской полярной экспедиции», а затем в «Трудах Якутской комиссии». Начиная с 1906 г. на издание «Трудов» Министерство финансов отпускало определенную ежегодно запрашиваемую комиссией сумму. Издание «Научных результатов» прекратилось лишь в конце 1920-х гг. в связи с арестами редакторов издания А.А. Бялыницкого-Бирули и П.В. Виттенбурга⁵.

С конца 1920-х гг. документальные материалы экспедиции стали поступать на хранение в Архив АН СССР в Ленинграде. Поскольку они оказались рассредоточенными по разным учреждениям и лицам, то процесс концентрации материалов в архиве шел постепенно. Документы, начиная с конца 1920-х и до середины 1950-х гг., поступали из разных академических учреждений и от частных лиц: от Правления АН, Полярной комиссии, из Зоологического института и Геологического музея им. А.П. Карпинского, от родственников участников экспедиции⁶. В 1930 г. был сформирован фонд № 14, имеющий официальное название «Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции под начальством Э.В. Толля (1899-1914)». В настоящее время фонд включает 2165 ед. хр. и состоит из трех описей.

Первая опись, озаглавленная «Материалы по организации экспедиции», содержит документы комиссии, занимавшейся подготовкой и организацией экспедиции, материалы самой экспедиции, документы, касающиеся организации и проведения спасательных партий, финансовые документы, отчеты, материалы по обработке и публикации научных результатов экспедиции. Вторую опись фонда составляют фото-

графии РПЭ, и третья опись — негативы, с которых эти фотографии были изготовлены. На материалах двух последних описей я остановлюсь подробнее.

Основная и наиболее ценная часть фотоматериалов — это негативы на стекле разных форматов (от формата 6x9 см до 13x18 см). Хронологически негативы охватывают период с 1900 по 1903 г. и представляют собой фотофиксацию всех этапов работы экспедиции Э.В. Толля, начиная с момента погрузки «Зари» и прощания с членами экспедиции в Петербурге в первых числах июня 1900 г., и заканчивая поездкой лейтенанта Ф.А. Матисена в феврале—сентябре 1903 г. на реку Лену для разгрузки «Зари». Кроме того, негативы подробно отражают деятельность вспомогательной санной партии под руководством К.А. Воллосовича. Изображения иллюстрируют работу участников экспедиции на самой «Заре», их многочисленные экскурсии во время первой и второй зимовок, устройство научных станций, виды посещенных пунктов, ледовых полей и их образований, геологические, зоологические и ботанические находки и т.д. Большой интерес представляют групповые и индивидуальные портреты участников экспедиции, этнографические снимки (на материке), бытовые снимки (например, устраиваемые на борту «Зари» спектакли, лыжные соревнования во время зимовок), сцены на охоте и охотничьи трофеи.

Фотосъемкой во время экспедиции занимались несколько ее участников — прежде всего сам руководитель экспедиции Э.В. Толль, а также помощник командира яхты «Заря», а затем командир лейтенант Ф.А. Матисен. Еще в первых предварительных списках личного состава экспедиции указывалось, что на Матисена в том числе возлагалась обязанность фотографа, и основная часть сохранившихся негативов принадлежит ему⁷. Значительное количество снимков выполнено зоологом А.А. Бялыницким-Бирулей, а также участниками вспомогательной партии К.А. Воллосовичем и М.И. Брусневым. Оборудование, химикаты для фотолаборатории на борту «Зари» и все фотоматериалы приобретались в мае—июне, а для санной партии — в августе—октябре 1900 г. в Петербурге и Москве на складах фотографических и оптических принадлежностей торговых домов «Ф. Иохим и К°», «Николай Герасимов и К°», фотографических фирм «И.И. Карпов», «Бруно Зенгера и К°». Об этом свидетельствуют сохранившиеся счета и отчеты о потраченных денежных средствах⁸. Для основного состава экспедиции закупками ведал лейтенант Ф.А. Матисен, для вспомогательной партии — ее руководитель К.А. Воллосович. Благодаря их ответственному отношению и несмотря на то, что часть фотоматериалов и даже как минимум одна фотокамера были повреждены в суровых полярных условиях, участники экспедиции смогли осуществить подробнейшую фотофиксацию всех ее этапов.

Доставленные в Петербург по окончании работы экспедиции негативы практически сразу же стали востребованы. Уже в феврале 1903 г. один из бывших участников вспомогательной партии, Иосиф Ционглинский, в своем письме просил В.Л. Бианки помочь получить из Петербурга несколько снимков, снятых на Новосибирских островах и в поселке Казачьем, из коллекции М.И. Бруснева для иллюстрирования лекции, которую ему предложили прочесть 23 марта в Кракове⁹. Фотоотпечатки были изготовлены и отправлены, за что Ционглинский благодарил В.Л. Бианки в письме от 20 марта 1903 г.¹⁰

15 ноября 1904 г. В.Л. Бианки докладывал Комиссии, что он присутствовал в Юрьеве на семейном совете по поводу издания личных дневников Э.В. Толля. Ввиду частного характера этих дневников было решено, что они будут изданы самой баронессой Э.Н. Толль. Она же просила Комиссию предоставить ей для иллюстриро-

вания дневников фотоснимки, принадлежащие РПЭ. Поскольку, по словам Бианки, отпечатки с негативов экспедиции еще не были к тому моменту изготовлены, а необходимы они были для всех лиц, занимающихся обработкой различных коллекций и материалов, Комиссия приняла решение заказать со всех негативов по два снимка. Причем один экземпляр их должен был войти в полную серию (неприкосновенный экземпляр), а другой предполагался для временного предоставления всем нуждающимся в фотографиях лицам, в том числе и баронессе Толль¹¹.

Изготовлением фотоотпечатков занимался в своей мастерской в Петербурге Павел Николаевич Суворов. Эта работа началась уже в ноябре 1904 г. и была завершена в конце января 1905 г., о чем свидетельствует сохранившаяся его переписка с В.Л. Бианки¹².

На заседании комиссии 11 февраля 1805 г. секретарь довел до сведения ее членов, что со всех 1058 негативов РПЭ изготовлено уже по два снимка и что нуждающиеся в них могут теперь ими пользоваться¹³.

К обеспечению сохранности фотоматериалов экспедиции сотрудники Комиссии относились очень трепетно, осознавая всю их ценность. Архивные документы свидетельствуют, что в 1905 г. был составлен полный перечень находящихся в ведении Комиссии фотоотпечатков, к сожалению, до сих пор нами не обнаруженный. Для хранения негативов и отпечатков в 1905–1906 гг. в футлярной и коробочной мастерской В.С. Сайконена в Петербурге были заказаны и изготовлены специальные ящики трех разных форматов и несколько коробок¹⁴. На складе фотографических принадлежностей «Ф. Иохим и К°» в Петербурге в 1905 г. были приобретены тонкие прозрачные конверты для хранения негативов¹⁵. И сейчас негативы хранятся в тех самых конвертах, на каждом из которых рукой Бианки проставлен порядковый номер, присвоенный во время обработки и систематизации материалов в 1904 г. Благодаря усилиям наших предшественников негативы и фотографии дошли до нас в очень удовлетворительном состоянии.

Фотографии достаточно активно использовались для иллюстрирования публикуемых результатов деятельности экспедиции, а также в изданиях более позднего времени. Просматривая эти работы, мы пришли к выводу, что, как правило, из публикации в публикацию использовалось незначительное количество одних и тех же фотографий Русской полярной экспедиции. Выгодно в этом отношении отличается изданная в 1909 г. работа А.В. Колчака «Лед Карского и Сибирского морей», в которой опубликовано 80 экспедиционных фотографий (в основном виды ледяных полей, этапы формирования ледяных образований, снятые в разных местностях и в разное время года)¹⁶. Основная часть этих изображений встречается здесь впервые и впоследствии уже никогда не публиковалась.

Как отмечалось выше, негативы и фотоотпечатки РПЭ долгие годы хранились в Зоологическом музее. В январе 1939 г. они были переданы на хранение из Зоологического института в Архив АН СССР в Ленинграде¹⁷. В марте 1939 г. сотрудником архива Е.А. Рогалевой были составлены две рукописные описи на негативы и фотографии. Опись фотографий достаточно подробная, поскольку большая часть фотоотпечатков была проаннотирована Бианки и Воллосовичем в 1905 г. Опись негативов под заголовком «Негативы и диапозитивные снимки по Русской полярной экспедиции 1900–1903 гг.» включала 87 ед. хр. В качестве единицы хранения была взята одна коробка негативов, вмещавшая от 5 до 22 стеклянных пластин. Опись представляла простой перечень единиц хранения с указанием номеров коробок и количества негативов в каждой из них. Заголовки описи не раскрывали содержания дел.

В 2009 г., проводя плановую проверку наличия и состояния фонда Комиссии по снаряжению Русской полярной экспедиции, старший научный сотрудник СПФ АРАН О.В. Иодко и я ознакомились с состоянием материалов описи негативов. Из-за глухих заголовков они были практически исключены из научного оборота. Мы пришли к выводу, что опись требует переработки, а негативы — технического оформления и перекартонирования.

Для осуществления этой работы нам пришлось изучить литературу, ряд опубликованных источников, в частности, отчеты членов экспедиции и близко познакомиться с архивными материалами.

Переработка описи была завершена в 2012 г. Новая опись в том же году была утверждена ЦЭК СПбНЦ РАН и передана вновь на госхранение в СПФ АРАН. В настоящее время в опись включено 1025 ед. хр., т.е. каждый негатив теперь представляет собой самостоятельную единицу хранения. В новой описи мы постарались дать исчерпывающую информацию по каждому негативу: составили аннотации, указали его авторство и авторскую нумерацию, дату съемки, формат, номер, присвоенный негативу группой обработчиков фотоматериалов в 1904 г. (Воллосовичем и Бирулей), а также указали наличие фотоотпечатка в описи № 2. В основу систематизации негативов в описи положена систематизация, принятая еще в 1904 г. Негативы расположены группами по форматам, начиная от большего формата к меньшему (это обеспечивает их лучшую сохранность). Внутри каждой группы они располагаются по хронологии. Негативы, относящиеся к определенному месту и времени съемки, объединены в разделы. Заголовки разделов выделены полужирным шрифтом. Внутри разделов негативы объединяются в подразделы. Заголовки подразделов выделены курсивом.

Во время работы с негативами и фотоотпечатками мы обратили внимание, что не все негативы были переданы в архив в 1939 г. В.Л. Бианки, отчитываясь перед Комиссией по снаряжению Русской полярной экспедиции в феврале 1905 г., сообщал, что изготовлены отпечатки со всех 1058 негативов. В фонде в настоящий момент насчитывается 1025 негативов, т.е. 33 негатива не обнаружены. На месте этих отсутствующих негативов в старых коробках сохранились записки-заместители, написанные еще в 1906—1921 гг. рукой А.А. Бяльницкого-Бирули, К.А. Воллосовича и А.В. Колчака. Вероятно, негативы изымались для печати, но по каким-то причинам не вернулись на свое место¹⁸. Этот пробел в какой-то мере восполняют фотоотпечатки, изготовленные Суворовым в 1904-1905 гг., т.е. в архиве есть отпечатки на ряд отсутствующих негативов. Но комплект отпечатков тоже неполный. К значительному количеству негативов мы не обнаружили отпечатков. Работа по сопоставлению наличных негативов и отпечатков очень скрупулезная и требующая при их нынешнем положении больших временных затрат из-за значительного объема фотоматериала и особой осторожности из-за хрупкости негативов на стекле, так как велика вероятность повреждения как стеклянной основы, так и эмульсионного слоя при непосредственном контакте с ним.

Помочь в проведении этой работы и способствовать дальнейшему использованию фотоматериалов могла бы их оцифровка. Но если для сканирования фотоотпечатков в Архиве есть соответствующая техника, то сканирование форматных негативов пока невозможно из-за отсутствия необходимого оборудования и средств на его приобретение. Электронный вариант новой описи негативов с присоединенным к каждому заголовку отсканированным изображением мог бы быть вывешен на сайт Архива. Такая практика сейчас существует с описями фондов, вновь принятых на госхране-

ние. Это, безусловно, открыло бы доступ исследователям к этому значительному по объему и, в силу объективных причин, мало изученному комплексу материалов РПЭ. Пока работа по оцифровке не проведена, доступ к негативам Русской полярной экспедиции для исследователей практически невозможен.

¹ *Сухова Н.Г.* Комиссия по снаряжению Русской полярной экспедиции (экспедиции для поиска Земли Санникова под руководством Э.В. Толля) // Комиссии Академии наук в XVIII-XX веках: Исторические очерки. СПб., 2013. С. 190.

² Там же.

³ Там же. С. 190-191.

⁴ Там же. С. 191-192.

⁵ Там же. С. 197.

⁶ СПФ АРАН. Дело фонда № 14. Л. 21-24.

⁷ Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 50. Л. 192-193.

⁸ Там же. Д. 27. Л. 2-8, 187, 201-202 об., 248-252, 257; Д. 6. Л. 135; Д. 26. Л. 82.

⁹ Там же. Д. 50. Л. 79, 79 об.

¹⁰ Там же. Л. 80, 80 об.

¹¹ Там же. Д. 2. Л. 96-97 об.

¹² Там же. Д. 52. Л. 80-93.

¹³ Там же. Д. 2. Л. 123.

¹⁴ Там же. Д. 52. Л. 79.

¹⁵ Там же. Д. 61. Л. 785, 789.

¹⁶ *Колчак А.В.* Лед Карского и Сибирского морей. СПб., 1909.

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 7. Оп. 1. Д. 330а. Л. 2 об. -3.

¹⁸ Там же. Ф. 14. Оп. 3. Д. 1025. Л. 1-5, 10-13.

История российско-монгольского научного сотрудничества по материалам Архива РАН

Изучение исследовательской деятельности российских ученых в Монголии и российско-монгольского научного сотрудничества развивалось, с одной стороны, в рамках истории РАН и ее международной деятельности, с другой стороны, как одного из направлений межгосударственных отношений двух стран. Кроме того, история изучения Монголии является, одновременно, важной составляющей истории российского монголоведения.

В этой связи освещение российско-монгольского научного взаимодействия требует поликонтекстуального подхода, основанного на обработке большого массива архивных материалов, отложенных в различных государственных и ведомственных архивах, в том числе, как показали наши исследования, в Государственном архиве РФ (ГА РФ), Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Архиве внешней политики РФ (АВП РФ), Архиве русского географического общества (РГО) и в других архивах. Разработка этой проблематики, безусловно, невозможна без материалов, хранящихся в монгольских архивах. Это, прежде всего, хорошо известный фонд 23 Национального центрального архива Монголии.

При рассмотрении истории российско-монгольского научного сотрудничества как части истории международной деятельности РАН главенствующее значение, несомненно, имеют материалы Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала. Материалы Санкт-Петербургского филиала, в которых содержится информация, освещающая деятельность российских исследователей в Монголии и научное сотрудничество Академии наук и Ученого комитета / Комитета наук Монголии, можно разделить на три основные группы:

- документы Канцелярии Конференции Академии наук / Секретариата АН СССР;
- документы Монгольской комиссии АН СССР;
- документы из личных фондов ученых, исследовательская или организационная деятельность которых связана с Монголией.

Среди материалов Конференции (Ф. 2. Описи 1923—1926 гг.) важное значение имеет, прежде всего, переписка с Главнаукой Наркомпроса, с СНК СССР (с управляющим делами Совнаркома Н.П. Горбуновым, с Отделом научных учреждений СНК СССР и Комиссией по содействию работам Академии наук). Эти документы позволяют проследить функционирование Академии наук как государственного учреждения и выявить общие тенденции влияния политических и идеологических факторов на ее сотрудничество с Ученым комитетом Монголии.

Среди материалов, имеющихся в делах Конференции в указанных описях, для данной тематики интерес представляют материалы о Монголо-Тибетской экспедиции П.К. Козлова 1923—1926 гг., деятельность которой стала поводом для создания в 1925 г. специальной правительственной Комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской Народных Республик («Монгольской комиссии»). С 1927 г. это учреждение вошло в состав АН СССР, где функционировало до 1953 г.¹

Основной корпус неопубликованных источников по деятельности Монгольской комиссии находится в отдельно выделенном фонде № 339 (описи 1–4). В Санкт-Петербурге хранятся ее материалы до середины 1941 г., в Москве — послевоенного периода, 1946–1948 гг.

Содержание фонда разделяется на следующие группы: материалы научно-организационного характера (переписка с СНК СССР и Президиумом Академии наук; протоколы заседания Монгольской комиссии; отчеты в разные инстанции о деятельности Комиссии; переписка с Ученым комитетом / Комитетом наук МНР, с научными учреждениями по организации экспедиций в Монголию, их планы, сметы, отчеты (археологический, антропологический, зоологический, геологический, почвенный, этнолого-лингвистический и другие отряды)); вопросы по издательской деятельности; административно-организационные вопросы; инструкции и директивы вышестоящих органов. Как отражение новых социальных реалий с начала 1930-х гг. отдельно выделяются документы по общеполитическим и профсоюзным вопросам; материалы по личному составу; картографические и научные материалы. Информация о работе Монгольской комиссии имеется также в фонде Комиссии по научным экспедициям (Ф. 138).

Документы в Санкт-Петербургском филиале иллюстрируют становление форм и характер научного сотрудничества между двумя странами и отражают самый продуктивный период экспедиционной работы Монгольской комиссии. Особый интерес вызывают документы по правовому оформлению деятельности российских ученых в Монголии: договора между Монгольской комиссией и Ученым комитетом 1926–1928 гг., а также официальные договора между АН СССР и Ученым комитетом Монголии 1929 и 1935 гг. Но, еще раз подчеркнем, только использование документов ГА РФ (Ф. 5446 «Отдел научных учреждений СНК СССР» и Ф. 8429 «Комиссии по содействию работам АН СССР») и АВП РФ (Ф. 183 «Посольство в Монголии») дает возможность проанализировать зависимость международной научной деятельности Академии наук от идеологических установок политических и правительственных структур советского государства в эти десятилетия.

В целом документы фонда Монгольской комиссии в СПФ АРАН позволяют достаточно полно рассмотреть направления и содержание взаимодействия Академии наук и Ученого комитета Монголии и основные проблемы, в решении которых требовалась помощь российских исследователей в 1920–1930-х гг. Это, в первую очередь, организация изучения природных особенностей страны и подготовка монгольских высококвалифицированных национальных научных кадров. В связи с последним обстоятельством интерес представляют материалы по организации обучения молодых монголов, командированных Ученым комитетом в академические учреждения, и возникающими в связи с этим проблемами — трудностями языковой и культурной адаптации.

Материалы фонда 339, хранящиеся в Архиве РАН, дают возможность проследить восстановление функционирования Монгольской комиссии после окончания Великой Отечественной войны, причины переориентации направления ее деятельности — от организации естественно-научных, археологических и этнолого-лингвистических экспедиций к подготовке и координации работы сельскохозяйственной экспедиции. Такая перемена отражала изменение целей и задач Комиссии, связанной с необходимостью помощи Монголии в развитии ее экономики, основой которой являлось животноводство. Дополняют эти материалы документы Политбюро и Секретариата ЦК КПСС, где рассматривались результаты работы Монгольской сельскохозяйственной

экспедиции и ее оценка партийным руководством страны (РГАСПИ. Ф. 17 «Политбюро ВКП(б)/КПСС»).

Для понимания кризиса в деятельности Монгольской комиссии и причин ее ликвидации в 1953 г. важное значение имеют материалы личных фондов ее руководителей: в 1930–1945 гг. — В.Л. Комарова (Ф. 277), в 1945–1953 гг. — В.А. Обручева (Ф. 642) и его заместителя Б.Б. Полынова (Ф. 602), а также одного из участников Монгольской сельскохозяйственной экспедиции П.В. Погорельского. Фонд последнего хранится в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН (Ф. 104). Без материалов П.В. Погорельского не была бы до конца понятна суть его конфликта с Монгольской комиссией, который только на первый взгляд носил межличностный характер. В действительности он отражал кризис в деятельности учреждения в системе послевоенных российско-монгольских научных связей и свидетельствовал о необходимости структурных изменений в организации российско-монгольского научного сотрудничества, их централизации на общеакадемическом уровне. В результате с 1954 г. вопросы сотрудничества с Монголией стали проходить через Отдел по международным связям Президиума АН СССР (Ф. 579), а с 1959 г. — через Отдел стран народной демократии/социалистических стран (Ф. 681), в фондах которых и сконцентрированы документы по данной проблематике с середины 1950-х гг. Они дают богатый материал для анализа качественных и количественных изменений в формах и содержании научного взаимодействия советских и монгольских ученых. Здесь представлены разнообразные годовые и перспективные планы по командированию российских ученых в Монголию, приему монгольских коллег в академических институтах, программы сотрудничества в различных областях знания, основные направления помощи, которую российские ученые оказывали Академии наук МНР по просьбе своих монгольских коллег, и проч.

Среди интересных, на наш взгляд, сюжетов, еще не нашедшим отражение в литературе, — история подготовки и публикации однотомника «Истории МНР» в 1950-е гг. и приезд монгольской делегации для проведения консультаций по организации Академии наук Монголии (Ф. 579).

Кроме материалов официальных учреждений для раскрытия темы научного сотрудничества важное значение имеют личные архивы ученых (переписка, дневники, научные материалы), исследования которых были связаны с Монголией, участников экспедиций Монгольской комиссии и исследователей, в разные годы работавших в Ученом комитете/Комитете наук Монголии, которые хранятся в Москве и Санкт-Петербурге: Б.Я. Владимирцова (Ф. 780), В.Л. Котвича (Ф. 761), С.Ф. Ольденбурга (Ф. 208), Н.Н. Поппе (Ф. 781), Ф.И. Щербатского (Ф. 725), М.Ф. Нейбург (Ф. 690), Э.М. Мурзаева (Ф. 2093) и других. Среди этих источников особенно важное значение для рассмотрения специфики установления сотрудничества имеет переписка одного из руководителей Ученого комитета в 1920-е гг. Ц.Ж. Жамцарано с постоянным секретарем Академии наук, академиком С.Ф. Ольденбургом и Б.Я. Владимирцовым. Видный общественный и политический деятель, Ц.Ж. Жамцарано внес значительный вклад в институционализацию европейской науки в Монголии, в установление контактов с Российской Академией наук. Впервые часть его переписки была опубликована в 1998 г. А.М. Решетовым². В 2010 г. письма Ц.Ж. Жамцарано, в основном из монгольских архивов, были опубликованы в Улан-Баторе³. Но и здесь, несмотря на, казалось бы, разработанную тему, встречаются неожиданные находки, причем в материалах, просмотренных не одним исследователем. Так, автору статьи посчастливилось обнаружить письмо Ц.Ж. Жамцарано к С.Ф. Ольденбургу в мате-

риалах Канцелярии Конференции за 1924 г. и опубликовать в совместном монгольско-российском сборнике по истории науки. Это письмо является своеобразным программным документом, в котором определяются основные направления, формы и содержание сотрудничества первого монгольского научного учреждения и РАН⁴.

Вторым примером счастливой находки, именно в материалах персонального фонда, можно назвать отчет М.И. Клягиной-Кондратьевой об изучении буддийских монастырей Хангая и Кэнтэя, составленный в 1929 г. и содержащий большое количество (около 70) фотографий монгольских храмов. Он был обнаружен в фонде академика Ф.И. Щербатского. Эта рукопись была опубликована в серии «Senri Ethnological Reports» Национального музея этнологии г. Осака (Япония) на монгольском и русском языках⁵. Это издание явилось дополнением к фундаментальному труду «История монгольских монастырей» (Улаанбаатар, 2009).

Не могу не упомянуть путешественника, исследователя Центральной Азии П.К. Козлова. Основная его переписка хранится в архиве РГО, но и в СПФ АРАН есть письма П.К. Козлова из Монголии или о Монголии к сотрудникам академических учреждений, в которых содержится очень интересная информация как естественно-научного, так и личного характера. Работа с перепиской ученых при раскрытии темы научного сотрудничества привносит в исследование подробности, позволяющие детализировать изучаемый исторический сюжет, наполнить его фактами и обстоятельствами, помогающими понять контекстуальные особенности изучаемого события.

Новые формы и качественно другой уровень российско-монгольские научные связи приобрели после подписания в декабре 1960 г. прямого соглашения о научном сотрудничестве между АН СССР и Комитетом наук и высшего образования МНР (в мае 1961 г. на его базе была учреждена Академия наук МНР). Оно предусматривало координацию исследований по различным научным проблемам, проведение совместных работ, взаимное приглашение на научные мероприятия, установление связей между научными учреждениями, архивами и библиотеками, оказание взаимной помощи в приобретении приборов, литературы, документов и материалов.

Одной из самых плодотворных форм сотрудничества этого этапа, продолжавшейся не одно десятилетие, явилась организации совместных советско/российско-монгольских экспедиций. На территории Монголии с конца 1960-х гг. проводили исследования пять экспедиций: палеонтологическая и биологическая (работают без перерыва до настоящего времени), историко-культурная (археологическая), геологическая, геофизическая. Написание истории их деятельности — дело будущих исследователей. Здесь представляется большое поле для архивно-поисковой работы вследствие необходимости привлекать документы не только административных органов Академии наук, но и институтов, участвовавших в работе экспедиций, в том числе расположенных в Санкт-Петербурге (Ботанический и Зоологический институты, Музей Антропологии и Этнографии (Кунсткамера) РАН), Бурятии и других регионах.

Следует отметить, что монгольские исследователи уже давно проявляют глубокий интерес к публикации источников, касающихся их истории в XX в. Особенно активно этот процесс осуществляется в рамках межгосударственного договора по сотрудничеству в области архивов. В этом ряду, прежде всего, следует отметить сборник «Советско-монгольские отношения»⁶, в котором находится немало документов по научным контактам. Что касается историко-научных публикаций, то здесь результатом большой совместной работы архивистов двух стран стал сборник «Монголо-советские культурные и научно-технические связи»⁷. Документы по научному взаи-

модействию, в том числе из академического архива, представлены также в «Истории Академии наук Монголии», опубликованной в 2002 г.⁸

Президент Монголии Ц. Элбэгдорж на встрече с петербургскими учеными-монголоведами в июне 2011 г. в Константиновском дворце в Санкт-Петербурге поблагодарил российских исследователей за вклад в изучение истории Монголии и пообещал оказывать поддержку по выявлению и публикации исторических источников и материалов в российских архивах, касающихся Монголии. Это заявление руководителя страны стимулировало поисковую работу российских исследователей. В этой связи хотелось бы отметить, что фонды Архива РАН и его Санкт-Петербургского филиала являются значительной источниковедческой базой по изучению истории российско-монгольского научного сотрудничества. С учетом новых методологических подходов и исследовательских методов они позволяют, разумеется, с привлечением материалов государственных и других ведомственных архивов, значительно шире рассмотреть российско-монгольское научное сотрудничество и проанализировать его социокультурные составляющие.

¹ Подробно см.: *Юсупова Т.И.* Монгольская комиссия Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб., 2006.

² *Решетов А.М.* О переписке Ц.Ж. Жамцарано с С.Ф. Ольденбургом и Б.Я. Владимирцовым // *Orient. Альманах.* 1998. Вып. 2–3. СПб., 1998. С. 56–90.

³ *Жамсраны Цэвээн (1880–1942).* Бүтээл туурвил. Улаанбаатар, 2010.

⁴ Монгольско-российские научные связи: от Ученого комитета до Академии наук. Улаанбаатар, 2012. С. 158–160.

⁵ *Клягина-Кондратьева М.И.* Монголын Бурханы Пашны Соёл: Хэнтий, Хангайн Сум, Хийдийн Судалгаа. Osaka, 2013.

⁶ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы: Т. I. 1921–1940. М.; Улаанбаатар, 1975; Т. II. 1941–1974. М.; Улаанбаатар, 1979.

⁷ Монгол-зөвлөлтийн соёл шинжлэх ухаан, техникийн харилцаа. Баримт бичгийн эмхтгэл. Боть I. 1921–1960 (Монголо-советские культурные и научно-технические связи. Сборник документов. Т. I. 1921–1960). Улаанбаатар, 2000; Изд. 2, испр. и доп., вышло в 2011 г.

⁸ Монгол улсын шинжлэх ухааны Академийн түүх (History of Mongolian Academy of Sciences). Улаанбаатар, 2002.

Сведения об авторах

- Александрова Татьяна Давидовна**, к.геогр.н., в.науч.с., Институт географии РАН (г. Москва)
- Арванити Иоанна**, доктор гуманитарных наук, науч.с., Архив Польской академии наук (Польша)
- Атанасова Даниела**, профессор, заместитель директора, Центральная библиотека Болгарской Академии наук (Болгария)
- Афиани Виталий Юрьевич**, к.и.н., директор, Архив РАН (г. Москва)
- Аюшеева Марина Васильевна**, к.и.н., мл.науч.с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского Отделения РАН (г. Улан-Удэ)
- Басаргина Екатерина Юрьевна**, д.и.н., зав. Отделом публикаций и выставочной деятельности, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (г. Санкт-Петербург)
- Безгодов Алексей Александрович**, рук. историко-архивного отдела Российского Совета Древлеправославной поморской церкви (г. Новгород)
- Березницкий Сергей Васильевич**, д.и.н., профессор, ст.науч.с., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
- Богомазова Ольга Викторовна**, преподаватель Института гуманитарного образования, Челябинский государственный университет (г. Челябинск)
- Бондарь Лариса Дмитриевна**, к.и.н., ученый секретарь, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (г. Санкт-Петербург)
- Борисова Елена Алексеевна**, к.г.-м.н., ученый секретарь, Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН (г. Москва)
- Бровина Александра Александровна**, к.и.н., нач. отдела «Научный архив и энциклопедия», Коми научный центр Уральского Отделения РАН (г. Сыктывкар)
- Булгаков Юрий Владимирович**, к.и.н., в.науч.с., Национальная библиотека Украины им. В.И. Вернадского НАН Украины (Украина)
- Бухерт Владимир Генрихович**, к.и.н., ст.науч.с., Архив РАН (г. Москва)
- Ванчикова Цымжит Пурбуевна**, д.и.н., проф., рук. Центра восточных рукописей и ксилографов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского Отделения РАН (г. Улан-Удэ)
- Вапцарова-Йончева Габриела**, рук. секции, Научный архив Болгарской академии наук (Болгария)
- Волчкова Марина Анатольевна**, науч. с., Московский государственный музей «Дом Бурганова» (г. Москва)
- Денисов Виктор Николаевич**, к.филол.н., доцент, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского Отделения РАН (г. Санкт-Петербург)
- Дерябина Александра Владимировна**, ведущий архивист, Научный архив Уральского Отделения РАН (г. Екатеринбург)
- Дмитриева Мария Борисовна**, рук. биологического отдела, Российский государственный архив научно-технической документации (г. Москва)
- Еремеева Светлана Анатольевна**, канд. культурологии, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)
- Ермолаева Мария Алексеевна**, к.филол.н., зам. директора по научной работе, НИЦ «Наука» РАН (г. Москва)

- Жабон Юмжана Жалсановна**, к.и.н., ст.науч.с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского Отделения РАН (г. Улан-Удэ)
- Загребяева Вера Николаевна**, ст. науч. с., Архив РАН (г. Москва)
- Залаев Геннадий Захарович**, д.тех.н., профессор, нач. отдела, Российский государственный архив научно-технической документации (г. Москва)
- Иванова Ольга Сергеевна**, к.и.н., ст. преподаватель, Белорусский государственный университет (Республика Беларусь)
- Ильева Дарина**, главный архивист, Научный архив Болгарской академии наук (Болгария)
- Ильина Ирина Николаевна**, к.и.н., зам. директора, Архив РАН (г. Москва)
- Ильинская Валентина Георгиевна**, ст.науч.с., Архив РАН (г. Москва)
- Каленов Николай Евгеньевич**, д.т.н., к.ф.-м.н., директор, Библиотека по естественным наукам РАН (г. Москва)
- Кандыба Павел Ефимович**, науч.с., Архив РАН (г. Москва)
- Каппес-Чепалюк Олег**, магистр истории, университет Маннгейм (Германия)
- Картвелишвили Татьяна Александровна**, доцент, преподаватель, Кольский филиал Петрозаводского государственного университета (г. Апатиты)
- Киселев Михаил Юрьевич**, к.и.н., рук. Центра учета и обеспечения сохранности документов, Архив РАН (г. Москва)
- Ковалев Михаил Владимирович**, к.и.н., зав. кафедрой, Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина (г. Саратов)
- Козлов Владимир Петрович**, член-корреспондент РАН, председатель Архивного совета РАН (г. Москва)
- Колотилова Наталья Николаевна**, к.биол.н., доцент, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва)
- Копанева Наталья Павловна**, к.филол.н., ст.науч.с., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
- Корзун Валентина Павловна**, д.и.н., проф., зав. кафедрой, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (г. Омск)
- Косенко Оксана Николаевна**, к.и.н., докторант, Свободный университет Берлина (Германия)
- Косырева Екатерина Вячеславовна**, к.и.н., рук. Центра комплектования, Архив РАН (г. Москва)
- Краевска Ханна**, доктор гуманитарных наук, директор, Архив Польской академии наук (Польша)
- Красникова Ольга Алексеевна**, к.и.н., науч.с., зав. сектором, Библиотека РАН (г. Санкт-Петербург)
- Краснова Татьяна Георгиевна**, к.и.н., Архив РАН (г. Москва)
- Кузьменко Татьяна Андреевна**, ст. науч.с., Архив РАН (г. Москва)
- Лаптева Татьяна Николаевна**, мл. науч.с., Архив РАН (г. Москва)
- Лиманова Светлана Андреевна**, к.и.н., мл. науч. с., Архив РАН (г. Москва)
- Литвина Наталья Викторовна**, ст. науч. с., рук. группы, Архив РАН (г. Москва)
- Лупанова Евгения Михайловна**, к.и.н., ст.науч.с., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
- Макарова Елена Ивановна**, к.и.н., ст.науч.с. Центра гуманитарных проблем Баренц-региона, зав. Научным архивом, Кольский научный центр РАН (г. Апатиты)
- Мамонтова Марина Александровна**, к.и.н., доцент, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (г. Омск)

- Матлина Софья Ефимовна**, зав. сектором архивов научной библиотеки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (г. Москва)
- Михаленок Дмитрий Константинович**, к.геогр. н., консультант научной библиотеки, Карадагский природный заповедник НАН Украины (Украина)
- Новгородова Дарья Дмитриевна**, науч.с., Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН (г. Москва)
- Новикова Юлия Андреевна**, ведущий архивист Научного архива, Карельский научный центр РАН (г. Петрозаводск)
- Новохатский Константин Евгеньевич**, мл.науч.с., Институт архивоведения Национальной библиотеки Украины им. В.И.Вернадского НАН Украины (Украина)
- Осипова Надежда Михайловна**, к.и.н., ученый секретарь, Архив РАН (г. Москва)
- Павлова Татьяна Михайловна**, ст.науч.с., Минералогический музей им. А.Е. Ферсмана РАН (г. Москва)
- Петров Валентин Петрович**, д.г.-м.н., зам. председателя Кольского научного центра РАН, директор ЦГП КНЦ РАН (г. Апатиты)
- Петрова Наталья Львовна**, художник-реставратор, ФГБУК «ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря» (г. Москва)
- Поникаровская Марина Владимировна**, мл.н.с., Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (г. Санкт-Петербург)
- Приль Людмила Николаевна**, к.и.н., и. о. директора, Центр документации новейшей истории Томской области (г. Томск)
- Прополянис Галина Эдуардовна**, к.ф.н., ст.науч.с., зав. читальным залом, Архив А.М. Горького, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН (г. Москва)
- Ринчинов Олег Сергеевич**, к.ф.-м.н., науч.с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)
- Рощевская Лариса Павловна**, д.и.н., гл.науч.с., Коми научный центр Уральского Отделения РАН (г. Сыктывкар)
- Роянова Ольга Алексеевна**, науч.с. Научного архива, Институт археологии РАН (г. Москва)
- Рыбкина Наталья Платоновна**, ст.науч.с., рук. группы, Архив РАН (г. Москва)
- Рыжковский Владимир Вячеславович**, докторант, Джорджтаунский университет (Вашингтон, США)
- Савина Галина Александровна**, ст.науч.с., Архив РАН (г. Москва)
- Самарин Алексей Викторович**, к.и.н., науч.с., Коми научный центр Уральского Отделения РАН (г. Сыктывкар)
- Селиванова Ольга Владимировна**, к.и.н., мл. науч. с., Архив РАН (г. Москва)
- Сичева Оксана Васильевна**, науч.с., Институт архивоведения Национальной библиотеки им. В.И. Вернадского НАН Украины (Украина)
- Слепкова Надежда Валентиновна**, к.биол.н., ст.науч.с., Зоологический институт РАН (г. Санкт-Петербург)
- Смагина Галина Ивановна**, д.и.н., гл. науч.с., Санкт-Петербургский филиал Института истории науки и техники им. С.И. Вавилова РАН (г. Санкт-Петербург)
- Смалюкене Гражина**, магистр информации и коммуникации, реставратор, Библиотека Академии наук Литвы им. Врублевских (Литва)
- Соболева Елена Станиславовна**, к.и.н., ст.науч.с., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
- Сотников Александр Николаевич**, д.ф.-м.н., зам. директора, Межведомственный суперкомпьютерный центр РАН (г. Москва)

- Тараканова Ирина Георгиевна**, к.и.н., ст. науч.с., Архив РАН (г. Москва)
- Тикунова Ирина Петровна**, к.филос.н., зав. Научно-исследовательским отделом редких книг (Музей книги), Российская государственная библиотека (г. Москва)
- Тиханович Светлана Владимировна**, нач. отдела комплектования, Российский государственный архив научно-технической документации (г. Москва)
- Тихонов Виталий Витальевич**, к.и.н., доцент, науч.с., Институт российской истории РАН (г. Москва)
- Тихонова Елена Петровна**, мл.науч.с., Зоологический институт РАН (г. Санкт-Петербург)
- Ткачева Нина Константиновна**, Архив РАН (г. Москва)
- Токарев Александр Дмитриевич**, гл. спец. научно-орг. отдела президиума Кольского научного центра РАН, с.н.с. ЦГП Баренцрегиона, Кольский научный центр РАН (г. Апатиты)
- Токарев Николай Владимирович**, к.и.н., ст. науч.с. Института истории, Национальная академия наук Беларуси (Республика Беларусь)
- Тункина Ирина Владимировна**, д.и.н., директор Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (г. Санкт-Петербург)
- Умарова Ирина Магомедовна**, зав. Научным архивом, Институт археологии РАН (г. Москва)
- Федосеева Ксения Владимировна**, аспирант, исторический факультет Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)
- Филиппова Ольга Николаевна**, аспирант, МГАХИ им. В.И. Сурикова (г. Москва)
- Филиппова Татьяна Петровна**, к.и.н., науч.с., Коми научный центр Уральского Отделения РАН (г. Сыктывкар)
- Хартанович Маргарита Федоровна**, д.и.н., зав. Отделом, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)
- Чупрова Эльвира Геннадьевна**, к.и.н., науч.с., Коми научный центр Уральского Отделения РАН (г. Сыктывкар)
- Шабалина Ольга Вячеславовна**, к.и.н., ст.науч.с., и. о. гл. хранителя фондов Музея-Архива Истории изучения и освоения Европейского Севера ЦГП, Кольский научный центр РАН (г. Апатиты)
- Шишкин Владимир Сергеевич**, к.биол.н., ст. науч.с., зав. научным архивом, Институт проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова РАН (г. Москва)
- Шишкина Кристина Германовна**, спец. отдела хранения, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (г. Санкт-Петербург)
- Шумейко Михаил Федорович**, к.и.н., доцент Белорусского государственного университета, в.н.с. Белорусского НИИДАД, зам. председателя Археографической комиссии Министерства юстиции Республики Беларусь (Республика Беларусь)
- Щедрова Ирина Михайловна**, гл. хранитель, Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (г. Санкт-Петербург)
- Щепанская Юлия Витальевна**, ст.науч.с., рук. группы, Архив РАН (г. Москва)
- Юсупова Татьяна Ивановна**, к.и.н., вед. науч.с., Санкт-Петербургский филиал Института истории науки и техники им. С.И. Вавилова РАН (г. Санкт-Петербург)

Указатель имен

- Абайдулова А.Г. 227
Абдергальден Э. 115, 117
Аболтин В.Я. 151, 154
Август, польский король 492
Авдиев В.И. 482
Авруцкая Т.Б. 231
Автократов В.Н. 15
Автократова М.И. 165
Агушев Е.А. 321
Агінська Е. 189
Адам Г. 73
Адлер Б.Ф. 469–471, 473
Адриан 491
Адрианов 364
Азаров А. 110, 112
Аксенов Г.П. 458, 459
Аксенова Е.П. 138
Алеврас Н.Н. 231
Александр Е.И. 472
Александр I 464
Александр I Баттенберг, кн. 49
Александр II 49, 73, 378
Александр III 378, 443
Александров А.Д. 325, 328
Александров А.Н. 508, 511
Александров А.П. 375
Александров В.А. 488, 494
Александров П.С. 326, 328
Александрова О.А. 379
Александрова Т.Д. 230, 235, 273
Алексат П.К. 21
Алексеев М.П. 133
Алексеев П.А. 346
Алексей Михайлович, царь 196–198, 487, 489, 490
Алексинский Г.А. 134
Алпатов М.А. 489, 494
Алпатов М.В. 501
Альмов С.С. 230, 233, 235
Альбертранди Я. 110
Альгман И.А. 208
Амбургер Э. 152
Амман И. 288
Амфитеатров А.В. 205
Анацевич И. 110
Ангальт Ф.А. 388, 389
Андерсон Д.Дж. 233
Андреев А.А. 487, 493
Андреев А.И. 144–148, 296, 299, 353
Андреев Л.Н. 205, 386
Андреев Н.Е. 132, 134
Андреева А.И. 482
Андреева М.Ф. 204,
Андрусов Н.И. 360, 444
Антонова Е.А. 231
Анучин В.И. 471
Анучин Д.Н. 273
Анчабадзе Ю.Л. 230, 233
Апанович Е.М. 189
Арванити И. 278, 357
Аргутинский П.М. 140
Ардашев П.Н. 452
Ареопагитская-Магнусова М.И. 303
Арескин Р. 513
Арзютов Д.В. 233
Арне Т. 471
Аронова Е. 234
Арсеев П.И. 232
Арсеньев Ю.В. 487, 493
Архангельская Н.Д. 502
Архангельский В.Г. 134
Архангельский С.И. 487, 493, 495–499
Асимов М.А. 379
Ассман Я. 337
Астров Н.И. 134
Атанасов Г. 74
Афиани В.Ю. 35, 179, 180, 433, 485
Афиногенов А.Н. 202
Афонин М.И. 389, 392
Ахвердов И.Н. 249
Ахматов В.В. 443
Бабка Л. 137
Бабушкин С. 285
Бавендам 142
Багaley Д.И. 188
Баггер Х. 486, 487, 493
Багров Л.С. 383, 386
Базанов И.А. 46
Базанов М. 231
Базилевич К.В. 487, 493
Базылев Л. 358

Байков А.А. 26, 27, 29
 Бакланова Н.А. 488, 489, 494
 Баклунд О.А. 360
 Баклунд О.О. 360
 Бакмейстер И.Г. 515, 516
 Бакрадзе М.С. 139
 Бакстон Г. 73
 Бакунин М.А. 378
 Балакаева И.А. 75
 Баландин Т.В. 447
 Балдаев С.П. 282, 285
 Балдина О.Д. 506
 Бальмонт К.Д. 205
 Банцырев И. 258
 Барбюс А. 202
 Бардах М.Я. 139
 Бардаханова С.С. 283, 284
 Бардышев И.И. 249
 Барсанов Г.П. 317
 Барсков Я.Л. 301, 303
 Барсов А.С. 343
 Барсов Е.В. 447
 Бартель Х. 141
 Бартольд В.В. 53, 137, 456
 Барщевский Л. 357
 Барышников И.И. 462
 Басаева К.Д. 283
 Басанович И. (Басанавичюс Й.) 72
 Басс А.И. 139
 Бахраков М.С. 177
 Бахракова М.С. 115, 458, 459
 Батурин Ю.М. 458, 459
 Баум Е.А. 231
 Бауш И.Л. 113
 Бауэр А.Г. 365, 371
 Бауэр В. 470
 Бах А.Н. 115, 240
 Бахметьев П.И. 46
 Бахрушин С.В. 484, 487, 488, 493, 494, 510
 Бачинский А.И. 409
 Башмаков А.А. 46
 Бегунов П. 298
 Бегунов Ю.К. 133, 137
 Бежуан Г. 109
 Безгодова Н.Д. 168
 Безносилов Я.Н. 508
 Безредка А.М. 139, 140
 Бекарюков Д.Д. 355
 Бекмаханов Е.А. 482
 Беккер Б.Б. 516
 Беламзин Д.С. 280
 Белинский В.Г. 506
 Белицер В.Н. 510
 Беллерман 389
 Беллинсгаузен Ф.Ф. 515
 Белов Г. фон 497, 500
 Белополюский А.А. 459
 Беляев О. 516
 Белянкин Д.С. 421
 Бенеке 142
 Бенуа А.Н. 205, 518, 519, 522
 Бенуа Н.А. 204
 Берг Л.С. 273, 444
 Берггольц О.Ф. 202
 Бердников А.И. 139–141
 Березовский М.М. 38
 Берия Л.П. 255
 Беркович Е.М. 145
 Беркут Л.Н. 451, 453
 Берман М.Д. 368
 Бернс Р. 304
 Бернулли Д. 156
 Бернштейн С.Н. 146, 158
 Берон С. и В. 71
 Бертельс Д.Е. 516
 Берут Б. 279
 Бершадский С.А. 52
 Берында П. 346
 Беспятовых Ю.Н. 515, 516
 Бессуднова З.А. 231
 Бешков Ат. 72
 Бженк Г. 358
 Бианки В.Л. 526, 528–530
 Бидло Я. 132, 137
 Билимович А.Д. 386
 Бино Ж. 141
 Бинт А. 134
 Бихнер Е.А. 244, 245
 Бицилли П.М. 46
 Благушин Г. 399
 Блок А.А. 202
 Блок Г.П. 459
 Блок М. 132
 Блох М.А. 456
 Блюментрост И.Д. 287
 Блюментрост Л.Л. 224, 441
 Боайе П. 73
 Бобровский М. 110, 111
 Бобровский П.С. 134
 Бовыкин В.И. 379
 Богданов А.А. 205
 Богданов А.И. 346
 Богданович К.И. 360
 Богданович К.Н. 274–280, 358
 Богемская К.Г. 506
 Богомазова О.В. 231, 304, 305
 Богомолов Г.В. 249
 Богораз В.Г. 470
 Богословский М.М. 301, 302, 489, 492, 494, 495
 Богоявленский С.К. 484

- Божинов А. 74
 Бойко И.В. 170
 Болдонова Т.М. 282
 Болонев Ф.Ф. 283
 Болотов А.Т. 388, 389
 Болховитинов Н.Н. 158
 Большаков В.Н. 89
 Большакова Н.П. 349, 351
 Бонгард-Левин Г.М. 40
 Бондарь Л.Д. 56
 Бонштедт-Куплетская Э.М. 517
 Боррель А. 141
 Борисов П.А. 320
 Борисова Е.А. 231, 318
 Борисовский П. 155
 Борисяк А.А. 308, 309, 456
 Борнеман-Старынкевич И.Д. 313
 Бородин И.П. 151, 360
 Бородина Н.М. 303
 Бороздин И.Н. 450–455
 Борысяк А.А. 280
 Боцяковский В.Ф. 487, 493
 Боз Ф.С. 412
 Брандт Ф.Ф. 225
 Брейн И.Ф. 288, 290, 410–412
 Брейтфус Л.Л. 360, 362, 369, 370, 443
 Брикнер А. 486
 Брилл Е.И. 383
 Бромберг Я.М. 137
 Бруснев М.И. 526, 528
 Брюсов В.Я. 301
 Бубнов А.С. 202
 Бубрих Д.В. 319
 Буганов В.И. 486
 Будаев С.Б. 282
 Будберг М.И. 204
 Бузескул В.П. 450–455
 Буйнов Н.Н. 89
 Булатов В.Н. 449
 Булгаков Н.А. 139, 141
 Булгаков С. 385
 Булыгин И.А. 249
 Булыгина Т.А. 232
 Бунге А.А. 361, 459
 Бунге Н.Х. 115
 Бунин И.А. 205
 Бураев Д.И. 282
 Бураева Р.Е. 283
 Буренин Н.Е. 204
 Бурмов Т. 71
 Буров Г.М. 510
 Бухарин Н.И. 456, 458, 459
 Бухерт В.Г. 305
 Бухтеев А.М. 360
 Быкова Т.А. 133
 Былинский И.С. 258
 Бэр К.М. фон 21, 22, 225–227, 457, 459
 Бяляницкий-Бируля А.А. 360, 526, 528, 530
Вавилов Н.И. 113, 368, 459
 Вавилов П.П. 320
 Вавилов С.И. 114, 144–148, 193, 235, 310, 312–317, 375, 393–395, 459
 Вавр Я. 137
 Вазов И. 71, 73, 74
 Вайганд Г. 73
 Вайтбрехт Й. 155
 Ваксман З.А. 141–143
 Валерио С. 491
 Валькова О.А. 459
 Вальгер Г.Э. 527
 Вамош П. 233
 Ван Ниль К.Б. 142
 Ванаг Н.Н. 331, 335
 Ванчикова Ц.П. 70
 Василенко Н.П. 187, 188
 Васильев А.С. 363, 521, 522
 Васильев В.Н. 470, 471
 Васильев М.П. 521
 Васнецов А. 487, 493
 Вацек Й. 135
 Вебер В. (Э.Ф.) 361, 365
 Вебер М. 497
 Вегевиц Э. 474
 Вейнберг М.В. 139
 Вейник А.И. 249
 Векслер В.И. 325, 328
 Векуа И.Н. 325, 328
 Вересаев В.В. 205
 Веркович С. 72, 73
 Вернадский В.И. 19–24, 140, 146, 186–188, 190, 191, 195, 231, 235, 269, 273, 337–341, 354, 360, 361, 370, 377, 430, 444, 449, 456–459, 523, 525
 Вернадский Г.В. 132, 137
 Верхось В.П. 112
 Верченко А. 235
 Веселовский С.Б. 484
 Вехтлин Х. 401
 Вечер А.С. 249
 Вигасин А.А. 40
 Визе В.Ю. 370
 Вильде 491
 Вилькицкий Б.А. 360
 Вильковский Е.К. 345
 Вильямс В.Р. 54
 Винер Л. 73
 Виноградов В.В. 158
 Виноградов П.Г. 495
 Виноградов С.П. 397
 Виноградская (Бладзевич) Екатерина С. 142

Виноградская Елена С. 140–143
 Виноградская З.А. 142
 Виноградский С.Н. 139–143
 Винсгейм Х.Н. 164
 Винтер Э. 132
 Вишпер Р.Ю. 453, 495
 Вишпер Ю.Б. 158
 Витрам Ф.Ф. 360
 Витте С.Ю. 225
 Виттенбург П.В. 360, 372, 517–519, 522, 526
 Владимиров А.А. 141
 Владимирцов Б.Я. 534
 Владимирова Т.Т. 206, 208
 Влайков Т. 74
 Возницын П.Б. 491
 Войле К. 474
 Войткевич А.Ф. 141
 Войтов В.И. 139
 Волгин В.П. 53, 114, 134, 145, 148, 310
 Волков В.А. 231
 Волков В.П. 231, 337–341
 Волков Н.Н. 350
 Волков С.С. 414
 Волков Ф.К. 73
 Волкова Н.Б. 165
 Волконский М.А. 139
 Воллосович К.А. 526, 528–530
 Волощик И.Н. 120
 Волчкова М.А. 76
 Волинский А.Л. 205
 Вольман Э.М. 140
 Вольман Э. и Э. 139
 Вольмир С.В. 88
 Вольтер Э. 73
 Вольф К.Ф. 514
 Вольф Р.Дж. 461
 Вольф У. 127
 Вонсовский С.В. 89
 Воробьев Н.И. 470, 473
 Воробьев Ю.Н. 305
 Воробьева-Десятовская М.И. 40, 41
 Воронин Н.Н. 208
 Воронова О. 349
 Воронцов А.Р. 391
 Воронцов-Дашков И.И. 73
 Воскресенский Н.А. 486, 487
 Воскресенская (Бородина) Н.С. 303
 Вредин-Кобецкая Т.О. 155
 Вуйчык З. 358, 359
 Вульф Е.В. 148
 Вучетич В.Н. 404–405, 408
 Вълчев Б. 50
 Вышинский А.Я. 254–256
 Вышинский П.Е. 155
 Вязевский Т.И. 403–407, 409
 Габлиц К.И. 389
 Габричевский А.Г. 501
 Габричевский Г.Н. 139
 Габричевский Е.Г. 139
 Гавранек Б. 132
 Гагарин Ю.В. 508, 510, 511
 Гадолин А.В. 21
 Газин Д. 111
 Галахов П. 391
 Галлен-Каллела А. 202
 Галустян О. 409
 Гамалея Н.Ф. 139, 140
 Гамсун К. 205
 Гарин-Михайловский Н.Г. 205
 Гармаева Х.Ж. 66–67
 Гедройц К.К. 141
 Гейне Г. 504
 Гейслер Х.Г.Г. 227
 Гелен (Щедрина) А. 139, 140
 Генадиев П. 74
 Генкель И.Ф. 414, 416
 Георгиевы Х. и Е. 74
 Герард И.К. фон 391
 Герасимов И.П. 379
 Гермоген 198
 Геров Н. 73
 Герье В.И. 352
 Гете И.В. 113, 115
 Гетман Ф.Д. 114, 157, 159, 193, 194
 Гётц А. 126
 Гжегожевски Я. 73
 Гизберт-Студницкий В. 251
 Гильденштедт И.А. 442
 Гильзен К.К. 470, 473
 Гильтебрандт П.А. 52
 Гильфердинг А.Ф. 447
 Гиреев Д.А. 377
 Гирич И.Б. 189
 Гладков Ф.В. 202
 Глайстер Г.А. 463
 Глинка К.Д. 456
 Глинка Ф. 447
 Глушков В.М. 113
 Глубоковский Н.Н. 46
 Гмелин И.Г. 156, 287
 Гмелин И.Ф. 155
 Гмелин С.Г. 442
 Гнучева В.Ф. 145, 194, 295, 515, 523
 Годовиков А.А. 317
 Гойхайм И. 233
 Гойя Ф. 402
 Голдер Ф. 354
 Голенцев В.С. 456
 Голиков И.И. 515

- Голикова Н.Б. 489, 494
 Голицын Б.А. 489, 490, 492
 Голицын Б.Б. 360, 377, 444
 Голицын В.В. 490
 Голицын В.М. 519
 Голицын Н.Д. 443
 Головачев Г.Д. 36
 Головин А.М. 490
 Головин Ф.А. 491
 Головкин Г.И. 489, 492
 Голомбек Й. 73
 Гольданский В.И. 158
 Гольдбах Х. 156, 164
 Гольденберг Л.А. 296, 299
 Гольдин Н.С. 451
 Гольцев В.А. 505
 Гончок Пендара 68
 Горбачевский Н.И. 259
 Горбунов Е.А. 293, 294
 Горбунов Н.П. 532
 Гордлевский В.А. 158
 Гордон П. 490
 Горев К.В. 246, 247, 257, 258
 Горецкий Г.И. 246
 Горин Д. 257
 Горин П.О. (*наст. фам.* Коляда) 246, 247
 Горовиц-Власова Л.М. 139
 Городков Б.Н. 365, 372
 Горощенкова О.А. 296, 299
 Горький А.М. 200–205, 444
 Готтвальд И.К. 412, 413
 Готтвальд К. 410–412
 Готье Ю.В. 301, 302
 Гофман Э. 504
 Грааф Т. Де 81
 Грабар А.Н. 137
 Грабовский Т. 73
 Граве Д.А. 323
 Гращенко Н.И. 249
 Гревинг К. 447
 Гревс И.М. 356
 Гревс М.С. 354, 356
 Греков Б.Д. 53, 193, 254, 304
 Грен А.Н. 507
 Гржебин З.И. 203
 Грибова Л.С. 508, 510, 511
 Григоренко А.А. 415
 Григорович И. 110, 111
 Григорьев А.А. 235, 269, 273
 Григорьев С.В. 320
 Гринблат М. 110
 Гришин 293
 Гришин К. 232
 Гришина Н.В. 232
 Гришов А.Н. 156
 Гроссман В.С. 202
 Грот Я.К. 73
 Грох М. 132
 Груздев И.А. 201, 204
 Грузенберг О.О. 204
 Грунский Н. 188
 Грушевский М.С. 188
 Грюнберг А.Л. 81
 Грюнведель А. 474
 Гулевич В.С. 115
 Гуляев Е.С. 320
 Гумбольдт А. фон 276
 Гупель П. 392
 Гуревич А.Я. 435–440
 Гуревич В.Я. 134
 Гуркевич Э. 279
 Гурко И.В. 73
 Гурман И. 447
 Гус В. 132
 Гут Ш. 234
 Давыдов В.Н. 508
 Давыдов Г.И. 515
 Дамдинов Д.Г. 282
 Данбаев Д.Б. 282
 Данилевский Н.Я. 115
 Данилович И. 110, 111
 Дарвин Ч. 113
 Дашиев Д.Б. 66, 67
 Дашкова Е.Р. 345, 346
 Деборин А.И. 145
 Дедов А.А. 320
 Деканозов В.Г. 254
 Декарт Р. 412
 Делиль Ж.-Н. 23
 Делиль И.Н. 156
 Делоне Б.Н. 323, 326
 Дельмас Б. 233
 Дембинский Г. 253, 259
 Демерссеман А. 232
 Демкин А.В. 488, 494
 Демьянов Н.Я. 157
 Державин Г.Р. 447
 Державин Н. 73
 Дерюгин К.М. 444, 445
 Деси Сангье Гьяцо 68
 Дещок В. 358
 Диманштейн Ш.М. 376
 Диников П. 50
 Дмитриев М.Д. 224
 Дмитриев С.В. 42
 Дмитриев С.С. 133
 Дмитрий, царевич 196
 Дмитриков М.П. 508, 511
 Довгялло Д.И. 51, 53, 246

Довнар-Запольский М.В. 54, 110
Догель М. 110
Докучаев В.В. 21
Долгонос А.М. 120
Доленги-Ходаковский З. 110
Дондуков У.-Ж. III. 282
Доннерт Э. 132
Допш А. 497, 500
Дорн Б.А. 152, 516
Дорожкин Н.А. 248
Доронин П.Г. 509
Доронин П.Н. 321
Досталь М.Ю. 138
Достоевский Ф.М. 383
Драчков А.В. 35, 212
Дринов М. 71, 72
Дружинин Н.М. 30, 33, 482
Дружинин П.А. 235
Друмев В. 72
Дубах А.Д. 246
Дубровин Н.Р. 224
Дубровский А.М. 232
Дуганов Р.В. 503, 506
Дугаров Д.С. 283
Дугаров Н.Б. 282
Дудин С.М. 39, 40, 42, 470, 473
Дургин 390
Дыбовский Б. 357
Дырвингов П. 74
Дьяконов М.А. 25
Дьяконова Н.В. 40, 42

Евгенов Н.И. 367
Евреинов В.А. 386
Европеус Д.Е. 447
Евсьевицки В. 358
Евтохова Л.А. 206
Езовитов К. 110
Екатерина II 434
Елисеев А.А. 144, 145, 194
Елисеев А.И. 320
Елихина Ю.И. 41
Ельский А. 110, 111
Ельяшевич М.А. 249
Енукидзе А.С. 191
Енш Г. 488, 494
Еремеев П. 274
Ермилов И.Я. 366, 372
Ермолаева Я.К. 488, 494
Ермолович М. 111
Ерохина Т. 231
Еругин Н.П. 249
Есаков В.Д. 459

Жабон Ю.Ж. 68, 70

Жаков К.Ф. 321
Жамцарано Ц.Ж. 60, 534
Жданко М.Е. 360, 362, 371, 443
Жебелев С.А. 451, 456
Жебрак А.Р. 246
Жеребцов Л.Н. 510
Жибоедов В. 232
Жигалов В. 112
Жилунович Д.Ф. (З.Х.) 110, 308
Жиркевич А. 110
Житков Б.М. 361
Жук В.И. 188
Жук М.Т. 359
Жуков Е.М. 164
Жуковский Д.Е. 188
Жумарь С.В. 259
Журавский А.В. 321

Забелин И.Е. 487, 493
Заболотный Д.К. 141
Заботин Ф.Я. 345
Завадовский Б.М. 115
Заварзин Г.А. 143
Заварицкий А.Н. 276, 280
Завитухина М.П. 515, 516
Завойская Н.Е. 235
Загребая В.Н. 35
Зайончковский П.А. 133, 135
Зайцев Б.К. 205
Зайцев И.В. 233, 235
Зайцев И.Е. 115
Зайцева (Баум) Е.А. 235
Замотин И.И. 54
Замятин Д.Н. 304
Замятин С.Н. 151, 155
Заозерская Е.И. 487, 493
Заозерский А.И. 487, 489, 493, 494
Зарубин И.И. 470
Засурцев П.И. 208
Захаров А.А. 208
Захарова А.В. 397, 402
Збруева А.В. 510
Зверева В.А. 155
Зверева О.С. 320, 426, 427
Звягин П. 390
Зевакин Е.С. 487, 494
Зееберг Ф.Г. 526
Зеленко В.А. 53, 306
Зелинский Н.Д. 157
Зелник Р. 125
Зельдович Я.Б. 158
Земецкая Я. 142
Земятченский П.А. 21
Зернов С.А. 146
Зиг Э. 37

- Зиглинг В. 37
 Зизаний Л.И. 346
 Зименко Е.В. 397, 402
 Зимин А.А. 133, 303, 304
 Златарски В. 49, 50, 72
 Златарский В.Н. 384, 385
 Золотарев А.А. 204, 205
 Зомбарт В. 497, 500
 Зубков Ф. 344
 Зульфуроғлы Д.И. 379
 Зыкин В.Г. 321
 Зябкин И.К. 253, 254
- Иван Алексеевич, царь** 489
 Иван Грозный 196
 Иванов А.И. 470
 Иванов В. 202, 205
 Иванов С.Л. 141
 Иванов Ю.Ф. 499
 Иванова А.П. 255
 Иванова В. 112
 Иванова Е.Н. 319
 Иванова О.С. 112
 Иванова Т.Н. 232, 352, 356
 Иванова-Лошакова О.Ф. 204
 Ивановский В.И. 54
 Иванцов Н.И. 503
 Ивкин В.И. 235
 Игнатий 198
 Игнатовский В.М. 51, 53, 54, 110, 246
 Игнатъев Н.П. 73
 Иев 198, 199
 Изъюрлов И.В. 321
 Изюмов А.Ф. 134
 Илизаров С.С. 231, 458, 459
 Илков Д. 72
 Ильин А. 373
 Ильина И.Н. 34, 35
 Имшенецкий А.А. 142, 158
 Иноходцев П.Б. 156, 447
 Иностранцев А.А. 447
 Иоанн III 413
 Иоасаф 198
 Иоасаф II 198
 Иодко О.В. 530
 Иосиф 198, 199
 Иоффе А.Ф. 309, 456
 Иохельсон В.И. 470
 Ипсен Г. 126
 Иречек К. 72, 73
 Исаев В.И. 139
 Исаченко Б.Л. 140, 141
 Истомин В.И. 255
- Каблуков И.А.** 157, 403, 405–407
 Каврайский В.В. 367
 Каганович Б.С. 40
 Кагаров Е.Е. 451
 Казанджиев С. 74
 Казанский Н.Н. 414
 Калашников П.Ф. 283
 Калеменева Е. 234
 Каленов Н.Е. 35
 Калиста З. 132
 Кальмет А. 141
 Калюжный А.М. 204
 Каменев Л.Б. 202
 Каменская О.Ю. 204
 Каминер Л.В. 114
 Кан А.С. 440
 Канивец В.И. 510
 Каниц Ф.Ф. 46–50, 72
 Канторович Л.В. 325
 Капица С.П. 379
 Караваев В.А. 408
 Каравелов Л. 71
 Каракулов Л.Е. 168
 Каракулов Ф.А. 168
 Каракулова В.В. 168
 Кара-Мурза Н.М. 204
 Кара-Мурза С.В. 397
 Карев Д.В. 259
 Кареев Н.И. 451, 452, 456, 495, 496, 498, 499
 Каро Ф. 358
 Карпачев С.В. 88
 Карпеев Э.П. 515, 516
 Карпинский А.П. 19, 21, 54, 274, 310, 316, 360, 363, 377, 443, 444, 446
 Карский Е.Ф. 54, 306
 Каспрович М. и Я. 73
 Кастальский Н.А. 253
 Кастрен М.А. 447
 Катков Г.М. 132
 Кауфман П.М. 316
 Кафенгауз Б.Б. 133
 Кацаров Г. 72
 Каштанов С.М. 133
 Келлер Б.А. 157
 Керцелли С.В. 362, 371, 446
 Кёниг Г. 126
 Кеферштайн Й.А. 465
 Кигим С.Л. 189
 Кизеветтер А.А. 301, 302, 386
 Кизер Д.Г. фон 115, 117
 Кинский С.В. 133
 Киреева Р.А. 304, 305
 Киржаев С.Н. 189
 Киркор А. 110
 Киселев А.А. 321
 Киселев М.Ю. 90

- Киселов Г.В. 50
 Кистяковский В.А. 309, 456
 Кларнер Ч. 278
 Клейн Л.С. 423
 Клеменц Д.А. 38, 469, 470, 473
 Клепиков С.А. 462, 464, 467
 Клетнова Е.Н. 134
 Клименко 258
 Климент, митр. 71
 Климов И.Ф. 256, 259
 Климов К. 251
 Клочев А. 232, 233
 Клойвер А. 142
 Ключевский Б.В. 300–304, 352
 Ключевский В.О. 300–304, 352, 495
 Клягина-Кондратьева М.И. 535, 536
 Кнаппе К.Ф. 227
 Книпович Н.М. 360, 444–446, 526
 Книппер Т. 493
 Кнышев П. 111
 Князев Г.А. 36, 144–149, 157, 159, 172, 173, 179, 180, 191–194
 Князева М.Ф. 145
 Кобрес 411
 Ковалев М.В. 138, 235
 Ковалевская В.А. 139
 Ковалевский П.Е. 132
 Ковель В. 232
 Ковтун Ю. 188
 Когаловский М.Р. 185
 Кодарев Д.В. 199
 Кожевников М.Я. 361, 364, 365, 368, 371
 Козлов Б.И. 433
 Козлов В.П. 171, 180, 421, 485
 Козлов П.К. 532, 535
 Коймас Л. 516
 Кокшаров Н.И. 314
 Колмогоров А.Н. 326, 328
 Колмогорцев И.И. 379
 Колосова Е.Н. 90
 Колотилова Н.Н. 143, 231
 Колчак А.В. 360, 364, 370, 371, 526, 527, 529–531
 Кольман Э.Я. 329, 330, 334
 Кольцов А.В. 273, 372, 449
 Комаров 255
 Комаров В. 73
 Комаров В.Л. 53, 157, 534
 Комиссаренко А.И. 165
 Комков Г.Д. 195, 449
 Комшилов Я.А. 519, 520, 522
 Конн 142
 Константинов А. 73
 Кондаков С.Н. 134
 Кондратович К.А. 346
 Кондратьев С.В. 233, 440
 Кондратьева Т.Н. 440
 Кондрушкин С.С. 205
 Коновалов Д.П. 456
 Конрад Н.И. 233
 Константин Константинович, вел. кн. 27, 225, 254, 360
 Копанева Н.П. 415
 Копелевич Ю.Х. 515
 Копестиньска П. 357
 Коплан-Шахматова С.А. 145
 Копрживова А. 136
 Копча Ю. 359
 Копыцкий З. 110
 Корзун В.П. 232
 Корнетова В.А. 317
 Корниенко Н.В. 230, 232
 Королева Т.М. 177
 Короленко В.Г. 202
 Корсаков С.Н. 231
 Коргун А. 188
 Корф И.А. фон 414
 Корш Ф.Е. 157
 Коршуны А. и Ю. (Г.) 188
 Корявов П.Н. 194
 Косминский Е.А. 501, 504–506
 Костиков А.Г. 154
 Косырева Е.В. 485
 Котвич В.Л. 534
 Котелина Н.С. 429
 Котлова М.Ф. 172
 Кохановский Г. 111
 Кочеткова Е. 234
 Кочубей П.А. 314
 Кошечкин Б.И. 517
 Кошкараров Н.И. 21
 Кошгоянц Х.С. 114
 Красин А.К. 249
 Красинский Г. 73
 Красникова О.А. 370, 371, 449
 Краснов А.Н. 21
 Красноперов И.М. 235
 Краузе Ф. 73
 Крафт Л.Ю. 156
 Крачковский И.Ю. 53, 193, 456
 Крашенинников С.П. 523, 524
 Крейн М.Г. 323–328
 Крепс Г.М. 517
 Кржижановский Г.М. 146, 157
 Кривонос Ю.И. 231
 Кривошеина Г.Г. 231
 Кричевский Г.Г. 155
 Кришнаварма Ш. 202
 Кропоткин П.А. 378
 Круайер 441
 Крутикова М.В. 36, 194

- Крыжановский В.И. 313, 314
 Крыжановский И.Н. 314
 Крылов А.Н. 146
 Крылов В.И. 249
 Крым С.С. 403
 Крымский А.Е. 188
 Крюков Ф.Д. 205
 Крючков П.П. 204
 Кубиш Е.М. 470
 Кудим К.А. 185
 Кудрявцева О.Я. 303
 Кузин А.А. 114
 Кузнецова М.В. 296, 299
 Кузнецова Т.А. 306
 Кукушкина М. 464
 Кулебакин В.С. 152, 154
 Кулик Л.А. 315
 Кулик Н.А. 362, 366, 370, 371, 446
 Кулябко А.А. 115
 Кулябко Е.С. 36
 Куник А.А. 416
 Куплетский Б.М. 517
 Купревич В.Ф. 246–248
 Купрейчик А.Ф. 55
 Куприн А.И. 205
 Куракин Ф.А. 489
 Куратов П.А. 510
 Курашов В.И. 90
 Курнаков Н.С. 27, 444
 Курская А.С. 204
 Куртэн А. 232
 Кухаренко Ю.В. 208
 Кучеренко В.Н. 112
 Кучина Е.С. 320
 Кучиньски А. 358
 Кушакевич С.Е. 188
 Кушаков С. 188
 Кушева Е.Н. 483
- Лабунцов А.Н.** 316
Лабунцова М.А. 318
Лавров Л. 155
Лавров П. 73
Лавров П.А. 456
Лаврова М.А. 371
Лагно А.Р. 235
Ладыженская О.А. 324, 328
Ладыжников И.П. 203, 204
Ладыжникова Е.И. 205
Лазарев П.П. 456, 459
Лаков Л. 50
Лаксман Э. 388, 447
Ламанский В.И. 73
Лампе А.А. 384
Ламуш Л. 73
- Ланг Л.** 299
Лангсдорф Г.И. 515
Ланской Г.Н. 485, 522
Лаппо И.И. 52
Лаппо-Данилевская (урожд. Бекарюкова) Е.Д. 353–355
Лаппо-Данилевская О.А. 355, 356
Лаппо-Данилевский А.С. 20–23, 352–356
Лаппо-Данилевский И.А. 352, 355
Лаптев С.Д. 226
Лаптева Л.П. 133
Лапченко В.Ю. 409
Лапшин И.И. 137
Ластовский В.У. 54, 110, 111, 246
Лауцявичюс Э. 460, 462
Лашук Л.П. 508, 510
Лашенкова А.Н. 426–429
Лебедев В. 488, 494
Лебедева Е.Ю. 206
Левина Е.С. 231
Левитский В.Ф. 451, 454
Левицкий Я.А. 437–439
Левшин Б.В. 116, 117, 164–166, 173, 177, 180, 195, 449
Левшин В.А. 389
Легр А. 141
Леже Л. 73
Лейбниц Г.В. 151, 152, 154
Лекок А. 41
Лелевель И. 110
Леман И.Г. 392
Леман Ф.Л. 227
Лемешев К.Н. 414
Лемешевский-Любецкий В.М. 470
Лемке М.К. 451, 452
Ленин В.И. 202, 376
Леннрот Э. 447
Леонардо да Винчи 505
Леонов Л.М. 202
Леонтьев В.Л. 428
Леонтьева Т. 112
Леопольд 199
Леопольд I 113, 117
Лепёхин И.И. 442, 447, 449
Лесков Н.С. 133
Лефорт Ф. 490
Лешенколь Х. 391
Лёнис Ф. 142
Лёсик И.Ю. 246
Ливен И.Р. 390
Лилиев Н. 74
Линденер Б.А. 313
Линней К. 289
Линник Ю.В. 325, 328
Липин Н.И. 321

- Липман А. 515, 516
 Липман Я.Г. 142
 Липский В.И. 188
 Литвина Н.В. 168, 176, 409
 Литвинов Д.И. 291
 Лифшиц М. 235
 Лихачев Д.С. 137, 502
 Личков Б.Л. 317
 Лобойко И. 110, 111
 Ловиц Г.М. 156
 Ловиц Г. и Т.Е. 388
 Ломоносов М.В. 19, 20, 52, 145, 147, 153, 287, 344, 345, 413, 414, 416, 430, 447, 457, 505, 523
 Ломшаков А.С. 132
 Лопатинский И. 447
 Лорис-Меликов И.Г. 139
 Лосанг Чойдрака 68
 Лосанг Чойпела 68
 Лосева И.С. 36, 145, 147, 356
 Лосский Н.О. 132
 Лудевиг Ю.В. 470
 Лузгин В.Е. 510
 Лукин Н.М. 331, 335
 Лукичев М.П. 199
 Лукьянов Г.И. 134, 137
 Луначарский А.В. 202
 Лунрик Тендара 68
 Луцкевичи А. и И. 110, 111
 Лыков А.В. 249
 Лыкова А.К. 167
 Лысенко Т.Д. 248
 Лыткин В.И. 507
 Львов Д. 198
 Львов Н.А. 390
 Лыткин В.И. 321
 Любенков В.Л. 139
 Любецкая (Вирганская) Н.К. 303
 Любжин А.И. 414
 Любименко В.Н. 247
 Любименко И.И. 144–147, 194
 Любина Г.И. 231, 235
 Любомиров П.Г. 488, 494
 Людвиг Б.К. 113
 Люстерник Н.А. 325, 328
 Ляпунов А.А. 158
 Ляпунов Б.М. 54
 Ляцкий Е.А. 386
 Ляцкий Е.П. 132, 134
- Мавродинов Н. 50**
 Магеровский Л.Ф. 134
 Магидов В.М. 170
 Мадасон И.Н. 282, 284, 285
 Мазепа И. 490
 Мазина А.Я. 199
- Майер Г. 73, 471
 Майеры Г. и Г. 470, 473
 Майнов В. 370
 Майский И.М. 377
 Макаренко А.С. 202
 Макарий 198
 Макаров А. 224
 Макаров И.С. 488, 494
 Макаров С.О. 520–522
 Макарова Е.И. 178, 422, 449
 Макарьев С.А. 447
 Маклецов А.В. 386
 Макринов И.А. 141
 Максимов А.А. 329, 334
 Максимович Е.Ф. 132, 134
 Малахова И.Г. 231
 Малин В.Н. 257
 Малитиков А.С. 164
 Малкова Т.А. 449, 512
 Мальшев В.И. 133
 Мальдис А. 110
 Мальцев В.А. 371, 372
 Мамонова Г.В. 177
 Мамонтова М.А. 232
 Манизер Г.Г. 515
 Мансфельд А. 470
 Манухин И.И. 139
 Мараш Я. 111
 Марголина Д.А. 155
 Маргочи Д. 414
 Маргулиес-Аитова М.Н. 139
 Марков (мл.) А.А. 326, 328
 Маркс А.Ф. 362, 370
 Марр Н.Я. 54, 448
 Мартинович М. 491
 Мартынов Н.А. 503
 Марунг С. 233
 Масалитинов Н.О. 46
 Масарик Т.Г. 202, 384
 Матвеева Л.В. 189
 Матвиенко Е.Н. 318
 Матиева А.Х. 399
 Матисен Ф.А. 527, 528
 Матлина С.Е. 397, 402
 Маттери И.А. 290
 Магусевич Н.Н. 369
 Мацурек Й. 132
 Медведев С.С. 240
 Меестр А. 232
 Мекленбургский А.Ф. 470
 Мелешко М. 110
 Мельгунов С.П. 132, 134
 Мельников А. 73
 Менгельбир О. 470
 Менжинский В.Р. 459

- Мензбир М.А. 503
 Меницкий Р. 251, 253, 254
 Меншиков А.Д. 489, 513
 Меньшиков Л.Н. 41
 Меньшиков Л.П. 134
 Меньшов Д.Е. 324, 328
 Мерварт Г.Х. 470, 473
 Мердыгеев Е.Р. 283
 Мережковский Д.С. 205
 Мериан М.С. 433
 Мессершмидт Д.Г. 286–290, 411, 515, 524
 Мессинг С.А. 459
 Метальников С.И. 139, 140
 Метель О.В. 232, 235
 Мефодий 198
 Мечников И.И. 139–141, 157
 Мещанинов И.И. 448
 Мещерский А.П. 46, 132
 Миддендорф А.Ф. 524
 Микулинский С.Р. 458, 459
 Микушев А.К. 321
 Миллер Г.Ф. (Ф.И.) 23, 164, 287, 288, 297, 344
 Миллер К. 233
 Миллионщиков М.Д. 158
 Миловидов П.Ф. 132
 Милюков П.Н. 132, 486
 Милютин В.П. 157
 Минина Е.Л. 231
 Минор О.С. 134
 Минорский В.Ф. 132
 Минц Х. 278, 279
 Митин М.Б. 158, 334, 335
 Миткевич В.Ф. 459
 Митропольский Ю.А. 326–328
 Митрякова Н.М. 177
 Михайлов К.И. 361
 Михайлов Т.М. 281, 283
 Михайлова О. 189
 Михаленок Д.К. 409
 Мицкевич А. 73
 Миятев К. 72
 Могилянский Н.М. 470
 Модерах К.Ф. 388
 Модзалевский Б.Л. 165, 190, 191, 194, 457
 Модзалевский Л.Б. 145, 147, 194
 Моисеева М.Л. 318
 Мокрова М.В. 231
 Мокронос А.Т. 89
 Молас А. 188
 Моллов Д. 74
 Молотов В.М. 252
 Молчанова Т.Л. 177
 Мотес К. 113, 116, 117
 Мордвинов С.И. 389
 Мордкович Т. 294
 Морозов Б.И. 488, 494
 Морозов Б.Н. 76, 80
 Мороховец Л.З. 403
 Московская Д.С. 230
 Мочалов И.И. 458, 459
 Мошин В.А. 134, 137
 Муравиев К. 74
 Муравьев В.А. 231
 Мурвин А. 391
 Мурзаев Э.М. 534
 Мурко М. 73
 Мусин-Пушкин А.А. 388
 Мустель Э.Р. 158
 Мухелишвили Н.И. 326–328
 Мушанов С. 74
 Мушкетов И.В. 115, 274, 275
 Мыльников А.С. 133
 Мысливец Й. 134
 Мэйтланд Ф. 435
 Мюнстер А.Ф. 397
 Мюр Э. 461
 Мясников В.С. 40
 Мятлев В.А. 295, 297–299
- Навицкене А.** 464
Нагибина Т.С. 141
Нагорова З.Н. 194
Надлер В.К. 455
Надсон Г.А. 308
Назаров М.А. 318
Назирова Н.Н. 40
Найт 142
Налескин Д.В. 280
Наливкин Д.В. 280
Наметкин С.С. 146
Нансен Ф. 361, 370
Напольских В.В. 291
Нартов А.А. 388, 389, 391, 392
Нарушевич А. 111
Нарышкин Л.К. 489, 492
Насонов Н.В. 360
Науменко В.Г. 235
Невская Н.И. 296, 299
Неедла З. 132
Нейбург М.Ф. 534
Некрашевич С.М. 51, 53, 246, 306
Нелихов А.Е. 231
Ненадкевич К.А. 313
Несмеянов А.Н. 116
Неусыхин А.И. 436, 439
Нечаев А.М. 355
Нечаева С. 449
Нечкина М.В. 158, 302–305
Никитин В.М. 204
Никитинский И.И. 253–256, 258

- Никитский А.В. 451, 452
 Никифоров П.М. 310
 Никич-Криличевский Ю.А. 415
 Николаев М.К. 204
 Николаев С.И. 112, 414
 Николаев С.Н. 134
 Николай I 243, 250
 Николай II 274, 378, 473
 Никон 198
 Никулина Н.М. 397, 402
 Нич К. 73
 Ничман Д.Р. 227
 Нишель Б. 232
 Нобель Э.Л. 363, 471
 Новгородова Д.Д. 415
 Новгородцев П.И. 384
 Новлянская М.Г. 291, 515
 Новожилов Н.Ф. 384
 Новосельский А.А. 133, 482, 487, 488, 493, 494
 Нора П. 336, 341
 Норденшельд А.Е. 361, 370
 Норнов 258
 Носов А.З. 188
- Оборский Г.** 323
 Образцов В.Н. 320
 Обручев В.А. 115, 280, 534
 Обручев Н.Н. 73
 Обухов А. 232
 Озерецкий Н. 447
 Окладников А.П. 155, 379
 Оксман Ю.Г. 133
 Окунев Н.Л. 384
 Ольденбург (урожд. Клеменц) Е.Г. 36, 40
 Ольденбург С.Ф. 23, 36–42, 54, 165, 190–192, 309, 430, 459, 534
 Омелянский В.Л. 140, 141
 Онацевич И. 111
 Опарин А.И. 158
 Оранжиреева А.М. 172, 418, 419, 422
 Орбели Л.А. 115
 Ордин-Нащокин А.Л. 488
 Орел В.М. 458
 Орешкин В.В. 392
 Осипова Н.М. 195
 Оствальд В. 113
 Островитянов К.В. 330, 335
 Острогорский Г.А. 134
 Острогорский С.А. 386
 Ота Д. 233
 Охридский Н. 73
- Павленко Н.И.** 489, 494
 Павлик М.И. 187
 Павлов А.П. 21, 157, 403–408, 456
- Павлов В.В. 397
 Павлов И.П. 115
 Павлова Г.Е. 379
 Павлова М.В. 157, 404
 Павлова Т.М. 231, 318
 Павлов-Сильванский Н.П. 486
 Павловский А.Д. 141
 Павловы А.П. и М.В. 405, 409
 Паисий 198
 Паллас П.С. 225–227, 314, 388, 442, 514, 523, 524
 Пальмов И.С. 73
 Панас И.О. 135–137
 Панкратова А.М. 377
 Панкратова А.Н. 125
 Панченко А.М. 133
 Парамонов С.Я. 409
 Парнес Я.А. 525
 Пастер Л. 139
 Патрикеев Д.И. 488, 494
 Патрушев В.И. 89
 Паулова М. 132
 Пашуканис Е.Б. 330, 334
 Пашуто В.Т. 133, 135–138, 158
 Певцов М.В. 275, 276
 Пеев Т. 74
 Пей-Ий-Чу 234
 Пейсах Е.И. 81
 Пекарский П.П. 24, 515, 524, 525
 Пекарский Э.К. 470
 Пелин Е. 74
 Пенев Б. 73
 Перени Й 135
 Переплетчиков И.А. 258
 Перцев В. 110, 111
 Пестель П.И. 378
 Петивер Д. 410
 Петр I Великий 15, 133, 135, 146, 151, 152, 286, 288, 363, 433, 486–493, 513, 514, 516
 Петр II 288
 Петри Б.Э. 470
 Петри Е.Л. 469, 470, 473
 Петров В.П. 422, 449
 Петров М.Н. 452
 Петрова Н.Л. 199
 Петровский Н.Ф. 37, 38, 40, 41
 Петрушевский Д.М. 495–500, 504
 Петрянов-Соколов И.В. 240
 Пешков М.А. 203, 204
 Пешкова Е.П. 201, 204
 Пешкова Н.А. 204
 Пешковы М.А. и Н.А. 201, 204
 Пилсудский Б.О. 471
 Пиотровский А.Б. 470
 Пиренн А. 495–500

- Пичета В.И. 51, 53, 110, 111, 134, 153, 246, 252, 255, 377
Планк М. 113
Платонов Р. 110
Платонов С.Ф. 456, 489
Плешков А.Н. 305
Плоткин С.Я. 379
Погодин А.Л. 386
Погорелов А.В. 326–328
Погорельский П.В. 534
Погребысская Е.И. 231
Подгорный Я.И. 384
Подоров В.М. 384, 507
Подьяпольская Е.П. 133, 135
Поздеева И.В. 292
Поздняков 361, 370
Позин В.И. 155
Познер В.М. 155
Позняк П. 462, 463
Покровский А.И. 451
Покровский М.Н. 54, 202, 247, 378, 486, 497
Полетаев А.В. 304
Поливанов Л.И. 503
Поливка Ю.И. 386
Полишенский Й. 132
Полканов А.А. 319
Полонская-Василенко Н.Д. 188
Польнов Б.Б. 272, 534
Поляков 310
Поляков И.С. 447
Полянский В.В. 134
Помелова Н.А. 231
Померанцев И.И. 360
Померанцев П.П. 366–369, 372, 373, 443
Пономаренко П. 255
Попов К. 74
Попов Н.А. 72
Попов Н.И. 156, 296
Попов Р. 72
Попова И.Ф. 41, 42
Попова Н.М. 415
Поппе Н.Н. 60, 534
Поршнев Б.Ф. 436–438
Постников А.В. 40
Постников С.П. 134, 384
Потапов Л. 155
Потапов П.А. 321
Похлебкин В.В. 133
Преображенский В.С. 273
Преображенский М.Я. 139
Пржевальский Н.М. 225, 231
Привалова Н.И. 488
Пригоровский Г.А. 454
Прилежаев Н.А. 54
Принсгейм 142
Пристли Д. 335
Приходко С.К. 244, 245
Пришвин М.М. 202
Прокконен П.С. 448
Прокофьева А.Н. 194
Пронина Г.И. 177
Проскудина Г.Ю. 185
Протасьев А.П. 491
Прохоров Н.И. 445
Прошев В.И. 510
Прянишников Д.Н. 115, 157
Пташицкий С.Л. 52
Путилов А.С. 191, 194
Пушкарев С.Г. 134, 137
Пушкин А.С. 134, 493, 502–504
Пятницкий К.П. 204, 205
Рабо Ш. 372
Равски К. 233
Рагульский В.В. 232, 235
Радев С. 74
Радлов В.В. 468–474
Радзюн А.Б. 515, 516
Радославов В. 74
Раевский С.А. 447
Разумов Н.П. 141
Разумовский К.Г. 343
Расовский Д.А. 134
Рассадин В.И. 283
Рассель Э. 142
Ратнер-Штернберг С.А. 470
Раубе Е. 275
Рачков Н.П. 442
Ревуцкая Е.Д. 313
Резван Е.А. 41
Резерфорд Э. 113
Резниченко В.А. 185
Рейнхардт М. 202
Репин И.Е. 225, 401
Репин Н.Н. 488, 494
Решнин И.И. 492
Решетов А.М. 534, 536
Ржезникова М.Я. 506
Ригтс Э. 73
Ридель Э.Ф. 465
Риккерт Г. 497
Рильский Н. 73
Ринчинов О.С. 66, 70
Риппель А. 142
Риттер Г. 122
Риттер П. 152
Рихман Г.В. 156
Рихтер А.А. 310
Рихтер Г.Д. 273, 517
Рихтер Л. 152

- Рихтер О.Б. 73
 Рогалева Е.А. 529
 Рождественский Д.С. 193
 Розанов М.Н. 54
 Розанова П. 275
 Розен В.Р. 37, 40
 Рокицкий П.Ф. 319
 Роллан Р. 73, 202
 Роман А. 278
 Романов Б.А. 483
 Романов Е. 110, 111
 Романов К.К. 526
 Романов М.Ф. 197, 198
 Романова Е.М. 470
 Романовский А.Г. 473
 Романска Цв. 50
 Романски Ст. 50
 Ромберг Б.Ф. 39
 Ромель Л.Г. 141, 142
 Ромодановский Ф.Ю. 492
 Россиянов К.О. 231
 Ростовцев М.И. 454
 Ротфельс Г. 122
 Роу А. 234
 Рощевский М.П. 89
 Ру Э. 140, 141
 Рубенс П. 401, 402
 Рубинштейн Н.Л. 133
 Руденко Т.И. 139
 Руднев Д.Д. 366, 367, 370, 372, 443
 Руланд В. 142
 Руссов Ф.К. 470, 515
 Рыжковский В.В. 233, 235, 440
 Рыкачев М.А. 360
 Рыкачёв С. 391
 Рюйш Ф. 412, 513, 514, 516
 Рязановский Н. 132
 Рязанцев Т.С. 427
- Савари А. 142
 Савельев М.А. 329, 330, 334
 Савельева И.М. 304
 Савельева Э.А. 510
 Савенков И.Т. 471
 Савин А.Н. 495, 504
 Савин Г.И. 35
 Савина Г.А. 35
 Савицкий П.Н. 132
 Савицкий И.П. 135–138
 Савченко А.Н.
 Садовский В.Д. 89
 Сайконен В.С. 529
 Салазкин С.С. 115, 141
 Сальхов У.Х. 156
 Самарин А.В. 449
- Самойлов Я.В. 20, 21
 Самойлович А.Н. 53, 308–310
 Самойлович Р.Л. 362, 371, 443–446
 Саморукова А.Г. 422
 Сапрыкина О.В. 322
 Сапунов А. 111
 Сарафов М. 74
 Саруш-Бельский З. 278
 Сахаров С. 110
 Сватиков С.Г. 134
 Свенске К.Ф. 164
 Светлов В.Н. 145
 Свицерский 142
 Святский Д.О. 456
 Севергин В.М. 388, 389
 Северденко В.П. 249
 Северцов А.Н. 501, 503–505
 Северцов Н.А. 503
 Севченко А.Н. 248
 Сединин И.А. 293, 294
 Седов Г.Я. 361
 Седов Л.И. 326, 328
 Секефальви-Надь Б. 324, 328
 Селезнев Н.Н. 154
 Семенников В.П. 191
 Семенов Л.К. 195, 449
 Семенов-Тянь-Шанский В.П. 269
 Сементовский А. 110
 Сенкевич Г. 358
 Сениявин М.М. 120
 Серафим (Соболев) 46
 Сербина К.Н. 488, 494
 Сергеев Н.С. 255
 Сергей Михайлович, вел. кн. 243, 245
 Серебряков В.А. 34, 35, 97
 Серин А.С. 293
 Серошевский В.Л. 471
 Сетон-Уотсон Р. 132
 Сибирцев Н.М. 21
 Сивков К.В. 510
 Сигезбек И.Г. 155
 Сигорский А.В. 204
 Сидоренко А.В. 172, 421
 Сидоров А.А. 399
 Сидоров А.С. 320, 507
 Сидоров К.Е. 365, 372
 Сидорова Л.А. 440
 Сильвиус Ф. 412
 Синицын А.Ю. 515
 Синюков В.В. 371
 Сирота Н.Н. 249
 Сисакян Н.М. 158
 Сказкин С.Д. 484, 501, 505, 506
 Скалабин В. 110
 Качков П.Е. 41

- Скворцов А.М. 232
Складковский Ф.С. 278
Скорик П.Я. 81
Скрябин К.И. 158
Слабчинские В.и Т. 280
Сладек И. 136
Слепкина Н.В. 226, 228, 245
Слоан Г. 410–412
Слободник И.Б. 185
Словацкий Ю. 73
Слоним М.Л. 386
Слудский А.Ф. 404–409
Слудская Е.Н. 408
Смагина Г.И. 458
Смирнов А.С. 40
Смирнов В.И. 148, 325, 328, 356
Смирнов Д.А. 39
Смирнов С.С. 280
Смит Р. 135
Смольский Н.В. 249
Снедецкий Я. 110
Соймонов М.Ф. 298
Соймонов Ф.И. 295–299
Соймоновы ф.И.и М.Ф. 296
Соколов В.Е. 523–525
Соколов Д.И. 448
Соколов С.Я. 428
Соколовский В.В. 306
Соктоева И.И. 282
Соловкина Л.Н. 426
Соловьев А.В. 135
Соловьев В.С. 383, 504
Соловьев М.М. 456, 459
Соловьев С.В. 451
Соловьев С.М. 490, 516
Сорокина М.Ф. 356
Сорокина М.Ю. 189
Сотников А.Н. 35
Софья, царевна 489, 490
Спекторский Е.В. 132
Спрогис И. 110
Сталин И.В. 153, 202, 333, 335, 376, 427, 439
Стамболов С. 73
Станиславский А.Л. 231
Станюкович Т.В. 514, 516
Старки 142
Старостин Е.В. 171, 180, 231
Старцев Г.А. 507
Стеблин-Каменский И.М. 81
Стеллер Г.В. 523–525
Степанов Б.И. 248
Степанов Г.В. 158
Степанов П.И. 280
Стечкин Б.С. 158
Стжыжевска З. 359
- Стойко С.М. 189
Стоклицкая-Терешкович В.В. 499
Стоколос В.С. 510
Стоянов В.Д. 71
Страдинь Я.П. 379
Страленберг Ф.И. см. Табберт Ф.И.
Стрешнев Т.Н. 489
Струве В.В. 456
Струве П.Б. 132, 386
Струмилин С.Г. 309
Стрыцкий И. 357
Стулов П.М. 144, 145, 147, 194
Суворов Г. 362, 371
Суворов Е.К. 445
Суворов П.Н. 529
Сузини Б. 232
Сукачев В.Н. 360, 445
Сулейманов А.А. 234, 235
Сумгин М. 188
Супруненко О. 189
Сурина Л.И. 510
Суркар Ньямни Дордже 68
Сурта И.З. 249
Суслов Г.К. 323
Сулова Е.Н. 266
Сулова О.Ю. 231
Сухова Д. 188
Сухова Н.Г. 531
Сухомлинов М.И. 24, 515
Сушкин П.П. 503
Сытин А.К. 227, 288, 291
Сытин И.Д. 204
Сытник К.М. 189
Съливовска В. 358
- Табберт (Страленберг) Ф.И. 286, 287, 290
Таклиньский В. 278
Талько-Хрынцевич Ю. 359
Тамм И.Е. 158
Тарасевич Л.А. 139, 140
Тарасенко В. 110
Тарле Е.В. 157, 377
Татаринев М.И. 296–298
Татарченко К. 233
Тауберт И.И. 345
Твалчредидзе А.А. 313
Темкин Э.Н. 40
Терехова Т.Т. 208
Терюков А.И. 449
Тилло А. 361, 370
Тимашев Н.С. 386
Тимофеев-Ресовский Н.В. 158
Тихомиров М.Н. 158, 483, 484
Тихонов А.Н. 203–205
Тихонов В.В. 230, 235, 485

- Тихонов Д.И. 516
 Тишендорф К. фон 152
 Ткачева Н.К. 494
 Токарев А.Д. 422, 449
 Токарев Н.В. 56
 Толмачев А.И. 319, 372, 443, 446
 Толмачев И.П. 360–364, 369–371, 443
 Толстой А.К. 504
 Толстой Д.А. 24
 Толстой Л.Н. 202, 402, 504
 Толь А. 364
 Толь Н.П. 134
 Толь Э.В. 361, 363, 526–529
 Тончев Д. 74
 Топольский Ф. 279
 Топчиев А.В. 114
 Тороев А. 282
 Трайнин И.П. 377
 Траншель В.Г. 247
 Тренев К. 202
 Трескин Н.И. 389
 Троекуров И.Б. 489
 Троицкий С.В. 386
 Троицкий С.М. 486
 Тсиатурас В. 234
 Туденов Г.О. 282, 285
 Тулохонов М.И. 282
 Тульский Н.И. 520–522
 Туманова К. 139
 Тункина И.В. 55, 56, 459
 Турбин Н.В. 248, 249
 Туркин А.И. 321
 Тутолмин Т.И. 447
 Тышкевичи К. и Е. 110
 Тюличев Д.В. 343, 347
- У**варова П.С. 451, 452
 Уишен Д. 233
 Украинцев Е. 491
 Уланов А.И. 284
 Улащик Н. 110, 111
 Ульяновкина Т.И. 138
 Ульянов Н.И. 507
 Умов Н.А. 403
 Унферцагт Г.И. 290
 Усов А.Ф. 422
 Усов П.С. 503
 Устюгов Н.В. 488, 494, 510
 Утгов И. 391, 392
 Уткин Н.И. 397
 Утебауэр 164
 Ушаков Г.А. 443
 Ушаков Д.Н. 157, 501–503, 505, 506
 Ушаков И.Ф. 321, 351
 Уэллс Г. 202
- Ф**абрикант М.И. 396–402
 Фаворский В.А. 397, 400
 Фадеев А.А. 202
 Фадеев И.М. 302
 Фаддеев Л.Д. 326–328
 Фальк И.Л. 442
 Фандо Р.А. 231
 Фармаковский Б.В. 451
 Фасмер М. 152
 Фатеев А.Н. 134
 Федин К.А. 202
 Федор Никитич, см. Филарет
 Федоров С.А. 405
 Федорович В. 110, 111
 Федоровский М. 110
 Федосеев П.Н. 158
 Фейгельман Н. 461
 Фейгина С.А. 133
 Феодотьев Д.Н. 362, 369
 Фердинанд 199
 Ференц II Ракоци 133
 Ферсман А.Е. 20, 157, 269, 272, 313–317, 319, 372, 417, 421, 444, 446, 448, 517
 Ферстер И.И. 390
 Фесенков В.Г. 315
 Фетнев Ф.М. 487
 Фехер Г. 50
 Фигатнер Ю.П. 191, 226
 Фигуровский Н.А. 114
 Фикельмон Д.Ф. 134
 Филарет 198
 Филаретова-Кржевская М.А. 470
 Филиппович И. 111
 Филюзова И.А. 185
 Флоровская В.А. 133, 136, 137, 381, 386
 Флоровская К.В. 133, 137
 Флоровский А.В. 131–138, 381–386
 Флоровский Г.В. (Георгий, прот., Георгий, о.) 133, 137, 381–386
 Фокин А.В. 165
 Фонвизин Д.И. 346
 Фотинов К. 73
 Франц-Иосиф I 50
 Францев В.А. 132
 Фридман Д. 233
 Фридрих III 491, 492
 Фролов М.А. 230
 Фукс Н.А. 240
 Фурье Ф.М. III. 383
 Фус В.Е. 360
- Х**ангаловы М.Н. и Д.Е. 281
 Ханин П. 343, 344
 Хартман К. 470

- Харузин Б.Н. 447
Харузин Н.Н. 350
Хвостов В.М. 482
Хвостов Н.А. 515
Хенш Т. 113
Хесапчиев Х. 74
Хигучи Т. 234
Хлебников В.А. 244, 245
Хмыров П.А. 135
Хоборский А.М.Э. 278
Ходасевич В.Ф. 201
Ходнев А.И. 389, 392
Хойновский М. 279
Холодный Н.Г. 141, 188
Холодовская М.З. 397, 402
Хомонов М.П. 60, 282, 284
Хорошкевич А.Л. 133
Хорхордина Т.И. 260
Хренникова Л.И. 115
Христиан 199
Христов Д. 74
Христов К. 73
Хрущев Н.С. 427
Хряков А.В. 500
Худяков Н.Н. 404
Хэнсен С. 415
- Ц**
Цабан В. 358
Цанава Л. 258
Цанков Д. 74
Цаплин В.В. 165
Цвейг С. 202
Цветаев Д. 487, 493
Цветаев И.В. 396
Цвикевиц А. 110
Цембер А.А. 321, 507
Циалковский К.Э. 157
Циклинская П.В. 139
Ционглинский И. 528
Цицин Н.В. 158
Цорн П. 412
Цыдендамбаев Ц.Б. 281, 283, 285
- Ч**
Чайковский Н.В. 134
Чайлд Фр. 73
Чарновский Н.Ф. 405, 408
Чарноцкий С. 275–277, 280
Чацкий Т. 110
Чебоксаров Н.Н. 510
Чеботарев Н.Г. 323
Чекановский Я.В. 470, 473
Челишев П. 447
Черепица В. 111
Черепнин Л.В. 137, 304
Черкасов П.П. 155
Черников А.М. 193, 194
Чернов А.А. 320, 445, 446
Чернов В. 201
Чернов Г.А. 320
Чернов С.А. 145, 310
Чернов С.Н. 145
Черносвитов Л.В. 132
Черный В. 132
Чернышев Ф.Н. 19, 27, 275, 312, 364, 443
Чернышевский Н.Г. 378
Черский И.Д. 243, 245
Чертков П.А. 293, 294
Чеснова Л.В. 231
Чехов А.П. 202, 203, 205
Чибряков 256
Чижевский А.Л. 141
Чирвинский П.Н. 174, 178
Чирихин Ю. 367
Чиркова Ю.В. 185
Чистовичи Н.Я. и Ф.Я. 139
Чистякова Е.В. 488, 494
Чубаров И.М. 400
Чугуевский Л.И. 40
Чуковский К.И. 204
Чумакова Т.В. 144, 149, 434
Чунихин С.А. 249
Чуфаров Г.И. 88
- Ш**
Шабалина О.В. 178
Шабунь К. 110, 112
Шавельский Г.И. 141
Шагдаров Н.Б. 282
Шалимов С.В. 231
Шаляпин Ф.И. 204
Шангин П.И. 387
Шапкарев К. 74
Шапкин Н.С. 280
Шатерников М.Н. 115
Шахматов А.А. 447
Шахматов М.В. 132, 137
Шванкмайер М. 132
Шварценберг К. 134
Шведе Е.У. 515
Шверте (*наст. фам.* Шнейдер) Г. 121, 123
Швойницкий Р. 358
Ше Ен Сен 241
Шевелев А. 361, 370
Шегрен И.А. 447
Шемиот В.П. 164
Шенников А.П. 319
Шереметев Б.П. 489–491
Шеффер И. 350
Шидер Т. 127
Шило Н.А. 158
Шильдер А.Н. 225

- Шиманьский А. 358
 Широкова А.И. 155
 Широкогоров С.М. 470
 Ширшов П.П. 157
 Шишкин В.С. 525
 Шишкин И.К. 157
 Шишкина К.Г. 56
 Шишковский К.А. 314
 Шишманов И. 73
 Шкорпил К. и Г. 73
 Шлеева М.В. 459
 Шмальгаузен И.И. 113
 Шмелев И.С. 205
 Шмидт О.Ю. 145, 157, 270
 Шмидт П.Ю. 445
 Шмидт С.О. 165, 231, 485
 Шмидт Ф.Б. 526
 Шмурло Е.Ф. 132
 Шоен М. 139
 Шокальский Ю.М. 115, 360, 366, 368, 444
 Шопенгауэр А. 383
 Шопов А. 74
 Шорин В.А. 139
 Шретер И.С. 411
 Штапп 142
 Штейнбах ф. 126
 Штелин Я.Я. 344
 Штеллинг Э.В. 361, 527
 Штерн Л.С. 115, 158
 Штерн Э.Р. фон 451, 452
 Штернберг Л.Я. 469, 470, 473, 474
 Штрукс И. 152
 Штубендорф О.Э. 360
 Штыхов Г. 110
 Шуберт Ф.Ф. 361, 370
 Шубин А.С. 284
 Шувалов П.И. 295, 297
 Шульман К.Г. 286
 Шумахер И.Д. 344, 410, 513
 Шумейко (Шумейка) М.Ф. 258, 260
 Шунков В.И. 133, 488, 494
 Шухардин С.В. 379
 Шухов В.Г. 231
 Шухт 142
 Шюллер Д. 81
- Щ**
 Щагина Н.М. 231
 Щербак В. 188
 Щербаков Ф.В. 321
 Щербаковский В.М. 188
 Щербатский Ф.И. 37, 39, 534, 535
 Щербина В.Н. 249
 Щербинин Д.Ю. 459
- Э**
 Эвенбах Н.А. 367
- Эйлер Л. 156
 Эйнштейн А. 113
 Эйхфельд И.Г. 517
 Элбэгдорж Ц. 536
 Элиасов Л.Е. 282, 285
 Эльзенгер А.А. 520
 Эминов Р.Р. 233
 Энгерман Д. 233
 Эпимах-Шипилла Б. 110
 Эппинус Ф. 156
 Эртль Г. 113
 Эскин Ю.М. 76, 80, 199
 Эшэгэ 284
- Ю**
 Юдин Ю.П. 428, 429
 Юрганов А.Л. 231, 235
 Юрьев К.Б. 411, 415
 Юсупова Т.И. 536
 Юшкевич А.П. 114
 Юшкевич П.С. 205
- Я**
 Яворов П. 73
 Ягич И. 73
 Яковкин И.И. 308
 Яковлев А.И. 301
 Яковлев В.А. 225
 Янсен Х. 233
 Яншин А.Л. 341
 Яременко Л.М. 223
 Ярцев А. 447
 Ясперс К. 122
- Ackert L. 143
 Ammani I. 291
- B**
 Breyne J.Ph. 291
 Breynius J.P. 415
 Bruin G. de 120
 Budnar M. 120
- C**
 Cassar M. 120
 Cobres J.P. 416
 Courier R. 143
- D**
 Denisov V. 86
- F**
 Feigelmanas N. 467
 Freiherr v. F.A. 416
- G**
 Glaister G.A. 467
 Glennys Y. 127
 Gmelin J.G. 525
 Gottwald C. 415, 416
 Gottwald J.C. 416
 Götz A. 126

Graaf T. de 86

Haar I. 127

Haga L.P. 235

Hösler J. 440

Hübner J. 416

Jaspers K. 126

Jegelevicius S. 259, 260

Kaunas D. 467

Klimavicius R. 259, 260

Kocka J. 127

Kolar J. 120

Kralj Cigić I. 120

Kulecka A. 112

Laucevičius E. 467

Malešič J. 120

Margócsy D. 415

Markwick R. 440

Maton W.G. 415

Menart E. 120

Messerschmidt D.G. 291, 525

Mienicki R. 259

Možir A. 120

Navickienė A. 467

Neevel J.G. 120

Pallas P.S. 291, 525

Penny H.G. 475

Pihlar B. 120

Porck H.J. 120

Rackett T. 415

Reissland B. 120

Robien van Gulik 120

Schröter J.S. 415

Simčič J. 120

Schönwälder K. 127

Schöttler P. 126, 127

Sloane H. 415, 416

Steemers T. 120

Steller G.W. 525

Strahlenberg Ph.I. 291

Strlič M. 120

Svetozarova N. 86

Teygeler R. 120

Tyomkin E.N. 40

Uschmann G. 291

Vid Simon Šelih 120

Waksman S.A. 143

Wegewitz E. 475

Wenzel C. 155

Wolf U. 127

Wolochowicz M. 291

Zorn v. Plobsheim 416

Zytkowicz L. 259

Научное издание

Фундаментальная наука:
проблемы изучения, сохранения и реставрации
документального наследия.
Материалы Международной научной конференции,
Москва, Архив РАН, 4–7 июня 2013 г.

Редактор М.А. Новикова
Компьютерная верстка Ю.В. Балабанов

Подписано в печать 28.11.2013. Формат 70x100/16. Печать офсетная
Гарнитура PetersburgTT
Тираж 300 экз. Печ. л. 35. Усл. печ. л. 35. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495)988-63-87

